АКАДЕМИК

В. В. БАРТОЛЬД

СОЧИНЕНИЯ

III

Академик

В. В. БАРТОЛЬД

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1965

Академик

В. В. БАРТОЛЬД

III

РАБОТЫ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1965

Bayer

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. М. Беленицкий, А. Н. Болдырев, Ю. Э. Брегель, И. Н. Винников, Б. Г. Гафуров (председатель), *А. Н. Кононов* (зам. председателя), *М. Е. Массон, И. П. Петрушевский, А. С. Тверитинова, И. И. Умняков*

III том подготовлен к изданию

О. Г. Большаковым

Ответственный редактор тома

А. М. Беленицкий

Редакторы издательства

Н. Г. Михайлова и С. Б. Певзнер

Индекс 1-6-2
Подписное

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историческая география Средней Азии была создана трудами В. В. Бартольда, который уделял ей большое внимание на протяжении всей своей научной деятельности. Она не была для него перечнем средневековых городов и селений, которые нужно знать, чтобы представить себе границы феодальных владений и направление походов, а сама по себе была историей страны. Только блестящее знание исторической географии позволило ему решительно и навсегда покончить с реакционной теорией постепенного усыхания Средней Азии, отвергавшей возможность ее дальнейшего прогресса.

Но не только в прошлое был обращен взгляд исследователя; по его мнению, знание географических условий прошлого полезно для настоящего, в частности знание истории ирригации Средней Азии помогает при проектировании новых ирригационных систем. Говоря о значении арабской географической литературы для изучения прошлого, он писал: «Достоверные рассказы арабских географов о состоянии Туркестана тысячу лет назад не только являются истинным кладом для изучающих прошлое страны, но могут быть полезны для лиц, на обязанности которых лежит исследование производительных сил края и возможное их использование в настоящее время» [1].

Историко-географические работы В. В. Бартольда по сей день не утратили своего значения благодаря исчерпывающему привлечению сведений письменных источников, хотя археологи и добавили к ним много нового.

В настоящем томе собраны основные историко-географические работы В. В. Бартольда, но вопросы исторической географии разрабатывались также во многих археологических статьях, публикуемых в IV томе; не вошла в данный том также большая монография «Историко-географический обзор Ирана» (1903), которая будет помещена в VII томе «Сочинений», где собраны все работы В. В. Бартольда, посвященные Ирану.

Центральное место в III томе занимают две монографии: «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века» и «К истории орошения Туркестана». Первая из них была опубликована в 1902 г. в связи с комплексным исследованием Аральского моря,

[1] См. ниже, стр. 274.

предпринятым Туркестанским отделом Русского географического общества. По выходе в свет она заинтересовала не только узкий круг историков-востоковедов, но и представителей естественных наук, в первую очередь геологов и географов.

Причина интереса, вызванного указанной монографией, заключается в значительности затронутой темы — истории нижнего течения Аму-Дарьи и Узбоя — и в неопровержимой убедительности выводов В. В. Бартольда, основанных на критическом исследовании письменных источников, многие из которых им впервые введены в научный обиход. В своем труде В. В. Бартольд выступил, с одной стороны, против мнения такого авторитетного востоковеда, каким был де Гуе, а с другой — против мнения геологов и вышел победителем из этого спора.

Свидетельством интереса к «Сведениям об Аральском море» служит издание их в 1910 г. на немецком языке в Германии.

Выводы В. В. Бартольда относительно аму-дарьинской проблемы вскоре получили полное признание. С особой гордостью подчеркивал он тот факт, что историческое исследование смогло исправить ошибки геологов и географов. В этом он видел доказательство объективной истинности исторических исследований. О том, какое значение имела эта работа для самого Бартольда, мы узнаем из его писем известному ташкентскому деятелю Н. П. Остроумову [2]. Отчасти взгляды свои В. В. Бартольд излагает и в рассматриваемом сочинении, но в письмах они изложены с большей непосредственностью, заслуживая того, чтобы их здесь привести. Первое упоминание об этой работе мы находим в письме, датированном 21.XII.1901 г. В нем говорится: «В Зап[исках] Вост[очного] Отд[еления] печатаю несколько небольших статей, особенно меня интересует вопрос о прежнем течении Аму-Дарьи. Вопреки мнению геологов, исторические известия решительно говорят в пользу факта, что река с XIII до XVI в. впадала в Каспийское море».

В письме от 29.IX.1908 г. В. В. Бартольд сообщает своему адресату: «Главная книжная новость последнего времени — объемистая диссертация Берга об Аральском море [3], вероятно полученная и в Туркестане. Для меня особенно приятно, что взгляд на впадение Аму-Дарьи через Узбой с XIII по XVI в. в Каспийское море, который натуралисты прежде, с высоты своего научного величия, объявляли „несогласным с несомненными данными геологии и палеонтологии", теперь в диссертации натуралиста признается совершенно правильным. Помимо торжества для меня лично, этот факт кажется мне не лишенным значения и с общей м е т о д о-

[2] Благодаря любезности Т. Г. Хатисовой мы получили возможность пользоваться копиями писем В. В. Бартольда к Н. П. Остроумову, находящимися в архиве А. Ю. Якубовского, за что приносим ей искреннюю благодарность. Оригиналы хранятся в Государственном архиве Узбекской ССР. О них см. Шахматов — Киреев, *Из неопубликованных писем.*

[3] Берг, *Аральское море.*

логической точки зрения; по-видимому, средства к установлению истины, которыми располагаем мы, историки, далеко не в такой степени уступают тем средствам, находящимся в распоряжении натуралистов, как последние иногда воображают».

В другом письме, от 15.XI.1910 г., В. В. Бартольд писал: «Недавно я имел возможность убедиться, что теперь на факт впадения Аму-Дарьи до XVI в. в Каспийское море, что еще так недавно считалось абсурдом, ссылаются как на общепризнанную истину, не нуждающуюся в доказательствах, причем уже не считают нужным называть имя того, кто это установил. Для меня такое молчаливое признание результатов моей работы всегда было гораздо приятнее всяких похвал устных, письменных и печатных».

И, наконец, в письме от 26.V.1926 г., сообщая о своих работах в константинопольских библиотеках, он пишет: «В автографе одного из трудов Бируни нашел новые сведения об Аму-Дарье. Окончательно установлено, что арабские авторы ничего не знали о выходе Узбоя из Сарыкамышской котловины и считали русло Узбоя у Балхана продолжением рукава, будто бы некогда отделявшегося от Аму-Дарьи значительно выше южной границы Хорезма».

Здесь будет уместным отметить, что в результате обширных археолого-географических исследований, проводившихся в 50-х годах текущего столетия в низовьях Аму-Дарьи, включая и район Сарыкамыша и Узбоя, проблема, занимавшая В. В. Бартольда, стала снова предметом интенсивной разработки. При этом хронологические рамки проблемы были значительно расширены, включая и доисторические времена. Наиболее важными результатами этих исследований явилось установление факта обитания человека вдоль берегов Узбоя в эпоху неолита (IV—II тысячелетия до н. э.). В последующий этап — эпоху энеолита и бронзы — следы пребывания человека оказались значительно менее выразительными. По предположению исследователей, «Узбой. . . полностью прекратил свое существование на протяжении первой половины I тысячелетия до н. э.» [4].

Для собственно исторических периодов, когда появляются первые сообщения письменных источников, сделаны такие выводы: «В последующий, античный период (VI в. до н. э.—IV в. н. э) картина заселенности берегов Узбоя еще сильнее меняется. Античных поселений оседлых племен на его берегах нет совсем». Приводятся свидетельства «об отсутствии в античное время не только земледельческих поселений, но и постоянных торговых путей по Узбою, возникающих лишь около X в.» [5].

Отметим здесь, что при исследовании этой проблемы большое значение имел отрывок из географического сочинения Бируни, написанного

---

[4] *Низовья Аму-Дарьи*, стр. 23.

[5] Там же.

в 1025 г., обнаруженный В. В. Бартольдом в уникальной рукописи, находящейся в Стамбуле [6].

Что касается периода XIII—XVI вв., который в рассматриваемом труде особенно интересовал В. В. Бартольда, то новейшие исследования, о которых идет речь, в целом подтвердили данные исторических источников, приведенные В. В. Бартольдом, правда с некоторыми ограничениями в смысле длительности и объема течения воды по всему Узбою. В этот период, согласно последним исследованиям, «в моменты максимального подъема уровня Сарыкамышского озера вода могла переливаться в Узбой, но лишь в небольших количествах и ненадолго. Именно к этому времени (1392—1417 гг.) относятся наиболее важные свидетельства восточных авторов об обводнении Узбоя» [7]. Таковы выводы, к которым пришли исследователи, пользовавшиеся современными методами и средствами науки; эти выводы вполне совпали с теми, которые были сделаны В. В. Бартольдом на основе анализа письменных источников.

Ответом на актуальные запросы являлось и второе, наиболее крупное сочинение, помещаемое в настоящем томе, «К истории орошения Туркестана», в котором обобщены все доступные ко времени его написания сведения по вопросам орошения всей Средней Азии в древности и средние века. В письмах к Н. П. Остроумову мы находим несколько интересных замечаний также и в отношении этого труда, судьба которого сложилась иначе, чем судьба первой книги. Так, в связи со своим уходом с поста редактора журнала «Мир ислама» В. В. Бартольд в письме от 28.IX.1912 г. сообщал: «. . . свою неудачу мы встретили как нечто вполне естественное и отнюдь не намерены впасть в уныние и сложить руки. Недостатка в работе не будет, даже в работе злободневной, не говоря уже о работе „для потомства“. Едва успел развязаться с чужим ведомством [8], как получил предложение от другого: кн. Масальский от имени своего ведомства [9] обратился ко мне с просьбой составить свод известий об орошении края в прежние века. Помимо своего практического значения, работа, вероятно, пригодится еще тем, что уничтожит дикие представления о высокой культуре края, будто бы уничтоженной мусульманами, сказки о кошках, прыгавших с крыши на крышу от Чиназа до Джизака и от Чиназа до Казалинска».

---

[6] Волин, *К истории древнего Хорезма*, стр. 193 и сл. Ср. *Низовья Аму-Дарьи*, стр. 8 и сл.

[7] *Низовья Аму-Дарьи*, стр. 31; ср. также опубликованную в 1962 г. книгу С. П. Толстова «По древним дельтам». В обеих работах приводится полная библиография по данному вопросу. К сожалению, С. П. Толстов нигде не отметил, что его первоначальное категорическое заявление, что «Бартольд был неправ», сделанное в 1948 г. (*По следам*, стр. 306), в значительной мере опровергается результатами работ руководимой им экспедиции.

[8] По-видимому, речь идет о министерстве внутренних дел, в связи с требованием которого В. В. Бартольд сложил с себя обязанности редактора журнала «Мир ислама».

[9] В. И. Масальский был начальником департамента земледелия.

Книга вышла из печати уже после того, как началась первая мировая война. Но даже в условиях военного времени такой труд не мог пройти незамеченным. Вот что пишет В. В. Бартольд Н. П. Остроумову 24.III.1915 г.: «Здесь особенных новостей нет, все же, несмотря на тяжелое время, наука понемногу двигается. Моя работа для Главного управления земледелия принесла ту пользу, что для этого ведомства теперь понятна связь между археологией и оросительными работами. Начальник изысканий в Хивинском ханстве обратился ко мне с предложением, нельзя ли прикомандировать к изысканиям ученого на средства какого-нибудь учреждения, заинтересованного в деле археологического изучения Края».

В научном наследстве В. В. Бартольда книга «К истории орошения Туркестана» по праву занимает одно из первых мест. Она до сих пор остается единственной сводкой сведений о средневековых оросительных системах, без нее не может обойтись ни один исследователь истории древней и средневековой ирригации Средней Азии.

Следующий раздел тома состоит из нескольких небольших заметок по исторической топографии и рецензий. Эти рецензии — образец строгой и непримиримой ко всяким недоделкам научной критики. Особенно показательна в этом отношении рецензия на книгу Ле Стрэнджа «Страны Восточного халифата», в которой скрупулезно, с привлечением письменных источников анализируются ошибки работы одного из известных востоковедов и показывается, как необходимы осторожность в подходе к источникам и серьезное отношение к средневековой терминологии. В этой рецензии В. В. Бартольд продемонстрировал также, что уже в то время нельзя было заниматься историей Ближнего Востока и Средней Азии без знания русской востоковедной литературы.

Раздел заключает статья «Будущее Туркестана и следы его прошлого», которая резюмирует выводы многолетних исследований автора по истории орошения и одновременно является программой археологических исследований в этом направлении для только что возникавшей в то время в Средней Азии археологической науки.

Более трети тома занимают историко-географические статьи из «Энциклопедии ислама», касающиеся обширной территории — от Крыма и Поволжья до Монголии. В этих статьях В. В. Бартольд старался возможно лучше ознакомить европейских ученых с достижениями русской науки, которая в ту пору зачастую оказывалась за пределами их поля зрения. Некоторые статьи, как, например, «Аральское море» и «Аму-Дарья», являются сжатым изложением выводов его исследований по аму-дарьинской проблеме.

Из множества других статей по своему объему и богатству заключенных в них сведений выделяются статьи о Бухаре, Фергане, Дагестане и Дербенте.

Из 111 историко-географических статей, опубликованных в «Энциклопедии ислама», нами были опущены 9: «Аккерман», «Альма», «Ахалцих»,

«Ашхабад», «Байдар», «Геокчай», «Кара-кум», «Карасу-Базар», «Кызылкум», поскольку они содержали либо только общие географические сведения, либо полностью устарели.

В некоторых из публикуемых нами статей также имеются статистические и экономико-географические данные, относящиеся к началу XX в., но мы не опускали их и не снабжали примечаниями о современном состоянии. Лишь в тех случаях, когда В. В. Бартольд приводил сведения о численности населения, в примечаниях указываются современные статистические данные.

Естественно, что сейчас, благодаря археологическим работам последних десятилетий, которыми охвачены все районы Средней Азии, многие наши представления об исторической географии и топографии значительно изменились. Так, начальные периоды истории ирригации отодвинулись далеко в глубь веков. И если В. В. Бартольд рассматривал историю ирригации Средней Азии начиная с VI в. до н. э., то сейчас данные археологии свидетельствуют о том, что зарождение искусственного орошения восходит по крайней мере ко II тысячелетию до н. э. Добытые археологами материалы часто совершенно по-новому характеризуют древние города и поселения, о которых при жизни В. В. Бартольда известно было едва ли многим больше, чем их названия, не говоря уже о том, что открыто множество археологических памятников, о которых в письменных источниках никаких упоминаний не сохранилось. Даже для средневековья сделаны исключительно важные открытия.

Дополнительные сведения по исторической топографии получены также благодаря ряду публикаций новых письменных источников, таких, например, как документы из архива джуйбарских шейхов[10] или бухарские земельные акты XVI—XVIII вв.[11], и благодаря исследованию этнографами некоторых городов [12].

Но, несмотря на все эти дополнения, работы В. В. Бартольда не стали достоянием только лишь истории науки, а по-прежнему служат и будут служить надежным фундаментом всех новейших исследований в данной области.

Текст тома подготовлен к изданию О. Г. Большаковым. Им же составлены библиография и указатели, а также переведено с немецкого большинство статей из «Энциклопедии ислама»; часть статей переведена Л. Е. Куббелем (точные указания см. в Библиографической справке в конце настоящего тома).

Примечания в угловых скобках принадлежат О. Г. Большакову, за исключением случаев, когда их автор специально указан.

Работа «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи» печа-

---

[10] См.: *Из архива шейхов Джуйбари*; Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов*.

[11] *Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве.*

[12] См., напр.: Сухарева, *К истории*; ее же, *Позднефеодальный город Бухара.*

тается по тексту первого русского издания 1902 г. с учетом поправок и дополнений, внесенных в авторизованный немецкий перевод 1910 г.; сверка с немецким переводом и перевод предисловия сделаны О. Г. Большаковым. Доклад «Дорожник от Бистама до Куня-Ургенча» печатается по рукописи, хранящейся в Архиве АН СССР в Ленинграде (фонд 68, опись 1, № 62; шесть небольших листков, исписанных с двух сторон, и большой лист, на одной стороне которого текст, а на другой — таблица; ср. ЗВОРАО, т. XV, стр. VI—VII).

Транскрипция китайских имен и географических названий проверена Л. Н. Меньшиковым. В составлении указателей большое участие принимала К. Г. Большакова.

А. М. Беленицкий, О. Г. Большаков

СВЕДЕНИЯ ОБ АРАЛЬСКОМ МОРЕ И НИЗОВЬЯХ АМУ-ДАРЬИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XVII ВЕКА

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Как известно, так называемую проблему Окса, которой посвящена настоящая работа, вышедшая на русском языке еще в 1902 г., многократно объявляли окончательно решенной. Возвращение к подобной проблеме может оправдаться только в том случае, если будет привлечен не использованный до сих пор материал источников и если этот материал будет иметь решающее значение для ответа на соответствующие вопросы. В данном случае можно еще добавить, что, пожалуй, ни в одной проблеме судьбы научной географии вообще не отражаются так отчетливо, как в этой.

Недостаточность греческой науки обнаруживается здесь особенно отчетливо. Почти два столетия греческие наместники и правители царствовали на Оксе; на Каспийском море греческое владычество было менее продолжительным, но и за это время была снаряжена особая экспедиция для исследования моря; и все-таки грекам остались неизвестными как устья Окса, так и география восточного берега Каспийского моря. Окс и Яксарт считались притоками Каспийского моря; расстояние между обеими реками в среднем течении, установленное уже во времена Александра, было перенесено на их устья. Географам древности не были известны ни Аральское море, в которое, без сомнения, уже тогда впадал Яксарт и по крайней мере часть Окса, ни степное плато Устюрт, которое даже независимо от Аральского моря должно было преградить Яксарту путь к Каспийскому морю. В таком виде известия о Каспийском море и его мнимых притоках были включены в труд Птолемея, в котором греческая география достигла своей вершины и который еще полтора тысячелетия спустя считался высшим авторитетом в вопросах географии. Еще в XVII в. «некоторые добрые друзья в университетах» упрекали честного Олеария, «почему он при составлении географической карты Персии и особенно Каспийского моря отошел от всемирно известных древних географов — Птолемея, Страбона, Дионисия, Александра и других».

Когда арабы переняли культурную работу, прерванную в Европе, то в основу арабской географии был также положен труд Птолемея; однако, вероятно, ни в одной области арабы не превзошли своих греческих учителей так быстро и так основательно, как в этой. В первой половине IX в. н. э. этот греческий фундаментальный труд впервые был переведен на арабский; арабские географы этого столетия сохраняли еще некоторые ошибочные сведения своих греческих источников, среди них со-

общение о впадении Окса в Каспийское море. Но уже географам X в. мы обязаны тщательно разработанным, почти свободным от привнесенных географических ошибок описанием всех стран ислама от Пиренеев до Китая и Индии — достижением, которым может гордиться любой культурный народ и рядом с которым научная география греко-македонской и римской мировых держав не может поставить ничего равноценного. Значение этого достижения для проблем географии до сих пор не оценено полностью. Из географической литературы арабов мы узнаем, что соотношение между землями, пригодными для обработки, и пустыней в Персии и Средней Азии еще 1000 лет назад было примерно тем же, что и теперь. В отношении Персии на это указал уже В. Томашек [1]. Несмотря на это, и ныне часто утверждают, что упадок культуры в этих странах следует объяснять не политическими, а климатическими причинами, что количество осадков там в историческое время, по достоверным сведениям, значительно сократилось и что никакие политические изменения не смогли бы изменить судьбу культурных областей, «неминуемо обреченных на упадок». Этих и подобных утверждений наука могла бы избежать, изучая арабских географов.

Отдельные арабские карты были использованы европейцами уже в средневековье; отдельные труды арабских географов появились уже в XVII в. в латинском переводе; все же подробные и точные сообщения арабов о Каспийском и Аральском морях, об Оксе и Яксарте не оказали никакого влияния на европейскую науку. То, что Западная Европа могла бы узнать от арабов еще 800 лет назад, она узнала лишь в XVIII в. от русских. Исправление прежних взглядов на Окс, Яксарт и Каспийское море принадлежит к первым достижениям русских исследований, заимствованным западноевропейской наукой. На карте, изготовленной Ремезовым в 1697 г., Аральское море (Море Аральско) впервые изображено как внутреннее озеро, полностью отделенное от Каспийского моря, в которое впадают «Амун-Дарья» (Аму-Дарья, Окс), «Сырт» (Сыр-Дарья, Яксарт) и много небольших речек [2]. Более подробные сведения о географии этой области были собраны в России в начале XVIII в. и сообщены Петром Великим отчасти лично (во время его пребывания в Париже в 1717 г.), отчасти в письмах французскому придворному географу Делилю. На делилевской карте 1723 г. Аральское море впервые названо Аральским, хотя грек Василий Ватаци утверждает, что он принес в Европу первое известие об этом море и произвел этим в 1732 г. в Лондоне большую сенсацию [3]. Во всяком случае карты XVIII в. доказывают, что о географии соответствующей области имели еще очень неясное представление и старались спасти как можно больше утверждений греческих географов; Делиль

---

[1] *Zur historischen Topographie*, II, S. 561—562.

[2] См. теперь воспроизведение этой карты у Л. Берга, *Аральское море*, к стр. 44.

[3] Legrand, *Voyages de Bastle Vatace*, pp. 188, 214, 269.

провел даже реку от Аральского моря к северной части Каспийского, назвав ее «древним течением реки Сыр» [4].

Если Окс теперь впадает только в Аральское море, то только ли из-за «неведения» древние заставляли реку впадать в Каспийское море, как это считает Василий Ватаци? Этот вопрос должен был прийти в голову всякому, кому было известно, что уже в 1713 г. туркмен Ходжа Нефес принес в Россию известие о сухом русле реки у Балханской бухты на Каспийском море, которое сами туземцы считали прежним руслом Окса. Ходжа Нефес, как сообщают, утверждал, что хивинцы лишь совсем недавно отвели реку в другом направлении из страха перед русскими, вследствие чего прежнее русло пересохло. Что такое русло имеется на самом деле, подтвердила экспедиция, снаряженная Петром Великим. Вскоре после этого шведские пленные привезли из Сибири в Европу экземпляр «Родословной тюрок», написанный хивинским ханом Абулгази (род. в 1603, ум. в 1663 г.); из этого труда было заимствовано сообщение, что еще в XVI в. Окс изливался в Каспийское море и лишь за 30 лет до рождения автора (следовательно, около 1570 г.) проложил себе новый путь к Аральскому морю. Таким образом, был найден туземный источник, который, казалось, полностью подтверждает сведения греческих географов. Пока был известен только этот источник, пришлось прийти к заключению, что водный путь от Индии до Кавказа, упоминаемый Страбоном и Плинием, существовал до XVI в. и может быть восстановлен без особого труда, поскольку река лишь так недавно повернула свои воды к Аральскому морю.

Этот взгляд не мог больше удерживаться, когда в первой половине XIX в. лучше познакомились со сведениями арабских географов. Выяснилось, что уже у географов X в. находятся подробные сведения о впадении Окса в Аральское море, зато уже около этого времени ничего не говорится о впадении в Каспийское море. Некоторые, как, например, Сен-Мартен, уже тогда пришли к выводу, что Окс, так же как Яксарт, никогда в историческое время не имел связи с Каспийским морем и что известия древних, как и рассказ Абулгази (даже подлинность этого рассказа оспаривалась), следует отвергнуть. Другие, особенно А. Гумбольдт [5], пытались устранить противоречие предположением о «раздвоении»: река с древнейших времен до XVI в. изливалась одним рукавом в Аральское море, другим — в Каспийское море; большинству писателей был известен только один из этих двух рукавов; лишь в XVI в. левый рукав окончательно пересох.

Последующие исследователи, как, например, Ролинсон, Ленц, Лерх и др., постепенно пришли к пониманию того, что попытка согласовать в этом смысле все известия от Аристобула (современника Александра) до Абулгази не может иметь никакой надежды на успех; что сообщения древних свидетельствуют только об их неосведомленности о действительном положении дел; что подробные известия арабских географов X в.

[4] Берг, *Аральское море*, стр. 52. [5] *Asie Centrale*, t. II, p. 147 sq.

не только не подтверждают предположения о раздвоении Окса в то время, но безусловно исключают ее. Бифуркация Окса в историческое время все-таки принимается, но ограничивается значительно более коротким временем (два-три столетия). Узбой в таком случае должен был образоваться лишь после XIII в. Последнее мнение было впервые опровергнуто де Гуе, благодаря эпохальному труду которого «Das alte Bett des Oxus» (1875) историческое исследование проблемы Окса было надолго закончено. В нем впервые было указано, что Узбой упоминается в X в. как сухое русло. Сообщениям XIV и XV вв., которые заставляют Окс изливаться в Каспийское море, противопоставлены другие сообщения, которые по-прежнему говорят только о впадении в Аральское море; этим последним сообщениям отдается предпочтение, а все противоположные известия, среди них также рассказ Абулгази, возводятся к недоразумениям и ошибочным взглядам. Результат исследования таков: «Начиная с древнейших времен, от которых у нас только сохранились достоверные известия, Окс впадал только в Хорезмское озеро (Аральское море)».

Этот результат исторического исследования позже (1898 г.) был распространен И. Вальтером [6] на основе геологических наблюдений также и на доисторическое время. При обследовании мнимого русла у Балханской бухты даже на глубине 35 *м* не было обнаружено никаких следов аму-дарьинского ила. По И. Вальтеру, Узбой поэтому вообще не мог быть руслом реки; мнимое «старое русло Окса» — всего лишь углубление, возникшее вследствие деятельности дождевых потоков, подобно *вади* в Африке [7]. Как там туземцы часто принимают такие вади за высохшие рукава Нила, так и здесь возникла легенда о прежнем течении Окса. Решение проблемы Окса И. Вальтер формулирует в следующей фразе: «Древняя река никогда не текла на запад к Каспию, она всегда текла на север к Аральскому морю».

Для научного исследования изыскания И. Вальтера не имели большого значения; Узбой и местность между нынешним и предполагаемым прежним руслом еще раньше были тщательно изучены и описаны русскими исследователями. Со времени основания Красноводска (1869 г.) и завоевания Хивы (1873 г.) в этот район было выслано множество русских экспедиций; результаты первых экспедиций были использованы уже в монографии де Гуе; результаты дальнейших исследований были подробнейшим образом рассмотрены А. Коншиным в работе под названием: «Разъяснение вопроса о древнем течении Аму-Дарьи». После этой работы едва ли могло оставаться сомнение в том, что предположение о раздвоении реки полностью соответствует условиям поверхности в нижней части русла. Эта область понижается не только на север, к Аральскому морю, но и на запад,

[6] *Das Oxusproblem*, S. 204—214.

[7] То же мнение еще ранее было высказано некоторыми русскими исследователями, например, проф. К. Богдановичем (Берг, *Аральское море*, стр. 91); ср. также выводы покойного генерала А. Комарова (*Возражения*, стр. XI—XII).

к небольшой, ныне пересохшей котловине озера, к Сарыкамышу; сейчас только в самом глубоком месте этой котловины, 15 *м* ниже уровня Каспийского моря, сохранились два небольших соленых озера. Между Сарыкамышем и Аральским морем находится еще одна пересохшая котловина, Айбугир. В давнопрошедшие времена Аральское море, должно быть, соединялось через Айбугир с Сарыкамышем. Что Сарыкамыш еще в историческое время мог принимать часть Окса, признано де Гуе на основании исторических сведений и полностью подтверждено исследованиями Коншина. Северная часть Сарыкамыша и в настоящее время заполнена аму-дарьинским илом, повсюду сохранились следы ирригационных сооружений [8]. Немного южнее этой котловины начинается Узбой и идет к Каспийскому морю. Узбой и по Коншину нельзя считать старым руслом Окса. Подробно обосновывается мнение, уже высказывавшееся ранее другими исследователями (напр., в 1879 г. Гедройцем) [9]: Узбой вообще не сухое русло, а пролив, образовавшийся при отделении (тогда еще объединенных) бассейнов Аральского моря и Сарыкамыша от Каспийского моря. Остатков аму-дарьинского ила там не имеется; да и по другим признакам Узбой никогда не был наполнен водой Окса, в нем была только соленая вода. Исторические свидетельства, которые заставляют Окс с XIII по XVI в. течь в Каспийское море, согласно Коншину, могут быть отнесены только к Сарыкамышу, а не к этому морю. К сожалению, все свидетельства, приведенные Коншиным, заимствованы из одной лишь «Asie Centrale» Гумбольдта; даже монография де Гуе осталась ему неизвестна.

Что этот вопрос должен быть еще раз исследован с точки зрения историка, мне стало ясно лишь в 1897 г. На основании того же материала, который имел перед собой де Гуе, я пришел тогда к заключению, что принципы исторической критики требуют иного решения проблемы, так как все сообщения, которые в XIV и XV вв. заставляют по-прежнему Окс впадать только в Аральское море, почти дословно выписаны из сочинений X в., зато в противоположных сообщениях нельзя указать никаких следов какой-либо зависимости от географов древности или ранних арабских географов; кроме того, нельзя усомниться в том, что авторам этих сообщений также были известны сочинения географов X в.

Позже, с 1901 г., мне удалось привлечь и другой, не использованный де Гуе материал. Выяснилось, что не только у Абулгази, исторические сообщения которого, по мнению де Гуе, находятся под влиянием ошибочных географических представлений, но и в значительно более ранних исторических сочинениях, в которых нельзя найти ни следа каких-либо географических предрассудков, Узбой предстает как русло Окса, наполненное

[8] <Об ирригационных сооружениях у Сарыкамыша см. *Низовья Аму-Дарьи*, стр. 236—261.>

[9] Этот взгляд поддержан также проф. Мушкетовым (*Туркестан*, стр. 698 и сл.) и благодаря научному авторитету этого ученого возведен в ранг несомненной истины, которая не требует больше никаких доказательств.

водой. Рассказ подобного рода имеется у Хондемира, который как географ, подобно большинству своих современников, рабски переписывает сведения географов X в. и поэтому сообщает только об одном устье Окса (у Аральского моря). Это противоречие автора самому себе, естественно, более показательно для достоверности его исторических сообщений, чем взгляд, последовательно проводимый Абулгази. После этого открытия у меня не оставалось никакого сомнения, что точка зрения, представленная де Гуе и геологами, не может быть правильной.

В это же время (1899 г.) Туркестанский отдел императорского Русского географического общества независимо от проблемы Окса решил еще раз исследовать Аральское море. Л. Берг, которому было дано это поручение, уже в 1901 г. опубликовал в журнале «Землеведение» краткое физико-географическое описание озера [10]; в 1902 г. работы были почти окончены (только на северном берегу еще в 1906 г. проводились некоторые наблюдения; отношение Аральского моря к Сарыкамышу и Узбою Берг также рассматривал тогда в духе теории Коншина). Сначала результаты моих исследований были встречены в Туркестане с большим недоверием; поэтому мне пришлось, не беря на себя решение геологических и физико-географических вопросов, еще раз указать, на какое значение могут претендовать привлеченные мной согласно принципам исторической критики сообщения источников. После этого мне предложили в качестве приложения к «Научным результатам Аральской экспедиции» дать сводку исторических сведений об Аральском море и нижнем течении Окса. Однако вскоре выяснилось, что это возможно выполнить только в виде самостоятельной монографии, а не в форме короткой заметки, как того желало <Географическое> общество. Монография была напечатана летом 1902 г. в «Известиях» Общества и позже использована Л. Бергом в его работе «Аральское море. Опыт физико-географической монографии», вышедшей в 1908 г. И теперь взгляды Берга не совсем совпадали с результатами моих исследований; согласно Бергу, главный рукав Окса постоянно изливался в Аральское море, даже в период с XIII по XVI в. только сравнительно небольшая часть вод реки могла, по его мнению, достигать Сарыкамыша и через Узбой Каспийского моря. Но теперь Берг признает, что этот последний факт нельзя больше оспаривать, и пытается показать, что геологические и физико-географические условия Узбоя также не противоречат ни в коей мере этому выводу исторического исследования.

Учитывая это, не будет слишком смелым утверждать: судьбы проблемы Окса могут служить доказательством того, что научное познание иногда может быть больше продвинуто методами исторического исследования, которые столь часто подвергают сомнению, чем якобы безошибочными методами так называемых точных наук.

Западноевропейская наука после де Гуе и Вальтера мало интересо-

[10] <Берг, *Очерк Аральского моря.*>

валась проблемой Окса. Результаты моих исследований были приведены в ежегодных обзорах для «MSOS» [11], составленных мною самим, но, кажется, остались без внимания, так же как и короткие заметки об этом в парижских «Annales de géographie». Независимо от меня Ле Стрэндж [12] в 1905 г. пришел к выводу, что, несмотря на утверждения де Гуе, данные Хамдаллаха Казвини, Хафиз-и Абру и Абулгази не могут быть опровергнуты. Де Гуе [13] ответил на это ссылкой на свою монографию 1875 г. (которую Ле Стрэндж тоже цитировал); де Гуе сожалеет, что в общем полезная книга Ле Стрэнджа в данном случае распространит «в корне неверное» представление. Что после 1875 г. были приведены новые доказательства факта впадения Окса в Каспийское море, явно не было известно тогда ни де Гуе, ни Ле Стрэнджу. Когда мне поручили составление статьи «Аму-Дарья» для «Энциклопедии ислама», то я, естественно, использовал и этот случай, чтобы обратить внимание западноевропейских ориенталистов на соответствующие сообщения источников; к сожалению, это смогло произойти лишь после кончины великого голландского ориенталиста, чье признание имело бы для меня наибольшую ценность.

Если теперь, кроме этого, широкому кругу немецких читателей предлагается полный перевод моей монографии 1902 г., то это происходит только по желанию господина издателя этой серии. Русская работа, напечатанная в Ташкенте, была, естественно, в первую очередь предназначена для русского читателя в Средней Азии, что, понятно, не могло не оказать влияния на расположение и рассмотрение материала; чтобы полностью удовлетворить запросы нового круга читателей, эту работу в переводе следовало бы полностью переработать — такую задачу не мог взять на себя ни я, ни переводчик. При чтении корректур я (а частично издатель) кое-что добавил, кое-что вычеркнул, некоторые цитаты заменил указанием работ, более доступных западноевропейским читателям, была также принята во внимание литература, вышедшая после 1902 г., для каждого свидетельства, по возможности, дан первоисточник. При проверке перевода я обращал внимание только на то, чтобы было правильно передано содержание оригинала; за форму ответствен только издатель, так же как и за транскрипцию имен собственных [14].

---

[11] Barthold, *Russische Arbeiten [1898]*, S. 85; idem, *Russische Arbeiten [1901]*, S. 46; idem, *Russische Arbeiten [1902]*, S. 20.

[12] Le Strange, *The Lands*, p. 458. [13] De Goeje, DLZ, 1905, № 45.

[14] Поскольку читатель постоянно отсылается к работе де Гуе, мне лично казалось самым целесообразным возможно меньше отклоняться от принятой в этой работе системы транскрипции, проведенной, к сожалению, непоследовательно; впрочем, господину издателю была предоставлена полная свобода решать этот вопрос по своему усмотрению. <В настоящем издании учтены все дополнения и изменения, сделанные В. В. Бартольдом в немецком переводе. Однако нами были сохранены отдельные места, опущенные в немецком издании (главным образом, ссылки на некоторые русские работы, которые, по-видимому, В. В. Бартольд считал недоступными западноевропейским читателям). Транскрипция соответствует той, что принята в издании «Сочинений».>

<ПРЕДИСЛОВИЕ>

Вопрос о том, впадала ли Аму-Дарья еще в историческое время в Каспийское море, давно уже является предметом географических, геологических и исторических изысканий. Еще недавно этому вопросу придавали также практическое значение; доказывали возможность и необходимость вновь направить реку в Каспийское море и образовать таким образом непрерывный водный путь от границ Афганистана в Европейскую Россию. Теперь этот проект едва ли имеет сторонников; сам вопрос представляет только академический интерес, но среди научных вопросов продолжает занимать выдающееся место. Вопрос о том, какое направление в разные эпохи имела река, которой определяется вся жизнь орошаемой ею страны, имеет существенное значение для всех, кто занимается выяснением истории земной поверхности или истории населения Средней Азии. Разрешение вопроса требует совместной работы представителей нескольких специальностей; выводы, основанные на изучении современного состояния русла Аму-Дарьи и Узбоя и котловин Арала и Сарыкамыша, нуждаются в проверке путем критического рассмотрения известий историков, географов и путешественников разных эпох. Аму-дарьинскому вопросу посвятил исследование один из наиболее выдающихся ориенталистов-историков нашего времени, де Гуе [1]; его выводы совершенно совпали с выводами представителей естествознания, из которых многие в настоящее время склонны сдать вопрос в архив в качестве решенного. Ближайшее рассмотрение данных, собранных в исследовании де Гуе, привело меня к противоположному выводу; кроме того, мне удалось найти некоторые новые данные, на которые прежде не было обращено внимания и которые также, на мой взгляд, опровергают как взгляды де Гуе, так и взгляды, господствующие в настоящее время в геологической науке [2]. Одновременно с этим Туркестанский отдел ИРГО предпринял исследование Аральского моря, причем также выяснились некоторые новые факты, важные для решения аму-дарьинского вопроса. Ввиду этого мне было предложено составить для «Известий» Отдела свод исторических данных об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи. Для выяснения вопроса о направлении Аму-Дарьи мне придется в некоторых случаях коснуться также известий о Каспийском море, особенно о его восточном побережье.

[1] *Das alte Bett des Oxus.*

[2] Статьи: *Хафизи-Абру, По поводу аму-дарьинского вопроса, К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море.* Ср. теперь: Берг, *Аральское море.*

I

Области Средней Азии сравнительно поздно вошли в круг исторической жизни. Сказания древних о походах ассирийских царей на Бактрию опровергаются ассирийскими надписями, из которых видно, что даже в эпоху величайшего могущества Ассирии (IX и VIII вв. до н. э.) войска ассирийских царей не заходили на восток дальше Демавенда. Ввиду этого должны быть безусловно отвергнуты попытки найти сведения о Средней Азии или ее населении в ассирийских и вавилонских надписях [3] или в библейских книгах [4]. Ассирийцы знали о существовании Каспийского моря, которое в их надписях носит название «Восточного» [5].

Только с образованием персидской монархии в VI в. до н. э. среднеазиатские области были присоединены к культурному миру Передней Азии. Северо-восточной границей государства была река Сыр-Дарья; о покорении среднеазиатских народов персами мы не имеем сколько-нибудь точных данных; из рассказов о походах Александра Македонского мы знаем, что основание главного укрепленного города в бассейне Сыр-Дарьи приписывалось Киру [6]; вообще нет основания сомневаться в том, что государство уже при Кире достигло крайних пределов своего распространения на северо-востоке [7]. Государство, основанное Киром, получило правильное устройство при Дарии (521—485). В знаменитой Бисутунской надписи Дарий среди подчиненных ему 23 провинций называет область хорезмийцев [8]; та же область упоминается и в других надписях этого царя, но без сообщения каких-либо подробностей о стране или происходивших в ней событиях.

К той же эпохе относятся древнейшие известия греческих писателей о Каспийском море и соседних странах.

Предшественник Геродота Гекатей милетский [9] называет Каспийское

---

[3] В эту ошибку впадает еще Г. Е. Грум-Гржимайло (*Описание путешествия*, т. II, стр. 5).

[4] Фантастическая теория г-на А. Чайковского (*Туркестан*; его же, *Далекое прошлое Туркестана*) еще до сих пор вводит в заблуждение некоторых путешественников.

[5] Winckler, *Untersuchungen*, S. 111—112.

[6] О Кирополе Арриан, IV, 3, 1; Курций, VII, 6, 20.

[7] Winckler, *Das alte Westasien*, S. 137.

[8] Ménant, *Les Achéménides*, p. 105. В общем трижды: Bh I, 6; Dar. pers. e, 2; NRa, 3.

[9] Hecataei *Fragmenta*, № 172, 173 (FHG, I, p. 12a).

море Гирканским, по имени известной области на юго-восточном берегу моря (то же самое название сохранилось до сих пор в названии реки Гюргеи), и, по-видимому, знал главным образом западное и южное побережье, как можно видеть из его слов, «что вокруг Гирканского моря расположены высокие горы, покрытые густым лесом». О «городе Хорасмии» (Χοραστίη) и стране народа «хорасмийцев» говорится, что город и страна были расположены к востоку от Парфии (т. е. нынешнего Хорасана), что страна состояла из равнин и гор и что на горах росли дикие древесные растения: вид артишок (ἄκανθα κονάρα), ива, тамарикс.

Геродот первый называет море Каспийским, по имени народа каспиев, жившего, судя по известиям более поздних географов, на юго-западном берегу [10]. Геродот знал, что Каспийское море не соединяется ни с каким другим (I, 202), и указывает его размеры: в длину 15 дней плавания на веслах, в ширину, в самом широком месте, 8 дней (I, 203) [11]. На западном берегу моря возвышался Кавказ; к востоку простиралась «необозримая равнина» (πεδίον πλῆθος ἄπειρον εἰς ἄποφιν), значительная часть которой была занята народом массагетов. Описывая поход Кира на этот народ, Геродот заставляет Кира переправляться через реку Аракс, но тут же (I, 202) замечает, что «Аракс вытекает из страны матиенов, как и река Гинд, которую Кир разделил на 360 каналов»; о последнем событии сам Геродот говорит при описании похода Кира на Вавилон; Гинд, по его словам, «вытекает из матиенских гор и впадает в другую реку, Тигр» (I, 189). В Гинде древних авторов видят обыкновенно известный приток Тигра, Диялу [12]. В другом месте (IV, 40) о реке Араксе также говорится, что она течет на восток. Таким образом, Геродот вообще понимает под Араксом ту же реку, которая носит это название теперь, но в некоторых местах смешивает эту реку с какой-то другой, через которую переправлялся Кир в стране к востоку от Каспийского моря. Обыкновенно полагают, что эта последняя река — Сыр-Дарья и что ошибка Геродота произошла вследствие созвучия слов Аракс и Яксарт. Трудно сказать, относится ли к настоящему Араксу или к реке, впадавшей в Каспийское море с востока, замечание Геродота, что река при устье разделяется на 40 рукавов, из которых один «течет по открытой местности в Каспийское море», а другие «впадают в болота и лагуны, где, как говорят, живут люди, питающиеся сырыми рыбами и одевающиеся в кожи тюленей» (I, 202).

Перечисляя сатрапии Дария, Геродот (III, 93) объединяет в одну са-

[10] Forbiger, *Handbuch*, S. 452. О месте обитания каспиев ср. теперь также Marquart, *Untersuchungen*, H. II, S. 28, Anm. Как доказывают слова Страбона (502), каспии вымерли уже в I в. до н. э.

[11] Ввиду безлюдности восточного побережья ширина моря, вероятно, определялась по диагонали от юго-восточного берега; еще Истахри замечает, что при благоприятном ветре можно переехать море в ширину от Табаристана (Мазандерана) до Дербента в одну неделю (Истахри, 226—227).

[12] Коншин (*Разъяснение*, стр. 166) и Глуховской (*Пропуск вод Аму-Дарьи*, стр. 2) ошибочно смешивают Гинд с Индом и вообще неточно передают слова Геродота.

трапию (16-ю) «парфян, хорасмийцев, согдийцев и арийцев» (жителей Арианы); в надписях Дария каждая из четырех областей (Парфия, Хорезм, Согдиана и Ариана) названа в качестве особой провинции. Полагают, что геродотовский список сатрапий, вопреки словам самого Геродота, относится к более поздней эпохе, к царствованию Артаксеркса I (464—425) [13]; но список сатрапий у Геродота вообще внушает большие сомнения; иногда один и тот же народ назван в двух местах; трудно допустить, чтобы Согдиана когда-нибудь входила в состав одного наместничества с Хорезмом и Парфией и была отделена от Бактрии. Наиболее тесная связь существовала между хорезмийцами и парфянами; в войске Ксеркса парфяне и хорезмийцы составляли один отряд и находились под начальством одного предводителя (VII, 66). О местоположении Хорезма, даже по отношению к Парфии, Геродот не говорит; зато мы находим у него известие, хотя и очень темное, о большой реке, которой пользовались как сами хорезмийцы, так и их соседи (III, 117):

«Есть в Азии долина, окруженная со всех сторон горами: в горах пять проходов; когда-то эта долина принадлежала хорасмийцам, находясь на границе земель самих хорасмийцев, парфян, сарангов [14] и фаманейцев, а с тех пор как господство перешло к персам, она принадлежит [персидскому] царю. Из окрестных гор течет большая река; имя ее Ак (Ἄκης). Прежде река орошала земли упомянутых народов, причем отовсюду были проведены каналы, и каждый народ приводил к себе воду по одному из проходов; но, с тех пор как они находятся под властью персов, их постигло следующее: запрудив выходы из гор, царь у каждого выхода поставил ворота; воде был закрыт выход, и долина внутри гор обратилась в озеро, так как в нее входила река, а выхода нигде не имела. Для тех, кто раньше привык пользоваться водой, лишение возможности пользоваться ею составляет большое бедствие. Зимой бог посылает им дождь, как и другим людям, а летом они, когда сеют просо и сезам, пользуются водой. Когда они перестают получать воду, то они идут со своими женами в страну персов, становятся у ворот царского дворца, кричат и плачут; царь тогда велит открыть соответствующие ворота тем, кто более всего нуждается [в воде]. Когда же земля достаточно пропитается водой, то эти ворота закрываются, и [царь] велит открыть ворота другим, кто более всего нуждается [в воде] из остальных. Как мне рассказывали, он за открытие ворот взимает большие деньги, независимо от [ежегодной] дани».

---

[13] Justi, *Geschichte*, S. 390. Маркварт (*Untersuchungen*, H. II, S. 171) считает что список податных округов «был не совсем удачно соединен из нескольких более древних источников, которые отличались друг от друга уже внешне, определенными формулами».

[14] Сарангами (др.-перс. *зранка*) назывались жители Сеистана, столица которого еще в средние века носила название Зерендж. Возможно, что в эпоху Геродота тот же народ жил несколько севернее. Маркварт (*Untersuchungen*, H. II, S. 176) отождествляет фаманейцев с арахосцами (жителями области Кандагар).

Название реки довольно близко подходит к древнему названию Аму-Дарьи [15] (Вахш); в пользу такого сближения говорит и принадлежность долины хорезмийцам; но действительно ли Аму-Дарья или какая-нибудь другая река имела в V в. до н. э. такое направление, что ею кроме хорезмийцев могли пользоваться парфяне, гирканцы и народы северо-западной части Афганистана, остается более чем сомнительно; подробности рассказа Геродота едва ли позволяют видеть в этом рассказе точное воспроизведение слов лица, хорошо знакомого с географическими условиями страны. Из приведенного рассказа можно сделать только один достоверный вывод: что земледелие в Средней Азии уже в эту эпоху было возможно только при условии искусственного орошения.

Со времени Геродота до Александра Македонского географические познания греков почти не увеличились. Ктесий, Ксенофонт и другие дают нам скудные известия о восточных областях государства [16], которые по степени культуры, конечно, значительно уступали западным. К такому заключению приводят как отзывы спутников Александра и писавших с их слов о нравах бактрийцев и согдийцев [17], так и все, что мы знаем о парфянах; едва ли хорезмийцы были образованнее своих соседей. До сих пор не найдено никаких указаний на существование письменности у иранцев до усвоения ими месопотамской культуры. Хорезмийский историк и астроном XI в. Бируни утверждает, что у хорезмийцев была эра на 980 лет древнее эры Александра (Селевкидской), т. е. начинавшаяся с 1292 г. до н. э.[18], и что эта дата выражала собой начало земледелия в стране. Ролинсон справедливо считает эту эру «скорее астрономической, чем политической», т. е. счетом, искусственно введенным в более поздние века на основании астрономических вычислений. С этим мнением соглашается и Захау, делающий попытку объяснить эту и другую хорезмийскую эру (с 1200 г. до н. э., со времени прибытия в Хорезм мифического Сиявуша) на основании преданий и космогонических представлений последователей Зороастра [19]. Едва ли можно думать, что у древних хорезмийцев были какие-

---

[15] См. мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 66; <наст. изд., т. I, стр. 115>.

[16] О картине географических условий Внутренней Азии, которую составил себе Аристотель, главным образом по Ктесию, см. теперь Bolchert, *Aristoteles Erdkunde*, S. 37 sq.

[17] Слова Страбона (XI, 11): τὸ μὲν οὖν παλαιὸν οὐ πολὺ διέφερον τοῖς βίοις καὶ τοῖς ἤθεσι τῶν Νομάδων οἵ τε Σογδιανοὶ καὶ οἱ Βακτριανοί. Контекст показывает, что выражение «в древности» означает «до Александра» (Бартольд, *Еще о самаркандских оссуариях*, стр. 0100).

[18] Явная ошибка или, вернее, обмолвка Григорьева (Риттер—Григорьев, *Восточный Туркестан*, вып. II, стр. 12—13: «эра, от которой вели хоразмийцы свое летосчисление, 980-ю годами древнее селевкидской, значит, начиналась она за 678 лет до Р. Х.») ввела в заблуждение Мушкетова (*Туркестан*, т. I, стр. 45) и Обручева (*Закаспийская низменность*, стр. 17).

[19] Sachau, *Zur Geschichte*, I, S. 9—19.

нибудь письменные памятники и что скудные известия греческих писателей когда-нибудь могут быть дополнены открытием местных надписей или других туземных источников.

Географические познания, с которыми Александр предпринял свой поход, были крайне скудны. Даже слова Геродота о том, что Каспийское море не соединяется ни с каким другим, были забыты или подверглись сомнению. Еще учитель Александра, Аристотель, говорит то же самое, хотя вместо одного внутреннего моря называет два, ошибочно отличая Гирканское море от Каспийского [20]. Поход Александра окончательно установил тождество обоих названий, но вопрос о соединении Каспийского моря с океаном оставался темным для Александра и его спутников; в последний год жизни Александра (323) даже была предпринята экспедиция, не состоявшаяся вследствие его смерти, для исследования вопроса, «с каким морем соединяется море, называемое Каспийским и Гирканским, соединяется ли оно с Понтом Евксинским, или океан, омывающий с востока Индию, образует Гирканский залив, подобно тому как Александру уже удалось установить, что таким заливом океана является Персидский залив или так называемое Красное море. Еще не было исследовано, где начинается Каспийское море, хотя вокруг него живет немалое число народов и хотя в него впадают судоходные реки» [21]. К этим рекам греческие авторы причисляют Аму-Дарью и Сыр-Дарью. Александр, как известно, не был в Хорезме, но переправлялся через Аму-Дарью и весной 328 г. принимал в Бактрах хорезмийского владетеля Фарасмана; тем не менее даже Аристобул, лично сопровождавший Александра и считающийся одним из более достоверных историков его походов [22], держался такого мнения об устье Аму-Дарьи; по словам Страбона, «Аристобул свидетельствует, что Окс — самая большая из виденных им рек, кроме индийских; он же говорит, что река судоходна (то же самое говорит и Эратосфен со слов Патрокла) и что по ней возят много индийских товаров в Гирканское море, откуда их переправляют в Албанию (область на низовьях Куры), а оттуда по Куру (Куре) и дальше привозят в Евксинское (Черное) море» [23]. Замечательно, что греки заставляли впадать в Каспийское море и Сыр-Дарью. До Александра, иногда и после него, Сыр-Дарью смешивали с Доном, считавшимся границей между Азией и Европой, и к обеим рекам прилагали одно и то же название, Танаис [24]. Арриан различает два Танаиса и описывает Сыр-Дарью в следующих словах: «из Мараканд (Самарканда) Александр двинулся к реке Танаису. Истоки этой реки, которой, по словам Аристобула, местные варвары дают еще другое название — Яксарт,

[20] Berger, *Geschichte*, Bd I, S. 31 с цитатой из Aristot. meteor. II, 1, 10.

[21] Арриан, VII, 16, 1—3.

[22] Новейшие ученые относятся к Аристобулу несколько более отрицательно (ср. Kaerst, *Geschichte*, S. 422).

[23] Страбон, 509; *Scriptores rerum Alexandri Magni*, p. 100a.

[24] Berger, *Geschichte*, Bd IV, S. 36.

также находятся в Кавказских горах [25], а впадает она также в Гирканское море» [26].

Несмотря на образование в Средней Азии сильного греко-бактрийского царства, греческим авторам и в последующие века не удалось получить более точные сведения о Каспийском море и странах к востоку от него. Рассказы историков Александра показывают, что Хорезм в эту эпоху не входил, как при Дарии, в состав персидской монархии, но, как впоследствии, в эпоху монгольского владычества [27], в политическом отношении составлял одно целое с юго-востоком нынешней Европейской России. По словам Арриана, владетель Хорезма Фарасман прибыл к Александру в Бактры весной 328 г. в сопровождении 1500 всадников; он говорил, что его страна граничит с Колхидой, и предлагал доставить Александру проводников и все необходимое для войска, если бы Александр предпринял поход к Черному морю. Александр, думавший тогда уже о походе в Индию, не мог воспользоваться этим предложением, но рекомендовал Фарасмана персу Артабазу, наместнику Бактрии, и сатрапам других соседних областей [28]. В том же 328 г. Артабаза сменил в качестве наместника Бактрии грек Аминта [29]; об отношениях его и возникшей впоследствии династии греко-бактрийских царей к Хорезму мы не имеем никаких известий.

План Александра — исследовать Каспийское море — был возобновлен при Селевке (312—280), причем это поручение было возложено на Патрокла, «мужа, казавшегося благоразумным и Селевку верным другом», как рекомендует его Плутарх [30]. Плаванию Патрокла посвящено исследование К. Нейманна [31], который доказывает, что Патрокл был на Каспийском море между 285 и 282 гг. Замечательно, что Патрокл не только вполне подтвердил мнение о впадении в Каспийское море Окса и Яксарта, но даже пришел к заключению, что Каспийское море соединяется на севере с океаном и что возможно плавание из прикаспийских стран в Индию мимо северного берега Азии. На основании приводимого им расстояния вдоль южного берега Каспийского моря и дальше до устья Окса (4800 стадий, т. е. около 840 верст) Нейманн приходит к выводу, что Патрокл принял за устье большой реки пролив, соединяющий Каспийское море с заливом Кара-Бугаз. Едва ли, однако, Патрокл мог принять за реку пролив, по которому соленые воды текут из моря в залив, а не обратно.

---

[25] Как известно, греки соединяли под этим названием горные цепи, прорезывающие Азию, до Гималаев включительно, ср. ibid., Bd III, S. 90.

[26] Арриан, III, 30, 7.

[27] На эту аналогию указывает Гутшмид, *Geschichte Irans*, S. 10.

[28] Арриан, IV, 15, 4—5. По Курцию (VIII, 1, 8), хорезмийский владетель, которого он называет Фратаферном, только отправил послов к Александру.

[29] Арриан, IV, 17, 3.

[30] Demetr., 47.

[31] *Die Fahrt des Patrocles.*

Сочинения Патрокла не дошли до нас, но его взгляды господствовали в науке в течение нескольких столетий. Александрийский ученый Эратосфен (275—194), предложивший систему объяснения устройства вселенной, черпал свои сведения о Каспийском море и прилегающих к нему областях главным образом из сочинений Патрокла [32]; взгляды Эратосфена в общем были приняты также Страбоном (род. ок. 63 г. до н. э.). Несмотря на расширение географических познаний греков благодаря походам Александра, Селевкидов и бактрийских царей, эти взгляды представляют значительный шаг назад по сравнению со взглядами Геродота. По Эратосфену и Страбону, Каспийское море занимает с запада на восток значительно большее пространство, чем с юга на север, и узким проливом соединяется с Северным океаном; с востока в него впадают судоходные реки Окс и Яксарт; расстояние между устьями обеих рек 2400 стадий (около 420 верст) или, по Патроклу, 80 парасангов [33] (фарсахов). Замечательно, что эта цифра приблизительно соответствует расстоянию между устьями Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи вдоль берега Аральского моря [34]. Правильный взгляд на Каспийское море, как на внутренний, не соединяющийся с океаном бассейн, был вновь установлен только Птолемеем [35] (II в. н. э.); в том, что Каспий занимает с запада на восток большее пространство, чем с юга на север, и что в него впадают Окс и Яксарт, не сомневался, насколько известно, ни один географ древности.

Рассказам древних о судоходстве по Оксу до самого устья противоречат, однако, рассказы некоторых ученых той же эпохи о громадном водопаде при впадении Окса в море. Евдокс, живший, по всей вероятности, в III в. до н. э.[36], говорит об этом, по словам Страбона [37], следующее: «Около Гирканского моря находятся скалистые с пещерами высоты, а между ними и морем — низменный берег. Реки, низвергающиеся с высоких обрывов, текут вниз с такой стремительностью, что вода от стен скал падает прямо в море, а берег остается сухим, и под водопадом могут проходить даже войска».

О том же водопаде более подробно говорит Полибий (208—127), сомневающийся, однако, в его существовании. По словам Полибия (X, 48), «аспасиаки живут в местности между Оксом и Танаисом, из которых первый впадает в Гирканское море, а Танаис — в Меотийское болото [38]; обе

[32] О влиянии Патрокла на Эратосфена см. Berger, *Geschichte*, Bd III, S. 58, 69.

[33] Страбон, XI, 11; Forbiger, *Handbuch*, S. 32, 78.

[34] Нейманн (*Die Fahrt des Patrocles*, S. 179) полагает, что к низовьям рек ошибочно было отнесено расстояние между ними на пути из Балха к Ходженду, приблизительно соответствующее приведенной цифре.

[35] Бергер (*Geschichte*, Bd IV, S. 95—96) справедливо объясняет этот факт восстановлением торгового пути к северу от Каспийского моря.

[36] О времени жизни Евдокса см. ibid., Bd II, S. 71—72.

[37] Страбон, 510.

[38] Полибий принадлежит к числу авторов, смешивавших Сыр-Дарью с Доном; см. выше, стр. 27.

реки по своей величине судоходны, и кажется удивительным, каким образом кочевники переправляются через Окс со своими конями, отправляясь сухим путем в Гирканию. Есть об этом два рассказа, из которых один правдоподобный, а другой невероятный, хотя не невозможный. Именно, Окс имеет свои истоки в кавказских горах; реки, впадающие в него в Бактриане, значительно увеличивают в нем количество воды; после этого он несется по ровной местности обильным и мутным потоком. Достигнув пустыни, поток по некоторым крутым скалам пробивает себе путь силой, благодаря своей величине и [присоединению] вод с лежащих выше мест, так что поток низвергается в местности под скалой на расстоянии более стадия (около 90 саженей). Говорят, что аспасиаки проходят со своими конями в Гирканию по этому месту, у самой скалы, под низвергающимся потоком реки. Другой рассказ имеет более правдоподобный вид, чем предыдущий. Именно, в местности выше [по течению реки] есть большие глыбы камня (μεγάλους πλαταμῶνας), к которым низвергается [река]; их она силою течения выдалбливает, разрывает и протекает небольшое пространство под землей, на [некоторой] глубине, потом снова показывается; варвары, знакомые с местностью, по этому промежуточному месту проходят в Гирканию со своими конями».

Трудно сказать, лежит ли в основании этих рассказов факт существования водопадов на Узбое, или, как полагают некоторые, фантастическое предание, придуманное для объяснения постоянных вторжений северных кочевников в Гирканию; греки были убеждены, что к северу от Гиркании в Каспийское море впадает Окс, и старались объяснить себе, каким образом кочевники обходят это препятствие [39].

У некоторых греческих авторов находят намек на существование Аральского моря. Так, о кочевом народе даев (Δάες) у Страбона говорится, что он жил к востоку от Каспийского моря и в то же время что он вышел из страны «за Танаисом и Меотидой»; Гутшмид [40] полагает, что под этими названиями в этом случае следует понимать Сыр-Дарью и Аральское море. К последнему относят также слова некоторых авторов об «Оксийском болоте» (Ὠξιανὴ λίμνη, palus Oxiana); однако еще Птолемей понимает под этим названием небольшое озеро вблизи Окса, образованное какой-то степной рекой, по мнению некоторых — озеро, образованное Зеравшаном [41].

Римские писатели черпали свои географические сведения главным образом из греческих источников; непосредственные сведения о прикаспийских областях римляне могли получить во время походов Помпея,

[39] Forbiger, *Handbuch*, S. 79: «Hätte man gewußt, daß ihnen (den Scythen) hier gar kein Fluß im Wege war und daß weder der Oxus noch der Jaxartes so weit westlich bis zum M. Caspium reichen, so würde man auch schwerlich von diesem wunderbaren Wasserfalle etwas erwähnt finden».

[40] *Geschichte Irans*, S. 31.

[41] Forbiger, *Handbuch*, S. 76.

который в 66 г. до н. э. доходил до Куры. Плиний [42] приводит слова современника Помпея, известного Варрона (116—27), написавшего, между прочим, три книги о Помпее [43]; по словам Варрона, во время этого похода были собраны сведения о торговом пути из Индии; товары шли из Индии семь дней до Бактрианы, именно до устья Икара, впадающего в Окс, оттуда перевозились по Оксу в Каспийское море, дальше по морю и по Куре, от Куры в 5 дней сухим путем до Фасиса на Черном море (Поти).

В I в. н. э. римляне имели непосредственные сношения с Гирканией, отделившейся в 58 г. от парфянского государства; уже в 59 г. в Риме было гирканское посольство [44]; однако эти сношения, насколько известно, не расширили географических познаний римлян.

Неизвестно, из какого источника историк IV в. Аммиан Марцеллин заимствовал свои любопытные сведения об Оксийском болоте (XXIII, 6, 59): «Между горами, которые называются Согдийскими, текут две реки, вполне судоходные, Араксат и Дима; через горные хребты и долины они стремительно низвергаются [45] в равнину, покрытую лугами, где образуют болото, называемое Оксийским и занимающее обширное пространство». Аммиан Марцеллин — первый и единственный из древних писателей, в словах которого можно видеть ясное указание на Аральское море [46]; но он еще не знал, что одна из двух впадающих в это море рек — тот же Окс, о котором говорят его предшественники; «многоводное течение Окса» (immania Oxi fluenta) названо у него отдельно (XXIII, 6, 57). Название Demus или Dymus прилагается другими авторами к одному из верхних притоков Яксарта [47].

Приведенные данные показывают, что древние авторы имели только крайне неясные сведения о прикаспийских странах; поэтому мы, несмотря на согласное свидетельство этих авторов, не решаемся утверждать, что Аму-Дарья в эту эпоху действительно впадала в Каспийское море. Умолчание тех же авторов об Аральском море еще менее дает нам право прийти

---

[42] Historia Nat., VI, 19 (по одному делению), VI, 52 (по другому): «adicit idem (M. Varro) Pompei ductu exploratum, in Bactros VII diebus ex India perveniri ad Bactrum flumen quod in Oxum influat et ex eo per Caspium in Cyrum subvectos et V non amplius dierum terreno itinere ad Phasim in Pontum Indicas posse devehi merces».

[43] Schaefer, *Abriß der Quellenkunde*, S. 75; Модестов, *Лекции*, стр. 349; Schanz, *Geschichte der römischen Literatur*, Bd I, S. 368.

[44] Gutschmid, *Geschichte Irans*, S. 130, 134.

[45] Совсем другой смысл получается при чтении Гардтхаузена: «a l i i fluvii decurrentes Oxiam nomine paluden efficiunt»; <Ammian Marcellin, ed. Gardthausen, XXIII, 6, 59>.

[46] Forbiger, *Handbuch*, S. 76: «. . . sub imis montium pedibus, quos appellant Sogdios; inter quos amnes duo fluunt navium capacissimi, Araxates et Dymas, qui per juga vallesque praecipites in campestrem planitiem decurrentes Oxiam nomine paludem efficiunt longe lateque diffusam».

[47] Ibid., S. 77. По китайским источникам, название Думо носила Кашка-Дарья; см. Бичурин, *Собрание сведений*, III, 203; теперь также Chavannes, *Documents*, p. 146.

к заключению, что этого моря в то время не существовало. Что такое заключение было бы ошибочным, видно, между прочим, из китайских известий, начинающихся со II в. до н. э.

Западные области Средней Азии «открыл» для китайцев Чжан Цянь, отправленный китайским правительством в 138 г. до н. э. на запад для искания союзников против хуннов; по дороге он был захвачен последними и достиг Западного Туркестана только в 128 г., где пробыл до 126 г. Сведения из отчета Чжан Цяня [48] вошли в состав «Исторических записок» Сыма Цяня. Чжан Цянь был в Фергане и в областях к западу и к юго-западу от нее до Балха; о странах, лежащих дальше к западу, он мог собрать только распросные сведения. По его словам, все реки к западу от Юйтяня (Хотана) впадали в «Западное» море; в то же время о стране Яньцай, лежавшей к северо-западу от страны Кангюй (а последняя — к северо-западу от Ферганы), говорится, что она «лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть Северное море». Последние слова китайского текста, приведенные нами по переводу о. Иакинфа Бичурина, толкуются различно; в переводе Броссе [49], которым пользовался Гутшмид [50], говорится о «большом озере, на берегах которого нет гор»; по переводу проф. Хирта страна «лежит у большого озера, которое не имеет берегов и которое поэтому считают Северным морем». Река Аму-Дарья упоминается под названием Гуйшуй; о том, куда впадает река, не говорится; подтверждаются слова классических писателей об Аму-Дарье, как о торговом пути: «По реке Гуйшуй живут торговцы и купцы, которые и сухим путем, и водою развозят свои товары по соседним владениям, даже за несколько тысяч ли» (ли — около $^1/_2$ версты[51]). Бактрийские купцы ездили в Индию, откуда привозили, между прочим, и китайские товары (бамбуковые посохи и холсты), проникавшие тогда в Туркестан только этим кружным путем.

Со времени Чжан Цяня начались дипломатические и торговые сношения Западного Туркестана с Китаем. В последующих китайских исторических сочинениях мы находим некоторые сведения о туркестанских областях, преимущественно о восточной части страны; сведения о западных областях менее определенны, хотя китайские посланники и даже военные отряды в конце I в. н. э. проникли довольно далеко на запад. Слова Чжан Цяня и последующих авторов во всяком случае свидетельствуют о существовании большого озера на северо-западе, т. е. Аральского моря. В «Истории старшего дома Хань» (сведения I в. до н. э.) об этом озере и

---

[48] О них см. Бичурин, *Собрание сведений*, III, 1—16; Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen*, S. 249—250; idem, *Zur Kulturgeschichte der Chinesen*, S. 11—12.

[49] *Relation*, p. 424: «ils sont voisins d'un grand lac sans montagnes sur ses rivages; c'est la mer du Nord».

[50] *Geschichte Irans*, S. 68: «ohne feste Ufer», что не вполне соответствует переводу Броссе.

[51] <В древности и средневековье—$^1/_3$ версты; ср. наст. изд., т. I, стр. 134, прим. 7.>

о стране Яньцай, по-видимому, говорится в тех же словах, как у Чжан Цяня; по переводу о. Иакинфа [52]: «. . . оно (государство Яньцай) прилегает к великому озеру, имеющему отлогие берега. Это есть Северное море». В «Истории младшего дома Хань» (сведения II в. н. э.) прибавлено, что страна Яньцай носит также название Аланья[53], из чего видно, что имеется в виду народ, известный классическим писателям под названием аланов. Кочевья этого народа иранского происхождения, известного также под названием аорсов (транскрипцией последнего названия Хирт [54] считает китайское Яньцай), могли доходить на востоке до низовьев Сыр-Дарьи; к сожалению, китайцы не говорят, впадала ли в «Северное море» какая-нибудь большая река. Что касается «Западного моря», в которое впадали, по китайским известиям, реки страны, то известия о нем менее определенны. Гутшмид и Хирт полагают, что под этим названием также следует понимать Аральское море. О более позднем китайском историке, авторе «Истории династии Вэй» (написанной в VI в.), Хирт говорит, что он «несомненно имел в виду только восточные пределы (страны аланов) к северу от Аральского моря, к которому, вероятно, относится выражение „большое озеро"; существование обширных водных пространств дальше к западу, именно Каспийского и Черного морей, было ему так же мало известно, как более ранним географам классической древности различие между Аральским и Каспийским морями. Перед воображением китайцев носилась страна, отстоявшая только на 16 000 ли от китайской столицы Дай» [55] (находившейся, по словам Хирта, в северной части провинции Шаньси) [56]. В связи с расстояниями, указанными от того же города до городов бассейна Тарима, это расстояние приводит нас только к Аральскому морю. О других морях китайцы несомненно также слышали, но относили эти рассказы все к тому же известному им бассейну. Так, по мнению Хирта, даже слова Чжан Цяня о большом озере, «не имеющем берегов», объясняются рассказами, которые он мог слышать у индо-скифов или бактрийцев о судоходстве на Черном море; Черное море с одной стороны могло считаться большим озером, с другой — все-таки было соединено с океаном [57]. Другими словами, Хирт полагает, что, как классические писатели знали только Каспийское море и относили к нему рассказы, в которых имелся в виду Арал, так китайцы, зная только восточный берег Аральского моря и не имея понятия о его действительном протяжении, относили

---

[52] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 58.

[53] Там же, III, 121; ср. Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen*, S. 250.

[54] *Ueber Wolga-Hunnen*, S. 251. Шлегель и Маркварт оспаривают это мнение по лингвистическим соображениям; согласно Маркварту (*Untersuchungen*, H. II, S. 240), «древнее произношение Am-tsai» должно передавать название массагеты, что мне кажется в высшей степени сомнительным.

[55] Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen*, S. 251.

[56] Ibid., S. 248.

[57] Ibid., S. 252—253.

к нему то, что им рассказывали о Каспийском или даже Черном морях. До «Северного моря» в 94 г. доходил китайский полководец Бань Чао; это известие Гутшмид [58] также относит к Аральскому морю. В 97 г. Бань Чао отправил на запад посланника Гань Ина, который «доходил до Западного моря и возвратился» [59]. О том же посольстве в другом месте [60] говорится, что Гань Ин был отправлен в Дацинь. «По прибытии в Тяочжи к великому морю он хотел отправиться далее. Судохозяева на западной границе Аньси (страны парфян) сказали ему, что море очень пространно и для совершения обоюдного пути при хорошем ветре потребно три месяца, а при слабом — около двух лет; почему отправляющиеся в море запасаются хлебом на три года. В морском плавании усиливается тоска по родине, отчего некоторые умирают. Ин, услышав это, оставил намерение». Под названием Тяочжи китайцы понимали юго-западную часть Персии и Месопотамию, позднейшее «государство Босы» [61] (персидскую монархию Сасанидов). По-видимому, Гань Ин доходил до Индийского океана [62]. По справедливому замечанию Хирта [63], китайцы знали только о существовании азиатской части Римской империи и считали столицей государства Антиохию (в «Истории Северных дворов», по переводу Иакинфа [64], Аньду). Жители страны Дацинь вели выгодную морскую торговлю «с Аньси и Индией», но в то же время можно было «обойти море северной его стороной и проникнуть в Дацинь по западную сторону моря» [65].

Река Аму-Дарья упоминается в «Истории Северных дворов» (VI в.) и в более поздних сочинениях под названием Уху [66], Сыр-Дарья — под названием Яоша [67] (Яксарт, собств. Яхшарт [68]). К сожалению, и здесь

---

[58] *Geschichte Irans*, S 139 (с ссылкой на Mailla, *Histoire*, t. III, p. 397). В «Истории младшего дома Хань», по переводу Бичурина (*Собрание сведений*, III, 103), сказано только, что «все 50 владений признали себя зависимыми от Китая и представили заложников» и что все государства «до самого моря за 40 000 ли прислали с переводчиками дары двору»; о походе Бань Чао до Северного моря не говорится; сказано только, что он «разбил Харашар» (в Восточном Туркестане). По «Истории Северных дворов», Бань Чао «проник на запад даже до Западного моря» (Бичурин, *Собрание сведений*, III, 136).

[59] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 103.

[60] Там же, III, 115; Hirth, *China and the Roman Orient*, p. 39.

[61] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 114, 166. Хирт отождествляет Тяочжи с Халдеей (*Zur Kulturgeschichte der Chinesen*, S. 14).

[62] Однако еще Гутшмид (*Geschichte Irans*, S. 140) приводил его к Средиземному морю. Правильное объяснение дал еще Юл, *Cathay*, vol. I, p. LXI.

[63] *Zur Kulturgeschichte der Chinesen*, S. 19.

[64] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 173; Hirth, *China and the Roman Orient*, p. 48.

[65] Так по Бичурину, III, 117—118; несколько иначе у Хирта (*China and the Roman Orient*, pp. 42—43).

[66] <Вуху>. Бичурин, *Собрание сведений*, III, 188.

[67] Там же, III, 184.

[68] Marquart, *Die Chronologie*, S. 5. Впрочем, предложенное там объяснение на-

не говорится, доходила ли река до страны аланов; сведения об этой стране остаются столь же краткими, хотя аланские купцы еще в V в. приезжали для торговли в Китай [69]. О впадении рек в Северное море говорится, насколько известно, только в «Истории династии Тан»; по исследованию Хирта [70], сообщенные в этой истории географические данные восходят к Ду Хуаню, который в 751 г. был взят в плен арабами в битве при Таласе и только в 762 г. вернулся морским путем в Кантон. По его словам, «реки, текущие к северу от гор Лин (т. е. Тянь-Шаня), все текут через области тюрков и впадают в Северное море» [71]. По мнению Хирта [72], Аральское море, однако, упоминается в известиях, заимствованных из того же источника, под названием «Западного моря» (Сихай); к этому морю был путь от Таласа. Хорезм упоминается в «Истории старшего дома Хань» [73] под названием Юегянь <Юецзянь> (по мнению Иакинфа [74], Ургенч, т. е. древняя форма этого названия — Гургандж); о нем только говорится как об одном из «пяти малых кангюйских владений», без сообщения каких-либо подробностей. В «Истории династии Тан» о Хорезме («Хосюнь, иначе Холисими и Боли») говорится, что область лежит на южной стороне реки Уху и что она на северо-западе граничит с областью народа гэса (т. е. тюрков-гузов). «Из всех тюркских владений только здесь (в Хорезме) есть волы с телегами. Торговые употребляют их в своих путешествиях по разным странам» [75]. Последние слова, конечно, свидетельствуют о торговом значении Хорезма.

Таким образом, мы из китайских источников до VIII в. также не получаем точного и ясного понятия о географических условиях страны. Еще менее точных данных о течении и устьях Аму-Дарьи дают древнеиранские источники. Древнеперсидское название Аму-Дарьи было Вех-руд; в Бундехеше об этой реке говорится, что она впадает в Индийское море и там носит название Мехран, т. е. Аму-Дарья смешивается с Индом [76]. Взгляд на Инд и Аму-Дарью как на два рукава одной и той же реки мы встречаем еще у ранних арабских географов, как у Ибн Хордадбеха [77].

звания реки, производимое от иранского *йахша-арта* ('настоящий, чистый жемчуг'), невозможно лингвистически: как доказывают все имена собственные, образованные с *арта* (греческие Артакоана, Артаксата и т. д.), в этом случае название должно бы было звучать «Артайахша».

[69] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 166; Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen*, S. 248—249.

[70] *Nachworte*, S. 3, 70.

[71] Так по переводу Хирта (*Nachworte*, S. 70); в «Истории династии Тан», по переводу Бичурина (*Собрание сведений*, III, 244), сказано только, что реки, «текущие на север, проходят через тюркистанские земли и впадают в море».

[72] *Nachworte*, S. 71. В переводе Бичурина (*Собрание сведений*, III, 245) несколько иное понимание текста.

[73] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 58—59.

[74] Там же, III, 246. [75] Там же.

[76] Marquart, *Ērānšahr*, S. 148.

[77] Ибн Хордадбех, 135 (франц. пер.).

Еще в X в. Мас'уди считает необходимым серьезно опровергать взгляд, по которому Аму-Дарья одним рукавом впадает около Кермана в Индийский океан [78].

В известиях о династии Сасанидов (III—VII вв.) Хорезм почти не упоминается и не рассказывается никаких подробностей о каких-либо событиях или военных действиях на нижнем течении Аму-Дарьи. Для решения аму-дарьинского вопроса может, однако, иметь значение мнение одного из новейших ученых, Маркварта, по которому еще в V в. существовал город Балхан около гор того же имени, «на старом течении Окса, вероятно у Малого Балхана, к востоку от бухты Красноводска» [79]. Маркварт основывается на китайских известиях о движении на запад ветви юечжийцев (кушанов или эфталитов) под начальством царя Кидары (у китайцев Ци-до-ло; по имени вождя эта ветвь народа носит у греков название кидаритов); эти кушаны утвердились в городе Боло [80]. Из греческих источников мы знаем, что этот народ должен был вести борьбу с персами; по рассказу историка V в. Приска, в Константинополь в 468 г. прибыло персидское посольство с известием, что персы «одержали победу над кидаритскими гуннами и взяли их город Балаам» (Βαλαάμ) [81]. Прежние ученые, как Нёльдеке [82] и Гутшмид [83], видели в Боло китайских источников и в Балааме греческих город Балх; Маркварт доказывает, что указанное китайцами расстояние (15 760 ли от китайской столицы Дай, см. выше, стр. 33, и 2100 ли от области Фудиша, т. е. от Бадахшана [84]; что последняя цифра слишком велика для Балха, признает и Гутшмид) свидетельствует о более западном местоположении, тем более что в той же «Истории Северных дворов», откуда заимствовано это известие, Балх упоминается под названием Бочжи, в 13 320 ли от города Дай [85]. Вследствие этого Маркварт считает китайское Боло и греческое Βαλαάμ различными транскрипциями названия Балхан. Приведенные цифры, конечно, не могут иметь решающего значения, тем более что для Ферганы, лежащей значительно восточнее Балха, указывается расстояние в 14 450 ли от Дай [86]. Более важно другое обстоятельство, также приводимое Марквартом, именно что, по согласному свидетельству византийских и мусульманских историков, военные действия между персами и кочевниками происходили в эту эпоху не около Балха, а в Гиркании; вследствие

---

[78] Мас'уди, *Танбйх*, 66.

[79] Marquart, *Ērānšahr*, S. 55. «Малый Балхан», очевидно, назван по ошибке автором, располагавшим, по его собственному признанию, очень скудным картографическим материалом.

[80] Ср. также Бичурин, *Собрание сведений*, III, 172.

[81] Marquart, *Ērānšahr*, S. 58.

[82] Табари, пер. Нёльдеке, 11.

[83] *Geschichte Irans*, S. 169.

[84] Ср. Бичурин, *Собрание сведений*, III, 179.

[85] Там же, III, 170.

[86] Там же, III, 166.

этого Нёльдеке [87] делает предположение, что владетели Бактрианы вооружили против персов кочевников туркменских степей. Однако мы знаем, что кидариты после своего пребывания в городе Боло перешли через Гиндукуш и завоевали часть Индии [88]; если помещать Боло у Балхана, то этот факт трудно поддается объяснению.

Успехи персов в областях к востоку от Каспийского моря были непродолжительны; последующие цари, даже великий Хосрой Ануширван (531—579), заботились только о защите от кочевников линии Гюргена [89]; по словам географа X в. Ибн Русте [90], Хосрой даже отказался от Гиркании и для защиты от набегов кочевников построил стену из кирпича от морского берега до гор на восточной границе Табаристана (Мазандерана), проходившей несколько юго-западнее города Астрабада. Прочное завоевание Туркестана удалось только арабам, которым мы обязаны также первыми подробными географическими описаниями страны. Прежде чем перейти к изложению арабских известий, мы должны еще упомянуть об отправленном в 568 г. византийском посольстве к туркам [91]; существует предположение, хотя и не вполне доказанное, что в рассказе об обратном путешествии этого посольства упоминаются Хорезм и Аральское море. Посол Земарх, покинув турецкую орду несколько западнее Таласа (хан двинулся из Таласа с намерением идти на персов), достиг страны холиатов, куда часть посольства прибыла еще раньше. Владетель холиатов получил позволение отправить своего посла в Византию; вместе с этим послом Земарх и его спутники переправились через реку Оих (Ὦήχ) и оттуда после долгого странствования прибыли к обширному озеру (или болоту λίμνη). Здесь они оставались три дня; часть посольства была отправлена в Византию «по кратчайшей дороге, проходившей через пустынную местность, совершенно лишенную воды». Земарх с остальными шел двенадцать дней вдоль песчаных берегов озера, причем эти переходы иногда были очень трудными, наконец достиг реки Их (Ἴχ=Эмба?), потом реки Даих (Δάΐχ, Яик, Урал), наконец по другим топким местностям (διὰ λιμνῶν ἑτέρων) прибыли к реке Аттиле (Итиль, Волга).

Гумбольдт, Клапрот и Лерх [92] полагали, что под «обширным озером»

---

[87] Табари, пер. Нёльдеке, 131.

[88] Об этом говорит и сам Маркварт (*Ērānšahr*, S. 58). <С. К. Кабанов считает, что город Боло располагался в Каршинском оазисе и соответствуст городищу Еркурган северо-западнее Карши (см. Кабанов, *К вопросу о столице кидаритов*).>

[89] Табари, пер. Нёльдеке, 158.

[90] Ибн Русте, 150.

[91] Рассказ об этом посольстве сохранил нам Менандр Протектор в своих *Excerpta de legationibus*. Подлинный текст был издан несколько раз: FHG, vol. IV, 235 sq.; Corpus script. hist. Byz., pars I, pp. 298—301; *Historici Graeci minores*, ed. Dindorfius, vol. II, p. 49, sq. Английский перевод в кн.: Yule, *Cathay*, vol. I, pp. CLX—CLXVI. На русском языке: Иловайский, *Разыскания*, стр. 248—251. <См. также> Chavannes, *Documents*, p. 235 sq.

[92] *Khiva oder Kharezm*, S. 24.

(λίμνη ἄπλεῖος καὶ εὐρεῖα) Земарха надо понимать Аральское море. Под Оихом одни понимали Сыр-Дарью, другие, как Лерх, Аму-Дарью; холиатов Лерх считает хорезмийцами. Однако при последнем объяснении остается непонятным целый ряд подробностей рассказа, именно слова о продолжительности странствования от берегов реки до озера; о двенадцати днях пути вдоль берегов последнего; о песчаном характере этих берегов (как известно, такой характер имеет только восточный берег Арала).

II

Хорезм был завоеван арабами в 712 г.; в рассказе об этом завоевании говорится только о взятии Хазараспа и столицы области Кята (ныне селение Шейх-Аббас-вели)[1]; после взятия столицы покорилась вся область, и дальше к северу арабы, насколько известно, уже не встретили сопротивления. Арабы сохранили местную династию хорезмшахов, но в то же время оставили в стране своего наместника; постепенно это двоевластие привело к распадению Хорезма на два самостоятельных владения, владение хорезмшахов с главным городом Кятом и владение арабских эмиров с главным городом Джурджанией (у туземцев Гургандж, около нынешнего Куня-Ургенча). Между обеими династиями происходили постоянные столкновения, и в 995 г. эмиры Гурганджа завоевали также и южную часть Хорезма [2].

Несмотря на образование арабского владения на низовьях реки, сведения первых арабских географов об устьях реки крайне неопределенны. Самый ранний из этих географов, Ибн Хордадбех (писал около 865 г.) [3], говорит, по толкованию де Гуе, о впадении реки в Аральское море, которое он называет «Курдерским озером» [4], по имени города, находившегося в дельте реки [5]; но это толкование остается спорным; по другому чтению (и по первому изданию текста, сделанному Барбье де Менаром), река впадала в Джурджанское, т. е. Каспийское, море. Другой географ IX в., Я'куби (891 г.), ясно говорит, что река впадала в Дейлемское, т. е. в Каспийское, море [6]. То же самое говорит и писавший около 903 г. Ибн ал-Факих, но в таких темных выражениях, которые заставляют предполагать искажение текста: «Река прорезывает Хорезм,

---

[1] Табари, II, 1238—1239. <Позднее город Шаббаз, ныне Бируни.>

[2] См. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 243, 275—276; <наст. изд., т. I, стр. 293, 324>.

[3] Так у де Гуе (*Das alte Bett des Oxus*, S. 8); ср. более позднее мнение де Гуе (BGA, VI, p. XX) о двух редакциях, первая из которых якобы была завершена в 846-47 г., а вторая в 885-86 г. Маркварт (*Streifzüge*, S. 390), напротив, старается доказать, что можно говорить только об одной редакции, законченной не ранее 885-86 г.

[4] Ибн Хордадбех, пер., 135; текст, 173.

[5] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 146, 151; <наст. изд., т. I, стр. 201, 207>.

[6] *Китаб ал-булдан*, 278.

впадает в Хорасанское море и вступает в Син» (Китай) [7]. Названные авторы не обнаруживают такого подробного знакомства с географией Средней Азии вообще и Хорезма в частности, чтобы мы на основании их слов имели право утверждать, что Аму-Дарья действительно до начала X в. впадала в Каспийское море [8].

В отчете экспедиции Глуховского [9] делается ссылка на надгробный камень около развалин Талайхан-Ата, на котором «хивинским муллой был прочитан 170 год хиджры»; но для лиц, знакомых с мусульманской палеографией, не может быть сомнения в том, что, если бы надпись действительно относилась ко II в., ее не мог бы прочитать ни один туземный мулла [10].

Подробные данные о низовьях Аму-Дарьи и Аральском море впервые дает Ибн Русте, писавший, как доказывает его издатель де Гуе [11], не раньше 903 г. и не позже 913 г., т. е. современник Ибн ал-Факиха. По его словам, «река образует водоемы, камышовые болота и луга на расстоянии около 4 фарсахов ниже города Хорезма (Кята). Потом она течет к западу (собств. в сторону киблы) от Хорезма между Джурджанией и Миздахканом; Джурджания на западной, Миздаккан на восточной стороне ее; Джурджания находится ниже города [Кята] на 24 фарсаха. К Миздаккану принадлежит селение на восточном берегу, по имени Херваз [12]; ниже его еще другое селение, потом третье; если плыть от этого места вниз по течению, то от реки отделяется рукав по левую сторону и течет до места, называемого Варагдех (собств. 'Селение плотины'), на 4 фарсаха ниже Джурджании. Здесь река подходит к селению Варагдех и горам, называемым Сиях-кух ('Черные горы'); отсюда спускаются вниз по течению к селению Берабид (?). Ниже селения река образует множество водоемов, носящих название Халиджан. Это то место, где ловится рыба, вывозимая из Хорезма в [разные] стороны. Сама река впадает в озеро, имеющее в окружности около 80 фарсахов; по западному берегу его тянутся горы, называемые Сиях-кух, по восточному берегу — болота, покрытые густыми зарослями сросшихся деревьев; почти невозможно проникнуть туда и пройти там иначе, как по узкой и неровной дороге, проложенной входившими и выходившими кабанами,

---

[7] Ибн ал-Факих, 324.

[8] Против такого предположения говорит и существование города Курдера, который упоминается у Табари (II, 1525) под 110/728 г.; в этом году здесь произошло восстание против арабов, поддержанное турками.

[9] *Пропуск вод Аму-Дарьи*, стр. 8.

[10] <Это замечание в такой общей и категорической форме вряд ли можно считать справедливым. — *А. Беленицкий.*>

[11] Ибн Русте, V—VI. Другая датировка (для меня неубедительная) у Марквардта, *Streifzüge*, S. 25 sq.

[12] В моем труде *Туркестан* (ч. II, стр. 150, 153) по ошибке Херавез; <следует исправить также в наст. изд., т. I, стр. 206 и 208>.

и [по дороге] у конца (края?) берега в сторону севера, по которой проходит владетель так называемого „Нового селения“» [13].

Последующие географы подробнее перечисляют каналы реки и города на берегах ее, но ни один из них не дает нам таких точных сведений о низовьях Аму-Дарьи и о берегах Арала, как Ибн Русте. Ближайший по времени географ, Истахри, писавший около 961 г., пользовался не дошедшим до нас трудом своего предшественника ал-Балхи; в свою очередь труд Истахри был вновь издан и дополнен Ибн Хаукалем (около 976 г.); относительно Аму-Дарьи и Аральского моря Ибн Хаукаль почти ничего не прибавляет к труду своего предшественника. У Истахри мы находим следующие сведения: «От канала Ведак до города Хорезма (Кята) около 2 фарсахов. Ниже города в сторону Джурджании [отделяется] канал под названием Бувве (или Буе); вода его соединяется с водой Ведака в пределах селения, известного под названием Андерастан, несколько ниже, по направлению к Джурджании. Ведак больше Бувве; по обоим идут суда до места на расстоянии одной гальвы ($^1/_{24}$ фарсаха) от Джурджании; там есть плотина, задерживающая суда. От места соединения обоих каналов до Джурджании около одного перехода. К [городу] Курдеру проведен канал, начинающийся на 4 фарсаха ниже города Хорезма (Кята) из четырех мест, отстоящих недалеко одно от другого; [эти истоки] превращаются в один канал, равный Бувве и Ведаку после их соединения. Говорят, что Джейхун прежде протекал в этой местности; когда уменьшается вода в Джейхуне, она уменьшается и в этом канале. Против Гита [14], в степи, на расстоянии 1 фарсаха с северной стороны [реки] есть город по имени Медминия; он отстоит от Джейхуна на 4 фарсаха, но принадлежит к Джурджании; так произошло оттого, что река от Курдера изменила свое течение и проходит между Гитом и Медминией [15]. После Медминии на берегу нет населенного пункта. Между Джейхуном и [каналом] Курдером — округ (рустак) Миздахкан; между [городом] Миздахканом и Джейхуном — 2 фарсаха; он (город) лежит напротив Джурджании. К каждому селению между Курдером и городом [Кятом] проведен канал из Джейхуна: все эти ка-

---

[13] Ибн Русте, 91—92. Местоположение «Нового селения», или Яныкента, как известно, определяется развалинами Джанкент, верстах в 22 к юго-западу от Казалинска и верстах в 5 от бывшего хивинского укрепления Джан-кала. <О Джанкенте см. Чабров, *История изучения.*>

[14] О Гите у Истахри несколько выше (302) сказано: «Селение Гит, на расстоянии 5 фарсахов от Кудажага (?); это — селение вблизи гор; на той широте нет населенного пункта, кроме него; за этой горой — степь».

[15] По-видимому, отсюда вывод Глуховского (*Пропуск вод Аму-Дарьи*, стр. 11—12), что Курдер «пересекал русло Вадак (Куня-Дарью) и затем переходил в нижнюю часть русла Даудан». Во всяком случае слова арабских географов едва ли позволяют отождествлять Медминию с нынешней крепостью Медемин-кала, как это делает Глуховской.

налы из Джейхуна. Потом Джейхун доходит до Хорезмийского озера в месте, где [живут] рыбаки; там нет ни селения, ни построек; это место называется Халиджаном; на берегу этого моря, около Халиджана, земля гузов; в мирное время они приходят с этой стороны в селение Бератегин [16], с другой стороны — в Джурджанию; оба поселения — пограничные пункты [17]. От того места, куда впадает река Джейхун, до места впадения Шашской реки (Сыр-Дарьи) в это озеро — около 4 дней пути (по Ибн Хаукалю [18] — около 10 дней, что правильнее). На берегу Хорезмийского озера есть горы Чакыр-огуз, у которых замерзает вода и остается замерзшей до лета (по Ибн Хаукалю — все лето). Оно (место) представляет (у Ибн Хаукаля: около них (гор) есть) камышовое болото. Окружность этого озера, как мне говорили, около 100 фарсахов. Вода его соленая; озеро не имеет видимого истока; в него впадают реки Джейхун, Шашская река и еще другие реки; между тем вода его не становится пресной и не увеличивается по количеству, а остается на одном и том же уровне. Бог лучше знает, существует ли между ним и Хазарским (Каспийским) морем подземный проход, по которому соединяется вода обоих. Между обоими морями около 20 дней пути по прямому направлению» [19]. «От города [Кята] до Дерхаса — 2 перехода, от Дерхаса до Курдера — 1 переход [20], от Курдера до селения Бератегин — 2 дня. Медминия и селение Бератегин — близко одно от другого, только Медминия ближе к Джейхуну. От Медминии до русла Джейхуна — 4 фарсаха; между Миздахканом и рекой Джейхуном — 2 фарсаха; город лежит напротив Джурджании; между Джурджанией и Джейхуном — 1 фарсах» [21].

Ибн Хаукаль, не прибавляющий ничего существенного к словам своего предшественника о низовьях Аму-Дарьи, сообщает некоторые новые сведения о низовьях Сыр-Дарьи, именно о «Новом селении» [22], которое находилось на расстоянии фарсаха от берега реки, в 2 переходах от места впадения реки в Хорезмийское озеро (Аральское море), в 10 переходах от Хорезма и в 20 переходах от Фараба [23] (около Отрара). Эти данные показывают, что устье Сыр-Дарьи в X в. находилось приблизительно в том же месте, как теперь.

Неизвестный персидский географ, писавший в 982 г. [24], только в са-

[16] У Ибн Хаукаля (354) Ферategин.

[17] В тексте Ибн Хаукаля (там же) пограничным пунктом названа только Джурджания.

[18] Там же.

[19] Истахри, 302—304.

[20] У Ибн Хаукаля (402) вследствие пропуска в тексте сказано, что от Кята до Курдера — 1 переход.

[21] Истахри, 341—342.

[22] См. выше, стр. 41, прим. 13.

[23] Ибн Хаукаль, 393. Там же сказано, что ширина реки во время половодья оставляет $^2/_3$ ширины Джейхуна.

[24] Ср. о нем: Туманский, *Новооткрытый персидский географ*, и мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 14; <наст. изд., т. I, стр. 58>. Ср. также теперь Marquart, *Streifzüge*,

мых общих словах говорит о впадении Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи в Аральское море. Макдиси, писавший около 985 г., сообщает некоторые подробности о плотине около Гургенджа и о городах на низовьях реки, которых нет у его предшественников. Эти подробности заимствованы или из не дошедших до нас книжных источников, или от лиц, знакомых со страной; сам Макдиси, по-видимому, никогда не был в Хорезме [25]. О плотине около Гургенджа у него сказано: «Джурджания — главный город хорасанской стороны [26] на Джейхуне [так близко к нему], что вода наводняла его окрестности; [жители] придумали для отведения ее [сооружение] из досок и дров, так что река направилась к востоку; было совершено удивительное дело. Потом река была проведена в степь к селению Фератегин и стала течь только по одной стороне (?). От нее провели каналы к воротам города, но не в самый город, вследствие тесноты места» [27]. Из городов на низовьях Аму-Дарьи Курдер, Миздахкан, Бератегин и Медкаминия (очевидно, то же, что у Истахри Медминия) помещены на правой, Джит (Гит) — на левой стороне реки, причем сказано, что было два селения этого имени [28]. О Бератегине сказано, что он расположен «в степи около гор; оттуда вывозят камни» [29]. В противоположность словам Истахри, что около Гита не было других селений, у Макдиси сказано: «Джит — большое селение с обширными рустаками (употребление этого термина заставляет предполагать ряд оседлых поселений) в степи; это укрепленный пограничный пункт на границе с гузами; отсюда вход в их [страну]» [30]. Халиджан не назван вовсе.

Между отдельными городами у Макдиси указаны более значительные расстояния, чем у Истахри, и приведено более значительное число промежуточных пунктов; соответствующие дорожники приведены мною в другом месте [31]. Макдиси считает от Кята до Миздахкана 5 переходов и еще 2 перегона (перегон в восточных областях равнялся 2 фарсахам) [32], причем непосредственно перед Миздахканом было 2 перехода через степь, от Миздахкана до Курдера — 1 переход и 2 перегона или, по другой дороге, 2 перехода; от Курдера до Бератегина — 1 переход и 2 перегона;

S. XXX. <В. Ф. Минорский предполагает теперь, что автором *Худӯд ал-'ālам* может быть Ибн Феригун, автор *Джавāми' ал-'улӯм* (Minorsky, *Ibn Farighun*).>

[25] Это особенно ясно видно из того места, где Макдиси, не поняв слов Истахри, утверждает, что канал Хазараспа достигает ширины около 1 перехода (Макдиси, 292); у Истахри то же самое сказано о культурной полосе левого берега от Хазараспа до места против Кята (Истахри, 301—302).

[26] Макдиси делит владения Саманидов по течению Джейхуна на стороны хорасанскую (левую) и хайтальскую (правую); см. Макдиси, 260.

[27] Там же, 288.

[28] Там же, 286—287.

[29] Там же, 288.

[30] Там же, 289. Не сказано, который из двух Гитов имеется в виду.

[31] *Туркестан*, ч. II, стр. 149; <наст. изд., т. I, стр. 204—205>.

[32] Макдиси, 66.

от Бератегина до озера — 1 переход [33]. Дорожник левого берега обрывается на Джурджании; не указаны ни расстояние между Джурджанией и Гитом, ни пути из Джурджании в Курдер, Бератегин и к устью реки.

Между рассказами Ибн Русте, с одной стороны, и Истахри и Ибн Хаукаля — с другой, замечается разногласие относительно местоположения Халиджана; по словам Истахри и Ибн Хаукаля, Халиджаном называлось место впадения Аму-Дарьи в Аральское море, по Ибн Русте — водоемы, к которым доходил только левый рукав реки, отделявшийся от главного русла немного ниже Гургандж; о впадении главного рукава в Аральское море говорится отдельно. В другом месте [34] я высказал предположение, что Халиджан Ибн Русте следует искать у Айбугира; слова Ибн Русте, по которым этот рукав реки у селения Варагдех достигал гор и потом протекал еще некоторое пространство, может быть, скорее указывают на Сарыкамыш. Большой плотины около Гургандж в ту эпоху, которую имеет в виду рассказ Ибн Русте, по-видимому, еще не было; очень вероятно, что после ее сооружения левый рукав реки перестал течь и что в таком смысле надо понимать приведенные слова Макдиси, что река «стала течь только по одной стороне». По имеющимся в нашем распоряжении данным трудно сказать, могло ли в Сарыкамыше и после этого в течение некоторого времени сохраняться такое количество воды, что рыбаки на берегах его могли продолжать свой промысел, или рыбачье поселение должно было быть перенесено на берег Арала; другими словами, следует ли видеть в словах Истахри о Халиджане просто ошибку или указание на перемену местоположения этого пункта. Едва ли можно сомневаться в том, что Курдер арабских географов соответствует нынешнему главному руслу, начиная от расширения реки близ селения Бийбазар. Крайне любопытны слова Истахри, что Курдер считался прежним главным руслом реки; из этого видно, что до X в. произошло перемещение русла реки с востока на запад, а не наоборот [35], и что Аму-Дарья еще задолго до X в. впадала в Аральское море. Под «Хорезмийским озером» понимали, по-видимому, только Аральское, а не Арало-Сарыкамышское море, как полагает г-н Коншин [36]. Из Гургандж караваны ходили на юго-запад в Хорасан и Гурган и на северо-запад к хазарам [37]; подробностей о последнем пути географы X в. нам не сообщают, хотя этим путем проехал в Россию в начале X в. знаменитый Ибн Фадлан [38]; но Гар-

[33] Там же, 343—344.

[34] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 152. <Позднее В. В. Бартольд отождествлял Халиджан с Сарыкамышской впадиной; см. наст. изд., т. I, стр. 208.>

[35] На такое же перемещение русла указывают слова Истахри, что река «от Курдера изменила свое течение и проходит между Гитом и Мединией».

[36] *Разъяснение*, стр. 171.

[37] Истахри, 299.

[38] Ср. Lerch, *Khiva oder Kharezm*, S. 34. Ибн Фадлан совершил путешествие из Гургандж в страну болгар весной 922 г. в 70 дней; см. Якут, *Му'джам*, I, 724, а также Гаркави, *Сказания*, стр. 86.

дизи, автор XI в., писавший по более ранним источникам, замечает, что на пути «из Гургандж к Хорезмийским горам и от этих гор к печенегам встречают Хорезмийское озеро, оставляют озеро по правую руку и идут дальше» [39]. Эти слова ясно показывают, что Арал в ту эпоху не соединялся с Сарыкамышем.

К X в. относится также первое известие об Узбое как о сухом русле. Макдиси рассказывает, что «в древности царь востока однажды разгневался на 400 человек из людей его царства и его свиты и велел их переселить в место, отделенное от населенных местностей расстоянием приблизительно в 100 фарсахов». Это было то место, где впоследствии возник Кят. Впоследствии царь пожаловал им 400 тюркских девиц (вследствие чего, как замечает Макдиси, в наружности хорезмийцев сохранилось сходство с наружностью тюрков) и велел прорыть для них канал от главного русла Джейхуна: «В то время главное русло доходило до города, [расположенного] за [городом] Неса и носившего название Балхана». Однажды изгнанников посетил эмир этого города (Балхана), играл с их начальником в кости и проиграл партию; ставка заключалась в том, что победителю будет предоставлено направить всю реку на один день и ночь в свой канал. Река тогда направилась к Хорезму, и после этого уже оказалось невозможным снова повернуть ее в старое русло. Хорезмийцы «провели от нее каналы и построили на ее берегах города, а Балхан пришел в разрушение». Жители Неса и Абиверда говорили автору, что они иногда «отправляются в Балхан и приносят оттуда много яиц; говорят, что быки и лошади [там] одичали» [40]. Из рассказа Макдиси видно, что в X в. у туземцев существовало предание о прежнем течении Аму-Дарьи к Балхану, но что этот факт относили к эпохе до возникновения культуры в Хорезме, т. е. к мифическим временам; из этого можно заключить, что Узбой был сухим руслом задолго до X в. Историк Ибн ал-Асир также говорит о горах Балхан, что «около них [находится] древний Хорезм» [41]. Тем более странное впечатление производят слова другого географа X в., Мас'уди, о «Джурджанийском озере», в которое недалеко от города Джурджании впадала Аму-Дарья: «Это озеро одно из самых больших в населенной части мира; пространство его — около 40 дней пути в длину и столько же в ширину; из этого озера вытекают большие реки, впадающие в Хазарское (Каспийское) море. В это озеро течет [также] Шашская река» [42]. Если бы до нас из всех географических сочинений

---

[39] См. персидский текст: Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 95; русский перевод там же, стр. 119.

[40] Макдиси, 285 (ср. de Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 13—15).

[41] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 267.

[42] Мас'уди, *Танбйх*, 65. В более раннем труде того же автора «Промывальни золота» сказано, что длина озера — месяц пути и ширина приблизительно такая же, что по «реке Ферганы и Шаша» (Сыр-Дарье) идут суда до этого озера и что у тюрков там город, носящий название «Нового города» (Мас'уди, *Мурўдж*, I, 211—212).

X в. дошел только труд Мас'уди, то мы, вероятно, пришли бы к заключению, что Арало-Сарыкамышское озеро в данную эпоху не только существовало, но и соединялось, посредством Узбоя, с Каспийским морем [43].

Столь же ошибочно было бы вывести заключение о существовании поселений близ Балхана из слов арабских географов о месте Дихистан, которое находилось, по словам Истахри и Ибн Хаукаля [44], на расстоянии 50 фарсахов от гавани Абескун. Абескун, гавань области Гурган, несомненно находился около устья реки Гюрген (Макдиси [45] считает 1 переход от города Джурджана, или Гургана, около развалин башни Гумбез-и Кабус, до Абескуна и столько же от Абескуна до Астрабада, находившегося на пути из Абескуна в Сари; в первом случае расстояние на самом деле более значительно). Расстояние в 50 фарсахов от устья Гюргена могло бы привести нас к Балханской бухте; но это определение расстояния противоречит другим, более достоверным данным. Истахри и Ибн Хаукаль сами в другом месте [46] дают другое определение — 6 переходов, что для 50 фарсахов слишком мало; Макдиси даже считает всего 4 перехода от города Джурджана до Дихистана [47]. По Табари, между Джурджаном и Дихистаном было 25 фарсахов [48], по Хамдаллаху Казвини, писавшему в XIV в., — 23 фарсаха [49]; кроме того, Хамдаллах Казвини говорит о реке Атреке, что она впадает в Хазарское (Каспийское) море, «пройдя через пределы Дихистана» [50]. Дихистан совершенно иначе описывается у Макдиси, чем у его предшественников, Истахри и Ибн Хаукаля. По Истахри, Дихистан был местом (у Ибн Хаукаля прибавлено: «похожим на селение с небольшим количеством жителей»), куда в бурную погоду приставали суда и куда приходило много народа для рыбной ловли. Макдиси, напротив, описывает Дихистан, как целый рустак, один из лучших округов Гургана, с городом Ахур, 24 селениями и укрепленным рабатом, в котором было несколько мечетей, на краю степи [51]. Остатком Дихистана являются, как полагают, развалины Мешхед-и Мисриян (на современных картах обыкновенно Месториан), впрочем относящиеся

---

[43] Это обстоятельство еще более нас побуждает осторожно относиться к показаниям древних авторов, пока мы не имеем для той же эпохи более ясных и точных данных.

[44] Истахри, 219; Ибн Хаукаль, 277.

[45] Макдиси, 372—373.

[46] Истахри, 226; Ибн Хаукаль, 286.

[47] Макдиси, 372.

[48] Табари, II, 1323. Ср. Marquart, *Ērānšahr*, S. 73.

[49] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулуб*, рук. ун-та № 150, л. 243а.

[50] Там же, л. 254б: اب اترك — بخراسان و بر خبوشان و حدود دهستان گذشته به بحر خزر میریزد.

[51] Макдиси, 358—359. <Позднее (см. ниже, стр. 122) В. В. Бартольд установил, что рыбачий поселок назывался Дихистанан-Сур.>

к значительно более позднему времени [52]. Из слов Табари мы знаем, что в домусульманское время правитель Дихистана жил на острове Бухейре (собств. 'Озеро'), в 5 фарсахах от Дихистана [53]. Арабское слово *джазира* значит как остров, так и полуостров; из слов персидского географа X в. мы узнаем, что в этом случае речь идет о полуострове [54]. Из слов арабских географов о Дихистане мы можем заключить, что даже в то время, когда Аму-Дарья еще не направилась снова к Каспийскому морю, последнее в этом месте простиралось на восток значительно дальше, чем теперь, может быть вследствие большого количества воды в Атреке.

X век был эпохой высшего процветания арабской географической литературы; все последующие авторы, вплоть до XVII в., пользовались известиями географов этого периода большей частью без всякой критики, допуская таким образом в своем изложении множество анахронизмов. Этот факт необходимо всегда иметь в виду при пользовании сочинениями восточных географов второй половины средних веков. Кроме того, у многих компиляторов известия географов X в. приводятся в искаженном виде, по дурным рукописям. К числу таких компиляторов принадлежит Идриси, написавший свой труд в 1154 г. при дворе норманнского короля Сицилии и Неаполя Рожера II. Все, что говорится у Идриси об Аральском море и Аму-Дарье, заимствовано у географов X в., особенно у Ибн Хаукаля; расстояния, сообщаемые там в фарсахах, здесь переведены на мили (в фарсахе 3 мили); встречаются искажения источников, по крайней мере судя по французскому переводу Жобера [55], который и сам по себе возбуждает много сомнений; подлинник пока не издан и мне недоступен. Расстояние между устьями Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи определено в 10 миль вместо 10 переходов [56]; известие Ибн Хаукаля о квартале Дерджаш (у Идриси — Дергаш) в Кяте отнесено к Джурджании [57] и т. п. Из рассказов Идриси об Аральском море не находится у дошедших до нас

---

[52] На сохранившемся портале мечети имеется надпись строителя, султана Мухаммеда хорезмшаха (1200—1220); ср. об этом Семенов, *Надписи на портале.* <См., кроме того, ниже, стр. 338 и соответствующие примечания.>

[53] Табари, II, 1232.

[54] *Худуд ал-'алам*, л. 5б. Буквальный перевод текста: «В этом море находится другой остров, но один угол его, напротив Дихистана, соединен с материком; его называют Дихистанан-Сур».

[55] *Géographie d'Edrisi* trad. . . par A. Jaubert, t. I—II, Paris, 1836—1840. Оригинал Идриси появится в этом собрании <имеется в виду серия «Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturkunde», в которой был опубликован перевод данной работы В. В. Бартольда> в фотографическом воспроизведении с переводом проф. Зейбольда. <Издание текста так и не осуществлено до сих пор.>

[56] Идриси, пер. Жобера, II, 191, 338.

[57] Там же, II, 189. Ср. Ибн Хаукаль, 351. <Дарджаш (?) (درجاش) у Ибн Хаукаля (351) название города, бывшего столицей Хорезма до переноса ее в Кят, т. е., судя по ал-Бируни (*Āṯār ал-бāḳийа*, пер. Захау, 35), до начала IV в. н. э. Не соответствует ли это городищу Топрак-кала, в котором примерно до этого времени находилась резиденция хорезмшахов?>

географов X в. только фантастическая сказка о какой-то рыбе, время от времени появлявшейся над водой озера; появление ее предвещало смерть кому-нибудь из князей гузов [58]. Ввиду такого характера этого источника трудно искать в нем новых сведений и выводить из слов Идриси о реке Бура [59], что русло одного из каналов Аму-Дарьи в ту эпоху начало просачиваться через горы Шейх-Джели [60]. Под словом Бура (بورا) Идриси, как уже определил де Гуе [61], несомненно понимает тот же канал, который у географов X в. носит название Бувве (بوّه); различие между описанием этого канала у авторов X в. и у Идриси, вероятно, следует объяснить ошибкой компилятора или переводчика.

Несколько ранее, также на отдаленном западе (в Испании), были написаны труды другого компилятора, ал-Бекри, умершего в 1094 г.: географический словарь, изданный Вюстенфельдом, и компилятивный труд «Книга о государствах и путях». В последнем труде для нас представляют некоторый интерес слова о башне на «Хорезмийской горе», в 12 фарсахах от города Джурджании, на пути в страну печенегов; у подошвы горы находились пашни переселенцев из Джурджании [62].

Упадком культуры в Средней Азии после падения государства Саманидов следует объяснить, что мы с X до XIII в. не имеем почти никаких трудов местных ученых, кроме трудов упомянутого выше (стр. 26) хорезмийца ал-Бируни, в которых нет ничего нового об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи. В начале XIII в. Хорезм и Гургандж достигли небывалого блеска; хорезмшаху Мухаммеду подчинилась вся восточная часть мусульманского мира. Для этого государя написал свою книгу Мухаммед ибн Неджиб Бекран [63], под заглавием *Джахан-наме*. К сожалению, и здесь только очень кратко говорится о течении Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и о их впадении в Аральское море, которое названо «Дженд-ским озером», по имени известного города на нижнем течении Сыр-Дарьи [64]. Автор считает 12 переходов от Аму (Чарджуя) до Хорезма и 6 переходов от Хорезма до озера [65].

Из данных, приведенных в словарях Сам'ани и Якута, любопытно известие о селении Бугайдид (или Багдадек, т. е. 'Малый Багдад')

---

[58] Идриси, пер. Жобера, II, 338—339.

[59] Там же, II, 190. Здесь сказано, что река «вытекает из горы по соседству с пустыней и течет в небольшом расстоянии ниже Дергама».

[60] Глуховской, *Пропуск вод Аму-Дарьи*, стр. 10.

[61] Истахри, 302, прим. *n*.

[62] Defrémery, *Fragments*, p. 8 (текст), 14 (перевод). Ср. Куник — Розен, *Известия ал-Бекри*, стр. 42 (текст), 58 (перевод).

[63] См. мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 37; <наст. изд., т. I, стр. 83>.

[64] Там же, стр. 179—181; <наст. изд., т. I, стр. 235—236> и статья Каллаура *О следах древнего города «Дженд»*.

[65] Бекран, *Джахан-наме*, рук. Нац. б-ки, л. 191.

«между Хорезмом и Дженд0м» [66]. В рассказах историков о событиях 1204 г. упоминается канал Кара-су, один из каналов восточной стороны, через который приходилось переправляться войску до прибытия к Гурганджу [67]. В словаре Якута под словом «Мангышлак» говорится о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море [68], что находится в противоречии с другими известиями самого Якута; вероятно, последний в этом случае находился под влиянием Ибн ал-Факиха или какого-нибудь другого раннего арабского географа.

---

[66] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 153; <наст. изд., т. I, стр. 208—209>. Якут, *Му'джам*, I, 698.

[67] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 375; <наст. изд., т. I, стр. 413>. Текст: Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 122; Джузджани, пер. Раверти, 474.

[68] Якут, *Му'джам*, VI, 670.

III

Опустошение Хорезма монголами в 1221 г. и разрушение плотин совершенно изменили течение Аму-Дарьи. О нескольких городах и селениях левого берега говорится, что они были затоплены водой; такой же участи подверглась столица области, Гургандж. Из слов Якута, бывшего здесь незадолго до разрушения города монголами, мы знаем, что плотина Гурганджа требовала ежегодного ремонта; таким образом, после разрушения города и истребления жителей река должна была прорвать ее. По рассказу Ибн ал-Асира, монголы сами разрушили плотину, после чего «вода хлынула и затопила весь город; строения разрушились, и место их заняла вода» [1]. Однако, по словам других историков, некоторые из зданий города уцелели [2]. В 1900 г. в развалинах Куня-Ургенча в основании одной древней башни была найдена свинцовая плита с арабской надписью, из которой видно, что башня была построена в 401/1010-11 г.[3]; эта находка показывает, что в развалинах города и до настоящего времени сохранились некоторые здания домонгольского периода.

Насколько можно судить по приводимым ниже известиям, река после монгольского нашествия снова направилась к Сарыкамышу. Рукав, о котором рассказывает Ибн Русте, не только был восстановлен, но даже сделался главным руслом. Город Гургандж, восстановленный через короткое время после своего разрушения [4] и получивший от монголов название Ургенча [5], очутился теперь, по картинному выражению географа XIV в. ал-Омари, «между двумя рукавами Джейхуна, похожими на шаровары» [6]. Многочисленные известия различных авторов, которые будут приведены ниже, показывают, что главным рукавом реки был протекавший к югу от Ургенча. Отголоском наводнения, постиг-

---

[1] СМИЗО, I, 32; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 257.

[2] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 471; <наст. изд., т. I, стр. 504>. Текст: Джузджани, пер. Раверти, стр. 281, 1100; Абд ал-Керим Бухари, текст, 78; пер., 177.

[3] См. Катанов, *Хорезмийская свинцовая плита*, стр. 015—017 (там же воспроизведение свинцовой плиты).

[4] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 323; СМИЗО, I, 38.

[5] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 494 <наст. изд., т. I, стр. 524> — по Рашид ад-дину, изд. Березина, III, 104.

[6] СМИЗО, I, 242; араб. текст, 221.

шего всю страну, особенно местность от Ургенча к Сарыкамышу, является, по всей вероятности, легенда о Хаким-Ата, могила которого в месте Бакырган, к западу от «города Хорезма», сорок лет стояла под водой: вскоре после смерти святого Аму-Дарья, «протекая из области города Кята, затопила Бакырган» [7].

К сожалению, мы для XIII в. (после события 1221 г.) не имеем сколько-нибудь подробных сведений о Хорезме, хотя страну еще в 1246 г. посетил на пути к монголам Плано Карпини [8]. Астроном Кутб ад-дин Ширази, умерший в 1310 г., говорит об изменении течения Аму-Дарьи, по-видимому, только по дошедшим до него темным слухам и объясняет непостоянство течения только песчаным характером местности: «Джейхун хорезмийский по той причине, что проходит по пескам, не всегда течет по одному направлению, но направляется в разные стороны; поэтому он впадает то в Абескунское (Каспийское) море, то в Хорезмийское озеро, занимающее пространство в 100 фарсахов; между ним и Абескуном двадцать дней пути. Таким же образом и Сейхун, т. е. Ферганская река (Сыр-Дарья), вытекающая из отдаленнейших мест востока и области тюрков, впадает то в Абескунское [море], то в это озеро» [9].

Подробные известия об изменившемся течении Аму-Дарьи впервые дал персидский географ Хамдаллах Казвини в своем сочинении «Отрада сердец» (*Нузхат ал-кулӯб*), написанном в 1339 г. Рассказ его об Аму-Дарье приведен мною в другом месте [10]; здесь я позволю себе повторить только ту часть рассказа, где говорится об устьях реки: «Некоторые протоки изливаются в Хорезмийское озеро; главный рукав Джейхуна, пройдя через Хорезм, низвергается с перевала Хульм, который по-тюркски называется Гёрледи; шум его слышен на два, даже на три фарсаха; после этого [река] впадает в Хазарское море в земле, которую называют Халиджаном; там живут рыбаки. От Хорезма до моря 6 переходов».

Рассказ Хамдаллаха Казвини о водопаде, с приведением тюркского названия [11] последнего, очевидно, не мог быть заимствован у классических писателей; по-видимому, этот рассказ может быть отнесен только к Узбою и может быть признан доказательством, что в Узбое в эту эпоху снова протекала вода. Некоторое сомнение возбуждают, во-первых,

---

[7] Ср. персидский текст — Залеман, *Легенда про Хаким-Ата*, стр. 110 и 117; перевод (стр. 124 и 125) не совсем точен. Отголоском событий 1221 г. считает эту легенду и К. Г. Залеман (стр. 206).

[8] Плано Карпини, изд. Языкова, кн. I, гл. 6.

[9] Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 317.

[10] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 5—7.

[11] Соответствующие глагол и отглагольное существительное (только по внешнему образованию сходное с формой 3-го лица ед. ч. наст. времени в северотурецких наречиях) имеют такое значение в османском наречии, как известно, принадлежащем к той же группе турецких диалектов, как язык туркмен. У Радлова (*Словарь*, II, 1639) упоминается только глагольный корень *gürlä* и существительное *gürlämä*; однако существительное *görlädi* (или *gürlädi*) имеется у Будагова, II, 149.

название местности Халиджан, во-вторых, указанное расстояние от Хорезма до «моря»: в 6 дней можно было дойти от столицы Хорезма только до Аральского моря (мы видели, что такое же определение расстояния дает Бекран) или до Сарыкамыша, но никак не до Балханского залива. Насколько известно, автор сам никогда не был в Хорезме; по-видимому, он слышал как рассказы об Узбое, так и рассказы о рукавах реки, впадающих в Аральское море, и в своем изложении ошибочно отнес к первому некоторые данные, рассказанные ему о последнем.

Что Хамдаллах Казвини действительно был убежден в том, что главный рукав Аму-Дарьи с XIII в. стал впадать в Каспийское море, видно также из его рассказа об этом море, особенно об исчезновении острова (может быть, полуострова) Абескун: «Абескун теперь скрыт под водой, по той причине, что Джейхун, прежде впадавший в Восточное море, расположенное напротив страны Яджудж и Маджудж, около времени появления монголов изменил направление и стал впадать в это море. Так как море не соединено с другими, то по необходимости [река] присоединила к морю часть суши, для уравнения прихода и расхода». Интересно еще замечание Хамдаллаха Казвини, будто в его время Хазарское (Каспийское) море было отделено от Франкского (Черного) только горами, занимавшими пространство в 2 или 3 фарсаха. Прежде пространство между двумя морями, по его словам, было гораздо значительнее, но потом Черное море затопило часть суши и образовало новый «залив Искендера» [12]. Расстояние между Азовским и Каспийским морями, конечно, не было так незначительно, как рассказывает автор; но что оно в эту эпоху значительно уменьшилось, подтверждается и другими источниками. Хамдаллах Казвини говорит о расширении Черного или, вернее, Азовского моря; по словам генуэзца Марино Санудо, писавшего в 1325 г., происходило также возвышение уровня Каспийского моря и затопление его западных берегов: «Был прежде водоворот, куда опускалась вода моря, но он был закрыт землетрясением; с тех пор море прибывает каждый год на одну ладонь (palme), и уже несколько хороших городов были разрушены, так что в конце концов Каспийское море соединится с морем Таны» (Азовским) [13]. Водоворот, о котором говорится здесь, упоминается уже у географов X в. и находился близ полуострова Мангышлак. Из слов Хамдаллаха Казвини [14] мы знаем, что действительно существовало мнение, будто здесь вода Каспийского моря стекала в Черное; другие, как видно из приводимых ниже слов автора XV в. Джурджани, полагали, что здесь с Каспийским морем соединяется вода Араль-

---

[12] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, рук. ун-та № 171, л. 263а.

[13] Эти слова помещены около изображения Каспийского моря на карте Марино Санудо, см. последнюю в издании Hommaire de Hell, *Les steppes*.

[14] *Нузхат ал-кулӯб*, рук. ун-та № 171, л. 263а: پیش عوام مشهورست که آن موضع منفذ دریاست با بحر فرنك واین روایت ضعیف است.

ского. О возвышении уровня Каспийского моря свидетельствуют также давно известные данные об уровне моря близ Баку в начале XV в., которые мы находим у местного географа этой эпохи, Бакуви [15]. Конечно, изменение уровня моря объясняется не только изменением течения Аму-Дарьи, но и другими причинами, выяснить которые предоставляем специалистам.

Что Хамдаллах Казвини мог иметь довольно точные сведения об Узбое, видно из приведенного им дорожника из Персии, именно из Бистама, через Джурджан и Дихистан в Ургенч; после Дихистана (ныне развалины Мешхед-и Мисриян) приводятся следующие станции [16]:

Рабат Кермин (?)	7	фарсахов
Рабат Абу-л-Аббаса	9	»
Рабат Абу Тахира	7	»
Город Везаве (или Везаре)	7	»
Рабат из жженого кирпича (рабат-и хишт-и пухте)	8	»
Хушабдан ('Место с пресной водой')	7	»
Рабат Тамгач ('Китайский')	7	»
Каравангах ('Место караванов')	7	»
Рабат-и Серхенг ('Рабат военачальника')	9	»
Минаргах ('Место башни')	7	»
Мушк-и бини ('Мускус для носа')	8	»
Рабат-и Марьям ('Рабат Марии')	9	»
Хорезм-и Науду	8	»
Хульм-и Науду [17]	6	»
Ургенч	4	фарсаха
Всего от Дихистана до Ургенча . . .	110	фарсахов

По-видимому, имеется в виду путь через Кызыл-Арват, где, по всей вероятности, находился город Везаве (?), соответствующий Ферабе или Афрабе арабских географов X в.[18]. Теперь главная дорога из Кызыл-

[15] Бакуви, 509.

[16] При установлении чтения названий я пользовался шестью рукописями (рук. ун-та № 171, л. 243а, и пять рукописей Аз. муз.), из которых наиболее старые рукописи Аз. муз. 603 *bbc* <С 604> (л. 238а) и 603 *bbb* <С 603> (л. 207а). Вопросительный знак означает, что произношение названия для меня сомнительно. <Подробнее см. ниже, стр. 260 и сл.>

[17] Такое чтение дают обе старые рукописи; поэтому мы не решаемся заменить его чтением более новых рукописей: Хорезм-и Нау и Хульм-и Нау ('Новый Хорезм' и 'Новый Хульм'). Замечательно, что и в астрономических таблицах Улугбека рядом с «Гурганджем, столицей Хорезма» назван «Новый Гургандж» (نو كركانج): Sédillot, *Prolégomènes*, II, 267.

[18] Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 154; <наст. изд., т. I, стр. 210>, где по недосмотру не приведены слова Истахри (283; Ибн Хаукаль, 331), по которым Ферава находилась в 4 переходах от Неса. По всей вероятности, мы имеем одно и то же название у географов X в. и у Хамдаллаха Казвини, но трудно сказать, следует ли в первом случае читать Фезава и Афзава вместо Ферава и Афрава или во втором слу-

Арвата в Куня-Ургенч проходит через Игды и Бала-Ишем, т. е. дважды пересекает Узбой. В то время, когда в русле была вода, дорога, по всей вероятности, огибала его и проходила близ нынешних колодцев Куртыш, где, судя по расстояниям, следует поместить станцию Каравангах. Еще в XVI в. Куртыш, по словам Абулгази, находился на большой дороге из Астрабада в Куня-Ургенч [19]. Здесь начинаются пороги на Узбое; по мнению В. А. Обручева, в этом месте «происходила перегрузка товаров с каюков на верблюдов и обратно» [20]. Это мнение находит себе довольно веское подтверждение в самом названии станции Каравангах.

При составлении главы о дорожниках Хамдаллах Казвини пользовался, между прочим, данными официального измерения некоторых путей, произведенного при монгольском султане Персии Худабенде, или Улджэйту (1304—1316) [21]. Хорезм не входил в состав владений Улджэйту и был подчинен золотоордынским ханам, но торговое значение Ургенча должно было привлекать и персидские караваны, так что чиновники Улджэйту, производившие измерение путей, имели основание собрать сведения и об этой дороге. В конце того же царствования, в 1315 г., был даже произведен набег на Хорезм из Хорасана, но, судя по немногим имеющимся данным об этом набеге, войско шло не из Кызыл-Арвата мимо Узбоя, а из Мерва в Хазарасп и подвергло опустошению главным образом южную часть области [22].

Гораздо чаще посещались Хорезм и Куня-Ургенч с северо-запада. Вместе с образованием монгольской империи возник новый торговый путь из Европы в Азию, путь от берегов Волги через Сарайчик на Урале, Куня-Ургенч, Отрар и Алмалык. Этим путем пользовались как мусульманские, так с XIV в. и европейские купцы. От одного из «странствую-

---

чае — Вераве вместо Везаве. Ср. название одного из бухарских селений: Афрахша, Фарахша или Варахша (Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 118; <наст. изд., т. I, стр. 167>. Соответствующие тексты: Нершахи, изд. Шефера, 15; Якут, *Му'джам*, I, 323 и III, 869 по Сам'ани; ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 53). Местность около Кызыл-Арвата у туркмен по сей день носит название «Парава»; ср. Самойлович, *Из туркменской старины*, стр. 560. <Ферава находилась около современного кишлака Парау, в 18 *км* западнее Кызыл-Арвата. См. также ниже, стр. 130, прим. 22.>

[19] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 255; II, 231.

[20] Коншин, *Разъяснение*, стр. 255; ср. Обручев, *Закаспийская низменность*, стр. 203.

[21] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулуб*, рук. уп-та № 171, л. 239а: و در عهد اولجایتو سلطان هم چنین بعضی طرقرا می پیموده اند و میل می نهاده.

[22] Единственный источник: d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 572, из сочинения продолжателя Рашид ад-дина; ср. рук. Аз. муз. a 566 <D 66>, л. 470<*Зайл джами' ат-таварйх*>, где сказано, что Баба-Огул после своего поражения пришел в Мерв, и перечислены следующие разоренные им города: Замахшар, Гарбин (?), Хазар-Земин, Кят, Кермарун (?), Шавкан (или Савкан, см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 148; <наст. изд., т. I, стр. 204>). Д'Оссон (*Histoire des Mongols*, t. IV, p. 572) и Хаммер-Пургшталь (*Geschichte der Ilchane*, Bd II, S. 235) опустили даже немногие приведенные там географические сведения.

щих купцов», Бедр ад-дина Хасана ар-Руми, через посредство третьего лица получил свои сведения арабский географ Шихаб ад-дин ибн Фадлаллах ал-Омари, живший в Египте и Сирии и умерший в 1348 г.[23]. Бедр ад-дин рассказывал, что между крайними пределами владений Джучидов на востоке и западе, т. е. между Сыр-Дарьей и Дунаем, было около четырех месяцев пути: «Между Сейхуном и Джейхуном — 15 дней, от Джейхуна до Яика — 15 дней, от Яика до Итиля — 10 дней, от Итиля до Дона — месяц, от Дона до Торлу (Днестра) — 10 дней, от Торлу до Дуная — один месяц. Джейхун и Итиль поворачивают к Кульзумскому [24] (Каспийскому) морю, а Сейхун течет среди тростников и песков ниже города Дженда три дня и здесь сворачивает. Остальные упомянутые выше реки направляются к морю Оманскому [25]. Эти 7 рек [текут] в этом государстве; из них до Мавераннахра доходят Сейхун и Джейхун. Вернее, говорю я (ал-Омари), что Джейхун поворачивает в соленое озеро, приблизительно в 100 фарсахов [в окружности], в которое впадает и река Шашская. Кто же полагает, что Джейхун впадает в море Кульзумское, тот ошибается: ему показалось это только так, вследствие величины этого озера. Между устьем Джейхуна и рекою Шашской около десяти дней пути. Это озеро известно под названием Хорезмийского; по середине его [26] (sic) гора, называемая Чагыр; у нее замерзает вода, которая остается [в таком виде] до лета» [27]. Из последних слов видно, что автор сопоставляет рассказ Бедр ад-дина с книжными известиями, заимствованными у географов X в., и отдает предпочтение последним. В другом месте ал-Омари ссылается еще на одного очевидца, толмача Шуджа' ад-дина Абд ар-Рахмана ал-Хорезми, но, по-видимому, не вполне точно передает его показания и примешивает к ним книжные известия. По этим данным, «расстояние Сарая от Хорезма — около 1½ месяцев [пути]; между ним (Хорезмом) и Сараем — города Хива [28] и Кутлукент . . . [29] Есть там гора, называемая «Горою добра из Хорезма»; на ней известный ключ, к которому приезжают люди, одержимые хроническими болезнями. Они остаются у него семь дней и каждый день купаются в воде его утром и вечером и после каждого купания пьют ее до тех пор, пока не напьются вдоволь и не получат исцеления [30]. . . [Город]

---

[23] СМИЗО, I, 148.

[24] Это название собственно принадлежит Красному морю, но прилагалось, по свидетельству Хамдаллаха Казвини (*Нузхат ал-кулуб*, рук. ун-та № 171, л. 262), иногда и к Каспийскому.

[25] Так собственно назывался Индийский океан; здесь это название прилагается к Черному морю. Рассказчик или передававший его слова забыл о Яике.

[26] Очевидно, в тексте (как у Истахри, 304, откуда заимствовано это место) следует вместо وسطها على читать شطها على ('на его берегу').

[27] СМИЗО, I, 236—237; ср. 215—216 (текст).

[28] Так по конъектуре издателя; в тексте وحى и وسق.

[29] Дальше говорится о монетах, ценах, растениях и животных.

[30] Дальше о рыбе в Джейхуне.

Хорезм [лежит] на Джейхуне между двумя рукавами его, похожими на шаровары. В Хорезме 100 домов еврейских и 100 домов христианских, не более; им (евреям и христианам) не разрешено иметь больше этого. К Хорезму прилегает кругловатая земля; называется эта кругловатая земля Мангышлаком. Длина ее — пять месяцев [пути] и ширина такая же [31] (!). Вся она [представляет] степь, и жители ее — многочисленные народы из разбойников [32]. Эту землю отделяет от Джейхуна гора, имя которой Ак-Балкан, на север от Хорасана. Хорезм — область, отрезанная от Хорасана и от Мавераннахра; ее со всех сторон окружают степи. С севера и запада Хорезм граничит с [землями] гузов [33], с юга и востока — с Хорасаном; он [лежит] по обеим сторонам Джейхуна. Главный город его [находится] на северной стороне и носит на хорезмийском языке название Кят. На южной стороне [главный город] Джурджания. В этой области несколько городов; первый пограничный город Хорезма носит название Тахирии, недалеко от Амуля. Поселения простираются одинаково по обеим сторонам Джейхуна» [34]. Текст Омари ясно показывает, что в его труде книжные известия перемешаны с рассказами очевидцев. К последней категории, вероятно, следует отнести любопытное известие о положении Балханских гор между Мангышлаком и течением Джейхуна. Кроме того, замечательно, что купец Бедр ад-дин Хорезми, знавший южные и северные, западные и восточные пределы государства Джучидов, не говорит ни слова об Аральском море, даже при описании течения Сыр-Дарьи. Когда и по каким причинам произошло изменение направления последней, совершенно неизвестно. Хамдаллах Казвини еще говорит об Аральском море, как о соленом озере, в которое впадают Сыр-Дарья и часть вод Аму-Дарьи [35]. Известно, что в двух днях пути от места впадения Сыр-Дарьи в Аральское море, на расстоянии фарсаха от берега, находился город Яныкент, ныне развалины Джанкент [36]; при осмотре последних Лерх нашел некоторое число джучидских монет XIV в. и надгробный памятник 1362 г.[37]. Из этого видно, что город существовал еще во второй половине XIV в., хотя возможно, что около него в эту эпоху протекало не главное русло реки, а боковой рукав.

Из мусульман, посетивших в XIV в. Хорезм, оставил описание

[31] Из слов самого автора видно, что пять месяцев пути — длина не Мангышлака, а всего государства Джучидов от его южных пределов до северных (СМИЗО, I, 236; текст, 215).

[32] Текст испорчен; по толкованию Катрмера (Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 289) — туркмены.

[33] Издатель принял неверное чтение; и здесь автор буквально повторяет слова Истахри (299).

[34] СМИЗО, I, 241—243; ср. текст, 219—221.

[35] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулуб*, рук. уп-та № 171, л. 263б.

[36] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 179; <наст. изд., т. I, стр. 235>.

[37] Лерх, *Археологическая поездка*, стр. V—VI.

своего путешествия Ибн Баттута, родившийся в 1304 г. в Танжере, проведший в путешествии 30 лет (1325—1355) и бывший в Хорезме в 1333 г.[38]. От Сарая до Хорезма Ибн Баттута считает 40 дней пути; по этой дороге «не ездят на лошадях вследствие недостатка корма; арбы возят там только верблюды». Однако Ибн Баттута и его спутники проехали на лошадях до Сарайчика (10 дней от Сарая); река Яик носила название Улу-су ('Большая вода'); на ней был «мост из судов, как мост багдадский». Здесь они продали лошадей и наняли верблюдов. «Оттуда мы ехали 30 дней быстрой ездой, останавливаясь только по два часа: один раз поздним утром, а другой — на закате солнца. . . У едущих по этой степи в обычае быстрота [езды] вследствие недостатка свежей травы. Верблюды, которые пересекают ее (степь), большей частью погибают; теми из них, которые остаются [в живых], пользуются только на другой год, после того как они потучнеют. Вода в этой степи [встречается] в известных водопоях через два-три дня; это вода дождевая и скопляющаяся в песчаной почве. Пройдя эту степь и пересекши ее, как нами сказано, мы прибыли в Хорезм. Это один из самых больших, значительных и красивых [39] тюркских городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотами. Он [точно] колеблется от множества своих жителей и волнуется от них, как волна морская. Однажды я поехал по нем верхом и заехал на рынок. Забравшись в середину его и доехав до крайнего предела давки на место, которое называется Шаур [40], я не был в состоянии пробраться через это место вследствие чрезвычайной толкотни; хотел я вернуться, но [также] не мог вследствие множества народа. Я растерялся и возвратился [лишь] после больших усилий. Один из народа сказал мне, что в пятницу на этом рынке [бывает] меньше давки, потому что они (хорезмийцы) запружают [в этот день] Кайсарийский базар и

[38] Yule, *Cathay*, vol. II, pp. 397—404. Ибн Баттута говорит в одном месте (II, 248), что в 1332 г. совершил паломничество в Мекку; по этому хронологическому определению можно заключить, что его пребывание при дворе Узбека и путешествие в Константинополь относятся к 1334 г., возвращение в Сарай — к зиме 1334/35 г., путешествие в Хорезм — к весне 1335 г. Такая хронология принята покойным бар. В. Тизенгаузеном (СМИЗО, I, 289, 302). С другой стороны, Ибн Баттута в другом месте (III, 93) относит свое прибытие к берегу Инда к 1 мухаррема 734/12 сентября 1333 г. Отмечая это хронологическое противоречие, французские издатели Ибн Баттуты отказываются разрешить его, но указывают на то, что старый император, которого Ибн Баттута видел в Константинополе, мог быть только Андроник II Палеолог, умерший в феврале 1332 г. (Ибн Баттута, II, стр. XII). К этому можно прибавить, что чагатайский хан Тармаширин, с которым Ибн Баттута виделся в Средней Азии, едва ли был в живых после 1334 г. (Yule, *Cathay*, vol. I, pp. 185, 188).

[39] Так по переводу В. Тизенгаузена (СМИЗО, I, 308); в подлиннике «самый большой, значительный и красивый» (Ибн Баттута, III, 3).

[40] Французские издатели Ибн Баттуты предполагают здесь персидское слово *шўр* (собств. 'волнение, спор', но также 'конный базар'); ср. Ибн Баттута, III, 3.

другие рынки [41]. . . За чертою Хорезма — река Джейхун, одна из четырех рек, которые [текут] из рая. Во время стужи она замерзает, как Итиль; люди ходят по ней, и она остается замерзшей 5 месяцев. Иногда ходили по ней в то время, когда она начинала распускаться, и погибали. В летнее время ездят по ней в судах до Термеза и привозят оттуда пшеницу и ячмень. Для спускающегося вниз [по реке] это переезд в 10 [дней]. За Хорезмом [находится] скит, построенный над могилой шейха Неджм ад-дина ал-Кубра, одного из великих праведников» [42]. Из произведений Хорезма путешественник с особенным восторгом говорит о хорезмийских дынях, которые, по его словам, вывозились «из Хорезма в самые крайние земли Индии и Китая». Из Хорезма Ибн Баттута отправился в Бухару; по его словам, «это [составляет] путешествие в 18 дней по пескам, где нет ни села, ни города единого [43] . . . Мы ехали 4 дня и прибыли в город Кят. Кроме его, по этой дороге нет [другого] поселения» [44]. Из Кята Ибн Баттута отправился «по дороге, известной под названием Сепая»; на этом пути ехали шесть дней по безводной местности, потом прибыли в селение Вабкену (Вафкенд), откуда был еще день пути до Бухары [45].

Под названием города Хорезма Ибн Баттута, конечно, описывает Ургенч. Как известия об Ургенче после монгольской эпохи, так и направление русла Куня-Дарьи показывают, что город находился на правой стороне тогдашнего главного русла Аму-Дарьи [46], так что Ибн Баттута на пути из Ургенча в Кят мог переправляться только через боковые протоки реки. Совершенно неосновательно де Гуе ставит нашему автору в упрек, что он не упоминает о переправе через Аму-Дарью [47]. Рассказ о путешествии через Кят в Бухару показывает, как мало страна, за исключением столицы, успела оправиться от монгольского нашествия. Слова о «дороге на Сепая» (букв. 'три ступени') [48] показывают, что Ибн

---

[41] Дальше говорится о некоторых обычаях жителей.

[42] Ибн Баттута, II, 450 и сл.; III, 1 и сл.; СМИЗО, I, 307—309. О шейхе ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 403—404, 470 <наст. изд., т. I, стр. 440, 503> — по Рашид ад-дину; ср. также (по тому же источнику) Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 112 и сл.; II, 119 и сл.

[43] Дальше о прощании с эмиром и казием.

[44] СМИЗО, I, 313—314; Ибн Баттута, III, 19 и сл.

[45] Ибн Баттута, III, 21.

[46] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 494; <наст. изд., т. I, стр. 524>.

[47] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 21: «Ebenso könnte man aus Ibn-Batûta folgern, daß man zu seiner Zeit, um von Urgendj nach Kât zu kommen, den Oxus nicht zu passieren hatte, da er auch der Ueberfahrt keine Erwähnung thut».

[48] <*Сепая*, или — в современном таджикском произношении — *сепоя*, означает 'треножник', 'тренога', но никак не 'три ступени'. Сепоя — также технический термин, так называется специальное сооружение из связанных бревен, предохраняющее берег от размывания водами реки. (О сепоя в Хорезме см. Гулямов, *История орошения Хорезма*, стр. 245.) Возможно, что указанная местность получила название по таким сепоя, укреплявшим здесь берег Аму-Дарьи.>

Баттута покинул берег реки значительно выше Кята; станция Сепая, по рассказу Истахри, находилась в 4 днях пути ниже Амуля (Чарджуя) и в 3 днях выше Даргана [49]. По той же дороге, как мы увидим дальше, совершал свои походы на Хорезм Тимур.

Со времени хана Узбека (1312—1340) получил развитие также упомянутый торговый путь из Европы в Азию. Средоточием торговли южной России с Европой и мусульманскими странами издавна служил город Судак (собств. Сугдак) в Крыму, впоследствии также основанная генуэзцами Кафа (Феодосия). После 1316 г. в Тане, при устье Дона (ныне Азов), образовалась генуэзская, в 1332 г. венецианская колония [50]; этот город сделался исходным пунктом торгового пути на восток. Наиболее подробные данные об этой торговле дает Бальдуччи Пеголотти [51], находившийся на службе у флорентинской компании Барди и написавший свое руководство для купцов около 1340 г. В этой книге указываются торговые пути, перечисляются термины, употреблявшиеся в разных странах для обозначения базаров и торговых пошлин, даются сведения о товарах, какие где следует покупать, и вообще практические советы купцам. Пеголотти считает от Таны до Хаджи-Тархана (Астрахани; старый город, разрушенный Тимуром в 1395 г., находился несколько западнее нынешнего) 25 дней в арбах, запряженных волами, или 10—12 дней езды на лошадях; оттуда до Сарая — 1 день водой [52], от Сарая до Сарайчика — 8 дней, также водой; можно ехать и сухим путем, но это обходится дороже. От Сарайчика до Ургенча — 20 дней в арбах, запряженных верблюдами; от Ургенча до Отрара — 35—40 дней, тем же способом. У кого есть товары, тому лучше заехать в Ургенч, так как здесь всякие товары имеют хороший сбыт; у кого их нет, тому лучше ехать более кратким путем (к северу от Аральского моря) из Сарайчика прямо в Отрар (50 дней). Пеголотти советует брать с собой из Европы полотняные ткани, продавать их в Ургенче и там запасаться *сомами*, т. е. слитками серебра, ходившими в татарских странах [53]. Эти подробные инструкции купцам показывают, что если бы в эту эпоху Сарыкамыш соединялся с Аралом, т. е. если бы на пути из Сарайчика в Ургенч приходилось переправляться через значительную озерную поверхность, то Пеголотти не мог бы умолчать об этом. Ибн Баттута, как мы видели, также не говорит ни слова о подобной переправе; о ней не упоминает и миссио-

---

[49] Истахри, 338; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 141; <наст. изд., т. I, стр. 197>. Из слов Истахри видно, что в Сепая к Аму-Дарье подходила также дорога в Хорезм из Мерва (Истахри, 284).

[50] Heyd, *Geschichte des Levantehandels*, Bd II, S. 183—184.

[51] Yule, *Cathay*, vol. II, p. 279 sq.

[52] Ибн Баттута считает от Хаджи-Тархана до Сарая 3 дня пути по льду «реки Итиля и соединенных с нею вод» (СМИЗО, I, 306; Ибн Баттута, II, 446).

[53] Ибн Баттута, II, 287—289; известно, что слово *сом* теперь употребляется тюркскими народностями в России в значении «рубль».

нер Пасхалис, проехавший в 1338 г. из Таны в Сарай, из Сарая по Волге и Бакинскому (Каспийскому) морю в Сарайчик, оттуда в телегах, запряженных верблюдами, в Ургенч [54].

Еще меньше мы узнаем из европейских источников о Каспийском море и сопредельных с ним странах. Плавание генуэзцев по Каспийскому морю началось, по словам Марко Поло, незадолго до написания его книги, т. е. в конце XIII в.; генуэзцы «перевезли сюда свои суда» [55], вероятно из Дона в Волгу. Целью стремлений генуэзцев был гилянский шелк [56]; восточный берег моря не представлял для них ничего привлекательного и, по-видимому, мало посещался ими. Составители довольно многочисленных карт XIV в.[57], на которых изображено Каспийское море и впадающие в него реки, находились под явным влиянием классических географов, особенно Птолемея. Исключение представляет только так называемая Каталанская карта (Carta Catalana) 1375 г.; здесь на восточном берегу помещен целый ряд урочищ, не упомянутых в других источниках. По этой карте в «Сарайское или Бакинское» море, несколько западнее города Ургенча, впадала «река Ургенча» (flum d'Organçi); место впадения реки отмечено под названием Cavo (мыс) de Stayra. Южнее этого места помещены на карте следующие названия (в порядке от севера к югу):

Punta de Sabium
Ogus.
Daldozen.
Flum Amo.
Amo.
Cavo d'Oschi.
Golf de Dayo.
Deystam (Дихистан).

Между устьями «Ургенчской реки» и Яика (flum Layech) помещены следующие урочища (в порядке от юго-востока к северо-западу):

Cavo Yancho.
Chocinacho.
Mebnemeselach (Мангышлак?)
Treftargo (город).
Golf de Monimentis (Мертвый Култук) [58].

Некоторые из этих названий, как видно уже из их звукового состава, несомненно представляют тюркские географические термины, но определить истинное произношение названий и действительное местоположение урочищ не представляется возможным. Из того, что устье «flum

[54] Мосхейм, прилож. № XCII; Yule, *Cathay*, vol. I, pp. 231—234.
[55] Марко Поло, пер. Минаева, 31; изд. Потье, I, 44; изд. Юла—Кордье, I, 52.
[56] Heyd, *Geschichte des Levantehandels*, Bd II, S. 112.
[57] Помещены в кн.: Hommaire de Hell, *Les steppes*.
[58] Buchon — Tastu, *Atlas en langue catalane*, pp. 125—128, карта при стр. 118.

d'Organçi» отмечено отдельно от устья «flum Amo», заключают, что река впадала в море несколькими устьями [59]. Никаких данных о плавании торговых судов по нижнему течению Аму-Дарьи и оттуда по Каспийскому морю мы не имеем. Хейд (Heyd), автор классического труда о левантинской торговле, допускает, что до разрушения города Астрахани товары могли перевозиться из Средней Азии «вниз по Джейхуну через Ургенч и Астрахань в Тану» [60], но не приводит фактических примеров подобных торговых сношений.

Некоторый историко-географический материал дают нам известия о походах Тимура на Хорезм, преимущественно *Зафар-нāме* Шереф ад-дина Йезди. Первый поход произошел в 1372 г. Незадолго перед этим в Хорезме утвердилась самостоятельная династия Суфи из рода Кунграт; правитель Хусейн Суфи лет за пять [61] до похода Тимура овладел городами Кятом и Хивой, причислявшимися уже со времени Чингизхана к владениям чагатайского улуса. Из слов арабских писателей, особенно ал-Омари, можно заключить, что по крайней мере при хане Узбеке Джучидам принадлежал весь Хорезм, до Даргана на юге [62]; в рассказе Ибн Баттуты граница между владениями Джучидов и Чагатаидов точно не указывается; на китайской карте 1329—1331 гг., обнародованной архим. Палладием [63], эта граница действительно проведена между городами Кэти (Кят) и Хуалацзыму (Хорезм, Ургенч).

Тимур требовал возвращения этих городов и, получив отказ, начал поход. Войско шло из Самарканда через Бухару и достигло берега Аму-Дарьи в месте Сепая (см. выше, стр. 59); здесь был разбит авангард врагов; оттуда пошли на Кят и взяли этот город приступом. Лерх делает из этого рассказа ошибочный вывод, что в Сепая произошла переправа через реку и что Кят находился на левом берегу [64]; о такой переправе нет ни слова. Из Кята двинулись на Хорезм (Ургенч); авангард встретил и разбил отряд врагов у «Гурленского протока» (Джу-и Гурлен), т. е., очевидно, там, где теперь проходит главное русло и где в XIV в. был только боковой проток реки. Хусейн заперся в своей столице и хотел

---

[59] Reclus, *Géographie*, pp. 404—405. Юл отмечает указанное на карте течение Аму-Дарьи как одну из ошибок карты (Yule, *Cathay*, vol. I, prelim. essay, p. CCXXVI), но в своих примечаниях к книге Марко Поло видит в многочисленности приведенных на карте географических названий вдоль берегов Каспия доказательство, что плавание по Каспийскому морю к этому времени сделалось для генуэзцев обычным явлением (Марко Поло, изд. Юла, I, 61).

[60] Heyd, *Geschichte des Levantehandels*, Bd II, S. 377.

[61] По словам Низам ад-дина Шами (рук. Брит. муз., л. 47б), пять лет; по словам Шереф ад-дина Йезди (I, 232), 5—6 лет.

[62] СМИЗО, I, 243.

[63] Помещена в ТЧРДМ, т. IV <Чан-чунь, пер. Кафарова>. Об этой карте ср. Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 3 (к этому же тому приложено воспроизведение карты).

[64] Lerch, *Khiva oder Kharezm*, S. 21.

просить мира, но изменил свое намерение, когда получил от одного из военачальников Тимура тайное обещание перейти во время битвы на сторону хорезмийцев. Тогда он вывел свои войска и расположился у «Реки дыни» (Аб-и Кавун), в 2 фарсахах от города [65]. Конница Тимура вплавь переправилась через этот проток; изменник не исполнил своего обещания, и хорезмийцы были разбиты. Тимур осадил столицу; во время осады умер Хусейн Суфи; его брат и преемник Юсуф заключил с Тимуром мир. Было решено выдать племянницу Юсуфа, носившую, как внучка хана Узбека, прозвание Ханзаде, за сына Тимура, Джехангира; кроме того, конечно, было исполнено требование относительно уступки Кята и Хивы. Тимур вернулся обратно в Самарканд через Хас [66], город, находившийся, по дорожнику Макдиси, на 1 переход ниже Кята [67].

Юсуф Суфи уже осенью того же года нарушил договор и разграбил Кят. Весной 1373 г. Тимур снова пошел на Хорезм, но, пройдя через пески, встретил посольство Юсуфа, с извинениями за набег, принял извинение и вернулся обратно [68]. В 1374 г. состоялась свадьба Джехангира [69]; тем не менее Тимур уже в 1376 г. предпринял свой третий поход на Хорезм. Войско пришло в Сепая [70]; с другой стороны [71] к этому же месту должен был прийти военачальник Туркен, наместник Гурзивана и местности по Аб-и Меймене; но тот до прибытия Тимура покинул берег реки и вернулся в свое наместничество, где поднял восстание; Тимур должен был выслать против него отряд. Сам Тимур через Кят дошел до Хаса, откуда вернулся обратно вследствие известия о смутах в его владениях [72].

В 1377 г., во время пребывания Тимура в Отраре, Юсуф совершил набег на Бухару и впоследствии заключил в тюрьму посла Тимура, когда тот потребовал объяснений. В 1379 г. снова был предпринят поход на Хорезм. О походе войска до прибытия к столице на этот раз не говорится; сказано только, что войско, «переправившись через Эски-угуз ('Старый проток', вероятно, старое русло реки), окружило город» [73]. После продолжительной осады, во время которой умер Юсуф Суфи, город был взят и разграблен; знатные люди, ученые, художники и ремеслен-

---

[65] В сочинении Мусеви <*Ta'rīḫ-i ǧaihānī*> (об этом историке см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 55; <наст. изд., т. I, стр. 105>) проток назван «протоком кагана» (قاغان اوکوزی).

[66] Шереф ад-дин Йезди, I, 235—243.

[67] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 149; <наст. изд., т. I, стр. 204—205>; Макдиси, 343, $_{11}$; de Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 110.

[68] Шереф ад-дин Йезди, I, 244—245.

[69] Там же, 252.

[70] И здесь неправильно у Лерха (*Khiva oder Kharezm*, S. 39): «Bei Se-paje ging er über den Dscheihun».

[71] Мы видели (стр. 59, прим. 49), что к Сепая приводила также дорога из Мерва.

[72] Шереф ад-дин Йезди, I, 260—263.

[73] Там же, 290—293.

ники были уведены в Кеш (Шахрисябз) [74], где в следующем году хорезмийскими мастерами был построен дворец Ак-сарай [75].

Хорезму еще раз пришлось испытать на себе гнев Тимура в 1388 г. Зимой 1387-88 г. Тохтамыш совершил набег на Мавераннахр; жители Хорезма приняли его сторону [76]; Тимур, находившийся в то время в Персии, поспешно вернулся в Самарканд, после чего враги бежали, оставив в Хорезме одного из джучидских царевичей, Иль-ыгмыш-оглана, и члена местной династии Сулеймана Суфи. Тимур прибыл в место Эгри-яр ('Кривой яр'); авангард переправился через «речку Багдадек» (очевидно, один из северных протоков Аму-Дарьи, см. выше, стр. 48), где захватил патруль врагов. Тимур на дальнейшем пути переправился через «проток Чедрис» (Джу-и Чедрис); там же он получил известие, что оба предводителя врагов бежали к Тохтамышу. Отряд, посланный для преследования бежавших, прошел через места Кумкент и Кыр, настиг врагов и нанес им большой урон. Кумкент, как видно из сочинения Абулгази [77], находился к западу от Ургенча, на расстоянии фарсаха к востоку от города Везира. Заняв город Хорезм (Ургенч), Тимур отдал приказ переселить всех жителей в Самарканд, а самый город сравнять с землей и на месте его посеять ячмень. Разграбление города продолжалось десять дней [78]. Только в конце 1391 г., после возвращения Тимура из похода на Тохтамыша, было дано разрешение восстановить город; назначенный Тимуром наместник Мусаке восстановил один из кварталов Ургенча, именно так называемый «квартал каана» [79], который в прежнее время вместе с Кятом и Хивой считался собственностью чагатайских ханов. Еще при Шереф ад-дине Йезди, писавшем в 1425 г., новый город Ургенч состоял только из этого квартала [80].

В рассказе о походах Тимура на Хорезм Узбой не упоминается; тем более драгоценен приведенный мною в другом месте [81] рассказ исто-

---

[74] Там же, 298—300.

[75] Так по Абд ар-Раззаку Самарканди, рук., л. 73б: استادان خوارزمی سرای عالی که حالا باق سرای مشهور است طرح انداختند. Возможно, что постройка получила название по одному из зданий в окрестностях Ургенча. Еще при описании похода Шейбани на Ургенч (в начале XVI в.) в окрестностях Ургенча упоминается место Ак-сарай, где остановился один из отрядов Шейбани, подошедший к Ургенчу по хивинской дороге (Мухаммед-Салих, *Шейбани-наме*, изд. Вамбери, 392).

[76] Абд ар-Раззак, рук., л. 87б.

[77] *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 236.

[78] Абд ар-Раззак, рук., л. 87б.

[79] Здесь, вероятно, находился упомянутый выше (стр. 62, прим. 65) «проток кагана».

[80] Шереф ад-дин Йезди, I, 447—449. У Лерха (*Khiva oder Kharezm*, S. 40) событие 1391 г. рассказано крайне неточно («ließ er Kharizm wieder aufbauen und die Städte Kât und Khivaq (das jetzige Khiva) mit Mauern umgeben»).

[81] Статья *К вопросу о впадении Аму-Дарьи* <см. ниже, стр. 248—251>. Ср. текст: Захир ад-дин Мар'аши, 436.

риков об отправлении в 1392 г. правителей Мазандерана, сейидов, с южного берега Каспийского моря в Хорезм на судах. Наиболее подробно рассказывающий об этом событии Захир ад-дин ал-Мар'аши, мазандеранец по происхождению, сам происходил из рода сейидов и говорит о плавании со слов своего отца, которому в то время было 12 лет. По его словам, Тимур, прибыв в Сари, приказал «приготовить суда в гаванях и отправить сейидов, посадив их на суда, в Мавераннахр. Согласно приказанию продержали сейидов в крепости, пока не были готовы суда, назначили эмира, пользовавшегося доверием, с несколькими людьми из стражи, составили инструкцию и вручили ее тому доверенному лицу, с тем чтобы, когда судно с сейидами достигнет такого-то места на реке Джейхуне, высадить их на берег, дать им подводы и отправить каждого из них в то место, которое указано в инструкции. Согласно высочайшему повелению посадили сейидов на судно, отвезли их в Огурчу и таким же образом из Огурчи по реке Джейхуну до определенного места, там высадили их и распределили по различным областям согласно инструкции».

Можно только пожалеть о том, что Захир ад-дин не сообщил нам названия места высадки; очевидно, суда могли доходить только до порогов на Узбое. Насколько нам известно, здесь впервые названо урочище Огурча, которое, как мы увидим дальше, упоминается у авторов XV и XVI вв. как место впадения Аму-Дарьи в Каспийское море. В настоящее время только один остров носит название «Огурчинского»; в половине XVIII в., по словам Вудруфа, бывшего здесь в 1743 г., так называлась целая группа островов [82]; может быть, в средние века существовало место с подобным названием и на материке. Судя по правописанию большей части рукописей, первоначальная форма этого названия — Агрыча или Огруча, от слова *агры* или *огру* (по-киргизски[83] *уру*) 'вор, разбойник'; перестановка звуков могла произойти впоследствии, может быть уже под русским влиянием.

---

[82] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 48.

[83] <По-казахски.>

IV

Мусаке оставался правителем Хорезма до смерти Тимура (1405 г.). Во время смут, последовавших после этого события, Хорезм (в конце того же или в самом начале следующего года) снова вошел в состав государства Джучидов, которым тогда полновластно распоряжался известный мирза Едигей. Когда Едигей в 1410 г., после вступления на престол хана Тимура, подвергся опале, он нашел убежище в Хорезме. В рассказе об этих событиях [1], между прочим, упоминается место Сам [2], в 10 днях пути от Хорезма (Ургенча). По-видимому, следует читать Шам; по русским расспросным сведениям начала XVII в., так назывался город на пути в Ургенч, в 3 днях быстрой и в 6 днях медленной езды от берега Эмбы; всего от берега Эмбы до Ургенча ехали не более 10 дней [3]. Смутами в Хорезме воспользовался Шахрух, чтобы в 1412 г. отправить туда отряды из Хорасана и Мавераннахра и после некоторого сопротивления восстановить свою власть в стране (в начале 1413 г.). Правителем Хорезма был назначен эмир Шах-Мелик, остававшийся в этой должности до своей смерти (1426 г.) [4].

К эпохе управления Хорезмом Шах-Мелика относятся те сведения об Аму-Дарье, которые мы находим у Хафиз-и Абру, придворного историка и географа султана Шахруха. Та часть его географической компиляции, в которой говорится об Аму-Дарье и Сыр-Дарье, написана в 820/1417 г. Знавший по книжным источникам о существовании «Хорезмийского озера» (Аральского моря), Хафиз-и Абру в самых определенных выражениях заявляет, что «теперь, т. е. в 820 г., этого озера нет; вода Джейхуна проложила себе [новый] путь и изливается в Хазарское море в месте Гёрледи»; дальше прибавлено, что «другое название этого места — Агрыча» (или Огурча) и что «после Хорезма река течет большей частью

---

[1] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., лл. 191а—198а, и писавший с его слов Абд ар-Раззак Самарканди (рук., лл. 194б—195б).

[2] Одинаковое чтение у Хафиз-и Абру (л. 192б) и у Абд ар-Раззака.

[3] Эти сведения взяты из отчета русского посольства, опубликованного проф. Веселовским: ПДТС, II, 250. По всей вероятности, Шам и Сам — диалектические произношения одного и того же названия. Город мог находиться недалеко от озера (на Устюрте), которое и теперь носит название Сам.

[4] Основным источником сведений об этих событиях является Абд ар-Раззак, рук., л. 232б.

по степи до того места, где изливается в Хазарское море». О Сыр-Дарье сказано, что она «в Хорезмийской степи соединяется с Джейхуном и впадает в Хазарское море» [5].

Положение автора едва ли позволяет заподозрить его в том, что он не знал, куда впадает Аму-Дарья. Любопытно также его свидетельство, что берега реки после ее выхода из пределов Хорезма большей частью представляли степь, другими словами, что водой Узбоя в то время еще мало пользовались для целей ирригации. Что касается его слов о тождестве названий Гёрледи и Огурча, то тут им, вероятно, допущена ошибка; как нынешний вид русла, так и приведенный выше рассказ о плавании сейидов в 1392 г. заставляют предполагать, что река протекала еще некоторое пространство ниже порогов, по определению Глуховского — 193 версты. Русло Узбоя исчезает в 3 верстах ниже пересечения рельс железной дороги; здесь начинается Бала-Ишемская низменность, составлявшая в эпоху впадения Аму-Дарьи в Каспийское море продолжение Балханского залива [6]. Свидетельство Хафиз-и Абру о соединении Сыр-Дарьи с Аму-Дарьей очень любопытно, но пока не находит себе подтверждения ни в каких других источниках. Подтверждается только, что река изменила свое течение и от Дженда направлялась к юго-западу, в пески (см. стр. 55); еще Бабур говорит о Сыр-Дарье, что «эта река значительно ниже [города] Туркестана вся впитывается в пески и не соединяется ни с какой рекой» (или морем) [7]. Можно полагать, что в течение небольшого промежутка времени этот проток был так многоводен, что мог доходить до Аму-Дарьи [8].

Шах-Мелику в 1426 г. наследовал его сын Насир ад-дин Ибрахим; но уже в 1431 г. в страну произвел вторжение с низовьев Сыр-Дарьи юный узбекский хан Абулхайр [9], дед Шейбани; Ибрахим должен был бежать в Кят и Хиву. Вторжение не имело завоевательного характера; по рассказу Абд ар-Раззака Самарканди, узбеки взяли и разграбили Хорезм (Ургенч), после чего ушли в свои степи; Шахрух отправил отряд на кочевья узбеков, который «всех тех дерзких уничтожил и рассеял» [10].

---

[5] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 7—8; там же персидский текст по рук. Публ. библ. Дорн 290. Ср. английский перевод Ролинсона: PRGS, vol. XI, p. 116 ‹заседание 11. III. 1867 г.›; немецкий перевод: Roesler, *Die Aralseefrage*, S. 245 sq.

[6] Глуховской, *Пропуск вод Аму-Дарьи*, стр. 199, 205.

[7] *Бабур-наме*, изд. Ильминского, 2; изд. Бевериджа, л. 2а: ترکستان دین خیلی قویی راق بو دریا تمام قومغه سینکار هیچ دریاغه قاتیلماس.

[8] Ср. оригинальное стихотворение об участи киргизского народа, найденное М. С. Андреевым в одной старой рукописи (*Старая киргизская элегия*): «Была в старое время у нас река; называлась она Кызыл-Дарья; ее началом был Сейхун (Сыр-Дарья); переезжала она Кызыл-кумы до Джейхуна (Аму-Дарьи). Была культура везде, когда была река, но и она высохла по повелению бога». В примечании это место приведено и в подлиннике.

[9] Он родился, по словам его биографа, в 816/1413 г.

[10] Абд ар-Раззак, рук., л. 240а.

По рассказу среднеазиатского историка Абулхайра, Мас'уда Кухистани, который ссылается на слова сына Абулхайра, Суюнич-хана, Абулхайр подверг разграблению только казну правителей Хорезма, а жителям города не причинил никакого вреда; возвращение в степь было вызвано климатическими условиями Хорезма, неблагоприятно отражавшимися на здоровье войска [11]. Как бы там ни было, этот рассказ подтверждает, что Абулхайр очистил Хорезм, не оставив в области ни наместника, ни гарнизона. Лет тридцать после этого мы видим Хорезм под властью другого Джучида, хана Мустафы, противника Абулхайра [12]; о том, когда Мустафа отнял Хорезм у Тимуридов, мы не имеем известий. В 1460 г., по рассказу Хондемира, в Хорезм бежал из Астрабада потомок Тимура Хусейн, соперник тогдашнего главы Тимуридов, султана Абу Са'ида (1452—1469). Направляясь из Астрабада «в сторону Агрычи (Огурчи) и земли Адак», он через 7 дней достиг Аму-Дарьи, «переправился на судах и лодках» [13], вмешался в происходившие в стране смуты, но в конце года заключил мир с Мустафой и вернулся в Астрабад. В 1461 г. он снова бежал из Астрабада на север, заблудился в местности, где его войско много терпело от «близости моря и обилия глины и грязи», и через 3—4 суток после этого достиг Адака. Поссорившись с ханом Мустафой, Хусейн переправился через Аму-Дарью и расположился на берегу протока Асаф-угузу ('Проток Асафа'), где разбил отряд подчиненного Мустафе Османа Суфи, и после этого взял город Везир, столицу хана. Жителям Везира, которых Мустафа насильно переселил туда для основания города, Хусейн позволил вернуться в Ургенч [14].

Город Везир, как видно из этого рассказа, был основан только при Мустафе; по Абулгази, он находился на расстоянии 6 агачей (фарсахов) к западу от Ургенча [15], по Дженкинсону — на высоком холме [16], очевидно на краю возвышенности Устюрт. Мы видели (стр. 63), что на расстоянии фарсаха к востоку от Везира, «на краю кыра» (плоской возвышенности), находилось селение Кумкент; другое место на краю возвышенности, Баят-кыры («Баятская возвышенность»), находилось к северу от Везира [17]. «Проток Асафа», через который переходили на пути от

---

[11] *Та'рӣх-и Абӯлхайр-хӑнӣ* (без пагинации).

[12] Там же (рассказ о битве между Мустафой и Абулхайром).

[13] В тексте неясное слово جلم, вместо него в одной старой рукописи, виденной мною в Самарканде, стоит جل ('мост').

[14] Текст из *Хабйб ас-сийар* Хондемира (тегеран. изд., II, 244—246) опубликован мной в статье *К вопросу о впадении Аму-Дарьи* <см. ниже, стр. 250>. Более короткое, но независимое от Хондемира известие об этом событии мы находим у Исфизари, автора истории Герата (ср. об этом труде GIPh, Bd II, S. 339), в этом известии также упоминаются названия Адак и Агрыча (Исфизари, рук., лл. 225б, 233а).

[15] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 235.

[16] *Early voyages*, vol. I, p. 69; de Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 30. <Соответствует городищу Дэв-кескен; Толстов, *По следам*, стр. 53.>

[17] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 239.

берега Узбоя к Везиру, не упоминается ни в каких других известных источниках. Название Адак есть, по всей вероятности, турецкое слово *адак* (старая форма), или *аяк*, — 'нога', а в применении к рекам — 'низовье', 'устье'. Хондемир употребляет это название, во-первых, для обозначения всей местности по Узбою, во-вторых, для обозначения урочища на левом берегу его. Туркменское племя, жившее вдоль верхней части Узбоя, носило, по словам Абулгази, название адаклы [18], очевидно образованное от того же самого слова. Точно определить местоположение урочища Адак мы, к сожалению, пока не в состоянии, хотя это урочище упоминается также в рассказе о действиях в Хорезме Шейбани до завоевания им Мавераннахра, еще в царствование султана Хусейна, который после смерти Абу Са'ида объединил под своею властью все иранские владения Тимуридов и владел также Хорезмом. Об этих действиях Шейбани мы имеем два рассказа, из которых один принадлежит Хондемиру (в том же сочинении *Ḥабӣб ас-сийар*), другой — анонимному автору сочинения *Нусрат-нāме*, написанного для самого Шейбани в 1502 г. В обоих рассказах говорится об одних и тех же событиях, только в различном порядке. По Хондемиру, Шейбани первый раз прошел через Хорезм на пути из Мангышлака в Бухару, причем получил подарки от наместника Хорезма, Насир ад-дина Абд ал-Халика Фирузшаха, и, повидимому, не причинил вреда области. Во второй раз Шейбани произвел набег на Хорезм в отсутствие наместника, между прочим два дня бился под Везиром с хорасанскими войсками без решительного результата, оттуда пошел на Адак, из Адака — на Астрабад, где разграбил область; из Астрабада он вернулся в Хорезм, в находившуюся в его руках крепость Терсек [19], но здесь получил приглашение от монгольского хана Султан-Махмуда и отправился к нему в Отрар [20]. Автор *Нусрат-нāме* [21] прежде рассказывает о набеге, который, по его словам, произошел в 891 г., в год лошади (1486). Военные действия под Везиром в этом рассказе подробно описываются в качестве геройского подвига узбеков. Под Везиром соединились два десятитысячных отряда из Хорасана, из которых один был приведен Абд ал-Халиком «по хивинской дороге», другой прошел через Адак, где (как показывает употребление глагола *бастурмак*) про-

[18] Там же, 221, 224—225, 241.

[19] Терсек упомянут у Абулгази (там же, 212) в качестве города, зависевшего от Везира, т. е. находившегося в северо-западной части Хорезма; более точного указания на его местоположение нет.

[20] Рассказ Хондемира приведен, в тексте и русском переводе, В. В. Вельяминовым-Зерновым в его *Исследовании о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 245—249 (перевод), 256—258 (текст).

[21] По рукописи Аз. муз. 590 < *Тавāрӣх-и гузӣде-йи нусрат-нāме* >, лл. 99а—103а. Это сочинение послужило источником для автора «Шейбаниады» (*Шейбāнӣ-нāме*), изданной проф. Березиным в тексте и русском переводе (Березин, *Библиотека*, т. I). В «Шейбаниаде», по крайней мере по печатному изданию, текст *Нусрат-нāме* часто сильно искажен.

ложил себе путь силой [22]. С другой стороны, у Шейбани было всего 600 человек; с этими силами он с утра до вечера бился с двадцатитысячным войском врагов и заставил его отступить в крепость. Хорасанское войско направилось через некоторое время из Везира в Ургенч, откуда был распущен ложный слух о прибытии в Хиву нового десятитысячного отряда под начальством сына султана Хусейна. Шейбани сдал находившийся в его руках Терсек Султан-Махмуд-хану и оставил здесь свой багаж, а сам «взял оружием Адак, который до тех пор не удалось взять оружием ни одному царю» [23], на дальнейшем пути «перешел через Феравские горы» [24] и произвел набег на Астрабадскую область, после чего вернулся в Хорезм. Когда Шейбани возобновил осаду Везира (по-видимому, в следующем году), то отправление из Хорасана тридцатитысячного отряда под начальством сына Хусейна и возмущение некоторых узбецких военачальников побудили его снять осаду и удалиться на зимовку в Мангышлак. Из Мангышлака он (очевидно, следующей весной) пошел через Хорезм на Бухару, получил в Хорезме подарки от Абд ал-Халика и прибыл на Сыр-Дарью, к озеру Кара-куль.

Из приведенного рассказа видно, что через урочище Адак проходил в XV в. один из главных путей в Хорезм; упоминание «Феравских гор» заставляет предположить, что на этом пути переходили через горы Копет-Даг около Кызыл-Арвата и что, следовательно, Адак находился около порогов на Узбое. По-видимому, местные туркмены не подчинялись ни Хорасану, ни Хорезму; урочище Адак было так сильно укреплено, что взять эту крепость до Шейбани не удалось ни одному владетелю. К сожалению, в рассказе о действиях Шейбани нет никаких подробностей о пути узбецкого войска от Везира до Адака [25]; рассказ Хондемира о походе Хусейна в 1464 г. также очень краток и не дает нам сведений о том, где происходила переправа через Аму-Дарью и проходила ли дорога к востоку или к западу от Сарыкамышской котловины (более вероятно, конечно, первое). Все-таки не подлежит сомнению, что в рассказе Хондемира о действиях Хусейна в 1460 г. говорится о течении Аму-Дарьи и о переправе через нее на судах в той местности, где теперь находится сухое русло Узбоя. Свидетельство Хондемира тем более заслу-

---

[22] Текст (л. 99б): بنه اون مينك كيشى نى اداغ باستوروب اول بيكلاركا مدد بيبارىب تورور.

[23] Л. 101а: اداغ كيم هيچ بادشاه اوروشوب الماى تورور ايردى اوروشوب الديلار.

[24] Там же: فاراو تاغلاردين اوتوب.

[25] Позднее ‹т. е. после первого издания этой работы› из другого источника (из персидской героической поэмы *Фатх-наме*, написанной в честь Шейбани; единственная рукопись в Самарканде) мной было опубликовано подробное описание осады Адака [*Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 184 и сл.]. По этому рассказу Адак лежал на берегу бурного моря Кара-тенгиз (быть может, на Сарыкамыше). К сожалению, трудно решить, насколько автор придерживался в своей поэме фактической географической обстановки.

живает внимания, что автор для географических приложений к своим собственным историческим трудам и к *Раузат ас-сафā'* своего деда Мирхонда [26] заимствует данные не у Хамдаллаха Казвини, а, подобно большинству компиляторов, у географов X в., с их слов определяет размеры «Хорезмийского озера» и говорит о впадении в него Джейхуна и Сейхуна. В литературе по аму-дарьинскому вопросу это последнее свидетельство Хондемира даже приводилось в доказательство того, что Аму-Дарья в его время не могла впадать в Каспийское море [27]. Уже этот один факт показывает, как осторожно следует относиться к словам компиляторов этой эпохи. Что касается рассказа Хондемира о действиях Хусейна, то о жизни этого государя наш историк вообще оставил нам более подробные сведения, чем все прочие источники, и мог получить эти сведения в Герате от приближенных самого Хусейна [28]. Хондемир родился в Герате в 880/1475-76 г. и прожил в этом городе до сдачи его узбекам в 913/1507-08 г. Подобно Мирхонду, он пользовался покровительством известного везира и поэта Мир Али-Шира, который в 904/1498-99 г. вверил ему свою библиотеку [29].

Число компиляторов XIV и XV вв., заставляющих Аму-Дарью и Сыр-Дарью по-прежнему впадать в Аральское море, довольно велико. Кроме приведенного выше свидетельства Ибн Фадлаллаха ал-Омари в монографии де Гуе [30] сделана ссылка на труды Абу-л-Фида, Димашки, Ибн Халдуна и некоторых других авторов XIV в.; из географов XV в. особенное значение придается труду Джурджани, умершего в 881/1476-77 г., вероятно потому, что этот автор происходил из местности, прилегающей к Каспийскому морю и находящейся только в небольшом расстоянии к югу от Узбоя, следовательно, мог иметь о географических условиях местности более подробные сведения, чем другие. К сожалению, эти ожидания не оправдываются; показания Джурджани обнаруживают безусловную зависимость этого автора от географов X в., и в особенности от *Джахāн-нāме* Мухаммеда Бекрана (см. выше, стр. 48), и потому не имеют, на наш взгляд, никакого самостоятельного значения. Но ввиду того что де Гуе и разделяющие его взгляд противопоставляют свидетельство этого автора показаниям Хамдаллаха Казвини, Хафиз-и Абру и Абулгази (рассказы Захир ад-дина и Хондемира тогда не были

---

[26] Географическое приложение входит в состав VII тома этого труда, ср. рукопись ун-та № 292, лл. 16б, 19б.

[27] Риттер, *Иран*, стр. 264 (*из дополнений* Ханыкова).

[28] Историк, наиболее близкий к этим событиям по времени, Абд ар-Раззак Самарканди (писал в 875/1470-71 г.) под 864/1460 г. говорит только о бегстве Хусейна из Астрабада в Хорезм, без сообщения каких-либо подробностей (Абд ар-Раззак, рук., л. 322б); под 868/1464 г.— о набеге Хусейна на Хорасан и Кухистан и возвращении в Хорезм через Мерв (там же, л. 333а).

[29] Elliot, *The History of India*, vol. IV, pp. 141—142; GIPh, Bd II, S. 356.

[30] *Das alte Bett des Oxus*, S. 20.

известны), мы считаем нужным привести полностью перевод отрывков, помещенных, в немецком переводе, в монографии де Гуе [31].

1. «Море Абескунское, Хазарское, Джурджанское — всё названия одного и того же моря; ему придают разные названия, так как все эти места лежат вокруг него. Абескун — небольшое селение на берегу моря, в пределах Джурджана и Мазандерана. Вправо от Абескуна — Дихистан, потом Сиях-кух и страна Балхан, потом Мангышлак [32], потом Хазар, потом Семендер, потом Дербенд хазарский, носящий также название Баб ал-авбаб, и Баку [33], потом Ширван, Мукан, Арран, Гилян и Дейлем, потом Табаристан, потом Гурган и прилегающие к нему земли, наконец Абескун. Длина моря от Абескуна до Хазара (земли хазаров) — 260 фарсахов [34], ширина — 218 фарсахов. Большие реки (*джейхуны*) изливаются в это море, особенно из Мазандерана, Дейлема и Гиляна. Вода этого моря горько-соленая, кроме тех мест, где в него впадает вода рек и еще не успела смешаться [с морской водой]. И река (*джейхун*) Итиль впадает в это море» [35].

2. «Озеро Джендское и Хорезмийское. В пределах Дженда есть озеро, которое называют также Хорезмийским. В окружности оно имеет 100 фарсахов, в диаметре [36] — 32 фарсаха; вода его соленая. Река (*джейхун*) хорезмийская впадает в это озеро, также река шашская и ферганская. Между местом впадения реки хорезмийской и местом впадения рек шашской и ферганской расстояние в 20 фарсахов [37]. Эти обе большие реки, названные мною, и еще несколько меньших впадают в озеро; хотя его размеры невелики и количество воды незначительно, все-таки оно не

---

[31] Некоторые выдержки еще раньше были напечатаны, также в немецком переводе, Дорном (*Auszüge*, S. 36—43). Дорн пользовался рукописью Брит. муз., де Гуе — рукописью Лейденской библиотеки; третья рукопись находится в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде (по каталогу Эте ‹Sachau — Ethé, *Catalogue*›, № 413). В петербургских библиотеках, насколько мне известно, нет экземпляра этого сочинения.

[32] Примечание де Гуе (*Das alte Bett des Oxus*, S. 23, Anm. 1): «Es ist aber in beiden HSS ein offenbarer Schreibfehler, dass das Siah-Kuh vor Balkhân genannt wird». Еще труднее объяснить опечаткой, что Сиях-кух вообще назван отдельно от Мангышлака.

[33] Де Гуе (ibid., S. 24, Anm. 1) приводит примечание Дорна: «Die Angabe findet sich öfters, ist aber nicht genau». Названия областей заимствованы у географов X в.; ср. Истахри, 219.

[34] Та же цифра у Хамдаллаха Казвини (*Нузхат ал-кулӯб*, рук. ун-та № 171, л. 263а).

[35] В переводе Дорна (*Auszüge*, S. 40) дальше говорится об «очень вероятном» существовании подземного соединения Арала с Каспием, оканчивающегося водоворотом; расстояние между обоими морями — 8 дней, а по другим — 60 фарсахов (?). Приводится еще рассказ ездившего вдоль берега всадника о внезапной буре, причем вода дошла до груди его лошади, и рассказ мореплавателей о семи волнах, следующих при сильном ветре одна за другой, после чего море успокаивается.

[36] У Дорна: в ширину.

[37] Неизвестно, из какого источника заимствовано (безусловно неверное) показание.

прибывает. По-видимому, вода имеет сток; возможно, что это упомянутый выше водоворот в Абескунском море. На берегу озера есть горы, носящие название Чагра».

3. «О реках (*джейхунах*). Большой проток (*джуй*) называется рекой (*руд*); большая река называется *джейхуном*, хотя [слово] Джейхун собственно есть название той большой реки, которая течет мимо Термеза и впадает в Джендское озеро».

4. «Джейхун хорезмийский. Выше было сказано, что название Джейхун собственно принадлежит этой реке, но что многие прилагают его ко всем большим рекам. Джейхун вытекает в стране Вахан из тибетских гор, течет мимо пределов Бадахшана; в пределах Хутталяна и Вахша в него впадают пять больших рек, вследствие чего это место носит название Пенджаб[38]. Из Кабадиана он получает еще притоки и доходит до Балхской области, протекает между Балхом и Термезом, потом мимо Келифа, Земма и Амуля, наконец достигает Хорезма, где впадает в озеро Дженда и Хорезма. По берегу Джейхуна считают от Бадахшана до Термеза 13 станций (переходов), от Термеза до Земма — 5, от Земма до Амуе — 4, от Амуе до Хорезма — 12, от Хорезма до Джендского озера — 6 [39]. Из Джейхуна отведен большой канал в сторону Кята, который носит название Кят-хоре [40]. За день пути до прихода к этому каналу [41] есть на Джейхуне место, очень опасное для судов, так как русло Джейхуна здесь стеснено двумя горами и вода стремительно низвергается сверху через эту теснину. Там можно провести суда только с большой осторожностью. Зимой поверхность воды покрыта таким твердым льдом, что по нему могут проходить люди и скот. Замерзание начинается со стороны [озера] Дженда и постепенно распространяется до места, лежащего против Хорезма (Кята?)».

5. «Чачская река носит в книгах название Нахр аш-Шаш ('Шашской реки'), так как пишут Шаш вместо Чач. Она вытекает из Туркестана, недалеко от Чигиля, проходит через область Узгенда, потом принимает илакский проток (Ангрен), течет по области Ахсикета, потом через Ходженд, потом через Фараб, наконец через области тюркских и туркменских племен [и впадает] в Джендское озеро» [42].

---

[38] Это место буквально соответствует тексту *Джахан-наме* (ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 73, прим. 9; <наст. изд., т. I, стр. 122, прим. 7>).

[39] Цифры также взяты из *Джахан-наме* (ср. <Бекран, *Джахан-наме*,> рук. Нац. б-ки, л. 191, и выше, стр. 48).

[40] Явное искажение сведений географов X в. о канале Гавхорэ ('Коровья еда'; ср. Истахри, 301; Ибн Хаукаль, 352, $_5$); Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 143; <наст. изд., т. I, стр. 199>.

[41] Такое же расстояние между теснины и истоком канала Гавхорэ указано у Ибн Хаукаля (354); по Истахри (304) — только 3 фарсаха.

[42] Начало и конец отрывка о Сыр-Дарье буквально соответствуют тексту *Джахан-наме* (рук. Нац. б-ки, л. 192). К сожалению, я в свое время не выписал полностью всего отрывка из этой рукописи, которой теперь у меня нет под руками; не могу по-

6. «Пустыня между Хорезмом и Хорасаном настолько известна, что не нуждается в более подробном описании. Ширина ее — около 100 фарсахов» [43].

Кроме того, де Гуе замечает, что основательное знакомство Джурджани с этими областями видно также из его таблиц широт и долгот, в которых, между прочим, названы гавань Суль (صل) на Мангышлаке, колодец Миянгах в степи между Неса и Хорезмом, упомянутый также у Макдиси, рабат Ферава в Джурджанской области, пограничное место с владениями гузов, Джурджания, главный город Хорезма, Кят, второй город, и Дарган, последний город в сторону Бухары.

Де Гуе основательно замечает, что только употребление нашим автором слова *джейхун* в нарицательном смысле могло ввести в заблуждение ученых (Эйхвальд и др.), видевших в словах Джурджани доказательство того, что Аму-Дарья в его время одним рукавом впадала в Каспийское море [44]. Но трудно согласиться с мнением де Гуе, что показаниями Джурджани доказывается обратное и опровергаются слова Хафиз-и Абру и других. Самое употребление в конце XV в. терминов Джурджания, гузы, хазары и т. п. достаточно показывает, что перед нами только компилятор, черпающий свои сведения из старых книг, а не автор, лично изучивший страну и сообщающий нам результаты своих исследований. Книжное происхождение всех известий Джурджани, за исключением еще не объясненного названия мангышлакской гавани, может быть документально доказано; в тех случаях, где он отступает от текста своих источников, его слова заключают в себе, как мы видели, явные ошибки и несообразности [45].

Так же мало дает нам другой географ, Бакуви, живший в начале XV в. Значение города Баку в эту эпоху видно уже из того, что Каспийское море в то время часто называлось Бакинским. Живя в этом городе, автор имел полную возможность получить подробные и точные сведения о состоянии прикаспийских стран в его время. К сожалению, он не воспользовался

этому определить, находится ли уже в источнике нашего автора допущенная им географическая ошибка (как известно, Ангрен впадает в Сыр-Дарью ниже Ахсикета и Ходжента). <Эта ошибка содержится уже в тексте *Джахан-наме* (см. Бекран, *Джахан-наме*, изд. Борщевского, л. 11б, 20–22).>

[43] И здесь автор пользуется *Джахан-наме*. Слова об «известности» страны также принадлежат не Джурджани, а Бекрану; ср. персидский текст в моем труде *Туркестан*, ч. I, стр. 81. Буквальный перевод слов Бекрана: «Между Хорезмом и Хорасаном есть известная пустыня, и состояние ее знают вследствие многочисленности очевидцев».

[44] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 27—28.

[45] Джурджани, конечно, слышал рассказы некоторых лиц, ездивших по Каспийскому морю и вдоль его берегов, что не помешало ему иметь крайне неточное понятие о бассейне Каспия вообще. Таким же образом Мас'уди, несмотря на всю неточность сообщаемых им (ср. выше, стр. 45—46) сведений, лично совершил плавание из Абескуна в Табаристан и собирал сведения от купцов (Мас'уди, *Мурўдж*, I, 274).

этой возможностью; говоря о северном береге моря, он не называет ни монголов, ни Сарая, ни Сарайчика, ни Хаджи-Тархана, а выписывает из книг рассказы об Итиле и хазарах [46]. Не удивительно, что и этот автор, подобно Джурджани, знает только о впадении Аму-Дарьи в Аральское море [47].

Мы имеем для XV в. еще два свидетельства о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море, но эти два показания принадлежат авторам, не посещавшим никогда ни Хорезма, ни восточного берега Каспия и не указывающим своих источников. Испанский посол Клавихо, который в 1404 г. на пути в Самарканд к Тимуру переправлялся через Аму-Дарью к северу от Балха, называет эту реку Виадме (Аб-и Амуе) и говорит о ней, что она «выходит из гор, протекает по равнинам Самаркандской области и впадает в Бакинское море» [48]. Ибн Арабшах, автор «Истории Тимура», написанной в 840/1436-37 г., говорит при описании похода Тимура на Золотую Орду о Волге (Итиле): «Впадает она (река) в море Кульзумское (Каспийское), подобно Джейхуну и прочим рекам аджемским (персидским)» [49]. Ибн Арабшах, вероятно, видел Хорезм, как и устье Волги, собственными глазами: в Астрахани он провел несколько лет [50]. Оба свидетельства могут быть приведены в дополнение к более подробным данным, без которых они, конечно, не имели бы значения.

---

[46] Бакуви, 532.

[47] Там же, 514.

[48] Клавихо, изд. Срезневского, стр. 225. Ср. Риттер, *Иран*, стр. 621. Ханыков, как и де Гуе (*Das alte Bett des Oxus*, S. 22), использовал также английское издание этого описания путешествия.

[49] Ибн Арабшах, изд. Мангера, I, 382. Ср. СМИЗО, I, 464.

[50] Ибн Арабшах, изд. Мангера, I, 376; СМИЗО, I, 461; Brockelmann, GAL, Bd II, S. 29.

V

Шейбани завоевал Хорезм в 911/1505 г., незадолго до смерти султана Хусейна [1]. В 1510 г., после поражения и смерти Шейбани, Хорезм на короткое время перешел во власть персидского шаха Исма'ила; вскоре после этого произошло новое вторжение узбеков, которым при поддержке местного духовенства, не желавшего примириться с господством шиитов, удалось подчинить себе сначала Везир, потом Ургенч, наконец и южную часть Хорезма и образовать здесь самостоятельное ханство; основателями новой династии были хан Ильбарс и его брат Байбарс [2]. Сведения об истории этого ханства в XIV в. мы получаем почти исключительно из сочинения хана Абулгази, родившегося в 1603 г.[3], вступившего на престол в 1643 г. (в Хиве только в 1645 г.) и умершего в 1663 г. Историю своих предков Абулгази, по его собственным словам [4], мог написать только по устным рассказам и преданиям за отсутствием письменных источников; оттого в его рассказах много неясного, особенно по отношению к хронологическим датам; но в тех редких случаях, когда мы имеем возможность проверить его рассказ другими, более ранними источниками, слова Абулгази в общем находят себе полное подтверждение.

---

[1] До нас дошел подробный рассказ об этом завоевании, принадлежащий Мухаммед-Салиху, участнику похода, хорезмийцу по происхождению (*Шейбани-наме*, изд. Вамбери, 388—444). Шейбани шел по дороге через Кят (стр. 390), причем через реку (اوكوز!) переправился только один отряд, отправленный по «Хивинской дороге» (стр. 392). В Хорезме правил, в качестве наместника султана Хусейна, Чин Суфи и защищал Ургенч 10 месяцев; особенно выдающееся участие в обороне города принимало туркменское племя адак, которое понесло наиболее тяжелые потери (стр. 432). Город был взят в пятницу 21 раби' I 911/22 августа 1505 г. (стр. 442).

[2] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 208—215. Кроме Абулгази о тех же событиях говорит несколько более ранний автор Хайдер Рази, по словам которого персидский наместник еще до прибытия узбеков был низложен Шерифом Суфи, очевидно представителем упомянутой кунгратской династии (Хайдер Рази, *Та'рих-и Хайдари*, берл. рук., без пагинации).

[3] Дата правильно установлена проф. Н. И. Веселовским (*Очерк историко-географических сведений*, стр. 129). Вообще во всех случаях, где в изложении Абулгази дата по хиджре не соответствует дате по животному циклу, более правильной оказывается последняя дата.

[4] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 78.

В состав нового ханства вошли также города Атека [5] (Неса, Абиверд, Дурун и др.). Атек носил название «Стороны гор» (Таг-бою), в противоположность Хорезму в собственном смысле, или «Стороне воды» (Су-бою), т. е. берегам Аму-Дарьи. Вопреки мнению де Гуе [6], существование такого деления в XVI в. нисколько не доказывает, что Аму-Дарья в эту эпоху не могла доходить до Балханского залива. Если Узбой в это время был речным руслом, то и тогда расстояние между городами Атека и этой «водой» остается довольно значительным. Балхан, вопреки словам де Гуе, не входил в состав Таг-бою; сам де Гуе [7] приводит слова Абулгази, где «туркмены, жившие по берегам Аму-Дарьи, в Балхане и Дихистане», названы отдельно от Таг-бою и Су-бою и не причисляются ни к той, ни к другой стороне [8]. К Хорезму в собственном смысле (Су-бою) эта часть берегов Аму-Дарьи не могла быть причислена; по Куня-Дарье ниже Везира, по Сарыкамышу и Узбою никогда не было городов, и местность всегда оставалась в руках туркменских кочевников. Хорезмийские ханы старались и этих кочевников подчинить своей власти и обложить данью, что некоторым из них удавалось. В рассказах Абулгази об этих походах сообщаются некоторые географические сведения; о той же местности говорится также при описании междоусобий среди правителей Хорезма и Атека и при описании набегов хорезмийских узбеков на Астрабад и прикаспийские области, так как мимо Узбоя вела дорога из Хорезма как в Атек, так и в Астрабад.

Наиболее подробный рассказ Абулгази об Узбое и населении его берегов относится к царствованию Суфьян-хана. Точно определить время этого царствования не представляется возможности; в этом отношении существует разногласие между Абулгази и персидским историком Хайдером Рази. По Абулгази, Суфьян-хан правил «несколько лет»; его брат и преемник Буджуга-хан был современником бухарского хана Убейдаллаха (1533—1539) и шаха Тахмаспа (1524—1576); Буджуга-хан также правил «несколько лет» [9]. Хайдер Рази дает более ясные хронологические указания, но называет Суфьян-хана не предшественником, а преемником Буджуги. По Хайдеру Рази, предшественник Буджуги умер в 930/1524 г.; Буджуга правил пять лет, после него Суфьян, низложенный в 941/1534-35 г.

---

[5] Атеком (собств. «Этек» 'край') называется узкая культурная полоса к северу от гор Кюрен-Даг, Копет-Даг и пограничных гор Хорасана, теперь — преимущественно восточная ее часть с Абивердом. Развалины города Неса находятся примерно в 10 км западнее Ашхабада, Дурун лежал между Кызыл-Арватом и Геок-Тепе. <О Неса (Нисе) см. М. Массон, *Городища Нисы*; о Дуруне см. Литвинский — Мошкова, *Изучение Така-Языра, Дуруна*.>

[6] *Das alte Bett des Oxus*, S. 54.

[7] Ibid., S. 53.

[8] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 220.

[9] Там же, 221—228.

своим братом Аванешом [10] (по Абулгази, Аванеш мирно вступил на престол после смерти Буджуги). Подробный рассказ Абулгази о посольстве Буджуги к шаху Тахмаспу и о женитьбе шаха на дочери Суфьяна не помогает нам разрешить это хронологическое противоречие, так как пока не находит себе подтверждения в персидских источниках [11]. Во всяком случае кратковременное царствование Суфьян-хана началось и окончилось между 1525 и 1535 гг.

Племя эрсари, жившее около Балхана, убило сборщиков податей хана, который вследствие этого предпринял поход против туркмен. По этому поводу описывается местность по Аму-Дарье ниже Ургенча в следующих словах [12]:

«В то время [13] идти от Ургенча к Балхану значило идти от одного аула к другому, так как река Аму, пройдя мимо подножия ургенчской крепости, направлялась к восточному [краю] Балханских гор; дойдя до подножия гор, она меняла направление *кибли* (юго-западное) на западное [14], дальше текла к Огурче и впадала в Мазандеранское море. По обоим берегам Аму-Дарьи до Огурчи были пашни, виноградники и рощи [15]. Весной [жители] удалялись на возвышенные места; владельцы стад в период оводов и комаров уходили к колодцам, находившимся на расстоянии одного или двух переходов, а после исчезновения комаров возвращались к берегу реки; населенности и цветущему состоянию [местности] не было пределов. От Пишгаха (букв. 'Передняя часть', 'Фасад') до [урочища] Кары-кичит (букв. 'Старушечий брод') жило племя адаклы-хызыр, от [урочища] Кары-кичит до западной стороны Балханских гор по обеим берегам — племя али [16], оттуда до места впадения [реки] в море —

---

[10] Хайдер Рази, *Та'рйх-и Хайдарй*, берл. рук., ср. об этой рукописи Pertsch, *Verzeichniss*, № 418 (S. 410 sq.).

[11] Во главе посольства стоял, по Абулгази, сын Суфьяна Агыш-султан, который получил от шаха город Ходженд в Хорасане и мирно прожил здесь 30 лет, ни разу не покинув города для какого-нибудь похода (Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 228; I, 212). Между тем, по словам Хасана Таки, писавшего в 985/1577 г., Агыш-султан, хорезмийский царевич, принимал участие в битве Убейдуллы бухарского с персами в начале 1536 г., притом на стороне узбеков (рук. Публ. б-ки Дорн 287, л. 59а; пагинация сделана неверно, с конца), а в 1539 г.— в битве Дин-Мухаммеда с бухарцами (там же, л. 51; ср. об этой битве Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 243—244).

[12] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 207; II, 221—222. Перевод сделан нами вновь с подлинника ввиду некоторых неточностей в переводе Демезона.

[13] Неизвестно, почему г-н Кошкин (*Разъяснение*, стр. 177) начинает рассказ Абулгази словами: «В 880 г. хиджры».

[14] Неточно у Демезона: «. . . d'où le fleuve tournait (pendant quelque temps) vers le sud-ouest, pour se diriger ensuite à l'ouest».

[15] В переводе Демезона: «Les deux rives. . . n'offraient qu'une suite de terres cultivées, de vignobles et de vergers».

[16] Как известно, такое племя (али-эли) существует и в настоящее время.

племя [17] тиведжи ('погонщики верблюдов'). Но не будем больше отклоняться от своего рассказа».

Пишгах упоминается у Абулгази несколько раз; из его слов видно, что так назывались колодцы на расстоянии одного большого перехода от Ургенча [18], притом на левой стороне реки, так как на пути из Пишгаха в Ургенч приходилось переправляться через Аму-Дарью; к Пишгаху приходили направлявшиеся к Ургенчу от колодцев Куртыш [19]. Урочище Карыкичит упоминается только в этом одном месте, так что местоположение его остается неизвестным; вероятно, оно находилось ниже порогов, так как название племени адаклы несомненно имеет связь с названием урочища Адак.

Суфьян-хан разбил туркмен; остатки их бежали в урочище Чутак, находившееся в 3 переходах к северу от Балхана. Абулгази много раз лично посетил это урочище; оно было почти недоступно для нашествия врагов, так как в него вела только узкая тропа, но было совершенно лишено воды; если бы не последнее обстоятельство, то урочище могло бы выдержать без вреда самую продолжительную осаду [20]. Недостаток воды заставил туркмен сдаться и прибегнуть к заступничеству младшего брата хана, благодаря которому они получили помилование. Все племена были обложены данью; племена, жившие по Аму-Дарье и носившие общее название уч-иль ('три племени'), платили десятину со всех пашен; с племен али и тиведжи взимался также налог со стад; племя адаклы должно было доставлять хану нукеров [21].

Все эти подробности в устах автора, достоверность которого вообще признает сам де Гуе [22], несомненно, заслуживают внимания и едва ли позволяют принять объяснение рассказа Абулгази, предложенное тем же ученым. Абулгази прожил среди балханских туркмен около двух лет [23] (1639—1641); в это время он, по мнению де Гуе, видел русло Узбоя и слышал о нем рассказы от туркмен. Кочевники знали только, что когда-то здесь протекала Аму-Дарья; для обозначения далекого прошлого у необразованных людей нет более сильного выражения, как «сто лет тому назад»; такое же выражение о старом русле реки употребили балханские туркмены в разговоре с путешественником Вудруфом, бывшим здесь в 1743 г. [24].

---

[17] В этом случае употреблено слово خلق; в двух первых случаях — слово ايل.

[18] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 299.

[19] Там же, 241. Между тем г-н Коншин помещает Пишгах «на берегу Каспийского моря» (*Разъяснение*, стр. 178). ‹Об упомянутом далее урочище Кары-кичит см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 595, прим. 75.›

[20] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 222. Путем исследований на месте, вероятно, удалось бы точно определить местоположение Чутака.

[21] Там же, 224—225. О племени тиведжи Абулгази в другом месте (II, 271) говорит, что оно состояло из 5—6 тыс. семейств.

[22] *Das alte Bett des Oxus*, S. 46: «. . .seine Erzählung trägt im allgemeinen das Gepräge von Treue und Wahrheitsliebe».

[23] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 338.

[24] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 49—50.

То же самое, вероятно, слышал Абулгази, но понял слова «сто лет» буквально; поэтому он в своих рассказах о походе Суфьян-хана и других событиях первой половины XVI в. исходил из того представления, что в эту эпоху река доходила до Балханского залива, и соответственно этому излагает происходившие в этой местности военные действия и т. п. [25]. Теперь, когда известны рассказ Захир ад-дина о плавании сейидов и рассказ Хондемира о походах Хусейна, едва ли можно утверждать, что рассказ Абулгази стоит так одиноко среди других известий, как полагал де Гуе, и едва ли может быть оправдано безусловно скептическое отношение к этому рассказу, тем более что в самом тексте Абулгази нет никаких неясностей и противоречий. Две странные фразы, отмеченные в монографии де Гуе (в одной говорится, что река только от Балхана принимает юго-западное направление, в другой — что пашни вдоль реки составляли «непрерывный ряд»), находятся только в переводе Демезона, которым пользовался де Гуе, а не в подлиннике. Де Гуе видит «непримиримое противоречие» [26] еще в том, что жители берегов реки, с одной стороны, описываются как земледельцы, с другой — кочуют летом и осенью со своими стадами; дорога вдоль берегов реки идет «от аула к аулу» и в то же время вдоль пашен, садов и виноградников. Между тем жизнь современных туркмен по берегам Атрека и Гюргена показывает, что в их быту довольно высокое развитие земледелия не исключает сохранения некоторых привычек кочевой жизни, что совершенно отказываются от перекочевок и остаются круглый год на берегах рек только бедняки, у которых почти нет скота, как и в рассказе Абулгази перекочевывают только «владельцы стад». Если бы у Абулгази говорилось не о туркменских запашках, а о городах и многолюдных селах, то его рассказ находился бы в противоречии с остальными источниками и потому возбуждал бы гораздо больше сомнений.

Несколько лет спустя, в царствование Аванеш-хана, брата Суфьяна и Будюги, в стране произошли смуты, которыми воспользовался бухарский хан Убейдаллах, чтобы в 1538 г. овладеть Хорезмом. Начало смутам положил, по рассказу Абулгази [27], набег юного Дин-Мухаммеда, сына Аванеш-хана, из Ургенча на Астрабад и Мазандеран. Дин-Мухаммед шел вдоль берега реки до тугая [28] Чекдалик, оттуда к колодцам Динар. Первое урочище упоминается только в этом месте; колодцы Динар, по справедливому замечанию де Гуе, отмечаются и на современных картах (к юго-западу от Игды). Отправившись оттуда, Дин-Мухаммед имел столкнове-

[25] Ibid., S. 55.

[26] Ibid., S. 47: «Dieser Widerspruch ist nicht zu heben».

[27] *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 214—217; II, 230—233.

[28] В переводе Демезона (там же, II, 230): «endroit, où il (le fleuve) forme un coude»; у де Гуе (*Das alte Bett des Oxus*, S. 53): «wo dieser (der Fluss) einen Winkel macht». Как известно, термин *тугай* имеет более обширное значение; ср. Радлов, *Словарь*, III, 1430 — «мель». ‹*Тугай* — пойменный лес.›

ние со сборщиком податей Мухаммед-Гази-султана, владетеля Дуруна, и отнял у него верблюдов и баранов. За это люди Мухаммед-Гази-султана на обратном пути схватили Дин-Мухаммеда и отправили его в Дурун; часть его свиты, спасшаяся бегством, от стыда не решалась вернуться в Ургенч без царевича и осталась «на большой дороге, в Курдыше (Куртыше), прося милостыню у людей». Мимо того же урочища прошел и Дин-Мухаммед, которого его враг связанным отправлял к его отцу. У Куртыша было в то время много аулов; Дин-Мухаммед, стыдясь своих оков, упросил своих спутников не останавливаться там и проехать еще некоторое расстояние. Когда они расположились отдыхать, явились товарищи Дин-Мухаммеда, перебили стражу, освободили своего султана и вместе с ним вернулись в Ургенч, где он тотчас принял меры для отмщения своему врагу.

Убейдаллах, завоевав Хорезм, оставил в Ургенче своего сына Абд ал-Азиза [29]. Хорезмийские царевичи, избежавшие бухарского плена, удалились к Дин-Мухаммеду, который во время предшествовавших смут овладел Дуруном. Некоторые царевичи из Ургенча переправились через реку на судах, так как «в то время между Ургенчем и Везиром ходили суда» [30].

Дин-Мухаммед и его союзники решили идти на Ургенч и на пути остановились в Куртыше; здесь они созвали знатных людей племени адаклы-хызыр [31], просили у них помощи и обещали им в случае успеха свободу от податей и почетное место на левой стороне, наравне со знатными узбецкими родами. Туркмены доставили им 1000 человек, вместе с которыми войско царевичей достигло 3000; с этими силами они дошли до Пишгаха, но не решились продолжать путь на Ургенч, а направились в сторону Хивы и Хазараспа [32]. Победа их в этих местах заставила Абд ал-Азиза очистить Ургенч и освободила страну от бухарского ига.

После ухода бухарцев в Хорезме возобновились смуты; в рассказах Абулгази об этих событиях нет данных о местностях по Узбою. Эти смуты окончились в 1558 г. возведением на престол Хаджи-Мухаммеда, или Хаджим-хана (деда Абулгази), под непосредственным управлением которого сначала находился только город Везир [33]. В тот же 1558 г. в Хорезм прибыл англичанин Антоний Дженкинсон — насколько известно, единственный европеец, посетивший в XVI в. Хорезм и оставивший описание своего путешествия [34].

---

[29] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 239.

[30] Там же, I, 224; II, 241.

[31] Новое доказательство, что местность около порогов на Узбое была занята этим племенем; ср. выше, стр. 77. По Хасану Таки, л. 51б (об этом историке, называвшемся также Хасан Румлу, см. GIPh, Bd II, S. 587), в войске Дин-Мухаммеда были также туркмены племени али.

[32] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 225; II, 241.

[33] Там же, II, 253.

[34] *Early voyages*, vol. I.

Дженкинсон, посланник королевы Елизаветы и агент торговой компании, основанной в Англии для развития торговли с «Московией», приобрел расположение Иоанна Грозного и получил от царя рекомендательные письма, когда отправился из Москвы через Казань и Астрахань в Среднюю Азию, чтобы вновь исследовать торговый путь в Китай. Дженкинсон и его спутники в начале августа [35] 1558 г. покинули на корабле Астрахань и плыли к востоку, останавливаясь по дороге несколько раз, между прочим около устьев Яика и Эмбы. Мели около входа в Мертвый Култук заставили их быстро повернуть курс на юг; «чем дальше они плыли, тем выше становился берег»; наконец они достигли залива, где южный берег был выше северного; здесь около мыса их настигла буря, продолжавшаяся три дня. Текст Дженкинсона в этом месте крайне неясен [36], но, по-видимому, его слова надо понимать в том смысле, что буря помешала им достигнуть мангышлакской гавани, находившейся «на 12 лье (36 англ. миль) внутри одного залива», и заставила их пристать к низменному (северному) берегу того же залива [37]. Оттуда они отправили людей к местному правителю и, получив от него благоприятный ответ на свою просьбу — дать средства для путешествия в Везир, 3 сентября покинули свой корабль. Несмотря на некоторые притеснения со стороны туркмен, англичане 14 сентября могли отправиться в путь, «образуя караван в 1000 верблюдов». По справедливому замечанию де Гуе [38], англичане, конечно, не могли бы приобрести такое количество верблюдов в той пустынной местности, где сперва высадились; едва ли они даже нуждались в таком количестве для привезенных ими товаров; очевидно, они пристали к большому каравану, направлявшемуся из Мангышлака в Хорезм.

Через пять дней караван прибыл во владения Тимур-султана, правителя Мангышлака, который взял с Дженкинсона в виде пошлины девятую часть его товаров, ценностью в 15 рублей, но зато дал ему охранный лист и коня ценностью в 7 рублей [39]. Этот Тимур-султан, брат Хаджим-

[35] Даты указываются крайне неясно и противоречиво; Дженкинсон говорит, что покинул Астрахань 6 августа (*Early voyages*, vol. I, p. 59), а несколько ниже (ibid., p. 63), что он 2 августа покинул устье Яика.

[36] Буквальный перевод (*Early voyages*, vol. I, p. 64): «От этого мыса мы проследовали к гавани, называемой Mangoslaue. Место, где мы должны были достигнуть самой южной части Каспийского моря (т. е. самый южный пункт предполагавшегося плавания), находится в 12 лье внутри одного залива; но, так как мы были очень измучены и отброшены упомянутой бурей, мы были принуждены пристать к другой местности, на другой стороне залива, поперек упомянутого Mangoslaue, представлявшей очень низменную страну». Между тем дальше (p. 66) Mangoslaue (Мангышлак) называется именно та страна, куда буря помешала пристать кораблю.

[37] Вероятно, Кочак, между полуостровами Бузачи и Мангышлак. Так полагают и издатели (*Early voyages*, vol. I, p. 64). Де Гуе (*Das alte Bett des Oxus*, S. 32) принимает мнение Ленца, по которому высадка произошла на северном берегу залива Кара-кичу.

[38] *Das alte Bett des Oxus*, S. 39.

[39] *Early voyages*, vol. I, p. 66. Рубль того времени представлял значительно большую ценность, чем нынешний.

хана, упоминается и у Абулгази [40]. Покинув ставку султана, караван шел «20 дней [41] по пустыне от берега моря, не встречая ни города, ни жилищ, неся с собой съестные припасы для всего этого времени; необходимость вынудила нас (очевидно, припасы оказались недостаточными) съесть одного из моих верблюдов и лошадь; то же самое сделали и другие. Все эти двадцать дней мы не встречали воды, кроме той, которую добывали из старых, глубоких колодцев, но и она была очень горькой и соленой; иногда проходило два-три дня даже без такой воды. 5 октября [42] мы снова прибыли к заливу Каспийского моря», где «мы нашли воду очень свежей и вкусной». У этого «залива» они уплатили пошлину таможенным чиновникам туркменского царя, остались там день отдохнуть, выехали оттуда 4 октября (sic) и 7-го прибыли к «замку Sellizure» т. е. к городу Везиру (Шехр-и Везир). О заливе делается еще следующее замечание: «Заметь, что в прежние времена в этот залив впадала большая река Окс, имеющая свои истоки в Паропамисских горах, в Индии; теперь она сюда не доходит, но впадает в другую реку, называемую Ардоком, которая течет к северу, теряется в земле, протекает под почвой около 1000 миль, потом снова выходит на поверхность и впадает в озеро Китай» [43].

О Везире говорится, что он «расположен на высоком холме, где живет царь, называемый каном (ханом); его дворец выстроен из земли (из глины), очень плохо и не представляет сильного укрепления; народ беден и ведет только небольшую внутреннюю торговлю. К югу от этого замка — низменная местность, но очень плодородная, где растет много хороших плодов». Из последних названы дыни и арбузы, из хлебных растений Jegur (джугара). Все каналы, орошавшие местности, были проведены «из реки Окса, к великому ущербу для означенной реки; по этой причине она не впадает в Каспийское море, как в прежние времена, и через короткое время, вероятно, вся местность будет разорена и обратится в пустыню вследствие недостатка воды, когда река Окс истощится» [44].

Передав Хаджим-хану письма московского царя и получив от него охранный лист, Дженкинсон 14 октября уехал из Везира и 16-го [45] прибыл в Ургенч, где, так же как в Везире, заплатил пошлину и получил охранный лист от местного правителя Али-султана, который, как мы знаем

---

[40] *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 254, 269—271.

[41] Это число и приводимая дальше дата заставляют де Гуе (*Das alte Bett des Oxus*, S. 36) полагать, что дата 14 сентября относится ко дню отъезда из ставки Тимур-султана, а не ко дню оставления берега моря.

[42] По мнению издателей, опечатка вместо «3-го», так как 4-го произошел отъезд. Де Гуе считает первую дату (5-го) правильной, а вторую (4-го) ошибочной, ввиду указанного выше числа дней путешествия (двадцать). По мнению де Гуе, путешественники 6-го покинули Айбугир и 7-го прибыли в Везир. Но мы увидим ниже, что предположение о тождестве «залива» с Айбугиром маловероятно.

[43] *Early voyages*, vol. I, pp. 67—68.

[44] Ibid., pp. 69—70.

[45] У Лерха (*Khiva oder Kharezm*, S. 27) по ошибке: 14 и 16 декабря.

из слов Абулгази, владел большею частью «обоих юртов», т. е. Таг-бою и Су-бою [46], и был самым могущественным представителем династии, хотя ханский престол занимал его двоюродный брат Хаджим. Город Ургенч находился в равнине и был окружен земляным валом, всего в 4 мили в окружности. Базар состоял из длинной крытой улицы; но вследствие бывших перед тем продолжительных междоусобий значение города совершенно упало; было немного купцов, и даже те были очень бедны, так что Дженкинсон во всем городе не мог продать и четыре куска саржи. Товары привозились из Бухары и Персии, но в ничтожном количестве [47].

Только 26 ноября англичане выехали из Ургенча и шли 100 миль вдоль берега Окса, потом «переправились через другую большую реку, называемую Ардоком», где заплатили большую пошлину. О реке Ардок говорится в несколько иных выражениях, чем раньше: «Река Ардок велика и очень быстра, вытекает из упомянутого Окса, проходит около 1000 миль к северу, там теряется в земле, протекает под ней около 500 миль, снова выходит на поверхность и впадает в озеро Китай» [48]. Дальнейший путь до Кята, куда англичане прибыли 7 декабря, не описывается. Дальше караван шел в небольшом расстоянии от правого берега Аму-Дарьи почти до самой Бухары, которой достиг 23 декабря [49].

В Бухаре Дженкинсон прожил зиму и убедился в полном упадке торговли между Бухарой и Китаем. В сопровождении послов от владетелей Бухары и Балха он решил вернуться в Россию и на пути пробыл 8 дней в Ургенче и Везире для снаряжения каравана. Здесь к нему присоединились послы из Хорезма, отправлявшиеся в Москву с большим страхом, так как перед тем долго не было посольств из «Тартарии» в Россию. 2 апреля Дженкинсон выехал из Везира и 23-го достиг берега Каспийского моря [50].

Слова о пресной воде и о прежнем течении Аму-Дарьи едва ли позволяют сомневаться в том, что Дженкинсон принял за залив Каспийского моря не Айбугир, как думали Ленц и де Гуе [51], а Сарыкамыш [52]. На карте Дженкинсона [53] изображен длинный залив, который тянется от Каспийского моря к востоку почти до города Везира. Это показывает,

---

[46] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 260.

[47] *Early voyages*, vol. I, pp. 70—72.

[48] Ibid., pp. 74—75.

[49] Ibid., pp. 80—81.

[50] Ibid., p. 94.

[51] *Das alte Bett des Oxus*, S. 32, 39—41.

[52] Таково мнение издателей отчета Дженкинсона (*Early voyages*, vol. I, p. 74). Замечательно, что такого взгляда держится г-н Коншин (*Разъяснение*, стр. 177), утверждающий, однако, что Сарыкамыш никогда не был совершенно пресным, а только «полупресноводным» озером (там же, стр. 99).

[53] *Early voyages*, vol. I, против стр. CXX. Карта помещена также в издании Hommaire de Hell, *Les steppes*. Ср. теперь также Берг, *Аральское море*, стр. 30. Карта составлена самим Дженкинсоном в 1562 г.

что караван мог подойти к Сарыкамышской котловине только с восточной, а не с западной стороны, т. е. что и тогда не было соединения между Аралом и Сарыкамышем. Русла Аму-Дарьи Дженкинсон около Сарыкамыша, по-видимому, не видел, так как впервые упоминает о реке при описании местности к югу от Везира. В Везире ему, по всей вероятности, рассказали, что река уже не доходит до Каспийского моря; он пришел к заключению, что местом прежнего впадения реки мог быть только виденный им «залив». Вообще текст Дженкинсона в том виде, как он дошел до нас, оставляет крайне неясным вопрос, как представлял себе автор течение Аму-Дарьи. В одном месте сказано, что река впадает не в Каспийское море, как прежде, а в другую реку, Ардок; объясняется, что река перестала доходить до моря вследствие множества оросительных каналов, проведенных из нее в окрестностях Везира. Дальше оказывается, что не Окс впадает в Ардок, а Ардок вытекает из Окса, притом значительно выше Везира, так что образование этого протока или увеличение количества воды в нем могло отразиться на условиях орошения в окрестностях Везира, но не наоборот. На карте Дженкинсона проток Ardock отделяется от реки Ougus и направляется к северу; несколько ниже Ougus разделяется на два рукава; северный рукав течет мимо «Urgence» (на правом берегу) и «Shaysure», т. е. Везира (на левом), и теряется в песках; южный — впадает в длинный залив Каспия, т. е. в Сарыкамыш. Но такой вид берегов Аму-Дарьи, особенно местоположение Везира, мало соответствует как рассказу самого Дженкинсона, так и другим источникам [54].

Под Ардоком Дженкинсон несомненно понимает нынешнее главное русло Аму-Дарьи, Курдер арабских географов, проток, вытекавший из реки несколько ниже Кята. Дженкинсон ехал, вероятно, по той же дороге, по которой в 1333 г. проехал из Ургенча через Кят в Бухару Ибн Баттута и по которой впоследствии шли войска Тимура. Проток, который у Ибн Баттуты совсем не упоминается и еще в эпоху Тимура не имел почти никакого значения, ко времени Дженкинсона обратился в широкий и многоводный рукав, хотя настоящим «Оксом» Дженкинсон все еще мог считать рукав, протекавший мимо Ургенча и Везира. Еще труднее объяснить, как возникло представление Дженкинсона о подземном течении Ардока и о лежащем на далеком севере озере Китай. Из двух мест, где говорится о подземном течении, ближе соответствует представлению самого Дженкинсона, по-видимому, первое; по крайней мере на карте Ардок протекает на север не 1000 миль, а только небольшое расстояние и оканчивается небольшим озером; значительно севернее, на одной широте с Пермью, помещено озеро Kitaia, в которое впадает река Sur (Сыр) и из которого вытекает река Oba (Обь); на левом берегу последней помещен го-

[54] Возможно, что под двумя рукавами реки следует понимать Даудан и Куня-Дарью, что главным руслом считался Даудан и что Куня-Дарья упоминается у Хондемира под названием «протока Асафа» (см. выше, стр. 67).

род Siber (Сибирь). Можно допустить, как и полагает де Гуе, что в воспоминаниях Дженкинсона рассказы об Иртыше и озере Зайсан смешались с рассказами об Аральском море; де Гуе приводит слова другого автора XVI в., у которого Иртыш носит название Ardoh [55]. На Аральское море во всяком случае указывает название реки Sur, протекавшей в небольшом расстоянии от Ташкента (Taskent), хотя Дженкинсон заставляет реку протекать огромное пространство на север. Замечательно, что на карте в реку Sur впадает река Amow, протекавшая мимо Бухары (Boghar) и Кермине (Kyrmina); другими словами, Дженкинсон прилагает к Зеравшану название, принадлежащее Аму-Дарье, и заставляет Зеравшан впадать в Сыр-Дарью.

Предсказание Дженкинсона, что посещенная им местность обратится в пустыню, исполнилось очень скоро. Абулгази рассказывает, что за тридцать лет до его рождения «река Аму проложила себе путь от тугая Кара-Уйгур, выше Хаст-минаре, направилась к крепости Тук и стала впадать в море Сыра (Сыр-Дарьи); по этой причине Ургенч обратился в пустыню (*чуль*). Население (*ра'ийат*), хотя Ургенч и обратился в пустыню, все-таки осталось жить там; войско (*сипах*) с ханом во главе весной уходило на берега реки Аму обрабатывать поля и после собрания жатвы возвращалось в Ургенч» [56].

Год рождения Абулгази — 1603 г.[57]; итак, описанное им событие произошло лет через 15 после путешествия Дженкинсона. Урочище Хаст-минаре упоминается у Абулгази несколько раз, притом на левой стороне реки [58]; де Гуе считает его тожественным с местом Хас [59], которое, как мы видели, упоминается у географов X в. и в рассказах о походах Тимура, но помещается на правом берегу. Мы видели (стр. 62), что Макдиси помещает Хас на расстоянии 1 перехода ниже Кята; мы знаем также (стр. 41), что приблизительно на таком же расстоянии от Кята (4 фарсаха) находился исток канала Курдер, нынешнего главного русла. Расположенное в месте разветвления двух главных рукавов реки, селение Хас должно было получить некоторое значение, что подтверждается фактом постоянного упоминания его в рассказах о походах Тимура. Таким образом, указанное у Абулгази место поворота реки действительно соответ-

---

[55] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 81.

[56] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 291; II, 312.

[57] Ср. выше, стр. 75, прим. 3. У де Гуе (*Das alte Bett des Oxus*, S. 29) ошибочно: 1605 г.; ошибка возникла вследствие того, что сам Абулгази неправильно отождествил год зайца (1603), в котором он родился, с 1014/1605-06 г. (Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 291; II, 312). Там, где у Абулгази дата по циклу не совпадает с датой по хиджре, повсюду, как показывает сопоставление этих дат, правильным является циклический год.

[58] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 79.

[59] Таким же образом известное селение Хаваст в Голодной степи (где ныне узловая станция Черняево) в письменных источниках всегда носит название Хавас (ныне город Хаваст, станция Урсатьевская).

ствует тому месту, где от прежнего главного русла отделяется проток, в который потом направилась вся вода реки. Что касается крепости Тук, то она после поворота реки была одним из ближайших к Ургенчу пунктов на Аму-Дарье. В рассказе об одном хорезмийском царевиче Абулгази заставляет этого царевича вечером отправиться из Тука и в полночь достигнуть Ургенча; перед этим тот же царевич рано утром видел стены Ургенча с вершины крепости Тука [60]. В 1602 г. из одного места немного выше Тука был прорыт канал; вода текла через урочище Куйгун в «горько-соленое море» (*аджи тенгиз*), т. е. в Арал [61]. Де Гуе полагает, что речь идет о рукаве Куванш-Джарме, теперь обратившемся в главное устье реки [62].

По мнению де Гуе, Абулгази преувеличил значение события 1575 (или 1573) г.; его слова «направилась к крепости Тук» являются результатом его «фантастического представления», будто новое русло Аму-Дарьи образовалось только в эту эпоху [63]. В словах Дженкинсона об Ардоке де Гуе видит несомненное доказательство, что уже в половине XVI в. главное русло реки, по крайней мере от плотины (Бенд), где отделяется рукав Лаудан (70 верст от Куня-Ургенча), находилось там же, где теперь; событие, рассказанное у Абулгази, могло состоять только в том, что один канал ниже Кята, вероятно Курдер, сделался главным руслом; перемена касалась только части реки ниже Кята и выше Бенда [64]. Что касается протока, направлявшегося к Ургенчу, то размеры его увеличились вследствие разрушения монголами в 1221 г. плотины, очевидно потом не восстановленной; оттого проток мог доходить до Везира и дальше; но ко времени путешествия Дженкинсона уже началось засыпание его песками, и вскоре после этого он совершенно высох [65]. Последнее явление объяснено у Абулгази, по мнению де Гуе, неверно; вероятно, оно было вызвано устройством плотины у Бенда [66]; Абулгази слышал рассказы о старом протоке и ошибочно сблизил эти рассказы с туркменскими преданиями о прежнем течении реки к Каспийскому морю [67].

---

[60] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 230—231; II, 247.

[61] Там же, I, 280; II, 301. Там же сказано, что место Куйгун находилось «по сю сторону от Бакыргана» (см. выше, стр. 51); дальше мы увидим, что, по русским источникам, «застава» Куйгу, или Куйгун, находилась в 20 верстах от Ургенча, на пути из России. По этим данным можно скорее предположить, что имеется в виду, вопреки мнению де Гуе, один из западных каналов, направлявшихся к Айбугиру. Ср. также рассказ Абулгази о бегстве царевича Касим-султана ночью из Ургенча и о прибытии его на рассвете в болотистый лес «между Бурлу-кыры и Куйгуном» (там же, II, 250).

[62] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 57. По новейшим сведениям (1907 г.) этот рукав в настоящее время совершенно пересох, ср. Берг, *Аральское море*, стр. 554.

[63] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 56.

[64] Ibid., 78—80. По Лерху (*Khiva oder Kharezm*, S. 9), крепость Бенд находилась на левом берегу реки, в 30 верстах ниже города Кипчака.

[65] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 71.

[66] Ibid., S. 76.

[67] Ibid., S. 74.

Все эти доводы разбиваются о тот простой факт, что Абулгази вовсе не говорит, будто река только около 1575 г. перестала впадать в Каспийское море, а только определяет время, когда река перестала протекать мимо Ургенча. Последний факт имел такое значение в жизни хорезмийских узбеков, что неверное определение времени или причин этого явления само по себе маловероятно. Что событие действительно произошло в царствование Хаджим-хана, доказывается словами современника этого хана, турецкого автора Сейфи, писавшего в 990/1582 г.: «Всевышний бог за что-то прогневался на них (хорезмийцев); реку Джейхун он повернул от Ургенча, столицы Хорезма; теперь река изменила свое течение и стала протекать на расстоянии нескольких дней пути от города» [68]. Из этих слов видно, что современники объясняли это событие «гневом божиим», т. е. что оно действительно имело характер неожиданного явления природы, а не было естественным последствием человеческого сооружения, вроде плотины.

Едва ли необходимо понимать слова Абулгази в том смысле, будто река в это время прорыла себе совершенно новое русло, а не направилась по одному из существовавших каналов. Проток, направлявшийся к Аральскому морю, несомненно, существовал гораздо раньше, хотя вполне возможно, что только после рассказанного события он стал достигать Арала. По крайней мере нет никаких доказательств противоположного; даже рассказ Дженкинсона заставляет предполагать, что «Ардок» терялся в песках до достижения того озера, в которое впадал Сыр. Соединение Сыр-Дарьи с Аральским морем, очевидно, было восстановлено значительно раньше, но о том, когда это произошло, мы не имеем известий. В упомянутом рассказе о действиях Шейбани около 1486 г. говорится, что, когда Шейбани, после возвращения из Адака, вторично осаждал Везир, некоторые беки остались «у места впадения Сыра» [69], но из текста не видно, говорится ли о впадении Сыра в Аму-Дарью (как у Хафиз-и Абру) или в Аральское море. Из того, что Абулгази называет Аральское море «морем Сыра»,

[68] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 10. В лейденской рукописи ‹Сейфи› (Or. 917), которой я пользовался, нет имени автора, но отрывки из того же сочинения (не относящиеся к Хорезму) приведены Шефером (во французском переводе) в приложении к его переводу сочинения Абд ал-Керима Бухари [6 (введ.), 292 и сл.]. Что местность вокруг Ургенча и Везира именно тогда запустела вследствие перемены течения, упоминает также Махмуд ибн Эмир Вели, автор *Бахр ал-асрар* (ср. об этом сочинении GIPh, Bd II, S. 362; упоминаемая Эте ‹Ethé, *Catalogue Ind. Off.*› рукопись Ind. Off. 1496 содержит только четвертую часть, первые три части сохранились в одной рукописи, найденной мной в Ташкенте, ср. об этом Hartmann, *Der Islamische Orient*, Bd I, S. 290). Отрывок об осаде Везира Абдулла-ханом в 1593 г. (упоминаемой также Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 280) переведен мной в «Туркестанских ведомостях» ‹см. ниже, стр. 258›. Там говорится, что река в это время покинула свое прежнее русло и приняла «разрушительное направление» (*самт-и кāсиф*); хан приказал копать колодцы в старом русле, но и они вскоре высохли.

[69] *Тавāрӣх-и гузӣде-йи нусрат-нāме*, л. 102б; *Шейбāнӣ-нāме*, изд. Березина, стр. LXII (перевод), 70 (текст).

можно заключить, что, по его представлению, река всегда текла в это море. Вопреки мнению де Гуе, маловероятно, чтобы местность по нижнему течению Сыр-Дарьи в эту эпоху жила одной жизнью с Хорезмом. Абулгази говорит, что от города Везира прежде зависело несколько городов, имевших каждый своего правителя, но что ко времени завоевания Хорезма узбеками осталось только два таких города, Терсек и Яны-шехр [70]. Де Гуе считает этот Яны-шехр тожественным с известным городом на нижнем течении Сыр-Дарьи [71]; но в таком случае зависимость города от Везира, от которого он был отделен еще более обширным расстоянием, чем от Ургенча, становится совершенно непонятной. Во время междоусобий, предшествовавших бухарскому завоеванию 1538 г., Султан-Гази-султан (брат убитого Дин-Мухаммедом Мухаммед-Гази) стоял в Везире, Аванеш-хан и его сторонники — в Ургенче; Султан-Гази ожидал помощи из Яны-шехра, но правители этого города медлили, так что Аванеш-хан предупредил их, разбил войско Султан-Гази у Кумкента (см. стр. 63) и занял Везир. Царевичи, отправившиеся из Яны-шехра, недалеко от Везира узнали, что Султан-Гази выступил к Кумкенту, быстро двинулись туда, но нашли там только поле битвы со множеством трупов и узнали о поражении и смерти своего союзника. Вместо того чтобы вернуться в Яны-шехр, они направились в Бухару, причем прошли «выше Ургенча» [72]. Из этого рассказа можно заключить, что Яны-шехр находился в довольно значительном расстоянии от Везира, но, вероятно, в западном или северо-западном направлении. Это подтверждается тем, что первый владетель этого города, Байбарс, брат Ильбарса, постоянно совершал набеги на балханских и мангышлакских туркмен [73].

Из слов Абулгази видно, что после поворота реки земледелие в окрестностях Ургенча, следовательно и ниже вдоль прежнего русла, стало невозможным. Из жителей Ургенча земледелием занимались только узбеки, вероятно обрабатывавшие поля при помощи рабов [74]; они должны были перенести свои пашни на берег нового русла, но после собрания жатвы возвращались в Ургенч, где продолжали жить горожане, сарты, очевидно занимавшиеся исключительно ремеслами и торговлей. Таким образом, для орошения полей воды было слишком мало, но в течение некоторого времени еще оставалось вполне достаточное количество для питья. Не только в Ургенче и Везире, но и вдоль Узбоя жизнь прекратилась не сразу. Туркменское племя эрсари, вытесненное мангытами (ногайцами) с Мангышлака, удалилось к колодцам Куртыш и Орта-кудук (Орта-кую); в 1595 г. сюда прибыли из Персии Хаджим-хан и его сыновья,

---

[70] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 212.
[71] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 65.
[72] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 236—237.
[73] Там же, 216.
[74] Веселовский, *Очерк историко-географических сведений*, стр. 146.

получили от эрсари 500—600 человек и направились дальше через Пишгах к Ургенчу [75].

Везир в последний раз упоминается у Абулгази под 1623 г.; в этом году вступил на престол старший брат Абулгази Исфендияр-хан и дал в удел самому Абулгази Ургенч, а младшему брату Шериф-Мухаммеду — Везир [76]. Абулгази и Шериф-Мухаммед возмутились против своего брата, но не имели успеха; около 1625 г. ургенчские узбеки рассеялись; часть их ушла в Бухару, часть к казакам (киргизам) и часть к мангытам (ногайцам) [77]. Через несколько лет 200 богатых узбецких семейств вернулись из Бухары, но поселились не в Ургенче, а в Арале [78]—географический термин, впервые встречающийся в эту эпоху.

Под Аралом, по словам Абулгази, понимали «место, где река впадает в море» [79]. Так как слово «Арал» значит 'остров', то, по мнению де Гуе, это название могло прилагаться к дельте реки, т. е. к острову, образованному ее главными рукавами и морем, но возможно также, что так назывался какой-нибудь местный владетель, так как у Абулгази встречается и личное имя Арал [80]. Первое предположение кажется нам более основательным. Итак, Аралом первоначально называлась дельта реки, и уже отсюда море, в которое впадала река, получило название Аральского.

Ургенч в качестве торгового города существовал еще во второй половине XVII в. [81], может быть и позже; но постепенно жизнь из Ургенча и Везира перешла отчасти в дельту Аму-Дарьи, отчасти в южные города ханства, которые теперь получили главное значение. Ургенчское, или, по русской терминологии, «Юргенское», ханство превратилось в «Хивинское» [82]. Еще Хаджим-хан в 1598 г., после освобождения страны от бухарского ига, при раздаче уделов оставил за собой Ургенч и Везир;

---

[75] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 286.

[76] Там же, 319.

[77] Там же, 328.

[78] Там же, 331.

[79] Там же, 338.

[80] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 29—30. Ср. Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 67.

[81] Ханыков, *Пояснительная записка*, стр. 307; Веселовский, *Очерк историко-географических сведений*, стр. 151.

[82] Термин «Юргенский хан» употребляется еще в грамотах начала XVIII в. (ср. Веселовский, *Очерк историко-географических сведений*, стр. 161). В связи с окончательным запустением северо-западной части ханства находится, по всей вероятности, возникновение городов Везира и Ургенча в южной части Хорезма. Время возникновения этих городов точно неизвестно, но во всяком случае они существовали еще в первой половине XVIII в. Гладышев и Муравин, бывшие в Хиве в 1741 г., называют первым городом ханства на пути из Оренбурга Гурлянь (Гурлен); дальше следовали города Везирь, Кент (Кят, на левом берегу), Шабас (Шахабад), Казабат (Газават), по ту сторону Хивы: Ханки, Ургенч, Адарус (Хазараси?), Бетняк (Питняк) и Аксарай (Ханыков, *Пояснительная записка*, стр. 276).

в 1600 г. он уступил эти города своему старшему сыну и отправился в Хиву к своему другому сыну Араб-Мухаммеду [83]. Последний в 1602 г. наследовал своему отцу и остался в Хиве, хотя несколько раз посещал Ургенч [84]. Исфендияр-хан (1623—1642) также жил в Хиве. Абулгази в 1643 г. был провозглашен ханом в Арале, в 1645 г. занял Хиву и с тех пор всегда возвращался из своих походов в этот город [85], оставшийся столицей ханства до настоящего времени.

Незадолго до поворота реки, в половине XVI в., начались торговые и дипломатические сношения России со среднеазиатскими ханствами, между прочим и с Хорезмом. Торговые сношения должны были начаться после 1554 г., т. е. после присоединения к России Астрахани.

По русским источникам, «гости» (купцы) из «Юргенча» прибыли в Астрахань уже в июле 1557 г.; послы «из Юргенча от царя Хадчима» (Хаджим-хана) достигли Москвы в октябре 1558 г.; вместе с ними упоминаются и бухарские послы [86]. Очевидно, здесь допущена некоторая хронологическая ошибка, так как ясно, что говорится о том посольстве, которое прибыло из Средней Азии с Дженкинсоном (ср. стр. 83). После этого несколько раз проезжали хорезмийские посланцы в Россию и русские в Хорезм; в 1592 г. персидский гонец, рассказывая в Москве о хорасанских событиях, мог прибавить: «То вам будет самим ведомо от посланника вашего, которой у Юргенского Азима царя» [87]. Тем не менее мы не находим в русских источниках XVI в. никаких известий о повороте реки и вообще никаких подробностей о происходивших в Хорезме событиях. Первое русское посольство, оставившее описание своего путешествия, относится к 1614 г. Послы Михаил Тихонов и Алексей Бухаров отправились через Хорезм в Персию и выехали из Самары 25 марта; перед этим они собрали сведения о предстоявшем им пути, но могли получить эти сведения только от восточных купцов; из русских в Самаре не было никого, «хто б знал дорогу хотя до Юргенчи, не токмо до Кизылбашской земли (Персии); нихто не знает дале Яика» [88]. Из Самары шли две недели до Яика, оттуда четыре недели до Эмбы, откуда вернули провожатых, взятых из Самары, и отправились дальше в «опчестве юргенских и бухарских тезиков» [89]. О дальнейшем пути нам известны только расспросные сведения, причем не сказано, насколько эти сведения потом подтвердились. Послам говорили, что «от Енбы реки до Шама лехким делом, о двуконь, три дни, а их ходом, как они в те поры шли, чаеть ходу вдвое. А го-

---

[83] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 293—294.

[84] Там же, 298.

[85] Там же, 338, 343 и сл.

[86] Карамзин, *История*, т. VIII, прим. 415.

[87] ПДТС, I, 162.

[88] ПДТС, II, 270.

[89] Тезиками (собств. таджик = перс) в русских сведениях этого времени называются купцы восточного происхождения.

ворят де бухарцы и юргенцы, что они начаютца от Енбы дойти и до Юргенча в десять ден, а больши де себе тово ходу до Юргенча от Енбы не чают» [90]. Послами были взяты с собой подарки для разных лиц, между прочим «в тюрхменской земле на Шаме царя Арапову свату Хозе (Ходже) пара соболей для того, чтоб тюрхменцом велел лошади и верблюды продавать и в наем давать»; также «на заставе на Куйгу на реке (ниже [91]: «на Куйгуне реки», см. стр. 86), от Юргенчи за 20 верст, ясаулу Куюку з дьяком 3 пары соболей для того: тотарове хотели сильно рухлядь смотрить и грабить, и он не дал» [92]. 27 мая [прибыли «в Юргенчь к царю Арапу . . . на качевье в торговище Бовод» [93]; из другого места видно, что это кочевье находилось «блиско озера» [94] (Кара-куль?). Из Ургенча выехали 28 июня и 16 июля «пришли в первой шахов город в Дрюнь» (Дурун) [95]. Об этой части своего пути ими раньше были собраны следующие сведения: «. . . итти им из Юргенчь к шаховым городом, на первой на шахов город на Корасан степью, на верблюдех, для того, что место будет безводно; а были в тех местех, куды им будет из Юргенчь итти, копани и озера, и те копани и озера юргенской Арап хан царь велел позасыпать землею, и лошади мертвые метали, и мышьяки сыпали для того, что блюлся от шаха юргенской войны; а то де им ведомо, что шах с юргенским ныне в дружбе: торговые люди на обе стороны торговать ездят» [96]. Из этого можно заключить, что процесс высыхания страны после поворота Аму-Дарьи был искусственно ускорен при Араб-Мухаммеде (1602—1622), опасавшемся нашествия на Хорезм со стороны Аббаса Великого. К сожалению, не сказано, насколько при проезде купцов подтвердились рассказы о полном безводии местности.

Какие сведения об Аральском море, Аму-Дарье и Хорезме имелись в Московской Руси в начале XVII в., видно из любопытной «Книги, глаголемой Большой Чертеж», издававшейся несколько раз; мы пользуемся изданием Г. И. Спасского (Москва, 1846), сделанным по поручению Имп. Общества истории и древностей российских. Самый чертеж был составлен или дополнен около 1600 г., а книга к нему написана в 1627 г. По этой книге [97]:

«. . . От Астрахани Хвалимским морем вдоль до Юргенской земли, 1200 верст, а поперег Хвалимским морем, от усть [98] реки Яика, до Кизыл-

[90] ПДТС, II, 250. О городе Шам см. выше, стр. 65.

[91] Там же, 303.

[92] Там же, 302.

[93] Там же, 277.

[94] Там же, 300.

[95] Там же, 280.

[96] Там же, 250—251.

[97] *Большой чертеж*, стр. 72—73, 75—76. В примечаниях отмечены разночтения. Издатель пользовался двумя печатными изданиями (1773 и 1792 гг.) и семью рукописями. ⟨Ср. теперь новое издание: *Книга Большому Чертежу*, стр. 94—95.⟩

[98] До усть.

башской земли (Персии) 800 верст . . А от Хвалимского моря до Синего моря, на летний на солнечный восход прямо, 250 верст. А Синим морем до усть реки Сыра 280[99] верст, а поперег Синим морем 60 верст. А в Синем море вода солона. Из Синего моря, вытекла река Арзас [100] и потекла во Хвалимское море. А в реку Арзас с востоку пала река, Амударья [101]; протоку Амударьи реки 300 верст. А Арзаса протоку 1060 верст. А от Синего моря 300 верст Урук [102] гора; вдоль Урука горы 90 верст. Из горы потекли три реки: река Вор, течет в реку в Яик, в нощь; река Иргыз, течет в езеро Акбашль, на восток; река Гем, течет на полдень, к Хвалимскому морю, и пала, не дошед до моря, в езеро.

А к Синему морю, от Иргыз реки 280[103] верст, пески Барсук-кум, поперег того песку [104] 25 верст; да пески Кара-кум [105], от Синего моря 200 верст. Пески Кара-кум вдоль 250 верст [106], а поперег 130 верст. А те три пески прилегли к Синему морю к берегу.

В Синее моря с востоку пала река Сыр. . .

А противу града Бухара 170 верст потекла река из езера Угус [107], по нашему Бык, в Хвалимское море: протоку 1000 верст. А на реке на Угус град Каган, живет в нем Юргеченского [108] царя брат. А от Кагана града 220 верст, к Хвалимскому морю, град Юргенчь [109], от реки Арзаза 50 верст; а от Хвалимского моря 400 верст [110]. А вод [111] под ним ни рек, ни озер, в чертеже не написано».

Последнее показывает, что чертеж был составлен после поворота реки. Составители чертежа, очевидно, хорошо знали местность к северу от Аральского моря, пески Барсук-кум и Кара-кум, Мугоджарские горы и вытекающие из этих гор реки Иргиз (вернее, его правые притоки), Орь и Эмбу; но об Аму-Дарье, Сыр-Дарье и о притоках обеих рек они

---

[99] 250.

[100] Аргас, Азар, Арзан, Арзар.

[101] Амедария.

[102] Урок, Урак.

[103] 250; осмнадцать.

[104] Тех песков.

[105] Аракум, Арашка.

[106] Пропущено в двух рукописях.

[107] Агус. . . В печатном тексте Урус, по неудачной поправке издателя («правильнее урус, как называется по-татарски бык»). Как известно, слово *угуз* значит и 'проток', и 'бык'.

[108] Юргенского, Юргевского.

[109] Юргечь.

[110] По Спасскому (*Большой чертеж*, стр. VII), эти версты «могли быть в 1000 и 700 сажен». Де Гуе (*Das alte Bett des Oxus*, S. 83) считает 50 старых верст равными 70 новым. Напротив, у А. М. Коншина (*Разъяснение*, стр. 146) сказано, что «старая верста равна $^4/_5$ теперешней». Теперешняя верста = 500 сажен = 1,06 *км* (точное 1,067 *км*).

[111] Воды.

имели только самое смутное представление [112]. «Синим морем» назван, конечно, Арал, хотя еще Дженкинсоном это название прилагалось к одному из заливов в северной части Каспия [113]. Арзас, вероятно, тождествен с Ардоком Дженкинсона, хотя составители чертежа заставляют эту реку вытекать из Аральского моря и впадать в Каспийское. Де Гуе и здесь предполагает смешение с Иртышом [114], что маловероятно, так как Иртыш назван отдельно, в качестве притока Оби [115]. Аму-Дарья названа два раза, один раз как приток Арзаса, другой раз как река, впадавшая в Каспийское море, причем во втором случае название Угуз по ошибке отнесено не к реке, а к озеру, из которого она вытекала. Под Каганом, по мнению де Гуе, следует понимать Кят [116].

Конечно, данные «Большого чертежа» не могут служить доказательством, что соединенное Арало-Сарыкамышское озеро еще в начале XVII в. существовало и имело связь с Каспийским морем. Более точные данные неопровержимо доказывают, что с того времени до наших дней в бассейнах Арала и Каспия не произошло существенных перемен [117].

---

[112] Зеравшан совсем не упоминается, и сказано, что «к Бухару граду, и во всю землю Бухарскую, из Сыра реки разведены воды по пашням» (*Большой чертеж*, стр. 75).

[113] *Early voyages*, vol. I, p. 60.

[114] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 82—83: «Der Arsas (Argas) der Grossen Karte ist ebenso der Irtysch».

[115] *Большой чертеж*, стр. 205.

[116] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 83.

[117] <В предисловии к настоящему тому отмечалось, что выводы В. В. Бартольда о нижнем течении Аму-Дарьи в исторический период не претерпели серьезных поправок, несмотря на многочисленные геологические и археологические исследования, проведенные за последние десятилетия.

Однако эти исследования, не меняя существа выводов В. В. Бартольда, позволяют уточнить ряд положений и проиллюстрировать некоторые из них конкретным материалом. В этом отношении много дали исследования Сарыкамыша и Узбоя, проведенные Хорезмской экспедицией в 1950—1956 гг., которым посвящен специальный выпуск «Материалов» этой экспедиции (*Низовья Аму-Дарьи*; там же указана литература).

Сейчас можно считать установленным, что в течение всего неолита через Узбой стекала вода из большого Сарыкамышского озера, куда впадала Аму-Дарья; на рубеже III и II тысячелетий до н. э. произошел прорыв вод Аму-Дарьи на север в Аральское море через Акча-Дарью. Поступление воды в Сарыкамыш сократилось, к середине I тысячелетия до н. э. Узбой окончательно пересох, а вскоре вода Аму-Дарьи перестала доходить и до Сарыкамыша (*Низовья Аму-Дарьи*, стр. 23—25). Причиной этого в значительной мере было создание обширной ирригационной системы, изменившей водный режим дельты.

После разрушения ирригационной системы Хорезма, вызванного монгольским нашествием, часть воды Аму-Дарьи вновь стала течь к Сарыкамышу, уровень воды в нем поднялся до 50 *м* над уровнем моря, но недостаточно для того, чтобы образовался сток по Узбою. Затем уровень Сарыкамыша несколько понизился, но в конце XIV в., после разгрома Хорезма Тимуром, произошел новый прорыв Аму-Дарьи,

в результате которого вода в Сарыкамыше достигла наивысшего за историческое время уровня — не менее 53—54 *м* над уровнем моря. «В моменты максимального подъема уровня Сарыкамышского озера вода могла переливаться в Узбой, но лишь в небольших количествах и ненадолго. Именно к этому времени (1393—1417 гг.) относятся наиболее важные свидетельства восточных авторов об обводнении Узбоя» (*Низовья Аму-Дарьи*, стр. 29—31).

Сток значительной части вод Аму-Дарьи в Сарыкамыш подтверждается заметным понижением уровня Аральского моря, в котором в связи с посолонением началось осаждение гипса. В XV в. наблюдается понижение уровня Сарыкамыша, прерванное в начале XVI в. временным повышением. Окончательно поступление воды в Сарыкамыш прекратилось на рубеже XVI—XVII вв. К этому времени относятся сообщения Абулгази о повороте Аму-Дарьи в Аральское море.

Таким образом, выводы В. В. Бартольда, основанные на изучении письменных источников, в самом главном выдержали проверку временем. Тщательные комплексные исследования русла Узбоя показали лишь, что сток по нему был более кратковременным, чем это предполагал В. В. Бартольд,— не с XIII по XV в., а самое большее несколько десятилетий в конце XIV — начале XV в. Кроме того, некоторому пересмотру и уточнению подверглась локализация караван-сараев на караванном пути по Узбою, но сведения, на которые он опирался, оказались достоверными и подтверждаются объективными данными.›

К ИСТОРИИ ОРОШЕНИЯ ТУРКЕСТАНА

⟨ПРЕДИСЛОВИЕ⟩

Цель настоящей статьи — дать краткий очерк истории действовавших в Туркестанском крае оросительных систем, насколько это возможно при современном состоянии науки. Как известно, русские завоеватели застали в крае многовековую земледельческую культуру, основанную на искусственном орошении, которая не могла не возбудить интереса как среди ориенталистов и археологов, так и среди людей практического дела. В этой области, может быть, живее, чем в других, чувствовалась тесная связь между изучением прошлого края и работой для его будущего; при обсуждении проектов оросительных работ неоднократно возбуждались вопросы, касавшиеся культурного прошлого тех же местностей; тем не менее труды русских ориенталистов и археологов об историческом прошлом Туркестана и памятниках этого прошлого имели крайне ограниченный круг читателей и, за немногими исключениями, не становились известными специалистам по физической географии и гидротехнике. Даже выдающимися представителями географической науки высказывались предположения, не соответствовавшие точно установленным историческим данным [1], возбуждались вопросы, в действительности уже решенные исторической наукой [2]; были даже случаи, что авторы трудов по гидротехнике упрекали русских ориенталистов за равнодушие к историческим памятникам, о которых в действительности уже имелись на русском языке подробные исследования [3].

Помимо центральных правительственных и научных учреждений, проекты новых оросительных работ составлялись и в самом Туркестане, обыкновенно также с ссылкой на некогда существовавшие ирригационные сооружения, но при этом обыкновенно принимались на веру местные предания о процветании страны в прежние века, о громадных каналах, орошавших ныне пустынные местности [4], о сплошной культурной полосе

[1] Воейков, *Орошение*, стр. 132: «Исследования в последние годы показали, что воды Мургаба не в состоянии были создать большой оазис и что к Мерву была проведена вода р. Аму-Дарьи или его (sic) рукава (Келифского Узбоя)».

[2] Карк, *Заметки*, стр. 318 (о времени, к которому относятся развалины древнего Мерва).

[3] Барц, *Орошение в долине р. Мургаба*, стр. 158 (о тех же развалинах).

[4] Ср., напр., слова Г. А. Арандаренко (*Досуги*, стр. 270) об арыке Монас, несшем воду Зеравшана «далеко за Карши» ⟨ср. стр. 194, прим. 52⟩, и слова Н. М. Вир-

между Джизаком и Чиназом, между Чиназом и Казалинском [5], о деятельности таких святых, как ходжа Ахрар [6], и таких правителей, как Тимур (Тамерлан) и бухарский хан Абдулла, причем обоим последним нередко приписываются одни и те же сооружения. Достоверные исторические источники оставляются без внимания, и самое существование таких источников известно далеко не всем русским деятелям в крае [7]; такой материал, как вакуфные документы, изучение которого может быть произведено только людьми, хорошо знакомыми с топографическими условиями края, не находит себе исследователей, и такой труд, как «Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета» В. Л. Вяткина [8], остается исключительным явлением, до сих пор не вызвавшим подражания [9].

Для полного освещения истории земледельческой культуры края, в связи с его культурным прошлым вообще и с вопросом о его будущности под русским владычеством, необходим еще целый ряд исследований; необходимо прежде всего привлечение к делу большого количества сил и создание благоприятных условий для последовательной и систематической работы. Настоящий труд является только попыткой разобраться в сложном материале, подлежащем изучению, и наметить путь дальнейших исследований [10].

ского (*Очерк Яны-Курганской волости*, стр. 41) о Тюятартаре, воды которого будто бы «доходили до станции Малек», т. е. пересекали почти всю Голодную степь с юга на север.

[5] Так еще в газете «Туркестан» за 1912 г., № 42 ⟨*К вопросу об улучшении*⟩, несмотря на то что мною в № 36 той же газеты была помещена статья *Археология и вопрос об орошении Туркестана*, где указывалось на фантастический характер этой легенды.

[6] Ходже Ахрару приписывается даже проведение арыка Даргом (Крестовский, *В гостях у эмира Бухарского*, стр. 11, цитируется Н. И. Веселовским, *Памятник Ходжи Ахрара*, стр. 326).

[7] Пишущего эти строки в 1902 г. пытались убедить в Фергане, что у туземцев нет и не было никакой исторической литературы.

[8] СКСО, вып. VII.

[9] ⟨В настоящее время можно назвать несколько интересных работ, основанных на изучении документов, в том числе вакуфных. Таковы, например, Иванов, *Архив хивинских ханов*; его же, *Хозяйство джуйбарских шейхов*; Чехович, *Крестьянские обязательства*; об использовании юридических документов для изучения топографии Бухары см. Сухарева, *К истории*; о топографии Самарканда см. Чехович, *Из документа XIV в.*⟩

[10] Ввиду срочного характера настоящей работы я не имел времени ознакомиться со всей литературой о современном состоянии края, разбросанной по периодическим органам и по малоизвестным официальным изданиям. Совершенно не затронуты мною вопросы, требующие специальных гидротехнических знаний.

I

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ. ИСТОЧНИКИ. ТЕРМИНОЛОГИЯ

При всей многочисленности и при всем разнообразии источников по истории Туркестана различные периоды этой истории освещаются источниками далеко не равномерно, вследствие чего многое в культурной истории страны, в том числе и в истории земледельческой культуры, по всей вероятности, навсегда останется для нас неясным. Прежде всего остается неясным вопрос о времени и месте возникновения этой культуры. Если в древнейших гимнах Авесты видят памятник того периода, когда восточноиранские народности переходили от кочевого быта к оседлому [1], то для точного географического и хронологического приурочения этих гимнов мы не располагаем никакими данными. Мы не знаем, каков был культурный уровень древних восточноиранских земледельческих народностей, живших в пределах нынешнего Туркестана, парфян [2], бактрийцев [3], согдийцев [4] и хорезмийцев [5], в то время, когда эти народы вошли в состав мировой монархии Ахеменидов; знаем только, что даже в эпоху Александра, после двухвекового политического объединения с древними культурными народами Передней Азии, нравы бактрийцев и согдийцев мало отличались от нравов кочевников [6].

Греческие авторы, которым мы обязаны почти всем, что знаем о жизни государства Ахеменидов, имели возможность видеть уроженцев Средней Азии не только в Персии, но и на Балканском полуострове. Среднеазиатские народы принимали участие в походе Ксеркса; хорезмиец Артаикт был назначен начальником города Сеста на европейском берегу Дарда-

[1] Bartholomae, *Die Gatha's*, S. 127, 133.

[2] В состав Парфии, как в средние века в состав Хорасана, входил также нынешний Ахалтекинский оазис.

[3] В состав Бактрии, как видно из Бисутунской надписи Дария, входил также бассейн Мургаба.

[4] Греки называли согдийцами жителей не только средневекового Согда, т. е. бассейна Зеравшана, но и всей страны между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей.

[5] Средневековый Хорезм, как известно, соответствует нынешнему Хивинскому ханству. Ни один из античных географов не имел точного представления о том, где живут хорезмийцы; ни один не говорит, что через землю хорезмийцев протекает Окс в своем нижнем течении.

[6] Слова Онесикрита, приведенные у Страбона, 517.

нелл [7]; на острове Делосе сохранилась надпись, где упоминается бактриец Оронт, восставший против царя Артаксеркса и овладевший Пергамом (в Малой Азии [8]). Тем не менее ни один из греческих авторов до Александра Македонского не имел сколько-нибудь ясного представления о географии и этнографии Средней Азии, не говоря уже о состоянии местной культуры. Ктесий, считавшийся в IV в. до н. э. лучшим авторитетом по географии Азии и действительно, как теперь доказывают [9], осведомленный лучше других, знал только о существовании большой горной системы, которую называли Парнассом и из которой вытекал Инд; в тех же горах получал начало Аракс, от которого отделялся Танаис, впадавший в Меотиду, т. е. в Азовское море [10]. Из этого можно заключить, что Ктесий считал Сыр-Дарью рукавом Аму-Дарьи и Дон — продолжением Сыр-Дарьи; последнее мнение разделялось еще многими авторами послеалександровского периода, в том числе историком Полибием (II в. до н. э.).

При таких условиях трудно было бы ожидать от греческих авторов подробных сведений о жизни внутренних областей государства Ахеменидов, не говоря уже о восточных окраинах государства; мы знаем, однако, что при Ахеменидах принимались меры для поднятия земледельческой культуры, основанной на искусственном орошении, и что эти меры распространялись и на среднеазиатские области. Известный рассказ Полибия [11] об орошении земель в эпоху владычества персов показывает, что характерная для Персии, особенно для ее северных областей, «кяризная» система орошения была создана уже в то время, притом не на средства государства, а на средства частных лиц, которым орошенные ими земли передавались в пользование на пять поколений. Рассказ Геродота [12] о реке Ак (Akes) заставляет полагать, что в Средней Азии, где приходилось иметь дело с более значительными массами воды и где требовались еще более сложные технические сооружения, персидское правительство на собственные средства строило запруды, устраивало оросительные системы и за пользование этими системами взимало с населения особую плату. Геродот утверждает, что запруженная персами долина реки до времен персидского владычества принадлежала хорезмийцам и находилась на границе земель четырех народов, пользовавшихся водою одной и той же реки: хорезмийцев, парфян, сарангов и фаманейцев. Подробности этого рассказа трудно поддаются толкованию и вызывают большие сомнения; саранги и фаманейцы, как видно из слов самого Геродота в другом

[7] Геродот, VII, 78.

[8] Статья Gardthausen, *Die Parther*, S. 840.

[9] Bolchert, *Aristoteles Erdkunde*.

[10] Ibid., S. 37 sq.

[11] Полибий, X, 28, 3. Этот рассказ, между прочим, показывает, что климатические условия в Персии уже тогда были приблизительно те же, как теперь; ср. Берг *Об изменениях климата*, стр. 80.

[12] Геродот, III, 117. Полный перевод этого рассказа приведен мною в исследовании *Сведения об Аральском море*, стр. 7 и сл. <см. выше, стр. 25>.

месте [13], жили значительно южнее парфян и хорезмийцев, и едва ли эти четыре народа могли пользоваться водой одной и той же реки; но интересен самый факт, что Геродот слышал рассказы о запрудах, строившихся персидскими царями в Средней Азии.

После Александра греки в течение 200 лет господствовали в Средней Азии; тем не менее ни спутниками Александра, ни представителями последующих поколений не были собраны точные и подробные сведения о географии страны и о характере местной культуры [14]. Географические наблюдения, сделанные во время походов Александра, обыкновенно передаются с ссылкой на Аристобула, который и для историка Арриана (II в. н. э.) был одним из главных источников. Уже Аристобул обратил внимание на факт, что в Средней Азии даже такие значительные реки, как Арий (Герируд) и Политимет (Зеравшан), теряются в песках [15]. Куда впадал Марг (Мургаб), не говорится; Птолемей впоследствии считал Марг притоком Окса. Политимет обилием воды превосходил Пеней (в Фессалии); здесь, по-видимому, сосредоточивалась культурная жизнь страны и находился главный город согдийцев — Мараканды (Самарканд). Окс (Аму-Дарья) был величайшей из всех рек, когда-либо виденных Аристобулом, кроме индийских; о каких-либо значительных городах на его берегу или в его бассейне не говорится. Аристобул и другие греческие авторы говорят только о значении Аму-Дарьи для судоходства; товары будто бы привозились вниз по реке в Каспийское море и оттуда вверх по Куре и вниз по Риону в Черное. Яксарт (Сыр-Дарья) тоже считался притоком Каспия, притом самым северным из всех; на берегу этой реки был построен город сначала Киром, потом Александром; других подробностей о культурной жизни на берегу Сыр-Дарьи и ее притоков не сообщается. Самым значительным городом между Оксом и Яксартом был Кирополь (вероятно, находившийся к югу от Ура-Тюбе, на месте селения Шахристан), но и этот город защищали против греков только 15 000 человек, хотя перед осадой сюда спаслись жители соседних городов, разрушенных греками раньше, и окрестных деревень. Интересна подробность, что греки вторглись в город по руслу реки (или канала), бывшему в то время года сухим. Вообще городская жизнь в то время была мало развита; зато было большое число укреплений, где жили представители аристократии, неохотно подчинявшиеся персидскому царю и поставленным им властям. На них опирались Бесс и другие мятежные наместники; когда Бесс принял имя Артаксеркса и объявил себя преемником персидских царей, они восстали против него и выдали его Александру; когда Александр обнаружил те же притязания,

[13] Геродот, III, 93. Известно, что саранги жили в Систане и что название этого народа сохранилось в названии средневекового главного города этой области, Зереджа.

[14] Фактические сведения по географии Азии, находимые у греческих авторов, с наибольшей полнотой собраны в труде: Forbiger, *Handbuch*.

[15] Страбон, 518.

они вступили в борьбу и с ним. Хорезмийцы еще раньше сделались независимыми от персидских царей, которым подчинялись при Дарии и Ксерксе, и в эпоху Александра находились под властью особой династии. При отсутствии сильной правительственной власти маловероятно, чтобы в Средней Азии в ту эпоху были выдающиеся ирригационные сооружения [16].

Александр построил в Бактрии и Согдиане восемь городов [17], но зато разрушил некоторые города, существовавшие раньше, в том числе и Мараканды. После Александра Демодам, полководец Селевка I (312—280), вновь дошел до Яксарта; но никаких подробностей о бассейне этой реки ни он, ни его спутники не сообщили. Преемник Селевка Антиох Сотер (280—261) обратил внимание на Мургабский оазис, «удивившись его плодородию»; для защиты оазиса, окруженного со всех сторон пустыней, он построил стену длиной в 1500 стадиев (около 260 верст), очевидно против набегов кочевников, и основал город Антиохию [18]. Стена Антиоха, насколько известно, была первым сооружением этого типа в Средней Азии (в истории походов Александра о таких сооружениях не упоминается); остатки подобных же длинных стен и валов, воздвигнутых уже в первые века ислама, сохранились до сих пор, как мы увидим дальше, в бассейне Зеравшана (в пределах Бухарского ханства) и Ташкентском уезде. Для истории ирригации эти сооружения важны в том отношении, что ими определяется граница культурной полосы в то время, когда они были воздвигнуты. Поэтому было бы крайне желательно точно установить направление этих валов и точно определить, где именно сохранились их остатки [19]. От туземцев приходится слышать об этом такие же преувеличенные рассказы [20], как от кавказцев о протяжении дербентских стен [21].

Более значительно, по греческим известиям, было число городов, основанных греко-бактрийскими царями. О том, было ли сделано в эту эпоху что-нибудь для развития земледельческой культуры и искусствен-

---

[16] ⟨Исследования советских археологов показывают, что возникновение ирригации в Средней Азии относится к более раннему периоду, чем предполагал В. В. Бартольд. Наиболее ранняя форма искусственного орошения — лиманное орошение (Букинич, *История первобытного орошаемого земледелия*) — возникла на северных склонах Копет-Дага около рубежа IV—III тысячелетий до н. э. Крупные оросительные системы в низовьях Мургаба, Аму-Дарьи, Зеравшана, Кашка-Дарьи сложились около середины I тысячелетия до н. э. и вряд ли были обязаны своим происхождением внешнему влиянию. Более подробно см. ниже, в примечаниях к отдельным главам.⟩

[17] Так по Страбону (517); по Юстину (XII, 5) — двенадцать.

[18] Страбон, 516. ⟨Об этой стене см. Вязигин, *Стена Антиоха Сотера*.⟩

[19] ⟨См. ниже, стр. 198, прим. 85.⟩

[20] Е. Т. Смирнову говорили, что вал, виденный им около арыка Боз-су, «переходит на левый берег Сыр-Дарьи и тянется Голодной степью к городу Джизаку» (Е. Смирнов, *Древности*, стр. 132).

[21] Пишущему эти строки рассказывали в Дербенте, что дербентские стены некогда доходили до Константинополя.

ного орошения, мы не располагаем никакими сведениями. Лингвистическими доводами (сопоставлением китайского *пу-тао* с греческим botrys) старались доказать [22], что только греки принесли в Среднюю Азию культуру винограда; но этому противоречат слова самих же греков о сортах винограда, найденных ими на берегу Герируда и Мургаба. Столь же мало мы знаем о культурной деятельности главных соперников греко-бактрийских царей, Аршакидов, основателей парфянской державы, владевших в Средней Азии страной к западу от Герируда, впоследствии также некоторыми областями, расположенными к востоку от этой реки [23].

Греко-бактрийскому государству во II в. до н. э. положили конец среднеазиатские кочевники, по-видимому, арийского происхождения. Об этом событии мы имеем еще некоторые известия у греческих географов, причем первоисточником этих сведений был, по-видимому, Аполлодор (I в. до н. э.), у которого Страбон заимствовал также некоторые рассказы о географии страны, впрочем еще более неясные и сбивчивые, чем рассказы Аристобула. Между прочим, Аполлодор первый упоминает о реке Охе, но с его слов Страбон [24] мог только сообщить, что Ох «течет очень близко от страны парфян»; из других источников Страбона [25] одни говорили, что Ох протекает по Бактрии, другие — что он течет мимо этой области; одни считали Ох особым притоком Каспия, впадающим в море южнее Окса, другие полагали, что Ох только в верхнем течении представляет особую реку, потом сливается с Оксом; ширина Оха будто бы доходила до 6 или 7 стадиев (более версты). Слова Страбона, что Ох протекает через Нисею (область, получившую название от города Неса́, ныне развалины к востоку от Ашхабада), показывают, что Аполлодор смешивал культурную полосу Атрека с Ахалтекинским оазисом.

О жизни Средней Азии под властью новых завоевателей мы не имели бы никаких сведений, если бы в то время не начались путешествия, посольства и военные походы в Туркестан китайцев. Со II в. до. н. э. до VII в. н. э. произведения китайской литературы являются главным и почти единственным источником наших сведений о Средней Азии [26]; о тех областях, до которых греки, насколько известно, не доходили, например о Фергане, китайские известия являются первыми по времени.

Как греки в стране между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, так китайцы в Фергане уже застали земледельческую культуру; о времени ее возникновения и в этом случае нет никаких известий. В тот период, к которому относятся китайские известия, культурные земли Средней Азии оставались под властью степных народов, сменявших друг друга; последние из

[22] Gutschmid, *Geschichte Irans*, S. 64, и во многих более поздних сочинениях.
[23] Об этом ibid., S. 49 sq.
[24] Страбон, 509.
[25] Страбон, 518.
[26] На русском языке эти сведения собраны с наибольшей полнотой в книге Бичурина *Собрание сведений*, III.

этих кочевых завоевателей, турки, подчинили себе страну между 563 и 567 гг. н. э.[27]. Нашествия варваров не могли не отразиться на культуре страны. Сопоставление китайских маршрутов с единственным дошедшим до нас греческим маршрутом этого периода, принадлежащим Исидору Харакскому [28] (около времени ⟨начала⟩ нашей эры), наглядно показывает, что в первое время после падения греко-бактрийского государства, как впоследствии в период узбецкого владычества, переднеазиатские и китайские купцы предпочитали кружный путь через Герат и Кандагар прямому пути через Мерв, бассейн Зеравшана и Фергану на Кашгар. Город Александрия на месте Кандагара, крайний восточный пункт маршрута Исидора, был в то же время крайним западным пунктом китайских маршрутов; но уже во II в. н. э., как мы знаем из сочинения Птолемея, существовал более северный торговый путь, которым пользовались купцы из Римской империи [29]; эти купцы ездили из Бактр (Балха) на север и в Фергане или в Алайской долине встречались с купцами, направлявшимися на Дальний Восток из Согдианы. Одним из главных предметов этой торговли, как известно, был шелк; под влиянием китайцев возникла новая отрасль сельскохозяйственной промышленности — шелководство — в Средней Азии, в Иране и в Римской империи. Сведения византийских источников [30] показывают, что согдийское шелководство в VI в. н. э. достигло значительного развития, но, по-видимому, оно не могло выдержать конкуренции с персидским и, насколько можно судить по сведениям арабских географов, в момент арабского завоевания уже не существовало [31]; зато шелководство продолжало развиваться с успехом в пределах персидских владений, в Мерве.

Дальнейшие культурные успехи Средней Азии тесно связаны с крупным фактом мировой истории, относящимся к концу III или к началу IV в. н. э.: господство над путями мировой торговли на суше и на море [32], перешедшее к европейским народам после походов Александра, вновь перешло к переднеазиатской державе, государству Сасанидов (III—VII вв.); после этого, несмотря на все политические перевороты, народы Передней Азии сохраняли первенствующую роль в мировой торговле в течение более 1000 лет, до открытия европейцами Америки и морского пути в Индию и Китай.

---

[27] Определение даты у Chavannes, *Documents*, p. 226.

[28] О нем Tomaschek, *Zur historischen Topographie*, I, S. 145 sq.

[29] Этот маршрут разбирался, как известно, много раз (между прочим, Tomaschek, *Über das arimaspische Gedicht*, S. 736 sq.).

[30] Изложены в последний раз у Chavannes, *Documents*, p. 233 sq.

[31] ⟨Как показывают находки коконов в за́мке Занг-тепе (30 *км* севернее Термеза) и находки шелковых тканей согдийского производства в за́мке на горе Муг, в Мавераннахре в VII—VIII вв. продолжало развиваться и шелководство и шелкоткачество (Альбаум, *Письменность замка Занг-тепе*, стр. 59.)⟩

[32] Ср. особенно труд Hirth — Rockhill, *Chau Ju-kua* ⟨Чжао Жу-гуа⟩ и мою рецензию на этот труд в ЗВОРАО, т. XXI, стр. 0161—0169.

Захватив в свои руки пути мировой торговли, персидские цари этой эпохи в широкой степени пользовались всем лучшим, что могли им дать другие народы, в том числе и их недавние соперники, римляне. Высокое совершенство, достигнутое римской техникой, проявлялось, как известно, и в области ирригации, имевшей для некоторых местностей Италии почти такое же значение, как для Передней Азии [33]. Проследить в подробностях, что́ именно было заимствовано персами в этой области от римлян, в настоящее время едва ли было бы возможно; для этого было бы необходимо рассмотреть историю ирригации вообще, начиная с древнейших эпох истории Востока, что не может входить в нашу задачу. Но факт, что Сасаниды вообще пользовались услугами римских техников при своих ирригационных сооружениях, не подлежит сомнению; достаточно напомнить о «плотине кесаря» (Бенд-и Кайсар) на Каруне [34].

Ирригационная техника достигла при Сасанидах высокого совершенства не только в западных областях государства, но и на его восточных окраинах, на Мургабе и Хильменде. Оросительная система Мургаба произвела на арабов такое впечатление, что по имени Мургаба был назван один из каналов, прорытых в VIII в. в Басре [35]; «знатоки воды» (*āбшинāсāн*), вывезенные арабскими завоевателями VII в. из Сеистана, произвели оросительные работы в окрестностях Мекки [36].

Области за Аму-Дарьей в это время не входили в состав персидского государства и подвергались только косвенному влиянию сасанидской государственности (чеканились монеты сасанидского типа). Население оставалось иранским; турецкие завоеватели большею частью довольствовались данью, иногда заменяли туземные династии турецкими, но не селились здесь сколько-нибудь значительными группами; ни в эпоху арабского завоевания, ни в первые века ислама мы не встречаем оседлых пунктов с турецкими названиями или турецким населением. Самой населенной и культурной частью страны по-прежнему оставался бассейн Зеравшана. Город на месте Самарканда, разрушенный при Александре, впервые упоминается вновь только в V в. н. э.[37]; но уже в VII в. этот город был снова, как до Александра, культурным и экономическим центром всего края; там жил самый сильный из местных князей, которого арабы называли «ихшидом согдийским». Размеры Самарканда домусульманской эпохи определяются размерами городища Афрасиаб (несколько менее 2 кв. верст)

[33] Характерен факт, отмеченный Ф. Ф. Зелинским (*Древний мир и мы*, стр. 34), что слово «rivalis» ('соперник'), собственно значит 'сосед по каналу'.

[34] Ср. об этой плотине рассказ Табари и примечание к нему Т. Нёльдеке (Табари, пер. Нёльдеке, 33).

[35] Балазури, 364; Якут, *Му'джам*, IV, 499; приведено у В. А. Жуковского, *Развалины Старого Мерва*, стр. 23.

[36] Гардизи, кембридж. рук., л. 58б.

[37] Сначала в транскрипции Си-вань-гинь (Бичурин, *Собрание сведений*, III, 165); по мнению некоторых синологов, древнее произношение этих иероглифов было Сакмань-гинь, т. е. Самарканд (Marquart, *Ērānšahr*, S. 304).

к северу от нынешнего города; из сопоставления этого городища с Мервом той же эпохи, т. е. с городищем Гяур-кала (около 4 кв. верст), видно, что городская жизнь в стране согдийцев все-таки была развита гораздо меньше, чем даже в восточных областях Персии, не говоря уже о западных. За исключением «свинцового протока» (*джӯ-и арзӣз*), посредством которого была проведена вода в Самарканд [38] и в котором местное предание видело произведение иноземного мастера (был ли этот мастер еврейским мудрецом, как уверяет предание, более чем сомнительно [39]), нет известий об особенно выдающихся ирригационных сооружениях на Зеравшане; арабы, как мы увидим, застали здесь ту же ирригационную систему, которая потом сохранялась без существенных изменений до русского завоевания.

Успех земледельческой культуры сказался, однако, в том, что эта культура теперь охватывала гораздо более значительное пространство, чем в эпоху первого ознакомления китайцев с краем. В 630 г., во время путешествия Сюань Цзана, вся страна между Чу и областями верхнего течения Аму-Дарьи, в политическом отношении разделенная на множество независимых одно от другого владений, в культурном отношении представляла одно целое; были торговые города, были пашни, орошенные каналами; по впечатлению, вынесенному китайским путешественником, половина жителей обрабатывала поля, другая половина занималась торговлей [40]. Из показаний мусульманских географов и из сделанных за последние годы археологических открытий мы знаем, что торговые колонии согдийцев простирались на восток гораздо дальше, вплоть до Лоб-Нора [41]; не совсем исключена возможность, что в памятниках согдийской письменности, найденных в Китайском Туркестане и до сих пор большею частью еще не изданных, окажутся некоторые сведения по географии и культурной жизни края, хотя бы в виде названий отдельных селений и каналов.

Согдийцы подверглись влиянию не только культуры Передней Азии, но и культуры Дальнего Востока. В течение короткого времени, с 659 до 670 г., весь край даже в политическом отношении входил в состав Китайской империи, хотя больше номинально [42]; тем не менее местные князья и после продолжали, помимо турок, сноситься с китайским императором и искать у него помощи против арабов; только в 751 г. поражение китай-

---

[38] Подробное описание его см. ниже, в главе о Зеравшане (и ниже, стр. 274—276).

[39] Русский перевод: Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина, стр. 247 и сл.

[40] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 13.

[41] В одной рукописи, привезенной М. А. Стейном, Пельо нашел доказательства, что в начале VII в. к югу от Лоб-Нора была основана колония переселенцами из Самарканда, еще 100 лет спустя пользовавшаяся некоторой автономией (Pelliot, *Les influences iraniennes*, p. 11).

[42] Chavannes, *Documents*, p. 268 sq.

цев в битве с арабами положило конец этим надеждам. Еще в мусульманскую эпоху существовало представление, что «Мавераннахр» ('страна за рекой', т. е. за Аму-Дарьей) до арабского завоевания принадлежал китайцам [43]. Сближение с китайцами, несомненно, способствовало развитию местной торговли и промышленности; способствовало ли оно также успеху земледельческой культуры, из дошедших до нас сведений не видно.

Можно спорить о том, насколько арабское завоевание было благодетельно для Персии; в Туркестане оно во всяком случае способствовало прогрессу культуры. Страна вновь была объединена в политическом отношении с более культурными областями Передней Азии и вновь получила сильную правительственную власть, которой в ней не было со времени падения греко-бактрийского государства. Вновь стали воздвигаться сооружения, требовавшие больших средств и участия большого количества людей (постройка длинных стен для защиты культурных оазисов, проведение больших каналов и т. п.); установилась бóльшая безопасность, торговля и промышленность были освобождены от стеснений, неизбежных при политической раздробленности страны. Все это должно было сказаться еще в большей степени, когда господство арабских наместников, часто сменявшихся и, естественно, старавшихся из своего кратковременного господства извлечь как можно больше выгод для себя лично, сменилось господством владетелей иранского происхождения, считавшихся только наместниками халифа, но в действительности правивших совершенно самостоятельно и передававших свою власть по наследству. Династии Тахиридов и Саманидов [44] (IX—X вв.) с бóльшим успехом, чем сами арабы, распространяли ислам, обеспечивали границы государства от всяких нападений, мирным образом устраняли династии домусульманского происхождения и принимали меры для прочного объединения всей страны в одно государство, в состав которого вместе с Мавераннахром входил и Хорасан. При Тахиридах столицей всего государства был хорасанский город Нишапур, при Саманидах — Бухара. Политическое объединение, как всегда, позволяло принимать меры для улучшения ирригации; мы увидим, что устроителю Хорасана, Абдаллаху ибн Тахиру (830—844), приписываются некоторые оросительные работы в Закаспийской области. Даже отдаленное багдадское правительство приняло участие в этих работах, и современник Абдаллаха, халиф Му'тасим (833—842), пожертвовал 2 миллиона дирхемов (около 500 000 рублей) на проведение большого канала в окрестностях Ташкента [45].

К той же эпохе относится расцвет арабской географической лите-

[43] Истахри, 4.

[44] Подробности о них, как и вообще об истории Туркестана в домонгольский период, приведены в моем труде *Туркестан*, ч. II; ⟨наст. изд., т. I⟩.

[45] Кроме рассказа Табари (III, 1326), см. еще приведенный мною (*Туркестан*, ч. I, стр. 83 и сл.) рассказ Ауфи.

ратуры [46], вследствие чего мы на этот раз можем себе составить более отчетливое представление о достигнутых местными правителями результатах. Описание Мавераннахра, оставленное арабскими географами, конечно, не свободно от недостатков; встречаются подробности, вызывающие недоумение и не поддающиеся толкованию; в некоторых других случаях авторы не сообщают нам тех подробностей, которых мы могли бы от них ожидать; все же это описание дает нам несравненно более сведений, чем все источники не только предшествующих, но и последующих эпох, до работ, произведенных русскими исследователями. Из этого описания, между прочим, видно, что к тому времени успели оказать действие физико-географические преимущества Туркестана перед Персией. «Мавераннахр» эпохи Саманидов был одной из самых цветущих стран мусульманского мира; в домусульманскую эпоху главный город страны, Самарканд, не мог бы выдержать сравнение с главным городом Хорасана, Мервом; теперь Самарканд, остававшийся, несмотря на перенесение столицы в Бухару, главным городом по числу населения и торговому значению, превосходил по величине другие города государства Саманидов, в том числе и хорасанские [47].

Все же и в эту эпоху успехи местной культуры были главным образом успехами торговли и промышленности, хотя правители, конечно, обращали внимание и на земледельческую культуру. Не только в бассейне Мургаба, но и в бассейне Зеравшана рекой заведовало одно лицо, что было бы невозможно прежде, когда бассейн Зеравшана разделялся на несколько мелких княжеств. На Зеравшане, вероятно и в других местах [48], забота об исправности плотин, важных для целого города или для всей системы реки, возлагалась на жителей соответствующих кварталов и селений, освобождавшихся за это от поземельной или (если они были иноверцами) от подушной подати. Все же мы, за исключением приведенного рассказа о ташкентском канале, не находим никаких сведений о каких-либо дорого стоивших ирригационных сооружениях, произведенных в эту эпоху в Туркестане. Аму-Дарья выше пределов Хивинского оазиса и Сыр-Дарья на всем ее протяжении оставались почти не использованными; пользовались, как и теперь, главным образом притоками этих рек. Ни одна из плотин Мавераннахра, описываемых географами X в.,

---

[46] Главные из них изданы де Гуе в серии Bibliotheca geographorum arabicorum (только арабский текст, кроме т. VI, где приложен французский перевод); материал о Туркестане использован в моем исследовании и отчасти в книге Le Strange, *The Lands*.

[47] Макдиси, 226 и 278. Несмотря, однако, на выражение *миср ал-иклим* — 'главный город области по обеим сторонам реки', тогда как Нишапур был только *миср ал-джаниб* — 'главный город области к югу от реки', из описания Нишапура (там же, 314 и сл.) можно заключить, что Нишапур был еще больше.

[48] О применении того же обычая в настоящее время на Аму-Дарье ср. слова О. А. Шкапского, *Земледелие и землевладение в Шураханском участке*, стр. 63.

не могла бы сравниться с грандиозной плотиной на Бендамире (отсюда получившем свое название «Плотина эмира») в Фарсе, построенной Буидом Адуд ад-дауля (949—983) и описанной у Макдиси [49]. Из оросительных систем государства Саманидов наиболее совершенной оставалась система Мургаба. В интересном словаре технических терминов, составленном в Хорасане неким Абу Абдаллахом хорезмийским под заглавием *Мафатих ал-'улум* («Ключи наук»), термины, приведенные в главе об орошении, относятся главным образом, как видно из слов самого автора, к Мерву и мургабским плотинам. Вместе с произведениями географической литературы эта глава является главным источником для изучения состояния ирригационной техники в ту эпоху; к сожалению, издатель (ван Флотен) не мог установить произношение многих терминов, не упоминаемых ни в арабских, ни в персидских словарях. В этом отношении было бы чрезвычайно важно собрать все термины, употребляемые в настоящее время; вполне возможно, что некоторые из них сохранились со времен глубокой древности. Между прочим, в словаре Абу Абдаллаха хорезмийского среди терминов, употреблявшихся при измерении воды, приводится слово *фейкал*; издатель, вопреки чтению трех рукописей, заменил его словом *фенкал* только потому, что в словаре Дози приводится слово *фенджан* в значении 'чашка'; между тем в Бухарском ханстве и до сих пор употребляется слово *пейкал* в значении 'суточная очередь пользования водой' [50].

Необходимо еще отметить, что в некоторых местностях, как в бассейнах Мургаба и Зеравшана, наряду с орошаемыми землями имели большое значение богарные, произведения которых иногда являлись достаточными для прокормления большого города или даже целой области (ср. ниже известия о городе Багшуре и о местности Абгар).

В конце X в. государство Саманидов было завоевано турками, чем навсегда был положен конец политическому господству туземного иранского элемента; после этого, вплоть до настоящего времени, власть только переходила от одних завоевателей к другим. Турки-Караханиды, завоевавшие государство Саманидов, в XI в. должны были подчиниться туркам Сельджукидам, завоевавшим Персию; в XII в. наместники Сельджукидов, владевшие Хорезмом, образовали независимую династию хорезмшахов и уничтожили как Сельджукидов, так и Караханидов; Хорезм, в первый и в последний раз за свою историческую жизнь, сделался центром обширного государства, в состав которого вошли почти весь Туркестан и весь Иран. В XIII в. государство хорезмшахов было завоевано монголами;

---

[49] Макдиси, 444.

[50] Логофет, *Бухарское Ханство*, т. II, стр. 84. Известно, что арабская буква *ф* часто передает звук *п*, которого в арабском языке нет. То же самое слово *пейкал* известно и туркменам (Ломакин, *Обычное право туркмен*, стр. 111 и сл.).

после распадения монгольской империи в Средней Азии образовалось особое монгольское государство, в свою очередь распавшееся в XIV в. На родственных отношениях к династии Чингиз-хана основывал свои права Тимур (1370—1405), объединивший под своею властью Туркестан, Иран и Месопотамию и опустошивший ряд других областей от Индии до Иртыша и до Средиземного моря. Добыча всех этих походов должна была послужить на пользу Туркестана. Тимур не только украшал великолепными постройками свою столицу Самарканд, но заботился также о восстановлении культуры в заброшенных местах, проведении новых каналов и т. п.[51]. Пределы государства, основанного Тимуром, значительно сократились при его преемниках; при последних Тимуридах граница их владений приблизительно совпадала с границами государства Саманидов, и даже эти земли после 1469 г. не объединялись более под властью одного государя; тем не менее культурную деятельность Тимура продолжали не только его сын Шахрух, но и последующие правители, особенно султан Хусейн (в конце XV и в начале XVI в.), владевший только Хорасаном, Хорезмом и северной частью Афганистана.

В XVI в. Туркестан снова был завоеван варварским народом, пришедшим с северо-запада, из пределов прежнего Золотоордынского ханства, — узбеками. Ими были образованы два государства, ханства Бухарское и Хивинское, к которым в XIX в. присоединилось еще третье, Кокандское, образовавшееся в Фергане. Снова начались, как в монгольскую эпоху, междоусобные столкновения среди представителей ханского рода, впоследствии также между различными узбецкими родами, воспользовавшимися ослаблением ханской власти для подчинения себе той или другой местности; попытки того или другого хана устранить своих соперников и овладеть всем государством, или попытки главы того или другого сильного рода распространить свою власть на других узбеков, восстановить единство государства в свою пользу, устранить сначала фактическую, потом и номинальную власть ханов и положить начало новой династии. В том и другом случае объединение государства достигалось крайне жестокими средствами; все же те периоды, когда удавалось достигнуть этой цели, были лучшим временем в жизни страны. В области ирригации только в такое время могли производиться обширные работы, важные для населения всей местности, пользовавшейся водой той или другой реки или того или другого магистрального канала; в периоды смут каждый султан [52] или бек, естественно, заботился только о процветании своей «столицы» и своей небольшой области, иногда насильственно переселяя туда жителей соседних местностей; воздвигавшиеся ими пло-

[51] Интересно сообщение Клавихо (изд. Срезневского, 328), что Тимур ввел в Туркестане культуру конопли и льна, которой там раньше не было.

[52] Со времени узбеков это слово, как теперь у киргизов (казаков), стало означать 'царевич, потомок Чингиз-хана'.

типы могли только приводить к расстройству общей оросительной системы. Такие периоды всегда заставляли население с сожалением вспоминать о могущественных правителях. Несмотря на массовые избиения, производившиеся при Тимуре или Абдулле бухарском (во второй половине XVI в.), в Туркестане до сих пор живет память об этих правителях как о благодетелях народа, везде старавшихся восстановить благосостояние местностей, пришедших в упадок. В таком же идеальном свете представлялось впоследствии царствование Абд ал-Азиз-хана (1645—1680), последнего из владетелей всего Мавераннахра. Автор небольшого трактата о Самаркандской области, составленного в XVIII в., при описании отдельных местностей несколько раз замечает, что при хане Абд ал-Азизе все эти местности находились в гораздо более цветущем состоянии и имели гораздо более густое население [53].

Состояние страны в XVIII в., в эпоху политического раздробления и непрерывных смут, действительно было крайне печально; чтобы сравнить Туркестан того времени с Туркестаном эпохи русского завоевания, достаточно сказать, что Самарканд в 20-х годах XVIII в. в течение семи лет был совершенно покинут жителями [54]; решительные меры для восстановления благосостояния города и его окрестностей могли быть приняты только в 1752 г.; приходилось везти для населения хлеб из Бухары, причем мешки с хлебом складывали в зданиях медресе, стоявших в то время совершенно пустыми [55]. В Хивинском ханстве во время смут, предшествовавших захвату власти инаком Мухаммед-Эмином (1770 г.), были покинуты все селения и заброшены все пашни; в самом городе Хиве оставалось не более 40 семейств [56].

В XIX в. при инаках (в Хиве), Мангытах (в Бухаре) и кокандских ханах установился более прочный порядок, чем бывший ранее, и могли быть приняты меры для восстановления благосостояния страны. Особенно заметные результаты были достигнуты в Фергане, сделавшейся теперь, впервые за время своей истории, центром сильного государства. Фергана кокандских ханов была цветущей и многолюдной страной не только по сравнению с предшествующим периодом, но и по сравнению с Ферганой Тимуридов. В эпоху Саманидов лучше разрабатывались минеральные богатства, в лучшем состоянии находилась обрабатывающая промышленность, но и при Саманидах, насколько можно судить по сочинениям арабских географов, в Фергане не было таких грандиозных каналов, как Шарихан-сай и Янги-арык (наманганский).

Дать сколько-нибудь полный очерк истории земледельческой куль-

---

[53] Вяткин, *Самаркандский вилает*, стр. 242 и сл.

[54] Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туҳфат ал-ҳāнӣ*, л. 11б.

[55] Там же, л. 130б, и Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 140, где не совсем точная хронологическая дата.

[56] Мунис—Агехи, л. 55 а-б.

туры Туркестана от эпохи Саманидов до нашего времени, к сожалению, невозможно. Мусульманская географическая литература [67] после X в. состояла почти исключительно из компилятивных трудов; в таких компиляциях большею частью сообщаются только сведения, буквально извлеченные из сочинений IX и X вв., часто без ссылки на источники и без указания, что эти сведения относятся к далекому прошлому и не соответствуют современным условиям. Только немногие из таких авторов рядом со сведениями, извлеченными из книжных источников, сообщают также некоторые данные о том, что они видели лично или слышали от своих современников. Сюда относятся авторы двух больших арабских географических словарей Сам'ани (XII в.) и Якут (XIII в.), также персидские географы Хамдаллах Казвини (XIV в.), живший в Западной Персии, и Хафиз-и Абру, живший в государстве Тимуридов (XV в.). Еще беднее в этом отношении среднеазиатская литература последних веков (после XV в.). Переведенное В. Л. Вяткиным «Описание Самаркандского вилаета», составленное в XVIII в. узбеком Кырк Мухаммед-Салихом, есть едва ли не единственное географическое сочинение этой эпохи, написанное в Средней Азии, притом, если не ошибаюсь, и это сочинение в подлиннике в петербургских библиотеках не имеется.

Пробелы географической литературы не восполняются памятниками литературы исторической. Больше всего географических и этнографических сведений, в том числе и данных об условиях орошения, можно было бы ожидать от исторических трудов, посвященных отдельным городам; но только «История Бухары» Нершахи, составленная в X в. и продолженная разными лицами до времени Чингиз-хана, до некоторой степени оправдывает эти ожидания. Некоторый интерес для нас представляет сочинение Му'ин ад-дина Исфизари (XV в.) по истории Герата, так как автором приводятся также некоторые сведения о местностях, ныне входящих в состав Закаспийской области. Остальные памятники этой литературы, в том числе и главные сочинения о Самарканде, *Кандийа* и *Самарийа*, представляют более богословский, чем исторический интерес; в них преимущественно перечисляются находящиеся в городе могилы мусульманских святых и приводятся сведения о их жизни, большею частью легендарные. Отрывочные сведения, указывающие на состояние культуры в той или другой местности, на направление рек и каналов и т. п., встречаются, конечно, и в таких трудах, как вообще в памятниках мусульманской агиологической литературы, из которых мною мог быть использован труд Али ибн Хусейна Кашифи (XVI в.) — *Рашаҳāт 'айн ал-ҳайāт* («Капли источника жизни»). Еще

[67] Перечень восточных авторов, сочинения которых использованы в настоящей работе, приводится в конце статьи с указанием соответствующих рукописей, изданий и переводов. <В нашем издании литература включена в общий список в конце тома.>

с большей осторожностью приходилось пользоваться таким источником, как роман об Абу Муслиме. О культурных заслугах этого политического и религиозного деятеля VIII в. есть и достоверные исторические свидетельства; преданием, отразившимся в романе, его заслуги были, конечно, значительно преувеличены.

В исторических сочинениях, посвященных отдельным государям или династиям, только в редких случаях приводятся географические сведения о той или другой местности; сюда относится прежде всего классическое описание Ферганы и Самарканда в записках Бабура (начало XVI в.). Географические приложения, помещенные в конце некоторых больших исторических трудов (напр., Мирхонда и Хондемира, XV и XVI вв.), являются такими же компиляциями, не представляющими самостоятельного интереса, как и большая часть памятников географической литературы той же эпохи. Иногда главы географического содержания, включенные в исторические труды, могут ввести в заблуждение читателей; так, в сочинении Хафиз-и Таныша, современника и биографа бухарского хана Абдуллы, те выражения, где говорится о процветании страны при Абдулле, оказываются буквально выписанными (конечно, без ссылки на источник) из сочинения Хафиз-и Абру, где они относятся, конечно, к Тимуру и его времени [58].

Об оросительных работах, произведенных по распоряжению отдельных государей, историки сообщают гораздо меньше сведений, чем можно было бы ожидать. Это относится даже к деятельности таких правителей, как Тимур и Абдулла, которым потомки, отчасти и современники, ставили в особенную заслугу оживление мертвых земель. В официальной истории Тимура подробно рассказывается о его походах, отчасти о построенных им дворцах и мечетях, но нигде не упоминается о проведенных или восстановленных им в Туркестане каналах. Из географического сочинения Хафиз-и Абру мы знаем об оросительных работах, произведенных при Тимуре в Анхарском тюмене (в окрестностях Самарканда) и в верхней части бассейна Мургаба; насколько соответствуют исторической действительности предания о других каналах, будто бы прорытых при Тимуре, остается неизвестным. Официальный историк Абдуллы — Хафиз-и Таныш — из всех оросительных работ, произведенных по повелению его государя, говорит только о нуратинской плотине; кроме того, известно еще (со слов персидского историка Искендера Мунши), что Абдулла действительно построил приписываемый ему бассейн (Хауз-и Хан) около Кушка. Только в этих двух случаях можно считать исторически доказанным, что оросительные работы, приписываемые преданием Абдулле, действительно произведены по его распоряжению. В хронологическом перечне событий, составленном в начале XVIII в. Сейид-Ракимом, говорится о нескольких постройках Абдуллы, между прочим о мосте через Зеравшан

[58] Ср. об этом мою статью *Хафизи-Абру*, стр. 16 и сл.

близ Кермине, построенном в 1582 г.[59] и существовавшем еще в XVIII в.[60], но об оросительных работах, не исключая и нуратинской плотины, не упоминается.

То же самое относится к более поздним периодам. В том же хронологическом труде Сейид-Ракима [61] упоминается только об одном канале (*джӯйбār*),[1] прорытом в 1043/1633-34 г. в местности Кош-курган [62] по распоряжению хана Имам-Кули, но и об этом событии говорится не как о благодеянии хана, но как о тяжком бедствии для народа; в *та'рīхе* (хронограмме), сочиненном в память события, оно названо «началом [63] гнева, концом тиранства и началом притеснения». В. П. Наливкин, автор «Краткой истории Кокандского ханства», по-видимому, не нашел в своих источниках никаких сведений о том, когда именно были прорыты грандиозные каналы Ферганской области; говорится только [64], что работы по проведению Янги-арыка начались около 1235/1819 г., причем и эту дату автор, насколько можно видеть из его слов, извлек не из исторических сочинений, а из устных преданий. Об оросительных работах, произведенных на Зеравшане при Мангытах, изданные до сих пор источники по истории Бухарского ханства, насколько мне известно, не упоминают; В. Л. Вяткин сообщает об этом некоторые сведения на основании вакуфных документов. Исключение представляет история Хивинского ханства. И здесь многое остается неясным; все же как хан Абулгази в XVII в., так и историки Мунис и Агехи в XIX в. сообщают об Аму-Дарье и выведенных из нее каналах гораздо больше сведений, чем вообще сообщают историки об оросительных работах. Для Хивинского ханства, где вся жизнь страны тесно связана с одной большой рекой, так часто менявшей свое направление, и где нет и не может быть никаких возделанных земель, кроме орошенных, вопросы ирригации, очевидно, имели еще больше значения, чем для Бухарского и Кокандского. Некоторое влияние мог оказать и тот

---

[59] *Та'рӣх-и Рāḳимӣ*, л. 186а.

[60] Teufel, *Quellenstudien*, S. 76, где говорится о переходе через этот мост в 1709 г. Теперь здесь, по словам Д. Н. Логофета (*Бухарское Ханство*, т. I, стр. 115), сохранились только остатки моста.

[61] *Та'рӣх-и Рāḳимӣ*, л. 238а и сл. ⟨Об авторе этого труда ср. наст изд., т. II, ч. 2, стр. 129, прим. 63.⟩

[62] Селения с таким названием встречаются в Туркестане в нескольких местах (ср. Вяткин, *Материалы*, стр. 56 и 63); неизвестно, о котором в данном случае идет речь.

[63] В рукописи *пāй* ('нога', 'конец'), но, очевидно, должно быть *сер* ('голова', 'начало'), так как иначе не получается *та'рӣха*. Как известно, для подобных хронограмм служат слова или фразы, которыми выражается характер события и в то же время, при подставлении числового значения букв, определяется его дата. В данном случае при сложении первой буквы арабского слова *газаб*, означающего 'гнев', последней буквы слова *зулм* — 'тиранство' и первой буквы слова *джаур* — 'притеснение' получается число 1043.

[64] Наливкин, *История Кокандского ханства*, стр. 29 и сл.

факт, что оба историка[65] XIX в. в то же время занимали должность мирабов.

Летописцы и историки, пишущие о современных им событиях, вообще не считают нужным отмечать события будничной жизни и, конечно, не заботятся о том, что без таких сведений потомкам нельзя будет составить себе представление о действительном характере жизни в минувшую эпоху. Вполне естественно, что сооружение или исправление плотины для проведения воды в новый или старый канал казалось событием менее важным, чем победа над врагом или постройка дворца, мечети и т. п. Вопрос о благодетельности ирригационных работ, произведенных по распоряжению какого-нибудь правителя, для современников этого правителя тоже был менее ясным, чем для потомства. Гораздо яснее, как показывает, между прочим, и рассказ Сейид-Ракима, сознавалась ими тягость принудительных работ, ради которых приходилось отрываться от собственных пашен; принудительные работы соединялись иногда с принудительным переселением на вновь орошаемые земли; кроме того, новое сооружение могло неблагоприятно отразиться на состоянии ранее орошенных земельных участков. Проведение нового канала, таким образом, не всегда было средством приобрести расположение подданных, напротив, еще в первые века ислама были примеры, что халиф при вступлении на престол брал на себя обязательство не воздвигать построек («не класть камня на камень и кирпича на кирпич») и не проводить каналов[66]. О реках и каналах, кроме историков и географов, говорят также посещавшие край путешественники — мусульмане, китайцы, западные европейцы и русские; но и эти сведения гораздо более скудны, чем было бы желательно. Путешественники, конечно, останавливались преимущественно в больших городах; реже всего ими посещались те места, большею частью находившиеся вдали от городов и соединявших их путей, где получали начало магистральные каналы.

За отсутствием прямых сведений об оросительных работах и состоянии оросительных систем часто приходится пользоваться косвенными указаниями. Факт существования селения в ту или иную эпоху иногда может служить доказательством существования канала; при описании военных событий часто говорится о переправе через реку или канал, о переходе через пустынное и безводное пространство и т. п. В этих сведениях историки иногда находят для себя драгоценный материал, более достоверный, чем прямые известия о направлении реки или канала, иногда заимствованные из гораздо более ранних книжных источников. При решении вопроса о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море сведения

[65] Ср. о них мою статью *События перед хивинским походом*, стр. 3; <наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 401—402.>

[66] Речь халифа Йезида III, вступившего на престол в 744 г., приведенная у Табари (II, 1834), ср. также Wellhausen, *Das Arabische Reich*, S. 228.

о военных событиях XIV—XV вв. имели гораздо больше значения, чем сбивчивые и противоречивые показания географов того же периода. Но, конечно, было бы невозможно исчерпать в настоящей статье весь материал этой категории, перечислить все названия селений, упоминаемые в пределах Туркестана в мусульманской исторической и географической литературе, и воспользоваться всеми топографическими указаниями, которые можно было бы найти в рассказах о военных событиях. Далеко не все письменные источники по истории Туркестана приведены в известность, еще меньше число источников, имеющихся в печатных изданиях. Среди последних далеко не все снабжены указателями собственных имен, личных и географических. При таких условиях даже приведение в известность всех данных, необходимых для выяснения истории земледельческой культуры края, представляло бы труд, который едва ли мог бы быть выполнен одним лицом; кроме того, для объяснения этих данных было бы необходимо подробное изучение топографических условий на месте. Только на месте, конечно, могут быть изучены памятники прошлого, до сих пор сохранившиеся в Туркестане и связанные с делом ирригации: признаки старых русел рек и каналов, правовые нормы, которыми определяется пользование водой, как основанные на мусульманском праве, так и являющиеся отголоском правовых воззрений самого народа, независимых от религии; термины арабского, персидского и турецкого происхождения, до сих пор употребляемые в различных местностях Туркестана. По всем этим вопросам в трудах местных исследователей уже теперь можно найти некоторый материал, но многое остается неясным, особенно в области терминологии.

Мы не имеем возможности касаться здесь ни лингвистического вопроса о точном значении и произношении терминов по водопользованию, встречающихся в Авесте [67], ни вопроса об отношении постановлений шариата, касающихся воды, к водному праву византийцев и персов.

Официальным источником права и в этом вопросе, как во всяком другом, при господстве ислама могли быть только постановления шариата, изложенные на арабском языке. Устроитель Хорасана Абдаллах ибн Тахир (830—844) не мог, конечно, обойти вопроса о воде; в Хорасане часто возникали споры по поводу кяризов; для законного решения этих споров, по понятиям того времени, существовало только одно средство — обратиться к книгам по фикху (религиозному праву); но там никаких постановлений по этому вопросу не оказалось. Пришлось созвать всех факихов (знатоков религиозного права) Хорасана, с участием некоторых факихов из Ирака (древней Вавилонии), и поручить им составить руководство для решения споров о кяризах; не говорится ни слова о том, принимались ли при этом во внимание также нормы местного обычного права. Историк Гардизи, которому мы обязаны этим известием [68], прибавляет, что книга,

---

[67] Geiger, *Ostīrānische Kultur*, S. 383.

[68] Персидский текст приведен мною в книге *Туркестан*, ч. I, стр. 3.

составленная факихами, получила заглавие *Китāб ал-ḳунāй*, что она существовала еще в его время (в XI в.) и продолжала служить руководством при разрешении споров; к сожалению, до нас эта книга не дошла; нет также известий о том, сопровождалось ли применение установленных в ней норм какими-нибудь недоразумениями. Из сочинения Абу Абдаллаха Хорезми, однако, видно, что учреждения, заведовавшие водой при Саманидах (X в.), продолжали употреблять термины персидского происхождения, которых не могло быть в книге факихов. Население и в жизни, и в литературе продолжало употреблять прежние слова: *руд*, *рудбар*, *рудхана* ('река'), *джуй*, *джуйбар* ('проток, канал'[69]), *кяриз* ('подземный канал'), *дуляб* (приспособление для поднятия воды на высокие места), *дейми*, *ляльми* [70] ('неорошенные земли'), хотя рядом с ними вошли в употребление также арабские термины: *нахр* (мн. ч. *анхар*) в значении 'река' или 'проток' как естественный, так и искусственный, *канат* (мн. ч. *куний*) в значении 'подземный канал' (кяриз), *мабхас* (мн. ч. *мабахис*) в смысле 'поле, засеваемое под дождь' — и различные термины, образованные от глагола *сака* ('орошать'). Из всех этих слов прочно утвердились в местном литературном языке (не в живой народной речи) слова *сака* в смысле 'голова канала' [71] и *нахр* в смысле 'река' или 'канал'; последнее слово до сих пор сохранилось в названиях некоторых больших каналов, как Нарпай (в бассейне Зеравшана, на границе русских и бухарских владений) и Улугнар (в Фергане); от того же слова (в мн. числе) образовано название Анхарского тюменя (в окрестностях Самарканда). Абу Абдаллах Хорезми приводит еще ряд других терминов арабского и персидского происхождения; многие из них не встречаются ни в литературных памятниках, ни в словарях, и произношение их не всегда может быть точно установлено.

После падения государства Саманидов турки начали селиться в крае в большем количестве, чем прежде; «Мавераннахр» арабов постепенно сделался «Туркестаном» [72]: появились турецкие географические названия; турецкий язык постепенно стал вытеснять иранский, хотя этот процесс, сделавший большие успехи при русском владычестве, не закончился и до сих пор. Турецкая географическая номенклатура довольно однообразна; на всем пространстве края постоянно повторяются названия: Ак-куль, Кара-куль, Ак-су, Кара-су [73] и т. п. Приняты также некоторые

[69] Это различие соблюдалось не вполне последовательно, и слово *рūд* часто употреблялось в том же значении, как и слово *джūй*.

[70] Это слово, очень известное в Туркестане, в литературе встречалось нам только один раз, в тексте Гардизи (в моем *Отчете о поездке в Среднюю Азию*, стр. 93 и 118).

[71] В таком значении оно постоянно встречается у Агехи.

[72] О первоначальном значении этого географического термина и постепенном распространении его на другие страны см. мою статью ⟨*Туркестан* (*история древняя*)⟩ в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, т. XXXIV, стр. 203, ⟨а также статью *Туркестан*, ниже, стр. 518.⟩

[73] По словам В. Л. Вяткина (*Материалы*, стр. 29), термин Ак-су (или Ак-Дарья)

иранские слова, иногда не в том значении, которое они имели прежде; так, слово *дарья*, первоначально означавшее 'море', стало употребляться в смысле 'большая река' или 'большой проток' [74]. Из турецких терминов, относящихся к водному хозяйству, особенное распространение получили слова *арык* [75] в смысле персидского *джуй* и *чигир* в смысле персидского *дуляб*; для обозначения понятия «подземный канал» среднеазиатско-турецкие наречия, насколько мне известно, не выработали слова, которое могло бы заменить персидское *кяриз* (в османском наречии для этого есть слово *кюнг* [76]). Сверх этого мы встречаем у турецкого населения ряд слов, которые приводятся в словарях как турецкие и не встречаются в литературных персидских памятниках, но по своему звуковому составу скорее должны быть признаны словами иранского, чем словами турецкого происхождения. Сюда относится, например, слово *арна*; по словарю В. В. Радлова [77] оно значит 'канал, образованный рекою', в противоположность арыку как искусственному каналу; но у Муниса и Агехи оно постоянно употребляется для обозначения больших каналов, как естественных, так и искусственных. Для обозначения менее значительных арыков те же авторы постоянно употребляют слово *яп*, в статьях русских исследователей [78] и на русских картах «яб»; по В. В. Радлову [79], *яп* значит 'вырытая канава'. Слово *яп*, кроме хивинцев, известно также туркменам; в остальных местностях края оно, насколько мне известно, не встречается. Ни в персидских, ни в турецких словарях не приводится слово *кам*, встречающееся, насколько мне известно, только в Бухаре [80] и прилегающих к ней местностях в смысле 'арык'; по-видимому, это тоже слово иранского корня.

применяется к «горным рекам», термин Кара-су (или по-персидски Сияб, т. е. *сиях-аб* 'черная вода') — к «ключным арыкам и речкам». О древнейшем примере употребления этого термина см. мой *Туркестан*, ч. II, стр. 375; ⟨наст. изд., т. I, стр. 413⟩. ⟨А. Н. Кононов (*О семантике*) считает, что *кара* употребляется в топонимике в значении 'земля', 'суша', а отсюда *кара-су* — 'вода из земли' (т. е. 'ключевая вода'), *ак-су* — 'текущая вода'. На наш взгляд, эти названия все-таки связаны с цветом воды: прозрачная ключевая вода в глубоких протоках выглядит черной, а мутная вода ледниковых рек кажется светлой, белой.⟩

[74] Отсюда для обозначения протоков несколько меньшей величины уменьшительное *дарьяча*.

[75] По мнению В. В. Радлова (*Словарь*, I, 269), это — искаженное *аирык* 'раздвоенный', 'деленный' (там же, 27; глагол *аирмак* — 'разделить', 'разъединить').

[76] Так у Радлова (*Словарь*, II, 1430) в значении 'водопровод с узким отверстием'; у Будагова (II, 166) *кюнек* — 'канал', 'сточная труба'.

[77] *Словарь*, I, 303. Н. Муравьев (*Путешествие в Туркмению и Хиву*, ч. II, стр. 14) принял слово *арна* за собственное имя канала.

[78] Напр., у О. А. Шкапского (*Земледелие и землевладение в Шураханском участке*, стр. 41) и Ломакина (*Обычное право туркмен*, стр. 132).

[79] *Словарь*, III, 259; ⟨см. также Гулямов, *История орошения Хорезма*, стр. 243⟩.

[80] Как и в средние века (Нершахи, изд. Шефера, 30), так и теперь (Ситняковский, *Заметки*, стр. 136).

Составление очерка современного водного хозяйства и водного права с перечислением соответствующих терминов не входило в мою задачу; эта работа может быть лучше выполнена на месте. Ввиду тесной связи между орошением и оседлостью необходимо еще упомянуть о некоторых терминах, служивших для обозначения городов и групп селений. Расстояние между городами и селениями большею частью обозначается в фарсахах — мера длины, соответствовавшая пространству, которое проходили в час; в различных местностях и в различные эпохи это расстояние определяли различно, от 5 до 8 верст [81]. У арабских географов [82] есть известие, что фарсах равнялся 12 000 локтям; последняя мера, как и соответствующее персидское слово *гяз*, также определялась различно, то как метр, то как аршин [83]; так как фарсах не мог быть более 8 верст, то в эту эпоху, очевидно, «локоть» соответствовал аршину. Иногда расстояние определяется в почтовых перегонах (*берид*), причем перегон в западных областях халифата равнялся 4 фарсахам, в восточных — двум. Чаще всего указывается только число дневных переходов, причем, по словам географа Макдиси, нормальный переход определялся в 6—7 фарсахов [84]. Город в домусульманское время обозначался словом *шахристан*, по-арабски *медина*; в первые века ислама рядом с шахристанами возникали *рабады*, предместья, куда постепенно переходила жизнь из старых шахристанов. Слово *рабад* не следует смешивать со словом *рабат*, по-арабски собственно *рибат* — так называли первоначально укрепленное место на границе мусульманских владений, куда стекались «борцы за веру»; впоследствии это слово получило значение 'гостиница, караван-сарай'. Группа селений обозначалась словом *рустак*; вокруг большого города обыкновенно было несколько «рустаков»; какой признак был положен в основу этого деления, имелись ли в виду деревни, входившие в состав владений одного лица или одного рода, или деревни, орошенные одной и той же ветвью какого-нибудь большого канала, не вполне ясно. При монголах вместо слова *рустак* в большей части Туркестана, как в Персии, было введено слово *тюмень* (собств. 'десять тысяч'), употреблявшееся еще при русском владычестве до 80-х годов, когда его заменило русское слово «волость»; в Фергане вместо слова *тюмень* употреблялось, как в Китайском Туркестане, слово *орчин*. Судя по числу, например, самаркандских и бухарских тюменей, «тюмени» не вполне соответствовали старым «рустакам»; признак, положенный в основу этого деления, тоже не вполне установлен; по-видимому, здесь условия ирригации имели еще больше значения, чем при делении на «рустаки». От-

---

[81] ‹В Мавераннахре фарсах — около 7,5 *км*, а на территории, входившей в состав сасанидского Ирана, — около 6 *км*.›

[82] Ибн Русте, 22.

[83] Ср. слова Якута (*Му'джам*, I, 38 внизу) о двух видах гяза, из которых один равнялся $^5/_4$ другого.

[84] Макдиси, 106.

дельное поселение обозначалось, как в Персии, словом *дех* (арабское *карйа*) или местным *кент*; турки принесли с собой слово *кышлак* ('зимовка'), которое только в последние века было распространено и на постоянные поселения, даже на такие, где живут не турки, а иранцы; еще в документах конца XVI в.[85] люди, живущие в селениях (*дех-нишин*), отличаются от людей, живущих в зимовках (*кышлак-нишин*). Часто встречается турецкое слово *курук* [86], перешедшее и к монголам, в смысле заповедного имения государя или династии. Близкое к этому значение имеет, по-видимому, арабское слово *харим*, постоянно встречающееся в большой вакуфной грамоте начала XVI в., относящейся к бассейнам Зеравшана и Кашка-Дарьи; постоянно говорится о «хариме» того или другого протока (*джуй*). То же самое слово встречается у туркмен, где им, по словам А. Ломакина [87], обозначается «отдел шариата, трактующий о священных, неприкосновенных правах на воду лиц, вырывших кяризы, колодцы». А. Ломакин отмечает факт, что это слово не встречается ни в одном из известных ему трудов по шариату.

Перехожу теперь к обзору исторических сведений об орошении края по отдельным рекам и бассейнам в порядке с запада на восток.

---

[85] Пример приведен мною в *Отчете о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 266.

[86] Древнейший пример употребления этого слова — Нершахи, изд. Шефера, 27; ср. мой *Туркестан*, ч. II, стр. 112; ⟨наст. изд., т. I, стр. 161⟩.

[87] Ломакин, *Обычное право туркмен*, стр. 136 и сл. ⟨Ср. этот термин также в *Документах к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве*, страницы по указателю.⟩

II

АТРЕК

Водой Атрека в нижней части его течения в настоящее время пользуется только небольшое число туркменских аулов; городов, которые бы получали воду из этой реки или ее притоков, в пределах России в настоящее время нет. Сохранились, однако, развалины такого города, ныне известные под названием «Мешхед-и Мисриян»; к городу и его окрестностям, ныне пустынным, некогда была проведена вода посредством сложной ирригационной системы из Атрека. По рассказам путешественников, голова канала находилась в 60 верстах выше Чата; канал направлялся на запад вдоль берега реки, близ Чата отделялся от нее, пересекал ложе Сумбара и принимал северо-западное направление; не доходя до развалин, верстах в 20—30 от них, вода поднималась на вал, вышиною в 7 футов; ширина канала равнялась 2 саженям [1]. Самый город, окруженный стеной и рвом, занимал небольшое пространство, всего около 120 десятин [2]. Современным жителям этих мест ничего неизвестно ни о названии города, ни о времени его процветания; современное название («место мученичества египтян») объясняется легендой о египетском отряде, будто бы погибшем здесь в битве с неверными. Город, во всяком случае, относится к мусульманской эпохе; сохранились развалины мечетей и минаретов с арабскими надписями; в надписи на портале главной мечети упоминается даже имя строителя — хорезмшаха (владетеля Хорезма) Мухаммеда ибн Текеша (1200—1220). Город, следовательно, существовал еще в XIII в. В одной из других надписей упоминается «владетель этого рабата»; городок, следовательно, в эпоху ислама был пограничным укреплением [3].

---

[1] И. Бларамберг в «Русском инвалиде», 1873, № 223 (14/26. X), немецкий перевод в Pet. Mitt., 1876, S. 16—18. ‹В «Русском инвалиде», № 224 от 14 октября 1873 г., под общей шапкой «Известия о Хивинском походе» имеется корреспонденция, подписанная Л. К., но для Pet. Mitt. И. Бларамберг перевел корреспонденцию без заголовка и подписи из «Русского инвалида», № 225 от 14 октября 1875 г., в которой и рассказывается о Мешхед-и Мисриян и следах древних каналов (Blaramberg, *Die Ruinen*, S. 17).› Кузьмин-Кораваев, *Российско-персидская граница*, стр. 11.

[2] Ср. описание и план развалин у А. М. Коншина, *Разъяснение*, стр. 152 и сл.

[3] Текст и перевод надписей приведен А. А. Семеновым, *Надписи на портале*, стр. 0156—0157. ‹Памятники Мешхед-и Мисрияна обследованы в 1947 г. ЮТАКЭ.

Развалины Мешхед-и Мисриян были предметом многих фантастических предположений; достаточно сказать, что специалист по исламу, уверяющий, что лично видел эти развалины, несмотря на остатки мечетей и минаретов, пришел к выводу, что перед ним город, построенный греками [4]. Более близкое ознакомление с мусульманской географической литературой показало, что развалины должны быть отнесены к рабату Дихистан [5], о котором в арабской географической литературе имеется довольно много сведений. Географы X в. ничего не говорят об отношении Дихистана к Атреку; почему-то эта река в географической литературе домонгольской эпохи совершенно не упоминается; но уже в XIV в. Хамдаллах Казвини говорит, что «Атрек впадает в Каспийское море, пройдя через пределы Дихистана». В своих прежних работах [6] я по ошибке смешивал рабат Дихистан с рыбачьим поселком, находившимся в той же местности, на берегу моря, вследствие чего получалось впечатление, что развалины, теперь расположенные на довольно большом расстоянии от моря, некогда стояли на морском берегу, т. е. что очертание берега за последнее тысячелетие существенно изменилось. В действительности рабат Дихистан описывается отдельно от рыбачьего поселка и нигде не говорится, что он стоял на берегу моря. Рукописные варианты, приведенные в издании де Гуе [7], показывают, что название рыбачьего поселка у географа Истахри не Дихистан, а Дихистанан-Сур; то же самое название находится в рукописи анонимного персидского географа второй половины X в. [8]. По описанию этого последнего, Дихистанан-Сур был островом, один угол которого был соединен с материком (т. е. в действительности полуостровом). Тот же «остров» упоминается у Табари [9], в рассказе о военных событиях 98/716-17 г. н. э. под названием «Бухейра» (букв. 'Озеро'; вероятно, так назывался залив, отделявший полуостров от моря) на расстоянии 5 фарсахов (около 30—40 верст) от Дихистана. Сюда был загнан арабами туземный князь со своим войском и после шестимесячной осады должен был сдаться. Вода Атрека сюда не доходила; осажденным приходилось пить воду (очевидно, соленую) из колодцев, вырытых ими в песке, что вызвало среди них эпидемию [10]. По географам X в.[11], Дихистанан-Сур был местом, вдававшимся в море, «чем-то вроде поселка»,

---

Результаты исследований см.: Пугаченкова, *Архитектурные памятники Дахистана*; ее же, *Пути развития*, стр. 260—266; о надписях М. Массон, *Новые данные о надписях.*>

[4] Вамбери, *Путешествие*, стр. 53.

[5] Такое произношение указано Якутом (*Му'джам*, II, 633). Обыкновенно пишут Дехистан и сближают это название с названием народа даев, о котором говорят классические географы. Ср. армянское Delhastan или Dehastan (приведено у Маркварта, *Ērānšahr*, S. 73) и генуэзское (на Каталанской карте) Deystam.

[6] *Сведения об Аральском море*, стр. 42 и сл.; <см. выше, стр. 46—47>; *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 81 и сл.

[7] Истахри, 219, прим. *b*.

[8] *Худуд ал-'алам*, л. 5б.

[9] Табари, II, 1323 и сл.

[10] Там же, 1325.

[11] Кроме Истахри, еще Ибн Хаукаль, 277.

где жили рыбаки и куда в бурную погоду приставали суда; море здесь было не глубоко. По всей вероятности речь идет о полуострове Гассан-Кули. Расстояние между ним и развалинами Мешхед-и Мисриян в действительности значительно больше, чем указано у Табари; но неизвестно, насколько Дихистан домусульманской эпохи [12] соответствовал по местоположению рабату Дихистан, возникшему при исламе. У Табари только сказано, что от Джурджана [13], т. е. от местности по Гюргену (города Джурджана, местоположение которого приблизительно определяется башней Гумбез-и Кабус, тогда еще не было), до Дихистана было 25 фарсахов; Хамдаллах Казвини [14] впоследствии считал от города Джурджана до города (т. е. рабата) Дихистана 23 фарсаха. Расстояние от гавани Абескун при устье Гюргена до Дихистанан-Сура равнялось, по Истахри, 50 фарсахам, что, вероятно, преувеличено.

В домусульманскую эпоху на Атреке, по-видимому, не было сколько-нибудь значительной культурной жизни [15]. Сасанидам не удалось прочно оградить области к юго-востоку от Каспийского моря от нашествий кочевников; для защиты долины Гюргена был построен кирпичный вал [16], остатки которого сохранились, как известно, до сих пор; но и эта линия не могла быть удержана персами, и арабы [17] упоминают также о другой кирпичной стене, построенной Хосроем Ануширваном (531—579) между Табаристаном (Мазандераном) и Джурджаном, от гор до моря. Остатки этой стены также описывались еще европейскими путешественниками XIX в.[18]; очевидно, ко времени ее постройки персы предоставили туркам также местность по Гюргену. Такое положение, по-видимому, застали здесь первые арабские завоеватели; среди договоров, заключенных в 18/639 г., приводится договор с «жителями Дихистана и другими жителями Джурджана» [19]. Во время похода 716-17 г. дихистанский князь уже не владел больше Джурджаном, но только производил набеги на эту область. По некоторым известиям [20], этот турецкий князь исповедовал религию Зороастра и находился под влиянием персидской культуры.

---

[12] Дихистан, по некоторым известиям, был основан еще при Аршакидах (Marquart, *Ērānšahr*, S. 73).

[13] Арабское название древней Гиркании, по-персидски Гурган (отсюда и название реки — Гюрген); арабскую форму употребляют и многие персидские авторы.

[14] О приводимом им маршруте ср. мой труд *Сведения об Аральском море*, стр. 53; ⟨см. выше, стр. 53—54 и ниже, стр. 260—267⟩.

[15] ⟨Искусственное орошение в Дихистане появилось в середине II тысячелетия до н. э., но около середины I тысячелетия до н. э. пришло в упадок (В. Массон, *Археологические работы на Мисрианской равнине*, карта на стр. 67; его же, *Древнеземледельческая культура Маргианы*, стр. 97)⟩.

[16] Он упоминается у Балазури, 336.

[17] Ибн Русте, 150.

[18] Fraser, *Travels and adventures*, p. 17.

[19] Табари, I, 2658.

[20] Ибн Халликан, пер. де Слэна, I, 23.

Географы X в. не говорят, кем был построен мусульманский Дихистан; Якут нашел в своем источнике [21] известие, что его выстроил Абдаллах ибн Тахир (830—844) при халифе Махди (775—785), и мог только отметить это хронологическое противоречие. Рабат служил для защиты от турков-гузов (туркмен), кочевавших в степи между Джурджаном и Хорезмом; в нем была соборная мечеть; в одной рукописи Истахри [22] прибавлено еще, что в окрестностях рабата было много поместий, что указывало бы на обильное орошение. Из слов Ибн Хаукаля [23], бывшего на Гюргене в 969 г.[24], можно было бы заключить, что при Саманидах на рабат обращали меньше внимания, чем прежде. Говорится, что у жителей Джурджана был рабат, известный под названием рабата Дихистана, город [25] с соборной мечетью; «это пограничный пункт против турков-гузов; он уже выпил глоток упадка, но небольшой». Из слов Макдиси, писавшего приблизительно двумя десятилетиями позже, ясно видно, что этот упадок относился только к военному значению рабата и что местность по-прежнему находилась в цветущем состоянии. Макдиси описывает Дихистан как «рустак» с одним городом и 24 деревнями. Город носил название Ахур; он находился вправо от дороги к рабату (очевидно, имеется в виду дорога, соединявшая рабат с Джурджаном); в нем был минарет, который можно было видеть издали, «среди деревень». Рабат стоял на краю степи; прежде он был окружен стеной с тремя воротами, но эта стена была разрушена по распоряжению правительства; самый рабат, однако, оставался бойким местом, «лучше многих городов», с красивыми мечетями и богатыми базарами; жилища в нем производили приятное впечатление; питаться тоже можно было хорошо. Соборной мечети в рабате тогда не было; была старая мечеть с деревянными колоннами, но она находилась «ниже рабата, в месте, похожем на Денданкан» [26]; в середине этого места была мечеть с минаретом, принадлежавшая шафиитам; остальные мечети принадлежали ханифитам [27].

Верховная власть над Джурджаном принадлежала в эту эпоху то Саманидам, то Буидам; очень вероятно, что разоружение Дихистана было произведено саманидским правительством, которое и в других местах не считало нужным заботиться о поддержке рабатов с их «борцами за веру». Безопасность государства со стороны степи казалась достаточно обеспеченной; при таких условиях отрицательные стороны этого мусульманского казачества давали себя чувствовать больше, чем положительные. В XI или

---

[21] Этот источник — Сам'ани, изд. Марголиуса, л. 234б.

[22] Истахри, 214, прим. *b*.

[23] Ибн Хаукаль, 273.

[24] Там же, 282.

[25] В одной рукописи еще «многолюдный» (если значение арабского слова правильно определено у де Гуе, BGA, IV, 326).

[26] О Денданкане см. ниже, при описании бассейна Мургаба.

[27] Макдиси, 358 и сл.

XII в., когда условия изменились, эти укрепления, очевидно, были восстановлены; Дихистан упоминается в это время как укрепленный город, который приходилось брать вооруженной силой; иногда он, по крайней мере временно, служил местопребыванием того или другого правителя [28]. Чаще всего Дихистан был соединен под одной властью с Джурджаном [29]; иногда он упоминается отдельно от Джурджана вместе с городами Ахала [30]. Макдиси, как мы видели, отличает Ахур как город от «рабата», хотя название Ахур ('Конюшня') было бы для рабата, где стояли преимущественно конные отряды, более подходящим (в Мазандеране, между Тамисом и Астрабадом, действительно был рабат с таким названием [31]). Якут говорит, что Ахур, по одним известиям (очевидно, по Макдиси), был главным городом Дихистана, по другим — деревней в Дихистане. Среди происходивших из Ахура лиц упоминается один имам старой мечети в Дихистане и один факих, слушавший лекции в Дихистане и умерший в Мерве в сафаре 548/весной 1153 г.[32]; из этих данных видно, что «городом» в XII в. во всяком случае считался не Ахур, а рабат Дихистан. Из дихистанских деревень упоминаются у Якута [33] деревни Харратир, Фаргуль (из этой деревни происходил ученый, родившийся в 456/1064 г. и умерший в Мерве в 538/1143 г.) и Хабратан, без точного указания местоположения.

В рассказах о монгольском нашествии нет сведений о том, когда и как Дихистан был взят монголами и насколько при этом пострадали жители города и его окрестностей. При монголах Дихистан уже не имел того значения, как прежде; нет известий, чтобы здесь жил какой-нибудь правитель или чтобы из-за Дихистана происходили вооруженные столкновения; но местность по-прежнему была населена и возделана; пустыня, как видно из маршрута Хамдаллаха Казвини, начиналась только за Дихистаном. В 9 фарсахах от Джурджана на пути в Дихистан было «разветвление дорог»; одна дорога вела в Дихистан, другая в Языр (т. е., как мы увидим дальше, в Дурун). На полпути между разветвлением дорог и Дихистаном, в 7 фарсахах от того и другого пункта, было селение Мухаммедабад; судя по местоположению, Мухаммедабад также пользовался водой Атрека. Тимур в 1384 г., направляясь после взятия Дуруна к Джурджану, прошел через «Дихистан-Чилаун» [34]; место Чилаун, очевидно находившееся рядом с Дихистаном, упоминается и отдельно; в 1392 г.

[28] Ср. факты, приведенные в моем *Туркестане*, ч. II, стр. 359 и сл.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 398⟩.

[29] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 359 (о назначении общего начальника для Джурджана и Дихистана); ⟨наст. изд., т. I, стр. 398⟩.

[30] Там же, стр. 327 (об уступке Дихистана в 1035 г. туркменам вместе с Неса и Феравой); ⟨наст. изд., т. I, стр. 370⟩.

[31] Ибн Русте, 149.

[32] Якут, *Му'джам*, I, 59.

[33] Там же, II, 418; III, 880; IV, 949

[34] Шереф ад-дин Йезди, I, 382.

здесь жены Тимура на пути в Джурджан встретили своего повелителя [35]. Местность была населена и в XV в.; при внуке Тимура, Омаре (он был назначен правителем Персии в 1404 г. и был разбит Шахрухом в 1407 г.), упоминается сборщик податей Дихистана [36]. При Шахрухе (1407—1447) Дихистан принадлежал к числу округов, доходы с которых поступали в распоряжение сына Шахруха — Байсункара (умер при жизни отца в 1433 г.[37]). Сын Байсункара Абу-л-Касим Бабур в 1449 г. бежал в Неса и Дихистан после неудачной битвы со своим братом Султан-Мухаммедом [38].

Дихистан упоминается и в XVII в. в сочинении Абулгази, но только как местность, населенная туркменами, наравне с Балханом и Мангышлаком; уже в XVI в. кочевья туркмен доходили до Гюргена [39]. После этого на Атреке, как и на Гюргене, были только пашни кочевников.

---

[35] Там же, 581.
[36] Даулетшах, изд. Броуна, 375.
[37] Там же, 351.
[38] Там же, 408.
[39] Искендер Мунши, 81.

III

АХАЛ И АТЕК

Культурные оазисы вдоль северного склона гор, составляющих географическую границу Ирана, ныне населенные туркменами и входящие в состав Закаспийской области, до последних веков в этнографическом, обыкновенно также в политическом отношении составляли часть Персии, хотя попытки овладеть этими оазисами издавна делались как степняками, так и жителями культурной области, расположенной по ту сторону степи, — хорезмийцами. В древности эта местность причислялась к Парфии, в средние века — к Хорасану. Главный город ее в мусульманскую эпоху носил название Неса; местоположение его определяется двумя городищами близ аула Багир, к западу от Ашхабада; никаких развалин зданий здесь нет, и городища наполнены только кучами мусора и кирпича [1].

Несмотря на приведенную Якутом [2] арабскую народную этимологию, известия классических географов о «Нисее» показывают, что название Неса́ существовало задолго до прибытия арабов. Страбон называет «Нисею» рядом с Гирканией [3]; чаще она, по-видимому, причислялась к Парфии, как у Исидора Харакского. Есть известие, что Александр Великий построил здесь город Александрополь; в эпоху Аршакидов, вероятно при первых государях этой династии, до перенесения ее столицы на запад, здесь были гробницы парфянских царей [4]. Арабы пришли сюда в 31/651-52 г. Ни в рассказе об арабском завоевании [5], ни в известиях (крайне скудных) о городе в первые века ислама нет данных, которые позволяли бы судить о величине города, об условиях орошения в его окрестностях и т. п. В первой половине X в., при Истахри [6], город по величине приблизительно равнялся Серахсу, т. е. был приблизительно вдвое меньше Мерва. Было много воды и садов; вода была проведена в дома; улицы отличались чисто-

---

[1] В. А. Жуковский в ОАК, 1896 г., стр. 105. По определению А. А. Семенова (*Мусульманский мистик*, стр. 15), развалины находятся в 18 верстах от Ашхабада и в 12 верстах от станции Безмеин. ⟨Об истории изучения Нисы см. М. Массон, *Городища Нисы*, стр. 22—35.⟩

[2] *Му'джам*, IV, 776 и сл.

[3] Страбон, 509 и 511.

[4] Tomaschek, *Zur historischen Topographie*, I, S. 216.

[5] Табари, I, 2884 и сл.

[6] Истахри, 273.

той; культурная полоса в окрестностях города отличалась плодородием и была разделена на несколько рустаков (последние не перечисляются). Макдиси [7] прибавляет к этому, что в городе редко встречался дом, при котором бы не было сада и куда бы не была проведена вода. Растительность была настолько густая, что ворота города (город был окружен стеной с десятью воротами) были скрыты за деревьями. Поместья в окрестностях города были захвачены хорезмийцами. В другом месте говорится, что в Несá было много источников[8]; но вода была дурного качества [9]. Несмотря на это последнее обстоятельство, географы X в. еще не упоминают о дурных санитарных условиях города, о которых говорит Якут; по его словам, испарения, поднимавшиеся от города, были настолько вредны, что в летнее время немногие из жителей оставались здоровыми.

Ни географы X в., ни Якут не говорят о цитадели Неса, хотя, по словам уроженца города, историка Несеви (XIII в.), эта цитадель была построена еще до ислама; основание ее приписывалось мифическому Гистаспу [10]. Цитадель представляла обширную и необыкновенно сильную крепость; почти у каждого жителя города там был дом; в середине цитадели было еще особое возвышение, где жил правитель и откуда стекала вода; в нижней части цитадели, чтобы дойти до воды, приходилось рыть яму глубиной в 70 аршин. По преданию, рассказанному у Несеви, только верхняя часть цитадели была естественного происхождения; вся нижняя часть считалась насыпной; земля будто бы была насыпана жителями по приказанию Гистаспа в то время, когда строилась крепость. Рассказ об отдельном возвышении и о ручье показывает, что из двух существующих ныне городищ [11] цитадели, описанной у Несеви, соответствует нижнее (северо-западное), хотя отдельное возвышение находится не в середине городища, как можно было бы заключить из слов Несеви, а в его юго-восточном углу. К юго-востоку от этого городища, как известно, находится другое, по-видимому более старое, поверхность которого представляет почти ровное пространство. Городища соединены между собой дорогой; к северу от нее, также между двумя городищами, находится аул Багир. Сохранились также некоторые из могил святых, о которых говорится в биографии шейха Абу Са'ида (XI в.; биография составлена во второй половине XII в.). По этому источнику [12], «над городом на краю кладбища, на той горе, где находятся могилы шейхов и великих людей», был ханках (обитель дервишей) Серави; место для ханкаха указал строителю сам пророк Мухаммед, явившийся ему во сне. Число погребен-

---

[7] Макдиси, 320.

[8] Там же, 331, прим. *b*.

[9] Там же, 332.

[10] Несеви, *Сúрат Джелāль ад-дúн*, 1, 50.

[11] Подробности о них любезно сообщил мне А. А. Семенов, хорошо знающий эту местность.

[12] Ибн ал-Мунаввар, *Асрāр ат-таухúд*, изд. Жуковского, 45 и сл.

ных здесь «пиров» доходило до 400, вследствие чего суфии называли город Неса «малой Сирией»; могилы святых защищали город от всякого несчастия; каждый раз, как страну постигали несчастие или смута, бедствие прекращалось, как только доходило до Неса. Автор прибавляет, что это поверие оправдалось и в его время, когда страну раздирали смуты в течение более 30 лет.

В словаре Якута приведены названия нескольких деревень, находившихся в области города Неса, большею частью без указания местоположения. В 3 фарсахах от города находилась деревня Балуз, или Фаруз, ныне Фирюза; там была могила умершего в 303/915-16 г. имама [13]. К области Неса причислялись также некоторые селения, находившиеся «за горами», т. е. к югу от нынешней русско-персидской границы; к их числу принадлежало селение Тафтазан [14], родина известного мусульманского богослова, современника Тимура [15]. Некоторые топографические указания содержатся также в биографии шейха Абу Са'ида; так, на пути из Серахса, не доходя до Неса, было селение Андарман; дальше, пройдя «под городом через несколько деревень», приходили в селение Радан [16]. Для определения границ культурной полосы в домонгольский период важнее всего сведения о двух рабатах, причислявшихся к области Неса. Рабат Шахристан, или Шахристана [17], находился в 3 милях, т. е. в 1 фарсахе, от Неса, на краю пустыни, на пути из Нишапура в Хорезм; он был окружен двумя рядами стен; внутри этого пространства было несколько мечетей. Уже в X в., при Макдиси, на укрепление надвинулись пески; в 617/1220 г., когда здесь проезжал Якут, пески непосредственно прилегали к этому «городку», как назван Шахристан у Якута; садов не было, пашни находились на большом расстоянии от черты города. На расстоянии 1 перехода от Шахристана, «на краю пределов» Неса, была еще деревня Каук [18]. Более значительным по величине, чем Шахристан, был рабат Ферава, или Афрава [19], построенный Абдаллахом ибн Тахиром (830—844) в царствование халифа Мамуна (813—833); источником средств для его поддержания, между прочим, должны были служить доходы с большого селения Асадабад в западной части Хорасана. Укрепление было окружено тремя рядами стен и рвом; рас-

[13] Якут, *Му'джам*, I, 480; III, 840. Отождествление с Фирюзой сделал еще Томашек (*Zur historischen Topographie*, I, S. 216).

[14] Якут, *Му'джам*, I, 857.

[15] Brockelmann, GAL, Bd II, S. 215.

[16] Ибн ал-Мунаввар, *Асрар ат-таухид*, изд. Жуковского, 45. Слова Якута (*Му'джам*, II, 775 и 883), что селение Радан, или Райян, находилось «недалеко от Серахса», скорее показывали бы, что его следует искать в местности к востоку от Неса.

[17] О нем Макдиси, 320; Якут, *Му'джам*, III, 343.

[18] Якут, *Му'джам*, IV, 328.

[19] О нем Истахри, 273 и 283; Ибн Русте, 170; Макдиси, 320; Якут, *Му'джам*, III, 866.

стояние между ними и Неса равнялось 4 дням пути. По описанию Истахри, рабат стоял на краю пустыни; вокруг него не было ни деревень, ни садов, ни пашен; был только источник внутри рабата и около него огороды; число жителей мужского пола не достигало тысячи. В конце того же столетия, при Макдиси, Ферава была обеспечена водой лучше, чем прежде; источников было несколько; кроме того, Абу-л-Касим Микали, представитель одного из богатых и знатных родов города Нишапура [20], на свои средства провел туда воду из гор посредством кяризов, построил в той же местности еще другие рабаты, снабдил их вакуфами и выбрал место для устройства нескольких деревень. Название «Парава» сохранила и до сих пор [21] местность, где находятся туркменский аул Кызыл-Арват [22] и русское поселение того же имени, основанное в 1881 г. (слово «арват» есть искажение арабского *рабат*). Название Ферава, или Парау, присвоено также горам этой местности. В рассказе о хивинском походе 1816 г. упоминается ключ (*булак*) Гири как источник воды «Кызыл-Рабата» [23].

Описания пути между Неса и Феравой, которое позволило бы судить о состоянии культуры в этой местности, мы, к сожалению, не имеем. Приблизительно на полпути между Ашхабадом и Кызыл-Арватом находятся развалины города Дуруна; в домонгольскую эпоху здесь была крепость Так, получившая, не позже начала XIII в., название Языр, по имени поселившегося здесь туркменского племени [24]. Под этим названием крепость упоминается еще в XIV в., в маршруте Хамдаллаха Казвини; во второй половине того же столетия, в рассказе о походе Тимура (1384 г.), впервые, насколько известно, встречается название Дурун [25].

Столь же мало описывается путь из Неса на восток, в Абиверд, или Баверд, другой центр культуры в местности к северу от Копет-Дага. Старый Абиверд находится в другом месте, чем нынешнее селение того же имени, и носит теперь название Пештак; остатков прошлого здесь, по словам В. А. Жуковского, сохранилось почти так же мало, как в Неса [26].

---

[20] Об этом роде говорит Бейхаки, изд. Морлея, 40 и сл.

[21] Самойлович, *Из туркменской старины*, стр. 560.

[22] У Муниса и Агехи всегда называется Кызыл-Рабат. <Ферава находилась не у Кызыл-Арвата, а в 18 *км* западнее, у кишлака Парау (М. Массон, *Силуэты Сумбарского района*, стр. 54; его же, *Городища Нисы*, стр. 54; его же, *Южно-Туркменистанская экспедиция 1947 г.*, стр. 47—48, там же план городища).>

[23] Мунис—Агехи, л. 209б.

[24] Туманский, ЗВОРАО, т. IX, стр. 302—303.

[25] Шереф ад-дин Йезди, I, 382. <План городища и сводка известий о Дуруне: Литвинский—Мошкова, *Изучение Така-Языра, Дуруна*, стр. 276—327.>

[26] ОАК, 1896, стр. 105. Неизвестно, относятся ли к Пештаку или новому Абиверду слова А. А. Семенова (*Мусульманский мистик*, стр. 13) о сохранившейся «мечети с великолепными изразцами» (в развалинах крепости в 5 верстах от станции Каахка). <См. Семенов, *Развалины Абиверда*; Пугаченкова, *Архитектурные памятники Дахистана*, стр. 228 и сл.>

В средние века связь между Неса и Абивердом, по-видимому, была менее тесной, чем связь каждого из них с соседними большими городами; на это указывает наблюдение Макдиси, что диалект жителей Неса походил на нишапурский, тогда как абивердский диалект примыкал к диалекту жителей Мерва и Серахса [27].

Географы первой половины X в. совсем не описывают Абиверда; Макдиси говорит, что город по плодородию почвы и по своим оживленным базарам понравился ему больше, чем Неса; жители пользовались водою реки (или канала [28]). По Якуту, санитарные условия здесь были так же неблагоприятны, как в Неса, вследствие дурной воды и вредных испарений [29]. В округе Абиверда также был рабат [30], построенный Абдаллахом ибн Тахиром при халифе Мамуне; этот рабат носил название Куфен и находился в 6 фарсахах от города по направлению к западу. Куфен был укреплением с четырьмя воротами; оно имело вид многоугольника, настолько расчлененного, что длина стен в окружности, как говорили Макдиси, равнялась фарсаху. Самый рабат стоял в одном из углов этого пространства; внутри рабата находилась большая мечеть, внутри мечети — цистерна (*сихридж*) и два пруда (*бирка*); кроме того, укрепление снабжалось пресною водой посредством кяриза.

К юго-востоку от Абиверда, между ним и Серахсом, был еще округ Хаберан [31], или Хаверан [32], с городом того же имени. В археологическом отношении здесь представляет наибольший интерес селение Мехене, или Мейхене, на современных картах большею частью Меана, с красивым мавзолеем шейха Абу Са'ида, построенным, по мнению В. А. Жуковского, при первых Тимуридах [33]. Мехене еще при Макдиси было «небольшим городом, окруженным стеною, с развалившейся соборной мечетью» [34]; у Якута [35] и в биографии Абу Са'ида [36] о Мехене говорится как о деревне. Судя по биографии Абу Са'ида, первой причиной упадка города была тяжелая участь, постигшая его жителей за сопротивление газневидскому султану Мас'уду (вероятно, в 1039 г. [37]); впоследствии селение вместе со всем округом еще больше пострадало от гузов, грабивших весь край во второй половине XII в.; в Мехене в течение некоторого времени не

[27] Макдиси, 335.
[28] Там же, 321.
[29] Якут, *Му'джам*, I, 111.
[30] О нем Макдиси, 321; Якут, *Му'джам*, IV, 321.
[31] Так у Якута, *Му'джам*, II, 383.
[32] Так у Даулетшаха, изд. Броуна, 83.
[33] ОАК, 1896, стр. 105.
[34] Макдиси, 321.
[35] *Му'джам*, IV, 723.
[36] Ибн ал-Мунаввар, *Асрар ат-тауҳид*, изд. Жуковского, 194 и 339.
[37] Там же, 206 и сл. По всей вероятности, имеется в виду то движение Мас'уда из Герата в Неса, о котором рассказывает Бейхаки (изд. Морлея, 755 и сл.), хотя об осаде и взятии Мехене у Бейхаки ничего не сказано.

оставалось ни одного жителя [38]. Той же причиной, вероятно, был вызван упадок города Хаберана, находившегося, судя по некоторым данным в биографии Абу Са'ида, к востоку от Мехене [39]; Якут говорит, что Хаберан прежде был большим городом, а теперь большая часть его состоит из развалин. В окрестностях Хаберана упоминается еще несколько деревень и даже один «городок» — Шаукан [40]; по биографии Абу Са'ида, там была соборная мечеть с минаретом [41]. О подробностях орошения не говорится; видно только, что в самом Мехене воды было достаточно и растительность развивалась быстро. Ветка, посаженная шейхом Абу Са'идом, быстро обратилась в огромное дерево, пользовавшееся благодаря славе шейха известностью даже в отдаленных областях; оно было уничтожено гузами [42].

Упадок культуры и здесь, как на Атреке, был вызван не каким-нибудь одним событием, например монгольским нашествием, но постепенным вытеснением оседлого иранского населения кочевниками, главным образом туркменами и узбеками. В XIV в. в маршруте Хамдаллаха Казвини в последний раз, насколько известно, упоминается Верава (т. е. Ферава) как город; после этого о нем больше нет известий. Очень мало известно о жизни этого края в эпоху Тимура и Тимуридов [43]; сам Тимур в 1382 г. между Абивердом и Келатом построил крепость Кахкаха [44], от которой получила свое название нынешняя железнодорожная станция (Каахка). Даже о постройке Абу-л-Касимом Бабуром (в XV в.) такого великолепного здания, как мечеть в Анау, письменные источники, насколько мне известно, не упоминают; не упоминается даже название этого селения. В XVI в. край, как весь Хорасан, подвергался частым нашествиям со стороны хивинских и бухарских узбеков; в рассказах об этих событиях, кроме существовавших ранее городов, часто упоминается город Багабад, находившийся, по-видимому, между Дуруном и Неса; весь край был для хивинцев «горной стороной» (*таг-бою*), в противоположность «стороне воды» (*су-бою*), как называли оазис по нижнему течению Аму-Дарьи; в это же время появляется термин Атек, собств. Этек — 'подол, край', как называли всю местность вдоль северного склона гор, со включением Ахала [45]. В 1530 г., после смерти шаха Исма'ила, основателя новоперсидского государства и победителя узбеков, персы из страха перед узбеками очистили и предоставили хивин-

[38] Ибн ал-Мунаввар, *Асрār ат-таухīд*, изд. Жуковского, 484.

[39] Там же, 478.

[40] Якут, *Му'джам*, III, 337.

[41] Ибн ал-Мунаввар, *Асрār ат-таухīд*, изд. Жуковского, 229.

[42] Там же, 50.

[43] У Хафиз-и Абру (рук. ГПБ Дорн 290, л. 166а) приводятся названия 13 кварталов (*махалля*) города Неса, причем на первом месте названы: квартал за крепостью, квартал Мираншаха (сына Тимура) и квартал за протоком (*джуй*).

[44] Шереф ад-дин Йезди, I, 343.

[45] Напр., Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 213 (внизу).

цам всю местность от Дуруна до Мехене [46]; впоследствии персам снова удалось утвердить здесь свою власть, по крайней мере номинально. В 1593 г. бухарские узбеки при хане Абдулле завоевали Чаачу, Мехене, Абиверд, Неса, Багабад и Дурун [47]; в 1598 г., после смерти Абдуллы, шах Аббас снова отвоевал у узбеков Хорасан до Мургаба [48]; в 1600 г. города Неса, Абиверд и Багабад были предоставлены их прежнему владетелю как вассалу персидского шаха [49]. В 1614 г. русские послы Михаил Тихонов и Алексей Бухаров прибыли из Хивинского ханства «в первой шахов город, в Дрюнь» (Дурун), оттуда в «Нисай город» (Неса), где их встретил «нисайской боярин Алей Хан», оттуда в «Баворт» (Абиверд), где их встречали «от воеводы, от Чимшит салтана» [50]. В Неса, следовательно, жил главный персидский правитель — хан, в Абиверде — подчиненный ему султан.

После шаха Аббаса персидское правительство уже не могло удержать край в своих руках; даже победа Надир-шаха над бухарцами и хивинцами (1740 г.) только на короткое время изменила положение. Между прочим, Надир поселил около Абиверда выведенных им из Хивы персидских пленных, в числе 4000 человек, и построил для них, в 4 фарсахах от Абиверда, крепость Хива-Абад [51]. В первой половине XIX в. Ахал и Атек, наравне с местностью по Теджену и по Атреку, подвергались частым нападениям со стороны хивинских узбеков, старавшихся подчинить себе туркмен. В крепости Баверд (Абиверд) хивинцы в 1829 г. застали туркмен племени али-эли [52]. В 1837 г. по распоряжению хивинского хана была исправлена крепость в Мехене и там поселена часть племени гокленов [53].

---

[46] Там же, 201.

[47] Искендер Мунши, 316.

[48] Там же, 397.

[49] Там же, 418.

[50] ПДТС, II, 280 и сл.

[51] Махди-хан, 395. Место прежде называлось Чешме-и Хальджан.

[52] Мунис — Агехи, рук. Ав. муз. 590 оа, л. 329б.

[53] Там же, л. 358б. <Об орошении в Ахале и Атеке в XIX в. см. также *Материалы по земле-водопользованию*, стр. 7—31.>

IV

ТЕДЖЕН

Название Теджен впервые, насколько мне известно, встречается в биографии шейха Абу Са'ида в форме Туджен [1], причем в этом случае под этим названием, по-видимому, следует понимать не реку, а местность около ее дельты. Из сочинений географов домонгольского периода не видно, чтобы река Герируд в нижней части своего течения носила другое название, чем в верхней и средней. В XV в. Хафиз-и Абру [2] также понимает под словом «Тежен» не реку, а округ (*бюлюк*), где оканчивается течение реки и который причисляется им не к Серахсу, а к Абиверду.

Предположение, будто Теджен когда-то отличался бóльшим обилием воды, чем теперь, и доходил до бухты Каспийского моря, впоследствии отделившейся от моря и сделавшейся обширным озером (на картах «Lacus Teschen»), основано на фантастических преданиях и неверных показаниях старых карт. Мы видели, что уже в IV в. до н. э., по словам Аристобула, Арий, т. е. Герируд, терялся в песках [3]. То же самое говорят мусульманские авторы, от географов первых веков хиджры до авторов XIX в. По словам Ибн Русте [4], через рукава реки ниже Серахса, называвшиеся Хушк-руд (букв. 'Сухая река'), был построен большой мост; река текла до места, называвшегося «Зарослями» (*аджма*), между Серахсом и Абивердом; там было много тамарикса, были также пашни, и правительство взимало с этих земель десятину. Хафиз-и Абру также говорит, что река теряется в песках [5]. Хивинский историк называет то место, где оканчивается течение Теджена, *чункулем* ('водоемом') Адина-Хасан [6].

Главным городом местности по нижнему течению Герируда всегда был Серахс. Город существовал задолго до ислама. Серахс X в. был отделен

---

[1] Ибн ал-Мунаввар, *Асрār ат-тауҳīд*, изд. Жуковского, 205, 207.

[2] Рук. Публ. б-ки Дорн 290, л. 166.

[3] <Первые каналы, отводящие воду из пересыхающих протоков дельты, относятся к самому началу III тысячелетия до н. э. (Адыков — В. Массон, *Древности*, стр. 60). Однако сколько-нибудь развитая система ирригации здесь не возникла из-за начавшегося пересыхания дельты Теджена.>

[4] Ибн Русте, 173.

[5] Хафиз-и Абру, рук. Публ. б-ки Дорн 290, л. 27б.

[6] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз.590 оа, л. 317а.

площадью от развалин старого города, где уже тогда были видны только бугры [7]. О величине домусульманского Серахса мы не имеем сведений; в первые века ислама он был довольно значительным городом, только вдвое меньше Мерва; но воды в русле реки тогда было еще меньше, чем теперь, может быть потому, что тогда еще большее количество воды расходовалось в Герате и его окрестностях. Один из арабских авторов, Я'куби, даже говорит, что в Серахсе не было ни канала, ни источника и что жители пили воду из колодцев; по другим известиям, канал был, причем голова его находилась в 2 фарсахах от города; по Макдиси, канал прорезывал город; тот же автор [8] приводит даже название канала, орошавшего рустак Серахса. Но все известия [9] сходятся между собой в том, что Герируд в этой местности в летнее время [10] пересыхал совершенно, что воды для орошения полей не хватало и что пашни были богарные; среди занятий жителей преобладало скотоводство. Благосостояние города, вероятно, объясняется его местоположением; здесь разветвлялись дороги из Нишапура на Герат и на Мерв, поэтому город должен был приобрести некоторое военное (Хафиз-и Абру называет его сильной крепостью) и промышленное значение (по Якуту, там искусно выделывали вуали и чалмы). Климат считался здоровым.

Хафиз-и Абру также говорит, что русло Герируда около Серахса наполнялось водою только весной, остальное время года воды было мало, а летом вода до Серахса не доходила. Во время спада воды жители (как и теперь) строили плотины, чтобы поднять уровень воды и направить ее в протоки; как и в настоящее время, случалось, что русло реки, пересохшее в одном месте, ниже по течению (вследствие впадения ключей) снова наполнялось водой. Садов было мало, но пшеница созревала хорошо; были также арбузы; для питья пользовались водой из колодцев; ниже Серахса по Герируду земледелия больше не было. Из этого можно было бы заключить, что те пашни, о которых говорит Ибн Русте, в XV в. были покинуты; однако сам Хафиз-и Абру при описании бюлюка Теджен перечисляет пять протоков (*джуйбар*), орошавших эту местность, так что слова о полном отсутствии земледелия едва ли безусловно согласны с действительностью. Сведений об ирригационных работах, производившихся в Серахсе и вообще на Теджене после XV в., в известных мне памятниках мусульманской литературы нет.

---

[7] Макдиси, 313 внизу.

[8] Там же, 330.

[9] Истахри, 272; Ибн Хаукаль, 323; Макдиси, 313; Ибн Русте, 173; Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 279; Якут, *Му'джам*, III, 72.

[10] В исключительно сухой 1040 г. в Серахсе не было воды уже в половине мая (Бейхаки, изд. Морлея, 767). При движении оттуда к Мерву все большие протоки оказались сухими; такого года никто не мог запомнить (там же, 773). <В домонгольское время каналы, выведенные из Теджена, доходили почти до полдороги из Серахса в Мерв (Адыков, *Главные станции*, стр. 220).>

V

МУРГАБ

В противоположность Герируду, Мургаб сохраняет если не всю, как иногда утверждали [1], то главную массу воды для своей дельты. В историческое время главный город бассейна Мургаба почти всегда находился в низовьях реки. История города Мерва и всего культурного оазиса по нижнему течению Мургаба нам известна лучше, чем история других местностей Туркестана: из всех городов Персии и Средней Азии до сих пор только о Мерве имеется подробное историко-географическое исследование, основанное на сопоставлении письменных известий с сохранившимися на месте памятниками прошлого [2], но и тут многое еще остается неясным; многие вопросы, вероятно, останутся неразрешенными навсегда вследствие отсутствия сведений в источниках.

Прежде всего мы и здесь, как почти везде в Средней Азии, лишены возможности определить, к какому времени относится начало земледельческой культуры и искусственного орошения [3]. Древнее название реки, переданное греками в форме Марг, еще долго сохранялось в мусульманское время; первоначальным персидским названием реки было Маргаб (река Марг), и только впоследствии, вероятно под влиянием народной этимологии [4], в первом слоге появился гласный звук *у* (*Мургаб* 'Птичья река'). От названия реки было образовано также название местности, Маргуш в древнеперсидских надписях, Маргиана у греков. Из надписей Дария мы знаем, что местность по Мургабу причислялась к Бактрии; по всей вероятности, она входила также в состав греко-бактрийского

---

[1] Замечательно, что к такому выводу пришла американская экспедиция, работавшая на месте в течение двух лет (1903—1904); ср. Pumpelly, *Exploration*, p. 331.

[2] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*. Ср. еще мою статью *К истории Мерва*, стр. 115 и сл.

[3] <Археологическими исследованиями последних лет установлено, что первые земледельческие оазисы возникли в концевых частях протоков Мургаба в IX—VII вв. до н. э. Центральная часть дельты была освоена лишь в V—IV вв. до н. э., тогда, по-видимому, и возникла в основных чертах известная нам система орошения Мервского оазиса; к этому времени относится и возникновение древнейшего поселения на месте Мерва (В. Массон, *Маргиана*, стр. 128 и 156).>

[4] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 68, прим.

государства. Уже греки застали здесь высоко развитую земледельческую культуру, невозможную без искусственного орошения; особенных успехов достигло, как и на Герируде, виноделие; Страбон уверяет, будто ствол виноградной лозы здесь достигал такой толщины, что его обхватывали двое мужчин, а грозди достигали длины в два локтя [5].

Городов на Мургабе, судя по молчанию греческих источников, до Александра Македонского не было; начало городской жизни положили здесь Александр и его преемники — Селевкиды. Показания античных авторов, несколько сбивчивые и противоречивые, привели В. А. Жуковского [6] к выводу, что уже тогда возникли те два Мерва, которые застали здесь арабы: верхний и нижний; первый был основан Александром, второй — Антиохом I (280—261). К этому остается прибавить, что имя Антиохии было присвоено также верхнему Мерву (по Плинию, город, построенный Александром, был потом восстановлен Антиохом); Исидор Харакский называет его «Антиохией у воды» [7]. Таким же образом при персах и арабах верхний Мерв, стоявший почти на самом берегу реки, назывался еще, в отличие от нижнего, «Мервом реки» — *Мерв-и руд*, по-арабски *Мерв ар-руд*. Самый город находился в пределах нынешнего Афганистана, вероятно на месте Бала-Мургаба [8], и не представляет для нас интереса; но к его округу причислялись и некоторые местности, находящиеся теперь в русских пределах, именно Пендинский оазис. Не к округу верхнего Мерва, а к гератскому округу Кендж-Рустак причислялась культурная полоса на Кушке, где в русских пределах, около нынешней станции Кала-и Маур, был город Багшур, превосходивший по величине верхний Мерв [9], но искусственного орошения здесь не было; пашни засевались под дождь, питьевая вода получалась из колодцев. В расстоянии 1 дня пути [10] от Багшура по дороге в Герат, по всей вероятности также еще в русских пределах, был городок Кейф, вдвое меньше Багшура; здесь было много проточной воды, были сады и виноградники, т. е. было искусственное орошение; но городок успел исчезнуть еще до монгольского нашествия. Якут [11] говорит о нем как о «древнем, некогда существовавшем городе», тогда как Багшур существовал еще при Якуте (бывшем здесь в 1219 г.), хотя находился в состоянии упадка. В окрестностях его пашни и огороды по-прежнему засевались под дождь; деревьев не было совсем [12].

---

[5] Страбон, 516.

[6] *Развалины Старого Мерва*, стр. 5 и сл.

[7] Antiocheia enydros, ср. Tomaschek, *Zur historischen Topographie*, I, S. 214.

[8] Ср. мою статью по этому вопросу: *Мерверрud*, стр. 028—032; <см. ниже, стр. 252—256>.

[9] Оба города сравниваются у Истахри (269) с Бушенджем (в Гератской области), причем о Багшуре сказано, что он был приблизительно равен Бушенджу, о Мерверруде—что он был меньше Бушенджа. Бушендж был вдвое меньше Герата (там же, 268).

[10] Расстояние у Истахри, 285 внизу.

[11] *Му'джам*, IV, 333.

[12] Там же, I, 694.

Географы X в. почти ничего не говорят о Пендинском оазисе, тогда как оазис нижнего Мерва описывается ими очень подробно. Арабы застали здесь большой город, по-видимому главный в Хорасане. После падения греко-бактрийского государства местность по Мургабу была отделена от Бактрии и вошла в состав иранского государства, сначала под властью Аршакидов, потом под властью Сасанидов, причем в эту эпоху, как впоследствии при шахах XVII в., граница государства большею частью проходила непосредственно к востоку от культурной полосы Мургаба [13]. Городу Мерву сасанидской эпохи соответствует, как доказал В. А. Жуковский, городище Гяур-кала, занимающее пространство в 4 кв. версты; кроме того, Мерв со всеми его рустаками, т. е. со всей культурной полосой, был окружен длинной стеной, которая называлась ар-Рай и от которой в X в. были видны только следы; по всей вероятности, это та самая стена, о которой говорит Страбон. От ар-Рая следует отличать стену, окружавшую не все рустаки, но только город с его предместьями [14]; следы этой последней стены сохранились до сих пор в виде вала Гилякин-Чильбурч; по остаткам этого вала В. А. Жуковский определил, что он некогда имел вид правильного кольца, радиус которого равнялся приблизительно 4 верстам; городище Гяур-кала находится как раз в середине этого пространства. Все пространство внутри вала было орошено четырьмя каналами, которые перечисляются у Истахри в порядке с запада на восток: Хурмузферра, Маджан, Разик и Ас'ади ал-Хорасани. Первые два орошали пространство к западу от Гяур-кала, третий протекал мимо западной стороны этого городища, причем вода была проведена в самый город, где наполняла ряд хаузов; посредством кяризов вода была введена даже в цитадель, несмотря на ее высокое местоположение. Несмотря на арабское название четвертого канала, именно на нем находились дома мервского марзбана, т. е. домусульманского правителя города. Кроме того, в домусульманскую эпоху имело значение северное предместье, непосредственно примыкавшее к цитадели; там был бассейн с водой и была какая-то постройка, приписывавшаяся мифическому Афрасиабу. В начале IX в. там же был дворец халифа Мамуна (жил в Мерве с 808 до 817 г.), но вообще жизнь уже с первых веков ислама переходила из первоначального города, шахристана, в западное предместье, сначала на канал Разик, потом на канал Маджан; на этом канале со времени Абу Муслима, т. е. с половины VIII в., находились базары и соборная мечеть; до ислама на нижнем течении Маджана было местопребывание несторианского митрополита. В IX в. один из правителей города решил перенести базар и мечеть дальше на запад, на Хурмузферру, но не успел выполнить своего намерения. Городская жизнь по-прежнему сосредоточивалась на

[13] Об этом Marquart, *Ērānšahr*, S. 62 sq.

[14] Данные о топографии Мерва подробно разобраны мною в статье *К истории Мерва*, там же ссылки на источники. <План средневекового Мерва у Пугаченковой, *Пути развития*, стр. 191.>

Маджане; соборная мечеть после Абу Муслима не меняла своего местоположения до разрушения города монголами.

В IX в. Мерв утратил свое значение в пользу Нишапура, куда Абдаллах ибн Тахир перенес свое местопребывание и который, по пространству и числу населения, оставался главным городом Хорасана до нашествия монголов. Пространство, окруженное валом Гилякин-Чильбурч, оказывалось слишком обширным для города; когда при сельджукидском султане Меликшахе (1072—1092) было решено окружить стеной город того времени, то эти стены охватили только пространство, орошенное Маджаном. Этому городу соответствует городище Султан-кала, по величине приблизительно равное городищу Гяур-кала; среди ворот его упоминаются ворота головы Маджана, южные, называвшиеся также «Воротами знаменосца», и ворота устья Маджана, северные, называвшиеся также кушмейхенскими (по имени селения Кушмейхен, или Кишман, у северной границы культурной полосы Мургаба, по дороге в Бухару). Из этого видно, что канал Маджан прорезывал городище Султан-кала по направлению с юга на север. Из данных о развалинах, до сих пор приведенных в известность, не видно, подтверждается ли этот вывод каким-либо следом русла внутри городища; этот вопрос, конечно, может быть разрешен только на месте.

В XII в. Мерв был местопребыванием султана Санджара[15] (ум. в 1157 г.), который заботился о благосостоянии города и об украшении его постройками; для себя он рядом с соборной мечетью построил великолепный мавзолей, сохранившийся до сих пор. Город много пострадал в 1153 г. от гузов, но во второй половине XII в. и в начале XIII в. он снова достиг процветания под властью хорезмшахов и был одним из крупных умственных центров. Все же Мерв того времени занимал пространство всего в 4 кв. версты (городище Гяур-кала было окончательно покинуто еще в XII в.) и число его жителей не могло быть так велико, как можно было бы заключить по известиям о числе убитых при взятии города монголами в 1221 г. Не только цифра 1 300 000, указанная у Джувейни[16], но и цифра 700 000, указанная у Ибн ал-Асира[17], несомненно преувеличены, даже если предположить, что при нашествии врагов за стенами города искали защиты жители предместий и окрестных деревень.

От всего величия домонгольского Мерва сохранился только мавзолей

---

[15] Правильное произношение — Синджар, как назывался город в Месопотамии, по которому получил имя будущий султан (Якут, *Му'джам*, III, 158); но в Персии и Средней Азии, по-видимому, всегда произносили Санджар, как теперь. На это указывает известный анекдот о справедливости султана, который будто бы подал кинжал матери убитого им по неосторожности юноши и сказал ей: «Вот тебе кинжал (*ханджар*), и вот тебе Санджар» (анекдот есть у Васифи, рук., л. 207б). <Ср. также наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 14, прим. 49.>

[16] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 52.

[17] Там же, стр. 53.

султана Санджара, хотя среди современников был распространен слух, будто монголы не пощадили и этого здания [18]. Слава о мавзолее и его строителе распространилась далеко за пределы Хорасана; постепенно с именем Санджара связали все предания о домонгольском прошлом и все памятники этого прошлого до монет первых веков ислама включительно [19]. Вполне естественно, что к царствованию того же султана были приурочены все рассказы о былом процветании Мерва; в нем стали видеть строителя этого города и основателя той системы орошения, которая в действительности, как показывает местоположение канала Разик и городища Гяур-кала, была унаследована мусульманами от Сасанидов. Плотина на Мургабе, где находилась голова этой системы, получила вследствие этого название Султан-бенд, как постройка султана Санджара [20].

Сведения географов X в. об орошении Мерва, несмотря на их сравнительную подробность, все же оставляют много пробелов; плотина на Мургабе не описывается и даже не упоминается. Описание всей системы, от мургабской плотины до города, впервые дает Хафиз-и Абру, по случаю восстановления плотины Шахрухом в 1409 г.[21].

По этому описанию ширина главного канала у плотины достигала 20 аршин [22], потом уменьшалась до 15; глубина в том месте, где на пути встречались холмы (которые приходилось уничтожать), доходила до 30 аршин, на ровном месте нигде не была меньше пяти. Все пространство от плотины до ворот домонгольского Мерва (городища Султан-кала) равнялось 12 фарсахам. Первая часть этого пространства, от плотины до разветвления каналов, разделена у Хафиз-и Абру на семь участков [23]. На первом участке, до улицы (*куй*) или угла (*гуше*) красного песку, канал был прорыт с большим трудом через гряду холмов, на втором, до места Джемаль ад-дин Му'айти, вырыли новый канал (по другому чтению канал Туркек), который начали рыть еще в старину, но не кончили; третий простирался до «Дерева ивы» (Дирахт-и педе), «где старый проток входил в пески»; четвертый — до холма на правой стороне канала, на вершине которого поставили столб; пятый — до большой деревни Гиренг; шестой — до рытвины эмира Омара, «которую вновь прорыли», седьмой — до головы вододелителя (*бахшаб*), где начиналась культурная полоса собственно Мерва; место называлось Пенджабом ('Пятиречьем'). Из этого описания можно заключить, что на втором, третьем и шестом участке канал 1409 г. имел несколько иное направление, чем канал домонгольской эпохи.

---

[18] Там же.

[19] Веселовский, *Подделки древностей*, стр. 112.

[20] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 86 и 174.

[21] Там же, стр. 62 и сл. (текст и перевод).

[22] У В. А. Жуковского: «метров».

[23] В тексте указано протяжение каждого из них в аршинах (гязах; о слове *гяз* см. выше, в главе о терминологии), но числа приводятся в так называемых цифрах *дйванй*, разбор которых представляет большие трудности.

Географам X в. был известен только вододелитель как исходный пункт оросительной системы Мерва. Здесь находилось большое селение Разик, где был убит в 651 г. последний сасанидский царь Йездигерд III; по этому месту получил свое название тот из начинавшихся там каналов [24], который для домусульманского Мерва имел главное значение. От Мерва до Разика было, по Якуту, 6 фарсахов, что соответствует как раз половине расстояния до мургабской плотины; ныне, как доказал В. А. Жуковский, в этом месте находятся развалины крепости Туркмен-кала. К плотине у Разика, а не к Султан-бенду, как полагал В. А. Жуковский [25], должны быть отнесены слова Макдиси о деревянной плотине на расстоянии 1 перехода от Мерва [26]. По рассказу этого автора [27], там была водружена доска для измерения уровня воды с мелкими делениями по длине доски вдоль всей ее ширины, причем одно деление отстояло от другого всего на одну ша'иру [28] (около 3 *см*). Если уровень воды (очевидно, во время половодья) доходил до 60 делений (1,8 *м*), то предвиделся урожай; если вода поднималась всего на 6 делений (18 *см*), то ожидался голодный год. В Разике было до 400 водолазов, обязанных днем и ночью следить за рекой; когда приходилось спускаться в воду в холодную погоду, они намазывали свое тело воском; каждый из них был обязан доставлять ежедневно, на случай необходимости, определенное количество дров и хворосту. На расстоянии фарсаха от города был еще другой водомер, «похожий на круглый хауз»; очевидно, там распределялась вода по городским каналам; у Истахри сказано еще, что такие же водомеры с деревянными досками, в которых были проделаны отверстия, были устроены в самом городе для каждого небольшого канала, снабжавшего водой отдельную улицу или отдельный квартал [29]. По Макдиси, в городе были хаузы, крытые и открытые, со ступенями и дверцами со стороны канала, открывавшимися по мере надобности; кроме того, были еще колодцы с пресной водой. Распределение воды производилось с такой тщательностью и справедливостью, которая ничего не оставляла желать. Во главе всей этой сложной системы стоял особый сановник, положение которого было выше положения «заведую-

---

[24] Название канала и название селения часто в рукописях пишется также Зарк. Из многих мест (ср. особенно слова Сам'ани, приведенные у В. А. Жуковского, *Развалины Старого Мерва*, стр. 44) видно, что канал и селение носили одно и то же название; Якут слышал в Мерве произношение Разик (там же, стр. 41).

[25] Там же, стр. 174, прим. 1.

[26] Так правильно там же; на стр. 23 перевод неточен. Слова *са̄ра минху* относятся к месту не доходя до Мерва; ср. такое же выражение у Ибн Русте (173) о Серахсе.

[27] Макдиси, 330 и сл.

[28] По толкованию В. А. Жуковского (*Развалины Старого Мерва*, стр. 23, прим. 6): «мера, равная шести или семи диаметрам волоска из хвоста мула или стольким же ячменным зернам, сложенным бочками». По Якуту (*Му'джам*, I, 38), шесть сложенных таким образом зерен равнялись $^1/_{24}$ локтя (аршина).

[29] Истахри, 261.

щего налогами» [30]; ему, очевидно, был подчинен «диван реки»; приставленное к этому лицо «ежечасно» (очевидно, во время половодья) отправляло в диван по почте спешных гонцов с извещением о высоте уровня реки, и оттуда рассылались инструкции для распределения воды заведующим отдельными протоками. Число всех лиц, приставленных к реке и получавших за это содержание, доходило до 10 000. Несмотря на все заботы властей, были, однако, случаи, что вода сносила плотины; такой случай произошел (вероятно, речь идет о плотине у Разика) в то время, когда Макдиси был в Нишапуре [31]; исправление плотины тогда потребовало больших средств. К мургабской системе, очевидно, относится также глава о «диване воды» у Абу Абдаллаха Хорезми [32]; перечисление терминов этого дивана начинается с названия мервской плотины. Более спорно, относятся ли все сведения, приведенные в этой главе, к эпохе Саманидов; автор ссылается [33] на книжный источник — сочинение некоего Халиля ибн Ахмеда; вероятно, имеется в виду умерший в 175/791 г. автор словаря *Китāб ал-ʿайн*, написанного в Хорасане, законченного там же после смерти автора и сделавшегося известным в Багдаде только в следующем столетии [34]. Понятно, что и для этого автора на первом плане стояли Мерв и Мургабский оазис.

По этому источнику, мервская плотина называлась Анкала (произношение этого слова, как и многих других в той же главе, остается сомнительным). Приблизительно такое же значение имели термины *тираз* (место распределения воды; в Мавераннахре, т. е. за Аму-Дарьей, вместо этого употреблялись термины *дарака* и *мазрака*) и *шадурван* (по объяснению автора, «устои моста»; известно, что так называются плотины на Каруне). В состав «дивана воды» входил диван, носивший персидское название *каст-афзуд* (букв. ‘уменьшение и увеличение’); здесь велись списки податей, причитавшихся с каждого из «владельцев воды» (*арбаб ал-миях*), и отмечалось увеличение и уменьшение этой суммы, в зависимости от перехода прав собственности на воду, посредством покупки и продажи, от одного лица к другому. К распределению воды, кроме того, относятся термины: 1) *бест* — количество воды, протекавшее (в сутки?) через отверстие, длина и ширина которого равнялись одной шаʿире, т. е. около 3 *см*; 2) *пейкал* — десять бестов; 3) *сарафа* — $^1/_{60}$ количества воды,

---

[30] В переводе В. А. Жуковского (*Развалины Старого Мерва*, стр. 19 и 23): «начальника охраны»; ср. термины у Истахри (262) и у Макдиси (330); о значении обоих терминов см. де Гуе, BGA, IV, 220 и 307. Вопреки мнению де Гуе, значения «tributum» и «tributum non canonicum» кажутся мне более подходящими и более согласными с текстами, чем значения «protectio» и «disciplina publica».

[31] Это время приблизительно определяется словами автора (стр. 65), что в 374/984-85 г. он проезжал через Серахс.

[32] Хорезми, *Мафāтих*, 68 и сл.

[33] Соответствующие места отмечены в указателе.

[34] Brockelmann, GAL, Bd I, S. 100.

приходившегося на суточную очередь (*пейкала*?). Овраг, служивший для сбрасывания лишней воды во время половодья, назывался *кувалиджа* или *муфрига*; в остальное время года этот проток был закрыт. Заросли, где накоплялась вода и откуда она проводилась на поля (водохранилища), назывались *гиль*. «Пространство, разделявшее землекопов» (очевидно, во время работ по проведению канала), называлось *азала*; это была яма в 100 куб. аршин: 10 аршин в длину, 2 в ширину и 5 в глубину. Сооружение, посредством которого канал перекидывался через другой проток, для орошения лежащих за ним участков, называлось *мусаннат*; автор говорит об этом слове только, что оно «известно», т. е. не нуждается в объяснении; в словарях оно переводится посредством «плотина» (напр., у Казимирского: «digue», у Лэна: «dam» [35]). Значение его видно из приведенного ниже рассказа о самаркандском «свинцовом протоке». «Воды, текущие под землей, т. е. кяризы и т. п.», назывались *казаим* (мн. ч. от *кизама* или *казима*, по словарю Казимирского: «puits qui communique avec celui d'à coté par une issue souterraine», по словарю Лэна: «subterranean conduits for water» [36]).

Участки земли разделялись прежде всего на две категории, орошенные (*саки*) и засеваемые под дождь (*бахс*, отсюда прилагательное *бахси*). Земли первой категории вновь распадались на орошенные посредством канало (*сейх*) и орошенные посредством чигирей (*гарб*). Для обозначения чигире приводится шесть терминов: *дуляб*, *далия*, *гаррафа*, *зурнук*, *на'ура*, *манджанун*; вероятно, каждый из этих терминов имел специальное значение и обозначал особый вид чигиря; но об этом автор не говорит; сказано только, что «эти приспособления известны; ими орошаются высоко лежащие участки». Чигири приводились в движение посредством верблюдов, называвшихся *савани* и *навадих* (ед. ч. *сания* и *надиха* — причастия от глаголов, имеющих значение 'орошать'). Вероятно, были тоже разные категории богарных земель; для обозначения их, кроме термина *бахс* и *бахси*, приводятся еще три других (*иза*, *'асари*, *ба'ль*), но специальное значение каждого термина, если таковое было, не указывается [37]. Нет также особого названия для земель, орошавшихся посредством кяризов.

Известия арабских географов не позволяют нам восстановить картину былой культурной жизни на Мургабе во всех ее подробностях. Прежде всего трудно составить себе представление о том, какая часть воды Мургаба расходовалась тогда в нынешних русских пределах выше плотины

---

[35] У Лэна (*Lexicon*, I, 1450) даются еще следующие пояснения: 1) сооружение, воздвигнутое для остановки («to keep back») воды потока; 2) стена («a kind of wall»), воздвигнутая перед («in the face of») водой, с отверстиями, открываемыми по мере надобности.

[36] Ibid., 3001.

[37] По Маверди (258), *иза* (собств. *'ийй*) — земля, орошенная дождями или росой; *ба'л* — земля, орошаемая собственной влагой, которую поглощают корни растений. Ср. перевод этого места: van Berchem, *La propriété*, p. 63.

Султан-бенд. Дорога из Мерва на юг вдоль Мургаба описывается очень кратко, причем даже расстояние в фарсахах указывается неодинаково; точно определено благодаря изысканиям В. А. Жуковского [38] только местоположение селения Баркдиз, или Каринейн, на высоком холме на левом берегу реки, где ныне станция Имам-Баба [39]. Этот пункт считался пограничным между округами верхнего и нижнего Мерва, откуда и получил свое арабское название [40]. Земледелия здесь не было; жители промышляли только отдачей внаймы ослов. Более значительная культура была в том же месте на правом берегу, где напротив Баркдиза стояло селение Левкер; Якут [41] видел там в 1220 г. минарет и многочисленные развалины, свидетельствовавшие о том, что там прежде был город; упадок этой культуры объясняется у Якута военными событиями. В 7 фарсахах выше Баркдиза было селение Асадабад, в 12 фарсахах ниже того же пункта — селение Махдиябад [42]; названия этих селений заставляют полагать, что они были основаны в VIII в. арабами, вероятно с культурными целями [43]; эти цели, по всей вероятности, не были достигнуты, и самых селений, насколько можно судить по словарям Сам'ани и Якута, в XII и XIII вв. уже не было. В 5 или 6 фарсахах на юг от Асадабада было селение Хузан, которое в словаре Якута уже причисляется к Пендинскому оазису [44].

Первоначальное название главного селения в этом последнем — Пенджде ('Пять деревень'); по Якуту, оно получило название потому, что состояло из пяти деревень, объединившихся в город, причем прежние деревни сделались кварталами [45]. Название впервые встречается в XI в.[46]. По-видимому, в XIII в. культура находилась здесь в более цветущем состоянии, чем прежде; Якут, бывший здесь в 1220 г., причисляет Пенджде к самым цветущим городам Хорасана. К «окрестностям (*невахи*, мн. ч. от *нахия*) Пенджде» или к «деревням Пенджде» отнесены у Якута деревни Айган [47], Бахвана [48], Хузан и нижний Дизак [49]; кроме того, о селении Фальхар сказано, что оно находилось «между Пенджде и Мерверрудом» [50].

---

[38] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 181 и сл.

[39] <О селениях между Мервом и Мерверрудом см. Адыков, *Дорога из Мерва на Мерверруд*, стр. 50—63.>

[40] *Каринейн* — двойственное число от *карин* ('товарищ').

[41] Якут, *Му'джам*, IV, 370.

[42] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 14 и сл.

[43] О наместнике Асаде и его роли в Хорасане см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 195; <наст. изд., т. I, стр. 249>. Халиф Махди был наместником восточной части Ирана в царствование своего отца Мансура.

[44] Якут, *Му'джам*, II, 494.

[45] Там же, I, 743.

[46] Насир-и Хусрау, *Сафар-нāме*, 2.

[47] Якут, *Му'джам*, I, 420.

[48] Там же, 772.

[49] Там же, II, 572. Верхний Дизак находился выше Мерверруда. Ср. Бартольд, *Мерверруд*, стр. 030 (Дизе); <см. ниже, стр. 254>.

[50] Якут, *Му'джам*, III, 911.

Последнее селение было, следовательно, самым южным в оазисе; самым северным, вероятно, был Хузан, как первое селение с севера в области Верхнего Мерва. Несмотря на то что селений оказывается пять, трудно предположить, чтобы именно они составляли город Пенджде, так как город, конечно, занимал не все пространство оазиса. Только о Хузане сказано, что он был богатым селением, с цветущей растительностью; об остальных никаких подробностей не сообщается.

В 5 фарсахах ниже Баркдиза было селение Бахирабад; здесь тоже не было культуры; были только гостиницы и почтовая станция [51]. У Якута Бахирабад упоминается без всяких подробностей. От Бахирабада считали 7 фарсахов до Махдиабада, оттуда 6 фарсахов до Фаза, от Фаза 7 фарсахов до Мерва; между Махдиабадом и Фазом дорога проходила через пустыню.

Посредством изысканий на месте удалось бы, вероятно, определить точное местоположение большого селения Гиренг (у арабов Джирендж). В источниках здесь некоторое противоречие; Хафиз-и Абру, как мы видели, помещает его между плотиной на Мургабе и Разиком, Истахри [52] — в 6 фарсахах от Мерва, на 1 фарсах до Разика, т. е. ниже Разика. Прав, по-видимому, Хафиз-и Абру, так как, по Якуту, лично посетившему эту местность, от Мерва до Гиренга было 10 фарсахов. Гиренг стоял, по словам Макдиси [53], на обоих берегах реки (или канала), соединенных между собой мостом; от главного течения отделялись два рукава, прорезывавшие город; на них были мельницы. Якут [54] описывает Гиренг как многолюдное селение с высокими домами и обширными базарами; часть базаров находилась на мосту. Между Баркдизом и Гиренгом упоминаются селения Рудбар ('Река') и Дуляб ('Чигирь'); из этого можно заключить, что часть этого пространства орошалась посредством чигирей. То же самое относится к пространству между Разиком и самым городом, каков он был до монгольского нашествия, т. е. до южной стены городища Султан-кала. Хафиз-и Абру делит это пространство на четыре участка: 1) от Пенджаба до «Кёшк-и сагырчи» ('Павильон кравчего'); 2) от «Кёшк-и сагырчи» до «Гумбез-и дуляб» ('Купол чигиря'); 3) от «Гумбез-и дуляб» до «Сорока павильонов» («Чихиль-кёшк»); 4) от «Сорока павильонов» до черты города. Под «кравчим», вероятно, следует понимать то же лицо, которое упоминается и у Якута как кравчий султана Санджара и основатель одной из мервских библиотек [55]. По Сам'ани и Якуту, на канале Маджан выше города был квартал Берарджан, что переводили

[51] Кудама, текст, 209. Чтение восстановлено мною на основании Якута, *Му'джам*, I, 512.

[52] Истахри, 284.

[53] Макдиси, 312.

[54] Сведения его о мервских деревнях приведены В. А. Жуковским, *Развалины Старого Мерва*, стр. 35 и сл.

[55] Там же, стр. 34.

«душа брата»; ниже города — квартал Беджвар, названный так потому, что здесь был *буджур* [56], т. е. вододелитель (слово, по-видимому, не арабское и не литературно-персидское). Здесь, очевидно, делилась вода, вытекавшая из города и направлявшаяся к северу.

Крайним пунктом оседлости Мервского оазиса на севере считалось селение Хурмузферра, или (сокращенное название) Мусфара, в 5 фарсахах от Мерва по дороге в Хорезм [57]; вероятно, сюда доходила вода самого западного из городских каналов, носившего то же название. На том же пути, несколько ближе (4 фарсаха) к Мерву, стояло селение Пашан, куда еще мог быть отведен рукав реки. За Мусфарой река исчезала в песках Хорезма. На расстоянии 1 фарсаха от Хурмузферры вправо (к востоку) было селение Кушмейхен, по дороге в Бухару. Несмотря на то что это селение находилось уже в «самых песках», там еще был «большой проток», были плоды, деревья, хороший базарчик, гостиницы и бани [58]. Таким образом, в словах автора романа об Абу Муслиме о «цветущей растительности и обильном орошении близ Кушмейхена» [59] едва ли есть основание предполагать значительное преувеличение.

Мервский оазис имел в X в. настолько густое население, что Истахри перечисляет на пространстве от Каринейна (Баркдиза) до Кушмейхена и Хурмузферры, кроме главного города, еще девять поселений с соборными мечетями [60]. Из этих селений три (Кушмейхен, Хурмузферра и Пашан) находились ниже Мерва, одно (Гиренг) — на пространстве между плотиной на Мургабе и водоразделом у Разика и два (Баркдиз и Денданкан) — вне площади орошения, из них одно, как мы видели, на месте Имам-Баба, другое, Денданкан, на пути в Серахс, в 10 фарсахах от Мерва. Воды Мургаба сюда не доходили; были только колодцы, и городок имел преимущественно военное значение, как крепость на границе со степью. По описанию Макдиси, это был небольшой укрепленный пункт, имевший только один вход, с хорошей соборной мечетью (кроме нее была еще другая мечеть) и банями; вне укрепления был еще рабат [61]. В военной истории Денданкан имел значение как место битвы в мае 1040 г., которая положила начало господству Сельджукидов в Персии; в то время было пять колодцев внутри укрепления и четыре вне его [62]. Якут видел в Денданкане только рабат, башню и развалины стен; селение, по его словам, было разрушено песками; сам Якут, однако, упоминает (со слов Сам'ани) о разрушении его гузами в 1158 г.[63].

---

[56] Так у Якута, *Му'джам*, I, 497; ср. также V, 56 и сл.
[57] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 47, 58 и 67.
[58] Там же, стр. 21 и 22 и текст Ибн Хаукаля, 316.
[59] Бартольд, *К истории Мерва*, стр. 138, прим. 3.
[60] Истахри, 263.
[61] Макдиси, 312.
[62] Бейхаки, изд. Морлея, 782.
[63] Якут, *Му'джам*, II, 610.

Три остальных селения, где в X в. были соборные мечети, находились к югу и к юго-западу от города, близ нынешнего главного русла Мургаба, где и тогда, по-видимому, преимущественно сосредоточивалась культурная жизнь. Из всех селений Мервского оазиса, названия которых приводятся у Сам'ани и Якута, нет ни одного, которое помещалось бы к востоку от города; зато число селений к югу и юго-западу от города было чрезвычайно велико; кроме хлебопашества, здесь процветало виноградарство, хлопководство и шелководство, и культура продолжала развиваться до XIII в., как показывает сопоставление известий Истахри с известиями Якута.

Три поселения с соборными мечетями, названные у Истахри: Синдж, Харак и Шавешкан. Синдж находился, по Истахри, в 1 переходе от Мерва, между дорогами в Серахс и Мерв [64] (Мерверруд?); по Сам'ани, от Мерва до Синджа было 7 фарсахов, по Якуту — 4 фарсаха. По Макдиси, здесь за соборной мечетью протекал канал, около которого были сад и виноградник. Селение в XII в. простиралось к берегу канала в длину на целый фарсах, но ширина его была очень незначительная; в 1155 г. оно целый месяц сопротивлялось гузам; при капитуляции посредником был Сам'ани [65]. Харак (у персов Хара) был от Мерва в 3 фарсахах, между дорогами в Серахс и Абиверд; жители пользовались рукавом реки, проходившим около соборной мечети со стороны киблы, т. е. с юго-запада [66]. В XII в. при Сам'ани там была «прочная стена и большая красивая мечеть». Якут называет это селение «цветущим, изобилующим деревьями» [67]. Орошавший это селение проток, вероятно, тождествен с протоком Харакан, упомянутым у Табари в рассказе о действиях Абу Муслима; на нем были селения Сикаендж, по Сам'ани в 3 фарсахах, по Якуту в 4 фарсахах от Мерва, и ниже его Алин; рядом с Алином, в 4 фарсахах от Мерва, было селение Белашджирд [68]. Шавешкан [69] находился от Мерва в 4 фарсахах, в том же направлении, как Харак, т. е. к юго-западу; в этой «цветущей, многолюдной» деревне сосредоточивалось при Якуте производство шелка. Мерв считался родиной персидского шелководства; уже отсюда были привезены шелковичные черви в прикаспийские области [70].

При Якуте соборные мечети были еще в двух других селениях, находившихся в том же направлении; оба существовали и раньше, но не имели

---

[64] <О нем см. Адыков, *Главные станции*, стр. 213.>

[65] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 45.

[66] Так у Макдиси, 312.

[67] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 47.

[68] Табари, II, 1969; Якут, *Му'джам*, I, 708 и другие места, указанные в статье Бартольда, *К истории Мерва*, стр. 128.

[69] Так (а не Саусакан) по Сам'ани и Якуту; см. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 44 и 48.

[70] Истахри, 263.

такого значения. Из них селение Ганугирд (Джануджирд у арабов) находилось в 5 фарсахах от Мерва, на полпути между ним и Денданканом; это была первая остановка караванов на пути из Мерва в Нишапур. Якут, проезжавший там в 1217 г., помнил, что видел в Ганугирде обширный базар, хорошие постройки, большую соборную мечеть, виноградники и сады. Соборная мечеть с минаретом была также в большом селении Махан, или Махуван, откуда выступил Абу Муслим. Местоположение этой деревни в домонгольских источниках определяется менее точно; говорится только (у Сам'ани), что оно было в 3 фарсахах от Мерва. Немногочисленные топографические указания в летописи Табари и в романе об Абу Муслиме [71] заставляют искать Махан к западу от Мерва, притом довольно низко по течению реки (Абу Муслим покинул Махан, потому что там его могли отрезать от воды, и ушел на Харакан, где эта опасность ему, очевидно, не угрожала). Такому выводу вполне соответствуют данные о Махане в истории Тимура; Тимур по дороге с берега Аму-Дарьи сначала прошел через Мерв, потом уже прибыл в Махан [72], где сжег заросли камыша [73]. Все эти данные показывают, что Махан находился близ нынешнего Мерва, построенного хивинцами в 1824 г. [74]; и действительно, при описании похода хивинского царевича (будущего хана) Рахман-Кули на Мерв в 1827 г. говорится, что царевич, «вступив на почву места Махан» [75], остановился в окрестностях укрепления, построенного инаком Кутлуг-Мурадом. Возвышение Махана после XIII в., когда Махан некоторое время был единственным населенным пунктом Мервского оазиса, очевидно, связано с разрушением плотины Султан-бенд, как в XIX в. та же причина вызвала возникновение нового Мерва [76]. Слова Хафиз-и Абру, будто Махан еще при Абу Муслиме превосходил Мерв [77], конечно, не соответствуют действительности; иначе трудно было бы объяснить молчание географов X в.

Мы находим в источниках также названия нескольких каналов, выведенных из Мургаба в домонгольский период, но никаких топографических указаний, которые позволили бы точно определить местоположение каналов, авторы не сообщают. Из романа об Абу Муслиме известен проток Замч, к западу от Мургаба; местность по этому каналу орошалась, по крайней мере отчасти, посредством чигирей, так как здесь была крепость Чардуляб ('Четыре чигиря'), защищенная с одной стороны водой, с другой — зарослями тамариска [78]. У Сам'ани и Якута упоминаются

---

[71] Бартольд, *К истории Мерва*, стр. 128.
[72] Шереф ад-дин Йезди, I, 145.
[73] Там же, 147.
[74] Об этом см. ниже.
[75] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 314а.
[76] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 94.
[77] Там же, стр. 68.
[78] Бартольд, *К истории Мерва*, стр. 138, прим. 4.

еще, без всякого указания местоположения, протоки Балакан и Кеваль; на Балакане была некогда деревня, впоследствии пришедшая в разрушение [79].

Последнее известие ставит перед нами вопрос, как отражались меры, принимавшиеся властями для орошения новых земель, на общем состоянии системы орошения, и насколько ими причинялся ущерб раньше орошенным землям. Тот же Макдиси, который так много говорит о справедливом распределении воды Мургаба, в другом месте, однако, рассказывает, что в Мерве чувствовался недостаток в воде и причиной этого были главным образом «султанские поместья», очевидно, бравшие себе слишком значительную долю; вследствие этого будто бы в прежнее время не дозволялось никому из состоявших на государственной службе покупать себе имение. Макдиси слышал в Мерве анекдот, как одна женщина заставила халифа Мамуна покинуть Мерв; она пришла к нему и сказала: «Ты привел в разрушение Мерв; он не выносит, чтобы поместьями в нем владел кто-либо, кроме людей из простого народа» [80]. Анекдот едва ли соответствует действительности; из рассказа Табари о действиях Абу Муслима видно, что уже тогда целые деревни в Мервском округе считались собственностью одного или двух лиц [81]. В XII в. Мерв снова сделался предметом особого внимания могущественного султана — Санджара, которому, конечно, подражали его приближенные. Кроме построек, воздвигнутых в самом городе, Санджар построил для себя зáмки в Андерабе, селении в 2 фарсахах от Мерва, по-видимому по направлению к югу (в соседней деревне Бахджернияне стояло балхское войско); Якут видел эти постройки и самую деревню только в развалинах [82], что, вероятно, объясняется действиями гузов после 1153 г. Везиры сельджукских султанов облюбовали деревню Разик [83]. Постройки султана и везиров, конечно, были связаны с проведением новых каналов; этим обстоятельством, вместе с расширением площади орошения в Пендинском оазисе, вероятно, объясняется отмеченный у Сам'ани и Якута упадок культуры в местности к северу от Мерва, где часть культурной полосы была захвачена песками. Такая участь постигла некогда цветущую деревню Кушмейхен [84]. О двух деревнях, Шебриндже и Ширнахджире ('Добыча льва'), расположенных всего в 3 фарсахах от Мерва, говорится, что они находятся «в песках» [85].

Авторы XII и XIII вв. ничего не говорят о том, что делалось при Санджаре для поддержания мургабской плотины и насколько отразились на этом сооружении смуты второй половины XII в. Хафиз-и Абру рас-

---

[79] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 36 и 47.
[80] Макдиси, 299.
[81] Табари, II, 1952 и сл.
[82] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 35 и сл.
[83] Там же, стр. 44.
[84] Там же, стр. 42.
[85] Там же, стр. 47 и сл.

сказывает, что при Санджаре число людей, приставленных к реке, доходило до 12 000, причем они содержались не на средства казны, а на средства жителей Мерва. В 1162 г. (через пять лет после смерти Санджара) плотина была снесена, и в течение трех лет воды в городе не было, пока новый владетель области, хорезмшах, не прислал людей (из своей страны?) для восстановления плотины [86]. Неточность этих сведений доказывается уже тем, что Мерв после Санджара до конца 70-х годов XII в. оставался во власти гузов; после этого им владел до 1193 г. Султан-шах, сын хорезмшаха Иль-Арслана [87]. Им, вероятно, были приняты меры для исправления плотины, если в таких мерах была надобность; едва ли о таком факте, как полное отсутствие воды в Мерве в течение нескольких лет, могли бы умолчать современники.

За сопротивление, оказанное монголам, Мерв поплатился гораздо более жестоко, чем, например, Самарканд и Бухара. Возможно, что Чингиз-хан для ограждения завоеванного им Туркестана хотел создать пустыню к югу и к западу от него, как впоследствии иранские монголы по таким же соображениям разрушили Бухару; вообще восстановление культуры здесь, на границе двух враждебных друг другу монгольских государств, иранского и среднеазиатского, было связано с большими трудностями, чем во внутренних областях Персии и Туркестана. Понятно, что даже меры, принимавшиеся отдельными правителями, не могли привести к прочным последствиям. Так, еще в 1250 г. монгольский наместник Аргун обратил внимание на «султанский павильон» у Разикабада, т. е. Разика, восстановил здесь павильон и сад и велел местным жителям устраивать себе дома и сады [88]; очевидно, что для этого снова пришлось пропустить через Султан-бенд хотя бы небольшое количество воды. Тем не менее плотина не была прочно восстановлена, и в начале XV в. во всем Мервском оазисе был населен только Махан [89]. К этому времени причины, затруднявшие восстановление культуры на Мургабе, уже не существовали; при Тимуре Хорасан и Туркестан вновь объединились под одной властью; но Тимур начал восстановление культуры с оазисов Меручакского и Пендинского, и только его сын Шахрух снова обратил внимание на Мервский. Верхнего Мерва как города в XIV в. также не было; при монголах была только крепость на Кушке близ старого Багшура, получившая от монголов название «Мори-Шабурган» [90] (первая часть, очевидно, монгольское *мори* 'лошадь'); от этой крепости самая речка Кушк еще в хивин-

[86] Там же, стр. 68.

[87] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 364 и 371; <наст. изд., т. I, стр. 406 и 410>.

[88] Текст Джувейни приведен мною в *Туркестане*, ч. I, стр. 117. Вероятно, Аргун восстановил постройки везиров сельджукидской эпохи.

[89] Так я понимаю слова Хафиз-и Абру (Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 64). В переводе В. А. Жуковского (там же, стр. 68): «. . . и в настоящее время в Мерве заселен тот же Махан».

[90] Вассаф, бомбейское изд., 316; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 120.

ской истории носит название Мори-сую [91]. В нынешнем названии Кала-и Маур вторая часть, очевидно, есть искажение слова *мори*. Местность при Тимуре, как и прежде, рассматривалась как одно целое: весь округ носил название Мургаб; главными селениями в нем были Меручак и Пенджде; кроме того, был базар с пашнями и садами у «моста Табана» (Табан — военачальник Тимура, убитый в 1383 г. [92]); вероятно, имеется в виду нынешний «каменный» или, вернее, «кирпичный» мост [93] на Кушке. Хлебопашество преобладало над садоводством; кроме того, было широко развито скотоводство. Начало земледельческой культуры в этой местности в том виде, как она существовала в XV в., относится к эпохе Тимура; завоевав Хорасан (1381 г.), Тимур распорядился, чтобы каждый из военачальников (эмиров) и вельмож (*аркан-и даулат*) вывел из Мургаба канал и положил здесь основание земледелию. Хафиз-и Абру [94] приводит названия двадцати каналов; среди них девять имен военачальников и сановников, известных в истории Тимура (Омар, сын Табана; Акбуга, Шейх-Али-бахадур, Даулетшах-бахши, Хасан-джандар, Ала ад-дин инак, Сунджек, Менгли-ходжа, Кебекчи-юртчи); один канал носил имя женщины: Кутлуг-хатун; возможно, что имеется в виду сестра Тимура Кутлуг-Туркан-ага, умершая в 1383 г. [95]. Вероятно, в работах принимал участие также сын Тимура Мираншах, зимовавший в Пенджде в 1382—1383 гг. [96]. Местоположение отдельных каналов не указывается; нет также сведений о том, какие из них относятся к Меручакскому оазису и какие к Пендинскому.

В 1409 г. Шахрух решил восстановить Мерв как город [97]; возобновили плотину (Султан-бенд) и вновь провели воду по каналу, доставлявшему воду Мерву домонгольской эпохи. Созданная Тимуром сеть каналов по верхнему течению реки, очевидно, была причиной, что в низовьях ее культура при Тимуридах далеко уже не достигла прежних размеров. Вода, пропущенная через Султан-бенд, могла быть доведена только до южного обвода городища Султан-кала; размеры построенного при Шахрухе «города» определяются размерами городища Абдулла-ханы; длина каждой стороны этого квадратного городища — 300 сажен, площадь его, следовательно, не превышает 37½ десятин. В год восстановления плотины к обработке вновь орошенных земель приступило 500 семейств. Насколько восстановление Султан-бенда отразилось на благосостоянии Махана и других мест, расположенных около главного русла реки, неизвестно. Из

---

[91] Мунис—Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 483а.

[92] Шереф ад-дин Йезди, I, 359.

[93] На картах «Таш-Кепри» или «Пул-и хишти».

[94] Рук. Публ. б-ки Дорн 290, л. 155б.

[95] Шереф ад-дин Йезди, I, 355. <Точнее: Кутлуг-Теркен-ага.>

[96] Там же, 353.

[97] Сведения об этом у В. А. Жуковского, *Развалины Старого Мерва*, стр. 62 и сл.

одного места в тексте Хафиз-и Абру [98] можно было бы заключить, что Мургаб в первой половине XV в. доходил до Аму-Дарьи; это, однако, опровергается словами самого Хафиз-и Абру в другом месте, где сказано [99], что Мургаб, так же как и Герируд, оканчивается болотом (*паяб*, собств. 'место, покрытое водой, где нога человека доходит до дна'); по болоту самое место, где оканчивалась река, тоже получило название Паяб. Этот «Паяб» находился на пути между развалинами старого Мерва и Тедженом, вероятно недалеко от Махана [100]; к сожалению, расстояние между обоими пунктами не приводится.

К сделанному Шахрухом для восстановления Мерва последующие государи не прибавили ничего существенного. Заслуги Шахруха скоро были забыты. Громкое имя одного из Тимуридов, мирзы Санджара, в течение трех лет управлявшего Мервом (1454—1457), создало еще в XV в. легенду, будто строителем старого Мерва был Санджар и нового также Санджар [101]. Большие заслуги приписываются также другому Тимуриду, султану Хусейну гератскому. Как с именем султана Хусейна, так и с именем его везира Мир Али-Шира связан ряд выдающихся построек в Герате и вообще в Хорасане; современник его, историк Исфизари, уверяет, будто при нем образовалась сплошная полоса культуры от «Мургаба» (т. е. Меручакского и Пендинского оазисов) до Мерва и от Мерва до Серахса, тогда как прежде между Мургабом и Мервом было 30, между Мервом и Серахсом 25 фарсахов бесплодной пустыни [102]. Сообщение Исфизари, конечно, преувеличено, но заставляет полагать, что у султана Хусейна был такой план (иначе трудно было бы объяснить слова историка) и что были приняты некоторые меры для его осуществления. В рассказе об одном из хивинских походов на Мерв (1826 г.) упоминается место, называвшееся Куча Куми ('Песок улицы'); при этом рассказывается, что в древности какой-то могущественный царь решил провести воду из мервской реки к Серахсу и велел вырыть пространство, похожее на улицу, среди высоких песков (барханов); длина этого пространства равнялась 1 дневному переходу; но прорыть канал и оросить местность так и не удалось [103].

С начала XVI в. Мерв и весь бассейн Мургаба вошли в состав шиитской державы, основанной Сефевидами, и в то же время стали подвергаться постоянным нападениям со стороны суннитов-узбеков. Война между го-

[98] Там же, стр. 63 внизу; по переводу В. А. Жуковского (*Развалины Старого Мерва*, стр. 67): «от города до пределов, где вода уходит в пески и достигает Аму-Дарьи, — разрушено».

[99] Хафиз-и Абру, рук. Публ. б-ки Дорн 290, л. 28а.

[100] Ясно, что в конце выписки из Хафиз-и Абру у В. А. Жуковского (*Развалины Старого Мерва*, текст на стр. 64, перев. на стр. 68) рядом с Маханом назван был Паяб; на стр. 71 (наверху), очевидно, тоже следует читать «Паяб» вместо «Баят».

[101] Там же, стр. 72.

[102] Там же, стр. 71

[103] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 293б.

сударством Сефевидов и государством узбеков началась уже при основателях обоих государств, шахе Исма'иле и хане Шейбани. Рассказы о военных действиях, происходивших в 1510 г., содержат в себе и некоторые топографические подробности; так, упоминается селение Талхатан, теперь станция Талхатан-Баба, в 4 фарсахах от Мерва, и к востоку от него, в 3 фарсахах от Мерва, селение Махмудабад. Здесь был мост через «Махмудову реку», под которой, вероятно, надо понимать главное русло Мургаба, так как говорится о переправе только через эту реку; разрушив мост, Исма'ил отрезал Шейбани путь к отступлению [104]. Вероятно, это тот же мост, остатки которого видел в 1890 г. В. А. Жуковский [105].

Узбекам только в редких случаях удавалось утвердиться в Мерве на более продолжительное время; обыкновенно они ограничивались тем, что предавали местность разграблению и уводили жителей с собой. Так поступил еще в 1513 г. хан Убейдулла [106]. В 1567 г. Абдулла-хан разрушил плотину и переселил мервцев (кроме жителей крепости, которую ему не удалось взять) за Аму-Дарью, в окрестности Бухары, где оказал им много милостей [107]. С 1587 г. начались завоевательные походы Абдуллы и его сына Абд ал-Мумина на Хорасан; уже с 1588 г. узбеки владели Гератом; Мерв перешел в их руки только в 1592 г. и оставался в их власти до 1598 г. К этому времени относится уже не разрушительная, а созидательная деятельность Абдуллы в бассейне Мургаба. Искендер Мунши в рассказе о событиях 1607 г. говорит о крепости Хауз-и Хан, получившей название от водоема, устроенного Абдуллой у дороги в Бадгис и Герат [108]. Очевидно, имеется в виду водоем около речки Кушк, еще теперь носящий то же название, причем предание, в этом случае согласно с историей, приписывает этот водоем Абдулле [109]. Во многих других случаях рассказы о сооружениях Абдулла-хана менее достоверны; название городища Абдулла-ханы (как доказал В. А. Жуковский, это Мерв Шахруха) наглядно показывает, что и тут, как везде, Абдулла-хану часто приписывались постройки других правителей.

Еще большее значение для бассейна Мургаба, судя по преданиям, имела деятельность Надир-шаха, в 1740 г. совершившего победоносный поход на Бухару, в 1741 г. — такой же поход на Хорезм. История Надир-шаха, составленная Махди-ханом, однако, ничего не говорит о каких-либо оросительных работах, произведенных самим Надиром или его

---

[104] *Развалины Старого Мерва*, стр. 73.

[105] Там же, стр. 191.

[106] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 202 и сл.

[107] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 127а и сл. У В. А. Жуковского (*Развалины Старого Мерва*, стр. 75) событие отнесено к 1566 г.; кроме того, из текста видно, что речь идет об отправлении Абдуллой за Аму не «избытка людей своих», но мервцев (л. 129б).

[108] Искендер Мунши, 523 внизу.

[109] Yate, *Northern Afghanistan*, p. 100.

подчиненными. Имя Надира до сих пор носит плотина (Бенд-и Надири) на левом берегу Мургаба, против Меручака; канал, отведенный в этом месте из Мургаба, был перекинут через мост на Кушке и направлялся вдоль левого берега к Йолотану; остатки его можно проследить до станции Сары-Язы [110]. Махди-хан не упоминает также об оросительных работах, произведенных по распоряжению Надира в 1740 г. мервским наместником; целью этих работ было облегчить персидскому войску, после победы над Бухарой и Хивой, возвращение из Чарджуя через Мерв в Персию. По рассказу кашмирца ходжи Абд ал-Керима, находившегося в персидском войске, было приказано провести из Мургаба большой канал, длиною в 3 фарсаха, наполнить водою реки большой водоем, вырытый в этом месте, и бурдюки с водой из этого резервуара выслать еще на 5 фарсахов вперед навстречу войску. Все это, по словам того же автора, было выполнено в точности [111].

Решающее значение в жизни Мерва имели события двух последних десятилетий XVIII в.[112], когда Мерв был завоеван бухарцами. Бухарский эмир Шах-Мурад еще в первый год своего царствования (1785) разбил мервского князя Байрам-Али-хана, который пал в битве; окончательное завоевание Мерва произошло некоторое время спустя, причем для этого оказалось необходимым разрушить плотину Султан-бенд. Доступ к плотине тогда был защищен крепостью, которую и пришлось взять бухарцам; по некоторым известиям, она перешла в их руки посредством подкупа. Плотина находилась в 12 фарсахах от Мерва; по словам бухарского историка Абд ал-Керима, ее возвел султан Санджар с употреблением горной смолы и свинца [113]; тем не менее она была разрушена бухарцами в короткое время. Самое разрушение, по рассказу другого бухарского историка — Мухаммед Мир Алима [114], было произведено довольно примитивными средствами; туркменам велели принести 1000 лопат, 1000 больших и 1000 малых топоров, после чего войско со словами «Господь велик» сломало плотину и выпустило воду. Очевидно, плотина XVIII в. не была таким капитальным сооружением, как можно было бы заключить из слов Абд ал-Керима. После ее разрушения вода держалась в Мерве еще месяц,

---

[110] Ibid., p. 111.

[111] Абд ал-Керим Кашмири, 52 и сл. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 82. Молчание Махди-хана тем более удивительно, что ему же, по словам Абд ал-Керима, приходилось передавать поручение Надира мервскому наместнику. <Об оросительных работах в Мерве при Надир-шахе имеются сведения в труде Мухаммед-Казима; см. МИТТ, II, 155.>

[112] О них см. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 83 и сл.

[113] В тексте Абд ал-Керима бухарского (60): *бандӣ дӑрад ки дарйӑрӑ султӑн Санджар-и мӑзӣ аз кӑр ва анук басте аст*. У В. А. Жуковского (*Развалины Старого Мерва*, стр. 86) по переводу Шефера: «На реке была плотина, выстроенная в старину из камня, связанного горной смолой и гидравлическою известью».

[114] Так пишется имя автора в рук. Публ. б-ки Ханыков 81а, л. 13а. У В. А. Жуковского: Мухаммед-Мир-Али.

потом иссякла, и город должен был сдаться. Шах-Мурад после утверждения своей власти восстановил плотину, но город уже не достиг прежнего благосостояния. В то же царствование плотина была снова разрушена, во время восстания в Мерве братьев эмира, и снова восстановлена после усмирения восстания [115]. Последнее разрушение плотины бухарцами произошло уже при эмире Хайдере, между 1804 и 1807 гг., когда бухарский наместник Мерва, брат Хайдера Дин-Насир-бек, вступил в сношения с персидским правительством. Восстание было усмирено, и Дин-Насир-бек должен был бежать в Персию. С ним ушло около 1000 семейств мервцев; Хайдер, заняв город, переселил значительную часть жителей (по бар. Мейендорфу — 25 000 человек, по Ханыкову — 4000 семейств) на Зеравшан. Бар. Мейендорф слышал в 1820 г., что в городе Мерве, не считая гарнизона, осталось только 500 человек и что эмир «не позволяет туда проводить много каналов воды, дабы жители его, пользуясь изолированным положением, не могли вернуть свою независимость». Земли в окрестностях Мерва, однако, «снова начинали возделываться»; после ухода мервцев пашни, вероятно, перешли в руки соседних туркмен.

Политика бухарского правительства, вероятно, была причиной перехода мервских туркмен на сторону Хивы; в 1822 г. они воспользовались происходившей в то время войной между Хивой и Бухарой, чтобы изгнать бухарцев и объявить себя подданными хивинского хана [116].

Хивинское правительство решило придерживаться противоположной политики и восстановить благосостояние Мервского оазиса. В конце 1823 г. в Мерв прибыл брат хана Кутлуг-Мурад-инак с поручением восстановить плотину Султан-бенд; дважды приступали к работе, но оба раза, «по предопределению божьему», плотина разрушалась водой, после чего работы были приостановлены. Получив в начале 1824 г. подкрепление из Хивы, инак воспользовался этим для восстановления крепости у «Кривой переправы» (Эгри-гузер) через Мургаб и оставил там гарнизон; в это время его постигла болезнь, от которой он и умер в апреле того же года, не достигнув Хивы [117].

Таково было начало нового Мерва. Плотина старого Мерва, однако, впоследствии была восстановлена; она существовала в 1840 г., во время путешествия Абботта; ею воспользовались туркмены-сарыки, чтобы снова обратить в крепость последнее из старых мервских городищ, Байрам-Али-хан. Туркмены (сарыки и салоры) в это время уже разочаровались в хивинцах и вели борьбу с ними, сначала в союзе с бухарцами, потом, после заключения мира между Бухарой и Хивой (1845 г.[118]), одни. В 1847 г.

[115] По словам мервского современника этих событий, персидский шах Ага-Мухаммед еще в 1795 г. обращался к Шах-Мураду с требованием восстановить плотину (Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 90, прим. 2).

[116] Мунис—Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 243а.

[117] Там же, л. 256а и сл.

[118] Там же, л. 433б.

хан безуспешно осаждал туркмен в крепости Байрам-Али и при отступлении оттуда разрушил плотину на Мургабе, т. е. Султан-бенд [119]. Насколько известно, это последний случай разрушения плотины до установления русского владычества. В 1849 г. хан только прошел мимо крепости Байрам-Али [120], но не осаждал ее. Неизвестно, была ли она в то время занята туркменами или покинута.

Состояние культуры в бассейне Мургаба в смутное время хивинского владычества было еще печальнее, чем в момент занятия края русскими в 1885 г. Во время путешествия Абботта (зимой 1839/40 г.) границей хивинских владений была крепость Кала-и Маур; крепость была разрушена, и во всей долине Кушка не было «живой души» [121]. В Пенджде путешественник видел разрушенный виноградник и покинутые пашни некогда населенной и обработанной местности [122]; там же было до 300 туркменских палаток. Между Пенджде и Йолотаном местность также была совершенно пустынной, вследствие недавних смут [123]; в Йолотане снова появились пашни [124]. Число туркмен в Мервском оазисе доходило, как говорили Абботту, до 6000; подать, уплачивавшаяся ими хивинскому правительству, составляла сумму в 30 000 тиллей [125].

---

[119] Там же, лл. 466а—467б.

[120] Там же, л. 484а.

[121] Abbott, *Narrative*, p. 18.

[122] Ibid., p. 19. Хивинский историк при описании событий 1838 г. говорит об окрестностях укрепления Пенджде как о цветущей местности (Мунис—Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 364б).

[123] Abbott, *Narrative*, p. 29.

[124] Ibid., p. 31.

[125] Ibid., p. 53 sq. <О туркменском орошении в бассейне Мургаба в XIX в. см. *Материалы по земле-водопользованию*, стр. 63—185.>

VI

АМУ-ДАРЬЯ

Как обо всем Туркестане, так и о бассейне Аму-Дарьи подробные сведения начинаются только со времени арабского завоевания. Попытки найти какие-нибудь сведения о древней культуре страны в библейских преданиях о реке Гихон [1] заранее обречены на неудачу; по всем признакам, название библейской реки было перенесено на Аму-Дарью только при исламе. Древнеиранское название реки — Вахш, переданное греками в форме «Окс», сохранилось до сих пор в названии одного из ее притоков. Греки слышали это название в местности по среднему течению реки, но, по-видимому, оно употреблялось и в Хорезме; приведенные у Бируни сведения о хорезмийском календаре показывают, что еще в XI в. в Хорезме Вахшем называли духа-покровителя воды вообще и реки Аму-Дарьи (Джейхуна) в особенности [2]. Не только греки, но и китайцы знали Аму-Дарью только как водный торговый путь [3] в стране между Индией и Каспийским морем; о том, что река в нижней части своего течения питает густонаселенный оазис, ни те, ни другие, по-видимому, не имели понятия. Античные авторы вообще не знали, что хорезмийцы живут на Аму-Дарье; из китайцев некоторые об этом упоминают [4], но ничего не говорят о том, как в Хорезме распределялась вода реки. Вообще Хорезм, насколько можно судить по дошедшим до нас известиям, в противоположность Фергане, Самарканду и даже Персии не имел с Китаем непосредственных сношений.

Описание бассейна Аму-Дарьи, оставленное арабскими географами [5], показывает, что и тогда главная река выше пределов Хорезма имела для целей ирригации гораздо меньше значения, чем ее притоки. Долины речек, впадающих в Аму-Дарью с севера, находились под властью своих местных князей, только в слабой степени подчинявшихся до ислама вер-

---

[1] Бартольд, ЗВОРАО, т. XX, стр. 067—073.

[2] Бируни, *Āṯār ал-бāқийа*, изд. Захау, 237.

[3] Сведения греков и китайцев об этом торговом пути приведены мною в труде об Аральском море, стр. 13, 17 и 20; <см. выше, стр. 28, 31, 32>.

[4] Напр., Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 22.

[5] Сведения их приведены в моем труде *Туркестан*, ч. II, стр. 66 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 114 и сл.>.

ховной власти турецкого князя [6], после арабского завоевания — власти халифа, его наместников и последующих персидских и турецких династий. При таких условиях не могло быть речи о создании обширных оросительных систем; каналы выводились из рек только для местных потребностей.

Как и теперь, культурная жизнь преимущественно сосредоточивалась в верхних частях долин Сурхана и Кафириган, где эти долины сливаются в одно целое; путь из Денау через Гиссар (Хисар) к Файзабаду и оттуда через каменный мост на Вахше в Бальджуан и дальше описывается уже географами первых веков ислама, хотя города этой местности в то время частью носили другие названия, частью еще не существовали. Кроме земледелия и садоводства, говорится о культуре шафрана (*за'фаран*) в местности между Файзабадом и Денау и о культуре марены (*фувва*) в Кабадиане. Первое место по плодородию и количеству населения занимала, по-видимому, всегда область Чаганиан [7] в долине речки Чаганруд, носившей это название еще в эпоху Тимура (ныне Сурхан). Главный город, Чаганиан, находился близ нынешнего Денау; число селений области доходило до 16 000; вода Сурхана расходовалась для целей ирригации в таких размерах, что не во всякое время года достигала Аму-Дарьи [8]; ее, однако, хватало для орошения пашен вокруг Термеза, который был тогда значительным городом, уступавшим городу Чаганиану по величине, но превосходившим его по числу населения и по богатству. Нет никаких указаний на какие-либо перемены, происшедшие здесь при исламе, в смысле основания новых городов, проведения новых каналов и т. п.; культурная жизнь, по-видимому, оставалась в общих чертах такою же, какой была в момент арабского завоевания. От других областей Туркестана эти области отличались тем, что они со времени греко-бактрийского государства были связаны более тесными сношениями с Индией, чем с Ираном, и что в них до ислама сохранял господство буддизм. Несмотря на то что при исламе местное историческое предание, если оно вообще существовало, быстро исчезло под влиянием сближения с Ираном, сохранялись остатки какой-то прежней, немусульманской и неиранской культуры; автор XII в. Сам'ани при описании Вашгирда (ныне Файзабад) говорит о каком-то алфавите, употреблявшемся здесь «в начале ислама», и прибавляет, что эти письмена «известны, записаны в книгах» [9]. Возможно, что когда-нибудь будут найдены памятники этой письменности и что какие-либо следы индийского влияния будут обнаружены и в об-

---

[6] О войнах этого князя с арабами см. мою статью *Die alttürkischen Inschriften*, S. 27.

[7] О ней мною напечатана статья в EI, I, S. 845 sq.; <см. ниже, стр. 558—559— статья *Чаганиан*>.

[8] Так по Макдиси, 283; <об орошении Термеза см. Букинич, *Каналы древнего Термеза*>.

[9] Текст приведен мною в *Туркестане*, ч. I, стр. 68.

ласти материальной культуры [10], между прочим и в области орошения.

В политическом отношении области, составляющие теперь восточную часть Бухарского ханства, и при исламе больше тяготели к Балху, чем к Бухаре и Самарканду. По-видимому, только временное уничтожение Балха монголами вызвало создание такого местного центра, каким сделался Хисар (собств. Хисар-Шадман), в домонгольскую эпоху не существовавший. Замечательно, что Термез был восстановлен раньше Балха; Ибн Баттута около 1333 г. еще нашел Балх в развалинах, тогда как Термез, хотя и на новом месте (верстах в 4—5 от разрушенного Чингиз-ханом города), уже успел оправиться; в нем были каналы, прорезывавшие его базары, и множество садов [11]. Укрепления старого Термеза на берегу Аму-Дарьи восстановил уже после Тимура его внук Халиль-Султан летом 1407 г.[12]. Совершенно особняком стоит сообщение Хафиз-и Абру [13] о какой-то переправе Бурдагуй, которая в XV в. соперничала с Термезом и приписывала себе более древнее происхождение; говорили, что селение основано Александром, что самое слово «Бурдагуй» — греческое и значит «гостиница» (*михмānхāне*). Бурдагуй, по словам Хафиз-и Абру, был расположен рядом с Термезом; едва ли поэтому его можно сблизить с Бурдалыком, который в то время также уже существовал и несколько раз упоминается в истории Тимура [14].

Дальнейшая судьба областей к северу от Аму-Дарьи вообще и города Термеза в частности тесно связана с историей междоусобий при Тимуридах и узбеках, особенно с историей борьбы владетелей Балха и Хисара с владетелями Бухары. Рассказы о военных событиях только в редких случаях заключают в себе некоторые сведения о состоянии культуры; так, при описании похода Мухаммед-Рахим-хана бухарского на Хисар в 1758 г. говорится, что началом культурной полосы в Хисарской области было селение Мир-Шади [15] (на 40-верстной карте Мур-шадэ). В том же 1758 г. Мухаммед-Рахим-хан восстановил Термез, перед этим «в течение многих поколений» лежавший в развалинах [16]. Период запустения Тер-

[10] <Буддийский пещерный храм, найденный близ Термеза во время работ Термезской экспедиции, в 1961—1962 гг. раскапывался Б. Я. Стависким. При раскопках зáмка Занг-тепе, в 30 *км* севернее Термеза, найдены обрывки буддийских религиозных текстов на бересте почерком брахми, которые по стратиграфическим данным и палеографическим особенностям относятся ко второй половине VII—нач. VIII в. (Альбаум, *Письменность из замка Занг-тепе*; Воробьева-Десятовская, *Находка санскритских текстов*). Следы индийского влияния прослеживаются и в более северных районах; так, в Пенджикенте, в слое начала VIII в., найден обломок хума с индийской надписью (Беленицкий, *О работе в 1959 г.*, стр. 100). О раскопках пещерного буддийского храма в р-не Термеза см. *Кара-тепе*.>

[11] Ибн Баттута, III, 56 и сл. [12] Ибн Арабшах, каирск. изд., 205.

[13] Текст приведен мною: *Хафизи-Абру*, стр. 20.

[14] Шереф ад-дин Йезди, I, 126, 148.

[15] Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туҳфат ал-ҳāнӣ*, л. 196а.

[16] Там же, л. 190а.

меза не был, однако, так продолжителен, так как еще в рассказах о событиях начала XVIII в. о нем говорится как о населенном пункте, имевшем особого наместника. Этот наместник, Шир-Али, восстал против своего хана Убейдуллы и во время борьбы с ним положил основание городу Ширабаду [17], сделавшемуся потом одним из значительных городов Бухарского ханства. Несомненно, что при восстановлении и основании городов производились также оросительные работы, но сведений о них я в источниках не нашел.

Между Термезом и Амулем (Чарджуем) в X в. были только небольшие поселения в местах переправы через Аму-Дарью, из которых главные всегда находились на месте Келифа и Керки. Келиф был в X в. единственным городом, расположенным на обоих берегах реки; главная часть его с мечетью находилась на левом берегу. В городе были места религиозного культа, связанные с кораническими преданиями; на левом берегу был рабат Зу-л-кифля (собств. 'получившего долю'; этого пророка, упоминаемого в Коране, сура XXI, стих 85, сближают с Ильей, Осией или Захарией), на правом — рабат Зу-л-карнейна (Александра Македонского); культ Зу-л-кифля впоследствии [18] был перенесен на остров среди Аму-Дарьи, около Термеза, известный теперь под названием «Остров пророка» (Арал-Пейгамбер). Келиф и после оставался незначительным поселением и имел преимущественно военное значение; в XII в. Сам'ани называет его «сильной крепостью, похожей на город». Эта крепость еще в начале XVIII в. находилась на левом берегу реки [19]; основание нынешнего Келифа на правом берегу относится, следовательно, к недавнему прошлому.

Еще меньше значения в истории имели поселения у Керки. В X в. здесь был двойной город; город левого побережья назывался Земм, город правого — Ахсисек; и здесь главное поселение с соборною мечетью находилось на левом берегу. К каждому из этих городов непосредственно примыкала пустыня с колодцами и пастбищами; жители больше занимались скотоводством (разведением верблюдов и баранов), чем земледелием. Земм подвергался опасности со стороны наводнений; в период жатвы вода иногда доходила до середины города [20]. Впоследствии Керки (самое название встречается уже у Макдиси в форме Керкух) упоминается только как крепость, охранявшая переправу через Аму-Дарью.

Истахри говорит вполне определенно, что на левом берегу начинали пользоваться водой Аму-Дарьи для орошения только у Земма (Керки [21]).

---

[17] Teufel, *Quellenstudien*, S. 42.

[18] Об этом Senkowski, *Supplément*, p. 20; название острова — Орта-Арали ('Срединный остров'; так в рук. Публ. б-ки Ханыков 81b <=Мухаммед-Юсуф Мунши>, стр. 218 второй части) или Орта-Арал (так у Сенковского и в рук. ун-та № 849, л. 90б).

[19] Teufel, *Quellenstudien*, S. 59.

[20] Макдиси, 291.

[21] Истахри, 297.

Из этого можно заключить, что число арыков, выведенных в этой местности из Аму-Дарьи, тогда было еще меньше, чем теперь. История последующих веков также не дает нам сколько-нибудь достоверных сведений о каких-либо больших каналах, выведенных из Аму-Дарьи на правом берегу для орошения отдаленных местностей. Е. Н. Блумберг, начальник оросительных изысканий в Бухаре, любезно доставил мне рукопись, полученную им от одного бухарца и оказавшуюся экземпляром известного сборника писем [22] (*Мактубат-и ʿАллами*) индийского ученого — министра Абу-л-Фазла (жившего в царствование Акбара, в конце XVI и в начале XVII в.). Среди писем имеется и письмо от имени Акбара хану Абдулле; в текст этого письма вставлен не имеющий к нему никакого отношения рассказ о канале, будто бы выведенном из «Кара-Кемера в области Келифа» для орошения области Несефа (Карши [23]). Абдулла будто бы переселил на вновь орошенные земли жителей и освободил их на 5 лет от податей; местность приняла цветущий вид. В начале XVII в. при Баки-Мухамед-хане канал был закрыт, чтобы наказать жителей Несефа за восстание против новой династии, и в области опять стали чувствовать недостаток в воде; в XIX в. эмир Хайдер хотел восстановить канал, но везиры ему сказали, что тогда жители Несефа возгордятся и отложатся от хана; поэтому он отказался от своего намерения. Никакими источниками XVI или XVII вв. не подтверждается этот рассказ, относящийся, по-видимому, к числу многочисленных легенд о сооружениях Абдуллы. Биограф Абдуллы, Хафиз-и Таныш, упоминает о большом канале, выведенном при Абдулле (в 1584 г.) из Аму-Дарьи, но этим каналом орошалась степь Хазрет-Имам к югу от Пянджа, выше места впадения Вахша и Ак-Сарая [24].

Из всех мест переправы через Аму-Дарью наибольшее значение всегда имело то место, где теперь проходит железная дорога; в средние века здесь были город Амуль на левой стороне реки и Феребр, или Фараб, на правой. В противоположность Келифу и Керки, поселения были расположены не на самом берегу, а на расстоянии фарсаха [25] от него; о Фарабе еще говорится, что в половодье расстояние между ним и рекой уменьшалось до ½ фарсаха, иногда река доходила и до самого города [26]. Вокруг обоих городов была культурная полоса с виноградниками; условия для орошения и здесь были более благоприятны на левом берегу; по Макдиси, около Амуля было много поместий, плативших большое количество податей, и обильное орошение, тогда как в Фарабе поместий было мало, подати составляли небольшую сумму, в воде чувствовался недоста-

[22] О нем Elliot, *The History of India*, vol. VI, p. 5.

[23] Текст рукописи (крайне безграмотный) не вполне ясен.

[24] Хафиз-и Таныш, *ʿАбдулла-наме*, л. 427а.

[25] По Якуту (*Муʿджам*, I, 69), Амуль находился всего в одной миле ($^1/_3$ фарсаха) от реки.

[26] Нершахи, изд. Шефера, 17.

ток [27]. От Амуля получила название река Аму-Дарья [28], сохранившая это название и тогда, когда город, по неизвестной причине, получил новое название — Чарджуй (собств. 'Четыре протока'). Крепость с этим названием впервые упоминается в начале XVI в.[29]. Фараб, как известно, сохранил до сих пор свое средневековое название. В XIX в. оба города подвергались частым нашествиям со стороны хивинцев; в рассказе о военных действиях 1822 г. говорится о рукаве Аму-Дарьи, вытекавшем из реки выше Фараба, проходившем мимо западных стен города и снова соединявшемся с рекой. В 1822 г. русло протока, прегражденное плотиной, было сухим. Хивинцы послали туда отряд с лопатами и топорами, разрушили плотину и пустили воду, чтобы преградить путь бухарскому войску [30].

В нескольких днях пути ниже Чарджуя начинался Хорезм — страна, которая и в X в., по выражению Истахри, «извлекала всю пользу» из Аму-Дарьи. Арабы застали здесь своеобразное население, выделявшееся среди жителей окрестных областей по одежде [31] и говорившее на особом языке, непонятном для других [32], причем этот язык употреблялся и в письменных документах [33]. Памятники его до сих пор не найдены или, по крайней мере, не определены [34]; судя по хорезмийским словам, приведенным различными авторами, это был язык иранский, притом довольно древний, как вообще хорезмийская культура того времени сохраняла многие черты древнеиранской жизни.

Процесс отуречения края, по всей вероятности, уже в XIII в. был совсем или почти совсем закончен [35]; но жизнь страны, благодаря ее изо-

---

[27] Макдиси, 291.

[28] Очень рано (Балазури, 410) рядом с формой Амуль встречается форма Амуя; персы уже в XIII в., по свидетельству Якута (*Му'джам*, I, 70), произносили Аму. Хивинское название Амин-Дарья, которое приводит еще Муравьев (*Путешествие*, ч. I, стр. 75 и сл.), в литературе, по-видимому, не встречается, не исключая хивинской истории.

[29] Статья о Чарджуе помещена мною в EI, I, S. 863; <см. ниже, стр. 561—562; современное название — Чарджоу>.

[30] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590 оа, л. 249а и сл. В бухарском издании Нершахи (по статье Зимина, *Развалины старого Пейкенда*, стр. 72, прим. 40) в рассказе о прорытии в XII в. канала для города Пейкенда (в изд. Шефера, 17) вставлено: «на Аму». Едва ли эта вставка основана на рукописном чтении; более вероятно, что мы имеем здесь только неудачную догадку издателя.

[31] Данные об этом в моем *Туркестане*, ч. II, стр. 248; <наст. изд., т. I, стр. 297>.

[32] Макдиси, 335.

[33] Бейхаки, изд. Морлея, 842 и сл.

[34] Вполне возможно, что «хорезмийским» окажется язык некоторых из рукописей, найденных в Китайском Туркестане. <По-видимому, имеются в виду так называемые согдийские старые письма. В настоящее время известны как средневековые тексты, записанные арабскими буквами, так и документы III—VIII вв., написанные письмом арамейского происхождения. Подробнее см. ниже, стр. 546, прим. 4>.

[35] Ср. слова Плано Карпини о «команском» языке «бисерминов», т. е. хорезмийцев (пер. Малеина, стр. 51).

лированному положению, во многом сохранила своеобразный отпечаток, и изучение этой жизни, наверное, представляло бы большой интерес для этнографии. Достаточно сказать, что еще в XI в. в Хорезме был свой «науруз», праздновавшийся тремя неделями раньше бухарского и персидского; только в 1827 г. хан Алла-Кул отменил этот обычай и ввел в Хорезме «султанский», т. е. персидский, науруз [36].

Земледельческая культура, которую застали здесь арабы, несомненно, также имела за собою длинную историю, о которой мы, к сожалению, не знаем ничего достоверного.

Замечательно, что все арабские географы описывают Хорезм как одно целое, не обращая внимания на совершившийся при исламе факт распадения страны на два государства, вновь объединенные под одной властью только в последние годы X в.[37]; граница между этими государствами нигде не указывается. Система орошения, описанная арабами, несомненно была создана в домусульманский период, в эпоху единого Хорезма; несмотря на совершенство этой системы, трудно было бы ожидать, чтобы в изолированной стране, притом крайне бедной строительным материалом, могли быть придуманы сложные технические приемы, необходимые для борьбы с такой рекой, как Аму-Дарья. За все время исторической жизни Хорезма, насколько эта жизнь нам известна, не хорезмийцы подчиняли себе Аму-Дарью, но Аму-Дарья подчиняла себе хорезмийцев, независимо от воли человека меняла свое течение и прокладывала себе новые русла; уже в зависимости от этих перемен человек переносил свои пашни с одного места на другое, строил новые плотины и проводил новые каналы. Попытки объяснить изменчивость русла Аму-Дарьи каким-нибудь одним законом, например законом Бэра, и делить памятники прежней культуры по эпохам в зависимости от их географического положения с запада на восток [38] обречены на неудачу; река, как и теперь, передвигалась то на восток, то на запад, наполняла водой то восточные, то западные протоки.

С XI в. встречается выражение «от Даргана до моря» в смысле «весь Хорезм». В действительности культурная полоса, по крайней мере в X в., начиналась значительно выше по течению — у Тахирии, на расстоянии 20 фарсахов выше Даргана [39], также на левом берегу реки; культурная

---

[36] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590 оа, лл. 139б, 300а.

[37] Об этом мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 146, 275 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 202, 323 и сл.>.

[38] Калмыков, *Хива*, стр. 65 и сл. <История орошения Хорезма с древнейших времен до позднего средневековья является одной из проблем, исследуемых Хорезмской экспедицией под руководством С. П. Толстова. См. обобщающие работы (с библиографией): Гулямов, *История орошения Хорезма*; *Низовья Аму-Дарьи*.>

[39] Наибольшею точностью и достоверностью, по-видимому, отличаются данные о расстоянии в маршруте Хамдаллаха Казвини (приведен В. А. Жуковским, *Развалины Старого Мерва*, стр. 58 и сл.).

полоса правого берега начиналась гораздо ниже. Сколько-нибудь значительных пунктов оседлости южнее Даргана, действительно, не было; культурная полоса занимала только узкое пространство вплоть до Хазараспа, где расширялась до 1 дня пути [40]; тем не менее Дарган X в. описывается как большой город, второй на всем побережье, т. е. превосходивший по размерам и Хазарасп, и Хиву. В городе была великолепная соборная мечеть; по берегу на 2 фарсаха тянулись виноградники, числом до 500; из города вывозился изюм [41]. Более подробно говорит о топографии Даргана Якут, посетивший его в конце 1219 г. на пути из Мерва [42]. Город стоял, как и теперь, на террасе, которой круто обрывается равнина; между террасой и рекой простиралась плодородная низменность, шириной в 2 мили (около 4 верст), что вполне соответствует расстоянию между террасой и руслом реки в настоящее время. В XIII в. все это пространство состояло из пашен и садов; теперь оно «частью обработано, частью покрыто зарослью» [43]. Непосредственно за городом начинались пески; величина города, к сожалению, не определяется. Дарган был первым городом Хорезма со стороны Амуля (Чарджуя).

В 7 фарсахах ниже Даргана и в 5 фарсахах выше теснины, известной теперь под названием Дульдуль-атлаган, находился Джигербенд, в то время тоже значительный город, по размерам приблизительно равнявшийся Хиве; и здесь на берегу было много деревьев и садов [44]. Существовал ли этот город во время Якута, неизвестно. В новейшее время к Даргану и Джигербенду были приурочены культы каких-то святых, откуда возникли современные названия тех же мест «Дарган-Ата» и «Джигербенд-Ата» [45]. В 4 фарсахах ниже теснины «Дехан-и Шир» ('Львиная пасть'), или «Дульдуль-атлаган», был город Садвар [46], о котором не сообщается никаких подробностей. Приблизительно в том же месте, по Истахри в 3 фарсахах [47] ниже теснины, был исток большого судоходного канала

---

[40] Истахри, 301 и сл. Истахри в другом месте (338) называет весь путь между Бухарой и Хорезмом через Чарджуй путем по культурной местности; но едва ли эти слова можно понимать буквально. Между низовьями Зеравшана и Фарабом всегда были пески; едва ли также, вопреки сказанному в моем *Туркестане* (ч. II, стр. 83; <наст. изд., т. I, стр. 131>), можно предполагать существование сплошной культурной полосы по Аму-Дарье ниже Чарджуя.

[41] Макдиси, 289.

[42] Якут, *Му'джам*, II, 567 и сл.

[43] Калмыков, *Хива*, стр. 70.

[44] Макдиси, 289.

[45] Последнее, насколько мне известно, не встречается в русской литературе о Хиве, но неоднократно упоминается в хивинской истории (Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590 оа, лл. 244а, 289б).

[46] Такое произношение указано в хивинской истории (там же, л. 289б).

[47] Истахри, 304. У Ибн Хаукаля (354) вместо этого: «в 1 переходе». <С. П. Толстов (*Древний Хорезм*, стр. 46) отождествляет Гавхорэ с нынешним Шураханским каналом и указывает, что теснина Дехан-и Шир, упоминаемая средневековыми геогра-

правого побережья — Гавхорэ, что значило 'пища коров', им орошался «рустак до столицы Хорезма»; ширина канала равнялась 5 аршинам, глубина — 2 камам (около 10 футов); пройдя 5 фарсахов, он отделял от себя канал Гирье [48], орошавший «несколько рустаков». О длине обоих арыков, орошавших местность, теперь совершенно пустынную, сведений нет; нет также описания орошенных ими рустаков; известно только, что канал Гавхорэ протекал в 12 фарсахах (очевидно, к востоку) [49] от столицы Хорезма, находившейся на месте Шейх-Аббас-вели.

Подробнее сведения о каналах левого побережья [50]. Здесь от реки отделялись, один за другим [51], пять больших каналов: 1) канал харазаспский; он равнялся приблизительно половине канала Гавхорэ (вероятно, эти слова относятся к ширине канала); 2) канал Кердеран-хас, в 2 фарсахах дальше, несколько более значительный; город Кердеран-хас находился в 3 фарсахах от Хазараспа и в 5 фарсахах от Хивы; 3) канал хивинский, еще более значительный; по нему шли суда до Хивы; 4) канал Медра, на расстоянии мили (около 2 верст) от предыдущего; он по величине превосходил канал Гавхорэ вдвое; 5) канал Ведак, также на расстоянии мили от предыдущего; по этому каналу направлялись суда к городу Гургандж (близ нынешнего Куня-Ургенча). Ведак находился еще в 2 фарсахах от главного города Хорезма; все расстояние между Хивэй и тем же городом составляло 8 фарсахов. На пространстве от Хазараспа до места напротив столицы Хорезма ширина культурной полосы левого берега равнялась 1 переходу; город Хива уже находился на границе пустыни [52]; о городе Медра сведений нет. На правом берегу сплошная культурная полоса начиналась от селения Гарабхашны, или Гарамхашны [53], в 6 фарсахах ниже истока Гавхорэ; оттуда до столицы Хорезма были обработанные

фами, — не Дульдуль-атлаган, как считал Бартольд, а Тюя-муюнская теснина, от которой до головы Шураханского канала около 3 фарсахов (20—25 км).>

[48] Произношение сомнительно.

[49] <С. П. Толстов справедливо замечает, что 12 фарсахов — расстояние от Кята до головы канала Гавхорэ (*Древний Хорезм*, стр. 46). О канале Гавхорэ см. также Гулямов, *История орошения Хорезма*, стр. 137—138.>

[50] О каналах вообще Истахри, 301 и сл.

[51] Вопреки сказанному мною в *Туркестане* (ч. II, стр. 145; <наст. изд., т. I, стр. 201>), арабский текст не дает основания утверждать, что каналы Кердеран-хаса и Хивы отделялись от хазараспского. Нет также ясного указания на место, откуда вытекал хазараспский канал; слова текста об этом могут быть истолкованы также в том смысле, что хазараспский канал был первым «со стороны Амуля»; на предыдущей странице Истахри в тех же словах говорит о Тахирии, находившейся от Амуля в 5 днях пути. <Я. Г. Гулямов отождествляет Кердеран-хас с городищем Каладжик и считает, что в X в. хазараспский и кердеранхасский каналы брали начало около древнего истока Даудана (*История орошения Хорезма*, стр. 127—128). Другие отождествления: канал Медра—Газиабад, голова Ведака находилась на месте старой головы канала Шахабад (*История орошения Хорезма*, стр. 128—129).>

[52] Так у Макдиси, 289.

[53] Произношение не установлено.

поля по обеим сторонам реки; ширина культурной полосы правого побережья не определяется. На расстоянии 1 перехода от столицы был город Шурахан, сохранивший свое название до сих пор.

Столица Хорезма, Кят, находилась на правом берегу Аму-Дарьи, ширина которой здесь будто бы доходила до 2 фарсахов [54]; это, конечно, преувеличено, так как, по словам самого же Истахри, 2 фарсахам равнялось расстояние от Кята до канала левого побережья — Ведака. На самом берегу реки находилась цитадель, постепенно разрушавшаяся рекой (очевидно, подмывавшей здесь свой правый берег) и к концу X в. разрушенная окончательно [55]; остальная часть города тоже подвергалась опасности от наводнений, и потому город постепенно передвигался к востоку. Пространство его, по наиболее правдоподобному толкованию текста [56] Истахри, равнялось $^1/_3$ фарсаха в длину и ширину, т. е. город приблизительно соответствовал по величине Мерву домусульманской эпохи. В середине его протекал канал, выведенный из Аму-Дарьи (по Макдиси [57], таких каналов было несколько); по обоим берегам канала были расположены базары.

Ниже Кята от Аму-Дарьи отделялись еще два больших канала: один на левой стороне — канал Бувве, другой на правой — канал Курдер. Место истока Бувве точно не определяется; не доходя до города Гурганджа, на расстоянии 1 перехода от него, близ селения Андерастан, канал соединялся с Ведаком, превосходившим его по величине; вода соединившихся каналов подходила к Гургандж на расстоянии 1 гальвы ($^1/_{24}$ фарсаха), где течение ее было преграждено плотиной. Канал Курдер брал начало в четырех местах на расстоянии 4 фарсахов ниже Кята; эти четыре канала соединялись в один, равнявшийся по величине Ведаку и Бувве после их соединения. По Ибн Русте, «водоемы, камышовые болота и луга», находившиеся в 4 фарсахах от Кята, были образованы многочисленными каналами, отделявшимися от реки ниже города по обеим ее сторонам [58]. Длина Курдера не определяется; так как город Курдер, очевидно получивший название от канала (или наоборот), находился еще в 2 днях пути ниже Миздахкана [59] (последний, как мы увидим, был расположен близ нынешнего Ходжейли), то несомненно, что канал доходил на север до пространства нынешней дельты. Соединялся ли он в нижней части своего течения с главным руслом или впадал в Аральское море отдельно от него, из слов арабских географов не видно. Курдер как

---

[54] Истахри, 303.

[55] Данные об этом в *Туркестане*, ч. II, стр. 143 и сл.; <наст. изд., т. 1, стр. 200 и сл.>.

[56] По рукописям Ибн Хаукаля (351, прим. 1) и по персидскому переводу Истахри — 3 фарсаха, что, конечно, маловероятно.

[57] Макдиси, 287.

[58] Ибн Русте, 91.

[59] Маршрут у Макдиси, 344.

город существовал еще в домусульманскую эпоху; в 110/728 г. жители его с помощью турок восстали против арабов [60]. Из одного стиха, приведенного у Табари [61], можно вывести заключение, что Курдер тогда считался пограничным пунктом Хорезма со стороны севера. По преданию, приведенному у Истахри, река Аму-Дарья когда-то протекала по этому руслу, с конца XVI в. снова сделавшемуся главным руслом реки [62].

В X в. река протекала значительно западнее, хотя сколько-нибудь точные сведения о местоположении русла, о расстоянии между ним и ближайшими городами мы имеем только для местности близ Гургенджа. От Кята до Гургенджа считалось 24 фарсаха [63]; на этом пространстве культурная полоса левого побережья постепенно суживалась, около Гургенджа ее ширина составляла всего 2 фарсаха [64]. Самый город находился на расстоянии фарсаха от реки, русло Ведака и Бувве, как мы видели, подходило к городу ближе; отдельные каналы доходили до самых ворот города, но за черту города проведены не были по недостатку места. Гургендж в X в. разрастался с каждым днем; местными правителями воздвигались великолепные постройки [65]; очевидно, благосостоянию жителей способствовали торговые сношения с кочевниками. Возвышение Гургенджа, конечно, было одной из причин, которыми был вызван политический переворот конца X в., передавший в руки эмира Гургенджа весь Хорезм.

Между главным руслом и Курдером, напротив Гургенджа, был рустак Миздахкан; длина его с запада на восток, к сожалению, не определяется; самый город Миздахкан, по величине приблизительно равнявшийся Гургенджу, находился от реки в 2 фарсахах [66]. Местоположение города определяется урочищем того же имени, которое упоминается не только у Абулгази [67] (при нем здесь была крепость), но и в хивинской истории XIX в. «Кыр» (возвышение) Миздахкана находился приблизительно на расстоянии фарсаха к западу от Ходжейли (собств. Ходжа-или) [68]; здесь

---

[60] Табари, II, 1525.

[61] Там же, 1847.

[62] Истахри, 303. <Я. Г. Гулямов считает, что канал Курдер в основном соответствует современному каналу Кегейли, а город Курдер—Чимбаю (*История орошения Хорезма*, стр. 150). Однако на его же карте (рис. 10) канал Курдер оказывается идентичным Куванш-Джарма, а город Курдер помещен примерно в 30 *км* к востоку от Чимбая (20 *км* восточнее 60° в. д.). На карте, приложенной к книге С. П. Толстова (*По следам*), Курдер (Кердер) отождествлен с городищем Хайван-кала около Кегейли.>

[63] Так по Ибн Русте, 91 и сл.

[64] Истахри, 302. <Схему ирригационной сети X в. см. Гулямов, *История орошения Хорезма*, рис. 10.>

[65] Так по Макдиси, 288.

[66] Истахри, 303.

[67] *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 280.

[68] Атехи, *Шāхид-и икбāл*, л. 153б. <О Миздахкане см. Якубовский, *Городище Миздахкан*>.

был похоронен отшельник (*ʿābid*) Самсон или, по другому преданию, апостол Симон-Петр [69]; еще в 1867 г. эту могилу посетил хивинский хан [70]; существует ли она теперь, мне неизвестно.

Сплошной культурной полосы на правой стороне реки между Кятом и Миздахканом не было, и последние 2 дня пути перед Миздахканом проходили «по пустыне» [71]. Об условиях орошения известно только, что между столицей и Курдером у каждого селения был свой канал из Аму-Дарьи [72]. Об одном городе сказано, что канал, выведенный из Аму-Дарьи, протекал вокруг него и доходил до степи; один из других городов был расположен на краю степи, «под горой», т. е., вероятно, уже на правой стороне Курдера [73]. Макдиси дает несколько маршрутов [74], но по дошедшим до нас рукописям его труда мы не можем точно установить ни местоположения отдельных городов, ни произношения отдельных названий.

Столь же трудно было бы разобраться в известиях о течении реки ниже линии Гургандж—Миздахкан, т. е. о дельте того времени. Подробнее всего описывает эту местность Ибн Русте, но и в его описании много неясного. В миздахканском округе, на восточном берегу реки, была деревня Херваз; ниже ее были еще две деревни; после этого (не сказано, на каком расстоянии от Херваза) влево (на запад) отделялись несколько протоков; река (т. е. совокупность западных протоков) направлялась к месту Варагдех ('Деревня плотины'), в 4 фарсахах ниже Гургандж, подходила к этой деревне и к горам Сиях-кух — 'Черные горы'; так назывались горы на западном берегу Арала и на Мангышлаке, т. е. край Устюрта; оттуда река протекала еще мимо одной деревни, потом впадала в «многочисленные водоемы», известные под названием Халиджан, где ловили рыбу, вывозившуюся из Хорезма в различные страны. «Сама река» (т. е. главное русло после отделения от него западных протоков) направлялась к озеру, имевшему в окружности около 80 фарсахов, т. е. к Аралу. На западном берегу озера были горы Сиях-кух, на восточном — древесные заросли, настолько густые, что через них существовала только узкая тропинка, проложенная кабанами, до «Нового селения» на низовьях Сыр-Дарьи. Расстояние между началом разветвления реки и берегом моря не указывается [75].

На основании этого текста мною был сделан вывод, что Халиджан Ибн Русте следует искать в Сарыкамышской котловине [76], хотя Истахри

---

[69] В первый раз эта гробница упоминается в начале XIX в. (Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 85б).

[70] Агехи, *Шāхид-и иқбāл*, л. 154а.

[71] Макдиси, 343.

[72] Истахри, 303.

[73] Макдиси, 288.

[74] Там же, 343 и сл.

[75] Ибн Русте, 92.

[76] <См. выше, стр. 44; об этом см. также Гулямов, *История орошения Хорезма*. стр. 167.>

помещает Халиджан у места впадения реки в Хорезмийское озеро, т. е. в Арал; по его словам, там не было ни селения, ни построек, жили только рыбаки. На левом берегу пределом культуры было селение Гит вблизи горы; расстояние его от Гургандж или других известных пунктов, может быть вследствие искажения текста [77], не указано; других деревень на той же широте не было; за горой начиналась степь. Торгового значения деревня тоже не имела; пунктом пограничной торговли на левом берегу был Гургандж. О пределе культурной полосы правого побережья у Истахри сказано: «Напротив Гита в степи, на расстоянии фарсаха, с северной (т. е., по терминологии арабов, с правой) стороны, есть город, известный под названием Медминия; он в 4 фарсахах от Джейхуна (Аму-Дарьи), но принадлежит к Джурджании (Гургандж). Так произошло потому, что река от Курдера изменяет свое направление и протекает между Гитом и Медминией; после Медминии на [правом] берегу нет культуры» [78]. На правом берегу пунктом пограничных сношений тоже была не Медминия, а был город Бератегин, находившийся вблизи Медминии, но несколько дальше от берега реки. Бератегин был в двух днях пути от Курдера. Трудно понять, каким образом город правого побережья, находившийся на расстоянии 1 фарсаха от Гита, расположенного по левую сторону реки, в то же время мог находиться на расстоянии 4 фарсахов от самой реки. Конец фразы Истахри, вероятно, надо понять в том смысле, что Медминия принадлежала к округу Гургандж в то время, когда главным руслом реки еще был Курдер.

Очень мало прибавляют к этим данным слова Макдиси. Местоположение Гита им тоже не указывается; в противоположность Истахри, он уверяет, что Гит, хотя и находился в степи, был большим укрепленным селением с обширными рустаками. Бератегин находился в 1 переходе от берега Арала; это было большое селение в степи, вблизи гор, откуда вывозились камни [79].

Макдиси придает также большое значение плотине близ Гургандж, хотя плотина была сделана только из «досок и дров» и хотя ею, как видно из слов Истахри, преграждалось не течение главного русла, а только течение канала. По Макдиси, вода этой плотиной была направлена на восток, в степь, к деревне Бератегин, и стала (течь) только по одну сторону. Последние слова заставляют полагать, что в то время не существовали западные протоки, описанные у Ибн Русте; если так, то едва ли причиной этого могла быть плотина у Гургандж. Даже в самую блестящую эпоху

---

[77] Истахри, 302; Ибн Хаукаль, 352. Трудно понять, почему Истахри стал бы указывать расстояние до Гита от пункта, который у него нигде в других местах не упоминается. <По мнению Я. Г. Гулямова (*История орошения Хорезма*, стр. 151), Гит соответствует городищу Пуль-Джой на Чинке Устюрта.>

[78] Истахри, 303.

[79] Макдиси, 288 и сл.

города, при хорезмшахах XII—XIII вв., плотина была из такого же непрочного материала, оттого ее приходилось возобновлять ежегодно [80].

Уже в X в., в связи со старым речным руслом у Балхана, существовала легенда о каком-то «старом Хорезме» близ Каспийского моря; легенда в том виде, как она рассказана у Макдиси [81], не заключает в себе ни одной подробности, в которой мы могли бы видеть указание на исторический факт; не говорится даже о каких-либо развалинах городов и селений на Узбое. По-видимому, их не было, как их нет и теперь [82].

Торжество Гургенджа над Кятом было, по всем признакам, торжеством созданного исламом Хорезма торговцев и промышленников над Хорезмом земледельцев; но, когда владетели Хорезма сделались самыми могущественными государями восточной части мусульманского мира, они должны были позаботиться и о поднятии земледельческой культуры своей страны. Якут, бывший здесь в 1219 г., описывает Хорезм как густонаселенную и почти сплошь обработанную страну. Несмотря на солончаковую и сырую почву (на глубине аршина везде можно было найти воду), деревни находились в близком расстоянии одна от другой; кроме того, было много отдельных домов и зáмков в степях; среди деревьев преобладали тутовое дерево и тополь, нужные жителям для построек и для разведения шелковичных червей. Население было так густо, что, как выражается Якут, проходить по их рустакам было то же самое, что проходить по их базарам; нигде в мире, по мнению Якута, не было такого многочисленного населения на таком пространстве [83]. Все это, по-видимому, относится не столько ко всему Хорезму, сколько к его столице Гургенджу и к той части области, которую видел Якут. На эту часть, по-видимому, больше всего направлялись заботы правителей; для этой цели, вероятно, главным образом существовала должность, носитель которой был обязан заботиться о поднятии культуры в стране [84], причем на эту должность назначались близкие государю лица [85].

Из отдельных мест словаря Якута видно, что он был в Даргане и Кяте, из Кята переправлялся через Аму-Дарью при очень тяжелых условиях, во время ледохода, и в шаввале 616/10 декабря 1219—7 января 1220 г. прибыл в Артахушмитан (у Истахри Ардахущмитан), большой и богатый город с хорошим базаром; оттуда было еще 3 дня до Гурган-

---

[80] Якут, *Му'джам*, II, 483.

[81] Макдиси, 285 и сл.; русский перевод в моем труде *Сведения об Аральском море*, стр. 40 и сл.; <см. выше, стр. 45 и сл.>.

[82] <Работы Хорезмской экспедиции подтверждают это. На всем протяжении Узбоя не обнаружено остатков каких-либо поселений, кроме караван-сараев и крепостей на караванном пути.>

[83] Якут, *Му'джам*, II, 482.

[84] *Ми'мар* (от арабского глагола *'амара*).

[85] Ср. документ. о назначении такого лица в моем *Туркестане*, ч. I, стр. 77.

джа [86]. По Хамдаллаху Казвини, от Артахушмитана до Гургенджа было 14 фарсахов; через Артахушмитан проходил прямой путь из Хазараспа в Гургендж, минуя Хиву; от Хазараспа до Артахушмитана было 15 или 16 фарсахов [87]. Якут сравнивает Артахушмитан с Нисибином в Месопотамии; по величине они были равны, но хорезмийский город был многолюднее и лучше застроен. Гургендж был великолепным городом; в 3 фарсахах от него (не сказано, в каком направлении) был Малый Гургендж (существовавший и в X в.), тоже многолюдный город с богатыми базарами [88]. На пути из Гургенджа в Хорасан культурная полоса простиралась гораздо дальше на юг, чем в X в. По маршруту между Гургенджем и Феравой, приведенному у Макдиси, только на 1 день пути от Гургенджа было селение (Ардакува), дальше были только рабаты [89]; при Якуте на пути из Гургенджа в Шахристан и Неса последним местом Хорезма был населенный городок Субурна, находившийся от Гургенджа в 20 фарсахах [90].

Возможно, что расширение культурной полосы близ Гургенджа и к югу от него до некоторой степени происходило на счет правого побережья. По представлению Якута, Кят, как большой город на восточном берегу Аму-Дарьи, составлял в Хорезме исключение; все остальные местности были к западу от реки [91]. Сам'ани и Якут описывают селение Баркан, или Биркан, на правом берегу реки, в 2 днях пути от Гургенджа, т. е. ниже Кята; это селение было разрушено и обращено в пашни [92]. Якут упоминает о Гавхорэ как большом канале, орошавшем много пашен и поместий, но помещает его близ Даргана [93], может быть только потому, что видел его исток на пути из Даргана в Кят. В низовьях реки, однако, была и на правом побережье местность, где культура стояла выше, чем в X в. Между «Хорезмом и Дженджем», т. е. между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, был городок, носивший громкое название «Малого Багдада» (Багдадек по-персидски, Бугайдид по-арабски [94]). У Сам'ани и Якута не сказано точнее, где был этот городок и получал ли он воду из Аму-Дарьи или из Сыр-Дарьи; вопрос решается тем, что «речка (или канал, *нахр*) Багдадек» упоминается среди северных протоков Аму-Дарьи

---

[86] Якут, *Му'джам*, I, 191 и сл. Слова сложные с древнеперсидским прилагательным *арта* ('хороший', 'превосходный') часто встречаются в географической номенклатуре Хорезма.

[87] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 60.

[88] Якут, *Му'джам*, IV, 261.

[89] Макдиси, 344, прим. *о*.

[90] Якут, *Му'джам*, III, 32, 182.

[91] Там же, IV, 222.

[92] Там же, I, 570; Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 53.

[93] Якут, *Му'джам*, IV, 230 и сл.

[94] Там же, I, 698; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 153; <наст. изд., т. I, стр. 208—209>.

при описании одного из походов Тимура на Хорезм (1388 г.) [95]. Трудно сказать, соответствовал ли этот проток Курдеру X в. Южнее Гургенджа находился канал правого побережья, носивший турецкое название Кара-су или Су-Кара [96].

Об Аму-Дарье Якут [97] говорит, что ширина ее равнялась миле (около 2 верст); вероятно, это относится к ширине реки у Гургенджа. Якут, как мы видели, причисляет Гургендж к городам левого побережья; расстояние между ним и берегом не указано. Рассказ о взятии города монголами в 1221 г. [98] показывает, что Гургендж того времени находился на обоих берегах реки или канала, соединенных между собой мостом; по-видимому, мост в то же время служил водопроводом, так как монголы сделали попытку его разрушить, чтобы отвести от города воду.

При нашествиях на Хорезм с юга местные правители несколько раз прибегали к наводнению страны, чтобы задержать движение врагов [99]; при монгольском нашествии это средство, насколько известно, не было использовано, и монгольские отряды, двигавшиеся с юго-востока, подошли к Гургенджу раньше, чем отряд, шедший с северо-востока, из бассейна Сыр-Дарьи. Столица за оказанное ею упорное сопротивление подверглась полному разгрому; рассказывали даже, что монголы, безуспешно старавшиеся во время осады отвести от города воду, теперь, наоборот, затопили водой пространство разрушенного ими города, чтобы докончить дело разрушения. Насколько эти рассказы преувеличены, трудно сказать; около Куня-Ургенча до сих пор сохранились некоторые постройки домонгольской эпохи [100], так что полного разрушения произведено не было; но несомненно, что после произведенного монголами избиения жителей река должна была прорвать плотины, требовавшие ежегодного ремонта. Как известия современников, так и позднейшие предания заставляют полагать, что река в это время проложила себе новое русло к западу от прежнего. Кроме Гургенджа, были затоплены водой также другие места западного побережья, расположенные значительно южнее, как Хазарасп [101], или значительно севернее, как гробница Хаким-Ата, недалеко от Кунграда [102]. Насколько река при этом воспользовалась руслом прежних каналов, например Ведака, едва ли когда-нибудь удастся

---

[95] Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 70; <см. выше, стр. 63>.

[96] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 375, прим. 3; <наст. изд., т. I, стр. 413, прим. 5>.

[97] *Му'джам*, II, 482.

[98] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 469; <наст. изд., т. I, стр. 502>.

[99] Первый известный в истории случай относится к 1138 г. (Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 347; <наст. изд., т. I, стр. 388>).

[100] Ср. надпись, изданную Н. Ф. Катановым (*Хорезмийская свинцовая плита*, стр. 015 и сл.).

[101] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 9, прим. 4 (слова Джувейни).

[102] Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 49; <см. выше, стр. 51>. Местоположение могилы отмечено на 10-верстной карте 1905 г. Хивинские ханы во время

выяснить. В течение следующих столетий главным руслом реки признавался проток, направлявшийся от Ургенча, как стала называться в монгольскую эпоху возобновленная на новом месте столица, к краю Устюрта, оттуда к Сарыкамышской котловине и через Узбой к Каспийскому морю. Ургенч, принадлежавший в домонгольскую эпоху к городам левого побережья, теперь очутился на правом берегу реки.

Скудость географической литературы XIV и XV вв., к сожалению, не позволяет нам выяснить в подробностях, как и когда произошла эта перемена, проложила ли себе река новое русло сразу или постепенно. В первом описании Аму-Дарьи после совершившейся перемены, принадлежащем Хамдаллаху Казвини [103], неясна подробность о каком-то временном исчезновении реки после ее выхода из теснины Дехан-и Шир; река будто бы на пространстве фарсаха совершенно исчезала в песках и не была видна, только по этим пескам (очевидно, вследствие сырости почвы) нельзя было проходить. Во всяком случае Хамдаллах Казвини не считал Узбой продолжением такого русла, которое отделялось бы от реки южнее Хорезма и направлялось бы через пески на запад, минуя Хорезм; говорится, что главный рукав реки, пройдя через Хорезм, низвергался с перевала Хульм, который у тюрков назывался Гёрледи ('Шум'), причем шум воды был слышен на 2 или 3 фарсаха, и оттуда направлялся к Хазарскому, т. е. Каспийскому, морю. В этом рассказе особенно ценно сообщение о водопаде, вполне подтвердившееся при производстве нивелировки Узбоя, хотя слова о расстоянии, на котором был слышен шум воды, конечно, сильно преувеличены. Хамдаллах Казвини не был в Хорезме и мог пользоваться, притом едва ли из первых рук, только показаниями очевидцев, с которыми, большею частью без критики, соединял в одно целое показания книжных источников [104].

Гораздо более ценным материалом, чем показания географов, являются для нас исторические сведения о событиях, происходивших на Узбое в XIV и XV вв. Мы узнаем, что при впадении Узбоя в Каспий был город Агрыча, или Огурча, что оттуда в 1392 г. по приказанию Тимура были отправлены на судах «вверх по Аму-Дарье» взятые в плен владетели Мазандерана, что в 1460 г. мирза Хусейн недалеко от той же Огурчи переправлялся с войском через Узбой на судах [105].

В интересах земледелия поворот реки к Каспийскому морю был использован только в слабой степени; еще в первой половине XV в., при Хафиз-и Абру, река ниже Хорезма большею частью протекала по ну-

---

своих походов на Кунград или путешествий обыкновенно посещали могилу Хаким-Ата (Мунис—Агехи. рук. Аз. муз. 590оа, лл. 144б, 174б и др.).

[103] Текст приведен мною: *Хафизи-Абру*, стр. 5.

[104] Ср. разбор его показаний в *Сведениях об Аральском море*, стр. 50 и сл.; <см. выше, стр. 51 и сл.>.

[105] Оба рассказа, как и рассказ о походе 1461 г., приведены мною в статье *К вопросу о впадении Аму-Дарьи*, стр. 025 и сл.; <см. ниже, стр. 248—251>.

стыне [106]. Ни разу в истории Хорезма торговые интересы не получали такого полного преобладания над интересами земледелия, как в эту эпоху. Рядом с разрушенной монголами столицей возник новый, еще более значительный торговый город, который в 30-х годах XIV в., во время путешествий Ибн Баттуты и некоторых европейцев, был одним из важнейших пунктов на торговом пути из Европы в Китай; с другой стороны, тот же Ибн Баттута между Ургенчем и Кятом, где было такое густое население при Якуте, не видел ни городов, ни сел [107]. Отрывочные сведения об исторических событиях заставляют полагать, что раньше всего была восстановлена земледельческая культура (что, конечно, предполагает также восстановление каналов) в юго-восточной части области, где уже в рассказе о набеге, совершенном в 1315 г. из Персии, говорится о нескольких городах [108], хотя среди них еще не упоминаются ни Хазарасп, ни Хива. При Тимуре Хива во всяком случае существовала [109]; как в первые века ислама, округи Кята и Хивы составляли в политическом отношении одно целое и входили в состав другого государства, чем Ургенч; около 1365 г. владетель Ургенча завоевал и южную часть Хорезма [110], чем был вызван ряд походов Тимура. Из описания этих походов [111] видно, что и на севере в это время было несколько каналов; но о них, кроме названий, не сообщается никаких сведений, не указывается расстояние между ними и не говорится, какие из них направлялись к Аральскому морю. По хивинской истории [112], в период впадения Аму-Дарьи в Каспий в Аральское море впадал только один рукав — Кок-Узяк, или Куванш-Джарма [113].

После нескольких походов Тимур в 1388 г. предал Ургенч полному разрушению, велел сровнять его с землей и посеять на его месте ячмень. В 1391 г. было дано разрешение восстановить город, но это разрешение относилось только к одному кварталу. Ургенч после этого просуществовал еще больше двух столетий, но уже в качестве незначительного города, куда не было основания ездить купцам из отдаленных стран. Возможно, что с этим событием отчасти связано то возрождение земледельческого Хорезма, которое мы видим в следующие века. Во второй половине XV в.

---

[106] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 7.

[107] Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 61; <см. выше, стр. 58>.

[108] Они перечислены там же, стр. 55, прим. 2; <см. выше, стр. 54, прим. 22>.

[109] Шереф ад-дин Йезди, I, 62. Хазарасп впервые упоминается вновь в начале XVI в. Еще Мирхонд (*История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 5) говорит, что от Хазараспа, кроме имени, ничего не осталось.

[110] Шереф ад-дин Йезди, I, 232.

[111] Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 67 и сл.; <см. выше, стр. 61 и сл.>.

[112] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 160б.

[113] На наших картах все географические названия, относящиеся к Хивинскому ханству, переданы по киргизскому <казахскому> произношению (напр., Талдык, вм. Таллык); по-узбецки было бы Куванч-Ярма; так и в Мунис—Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 581а.

начали пользоваться для целей культуры также полосой земли ниже Ургенча. В рассказе о походе мирзы Хусейна в 1461 г. впервые упоминаются укрепленные города Адак и Везир. Первый находился к югу от Аму-Дарьи (Узбоя) на пути от Астрабада [114]; на пути оттуда к северу Хусейн переправился через Аму-Дарью, потом еще через какой-то «проток Асафа» (Асаф-угузу), больше нигде не упоминающийся, и прибыл в Везир. Адак впоследствии упоминается несколько раз в рассказах о военных событиях XV в. как крепость на пути из Везира в Астрабад и Хорасан. Сохранился даже поэтический рассказ [115] о взятии Адака Шейбани в 1486 г., по которому Адак находился на берегу какого-то моря или большого озера Кара-тенгиз ('Черное море'); синева моря походила на небо, Адак в нем был как бы молодым месяцем; к нему вела только узкая тропа через густые заросли. Трудно решить, какую часть этого описания приходится отнести на долю поэтической фантазии и в какой части можно видеть отражение действительности. Если Адак действительно находился на берегу обширной водной поверхности, то не невозможно, что его следует искать близ выхода Узбоя из Сарыкамышской котловины. В XVI в. Адака, как города, уже не было, и на Сарыкамыше и Узбое были только пашни туркмен; как и в XIX в., восстановлением левого рукава Аму-Дарьи воспользовались туркмены-йомуты. Абулгази, писавший в XVII в., уверяет [116], что в XVI в. идти от Ургенча к Балхану значило идти от одного аула к другому, что по обоим берегам реки до Огурчи были пашни, виноградники и рощи. Все эти пашни опустели за несколько десятилетий до рождения Абулгази; люди его поколения, как всегда бывало в таких случаях, очевидно, в несколько преувеличенном виде представляли себе прежнее цветущее состояние страны, обращенной в пустыню.

Город Везир, находившийся в 6 фарсахах ниже Ургенча [117], был основан незадолго до 1464 г. ханом Мустафой, который ради этого насильно переселил туда людей из Ургенча; мирза Хусейн думал, что он оказывает благодеяние населению, когда позволил ему вернуться обратно в свой прежний город. Город, однако, очень скоро после этого был восстановлен и в первый период узбецкого владычества, до поворота реки, считался одним из главных городов Хорезма; иногда в нем жил хан. По Абулгази, в зависимости от Везира прежде (т. е. до узбецкого завоева-

---

[114] <Адак по локализации С. П. Толстова (см. *Низовья Аму-Дарьи*, карты) соответствует городищу Ак-кала в 40 *км* к юго-западу от Везира, на восточном берегу Сарыкамыша. В. В. Бартольд (*Nachrichten*, карта) отождествлял его с Талайхан-Ата (примерно в 90 *км* к югу от места выхода Узбоя из Сарыкамыша).>

[115] Текст приведен мною в *Отчете о командировке в Туркестан* (*1902* г.), стр. 184 и сл.

[116] Ср. перевод этого места: Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 92 и сл.; <см. выше, стр. 77 и сл.>.

[117] <Город Везир, по мнению С. П. Толстова, соответствует городищу Дэв-Кескен.>

ния, при султане Хусейне) было большое число округов, управлявшихся особыми хакимами; но ко времени узбецкого завоевания, кроме Везира, здесь оставались только два места, где имели местопребывание хакимы: Янгишехр и Терсек (или Дирсек); Янгишехр, по-видимому, находился к западу от Везира; оттуда совершались набеги на мангышлакских и балханских туркмен [118]. Местоположение Терсека совершенно не указывается. Оба города, как и Адак, исчезли бесследно; распространяемые едва ли не во всем мире легенды о подводных развалинах были созданы и в Хорезме; в хивинской истории рассказывается, что Адак и Янгишехр, принадлежавшие некогда к числу «больших городов Хорезма», теперь находятся на дне Аральского моря и что лодочники иногда видят под водой каменные здания этих городов [119]. Развалины «старого Везира» были хорошо известны и в XIX в. часто посещались хивинскими ханами; были там и некоторые европейские путешественники [120]; развалины отмечались и на европейских картах, хотя потом эти сведения были забыты и ученые старались определить местоположение города путем догадок.

Единственное описание Везира и его окрестностей в дни его процветания принадлежит англичанину Дженкинсону, бывшему здесь в 1558 г.[121]. И здесь, как в Даргане, была крепость на высоком холме и плодородная местность, орошенная каналами, между холмом и рекой; возделывались как хлебные растения (джугара), так и овощи (дыни и арбузы). Из того же сочинения Дженкинсона видно, что поворот реки к Аральскому морю, закончившийся некоторое время спустя, подготовлялся постепенно. Левый рукав, протекавший мимо Ургенча и Везира, уже при Дженкинсоне не доходил до Каспия; правый рукав (у Дженкинсона «Ардок»), через который переправлялся Дженкинсон на пути из Ургенча в Бухару, уже тогда был широкой и многоводной рекой.

Абулгази, родившийся в 1603 г., говорит, что поворот реки к Аралу произошел за 30 лет до его рождения; новейший хивинский историк относит это событие к 986/1578 г.[122]; неизвестно, основана ли эта дата на произвольном вычислении или на независимом от Абулгази источнике. Во всяком случае факт поворота реки был уже известен османскому автору, писавшему в 1582 г.[123]. Главное значение его для Хорезма заключалось в том, что большие города Ургенч и Везир были теперь лишены воды и обречены на гибель. Население не сразу примирилось с этим фактом; как

---

[118] Об этом Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 111 и сл.; <см. выше, стр. 88 и сл.>.

[119] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 161а.

[120] Abbott, *Narrative*, vol. I, p. 213.

[121] О нем Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 102 и сл.; <см. выше, стр. 82 и сл.>.

[122] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 161а.

[123] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 10; его же, *Сведения об Аральском море*, стр. 110; <см. выше, стр. 87>.

иноземные завоеватели при походах на Ургенч и Везир, так и местные правители старались искусственно вновь наполнить водой левый рукав. Когда бухарский хан Абдулла в 1593 г. осаждал Везир, им были вырыты колодцы вдоль прежнего, недавно покинутого рекой русла; вновь появились «прекрасные протоки», но скоро высохли; вследствие сильного зноя стала быстро иссякать также вода колодцев, и только проливной дождь, продолжавшийся два дня и одну ночь, избавил войско хана от жажды. Во время осады Везира вода оставалась только во рву крепости; этой водой пользовались как осажденные, так и осаждавшие, а потому она скоро иссякла [124]. С своей стороны хивинский хан Араб-Мухаммед (отец Абулгази) в 1602 г. провел канал от места выше крепости Тука (эта крепость, находившаяся близ нынешнего Нукуса, упоминается и в XIX в.[125]) до Куйгуна; так называлось место «по сю сторону Бакыргана», т. е. гробницы Хаким-Ата, крайнего пункта оседлости в Хорезме на севере; по русским известиям, залив и речка Куйгун находились на пути из России через Устюрт к Ургенчу, в 20 верстах от последнего [126]; через несколько лет ширина канала была больше полета стрелы; благодаря ему все пространство до Куйгуна было засеяно пшеницей, причем всадник в 10 дней не мог бы объехать всех пашен; от Куйгуна остаток воды направлялся к морю (Аральскому); канал закрывали в сентябре и вновь открывали в период жатвы; кроме пшеницы, здесь ничего другого не сеяли [127]. Против высыхания Узбоя не только не принимали никаких мер, но старались даже ускорить этот процесс, чтобы сделать невозможным ожидавшееся наступление шаха Аббаса со стороны Хорасана [128].

Канал Араб-Мухаммеда был не единственным, прорытым в Хорезме в первое столетие господства узбеков; так, у Абулгази [129] в местности к юго-востоку от старого Ургенча упоминается канал Ташлы-ярмыш, вырытый Али-султаном; вероятно, имеется в виду правитель, не носивший ханского титула, но по своим личным достоинствам стоявший во главе членов ханского рода и владевший Ургенчем (ум. в 1565 г.[130]).

Из отдельных арыков, без указания времени их происхождения, у Абулгази упоминаются: Зех-арык к северу от Хивы, по дороге в Везир (покинув Хиву утром, приходили к этому арыку в полдень [131]); Янги-арык недалеко от Ургенча, к югу от него [132]; арык Хайканек (?) около

---

[124] Описание этого похода (по ташкентской рукописи) напечатано мною в газете «Туркестанские ведомости», 1903, № 20 <см. ниже, стр. 257—259>.

[125] Агехи, *Шāхид-и иқбāл*, л. 150б (под 1867 г.).

[126] ПДТС, II, 302 и сл.

[127] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 280.

[128] ПДТС, II, 250 и сл.

[129] *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 286.

[130] Характеристика его у Абулгази, там же, 247.

[131] Там же, 260.

[132] Там же, 251 (в рассказе о нападении Абдулла-хана на Ургенч).

Ханкаха (Ханки), где был каменный мост [133]; большой арык, проведенный к Хиве [134]. Название последнего не упоминается, и остается неизвестным, носил ли он уже в то время имя святого Палван-Ата, патрона Хивы. Гробница этого святого упоминается у Абулгази уже в рассказах о событиях XVI в.[135].

После поворота реки жители Ургенча, Везира и их окрестностей должны были постепенно выселяться частью на юго-восток, в окрестности Хивы, частью на северо-восток, в дельту реки. Остров, образуемый дельтой и морем, получил название Арал, перешедшее потом и на самое море; в XVIII в. Арал большею частью был независим от Хивы, и главный город его, Кунград, в конце XVIII в. получил для страны почти такое же значение, какое имел в средние века старый Ургенч. Но большее число людей переселилось на юг, где возникли новый Ургенч и новый Везир. В царствование Ануши (1663—1687), сына и преемника Абулгази, возник также новый Кят. По рассказу Муниса, канал старого Кята в это время высох и жители города были разорены; хан построил для них большую крепость к северу от «Семи куполов» (Йеты-Гумбез) и велел прорыть туда арык, получивший название Ярмыш и доходивший до Ак-Куля. Тем же ханом в 1092/1681 г. был вырыт более значительный арык, один из магистральных каналов нынешнего ханства, Шахабадский. Голова арыка находилась к северу от Ханки и к югу от нового Ургенча и нового Кята; он заходил за Амбар-Манак; к востоку от Амбар-Манака была построена крепость, получившая название Шахабад, т. е. 'Постройка шаха' (Ануша принял титул шаха после взятия Мешхеда). Арык получил название Пур-файз ('Полный изобилия'); эти слова выражали также дату его проведения [136]; впоследствии он стал известен под названием Шахабадского арыка. Около того же времени для выселившихся из старого Везира жителей были выстроены две крепости, одна к северу от Гурлена [137], другая, по имени Чагатай, между Шахабадом и Амбаром [138].

Таково было начало нового Хивинского ханства, ханства пяти крепостей (Беш-кала); этот термин, встречающийся в рассказе о походе Надир-шаха (1740 г.[139]), употребляется и теперь, хотя с тех пор число «крепостей» стало значительно больше, и может даже возникнуть спор, какие именно крепости входили в число «пяти»; даже в 1740 г. их было больше. По Абд ал-Кериму бухарскому имелись в виду крепости Хазарасп, Ханках (Ханки), Ургенч, Кят и Шахабад [140], так что столица государства, Хива, в число «крепостей» не входила.

[133] Там же, 303; о каменном мосте также 317.
[134] Там же, 318.
[135] Там же, 260.
[136] Числовое значение букв в этих словах дает в сумме число 1092.
[137] На 10-верстной карте «урочище Уазир».
[138] Мунис — Агехи, рук. Ав. муз. 590оа, л. 33а.
[139] Махди-хан, 391.
[140] Абд ал-Керим Бухари, I, 91 и сл.

Следующее столетие после Ануши было для Хивинского ханства временем смут и частой смены ханов; едва ли в такое время могли производиться какие-нибудь оросительные работы, однако в эту эпоху должен был возникнуть город Газиабад («Хазават» наших карт), давший название одному из больших арыков. В XVII в. этого города еще не было, насколько можно судить по сочинению Абулгази, в 1740 г. он уже существовал [141]. Возможно, что арык был и раньше, хотя и под другим названием; по положению он соответствовал бы Хайканеку Абулгази.

В истории похода Надир-шаха мы находим очень мало сведений о состоянии культуры в стране, притом только в южной ее части. Началом культурной полосы Хорезма считалась Питнякская лука (Тиве буюни 'Верблюжья шея' [142]). Первым селением на пути с юга был Питняк, сожженный персами [143], первым городом—Хазарасп [144]. Этот город был сильно укреплен; к тому же жители наполнили водой его ров; через этот ров, покрытый тростником, не было перехода; артиллерия тоже не могла быть подведена к крепости на расстояние выстрела [145]. Очевидно, хивинцы и на этот раз, как шестью столетиями раньше, старались использовать Аму-Дарью для наводнения страны. Об условиях орошения в Ханки и Хиве не говорится; дальше Хивы Надир не проникал; его спутник Абд ал-Керим кашмирский посетил также некоторые места в окрестностях, но не нашел там никаких замечательных зданий [146]. Ширина реки в Хорезме составляла меньше половины ее ширины у Чарджуя. Автор был убежден (хотя, конечно, ошибочно), что как Аму-Дарья, так и Сыр-Дарья всецело разбирались для орошения полей и не доходили ни до какого моря; им одинаково отвергаются книжные известия о впадении реки в Мазандеранское (Каспийское) море и в «Хорезмийское озеро» [147].

После Надир-шаха смуты еще усилились; после изгнания из Хивы хана Гаиба (у русских Каип) в 1757 г.[148] началась та «игра в ханы», которая описана у Абд ал-Керима бухарского [149]. В это же время Хива подвергалась разрушительным набегам йомутов. По словам Муниса, деревни и пашни обратились в заросли, озера — в камышовые болота; дикие звери заменили людей. В столице оставалось не более 40 семейств, по

[141] Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 114, прим. 2; <см. выше, стр. 89, прим. 82>.

[142] Так по Махди-хану, 390.

[143] Абд ал-Керим Кашмири, 59 и сл.

[144] Веселовский, *Очерк историко-географических сведений*, стр. 195, прим. 2 (по рассказу англичанина Томисона, бывшего в 1740 г. в Хиве).

[145] Абд ал-Керим Кашмири, 60.

[146] Там же, 67.

[147] Там же, 54 и сл.

[148] Дата у Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туҳфат ал-ҳāнӣ*, л. 185б.

[149] Абд ал-Керим Бухари, I, 79.

некоторым известиям — не более 15; пятничный намаз совершался в присутствии 3—4 человек [150].

Из этого положения вывели Хиву представители ныне правящей династии, сначала в качестве инаков (полновластных вельмож), потом в качестве ханов. Поворотным пунктом в истории Хивы Мунис считает победу инака Мухаммед-Эмина над йомутами в 1770 г. После этого события страна снова стала заселяться и в короткое время достигла более цветущего состояния, чем раньше [151]. Основателем нынешнего Хивинского ханства можно считать Мухаммед-Рахим-хана (1806—1825), завоевавшего в 1811 г. Кунград и этим восстановившего единство Хорезма [152]. Им же в 1815 г. был прорыт большой канал, названный потом по имени одного из вельмож того же царствования — Клыч-Нияз-бая; дело было исполнено по поручению хана его младшим братом Мухаммед-Назар-беком. Канал проходил к югу от Гурлена, потом через Кыят и оканчивался к югу от Хатая, находившегося около Янги-кала; впоследствии вода дошла до Шаркыр-Ока (Шаркраук русских карт), т. е. до старого русла Аму-Дарьи [153].

Вообще, кроме хивинского арыка, остальные магистральные арыки Хивинского ханства все текли в сторону старого русла и Сарыкамышской котловины. Трудно сказать, имел ли этот факт влияние на тот поворот реки на запад, который стал замечаться в конце XVIII в.; в хивинской истории отмечено несколько фактов, указывающих на такой процесс. К востоку от дельты со времени Хаджим-хана (1558—1602) до инака Мухаммед-Эмина было обширное озеро Тау-Кара (Даукара наших карт), имевшее до 30 фарсахов в окружности; туда впадала большая часть воды Кок-Узяка (Куванш-Джармы). По приказанию Мухаммед-Эмина местные узбеки преградили плотинами реки, впадавшие в озеро; при следующем инаке, Авазе, оно стало иссякать и освободило значительную площадь для земледелия; в начале XIX в. эти пашни уже давали жителям большой доход [154]. Агехи в другом месте говорит, что земледелием и скотоводством занимались здесь преимущественно казаки (киргизы) и каракалпаки; «за последние 10—15 лет» (до 1867 г.) озеро стало иссякать еще больше, вся вода направилась к большому (т. е. к Аральскому) морю, и для земледелия освободилась вся площадь бывшего озера [155].

С другой стороны, к западу от дельты, рукава Чуманай (Шуманай наших карт) и Чанглы-Басу в прежние времена были маловодными протоками, вода которых в местах переправы не доходила лошадям по брюхо. При инаке Мухаммед-Эмине вода проложила себе путь в эти два рукава (на этот раз о плотинах не говорится) и с каждым днем количество воды

---

[150] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 55а и сл.
[151] Там же, л. 59б.
[152] Там же, л. 177б.
[153] Там же, л. 206а.
[154] Там же, л. 159а.
[155] Агехи, *Шāхид-и иқбāл*, л. 143 и сл.

увеличивалось; каждый из обоих рукавов сделался большой рекой; соединившись вместе выше переправы Сай-Кичу, они образовали большое озеро и потом впадали в Аральское море; переправляться через них можно было только на лодках. Жители Арала воспользовались этой водой для проведения больших и малых арыков и для обработки новых участков земли с большой выгодой для себя. В 1809 г. была сделана попытка посредством плотин преградить путь обоим протокам. В месте постройки плотин ширина Чуманая равнялась 100 кары (*кары* в Хиве — 2 аршина), глубина — 50 гязам; ширина Чанглы-Басу — 80 кары, глубина — 60 гязам; кроме того, был еще небольшой проток Терс-Акар ('Обратно текущий'), шириной в 30 гязов. Сооружение каждой из плотин потребовало 8 дней; в Чуманай бросали глыбы земли (*неверд*), имевшие до 60 гязов в длину и до 20—30 в толщину. Обе плотины были разрушены водой уже через 20 дней после их сооружения [156]. При описании событий 1811 г. сказано, что для жителей Арала главным источником воды для орошения полей было озеро Маджен [157]; возможно, что имеется в виду то же самое озеро.

Еще важнее по своим последствиям был прорыв воды в старое русло, совершившийся в начале царствования Алла-Кула (1825—1842). Раньше в эту сторону был проведен канал Лаудан, или Лаузан (в рукописи хивинской истории встречаются обе формы), и несколько каналов меньшей величины; так, еще до события 1770 г. Аман-Кул, хаким каракалпаков Кенегеса, провел к этому селению арык из Аму-Дарьи [158]. Лет за 30 до 1857 г. река прорвалась в Лаудан, обратила большую часть пашен в озеро, к югу от старого Ургенча проложила себе путь в старое русло, известное под названием Шаркыр-Ок (Шаркраук), где ею воспользовались для земледелия [159]. Из этого же озера Алла-Кул в 1831 г. вывел арык для орошения старого Ургенча, оставшегося в запустении «со времени Арабхана, даже со времени Чингиз-хана» (!). В озеро впадали тогда несколько рукавов Аму-Дарьи; вода текла оттуда к восточному краю возвышенности (кыр) Ай-бугур (Айбугир) и дальше к Аральскому морю. Из этого озера вывели широкий и глубокий канал (*арна*), провели его мимо северной стороны гробницы Неджм ад-дина и дальше на запад еще на 2 фарсаха. Теперь, прибавляет автор, писавший в 40-х годах, «много мест пьют эту воду, много народа извлекают из нее пользу; местность имеет цветущий вид, как райский сад, и свободна от ущерба, причиняемого несчастием запустения» [160]. В другом месте сказано еще, что после прорыва воды все пространство между Ходжейли (Ходжа-или) и старым Ургенчем

[156] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 136а и сл. <*Неверд* (*навард*)—фашины из камыша и дерна; см. Гулямов, *История орошения Хорезма*, стр. 259—260.>

[157] Там же, л. 171б.

[158] Там же, л. 90б. <В тексте «кенегес» — название рода каракалпаков, а не населенного пункта.>

[159] Там же, л. 555б. [160] Там же, л. 336а и сл.

обратилось в большое озеро; прежде здесь была безводная, покрытая саксаулом степь, где нога путешественника не чувствовала под собой ни одной капли влаги [161]. Обширное озеро оставалось здесь и после оросительных работ 1831 г. Абботт 18/6 марта 1840 г. видел здесь такую обширную водную поверхность, что принял ее за Аральское море, но ему объяснили, что это только Лаудан [162]. По хивинской истории, часть воды от Ходжейли возвращалась в реку, часть текла к восточному краю Айбугира и оттуда в Аральское море.

В 40-х годах (за последние 3—4 года до 1847 г.) сюда прорвалось из Аму-Дарьи еще большее количество воды; вода в озере поднялась и проникла в старое русло. Этим воспользовались для новых оросительных работ. В 1846 г. сотник (*юзбаши*) Мухаммед-Эмин по поручению хана Мухаммед-Эмина (1846—1855) построил на старом русле плотину, провел воду и устроил сад на расстоянии полдня пути к югу от старого Ургенча. В 1847 г. туда явился сам хан, убедился в том, что местность годна для земледелия, велел расширить и удлинить канал; для этих работ были призваны люди из каракалпаков. Хан посетил также развалины старого Везира, куда была проведена вода еще при прежнем хане Рахим-Куле (1842—1846); там поселили пленных, выведенных из Бухары при Алла-Куле и сначала поселенных на арыке Басу, между Мангытом и Кипчаком. Работы и здесь были расширены; канал, вырытый сотником Мухаммед-Эмином, был продолжен на полдня пути; канал, протекавший мимо старого Ургенча, был продолжен до «города Шамаха» (на карте: разв. кр. Шимакы), в окрестностях старого Везира. Приходилось даже принимать меры против слишком большого обилия воды; около старого Везира вода затопила пашни; надо было построить на реке плотину, что было выполнено в сутки, и посредством каналов отвести воду на юг. Вырытый широкий и глубокий канал получил название Ханабад; из него вывели много арыков и раздали участки земли войску [163]. Так возник отмеченный на карте «арык войска» (Сипай-яб, собств. Сипахи-яны). В 1849 г. хан в Мангыре, у низовьев этого арыка и арыка Ханабад, велел построить зáмки и развести сады; в том же году «по милости хана» вода дошла до пустынных прежде мест у крепости Кандум-кала (Хандум-кала на карте) и в урочище Вас (Уаз на карте); здесь тоже возникли зáмки и сады и пашни, и область (вилайет) стала получать большую часть своего хлеба из этих мест [164].

Однако уже в следующем, 1850 г. политика хана получила противоположное направление: к юго-западу от Куня-Ургенча была построена плотина на Шаркрауке, чтобы лишить воды разбойников йомутов, оче-

---

[161] Там же, л. 463б.

[162] Abbott, *Narrative*, vol. I, p. 212.

[163] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 462б и сл.

[164] Там же, л. 481а.

видно восставших против хана [165]. Борьба хивинского правительства с йомутами продолжалась много лет; йомутами был захвачен обширный район; на юге пограничными крепостями хивинцев были Газиабад (Хазават), построенный рядом с ним в 1860 г.[166] Тамач, Таш-Хауз (Ташауз) и Хиляли (Ильялы); везде воздвигались плотины, чтобы отрезать йомутов от воды; на севере в 1857 г. воде был прегражден путь в Лаудан и к старому Ургенчу [167]. Меры хивинцев заставили йомутов в 1860 г. просить мира [168], но война скоро возобновилась; в 1866 г. снова говорится об устройстве плотин у Газиабада [169]; в 1867 г. над йомутами была одержана полная победа [170], и в 1869 г. хан разрешил пустить воду по Лаудану к Куня-Ургенчу [171]; но, как известно, борьба с йомутами несколько раз возобновлялась и при русском владычестве, причем хивинское правительство по-прежнему прибегало к закрытию Лаудана.

В дельте вода по-прежнему наполняла преимущественно западные рукава. В этом отношении особенно характерен рассказ об отступлении хана с войском в 1859 г. от Кунграда, где произошло восстание. Говорится о трех протоках, направлявшихся к Кунграду; средним из них была Куня-Дарья; в восточный проток, Шур-качу, за 7—8 лет перед тем направлялось большое количество воды, и проток был обращен в «большую дарью»; он соединялся с протоком Огуз, потом направлялся к западу, подходил к Кунграду на расстоянии 2 фарсахов и снова соединялся с Куня-Дарьей. Западным протоком был Кият-Ярган (букв. 'Прорытый родом Кият', на карте Кият-Джарган). На пути к Кунграду хан испытал особенные затруднения при переправе через Огуз; после впадения в него Шур-качу этот проток сделался многоводной рекой; при переправе через него утонул один всадник с лошадью. После неудачной осады Кунграда и опустошения пашен, расположенных к востоку от реки, хан по совету своих приближенных решил перейти на западный берег, опустошить и там пашни, от истока Казах-Дарьи вновь перейти на восточный берег и оттуда идти к Чимбаю. План был выполнен с большим трудом; все пространство было залито водой; на упреки хана каракалпакские проводники отвечали, что они не могли предвидеть такого случая, что в прежние годы здесь никогда ни капли воды не было. Нигде не было видно сухого места, как во время потопа. С большим трудом войско в четыре дня, с понедельника до пятницы, прошло наводненное пространство, причем, благодаря удачно принятым мерам, потери ограничились одним человеком и 20 лошадьми; наконец, прибыли к Боз-Кулю, куда пода еще не

[165] Там же, л. 484б.
[166] Там же, л. 584б.
[167] Там же, л. 556а.
[168] Там же, л. 585б.
[169] Агехи, *Шāхид-и иқбāл*, л. 62б.
[170] Там же, л. 121б.
[171] Там же, л. 186а.

успела дойти; последний переход — от Боз-Куля до Чимбая — был совершен по безводной степи, при страшном зное [172]. Из последних слов видно, что слова об исключительном обилии воды в тот год относятся только к западной части дельты. Хивинские ханы и после несколько раз посещали дельту Аму-Дарьи; так, в 1869 г. была сделана попытка «ради достижения некоторых выгод и устранения некоторого вреда» [173] преградить воде доступ в Кок-Узяк (Куванш-Джарму) и из других мест провести воду к пашням Даукара и Чимбая в необходимом количестве. Попытка окончилась неудачно; построенная на Кок-Узяке плотина тотчас же была разрушена водой [174].

Немного сообщается об оросительных работах в средней части ханства. Местность старого Кята в XIX в., насколько известно, снова подвергалась опасности от размыва берега водой, как в X в., а не от безводья, как в XVII в. Упоминаются протоки Чалыш [175] и Киик; последний отделялся от реки к востоку от старого Кята, проходил, по направлению к западу, мимо города с южной стороны и вновь соединялся с Аму-Дарьей [176]. К северу оттуда было имение Рахман-Берды-бия (сына умершего в 1806 г. Ильтузер-хана), оросившего эту местность; царевич будто бы устроил это имение для успокоения странников и дервишей, отчего оно получило название Каляндар-хана; границы его составляли место Найман, выше тугая Бадай, горы Увейс-таги (Султан-Уиз), река Аму-Дарья и место Кышлык [177]. При хане Сейид-Мухаммед-Бахадуре (1855—1864) было орошено прежде пустынное место Шимамкент (в нынешней Шейх-Аббас-велийской волости); в 1861 г. его посетил сам хан; пустыня была обращена в сад, на пашнях возделывались различные виды хлебных растений [178]. Однако и в средней части ханства были случаи прорыва реки на запад. На это указывает, например, рассказ об усмирении в 1863 г. восстания чоудоров; усмирению восстания способствовало стихийное бедствие: река у Каратала прорвала плотину и разрушила укрепленный лагерь (*сенгир*) чоудоров; они с большим трудом спаслись в Порсу, где устроили новый лагерь [179].

---

[172] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 576а и сл.

[173] Это темное выражение, по-видимому, указывает на опасность со стороны русских.

[174] Агехи, *Шāхид-и иқбāл*, л. 185б и сл.

[175] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 105а.

[176] Там же, лл. 104а и 410а.

[177] Там же, л. 590б и Агехи, *Шāхид-и иқбāл*, л. 137б.

[178] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 590 б.

[179] Там же, л. 597б.

VII

ЗЕРАВШАН

Река, которой обязана своей культурой местность, остававшаяся почти до последнего времени центром политической и культурной жизни Туркестана, в мусульманской литературе не имеет особого названия. Предполагаемое домусульманское название Намик [1] было забыто уже в первые века ислама; нынешнее название «Зеравшан» ('Золотоносный') не встречается в местной литературе до XVIII в.[2]; употреблялось ли оно в народной речи, неизвестно; термин Руд-и Зер ('Река золота') встречается только как название отдельного протока. Географы и историки называют реку по той области, по которой она протекала, «рекой Согда» или (чаще всего) по возвышенности Чопан-Ата близ Самарканда «рекой горки» (Аб-и Кухек).

В противоположность бассейну Аму-Дарьи, в бассейне Зеравшана система распределения воды определилась еще в домусульманское время; направление реки также не подвергалось существенным изменениям. Если не считать углубления русла реки и каналов, вследствие чего приходилось иногда перемещать головы арыков, все работы по орошению, производившиеся в мусульманский период, сводились к восстановлению, хотя часто под другими названиями, заброшенных каналов. Не подтверждается также мнение, что в домусульманское время система пользования водой Зеравшана была более рациональна, чем теперь, и что в верховьях реки, между прочим уже на расстоянии 25 верст от ледника, были огромные запруды и водохранилища [3]. Такие сооружения, конечно, не могли бы быть возведены местными горцами; их могли бы построить только более культурные жители средней и нижней части долины в период прочного политического объединения верхней части долины Зеравшана с Самаркандом и Бухарой. Такого периода в истории Средней Азии до ислама мы не знаем. Подчинялись ли горцы ахеменидским наместникам, по меньшей мере сомнительно, так как Ахеменидам не удалось прочно подчинить себе даже горцев Западной Персии. Александр, насколько известно, сюда

[1] О нем в моем труде *Туркестан*, ч. II, стр. 84; <наст. изд., т. I, стр. 132>.

[2] Вяткин, *Материалы*, стр. 28.

[3] Петровский, *Заметка*, стр. 490—494. <Археологическая разведка следов таких сооружений не обнаружила (Смирнова, *Археологические разведки*).>

не проникал, несмотря на существование озера, носящего его имя; после Александра город Самарканд на несколько столетий перестал существовать [4] и политический центр страны был перенесен дальше на запад, к Катта-Кургану. В последние века до ислама, как показывает сохранявшееся еще при арабских географах [5] деление, верховья Зеравшана причислялись не к Согду, т. е. к области Самарканда, а к Сутрушане [6], или Усрушане, т. е. к области к северу от Туркестанского хребта.

К рустакам Сутрушаны причислялись рустаки Масча и Бургар, т. е. Фальгар; соответствующие волости Самаркандской области и теперь носят название Матчинской и Фальгарской, причем граница между ними проходит приблизительно там же, как в начале XVI в. при Бабуре [7], — у селения Оббурдан. Масча (Матча) теперь считается главным истоком Зеравшана; у арабов таковым считалась Фан-Дарья, вытекающая из озера Искандер-Куль; в средневековых источниках этого названия нет [8], и очень возможно, что оно было дано озеру впоследствии каким-нибудь книжником, подобно тому как городищу к северу от Самарканда было присвоено имя мифического Афрасиаба. Озеро тоже находилось еще в Сутрушане [9].

Ниже соединения обоих источников был город Бунджикет, или Пянджикет, который считался «головой», т. е. началом Согда. Здесь уже были каналы [10], но они, по-видимому, имели только местное значение. Откуда они были проведены, об этом у географов X в. сведений нет; местное предание приписывает проведение канала из Магиан-Дарьи ходже Ахрару [11].

В оросительной системе Зеравшана главное значение имела плотина у Варагсера (Голова плотины'), ныне Рабат-и Ходжа, от похороненного здесь мусульманского святого ходжи Закарии Варрака, жившего в VI/XII в., или, может быть, от более раннего ходжи Абу Закарии Варагсери, умершего в 230/844 г., могильный камень которого находится в Ташкентском музее [12]. Здесь были, как теперь, головы трех главных арыков,

---

[4] <Археологические работы на Афрасиабе как будто не подтверждают этого, см. Тереножкин, *Согд и Чач.*>

[5] Сведения из арабской географической литературы приведены мною в труде *Туркестан*, ч. II, стр. 84 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 133 и сл.>.

[6] Эта древняя форма употреблялась, по-видимому, еще в X в., на что указывают рукописные варианты (Ибн Хаукаль, 379, прим. *b*; также в *Худуд ал-'алам*, л. 4а).

[7] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 99а.

[8] <У Истахри (319) озеро называется Джан, толкование этого слова у О. И. Смирновой, *Вопросы исторической топографии*, стр. 56—67.>

[9] *Худуд ал-'алам*, л. 4а.

[10] О них упоминает Ибн Хаукаль, 372.

[11] Вяткин, *Материалы*, стр. 25.

[12] О нем статья M. Hartmann, *Archaeologisches aus Russisch-Turkestan*, 1906, № 1, Sp. 28 sq. Та же дата приводится у Сам'ани (изд. Марголиуса, л. 581б), упоминающего об этом «отшельнике» (*аз-захид*).

орошающих местность к югу от Самарканда. Существование этой системы в домусульманский период доказывается рассказами о походе арабов к Варагсеру [13] во время восстания согдийцев. В 117 или 118/735 или 736 г. наместник Асад ибн Абдаллах построил здесь плотину, чтобы отвести воду от Самарканда, причем собственноручно приносил камни для постройки. Плотине всегда придавалось большое значение; в X в. надзор за ней был вверен жителям Варагсера, освобожденным за это от хараджа, т. е. от поземельной подати.

Арыки, выведенные из Зеравшана у Варагсера, несколько раз меняли свои названия; произношение названий, приводимых географами X в., сомнительно [14]; самому северному из трех арыков еще в средние века было присвоено название Даргам; географы X в. называют этим именем последний из рустаков, до которого доходила вода канала. Каналы средний и южный при Тимуридах назывались Аббас (может быть, по имени Аббас-бахадура, одного из военачальников при Тимуре) и Караунас; оба оканчивались у построенного Тимуром селения Миср, теперь не существующего; впоследствии они получили названия Янги-арык (или по-персидски Джу-и нау 'Новый проток') и Казан-арык [15]. Длина всего пространства от Варагсера до крайних пределов Даргама составляла 10 фарсахов, ширина колебалась между 1 и 4 фарсахами. Всего рустаков к югу от Самарканда было шесть, которые перечисляются в порядке с востока на запад: Пянджикет, Варагсер, Маймург, Санджарфеган, Даргам и Абгар. Маймург и Санджарфеган прежде (очевидно, в домусульманскую эпоху) составляли одно целое с Варагсером, потом были отделены от него. По количеству деревень и зáмков и по густоте древесных насаждений первое место занимал Маймург, находившийся непосредственно к югу от Самарканда; между его главным селением Ривдадом [16], где находились зáмки домусульманских владетелей Согда, и Самаркандом был всего 1 фарсах. Даргам превосходил другие рустаки по количеству орошенных пашен и по качеству вывозившегося оттуда винограда; длина этого рустака равнялась среднему дневному переходу. До Абгара (ныне Чашмаобская волость) вода Зеравшана не доходила; поля засевались

[13] Табари, II, 1430, 1586 и 1689.

[14] О рукописных вариантах см. Истахри, 319, госледние примечания.

[15] Вяткин, *Материалы*, стр. 27 и сл.

[16] <Г. В. Григорьев (*Тали-Барзу*, стр. 99—100) отождествлял Ривдад с городищем Тали-Барзу в 6—7 *км* от Самарканда (ныне собственно на окраине города) и это отождествление принято ныне всеми (см. М. Массон, *К периодизации*, стр. 160). Вызывает сомнение категорическое утверждение о том, что Ривдад был центром Маймурга. Истахри (321), на сведения которого все опираются, сообщает лишь (после оговорки, что в рустаках южнее Самарканда нет соборной мечети): «. . . в Маймурге, в месте, известном под названием Ривдад, была резиденция ихшида, царя Самарканда, это — селение (*карйа*), в котором ихшидские зáмки». Из этого сообщения отнюдь не вытекает, что Ривдад был центром рустака Маймург, это было лишь одно из его селений, в котором располагались зáмки ихшидов.>

под дождь; тем не менее он по количеству деревень превосходил прочие самаркандские рустаки; урожай доходил до сам-100 и больше; пространство одной деревни (вместе с ее пашнями) доходило иногда до 2 фарсахов, длина всего рустака равнялась 2 переходам; говорили, что в урожайный год произведения полей Абгара могли прокормить весь Согд.

К югу от этих рустаков, между ними и горами, был рустак Шавдар, тянувшийся на 10 фарсахов; здесь вода была проведена на пашни, конечно, не из Зеравшана, а из ручьев, вытекавших из гор. В одном из селений Шавдара был христианский монастырь.

Из Даргама, как и теперь, получал воду город Самарканд. Сведения арабских географов об этом городе и об условиях орошения в нем отличаются гораздо меньшей ясностью и точностью, чем, например, сведения о Мерве. Как и в Мерве, был шахристан, внутри которого находилась цитадель, и был рабад. Сведения о шахристане довольно ясны: шахристан был не в середине пространства, окруженного внешней стеной, как например, в Мерве, а в одном из углов его, близ согдийской реки; вода входила в него с юга по свинцовому протоку; во рву было воздвигнуто каменное сооружение, и поверх его проходил проток, вся поверхность которого была из свинца (т. е. свинцовая водопроводная труба). Это оказалось необходимым потому, что при постройке глиняных стен шахристана материал брался тут же, вследствие чего образовался глубокий ров; от места на южном берегу рва, среди базаров, называвшегося «головой арки», была проведена вода по этой трубе через ров к южным воротам города. Канал был домусульманского происхождения; для поддержания его служили доходы с участков, находившихся вдоль его берегов; охранять его зимой и летом были обязаны местные «маджусы», т. е. муги, последователи религии Зороастра, освобожденные за это от подушной подати. Из слов персидского географа [17] мы узнаем, что «свинцовый проток» был проложен над крышами самаркандского базара.

Топографические данные о шахристане указывают несомненно на Афрасиаб, и этот вывод подтвердился при раскопках 1904 г.[18] и при нивелировке, тогда же произведенной по моей просьбе Н. П. Петровским; оказалось, что Афрасиаб мог получать воду только с юга и только посредством водопровода. Это сооружение, просуществовавшее до нашествия монголов (1220 г.), в Средней Азии было, по-видимому, единственным в своем роде; в Западной Азии ему более всего соответствует «свинцовый канал» на пути из Багдада в Ханикин, перекинутый через мост [19], вероятно на Дияле.

Гораздо менее ясны сведения о стенах рабада, построенных Абу Муслимом в 134/751-52 г.[20], и о направлении «согдийской реки», т. е. Зе-

[17] Текст приведен А. Г. Туманским, *Новооткрытый персидский географ*, стр. 123.
[18] О них Бартольд, *Поездка в Самарканд*, стр. XXXIV—XXXV.
[19] Ибн Русте, 164.
[20] Табари, III, 80.

равшана. Весь город находился к югу от согдийской реки, и как пространство шахристана, так и пространство рабада орошалось из Даргама; между тем восточные ворота шахристана помещаются на возвышении «над согдийской рекой», откуда спускались (к реке) по многим ступеням; стена рабада начиналась «за согдийской рекой»; река протекала «между рабадом и шахристаном» и в то же время служила для рабада «как бы рвом с северной стороны [21].

Все эти подробности едва ли поддаются объяснению и едва ли соответствуют действительным топографическим условиям. Едва ли можно сомневаться в том, что описанная арабскими географами стена рабада соответствует стене, остатки которой сохранились до сих пор и носят различные названия («Дивар-и Кыямат», «Кампыр-дивар» и «Кундалянг»). Исследование этой стены [22] было произведено в 1903 г. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии В. Л. Вяткиным; протяжение ее составляло около 40 верст; постройка ее приписывалась Абу Муслиму. В X в. стена имела восемь ворот; ворота были разрушены по распоряжению саманидского правительства, вследствие мятежного настроения жителей; очевидно, после этого стена потеряла значение и должна была постепенно разрушаться; нет никаких известий, чтобы она когда-либо была восстановлена, так что существующие остатки стен относятся к эпохе не позже X в. Вся местность, окруженная стеной, находится к югу от Зеравшана. Для истории ирригации стены интересны в том отношении, что ими определяется пространство, орошенное городскими арыками [23]. О последних географы X в. не сообщают ничего. Из более позднего сочинения, *Кандии* [24], мы узнаем, что главных арыков было четыре: Джакердиза, Маздахин, Искендергам и соединенные вместе арыки Асенгин и Сенгресан; из первого был выведен «свинцовый проток» шахристана. По исследованию В. Л. Вяткина, Джакердиза соответствует Шаар-арыку, ветви Шавдар-арыка, выведенного из Даргама; арык Маздахин, или Наубахчиян [25], выведенный непосредственно из Даргама, тянулся «на 23 версты, из которых около 12 верст внутри внешних стен», причем орошенный им квартал Маздахин находился к западу от нынешнего города; местоположение арыков Сенгресан и Асенгин определяется

---

[21] <Эта неясность объясняется тем, что географы X в. часто называют Сияб и Зеравшан рекой Согда (وادى السغد), не делая систематического различия между نهر السغد и وادى السغد.>

[22] О ней Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина, 277 и сл., также Вяткин, *Материалы*, стр. 21 и сл. <См. карту окрестностей Самарканда, приложенную к наст. изд.>

[23] По словам В. Л. Вяткина (Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина, 278), «стена шла по окраине культурных земель, делая изгибы сообразно крайней линии их».

[24] Разбор этих сведений у В. Л. Вяткина: Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина, 287 и сл.

[25] Вяткин, *Материалы*, стр. 29.

местоположением кладбища Сенгресан у западных ворот Афрасиаба. Где протекал арык Искендергам, выяснить точно не удалось. По мнению В. Л. Вяткина, данные об Искендергаме указывают на арык Дештек (ветвь Шавдар-арыка), орошающий «юго-восточную часть Самарканда внутри внешних стен, ближе к городу». Все четыре арыка орошали, кроме площади нынешнего города и Афрасиаба, только местность, расположенную к югу и западу от обоих; северные и восточные предместья, по-видимому, всегда орошались, как и теперь, ключевыми арыками. О последних мы в литературе домонгольского периода не имеем сведений. Главный из них, Сияб, упоминается у Бабура под названием Аб-и Рахмат [26]; теперь это название прилагается к арыку, выведенному из Сияба; по одному преданию [27], его вырыл в X в. ученый Абу-л-Мансур Матуриди, по другому [28] — в VIII в. арабский эмир, сподвижник завоевателя Кутейбы. Более вероятно, что Сияб, как и впадающий в него Аб-и Мешхед, получивший свое название от «места мученичества [29]» (*мешхед*) двоюродного брата пророка, Кусама ибн Аббаса (Шах-и зинде), существовали задолго до ислама. Вид вала Афрасиаба заставляет предполагать, что арыки, текущие теперь вдоль восточной и северной сторон городища, существовали уже во время его постройки.

Сведения о «согдийской реке» у арабов настолько неясны, что трудно было бы определить местоположение того моста через реку, о котором говорит только один Ибн Хаукаль. Мост находился у ворот Самарканда; в половодье глубина реки под мостом в несколько раз превосходила человеческий рост; летом, во время таяния снегов, вода иногда покрывала самый мост, и жители Самарканда не могли с ней справиться [30]. Трудно сказать, имеет ли этот рассказ какое-нибудь отношение к тем двум аркам, перпендикулярным одна к другой, которые были видны на берегу Зеравшана, у подножия Чопан-Ата, в первое время после русского завоевания и из которых одна сохранилась и теперь. Местное предание считает это сооружение мостом, построенным, по мнению одних, при Тимуре, по мнению других — при Абдулле; исторические известия об обоих государях о таком сооружении ничего не говорят. По характеру материала, вероятно, можно было бы определить, хотя бы приблизительно, эпоху постройки; раскопки на Афрасиабе показали, что кирпич домонгольской эпохи, так называемый *санджари*, существенно отличался от кирпича эпохи Тимуридов [31].

---

[26] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 48а.

[27] Приведено у Вяткина, *Бабур-наме*, извлеч. в пер. Вяткина, 33, прим. 1.

[28] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 10; пер. Вяткина, 165.

[29] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 65 (текст Сам'ани); Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 11; пер. Вяткина, 166.

[30] Ибн Хаукаль, 371.

[31] По словам кн. В. И. Масальского (*Туркестанский край*, стр. 686, без ссылки на источник), арка «по некоторым указаниям была построена в 1571 году при шейба-

Для подробного выяснения исторической топографии домонгольского Самарканда мы не имеем данных; мы знаем только, что город постепенно передвигался на юг; уже в X в. самой населенною частью был не шахристан, но квартал, расположенный к югу от него, в черте нынешнего города. Как и в Мерве, пространство, окруженное внешней стеной (по определению арабов, 2 фарсаха в длину и столько же в ширину), было слишком обширным для города; несомненно, что Самарканд XII и XIII вв. занимал только часть этого пространства, но насколько направление его стен совпадало с направлением стен тимуровского Самарканда, остается неизвестным [32]. Известно только: 1) что в XII в. квартал Гатфер, между тимуровской цитаделью и арыком Навадан [33], был в черте самого города, а не в предместьях [34]; 2) что в этом городе были ворота Мешхед [35], очевидно выходившие к гробнице Кусама ибн Аббаса (Шах-и зинде), т. е. соответствовавшие по местоположению «Железным воротам» тимуровского Самарканда; 3) что в XIII в. на западной стороне города были ворота Намазгах [36], местоположение которых определяется старым намазгахом у ворот Шейхзаде, или Пайкабакских [37]; 4) что шахристан, орошенный свинцовым протоком, в XIII в. считался только крепостью, хотя в нем оставалась соборная мечеть; крепость была взята монголами после взятия города. Таким образом, на севере и на северо-западе граница тогдашнего города совпадала с границами позднейшего; о южной и восточной сторонах никаких сведений нет, как нет сведений и об общем протяжении стен того времени; Хамдаллах Казвини говорит только о стене, имевшей в окружности 50 000 шагов и окружавшей город вместе с крепостью и несколькими деревнями [38], т. е. о внешней стене. По словам китайца Чан-чуня, бывшего в Самарканде тотчас после взятия его монголами, город орошался двумя протоками [39], что также соответствует топографическим условиям тимуровского Самарканда, в который вода входила с юга в двух местах, у ворот Ходжа Ахрар (прежде называвшихся воротами Кяризгах) и Сузангеран. Кроме того, говорится о «холодном протоке»

нидах». <Даже в появившейся недавно работе (Бабаханов, *О древних водохозяйственных сооружениях*, стр. 43) дата возведения этого сооружения также неопределенна: при Тимуридах или в начале правления Шейбанидов.>

[32] <М. Е. Массон (*К периодизации*, стр. 165) предполагает, что Тимур только отремонтировал стену домонгольского города.>

[33] О местоположении его Вяткин, *Материалы*, стр. 19.

[34] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 63 (Сам'ани).

[35] Там же, стр. 59.

[36] Рассказ Джувейни, см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 445; <наст. изд., т. I, стр. 480>.

[37] О нем Вяткин, *Отчет о раскопках в местности Намазгох*, стр. 12 и сл.

[38] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулуб*, рук. ун-та № 60, л. 245а; № 171, л. 264б; <изд. Ле Стрэнджа, пер., 237>.

[39] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 92; <наст. изд., т. I, стр. 140>.

к югу от крепости; вероятно, вода тогда еще была во рву Афрасиаба [40].

Как в Мерве, так и в Самарканде в X в. жил влиятельный чиновник, заведовавший орошением; неизвестно, находились ли в его ведении только каналы, выведенные из реки у Варагсера, или также каналы, протекавшие по северную сторону Самарканда. Насколько можно судить по словам географов, плотина у Чопан-Ата тогда еще не имела такого значения, как впоследствии. Рустаки к северу от Самарканда, как и рустаки к югу от реки, орошались тремя большими арыками; истоком трех северных арыков было место Губар (произношение сомнительно) напротив Варагсера. Ближе всего к Самарканду протекал арык Бузмаджен; его длина не определяется; севернее его — арык Синаваб, протяжение которого составляло около 2 дней пути; еще севернее — арык Иштихан, самый большой из этих протоков; на пространстве 4 фарсахов его водой не пользовались, потом он орошал пространство длиной в 7 фарсахов, причем от него отделялось несколько арыков. Рустаков к северу от Самарканда также было шесть; названия их в порядке с востока на запад: Яркет, Бурнемед, Бузмаджен, Кебуданджакет, Ведар и Марзбан ибн Тюргеш; последний, очевидно, образовался в мусульманский период, так как получил свое имя от вельможи IX в., жившего при багдадском дворе.

В противоположность местности к югу от Самарканда, вода Зеравшана здесь орошала западные рустаки и не касалась восточных. В двух рустаках, Яркете и Бурнемеде, граничивших с Сутрушаной, орошенных земель, по-видимому, не было; в Яркете пашни засевались под дождь, были также хорошие пастбища; в Бурнемеде было большое число деревень. Селение Бурнемед находилось на пути из Замина в Самарканд; из Замина до Бурнемеда шли 4 фарсаха степью, потом 5 фарсахов до Хушуфагана горами. Рустак Бузмаджен был орошен арыком того же имени; в нем был город Баркет; между ним и Хушуфаганом, на пространстве 4 фарсахов, простиралась степь Катван [41], т. е. Булунгурская [42]; из этого можно заключить, что Баркет был на том же месте, где при Тимуре была построена крепость Шираз, от которой до Самарканда также считалось 4 фарсаха. Некоторые деревни того же рустака Бузмаджен получали воду из Синаваба, который потом пересекал рустак Ведар. Рустаки Кебуданджакет и Марзбан орошались другими арыками, выведенными из Зеравшана напротив Самарканда, т. е. у Чопан-Ата. Не вся местность, орошенная вытекавшими у Губара арыками, входила в состав шести рустаков; не только арык Иштихан, но и Синаваб доходил до города Иштихана и его округа, не причислявшихся «к самаркандскому Согду». Селение Иштихан, как известно, существует и теперь. Из самаркандских северных ру-

[40] Там же, стр. 89; ⟨наст. изд., т. I, стр. 139; место, на которое ссылается В. В. Бартольд, существенно переработано⟩.

[41] Кудама, текст, 203.

[42] Вяткин, *Материалы*, стр. 70.

стаков самым обширным был Бузмаджен; в нем было более всего селений. Много деревень и древесных насаждений было также в Кебуданджакете; в плодородном, хорошо возделанном рустаке Ведар были места ровные и гористые, пашни орошенные и богарные, также пастбища; во многих деревнях этого рустака еще в X в. жили арабы; ими выделывалась ведарийская хлопчатобумажная ткань, пользовавшаяся большой известностью. Данные арабских географов о северных самаркандских рустаках, может быть, принесут некоторую пользу для выяснения вопроса о происхождении существующих теперь протоков, в особенности о происхождении Булунгура и его отношении к Ак-Дарье. По мнению одного из новейших русских исследователей [43], Булунгур представляет «естественную лощину», пересекающую «все правые заряфшанские и многие ак-дарьинские отводы». Местное население считает Булунгур искусственным каналом, вырытым при Тимуре; как справедливо замечает В. Л. Вяткин [44], это предание не соответствует действительности, так как Булунгур, под своим современным названием, упоминается в истории Тимура уже в рассказах о первых годах деятельности будущего завоевателя, когда он еще не имел никакой власти [45].

Несмотря на большое число селений, жизнь в самаркандском округе гораздо больше, чем, например, в бухарском и мервском, сосредоточивалась в главном городе, и число селений с соборными мечетями было крайне незначительно. В южных рустаках, со включением Шавдара, таких селений не было совсем, по крайней мере к западу от Варагсера; по Якуту, и в самом Варагсере соборной мечети не было [46]. В шести северных рустаках было три «города» (по терминологии географов X в., в «городе» должна быть соборная мечеть): Баркет, Кебуданджакет и Ведар.

В монгольскую эпоху деление на рустаки было заменено делением на тюмени, причем тюмень был значительно больше рустака. Самаркандских тюменей как при Тимуридах [47], так и в XVIII в.[48] было всего семь, хотя эти тюмени обнимали гораздо более значительное пространство, чем прежние 12 рустаков. Из названий старых рустаков только одно, Шавдар, сделалось названием тюменя, причем Шавдарский тюмень заключал в себе все пространство от Зеравшана до гор и от Рабат-и Ходжа до города Самарканда. Полного перечисления тюменей мы для эпохи Тимуридов не имеем; в XVIII в. семь тюменей были: Шавдарский, Ширазский, Алиябадский, Анхарский, Яр-Яйлакский, Сугудикалянский и Афарин-

[43] Перебатов, *Об орошении*.

[44] *Материалы*, стр. 65.

[45] Шереф ад-дин Йезди, I, 161.

[46] Якут, *Му'джам*, IV, 921. Неизвестно, откуда Якут заимствовал эту подробность: у Сам'ани ее нет.

[47] Так по Ибн Арабшаху, каирск. изд., 17.

[48] Кырк Мухаммед-Салих (перевод В. Л. Вяткина в СКСО, вып. V, 240 и сл.; <Вяткин, *Самаркандский вилает*>.

кентский [49]. Вообще говоря, Шавдарский и Анхарский обнимали пространство к югу от Зеравшана и Кара-Дарьи, Афаринкентский — остров между Кара-Дарьей и Ак-Дарьей (Миянкаль), остальные — пространство к северу от Зеравшана и Ак-Дарьи, но это деление не вполне выдержано; например, в состав Анхарского тюменя входила также юго-западная часть Миянкаля с городом Иштиханом. На западе в состав Анхарского тюменя иногда входил и нынешний Катта-Курганский уезд [50], в прежнее время описывавшийся отдельно от Самаркандского округа; при Тимуре к зависевшим от Самарканда местностям (*тавабиʿ Самарқанд*) причислялся не только Катта-Курганский уезд, но и часть нынешнего Бухарского ханства до Зияуддина включительно [51].

Об одном тюмене, Анхарском, говорится, что он образовался только при Тимуре, очевидно вследствие произведенных этим правителем оросительных работ. Подробностей о них не сообщается; очень вероятно, что дело сводилось, как и много раз впоследствии, к восстановлению культурной жизни на низовьях Даргама [52]. Как выяснил В. Л. Вяткин [53], здесь «в эпоху Тимуридов и вообще до нашествия узбеков» население было гораздо гуще, чем потом; впоследствии, уже в XIX в., снова была сделана попытка заселить этот край, но без большого успеха; вода Даргама протекает здесь в глубоком овраге, и поднятие воды «до уровня голов старых готовых уже отводных арыков» связано с большими трудностями. Более благоприятны условия орошения в «восточной половине» тюменя. Тюмень в источниках часто носит название тюменя «Анхар-и джедид» ('Новые протоки', с некоторым нарушением правил арабской грамматики) [54].

---

[49] Последний назывался также Нимсугудским, т. е. Полусогдийским (Вяткин, *Материалы*, стр. 57), или Сугудихурдским, т. е. Малосогдийским; потом он, судя по вакуфным документам, был разделен на два: «верхний стал называться Афаринкентским, а нижний Сугудихурдским» (Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 226).

[50] Вяткин, *Материалы*, стр. 44 и сл.

[51] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 19, 21.

[52] <В настоящее время установлено, что к югу от Самарканда брал из Даргама начало большой канал, сухое русло которого известно под названием Иски-Ангар. А. И. Тереножкин, первым обследовавший этот район, считал, что по каналу еще в начале нашей эры шла вода в долину Кашка-Дарьи. Однако, как уточнили работы С. К. Кабанова, в домонгольское время существовал лишь головной отрезок длиной 45 *км*. Затем, по-видимому при Тимуре, он был продлен еще на 75 *км* от перевала Кескен-Джар, где канал проходил в выемке глубиной около 25 *м* (см.: Кабанов, *Археологические наблюдения*, стр. 171—175; Дунин-Барковский, *Древний канал Иски-Ангар*).>

[53] *Материалы*, стр. 43 и сл.

[54] Так у Хафиз-и Абру (Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 15); мой перевод (там же, стр. 18) не совсем точен, ср. в *Вакф-нāме*, л. 81а, выражение: *тӯмāн-и джадӣд-и нāхӣйа-йи Самарқанд*. В. Л. Вяткин (*Материалы*, стр. 29) по вакуфным документам отличает «Старый Анхарский тюмень» от «Нового»; в известных мне источниках я выражения «Старый Анхарский тюмень» не нашел.

Несомненно, что оросительные работы, произведенные при Тимуре и Тимуридах, не ограничивались одним тюменем. Устройство садов, которыми Тимур и его первые преемники украсили Самарканд и его ближайшие окрестности, вероятно, было связано с проведением новых каналов или исправлением старых; кроме того, Тимур, чтобы наглядно изобразить превосходство Самарканда над прочими городами мусульманского мира, построил вокруг Самарканда, как центра, ряд селений с громкими названиями Миср, Димишк (Дамаск), Шираз, Султания и Багдад [55]; из них мне известно положение трех первых, причем Миср находился к югу от Самарканда, Димишк к западу и Шираз к северу. Местное предание, будто эти селения были основаны для уведенных из городов пленных [56], не выдерживает критики: во-первых, Миср (Каир) вообще не был завоеван Тимуром; во-вторых, самаркандский Димишк упоминается уже в 1392 г.[57], тогда как взятие Дамаска относится к 1401 г. Очень вероятно, что при основании этих селений также пришлось проводить или исправлять каналы, но в источниках об этом не говорится. Мы знаем только, что город и его ближайшие окрестности орошались пятью протоками, из которых один был ключевой (Аб-и Рахмат), два были выведены из Даргама (Маздахин и «Арык базара», т. е. Шаар-арык); название четвертого (Каранд) встречается только у Хафиз-и Абру, название пятого в единственной дошедшей до нас рукописи географического труда этого автора, где есть глава о Мавераннахре, пропущено [58].

Из садов Тимура самым грандиозным был сад, окружавший дворец Тахта-Карача, давший свое имя перевалу между Самаркандом и Шахрисябзом. Дворец был построен весной 1398 г. Тимур обратил внимание на ручей, стекавший с перевала по ущелью в 7 фарсахах от Самарканда; этим ручьем государь, «нигде не допускавший, чтобы пропадала даром земля, годная для обработки», воспользовался для разведения сада [59]. О размерах сада Ибн Арабшах рассказывает анекдот, что пропавшая там лошадь была найдена только после шести месяцев [60].

Границы северных тюменей и изменение этих границ при различных династиях еще требуют выяснения. В. Л. Вяткин в «Материалах» соединяет в одно целое тюмени Сугудикалянский (собств. «великосогдийский») и Алиябадский; по его мнению, Алиябад был главным поселением этого тюменя и только при Мангытах уступил место Челеку [61]. В примечаниях к переводу сочинения Кырк Мухаммед-Салиха он же отожествляет Алиябадский тюмень с волостями Турткульской и Челекской, Сугудикалянский — с волостями Хальваинской и Ишим-аксакской.

---

[55] Об этом Ибн Арабшах, каирск. изд., 228.
[56] Вяткин, *Материалы*, стр. 44.
[57] Шереф ад-дин Йезди, I, 580.
[58] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 15 и 17.
[59] Шереф ад-дин Йезди, II, 12—13.
[60] Ибн Арабшах, каирск. изд., 228.
[61] Вяткин, *Материалы*, стр. 64.

Автор *Самарии* Абу Тахир-ходжа разделяет культурную полосу к северу от Зеравшана у Самарканда на два тюменя, Афаринкентский и Сугудикалянский, к которым прибавляет еще третий степной тюмень, Кебудский, или Ширазский, и в этом последнем помещает Алиябад [62]. В. Л. Вяткин в «Материалах» говорит о тюменях Кебудском и Ширазском как о двух различных; селение Кебуд (упоминаемое у Бабура [63] вместе с Ширазом) — ныне Биш-Арык [64].

К Самаркандской области (вилайет) иногда причисляется, как особый тюмень, город Сагарджа с его округом, иногда составлявший особый удел (при узбеках); вообще *вилайет* и *тюмень* различались не вполне последовательно; даже в одном и том же сочинении (у Хафиз-и Таныша) говорится то о Сагарджском вилайете, то о Сагарджском тюмене [65]. Город Сагардж, по определению В. Л. Вяткина, находился верстах в четырех западнее современного большого кишлака Яны-Кургана [66]. Было время, когда местности, которым до тех пор и после приходилось довольствоваться водой ручьев и колодцев, получали воду из Зеравшана посредством большого арыка Тюятартар, проведение которого приписывалось то Тимуру [67], то Абдулле [68]; в исторических источниках сведений о проведении этого арыка нет; нет их и в вакуфных документах; по словам В. Л. Вяткина, «даже нельзя утверждать, что арык Тюятартар» XVI в. тождествен с «современным Тюятартаром» [69]. При Кырк Мухаммед-Салихе третья часть воды Тюятартара расходовалась в Яр-Яйлакском тюмене (волости Тюятартарская и Усмат-Катар-Тальская).

Сугудикалянский тюмень получал воду из Мирза-арыка; по местному преданию, этот арык был прорыт Улугбеком, но достоверных сведений об этом не имеется; по исследованию В. Л. Вяткина, арык в XV в. носил название Султани, так что приурочение его к мирзе Улугбеку относится к более позднему времени [70].

Самаркандский округ по своему плодородию всегда считался «садом» всего края; даже при иноземных нашествиях завоеватели старались удержать свое войско от грабежей и сохранить для себя этот «сад» как статью дохода. В 102/720-21 г. арабский наместник Са'ид удержал свое войско от преследования разбитых врагов, чтобы не повредить «саду эмира правоверных» (халифа), как он называл Согд [71]. В начале XIII в.

---

[62] Абу Тахир ходжа, изд. Веселовского, 7, 57; пер. Вяткина, 162, 214.

[63] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 59б.

[64] Вяткин, *Материалы*, стр. 70.

[65] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, лл. 66б, 102а (тюмень); л. 163а (вилайет).

[66] Вяткин, *Материалы*, стр. 62.

[67] Так по Кырк Мухаммед-Салиху (Вяткин, *Самаркандский вилает*).

[68] Так по преданию, приводимому Н. М. Вирским (*Очерк Яны-Курганской волости*, стр. 41).

[69] Вяткин, *Материалы*, стр. 67.

[70] Там же, стр. 65.

[71] Табари, II, 1428.

языческий царь, гурхан кара-китаев, победил восставшего против него мусульманского владетеля Самарканда и вновь завоевал город, но не причинил ему вреда, так как считал Самарканд «своей сокровищницей» [72].

Тимур, по словам Бабура, говорил о местности по Зеравшану: «у меня есть сад, длина которого 30 агачей» [73] (фарсахов). Всем этим отчасти объясняется, почему система орошения в Самарканде так мало изменилась за 1200 лет со времени арабского завоевания.

Город быстро оправлялся от внешних нашествий и погромов. Опаснее были внутренние смуты, которые в XVIII в. довели город и его округ до полного разорения. Для местного владетеля было всего важнее удержать в своих руках Рабат-и Ходжа и голову Даргама. Здесь при Бабуре была крепость, где жил даруга (военный начальник) Шавдарского тюменя [74]; сюда в 1556 г. приходил исправлять плотину хан Науруз-Ахмед; здесь в 1753 г. исправил даргамскую плотину бухарский владетель Мухаммед-Рахим [75].

На пути из Самарканда в Бухару главными селениями были Иштихан (7 фарсахов от Самарканда) и Кушания (5 фарсахов дальше) по северную сторону реки, Зерман (от Самарканда 7 фарсахов) и Арбинджан (5 фарсахов дальше) по южную; в обоих местах город северного побережья отстоял от города южного на 1 фарсах. Из этого видно, что главным руслом реки уже тогда считалась Кара-Дарья. Кушания давно уже не существует, Иштихан остается и теперь большим селением, Зерман теперь «очень бедный кишлачок из нескольких дворов», хотя еще при Тимуридах был «известным селением» [76], Арбинджану, по-видимому, соответствует «городище с большим насыпным курганом Рамджан» на Нарпае, несколько западнее Катта-Кургана [77].

По-видимому, местность к югу от реки тоже входила в состав того владения, главным городом которого была Кушания. С Кушанией китайцы впоследствии отожествляли владение Фуму, или Фумо [78], которое упоминается уже в I в. н. э. (у Бань Гу, автора «Истории старших Хань»), тогда как ни о каком владении, которое бы соответствовало Самарканду, в то время речи не было [79]. По-видимому, после разрушения «Мараканд» Александром культурная жизнь на Зеравшане преимущественно сосредоточивалась в нынешнем Катта-Курганском уезде. Воз-

---

[72] Джувейни у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 113.

[73] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 49б.

[74] Там же, л. 59а.

[75] Мухаммед-Вефа Керминеги, *Тухфат ал-ханй*, л. 138а.

[76] Вяткин, *Материалы*, стр. 46.

[77] Там же, стр. 53, причем о Рамджане сказано: «пишется и Рамиджан и Рамин-джан». Вместо Арбинджан употреблялась также форма Ребинджан. <О городище Арбинджана см. Якубовский, *Археологическая экспедиция*, стр. 157—162, план там же, рис. 10.>

[78] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 246; Chavannes, *Documents*, p. 145.

[79] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 58 и сл.

можно, что Кушания некоторое время имела еще большее значение и что название ее находится в связи с названием тохарского рода кушанов, возвысившегося в I в. н. э. и создавшего могущественную династию, имевшую большое значение в истории Индии и распространения буддизма. Остатки прежнего благосостояния, по-видимому, сохранялись еще много веков спустя; еще в X в. арабы называли как Кушанию, так и местность по Нарпаю «сердцем Согда». Не было в Согде арыка, который орошал бы большее число пашен и питал бы большее число поселений; селения и замки на Нарпае считались лучшими в Согде. Арык упоминается у арабов под названием Фай (буква *ф* у арабов часто передает звук *п*); слог *нар* — арабское *нахр* ('река, проток'); голова Нарпая, по мнению В. Л. Вяткина, некогда находилась выше, чем теперь [80]. Нарпай во всяком случае принадлежит к числу протоков домусульманского происхождения; Н. В. Ханыков считал его естественным рукавом реки [81]; если Нарпай — искусственный канал, то он мог быть создан в тот период, когда Кушания была центром культуры на Зеравшане и столицей сильных владетелей.

Об устройстве орошения дальше к западу, до границ Бухарского округа, известно только, что иногда одно селение пользовалось водой нескольких арыков, иногда, наоборот, для многих селений был выведен из реки один арык [82]. Упоминается несколько городов и крупных селений, но перечисление их не дало бы никаких данных для характеристики условий орошения. Можно отметить только развалины крепости Сер-и пуль ('Голова моста') в 6—7 верстах от Катта-Кургана и в $^1/_2$ версты от южного берега Кара-Дарьи, которая здесь суживается, так что «здесь удобно было построить мост» [83]. Мост не упоминается у географов X в., но, по-видимому, существовал в конце того же столетия; по-видимому, это тот мост на Зеравшане, который упоминается в рассказе историка Утби о военных действиях 1000 г. между Бухарой и Самаркандом [84].

От Кермине уже начинались бухарские рустаки, которых у Истахри перечислено 22; из них 15 находились внутри длинных стен, постройка которых была начата в 80-х годах VIII в. и закончена в 830 г.; при Саманиде Исма'иле (874—907) она пришла в упадок, так как поддерживать ее было признано излишним. Остатки этого вала, сохранившиеся до сих пор, были осмотрены в 1896 г. Н. Ф. Ситняковским [85]. Вал как по письмен-

---

[80] Вяткин, *Материалы*, стр. 48.

[81] Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 33.

[82] И теперь, по словам Н. В. Ханыкова (там же, стр. 34), от Нарпая до Шахрируда «больших канав не встречается».

[83] Вяткин, *Материалы*, стр. 48.

[84] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 282; <наст. изд., т. I, стр. 330>.

[85] *Сообщение в заседании ТКЛА 21 апреля 1898 г.*, стр. 89—94. <Обследование восточной части Кампир-Дувала было проведено А. Ю. Якубовским (*Археологическая экспедиция*, стр. 113—148). Западная часть обследована В. А. Шишкиным

ным известиям, так и по сохранившимся остаткам защищал от нападений кочевников только полосу сплошной культуры вокруг Бухары; Кермине на востоке, Пейкенд на западе не входили в состав пространства, окруженного стеной. В противоположность Самарканду, здесь было сравнительно большое число селений с соборными мечетями; по Истахри, таковых было пять внутри длинных стен и шесть вне их; у Макдиси прибавлено еще одно; в XI и XII вв. были построены соборные мечети еще в двух селениях.

Описывая устройство орошения в городе Бухаре и его области, арабские авторы перечисляют ряд мелких арыков, не указывая связи между ними и не придерживаясь определенного порядка; только благодаря тому, что многие арыки сохранили свои названия до сих пор [86], возможно определить их местоположение. Из всех протоков только один, Гаухитфар, считался естественным, проложенным самою рекой. Несомненно, что речь идет о Гудфаре, или Вабкенд-Дарье, которую и Ханыков «как по быстроте течения, так и по ширине» считал «скорее естественным рукавом Зеравшана, нежели искусственной канавой» [87]. Ветви этого протока проходили также к нескольким большим селениям, к Зендане и Рамитану, из которых последний считался «древней Бухарой».

Из больших домусульманских арыков, выведенных из Зеравшана на север выше города, замечателен Шапуркам, ныне Шафиркам, будто бы вырытый каким-то сасанидским царевичем Шапуром. Им орошалось селение Вардана, ныне Варданзи; тюмень, орошенный им, называется то по арыку, то по селению; под названием Шафиркам этот тюмень упоминается и у Хафиз-и Таныша, где сказано, что от него до города около 5 фарсахов [88]. Близ селения Араб-хана Шафиркам теперь разделяется на две ветви, старый и новый Шафиркам.

Никаких подробностей не сообщается об арыке, орошавшем Фарахшу [89] (встречаются также формы Афрахша, Варахша и Барахша), также древнее селение, где был один из дворцов домусульманских владетелей Бухары, бухар-худатов. Селение находилось в 4 фарсахах от Бухары по дороге в Хорезм; по словам Нершахи, число протоков (*джуйбар*), орошавших эту местность, доходило до 12 [90]. По-видимому, теперь на таком расстоянии от Бухары по дороге в Хорезм орошения нет; возмож-

---

(*Археологические работы 1937 г.*, стр. 41—43; см. его же, *Некоторые итоги*, стр. 89). Этому валу посвящена также диссертация Х. Мухаммедова *Стена Кампирак*).>

[86] Это выяснилось благодаря работе Н. Ф. Ситняковского (*Заметки*). Из этой работы заимствованы приводимые ниже сведения о современных каналах.

[87] Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 32.

[88] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 385б.

[89] Главный источник, Нершахи, об этом арыке не упоминает, но он назван у Истахри (311).

[90] Нершахи, изд. Шефера, 15.

но, что имя прежнего селения сохранилось в названии колодца Варахчин [91].

Из больших селений к северу от Зеравшана до сих пор сохраняет свое прежнее значение Гиджduван [92]; оно получает воду из арыка Харкан-руд, или Калкан-руд, также упомянутого уже у географов X в. Рустак, орошенный арыком, назывался «Нижней Харканой», в противоположность «Верхней Харкане» напротив Кермине. Гиджduван в XII в. был базарным селением в 6 фарсахах от Бухары [93]. Впоследствии тюмень, в котором находился Гиджduван, назывался то Гиджduванским [94], то Харканрудским [95]; ныне Гиджduван составляет особое амлякдарство в бекстве Кермине [96]. При Абдулла-хане в 986/1578 г. около Гиджduвана через Зеравшан был построен мост из 13 арок, по-видимому служивший в то же время плотиной для поднятия воды в реке и разделения ее на протоки; говорится, что река (*дарья*) здесь разделяется на несколько речек (*дарьяча*), каждая речка — на несколько ветвей (*шу'ба*), каждая ветвь — на несколько протоков (*нахр*), вследствие чего становятся населенными деревни [97].

В 4 фарсахах от Бухары по дороге в Самарканд, между селениями Шарг (или Чарг) и Сикиджкет (или Искиджкет), протекал арык Самджен [98], или Харамкам, на котором был кирпичный мост. Арык направлялся к Пейкенду, но не всегда доходил до него. Самджеком называлось также озеро, которым оканчивалось течение Зеравшана.

Проток, снабжавший водой самый город Бухару, носил название Руд-и Зер ('Река золота'); теперь он известен под названием Шахруд [99] (собств. Шахр-руд), т. е. 'Городская река'; слово «Зер» сохранилось в названиях двух каналов, отведенных от Шахруда, Кам-и Зар и Джу-и Зар, что, по словам Н. Ф. Ситняковского, значит: Большой и Малый

---

[91] <Городище Варахша много лет раскапывала экспедиция под руководством В. А. Шишкина. Там был обнаружен дворец бухар-худатов с прекрасными стенными росписями. См.: Шишкин, *Археологические работы 1937 г.*; его же, *Варахша* (*Предварительное сообщение*); его же, *Варахша*; *Археологические исследования на городище Варахша*, стр. 43—148 (о работах в западной, ныне неорошаемой части оазиса см. стр. 149—239).>

[92] Оно упоминается у Нершахи (изд. Шефера, 66) в рассказе о событиях VIII в.

[93] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 123, прим. 6; <наст. изд., т. I, стр. 171, прим. 13>.

[94] Так Хафиз-и Танып, *'Абдулла-наме*, лл. 151а, 321а.

[95] Так у Мухаммед-Вефа Керминеги, *Тухфат ал-ханй*, л. 169а.

[96] Так по Ситняковскому, *Заметки*; у Логофета, *Бухарское Ханство*, т. I, стр. 250, в числе амлякдарств не названо.

[97] *Та'рйх-и Рахими*, л. 179б. В рукописи (ун-та, № 949) по ошибке 984; 986 г. указан в каталоге бар. Розена (*Les manuscrits persans*, p. 132), и так выходит по *та'рйху*.

[98] Ситняковский (*Заметки*, стр. 138) ошибочно отождествляет его с арыком Саумичан.

[99] У Ханыкова (*Описание Бухарского ханства*, стр. 81) Шахри-руд.

Зар [100]. Если это объяснение правильно, то из этого можно заключить, что бухарцы местным термином *кам* обозначают более крупные каналы, чем общеперсидским словом *джуй*.

Общую картину устройства орошения в городе дает только Макдиси. По его словам, канал входил в город со стороны Келлябада; «там устроена плотина, сделаны широкие шлюзы (*мифтāх* [101]) и поставлены бревна. Когда наступает лето и начинается половодье, то удаляют бревна, одно за другим, по мере прибавления воды, так что большая часть воды изливается в шлюзы, потом доходит до Пейкенда; если бы не эта хитрость, то вода обратилась бы на город. Это место называется Фашун. Ниже города есть другие шлюзы, называемые Рас ал-Вараг ('Голова плотины'), устроенные таким же образом. Этот канал прорезывает город, проходит через базары и разветвляется по улицам. В городе у них есть обширные открытые хаузы; на берегу устроены помещения из досок для совершения омовения. Иногда вода реки, отведенной к Пейкенду, одерживает верх и затопляет среди лета поместья; так, вода в тот год, когда я прибыл туда, захватила много поместий, и люди обеднели; шейхи вышли строить плотину; шейх Абу-л-Аббас ал-Йездади пожертвовал на это, по расчету [102], большие деньги. Вода мутна; в нее кидают в городе много отбросов» [103].

Выражение «со стороны Келлябада», очевидно, означает: со стороны Келлябадских, т. е. нынешних Каршинских, ворот. Здесь находилась плотина, которой часть воды была введена в город, другая часть отведена на юг, к Пейкенду, причем летом, во время половодья, в этот отвод пускали большее количество воды, чем обыкновенно. Сведения о распределении воды по городским кварталам и улицам приводятся у Истахри; важнее всего сообщение, что ни в шахристане, ни в цитадели, вследствие высоты местоположения, проточной воды не было [104]. Такое же наблюдение было сделано в 1885 г. И. Т. Пославским; по его словам, вода не доходит до холмов, занимающих середину города: «она их всех обходит с юга и оставляет поэтому среднюю (возвышенную) часть города почти совершенно лишенной растительности» [105]. Однако тот же Истахри при перечислении 12 городских арыков [106] говорит о пяти из них, что они отделяются от главного арыка в городе, причем употреблено выражение

---

[100] Ситняковский, *Заметки*, стр. 139.

[101] По объяснению де Гуе (BGA, IV, 313, причем сделана ссылка на это место Макдиси) «cataracta». У Дози (*Supplément*) «vanne» с ссылкой на словарь *Муҳит*.

[102] Возможно, что слово *ихтисāбāн* значит 'в качестве мухтасиба' (надзирающего за порядком в городе); <ср. наст. изд., т. I, стр. 155, где перевод уточнен>.

[103] Макдиси, 331 и сл.

[104] Истахри, 307.

[105] Пославский, *Бухара*, стр. 46.

[106] Названия их в моем *Туркестане*, ч. II, стр. 107; <наст. изд., т. I, стр. 156—157>. По Пославскому (*Бухара*, стр. 54), арыки теперь «собираются к северу от города на широкой полосе, в 150—200 сажен, в числе 13 отдельных наименований».

медина, обыкновенно означающее внутренний город, шахристан; об одном канале (втором) даже сказано, что он начинается в середине города (медины). По контексту можно предположить, что Истахри только в начале своего рассказа о каналах под словом *медина* имеет в виду шахристан и что дальше тем же словом обозначается весь город. В отличие от Мерва и Самарканда, в Бухаре «городом» и потом оставалось пространство, окруженное внешней стеной, рабадом [107].

Среди мест, откуда вытекали городские арыки, Келлябадские [108] (Каршинские) ворота не упоминаются, но упоминаются соседние ворота — Мердкушанские (ныне Салляхане) и местность Наубехар, давшая название Наубехарским (Мазарским) воротам. Из этой местности, кроме городских арыков, брали начало также арыки, отведенные к Пейкенду. Лишняя вода вытекала из города по направлению к югу и к западу и собиралась в арыке Наукенде (букв. 'вновь вырытом'), куда впадали четыре других арыка (первый, второй, четвертый и пятый); этой воды, однако, было немного, так как после выхода из города арык прямо входил в степь и не орошал никаких поместий. Замечательно, что из городских арыков один, Зугаркенде, в северо-западной части города, имел направление, обратное направлению магистрального канала, так как протекал раньше мимо ворот Дерваздже (внутри города, напротив нынешних Угланских) [109], потом мимо Самаркандских ворот. Вблизи Ригистана было два арыка.

Другие топографические указания арабских географов [110] едва ли могут быть использованы при настоящем уровне наших знаний; еще меньше мы могли бы ответить на вопрос, какие оросительные работы были произведены в Бухаре и ее ближайших окрестностях после X в. Даже в истории хана Абдуллы говорится только о саде, устроенном в 1559 г. на расстоянии фарсаха от города, к северу от мазара Абу Бекра Са'ди, предка шейхов Джуйбари; по обе стороны дороги, соединявшей сад с городом, было проведено по каналу, а по сторонам канала посажены

---

[107] <Истахри называет мединой часть города, окруженную стеной в середине IX в.; Шахруд протекал в его южной части, там же брали начало и все основные каналы Бухары. Расположение их см. Ремпель, *Из истории градостроительства*, стр. 254.>

[108] О старых и новых названиях ворот см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 104 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 154—155; см. также примечания к статье *Бухара*, ниже, стр. 382—383>.

[109] <Ворота Дервазаче располагались не напротив Угланских (северо-западных ворот), а в восточной части внутренней стены рабада, так что указанный арык тек не в «обратном направлении», как предполагал В. В. Бартольд, а с юго-востока на северо-запад.>

[110] Можно еще отметить два арыка, выведенные из Шахруда и до сих пор сохранившие свои старые названия: Фераиз верхний и Фераиз нижний; первый, по словам Нершахи (изд. Шефера, 53), был вырыт уже при исламе. О современном Кам-и Фераиз см. Ситняковский, *Заметки*, стр. 138 и 242.

ивы (*бӣд*), чтобы хан весь путь от города до сада и обратно мог проезжать в тени [111].

Ввиду скудости исторических известий было бы настоятельно необходимо собрать и изучить относящиеся к Бухаре и ее окрестностям вакуфные документы. Народные предания и здесь столь же недостоверны, как везде. *Ни историческими, ни географическими источниками* не подтверждается предание об оросительных работах, произведенных Абу Муслимом, имя которого до сих пор носит один из больших арыков (Кам-и Абу Муслим) «на восток от города Бухары в полосе культуры, пограничной со степным, невозделанным пространством» [112]. В романе об Абу Муслиме говорится, что при Абу Муслиме вода вообще не доходила до Бухары, что жители Бухары страдали от безводия, тогда как жители Самарканда — от чрезмерного обилия воды; Абу Муслим решил провести воду к Бухаре, но вырытый им канал только положил начало этому делу, которое было окончено при Саманиде Исмаʿиле [113]. С исторической действительностью этот рассказ не имеет, конечно, ничего общего. Не только до Бухары, но и до Пейкенда вода Зеравшана доходила задолго до прибытия арабов.

С каналом Харамкам, отведенным к Пейкенду, вероятно, где-нибудь соединялся канал, отведенный туда же от Каршинских и Мазарских ворот Бухары; но в литературе об этом нет сведений. Говорится только, что вода Харамкама не всегда доходила до Пейкенда, оттого в XII в. владетель Арслан-хан Мухаммед велел прорыть канал (очевидно, посредством туннеля) в самой горе, на которой стоял город. Оказалось, что гора состоит из твердого камня, без всяких отверстий; чтобы смягчить камень, привезли много вьюков масла и уксуса; но удалось прорыть канал только на 1 фарсах; тщетно истратив много денег и погубив много человеческих жизней, нашли нужным бросить дело. Через четверть века после смерти Арслан-хана Самʿани нашел в Пейкенде только развалины, где жило небольшое число туркмен. В Пейкенде, однако, была жизнь еще в XIX в.; в 1824 г. хивинцы взяли находившуюся здесь бухарскую крепость и увели людей с собой в Хорезм, где им отвели землю около Хиляли (Ильялы) [114].

О водоеме «по соседству с Пейкендом и вблизи Феребра», куда впадал Зеравшан, географы X в. не сообщают никаких подробностей, даже не определяют его размеров. В последней редакции труда Нершахи

---

[111] Хафиз-и Таныш, *ʿАбдулла-нāме*, л. 104б.

[112] Ситняковский, *Заметки*, стр. 136 и 139.

[113] Тартуси, рук. Публ. б-ки, л. 600а; рук. Аз. муз., л. 676а.

[114] Мунис—Агехи, рук. Аз. муз. 590 ob, л. 260а. Эта крепость Пейкенд находилась, вероятно, не на том месте, как старый город; ср. Зимин, *Развалины старого Пейкенда*, стр. 74. <О развалинах Пейкенда см. также: Якубовский, *Отчет о работах Зерафшанской экспедиции в 1939 г.* (план городища на стр. 54, у Зимина план неправильный); Кесати, *Раскопки на Пайкенде.*>

(XII—XIII вв.) приводятся названия водоема, персидское (Баргин-и ферах 'Обширный водоем') и турецкое (Кара-куль); по этому источнику, водоем простирался на 20 фарсахов; птиц и рыб было больше, чем где-либо в Хорасане, что, между прочим, привлекло сюда сыновей Чингиз-хана [115].

Монгольское нашествие на Зеравшане, конечно, не могло произвести таких перемен, как на Аму-Дарье; изменились ли здесь вообще в монгольский период условия пользования водой, остается спорным. Слова Хафиз-и Абру, что Зеравшан в половодье доходит до Аму-Дарьи [116], могли бы вызвать предположение, что уровень воды в реке в XV в. был гораздо выше, чем в предшествующее и последующее время; но, с другой стороны, Бабур говорит, что вода в течение 3—4 весенних месяцев не доходит даже до Бухары [117].

Как и в Самарканде, число «тюменей» монгольской эпохи было гораздо меньше, чем число прежних рустаков. Как Самаркандский округ, так и Бухарский разделялись на семь тюменей; названия бухарских тюменей по Абд ал-Кериму бухарскому: Каракуль, Лякляка, Хайрабад, Вабкенд, Гиджду ван, Харгуш и Зендана [118].

Особое место занимала причислявшаяся к Бухарской области, но не принадлежавшая к бассейну Зеравшана местность Нур, ныне Нур-Ата; она еще в первые века ислама славилась своими священными могилами и была местом паломничества. Об оросительных работах в этом районе говорится в истории только один раз в рассказе о возвращении Абдулла-хана из похода на далекий север в 1582 г. На пути из Темир-кабука в Нур Абдулла прошел через «Акчаб [119], долину в окрестностях Хазара-джуша; в той долине весной собиралось много силей, и та вода мало служила для земледелия. Поэтому он (Абдулла) приказал, чтобы Ахмед-Али-аталык найманский в той теснине устроил плотину наподобие Млечного Пути, чтобы ту воду, которая постепенно здесь собирается, люди той [местности могли распределить соответственно потребностям земледелия» [120].

---

[115] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 492; <наст. изд., т. I, стр. 522.>

[116] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 18, прим. 6.

[117] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 45б.

[118] Абд ал-Керим Бухари, I, 77.

[119] На 40-верстной карте Акчап.

[120] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 372а.

VIII

КАШКА-ДАРЬЯ

В истории орошения края бассейн Кашка-Дарьи не имеет большого значения; ни разу в истории Туркестана не говорится о производстве здесь обширных оросительных работ. Распределение воды здесь всегда было приблизительно такое же, как теперь; до низовьев реки, где теперь находится город Карши, всегда доходило только небольшое количество воды; нет никаких известий, чтобы вода когда-либо протекала оттуда еще большое расстояние на север и доходила до Зеравшана у Каракуля [1]. Главным оазисом по числу жителей почти до последнего времени был Шахрисябзский; не только в средние века, но и гораздо позже главный город Каршинского оазиса не мог бы выдержать никакого сравнения с главным городом Шахрисябзского [2]. Только в последние века условия изменились и город Карши сделался вторым городом Бухарского ханства, далеко оставив за собой Шахрисябз.

Уже китайцам были известны города Цзюйши и Нашебо, т. е. Кеш [3] и Нахшеб. Кеш находился к югу от речки, называвшейся Думо [4]; название речки Тум упоминается еще в истории Тимура [5], хотя и не встречается у географов X в.[6]. Последние знают термин Кёшк-руд как название рустака, из которого вытекал проток Асруд, омывавший северные стены города [7]; название рустака, как показывает прибавление слова

---

[1] Логофет, *Бухарское Ханство*, т. I, стр. 116.<Возникновение оросительной системы в Каршинском оазисе относится к середине I тысячелетия до н. э. (Кабанов, *Археологические данные*, стр. 164).>

[2] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 87б.

[3] Китайское правописание заставляет полагать, что в Средней Азии всегда произносили Кеш, как теперь; ср. правописание монет и подобранный в рифму эпитет *Кеш-и дилькеш* — 'Кеш, привлекающий сердца'. Якут (*Му'джам*, IV, 274) приводит слова автора Ибн Макула, уверяющего, что везде за Аму-Дарьей он слышал произношение Кисс.

[4] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 247; Chavannes, *Documents*, p. 146.

[5] Шереф ад-дин Йезди, I, 158.

[6] Сведения последних приведены в моем *Туркестане*, ч. II, стр. 133 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 188 и сл.>.

[7] Ибн Хаукаль, 376 (неверно в кн.: Бартольд, *Туркестан*), <ч. II, стр. 133; наст. изд., т. I, стр. 188, это исправление не внесено.>

руд ('река'), было собственно названием реки (в истории Тимура—Хашка). По южной стороне города протекала «Речка валяльщиков», вытекавшая из тех же гор, как Каратаг-Дарья. К северу и к югу от города были еще два протока, каждый на расстоянии фарсаха от него; первый (северный) носил название Джадж-руд (ныне Уйзель, или Китаб-Дарья), второй — название Хушк-руд (ныне Яккабаг-Дарья); в 8 фарсахах от города, по дороге в Балх, протекал Хузар-руд (ныне Катты-уру-Дарья, или Хузар-Дарья). В городе Кеше в каждый дом была проведена вода, везде были хорошие сады. Округ разделялся на 16 рустаков; перечисление их показывает, что к Кешу, а не к Нахшебу (Карши) причислялись местность по Хузар-Дарье и другие местности, географически расположенные ближе к Карши; на юго-востоке к Кешскому округу причислялась также долина речки Санг-гардак. Округ отличался плодородием; было теплее, чем в других частях Мавераннахра (очевидно, благодаря горам, защищающим местность от северных ветров), и плоды созревали раньше; но климат считался нездоровым, вода также [8].

Городская жизнь, несмотря на обильное орошение, была еще мало развита. Кроме столицы, было всего три города, из них два на Хузар-Дарье, в близком расстоянии один от другого: Субах (на месте Хузара, или Гузара) и Искифаган (на 1 фарсах дальше от Бухары, т. е. южнее). Третий город, Наукад-Курейш, находился приблизительно на полпути между Кешем и Нахшебом, в 5 фарсахах от первого и в 6 фарсахах от второго. Прибавление слова «Курейш» заставляет полагать, что здесь в первые века ислама была колония арабов-корейшитов [9].

О Нахшебе, или, как его называли арабы, о Несефе, сведений гораздо меньше. Река, соединявшая в себе остатки кешских и хузарских вод, протекала через город, откуда направлялась к пустыне. Берега реки, очевидно, были соединены мостом, так как дворец правителя стоял на берегу реки в месте, известном под названием «Голова моста». Из этого можно заключить, что город, если только он вообще не изменил своего местоположения в монгольский период [10], после X в. передвинулся на юг [11]; теперь река протекает у северной стены и от нее проведены каналы в городские хаузы; каменный, или, вернее, кирпичный мост на реке есть и теперь, но постройка его приписывается Абдулла-

---

[8] Макдиси, 282 и 332; Ибн Хаукаль, 375 и сл.

[9] Наукад упоминается еще у Мухаммед-Вефа Керминеги, *Тухфат ал-ухбай*, л. 112а.

[10] Мухаммед-Вефа (там же, л. 17б) в рассказе о событиях 1737 г. упоминает о «нахшебской крепости, теперь известной под названием Ш-л-к». У Махди-хана (324) эта крепость, находившаяся вблизи Карши, называется Ш-л-дук.

[11] <По мнению С. К. Кабанова, древний Нахшеб находился на месте городища Ер-Курган, в 10 *км* северо-западнее Карши. Домонгольскому городу соответствует городище Шуллук в 17 *км* к северо-западу от Карши (см. наст. изд., т. I, стр. 190, прим. 6; ср. также Зимин, *Несеф*, *Нахшеб*, *Карши*).>

хану [12]. Число несефских рустаков не приводится, пространство округа не определяется. Городов, кроме главного, было еще два, Кесба и Безда, первый в 4 фарсахах от Несефа, на одной из дорог в Бухару (он часто упоминается еще в XVI в., в *'Абдулла-наме* [13]); Безда находилась на пути из Бухары в Келиф (очевидно, к западу от Несефа), в 4 днях пути от первой и в 5 днях от второго; по Сам'ани, от Несефа до Безды было 6 фарсахов. В окрестностях Несефа было много хорошего винограда [14]. В воде для орошения чувствовался недостаток; река летом пересыхала совсем; для орошения садов и огородов пользовались водой колодцев; было также много богарных пашен.

В противоположность географам X в., Сам'ани и Якут причисляют к Несефу даже такие местности, которые географически ближе к Кешу, как селение Дириздех на пути из Кеша в Самарканд. Трудно сказать, объясняется ли это тем, что Несеф теперь был, по выражению Якута, «большим многолюдным городом», или тем, что Сам'ани (главный источник Якута) был в Несефе и не был в Кеше. На северо-запад от Несефа вода, по-видимому, в это время доходила до Маймурга, первой стоянки на пути в Бухару, так как Маймург был «большим и хорошим селением».

Монгольские завоеватели с самого начала облюбовали Несеф. Здесь в 1220 г. провел лето Чингиз-хан [15]; здесь в 30-х годах XIII в. жил монгольский военачальник [16]; здесь же в XIV в. построили себе дворцы монгольские ханы Кебек (1318—1326) и Казан (убит в 1347 г.). От дворца Кебека, находившегося в 2 фарсахах от города, последний получил свое нынешнее название — Карши, что по-монгольски значит 'дворец' [17]. Дворец Казана, Зенджир-сарай, в 2 днях пути к западу от города, был сожжен в 1387 г. войсками Тохтамыша [18].

Очень вероятно, что при постройке дворцов проводились также каналы; тем не менее город Карши по сравнению с Кешем, или, как его стали называть с XIV в., Шахрисябзом ('Зеленый город') оставался ничтожным; его даже называли иногда «Нахшебом кешским» [19]. Сведения об обоих довольно скудны; Бабур говорит только, что Кеш и его окрестности весною имеют цветущий вид, отчего город получил свое новое название — Шахрисябз, что в Карши воды меньше, но что весною и там хорошо; есть хорошие посевы и дыни; острохвостая утка (кыл-

---

[12] Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 110; о мосте еще Гейер, *Путеводитель по Туркестану*, стр. 126.

[13] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, лл. 62б, 133а и сл.

[14] О винограде Макдиси, 283. О виноградниках по всему бассейну Кашка-Дарьи также Логофет, *Бухарское Ханство*, т. I, стр. 117.

[15] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 460; <наст. изд., т. I, стр. 494>.

[16] Вассаф, бомбейское изд., 288 внизу.

[17] Шереф ад-дин Йезди, I, 111.

[18] Там же, 259, 443, 775.

[19] Там же, 244.

куйруг) встречается так часто, что ее прозвали «каршинской птичкой» [20].

Некоторые сведения о состоянии страны в первой половине XVI в. можно найти в вакуфной грамоте двух медресе Шейбани-хана, где упоминаются также некоторые участки земли в вилайетах Кешском и Несефском. Но для использования этих сведений, даже для установления произношения названий каналов, деревень и т. п. необходимо предварительно изучить местность. Между прочим, упоминается ручей Рудек, как назывался еще в X в. один из кешских рустаков; из деревень на нем, между прочим, была расположена «деревня канала (*нахр*) Менглик-ходжи» [21]; несомненно, имеется в виду тот же тимуровский военачальник, имя которого носил также один из каналов Пендинского оазиса.

Карши оставался второстепенным городом по сравнению с Шахрисябзом; при Шейбанидах в Шахрисябзе большею частью жил удельный князь из ханского рода, тогда как город Карши причислялся к Бухарскому владению и в нем обыкновенно имел местопребывание только даруга (военный начальник) [22]. Из оросительных работ этого периода известно только, что Абдулла-хан основал в Каршинском вилайете деревню Файзабад [23], существующую поныне.

Упадок Шахрисябза и возвышение Карши относятся к XVIII в. Карши в это время перешел во власть рода мангытов, захвативших господство в Бухаре и впоследствии положивших начало новой династии, тогда как Шахрисябз и его округ очутились в руках нескольких узбецких родов [24], из которых главным были кенегесы. В Шахрисябзском округе теперь было несколько «хакимов», из которых каждый строил себе крепость и старался заселить ее в ущерб другим и главному городу. В половине XVIII в. упоминаются крепости Китаб, Чиракчи, Сенгфуруш, Кушчи и другие; из них крепость Чиракчи существовала еще раньше, при хане Убейдулле [25]. Мухаммед-Рахим мангытский, подчинив себе в 1752 г. Шахрисябз, велел разрушить крепости Китаб, Кушчи и некоторые другие и позволил жителям вернуться в город Шахрисябз; крепость Сенгфуруш была оставлена, так как около нее уже успело образоваться слишком значительное поселение; Мухаммед-Рахим даже велел здесь отстроить арк [26]. Тем не менее именно этой крепости теперь не существует, тогда как разрушенный в половине XVIII в. Китаб скоро был восстановлен. Сильной крепостью был Хузар; во время осады ее в 1751 г.

---

[20] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 49а и сл. О слове *кыл-куйруг* Радлов, *Словарь*, II, 891.

[21] *Вакф-наме*, л. 77б.

[22] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 87б.

[23] Там же, л. 384а.

[24] Об этом Teufel, *Quellenstudien*, S. 30, Anm. 2.

[25] Ibid., S. 52.

[26] Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туҳфат ал-ҳани*, л. 128б.

Мухаммед-Рахим захватил другую крепость, на расстоянии фарсаха от нее, и хотел лишить хузарцев воды, но это ему не удалось. Тогда он велел вырыть новый канал длиной в 2400 гязов, глубиной до двух древков копья (ширина тоже была соответствующая); работы продолжались 20 дней; под влиянием их начальник Хузара решил бежать, оставив свою крепость Мухаммед-Рахиму [27]. Мухаммед-Рахим прибегал к таким же средствам и при осаде других крепостей; так, в 1750 г. он взял крепость Улаш, или Улач, откуда текла вода к Сенгфурушу, и отвел воду от этой крепости [28].

Борьба с Шахрисябзом еще несколько раз возобновлялась в XIX в., тогда как город Карши был предметом особых забот династии, и должность каршинского бека обыкновенно занимал царевич, наследник престола. Таким образом, причины возвышения Карши и упадка Шахрисябза чисто политические.

---

[27] Там же, л. 115б и сл.; о канале — л. 117а.

[28] Там же, лл. 111б—112а.

IX

СЫР-ДАРЬЯ

Древнее название Сыр-Дарьи, переданное греками в форме Яксарт, сохранялось еще в первые века ислама у местных жителей в форме Хашарт [1]. Турки называли Сыр-Дарью «Жемчужной рекой» (Йинчю-угуз), причем один из современных ученых считает это название переводом иранских слов *яхша арта* ('превосходная жемчужина' [2]). Происхождение арабского названия Сейхун не выяснено и давно забыто самими мусульманами; так, в географическом приложении к труду Мирхонда сказано, что Сейхун — место в Туркестане, от которого река получила свое название [3]. По всей вероятности, названия Джейхун и Сейхун явились по аналогии с названиями двух рек северной Сирии — Джейхана и Сейхана. Впоследствии реку часто называли по городам и местностям, мимо которых она протекала: рекой Узгенда, Ходженда, Бенакета, Шахрухии, Шаша и т. п. Откуда произошло нынешнее турецкое название, по-видимому не встречающееся в персидской литературе даже XVIII в.[4], неизвестно.

Первой культурной областью в бассейне Сыр-Дарьи с востока была Ферганская долина, где китайцы застали земледельческую культуру (кроме хлебопашества, было известно виноградарство) уже во II в. до н. э. По китайским сведениям, количество населения составляло всего 60 000 семейств [5]; если эта цифра близка к действительности, то в то время плотность населения в долине была крайне незначительной. Подробные сведения о стране, с перечислением главных ее округов и городов, начинаются только со времени арабского завоевания. Общее про-

---

[1] Ибн Хордадбех, 178, $_3$; Marquart, *Die Chronologie*, S. 5. Вероятно, следует читать не Jachschart, как полагает Маркварт, а Chaschart, как в рукописи Туманского ‹*Худуд ал-'алам*›, л. 24б.

[2] Marquart, *Die Chronologie*, S. 5. Главное затруднение в том, что прилагательное должно бы быть поставлено вначале, как показывают многочисленные собственные имена, сложные с *arta* (*Artakoana*, *Artaxata* и др.).

[3] Мирхонд, рук., л. 19б; лакнауское изд., 1474.

[4] В указателе к изданию Бабура те места, где говорится о «Чире», т. е. Чирчике, ошибочно отнесены к «Сыру», т. е. Сыр-Дарье.

[5] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 59.

цветание Туркестана в эпоху Саманидов отразилось и на Фергане [6]; страна была густо населена, число городов и селений с соборными мечетями доходило до сорока; селения, к которым причислялись также пастбища, отличались такой обширностью, как нигде в Мавераннахре; металлическая промышленность, создавшаяся, вероятно, под влиянием китайцев, достигла значительного развития; минеральные богатства разрабатывались лучше, чем теперь. В то же время, однако, рассказы арабских географов о Сыр-Дарье и ее притоках, о местоположении городов и селений, о их сравнительной величине и т. п. ясно показывают, что для орошения в то время, как и в эпоху Тимуридов, пользовались исключительно или почти исключительно водой притоков Сыр-Дарьи; огромных каналов, выведенных из Кара-Дарьи и Нарына, в то время не было. В этом отношении Фергана в том виде, как ее застали русские, всецело была создана заботами кокандских ханов XIX в.

В северной части Ферганы больше всего пользовались для орошения водой Касан-сая. Здесь находились древнейшие известные нам исторические центры Ферганы, города Касан и Ахсикет; последний еще в X в. оставался главным городом Ферганы, хотя жизнь уже тогда постепенно переходила в местности к югу от реки. Об Ахсикете X в. известно, что в шахристане и рабаде было много каналов и хаузов, причем хаузы были выложены жженым кирпичом и известью. У каждых ворот внешней стены были густые сады; каналы протекали еще на 2 фарсаха за городом. Против города, на левом берегу Сыр-Дарьи, были только луга и пастбища; дальше на 1 день пути простирались пески [7].

Бабур говорит об «Ахси» [8] (форма Ахсикет и тогда была известна только из книг) как о самой сильной крепости и втором по величине городе Ферганы. Город пользовался той же рекой, как Касан, т. е. Касансаем; крепость была окружена глубокими оврагами (*джӣр*), заменявшими ей ров (*хандак*). Любопытна подробность, что между крепостью и населенными кварталами города тогда было большое расстояние (один шар'и — около 2 верст), вследствие чего об Ахси сложилась поговорка: «Где деревня? Где деревья?». Ахсийские дыни казались Бабуру лучше всех других. Правый берег реки в Фергане был степной, левый покрыт древесными зарослями; на правом берегу охотились на антилоп, на левом — на оленей, маралов, фазанов и зайцев [9].

Наманган, нынешний главный город северной части Ферганы, еще в XVII в. был только деревней в окрестностях Ахси [10]; по словам В. П. Наливкина, он впервые упоминается в вакуфном документе 1053/1643 г.,

---

[6] Сведения арабских географов о Фергане приведены в моем *Туркестане*, ч. II, стр. 155 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 212—221>.

[7] Ибн Хаукаль, 394; о хаузах Макдиси, 271.

[8] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-нāме* (часто, напр., л. 387а): Акси.

[9] *Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, лл. 4б—5а.

[10] Махмуд ибн Вели, л. 108б.

но только в документе 1172/1758 г. впервые говорится о Наманганском вилайете [11].

О Янги-арыке известно, что работы по проведению его начались около 1235/1819 г. при кокандском хане Омаре; день, когда впервые потекла вода по вновь вырытому арыку, был для населения большим праздником [12]. Память об Ахси как главном городе этой части Ферганы сохранилась до сих пор; кара-киргизы в долине Таласа и теперь еще говорят об уехавшем в Фергану: «Он находится в Ахси» [13]. Исследование местности, произведенное в 1885 г., показало, что река здесь размывает свой правый берег и уже уничтожила значительную часть старой крепости [14].

На юге Сыр-Дарья, кроме Хуршаба (Куршаба), принимала в то время еще два притока: реку Оша, или Уреста [15], и реку Куба. Под первой, конечно, разумеется Ак-Бура; вопрос о реке Куба требует особого исследования; необходимо выяснить, как распределялась вода Аравана, Абшира и Исфайрама в то время, когда не было Шарихан-сая, и откуда могло получать воду селение Куба, ныне Кува, в то время, когда оно было большим городом.

Куба в X в. была вторым городом Ферганы; воды и садов здесь даже было больше, чем в Ахсикете; по Макдиси, Куба превосходила Ахсикет и по пространству, так что собственно должна была быть признана главным городом Ферганы. Процветание Куба, однако, было непродолжительно, и после X в. мы о ней уже не имеем сведений как о городе [16]. Бабур уже не причисляет Куба к городам Ферганы и упоминает о ней только при изложении исторических событий, как о селении в 4 агачах (фарсахах) от Андижана. Протекавшую мимо Куба речку (Кара-су) нельзя было перейти вброд; на речке был тогда мост; при переправе через него провалились люди, лошади и верблюды [17]. Чем был вызван быстрый упадок города, неизвестно; рассказ Даулетшаха о «пяти братьях из Куба»

---

[11] Наливкин, *История Кокандского ханства*, стр. 24. Мухаммед-Вефа Кермينеги (*Туҳфат ал-ҳāнӣ*, л. 150б) говорит о городе Намангане в рассказе о событиях 1755 г.

[12] Наливкин, *История Кокандского ханства*, стр. 29 и сл.

[13] Каллаур, *Древние местности*, стр. 9.

[14] ОАК, 1882—1888 г., стр. LXX; Лыкошин, *Очерк археологических изысканий*, стр. 30 (изложение статьи Брянова в ТВ); И. А. Кастанье в ИТОРГО, т. 8, отд. отт., стр. 1—22. <так в первом издании; по-видимому, имеется в виду статья Кастанье *Историко-этнографическая поездка*. О городище см. также: Бернштам, *Историко-археологические очерки*, стр. 244—247, план городища — рис. 102; Чуланов, *Городище Ахсыкет*.>

[15] Об этих названиях см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 159; <наст. изд., т. I, стр. 216>.

[16] <План городища Кува см. Жуков, *Обследование*. В Куве раскопаны остатки буддийского храма VII—VIII вв. с большой статуей Будды (Булатова-Левина, *Буддийский храм*).— Город продолжал сохранять значение крупного центра и в XI—XII вв.>

[17] *Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 16б.

и их борьбе с газневидским султаном Махмудом [18] не подтверждается никакими более ранними источниками и имеет чисто легендарный характер.

Дольше процветала городская жизнь на Ак-Буре. Главным городом этой местности был в X в. Ош, третий по величине город Ферганы, орошенный большим числом многоводных протоков. Рядом с ним упоминается Андукан, или Андижан, но только как селение; большой город возник здесь только в монгольскую эпоху, во второй половине XIII в., причем основание его приписывается ханам Хайду и Туве. Источником орошения была река Ош, т. е. Ак-Бура; вода была введена в город с юга девятью каналами (*тарнау*), вся расходовалась в городе и ни с какой стороны из него не выходила. Магистральный арык назывался Хаканским (место Хакан находилось к югу от города; южные ворота последнего также назывались Хаканскими); это был многоводный арык, через который было трудно переправляться; Бабур считал особой милостью божьей, что его отряд, спасаясь бегством от врагов, подошел к арыку как раз в месте переправы, так что не пришлось задерживаться для отыскания брода; после этого беглецы «по холмам» поскакали к Ошу [19]. Стена города была окружена рвом, на противоположном берегу рва проходила выложенная камнями большая дорога (*шахрах*), за дорогой находились махалля (загородные кварталы). Как и Ахсикет, Андижан славился своими плодами — дынями, изюмом и особенно грушами [20].

Обильно орошена была при Бабуре и вся долина Ак-Буры как в Оше, так и на пространстве 4 агачей (фарсахов) между Ошем и Андижаном. Город Ош тогда находился к западу от горы Беракух (ныне Тахт-и Сулейман); у подножия горы, между ней и городом, была мечеть; с горы низвергался большой ручей (*шахджуй*); внешний двор мечети представлял площадь с тремя прудами (туда, очевидно, стекала вода ручья) и тенистыми деревьями, где отдыхал всякий путник; каждый, кто раз там ночевал, брал с собой воду из ручья. По обоим берегам Ак-Буры до Андижана тянулись сады, обильно орошенные, со множеством фиалок, тюльпанов и роз [21].

К северу от Оша при Бабуре [22] был *орчин* Рабат-и Серхенг ('Караван-сарай военачальника'); по рассказу одного из историков XV в.[23], этот городок (*касаба*) был основан при Тимуре его сыном Омар-шейхом для пленных, выведенных из города Кашгара. Может быть, от этих переселенцев получило название селение Кашгар в 10 верстах от Оша.

Узгенд на Кара-Дарье в X в. равнялся по величине $^2/_3$ Оша; река протекала мимо ворот города; через нее приходилось переправляться

---

[18] Даулетшах, изд. Броуна, 174 и сл., с ссылкой на Насир ад-дина Туси (XIII в.).

[19] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, лл. 106а—107б.

[20] Там же, л. 2а.

[21] Там же, лл. 2б—3а.

[22] Там же, л. 66б.

[23] Мусеви, *Та'рих-и хайрат*.

вброд, так как моста не было; вода была введена в город (посредством канала) и проведена во все его кварталы. С XI в. город приобрел большое значение; в первой половине XI в. в нем жили владетели всего Мавераннахра, впоследствии владетели Ферганы [24]; главным городом этой области город оставался до возвышения Андижана. До сих пор в нем остались некоторые постройки этой эпохи; но о том, были ли произведены в то время на Кара-Дарье какие-нибудь оросительные работы, сведений нет. При Бабуре Узгенд не причислялся даже к городам Ферганы, хотя еще помнили, что он некогда был столицей области, и хотя в нем еще сохранялись воздвигнутые в ту эпоху укрепления [25].

Речки Шахимардан, Сох и Исфара до Сыр-Дарьи и в X в., по-видимому, не доходили и всецело расходовались на орошение пашен. Деления на рустаки в Фергане, насколько можно судить по сочинениям арабских географов, не было; но не приводится также местный термин, которому соответствует арабское слово *кура* [26] ('округ'), употребляемое географами при описании Ферганы. Почти все культурные земли от западной границы Ферганы до Ак-Буры и от выхода из гор до Сыр-Дарьи разделялись на два округа: Верхнюю Несью, с Хокандом, Риштаном и др., и Нижнюю Несью, с Маргинаном, Андуканом и другими. Трудно решить, какой принцип был положен в основу этого деления. Центром всей местности к западу от Андижана и Оша и к югу от Сыр-Дарьи постепенно сделался Маргинан. В X в. он был еще незначительным городом по сравнению с Риштаном; в XII в. Риштан был только деревней в окрестностях Маргинана, и автор *Хидāи*, происходивший из Риштана, мог называть себя маргинанским. При вступлении на престол Бабура были назначены хакимы в Андижан, Ош, Ахси и Маргинан [27]. В документе Омар-шейха, отца Бабура, упоминается о маргинанском *орчине* [28].

Название Сох в то время носил не горный кишлак, как при Бабуре и теперь, но город на большой дороге из Ходженда в Ош, вероятно на месте нынешнего Сары-кургана. В этой местности было до 60 деревень, иногда выделявшихся в особую *куру*; очевидно, уже тогда существовал «Сохский веер». Хоканд упоминается как город, но нигде не описывается;

---

[24] Об этом Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 157, 281 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 213, 329 и сл.>.

[25] *Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 104а. <Об архитектурных памятниках Узгенда (ныне Узген) см. Бернштам, *Архитектурные памятники Киргизии*, стр. 46—85; о самом городище: Бернштам, *Историко-археологические очерки*, стр. 253—262 (там же план); Заднепровский, *Археологические работы в 1954 г.*, стр. 214—246.>

[26] Макдиси употребляет это слово в другом смысле, чем Ибн Хаукаль, и объединяет в одну *куру* всю Ферганy. В Вавилонии (Ираке) кура была самой крупной территориальной единицей (Ибн Хордадбех, 5 внизу). Самое слово, как известно, сближают с греческим *chora*.

[27] *Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 18а.

[28] Мелиоранский, *Документ*, стр. 03.

Бабур говорит только о «хоканском» *орчине* [29]; новый город «Кокан», как его называли первоначально [30], возник только в XVIII в. как местопребывание беков, впоследствии принявших ханский титул.

Название Исфара в X в. прилагалось только к горному округу; города с этим названием еще не было. Бабур описывает Исфару как главный город вилайета, разделявшегося на четыре бюлюка: Исфара, Варух, Сох и Хушьяр [31], т. е. к Исфаринскому вилайету причислялись и верховья Соха. В Варухском ущелье сохранилась арабская надпись 1041 г., не вполне разобранная, где, по-видимому, говорится о каких-то оросительных работах [32].

Перечисления *орчинов*, на которые разделялась Фергана в монгольскую эпоху, в известных мне источниках нет. Несмотря на основание нового большого города (Андижана), Фергана эпохи Тимуридов была гораздо более бедной страной, чем Фергана Саманидов; область при Бабуре «при справедливом управлении» могла содержать военный отряд в 3000—4000 человек [33]. В XVII в. «Андижан», как по главному городу называли и всю область (слово «Фергана» употреблялось только в книгах), большею частью находился под властью киргизских [34] султанов; непосредственно перед возвышением новой узбецкой династии власть принадлежала местным ходжам, столицей которых был Чадак [35]; было ли ими сделано что-нибудь для восстановления благосостояния области и проведения новых каналов, неизвестно. Заслуги кокандских ханов в том и другом отношении, как показывает сравнение Ферганы второй половины XIX в. с Ферганой Бабура, чрезвычайно велики; но исторические сведения об этой стороне их деятельности, если такие сведения вообще существуют, еще не приведены в известность.

Город Ходженд [36], единственный большой город на левом берегу Сыр-Дарьи, то, как при Бабуре, причислялся к Фергане, то, как в X в. и в настоящее время, имел особое управление. По середине города протекал арык, выведенный, по всей вероятности, не из Сыр-Дарьи [37], а из

---

[29] *Бабур-наме*, лл. 25а и 103б.

[30] Форма «Кокан» не произошла от искажения названия «Коканд» русскими: Мухаммед-Вефа Керминеги в *Тухфат ал-ханй* (напр., л. 39б) также пишет Кокан. Старое название Хоканд, вероятно, было восстановлено потом книжными людьми.

[31] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 3б.

[32] Бартольд, *Текст первой надписи*, стр. 46. <Поправки к чтению В. В. Бартольда: Иностранцев, *К толкованию*, стр. 555. Об археологическом исследовании района Исфары: Давидович—Литвинский, *Археологический очерк* (о средневековье особенно стр. 174—203); в приложении имеется сообщение С. Б. Певзнера о второй, более ранней надписи, которую пока не удалось прочитать.>

[33] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 5б. [34] <Казахских.>

[35] Ниязь-Мухаммед, *Та'рих-и Шахрухй*, 18 и сл.

[36] О нем и других местностях бассейна Сыр-Дарьи Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 165 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 221 и сл.; см. также, Маджи, *К истории*>.

[37] Так по ошибке в кн.: Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 165; <наст. изд., т. I, стр. 221; исправлено со ссылкой на данное примечание>.

Ходжа-Бакыргана. Город занимал в длину большее пространство (около фарсаха), чем в ширину; в нем было много садов, но деревень в его окрестностях было немного, и хлеб приходилось привозить из Ферганы и Сутрушаны. Из плодов при Бабуре особенно славились гранаты, вошедшие в поговорку, наравне с самаркандскими яблоками; но Бабур отдает предпочтение гранатам маргинанским. К Ходжендскому округу причислялся городок Кенд, у Бабура Кенд-и Бадам, ныне Канибадам, славившийся миндалем (отсюда и его название), вывозившимся оттуда в разные страны, по Бабуру—до Персидского залива и Индии. Между Ходжендом и Кенд-и Бадамом простиралась степь Ха-дервиш (рассказывали, что в степи когда-то заблудились несколько дервишей и погибли, призывая друг друга: «Эй, дервиш!» [38]).

К Ходженду с запада примыкала область Сутрушана, или Усрушана, в состав которой входили все земли к югу от Голодной степи до Гиссарского хребта, со включением долины верхнего Зеравшана. Центром области всегда была долина Шахристан-сая. Бабур считал слово «Усрушана» первоначальным названием города Ура-Тюбе, расположенного при выходе этой речки из гор [39]; как археологические данные, так и письменные известия указывают на селение Шахристан, в 25 верстах южнее, как первоначальную столицу области. В X в. город, подобно большому селению в долине Зеравшана, назывался Бунджикетом, или Пянджикетом. Город и его предместья орошались шестью протоками; общий исток их находился на расстоянии менее $^1/_2$ фарсаха от города; число населения доходило до 10 000 душ обоего пола. К северу от него шли еще 5 фарсахов по речной долине; как по правой, так и по левой стороне по склонам гор были селения. О том, когда опустел Шахристан и вместо него получил главное значение город Ура-Тюбе, сведений нет [40].

От выхода речки из гор считали 2 фарсаха до Сабата и еще 2 фарсаха до Замина, второго города области; город стоял на обоих берегах речки, соединенных между собой небольшими мостами; рядом с ним в X в. были развалины старого (домусульманского) города. Третьим по величине городом был Дизак (Джизак); здесь были рабаты на границе со степью; один из них, рабат Худайсер, на расстоянии фарсаха от города, был построен в IX в. знаменитым Афшином; в середине его был ключ, из которого била вода; за ним (т. е. к северу от него) рабатов больше не было. Самостоятельный источник, которым пользовались для орошения садов, был также в Сабате.

В литературе о Туркестане часто возбуждался вопрос о том, была ли прежде орошена Голодная степь; приводились местные предания о густой

---

[38] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 4а-б

[39] Там же, л. 8а. <Об исторической топографии Усрушаны см.: Негматов, *Историко-географический очерк Усрушаны*; его же, *Усрушана*>.

[40] Шахристан в XVI в. считался одной из «известных деревень» при Ура-Тюбе (Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 267а).

оросительной сети и сплошной культурной полосе между Чиназом (собств. Чинасом) и Джизаком; указывали даже на следы древних каналов, проведенных из Сыр-Дарьи или из Зеравшана. История, по-видимому, не подтверждает этих предположений. Пространство между Чиназом и Джизаком было степью и в домусульманское время, в 630 г., когда здесь проезжал китаец Сюань Цзан [41], и при арабских географах X в., и в 1221 г., во время путешествия другого китайца, Чан-чуня [42], и в эпоху Тимура, когда к западу от Шахрухии в степи, простиравшейся на 200 ли (около 100 верст), было только несколько колодцев с негодной для питья соленой водой [43], и в 1579 г., во время похода хана Абдуллы [44].

На существование рукава или канала из Сыр-Дарьи в восточной части Голодной степи есть только некоторые намеки. Так, в одной редакции труда Макдиси говорится о рукаве [45] Сыр-Дарьи, доходившем до местности между Усрушаной и Ходжендом [46]; Ибн-Хаукаль даже сообщает, что жители Замина пользуются водой шашской реки, т. е. Сыр-Дарьи [47]. Никаких подробностей, которые бы подтверждали существование такого канала или рукава, в источниках нет; напротив, есть известие, что дорога между Замином и Хавасом проходила по пустыне [48].

Для состояния орошения в XVI в., при Абдулле, характерен рассказ о походе Абдуллы в 1578 г. из Джизака к Замину. У последней остановки до Замина, в месте Ачик, Абдулла получил известие, будто враги овладели «водой Замина» и там расположились; военачальники тогда посоветовали Абдулле остаться в Ачике, чтобы войску, истомленному жаждой после перехода через пустыню, не пришлось встретить врага, полного свежих сил и располагающего достаточным запасом воды. По проверке, однако, оказалось, что враги не приняли никаких мер для преграждения доступа к воде, и Абдулла поспешил «по неизвестной прежде дороге», через ущелье Валь, отправить отряд для овладения водой [49]. На пути между Джизаком и Сабатом (не через Замин) упоминается еще Яилма, как «приятное место, с водой и [хорошим] воздухом» [50]. Любопытно еще, что в рассказе о походе Абдуллы 1580 г. упоминается «берег протока

---

[41] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 18.

[42] Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 487; <наст. изд., т. I, стр. 518>.

[43] Ср. китайские известия у Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 254. <Для этого времени 1 ли=1/3 версты; см. наст. изд., т. I, стр. 134, прим. 7.>

[44] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 259в.

[45] В тексте *халидж*, что обыкновенно значит 'залив', но иногда тоже и 'большой рукав реки': так, в хивинской истории Кок-Узяк постоянно называется *халиджем*.

[46] Макдиси, 22, прим. *т*.

[47] Ибн Хаукаль, 381.

[48] Ибн Хордадбех, текст, 27; Кудама, текст, 204. Судя по приведенному у де Гуе тексту Абу-л-Фида, у Ибн Хордадбеха говорилось тоже о степи между Хавасом и Сыр-Дарьей.

[49] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 220б и сл.

[50] Там же, л. 308а.

(*джуй*) мирзы», как первая остановка на пути от берега Сыр-Дарьи (несколько южнее Шахрухии) к Науганды и Ура-Тюбе [51].

Долины Ангрена и Чирчика и в X в., как теперь, были самой цветущей местностью в бассейне Сыр-Дарьи. Река Ангрен в источниках домонгольской эпохи называется только «рекой Илака», по имени орошавшейся ею области; название Ахенгеран ('Железных дел мастера') появляется только в монгольский период (Ангрен — позднейшее искажение, не встречающееся в письменности) [52]. Один из новейших исследователей полагает, что речная долина получила такое название вследствие развития железной промышленности; до сих пор здесь «часто попадаются массы шлака» [53]. Оба истока Чирчика, Пскем и Чоткал, уже в X в. носили свои нынешние названия (у арабов Бискам и Джидгиль), самая река еще сохраняла свое иранское название Парк, или Парак; турецкое название Чир, откуда уменьшительное Чирчик, появляется в эпоху Тимура; рядом с ним старое иранское название еще долго употреблялось книжными людьми и встречается еще в *ʿАбдулла-нāме* [54], хотя там же чаще употребляется турецкое название. Несмотря на то, что источником культуры в области Чач, или Шаш [55], был почти исключительно Чирчик, «Шашской рекой» называли не Чирчик, а Сыр-Дарью.

Культурная полоса Чирчика и Ангрена составляла, как и теперь, одно целое; иногда ко всей этой полосе, со включением Илака, т. е. долины Ангрена, прилагалось название Шаш (так, серебряный рудник на Ангрене, против нынешнего Аблыка, на монетах часто называется рудником Шаша) [56], но большею частью так называли только область, расположенную к северу от Илака. Культурные земли Шаша и Илака вместе занимали пространство в 3 дня пути в длину и в 2 дня в ширину; границей служили река Сыр-Дарья, «Железные ворота» в степи Калас, горы и христианское селение Винкерд [57]. Последнее, очевидно, находилось у юго-западного конца культурной полосы, так как к Винкерду подходила дорога через степь из Джизака [58]. Данные об этой дороге показывают, что она достигала Сыр-Дарьи южнее устья Чирчика и некоторое время сле-

---

[51] Там же, л. 283а.

[52] <Археологическому обследованию Ахенгерана и его исторической топографии посвящена специальная работа: М. Массон, *Ахангеран.*>

[53] Андреев, *Местности Туркестана*, стр. 23.

[54] Напр., л. 253а.

[55] Первоначальное местное произношение, очевидно, Чач; на это указывает правописание персидских источников и китайская транскрипция Чжеши. Буквой *ш* арабы вообще часто передавали звук *ч*, которого в арабском письменном языке нет. Впоследствии слово исчезло из народной речи и употреблялось исключительно в литературе, чем и объясняется вытеснение народной формы книжною.

[56] <М. Е. Массон считает, что рудник связан с Карамазарским районом, но локализировать его затрудняется (*Ахангеран*, стр. 76).>

[57] Ибн Хаукаль, 384.

[58] Там же, 399.

довала по левому берегу последнего, причем, однако, как место впадения Чирчика в Сыр-Дарью назван не Винкерд, а другое селение — Неджакет, или Унджакет [59]. Ввиду этого не невозможно, что в состав Шаша, сверх местности, орошенной Чирчиком, входила также узкая полоса на левом берегу Сыр-Дарьи, орошенная водой этой реки, и что здесь находился Винкерд [60]. Этот вопрос, конечно, может быть разрешен только путем исследования местности. После X в. сведений о христианском селении больше нет.

Нигде в Мавераннахре не было на небольшом пространстве такого числа городов, как в Шаше и Илаке. Данные о сравнительной величине городов и о расстояниях между ними показывают, что в X в. главный город области, носивший тогда название Бинкет, находился на месте Ташкента; турецкое название Ташкент встречается уже в XI в. у Бируни [61]. Когда возник Бинкет и можно ли его считать тожественным с главным городом домусульманского периода, Тарбендом [62], неизвестно; о местоположении Тарбенда, который географами X в. уже не упоминается, нет никаких сведений. Источники не дают также материала для изучения исторической топографии Ташкента, особенно для определения времени, когда проведены существующие теперь каналы. Известно [63], что при халифе Му'тасиме (833—842) по просьбе жителей Шаша для их области был вырыт большой канал; но ни о названии канала, ни о его направлении сведений не имеется. Известно, что в Бинкете вода была проведена как в шахристан, так и в рабад; но о том, как распределялась вода по каналам, где было место их истока, не говорится. В истории Абдулла-хана говорится о «саде Кайкауса» в окрестностях города; там большею частью жили ташкентские султаны [64]. Из этого можно заключить, что арык Кайкаус при Шейбанидах уже существовал. В вакуфном документе ходжи Ахрара (XV в.), кроме «городского арыка» (*джӯ-йи шахр*), упоминается еще несколько других, между прочим Рудек, причем в копии документа (оригинал не сохранился) под этим словом другой рукой написано «Салар» [65]; вопрос о том, насколько правильно это мнение неизвестного лица, пользовавшегося документом, мы оставляем открытым. Данные о внешнем виде города в X в., по-видимому, не указывают на какое-либо сходство города того времени с нынешним (цитадель с двумя воротами, шах-

[59] О нем статья Вяткина, *Где искать Визд?*

[60] Мнение В. Л. Вяткина (там же, стр. 159), «что следы Винкерда следует искать не в самом устье Чирчика, а дальше, т. е. севернее, по левой стороне его», безусловно опровергается текстом Ибн Хаукаля.

[61] *Индия*, пер. Захау, I, 298.

[62] О Тарбенде как местопребывании «царя» Шаша говорит Балазури, 421. <С. Г. Кляшторный (*Кангюйская этно-топонимика*) отождествляет Тарбенд с Отраром.>

[63] Табари, III, 1326; Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 83 и сл.

[64] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-нāме*, лл. 227б, 251б и 297б.

[65] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 263, прим. 4.

ристан с тремя, две концентрических стены рабада с 10 воротами во внутренней, с 7 во внешней). Во время осады города в 1580 г. упоминаются ворота Кукчинские и Самаркандские, сохранившие свое название до сих пор; рядом с ними названы не существующие теперь ворота Паркетские (Паркентские) и «новые» ворота, называвшиеся Ригистанскими [66]; других ворот город тогда, по-видимому, не имел. Религиозные святыни города, происхождение которых относится к средним векам, находятся в его северной, Шейхантаурской части, получившей название от мусульманского святого XIV в.[67]; кроме того, показывают могилу ученого X в. Абу Бекра Каффаля; этот мазар считался в XV в. глухим местом, куда даже днем было страшно приходить одному [68]. Вообще ташкентские мазары находились на большом расстоянии один от другого [69].

Ташкент в 1580 г. оказал Абдулла-хану упорное сопротивление. Приближенные посоветовали хану построить плотину у выхода канала из крепости; земля в этом месте была мягкая, место при выходе канала было высоко расположено; предполагалось, что если поднять уровень воды еще выше, она легко разрушит в этом месте башню и стены. Плотина была построена у западной стены крепости, но не произвела того действия, как ожидали; повреждения стены были исправлены жителями; с другой стороны, вода наводнила пространство около города и этим преградила осаждавшим доступ к нему; перед приступом пришлось разрушить плотину, чтобы вновь высушить почву; но успеху приступа все-таки способствовала произведенная водою брешь [70].

Второй и третий по величине города Шаша, Харашкет и Шутуркет (или Уштуркет), находились в местности по Чирчику ниже Ташкента, Харашкет — южнее реки, Шутуркет — севернее. После монгольского нашествия этих городов уже не было [71], и вообще городская жизнь в долине Чирчика была распространена гораздо меньше, чем прежде. Кроме Ташкента, Чинаса (Чиназа), впервые упоминаемого в истории Тимура, и, может быть, Паркента (о значении этого города свидетельствуют назван-

---

[66] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 298а.

[67] Шейхантаур — искажение слов «Шейх Хонд-и Тухур» ('шейх — господин чистоты'). Этот святой был сыном шейха Омара Багистани, ученика умершего в 698/1298 г. шейха Хасана Булгари (*Рашахат*, рук. Аз. муз., л. 163).

[68] Там же, л. 174а.

[69] Там же, л. 173б.

[70] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 360а и сл. При пользовании этим рассказом необходимо иметь в виду, что цитадель до кокандского завоевания находилась, по-видимому, в другом месте, чем потом. По крайней мере Филипп Назаров (рассказ его приведен А. И. Добросмысловым, *Ташкент*, стр. 38 и сл.) отличает построенный кокандцами «замок» от замка прежнего владетеля, где в его время были видны «одни груды камней». (Очерк истории и топографии Ташкента см. М. Массон, *Прошлое Ташкента.*)

[71] (О местоположении этих городов см. М. Массон, *Ахангеран*, стр. 33, рис. 23 (карта Ахангерана X в.).)

ные его именем ворота в Ташкенте) на Чирчике, его протоках и каналах были только селения; одно из них, Ширза, находилось около переправы через Чирчик, на месте Куйлюка [72].

Название области Илак не встречается ни в китайских источниках, ни в истории арабского завоевания; по-видимому, долина Ангрена в домусульманскую эпоху составляла в политическом отношении одно целое с долиной Чирчика; при исламе, однако, на Ангрене дольше, чем на Чирчике, сохранила господство земледельческая аристократия и ее главный представитель, «дихкан» области. Илакский дихкан при Саманидах не имел уже политической власти, но в XI в. воспользовался падением династии, чтобы восстановить свою власть и чеканить свою монету [73]. Этим, вероятно, объясняется, почему на Ангрене особенно много тех «жилых курганов» [74], в которых теперь склонны видеть остатки «замков дихканов» домусульманской эпохи и первых веков ислама [75].

Местоположение главного города Илака, Тункета, по величине значительно уступавшего Бинкету, до сих пор не определено [76]. По-видимому, город скоро после XI в. перестал существовать; кроме построенной уже при кокандских ханах крепости Кереучи, городская жизнь на Ангрене сохранялась в последующие века только при устье этой реки. Здесь, на правом берегу Сыр-Дарьи, в домонгольскую эпоху был город Бенакет, по преданию разрушенный Чингиз-ханом; Тимур в 1392 г. восстановил город и назвал его по имени своего сына Шахрухией [77]; по Ибн Арабшаху, в том же месте был построен на Сыр-Дарье мост из судов [78]. Шахрухия продолжала существовать и в последующие века, по крайней мере до XVII в., и имела большое стратегическое значение; с одной стороны ее защищала река Сыр-Дарья, с другой — широкие рвы, через которые трудно было перейти [79]. О том, как была проведена к крепости вода, письменные источники не говорят, и всеми данными об этом мы обязаны

---

[72] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 263 и сл.; Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-нāме*, л. 258б.

[73] Данные об этом в моем *Туркестане*, ч. II, стр. 243, 327; ‹наст. изд., т. I, стр. 292, 370›. О монетах илакского дихкана см. Марков. *Инвентарный каталог*, стр. 218 и сл.

[74] Андреев, *Местности Туркестана*, стр. 23.

[75] Е. Смирнов, *Развалины города Канки*, стр. 178.

[76] ‹Городище Тункета, носящее у местного населения название Имлак, исследовано М. Е. Массоном. Оно расположено на левом берегу Ангрена, у кишлака Сарджайляк. См. М. Массон, *Ахангеран*, стр. 82—93, план городища на стр. 89.›

[77] Шереф ад-дин Йезди, II, 636.

[78] Ибн Арабшах, каирск. изд., 38.

[79] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-нāме*, л. 359а. Эти слова почти буквально списаны из сочинения Абд ар-Раззака (рук., л. 225б), с той разницей, что, по Абд ар-Раззаку, река защищала крепость с трех сторон, с четвертой стороны были рвы. О нынешнем состоянии развалин есть статья (с планом) Кастанье, *Отчет*.

русским исследователям, лично осматривавшим сохранившееся до сих пор городище [80]. Из селений долины Ангрена до сих пор сохранил свое название Пскент, Бискет арабских географов; недалеко от него было селение Самсирек, существовавшее еще при Бабуре [81]. В истории хана Абдуллы упоминаются еще некоторые другие крепости в «ангренском тюмене» [82].

До воцарения Саманидов на Чирчике оканчивались владения мусульман; арабские отряды заходили на северо-восток значительно дальше, но не могли прочно подчинить себе страну. Для защиты культурной полосы Чирчика от нападений турецких кочевников был выстроен длинный вал от гор до Сыр-Дарьи; остатки этого вала сохранились до сих пор, хотя полного описания его еще нет. Название степи Калас, расположенной за валом, по-видимому, тожественно с названием реки Келес, которая в арабской географической литературе не упоминается. В начале XV в. на Келесе во всяком случае уже было земледелие; там были пашни отца ходжи Ахрара [83]. В *'Абдулла-наме* берега Келеса описываются как цветущая местность [84]; на пути к Келесу с юга упоминается «вода, составлявшая ветвь отцовского арыка» (Ата-арыгы [85]). Упоминается также Шарабхана как «известная» местность в окрестностях Ташкента [86].

Местоположение «Железных ворот», находившихся у северных границ Шаша, с точностью не определяется, как вообще до сих пор не поддаются объяснению несколько сбивчивые и противоречивые сведения арабов о пути из Шаша в «Исфиджаб» и лежавших на этом пути селениях. Самая область Исфиджаб, завоеванная в 840 г. Саманидом Нухом, несомненно соответствует долине Бадама и его притоков. Город Исфиджаб, по мнению мусульманских авторов (начиная с XVI в.), находился на месте Сайрама [87], хотя есть также известие, что Исфиджаб был селением «между Ташкентом и Сайрамом» [88]. Земледельческая культура и здесь была еще до мусульманского завоевания; говорится, что Нух тотчас после завоевания области построил стену вокруг виноградников и пашен

---

[80] По Е. Т. Смирнову (*Древности*, стр. 134), город находился «в устье долины Гижигена, по которой шел левый проток реки Ангрена»; к городу был проведен арык Шаркия, голова которого находилась «близ селения Юбилек, у разделения р. Ангрена на протоки». У Костенко (*Туркестанский край*, т. I, стр. 262) рукав Ангрена назван Каджигеном.

[81] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, лл. 98б, 100а; ⟨см. М. Массон, *Ахангеран*, стр. 33.⟩

[82] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 358а.

[83] *Рашахат*, рук. Аз. муз., л. 173а.

[84] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 255б.

[85] Там же, л. 296б.

[86] Там же, л. 448б.

[87] Мухаммед-Хайдер, 171; Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 326а.

[88] *Рашахат*, рук. Аз. муз., л. 12а; текст издан К. Г. Залеманом (*Легенда про Хаким-Ата*, стр. 141).

жителей [89], т. е. мусульмане во вновь завоеванной ими местности прибегли к тому же средству для защиты культурной полосы от кочевников, как раньше на Зеравшане и Чирчике. Следов этого вала, насколько до сих пор известно, не сохранилось. Из географических пунктов, упоминаемых географами X в., только одно селение, Джумушлагу, до сих пор сохранило свое старое название [90].

Название Сайрам встречается только в монгольскую эпоху, впервые в описании путешествия Чан-чуня. Незадолго перед тем Исфиджаб, Шаш и северная часть Ферганы были опустошены хорезмшахом Мухаммедом, который не оказался в состоянии защитить эти области против среднеазиатского владетеля Кучлука и был вынужден их очистить, причем увел с собой население [91]. Рассказы об этом арабских авторов, Ибн ал-Асира и Якута, по-видимому, несколько преувеличены; по крайней мере Чан-чунь описывает край как довольно культурную местность; трудно было бы восстановить здесь культурную жизнь в такое короткое время (хорезмшах очистил области за Сыр-Дарьей в 1214 г., путешествие Чан-чуня относится к 1221 г.).

Есть известие, что в конце XIII в. Сайрам, или Кары-Сайрам, т. е. «старый Сайрам», был значительным городом; он будто бы имел до 40 ворот и простирался на целый день пути; но это были только слухи, переданные персидским автором, хотя и с ссылкой на слова «очевидцев» [92]. Во всяком случае Сайрам почти до последнего времени оставался главным поселением в местности по Бадаму и его притокам. Чимкент, или Чимикент, впервые упоминается в истории Тимура как «селение около Сайрама» [93]; о Чимкенте как о городе впервые говорят русские источники в 1735 г.[94]; по-видимому, он возник незадолго перед тем, так как еще в 1723 г., во время завоевания края калмыками, «городом» этой местности считался Сайрам [95].

Ниже Исфиджаба по Арысу были две области — Кенджида с городом Субаникетом, или Арсубаникетом, и Параб, или Фараб [96], с городом Кедером; рядом с последним с конца X в. упоминается город, носивший название области, и этот город Фараб отожествляется с Отраром, городом, существовавшим еще при узбеках. О Субаникете известно только,

---

[89] Балазури, 422.

[90] Об этом мой *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 10.

[91] Об этом Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 396; ⟨наст. изд., т. I, стр. 433⟩.

[92] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, 13.

[93] Шереф ад-дин Йезди, I, 166.

[94] Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области*, стр. 183. ⟨О Сайраме также: Иванов, *Сайрам*; его же, *К вопросу об исторической топографии*; М. Массон, *Старый Сайрам*.⟩

[95] Веселовский, *Посольство Унковского*, стр. 102 и 193.

[96] Буква *ф* у арабов часто передает звук *п*, которого в арабском языке нет. И здесь, как в Шаше, книжная форма постепенно вытеснила правописание, более близкое к народному произношению.

что он находился на полдороге между Исфиджабом и Кедером; после X в. он больше не упоминается. Область Фараб [97] занимала небольшое пространство, около дня пути в длину и в ширину, на обеих сторонах Сыр-Дарьи; главный город, Кедер, был на правом побережье, на расстоянии $^1/_2$ фарсаха от реки; на левом берегу был город Весидж, на самом берегу Сыр-Дарьи, несколько ниже [98] Кедера, в 2 фарсахах от него. Несмотря на то что географы первой половины X в. знают только Кедер и Весидж и не говорят ни слова о городе Фарабе, Макдиси уверяет, что Кедер был новым городом, возникшим после Фараба; более правдоподобно, что новым городом должен быть признан Фараб, или, как его называли впоследствии, Отрар; расстояние между этим городом и берегом Сыр-Дарьи было более значительно (около 2 фарсахов [99]). По словам Макдиси, в городе Фарабе было до 70 000 душ мужского пола, что, конечно, преувеличено. Впоследствии, как известно, Отрар был одним из самых значительных торговых городов в Средней Азии, на главном торговом пути из Европы в Китай. О каналах, проведенных в этой местности из Сыр-Дарьи или Арыса, письменных известий нет. У Мас'уди приводится, очевидно в крайне искаженном виде, рассказ о разливах Сыр-Дарьи близ Фараба; во время половодья, в начале января (sic), река будто бы заливала пространство шириной более 30 фарсахов; деревни и поместья, расположенные на вершинах холмов, в то время были доступны только для лодок.

Весидж, где в X в. жил «сильный эмир», упоминается еще в XII в. как крепость, служившая местом изгнания; после XII в. об этом городе известий нет. Весидж был не единственным городом на левом берегу Сыр-Дарьи в этой местности; на том же берегу, выше Фараба, был город Сюткенд, развалины которого [100] видны и теперь в 2 верстах выше озера Кара-куль; через Сюткенд проходил еще Тимур зимой 1404/05 г., на пути из Самарканда в Отрар [101]. На том же пути, несколько ниже, также на левой стороне реки, было еще селение Зернук, или Уджук-Зернук [102]; в рассказе о нашествии Чингиз-хана Зернук упоминается как крепость, добровольно сдавшаяся монголам. В словаре Абу Абдаллаха Хорезми слово *зурнук* приводится среди терминов, служивших для обозначения разного рода чигирей [103]; из этого можно заключить, что крепость стояла на возвышенном месте, куда поднимали воду посредством чигиря. В настоящее время на левой стороне Сыр-Дарьи ниже устья Арыса видны еще другие развалины крепостей, как Кавган-Ата, Артук-Ата и др.; по-ви-

---

[97] О ней и областях ниже по реке см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 177 и сл.; (наст. изд., т. I, стр. 233 и сл.)

[98] Истахри, 346.

[99] Шереф ад-дин Йезди, II, 668.

[100] О них Руднев, *Заброшенный уголок*, стр. 60.

[101] Шереф ад-дин Йезди, II, 646, где по ошибке: Сункент.

[102] Там же, I, 462.

[103] Хорезми, *Мафатих*, 71.

димому, это были только укрепления кочевников, существовавшие еще в эпоху хана Абдуллы [104].

На правой стороне реки в X в. последней культурной местностью было пространство между берегом и горами Каратау, причем для орошения пользовались, конечно, многочисленными речками, вытекающими из этих гор. От Кедера на север считали 1 день пути до Шавгара и еще 1 день дальше до Сабрана, или Саурана. Из этого можно заключить, что Шавгар приблизительно соответствует нынешнему Туркестану [105]. Первоначальное название этого города, Ясы, не встречается в литературе домонгольского периода; о существовании его в XII в. свидетельствует только прозвание похороненного в нем Ахмеда Ясеви, или, как называли его турки, Ата-Ясеви [106]. Город получил большее значение, чем прежде, при Тимуре, Тимуридах и узбеках; Тимуром над могилой святого была выстроена великолепная мечеть, которой была выдана вакуфная грамота [107], где, между прочим, упоминаются орошавший город арык и ряд других арыков и протоков, в том числе Чурнак и Кош-курган. Документ заслуживал бы нового и более тщательного издания, чем имеющееся в нашем распоряжении, и подробного комментария, причем эта последняя задача, конечно, могла бы быть выполнена только лицом, хорошо знающим местность. Со второй половины XVI в. Туркестан большею частью находился под властью киргизов (казаков) и только кокандскими ханами вновь был присоединен к областям Мавераннахра; в эпоху русского завоевания он был небольшим городом (всего 3 версты в окружности [108]).

Сауран в X в. был сильным пограничным укреплением; по словам Макдиси, он был окружен семью рядами стен; здесь в первой половине X в. оканчивалась культурная местность, и дальше река протекала по степи [109]. В XI в. город, по-видимому, утратил на несколько веков свое прежнее значение; в рассказе о нашествии Чингиз-хана Сауран совершенно не упоминается; только в XVI в. о нем снова говорится как о сильной крепости с высокими стенами и глубоким рвом. Из Саурана происходил известный мусульманский святой того времени, Мир-Араб (медресе его имени в Бухаре построено в 942/1535-36 г.) [110]. Тот же святой подарил своему родному городу два кяриза, «подобных которым не видели люди, объехавшие весь мир на суше и на море», вырытые трудом 200 индийских рабов. Исток кяризов был на расстоянии фарсаха от Саурана; над ним была

[104] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-нāме*, л. 315б и сл.

[105] Так у Ле Стрэнджа (*The Lands*, p. 485). Город Шавгар, по словам Макдиси (274), находился в стороне от большой дороги.

[106] *Рашаҳāт*, рук. Аз. муз., л. 8а; Залеман, *Легенда про Хаким-Ата*, стр. 136.

[107] Текст издан в ПТКЛА, год II, стр. 75 и сл. Перевод (очень неточный) был издан раньше, Протокол от 29 авг. 1897 г. ‹ПТКЛА, год, II, стр. 1—3›.

[108] Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области*, стр. 117.

[109] По Макдиси (274), во второй половине X в. существовал еще рустак «за Сураном», но, по-видимому, небольшой.

[110] Дата у Сейид Ракима ‹*Та'рāх-и Рāкимā*›, л. 129а.

выстроена крепость, внутри крепости был прорыт колодец глубиной в 200 гязов, причем 50 гязов было от поверхности земли до уровня воды, 150 гязов составляла глубина воды в колодце; воду поднимали посредством чигиря, чигирь приводился в движение быком. Рассказчик сам, по просьбе Мир-Араба, сочинил для кяризов и для устроенного на них сада вакуфную грамоту [111].

Славой Мир-Араба, вероятно, объясняется несколько преувеличенное утверждение Хафиз-и Таныша, будто Сауран «издревле» был местопребыванием ученых. Абдулла-хан взял город в 1582 г. и принял меры для исправления каналов и восстановления земледелия, пришедшего в упадок [112]. Едва ли эти меры привели к большим результатам; местность скоро снова перешла во власть киргизов. В эпоху русского завоевания Сауран как крепость не существовал.

Горы Каратау при монголах, Тимуридах и узбеках носили название Карачук; в *'Абдулла-наме* упоминаются некоторые речки, впадавшие в Сыр-Дарью, под теми же названиями, какие они носят теперь: Бюгень (на карте Бугунь), Чаян, Арсланлык (на карте, согласно киргизскому произношению, Арыстанды [113]). Вдоль восточного склона гор, в сторону степи, также стекают несколько ручьев и также было выстроено несколько крепостей; из них Сузак и Чулак-курган существовали еще в эпоху русского завоевания. В истории Тимура, между прочим, упоминается башня Ак-Сюме ('Белая кумирня', ныне развалины Ак-Сумбе), стоявшая «на выступе гор Карачук, для наблюдения, чтобы следить за движениями в стороне кипчацкой степи» [114]. Название башни заставляет полагать, что она первоначально, до принятия поселившимися на Сыр-Дарье монголами ислама, имела связь с буддийским культом.

Ниже Саурана местность по обоим берегам реки принадлежала в X в. туркам-гузам, т. е. туркменам. Были, однако, в их земле три «мусульманских» поселения, по-видимому торговые колонии, основанные переселенцами из Мавераннахра. Главное из них, «Новое поселение» (ал-Карьят ал-хадиса по-арабски, Дих-и нау по-персидски, Янгикент по-турецки), находилось на расстоянии фарсаха от реки, в 2 днях пути от ее устья, в 10 днях от Хорезма и в 20 днях от Фараба; сюда в мирное время привозился хлеб по Сыр-Дарье. Были еще два других поселения меньшей величины — Дженд и Хувара, или Джувара [115]; о них известно только,

---

[111] Васифи, рук., л. 94а. Рассказ Васифи очень кратко передан Лерхом, *Археологическая поездка*, стр. 14; ⟨см. Болдырев, *Зайнаддин Васифи*, стр. 161, а также перевод отрывка о чистке колодцев — прим. 253 на стр. 335.⟩

[112] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 366б.

[113] Там же, л. 329а и сл.

[114] Шереф ад-дин Йезди, I, 273. О значении слова *сюмэ*, между прочим, Позднеев, *Очерки быта*, стр. 1.

[115] Последняя форма в *Худуд ал-'алам*, л. 9б. Замечательно, что автор *Худуд ал-'алам* упоминает о Дженде и Джуваре и не упоминает о «Новом селении».

что они находились «недалеко» от Нового селения — даже не сказано, выше или ниже по течению реки. Отношение между этими городами впоследствии изменилось; с XI в. до монгольского нашествия главным городом был Дженд; часто здесь жил особый мусульманской владетель; значение города было так велико, что даже Аральское море иногда называли «Джендским» [116].

В XII в. впервые упоминается город, расположенный гораздо ближе к Саурану, в местности, орошенной проведенным из Сыр-Дарьи Тюмень-арыком. В настоящее время здесь находятся развалины крепости Сунак-курган [117]; по произношению нынешних киргизов, название города было Саганак [118]; правописание средневековых рукописей и даже более поздних официальных документов [119] указывает на другое произношение — Сыгнак, Сугнак или Суганак [120]; лингвистически тоже было бы трудно объяснить образование такой формы, как Сунак (современное название крепости), из Саганак. Однако, так как вопрос не может еще считаться решенным, мы пока сохраняем это произношение, принятое в большей части статей о развалинах на Сыр-Дарье.

Саганак представляет особенный интерес в том отношении, что здесь еще в XII в. был центр немусульманского владения; жившие здесь кипчаки приняли ислам только после подчинения власти хорезмшаха, тогда как правители расположенного ниже по течению реки Дженда давно были мусульманами [121]. Граница между владениями этих кипчаков и их мусульманскими соседями на юге и на севере не определяется. Между Саганаком и Отраром было 24 фарсаха [122]; судя по описанию монгольского нашествия, городов на этом пространстве не было. Между Саганаком и Джендом монголы взяли три других города: Узгенд, Барчынлыгкенд (или Барчкенд) и Ашнас (или Ашанас); из документов XII в.[123] видно, что по крайней мере два последних в домонгольскую эпоху принадлежали к джендскому, а не к саганакскому владению. В единственном дошедшем до нас рассказе о действиях монголов на Сыр-Дарье ниже Отрара [124] расстояние между городами не определяется; более поздние источники также не дают никаких указаний для разрешения этого вопроса.

---

[116] Ср. мой труд *Сведения об Аральском море*, стр. 46; ⟨см. выше, стр. 48⟩.

[117] Ср. план развалин: Каллаур, *Древние города Саганак, Ашнас и другие*, стр. 8; ⟨Якубовский, *Развалины Сыгнака*⟩.

[118] Лерх, *Археологическая поездка*, стр. 11.

[119] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.,)* стр. 265 и сл.

[120] Такое произношение указано (поставлены гласные знаки) в рук. ун-та № 157, л. 70б (сочинение Абд ар-Раззака).

[121] Об отношении хорезмшахов к Дженду и Саганаку см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 347, 368 и сл.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 388, 406 и сл⟩.

[122] Шереф ад-дин Йезди, I, 279.

[123] Ср. текст в *Туркестане*, ч. I, стр. 80.

[124] См. описание этого похода в *Туркестане*, ч. II, стр. 446 и сл.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 481 и сл.⟩.

От экспедиции П. И. Лерха в 1867 г. до статей В. А. Каллаура в «Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии» было несколько попыток установить местоположение городов, упомянутых в рассказе о монгольском походе; но вопрос и теперь остается неразрешенным. П. И. Лерх исследовал развалины крепости Джанкент, расположенные на левой стороне реки, в нескольких верстах (4—6) южнее стоящей на самом берегу хивинской крепости Джан-кала (в 22 верстах ниже Казалинска). Еще до Лерха [125] была сделана попытка отожествить Джанкент с Новым селением (Янгикентом), и исследования Лерха вполне подтвердили этот вывод. Мнение В. А. Каллаура, что, кроме Янгикента на Сыр-Дарье, в средние века был еще другой Янгикент на Яны-Дарье [126], не находит себе подтверждения в источниках.

Вопрос о других городах оставлен у Лерха открытым; им только указывается, что Дженд должен был находится близ кладбища Хорхут-Ата, где «видны холмы и бугры, напоминающие холмы и бугры Джанкента» [127], и что Узгенд упоминается у одного историка XVI в., Мас'уда ибн Османа, автора *Та'рйх-и Абўлхайр-хани*, вместе с крепостями в горах Каратау [128]. Последний довод едва ли убедителен; в указанном месте мы читаем только, что хан Абулхайр после сдачи Саганака взял также Ак-курган, Аркук, Сузак и Узгенд [129]. Очевидно, здесь перечисляются крепости, расположенные в довольно значительном расстоянии одна от другой и связанные между собой только одним признаком — зависимостью от Саганака как главного пункта всей местности.

Доводы В. А. Каллаура с первого взгляда представляются более убедительными. Им указаны местности, до сих пор сохранившие названия Узгент и Асанас. Название «Узгент» носит, во-первых, озеро, сообщающееся с Сыр-Дарьей, во-вторых, два укрепления — Ишки-Узгент и Кыргы-Узгент; последний и есть, по мнению исследователя, Узгент, или Узкенд, XIII в.; верстах в 7 от него находятся развалины небольшого укрепления (600 шагов в окружности), которые принимаются за остаток Барчынлыгкенда [130]. Не говоря уже о последнем, совершенно невероятном предположении, приложенная к сообщению В. А. Каллаура карта показывает, что его Узгент находится к югу от Саганака, т. е. совершенно не на пути к Дженду. Развалины Асанас находятся значительно севернее, на левой стороне Сыр-Дарьи, верстах в 25 от берега реки и в 30 от станции Бер-Казан, у сухого лога Асанас-Узек [131]. Предположение, что эти

---

[125] Ср. ссылку на труд А. Левшина у Лерха, *Археологическая поездка*, стр. 2.

[126] Каллаур, *Древние города и селения*, стр. 66—69.

[127] Лерх, *Археологическая поездка*, стр. VIII.

[128] Там же, стр. II.

[129] *Та'рйх-и Абўлхайр-хани*, л. 447а.

[130] Каллаур, *Древние города, крепости и курганы*, стр. 72—77.

[131] Каллаур, *Древние города Саганак, Ашнас и другие*, стр. 14 и сл.; ⟨Толстов, *Результаты*, стр. 145—146⟩.

развалины являются остатком города Ашанаса, вполне правдоподобно. Остатком Дженда В. А. Каллаур считает развалины Кыс-кала, или Гышкала — «Каменный город» (вероятно, Хишт-кала — 'Кирпичная крепость') — на урочище Тумар(на карте Тамар)-уткуль на левой стороне реки, верстах в 25—30 от Перовска, верстах в 4 от местности Хан, через которую пролегает караванный путь в Хиву и Бухару [132]. Последнее обстоятельство, как и значительные размеры городища (3 версты с севера на юг, $2^1/_2$ версты с востока на запад) делают догадку В. А. Каллаура очень правдоподобною. По вопросу об Узгенде можно еще привести рассказ *'Абдулла-наме* о военных действиях 1581 г. Хан шел по левой стороне Сыр-Дарьи мимо Кавгана, Аркука (или Артука) и Ак-кургана и после этого подошел к Узкенду (или Узгенду); здесь путь затруднялся сырой, вязкой почвой и густыми зарослями; проход был настолько узкий, что по нему мог проходить только один всадник; в глине вязли люди и животные [133]. По вопросу о Барчынлыгкенде важно сообщение В. А. Каллаура о протоке, до сих пор носящем название Баршин-Дарьи; к сожалению, передаваемые им, со слов киргизов, сведения об этом протоке и его местоположении неясны и сбивчивы [134]; сам он этой местности не посетил, и вопрос остается неразъясненным.

Из всех городов на Сыр-Дарье больше всего пострадал от монголов Саганак; за убийство монгольского посла в нем были перебиты все жители; между тем именно этому городу была суждена особенно продолжительная жизнь; уже с 728/1328 г. потомки того же царевича Джучи, которым было истреблено население Саганака, чеканили в том же городе монету [135]. По-видимому, город потом снова пришел в упадок, так как восстановление его благосостояния приписывается хану Урусу, старшему современнику Тимура, умершему в 1378 г.[136]. Ссылаясь на заслуги своего деда, внук Уруса Барак-хан в 829/1426 г. заявил притязание на этот город, вследствие чего произошло столкновение между ним и Тимуридами Улугбеком и Шахрухом [137]. Еще в *'Абдулла-наме* о Саганаке говорится, что он «издревле был столицей ханов кипчацкой (т. е. киргизской) степи» [138]. Вакуфные грамоты [139] показывают, что Саганак как город существовал еще в XVII в.; в грамотах названо несколько арыков, между прочим арык Ордакент, как называются и теперь развалины крепости

[132] Каллаур, *Древние города Саганак, Ашнас и другие*, стр. 16; его же, *О следах древнего города «Дженд»*, стр. 81.

[133] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 316б.

[134] Каллаур, *О следах древнего города «Дженд»*, стр. 83; его же, *Древние города, крепости и курганы*, стр. 77.

[135] Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 528.

[136] Монеты в Саганаке, по-видимому, не чеканились между 729/1329 и 770/1368-69 гг.

[137] Абд ар-Раззак, рук., л. 233а и сл.

[138] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 28а.

[139] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 265 и сл.

к юго-востоку от Сунак-кургана. Об окончательном оставлении последнего Лерх слышал в 1867 г., что это произошло только несколько десятилетий тому назад [140].

Несравненно раньше прекратилась городская жизнь на Сыр-Дарье ниже Саганака. Хувара (или Джувара) не существовала уже во время монгольского нашествия; прежнее «Новое селение» упоминается у историков и в документах под несколько странным названием Шехркент ('Город-село'). Осмотр развалин Джанкента Лерхом показал, что жизнь в городе не прекратилась и после монгольского нашествия: было найдено около полсотни золотоордынских монет, из которых некоторые относятся к XIV в., и надгробная надпись 763/1362 г.[141]. В том же городе, по всей вероятности, чеканены монеты с надписью «Янги-шехр» или «Шехр алджедид» ('Новый город'; *джадīд* — арабское слово вместо турецкого *янги*). Есть также медные монеты с надписью «Барчин», т. е. Барчынлыгкенд. Во второй половине XIII в. этот город посетил среднеазиатский ученый Джемаль Карши, который называет его Барчкендом; в городе жили туркмены, около него были курганы и пески, но была также умственная жизнь; Джемаль Карши слушал лекции местного ученого, писавшего стихи по-арабски, по-персидски и по-турецки. Тот же Джемаль Карши посетил и Дженд, который был в то время ничтожным городом, тогда как прежде был значительным, но в нем оставался оживленный базар, и купцы продолжали туда ездить с расчетом на прибыль [142]. Замечательно, что монет, чеканенных в Дженде, до сих пор найдено не было.

Ни один из этих городов не упоминается в рассказах о событиях XV в. Трудно сказать, чем объясняется прекращение в этой местности городской жизни; о военных событиях, которые могли бы объяснить этот факт, историки не сообщают; низовья Сыр-Дарьи даже не были затронуты походами Тимура. Не невозможно, что на оставление Дженда и других городов оказало влияние изменение течения Сыр-Дарьи; но этот факт, на основании имеющегося в нашем распоряжении материала, тоже не может быть вполне выяснен. Трудно понять, почему авторы XV в., даже наиболее осведомленные, ничего не знают об Аральском море, даже отрицают его существование и заставляют Сыр-Дарью или соединяться с Аму-Дарьей (Хафиз-и Абру [143]), или «значительно ниже [города] Туркестана впитываться в пески, не соединяясь ни с какой рекой» (Бабур [144]).

С другой стороны, Абулгази, называющий Аральское море «морем Сыра», ничего не знал о том, что и Сыр-Дарья, как Аму-Дарья, за несколько столетий до него меняла свое течение. По меньшей мере спорно, можно ли к объяснению слов Хафиз-и Абру привлекать

[140] Лерх, *Археологическая поездка*, стр. VII.
[141] Там же, стр. V и сл.
[142] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 151 и сл.
[143] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 7.
[144] *Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 2а.

темное киргизское [145] предание о какой-то Кызыл-Дарье, будто бы вытекавшей из Сыр-Дарьи и впадавшей в Аму-Дарью [146]. Еще меньше материала для выводов можно извлечь из данных о так называемой дельте Сыр-Дарьи и ее ныне сухих руслах, из которых главные — Куван-Дарья и Джаны-Дарья. Оба направляются к Аральскому морю и относятся, по-видимому, к гораздо менее отдаленному прошлому. В средние века ни одно из них не упоминается; между тем, по сведениям, приведенным в книге Л. С. Берга, в них текла вода еще в XIX в.[147], что вполне подтверждается событиями хивинской истории. Хивинские ханы несколько раз, начиная с 1807 г.[148], предпринимали походы на живших по Яны-Дарье каракалпаков; Яны (Янги)-Дарья и Куван (Куванг) упоминаются как протоки реки, доходившие до Аральского моря; место, где впадала в море Яны-Дарья, называлось Карабайли [149]. В 1812 г. хивинское войско переходило через Яны-Дарью по льду [150]. Упоминается также рукав Ак-Уйрак, на берегу которого были развалины старого Джанкента; по преданию, жители этой крепости переселились в Хиву и образовали около Хазараспа селение, которое от них получило название Джанкети (так в рукописи [151]).

---

[145] ⟨Казахское.⟩

[146] Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 75, прим. 3; ⟨см. выше, стр. 66, прим. 8⟩.

[147] Берг, *Аральское море*, стр. 128 и сл. ⟨О землях древнего орошения в дельте Сыр-Дарьи см. Толстов, *По древним дельтам*, стр. 136—204 и особенно 273—294.⟩

[148] Мунис — Агехи, рук. Аз. муз. 590оа, л. 120 и сл.

[149] Там же, л. 161б.

[150] Там же, л. 189б.

[151] Там же, л. 163б и сл.

X

ОБЛАСТИ К ВОСТОКУ ОТ БАССЕЙНА СЫР-ДАРЬИ

О состоянии культуры в средние века в тех областях нынешнего Туркестана, которые не входили в состав арабского Мавераннахра, известно очень мало [1]. Рассказ китайца Сюань Цзана показывает, что уже в VII в., до прибытия арабов, земледельческая культура была распространена по крайней мере до Чуйской долины включительно, причем и эта культура была основана на искусственном орошении. Насколько пострадали города и селения этой местности от нашествия турецких народностей и борьбы между ними, трудно сказать. Первые арабские маршруты заставляют полагать, что в IX в. местность между Сайрамом и Аулие-Ата была почти совершенно пустынной; между отдельными станциями дорога большей частью проходила по степям, где были только колодцы; даже там, где протекали речки, ими не пользовались для орошения; говорится только о зарослях камышей, где охотились на фазанов. В 2 фарсахах не доходя до Тараза (Аулие-Ата) было селение Джувикат, и только это пространство было занято пастбищами и жилыми местами; перед этим проходили 2 фарсаха по местности, где не было никакого жилья [2]. По Истахри, на пространстве 2 дней до Тараза не было ни жилья, ни даже рабатов (караван-сараев).[3] Дальше к востоку, не доходя до Кулана (Тарты), где дорога проходила между горами и степью, на горах были плоды и «горные» (очевидно, богарные) огороды. Первым «богатым селением» было Мерке; большие селения начинались уже в пределах Семиречья, причем главная дорога шла по Чуйской долине и по южному берегу Иссык-Куля. Несмотря на существование таких маршрутов у более ранних авторов, Ибн Хаукаль уверяет, что пунктом торговли между мусульманами и тур-

[1] Эти сведения подробно разобраны в моем труде *Отчет о поездке в Среднюю Азию.* (Для изучения истории района Таласской долины и Семиречья, плохо освещенной письменными источниками, особое значение имеют археологические исследования, проведенные за последние 25 лет, особенно работы А. Н. Бернштама: *Памятники старины Таласской долины*; *Памятники старины Алма-Атинской области*; *Археологический очерк*, а также *Чуйская долина*. Итоги изучения поселений Семиречья подведены в книге Кожемяко *Раннесредневековые города*. См. также примечания к статьям *Баласагун*, *Или*, *Иссык-Куль*, *Тараз*, *Чу* в настоящем томе.)

[2] Кудама, текст, 205.

[3] Истахри, 337.

ками был только Тараз и что дальше Тараза мусульмане не заходили [4]. Более подробные сведения Макдиси о городах долины Таласа и местности к востоку от нее показывают, что мусульмане жили там в большом числе и что местности находились под некоторым влиянием саманидского правительства, через посредство вассального исфиджабского владетеля [5]. Страна к северу от Чу была мусульманам малоизвестна; о существовании Балхаша ничего не знали, и даже хорошо осведомленный автор *Худуд ал-'алам* считал Или притоком Иссык-Куля [6].

Еще меньше мы знаем о судьбе этих областей после X в. Рассказы китайских путешественников показывают, что в Чуйской долине и дальше к западу по-прежнему были города; но эти сведения крайне скудны, как и сведения мусульманских авторов; даже вопрос о местоположении большого города Баласагуна, где жили мусульманские правители южной части Семиречья и потом языческие кара-китайские гурханы, считается спорным [7]; неизвестно также, кем и когда была построена башня Бурана около Токмака. Все это отчасти объясняется тем быстрым и полным упадком культуры, которому подверглась страна во второй половине средних веков. От монгольского нашествия местность непосредственно не пострадала, так как жители подчинились монголам добровольно; но постоянные смуты, происходившие в XIV в. в Средней Азии, привели к полному разорению населения и к оставлению всех городов, в том числе и Тараза (Таласа), который в послемонгольскую эпоху носил название Янги. Уже Мирза Хайдер в XVI в. не мог объяснить, каким городам соответствовали развалины, находившиеся в его время в долинах Таласа и Чу, и где находились города, упоминаемые в книжных источниках [8].

Меры для восстановления культуры в местности к северу от Александровского хребта [9] и в Чуйской долине были приняты только в XIX в. при кокандских ханах. Мирза Ахмед, управлявший Ташкентом с 1853 по 1858 г., приписывает эту заслугу себе. Хотя «святой Карахан», от которого получил название город Аулие-Ата, был известен уже в XVII в.[10], но Мирза Ахмед уверяет, что только при нем Аулие-Ата из ничтожного кишлака обратился город; Мерке и Ашпара, «крошечные разрушенные местечки, с полным отсутствием воды», были им оживлены «путем проведения оросительных каналов» [11].

[4] Ибн Хаукаль, 391.

[5] Макдиси, 274 и сл.

[6] *Худуд ал-'алам*, л. 9а.

[7] <См. ниже примечания к статье *Баласагун*, стр. 355.>

[8] Мухаммед-Хайдер, 364. Текст приведен В. В. Вельяминовым-Зерновым, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 156 и 162.

[9] <Ныне Киргизский хребет.>

[10] Махмуд ибн Вели, л. 119а.

[11] Маллицкий, *К истории Ташкента*, стр. 129 и сл.

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

ТУРКЕСТАНСКИЙ КРАЙ В XIII ВЕКЕ

(По рассказу китайского путешественника)

В начале XIII в. произошло одно из важнейших событий в истории Средней Азии — нашествие монголов, которые в короткое время основали обширнейшую из когда-либо существовавших монархий. Как ни печален был факт разграбления культурных стран дикими кочевниками, все-таки монгольские завоевания принесли, по крайней мере, ту пользу, что сблизили между собой народы, раньше не имевшие никакого понятия один о другом, и привели в соприкосновение самые разнообразные культурные элементы. Торговцы самых различных национальностей безопасно проезжали огромные пространства; миссионеры разных религий пропагандировали свое учение среди народов, которых раньше не знали даже по имени. Монгольские ханы, подобно всем шаманистам, одинаково уважали духовенство всех религий; если до них доходила слава о каком-нибудь великом подвижнике, они приглашали его к себе, всячески облегчали ему путешествие, иногда очень продолжительное, и оказывали ему самый почетный прием.

Таково было и путешествие в Туркестан, предпринятое китайцем Чан-чунем в 1221 г. н. э., т. е. всего через два года после монгольского нашествия. Чан-чунь принадлежал к числу даосских монахов и жил в горах восточной части Китая. Даосы, как известно, были последователями философа Лао-цзы, родившегося в 603 г. до н. э.; он, подобно Эпикуру, учил, что человек должен прежде всего стремиться к душевному спокойствию. Его последователи вдались в алхимию и магию, стараясь найти «напиток бессмертия» и философский камень. Но одна секта, к которой принадлежал и Чан-чунь, продолжала искать источник всех благ в психическом, а не в материальном мире. Чан-чунь провел свою жизнь в созерцании и, по мнению своих последователей, достиг вполне безмятежного счастия и высшей святости. Молва о нем дошла до Чингиз-хана, который пожелал его видеть. Хан в то время находился в только что завоеванном Западном Туркестане; несмотря на огромность расстояний, китайский мудрец, после непродолжительного колебания, собрался в путь. Корыстных стремлений у него не было; это видно уже из того, что он потом не принял от хана никаких подарков; им руководила высокая цель —

употребить свое влияние на хана для блага народов и положить конец кровопролитным войнам.

Рассказы путешественников вообще очень важны для изучения истории Средней Азии, так как историки останавливаются преимущественно на внешних событиях и почти ничего не говорят о внутренней жизни страны. Более ценны в этом отношении географические сочинения. По трудам арабских географов X в. мы можем составить себе довольно полное представление о том, какова была среднеазиатская жизнь в то время; но с X до XIII в., т. е. до путешествия Чан-чуня, мы не имеем ни одного подробного описания страны.

Мы берем только ту часть рассказа, которая непосредственно касается Туркестанского края, и начинаем изложение маршрута китайского путешественника с переправы его через реку Чу [1].

Переехав Чу по деревянному мосту, наши путешественники дней 7 или 8 ехали на запад подле гор; по правую руку от них была равнина, простиравшаяся, как им сказали, непрерывно на 500 верст. Страна между Чу и Таласом уже в то время была хорошо обработана благодаря искусственному орошению; жители занимались земледелием, шелководством и виноделием. В том месте, где горы поворачивали на юг, путешественники увидели каменное городище; камни были совершенно красного цвета; тут же были следы давнишнего военного лагеря; на запад оттуда были видны могильные насыпи, расположенные подобно звездам в Большой Медведице. Насколько известно, это — первое упоминание об Ахыр-Таше и Джиты-тепе.

Через Талас в то время был каменный мост. Переправившись через реку, Чан-чунь ехал 5 дней до города Сайрама, где была небольшая башня; начальник города встретил путешественников и ввел их в подворье. Чан-чунь говорит, что туземцы в то время праздновали новый год и толпами ходили поздравлять друг друга; в этом он ошибся: праздновался байрам, начавшийся в 1221 г. 18 ноября. Один из учеников Чан-чуня во время пребывания в Сайраме заболел и умер; его похоронили на восток от города, на одной возвышенности.

Из Сайрама путешественники ехали 3 дня на юго-запад и прибыли в один город, начальник которого, человек уже преклонных лет, встретил их с приветствием и угостил вареными лепешками. Чан-чунь замечает, что лепешки с солью вообще составляли главную пищу населения. На следующий день они проехали еще один город, откуда после 2 дней пути достигли Сыр-Дарьи, через которую переправлялись по плавучему мосту; смотритель моста поднес им рыбу с огромным ртом без чешуи. На юго-запад от речки более чем на 100 верст простиралась степь, в которой не было ни воды, ни трав; оттого китайцы ехали там ночью. Из этого видно,

[1] Описание путешествия Чан-чуня, переведенное на русский язык архим. Палладием, помещено в ТЧРДМ, т. IV ‹Чан-чунь, пер. Кафарова›.

что Голодная степь в то время, как и теперь, не была орошена и обработана.

Проехав степь, наши путешественники направились на юго-запад к высоким горам и прибыли в один город, где нашли траву и воду. Начальник города вышел гостям навстречу, приготовил для них палатки на юг от города и угостил их обедом; им поднесли виноградные вина; во время обеда мальчики по приказу хозяина забавляли гостей, лазая по шестам и пляша с мечами в руках.

Проехав еще два города, китайцы полдня ехали в горах и прибыли в долину, где провели ночь под громадным шелковичным деревом, которое своей тенью могло прикрыть до ста человек. Несколько дальше, около другого города, был колодец до 100 футов или больше. Какой-то старик при помощи коровы вертел колодезный ворот и вычерпывал воду для жаждущих. Чингиз-хан, проходя здесь во время похода, похвалил трудолюбие старика и освободил его от всех податей и повинностей.

2 декабря 1221 г. китайцы переправились через Зеравшан и прибыли в Самарканд. В предместье их встретили монгольские и мусульманские начальники; они сообщили Чан-чуню, что мост на Аму-Дарье разрушен мятежниками, и посоветовали ему зимовать в Самарканде; он согласился и въехал в город северо-восточными воротами. Ему отвели местопребывание в бывшем дворце султанов; прежде там жил монгольский наместник, который потом, опасаясь возмущения со стороны жителей, переселился на северную сторону Зеравшана. Дворец стоял на холме вышиной футов в сто, расположенном на северном берегу чистого, вытекавшего из гор потока с чрезвычайно холодной водой. Здесь поселился Чан-чунь, получая продовольствие от монгольского начальника. Свое пребывание в Самарканде китайский философ описал в стихах, из которых видно, что он не был чужд эпикурейским взглядам основателя своей секты: «Есть прекрасные овощи, пшеничная каша, виноградное вино; наевшись досыта я спокойно сплю и питаю обычную лень свою».

Самарканд в то время был большим городом: Чан-чуню говорили, что до монгольского нашествия в нем было 100 000 семейств, от которых после покорения осталась четвертая часть. В город были проведены два канала; вода была распределена по улицам и переулкам, так что все дома могли пользоваться водой. Монголы еще не доверяли мусульманам и позволяли им владеть садами и полями только в сообществе с китайцами и представителями других национальностей; из последних же были поставлены правители и старшины. В городе было много китайских рабочих и ремесленников. Чан-чунь видел здесь павлинов и слонов, привезенных из Индии.

Уже в феврале показались цветы; во время весеннего равноденствия цветы с абрикосовых деревьев уже стали опадать. Китайцы несколько раз предпринимали увеселительные поездки на запад от города и восхищались садами и рощами, с которыми, по словам Чан-чуня, даже китай-

ские сады не могли сравниться; недоставало только пения птиц. Повсюду встречались террасы, озера, башни, замки; воздух был чист, небо ясно; путешественники отдыхали на траве и пили вино. «Для чего, — говорится в стихах Чан-чуня, — солнце, заходя, прекращает нашу прогулку и заставляет нас вернуться?»

В январе пришло известие, что суда и мосты на Аму-Дарье исправлены и порядок восстановлен; в апреле прибыл посланец от Чингиз-хана, который настоятельно просил учителя не откладывать больше своего приезда. В конце апреля Чан-чунь двинулся в путь и через 4 дня прибыл в город Кеш (Шахрисябз); здесь ему дали конвой из 1000 ратников, который должен был сопровождать его по пути через Железные ворота. Из Кеша ехали на юго-восток через высокую гору, на которой камни лежали в беспорядке; солдаты должны были сами тащить телеги. Через 2 дня путешественники, миновав перевал, поехали на юг по направлению горного потока и через 5 дней прибыли к небольшой реке, которую переехали на судне; оба берега реки были покрыты густым лесом. Еще через 2 дня они достигли Аму-Дарьи, через которую переправились также на судне.

Лагерь Чингиз-хана находился в 4 днях пути к югу от Аму-Дарьи. Монгольский завоеватель принял учителя с должным почетом. Вскоре после этого, вследствие наступления жаров, хан откочевал в снежные горы, и наши путешественники должны были последовать за ним. Хан уже назначил день для слушания наставлений Чан-чуня, но военные действия против горцев заставили его отложить заседание на полгода. С позволения хана учитель вернулся в Самарканд, обещая к назначенному сроку вновь приехать в монгольский стан. Он не забывал своей главной цели, как показывают стихи, сочиненные им в то время: «Десять лет на пространстве 10 000 ли [2] движутся военные орудия, но рано или поздно войска возвратятся и водворится мир».

В Самарканде учитель проводил время по-прежнему; все необходимое было у него в изобилии. Днем он лежал у северного окна, под ветром, ночью спал на кровельной террасе, во время сильной жары купался в пруде. В то же время он наблюдал нравы и обычаи жителей, подробно описал их. По его словам, и мужчины и женщины заплетали волосы; мужчины носили высокие шапки, украшенные разноцветной тканью, к которой были привешены кисти; простой народ, вместо шапки, обертывал голову куском белого холста; таков же был головной убор духовенства. Женщины по головному убору походили на буддийских монахов: богатые обвертывали голову черным или темно-красным флёром с вышитыми цветами или фигурами; для этого употреблялись холст и шелковая ткань. Рубахи у мужчин и женщин были одинаковы и состояли из тонкой шер-

[2] Китайская мера длины, равная $^1/_3$ версты. <В древности и средневековье — $^1/_3$ версты; см. наст. изд., т. I, стр. 134, прим. 7>.

стяной материи белого цвета, сшитой в виде мешка, кверху узко, книзу широко, с рукавами.

Город показался Чан-чуню богатым: везде были видны медные сосуды, блиставшие, подобно золоту; кроме того, было много фарфоровой и стеклянной посуды; вино пили только из последней. Еще более сильное впечатление произвело на китайцев огромное количество плодов и овощей.

Китайцы удивлялись физической силе жителей и их способности носить тяжести. О семейной жизни мусульман китайцы, по-видимому, не могли получить точных сведений: Чан-чунь уверяет, что жена могла оставить обедневшего мужа и выйти за другого, что трехмесячное отсутствие мужа также давало жене право вступить в новый брак. Более основательны и интересны сведения о религии туземцев. Чан-чунь был в городе во время рамазана и видел, как мусульмане вечером закалывали барана и пировали до утра. В его описании минаретов и призыва к молитве находим довольно существенное отличие от того, что мы видим теперь: «На верху здания выставляются большие бревна в виде навеса, в длину и поперек около 10 футов; на них устраивают пустой павильон, со всех сторон увешанный кистями; каждое утро и вечер старейшина входит туда и поклоняется на запад, что называется молиться богу; он кричит там наверху нараспев; мужчины и женщины, услышав его голос, тотчас бегут туда и поклоняются; то же бывает по всему государству; не исполняющие этого обряда подвергаются смерти». Особенно важен факт, что призыв к молитве в то время одинаково относился к мужчинам и женщинам. Муллы называются у китайцев *дашима* и *дашиман*, вероятно, это персидское слово *данишманд*.

В августе Чан-чунь напомнил хану о приближении назначенного срока; получив ответ, учитель в половине сентября двинулся в путь. Монгольский начальник хотел проводить его, но учитель сам уговорил его вернуться, так как присутствие его в Самарканде было необходимо для успокоения жителей: к востоку от города собралась шайка разбойников в 2000 человек; жители каждую ночь видели зарево пожаров и находились в большом страхе. Учитель убедил монгольского начальника, что забота о водворении порядка для него должна быть важнее заботы о безопасности отдельных лиц. Через 4 дня путешественники прибыли в Кеш, получили конвой из 1000 пехотинцев и 300 всадников и вступили в горы. На этот раз был избран другой путь, причем Железные ворота были оставлены в стороне. Переправившись через поток с красной водой, китайцы ехали по ущелью на юго-восток и достигли подошвы горы, где был соленый источник; вода на солнце осаждала белую соль; путешественники взяли с собой немного соли для дорожного употребления. Двигаясь дальше по тому же направлению, они поднялись на водораздельный хребет; на запад оттуда виднелся как будто лед: это была соль. На вершине горы китайцы тоже нашли некоторое количество красной каменной соли. Весь путь от красного потока был сделан в 1 день; на другой день при-

были к юго-западной оконечности Железных ворот; горы, по словам Чан-чуня, имели здесь страшный вид: левый утес обрушился, и под ним бушевал поток. Через день путешественники достигли Аму-Дарьи и переправились через реку опять на судне. Неделей позже они были уже в лагере Чингиз-хана, который принял учителя с прежним почетом. Несколько дней спустя хан двинулся в обратный путь; учитель следовал за ним и постоянно получал от хана подарки, преимущественно в виде съестных припасов.

В конце октября, когда войско находилось уже к северу от Аму-Дарьи, наступил назначенный срок. Чингиз-хан призвал к себе Чан-чуня и слушал его наставления; монгольский начальник Самарканда, нарочно для этого вызванный, переводил слова учителя на монгольский язык. Все советы Чан-чуня заслужили одобрение хана, и в другие дни учитель по временам беседовал с монгольским завоевателем.

Чингиз-хан расположился лагерем верстах в десяти к востоку от Самарканда; учитель, с позволения хана, по-прежнему поселился в старом дворце. Живя там, он раздавал остатки провианта голодным сельским жителям, вероятно обедневшим вследствие монгольских опустошений, и часто готовил для них кашицу; питавшихся в его даровых столовых было очень много. Хан позволил учителю, по его просьбе, не следовать за войском, а ехать то впереди, то позади: Чан-чунь жаловался, что перед царской палаткой господствует шум от ратников, который беспокоит его. В этот год в ноябре было так тепло, что трава снова зазеленела, но в начале января 1223 г. холода были так значительны, что множество волов и лошадей замерзло. Весной учитель, догнав хана, переправился через Сыр-Дарью, в ту же ночь суда и мост на реке были разрушены бурей. Хан пожелал узнать мнение учителя о грозе; учитель сказал ему, что суеверный страх монголов перед громом неосновательен и что те средства, которыми они стараются умилостивить небо, не достигают цели: «Из 3000 грехов самый важный — непочтительность к родителям; поэтому-то небо показывает угрозу; теперь же я слышал, что подданные твои большею частию не уважают родителей. Хан, пользуясь силою и доблестями своими, благоволи исправить свой народ».

По-видимому, монгольское войско дальше шло вдоль берега Сыр-Дарьи, так как оно через некоторое время прибыло к одной «большой реке», в 3 переездах к юго-западу от Сайрама, т. е. опять к Сыр-Дарье. Здесь учитель в последний раз переговорил с ханом и окончательно расстался с ним. Учитель всячески старался отвлечь хана от воинственных забав, вероятно, желая этим уменьшить его страсть к войне; когда однажды во время охоты хан упал с лошади и чуть не сделался жертвой разъяренного вепря, Чан-чунь убеждал его, что ему при его преклонных летах не следует больше предаваться охоте. Хан обещал отказаться от этой забавы, но мог сдержать свое слово только в течение двух месяцев. Учитель не принял от хана никаких подарков и взял только грамоту, по которой

даосские монахи, подобно духовным лицам других религий, освобождались от всех повинностей. Расставшись с ханом, учитель через 3 дня прибыл в Сайрам. Спутники Чан-чуня хотели взять с собой в Китай прах своего скончавшегося товарища, но учитель запретил им это: «Тело есть вещь гнилая, нестоящая, а дух — истинное существо, свободен и неудержим». В Сайраме Чан-чунь слышал, что к юго-востоку от города водятся двухголовые змеи длиною в 2 фута. Замечательно, что теперь еще к юго-востоку от Сайрама показывают холм Илан-бозган, где, по рассказу туземцев, некогда был город, жители которого должны были выселиться из-за змей; отсюда название холма (Илан-бозган 'Разрушенный змеями'). Наши путешественники ехали теперь гораздо быстрее и уже через неделю после отъезда из Сайрама были на берегах Чу.

Известия Туркестанского отдела Императорского Русского Географического Общества

Том I, 1899, выпуск II, Ташкент, 1900. 194 (121—314)+XV стр. 8°

Содержит начало интересной статьи Н. Ф. Ситняковского «Заметки о Бухарской части долины Зеравшана». Автор дает подробные сведения о системе искусственного орошения, о культуре различных растений, о различных типах построек; к статье приложен список арыков и населенных пунктов. Все эти сведения представляют значительный интерес; ценно также сопоставление современных названий арыков с названиями, упомянутыми в «Истории Бухары» Нершахи (автор пользовался переводом г. Лыкошина); более возражений вызывают другие замечания автора, касающиеся истории края. Автор сомневается в достоверности предания, по которому «русло Каракуль-Дарьи доходило некогда до Фараба и впадало в Аму-Дарью» (стр. 131); между тем еще в XV в., при Хафиз-и Абру, вода Зеравшана в половодье достигала Аму-Дарьи [1]. Описав многочисленные укрепленные дворы (курганчи) Зеравшанской долины, автор прибавляет: «О подобных древних курганчах, которых будто бы было много и тогда, имеются указания у арабских писателей первых веков магометанства; переводчики в переводах своих почему-то назвали эти курганчи „за́мками". *Неизвестно, каковы были древние*[2], современные же курганчи совсем не подходят под понятие о средневековом за́мке в европейском смысле» (стр. 161). Подчеркнутые нами слова показывают, что автору так же мало, как нам, известно, насколько жилища «дихканов» периода арабского завоевания походили на нынешние «курганчи» (владельцы которых по своему социальному и экономическому положению существенно отличаются от средневековых землевладельцев-аристократов); поэтому мы пока не можем найти более подходящего термина для передачи арабского слова قصر и персидских كاخ и كوشك, чем «за́мок», вполне признавая, что эти «за́мки», по всей вероятности, были глинобитные и существенно отличались от за́мков европейских рыцарей. Свой обзор современного строительного искусства бухарцев автор за-

[1] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 18; ‹позже В. В. Бартольд стал относиться к этому сообщению более критично, ср. выше, стр. 204›.

[2] Курсив наш.

ключает следующими словами: «Уцелевшие в городе Бухаре памятники арабского происхождения, а также многие остатки развалин капитальных сооружений доарабского периода, раскинутые по долине, свидетельствуют, что архитектура в этой стране в старое время была несомненно выше настоящей» (стр. 171). Из статьи не видно, каким зданиям современной Бухары автор приписывает арабское происхождение и какие развалины он относит к доарабскому периоду. Сколько нам известно, в Бухаре не сохранилось никаких памятников не только арабского, но вообще домонгольского периода [3]. Что касается «капитальных сооружений доарабского периода», то возможно, что имеются в виду курганы, которые при раскопках, по словам проф. Н. И. Веселовского, «оказывались содержащими в себе жилые помещения, имели глинобитные стены, обращенные наружу, но с пристройкой домов к внутренней стороне» [4].

Кроме этой статьи выпуск заключает в себе восемь протоколов заседаний правления, шесть протоколов заседаний Отдела, Отчет правления за 1898 г., отчет о состоянии сумм Отдела и список членов. Как из протоколов заседаний, так и из отчета правления видно, что Отдел правильно понимает свои задачи и стремится к их осуществлению; особенно важно решение Отдела принять на себя продолжение издания Туркестанского сборника, приостановившегося с 1887 г.

---

[3] ‹К домонгольскому времени в Бухаре относятся такие замечательные памятники архитектуры, как мавзолей Саманидов, мечеть Магоки Аттори, минарет Калан, часть Намазгаха. Из них ко времени написания данной рецензии (1900 г.) европейским ученым был известен только минарет Калан, да и то время его сооружения не было установлено. Странно, что В. В. Бартольд не сопоставлял его с тем минаретом, о сооружении которого при Арслан-хане пишет Кубави (Нершахи, изд. Шефера, 49).›

[4] Веселовский, *Заметка о курганах*, стр. 223.

ОТЗЫВ О ТРУДАХ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА СИТНЯКОВСКОГО

Подполковник Н. Ф. Ситняковский, военный топограф по специальности, пользуется своими топографическими работами, между прочим, для того, чтобы собирать ценный материал по археологии, этнографии и статистике края. Несколько интересных статей и заметок было помещено им в «Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии». Членом Туркестанского отдела ИРГО Н. Ф. Ситняковский состоит со дня открытия деятельности Отдела, 28 февраля 1897 г. Из отчетов Отдела, напечатанных в отчетах ИРГО за 1899 и 1900 гг., мы узнаем, что Н. Ф. Ситняковский в 1898 г. сделал сообщение: «Попытки к исчислению населения в городе Бухаре» [1], в 1899 г. производил топографические работы в Бухарском ханстве, где им «собраны данные, касающиеся культуры долины реки Кашка-Дарьи и прилегающих к ней гор, сделаны записки о народностях и родах узбеков, населяющих эту местность, об административном делении Бухарского ханства в связи с системой кормления сановников и служилого люда вообще. Наконец, путем опроса изучалась податная система ханства, истекшая из общих начал политического строя в среднеазиатских государствах» [2]. В ИТОРГО Н. Ф. Ситняковским напечатаны статьи: «Заметки о Бухарской части долины Зеравшана» (т. I, вып. II) и «Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области» (т. II, вып. I). Наибольшее научное значение имеет первая статья, являющаяся результатом полуинструментальной рекогносцировки бухарской части долины Зеравшана, произведенной под руководством автора в 1896 г. В статье, продолжение которой обещано, автор описывает часть культурной полосы Зеравшана, находящуюся в пределах Бухарского ханства, причем особенно подробно останавливается на условиях искусственного орошения и на типах местных построек. Перечисляются названия главных оросительных каналов и сопоставляются со сведениями об условиях орошения в средние века, сохранившимися в «Истории Бухары» Нершахи (по русскому переводу Н. Лыкошина). Эта часть статьи представляет ценный вклад в литературу по исторической топографии края. В заключение дается список арыков и населенных пунктов, причем для многих местностей собраны

[1] *Отчет ИРГО за 1899 г.*, СПб., 1900, стр. 50.
[2] *Отчет ИРГО за 1900 г.*, СПб., 1901, стр. 014.

также сведения о числе дворов каждого селения. Некоторые неточности, допущенные автором, отмечены в отчете ревизионной комиссии Отдела, представленном 27 апреля 1900 г.[3], некоторые неудачные соображения исторического характера указаны в рецензии пишущего эти строки, напечатанной в ЗВОРАО, т. XIII [4]. Эти небольшие неточности и ошибки, конечно, не уничтожают достоинств работы, стоившей автору много труда и, особенно по совокупности с другими трудами автора на пользу Туркестанского отдела ИРГО, вполне заслуживающей награждения серебряной медалью.

---

[3] ИТОРГО, т. II, вып. I, прилож., стр. 63—64.

[4] Бартольд, ЗВОРАО, т. XIII, стр. 0115—0117; <см. выше, стр. 244>.

К ВОПРОСУ О ВПАДЕНИИ АМУ-ДАРЬИ В КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

Как известно, существует уже обширная литература по вопросу о том, впадала ли Аму-Дарья еще в историческое время в Каспийское море или всегда, как теперь, только в Аральское. Для разрешения этого вопроса давно уже производятся как географические и геологические, так и исторические изыскания. Среди географов и геологов в настоящее время господствует взгляд, что в нынешнее Каспийское море Аму-Дарья никогда не впадала и что так называемое высохшее русло Аму-Дарьи, Узбой, на самом деле представляет морской пролив, образовавшийся еще во время отделения Аральского моря от Каспийского [1]. Некоторое время казалось, что историки придут к такому же выводу, особенно после исследования де Гуе «Das alte Bett des Oxus», где доказывается, что известие некоторых авторов, будто Аму-Дарья после монгольского нашествия снова стала изливаться в Каспийское море, не заслуживает доверия, так как целый ряд географов XIV и XV вв. заставляет Аму-Дарью попрежнему впадать только в Аральское море. Как я постарался доказать в другом месте [2], де Гуе при этом не обратил внимания на то, что авторы второй категории буквально повторяют слова своих предшественников и что их рассказы и независимо от вопроса о течении Аму-Дарьи заключают в себе множество анахронизмов, тогда как из слов авторов, говорящих о впадении реки в Каспийское море, ясно видно, что это известие приводится ими не из книжных источников, а как известный им лично факт. О впадении реки в Каспийское море говорит целый ряд географов и путешественников XIV и XV вв.[3], и их словам до сих пор нельзя противоставить ни одного свидетельства современника, который бы писал об Аму-Дарье и ее бассейне не только на основании географических

[1] Мушкетов, *Туркестан*, т. I, стр. 698—699.

[2] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 4.

[3] Кроме свидетельств, приведенных в моей только что указанной статье, сюда относятся слова астронома Кутб ад-дина Ширази (ум. в 710 г. х.; ср. Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 317), Каталанской карты 1375 г. (Buchon—Tastu, *Atlas en langue catalane*, p. 126), испанского посла Клавихо (пер. Срезневского, 225) и Ибн Арабшаха (изд. Мангера, I, 382; см. СМИЗО, I, 464). Даже Ибн Фадлаллах ал-Омари, на которого ссылается де Гуе (*Das alte Bett des Oxus*, S. 20), слышал от своих современников, что Аму-Дарья впадает в Каспийское море, и отвергнул это известие только вследствие излишнего доверия к книжным источникам (СМИЗО, I, 237).

сочинений прежних веков. Уже это одно показывает, что, с точки зрения историка, едва ли можно сомневаться в том, что после опустошения монголами Хорезма и разрушения плотин на Аму-Дарье река действительно изменила свое течение. До сих пор недоставало одного — достоверного рассказа о каком-нибудь плавании по нижнему течению Аму-Дарьи в тот период, когда река впадала в Каспийское море. Такой рассказ, если не ошибаемся, до сих пор никем не был приведен; между тем он имеется в давно изданных и переведенных текстах. Осенью 1392 г. Тимур завоевал Мазандеран, где господствовали сейиды, сыновья Кавам ад-дина ал-Мар'аши; о судьбе старшего из братьев, Кемаль ад-дина, у Шереф ад-дина Йезди [4] и Абд ар-Раззака Самарканди [5] говорится, что его «вместе с его семейством посадили на корабль и отправили в Хорезм». Подробный рассказ об этом плавании, уничтожающий все сомнения, дает нам табаристанский историк конца XV в., внук самого Кемаль ад-дина, Захир ад-дин ал-Мар'аши [6], которому события, происходившие на южном берегу Каспийского моря, конечно, были известны лучше, чем другим [7]. По словам Захир ад-дина, «когда августейший отряд прибыл в Сари, то было указано приготовить корабли в гаванях и отправить сейидов, посадив их на корабли, в Мавераннахр. Согласно приказанию продержали сейидов в крепости, пока не были готовы корабли, назначили эмира, пользовавшегося доверием, с несколькими людьми из стражи, составили инструкцию и вручили ее тому доверенному лицу, с тем чтобы, когда корабль с сейидами достигнет такого-то места на реке Джейхуне, высадить их на берег, дать им подводы и отправить каждого из них в то место, которое указано в инструкции. Согласно высочайшему повелению сейидов посадили на корабль, отвезли их в Огурчу [8] и таким же образом из Огурчи по реке Джейхуну до определенного места, там высадили их и распределили всех их по различным областям, согласно инструкции». Достоверность этого рассказа едва ли подлежит сомнению; особенно важно, что автор вовсе не старается доказать, что Аму-Дарья действительно впадала в Каспийское море, и пояснить свой рассказ ссылкою на этот факт, очевидно, и без того хорошо известный современным ему обитателям прикаспийских областей. Мы убеждены, что рассказ Захир ад-дина в еще большей степени, чем свидетельство Казвини и Хафиз-и Абру, должен побудить историков не принимать пока того решения амударьинского вопроса, которое предлагается географами и геологами, а представителей этих наук — подвергнуть свое решение новому пересмотру.

---

[4] Шереф ад-дин Йезди, I, 577; пер. Пети де ля Круа, II, 153.

[5] Рук., л. 95.

[6] Текст, 436; пер., 449.

[7] В рассказе о событиях этого года он ссылается на своего отца, которому в то время было 12 лет (там же, текст, 434; пер., 447) и который, по-видимому, участвовал в этом плавании.

[8] В тексте آغرچه и اغرچه, ср. Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 7, прим. 6.

Прибавление

Уже после прочтения доклада «К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море» мне удалось найти еще одно относящееся к этому вопросу известие. Весной 1460 г. происходили военные действия между султаном Абу Са'идом и мирзой Хусейном (будущим султаном), о которых рассказывает Хондемир [9]. Узнав, что на него идет сам Абу Са'ид, Хусейн «покинул Астрабадское владение и поднял сияющие блеском солнца знамена в сторону Огурчи и области Адак» (مملکت استراباد باز گذاشت ورایات افتاب‌اشراق بصوب اغریجه و خطهٔ اداق بر افراشت).

Дожди помешали войску Абу Са'ида преследовать бежавших; Хусейн с 500 людей через 7 дней достиг берега Аму-Дарьи и переправился на корабле и лодках [10] (خاقان منصور چون هفت روز طیّ مسافت نمود با پانصد کس بکنار آب آمویه رسیده بکشتی ومینك (в изд. منبك) عبور فرمود).

Здесь его встретили с почетом находившиеся там Мир-Шуду и Султан-Али; Хусейн отправил посла к хану Мустафе, жившему в Везире. Еще прежде, чем пришел ответ, брат хана Пир-Будаг-султан, кочевавший в этой местности, напал на Хусейна, но потом заключил с ним договор и женился на его сестре. Союзники вместе пошли на Мустафу и осадили его в Везире; осада продолжалась 41 день, потом был заключен мир, и Хусейн вернулся в Адак. В конце 1460 г. (начало 865 г. х.) пришло известие о походе Абу Са'ида на Мавераннахр; Хусейн вернулся в Астрабад и снова овладел этим городом.

В 868/1464 г. Хусейн снова должен был бежать из Астрабада на север [11]; при этом он заблудился и попал на путь, где «близость моря и обилие глины и грязи» причинили ему и его войску много затруднений (راه غلط شده بر ممرّی افتاد که واسطهٔ مجاورت دریا ووفور گل ولای انواع تعب ومحن بخاقان عالیجناب و ملازمان حضرت نصرت آیات رسید).

Благополучно миновав эту местность, Хусейн остановился; преследование врагов заставило его идти дальше; через 3—4 суток он достиг Адака и осыпал милостями местное население. Он отправил посла к хану Мустафе, который выслал ему навстречу Османа, сына Мухаммеда Суфи, из племени кунграт и Я'куб-оглана, а сам ушел в Мангышлак. Хусейн

---

[9] Тегеран. изд., III, 244—246, а также Мирхонд, лакнауское изд., VII, и у Хасан-бека Румлу, ср. Dorn, *Auszüge*, S. 380.

[10] مینك — от тюркского глагола منمك (?). <В экземпляре XIV тома ЗВОРАО, принадлежавшем В. В. Бартольду (ныне находится в биб-ке ИНА в Москве) в этом месте рукою Бартольда карандашом сделано дополнение: «О бегстве Хусейна بجانب خوارزم واغریجه также Исфизари, л. 225б».>

[11] <Дата указана ошибочно, следует читать: 1461 г.; исправление см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 219—220 и прим. 55; в других работах В. В. Бартольда в наст. томе исправление этой даты сделано нами без оговорок. В принадлежавшем В. В. Бартольду экземпляре ЗВОРАО в этом месте его рукой сделано следующее примечание: «По Исфизари, л. 233а Хусейн в это время بمامن نواحی خوارزم واداق سرور خود که بوادی خوارزم بود; л. 234а возвращ. Хусейна».>

двинулся из Адака и пришел к берегу Аму-Дарьи (از اداق در حرکت آمد کنار آب جیحون محلّ نزول موکب همایون گشت).

Здесь он узнал о враждебных намерениях Османа; поэтому он переправился через Аму-Дарью и расположился на берегу протока Асафугузу (букв. 'река Асафа') (بنابر آن خاقان منصور از جیحون عبور فرموده کنار آب آصف اوکوزی مضرب خیام عساکر نصرت انجام گردید).

Осман обратился в бегство; Хусейн занял Везир. Жители сказали ему, что их родина — Хорезм и что Мустафа-хан насильно переселил их сюда; поэтому Хусейн привел их обратно в Ургенч.

Рассказ Хондемира менее важен, чем рассказ Захир ад-дина, так как из него не видно, что Аму-Дарья доходила до Каспийского моря; но все-таки этот рассказ, производящий впечатление совершенно достоверного известия, показывает, что еще во второй половине XV в. количество воды в Узбое, притом в местности, близкой к морю, было так значительно, что через него приходилось переправляться на судах [12]. Видно также, что основание города Везира, находившегося, как известно, на расстоянии 6 фарсахов ниже Ургенча (Куня-Ургенча), относится к половине XV в.; что местность ниже Везира, по-видимому до устья Узбоя, населенная кочевниками, носила название Адак, причем самое урочище этого имени находилось к югу от Узбоя (ср. название туркменского племени адаклы, часто упоминаемого у Абулгази и жившего вдоль первой, северной части Узбоя); что к северу от Узбоя, между ним и городом Везиром, был еще проток Аму-Дарьи, носивший название «реки Асафа».

---

[12] ‹Часть Узбоя около Балхан в это время могла быть заполнена водами Каспийского моря, уровень которого, по некоторым сведениям, был тогда на 15 *м* выше уровня 1929 г. (ср. Гулямов, *История орошения Хорезма*, стр. 181).›

МЕРВЕРРУД

«Proceedings of the R. Geogr. Society», New Series, vol. VII, 1885. — Major C. E. Yate, Northern Afghanistan or letters from the Afghan Boundary Commission, Edinburgh and London, 1888. — BGA, pars VI, Lugduni Batavorum, 1889. — В. А. Жуковский, Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва, СПб., 1894.

Во время переговоров о проведении границы между Россией и Афганистаном в 1885—1886 гг. английскими членами разграничительной комиссии было обращено внимание и на историко-географические вопросы, особенно на толкование известий средневековых мусульманских географов о местностях, сделавшихся, благодаря учреждению комиссии, предметом специального топографического изучения. К числу этих вопросов принадлежал вопрос о местоположении города Мерверруда ('Мерва реки'), или «Верхнего Мерва», главного города верхней части бассейна Мургаба. Члены комиссии [1], которым пришлось лично изучить местность, решительно высказались против отожествления Мерверруда с нынешним Меручаком и полагали, что Мерверруд находился выше по течению реки, вблизи нынешнего укрепления Бала-Мургаб (22 англ. мили от Меручака). С другой стороны, Г. Ролинсон, никогда не бывший в Мургабе [2], но считавшийся в Англии лучшим знатоком истории и географии Афганистана, нашел эти доводы неубедительными и высказался в пользу Меручака [3]. С мнением Ролинсона соглашается, в своем известном труде о Мерве, проф. В. А. Жуковский [4]; однако в пользу Бала-Мургаба высказались издатель и лучший знаток арабских географов де Гуе [5] и еще до работ разграничительной комиссии известный исследователь исторической топографии Персии Томашек [6]. Несмотря на такое разногласие авторитетных ученых, вопрос, насколько нам известно, не подвергался подробному рассмотрению на основании первоисточников.

---

[1] Holdich, *Afghan Boundary Comission*, p. 283: «I have very little doubt that Bala Murghab and not Maruchak will be identified as the Merv Rud of the old Arab geographers»; Yate, *Northern Afghanistan*, pp. 194, 218.

[2] Holdich, *Afghan Boundary Commission*, p. 287.

[3] Lumdsden, *Countries and tribes*, p. 579 sq.

[4] *Развалины Старого Мерва*, стр. 181.

[5] Кудама, текст, 210, прим. *a*.

[6] *Zur historischen Topographie*, I, S. 214.

Из арабских географов о путях в бассейне Мургаба подробнее всего говорит Кудама [7], приводящий следующий маршрут: «Из Мерва в селение по имени Фаз — 7 фарсахов, из Фаза в Махдиабад через пустыню — 6 фарсахов, из Махдиабада в Яхьяабад, стоянку в средине речной равнины (وسط الوادى) с гостиницами и почтовой станцией, — 7 фарсахов; из Яхьяабада в ал-Каринейн — 5 фарсахов; это селение находится в пустыне на берегу реки, на высоком холме; жители его огнепоклонники и живут отдачей внаем своих ослов, на которых совершают путешествия по всем направлениям; их называют *торкун* [8]. Из ал-Каринейна в Асадабад — 7 фарсахов; из Асадабада в Хузан — 5 фарсахов; из Хузана в за́мок Ахнафа, селение на [берегу] реки, обязанное именем Ахнафу б. Кайсу, — 4 фарсаха; из за́мка Ахнафа до города „Верхнего Мерва“ — 5 фарсахов. Потом проходишь мимо этого города и достигаешь места, которое называется „замком Амра“ [9], в горах у входа в ущелье (فى الجبل على فم الشعب), около фарсаха. Из города Мерверруда в Араскен — 5 фарсахов; из Араскена в ал-Асраб, небольшое селение в ущелье с домами-землянками [10], вырытыми в горе, — 7 фарсахов; из ал-Асраба в Кенджабад, селение, принадлежащее к округу Талекана, — 6 фарсахов; из Кенджабада в Талекан — 6 фарсахов; из Талекана в Касхан (или Кансаджаб), большое селение между двух гор, — 5 фарсахов; из Касхана в Аргын, цветущее селение, [сначала] фарсах по долине Мерва (فى وادى مرو), потом по песчаному перевалу, не представляющему трудностей, затем по горе, причем часть дороги камениста, — 4 фарсаха. На перевале источник, обложенный камнем; весь путь не труден. Из Аргына в за́мок Хут, цветущее и многолюдное селение среди степи [11], где начинается округ Фарьяб, — 5 фарсахов; из за́мка Хут до города Фарьяба — 2 фарсаха».

Из пунктов этого маршрута проф. Жуковским, по-видимому правильно [12], определено местоположение селения ал-Каринейн — в урочище Имам-Баба (ныне станция Кушкинской ветви Средне-Азиатской железной дороги, в 121 версте от нынешнего Мерва). О за́мке Ахнафа говорится у Истахри [13], что он находился на расстоянии 1 перехода от Мерверруда, на дороге в Балх. Уже это известие скорее указывает на Бала-Мургаб, чем на Меручак; самый удобный путь [14] от берегов Мургаба

---

[7] Кудама, текст, 209 и сл.; пер., 160 и сл.; ср. русский перевод Жуковского, *Развалины Старого Мерва*, стр. 15.

[8] По мнению бар. В. Г. Тизенгаузена (ЗВОРАО, т. XI, стр. 329), следует читать كبرون =гебры, огнепоклонники.

[9] В переводе проф. Жуковского пропущено слово «замок». Ср. Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. XI.

[10] Отсюда и название *ал-Асра́б* (мн. число от سَرَب 'подземный ход').

[11] Слова «среди степи» (فى صحراء) пропущены в переводах де Гуе и проф. Жуковского.

[12] *Развалины Старого Мерва*, стр. 181.

[13] Истахри, 270.

[14] Ср. его описание: Yate, *Northern Afghanistan*, p. 123 sq.

в Балх проходит по долине речки, текущей от крепости Кала-Вели и впадающей в Мургаб около селения Караул-хане, где, по всей вероятности, находился зáмок Ахнафа. Более решающее значение имеет другая подробность — слова Кудамы об ущелье, вход в которое находился на расстоянии фарсаха от Мерверруда. Подобного ущелья непосредственно выше Меручака нет [15], тогда как к югу от Бала-Мургаба находится вход в ущелье, где Мургаб прокладывает себе путь среди крутых скал. Ущелье простирается на 14 англ. миль; у входа в ущелье, где некогда стоял «зáмок Амра», и теперь видны древние каменные башни [16]. Сравнение расстояний, указанных у Кудамы, с расстояниями от Караул-хане до Бала-Мургаба (10 англ. миль) и от Бала-Мургаба до входа в ущелье (6 англ. миль) заставляет полагать, что Мерверруд в IX в. находился несколько южнее современного Бала-Мургаба. У южного конца ущелья, где теперь находится мост через Мургаб (Бенд-и Кильректа), находился, по всей вероятности, упомянутый арабскими географами мост, соединявший между собою обе половины селения Дизе. Слова Ролинсона [17] о местоположении этого селения (ниже Меручака) и о том, будто Тимур дважды переправлялся здесь по мосту через Мургаб, основаны только на неправильном чтении درق вместо زرق и на ошибочном переводе Пети де ля Круа. Сравнение цитованных им мест этого перевода [18] с персидским подлинником не оставляет сомнения в том, что

---

[15] Ср. описание дороги между Меручаком и Караул-хане (ibid., p. 121). <В экземпляре XIV тома ЗВОРАО, принадлежавшем В. В. Бартольду (ныне находится в биб-ке ИНА в Москве) к этому месту рукой В. В. Бартольда сделано следующее дополнение: «Однако Geiger, *Ostīr<ānische> Kult<ur>*, 63: Felsendefilé длиной в $2^1/_2$ *км* ниже Бала-Мургаба (по Гродекову и Вамбери); Костенко, *<Туркестанский край>*, II, 172 узкое скалистое ущелье в 2 в. непосредственно ниже Бала-Мургаба».>

[16] Yate, *Northern Afghanistan*, p. 219.

[17] Lumdsden, *Countries and tribes*, p. 580.

[18] В первом случае (Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 315) во французском переводе сказано, что Тимур «se trouva sur les rives du Gihon qu'il passa avec toute l'armée. Il fit aussi bâtir un pont sur la rivière de Dizac». В подлиннике (Шереф ад-дин Йезди, I, 310) о переправе говорится в стихах:

سوی جیحون رسید با لشکر
شاه صاحب قران دین‌پرور
کاردانان بکشتی وزورق
جسر بستند بر کنار زرق
ز آب جیحون گذشت وآمد تیز
در خراسان فکند رستاخیز

Очевидно, что речь идет только об одном мосте и одной переправе, которая, по всей вероятности, произошла в том месте, которое у Хамдаллаха Казвини носит название Азрак (ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 60), тем более что дальше говорится о прибытии войска в Андхуд.

Во втором случае, несмотря на слова Пети де ля Круа (Шереф ад-дин Йезди,

в обоих случаях говорится только о переправе через Аму-Дарью. На расстоянии 1 перехода выше Дизе был главный город находившейся в верховьях Мургаба горной области Гарчистан [19].

Как показывают приведенные расстояния, в маршруте Кудамы описывается кружный путь на юг вверх по Мургабу и оттуда снова на север, по долине речки Кара-Джангал, в Кала-Вели; недалеко от последнего пункта, как обыкновенно полагают, находился Талекан. Прямая дорога из Мерверруда в Талекан (2 перехода, очевидно по долине речки Кала-Вели) упоминается у Макдиси [20]; на полдороге находился мост (جسر حر); и теперь дорога в 11 англ. милях от Караул-хане пересекает речку [21]. Под «рекой Мерва» или «долиной Мерва» на пути из Касхана в Аргын, конечно, надо понимать не Мургаб, а долину речки Кала-Вели, которую дорога покидала, по всей вероятности, около нынешнего узбецкого селения Чахаршамбе. В 8 англ. милях от Чахаршамбе находится теплый ключ Ходжа-Исик-булан, собранный в бассейн и служащий местом купания [22].

Название Мерверруд, по словам Ролинсона [23], в последний раз упоминается в истории Тимура, причем Шереф ад-дин Йезди замечает, что в его время город «был известен под названием Мургаба» [24]. Ролинсон ссылается на слова Хафиз-и Абру о трех городах округа Мургаб, из которых одним был Меручак; но нигде не говорится, что Меручак, как отдельный город, назывался также Мургабом. Вопреки мнению Ролинсона, название Меручак встречается уже в XIII в. в рассказе Джувейни о завоевании Мерва монголами [25]. Употребление термина «Мургаб» как названия отдельного города показывает, что этот термин прилагался не к Меручаку, а к Бала-Мургабу. Историк конца XV в. Исфизари, говорящий в одном месте [26] о процветании при султане Хусейне всей области «от Мургаба до Мерв-Шахиджана», в другом месте,

---

пер. Пети де ля Круа, I, 365): «Ce prince fit bâtir un pont dans un détroit, où ayant passé la rivière de Morghab, il campa sur ses bords», столь же ясно говорится, что Тимур переправился через Аму-Дарью у Термеза и потом прибыл к берегу Мургаба: بترمذ رسید برسانیدن تغار لشکر فرمان قضا جریان صدور پذیرفت و بر معبر آنجا پل بسته عبور فرمود و چون کنار آب مرغاب محل نزول همایون کشت الخ (Шереф ад-дин Йезди, I, 359).

[19] Истахри, 272.

[20] Макдиси, 348.

[21] Yate, *Northern Afghanistan*, p. 124.

[22] Ibid., pp. 230, 394. <В экземпляре ЗВОРАО, принадлежавшем В. В. Бартольду, к этому месту сделано на полях дополнение: «Ср. у Насир-и Хусрау راه آب کرم из Мерверруда в Фарьяб».>

[23] Lumdsden, *Countries and tribes*, p. 580.

[24] Ср. Шереф ад-дин Йезди, I, 311: مرورود که بمرغاب اشتهار یافته.

[25] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 49. Слово مروجق есть в подлиннике; ср. Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 154 и рук. ун-та № 172, л. 59б.

[26] Исфизари, л. 26б; ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 71

перечисляя города страны между Балхом и Гератом, отдельно называет «Мургаб и Меручак» [27]. Термин «Мургаб» вместо «Бала-Мургаб» употребляется еще путешественниками XIX в. Фрезером [28] и Ферье [29].

Подробности, сообщаемые арабами о Мерверруде, одинаково мало соответствуют Меручаку и Бала-Мургабу: под влиянием господства кочевников характер страны резко изменился, и там, где в X в. были цветущие сады, теперь нет не только деревьев, но и кустов [30]. Можно указать только на одну подробность, конечно, тоже подверженную изменениям, именно на слова арабских географов о здоровом климате Мерверруда [31]. Меручак отличается до такой степени вредным климатом, что об этом даже сложилась поговорка: «Всевышний не успеет заметить, как воды Меручака убьют чужеземца» [32]. Местность по Мургабу выше Меручака находится в гораздо лучших климатических условиях; уже в Караул-хане перемена воздуха становится очень заметной [33].

Приведенные данные заставляют нас присоединиться к мнению тех, кто искал Мерверруд близ нынешнего Бала-Мургаба. Физико-географические подробности, указанные арабскими географами, имеют в наших глазах гораздо более убедительной силы, чем определение расстояний в такой неточной мере, как фарсах. Лорд Керзон в своей известной книге о Персии [34] замечает, что фарсах, хотя вообще считается равным 4 англ. милям (в Средней Азии несколько больше, до 8 верст), в действительности может обозначать все «в пределах от двух миль до пяти». Впрочем, если взять среднюю величину фарсаха, то указанное арабскими географами расстояние от Мерва до Мерверруда (47 фарсахов) более соответствует расстоянию между Мервом и Бала-Мургабом (160 англ. миль) [35], чем расстоянию между Мервом и Меручаком.

---

[27] Исфизари, л. 48а: و در مابين هراة وبلخ ديكر ولايات وسيع است مثل سان وجهاريك وميمنه و قيصار وغير آن ومرغاب ومروجاق نيز ولايتى بغايت نافع است.

[28] *Khorasan*, App., p. 41.

[29] *Voyages*, vol. I, p. 368.

[30] Yate, *Northern Afghanistan*, p. 224: «at the present day there is not a tree or a bush in either the Bala-Marghab or Maruchak valleys».

[31] Истахри, 270: و هى طيّبة التربة و الهواء.

[32] Lumdsden, *Countries and tribes*, p. 565.

[33] Yate, *Northern Afghanistan*, pp. 199—200.

[34] *Persia*, vol. I, p. 142.

[35] Laessoe, *Caves and ruins*, p. 589.

К ИСТОРИИ ХОРЕЗМА В XVI В.

Среди рукописей, с которыми мне удалось ознакомиться во время пребывания в Ташкенте летом 1902 г., наибольший интерес представляет принадлежащий генерал-майору Джура-беку список большого исторического труда *Бахр ал-асрар фй манакиб ал-ахйар* (букв. «Море тайн относительно достоинств праведников»), сочинение Махмуда ибн Вели. Книга была начата в Балхе 1 числа раби' II 1044/14 сентября 1634 г. по поручению тогдашнего правителя города Надир-Мухаммеда, брата и впоследствии преемника бухарского хана Имам-Кули.

Вопреки заглавию в книге описывается не жизнь шейхов и других благочестивых людей, а излагается история Чингиз-хана и его потомков, до времени автора. Труд разделен на четыре части (بخش)[1]; в первой говорится о Чингиз-хане и о господстве его династии в Китае и Персии, во второй — о Чагатае и его потомках, в третьей — о золотоордынских ханах и Шейбанидах, в четвертой — о потомках Тугай-Тимура, одного из сыновей Джучи; от Тугай-Тимура вели свой род и бухарские ханы так называемой Астраханской династии (Аштарханиды), которым и посвящена почти исключительно эта часть труда нашего автора, являющаяся важнейшим источником для истории Средней Азии в первой половине XVII в. До сих пор это сочинение было известно мне только по одной рукописи, хранящейся в Лондоне в библиотеке India Office и заключающей в себе только последнюю, четвертую часть, конечно, наиболее интересную; в экземпляре India Office труд нашего автора каллиграфически переписан для библиотеки самого Надир-Мухаммеда, т. е. переписчик был современником автора. Этой части нет в рукописи генерала Джура-бека, которая зато заключает в себе почти полностью три первые части; недостает только четырех листов в начале; кроме того, есть небольшой пропуск после листа 39 (всего в рукописи 419 листов).

В первой части автор является, конечно, только компилятором; интерес представляют некоторые ссылки на сочинения, в настоящее время утраченные. Во второй части, между прочим, излагается история господства (действительных или мнимых) потомков Чагатая в Кашгарии [2] до вступления на престол хана Абдуллы, сына Абд ар-Рахима, и бегства преж-

[1] ‹Ср. об этом труде наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 388, прим. 1.›
[2] О них см. мой *Очерк истории Семиречья*; ‹наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 79—95›.

него хана, Ахмеда, в Балх к Надир-Мухаммеду в начале 1046/летом 1636 г.; об истории Кашгарии в первой половине XVII в. мы до сих пор не имели почти никаких известий. В третьей части подробнее, чем в других дошедших до нас мусульманских сочинениях, говорится об истории золотоордынских ханов; к сожалению, автор большею частью не называет своих источников. История Шейбани и его преемников излагается, конечно, также по книжным источникам; при изложении событий конца XVI в. автор, по-видимому, пользовался устными рассказами. История знаменитого хана Абдуллы подробно излагается в *'Абдулла-наме* Хафиз-и Таныша, но этот труд, как известно, доведен только до провозглашения Абдуллы ханом (1 рамазана 991 г. х, т. е. 8 сентября 1583 г.); последние события этого царствования, до смерти Абдуллы, последовавшей в самом начале 1598 г., и события кратковременного царствования его сына Абд ал-Мумина нигде не излагаются так подробно, как у нашего автора. Между прочим, автор еще подробнее, чем хивинский историк Абулгази, говорит о походе Абдуллы на Хорезм и завоевании им этой страны. Этот рассказ представляет интерес, между прочим, и для выяснения так называемого аму-дарьинского вопроса; словами нашего автора подтверждается, что главный рукав реки действительно изменил свое направление незадолго перед тем, перестал протекать мимо Ургенча (ныне Куня-Ургенч) и Везира (в 6 агачах, или фарсахах, ниже Ургенча, на высоком холме, т. е. на краю Устюрта) и снова направился к Аральскому морю.

Абдулла занял Ургенч без сопротивления; Хаджим-хан, его сын Араб-Мухаммед и племянник Баба-султан бежали к туркменам; восемнадцать хорезмийских царевичей, с Али-султаном во главе, заперлись в Везире [3]. Абдулла предпринял поход на этот город. Войску предстояло движение по безводной пустыне; время дождей уже прошло; поэтому эмиры и доверенные лица получили приказ послать людей, чтобы «в определенных местах вырыть колодцы и провести воду». Колодцы были вырыты «в прежнем русле реки Джейхуна, которая в то время приняла разрушительное направление»(?) (هم در ممر سابقهٔ جیحون رود که در ان آوان سمت قاصف پذیرفته بود بکندن ابار شغل نموده در فرصت قلیل انهار جلیل بر روی کار آوردند).

Приведенные слова, быть может, надо понимать в том смысле, что река размывала землю, прокладывая себе новое ложе [4]. Через короткое время по старому руслу вновь потекли «прекрасные потоки»; Абдулла выступил в поход и достиг Везира. Ко времени его прибытия к этому городу войско уже снова начало страдать от недостатка воды, «так как

---

[3] Из рассказа Абулгази можно бы было вывести заключение, что Али-султан и другие царевичи сдались бухарцам в Ургенче.

[4] В рукописи слово قاصف вычеркнуто и на полях написаны непонятные для меня слова قاصفا ضفضفا.

река Джейхун вследствие изменчивости судеб той области очутилась в стороне, а вода колодцев также стала иссякать вследствие сильного зноя» (بنابرانکه جیحون رود از تقلب ادوارات حدود بر کنار افتاده بود و میاه ابار نیز بواسطهٔ شدت حرارت هوا روی بقلب نهاده).

Абдулла обратился с молитвой к богу; так как хан за свое справедливое правление «занял место в ряду закрытых шатрами святости и в кругу посвященных в тайны близости [к богу]», то молитва его была услышана; пошел дождь и продолжался два дня и одну ночь; образовался такой силь, что «палатки победоносных войск казались пузырями на поверхности воды».

После сорока дней осады крепость должна была сдаться; Али-султан и другие царевичи были отправлены в Миянкаль, где они потом (о чем наш автор умалчивает) все были убиты по приказанию Абдуллы. Автор прибавляет: «Рассказывают, что за день до взятия крепости была истрачена последняя вода в окрестностях, так что продолжение осады было сопряжено с огромными затруднениями; вода оставалась только во рву крепости, где осажденные сохраняли ее для себя самих. После заключения мирного договора вся та вода пошла на удовлетворение нужд победоносного войска».

Рассказ нашего автора вполне подтверждает те выводы, к которым можно было прийти на основании слов Абулгази: пашни, расположенные вдоль старого русла, были покинуты тотчас после поворота реки, но в городах Ургенче и Везире в течение нескольких десятилетий еще оставалось некоторое количество воды, достаточное для удовлетворения потребностей городского населения[5].

---

[5] <В ТВ, № 31 за 1903 г. опубликовано следующее исправление В. В. Бартольда:>

В мою статью, напечатанную в № 20 «Туркестанских ведомостей», вкрались следующие ошибки:

1. *'Абдулла-наме* Хафиз-и Таныша доведена не до 991/1583, а до начала 998/конца 1589 г. Таким образом, тот период царствования Абдуллы, о котором в *'Абдулла-наме* нет известий, обнимает только 8 лет с небольшим.

2. Хорезмийские царевичи и по Абулгази были осаждены в Везире, а не в Ургенче.

3. Об этих событиях, кроме Абулгази и Махмуда ибн Вели, говорит также Сейид Раким. Осада, по Абулгази, продолжалась месяц (по Махмуду ибн Вели — 40 дней). Абулгази и Сейид Раким говорят, что Абдулла обещаниями убедил царевичей сдаться. Избиение царевичей, по словам обоих авторов, произошло в Сагарджe. Кроме того, в статье не приведена дата похода — 1593 г. н. э.

ДОРОЖНИК ОТ БИСТАМА ДО КУНЯ-УРГЕНЧА

Предлагаемый дорожник взят из *Нузхат ал-кулӯб* Хамдаллаха Казвини, из того же самого сочинения, в котором, как известно, находится одно из наиболее подробных известий о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море. Для решения вопроса, какую цену можно придавать таким известиям, прежде всего, конечно, важно определить, из каких источников они заимствованы, насколько сам автор или те лица, со слов которых он писал, были знакомы с соответствующей местностью. Критическое рассмотрение известий древних писателей показывает, что они совершенно не знали ни Аральского моря, ни северной части Каспийского; заставляя впадать Аму-Дарью в Каспийское море, они говорят то же самое о Сыр-Дарье и притом указывают значительное расстояние между устьями обеих рек (по Патроклу 80 парасангов, т. е. более 500 верст). Если возможно допустить впадение Аму-Дарьи через Узбой в Балханскую бухту, то, конечно, совершенно немыслимо, чтобы какая-нибудь река впадала в Каспийское море, протекая через возвышенность Устюрт.

Была попытка доказать, что известия мусульманских писателей монгольского периода заслуживают столь же мало доверия, что противоречие между ними и географами X в. объясняется регрессом географических знаний вследствие упадка культуры вообще [1]. Однако именно эту ошибку, в которую впали греческие писатели, в этот период никак нельзя допустить; именно та местность, которой не знали греки, т. е. северный берег Каспийского моря и пространство между Каспийским морем и Аральским, в период после монгольского завоевания посещалась и описывалась гораздо чаще, чем прежде. Здесь проходил главный торговый путь из Европы в Азию; купцы возили свои товары из Сарая на Волге через Сарайчик на Урале и Устюрт в Куня-Ургенч; мы имеем целый ряд рассказов купцов и других путешественников о направлении этого пути, о характере и цене товаров, о способах передвижения и т. п. Пути в Куня-Ургенч с северо-запада были настолько известны, что едва ли авторы этого периода могли не знать Аральского моря или принимать его за часть Каспийского. Но возможна ошибка другого рода: западные рукава Аму-Дарьи направляются к Сарыкамышской котловине, дно которой ниже уровня Каспийского моря. Теперь только в самом глубоком

[1] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 19.

месте котловины сохранились два небольших соленых озера, но несомненно, что в то время, когда сюда изливалась часть вод Аму-Дарьи, вся котловина была наполнена водой.

Представители естественных наук допускают, что в такое время Сарыкамышское озеро могло соединяться через Айбугир с Аральским морем, или через Узбой с Каспийским, или даже одновременно с тем и другим. Допустить первую возможность для монгольского периода нельзя; в противном случае купцам на пути из Сарайчика в Куня-Ургенч приходилось бы переправляться через это озеро, и авторы, рассказывающие о способах передвижения на этом пути, несомненно упомянули бы об этой переправе; итак, Сарыкамыш в эту эпоху или совсем не имел истока, или соединялся с Каспийским морем. Во всяком случае Сарыкамышская котловина, которая по величине втрое меньше Аральского моря, получала в то время значительную часть вод Аму-Дарьи. Рукав Куня-Дарья и его продолжение Урун-Дарья, протекавший мимо Куня-Ургенча, был тогда главным руслом; нынешнее главное русло, как видно из описания похода Тимура на Хорезм в 1372 г., носило название «Гурленского протока» (جوی گرلن), по имени существующего еще теперь города. Таким образом, Сарыкамыш был, по всей вероятности, обширным озером; путешественник, прибывший к берегу этого озера с севера и незнакомый с южной частью прикаспийских степей, легко мог принять его за залив Каспийского моря. Подобная ошибка не только была возможна, но и происходила в действительности; английский путешественник половины XVI в. Дженкинсон, находясь на берегу Сарыкамыша, куда он прибыл с полуострова Мангышлак, думал, что находится на берегу Каспийского моря. Один из геологов, занимавшихся аму-дарьинским вопросом, Коншин, старается доказать, что все известия авторов монгольского периода о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море должны быть отнесены к Сарыкамышу. Насколько основательно это мнение, можно будет решить только после исследования относящихся к этой эпохе (XIII—XVI вв.) известий о путях в Куня-Ургенч с юго-запада и вообще географических и исторических данных о местности, прилегающей к Узбою.

С первого взгляда на карту видно, что путь из Бистама в Куня-Ургенч должен был или пересекать Узбой, или проходить близко от него. В дорожнике Хамдаллаха Казвини приводятся конечные пункты отдельных переходов, с указанием расстояний в фарсахах. Мы находим здесь целый ряд географических названий, не встречающихся ни в каких других источниках; определить настоящее произношение таких названий, конечно, очень трудно; по моему мнению, следовало бы издать этот дорожник с приведением всех рукописных вариантов, по образцу того, как в книге В. А. Жуковского о Мерве изданы дорожники того же Хамдаллаха Казвини от Герата до Мерва и от Мерва до Куня-Ургенча.

Первый участок этого пути — путь через горы из Бистама в Джурджан на Гюргене, теперь лежащий в развалинах, — 23 фарсаха; этот путь проходили в 4 дня; конечными пунктами каждого из трех первых переходов были селения. Этот путь, по-видимому представлявший большие трудности, впоследствии редко упоминается; чаще упоминается путь из Бистама в Астрабад и уже оттуда на северо-восток, через Гюрген и Атрек. Из Джурджана было 9 фарсахов до разветвления двух путей, из которых один шел в Языр, другой — в Дихистан. Крепость Языр, получившая название от туркменского племени того же имени [2], находилась близ нынешнего селения Дурун, недалеко от станции Средне-Азиатской железной дороги Бахарден; местоположение Дихистана, как известно, определяется развалинами Мешхед-и Мисриян. От Джурджана до Дихистана считалось 23 фарсаха, столько же, сколько от Бистама до Джурджана. Дальше дорога вступала в пустыню; конечными пунктами следующих трех переходов были рабаты, т. е. караван-сараи; в 30 фарсахах от Дихистана был город; название его, судя по чтению более старых рукописей, было Везаве, может быть Везаре; этого названия нет ни в каких других известных мне источниках. Судя по расстояниям, дорога в этом месте пересекала горы Копет-Даг; очень вероятно, что город находился на месте нынешнего города Кызыл-Арвата. Дальше на пространстве 70 фарсахов, т. е. около 450 верст, упоминаются только степные станции. Дорога из Кызыл-Арвата в Куня-Ургенч не могла не проходить близ Узбоя; судя по расстояниям, около Узбоя находилась станция كاروان كه, т. е. 'Место караванов', в 29 фарсахах от Везаве или Кызыл-Арвата. В настоящее время главная дорога из Кызыл-Арвата в Куня-Ургенч проходит через Игды и Бала-Ишем и дважды пересекает русло Узбоя; но в то время, когда здесь текла вода, караваны должны были огибать Узбой, который имеет здесь большое падение и должен был образовать ряд огромных водопадов. Еще в XVI в., по Абулгази, дорога шла мимо колодцев Куртыш [3], где начинаются пороги на Узбое и где русло вследствие пересекающей его каменной гряды переменяет южное направление на западное. Итак, здесь можно поместить станцию كاروان كه Хамдаллаха Казвини. Один из немногих геологов, допускающих впадение Аму-Дарьи в Каспийское море в историческое время, В. А. Обручев полагает, что судоходство по реке могло происходить только до Куртыша и что здесь производилась «перегрузка товаров с каюков на верблюдов и обратно, почему здесь и был наиболее значительный населенный пункт на Узбое» [4]. Факт существования в этом самом месте урочища كاروان كه 'Место караванов' является, кажется, довольно веским подтверждением этого предположения.

[2] Туманский, ЗВОРАО, т. IX, стр. 302.

[3] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 215; II, 231.

[4] Обручев, *Закаспийская низменность*, стр. 203; см. также Коншин, *Разъяснение*, стр. 255.

Культурная область на этом пути начиналась, по-видимому, только в 10 фарсахах от Куня-Ургенча; здесь находился город «Новый Хорезм» и дальше в 6 фарсахах — город «Новый Хульм»; впрочем, в более старых рукописях вместо خوارزم نو и حلم نو ясно стоит: خوارزم نودو и حلم نودو. Первое из этих селений, очевидно, пользовалось водой Даудана, южного из двух главных протоков реки, направляющихся к Сарыкамышу.

Приведенный дорожник, особенно указанные в нем расстояния свидетельствуют об основательном знакомстве источника Хамдаллаха Казвини с данной местностью. Кажется, мы имеем возможность определить этот источник; при упоминании городов указываются расстояния не только от начального пункта дорожника, но и от персидских городов Дамгана, Верамина (близ нынешнего Тегерана) и Султании, знаменитой столицы монгольского султана Персии Улджэйту (1309—1316). В начале главы о дорожниках автор ссылается, между прочим, на официальные измерения некоторых путей, предпринятые при этом султане [5]: ودر عهد اولجایتو سلطان هم چنین بعضی طرقرا می پیموده اند ومیل می نهاده. Мы имеем полное основание полагать, что в дорожниках, где при определении расстояний начальным пунктом является Султания, приводятся данные этого официального измерения. Город Султания был основан только в 1305 г. Хорезм не входил в состав владений Улджэйту, но торговое значение Куня-Ургенча, о котором в красноречивых выражениях говорит современник Хамдаллаха Казвини Ибн Баттута, несомненно должно было привлекать и персидские караваны; кроме того, в конце этого царствования, в 1315 г., одним из подчиненных Улджэйту царевичей был совершен с целью грабежа набег из Хорасана на Хорезм [6].

В прошлом году мною было приведено здесь же известие о плавании мазандеранских сейидов в 1392 г. по Каспийскому морю и Аму-Дарье; при печатании этого сообщения я мог присоединить к нему еще известие историка Хондемира о действиях Тимурида Хусейна, будущего султана, который в 1460 и 1461 гг. переправился на судах через Аму-Дарью в той местности, где теперь проходит сухое русло Узбоя. Вместе с дорожником Хамдаллаха Казвини эти известия показывают, что географический материал об Узбое и прилегающей к нему местности еще далеко не исчерпан; насколько эти данные важнее голословных утверждений разных, иногда тех же авторов о направлении течения Аму-Дарьи, особенно ясно видно из того, что тот же Хондемир в географических приложениях к *Раузат ас-сафа'* Мирхонда и к своим собственным историческим трудам заставляет Аму-Дарью впадать в Аральское море, выписывая слова географов X в. В литературе по аму-дарьинскому вопросу последнее свидетельство Хондемира приводилось в доказательство того, что Аму-Дарья в его время не могла впадать в Каспийское море [7]; теперь оказы-

[5] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулуб*, рук. уп-та № 171, л. 239а.

[6] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 572.

[7] Риттер, *Иран*, стр. 624 <дополнения Ханыкова>.

вается, что свидетельство Хондемира опровергается приводимыми им же самим историческими фактами. Другой подобный пример представляет источник XIV в. — Ибн Фадлаллах ал-Омари. Таким образом, необходимость новых исторических изысканий для решения аму-дарьинского вопроса, который еще недавно могли считать покончeнным, едва ли может быть оспариваема [8].

Кроме исторического материала нуждается в использовании материал археологический. Близ колодцев Куртыш находятся развалины Талай-хан-Ата с обширным кладбищем. В отчете экспедиции Глуховского (стр. 8) сказано, что «на одном из надгробных камней хивинским муллой был прочитан год 170 хиджры», из чего делается вывод, что здесь протекала река еще в VIII в. н. э. Для людей, сколько-нибудь знакомых с мусульманской палеографией, не может быть сомнения в том, что если бы надпись в самом деле относилась ко II в. х., то ни один хивинский мулла не мог бы ее прочитать. Но если на этом кладбище в самом деле существуют датированные надписи прежних веков, то исследование их лицом, знающим восточные языки, было бы очень желательно; можно надеяться, что это когда-нибудь будет сделано одним из членов Турк‹естанского› кружка любителей ‹археологии› или другими местными ориенталистами.

Наконец, даже представителям естествознания при исследовании Аральского моря приходится отмечать факты, требующие пересмотра аму-дарьинского вопроса. 1 февраля текущего года в Геогр‹афическом› Общ‹естве›, в заседании отделения географии математической и физической, был прочитан доклад Л. С. Берга, в котором обращается внимание на малосоленость Аральского моря и доказывается, что этот факт не позволяет утверждать, что Аральское море в последние 1000 лет постоянно оставалось замкнутым бассейном. Предположение г-на Берга, что Аральское море соединялось через Айбугир с Сарыкамышем и что этот бассейн имел исток в Узбое, соединявшем его с Каспийским морем,— это предположение опровергается, как мы видели, историческими фактами; но отмеченный им факт крайне любопытен и показывает необходимость нового исследования вопроса, слишком рано сданного в архив. Необходимость нового рассмотрения исторического материала признается теперь и представителями естественных наук. Пока не исследован весь относящийся к вопросу материал, до тех пор, как мне кажется, преждевременные попытки путем насильственного толкования примирить исторические данные с геологическими могут принести только вред. В подоб-

[8] Есть также основание надеяться, что удастся найти еще другие исторические известия; в XIV в. по Каспийскому морю плавали генуэзцы; очень вероятно, что в этих плаваниях удастся отыскать более подробные данные, чем известные до сих пор, и объяснить многочисленные названия пунктов на восточном берегу Каспийского моря, отмеченные на так называемой Каталанской карте 1375 г. и пока не поддающиеся толкованию.

ных спорах между представителями разных отраслей знания должен быть применен, хотя и не совсем буквально, известный дистихон Шиллера:

Feindschaft sei zwischen euch! Noch kommt das Bündnis zu frühe;
Wenn ihr im Suchen euch trennt, wird erst die Wahrheit erkannt.

〈Текст *Нузхат ал-кулӯб*, рук. ун-та № 171, л. 243а〉

من بسطام الی خوارزم بطریق جرجان و دهستان از بسطام تا ده تخ هفت فرسنك کریوه نردبان پایه درین راهست از او تا ده میلاد شش فرسنك ازو تا ده موسی‌آباد پنج فرسنك تا ده جرجان بنجفرسنك جمله باشد از بسطام تا جرجان بیست و سه فرسنك و از جرجان تا سر دو راه که یکی به بیار رود و یکی بدهستان میرود نه فرسنك ازو تا محمد آباد هفت فرسنك ازو تا دهستان هفت فرسنك جمله باشد از دهستان تا جرجان بیست و سه فرسنك از دهستان در بیابان میرود تا رباط کز هفت فرسنك ازو تا رباط ابو العباس نه فرسنك ازو تا رباط ابو طاهر هفت فرسنك ازو تا شهر زاوه هفت فرسنك ازو تا رباط خشت پخته هشت فرسنك ازو تا خوشاب هفت فرسنك ازو تا رباط طغماج (sic!) هفت فرسنك ازو تا کاروان کاه هفت فرسنك ازو تا رباط سرهنك نه فرسنك ازو تا مبارزکاه هفت ازو تا مشك بینی هشت تا رباط مریم نه ازو تا خوارزم نو هشت ازو تا حلم نو هشت ازو تا ارکنج که دار الملك خوارزم است چهار جمله باشد از دهستان تا ارکنج صد و ده فرسنك و از سلطانیة دوست و هشتاد و هشت فرسنك[9]

[9] Рук. A_1 добавляет: واز جرجان صد و سی و سه فرسنك واز (om. A_2) دمغان صد و شصت و سه (om. A_4) وهشت فرسنك; A_4 дальше om. A_2; A_3 и A_5. как № 171).

Рук. ун-та № 171 (1095 г. х.)	603bbc (старая), л. 238a ⟨A_1⟩	603bba, л. 163б ⟨A_2⟩	603bbf, л. 165a ⟨A_3⟩	603bbb, л. 267a ⟨A_4⟩	603b, л. 152a ⟨A_5⟩
7 ф. ده تخخ	7 ф. ده دخخ	7 ф. دیه دجج	7 ф. ده تخخ	7 ф. دیه دجح	7 ф. ده دتخخ
На этом пути пост, на который поднимаются по лестнице					
6 ф. ده میلاد	6 ф. دیه سلاباد	6 ф. دیه سلاباد	6 ф. ده میلاد	6 ф. دیه سلاباد	6 ф. ده میلاد
5 ф. ده موسی آباد	5 ф. دیه موسی اباد	5 ф. دیه موسی اباد	5 ф. ده موسی آباد	5 ф. دیه سوی باباد	5 ф. ده موسی آباد
5 ф. ده جرجان	5 ф. شهر جرجان	5 ф. شهر جرجان	5 ф. ده جرجان	5 ф. شهر جرجان	5 ф. ده جرجان
Всего из Бистама в Джурджан 23 фарсаха [1]					
9 ф. سر دو راه	9 ф. سر دو راه	9 ф. سر دو راه	9 ф. سر دو راه	9 ф. سر دو راه	9 ф. سر دو راه
Один путь в بیار [2], другой — в دهستان					
7 ф. ده محمد آباد	7 ф. دیه محمد اباد	7 ф. دیه محمد آباد	7 ф. ده محمد آباد	7 ф. دیه محمد آباد	7 ф. ده محمد آباد
7 ф. دهستان	7 ф. دهستان	7 ф. دهستان	7 ф. دهستان	7 ф. فسان	7 ф. دهستان
От Джурджана до Дихистана — 23 фарсаха (sic A_1) [3]. От Дихистана вступают в пустыню					
7 ф. رباط کز	7 ф. رباط کرمن	7 ф. رباط کردنی	7 ф. رباط کز	7 ф. رباط کرسی و (sic!)	7 ф. رباط کز

[1] A_1 еще: из Дамгана 35 фарсахов, из Верамина 89 фарсахов, из Султании 145 фарсахов (A_3 — 122 ф.: A_4 — 140 ф.).

[2] A_1 بارز A_2 ساز A_3 یارر A_4 بارز.

[3] A_4 — 29; A_1 еще: из Дамгана 58, из Верамина 112, из Султании 168.

Рук. ун-та № 171 (1095 г. х.)		603bbc (старая), л. 238a ⟨A_1⟩		603bba, л. 163б ⟨A_2⟩		603bbf, л. 165a ⟨A_3⟩		603bbb, л. 267a ⟨A_4⟩		603b, л. 152a ⟨A_5⟩	
رباط ابو العباس	9 ф.	رباط ابو العباس	9 ф.	رباط ابو العباس	9 ф.	رباط ابو العباس	9 ф.	رباط ابو العباس	9 ф.	رباط ابو العباس	9 ф.
رباط ابو طاهر	7 ф.	رباط ابو طاهر	7 ф.	رباط ابو طاهر	7 ф.	رباط ابو طاهر	7 ф.	رباط ابو طاهر	7 ф.	رباط ابو طاهر	7 ф.
شهر زاوه	7 ф.	شهر زاوه	7 ф.	пропуск		سهر زاوه	7 ф.	سهر زاوه	7 ф.	سهر زاوه	7 ф.
رباط خشت پخته	8 ф.	رباط خشت پخته	7 ф.	пропуск		رباط خشت پخته	8 ф.	رباط خشت پخته	8 ф.	رباط خشت پخته	8 ф.
خوشاب	7 ф.	خوشاب دان	7 ф.	пропуск		خوشاب	7 ф.	خوشاب دان	7 ф.	خوشاب	7 ф.
رباط طماج	7 ф.	رباط طمغاج	7 ф.	رباط طمعاج	7 ф.	رباط طغماج	7 ф.	رباط طعمان	7 ф.	رباط طماج (sic!) طمعاج	7 ф.
كاروان كاه	7 ф.	كاروان كاه	7 ф.	пропуск		كاروان كاه	7 ф.	كاروان كاه	7 ф.	كاروان كاه	7 ф.
رباط سرهنك	9 ф.	رباط سرهنك	9 ф.	пропуск		رباط سرهنك	9 ф.	رباط سرهنك	9 ф.	رباط سرهنك	9 ф.
مبارزكاه	7 ф.	مبارزكاه	7 ф.	пропуск		مبارزكاه	7 ф.	مبارزكاه	7 ф.	مبارزكاه	7 ф.
مشك بيني	8 ф.	مشك دينى	8 ф.	مسك منبى	8 ф.	مشك بيني	8 ф.	مسك دمى	8 ф.	مشك دنجاه (sic!)	8 ф.
رباط مريم	9 ф.	رباط مريم	9 ф.	رباط مريم	9 ф.	رباط مريم	9 ф.	رباط مردم	9 ф.	رباط مريم	9 ф.
خوارزم نو	8 ф.	خوارزم نودو (sic!)	8 ф.	خوارزم	8 ф.	خوارزم نو	8 ф.	خوارزم نودو	8 ф.	خوارزم نو	8 ф.
حلم نو	8 ф.	خلم نودو	6 ф.	حكم بو	6 ф.	حلم نوو	8 ф.	علم نودو	6 ф.	حلم نو	8 ф.
ارکنج	4 ф.	ارکنج	4 ф.	ارکنج	4 ф.	ارکنج	4 ф.	ارکنج	4 ф.	ارکنج	4 ф.

Всего от Дихистана в Ургенч 110 фарсахов (так A_2); по счету — 112.

Справочная книжка Самаркандской области. Выпуск VII

Издание Самаркандского Областного Статистического Комитета. Под редакцией И. Д. Секретаря Статистического Комитета М. Вирского. Самарканд, 1902. 94+193 стр. 8°

Настоящим выпуском возобновляется, после четырехлетнего перерыва, издание Самаркандского статистического комитета, на которое мы постарались обратить внимание читателей ЗВОРАО при появлении 6-го выпуска [1]. Значительная часть 7-го выпуска посвящена вопросу о развитии пчеловодства в Самаркандской области и Бухарском ханстве и описанию первых попыток в этом направлении (статьи М. Вирского, Ф. Ф. Поспелова, В. И. Чертова, И. А. Бржезицкого и И. Л. Назарова). Сверх того сборник заключает в себе статьи: 1) агронома П. В. Познякова «Русские поселки в Голодной степи Самаркандской области в 1898—1899 гг.»; 2) М. Вирского «Землевладение и денежные повинности в Самаркандском уезде»; 3) В. Л. Вяткина «Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета»; 4) Е. И. Пахомовой «Из записной книжки женщины-врача»; 5) врача К. М. Афрамовича «Рисовые поля и лихорадки»; 6) М. Вирского «Река Зеравшан и ирригационное дело в бассейне ее».

Статистический и этнографический материал, собранный в перечисленных статьях, конечно, принесет пользу лицам, изучающим современный быт населения области и средства к дальнейшему развитию его благосостояния. С своей стороны мы позволим себе подробнее остановиться на статье В. Л. Вяткина, представляющей «первую попытку сгруппировать географические сведения о Самаркандском вилаете, притом за продолжительный период — начиная с эпохи правления Тимуридов и до занятия страны русскими». Главным источником автора были так называемые вакуфные документы, в которых обыкновенно точно указываются границы участков, жертвуемых в пользу того или другого учреждения или освобождаемых от податей, и приводятся названия соседних селений и каналов. Благодаря этому мы получаем возможность определить местоположение многих селений, упоминаемых в исторических источниках, сблизить старые географические названия с совре-

[1] ‹Бартольд, ЗВОРАО, т. XII, стр. 0122—0125.›

менными и ответить на вопрос о времени исчезновения первых и появления вторых. Таким образом, документы дают нам ценный историко-географический материал, извлечение которого и составляло задачу автора. При объяснении сведений, извлеченных из документов, автор пользуется отчасти «доступным в Самарканде материалом из местной туземной литературы, впрочем оказавшимся крайне бедным»[2], отчасти собранными им лично данными о памятниках древности, сохранившихся в Самарканде и его окрестностях.

В начале статьи помещен «хронологический перечень вакуфных и другого рода[3] документов, послуживших материалом к статье», числом 151. Затем излагаются извлеченные из документов сведения, в географическом порядке, по следующим отделам: 1) Административное деление вилайета; 2) Город Самарканд; 3) Пригороды Самарканда; 4) Шаударский туман; 5) Анхарский туман; 6) Ним-Сугудский, или Афаринкентский, туман; 7) Сугуди-каляпский туман; в заключение сообщаются краткие сведения «о географических названиях в последних трех туманах — Ширазском, Кабудском и Яр-яйлакском, о которых, к сожалению, не имеется никаких данных в документах, послуживших материалом к настоящей статье». К статье приложен «Указатель географических имен», в котором указано также, в каком именно документе или в каком историческом памятнике встречается то или другое название; при этом, по замечанию автора, «указаны преимущественно лишь самые ранние источники».

Несмотря на свой сравнительно небольшой объем (83 стр. вместе с предисловием и указателем), статья В. Л. Вяткина, по богатству заключающегося в ней нового материала, вполне заслуживает названия капитального труда. Пишущий эти строки может только пожалеть о том, что не имел возможности пользоваться этой работой[4] при составлении своего «Географического очерка Мавераннахра» (первой главы исследования «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»). Сведения, собранные автором, позволили бы не только точнее определить местоположение многих урочищ, но и восстановить истинное произношение многих географических названий, искаженных в арабских рукописях. Ни критическое сопоставление рукописных чтений, ни объяснения ученых-линг-

[2] Главные сочинения, которыми пользовался автор, перечислены в примечании к указателю; из них наибольший интерес представляет *Силсилат ал-'ārифāн*, сочинение Мухаммеда Кази, написанное в начале XVI в. Во время пребывания в Туркестане я, кроме экземпляра, принадлежащего В. Л. Вяткину, видел только один экземпляр этого крайне редкого и ценного литературного памятника.

[3] Кроме вакуфных документов, автор пользовался несколькими документами о продаже или отдаче в залог земельных имуществ.

[4] Предисловие помечено 1900 г.; печатание, очевидно, было замедлено упомянутым выше перерывом в издании «Справочной книжки». <В английское издание «Туркестана», вышедшее в 1928 г., В. В. Бартольдом было внесено много дополнений на основе работы В. Л. Вяткина. См. наст. изд., т. I.>

вистов не могут дать таких достоверных результатов, как туземное произношение названий (в тех случаях, когда оно сохранилось до нашего времени) или правописание людей, имевших возможность часто слышать это произношение. Так, после сведений, приводимых автором (стр. 48), едва ли можно сомневаться в том, что название канала, орошавшего лучшую часть Согда, следует читать не فَنّ, как полагал де Гуе [5], и не فَنّى, как предлагает И. Маркварт [6], а فَىّ, и что это название сохранилось до нашего времени в названии арыка Нарпая (собств. نهر فى).

Сам автор почти нигде не сближает собранных им сведений с данными источников дотимуровской эпохи, хотя и выражает надежду, что по мере дальнейшего исследования вакуфных документов «явится возможность связать большую часть географических названий писателей первых веков ислама с названиями последующего времени» (стр. 2). Что касается новейшей истории Средней Азии, то в этом отношении автором не только собран, но в значительной степени использован обширный историко-географический материал; кроме определения местонахождения отдельных селений и т. п. предлагаются также некоторые выводы более общего характера. Из этих выводов наиболее важными можно признать следующие: 1) уже «при первых шейбанидах расположение улиц (города Самарканда), даже второстепенных, было совершенно то же, какое застали здесь русские» (стр. 20); 2) среди географических названий до конца XVIII в. преобладали персидские, и «та масса тюркских названий, которую мы находим по всему вилаету ныне, обязана своим происхождением главным образом последнему столетию» (стр. 15); 3) при занятии долины Зеравшана «узбеки не теряли родовой связи и оседали здесь отдельно по родам и коленам, каждый из которых захватывал известный район, причем родовые и коленные названия узбеков очень часто переносились на те поселения, старые или вновь основываемые, в которых устраивались новоселы того или иного рода или колена» (стр. 15—16); 4) вследствие раздоров и усобиц между родами, особенно при Мангытах, «произошло то, что некоторые роды оказались разбросанными по вилаету, что в известных районах хотя и встречаются географические названия

[5] Ибн Хаукаль, 370, прим. *e*.: «In lectione omnes consentiunt. Jacut nomen non habet, nisi idem sit quod sub فَنّى memoravit». Сам'ани и с его слов Якут говорят, что فَنّى — селение между Иштиханом и Кушанней (Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 131; ⟨наст. изд., т. I, стр. 148⟩). В этом случае чтение Якута оказывается более правильным, чем чтение трех рукописей сочинения Ибн Хаукаля. Чтение فَنّى приняли также Д. Х. Мюллер, издатель соответствующей части Табари (II, 1422, прим. *r* и 1441, прим. *h*), вопреки чтению рукописей, и Торнберг, издатель Ибн ал-Асира (V, 70 по одной рукописи).

[6] *Die Chronologie*, S. 60: «Aw Gawa verhält sich zu vorauszusetzendem sogdischem xai wie np. کی Kai zu aw. Kawa, arab. — np. جَى Gai zu gr. Γαβαί». Также Marquart, *Ērānšahr*, S. 29, Anm. 2: «kava, Kavi: np. Kaj, Gawa (in Σογδ) Vend. 1, 5 Mihr. jt. 14 zu arab. قَىّ d. i. Gaj».

общие с именем того или иного рода, но самый род не живет уже в этой местности» (стр. 16); 5) «некоторые селения, носившие в первое время занятия края русскими одни названия, теперь носят другие» (там же); другими словами, исчезновение старых названий и возникновение новых происходило еще в самое недавнее время.

Мы решаемся сделать автору только одно возражение, относящееся преимущественно ко второму, отчасти и к последнему положению. Насколько мы могли заметить, автор нигде не указывает ни на возможность употребления составителем документа, под влиянием книжной учености, старого названия, уже не употреблявшегося более в живой речи, ни на возможность одновременного существования для одного и того же селения или одного и того же протока двух названий, тюркского и персидского, из которых вакуфный документ мог сохранить только одно. Так, в одной из своих статей [7] г-н Вяткин рассказал нам, что река Чирчик в документе ходжи Ахрара, относящемся к 860/1456 г., упоминается под своим старым названием پرك или فرك, что это же название упоминается еще в конце XVI в. в *'Абдулла-наме* Хафиз-и Таныша, хотя в этом памятнике наравне со старым названием «встречаются и другие названия, видимо, той же самой реки — Чир или Чирчик (چر или چرچيق)». Об одновременном существовании обоих названий свидетельствует также Мухаммед-Хайдер, автор *Та'рих-и Рашиди* [8]; под названием چير река упоминается у Бабура [9] и даже у автора первой половины XV в. Мусеви[10] (о нем см. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. II, стр. 55) [11].

Из внешних недостатков книги самым крупным, на наш взгляд, является отсутствие плана Самарканда и карты вилайета. Пишущий эти строки располагает в этом отношении, конечно, бо́льшим количеством пособий, чем большинство других читателей (кроме лиц, работающих на месте и имеющих возможность пользоваться неизданными топографическими работами), и все-таки должен признаться, что читать статью, вследствие отсутствия карты и плана, было для него очень трудно. Другим существенным неудобством для читателя является отсутствие точных цитат из документов. Из указателя мы узнаем, в каком документе встречается то или другое географическое название, но в каких выражениях о нем говорится, остается нам неизвестным, и мы принуждены верить на слово автору, что эти выражения дают ему право сблизить старое название с тем или другим современным. Так, на стр. 43 сказано, что «так называемое Афрасиабово городище, как видно по некоторым

---

[7] Вяткин, *К исторической географии*.

[8] Мухаммед-Хайдер, 116: «the river Chir, which the people of Tashkand call Parak».

[9] *Бабур-наме*, изд. Ильминского, 24.

[10] از رود خانهٔ چير بگذشت (говорится о Тохтамыше при описании его войн с сыновьями Урус-хана).

[11] ‹Наст. изд., т. I, стр. 105.›

документам, в старое время известно было просто под именем „Хисар-и кухна", „Кала-и кухна" — старая крепость, а современное его наименование встречается лишь при мангытах». В указателе слов «Хисар-и кухна» и «Кала-и кухна» нет совсем, а под словом «Афрасиаб» сделана ссылка на документ № 55: «Вакуфный документ мадрас Тилля-кари и Шир-дар в Самарканде, составленный по повелению эмира Хайдера». Мы должны верить г-ну Вяткину, что встречающиеся в документах (в этом случае даже не названных) выражения «Хисар-и кухна» и «Кала-и кухна» могут быть отнесены только к Афрасиабу.

Из частных ошибок и промахов позволяем себе отметить следующие. На стр. 17 сказано, что стены города Самарканда и его цитадели построены в 1369 или 1370 г.; такое сомнение не должно бы иметь места, так как Тимур только 10 апреля 1370 г. был провозглашен главой чагатайского улуса, после этого два месяца провел на Кашка-Дарье и уже тогда отправился в Самарканд, где приступил к постройкам [12]. На стр. 27 говорится, что городище селения Миср «и в настоящее время носит свое историческое имя, по-арабски означающее просто город». Термин *миср* прилагался арабами только к большим городам, как Куфа и Басра, или к главным городам отдельных областей; кроме того, это же слово уже в глубокой древности употреблялось семитами для обозначения Египта и его столицы; тот же термин был перенесен на арабскую столицу Египта, Каир. По рассказу Ибн Арабшаха [13], Тимур построил вокруг Самарканда селения Миср, Дамаск, Багдад, Султанию и Шираз, очевидно для того, чтобы наглядно изобразить превосходство Самарканда над всеми прочими городами; таким образом Миср получил свое название от египетской столицы и не имеет никакого отношения к арабам. На стр. 53 упомянуто, с вопросительным знаком, селение Арбиджан; название извлечено из копии документа ходжи Ахрара, где приводится без точек (ارسجان). Нет сомнения, что имеется в виду очень известное селение Арбинджан (اربنجان), на большой дороге изБухары в Самарканд (ср. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. II, стр. 99 [14]). С крайним удивлением читали мы на стр. 62, что селение Сагардж принадлежит «к числу самых старых поселений Мауранахра. При завоевании страны арабами Сагардж, видимо, представлял значительное поселение. Битые в нем арабские монеты относятся к первым векам ислама». До сих пор мы нигде не встречали известий о монетах, чеканенных арабами в Сагардже; о таких монетах не говорится ни в одном из известных мне каталогов нумизматических собраний. Из арабских географов о Сагардже упоминает только Ибн Хаукаль [15], притом только как о горной цепи; как селение Сагардж назван у Сам'ани и Якута [16]. В начале XVII в., при возникновении

[12] Шереф ад-дин Йезди, I, 211—217. [13] Изд. Мангера, II, 856—858.
[14] ‹Наст. изд., т. I, стр. 147.›
[15] Ибн Хаукаль, 375.
[16] Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 130; ‹наст. изд., т. I, стр. 181›.

династии Аштарханидов, Сагардж был главным городом особого удела [17], но и тогда в нем, если не ошибаемся, не было монетного двора.

Эти мелкие недостатки и промахи не только не уничтожают, но даже не ослабляют ценности труда В. Л. Вяткина, за который специалисты могут только выразить автору искреннюю и глубокую признательность. При настоящем состоянии истории Средней Азии как науки историко-географические изыскания принадлежат к числу наиболее необходимых и потому наиболее благодарных в научном смысле; но, с другой стороны, эти кропотливые изыскания, только доставляющие материал для собственно исторических исследований, требуют значительной доли самоотверженности. Задача, которую поставил себе автор, принадлежит к числу таких, выполнение которых возможно только для лиц, работающих на месте, и едва ли кто-либо в настоящее время мог выполнить ее лучше, чем В. Л. Вяткин. От него же мы, по всей вероятности, должны ждать осуществления выраженной в предисловии надежды, что та же работа будет выполнена для других районов края и, если окажется возможным, для более ранних эпох его истории.

---

[17] По рассказу Махмуда ибн Вели, автора сочинения *Бахр ал-асрār*, написанного около 1640 г., Мавераннахр при воцарении Аштарханидов был разделен на следующие уделы: Бухара, Самарканд, Сагардж, Ура-Тюбе, Шахрисяба и Хузар (Махмуд ибн Вели, л. 62а).

ДЖУ-И АРЗИЗ

(К вопросу об истории ирригации в Туркестане)

Настоящая заметка имеет целью обратить внимание местных деятелей на один вопрос, представляющий, как мне кажется, не только исторический интерес. Подробные и, по всем признакам, достоверные рассказы арабских географов о состоянии Туркестана тысячу лет тому назад не только являются истинным кладом для изучающих прошлое страны, но могут быть полезны также для лиц, на обязанности которых лежит исследование производительных сил края и возможное их использование в настоящее время.

Среди вопросов, касающихся экономической будущности Туркестана, первостепенное значение имеет вопрос об упорядочении и развитии ирригационной сети, и в этом случае особенно поучительно сопоставление данных о современном состоянии страны с данными о состоянии ее в эпоху внешнего процветания иранской культуры до завоевания края среднеазиатскими кочевниками. Я постарался, насколько мог, выполнить эту задачу в «Географическом очерке Мавераннахра», вошедшем в мою диссертацию «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», но уже в предисловии к этой книге предупреждал читателя, что моя попытка объяснить арабские известия не может быть свободна от более или менее крупных погрешностей как вследствие моего недостаточного личного знакомства с краем, так и вследствие невозможности найти ответ на свои сомнения в литературных источниках.

После выхода книги в свет мне пришлось заметить особенно значительное количество погрешностей в той части главы, которая посвящена описанию долины Зеравшана. Нечего и говорить о том, насколько неверно замечание, заимствованное мною из книги Ханыкова [1], будто орошающие Самарканд ручьи вытекают из гор Агалык-тау; кроме того, мною были оставлены без объяснения многие известия арабских географов, которые при большем знакомстве с современными условиями могли быть объяснены вполне удовлетворительно. Факт, что описываемая арабами ирригационная сеть домусульманского происхождения в общих чертах сохраняется до настоящего времени, выяснился для меня самого

[1] *Описание Бухарского ханства*, стр. 101.

только после ознакомления со статьей В. Л. Вяткина «Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета» (СКСО, VII). Приведенные в этой статье данные неопровержимо доказывают, что селение Варагсер ('Голова плотины'), где получали начало три канала, снабжавшие водой Самарканд и его южные окрестности, соответствует местности около мазара Рабат-и Ходжа [2], где кроме Даргама получают начало Янги-арык и Казан-арык (при Тимуридах арыки Аббас и Караунас).

Неправильно было понято мною также описание любопытного сооружения, воздвигнутого для введения во внутренний город — шахристан (ныне городище Афрасиаб) — воды арыка, проведенного из Даргама. Выражения Истахри показывают, что не «берег арыка был покрыт свинцом», как сказано в моей книге, а из свинца был сделан водопровод или желоб, по которому текла вода. Эти выражения следующие: «текущая вода входит в город по протоку [3] (*нахр*) из свинца [4] (*ресас*), это — проток, для которого построена высокая плотина [5] (*мусаннат*) из камня; по ней течет вода из места „Медники" (ас-Саффарун), и входит в город через Кешские (южные) ворота; внешняя сторона (*ваджх*, собств. 'лицо') этого протока вся из свинца. Дело в том, что вокруг города есть ров, сделавшийся глубоким потому, что глина была употреблена на постройку стен города; и остался вокруг города большой ров, и явилась необходимость в плотине среди этого рва, чтобы вода по ней текла в город. Это проток времен язычества; [он течет] среди базара в месте, известном под названием „Головы свода" (Рас ат-Так, в персидском переводе Сер-и Так); это самое населенное место в Самарканде, по сторонам этого протока есть земельные участки (в персидском переводе „лавки"), доходы с которых назначены для [исправления] повреждений протока; над ним поставлены надсмотрщики из огнепоклонников (*маджус*), обязанные охранять его зимою и летом». К этому в тексте Ибн Хаукаля [6] добавлено:

---

[2] По статье В. Л. Вяткина (*Материалы*, стр. 28), здесь похоронен ходжа Закария Варрак; по словам автора *Кандии* (Несефи, *Кандийа*, рук., л. 119), имя этого ходжи было زكريای ورغسری; вероятно, надо читать: ورغسری, т. е. родом из Варагсера.

[3] Арабское слово *нахр* одинаково служит для обозначения рек и искусственных каналов (это же слово сохранилось и в названии арыка Нарпай); в персидском языке ему соответствует слово *джуй*.

[4] Как в персидском переводе Истахри, так и в других персидских источниках (например, в рукописи Туманского ⟨*Худуд ал-'алам*⟩ и в *Кандии*) употреблено слово *арзиз*, что собственно значит 'олово', но может также значить 'свинец'; так его переводит Туманский (см. ниже). Для водопроводных труб, как и для других поделок, вероятно, употребляли сплав обоих металлов.

[5] Сохраняю в своем переводе это слово, которым в словарях передается арабский термин *мусаннат* (тот же термин употреблен и в персидском переводе), хотя здесь, конечно, идет речь не о плотине для преграждения воды во рву, а о каменном основании акведука, построенном в виде свода.

[6] Ибн Хаукалем были сделаны некоторые прибавления к тексту Истахри, но эти прибавления менее значительны, чем можно бы заключить из сопоставления печат-

«и не взимается с них подушная подать в пользу казны по этой причине». В дополнение к известиям Истахри можно привести еще слова Макдиси, что вода входила в шахристан по водопроводу (*канат*) из свинца, проложенному над рвом, и слова неизвестного персидского географа X в., сочинение которого было открыто в Бухаре А. Г. Туманским, что свинцовый водопровод (جوی اب روان از ارزیز) был устроен «над крышей самаркандского базара» (از بلای بام بازار است)[7].

Итак, цель и характер сооружения как нельзя более ясны. Материал для постройки городских стен был добыт из местной лёссовой почвы; вследствие этого вокруг стен образовался такой глубокий ров, что вода могла быть введена в город только поверх этого рва. В настоящее время в подобных случаях, насколько мне известно, обыкновенно пользуются желобами из деревянных досок, из выдолбленных деревьев или из хвороста и земли. Здесь было воздвигнуто более сложное сооружение: каменный свод и над ним свинцовый водопровод или желоб, проложенный над крышей базара, находившегося в квартале Дервазе-и Кеш [8] у южных ворот шахристана, очевидно значительно ниже последнего. Других примеров употребления в Средней Азии свинцовых водопроводных труб (явление очень обыкновенное у римлян) мне не приходилось встречать ни в литературе о прошлом края, ни в литературе о его современном положении. Разумеется, я на этом основании не решаюсь утверждать, что таких примеров не было и нет; во всяком случае мне было бы желательно узнать об этом мнение лиц, лучше меня знакомых с древними и современными ирригационными сооружениями в крае, прежде чем поставить вопрос о том, следует ли объяснять самаркандское сооружение влиянием какой-нибудь иноземной культуры, и какой именно [9].

ного текста сочинений обоих авторов. Как видно из персидских переводов и из ссылок на Истахри у Якута и других авторов, глава о Мавераннахре из труда Истахри дошла до нас только в сокращенной редакции; следовательно, если какое-нибудь известие находится у Ибн Хаукаля и не находится в печатном тексте Истахри, то из этого еще нельзя вывести заключение, что оно действительно принадлежит Ибн Хаукалю, а не его предшественнику.

[7] Туманский, *Новооткрытый персидский географ*, стр. 123.

[8] Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 89; ⟨наст. изд., т. I, стр. 136⟩.

[9] Из рассказа автора *Кандии* можно заключить, что в самом Самарканде существовало предание о еврейском мудреце, от которого самаркандцы переняли, между прочим, искусство строить свинцовые водопроводы. Ср. русский перевод этого рассказа: Вяткин, *Самаркандские легенды*, стр. 224—226. Здесь не говорится о свинцовом водопроводе, но в подлиннике (Несефи, *Кандийа*, рук., лл. 16. 18) вполне определенно сказано, что еврей جوی ارزیزرا بیرون اورد и что рассказ приведен, между прочим, для того, чтобы объяснить происхождение جوی ارزیز (*джу-и арзиз*).

G. Le Strange, The Lands of the Eastern Caliphate. Mesopotamia, Persia, and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur

Cambridge, 1905 (Cambridge Geographical Series). XVIII+536 pp. 8°

Книга является продолжением прежних историко-географических трудов того же автора, посвященных Палестине и Багдаду; кроме перечисленных в заглавии областей, описывается еще Малая Азия (Рум). Главными источниками были, конечно, сочинения арабских географов IX и X вв. н. э. в классических изданиях де Гуе; автор пользовался также целым рядом других сочинений, в печатных изданиях или в рукописях Британского музея; к числу источников последней категории относятся *Фарс-нāме* — описание Фарса (XII в.), *Та'рīх-и гузīде* Хамдаллаха Казвини и историко-географический труд Хафиз-и Абру; отрывки из компиляции Идриси, переведенной Жобером, проверены по двум рукописям Bibliothèque Nationale.

Если сам автор (стр. VI) называет свой труд «первой попыткой» («a first attempt»), имеющей целью «очистить почву для будущих работ», то это не совсем точно. Если до сих пор не было попытки объединить в одной книге весь материал по исторической географии восточного халифата, то попытки историко-географических обзоров отдельных областей предлагались не раз, и основание для научных изысканий в этой области давно уже положено. Эта литература использована автором не в достаточной степени; не говоря уже о русских работах, автору, по-видимому, остались неизвестными работы Томашека [1], Маркварта [2] и др. Вследствие этого в его книге иногда высказываются мнения, не соответствующие современному состоянию науки; так, местоположение города Верхнего Барсхана приурочивается к Хотану, тогда как теперь вполне доказано, что он находился около озера Иссык-Куль [3]. Литература путешествий,

[1] *Zur historischen Topographie*, I—II.

[2] *Ērānšahr; Streifzüge.*

[3] Ср. мой *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 31—32, 89—90 (текст Гардизи), 114 (перевод и примечание). У Томашека (*Zur historischen Topographie*, II, S. 108) автор мог бы найти определение местоположения города, не вполне правильное (Барскаун, приток Нарына, назван по ошибке вместо речки того же имени, текущей с того же перевала и впадающей в Иссык-Куль), но все же более близкое к истине, чем принятое им определение де Гуе.

по-видимому, тоже недостаточно принята во внимание, и вследствие этого для объяснения письменных известий почти совершенно не привлекаются сведения о сохранившихся в настоящее время остатках средневековых городов. Так, при описании Рея (стр. 214 и сл.) автор не пользуется подробным описанием развалин, с приложением плана, помещенным в книге Кер Портера [4]; при описании Мерва (стр. 398 и сл.) не говорится ни слова о существовании развалин средневекового города, кроме гробницы султана Санджара (стр. 401). Встречаются пробелы и в пользовании источниками; так, при описании Бухары и ее окрестностей совершенно оставлен без внимания наиболее подробный источник, вполне доступный каждому исследователю, — *Та'рӣх-и Нершахӣ* [5]. Во многих случаях со слов более поздних авторов приводятся известия, заимствованные из более ранних сочинений, тоже находившихся в распоряжении автора [6]. Наконец, в передаче слов источников (примеры будут приведены ниже) нередко допускаются неточности, совершенно искажающие их смысл.

По всем этим причинам читатель книги Ле Стрэнджа не получит об исторической топографии Персии и Средней Азии такого ясного представления, как можно было ожидать по качеству и количеству материала, доступного исследователю. Даже относительно выражений средневековой географической терминологии не дается точных объяснений. На стр. 203 (в примечании) о термине *шахристан* (первоначальный, внутренний город, в противоположность к предместьям) говорится: «Shahristan, or Shahristanah, means, in Persian, „the Township", and is a common name for the capital city». На следующей странице тот же термин более правильно истолковывается как эквивалент арабского «Al-Madînah, the City», т. е. не только столичный, но и всякий город; но и здесь нет речи о противоставлении внутреннего города предместью. Употребление термина *шахристан* в этом значении особенно ясно видно из сочинения Нершахи [7], но проявляется с достаточной отчетливостью и в персидском переводе сочинения Истахри, из которого приводятся выдержки в примечаниях к арабскому тексту в издании де Гуе [8]. Термин darb (دربٌ) толкуется в указателе как «road or gate»; но совершенно не объясняется, почему этот термин при передаче слов Макдиси (Мукад-

[4] *Travels*, pp. 358—364.

[5] Издано, как известно, Шефером; см. Бартольд, ЗВОРАО, т. IX, стр. 313—316.

[6] Так, делаются ссылки на Якута, когда источник Якута известен и отчасти доступен (пример см. ниже, в описании Рея). На стр. 487 приводятся слова Абу-л-Фида о местоположении Баласагуна, хотя Абу-л-Фида в этом случае только повторяет слова Якута (*Му'джам*, I, 708; III, 833), в свою очередь повторяющего слова (не использованного автором) Сам'ани (см. мой *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 35).

[7] Ср. описание бухарского шахристана у Нершахи (изд. Шефера, 52—56) с описанием «города» (المدينة) у Истахри (306).

[8] Напр., Истахри, 317, прим. *f* (в Самарканде).

даси) обыкновенно переводится словом «ворота» [9], а при описании Нишапура (со слов того же автора), в противоположность этому обыкновению, сказано: «The main streets (darb) leading to the gates were nearly fifty in number» (стр. 384). Более вероятно, что и в этом случае, как в других, имеются в виду ворота внешних стен, окружавших город вместе с его пригородами.

Мы, конечно, не имеем в виду перечислить все те места книги, которые могли бы ввести в заблуждение читателя [10]; ограничимся приведением некоторых примеров, заимствованных из описания наиболее крупных центров, которые, конечно, представляют наибольший интерес для читателей из неориенталистов.

О городе Рее говорится (стр. 215—216), со слов Якута, что внутренний город, с мечетью и дворцом, был окружен рвом; рядом с ним находился внешний город, носивший название ал-Мухаммедия (по имени халифа ал-Махди); его цитадель была известна под именем аз-Зубейдия («некоторые рукописи» дают чтение аз-Зейбенди); была ли эта цитадель, построенная ал-Махди (built by Mahdi), названа так по имени будущей жены его сына Харуна ар-Рашида, неясно (is not clear). На самом деле цитадель аз-Зейбенди, или аз-Зейнабди, как по словам Якута, так и по словам его первоисточника Ибн ал-Факиха (которым автор в данном случае не пользуется), была не построена, а только «исправлена» халифом ал-Махди [11]; строитель ее Зейнабди и его сын Фаррухан, строитель крепости у подножия цитадели (также упомянутой в книге Ле Стрэнджа), были правителями города в эпоху мусульманского завоевания [12]; уже этим опровергается чтение аз-Зубейдия. Дальше (стр. 216) говорится, тоже с ссылкой на Якута, что монголы при разрушении города оставили неприкосновенным только квартал шафиитов, самый незначительный из всех, тогда как кварталы ханбалитов и шиитов были разрушены. На самом деле Якут нашел город в таком состоянии во время своего бегства от нашествия татар [13], т. е. до прибытия последних в Рей; город опустел вследствие междоусобной борьбы среди самих жителей; сначала

---

[9] Макдиси, 203 (описание Исфахана): «The town, which he reports had twelve gates»; (описание Ширааза): «The city had then eight gates» (в подлиннике, Макдиси, 430,₇: ثمانية دروب) и многое другое.

[10] Некоторые промахи tacita manu исправлены в других местах книги; так, на стр. 20 упоминается «Rôs-al-Kalb, „Dogs Head"; possibly the place later called Samnân»; на стр. 367 здесь вместо Семнана (упоминаемого, как известно, в самых ранних источниках) правильно назван Ласгирд («a name wanting in all the medieval geographers»). Поправка не оговорена ни в тексте, ни в указателе (списка опечаток в книге нет).

[11] Ср. Ибн ал-Факих, 269,₉: وكان المهدىّ امر بمرمّته; у Якута (*Му'джам*, II, 893): وقد كان المهدىّ امر بمرمّته.

[12] Ср. Marquart, *Ērānšahr*, S. 124.

[13] Якут, *Му'джам*, II, 893: وانا منهزم من التتر.

сунниты победили шиитов, потом произошли раздоры среди самих суннитов, между ханифитами (о ханбалитах нет ни слова) и шафиитами; последние одержали верх, чем и объясняется сохранение в целости их квартала [14].

При описании Бухары (стр. 460 и сл.) автор правильно помещает цитадель к северо-западу от внутреннего города, но совершенно ошибочно полагает, что там же, между городом и цитаделью, находилась площадь Ригистан и что на ней стояла соборная мечеть. На самом деле соборная мечеть находилась к востоку от цитадели, между нею и городом, Ригистан, как и теперь, — к западу [15]. Из ворот внешней стены (здесь термин «darb» переводится словом «thoroughfares») названы только трое; об остальных кратко сказано, что они «too numerous to mention» и что их местоположение не может быть точно определено. На самом деле именно Бухара представляет один из примеров города, где число ворот (11) и, по-видимому, их местоположение те же, как 1000 лет тому назад; изменились только названия, но благодаря точным топографическим указаниям мы для каждого из средневековых названий имеем возможность определить, которому из современных оно соответствует [16]. Неясные выражения автора о «старой Бухаре доисламских дней» («Old Bukhara of pre-Islamic days») могут вызвать представление, будто современный город возник только при исламе; между тем хотя селение Риямитан (или Рамитан) считалось «древней Бухарой» (بخارا القديمة у Макдиси), но и нынешний город существовал, как видно из приведенных у Нершахи преданий, задолго до пришествия арабов. Еще большее недоразумение (и тщетные надежды археологов) могут вызвать слова, будто Макдиси говорит, что в его время там еще были видны «immense remains of the ancient city»; на самом деле в подлиннике только сказано, что селение было كبيرة خربة الاطراف, т. е. «большое, с пустынными окрестностями» [17].

Не лучше обстоит дело и с описанием Самарканда (стр. 463—465). Место راس الطاق ('Голова арки'), центр базаров, помещено внутри города (in the city), тогда как, по источникам, оно находилось в предместии, около южных ворот внутреннего города, там, где было воздвигнуто сооружение для проведения в город воды [18] (отсюда и название). В XIV в. Ибн Баттута будто бы описывает город «as without walls or gates, with but a few inhabited houses standing in a maze of ruins». В тексте Ибн Бат-

[14] Ср. также мой *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 85.

[15] Нершахи, изд. Шефера, 24: از در غربیّ حصار بخارا تا بدروازهٔ معبد که اين حصاررا دو در است يکی شرقی و ديگر غربی در ريگستان خوا نند; также стр. 22: ريگستان در غوريان خوانند ودر غربیرا در ريگستان ودار الملك فی السهلة تقابل شرقیرا القهندز وتستدبر القبلة.

[16] Ср. мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 104—106; (наст. изд., т. I, стр. 154—155).

[17] Макдиси, 282, 5.

[18] Истахри, 317: — و هو نهر جاهلیّ فی وسط السوق بموضع يعرف براس الطاق الربض شربه و مجمع اسواقه راس الطاق.

туты [19] нет ни слова о «небольшом числе обитаемых домов»; говорится, что зáмки, некогда стоявшие на берегу реки (или канала) и свидетельствовавшие о «высоте помыслов» их строителей, находятся в развалинах, что в таком же состоянии находится город, в котором значительная часть (كثير منها) разрушена, что нет ни стен, ни ворот; но все-таки внутри города были сады; жители отличались благородством и гостеприимством, по вечерам они собирались для отдыха на берег реки, где в лавках продавались плоды и другие предметы еды; рядом с городом было великолепное здание над могилой Кусама ибн Аббаса, с гостиницей для приезжих; самаркандский казий носил титул «столпа мира» (صدر الجهان). Ибн Баттута причисляет Самарканд «к самым большим благоустроенным и красивым городам» [20]; после всего сказанного едва ли есть основание относить эти слова только к остаткам прошлого.

В описании Хорезма автору не удалось точно разграничить известия, относящиеся к обеим столицам области, Кяту и Гургенджу. Так, его (стр. 447) ввела в заблуждение давно уже указанная [21] ошибка Якута, который отнес данные о крепости الفيل к Гургенджу (ал-Джурджании) вместо Кята.

Из этих примеров видно, как осторожно должны относиться к книге Ле Стрэнджа те читатели, которые не имеют возможности проверять автора по его источникам. Читателям-ориенталистам, для которых книга, судя по предисловию автора, преимущественно предназначена, она, несомненно, принесет пользу, как всякая попытка разработки еще далеко не исчерпанного материала; предшественники Ле Стрэнджа, наверное, воспользуются ей для исправления ошибок и пополнения пробелов своих собственных работ [22].

---

[19] Ибн Баттута, III, 52—54.

[20] Там же, 54: من اكبر المدايين واحسنها واتمّها جمالا.

[21] Ср. Sachau, *Zur Geschichte*, T. I, S. 23.

[22] В DLZ (1905, № 45, Sp. 2798—2800) помещена на книгу Ле Стрэнджа рецензия де Гуе, вообще отзывающегося о книге с большой похвалой и вступающего в спор с автором по поводу некоторых мест, в том числе по поводу принимаемой Ле Стрэнджем теории о повороте течения Аму-Дарьи после монгольского нашествия к Каспийскому морю. В опровержение этой теории рецензент приводит только сведения, уже сообщенные им в его известной монографии (*Das alte Bett des Oxus*). Эта монография была известна Ле Стрэнджу (стр. 458), но изложенные в ней доводы показались ему неубедительными. Читателям ЗВОРАО известно, что, по моему мнению, в этом случае правда на стороне автора, а не на стороне рецензента (Бартольд, *К вопросу о впадении Аму-Дарьи*; <см. выше, стр. 248—251>).

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. Д. КАЛМЫКОВА *

Автор статьи не видит никаких оснований сомневаться в тожестве местности نسا, упоминаемой у Якута [1] в северной Мидии (округ сначала причислялся к Хамадану, потом к Казвину), с Нисаей Бисутунской надписи. На арабское известие о местности نسا еще раньше обратил внимание И. Маркварт [2], но на основании греческих известий [3] предпочел искать древнеперсидскую Нисаю в другом месте, к западу от Хамадана.

Геродот в трех местах (III, 106; VII, 40; IX, 20) говорит о «Нисайских лошадях» (ἵπποι Νησαῖοι); в одном месте (VII, 40) сказано, что эти лошади паслись «в большой равнине в Мидии, которой имя Нисайская» (ἔστι πεδίον μέγα τῆς Μηδικῆς τῷ οὔνομά ἐστι Νήσαιον· τοὺς ὧν δὴ ἵππους τούς μεγάλους φέρει τό πεδιον τοῦτο). У Арриана (VII, 13, 1) равнина упоминается под несколько иным названием (πεδιον Νυσαῖον καλούμενον καί αἱ ἵπποι ὅτι Νυσαῖαι κληιονται λέγει Ἡρόδοτος); говорится, что Александр был здесь после своих действий в Вавилонии и в городе Описе на Тигре, упоминаемом и у Ксенофонта (Anabasis, II, 4, 25), и до прибытия в Экбатаны (Хамадан). Диодор (XVII, 111) помещает место пастбища лошадей (название местности не приводится) между Бисутуном (Βαγιστάνη) и Хамаданом (Ἐκβάτανα), в 7 днях пути от последнего. По справедливому замечанию Марквата, это невозможно, так как от Бисутуна до Хамадана считается всего 29 фарсахов, или 4 дня пути; но в местности к западу от Бисутуна, в 10 фарсахах от Хульвана и в 51 (по другому счету 48) фарсахе, т. е. именно в 7 днях пути от Хамадана, арабы помещают урочище مرج القلعة (‘луг крепости’) или просто المرج (‘луг’), где в эпоху халифов паслись арабские табуны [4]. Ввиду такого совпадения Маркварт склонен отожествить эту местность с Нисаей, а самую «крепость» — с замком Sikajahuwatiš.

* ⟨Речь идет о статье А. Д. Калмыкова *Сагсабад* (ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0173—0174).⟩

[1] *Му'джам*, IV, 998, 7 (в печатном изд. по ошибке نسأ); источником Якута был, очевидно, Ибн ал-Факих (239, 5).

[2] *Untersuchungen*, H. II, S. 160. ⟨В. Ф. Минорский также придерживается мнения о нахождении Нисаи греческих источников в Мидии, между Бисутуном и Хорремабадом (*Луристанские бронзы*, стр. 221), М. Е. Массон безоговорочно связывает ее с Нисой около Ашхабада (*Городища Нисы*, стр. 16—22).⟩

[3] Marquart, *Untersuchungen*, H. II, S. 159.

[4] Последнее приводится по Табари, III, 1229, 11.

Отмеченный А. Д. Калмыковым факт существования селения Сагсабад [5] в той же местности, где находилось كسا арабских географов, представляет веский довод против теории Маркварта, но едва ли вполне устраняет ее. Если бы могло считаться доказанным, что Александр действительно на пути из Вавилонии в Хамадан был в мидийской Нисае, то за теорией Маркварта пришлось бы даже признать бесспорное преимущество; но характер македонских источников [6] (рассказы Арриана и Диодора относятся к одному и тому же периоду в жизни Александра и, вероятно, восходят к одному первоисточнику) вполне допускает предположение, что известие о посещении Александром «Нисайской равнины» было сочинено под влиянием рассказов Геродота. Остается, однако, любопытный факт совпадения расстояний до Хамадана от местности, упоминаемой Диодором, и от مرج القلعة.

[5] Лингвистическое сближение слов Sikajahuwatiš (точное произношение этого слова, как и других географических названий, упоминаемых в надписях Дария, не установлено) и Сагсабад, как мне сообщил К. Г. Залеман, вполне возможно.

[6] Этот характер был ясен уже для Эратосфена (ср. Арриан, V, 3, 1—2).

Э. Р. Барц, Орошение в долине реки Мургаба и Мургабское Государево имение

С.-Петербург, 1910. XII+174 [1]+IV стр. 8°

Книга предназначена главным образом для «начинающих специалистов» по постройке ирригационных сооружений. С этой целью автор постарался собрать все данные о системе орошения Мервского оазиса, как о сооружениях, существовавших до русского завоевания, так и об оросительных работах, предпринятых после устройства государева имения; излагаются также проекты более грандиозных работ, например проект орошения 516 000 десятин водами Аму-Дарьи, который, в случае его осуществления, даст возможность «оросить также все свободные земли Мервского и Тедженского оазисов» (стр. 136). Автор в 1908—1909 гг. заведовал ирригационной сетью в имении (стр. 31) и таким образом имел возможность непосредственно ознакомиться с делом; кроме того, им использованы материалы «из книг и пояснительных записок к разным проектам» (стр. V) и сведения, полученные от главного управления уделов.

Насколько книга удовлетворяет своей главной цели и насколько осуществимы изложенные в ней планы дальнейших работ, об этом могут судить только специалисты-инженеры [2]. Для читателей «Записок» представляют главный интерес, конечно, те места книги, где говорится о культурном прошлом Мервского оазиса. Автор предупреждает своих читателей, что он «сам отчасти археолог» и потому «принимает близко к сердцу все, что касается развития археологии в России». Ему известно, что Мервский оазис «в высшей степени интересен в археологическом отношении», что на это «уже обратили внимание на Западе и в Америке», что на месте развалин производила раскопки «американская компания, во главе с известным профессором Помпели» (sic). «С глубоким сожалением» он отмечает, что «наши археологические общества, очевидно, совершенно позабыли об этом интересном и богатом в историческом отношении крае

[1] Первые двенадцать страниц имеют римскую пагинацию, но арабская пагинация начинается со стр. 13 и таким образом составляет с римской одно целое.

[2] Неспециалисту может внушить некоторое сомнение упоминание Келифского Узбоя (стр. 136), едва ли когда-нибудь существовавшего (ср. Бартольд, *К истории Мерва*, стр. 116). ‹Келифский Узбой является остатком русла Аму-Дарьи среднечетвертичного времени (*Низовья Аму-Дарьи*, стр. 17 и рис. 2).›

и не только не нашли средств для предпринятия научных экспедиций и раскопок в этих местах, но даже ничего не делают для того, чтобы спасти от разрушения такой грандиозный и изящный памятник искусства, как гробница султана Санджара» (стр. 157—158).

Можно только пожалеть о том, что интерес к «развитию археологии в России» не побудил автора ознакомиться с изданиями Имп. Археологической комиссии и Имп. Русского археологического общества. Он убедился бы в том, что вина «наших археологических обществ» не так велика, что еще в 1890 г. в Мерве работал, по поручению Имп. Археологической комиссии, русский ученый — В. А. Жуковский — и что результатом этих работ была книга о Мерве, какой нет до настоящего времени ни об одном городе Средней Азии или Персии ни на одном из европейских языков. Из этого труда и из статей о Мерве, помещенных в «Записках» нашего отделения [3], Э. Р. Барц мог бы увидеть, что историческое прошлое Мерва известно членам «наших археологических обществ» несколько лучше, чем проф. Пампелли и его сотрудникам [4]. Самому автору история оазиса была бы несколько более ясной; мы не нашли бы в его труде такой в своем роде «классической» фразы: «Самое название „Байрам-Али“ происходит оттого, что в прежние времена цветущего Мерва, при султане Магомете Али, в местности этой, представлявшей собой рай земной, Али справлял свой праздник „Байрам“» (стр. 157). При той степени знакомства с историей Мерва, о которой свидетельствует эта фраза, не удивительно, что, по мнению автора, Мургаб и Теджен «в древние времена», в том числе еще при «персах и арабах», были «притоками Оксуса», что в Мерве еще в X в. господствовали «турецкие султаны», что устройство оросительной системы, подробно описанной арабскими географами X в., приписывается султану Алп-Арслану [5], что гробница султана Санджара (или Синджара), построенная, по одним известиям, еще самим султаном, по другим — одним из его слуг [6], рассматривается как памятник, воздвигнутый благодарным населением; что автор нигде не нашел «прямых указаний» на существование в Мерве «уже при султане Санджаре» культуры хлопчатника, тогда как о мервском хлопке говорят уже авторы X в. [7] (стр. IX—X и 158). Книга Э. Р. Барца лишний раз показывает [8], как мало известны труды русских ученых по истории и археологии Востока русскому образованному обществу, не исключая и тех его представителей, которые «принимают близко к сердцу все, что касается развития археологии в России».

[3] Туманский, ЗВОРАО, IX, стр. 300—303; Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. XI, стр. 327—333; Бартольд, *К истории Мерва*.

[4] Ср. Бартольд, ЗВОРАО, т. XVII, стр. 083—097.

[5] Автора, очевидно, ввело в заблуждение название плотины «Султан-бенд», но это название объясняется позднейшими преданиями о султане Санджаре как строителе Мерва (В. А. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 71, 86 и 174).

[6] Там же, стр. 30, 34. [7] Там же, стр. 17, 20, 21.

[8] Ср. об этом Марр, *Барон В. Р. Розен*, стр. 24.

Справочная книжка Самаркандской области. Выпуск X

Издание Самаркандского Областного Статистического Комитета. Под редакцией Секретаря Статистического Комитета. Самарканд, 1912. 210 стр. 8°

Из статей, вошедших в этот новый выпуск издания Самаркандского статистического комитета, для читателей «Записок» представляют интерес следующие:

1) Н. М. Вирский, «Очерк Яны-Курганской волости, Джизакского уезда, Самаркандской области по данным поземельно-податных работ». Очерк составлен по типу, принятому в Самаркандской области для таких описаний [1], с приложением сведений об отдельных селениях, на основании произведенной в 1906 г. подворной переписи. От большинства других местностей Средней Азии Яны-Курганская волость отличается тем, что является «богарной» по преимуществу; сравнительно с богарными землями ирригационные занимают только небольшое пространство и имеют для местных земледельцев только второстепенное значение (стр. 23). Местная речка Санзар настолько маловодна, что не дает возможности расширить площадь орошения. Существует проток (Тюятартарский сай), по которому некогда была проведена в нынешний Джизакский уезд вода Зеравшана; этот канал, проведенный, как передавали автору (стр. 41), «в царствование бухарского эмира Абдулла-хана» [2], был заброшен «со времени захвата власти династией из рода Мангытов, приблизительно около 200 лет тому назад» [3]; в 40-х годах XIX в., при Насрулла-хане, была сделана попытка его восстановить, но безуспешно. Из других сведений, приведенных в статье, особенно интересны сведения о местных школах (стр. 65).

[1] См. Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII, стр. 0181—0191.

[2] В действительности бухарские ханы тогда еще не носили титула эмиров. Что касается самого предания, то оно является отголоском представления среднеазиатцев о Тимуре и Абдулла-хане, которым приписываются все сколько-нибудь выдающиеся сооружения. В той же «Справочной книжке» (Вяткин, *Самаркандский вилает*, стр. 243) было приведено известие автора XVIII в. Кыри Мухаммед-Салиха, по которому арык Тюятартар был проведен Тимуром.

[3] В действительности первый хан из этого рода, Мухаммед-Рахим, принял ханский титул в 1756 г.; но раньше он правил государством в качестве аталыка, и тот же титул уже носили его отец и дед; последний (Худояр-бий) еще в 1702 г. был назначен наместником Кеша (Шахрисябза). Ср. Teufel, *Quellenstudien*, s. 31.

2) В. Л. Вяткин, «О вакуфах Самаркандской области». В статье говорится только о состоянии вакуфного вопроса в первые годы русского владычества (с 1868 г.), в особенности о деятельности «чиновника ориенталиста Куна» (стр. 95 и сл.). Между прочим, упоминается (стр. 100) вытребованный Куном, но не возвращенный им «вакуфный документ мадрасы Шейбани-хана, написанный в форме книги и переплетенный», ныне находящийся в Азиатском музее Академии наук [4]. Интересно сообщение (стр. 107), что после присоединения Самарканда к России бухарское правительство заставило вернуться ни с чем представителей мазара ходжи Ахрара (в Самарканде), явившихся в Каршинское бекство собирать доходы со своих вакуфных земель; после этого и русские власти запретили представителям бухарских вакуфных учреждений собирать доходы с земель, находящихся в пределах России; все-таки «мадрасы Тилля-Кари и Шир-дар сохранили право на получение вакуфных доходов с находящихся в Ташкентском тумане своих имуществ, но для этого потребовалось ходатайство муттавалиев [5] этих мадрас у самого эмира». Из этого можно заключить, что Ташкентский туман не имеет отношения к городу Ташкенту и находится где-то в пределах Бухарского ханства, но где именно, автор не говорит.

3) Ряд статей Ф. Ф. Поспелова о городе Катта-Кургане и его окрестностях, причем все сведения, приведенные в этих статьях, относятся к периоду русского владычества. О прежней судьбе Катта-Кургана сказано только, что «предание ему не насчитывает и 250 лет» (стр. 108) и что основателями его были местный святой Суфи Аллаяр и его два брата — Пархат-аталык и Алла-Назар-бий [6]; постройку «насыпного кургана, получившего название „Арк", относят к 1095/1684 г.» (стр. 111) [7]. Название «Катта-Курган», по словам автора, значит «большой город или большая крепость. Последнее название будет правильнее, так как первой постройкой была крепость на насыпанном кургане или холме»

---

[4] Имеется в виду рукопись e 574 ag ⟨*Вакф-наме*⟩, см. Salemann, *Das Asiatische Museum*, S. 276. Копия той же рукописи (d 574 ag) была послана в Самарканд и оттуда не возвращена (сообщением этих данных я обязан К. Г. Залеману).

[5] Так автор пишет везде вместо мутаваллиев.

[6] То же самое предание было уже приведено в той же «Справочной книжке» (Чертов, *Древние курганы*, стр. 247).

[7] Хронологически это возможно. Суфи Аллаяр написал свой первый литературный труд (ср. перечень этих трудов: Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 292) в 1111/1699-1700 г.; до своего вступления на путь суфизма он был «неграмотным узбеком, находившимся на царской службе» (Rieu, *Pers. MSS.*, vol. II, p. 702a). В стамбульском издании главного труда Суфи Аллаяра (*Ҫабāт ал-'āджизūн*) Хартманн (*Der islamische Orient*, Bd I, S. 185) нашел дату его смерти — 1133/1720-21 г. Труд *Ҫабāт ал-'āджизūн* издавался много раз; между прочим, его в 1845 г. (так по Дорну, *Chronologisches Verzeichniss*, S. 615) или в 1847 г. (так по Григорьеву, *С.-Петербургский Университет*, стр. 258) издал Казембек с предисловием и примечаниями. Этого издания, однако, не оказалось ни в библиотеке СПб. Университета, ни в Азиатском музее.

(стр. 109). Слово *курган*, однако, обозначает не только крепость, но и городскую стену; в последнем значении оно употреблено, например, в известном описании Самарканда у Бабура [8].

В книжку вошли еще статьи В. Л. Вяткина о борьбе с саранчою в Самаркандской области с 1890 по 1909 г. и А. И. Филимонова о землетрясении 8 октября 1907 г., которым был разрушен город Каратаг в Бухарском ханстве; в последней статье приводятся также сведения о землетрясениях с 28 февраля по 25 июня 1909 г.

[8] *Бабур-наме*, изд. Бевериджк, л. 44б.

Л. С. Багров, Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря

С.-Петербург, 1912. 112 стр. 8°

Автор настоящей книги — морской офицер, принимавший участие (в 1908 г.) в работах по рекогносцировке Каспийского моря (стр. 90). Его труд является «попыткой пролить некоторый свет на ту часть истории ознакомления с Каспием, которая дошла до нас в графических памятниках — картах» (стр. 1). В первой части (стр. 1—66) собран картографический материал (всего 47 карт), начиная со средневековых воспроизведений античных карт и кончая экспедицией Ивашинцева (1858—1870 гг.); во второй части (стр. 68—90) автор старается определить местоположение урочищ, упоминаемых на старых картах, и нанести их на современную карту Каспия; таких карт Каспия дается четыре (№ 48—51): 1) по Птолемею; 2) по арабским картографам; 3) по генуэзским картографам; 4) по картографам-очевидцам XVII в. Последнюю часть книги составляют два приложения: 1) список пунктов на берегах Каспийского моря, астрономически определенных с древнейших времен; 2) указатель географических имен на древних картах Каспия.

Появление своего труда автор связывает со словами Дорна [1], выразившего в своем «классическом труде» о Каспии пожелание, чтобы его книга «послужила морским офицерам поводом заняться ближайшим исследованием Каспия» (стр. 90). Едва ли, однако, Дорн имел в виду производство к н и ж н ы х исследований [2], именно в данном случае связанных с особенными трудностями и требующих особенно тщательного изучения литературы предмета. Из всех исторических источников географические карты, может быть, чаще всего вводили в заблуждение малоподготовленных исследователей. За редкими исключениями, каждая географическая карта, даже если она составлена лицом, лично ознакомившимся с соответствующими странами, представляет крайне сложный документ, в котором соединены данные, относящиеся к самым различным периодам, притом без указания источников; сопоставление одного только

[1] Ссылка сделана на Дорна, *Каспий*, стр. XXXII.

[2] Под «исследованиями» или «научными предприятиями» Дорн в данном случае, как видно из приводимых им на стр. XXXIII примеров, понимал посещение и описание мест, упоминаемых в письменных источниках, снятие копий с надписей и т. п.

картографического материала, без подробного ознакомления с географической литературой, особенно с литературой путешествий, почти всегда приводило к ошибочным выводам [3]. Все это отчасти сознается Л. С. Багровым; он справедливо объясняет одинаковое изображение Каспийского моря на средневековых картах тем, что «большинство карт того времени составлялось по одним и тем же источникам» (стр. 4); столь же справедливо его замечание, что присутствие на карте Марино Санудо (1320 г.) двух Каспийских морей объясняется «как результат толкования Аристотеля, неясно говорящего о морях Каспийском и Гирканском» (стр. 21). Вполне основательно он выделяет из средневекового материала арабских и генуэзских картографов, как единственных, не находившихся в зависимости от античной географии. Все же его попытку «толкования древних географических названий» (стр. 67) нельзя признать удовлетворительной ни с точки зрения полноты привлеченного к исследованию материала, ни с точки зрения методов исследования. Если автор имеет полное право на благодарность читателей за собранный им картографический материал, то его попытки разобраться в этом материале чаще вводят читателя в заблуждение, чем наводят его на правильный путь. Это одинаково относится к замечаниям о карте Птолемея, о картах арабских и генуэзских, о других средневековых картах и о картах XVII—XVIII вв.

1) Автор по созвучию отожествляет Baruca Птолемея с Баку (стр. 74) и продолжает: «Севернее Баку лежит Getara (по другому Gangara), храм огнепоклонников, современные Сураханы. Южнее находится другой храм огнепоклонников — Sabae Arae». Из этих слов каждый читатель сделает вывод, что о «храмах огнепоклонников» говорится у Птолемея, чего на самом деле нет; автору, очевидно, неизвестно, что «храмы огнепоклонников» были выстроены здесь только в XVIII в. и не упоминаются ни в каких более ранних источниках. По поводу Политимета, впадающего на карте Птолемея в Каспий, автор (стр. 75) замечает: «Заревшань теперь не только не впадает в Арал, но даже не доходит до Аму-Дарьи, теряясь в песках». Так было, однако, не только «теперь», но уже при Александре Македонском [4].

2) Каспию арабских географов посвящены три страницы (76—79), причем совершенно не принято во внимание различие между показаниями писателей домонгольского и послемонгольского периодов и совершенно не использован материал по этому вопросу, собранный в моем исследовании об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи [5], хотя автор несколько раз ссылается на эту книгу. Из слов автора можно было бы заключить, что «арабские географы и историки» всех времен говорят о впадении

[3] Ср., например, Бартольд, ЗВОРАО, т. XIV, стр. 057.

[4] Арриан, IV, 6, 6.

[5] Бартольц, *Сведения об Аральском море*; <см. выше, стр. 15—94>.

Аму-Дарьи в Каспий и что во всяком случае такое известие находится у ал-Балхи [6] (стр. 79).

3) Генуэзские карты в подлиннике не дошли до нас, но на них, как полагают, основаны карты братьев Пицигани (1367 г.) и Каталанская карта (1375 г.). По замечанию Пешеля, показания этих карт настолько расходятся между собой, что они не могут восходить к одному и тому же источнику; из этого Пешель делает вывод, что съемка берегов Каспия была произведена генуэзцами по крайней мере два раза [7]. При таких условиях для правильного суждения о генуэзской картографии, конечно, было необходимо привести обе карты; между тем карта Пицигани автором не приводится, «так как она не заключает в себе целиком Каспия. Взамен ее приведена позднейшая — Вальдземюллера, составленная тоже, по крайней мере в этой части, по генуэзским материалам» (стр. 79). Однако, по замечанию самого автора (стр. 30), большинство названий, приведенных на карте Вальдземюллера (№ 18 помещенных в книге карт), «указывает, что они заимствованы с Каталанской карты и лишь кое-где изменены». Трудно понять, каким образом карта Вальдземюллера, основанная на Каталанской карте, может заменить карту Пицигани.

4) Из средневековых карт, независимых от генуэзских, самая важная — карта Фра Мауро (1459 г., у автора № 16); от других она, по замечанию автора, отличается «своею правдоподобностью и ясностью» (стр. 82). Известно, что такое же впечатление производят на исследователей другие части этой карты, особенно изображение Африки [8]. Если в последнем случае еще можно отчасти определить источники венецианского картографа, то для решения вопроса, откуда Фра Мауро заимствовал свои сведения о Средней Азии, мы не имеем никаких данных. Для выяснения истории географической науки этот вопрос представляет, несомненно, большой интерес, как и вообще вопрос о постепенном изменении географических понятий в средние века. Л. С. Багров почти не касается этого вопроса. Мимоходом упоминаются «такие путешественники, как Ибн Баттута, Марко Поло, Рубрук»; приводится также факт, что Каспийское море «на картах соединялось узким рукавом с океаном, но уже с XIII в. на европейских картах отбрасывается и этот соединяющий канал» (стр. 7), но даже не говорится, что именно Рубрук вновь

---

[6] Еще менее понятны слова автора (стр. 85), что «Кят, по сведениям многих арабских историков, действительно находился в устье Аму-Дарьи при ее впадении в Каспий». Насколько нам известно, н и о д и н арабский историк этого не говорит; не говорят этого и другие восточные авторы (Л. С. Багров на стр. 84 говорит, что «у арабских историков упоминается Огурча», из чего можно заключить, что авторы, писавшие на персидском или турецком языках, тоже причисляются им к арабским).

[7] Peschel, *Geschichte der Erdkunde*, S. 171, № 1.

[8] Карта, например, дает нам, по словам Пешеля (*Geschichte der Erdkunde*, S. 187), «ein Gemälde Abessiniens von wunderbarer Treue, wie es nur in dem Lande selbst entworfen sein konnte».

открыл в средние века факт, известный Геродоту, отрицавшийся после Александра, вновь установленный Птолемеем и вновь забытый последующими компиляторами: что Каспий есть внутреннее море, не имеющее сообщения ни с каким океаном.

5) По поводу «очевидцев» XVII в. даже не отмечается факт, что эти «очевидцы» знали только западный берег и писали о восточном исключительно на основании слухов и книжных источников. При сопоставлении таких карт с современными особенно легко впасть в ошибку и видеть существенное изменение, за последние два-три века, физико-географических условий там, где в действительности имеются только неверные показания старых карт. От такого рода ошибок не свободно и исследование Л. С. Багрова. Автор отводит значительное место процессу усыхания, который теперь многими отрицается; по его словам (стр. 3 и сл.), «постоянное усыхание вызывает образование заливов, которые постепенно отделяются косою от моря, превращаются в замкнутые озера — часто пересыхают совершенно. Так, например, залив Александр-Бай во времена работ Колодкина [9] уже отделил от себя бóльшую часть — Бектурли-Ишан, которая теперь превратилась в совершенно замкнутое озеро. В настоящее время совершенно пересыхает залив Пута, исчезли Хивинский, Пирсагатский и Каргалинский заливы». Из всех этих заливов в «указателе географических имен» упоминается только один Хивинский (к югу от Балханской бухты), исчезновению которого автор придает большое значение; по его мнению (стр. 78), «пересыхание Хивинского залива не может быть оставленным без внимания, так как только тогда можно будет разобраться во всех деталях прошлого этих стран». Автор полагает (стр. 104), что в Хивинский залив «некогда впадали слившиеся вместе Герируд и Мешхед» [10], причем «залив доходил до нынешнего Теджена, вблизи которого теперь в песках теряется дельта р. Теджен. На его берегу или вблизи находились Корога и Завех или Ферави (sic), сохранившиеся и поныне под именами Караган и Фирюза. Пересыхание Хивинского залива началось посередине между Балханом и Копет-Дагом. Образовалось Lacus Teschen. Постепенно поднялась Хивинская коса — Cauo d'Oschi — и закрыла вход в залив, и теперь лишь кое-где за нею остались лагуны». Lacus Teschen упоминается на составленной в 1734 г. карте Кирилова (у Л. С. Багрова № 37), Cauo d'Oschi — на Каталанской карте XIV в. (№ 14); следовательно, залив, доходивший «до нынешнего Теджена», существовал, по представлению автора, чуть ли не до XVIII в., во всяком случае до второй половины средних веков. Между

[9] Карта Колодкина (у автора № 46) относится к 1826 г.

[10] Выражение не вполне ясное; известно, что мимо Мешхеда течет Кешефруд, и теперь впадающий в Герируд. Автор, по-видимому, имеет в виду карту Кирилова (37), где в «Lacus Teschen» впадают «Mawra Fl.» (т. е. «Мургаб») и «Mesched» (очевидно, это название здесь относится к Герируду. На карте Страленберга (34) и Герируд, и Мургаб впадают в Аму-Дарью.

тем Герируд уже при Ибн Русте (начало X в.) доходил только «до места, называемого „зарослями", между Серахсом и Абивердом, где много тамариска» [11]. В 1460 и 1465 гг. султан Хусейн на своем пути из Астрабада к Узбою не встретил никакого морского залива [12]; столь же мало говорится о таковом при описании набега Шейбани с берегов Узбоя через «Фаравские горы» на Астрабадскую область [13].

Мы не касаемся других промахов автора [14], менее тесно связанных с главной темой его исследования, тем более что уже приведенный пример, как нам кажется, достаточно ясно показывает, насколько бесполезны в научном отношении историко-географические исследования, основанные на одном только картографическом материале.

---

[11] Ибн Русте, 173. Что Арий (Герируд) теряется в песках, было известно уже спутнику Александра Македонского Аристобулу (Страбон, 518).

[12] Бартольд, *К вопросу о впадении Аму-Дарьи*, стр. 027; <выше, стр. 250>.

[13] Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 79; <см. выше, стр. 69>. Известно, что название «Фарава» относится к Кызыл-Арвату и не имеет ничего общего с Фирюзой. Даже на старых картах (ср., напр., карту при анонимной книге «Наши соседи в Средней Азии») автор мог бы найти «горы Парау» около Кызыл-Арвата.

[14] Особенно характерно объяснение слова «гуззы» (стр. 102): «Уйгуры в Туфанской (sic!) области в восточном Туркестане», причем сделана ссылка на *Землеведение* Риттера, т. V, вып. 2 (без указания страницы).

W. Rickmer Rickmers, The Duab of Turkestan. A physiographic sketch and account of some travels. With 207 maps, diagrams and other illustrations.

Cambridge, 1913. XV+564 pp. 8° maj.

В настоящей книге, по словам автора, к путевым очеркам (автор имел возможность посетить, в течение ряда лет [1], бассейн Зеравшана, некоторые местности Бухарского ханства и Памир) присоединены «уроки по элементарной физической географии» («teaching of a little elementary physiography»). Специально-научные вопросы рассматриваются в приложениях; там же мы находим, кроме указателей предметов и собственных имен, перечень литературы о Туркестане; в самой книге, предназначенной для широкого круга читателей, ссылки и вообще подстрочные примечания почти совершенно отсутствуют.

В путевых очерках главное место отводится, конечно, описанию природы или, вернее, ландшафта (о растительной и животной жизни говорится мало). Автора и его спутников сопровождал опытный проводник-тиролец; благодаря этому ими могли быть исследованы труднодоступные перевалы, вершины и ледники [2]; везде делались превосходные фотографические снимки, частью помещенные в книге, частью только перечисленные. В деле географического изучения края труд автора, вероятно, будет признан шагом вперед. Гораздо меньше говорится о городах, поселениях и вообще о человеке. Специалисты по этнографии и археологии не найдут для себя в книге нового материала; неспециалистами и эти места книги, вероятно, будут прочитаны с интересом. Не зная местных языков [3],

[1] Точная дата начала и конца путешествий не приводится; при описании отдельных путешествий упоминаются даты от 1896 до 1908 г.; при описании Бухары говорится, что город успел уже измениться с тех пор, как автор в первый раз видел его восемнадцать лет тому назад (стр. 92).

[2] По мнению автора, трудности горных экспедиций были значительно преувеличены русскими исследователями, в том числе Мушкетовым (имеется в виду исследование зеравшанских ледников в 1880 г.). Затруднения, встреченные Мушкетовым, объясняются тем, что его сопровождали донские казаки, которые на леднике так же должны были чувствовать себя не в своей сфере, как чувствовал бы себя тиролец на яхте (стр. 272).

[3] Взятый из Батума слуга-переводчик был в глазах автора экспертом «in all the broken idioms of Europe and Asia», точно так же как в кулинарном и прачечном деле (стр. 178).

автор был принужден ограничиться поверхностными наблюдениями; но эти наблюдения проникнуты искренним желанием понять душу населения, безусловно чужды обычных европейских предрассудков и излагаются с чисто английским юмором (напр., стр. 130 и сл. и описание «единственного настоящего приключения» на стр. 298 и сл.). Интересен, между прочим, рассказ о встрече в Бальджуане с русским, сделавшимся по внешнему образу жизни и религиозным обрядам совершенным сартом и нисколько не жалевшим о своей прежней жизни (стр. 444). Через посредство сопровождавшей его супруги автор мог ознакомиться и с жизнью женской половины населения.

Научные рассуждения автора, как и следовало ожидать, не касаются непосредственно вопросов, связанных с изучением современной жизни края и его прошлого. В этнографических вопросах он верит Фр. ф. Шварцу, автору «лучшего общего сочинения о Русском Туркестане» (стр. 5) [4]; о прошлом края он находит «все важное» («everything important») в книге Скрайна и Росса [5], отчасти дополняемой трудом Росса и Элиаса (стр. 543) [6]. Но в странах с такими климатическими условиями, как Туркестан, жизнь человека, может быть еще теснее, чем в других местах, связана с жизнью природы; говоря о физико-географических процессах и физико-географическом характере страны, неизбежно приходится говорить о прошлом, настоящем и будущем ее населения. Определяя свое отношение к теории высыхания и создавая новую теорию о туркестанском «Дуабе» как самостоятельной географической единице, автор справедливо рассматривает жизнь природы и жизнь человека как одно неразрывное целое; поэтому научная часть его книги представляет интерес не для одних только натуралистов.

Взгляд автора на теорию высыхания занимает середину между взглядом современных русских ученых (А. И. Воейкова и Л. С. Берга) и мнением прежних исследователей. Вместе с кн. Кропоткиным он считает прогрессивное высыхание Евразии «геологическим фактом» (стр. 510), но доказывает, что этот вопрос нельзя связывать с вопросом об историческом прошлом и будущем края. Процесс высыхания, по его мнению, отражается только на местностях, непосредственно прилегающих к пустыне, которая увеличивается на счет культурных земель не более как на одну английскую милю в столетие (стр. 47). Выше по течению рек условия в продолжение исторических периодов остаются неизменными, и для оро-

[4] Ср. Бартольд, ЗВОРАО, т. XIV, стр. 053—060.

[5] Бартольд, ЗВОРАО, т. XII, стр. 0130—0138. Между прочим, популярная в Англии легенда, что построенная Тимуром мечеть Биби-ханым есть выражение «страстного горя вдовца», из книги Скрайна (*The Heart of Asia*, p. 392) перешла и в книгу В. Рикмерса (стр. 122). Не прибегая к восточным сочинениям, автор даже из слов Клавихо (изд. Срезневского, 319) мог бы убедиться в том, что если мечеть вообще строилась Тимуром в память какой-нибудь женщины, то не в память жены, которая в то время была жива, но в память тещи.

[6] Бартольд, ЗВОРАО, т. X, стр. 215—226.

шения пашен вполне обеспечено достаточное количество воды. Автор только сомневается в том, окупятся ли громадные затраты, необходимые для производства сложных гидротехнических работ на Аму-Дарье и Сыр-Дарье, и удастся ли, посредством расширения железнодорожной сети и понижения тарифа, обеспечить населению дешевый хлеб, чтобы большая часть орошенных земель могла быть отведена под культуру хлопка (стр. 524). Название «Дуаб» (двуречье), очень употребительное в Индии [7], автор предлагает присвоить местности, лежащей между Аму-Дарьей, Сыр-Дарьей, Аральским морем и горными цепями в верховьях обеих рек. Только таким путем мы, по его мнению, получим область с ясно выраженными географическими границами; определить географические границы «Туркестана» было бы невозможно. В «Дуабе» нашли себе наиболее полное выражение все особенности, составляющие характерную черту стран, в состав которых входит или с которыми граничит Дуаб; все эти характерные свойства ослабляются по мере удаления от границ Дуаба. В области «климатологии, геологии, зоологии, ботаники, этнографии, политической экономии, истории» — везде мы найдем «all the central and leading facts or typs included in the Duab» (стр. 2). Едва ли теория автора и созданный им термин имеют будущность. Дуабом в Индии называется пространство между двумя реками, протекающими так близко одна от другой, что оросительные системы обеих рек составляют как бы одно целое. Таким «дуабом» в Туркестане, насколько мне известно, могла бы быть признана только местность между Чирчиком и Ангреном. Аму-Дарья и Сыр-Дарья в верхней части своего течения отделены одна от другой высокими горными цепями, в нижней — огромной пустыней; область между обеими реками не представляет (и никогда не представляла) ни в политическом, ни в этнографическом отношении самостоятельного целого; для будущей экономической жизни края местности, находящиеся вне «Дуаба», как Хивинское ханство и северная часть Ферганы с Наманганом, будут иметь во всяком случае не меньше значения, чем середина «Дуаба» — бассейн Зеравшана [8].

При составлении библиографического обзора автором приняты во внимание и русские работы, хотя с несколько странным выбором; так, упоминается учебник Н. В. Остроумова и не упоминается «Туркестан» И. В. Мушкетова.

[7] Из многочисленных индийских «дуабов» главный — область между Гангом и Джамной от гор Сивалик до Аллахабада. Предложение назвать туркестанским «Дуабом» местность между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей было сделано автором также в *The Fan Mountains*, p. 357 (цитуется в EI ⟨*Duab*⟩, I, S. 1125). Замечательно, что в своей книге автор ничего не говорит об индийских дуабах и только сопоставляет термин «Дуаб» с термином «Пенджаб» (стр. 1).

[8] Ср. в книге В. Рикмерса красноречивые слова о Самарканде как «residential capital» (стр. 120) и в особенности о Зеравшане как «средней линии и символе» всего Дуаба (стр. 276). Вопреки действительности, автор утверждает, будто «on its banks are greater cities than on the Amu or the Sir».

Albert Herrmann, Alte Geographie des unteren Oxusgebiets

Berlin, 1914 (Abhandl. der kön. Ges. der Wiss. zu Göttingen, phil.-hist. Klasse, Neue Folge, Bd XV, № 4). 57 S. 8° maj.

Настоящее исследование вызвано, по словам автора, трудом пишущего эти строки «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи», вышедшим в 1910 г. в немецком переводе (на русском языке труд был напечатан еще в 1902 г. в Ташкенте). В дополнение к установленному мною факту впадения Аму-Дарьи в Каспийское море в средние века (XIII—XVI вв.) автор старается доказать, что то же самое явление имело место в древности. Свидетельства античных авторов дают, по его мнению, возможность установить, что по Узбою в то время протекала вода и даже происходило судоходство; на основании местных преданий, существовавших еще в эпоху арабских географов, можно определить даже время исчезновения воды в этом рукаве реки.

Автор, конечно, сознает, что при изучении античных известий о Средней Азии исследователь не находится на такой твердой почве, как при изучении известий арабских географов. Вопрос о том, при каких условиях исторической критике приходится сложить оружие, вообще остается спорным; еще труднее в таких случаях установить границу между сколько-нибудь обоснованными гипотезами и совершенно беспочвенными догадками. При изучении дошедших до нас античных известий о среднеазиатских областях, особенно о тех, по которым не проходило войско Александра Македонского, приходится прибегать к догадкам на всех стадиях работы; даже когда удается, путем более или менее остроумных комбинаций, установить текст того или другого утраченного первоисточника, этот результат мало приближает нас к цели исследования, так как и с помощью такого текста нельзя создать сколько-нибудь цельной картины. Достаточно сказать, что греки говорят об Оксе (очень вероятно, что до Александра ту же реку называли Араксом), т. е. Аму-Дарье, и о стране хорасмиев, т. е. о Хорезме, но ни один из них не говорит, что Окс (или Аракс) протекает через страну хорасмиев.

Можно предоставить специалистам по классической литературе решить вопрос, насколько убедительны доводы автора, что рассказы Геродота и Страбона о массагетах восходят к общему источнику — сочинению Гекатея милетского (стр. 13—17). В смысле ясности географических по-

нятий о Средней Азии Гекатей не представлял исключения; описывая страну хорасмиев, он, насколько можно судить по дошедшим до нас фрагментам [1], тоже не говорил ни слова о реке. Страбон [2] (как полагает автор, по Гекатею) описывает страну массагетов с протекавшей по ней большой рекой, впадавшей одним рукавом в «Гирканский залив» (Каспий), другими — в какое-то «северное море»; страна разделяется на горы, равнины, острова и приморские болота; описываются нравы жителей каждой из этих местностей; но не определяется пространство страны, не говорится, были ли горы вблизи моря или далеко от него, где происходили военные действия, из какой области, из Гиркании или из другой, Кир подошел к «Араксу» и т. п. Предположение автора (стр. 19), что Кир переправился через Узбой около урочища Игды и что оттуда массагеты заманили его в Балхан, мало соответствует как географическому характеру местности, так и историческим аналогиям.

Если в этом случае аргументация автора только вызывает сомнение, то о его попытке доказать существование в древности водного пути из Бактрии до Черного моря (по Аму-Дарье, Узбою, Каспию, Куре и Риону) можно высказаться более определенно, притом в отрицательном смысле. Автору кажется (стр. 26), что слова Аристобула вполне подтверждаются независимыми от него источниками — Патроклом и в особенности тем спутником Помпея, рассказом которого воспользовался Варрон и с его слов Плиний [3]. Между тем зависимость результатов экспедиции Патрокла от взглядов, установившихся во время похода Александра, признается всеми исследователями; столь же естественно, что такой книжный человек, как Варрон, в свой рассказ о походе Помпея вносил не только показания своих источников, но и заимствованные из книг географические представления. Автор упускает из виду, что мы имеем возможность проверить рассказ Варрона по другим известиям, уже несомненно восходящим к спутнику Помпея и действительно передающим наблюдения очевидца, очень подробные и интересные, именно по рассказам Страбона об Иверии и Албании, заимствованным у Феофана митиленского. В этих рассказах не только нет ни слова о предположенном автором водном пути, но прямо исключается возможность его существования; вполне определенно говорится, что устье Куры все более засорялось песком, но население Албании «совершенно не нуждалось в море» [4], т. е. не вело никакой морской торговли. Торговый путь из Хорезма через степь к берегу Каспийского моря не только не является «географически немыслимым» («geographisch undenkbar», стр. 26), но всегда в истории существовал;

---

[1] Hecataei *Fragmenta*, № 172, 173 (FHG, I, p. 12a); русский перевод: Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 4 и сл.; ⟨выше, стр. 23 и сл.⟩.

[2] Страбон, 512—513.

[3] Подробности: Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 11 и сл., 17; ⟨выше, стр. 27 и сл. и 31⟩.

[4] Страбон, 501: οὐδὲν δεῖ θαλάττης.

так и у Страбона говорится, что к аорсам, жившим на северном берегу Каспия, индийские и вавилонские товары привозились на верблюдах [5].

Столь же неубедительны доводы в пользу гипотезы о перемене течения реки в V в. Действительно ли существовал город Балхан на берегу моря и действительно ли к нему относятся китайские известия о городе Боло и греческие о городе Βαλαάμ, как полагает автор (стр. 53), остается совершенно недоказанным. Против этого, как уже было отмечено в моем труде [6], говорит китайское известие о переселении народа из Боло через Гиндукуш в Индию. Персидские известия о событиях V в. ничего не говорят о городе Балхане. Из арабской литературы мы знаем, что существовало предание о каком-то «старом Хорезме» у Балхана; гибель этого Хорезма связывали с возникновением нового, причем для объяснения этого непонятного факта была придумана легенда, рассказанная у Макдиси [7]. Легенда совершенно не считается с фактом, что в Узбой могла попасть вода только из того же Хорезма, через Сарыкамышскую котловину. Тем не менее автор видит в легенде отголосок исторического события и на основании подробностей рассказа определяет, когда оно могло совершиться; упоминание турок показывает, что легенда до X в. могла существовать только несколько столетий; царь Балхана в легенде еще не является турком, следовательно, terminus ante quem ее возникновения — время окончательного утверждения турок в местности до Аму-Дарьи, что произошло около 565 г. При этом забывается, как легко в народных сказаниях одни этнографические названия заменяются другими. С таким же основанием можно было бы доказывать, что все эпизоды персидского эпоса, где говорится о войнах персов с турками, относятся к эпохе не ранее VI в. н. э.

После всего сказанного было бы трудно признать историко-географическое исследование А. Хермана большим шагом вперед в науке.

В отдельных местах своей книги и в особой статье, напечатанной в немецком географическом журнале [8], автор касается также истории изучения аму-дарьинского вопроса и здесь впадает в некоторые ошибки, объясняемые как незнакомством его с русской литературой [9], так и не вполне внимательным отношением к книге, переведенной на немецкий язык. Совершенно ошибочно автор полагает, что русскими исследователями было

---

[5] Страбон, 506: ὥστε καὶ ἐνεπορεύοντο καμήλοις τὸν Ἰνδικὸν φόρτον καὶ τὸν Βαβυλώνιον παρά τε Ἀρμενίων καὶ Μήδων διαδεχόμενοι. Слова о посредстве армян и мидян относятся, конечно, только к «вавилонским» товарам.

[6] *Сведения об Аральском море*, стр. 28; нем. перевод, стр. 19; ⟨выше, стр. 37 и прим. 88⟩.

[7] Макдиси, 285; Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 40 и сл.; нем. перевод, стр. 27 и сл.; ⟨выше, стр. 45⟩.

[8] Herrmann, *Die alte Verbindung*.

[9] Ср., напр., его слова (стр. 6) о работе Roesler, *Die Aralseefrage*: «die Barthold leider ganz übersehen hat»; между тем эта работа была использована мною еще в 1897 г. (Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 7 и сл.).

обращено мало внимания на работу проф. Обручева о «Закаспийской низменности». Исследование проф. Обручева было помещено в «Известиях Императорского Русского географического общества» [10], и на него ссылались едва ли не все русские ученые, писавшие об аму-дарьинском вопросе после него [11]. Спор о приоритете геолога или историка, поднятый проф. Обручевым на страницах того же немецкого журнала [12], основан на недоразумении; в предисловии к немецкому переводу моей книги речь шла не о результатах, достигнутых отдельными исследователями, но о признании соответствующей научной средой доказательной силы научных доводов. Доводы проф. Обручева (справедливо или нет — об этом историку не приходится судить) были отвергнуты его товарищами по специальности, и натуралисты были склонны сдать вопрос в архив, как решенный в смысле, противоположном мнению Обручева; если некоторые из них теперь изменили свой взгляд, то под влиянием результатов исторического исследования [13]. Остается, таким образом, факт, интересный с методологической точки зрения: научный вопрос, касающийся области естествознания, мог быть решен доводами исторической критики с большей убедительностью, чем путем применения методов так называемых «точных наук».

---

[10] Обручев, *Закаспийская низменность*.

[11] Вопреки категорическим словам А. Хермана (стр. 6, прим. 3): «Obrutschews Werk wird bei Barthold nirgends erwähnt», ссылка на работу Обручева есть не только в русском подлиннике моей книги (стр. 54, прим. 3; ‹выше, стр. 54, прим. 20›), но и в немецком переводе (стр. 36, прим. 3).

[12] Obrutschew, *Zur Geschichte*.

[13] Берг, *Аральское море*, стр. 523: «Коншин утверждает, что Аму никогда не могла течь по Узбою, Обручев держится противоположного мнения. На наш взгляд, обстоятельная монография проф. Бартольда разрешила этот вопрос».

В. Ф. Караваев, Голодная Степь в ее прошлом и настоящем. Статистико-экономический очерк (по исследованию 1914 г.)

Петроград, 1914 (Г. У. З. и З. Отдел Земельных Улучшений. Материалы и исследования к проекту орошения Голодной и Дальверзинской степей). IV+253+70+LVI+VI стр. 8°

Обследование 12 русских селений в степях Голодной и Дальверзинской (в последней находится только один поселок, Сретенский), результаты которого изложены в настоящей книге, было предпринято в связи с грандиозным оросительным проектом, принадлежащим инженеру Г. К. Ризенкампфу; предполагается оросить до 500 000 десятин в Голодной степи и до 55 000 в Дальверзинской (стр. 86). Статистик-экономист В. Ф. Караваев, под руководством которого было произведено обследование, включил в свою книгу также подробные сведения о прежней жизни поселков, о прежних оросительных проектах и их выполнении, о физико-географических и климатических условиях в Голодной степи; в начале книги рассматривается вопрос о сохранившихся в степи следах древних каналов и селений.

Помимо своего специального назначения, книга, таким образом, заслуживает внимания всех, кто интересуется жизнью Русского Туркестана в прошлом, настоящем и будущем, особенно успехами русской культуры в этом крае.

Голодная степь издавна принадлежала к числу районов, намеченных для оросительных работ и для русской колонизации. Долгое время на этих проектах, как и на многих других, отражалось преувеличенное представление о процветании Туркестана в отдаленные времена; отмечались следы больших каналов, будто бы орошавших некогда степь, и принимались на веру фантастические рассказы туземцев о протяжении этих каналов и размерах орошавшейся ими площади [1]. Изданиями Отдела земельных улучшений вопрос постепенно был поставлен на более научную почву; в книге В. Ф. Караваева устанавливается факт, что обнаруженные в степи «довольно значительные логи» не могут быть принимаемы «за остатки искусственных арыков», что рассказы туземцев «являются

[1] Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII, стр. 207; его же, *Орошение*, стр. 137, ‹выше, стр. 217› и ссылка на этот труд у В. Ф. Караваева, стр. 11.

в высшей степени смутными и даже географически неверными» (стр. 15). Тем не менее мы и в книге В. Ф. Караваева еще не находим вполне научного отношения к этому вопросу, одинаково важному для науки и для жизни. По мнению В. Ф. Караваева, уже барон Аминов, производивший изыскания в 1869 и 1870 гг., «окончательно установил» факт существования не только в северо-восточной, но и в средней части Голодной степи остатков «заброшенных ирригационных систем и древних оседлостей» (стр. 11); в средней части степи, по словам самого В. Ф. Караваева, теперь никаких следов старых поселений нет (стр. 18); тем более следовало бы привести сведения о таких следах, существовавших в 1870 г., не ограничиваясь ссылкой на труднодоступную в настоящее время газетную статью (ТВ, 1873, № 27). В северо-восточной части степи упоминается урочище Урумбай, на древнем канале того же имени (канал называется также Урумбай-мирза), носящем в верхней части своего течения название Огуз; это урочище причисляется к «пунктам по Сыр-Дарье», где встречаются «развалины прежних поселений»; но никакого описания развалин мы в книге не находим. По довольно правдоподобному предположению автора, тем же древним арыком орошалось упоминаемое в X в. христианское селение Винкерд (стр. 10, прим.); географически возможно, что это селение находилось на месте урочища Урумбай; тем более было бы важно точно знать, какие признаки старого поселения сохранились в этом урочище. Исходя из названия «Огуз», автор относит происхождение арыка к средневековым огузам (стр. 14 и сл.); мы не знаем, однако, как объясняют это название сами туземцы, когда оно могло возникнуть и не было ли оно дано уже сухому руслу, по имени какого-нибудь отдельного кочевого рода или на основании местного предания [2]. Голова арыка помещается в урочище Шал-Тугай, в 50 верстах выше Чиназа (стр. 13); из дальнейшего, однако, видно, что это — голова предполагаемая, так как она бесследно уничтожена разливом реки, по мнению инженера А. Курсиша (основанному, вероятно, на рассказах туземцев) «более ста лет тому назад» (стр. 15); где начинаются сохранившиеся еще теперь следы арыка, не сказано. Столь же неясно, где кончаются эти следы; приводятся некоторые сведения о течении арыка ниже урочища Урумбай, но к этим сведениям сам автор прибавляет в скобках: «что, впрочем, едва ли вероятно» (стр. 13); какими более точно установленными данными это «невероятное» должно быть заменено, остается неизвестным. Еще менее удовлетворяет читателя отношение автора к литературным источникам; из старых газетных статей приводятся ссылки на «хронику Тамер-

[2] Правдоподобнее всего, что мы имеем здесь слово اوكوز 'река, проток' (Радлов, *Словарь*, I, 1811 *ӱгӱс*), которое на русских картах обыкновенно пишется «Огуз». Ср. канал Огуз в дельте Аму-Дарьи, Бартольд, *Орошение*, стр. 101 ‹выше, стр. 183› по 10-верстной карте низовьев Аму-Дарьи; в хивинской истории (Мунис—Агехи, рук. Аз. муз. 590 ob, л. 476a) здесь اوكوز.

лана, экземпляры которой находятся в Бухаре» (стр. 16), причем не говорится ни слова о недопустимости таких ссылок [3].

Даже вопросы, касающиеся событий эпохи русского владычества, не всегда разрешаются на основании точных известий письменных источников, хотя, казалось бы, в этих случаях необходимость обратиться к таким источникам не могла бы подлежать сомнению. Из письма Кауфмана в берлинское Географическое общество, напечатанного сначала в «Nordische Presse», потом (в переводе) в «Туркестанских ведомостях» (1873, № 33), приводятся слова Кауфмана о воде, проведенной им в степь для облегчения туркестанскому отряду перехода через пустыню (на пути в Хиву) в марте 1873 г. (стр. 64 и сл.); высказывается предположение, что речь идет о продолжении так называемого Мурзарабатского канала (стр. 12), причем автор совершенно не обращается к русским историческим известиям о походе 1873 г. По словам М. А. Терентьева [4], вода была проведена из речки Джилан-Уты (т. е. из Санзара) до станции Агачлы, т. е. только через южную часть степи; если это известие верно, то им безусловно опровергаются предположения В. Ф. Караваева.

По поводу меры Кауфмана автор мог бы вспомнить, что в Туркестане и в прежнее время были случаи проведения каналов исключительно с временными военными целями [5]; с этим было бы необходимо считаться при объяснении следов старых каналов, когда вблизи нет следов старых поселений. Наконец, рядом с успешными оросительными работами всегда были и неудачные, не имевшие никакого влияния на расширение площади орошения, но, несомненно, надолго оставлявшие след на поверхности степи.

При русском владычестве удачным попыткам оросить часть Голодной степи предшествовал ряд неудач, подробно и правдиво описанных в книге В. Ф. Караваева (стр. 26 и сл.), хотя им подсчитываются только непосредственные убытки казны; еще больший убыток терпело население, которому неудачный проект Кауфмановского канала обошелся, по расчету Е. Е. Скорнякова, в миллион рабочих дней [6]. Население испытывало от этих работ те же тяготы, как в ханские времена (труд над сооружением каналов оставался, как при ханах, принудительным и бес-

---

[3] Отметим еще некоторые ошибки против истории на стр. 9. Самарканд и Бухара скоро оправились после монгольского нашествия, и периода, когда значение этих городов перешло бы к Ташкенту, в средние века не было. Тимур воцарился не в 1369, а в 1370 г., умер не 17 октября, а 18 февраля 1405 г. (Бартольд, *О погребении Тимура*, стр. 20). «Самостоятельное государство» в Коканде возникло не в XVI, а в XVIII в. Наконец приходится сказать еще раз (ср. Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII, стр. 339), что надписи в Джизакском ущелье сделаны не на «тюрко-татарском» языке (фотографии к стр. 12), а на персидском.

[4] *История завоевания*, т. II, стр. 169.

[5] Ср. рассказ о действиях Надир-шаха в 1740 г. (Бартольд, *Орошение*, стр. 68; <см. выше, стр. 154>).

[6] «Азиатская Россия», т. II, стр. 247.

платным), и в то же время не видело от них той пользы, как население Ферганы от грандиозных каналов, проведенных кокандскими ханами. Едва ли поэтому оросительные работы 70-х и 80-х годов могли поднять престиж русской власти. Автору впечатление, произведенное этими работами на туземцев, представляется в ином свете; по его мнению, легенда о Хосрое, Ширин и Фархаде, приуроченная к скалам на левой стороне Сыр-Дарьи, возникла только под влиянием работ великого князя Николая Константиновича (стр. 31 и сл.). В действительности не только происхождение популярного в средневековой Персии литературного сюжета [7], но и приурочение его к берегам Сыр-Дарьи (первоначально местом работ Фархада была гора Бисутун в Западной Персии) относится к временам до русского завоевания; легенда приблизительно в том же виде, как ее слышал В. Ф. Караваев, рассказана уже в статье А. А. Кушакевича, напечатанной в 1871 г. [8], задолго до начала работ великого князя.

Постепенно изменялись условия труда и улучшалась техника; 1 сентября 1895 г. впервые подал воду в глубь Голодной степи проведенный великим князем канал Императора Николая I (стр. 33), хотя только в 1913 г., с открытием Романовского канала, было осуществлено «первое крупное дело русского государственного строительства в области орошения в Средней Азии» (стр. 66). Часть нового канала прошла по руслу старого арыка Огуз (стр. 69).

Расширением площади орошения воспользовалось и туземное население, хотя только в слабой степени, так как вновь орошаемая земля предназначается исключительно для русских переселенцев. В эпоху русского завоевания было только небольшое число селений (в 1914 г. всего 1286 душ) в юго-восточной части степи, куда могла быть проведена вода из речки Аксу; впоследствии возникло еще несколько поселков близ Сыр-Дарьи, в «тугайной» части берега, причем на 216 хозяйств (2207 душ) приходится 177 кочевых [9]; после проведения Романовского канала в пользу этого населения было отведено воды на 879 десятин (стр. 91). Кроме того, в связи с оросительными работами и с проведением железной дороги возникло несколько поселков городского типа, необходимость которых признается и в будущем, так как сельское хозяйство в Голодной степи должно быть рассчитано «не на удовлетворение всех собственных потребностей натуральным путем, а в значительной мере на рынок» (стр. 252) [10]. В настоящее время таких поселков два, из которых более

---

[7] Ср., напр., Browne, *A Literary History*, vol. II, p. 404 sq.

[8] Кушакевич, *Сведения*, стр. 188 и сл.

[9] Термин *кышлак* давно уже утратил свое этимологическое значение ('зимовка') и значит в Туркестане просто 'деревня, село'; но выражение «летний кышлак» употреблено в книге В. Ф. Караваева (стр. 89) едва ли не впервые. Киргизское кочевое население вообще предполагается поселить «вдоль р. Сыр-Дарьи в тугайной, богатой для скотоводства полосе» (стр. 111).

[10] Главной целью оросительных работ является развитие хлопководства; под

старый, Княжеский, близ станции Голодная степь, населен главным образом туземцами, в руках которых находится и торговля (стр. 118 и сл.); при устройстве с 1913 г. нового поселка Самсонова, близ станции Сыр-Дарьинской, земля отводилась только русским и православным, после издания закона 21 июня 1914 г. также другим русским подданным христианских исповеданий (стр. 113).

Подробно рассказывается поучительная история образования русских поселков, из которых первый, Запорожский, был основан еще в 1885 г. великим князем Николаем Константиновичем, взявшим для этой цели у туземцев около 70 десятин; «владельцы земли были вознаграждены частью деньгами, частью обещанием отпускать в будущем воды по расчету на 5 мельниц» (стр. 92). Известно, что вода по прорытому тогда каналу не пошла. «Период прежнего, недостаточно организованного заселения Голодной Степи» закончился только с устройством в 1913 г. Велико-Алексеевского поселка, которому, по мнению автора, суждено положить начало новой эпохе в деле колонизации (стр. 117).

В настоящее время в 12 земледельческих поселках имеется 1307 наличных хозяйств, составляющих около 7000 душ (стр. 151); из 12 поселков четыре вовсе не имели орошенных наделов (стр. 180). Количество земли, фактически орошаемой из Романовского канала, составляет 5533 десятины для правой ветви канала и 9015,37 для левой (стр. 73 и сл.) [11]; остается запас свободной орошенной площади в размере 42 000 десятин, который, по словам автора, при быстром притоке поселенцев будет исчерпан довольно скоро (стр. 85). О будущем Голодностепском канале говорится только, что голова его будет около Запорожского поселка, причем будет устроена «большая плотина, которая, покрыв пороги, между прочим, может способствовать возникновению судоходства выше по реке» (стр. 94). Предполагается оросить 550 000 десятин, т. е. площадь, немногим уступающую площади всей орошаемой в настоящее время земли в Самаркандской области [12]. Отведение такого количества земли для русских поселенцев, конечно, изменит процентное отношение русского на-

---

хлопок должно пойти не менее 150 000 десятин из 550 000, что увеличит площадь под хлопчатником в Туркестане (в 1913 г. 429 823 десятины) приблизительно на 35% (стр. 253). В последнем по времени поселке, Велико-Алексеевском, хлопком в первый же год было засеяно 80% общей площади посева (стр. 116).

[11] Полевые участки 8 орошаемых поселков составляют, однако, всего 11 331,3 десятины (стр. 187), из которых 2915,5 приходится на Дальверзинскую степь (стр. 189), так что из Романовского канала получали воду всего 8415,8 десятины.

[12] По Е. Е. Скорнякову (в кн. «Азиатская Россия», т. II, стр. 144), эта площадь равняется всего 480 000 десятин, что, однако, едва ли верно. Официальный «Обзор Самаркандской области за 1910 г.» (стр. 45) определяет площадь орошенной земли в области в 700 000 десятин. Даже после выполнения проекта часть Голодной степи еще останется безводной; между прочим, вода не дойдет до станции Черняево, важнейшего узлового пункта Средне-Азиатской железной дороги (стр. 121); ‹Черняево — ныне станция Урсатьевская›.

селения к туземному, но не в такой степени, как можно было ожидать, так как для русского хозяйства в Туркестане требуется гораздо больше земли, чем для туземного. На 550 000 десятин можно будет поместить не более 250 000 человек, тогда как сельское население Самаркандской области уже по расчету 1910 г. превышало эту цифру более чем втрое [13].

Об отношениях между русскими и туземцами говорится немного. Замечательно, что автор всегда употребляет термины «чайрикер», «чайрикерство» (стр. 156 и 191) и «чирик» (стр. 157, 162 и в таблицах, стр. XXXIII), даже когда идет речь об арендовании земли русскими у русских.

В заключение можно только сказать, что интересная и хорошо составленная книга В. Ф. Караваева, наглядно свидетельствуя об успехах русского дела в Туркестане сравнительно с недавним прошлым, столь же наглядно показывает, как много еще нужно для того, чтобы русская культура заняла в этом крае подобающее ей место. По замечанию самого автора грандиозного оросительного проекта (стр. III), вопросы, связанные с его выполнением, не могут быть разрешены одной техникой; необходимо «опираться на прочный фундамент общегосударственного строительства и искать корней в эволюции совершающейся жизни». В крае с культурным инородческим населением культурное «государственное строительство» немыслимо без внимательного и вдумчивого отношения к местной культуре, без стремления изучать памятники этой культуры на основании научно установленных данных, не довольствуясь рассказами и произвольными мнениями отдельных лиц.

---

[13] «Обзор Самаркандской области за 1910 г.», прилож. № 1, где приводится цифра 774 640.

БУДУЩЕЕ ТУРКЕСТАНА И СЛЕДЫ ЕГО ПРОШЛОГО

С первых лет после присоединения к России культурных областей Туркестана как среди ученых теоретиков, так и среди практических деятелей начались споры о том, какие экономические выгоды может получить Россия от вновь присоединенных областей. Отзывы ученых в общем не были благоприятны; такие знатоки Средней Азии, как историк Н. И. Веселовский и путешественник-лингвист В. В. Радлов, независимо друг от друга пришли к заключению, что особых экономических выгод Россия от присоединения Туркестана ожидать не может. Таковы же были отзывы некоторых представителей естественных наук. Дальше всех шел в этом направлении астроном Ф. Шварц, прослуживший 15 лет при ташкентской обсерватории, которому мечты русских деятелей об экономическом возрождении Туркестана под влиянием европейского управления внушали одно только «чувство сожаления». Для него было несомненным, научно установленным фактом, что Туркестан не имеет экономической будущности и обречен на неминуемую гибель. Шварц был убежден, что под влиянием перевеса испарения над осадками количество влаги в Туркестане быстро уменьшалось в прошлом и столь же быстро будет уменьшаться впредь, так что невозможно не только расширение существующей оросительной сети, но и поддержание ее на современном уровне, вследствие чего основанная на искусственном орошении земледельческая культура постепенно должна будет падать.

Теории Шварца впоследствии были опровергнуты другими представителями естественных наук, из которых достаточно назвать двоих — покойного проф. Воейкова и здравствующего Л. С. Берга. Эти ученые, особенно второй, основывались не только на фактах из жизни природы (временное прибывание туркестанских озер, наблюдавшееся за многие годы и наглядно показавшее, что процесс высыхания происходил не так непрерывно, как полагали прежде), но и на результатах исторических исследований. Особенно важно для науки подробное описание Туркестана, составленное арабскими географами X в., из которого видно, что уже тысячу лет тому назад количество орошенных пространств по сравнению с безводными было приблизительно такое же, как теперь, т. е. воды было не больше, чем в настоящее время.

В противоположность Шварцу, полагавшему, что в Туркестане использована каждая капля воды, которая вообще может быть использована

для орошения (это мнение Шварца потом было повторено в отчете американской экспедиции Пампелли), Воейков был горячим сторонником возникавших при русском правительстве оросительных проектов, но иногда впадал в противоположную крайность. Оросительные проекты представлялись ему более осуществимыми, чем они были в действительности; под влиянием поверхностных суждений об остатках прошлого в Туркестане он даже старался доказать, что те же проекты уже были осуществлены в прежнее время. Когда возник проект проведения канала из Аму-Дарьи для орошения Закаспийской области (ныне Туркменистан), проект, настолько легкомысленно составленный, что участники его потом были привлечены к судебной ответственности, Воейков доказывал, что Мервский оазис прежде занимал такое обширное пространство, для которого не хватило бы воды Мургаба, и должен был орошаться водою Аму-Дарьи или Келифского Узбоя. Между тем в то время уже существовало исследование по истории Мерва проф. Жуковского, причем приведенные там свидетельства восточных авторов не оставляют сомнения в том, что никаких других каналов в Мервском оазисе, кроме проведенных из Мургаба, не было.

Эти факты показывают, что, казалось бы, далекие от современной жизни работы по истории и неразрывно связанной с ней археологии Туркестана (без вещественных следов нельзя понять письменных известий, и наоборот) в действительности необходимы для успеха начинаний, имеющих целью поднять его экономическое благосостояние. Этот вывод, достаточно убедительный сам по себе, кроме того, подтверждается примером других стран: оросительные работы в Месопотамии могли извлечь существенную пользу из исследований о каналах как ассиро-вавилонской эпохи, так и эпохи расцвета мусульманской культуры. Разумеется, из этого не следует, что можно принимать без критики сообщения восточных авторов; указанное в некоторых арабских сочинениях пространство орошенной части Ирака (южной части Месопотамии) значительно превосходило бы пространство всего Ирака. Столь же сомнительны слова некоторых авторов XV в., будто в то время Зеравшан в половодье доходил до Аму-Дарьи, а между Мервом и Серахсом была непрерывная культурная полоса. Эти и другие сомнительные свидетельства опровергаются путем сопоставления как с другими письменными источниками, так и с вещественными следами прошлого и нисколько не уничтожают научной ценности средневековой мусульманской географии вообще. Опыт показал, что изучение исторического материала иногда приводит к более достоверным выводам, чем приемы естествознания. Исторические исследования доказали с несомненностью, что, вопреки мнению большинства геологов, Аму-Дарья в XIII, XIV и XV вв. проложила себе путь через Сарыкамышскую котловину и Узбой к Каспийскому морю. Исследование Келифского Узбоя в настоящее время уже во второй раз приводит большинство исследователей к выводу, к которому можно было бы

прийти сразу, путем изучения арабских географов: что Келифского Узбоя как особого рукава Аму-Дарьи никогда не было[1].

В своей работе «К истории орошения Туркестана», составленной в свое время для Отдела земельных улучшений, я постарался собрать сведения об использовании для орошения, в прошлом и настоящем, главных туркестанских рек. Мне удалось доказать, отчасти опираясь на работы местных исследователей, в особенности В. Л. Вяткина, что на Зеравшане существующая оросительная сеть была унаследована мусульманской культурой от домусульманского периода, тогда как на Аму-Дарье и Сыр-Дарье, в Хорезме и в Фергане, в XIX в. были произведены такие обширные оросительные работы, каких трудно было ожидать при состоянии культуры Туркестана в то время и с которыми по обширности орошенных пространств и прочности достигнутых результатов не могли бы выдержать никакого сравнения русские работы на Мургабе и в Голодной степи. Но, как первый опыт, моя работа не могла, конечно, исчерпать материал и дать ответ на все вопросы. О некоторых каналах, как о Тюятартарском, орошавшем некогда южную часть Голодной степи, в вакуфных документах, по-видимому, можно найти более подробные сведения, чем приведенные мною. Сверх того, я располагал совершенно недостаточными сведениями по вопросу, представляющему наибольший интерес с точки зрения экономической будущности Туркестана: насколько возможно в настоящее время орошение пространств, где теперь нет никакой культуры, но где еще в историческое время действовали обширные оросительные системы. Из современных политических образований в Туркестане в разрешении этих вопросов особенно заинтересованы Каракалпакская автономная область и Туркменистан. В первой развалины Гульдурсун-кала, среди песков по дороге из Турткуля (Петро-Александровска) к колодцам Кукча, и сохранившиеся около них следы оросительных сооружений подтверждают слова арабских географов о большом канале Гавхоре к востоку от главного русла Аму-Дарьи. В Туркменистане известна обширная и совершенно сухая в настоящее время оросительная система по нижнему течению Атрека, с развалинами города Дихистана (надпись на соборной мечети показывает, что это здание построено в начале XIII в.), известными теперь под названием Мешхед-и Мисриян. По словам одного из исследователей (покойного И. Т. Пославского), существование этой оросительной системы свидетельствует о том, что воды в Атреке тогда было больше и что она не имела такого противного горько-соленого вкуса, как теперь. Возможно, действительно, в некоторых случаях восстановить былую культуру уже нельзя; река могла обмелеть вследствие истребления растительности на ее верховьях и по другим причинам; кроме того, река с течением времени прокладывает себе все более глубокое русло, голову арыка приходится отводить все выше по течению, чему должен быть пре-

[1] <См. выше, стр. 284, прим. 2.>

дел. Но эти и другие вопросы могут быть решены только путем подробных исследований на месте, при которых участие археолога, несколько знакомого с общим характером истории Туркестана и с памятниками его прошлого, столь же необходимо, как участие техников-ирригаторов [2]. Необходимость таких исследований была сознана и при старом правительстве; в 1916 г. предполагалось отправление ирригационной экспедиции при участии ориенталиста-археолога в Хорезм, не осуществившееся по политическим причинам. Та же задача в настоящее время поставлена на очередь Средазкомстарисом; предполагаемые в текущем году командировки исследователей в Мерв и Хорезм должны, между прочим, ответить на вопрос, насколько подтверждаются существующими следами каналов письменные известия об оросительных системах.

Едва ли нужно прибавлять, что современная техника не связана средневековыми примерами. В настоящее время может оказаться осуществимым много такого, что было невозможно в прежнее время, как англичанами осуществлен проект Асуанской плотины, возникавший еще в XI в., но тогда признававшийся неосуществимым. Но в Туркестане европейская техника, к сожалению, фактически еще не доказала, что ею могут быть решены задачи, перед которыми оказалась бессильной средневековая техника Туркестана, например овладение Аму-Дарьей, на всем протяжении истории Туркестана подчинявшей себе человека и своими неожиданными прорывами заставлявшей его переносить свои пашни из одних мест в другие. Но даже если превосходство европейской оросительной техники и в Туркестане, наконец, будет доказано фактами, а не только проектами и предположениями, то и тогда для проектов новых оросительных работ не утратит значения вопрос, какие именно земли и как были орошены прежде.

---

[2] <Об использовании данных археологии для развития ирригации см.: Толстов, *О землях древнего орошения*; Толстов—Андрианов, *Новые материалы*.>

СТАТЬИ ИЗ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ ИСЛАМА»

АЗАК

Азак[1], русск. Азов, — город близ устья Дона; упоминается в XIV в. (после 1316 г.) сначала как генуэзская, затем (с 1332 г.) как венецианская колония под названием Тана (по древнему Танаису) [2]; тюркское название появляется на монетах с 717/1317 г. В 797/1395 г. город был разрушен Тимуром, в 880/1475 г. им овладели турки-османы. Русские (казаки) впервые появились под Азаком в 1589 г.; в 1637 г. город был взят и все мусульманское население перебито; в 1641 г. казаки с успехом отстояли город от многочисленного войска, но в 1642 г. по приказу царя ушли, а город сровняли с землей; татары и турки сразу же вновь отстроили город, а в 1660 г. заново укрепили его. Завоеванный Петром Великим в 1696 г., Азак в 1711 г. пришлось возвратить туркам; будучи занят в третий раз в 1736 г., город по договору 1739 г. остался за русскими, однако, согласно этому же договору, укрепления должны были быть срыты и восстановлены были только в 1769 г. С того времени город остался в русском владении, но потерял свое прежнее значение с расцветом соседнего Ростова. По Азаку получило свое название Азовское море — Меотида древних.

---

[1] ⟨Здесь и далее в статьях из «Энциклопедии ислама» вначале приводится географическое название в транслитерации.⟩

[2] ⟨О ранней истории Азова см. Ковалевский, *К ранней истории Азова.*⟩

АК-МЕЧЕТЬ

Ак-Масджид (тюрк. 'Белая мечеть') — название укрепления на Сыр-Дарье. 9 августа (28 июля) 1853 г. взято штурмом русскими и в том же году восстановлено как форт Перовский; ныне уездный город Перовск в Сыр-Дарьинской области, примерно с 5000 жителей [1].

Коменданту Ак-Мечети были подчинены также остальные укрепления в нижнем течении Сыр-Дарьи, построенные по приказу кокандского правителя; из Ак-Мечети производился сбор дани (*закāт*) с кочевников и таможенных пошлин на караванной дороге из Оренбурга в Бухару. Под предводительством коменданта Я'куб-бека, будущего правителя Кашгара, кокандцы предприняли в марте 1852 г. набег на подвластных русским казаков [2] и разграбили около 100 аулов; предпринятая в июле того же года русским полковником Бларамбергом попытка наступления была отражена преемником Я'куба, Батир-баси ⟨Батыр-баши?⟩ Во время похода следующего года под командованием генерала (позже графа) Перовского наступление велось с излишней осторожностью и осмотрительностью, что имело следствием много ненужных жертв. Гарнизон Ак-Мечети состоял лишь из 500 человек с тремя пушками; комендант Мухаммед-Али (так по *Та'рūх-и Шāхрухū*, 98; в русских источниках — Мухаммед-Вали или Абду-Вали) пал вместе с большей частью гарнизона при защите крепости, и русские захватили лишь 74 пленных, по большей части раненых. Войско под командованием минг-баши Касим-бека, высланное из Коканда, чтобы возвратить Ак-Мечеть, вынуждено было отступить с большими потерями. Для истории Средней Азии взятие Ак-Мечети имело решающее значение как первое приобретение русских на среднем течении Сыр-Дарьи; в военной истории оно является лишь примером тактики, совершенно нецелесообразной в Средней Азии.

---

[1] ⟨В 1924 г. переименован в город Кзыл-Орда, ныне центр Кзылординской области Южно-Казахстанского края Казахской ССР; в 1959 г. — 66 тыс. жителей.⟩

[2] ⟨Казахов.⟩

АК-САРАЙ

‹1›. Ақ-сарāй в городе Шахрисябзе, построенный в 781/1379-80 г. для Тимура мастерами, уведенными из Хорезма; остатки этого дворца, одного из прекраснейших памятников того времени, сохранились до сего дня[1]. Название, вероятно, заимствовано у какой-нибудь аналогичной постройки в Хорезме.

‹2›. Ақ-сарāй около Ургенча, упоминается еще в «Шейбаниаде» (Мухаммед-Салих, *Шейбāнӣ-нāме*, изд. Вамбери, 392).

---

[1] ‹О здании см. Кабанов, *Руины дворца Ак-Сарай*.›

АКСУ

Ақ-сӯ (тюрк. 'Белая вода') как название реки чрезвычайно распространено в странах, где говорят на тюркских языках. Обычно при разделении реки часть ее, текущая в первоначальном русле, называется Аксу или Ак-Дарья, а искусственный канал — Карасу или Кара-Дарья ('Черная река')[1]; однако и отдельные реки и ручьи часто носят название Аксу. Нередко это название переносится с водных потоков на города и селения; особенно известно Аксу в Восточном Туркестане на реке Аксу, притоке Яркенд-Дарьи, или Тарима. Это тюркское название не может быть засвидетельствовано ранее VIII/XIV в.; поэтому принятое после Дегиня почти всеми отождествление с городом Авзакией Птолемея должно быть отвергнуто. В китайских источниках город (упомянут уже в «Истории старших Хань», I в. н. э.) называется Вэньсу (так и ныне), Даши и Юйчжи; в персидских — в анонимном *Ḥудӯд ал-ʿālam*, IV/X в., и у Гардизи, V/XI в. (текст у Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 91; ср. Marquart, *Streifzüge*, Vorwort, S. 20) — пишется Банчуль (чтение и произношение неясно). Во время Тимура (в *Ẓафар-нāме*) упоминаются уже китайские купцы в Аксу, что позволяет заключить о значении города. В *Таʾрӣх-и Рашӣдӣ* Аксу описывается как один из главных городов Восточного Туркестана. В более позднее время Аксу, по-видимому, занимал по сравнению с Яркендом, Кашгаром и Турфаном только подчиненное положение; современные путешественники описывают Аксу как маленький город (около 2 *км* в окружности). С 1867 до 1877 г. город находился во владении Яʿкуб-бека, после смерти которого китайцы восстановили свою власть в Аксу, как и во всем Восточном Туркестане. Постройки прежних веков в Аксу не сохранились.

[1] <См. выше, стр. 117, прим. 72.>

АЛТАЙ

Алтай — горная система в верховьях Оби и Иртыша. Древнейшее тюркское название для южного Алтая — Алтын-Йыш ('Золотые горы'; так в орхонских надписях[1]), по-китайски Цзинь-Шань; эта же горная цепь иногда называется в научной географии именем Эктаг, происходящим из записок греческих путешественников VI в. н. э. (очевидно, Ак-таг — 'Белая гора'), однако, по новейшим исследованиям (Chavannes, *Documents*, p. 236 sq.), упоминаемые греками горы следует искать не на Алтае, а в Тянь-Шане; ошибка возникла из-за неправильного греческого перевода χρυσοῦν ὄρος. Если нынешнее название также восходит к слову, означавшему 'золото', то это может быть только монгольское *алтан*, или *алта*; к тому же, по-видимому, это название появляется лишь при калмыцком владычестве. Нынешнему тюркскому населению это значение названия уже неизвестно; в народной этимологии слово «Алтай» разлагается в *алты ай* ('шесть месяцев'); как имя нарицательное оно употребляется в значении 'высокие горы'.

---

[1] ‹С. Е. Малов (*Памятники*, стр. 356) переводит «Алтун-Йыш» как 'золотая чернь'; «чернь» — диалектное название разновидности тайги.›

АЛТЫ-ШЕХР

Алты-шехр, или Алта-шехр (слово «шесть» в Китайском Туркестане всегда пишется *алта*), собств. 'Шесть городов' — название части Китайского Туркестана с городами Куча, Аксу, Уч-Турфан (или Уш-Турфан), Кашгар, Яркенд и Хотан. Название, по-видимому, впервые появилось в XVIII в. (см. Hartmann, *Der islamische Orient*, Bd I, S. 226, Anm. 1; S. 278, Anm. 3). В качестве седьмого города теперь добавляется Янги-Хисар (между Кашгаром и Яркендом, часто упоминается также как один из шести городов; в таких случаях исключается Куча или Уч-Турфан); поэтому в новых источниках (так в новейшем историческом сочинении *Та'рӣх-и амнӣйа*, написанном в 1321/1903 г., напечатанном в 1905 г. Н. Пантусовым в Казани) страна называется часто Джеты(или Йеты)-шехр ('Семь городов'). Лучшую сводку исторических сведений об Алты-шехре дает Григорьев (Риттер — Григорьев, *Восточный Туркестан*, вып. II); гораздо менее надежно: Bellew, *Kashmir and Kashgar*.

АМУ-ДАРЬЯ

Аму-Дарья — одна из двух главнейших рек Русского Туркестана. Древнее название — Оксос (Ὦξος) — возводится к иранской форме Вахшу; еще в V/XI в. (Бируни) Вахш упоминается как «дух (*малак*) воды вообще и Окса в особенности»[1]; на наших современных картах название Вахш (у географов средневековья: Вахшаб) носит только приток, вытекающий из Алая[2] (называется также Сурхаб и Кызыл-су); местные жители употребляют это название также в отношении Пянджа и других истоков. Другие названия: пехлеви — Вехрод, китайские — Гюйшуй, Вуху, Поцзу и Фоцзу; арабское и новоперсидское — Джейхун (в персидских источниках — уже в V/XI в. у Гардизи — это слово употребляется как имя нарицательное для больших рек вообще). Нынешнее название происходит от названия города Амуль (вероятно, как и Амуль в Табаристане, восходит к доарийскому народу амардов; см. Marquart, *Untersuchungen*, H. II, S. 57), позднее Аму и Амуе (ныне Чарджуй ⟨Чарджоу⟩), отсюда Аб-и Амуе или Дарья-и Амуе (река Амуе). Благодаря своему положению на главной дороге из Хорасана в Мавераннахр город достиг такого значения, что его название могло быть перенесено на всю реку.

За собственно исток нынешняя география принимает Аксу, текущую с Малого Памира, а местные жители (как и географы средневековья) — текущий с Большого Памира Пяндж, называвшийся в средневековье Джерьяб, в верхнем течении Вахшаб; Пенджабом первоначально (упоминается в начале VII/XIII в.) называлось место, где впадением Вахша завершается слияние «пяти» истоков в одну реку; в качестве таковых у Истахри (296) считаются, кроме Пянджа и Вахша, еще река Хульбука (названия Аḫшӯ и Барбāн, или Балбāн, — быть может, следует читать Талбāр, — оба обозначали, вероятно, вопреки Истахри, одну и ту же реку, нынешнюю Куляб-Дарью), Фāрṛар, или Пāрṛар (ныне Кичи-Сурхаб, или Кызыл-су), и Андйджāрāṛ, или Андйшāрāṛ (это колебание указывает, как известно, на звук *ч*, следовательно Андйчāрāṛ, ныне Таир-су). Из левых притоков Пянджа арабы упоминают только Кокчу и Ак-сарай; произношение древних названий до сих пор еще не удается установить с уверенностью. После слияния река принимает справа еще Кафирниган (в сред-

[1] ⟨Бируни, *Āṯār ал-бāḳийа*, изд. Захау, 237.⟩

[2] ⟨Вахш берет начало на северном склоне Заалайского хребта.⟩

ние века Рāмӣз, ныне так называется один из истоков) и Сурхан (в средние века Чаган-руд, так еще во времена Тимура; в *Зафāр-нāме* пишется Джагāн-рӯд).

Территория, орошаемая истоками, распадалась на следующие области. Пяндж, пройдя через область Вахан, отделял Бадахшан от Шукнāна (‹Шугнан›; пишется также Шукнāн, Шикинāн и Шиḳӣна) и Каррана (вероятно, ныне Рошан и Дарваз [3]; последнее название упоминается при Тимуре и его преемниках). Между Пянджем и Вахшем лежала горная область Хутталь, или Хуттaлян, и долинная — Вахш (ныне Курган-Тюбе) [4]. Вахш протекал через области Памир (пишется Фāмир и Бāмир; в то время под этим названием, очевидно, понимали также Алайскую долину), Рашт (при Тимуре — Ḳā'ир-Тегӣн, ныне Каратегин), Кумед (пишется Кумӣз и Кумāз, Κομηδῶν ὀρεινή древних). Между Вахшем и Кафирниганом лежали Вашгирд (араб. Вашджирд, ныне Файзабад и его округа) и Кувадиан (ныне Кабадиан). В горах, откуда вытекали Кафирниган и Сурхан, жил народ кумиджии (так следует читать у Макдиси, 283, прим. *c*; ср. места из Бейхаки, приведенные у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 9). В долине верхнего Кафирнигана (район нынешних городов Дюшамбе и Гиссар) располагались (с востока на запад) Шуман и Харун, или Ахарун [5]; долина Сурхана образовывала государство Чаганиан (араб. Саганиан); область Гуфтан, упоминаемая в истории арабского завоевания, вероятно, идентична району с нынешним городом Ширабадом. На левом берегу между Балхом и Бадахшаном лежала страна Ṭоḫāристāн в узком смысле (пишется также Тоḫāристāн); в широком смысле под этим названием (от народа тохаров, появившихся во II в. до н. э.) объединялись все горные области, зависимые от Балха, справа и слева от верхнего течения Аму-Дарьи.

Для целей орошения во всех этих областях применяли только воду горных рек, впадающих в Аму-Дарью; из самой Аму-Дарьи первые каналы были отведены лишь у Земма (на левом берегу, ныне Керки); теперь оросительные каналы начинаются уже от Келифа. От Амуля (ныне Чарджуй) тянулась непрерывная, хотя и очень неравномерная по ширине, полоса обработанной земли; ныне бóльшая часть берега между Чарджуем и хивинской границей занесена песком; уже в VIII/XIV в., согласно Хамдаллаху Казвини, полоса обработанной земли, по-видимому, не была больше непрерывной. Хорезм, орошаемый нижним течением Аму-Дарьи, в IV/X в. начинался у Тахирии, в 5 днях пути ниже Амуля; с V/XI в. и до последнего времени в качестве южного пограничного пункта Хорезма называется город Дарган (у Абулгази Даруган, ныне руины Дарган-Ата), по Хамдаллаху Казвини — в 16 фарсахах ниже Тахирии. Нынешняя

[3] ‹О верховьях Аму-Дарьи см. Мандельштам, *Материалы*, стр. 152—177.›

[4] ‹О Хуттале см. Беленицкий, *Историко-географический очерк Хутталя*.›

[5] ‹О локализации Шумана и Ахаруна см. Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда*, стр. 181—183.›

граница выше города Питняк была установлена лишь после русского похода 1873 г.; примерно в этом же месте русло реки сужается подступающими к берегу горами до $^1/_3$ ее прежней ширины; ворота, шириной около 360 *м*, носят названия Дехан-и Шир ('Львиная пасть', так уже у Хамдаллаха Казвини) и Дульдуль-атлаган (легенда о прыжке Дульдуля, на котором ехал халиф Али). Лишь в 9 фарсахах ниже этой стремнины, у города Гарабхашна, или Гарамхашна, начиналась культурная полоса по правому берегу (если не считать старого города Феребр, или Фараб, лежащего напротив Чарджуя).

Условия рельефа Хорезма обусловили разветвление реки в ее нижнем течении. Дельта расходится в двух направлениях: на север, к Аральскому морю, и на запад, к ныне почти совсем высохшей озерной впадине Сарыкамыш, где только в самой глубокой части (15 *м* ниже уровня Каспийского моря) сохранились два небольших озера. Впадина Сарыкамыша соединяется Узбоем (прежде его все считали высохшим руслом реки; теперь мнения о происхождении этого русла разделились) [6] с Каспийским морем, нынешнего берега которого, впрочем, русло Узбоя не достигает; до высыхания Узбоя низкое побережье западнее железнодорожной станции Бала-Ишем, очевидно, лежало под водой.

В силу различных, еще недостаточно объясненных причин (как вследствие природных процессов, так и вследствие дел рук человеческих) воды реки устремлялись то в правый рукав к Аральскому морю, то в левый — к Сарыкамышу, что уже в историческое время обусловило значительные изменения в направлении нижнего течения (выше южной границы Хорезма таких изменений исторически установить не удается). Известия древних, которые знали только Каспийское море, и китайцев, которые знали только Аральское море, не позволяют твердо определить тогдашние условия; более точные сведения дают лишь арабские географы IV/X в. Происходившее в то время постепенное разрушение цитадели Кята (старая столица Хорезма, ныне Шейх-Аббас-вели) [7], расположенной на правом берегу, указывает на перемещение русла реки вправо; однако в то же время сохранилось представление о происшедшем ранее перемещении в обратном направлении; восточный рукав, Курдер (ныне — снова главный рукав реки), рассматривался как старое русло. Подробное описание нижнего течения реки впервые дает Ибн Русте (конец III/IX в.; Маркварт, *Streifzüge*, S. 25 sq., устанавливает, на основаниях, которые меня не убедили, как terminus post quem для написания труда Ибн Русте 310/922 г.), но только для левого рукава, который уже в то время имел лишь второстепенное значение. Этот рукав будто бы отделялся от реки ниже города Джурджания (арабская транскрипция для перс. Гургандж, около нынешнего Куня-Ургенча), в 4 фарсахах от этого города достигал

[6] <См. выше, стр. 93, прим. 117.>

[7] <Позднее Шаббаа, ныне Бируни.>

горной цепи Сиях-кух (т. е. Чинка, края плато Устюрт), которая упоминается также при описании западного берега Аральского моря, и далее при впадении образовывал множество озер (*baṭā'iḫ*), называвшихся Халиджан. Впадение главного рукава в Аральское море упоминается только в самых общих словах; очевидно, Ибн Русте (92) или его информатор был лично знаком только с описанным здесь левым рукавом. Поскольку сообщается, что этот рукав достигал Чинка и тек несколько дальше, то группу озер, называвшихся «Халиджан», следует искать, очевидно, не у Айбугира, как это утверждают, а у Сарыкамыша. Более поздние географы, по-видимому, вообще не были знакомы с дельтой по собственным наблюдениям; Истахри и Ибн Хаукаль помещают рыбацкое селение Халиджан при впадении в Аральское море. Во время Макдиси (писал в 375/985-86 г.) или его информатора (он сам, несомненно, не посещал Хорезма) левый рукав западнее Гургенджа, по-видимому, был уже пересохшим; пересыхание этого русла объясняется сооружением плотины для защиты города Гургенджа; с тех пор вода будто бы повернула «на восток» и потекла «только в одну сторону» (Макдиси, 288, $_{16-17}$). Он не сообщает нам более точных сведений о том, в каком направлении тек к Аральскому морю главный рукав, перегороженный плотиной у Гургенджа, соединялся ли с ним Курдер или достигал моря отдельно.

Макдиси знает уже Узбой как сухое русло, которое и тогда рассматривалось как старое русло Аму-Дарьи; высыхание этого русла и запустение местности у Балханских гор связывались с расцветом Хорезма, хотя река могла из Хорезма сначала достичь Сарыкамыша, а уже оттуда — моря (следы того, что река текла южнее, до сих пор достоверно не установлены). Широкую распространенность взгляда, сообщаемого Макдиси, доказывает то, что Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, IX, 267) называет местность у Балхан «старым Хорезмом». Восходит ли легенда о городе в Балханах к каким-либо историческим фактам, до сих пор не может быть установлено; предлагаемое Томашеком (*Sogdiana*, S. 94, 112) и Марквартом (*Ērānšahr*, S. 55) сопоставление Балхан с китайским Боло и упоминаемым у Приска (V в. н. э.) городом Βαλαάρ можно принять, пожалуй, только с оговорками [8].

В VII/XIII в., после нашествия монголов, вероятно в связи с запустением страны и разрушением почти всех плотин, последовало, по-видимому, перемещение течения реки влево. Многие селения левого берега, в том числе и Хазарасп, как сообщают, были затоплены водами реки; при завоевании тогдашней столицы, Гургенджа (сафар 618/апрель 1221 г.), монголы будто бы разрушили дамбу и этим завершили дело разрушения. Несколько лет спустя город (называвшийся монголами и позже узбеками Ургенчем) был восстановлен; теперь он лежал (как нынешний Куня-Ургенч) на правом берегу протекавшего мимо рукава реки. В течение

[8] <Ср. выше, стр. 36—37, прим. 88.>

трех с половиной веков этот рукав, текущий к Чинку и Сарыкамышу, во всех путевых записках и исторических сведениях (также и в истории походов Тимура) рассматривался как собственно река, а восточные рукава под различными именами — как ответвления. Что после заполнения Сарыкамышской впадины река должна была найти путь от Сарыкамыша по Узбою к Каспийскому морю, можно предположить заранее [9]; это определенно утверждают Хамдаллах Казвини (740/1339-40 г.) и Хафиз-и Абру (820/1417 г.). Надежность обоих этих авторов оспаривается де Гуе (*Das alte Bett des Oxus*) и другими, поскольку остальные географы того же столетия по-прежнему заставляют Аму-Дарью впадать только в Аральское море; однако при более тщательном исследовании выясняется, что все эти географы, в том числе и особенно надежный, по мнению де Гуе, Джурджани (ум. в 881/1476 г.), находятся в полной зависимости от письменных источников предыдущих столетий; Джурджани кроме арабских географов IV/X в. особенно использовал написанное в начале VII/XIII в. для хорезмшаха Мухаммеда персидское *Джахан-наме*, частично переписав его дословно; даже утверждение, что пустыня, лежащая между Хорезмом и Хорасаном, так хорошо известна, что не требует более подробного описания, дословно заимствовано из *Джахан-наме* (ср. текст у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 81) и не может, следовательно, относиться к собственным знаниям Джурджани. Зато сведения Хамдаллаха и Хафиз-и Абру не могут быть возведены к каким-нибудь известным нам письменным источникам. За достоверность первого особенно говорит упоминание им большого водопада на Узбое; и в самом деле, ныне сухое русло имеет следы значительных водопадов (до 9 *м* высоты). Неясные сведения о подобном водопаде находятся также у древних (Eudoxus у Страбона и Полибия); однако предположение о зависимости от этих источников исключается вследствие упоминания тюркского названия этого водопада (Гёрледи, собств. 'шум, грохот, гром'). У Хафиз-и Абру особенно следует подчеркнуть не встречающееся больше ни в одном письменном источнике сообщение, что Сыр-Дарья соединилась с Аму-Дарьей и вместе с ней течет в Каспийское море; следы такого соединения сохранились как в старых руслах, так и в местных легендах; во всяком случае эти данные не имеют ничего общего со взглядом древних на Яксарт как самостоятельный приток Каспийского моря. Хафиз-и Абру писал свои исторические и географические сочинения при дворе султана Шахруха, к государству которого тогда принадлежал и Хорезм; уже поэтому едва ли можно предполагать, что он был мало осведомлен о нижнем течении Аму-Дарьи. Однако следует признать, что ни Хамдаллах, ни Хафиз-и Абру сами не видели Узбоя. Важнее сообщения некоторых современников (которые де Гуе не использовал) об исторических событиях (походах и т. п.) в местностях по Узбою,

[9] <По новейшим исследованиям, сток воды из Сарыкамыша в Узбой был очень кратковременным. См. выше, стр. 93, прим. 117.>

особенно два следующих: 1. Захир ад-дин Мар'аши (текст, 436; пер., 449) рассказывает, как по приказу Тимура в 794/1392 г. сейиды из Мазандерана были доставлены на судах в Агрычу (так называется у Хафиз-и Абру, а затем у Абулгази место, где река впадала в Каспийское море), оттуда вверх по Джейхуну до определенного места (очевидно, до водопадов); отец автора участвовал в этом путешествии двенадцатилетним мальчиком. 2. Хондемир описывает в *Хабиб ас-сийар* (тегеран. изд., III, 244—246) поход Хусейна Байкара (позднее султана) из Астрабада к Узбою в 864/1460 и 865/1461 гг. В 864 г. х. Хусейн идет из Астрабада в «Агрычу и Адак» (крепость этого названия часто упоминается также в сообщениях о походах хана Мухаммеда Шейбани; ее следует искать на левом берегу Узбоя на главной дороге из Хорезма к земледельческой полосе по северным склонам Кюрен-Дага и Копет-Дага, вероятно около нынешнего колодца Куртыш)[10], через семь дней достигает Аму-Дарьи и переправляется через реку на судах. В 868 г. х. он выходит из Астрабада в том же направлении, теряет дорогу, испытывает трудности «из-за близости моря и обилия глины и грязи», прибывает в Адак, переправляется оттуда через Аму-Дарью, располагает войско лагерем на берегу протока Асаф-угузу и затем захватывает основанный незадолго до этого город Везир (по Абулгази, на краю Устюрта, в 6 фарсахах от Ургенча). Оба рассказа ясно доказывают, что в то время Узбой в нижнем течении был наполнен водой и что этот проток рассматривали как продолжение Аму-Дарьи. О том, что исторические сведения изменились под влиянием уже сложившихся географических представлений (скажем, вслед за Хамдаллахом и Хафиз-и Абру), нельзя и думать, особенно у Хондемира, который в географическом приложении к *Раузат ас-сафа'* своего деда Мирхонда и к своему *Хабиб ас-сийар* использовал только географов IV/X в. и который заставляет Аму-Дарью по-прежнему впадать только в Аральское море.

Подробного описания течения реки в период с VII/XIII по X/XVI в. у нас нет. По Абулгази, оба берега Узбоя были не только обитаемы, но и обработаны до самого Каспийского моря; дорога от Ургенча к Балханскому заливу будто бы шла «от аула к аулу», по обоим берегам тянулись (хотя и не «непрерывной полосой», как во французском переводе) поля и виноградники; владельцами их были полукочевые туркмены (как ныне в районе Гюргена). Так как ко времени Абулгази берега Узбоя давно уже запустели, то его современники, конечно, приукрасили былое великолепие сравнительно с тем, что было на самом деле; по Хафиз-и Абру, Аму-Дарья текла от Хорезма к Каспийскому морю по большей части через пустынную местность. В той мере, в какой обследованы русло Узбоя и прилежащая местность, можно сказать, что для орошения использовалась, кажется, только вода Сарыкамыша и верхнего Узбоя; ниже по течению вода, как ныне в Атреке, была засолена вследствие почвенных условий.

[10] <См. выше, стр. 175, прим. 114.>

Следовательно, факт соединения Сарыкамыша с Каспийским морем, очевидно, не имел большого значения как для судоходства (из-за больших водопадов), так и для распространения земледелия. В X/XVI в. снова произошел поворот течения вправо. В 1558 г. эту местность посетил англичанин Дженкинсон; Сарыкамыш (несомненно, как правильно определили издатели Э. Дельмар Морган и Ч. Г. Кут, подразумевается это озеро, а не Айбугир, как предполагали Ленц и де Гуе) был принят им за залив Каспийского моря, хотя и был описан как пресноводное озеро. Вода в то время все больше устремлялась в правый рукав, Курдер арабских географов (у Дженкинсона Ардок, вероятно вместо тюркского Артык), хотя собственно Оксом (у Дженкинсона Ougus) все еще считался левый рукав, протекавший мимо Ургенча и Везира. Каспийского моря, как сообщается, река в то время уже больше не достигала.

Вскоре после этого вода окончательно устремилась в правый рукав, и это направление реки сохранилось с тех пор, несмотря на отдельные попытки прорваться (во время паводка) в противоположном направлении (еще в 1879 г.). Согласно Абулгази (родившемуся по циклическому счету в 1603 г.; по хиджре ошибочно указывается 1014 г. вместо 1012 г.), это событие, которое лишило воды тогдашнюю столицу Ургенч и обрекло на постепенное запустение всю область, произошло за тридцать лет до его рождения; во всяком случае оно упомянуто уже османцем Сейфи, писавшим в 990/1582 г. В XI/XVII в. вместо Ургенча столицей страны становится Хива; в той же местности возникают позже города Ургенч и Везир, очевидно, вместо покинутых городов на высохшем русле реки; острова дельты, Арал (от которого получило название море), приобретают в новой истории Хорезма такое значение, которого они никогда прежде не имели. Лишь в минувшем столетии снова были отведены влево отдельные каналы и вновь отстроен город Куня-Ургенч (собств. Кухна-Ургенч 'Старый Ургенч', в противоположность Ургенчу близ Хивы); эти каналы, исключая отдельные годы, не могли больше достичь даже Сарыкамыша. Были разговоры об искусственном восстановлении связи реки с Сарыкамышем и Каспийским морем, но потом это во всех отношениях нестоящее предприятие было оставлено.

Литература. De Goeje, *Das alte Bett des Oxus* (там же сводка сведений источников); *Early voyages*. Работы Бартольда на русском языке; см. рефераты: Barthold, *Russische Arbeiten* [*1898*], S. 85; idem, *Russische Arbeiten* [*1901*], S. 46; idem, *Russische Arbeiten* [*1902*], S. 200 sq., 211 sq. В последнее время еще Le Strange, *The Lands*, pp. 433—459 и возражение де Гус, DLZ, 1905, № 45. <Гулямов, *История орошения Хорезма*; *Низовья Аму-Дарьи*; Толстов, *По древним дельтам*; там же литература.>

АНДИЖАН

Андиджа̄н — уездный город Ферганской области в Русском Туркестане с 49 682 жителями (1900 г.) [1]; важный торговый центр. Упоминается уже в IV/X в. как Андука̄н; в конце VII/XIII в., по-видимому, вновь отстроен монгольскими правителями Тувой и Хайду; при Тимуридах и позже — резиденция государя или наместника Ферганы; и поныне всех жителей Ферганы в Восточном Туркестане называют *андиджа̄нӣ*. Все постройки нынешнего города (мечети, медресе и др.) относятся только к прошлому столетию. В 1898 г. произошло восстание против русской власти, подавленное за несколько дней [2]; в 1902 г. — большое землетрясение, во время которого были разрушены почти все дома местных жителей и погибло 4500 человек. Как почти повсюду в Туркестане, рядом с первоначальным, «азиатским городом» возникла русская часть города.

---

[1] <В 1959 г. — 130 тыс. жителей.>

[2] <См. Гафуров, *Об Андижанском восстании*».>

АНИ

Ани — город в Армении, ныне развалины на правом берегу Арпачая, примерно в 30 *км* от впадения этой реки (называемой армянами Ахурян) в Аракс. Происхождение названия неизвестно; высказывалось предположение, что город получил свое название от храма иранской богини Анахиты (греч. Anaïtis). Во всяком случае, местность была заселена уже в дохристианское время; непосредственно около Ани были найдены языческие захоронения. Как крепость Ани упоминается уже в V в. н. э.; для этой цели данное место выбрали, должно быть, из-за его прочного положения между ущельем Цагкоцадзор, по которому течет к Арпачаю ручей с высот Аладжа, и отвесным берегом Арпачая. В последующие века здесь был замок княжеского рода Камсаракан; фундаменты этой постройки, возведенные непосредственно на скале из каменных глыб без раствора, были обнаружены при раскопках в цитадели. Древнейшую часть этого сооружения образует, по-видимому, небольшая церковь, которая была построена, быть может, еще раньше замка (примерно в VII в.), затем включена в него и использовалась Камсараканами в качестве домашней часовни.

С VIII в. область Ани, как и остальная Армения, находилась под верховной властью халифов. В это время княжескому дому Багратидов удалось создать сильную державу путем постепенного расширения своих владений. В обход мусульманских наместников Армении эти правители стремились вступать в непосредственные сношения с халифами. В 887 г. Багратид Ашот, «князь князей Армении и Грузии», знатью своей страны был провозглашен царем и утвержден в этом звании халифом. Сына этого первого царя, Смбата (у арабских авторов: Санба̄ṭ б. Ашо̄ṭ), наместник Юсуф б. Абу-с-Садж в 914 г. приказал распять — поступок, который Ибн Хаукаль (252) клеймит как «тиранию и противоречие богу и его пророку». Уже в правление Смбата царство Багратидов будто бы включало (по словам Истахри, 188 и 194) весь район от Двина (араб. Дабил) до Берда'а и к югу до границ Месопотамии (ал-Джезира). Сыну убитого, Ашоту Железному, удалось (частично с византийской помощью) отвоевать свое царство. Как правитель Армении он носил персидский титул *шāхāншāх* ('царь царей'), который еще его предшественник и соперник, Ашот, сын Шапуха, получил от преемника Юсуфа — Сабука.

Багратиды уже в первой половине IX в., при Ашоте Мсакере, выкупили область Ани у Камсараканов; но царской столицей Ани был сделан только в правление Ашота III (961—977). Сохранившаяся доныне стена построена Смбатом II (977—989); положение прежней стены, построенной в 964 г., было определено раскопками 1893 г.; как показывает сравнение протяженности обоих обводов стен, немногих десятилетий оказалось достаточно, чтобы значительно увеличить число жителей; в позднейшее время городская жизнь, несомненно, не ограничивалась только сравнительно тесным пространством внутри стен. Багратиды приказали построить несколько мостов через Арпачай, вследствие чего торговля между Трапезунтом и Персией могла идти по более короткому пути через Ани вместо прежнего — через Двин. При Гагике I (990—1020) держава Багратидов достигла вершины своего могущества; это были также лучшие времена для их столицы; с 993 г. Ани служил также местопребыванием католикоса Армении. Как показывают многочисленные надписи, Гагик сохранил персидский титул шаханшаха; этот же титул фигурирует и в армянском переводе (*аркаиц аркаи*); наряду с этим Гагик повелел именовать себя «царем армян и грузин». Развалины церкви, построенной Гагиком в 1001 г., были раскопаны в 1905 и 1906 гг.; там же была найдена статуя правителя в мусульманском головном уборе (тюрбан); этот же головной убор виден и на рельефном изображении его предшественника Смбата II, сохранившемся в монастыре Агбат.

При преемниках Гагика царство быстро пошло к упадку и уже в 1044 г. было включено в состав Византийской империи. Византийские наместники (*катепаны*) тоже способствовали развитию города; в одной армянской надписи катепану Арону приписывается сооружение великолепного водопровода, по которому в город шла вода с высот Аладжа.

В 1064 г. султан Алп-Арслан положил конец греческому владычеству взятием и разрушением Ани; по рассказу Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, X, 27), город будто бы имел тогда 500 церквей. В 1072 г., год спустя после поражения императора Романа Диогена, Ани был выкуплен у султана мусульманским княжеским родом Шеддадидов (упоминаемым уже в X в. в качестве правителей Гянджи; вероятно, курдского происхождения) и до конца XII в. (с некоторыми перерывами) оставался резиденцией боковой линии этой династии. В то время город имел две мечети, из которых одна сохранилась до наших дней (с 1907 г. используется как музей для предметов, найденных при раскопках), а вторая обрушилась лишь во второй половине XIX в. К этому же времени относятся и христианские постройки; Шеддадиды и по отношению к своим христианским подданным выступали как благожелательные правители; они путем брака породнились с Багратидами, и христианское население тоже рассматривало их как местных и законных государей. При Шеддадидах городские стены были улучшены и снабжены несколькими башнями.

Уже в 1124 г. при Давиде II, основателе могущества грузинских

царей, Ани впервые был взят грузинами; будучи включен в состав грузинского царства после окончательного устранения Шеддадидов, район города был отдан в ленное владение армянскому княжескому роду Захаридов. При Захаридах городская стена была продолжена до отвесного берега Арпачая. Церковные постройки этого времени доказывают, что грузинские правители (как раньше греческие) покровительствовали так называемому халкедонитскому (греко-православному) толку и что он тогда сделался преобладающим; армянская традиция обходит этот факт молчанием. Этот период, по-видимому, столь же мало был временем религиозных гонений для мусульманского населения, как для христиан — правление Шеддадидов. Мусульманин-современник (см. Ибн Хаукаль, 242 и сл.) свидетельствует о грузинских царях, что они защищали ислам от любой несправедливости и что под их властью не делалось никакого различия между мусульманином и грузином.

Безуспешно осаждавшийся хорезмшахом Джелаль ад-дином в 1226 г., а в 1239 г. взятый монголами, Ани и после этого завоевания некоторое время оставался во владении Захаридов; позднее, как свидетельствует надпись на главных воротах, город считался «личным владением» (*хāссӣ-ӣнджӯ*) монгольских владык Персии, однако уже не мог достигнуть прежнего значения. По преданию, Ани будто бы был окончательно разрушен землетрясением в 1319 г.; однако были найдены как надписи, так и монеты более поздних лет. Особую разновидность чеканенных в Ани медных монет ильхана Сулеймана (1339—1344) турки именуют «обезьяньими монетами» (*маймӯн сиккеси*; на монетах изображена очень волосатая фигура). Монеты с надписью «Ани» чеканились еще во второй половине XIV в. Джалаиридами и даже в XV в. — Кара-Коюнлу, но место чеканки этих монет следует, очевидно, искать в окрестностях города; может быть, им служила крепость Махазперт, отстоявшая от Ани всего в 3 *км*. Нельзя установить, когда город был окончательно покинут жителями; как показали раскопки, когда дворцы и церкви уже пришли в разрушение, темное и бедное население устроило себе жилища в этих развалинах. Ко времени посещения Кер Портером (в ноябре 1817 г.) эти жилые дома и их комнаты были еще ясно видны и без раскопок, так же как и улицы позднейшего времени (большей частью шириной лишь в 12—14 футов). Название Ани носит сейчас турецкая деревня недалеко от руин. Поскольку деревни округи не имеют пятничной мечети, сравнительно хорошо сохранившаяся главная мечеть города и в более позднее время использовалась для богослужений. Это случается раз в году даже в наши дни, хотя в глазах многих мусульман постройка осквернена с того времени, как в нее доставили предметы, найденные при раскопках, в том числе статую царя Гагика и много камней с крестами.

Литература. Сведения по истории Ани содержатся преимущественно в армянских источниках, в особенности у Стефана Асолика <Степанос Таронский>, современника царя Гагика I. Арабские и персидские сообщения чрезвычайно скудны.

арабские географы IX и X вв. вообще не упоминают город; Якут посвящает ему всего одну строку (*Му'джам*, I, 70); Хамдаллах Казвини (см. Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 229) сообщает только, что местность имеет холодный климат и производит много зерна и мало фруктов (неверный перевод у Ле Стрэнджа — *The Lands*, p. 183: «a town in the mountains where much fruit was grown»). Из всех мусульманских писателей, по-видимому, только Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, X, 27) дает описание положения Ани (не вполне точное).

Развалины были впервые посещены Джемелли-Каррери в 1693 г. (*Collection de tous les voyages*, p. 94) и подробно описаны в 1817 г. Кер Портером (*Travels*, vol. I, pp. 172—175). Со времени Туркманчайского мира (1827 г.), по которому Эриванская область отошла от Персии к России, Арпачай служил границей между Россией и Турцией; тем самым развалины Ани оказались хотя и на турецкой территории, но непосредственно у границы России и могли посещаться путешественниками из России без большой опасности и труда. Наброскими плана города мы обязаны Тексье (1839; Texier, *Description*, атлас, табл. № 14) и Абиху (1844; см. Brosset, *Rapports*, атлас, табл. № 23; idem, *Les ruines d'Ani*, атлас, табл. № 30); план, набросанный Абихом, использовался еще при раскопках последних лет. Христианские памятники описаны в особенности Муравьевым (1848; см. его *Грузия и Армения*); о мусульманских надписях сообщает Ханыков (1848; см. Khanykof, *Quelques inscriptions*, pp. 70—71 и Brosset, *Rapports*, 3me rapport, pp. 121—150); альбом, составленный Кестнером (1850), содержит изображения памятников архитектуры на 36 листах и на 11 листах — сводку армянских, арабских, персидских и грузинских надписей (см. Brosset, *Les ruines d'Ani*, pp. 10—63 [1]). Из числа армян особенно велики заслуги в собирании армянских надписей Нерсеса Саркисяна и Саркиса Джалалянца. На основании этих материалов армянин Алишан, не видевший сам развалин, выпустил в 1855 г. в Венеции исследование по истории города на армянском языке (см. Brosset, *Examen critique*), результаты которого устарели лишь вследствие раскопок последних десятилетий.

В результате завоеваний, сделанных в войне 1877—1878 гг., Ани был включен в состав Российской империи; однако раскопки начались только в 1892 г., после 1893 г. прерваны были на 11 лет и лишь с 1904 г. продолжаются планомерно. Итоги этих исследований, руководимых Н. Марром, показывают историю города в новом свете; постройки, которые раньше приписывали Багратидам, теперь определены как создание более позднего времени; в противоположность этому как в самом городе, так и в его окрестностях были обнаружены постройки древнейшего периода армянского христианства, когда влияние сирийской церкви еще не было вытеснено воздействием греческой культуры. Там, где церковная традиция не могла рассказать ни о каком влиянии чужой культуры, раскопки дали ясные доказательства как византийского, так и арабо-персидского воздействий. Поэтому результаты раскопок приобрели значение не только для изучения истории армянского народа, но и для исследования такого вопроса всемирной истории, как взаимоотношения между культурой христианства и культурой ислама.

Раскопки еще не завершены, поэтому до настоящего времени появились лишь отдельные статьи и доклады Марра, в том числе: 1) *Ани, столица древней Армении* (ср. Barthold, *Russische Arbeiten* [*1898*], S. 93—94; 2) *Раскопки Ани в 1904 г.*; 3) *О раскопках и работах в Ани летом 1906 г.*; 4) *История Ани*, стр. XXV—XXVIII (о раскопках 1905 г.). Сводная работа об истории Ани на базе результатов этих раскопок еще отсутствует. Изложенное здесь написано частью по этим отчетам, частью на основании личных сообщений исследователя и его сотрудников. <Теперь см.: Марр, *Ани*; Орбели, *Развалины Ани*; его же, *Краткий путеводитель*.>

---

[1] <Об альбоме Кестнера см. Brosset, *Les ruines d'Ani*, p. 4.>

АРАЛЬСКОЕ МОРЕ

Аральское море — большое озеро в Средней Азии, которое по новейшим подсчетам (1900—1902 гг.) занимает площадь 67 962 *кв. км* (без островов); в это озеро впадают обе главные реки Русского Туркестана: Аму-Дарья (см. <выше, стр. 319 и сл.>) и Сыр-Дарья (см. <ниже, стр. 491 и сл.>). Древним это озеро, кажется, было неизвестно; самое большее, если можно усмотреть туманное известие об Аральском море в противоречивых сообщениях о Меотиде в Средней Азии (предполагается, что здесь название Азовского моря перенесено на Аральское, как название Танаис=Дон перенесено на Сыр-Дарью) и об «Оксийском болоте» (Oxianē limnē, palus Oxiana; у Аммиана Марцеллина — palus Oxia). В древних китайских источниках (со II в. до н. э.) в районе Аральского моря в самых общих словах упоминается «Северное море» или «Западное море». Также неясно, может ли быть идентично Аральскому морю озеро (limnē), упомянутое византийским послом Земархом (568 г. н. э.).

Более подробные известия мы находим у арабских географов. Быть может, Аральское море упомянуто уже у Ибн Хордадбеха как Курдерское озеро (*буҳайра*) (см. *Аму-Дарья* <выше, стр. 321—322>). Описание этого моря, не называя его, дает Ибн Русте (конец III/начало X в.); по его описанию, озеро, в которое впадает Аму-Дарья, имеет в окружности 80 фарсахов (согласно Истахри и более поздним авторам, 100 фарсахов). У устья Сыр-Дарьи (по Ибн Хаукалю, два дня пути от «Нового селения», араб. ал-Карьят ал-хадиса, перс. Дих-и нау, тюрк. Янгикент, местоположение которого определяется развалинами Джанкент, примерно в 22 *км* юго-западнее нынешнего Казалинска) береговая линия IV/X в., по-видимому, мало отличалась от нынешней. То же самое, вероятно, можно утверждать и относительно южного берега; Макдиси считает от Миздахкана (лежащего напротив Гургенджа, или нынешнего Куня-Ургенча, в 2 фарсахах от тогдашнего правого берега Аму) 2 дня пути до Курдера, оттуда 1 день пути и 2 почтовые станции (*барӣд*, по 2 фарсаха) до Паратегина (пишется: Бератегин и Фератегин) и еще 1 день пути до берега озера. Не представляется возможным решить, были ли тогда связаны с Аральским морем ныне почти пересохшие озера у Чинка, такие, как Айбугир; во всяком случае Аральское море не было связано с Сарыкамышем; тот, кто хотел совершить путешествие из Хорезма в страну печенегов, должен был (по Гардизи) направиться из Гургенджа к «хорезмским горам» (Чинку),

а оттуда через безводную пустыню; «Хорезмийское озеро» оставалось справа от этой дороги. Истахри и более поздние географы описывают «Хорезмийское озеро» (Буḫайрат ал-Ḫʷāризм) в соответствии с действительностью как замкнутое соленое озеро; только Масʿуди (у этого автора озеро называется по городу Джурджании, т. е. Гургандж) ошибочно предполагает наличие связи между Аральским и Каспийским морями. В *Джахāн-нāме* (начало VII/XIII в.) и в трудах, зависящих от этого источника (в том числе у Джурджани, умершего в 881/1476-77 г.), кроме названия «Хорезмийское озеро» употребляется также название «Дженде кое озеро» (Буḫайра-и Дженд, по известному городу в нижнем течении Сыра).

С VII/XIII до X/XVI в. мы не имеем никаких сведений об Аральском море, кроме заимствованных из более ранних письменных источников. Хафиз-и Абру (820/1417 г.) утверждает даже, что «Хорезмийское озеро», упоминаемое в «книгах древних», в его время уже не существовало. Аму-Дарью в то время вообще рассматривали как приток Каспийского моря; по некоторым источникам, Сыр-Дарья также будто бы не впадала больше в Аральское море. Уже в VIII/XIV в. купец Бедр ад-дин ар-Руми (цитируется географом Ибн Фадлаллахом ал-Омари) заставляет Сыр-Дарью «переменить свое направление» в трех днях пути ниже Дженда; согласно Хафиз-и Абру, эта река соединяется с Аму; по *Бāбур-нāме*, Сыр-Дарья не соединяется ни с какой рекой, а теряется в песчаной пустыне. Относительно Аму эти географические сведения могут быть подтверждены сообщениями об исторических событиях в низовьях реки (см. *Аму-Дарья* <выше, стр. 323—324>); относительно же Сыр-Дарьи у нас нет никаких аналогичных сведений. Уже Абулгази называет Аральское море «морем Сыра» — Сыр-тенгизи; Абулгази, по-видимому, ничего не знал о том, что Сыр-Дарья когда-то не впадала в это море. Аму-Дарья, согласно этому автору, лишь после 980/1572-73 г. вновь нашла путь к Аральскому морю; вызывает сомнение, могут ли относиться к Аральскому морю в высшей степени неясные слова описания путешествия англичанина Дженкинсона (1558 г.). Слово *арал* (тюрк. 'остров' здесь, вероятно, обозначение островов дельты) впервые упоминается у Абулгази как название «места, где река впадает в озеро»; от этого море и получило позже свое название (у киргизов[1] — Арал-тенгизи). В XII/XVIII в. острова дельты со столицей в Кунграде выступают как самостоятельное государство, которое было вновь объединено с Хивой лишь при Мухаммед-Рахим-хане (1221—1241/1806—1825).

В русских источниках Аральское море впервые упоминается в так называемом «Большом Чертеже» (начало XVII в.) под названием «Синее море» и ошибочно связано с Каспийским морем. Тем же самым русским названием обозначено море на карте, приложенной к *Noord en oost Tartarye*

[1] <Казахов.>

Витсена (первое издание 1687 г.[2]). Название «Аральское море» впервые упоминается в русских источниках в 1697 г. На западноевропейских картах мы находим это название уже в 1723 г. (у Делиля); однако грек Василий Ватаци, который посетил в 1727 г. Среднюю Азию, утверждает, будто он принес в Европу первое известие об этом озере, чем произвел в Лондоне большую сенсацию. Впервые озеро было научно описано и снято на карту только экспедицией Бутакова и Поспелова (1847—1848 гг.). Предположение, что площадь озера значительно сократилась за историческое время (что не может быть увязано с приведенными выше историческими сведениями), возникло в результате неоднократно наблюдавшегося наступления береговой линии; однако примерно 20 последних лет в Аральском море, как и во всех озерах Туркестана, наблюдается постоянный подъем водного зеркала; повсюду вода снова достигла береговой линии 1847 г., а в некоторых местах значительно перешла ее. Вероятно, и для прошедших столетий следует предположить периодическое опускание и поднятие водного зеркала озера, да и вообще естественнонаучная теория быстрого высыхания стран, удаленных от моря (Персия, Туркестан и др.), оказалась несостоятельной в результате изучения арабских географов.

Литература. В 1900—1902 гг. Л. Берг исследовал море по поручению Туркестанского отдела ИРГО; отчет об этом см. в «Известиях» соответствующего отдела: Берг, *Материалы* (кроме того, сводка исторических известий об этом море у Бартольда, *Сведения об Аральском море* <см. выше, стр. 15—94> и реферат этой работы: Barthold, *Russische Arbeiten* [*1902*], S. 216); его же, *Очерк Аральского моря*; тем же автором в 1908 г. выпущена подробная монография об Аральском море на русском языке <Берг, *Аральское море*> (титульный лист также по-немецки: *Der Aral-See. Versuch einer physisch-geographischen Monographie*).

[2] <Карта впервые издана в 1687 г., книга — в 1692 г.

АРРАН

Арра̄н, часто пишется также ар-Ра̄н — арабское название древней Албании (арм. Алванк); поздние греческие писатели также называют страну вместо Албании Арианией, а народ вместо Albanoi — Arianoi; по мнению Маркварта (*Ērānšahr*, S. 117), эти обозначения, равно как и позднейшее арабское название страны, вероятно, восходят к персидской форме названия — Аран. Как в древности под термином Албания, так и под наименованием Арран первоначально имелась в виду вся область от Дербента на северо-востоке до Тифлиса на западе и до Аракса на юге и юго-западе (ср. Истахри, 190). Позднейшие авторы обозначают названием Арран только область «между Ширваном и Азербайджаном» (так у Якута, *Му'джам*, II, 132,$_5$) или «от берега Аракса до Куры между обеими реками» (так у Хамдаллаха Казвини — Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 226). Город Партав (у арабов Берда'а) на реке Тертер (у Якута, *Му'джам*, I, 560,$_7$ — Ҫарҫӯр), неподалеку от впадения последней в Куру, уже в VI в. н. э. занявший место древней столицы — Кавалака (у Птолемея Chabala, у Плиния Cabalaca, у арабов Ḳабала), описывается и арабами как столица Аррана и крупнейший город всего Кавказа. Еще в IV/X в. в окрестностях Берда'а говорили по-аррански, т. е. по-албански (см. Истахри, 192,$_2$). Албанское христианство еще не было тогда окончательно вытеснено исламом; по словам Макдиси (376,$_{6-8}$), христиане составляли большинство населения в городах Шаберан (ныне развалины примерно в 25 *км* юго-восточнее теперешней Кубы) и Шекки (ныне Нуха). Албанская церковь тоже не отказалась от своих притязаний на самостоятельность по отношению к армянской церкви-«матери».

Арран был завоеван будто бы уже при Османе (644—656) Сельманом ибн Раби'а ал-Бахили, однако и позднее часто подвергался нападениям хазар. Старейшие арабские монеты, чеканенные в Арране, относятся к 90/708-09 г. Страна была объединена с остальными арабскими владениями на Кавказе в одно наместничество, которое обычно называлось Арменией (Арминийа), хотя наместники большей частью сидели в Берда'а как крупнейшем городе. Древняя династия албанских царей тогда давно уже угасла; персидский род Михраканов, утвердившийся здесь около конца VI в. н. э. и несколько десятилетий спустя принявший христианство, правил, по-видимому, только частью страны. В арабское время область этих государей, которые носили персидский

титул *ӣрāншāх*, отличали от Ширвана (арабы писали также Шарвāн, персы позже обычно Ширвāн) владения ширваншахов, т. е. страны между Курой и Каспийским морем. Ираншаха именуют также «*батрāк* (т. е. патриций) Аррана» (Я'куби, *Та'рӣх*, II, 562). Последний правитель из дома Михраканов, Вараз-Трдат, как сообщают, был убит в 821-22 г. своим родственником Нарсе (араб. Нарси, там же). В правление Му'тасима (833—842) наместник Афшин был разбит Сахлем б. Сумбатом, который овладел Арраном (Я'куби, *Та'рӣх*, II, 579; Балазури, 211); однако вскоре после того этот же Сахль оказал крупную услугу арабскому правительству выдачей Бабека (223/837-38 г.), и за это халиф утвердил его в звании батрика (Табари, III, 1232). В истории Албании Моисея Каганкатваци (*История агван*, 266) Сахль назван ираншахом (арм. *эраншахик*).

Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 69) сообщает, что в его время, следовательно незадолго до 332/943-44 г., ираншах Мухаммед б. Йезид после смерти ширваншаха Али б. Хейсама овладел Ширваном и принял титул ширваншаха; этот же Мухаммед б. Йезид будто бы присоединил к своим владениям и Дербент (там же, 5) после смерти правителя этого города, своего шурина или зятя (*сахр*) Абдаллаха б. Хишама (так в парижском издании; в рукописях также Абд ал-Мелик; согласно монетам, в Дербенте в 330/941-42 г. правил Хейсам б. Мухаммед). Этим были бы снова соединены в одно политическое целое все части древней Албании; однако сведения Мас'уди не подтверждаются никаким другим источником. Упомянутый Ибн Хаукалем (250 и 254) ширваншах Мухаммед б. Ахмед ал-Азди, современник правителя Азербайджана Марзбана б. Мухаммеда (ум. в 346/957-58 г.), также нигде больше не назван; как далеко на запад простирались его владения, Ибн Хаукаль не сообщает. В последующие столетия Арран оставался политически отделен от Ширвана и управлялся династией курдского происхождения — Шеддадидами (Бену Шеддад). Столицей страны была тогда Гянджа (ныне Елисаветполь [1]); старая столица — Берда'а — подверглась в 332/943-44 г. страшному набегу русов и не смогла больше оправиться после этого удара; Якут описывает Берда'а как незначительное селение. После того как угасла не имевшая большого значения (Ибн ал-Асир даже не упоминает ее) династия Шеддадидов, Арран был объединен непосредственно с Азербайджаном и с тех пор не имел собственной династии; со времени сельджуков население было постепенно тюркизировано, как и в Азербайджане, Ширване и Дербенте; начиная с монгольского периода южная часть страны обычно обозначается тюркским названием Карабаг. Название Арран уже в то время сохранялось, по-видимому, только в литературной традиции.

О дальнейших судьбах страны см. *Гянджа* <ниже, стр. 405—407>.

Литература. Manandian, *Beiträge*; Marquart, *Ērānšahr*, S. 116—117; idem, *Streifzüge*, S. 457—458. <См. также: Тревер, *Очерки*; *Албания Кавказская*; Minorsky, *Caucasica IV*.>

[1] <Ныне Кировабад.>

АСТРАХАНЬ

Астрахань — губернский город Астраханской губернии России [1], собственно Хаджи-Тархан; был основан монголами поблизости от хазарского города Итиль. Европейские и мусульманские путешественники упоминают город уже в первой половине VIII/XIV в.; по словам Ибн Баттуты, здесь будто бы жил святой паломник, ходивший в Мекку, и поэтому город был освобожден от всех налогов, откуда и его название. Монету в Астрахани чеканили, по-видимому, лишь начиная с 782/1380 г. Город, разрушенный Тимуром зимой 1395/96 г., в XV в. испытал новый расцвет, частично, вероятно, вследствие одновременного упадка старой столицы — Сарая. После распада Золотой Орды в Астрахани возникло новое княжество, которое просуществовало до середины следующего века. В 1554 г. Астрахань была завоевана русскими, которые сначала посадили хана Дервиш-Али как своего вассала и только в 1556 г. присоединили эту область; в 1569 г. под Астраханью появилось турецкое войско, однако вынуждено было вскоре очистить страну; в 1589 г. рядом с татарским городом была построена русская крепость. С тех пор Астрахань оставалась под русским владычеством и благодаря своему выгодному местоположению в устье Волги постепенно вследствие развития промышленности и торговли превратилась в большой город (ныне 113 000 жителей [2]).

---

[1] <Ныне областной центр Астраханской области РСФСР.>

[2] <По переписи 1959 г. 296 тыс. жителей.>

АТЕК

Атек — область в Русском Туркестане, на северном склоне гор, ограничивающих Хорасан, между нынешними железнодорожными станциями Гяурс и Душак. Название представляет собой, собственно, тюркское *этек* 'край, подошва (горной цепи)', перевод персидского названия той же местности Дāман-и кӯх 'Подножье горы'; но это слово постоянно пишется персами Ātек. В средние века Атек, по-видимому, не имел никакого особого названия; как округ города Абиверда (см. Streck, *Abīward*) эта область относилась к Хорасану. В X/XVI и XI/XVII вв. Атек находился под властью ханов Хорезма, позже — под властью туркмен; граница с Персией до появления русских никогда не была установлена. До разграничения 1881 г. часть Атека с Абивердом принадлежала княжеству Келат, находившемуся под верховной властью Персии. По русскому административному делению приставство Атек является частью Тедженского уезда Закаспийской области; никаких городов там сейчас нет.

АТРЕК

Атрек — ныне пограничная река между Россией и Персией; название впервые встречается, по-видимому, у Хамдаллаха Казвини (740/1339 г.); географами IV/X в. не упоминается. Река вытекает с северных склонов гор Хезар-Месджид, протекает по курдским (со времени шаха Аббаса I) княжествам Кучан и Буджнурд (один из плодороднейших районов Хорасана; древняя Астабена, или Аставена, в средние века Устува); около деревни Чат, или Чатли, в нее впадает Сумбар, собственно Сӣмбӑр; отсюда до впадения в Каспийское море Атрек с 1882 г. определен как граница между Россией и Персией. Около деревни Гармхане (севернее Буджнурда), где через реку переброшен деревянный мост, она 25—30 футов шириной и 2—3 фута глубиной. Ниже селения Хараки оба берега почти совсем не заселены, если не считать нескольких аулов туркменского племени йомут, но имеется много следов древних оросительных каналов. В новейшее время плотина, выстроенная с русского берега (около Гудри), отвела нижнее течение реки в северном направлении; южное русло, определенное как политическая граница, сейчас, как сообщают, почти безводно. Область к северу от реки, орошаемая нижним течением Атрека, в средние века называлась Дихистан, быть может по древнему народу даев; теперь там находятся руины города Мешхед-и Мисриян, обычно называемые на картах Месториан; вода подводилась к этому городу издалека (более чем за 50 *км*), из Атрека и Сумбара. Дихистан, по-видимому, был основан еще в домусульманское время; однако и у Истахри, и у Ибн Хаукаля он еще упоминается как маленький поселок, который имел значение для рыбной ловли и как убежище для кораблей, ищущих укрытия в бурную погоду[1]. Макдиси (375/985 г.) знает уже Дихистан как цветущую местность, богатейшую в Гургане, с главным городом Ахуром и 24 селениями. В развалинах города на портале соборной мечети имеется надпись строителя (сфотографирована и опубликована А. А. Семеновым: *Надписи на портале*, стр. 0156), султана Мухаммеда хорезмшаха (596—617/1200—1220). Хамдаллах Казвини упоминает Дихистан как селение; Абулгази, по-видимому, употребляет это слово лишь как географическое название всего района. Когда прекратилась культура в нижнем течении Атрека, еще не установлено. О современном состоянии обоих берегов

[1] 〈Ср. выше, стр. 122.〉

см. в особенности. Yate, *Khurasan and Sistan*; о руинах Дихистана особенно Conolly, *Journey*, и по-русски Коншин, *Разъяснение* (там же план городища). ⟨О постройках на городище Мешхед-и Мисриян: Пугаченкова, *Архитектурные памятники Дахистана*, стр. 193—227; план городища см. М. Массон, *Южно-Туркменистанская экспедиция 1947 г.*, рис. 40; о надписях М. Массон, *Новые данные о надписях*.⟩

АУЛИЕ-АТА

Аулие-Ата (букв. 'Святой отец') — уездный город в Русском Туркестане (Сыр-Дарьинская область) [1], названный по гробнице святого Карахана. Гробница его упоминается уже в XVII в. (Махмуд б. Вели, л. 119а); город возник лишь в XIX в. и был завоеван русскими в 1864 г. Нынешнее здание гробницы относится во всяком случае к новейшему времени и не имеет никаких надписей [2]; гробница так называемого «маленького святого» (*кичик аулийā*) в том же городе имеет надпись 660/1262 г. и является гробницей Улуг-Бильгя Икбал-хана Давуд-бека б. Ильяса (публикация: Бартольд, *Надпись на могиле Улуг Бильгя-Икбал-хана*, стр. V) [3]. Упоминаемый в той же местности арабскими географами город Тараз (Талас), по-видимому, бесследно исчез [4]. В Аулиеатинском уезде, на Таласе, в последнее время (с 1896 г.) найдены древнетюркские надгробные надписи (об этом см.: Каллаур, *Новая археологическая находка*; Мелиоранский, *По поводу новой находки*).

---

[1] ⟨В 1936 г. переименован в город Джамбул.⟩

[2] ⟨Здание по стилистическим особенностям относится к XI в., в конце прошлого века оно еще сохраняло в основном первоначальный облик, в 1905 г. полностью перестроено. См. Денике, *Архитектурный орнамент*, стр. 14.⟩

[3] ⟨Ср. Беленицкий, *Из мусульманской эпиграфики*, стр. 17—18.⟩

[4] ⟨Остатки древнего Тараза находятся на территории города Джамбула, частично заняты городскими постройками. В 1936—1938 гг. Тараз раскапывала экспедиция под руководством А. Н. Бернштама; см. *Памятники старины Таласской долины*, стр. 43—61, план городища в конце книги.⟩

АХАЛ-ТЕКЕ

Аḫа̄л-теке — местность в Русском Туркестане. Названием Ахал (появляется лишь в новейшее время) объединяются оазисы по северному склону горных цепей Копет-Даг и Кюрен-Даг, между нынешними железнодорожными станциями Кызыл-Арват и Гяурс; вторая половина названия взята из имени нынешних обитателей этой местности — туркменского племени теке; у Абулгази теке упоминаются уже в X/XVI в. в местности между Балханскими горами и городом Дуруном (у нынешней железнодорожной станции Бахарден). В 1881 г. Ахал-теке был завоеван русскими и образует с 1882 г. особый уезд Закаспийской области; до 1890 г. уезд сохранял название Ахал-теке; ныне называется по главному городу Ашхабаду (собств. Ашқа̄ба̄д, см. Barthold, *Ashkabad*). У географов средневековья не было для этой полосы особого названия; эта местность описывается как часть Хорасана с городом Неса (уже при парфянах важный город; теперь два холма с развалинами у аула Багир, в 7—8 *км* к западу от Ашхабада [1]) и пограничными укреплениями Шахристаной (в 3 арабских милях севернее Неса на краю песчаной пустыни) и Феравой, или Афравой (около нынешнего Кызыл-Арвата). Страна часто находилась под властью правителей Хорезма, так еще и во время узбецкого владычества в X—XI/XVI—XVII вв.; в противоположность собственно Хорезму, или Су-бою ('Сторона воды'), Ахал-теке вместе с А т е к о м (см. <выше, стр. 337>) обозначались оба вместе как Тагбою ('Сторона гор'); город Неса, по-видимому, тогда еще существовал; на западе упоминается еще город Дурун (см. выше). Во время русского завоевания в стране не было городов; Ашхабад и Кызыл-Арват как города возникли лишь при русской власти.

[1] <Подробнее М. Массон, *Городища Нисы.*>

АХСИКЕТ

Аḫсикаṯ — в IV/X в. главный город Ферганы; при Бабуре, под названием Ахси, — второй по величине город; еще в XI/XVII в. нынешний уездный город Наманган в *Баḥр ал-асрāр* (л. 108б) упоминается лишь как одно из селений, подчиненных (*тавāби'*) Ахси. По Бабуру, Ахсикет лежал на правом берегу Сыра, близ впадения Касан-сая. В настоящее время там сохранились (около деревень Ахси и Шаханд) руины старой цитадели (Иски-Ахси — 1000 шагов с запада на восток, 600 шагов с севера на юг, примерно 45 *м* над уровнем Сыр-Дарьи [1]; в 1885 г. исследованы проф. Веселовским из С.-Петербурга). Сведения о состоянии руин: Лыкошин, *Очерк археологических изысканий* ⟨стр. 29—33⟩.

---

[1] ⟨Городище домонгольского Ахсикета расположено западнее кишлака Шаханд; та часть его, которую В. В. Бартольд называет цитаделью, является шахристаном, границы же рабада точно установить невозможно. Кроме того, в 5 *км* западнее, между Ахсы-саем и кишлаком Ахсы, находятся остатки тимуридского Ахсикета, описанного Бабуром. План домонгольского городища см. Бернштам, *Историко-археологические очерки*, стр. 245, рис. 102; план района Ахсикета и история изучения — Чуланов, *Городище Ахсикет*; о раскопках см. также Ахраров, *Археологические исследования*.⟩

БАДАХШАН

Бадаḫшāн, часто пишется также Баḍаḫшāн, в литературном языке иногда (с арабским окончанием множественного числа) Бадаḫшāнāт — горная область в верхнем течении Аму-Дарьи, или, точнее, Пянджа, на левом берегу этого истока великой реки; от него прилагательное *бадаḫшāнӣ* или *бадаḫшӣ*. И. Маркварт (*Ērānšahr*, S. 279) объясняет это название как «страна бадахша или балахша, сорта рубина, единственным месторождением которого считается Бадахшан на Кокче»; однако вероятнее, пожалуй, что Балахш (отсюда франц. balais, англ. balas) первоначально являлось диалектной формой названия области от Бадахш и позже перенесено на разновидность рубина. Якут (*Му'джам*, I, 528) приводит форму Балаḫшāн как более употребительную в народе; та же форма приведена у Марко Поло [1]. Рудники, из которых происходили рубины, находились, как было засвидетельствовано уже Марко Поло, за пределами собственно Бадахшана — в Шугнане, на правом берегу Аму-Дарьи, но в историческое время эта область вместе с Бадахшаном находилась в руках одного правителя. Рубины (араб. *ла'л*, перс. также *лāл*) из Бадахшана в средневековье были известны во всем мусульманском мире. В персидской поэзии выражение *лāл-и бадаḫшӣ* или *лāл-и бадаḫшāнӣ* часто употребляется в переносном смысле для обозначения вина или губ возлюбленной; в Средней Азии это выражение и поныне широко известно даже в народе. Район с этими рудниками принадлежит теперь к части Бухары, находящейся под властью России; однако копи разрабатываются так же примитивно, как и раньше, и до сих пор не приобрели значения для европейского рынка драгоценных камней.

Бадахшан пересекается Кокчой, притоком Аму-Дарьи, который назван в *Ḥудӯд ал-'ālам* (написан в 372/982-83 г., ср. об этом труде Marquart, *Streifzüge*, S. XXX, единственная рукопись в Петербурге) Хирнабом. В хозяйственном отношении для страны всегда имела значение только долина Кокчи и ее притоков; там находились, вероятно недалеко от нынешней столицы — Фирузабада, основанной только в XI/XVII в., города Бадахшана Джирм и Кишм; последние, упоминаемые уже в древнейших арабских источниках, до сего дня сохранили свои названия. Из рудников в верхнем течении Кокчи происходит бадахшанский лазурит, также про-

[1] ⟨Пер. Минаева, изд. 2-е, 74: «Баласиан».⟩

славленный в средневековье; торговля этим камнем до сих пор является монополией афганского правительства, он весь без исключения вывозится в Индию. Кроме того, в Бадахшане имеются железные и медные рудники.

Название Бадахшан впервые упоминается в китайских источниках VII и VIII вв.: у Сюань Цзана — Бодочуанна, древнее название, по Шлегелю, — Пат-ток-тсон-на, в *Тан-шу* — Бадошань, в энциклопедии *Цэ-фу юань-гуй* — Будошань. Китайцы описывают эту область как часть Тухоло (Тохаристана); арабы также употребляют слово Тохаристан в двух значениях: в более узком смысле Тохаристан — только область между Балхом и Бадахшаном, в широком смысле под этим названием объединяются все области восточнее Балха по обеим сторонам Аму-Дарьи. Это название несомненно происходит от появившихся во II в. до н. э. тохаров — завоевателей греко-бактрийского государства. В V в. н. э. эти области были завоеваны хайталами (эфталитами византийцев); еще в антологии Ауфи, составленной в VII/XIII в., мы находим рассказ, согласно которому царь хайталов пожаловал своему сыну область «Джирма и Бадахшана» (Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 91). Уже в VI в. н. э. тюрки положили конец державе хайталов; во время первых арабских набегов владетель Тохаристана (в широком смысле), согласно арабским и китайским источникам, носил тюркский титул *ябгу* (араб. *джабғӯйа*); князья отдельных областей, среди них и князь Бадахшана, были его вассалами. О том, как и когда был завоеван арабами Бадахшан и введен там ислам, у нас нет точных известий; у Табари название этой области ни разу не упоминается; среди событий 118/736 г. сообщается о походе на «Кишм в стране джабгуя» и далее (Табари, II, 1230 и сл.). Согласно Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 288), Джирм был в Бадахшане пограничным мусульманским городом на торговом пути (через Вахан) в Тибет. Там же (292) упоминается неизвестный по другим источникам тюркский князь Хумар-бек (вероятно, следует читать так), «царь Шикинāна и Базаҳшāна». Истахри (278) называет Бадахшан «областью Абу-л-Фатха»; вероятно, здесь имеется в виду князь Абу-л-Фатх ал-Яфтали, сын которого Абу Наср, согласно Сам'ани (Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 69) и Якуту (*Му'джам*, IV, 1023), сражался в окрестностях Балха с наместником Саманидов Кара-тегином (ум. в 340/951-52 г., ср. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 157 и 370). Кроме этого о политических условиях в Бадахшане в этот период ничего неизвестно.

В V/XI в. поэтом Насир-и Хусрау принесено в Бадахшан и с успехом распространено учение исмаилитов; его гробницу доныне показывают в верхнем течении Кокчи [2]; его учение сохранилось в Бадахшане и соседних с ним областях до сего дня. Во второй половине VI/XII в. Тохаристан (в широком смысле, с Бадахшаном) находился под властью боковой

[2] <Об этом см. А. Бертельс, *Насир-и Хосров*, стр. 153—156, 186—190, а также Кушкеки, *Каттаган и Бадахшан*, 122—127.>

ветви династии Гуридов, резиденция которой находилась в Бамиане и которая, подобно другим ветвям этой династии, была устранена в начале VII/XIII в. хорезмшахом Мухаммедом.

Бадахшан не был затронут монгольским нашествием и до IX/XV в. оставался под властью местной династии. Легенда о происхождении этой династии от Александра Великого упоминается впервые Марко Поло, а затем часто также мусульманскими авторами. Дочери последнего правителя приписано Мухаммед-Хайдером (203) утверждение, что ее предки правили Бадахшаном 3000 лет. Даже Тимуру и его преемникам после ожесточенной борьбы удалось добиться лишь признания их верховной власти. Лишь при правнуке Тимура Абу Са'иде эта область была включена в державу Тимуридов. Последний правитель, шах Султан-Мухаммед Бадахши, еще до этого отказался от следования предписаниям (*дастӯр ал-'амал*), оставленным Александром Великим, и сочинил персидский диван под псевдонимом Лали (Мухаммед-Хайдер, 107). Он без сопротивления подчинился войску, посланному Абу Са'идом, и отправился в Герат; его сыну пришлось бежать в Кашгар; мирза Абу Бекр, один из сыновей Абу Са'ида, был поставлен правителем Бадахшана. Вскоре после того царевич вернулся из Кашгара; Абу Бекр был изгнан; Бадахшан пришлось завоевывать снова, вследствие чего Абу Са'ид приказал в 871/1466-67 г. казнить шаха Султан-Мухаммеда (Даулетшах, изд. Броуна, 453). Поэтому в надписи, открытой англичанами в 1885 г., согласно которой этот князь якобы еще в 884/1479-80 г. построил каменный мост (Мухаммед-Хайдер, 221), вероятно, неправильно прочитана дата. Абу Бекр был позже вытеснен из Бадахшана своим братом Султан-Махмудом, правителем Хисара. До завоевания Хисара узбеками (начало XVI в.) Бадахшан оставался объединенным с Хисаром. В Бадахшане возникло национальное движение против узбецких завоевателей во главе с Мубарек-шахом и Зубейром Раги; опорным пунктом движения называется крепость на левом берегу Кокчи, которая до сих пор носит название Кала-и Зафар ('Крепость победы'), данное ей Мубарек-шахом. Узбеки были изгнаны, Тимурид Насир-мирза (брат Бабура), призванный восставшими, был признан в Бадахшане правителем (конец 910/весна 1505 г.), но не смог сговориться с вождями движения и был изгнан уже через два года. В 913/1507-08 г. Султан-Вейс-мирза, обычно называемый Мирза-ханом, или Хан-мирзой, сын Султан-Махмуд-мирзы, направился с согласия Бабура в Бадахшан и был принят в Кала-и Зафар. Мубарек-шах незадолго до этого был убит своим соратником Зубейром; Зубейр, который хотел сохранить власть в своих руках и после прибытия нового правителя, был устранен убийством из-за угла. Спустя немного времени в Бадахшане появился Шах Рази ад-дин, глава исмаилитов Кухистана, собрал вокруг себя приверженцев этого учения и подчинил себе часть страны; но уже весной 1509 г. он был убит, и голова его была доставлена Мирза-хану в Кала-и Зафар. Мирза-хан умер в 926/1520 г. владетелем Бадахшана, после чего Бабур

забрал к себе Сулеймана, несовершеннолетнего сына умершего, и вместо него послал в Бадахшан своего сына Хумаюна. В 935/1528-29 г. Хумаюн был отозван своим отцом в Индию; после неудачной попытки Са'ид-хана, правителя Кашгара, захватить страну Бабур и Са'ид-хан признали Сулеймана правителем Бадахшана (1530 г.). Сулейман правил до 983/1575 г., в первой половине этого года был вытеснен своим внуком Шахрухом, направился в Индию, а оттуда в Мекку, но позже вернулся в свою страну. В 1584 г. Бадахшан был завоеван узбеками под предводительством Абдулла-хана; Сулейману и Шахруху пришлось бежать в Индию, потом они возвратились и предприняли несколько попыток вытеснить завоевателей. Даже в начале XVII в. упоминается восстание, поднятое Беди' аз-заманом, сыном Шахруха. В 1645 г. Балх и Бадахшан были еще раз завоеваны Тимуридами, однако уже осенью 1647 г. окончательно отошли к узбекам.

Государство узбеков еще в XVII в. распалось на несколько самостоятельных владений; в Бадахшане также возникло такое владение во главе с династией, основанной Яр-беком, строителем города Файзабада; представители этой династии еще в XIX в. утверждали, что они также происходят от Александра Великого. Как и другие узбекские правители в нынешнем Афганистане, эти правители носят титул *мӣр* (сокращенное от *эмир*). В 1822 г. Мир Мухаммед-шах был свергнут правителем Кундуза Мурад-беком. Мирза Калан, один из вассалов Мурад-бека, был послан в Бадахшан правителем, но после смерти своего сюзерена стал независимым и несколько позже сам завоевал Кундуз. Его сын и преемник Мир Шах Низам ад-дин умер в 1862 г.; его сыну Джехандар-шаху начиная с 1867 г. пришлось бороться за свой престол с другим царевичем из той же династии, Махмуд-шахом; в 1869 г. он был окончательно изгнан и после последней попытки в 1872 г. перебрался на русскую территорию, где ему был определен для жительства город Уч-Курган в Фергане и пожаловано годичное содержание в 1500 рублей; там в 1878 г. он был убит неизвестными лицами. Махмуд-шах уже в 1873 г. был низложен афганским правительством и увезен в Кабул, где оставался до самой смерти; его владения были присоединены к Афганистану, как часть провинции Туркестан.

Известия о рубинах и лазурите Бадахшана, а также о мнимых золотых и серебряных рудниках появились в России уже в 1725 г.; около 1735 г. среди конечных целей русской политики в Средней Азии было указано также «приобретение богатой страны Бадахшан». Все же при последнем урегулировании границ в 1895 г. границей между Афганистаном и подчиненной России Бухарой был определен Пяндж; тем самым области как к западу от Бадахшана (Куляб), так и к востоку от него (Шугнан и Рошан) были объединены с Бухарой, сам же Бадахшан остался во владении правителя Афганистана, хотя дорога из Куляба (древнего Хутталя) в Шугнан всегда шла через Бадахшан, а не через труднодоступный Дарваз. Этим противоестественным разграничением были тяжело нарушены

интересы соответствующих областей, особенно из-за официально проводимого закрытия границы, которое, впрочем, не слишком строго соблюдается русскими властями в Шугнане, судя по тому, что летом в Самарканде без конца встречаются работники, пришедшие из Бадахшана.

Литература. См. особенно Мухаммед-Хайдер и *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, соответствующие места указаны в индексах. Из рукописей особенно использован *Матла' ас-са'дайн* Абд ар-Раззака (см. Barthold, *'Abd al-Razzāḳ*). О государстве Гуридов см. Джузджани, изд. Нассау-Лиса и пер. Раверти. Известия об областях на верхнем течении Окса были в XIX в. собраны И. Минаевым (*Сведения*), преимущественно по описаниям английских путешественников; помимо этого я еще имел возможность пользоваться двумя русскими не общедоступными описаниями путешествий 1878 г. <По-видимому, имеются в виду опубликованные в СМА, вып. V (1883) отчеты: Матвеев, *Поездка* (о поездке 1877 г.) и Гродеков, *Поездка*, стр. 62—63.> О современном положении этих областей см. в особенности Бобринский, *Горцы*, частично по Leitner, *Dardistan in 1886* и idem, *Dardistan in 1895*. <См. также: *Та'рӣх-и Бадахшан*; Кушкеки, *Каттаган и Бадахшан*; Абаева, *Очерки* (с библиографией).>

БАДГИС

Бāдг̣ӣс, или Бāз̧г̣ӣс, — область в северо-западной части нынешнего Афганистана; название, из-за господствующих там сильных ветров, выводят из персидского *бāдхāз* 'место, где поднимается ветер'. Географы IV/X в. называют Бадгисом только область к северо-западу от Герата, между этим городом и Серахсом; позже это название было перенесено на всю область между Герирудом и Мургабом; во всяком случае его употребляет в этом значении уже в VII/XIII в. Якут. Маленькие города и крепости, расположенные в Бадгисе, никогда не имели большого значения; главным городом в настоящее время считается Кала-и нау. Реки, среди них и притоки Мургаба, как тысячу лет назад, так и теперь несут лишь небольшое количество солоноватой воды; для поливки полей приходится довольствоваться колодезной и дождевой водой. В горах до сего дня частично сохранились фисташковые рощи, упоминавшиеся арабами. Кроме того, славятся превосходные пастбища этой области; еще Феррье (1845—1846 гг.) описывает пастбища, лежащие около Кала-и нау, как лучшие во всей Азии. Для развития культуры это обстоятельство имело преимущественно отрицательные последствия, так как эти пастбища постоянно притягивали соседних кочевников. Война между персидскими и среднеазиатскими монголами в 1270 г. велась прежде всего из-за пастбищ Бадгиса. Да и в настоящее время в Бадгисе обитают по большей части кочевые племена — хезарейцы и джемшиды.

Литература. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 33 и сл.; Le Strange, *The Lands*, p. 412 (там же указаны источники).

БАЙКАЛ

Байкал — большое озеро в Сибири; принадлежит к бассейну Енисея. Мусульманским географам озеро, кажется, оставалось неизвестным даже в монгольское время. Местность на Байкале («ниже Селенги») называется у Рашид ад-дина (ср. персидский текст в изд. Березина, II, 180) Барḳӯджӣн или Барḳӯджӣн-тӯḳӯм, а народ, живущий там, — барḳӯт (*т* в конце слова — здесь монгольское окончание множественного числа). Первое название, очевидно, сохранилось в названии одной из рек, впадающих в Байкал с востока, — Баргузин. В тюркских орхонских надписях (VIII в.) обитатели этой местности называются «байирку»; предположение Хирта (*Nachworte*, S. 7), что Байкал получил свое название от этого народа, более чем сомнительно. У якутов слово Байкал сейчас означает 'море'. Название Байкал объясняют также как тюркское *бай куль* ('богатое озеро'); однако и это объяснение не может опереться на какие-либо сообщения источников. В Европе Байкал стал известен лишь благодаря открытию и завоеванию страны русскими казаками (в XVII в.).

БАКУ

Бāкӯ, у арабских географов Бāкух, Бāкӯх и Бāкӯйа, — город с самой лучшей гаванью на берегу Каспийского моря. Истолкование названия, принятое сейчас в самом Баку и основанное, вероятно, на народной этимологии (*Бāдкӯбе* 'место, где ударяет ветер'), относится, видимо, к гораздо более позднему времени, равно как и предание об основании города Хосроем Ануширваном. Точно так же не может опираться на какие-либо исторические данные предположение о том, что нефтяные источники Баку с их «вечным огнем» были важны для персидского огнепоклонничества: поклонение огню было занесено сюда лишь в XVII в. персами и индийскими парсами. Нефтяные источники были описаны сначала арабскими географами, подробнее всего Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 25 и сл.) и Якутом (⟨*Му'джам*⟩, под словом «Бāкӯйа»). Существовало два больших источника: один — с желтой или белой нефтью (по словам Мас'уди, единственный источник такого рода в известном ему мире), другой — с черной или зеленой; каждый из двух источников давал в день по 1000 дирхемов; в IX/XV в. Бакуви оценивает количество ежедневно получаемой темной нефти в 200 вьюков для мула. Согласно *Дербенд-нāме* (136 и сл.), нефтяные месторождения и соляные поля Баку были вакфом жителей Дербента; в более позднее время они, как показывает надпись 1003/1594-95 г., были назначены в вакф сейидам. Макдиси (376, $_6$) впервые упоминает Баку в качестве портового города (*фурḍа*); однако город тогда, несмотря на свою гораздо лучшую гавань, в сравнении с Дербентом, в то время вторым по величине городом на Кавказе, не имел никакого значения. Мы не имеем почти никаких сведений о судьбах города; Табари ни разу не упоминает Баку, точно так же и Ибн ал-Асир. Как сообщают, около 301/913-14 г. русы продвинулись до самых источников нефти. Позже Баку входил в состав государства ширваншахов и в VI/XII в. упоминается в качестве резиденции этих правителей. И тогда и позднее ширваншахи чаще жили в Шемахе. Старая соборная мечеть Баку, согласно одной надписи, была построена в 471/1078-79 г.

В монгольское время и позже Баку, очевидно, приобрел, как портовый город, большее значение; с этого времени Каспийское море часто называют «морем Баку». Но и источники этого периода дают нам лишь скудные известия о городе; больше сведений, чем в прочих источниках, мы находим у Хамдаллаха Казвини в VIII/XIV в., а особенно у Абд ар-Рашида

ал-Бакуви в IX/XV в. По словам Хамдаллаха Казвини, в Баку и тогда были только «деревня» и крепость, располагавшаяся высоко над этой деревней; там же жил «глава жрецов» (*бузург-и кашīшān*), по имени Мар Джасия (Агафий?). Бакуви говорит о двух крепостях: одной — находившейся высоко, которая в его время была почти совершенно разрушена, и второй — на берегу моря; последняя считалась необыкновенно сильной и будто бы не была взята даже монголами. Уровень моря был тогда значительно выше, чем раньше, вследствие чего была затоплена большая часть города. Непосредственные окрестности города тогда, как и ныне, были безотрадной пустыней; сады жителей находились значительно дальше; все необходимое для жизни доставляли из Ширвана и Мугана. Кроме нефти и соли вывозился еще шелк. К IX/XV в. относится дворец ширваншахов вместе с двумя мавзолеями, расположенными около дворца (надпись 869/1464-65 г.). Теперь дворец служит полковым депо и находится в совершенно беспризорном состоянии. В 1901 г. случайно было обнаружено старое кладбище с надгробной надписью, датированной раджабом 818/сентябрем—октябрем 1415 г., и более старыми (судя по форме букв) недатированными надписями.

В 906/1500-01 г. шах Исма'ил, основатель новоперсидского государства, осадил и взял Баку; при этом были захвачены сокровища ширваншахов. В 1583 г. город должен был сдаться туркам под начальством Осман-паши и до 1606 г. оставался под властью турок. После того как восстановлено было господство персов, шах Аббас I повелел возобновить городские стены, о чем свидетельствует надпись 1017/1608-09 г. В июле 1723 г. Баку после короткого сопротивления сдался русскому генералу Матюшкину, но в 1735 г. был возвращен персам. Со времени смерти Надир-шаха (1747 г.) правители Баку были фактически независимы. Во время войн за Кавказ между Россией и Персией в последние годы XVIII в. и в первые годы XIX в. владетель Баку Хусейн-Кули-хан присоединялся то к одной, то к другой державе. 8 (20) февраля 1806 г. ключи города должны были быть переданы русскому генералу Цицианову, однако при свидании с ханом генерал был предательски убит, а его голова отослана в Тебриз. Когда осенью того же года генерал Булгаков двинулся на Баку, хан бежал в Персию, после чего город сдался без сопротивления 3 (15) октября и был окончательно включен в состав Российской империи.

Разработка нефтяных месторождений составляла монополию правителей Баку, которые, по сообщению путешественника Гмелина, ежегодно получали от нее 40 000 рублей дохода. При русском управлении источники были объявлены удельным имуществом; только в 1872 г. разработка была разрешена, а источники — открыто проданы с торгов. С тех пор этот промысел, а благодаря ему и город стали стремительно расти, особенно после того, как Баку был связан железными дорогами как с Батумом на Черном море, так и с внутренней Россией. Риттер (*Lexicon*) упо-

минает Баку как город лишь с 10 600 жителей; даже в официальном путеводителе, изданном в Тифлисе в 1888 г., приводится число жителей — 45 679; ныне Баку — крупный современный город с более чем 100 000 жителей [1].

Литература. Le Strange, *The Lands*, pp. 180 sq. Вейденбаум, *Путеводитель*. стр. 342 и сл. О походе русов: Мас'уди, *Мурӯдж*, II, 20 и сл. Текст Хамдаллаха Казвини приводит Шефер (Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 223). Перевод текста Бакуви см. Бакуви, 509 и сл. О старом кладбище см. Бартольд, *Отчет об осмотре*, стр. 116 и сл. О событиях начиная с XII в.: Dorn, *Beiträge*, I, S. 66—67; II, S. 49—50, 94, 109—110; Наншег, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd II, S. 500. ‹Ашурбейли, *Баку XVI—XVII вв.*; ее же, *Очерки*; о современном городе: Ковальская—Гаджи-заде, *Баку.*›

[1] ‹По оценке на 1 января 1964 г. — 1100 тыс. жителей.›

БАЛАКЛАВА

Балаклава, татар. Бāлыклава — небольшой портовый город на юго-западе Крымского полуострова (Таврическая губерния), в 13 *км* от Севастополя. Город упоминает уже Страбон (312) под названием Палакион; он будто бы получил это название по имени Палака, сына скифского князя Скилура (II—I вв. до н. э.). Для нынешней формы названия существуют лишь народноэтимологические толкования: 1) тюрк. *бāлык* 'рыба'+ +греч. λαβά или λαβή 'ловля'; 2) итал. *bella chiave* 'красивый источник'. Город расположен у морской бухты, которую Страбон (308) именует Συμβόλων λιμήν (на мореплавателей, занесенных в эту бухту, нападали скифские тавры и грабили их); отсюда, очевидно, происходит и более позднее, генуэзское название города — Чембало, или Чембаро (также Чимбальди, позднее еще Джамболдум и Джамболи). Несколько севернее, около нынешнего Инкермана, находилась, по словам Страбона, бухта Ктенус, отделенная от «Symbolōn limēn» перешейком шириной только 40 стадий (ок. 7,5 *км*).

Как и прочие местности на южном побережье полуострова, Балаклава долгое время входила в состав Римской, а затем Византийской империй и во времена Латинской империи тоже оставалась во владении греков. Только в XIV в. здесь утвердились генуэзцы; в 1380 г. по договору с татарами генуэзцы получили весь южный берег от Кафы (ныне Феодосия) до Балаклавы; район Инкермана и к северу от него остался во власти греков. Как пограничный город генуэзских владений Балаклава в это время была сильно укреплена; равным образом укрепления, остатки которых были видны еще в XIX в., были построены на упоминаемом Страбоном «перешейке» между Балаклавой и Инкерманом. В течение этого времени Балаклава служила местопребыванием католического епископа. В 1433 г. грекам — жителям Балаклавы — удалось изгнать генуэзцев из своего города, после чего Балаклава подчинилась греческому правителю города Теодоро (его, вероятно, следует искать около Инкермана). Уже на следующий год перед Балаклавой появился генуэзский флот под командованием Карло Ломеллино; город был взят приступом, однако вскоре после этого военные силы генуэзцев были разбиты татарами при Иски-Крыме и уничтожены без остатка. В 1475 г. страна была завоевана турками; с XV в. вплоть до XVIII в. Балаклава принадлежала к царству Гиреев и в правление Сахиб-Гирея (939—957/1532—1550)

названа в качестве самой южной точки этого царства (Мухаммед-Риза, изд. Казембека, 92); полоса побережья к югу от нее была включена в состав Османской империи и управлялась турецким пашой. В период татарского господства Балаклава упоминается лишь как порт и тогда, по-видимому, не имела военного значения; укрепления генуэзской поры оставались с того времени в развалинах. После присоединения Крыма к России (1783 г.) татарское население Балаклавы выселилось в Турцию; на его место были поселены греческие переселенцы с островов Эгейского моря, примкнувшие к русским во время войны 1768—1774 гг. До 1860 г. русские использовали Балаклаву как военную гавань; 14 (26) октября 1854 г. город был занят англичанами, оставался на протяжении осады Севастополя главной квартирой союзников и приобрел особенную известность из-за сражения 13 (25) октября 1854 г. Балаклава, еще в XVIII в. рассматривавшаяся как «город», сейчас представляет собой незначительное местечко, посещаемое лишь каботажными судами.

Литература. Кеппен, *О древностях* (с планом); В. Смирнов, *Крымское ханство*, см. указатель. ⟨Якобсон, *Средневековый Крым*, стр. 120—121.⟩

БАЛАСАГУН

Балāсāгӯн — город в Средней Азии, местонахождение которого не удается точно установить [1]. У Макдиси (264 и 275) Балāсакӯн (sic) или Валāсакӯн упоминается среди городов, зависимых от Асбиджаба (ныне Сайрам, восточнее Чимкента). По Якуту (*Муʿджам*, I, 708), Баласагун лежал «по ту сторону Сейхуна (Сыр-Дарьи), недалеко от Кашгара»; в противоположность этому город Фараб (ныне городище Отрар, недалеко от впадения Арыса в Сыр-Дарью, следовательно северо-западнее Шаша, или Ташкента) находился, согласно Якуту (*Муʿджам*, III, 833), «дальше Шаша (или «дальше всех от Шаша»), поблизости от Баласагуна». Оба сообщения заимствованы Якутом из *Китāб ал-ансāб* Самʿани; вместо «дальше Шаша» у Самʿани стоит «выше Шаша» (*фауḳа-ш-Шāш*). У Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, IX, 356) упоминается тюркский народ, который в сафаре 435/9 сентября—8 октября 1043 г. принял ислам; летовки этих тюрков находились вблизи области болгар (само собой разумеется, что здесь имеются в виду болгары на Волге, а не болгары на Дунае), а их зимовки — неподалеку от Баласагуна. Город, по-видимому, следует искать в западной части русской области, называемой ныне Семиречье, вероятно на Чу, где и поныне можно увидеть много городищ. На это же, кажется, указывают приводимые Абу-л-Фида (*Таḳвӣм*, изд. Рено — де Слэна, 500) широта и долгота: 91°35′ или 91°50′ в. д. и 47°40′ с. ш., в то время как Тараз (ныне Аулие-Ата [2] на реке Талас) лежал на 89°50′ в. д. и 44° 25′ или 43°35′ с. ш. (там же, 496). Эти астрономические определения, естественно, безусловно ошибочны (город Аулие-Ата лежит значительно южнее, на 42°53′42″ с. ш.), однако же они, по-видимому, доказывают, что Баласагун лежал северо-восточнее Аулие-Ата. Находится ли его название, как утверждают, в связи с монгольским *балгасун* ‘укрепление, город’, остается под вопросом, особенно до тех пор, пока это слово не засвидетельствовано ни в одном тюркском диалекте.

[1] <А. Н. Бернштам (*К исторической топографии*, стр. 196) отождествлял с Баласагуном городище Ак-Бешим (или Ак-Пешин) около Токмака; того же мнения придерживался сначала и Л. Р. Кызласов (*Раскопки древнего Баласагуна*), раскапывавший это городище в течение нескольких лет, однако впоследствии он отказался от этого отождествления, поскольку, по его мнению, Ак-Бешим прекратил существование в X в. (Кызласов, *Работы Чуйского отряда*, стр. 95—96).>

[2] <Ныне город Джамбул.>

Согласно одному рассказу Низам ал-мулька (изд. Шефера, текст, 189), около 330 или 331/942—943 г. подготовлялась война за веру против «неверных тюрков», которые завоевали Баласагун; из этого как будто следует, что Баласагун уже в то время рассматривался как мусульманский город, хотя и лежал за пределами мусульманской империи. Завоеватели вскоре, очевидно, также приняли ислам. Из Баласагуна илеки позднее завоевали Мавераннахр; первым мусульманским правителем из этой династии был Сатук Богра-хан Абд ал-Керим, умерший, как сообщают, около 344/955-56 г. Согласно Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, VIII, 396), в 349/960-61 г. тюркский народ численностью в 200 000 шатров принял ислам; это сообщение могло бы также относиться к тюркам этой области, соседям Саманидов.

Сведения о Баласагуне при илеках чрезвычайно скудны. Город упоминается в качестве резиденции первого завоевателя Мавераннахра Богра-хана Харуна б. Мусы [3] (ум. в 382/992-93 г.). Вскоре после 416/1025-26 г. правитель Баласагуна Туган-хан, брат правителя Мавераннахра Али-тегина (см. Barthold, *ʿAlī-Tegīn* <наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 491>), был вытеснен из своей области представителями той же династии, правившими Кашгаром (Бейхаки, изд. Морлея, 98 и 655). Позже Баласагун, по-видимому, принадлежал обычно тому же правителю, что и Кашгар. Из Баласагуна происходил поэт Юсуф хас-хаджиб, автор *Кутадгу билик*, старейшего поэтического произведения на тюркском языке (462/1069-70 г.); правитель Богра-хан из Кашгара, которому посвящена поэма, — по-видимому, тот Богра-хан Харун, упомянутый Ибн ал-Асиром (изд. Торнберга, IX, 213), который сначала в качестве соправителя своего брата Тогрулхана, а затем в течение 29 лет до 496/1102-03 г. единолично правил Кашгаром, Хотаном и Баласагуном [4].

Около 1130 г. Баласагун был завоеван языческим народом кара-китаев; правитель этого города, который сам призвал правителя (гурхана) кара-китаев на помощь против своих врагов канглов и карлуков, был объявлен низложенным и назван «илек-туркмен». Местность по Чу и позже оставалась собственно резиденцией правителя кара-китаев, в то время как в Мавераннахре и в Кашгаре, как и в той части Семиречья, которая лежит к северу от Или, местные правители сохранили свою власть в качестве вассалов гурхана.

Когда войско гурхана было разбито под Таласом хорезмшахом Мухаммедом в раби‘ I 607/августе—сентябре 1210 г., то жители Баласагуна ожидали скорого прибытия победителя и поэтому отказались впустить разгромленное войско в свой город. После шестнадцатидневной осады город был взят кара-китаями и затем подвергся разграблению в течение трех дней, причем будто бы погибло 47 000 жителей. В следую-

---

[3] <Его имя в действительности было Абу Муса ал-Хасан (Харун) б. Сулейман.>

[4] <Ср. о нем наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 508, прим. 6.>

щем году гурхан был взят в плен Кучлуком, бежавшим из Монголии вождем найманов; Кучлук подчинил себе как Кашгар, так и область севернее Тянь-Шаня до Сыр-Дарьи. В 1218 г. Баласагун был занят без сопротивления полководцем Чингиз-хана Джэбэ-нойоном и получил у монголов название Гобалык, что, согласно Мирхонду (*История Чингиз-хана*, изд. Жобера, 91), означает «хороший город» (*шахр-и хӯб*, очевидно монг. *гоа* 'хорошо'+*балык* 'город') [5]. У самих жителей город, вероятно, сохранил прежнее название.

При монгольском владычестве Баласагун упоминается редко. К знатокам Корана (*хāфиз*) в Баласагуне принадлежал отец Джемаль ад-дина Карши, переводчика словаря *аṣ-Ṣаḥāḥ*, родившегося в Алмалыке (около Кульджи) около 628/1230-31 г. (ср. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 128, где неверно указана дата). Согласно Мухаммед-Хайдеру (364), этот Джемаль ад-дин упоминает в приложении к своему труду (*Мулḥаḳāт аṣ-ṣурāḥ*) большое число ученых из Баласагуна; однако две известные до сих пор рукописи *Мулḥаḳāт* не содержат ничего подобного. Во время Мухаммед-Хайдера еще можно было видеть на берегу Чу надгробье умершего в 711/1311-12 г. имама Мухаммеда Факиха Баласагуни; следовательно, Баласагун был известен под своим прежним названием еще в первом десятилетии VIII/XIV в. В сообщениях о походах Тимура Баласагун уже больше не упоминается; как и все города на Чу, Или и Таласе, Баласагун, вероятно, погиб во время бесконечных распрей и борьбы за престол в XIV в. Уже Мухаммед-Хайдер (около середины X/XVI в.) даже названия Баласагун и Гобалык знал только из книг, местоположение города было тогда так же мало известно, как и сейчас.

Литература. Сводка сведений о положении города: Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 35 и сл. (там же цитата из *Китāб ал-ансāб* Самани); сводка исторических сведений: Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 93 и сл.; <наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 41 и сл.>; перевод (не свободный от ошибок) из *Та'рīḫ-и джахāнгушāй* Джувейни о кара-китаях, кроме того, у д'Оссона, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 441 sq. О замечании Мухаммед-Хайдера относительно труда Джемаль ад-дина — прим. бар. В. Розена к статье: Петровский, *Башня «Бурана»*, стр. 353; об обеих рукописях труда *Мулḥаḳāт аṣ-ṣурāḥ*: Бартольд, *Мулхакāт-ас-Сурāх* и *Отчет о командировке в Туркестан* (*1902 г.*), стр. 271 и сл.; выдержки из этого труда: Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 128 и сл.

[5] <Ср. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 298, прим. 244.>

БАЛХАНЫ

Балхан — горы у Каспийского моря, там, где сухое русло Узбой (предполагаемое старое русло Окса) впадает в море. Горы, расположенные к северу от русла и достигающие высоты 1634 *м*, называются сейчас Большие Балханы; полностью отделены от них Малые Балханы (южнее Узбоя), которые непосредственно примыкают к Кюрен-Дагу. От Больших Балхан получил свое название Балханский залив Каспийского моря; там же находится лучшая гавань на восточном берегу моря, севернее русско-персидской границы.

Относительно легенды о «древнем Хорезме» на Балхане см. *Аму-Дарья* <выше, стр. 322>. Согласно Макдиси (285), там были одичавшие коровы и лошади, тому же Макдиси рассказывали в Неса и Абиверде, что жители этих городов иногда отправляются в Балхан и там находят много яиц; однако ни Макдиси, ни другие источники не упоминают никаких руин в этой местности. Около 420/1029 г. в Балханы отступили туркмены, которые переселились из Мавераннахра в Хорасан, стали там в тягость из-за разбоев и поэтому были изгнаны Арслан-Джазибом, полководцем Махмуда Газневи (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 267); после смерти Махмуда Мас'уд призвал их предводителей Кызыл-Буку и Кокташа вместе с их отрядами и включил их в свое войско (Бейхаки, изд. Морлея, 71).

С VIII/XIV в. около устья Узбоя (в то время вновь наполненного водой) упоминается небольшая гавань Агрыча; но это место, кажется, никогда не имело значения. Абулгази в соответствии с неудачной ученой этимологией пишет название гор «Абу-л-Хан»; в его время там жило несколько туркменских племен. После того как Узбой пересох окончательно (ок. 1570 г.), местность у Балхан должна была мало-помалу запустеть; позже мы находим здесь лишь небольшое число туркмен из племени йомут. Для торговли с Хивой Мангышлак имел в то время, как и в раннем средневековье, несравненно большее значение, чем Балханский залив.

Лишь в связи с аму-дарьинским вопросом на Балханский залив вновь было обращено внимание, когда — впервые Петром Великим — была высказана мысль повернуть Окс в прежнее русло и этим восстановить непрерывный водный путь от Индии до Каспийского моря. План построить в заливе русское укрепление неоднократно высказывался в XVIII и

XIX вв., но был осуществлен только в 1869 г., когда со стороны Кавказа были заняты как местность по Балханскому заливу, так и расположенная к югу от него Михайловская гавань. От последней в 1881 г. была проведена железная дорога до Кызыл-Арвата, оттуда в 1885—1888 гг. до Самарканда, а в 1897—1898 гг. продолжена до Ташкента и А н д и ж а н а (см. <выше, стр. 326>). Лишь благодаря этому район Балхан превратился в важнейший торговый центр на восточном побережье Каспийского моря. Начальным пунктом железной дороги до 1887 г. было Михайловское, с 1887 до 1897 г. — Узун-Ада, с 1897 г. — Красноводск. После открытия железной дороги Оренбург—Ташкент (1905 г.) «Закаспийская» дорога не имеет больше прежнего значения для транзитной торговли, а важна лишь для торговли между Кавказом и Средней Азией. Для сельского хозяйства эти совершенно безводные горы, лишенные почти всякой растительности, совершенно бесполезны; некоторое промышленное значение имеют ломки гипса всего лишь в 7 *км* от Красноводска.

То же название — Балхан (утверждают, будто оно происходит от перс. *балāхāне*) — было занесено турками в Европу и присвоено горам Хемус древних; таким образом возникли принятые в новой географии названия Балканы (для гор) и Балканский полуостров.

БАЛХАШ

Балхаш — крупнейшее после Арала внутреннее озеро Средней Азии (18 432 *кв. м*), в которое впадают Или и много меньших рек. Мусульманским географам средневековья озеро осталось неизвестным; анонимный автор *Ḥудӯд ал-'ālам* (372/982-83 г., см. Marquart, *Streifzüge*, S. XXX) считает, что Или (Йлā) течет в Иссык-Куль [1]. Первым из всех мусульманских авторов описание Балхаша дает, насколько известно, лишь Мухаммед-Хайдер, около середины X/XVI в. (Мухаммед-Хайдер, 366)[2]. В этом источнике озеро, которое тогда образовывало границу между страной узбеков (Узбекистан) и страной монголов (Моголистан), названо Кокча-тенгиз ('Синее озеро') и описывается как пресноводное. Данные о его длине и ширине сильно преувеличены, к тому же Мухаммед-Хайдер считает Волгу (Итиль) одним из стоков Балхаша. Важно свидетельство о вкусе воды; географы нового времени всегда рассматривали Балхаш как соленое озеро; лишь исследованиями, проведенными в 1903 г. по заданию Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества, окончательно установлен его характер как пресноводного озера. Как подчеркивает руководитель исследований (Л. Берг), существование бессточного пресноводного озера в области, где годовые осадки едва достигают 200 *мм*, является «географическим парадоксом». Сказанное выше ⟨см. стр. 333⟩ об Аральском море касается также и Балхаша. Здесь в XIX в. также сначала наблюдалось несомненное наступление береговой линии, из-за чего возник взгляд о высыхании озера. В последние десятилетия этого века и здесь установлены столь же четкие признаки увеличения количества воды, из-за чего и здесь, как вообще в Средней Азии, следует предполагать лишь периодическое поднятие и опускание уровня воды, а не постоянное высыхание (см. Берг, *Об исследовании озера Балхаш*, с подробной картой).

Монгольское название Балхаш озеро получило лишь от калмыков, которые владели этой областью в XVII и первой половине XVIII в. Название «Балхас» имеется вместе с очень точным для того времени изображением озера на карте шведского унтер-офицера И. Г. Рената, который

---

[1] ⟨*Ḥудӯд ал-'ālam*, л. 9б.⟩

[2] ⟨Как позднее отметил сам В. В. Бартольд (см. ниже, стр. 434), озеро упоминается уже у Шереф ад-дина Йезди под названием Атрак-куль.⟩

провел 17 лет (1716—1733) в стране калмыков (см. Ренат, *Карта*) [3]. Киргизы [4], кочующие сейчас в этой местности, называют озеро Ак-тенгиз ('Белое озеро'). Непосредственно окружающая Балхаш местность, вероятно, всегда, как и ныне, представляла безотрадную пустыню, из-за чего озеро, насколько известно, никогда не имело никакого экономического значения; на его берегах также никогда не обитал какой-либо культурный народ. Кочевники используют поросшие камышом берега Балхаша для зимовок; летом местность вокруг Балхаша почти совершенно безлюдна.

[3] ⟨Об этой карте ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 527.⟩

[4] ⟨Казахи.⟩

БАЛЫК

Балык (*бāлиқ*) — тюрко-монгольское слово, обозначающее 'город' (пишется также *бāлīқ* и *бāлиғ*); часто встречается в составных названиях городов, как Бишбалык ('Пять городов', ныне развалины около Гучэна в Китайском Туркестане), Ханбалык ('Ханский город', тюрко-монгольское название Пекина, часто употребляемое также средневековыми европейскими путешественниками), Илибалык (на реке Или, ныне Илийск [1]) и др. Так как город Бишбалык упоминается уже в орхонских надписях (VIII в. н. э.), то *балык* в значении 'город' принадлежит к древнейшим тюркским словам, так же как и созвучное слово *балык* 'рыба', вероятно общее всем тюркским диалектам.

[1] ⟨Ныне поселок городского типа Или.⟩

БАМИАН

Бāмийāн, в арабских источниках часто ал-Бāмийāн — город на Гиндукуше, севернее главного хребта, в горной долине, лежащей на высоте 2545 *м* над уровнем моря, через которую идет одна из важнейших дорог между бассейнами Аму-Дарьи и Инда; этим обусловлено значение города как торгового пункта, а в средние века также и как крепости. Хотя долина принадлежит уже к бассейну Аму-Дарьи и отделена от Кабула более высокими перевалами, чем, например, от Хульма и Кундуза, политически Бамиан был чаще объединен с Кабулом и Газной, чем с областями по Аму-Дарье. Перевал Ак-Рабат, расположенный севернее Бамиана, в первой половине XIX в. образовывал границу между областями Кабула и Кундуза; теперь этот же перевал обозначает границу между собственно Кабулистаном и Афганским Туркестаном.

Долина и город были описаны уже в VII в. н. э. китайским паломником Сюань Цзаном (пер. Жюльена, I, 36 и сл.; *Жизнеописание Сюань Цзана*, пер. Жюльена, 68 и сл.). Название передается как Фанйанна (у Маркварта, *Ērānšahr*, S. 215 sq., по де Гроту и Шлегелю, древнее произношение — Бамйанна); «древнейшая среднеиранская форма» этого названия (по Маркварту) была Бāмйкāн. Страна и тогда не принадлежала к областям по Аму-Дарье (Тухоло = Тохаристан, см. выше, ⟨стр. 320⟩, статья *Аму-Дарья*), хотя письменность, административное управление и монеты были те же самые, а язык отличался очень мало. Как по Сюань Цзану, так и по древнейшим арабским источникам, жители Бамиана исповедовали буддизм, который был тогда распространен во всех странах к северу и югу от Гиндукуша. При Сюань Цзане там было больше десяти монастырей и более тысячи монахов. Оба колоссальных рельефа на скале на северном склоне долины, которые арабы позже описывали как единственные в своем роде (см. особенно Якут, *Му'джам*, I, 481), имелись уже во время Сюань Цзана. Бóльшая статуя (по данным современных путешественников, высотой 120 англ. футов) [1] изображает мужскую фигуру, а меньшая (примерно в 180 *м* от первой) — женскую фигуру; в средние века эти фигуры называли *сурх-бут* и *зинк-бут* ('красный идол' и 'белый идол'). В новое время обе эти фигуры изуродованы пушечными выстрелами, якобы по

[1] ⟨О древностях Бамиана, а также о колоссальных скальных рельефах Будды см.: Godard — Hackin, *Les Antiquités*; Hackin, *Nouvelles recherches*.⟩

приказу индийского императора Аурангзеба; несмотря на это, еще в XIX в., как сообщают Абд ал-Керим Бухари (I, 4 и сл.) и английский путешественник Муркрофт (*Travels*, vol. II, p. 387), сам город назывался по ним «Бут-и Бамиан». От стенных росписей, упоминаемых у Якута (на которых будто бы были изображены «все созданные богом птицы»), сохранились лишь незначительные следы. Изображение идолов в их нынешнем состоянии дает, между прочим, Бернс (*Travels*, vol. II, p. 159). Кроме того, в Бамиане еще в III/IX в. был большой буддийский монастырь, в котором также находились идолы. Монастырь был разрушен Саффаридом Я'кубом, а идолы были доставлены в Багдад в раби' II 257/26 февраля—26 марта 871 г. См. сопоставление Табари (III, 1841) и *Фихриста* (I, 346) у Бартольда (*Zur Geschichte der Ṣaffāriden*, S. 187).

Сам город лежал на горе. Сюань Цзан, как позже и Макдиси (303), описывает его как «маленький город»; но Истахри (280), он был вдвое меньше Балха; по Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 299) и Якуту (*Му'джам*, I, 481), у него имелась сильная крепость; сам город не был окружен стеной. В Газне одни из ворот (несомненно, северные) носили название «Бамианские ворота» (Макдиси, 304). Следовательно, уже и тогда город должен был иметь некоторое значение, но товарооборот был, по-видимому, очень мал по сравнению с более поздним временем, так как в списке налогов у Ибн Хордадбеха (372) для Бамиана указывается ничтожная сумма — 5000 дирхемов.

Правитель Бамиана носил титул *шер* (пишется *шāр* и *шāр*), что Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 289) ошибочно перевел словом «лев»; слово означает 'царь', и его следует выводить из древнеиранского *хшаҳрийа* (Marquart, *Ērānšahr*, S. 79). Ислам эти правители впервые приняли при Аббасидах, согласно «Географии» Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 289) — при ал-Мансуре, согласно историческому труду того же автора (*Та'рīх*, II, 479) — при ал-Махди. Связь этой династии с областями севернее и южнее Гиндукуша не совсем ясна. По Я'куби, Бамиан принадлежал уже к Тохаристану, т. е. к областям бассейна Аму-Дарьи, что, быть может, подтверждается тем, что, согласно Табари (II, 1630, $_1$), в 119/737 г. «чужой человек из Бамиана» правил в Хуттале (севернее Окса); напротив, по Истахри (277), округ (*'амал*) Бамиана охватывал только районы к югу от Гиндукуша с городами Перван, Кабул и Газна. Согласно одному сообщению 718 г., приводимому в китайских источниках, правитель Бамиана, подобно всем правителям областей до самого Инда, находился в вассальных отношениях к тюркскому ябгу Тохаристана (Chavannes, *Documents*, pp. 201, 291). При более поздних Аббасидах члены династии Бамиана, как и многие другие среднеазиатские правители, занимали влиятельное положение при багдадском дворе; согласно Табари (III, 1335), один шер Бамиана был назначен в раби' II 229/28 декабря—25 января 844 г. наместником Йемена.

Туземные династии были окончательно устранены, по-видимому,

лишь Газневидами. Позже в Бамиане в течение полувека (550—609/1155—1212-13) правила боковая линия династии Гуридов. В то время Бамиан был столицей государства, которое охватывало весь Тохаристан и некоторые районы к северу от Окса и простиралось на северо-востоке до границы Кашгара. Это государство, как и остальные области Гуридов, в начале VII/XIII в. было включено в империю хорезмшаха Мухаммеда; Бамиан вместе с Газной и другими областями был передан старшему сыну хорезмшаха, Джелаль ад-дину (Несеви, *Сīрат Джелāль ад-дīн*, I, 25; II, 44), т. е. Бамиан был снова отделен от Тохаристана и объединен с районами южнее Гиндукуша. Вскоре после этого (618/1221 г.) последовало разрушение города монголами. При осаде пал один из внуков Чингиз-хана, Мутугэн; из мести за смерть своего внука завоеватель приказал разрушить город до основания и перебить всех жителей; место получило название Мобалык ('Плохой город') или (по Рашид ад-дину) Мо-курган ('Плохая крепость') [2] и оставалось необитаемым еще сорок лет спустя, во времена историка Джувейни. Разрушенный Чингиз-ханом город, расположенный на горе, несомненно идентичен руинам, называемым теперь «Галгала»; эти руины находятся на холме на южном краю долины, напротив скал с обоими идолами.

Нынешний Бамиан лежит в нескольких километрах западнее разрушенного города и больше не имел никакого значения в политической жизни; современные путешественники описывают его по большей части как «большое селение». В течение последних столетий Бамиан был постоянно объединен с Кабулом и Газной; подобно этим городам, он до XII/XVIII в. входил в государство индийских императоров, позднее — в возникшее тогда афганское государство. По Абд ал-Кериму Бухари (I, 4, и сл.), в начале XIX в. с Бамиана ежегодно взималось в пользу правителя Афганистана 100 тыс. рупий; индийский путешественник Мунши Мохан Лал (*Journal*, p. 77) оценивает одну лишь сумму пошлины в 70 тыс. рупий. По этому же источнику, жители Бамиана говорили на двух языках: персидском и пушту (афганском). Население долины по большей части относится к племени хезарейцев.

Литература. Китайские и арабские известия сведены у Маркварта, *Ērānšahr*, см. указатель; Ле Стрэнджем (*The Lands*, p. 418) следует пользоваться осторожно, сообщаемое Макдиси (303 и сл.) о Газне там ошибочно отнесено к Бамиану. По истории Гуридов Бамиана см. Джузджани, изд. Нассау-Лиса, 101 и сл., и пер. Раверти, I, 421 и сл. О монгольском завоевании см. текст Джувейни, *Та'рūх-и джахāнгушāй* (Schefer, *Chrestomatie persane*, t. II, p. 142) и текст Рашид ад-дина, изд. Березина, III, 116; ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 249 sq. Сведения путешественников нового времени собраны И. Минаевым (*Сведения*, см. индекс).

[2] <Ср. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 298, прим. 244.>

БАРАБА

Бараба — степь в Западной Сибири примерно между 52° и 57° с. ш., на западе и востоке ограничена холмами по берегам Иртыша и Оби. Крупнейшее из многочисленных соленых озер этой степи — Чаны. Почва по большей части болотистая, что очень затрудняет сообщение в сырое время года, но не везде бесплодная; как особенно зажиточные описываются русские деревни на границе степи. Туземное татарское (тюркское) население, которое русские называют барабинцами, уже в XVII в. жило в постоянных селениях и было оттеснено в бесплодные степи лишь с основанием русских поселений; с тех пор их число стало сокращаться. По сведениям, собранным Радловым в 1865 г., тогда имелось только 4635 «барабинских татар»; ислам это население, по-видимому, по большей части приняло лишь в XIX в. Радлов видел еще некоторых стариков, помнивших, что их отцы, подобно алтайцам, приносили языческие жертвы и одевались не как мусульмане. Образцы фольклора барабинских татар собраны Радловым. Как русские, так и татары кроме земледелия занимаются еще охотой и рыболовством. Уловы и особенно добыча пушного зверя в последнее столетие сильно сократились; при Миддендорфе из пушного зверя здесь водились лишь горностаи и волки.

Тюркское население переселилось в эту местность, по-видимому, в монгольское время в связи с основанием «Сибирского царства». Со времени завоевания этого царства и до Петра Великого эта степь являлась границей между Россией и калмыцким государством. Пограничный район между городами Тара (на Иртыше) и Томск (восточнее Оби) назывался тогда «Барабинской волостью»; туземное население говорило, кроме своего собственного тюркского языка, также на калмыцком и платило дань русским и калмыкам, позже — только русским.

В XVIII в. в Барабе было поселено значительное число ссыльных из Европейской России.

Литература. Middendorff, *Die Baraba* (с картой); Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 241 sq.; idem, *Proben*, T. IV, S. 1 sq., и предисл., S. XII; Спафарий, *Путешествие*, стр. 44.

БАХР АЛ-ХАЗАР

Баḥр ал-ḫазар 'Море хазар' (перс. Дарйā-и ḫазарāн) — так большинство арабских географов называют Каспийское море, по народу хазар, которому в лучший период арабской географической литературы — в IV/X в. — принадлежала область на северном берегу этого моря с важным торговым городом Итилем (неподалеку от устья Волги). Реже этим названием обозначается Черное море с Меотидой (Ибн Хордадбех, следующий ему Кудама и Мас'уди) — вероятно, потому, что власть хазар распространялась на часть Крымского полуострова. За пределами мусульманского мира это выражение как будто не употреблялось; древнерусское название — «Хвалымское (варианты: Хвалисское, Хвалынское) море» — безусловно восходит к названию страны Хорезм, хотя «озером (или «морем») Хорезма» арабы и персы всегда именуют только Аральское море. В мусульманской литературе Каспийское море, кроме того, называется по другим областям, лежащим на его побережье: «Море Джурджана» (соответствует «Гирканскому морю» древних), «Море Абескуна» (по портовому городу в устье Гюргена), «Море Табаристана» (или «Мазандерана»), «Море Дейлема», «Море Гиляна», позднее (со времени монгольского владычества) также «Море Ширвана» и «Море Баку» (это последнее обозначение, а сверх того и «Море Сарая», в средние века встречается и в европейских источниках); название Бахр ал-Кульзум, относящееся, собственно, к Красному морю, также часто переносится на Каспийское море. В турецкой литературе, помимо того, как сообщают, встречаются выражения «Бахр-и гузз» (по имени известного кочевого народа, предка туркмен и османцев) и «Ак-Дениз» (чаще употребляемое для Средиземного моря).

Литература. Le Strange, *The Lands*, pp. 22—23, 136, 180; Marquart, *Streifzüge*, S. 335 (с указанием отрывков из Мас'уди, которые, впрочем, относятся не к Меотиде, а к Черному морю); Рафаэль дю Ман, изд. Шефера, 1; Buchon — Tastu, *Atlas en langue catalane*, pp. 118—119.

БАХЧИСАРАЙ

Бāғче-Сарāй (тюрк. 'Садовый дворец'), в русском написании Бахчисарай — татарский город на Крымском полуострове (Таврическая губерния), в 32 *км* от центра губернии Симферополя и примерно на таком же расстоянии от берега моря. Город расположен в узкой долине ручья Чирик-су (у Палласа «Dschurak Su» — 'Зловонная вода'); с восточной стороны ущелье Салачик ведет к горной крепости, называемой ныне Чуфут-кала ('Еврейская крепость'), старейшему поселению в окрестностях Бахчисарая. Это поселение при татарском владычестве было основным местом жительства иудеев (караимов) в Крыму; у самих караимов еще в XIX в. сохранялось старое название Кирк-ер. Крепость впервые упоминается, как место обитания аланов (асов), у Абу-л-Фида (*Такви́м*, изд. Рено—де Слэна, 214); это название Абу-л-Фида огласовывает Қиркри, но приводимому им самим значению ('Сорок мужчин') соответствует только произношение Қирқ-эр. Другие истолковывают это же название как Кирк-ор ('Сорок могил'), однако на монетах встречается лишь чтение *Қирқ-ер* ('Сорок мест'). Как считает Смирнов, это название возникло из греч. Καλλιάκρα под влиянием тюркской народной этимологии.

Хаджи-Гирей, основатель династии Гиреев, перенес свою столицу в Кирк-ер примерно в 858/1454 г. (к этому году относятся первые монеты, чеканенные в Кирк-ере); могила этого правителя находится в ущелье Салачик. В долине Чирик-су находилось древнейшее поселение (называемое теперь Эски-юрт), приблизительно в 1 *км* западнее нынешнего города, здесь же находятся могилы большинства ханов X/XVI в. Позднее дворец, от которого Бахчисарай получил свое название, постепенно сделался центром города, вследствие чего обезлюдели как Кирк-ер, так и Эски-юрт. Согласно арабской надписи на главных воротах, дворец был построен в 909/1503-04 г. Менгли-Гиреем. Бахчисарай в противоположность Кирк-еру всегда оставался открытым городом; даже дворец не был окружен укреплениями. Польский посол Броневский (1578 г.) описывает Бахчисарай как «маленький городок» с каменным дворцом ханов и каменной мечетью, возведенными будто бы из обломков христианских построек. К Бахчисараю примыкал другой городок — Салачик (очевидно, в ущелье этого же названия); мусульманский монастырь (вероятно, дервишская ханака) также якобы был воздвигнут из развалин греческих построек. На монетах город в X/XVI в. именуется только Кирк-ер; лишь в XI/XVII в. появляется

название Бахчисарай; со времени Ислам-Гирея III (1644—1654) Бахчисарай был единственным монетным двором в Крыму.

17 (28) июня 1736 г. Бахчисарай был занят русскими под командованием Миниха, разграблен и частично сожжен; при этом погибла четвертая часть города, в том числе дворец, главная мечеть с библиотекой, основанной Селим-Гиреем I (правил четыре раза: 1671—1678, 1684—1691, 1692—1699 и 1702—1704), так же как и иезуитская миссия с ее библиотекой. Город состоял тогда из 2000 домов, из которых примерно треть принадлежала грекам-христианам, имевшим здесь же церковь. При Саламат-Гирее II (1740—1743) разрушения были частично восстановлены; в 1153/1740-41 г. напротив дворца была выстроена мечеть; для ее библиотеки султан Махмуд I выслал книги из Константинополя; в самом дворце в 1156/1743 г. хан приказал построить новый зал дивана. Н. Э. Клееман, посетивший Бахчисарай в 1769 г., упоминает, помимо дворца и мечети, еще и ханский монетный двор (справа от дворца) и дом французского консула — лучший в городе после дворца. Дома не образовывали непрерывных улиц, а стояли в некотором отдалении один от другого, почему город занимал большее пространство, чем требовалось населению.

После того как в 1783 г. Крым был присоединен к России, Потемкин приказал в 1787 г. восстановить дворец по случаю путешествия императрицы Екатерины II. По сообщению Палласа, в городе были тогда 31 каменная мечеть, 1 греческая и 1 армянская церкви, 2 синагоги, 2 бани, 16 *ха́нов*, 1561 жилой дом, 3166 жителей мужского пола и 2610 — женского. Русское правительство и впоследствии сохраняло дворец в его прежнем великолепии как памятник восточной архитектуры; поскольку из построек ханов Золотой Орды ничего не сохранилось, бахчисарайский дворец является единственным такого рода памятником в Южной России и восхваляется как «татарская Альгамбра»; в русской поэзии дворец известен по поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Архивы Бахчисарая, обнаруженные в Симферополе проф. Смирновым и переданные сейчас Императорской Публичной библиотеке в С.-Петербурге (124 переплетенные тетради — все, что избегло уничтожения в 1736 г.), вероятно, содержат многие важные документы; до настоящего времени этот материал еще не использовался для исторического исследования[1].

В настоящее время Бахчисарай образует важный центр татарских промыслов и татарской литературной деятельности. Здесь Исма'ил-Мирза Гаспринский издает влиятельную газету «Тарджуман» (на татарском и русском языках); в типографии, основанной этим же журналистом, ежегодно печатается большое число татарских книг.

Литература. Описания путешествий: Broniewski, *Tartaria*; русский пер.: Броневский, *Описание Крыма*; Kleemann, *Reisen*; Pallas, *Bemerkungen*, S. 26—37. Арабские и турецкие надписи Бахчисарая и окрестностей были собраны по поручению

[1] ⟨Документы не исследованы до сих пор.⟩

русских властей А. Борзенковым и Ф. Домбровским в 1836—1847 гг. и позднее опубликованы в ЗООИД, II, стр. 489 и сл. ⟨Борзенков—Домбровский, *Надписи*⟩. Тот же Домбровский выпустил также описание Бахчисарая (*Очерки Бахчисарая*). О вторжении русских в 1736 г. рассказывает его очевидец капитан Манштейн — *Mémoires*, p. 183 *sq*. Самой полной работой по истории Гиреев является труд В. Смирнова *Крымское ханство до XVIII в.* и *Крымское ханство в XVIII столетии*. Самая полная сводка монет у О. Ретовского (*Монеты Гиреев*). Об архивах см. краткое сообщение К. Иностранцева (*Соображения*, стр. XVIII). ⟨См. также: Ливанов, *Бахчисарай*; Якобсон, *Средневековый Крым*, стр. 139—148.⟩

БЕНАКЕТ

Банāкит — город в Средней Азии на правом берегу Сыр-Дарьи, недалеко от впадения в нее «реки Илака», т. е. нынешнего Ангрена (собств. Ахенгеран). У Макдиси (277, $_1$) название пишется Бинāкаҫ; это произношение, вероятно, правильнее, чем рекомендуемое Якутом (*Му'джам*, I, 740), так как название, подобно Аχсīкаҫ, Бинкаҫ, Тӯнкаҫ и многим другим, несомненно соединено с *кат* или *каҫ* 'селение, город, крепость'. Позже название писалось также Финāкат и Финāкант. В описании города у Макдиси (277) говорится только, что у него не было стен и что пятничная мечеть находилась на базарной площади; в других же до сих пор известных источниках, по-видимому, вообще нельзя найти никакого описания Бенакета. В 617/1220 г. город после трехдневной осады был вынужден сдаться небольшому монгольскому отряду (5000 человек); см. об этом d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 224, а также текст Джувейни (единственный источник сведений об этой осаде) у Шефера, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 115. Во времена Тимура город лежал в руинах, в 794 г. х. (год обезьяны, 1392) по его приказу был восстановлен и назван Шахрухией в честь его сына Шахруха (Шереф ад-дин Йезди, II, 636). При этом сообщается, что город был разрушен Чингиз-ханом и оставался в таком состоянии до Тимура; но у Джувейни ничего не говорится о разрушении; состояние, в котором город находился к концу VIII/XIV в., возможно, было вызвано какими-то более поздними событиями. Теперь и Шахрухия лежит в развалинах; о времени этого окончательного разрушения ничего неизвестно; Шахрухия часто упоминается в сообщениях о Тимуридах и узбеках, в том числе даже еще в XI/XVII в., как сильная крепость. Местоположение развалин установлено русскими исследователями в 1876 г.[1]. Ср. Le Strange, *The Lands*, p. 482, где ошибочные данные о времени восстановления города.

[1] ‹См. Кастанье, *Отчет*; также М. Массон, *Ахангеран*, рис. 25 (карта).›

БЕРДА'А

Барда'а, арм. Партав — некогда крупнейший город Кавказа, сейчас селение и городище на Тертере, приблизительно в 20 *км* от впадения этой реки в Куру. При Сасаниде Каваде I (488—531) там была построена сильная крепость, вследствие чего Партав (Берда'а) постепенно превзошел древнюю столицу Албании (Аррана), Кавалак (араб. Кабала). В 628 г. жителям Партава пришлось бежать от хазар, но, естественно, после ухода врага они возвратились в свой город. Берда'а, завоеванная в правление халифа Османа, вскоре после этого разрушенная и восстановленная при Абд ал-Мелике, в эпоху Омейядов и Аббасидов была резиденцией большинства арабских наместников Армении. Хасан б. Кахтаба, наместник халифа Мансура, приказал разбить там сад, носивший имя этого правителя еще в III/IX в., так же как и некоторые имения в окрестностях (Балазури, 210). По словам Истахри (182 и сл.), длина и ширина города составляли 1 фарсах (6—7 *км*); кроме Рея и Исфахана между Ираком и Хорасаном не было более крупного города. Пятничная мечеть с сокровищницей и дворец наместника находились в собственно городе, базары — в предместье; особенно посещался воскресный базар у «Курдских ворот» (Баб ал-акрад). В окрестностях было много фруктовых садов; отсюда в Хузистан и Фарс вывозился также шелк. Большинство построек было из обожженного кирпича, а колонны главной мечети — частью из этого же материала, частью из дерева. Известен рассказ Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, VIII, 308 и сл.) о разграблении города русами в 332/943-44 г.[1], которое упоминает также армянский автор Моисей Каганкатваци (X в.). Лишь спустя шесть месяцев после взятия города русы вынуждены были его оставить из-за эпидемии, которая вспыхнула в их войске. Берда'а, видимо, никогда не оправилась от этого удара, что Иби Хаукаль (214, $_{18}$) объясняет «несправедливостью правителей и [бессмысленными] решениями безумцев». Макдиси (375, $_{11}$) еще знает Берда'а как «Багдад этой страны», однако подчеркивает, что в его время стены города были разрушены, а окрестности — покинуты и запустели. Ко времени Якута (*Му'джам*, I, 559) Берда'а была, как и ныне, селением, окруженным многочисленными развалинами. В период монгольского владычества город как будто снова испытал некоторый подъем;

[1] ⟨См. также Якубовский, *Ибн-Мискавейх*.⟩

к этому времени относится сохранившаяся еще сейчас «высокая древняя башня со многими надписями», которые уже в 1861 г., во время пребывания Б. Дорна, не могли быть прочтены; однако тринадцатью годами раньше Ханыков еще смог ясно различить дату 722/1322 г. Окончательное разрушение города приписывают Надир-шаху.

Литература. Marquart, *Ērānšahr*; idem, *Streifzüge*, см. указатели; Le Strange, *The Lands*, p. 177 sq.; Manandian, *Beiträge*; Dorn, *Caspia*, см. указатель; idem, *Bericht*; изображение башни см. еще *Атлас*, табл. VI. ⟨Пахомов, *Башни-мавзолеи в Барде*; его же, *Монеты Берда'а*; Ташчьян, *Средневековая Барда*; Якубовский, *Ибн-Мискавейх*.⟩

БИШБАЛЫК

Бишбалы̆к, обычно пишется Бӣшбӑлы̆к или Бӣшбӑлы̆г (тюрк. 'Пятиградье', Pentapolis), по-китайски Бэйтин ('Северный город') — город в нынешнем Китайском Туркестане, севернее Небесных гор (Тянь-Шаня). Местоположение этого города, часто упоминавшегося с VIII в. (в орхонских надписях) до XV в., установлено лишь в последнее время. Начиная с Клапрота и Абель-Ремюза китаисты и географы искали Бэйтин и Бишбалык около нынешнего Урумчи. Грум-Гржимайло (*Описание путешествия*, т. I, стр. 221 и сл.) сначала (1896 г.) высказывал мнение, что город должен был быть расположен восточнее и примерно соответствовать нынешнему Гучэну; во втором томе того же труда (1899 г., стр. 42 и сл.) то же мнение обосновывается подробнее со ссылкой на сочинение *Мэнгу юму цзи*, переведенное Поповым в 1895 г. В 1903 г. Э. Шаванн (*Documents*, p. 11) независимо от Попова и Грум-Гржимайло привел те же сведения из другого китайского сочинения (*Сиюй шуйдао цзи*); в 1908 г. Долбежев установил, что в местности, указанной китайцами (около деревни Хупуцзы, примерно в 10 *км* севернее города Цзимуса), действительно находятся руины, называющиеся теперь Почэнцзы, сравнительно большого (4 *км* в окружности) города (Долбежев, *Поездка к развалинам Бишбалыка*, стр. 66—70). Результаты всех этих исследований не были известны ни М. Хартманну (*Chinesisch-Turkestan*, S. 7), ни Блоше (*Introduction*, pp. 212, 316), которые по-прежнему идентифицировали Бишбалык с Урумчи.

По китайским источникам, город в древнейшие времена (с династии младших Хань, 25—220 гг. н. э.), будучи резиденцией туземного владетеля, носил название Каган-Ступа (см. Chavannes, *Documents*, pp. 19, 305); лишь в VII в. появляются китайские названия Цзиньман и Бэйтин. С 658 г. Бэйтин был центром китайского оборонительного района, управление которым поручалось китайским наместникам, а иногда и тюркским князьям. В 714 г. китайскому коменданту удалось победоносно отразить набег тюркских племен во главе с сыном хана Мочжо; все же к концу этого века тюрки и тибетцы положили конец китайскому господству. Бэйтин перешел во владение уйгуров, у которых его отняли в 791 г. карлуки. Позднее город снова упоминается как резиденция уйгурского князя, при дворе которого в Бэйтине в 982 г. был принят Ван Янь-дэ, посол китайской династии Сун. Отчету об этом посольстве (переведен С. Жюльеном — *Notices*, p. 50) мы обязаны самыми подробными сведениями

о Бишбалыке, которыми мы вообще располагаем. Поэтому для отождествления Бишбалыка с руинами Почэнцзы особенно важно то, что, как пытается доказать Долбежев, все сообщаемое Ван Янь-дэ о местоположении города, его окрестностях и т. д. полностью соответствует тому, что удается установить в результате исследования остатков, сохранившихся в Почэнцзы. Озеро, по которому состоялась описанная Ван Янь-дэ поездка на лодке, несомненно находилось восточнее города; там сохранились следы плотин, благодаря которым протекавшая там река превращалась в озеро. Западнее руин, по-видимому, стоял буддийский монастырь. Согласно Ван Янь-дэ, в его время в Бэйтине был буддийский храм, построенный еще в 637 г. Жители не только занимались садоводством, но и умели с большим мастерством изготовлять изделия из золота, серебра, меди и железа.

В мусульманской литературе до появления монголов, кажется, сохранилось лишь одно сообщение о Бишбалыке: в анонимном *Худӯд ал-'ālam* (372/982-83 г.) упоминается город Панджӣкас̱ ('Пятиградье', несомненно персидский перевод названия Бишбалык), к северу от гор Ṭафḳāн (Тянь-Шань), описываемый как летняя резиденция князей тугузгузов; летом там будто бы менее жарко, чем в городах южнее этих гор. Даже в описании пути из страны тугузгузов к Кёгменским горам (Саяны) у Гардизи (Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 86) Бишбалык (Панджӣкас̱) не упоминается, хотя сведения монгольского времени доказывают, что Бишбалык, подобно нынешнему Гучэну, имел значение преимущественно как начальный пункт караванного пути через пустыню в Монголию. По этой причине район Бишбалыка принадлежал к первым культурным областям Средней Азии, которых достигли в XIII в. сначала племена, бежавшие из Монголии от Чингиз-хана, а затем полчища завоевателей.

В то время Бишбалык был наряду с Кара-Ходжа (около нынешнего Турфана) столицей уйгурского князя, который носил титул идикут и был вассалом гурхана кара-китаев. В 1209 г. идикут использовал успехи Чингиз-хана, чтобы отказать в повиновении своему сюзерену и встать под покровительство монголов. В течение следующего десятилетия, согласно малодостоверному сообщению историка Джувейни (Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 115), набеги отрядов, посланных хорезмшахом Мухаммедом, якобы простирались до Бишбалыка. Тому же Джувейни мы обязаны большинством известий об отношениях между подданными идикута и представителями мусульманской культуры в первое время монгольского владычества. Монгольскими завоевательными походами на запад, в которых принял участие идикут во главе 10 000 воинов, страна уйгуров была политически объединена в одно целое с мусульманскими областями Средней Азии и не могла долго противостоять исламу, тем более что мусульмане благодаря своему богатству и образованию достигли влиятельного положения в Монголии и даже в Китае и постепенно вытеснили уйгуров, первых учителей монголов. Поэтому между уйгурами и мусуль-

манами существовала ожесточенная вражда. При хане Мунко (1251—1259) Мас'уд-беку, сыну уроженца Хорезма Махмуда Ялавача, было передано верховное управление всеми странами от Хорезма до китайской границы; китайцы также упоминают Мас'уд-бека как губернатора Бишбалыка. В то же самое время, в 650/1252-53 г., Сейф ад-дин, живший в Бишбалыке (вероятно, в качестве заместителя Мас'уд-бека), обвинил идикута в том, что он отдал тайный приказ об избиении всех мусульман, живших в его стране; назначенный монголами суд признал правителя виновным, после чего он был казнен в Бишбалыке. Джувейни сам совершил путешествие в 649—651/⟨1250-51—1253-54⟩ гг. в Монголию в свите Аргун-аги, монгольского наместника Персии, и был также, по крайней мере на обратном пути, в Бишбалыке, однако сообщает читателям из уйгурских источников только легендарные рассказы, и в их числе легенду об основании Бишбалыка (ср. особенно *Кутадгу билик*, изд. Радлова, стр. XLI и сл.). О самом городе, его величине и т. д. он ничего не говорит; столь же мало сообщают об этом и другие путешественники, которые посетили Бишбалык в XIII в., такие, как китаец Чан-чунь (1221 г., ср. Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 65 sq.) и Хетум, царь Малой Армении (1255 г.). Западноевропейские путешественники монгольского времени ни разу не упоминают Бишбалык, хотя дорога из Армалека (Armalec — Алмалык, около Кульджи) в Камбалек (Ханбалык, т. е. Пекин), упомянутая Пеголотти (см. Yule, *Cathay*, vol. I, p. 288), Мариньолли (ibid., p. 338 sq.) и др., вероятно, должна была затрагивать и Бишбалык. По Вассафу (изд. Хаммера, 24; бомбейское изд., 12), из Алмалыка до Бишбалыка доходили в две недели.

Еще меньше знаем мы о дальнейших судьбах и окончательном разрушении города. После распадения империи, основанной Чингиз-ханом, идикуту удалось на некоторое время занять нейтральное положение между империей великого хана (Китаем) и монгольским государством в Средней Азии; около 1275 г. был победоносно отбит поход, предпринятый из Средней Азии (см. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 451 sq.). Согласно китайской карте 1331 г. (Bretschneider, *Researches*, vol. II, у титульного листа), обе части прежнего уйгурского государства — как Бишбалык, так и Кара-Ходжа — в то время принадлежали государству потомков Чагатая (см. Barthold, *Caghatāi-Khān*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 538⟩). Династия идикута, вероятно, погибла во время борьбы между этим государством и империей великого хана; эти войны и распри между потомками Чагатая оказались роковыми также и для городской жизни. Согласно Мухаммед-Хайдеру, автору *Та'рūх-и Рашūдū* (X/XVI в.), область Бишбалыка относилась к стране Моголистан, простиравшейся от озера Балхаш (см. ⟨выше, стр. 360⟩) до Барс-куля (ныне Баркуль) на границе Китая (Мухаммед-Хайдер, 365); как и другие города этих областей, упоминавшиеся в XIII—XIV вв. (Баласагун, Алмалык и др.), и Бишбалык в это время, вероятно, давно уже не существовал. Китайцы

в XV в. также, по-видимому, употребляли слово Бишбалык лишь как название области. В том же столетии в этих странах буддизм был, по-видимому, окончательно вытеснен исламом.

Уже в XV в. сообщается о первых набегах калмыков на государство потомков Чагатая; позже все страны восточной половины Средней Азии [1] были включены в большое кочевое государство, основанное калмыками, которое было завоевано китайцами лишь в 1755—1758 гг. Это время, естественно, также не было благоприятным для развития городской жизни; все же на карте, составленной шведским унтер-офицером Ренатом [2] во время его пребывания у калмыков (1716—1733; см. Ренат, *Карта*), в районе нынешнего Гучэна находится город Бёрбенсин, о котором, помимо этого, кажется, больше ничего неизвестно. Гучэн (тюрк. Кушанг) был основан лишь после восстановления китайского господства.

---

[1] ⟨Автор имеет в виду не Среднюю Азию в нынешнем понимании слова, а Среднюю Азию и Синьцзян, вместе взятые.⟩

[2] ⟨Ср. об этой карте наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 527.⟩

БУХАРА

Буχārā — большой город в Туркестане, в нижнем течении Зеравшана. Об истории города в домусульманское время мы имеем чрезвычайно скудные известия. Не подлежит сомнению, что иранцы уже в очень раннее время имели на Зеравшане поселения и даже города; уже во времена Александра Македонского в Согдиане кроме Мараканды (Самарканда) имелся еще второй город — в нижнем течении реки; соответствовал ли этот город нынешней Бухаре, остается под вопросом. Местная традиция в первые века хиджры объявляла ряд других поселений той же местности «древнее, чем Бухара»; одно из этих поселений — селение Рāмйсан, или Рийāмйсан, или Арйāмйсан (ныне Чаршамбе-и Рамитан) — Макдиси (282) считает «древней Бухарой» (*Буχārā ал-қадйма*).

Во всяком случае на месте нынешней Бухары уже за много веков до ислама был основан город. Китайцы называют его с V в. н. э. Нюми, что соответствует древнему названию Нумиджкет, известному и в мусульманское время. Название Бухара (кит. Бухо) впервые, кажется, стало известно китайскому паломнику Сюань Цзану (ок. 630 г.). Вполне возможно, что это название, как предполагают, идентично *буχāр*, тюрко-монгольской форме санскритского *вихāра* 'монастырь'; подобное объяснение дает уже в VII/XIII в. Джувейни (см. текст у Шефера, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 122). Во всяком случае в Бухаре или около нее, как в Балхе или Самарканде, был буддийский монастырь. Приводимые ниже сведения о топографии города в IV/X в. даже позволяют приблизительно определить местоположение монастыря.

Относительно местной (или, может быть, тюркской) династии бухар-худатов (или *буχārā-χузā* 'владетелей Бухары'), которую застали арабы, нам известно из китайских источников только то, что один из этих владетелей около 627 г. утверждал, будто его предки правили страной уже 22 поколения. Все остальное, что нам известно о бухар-худатах, сообщают мусульманские писатели. Кроме сведений, сохранившихся в общеисторических сочинениях или литературе о завоеваниях, до нас дошла (хотя и в позднейшей обработке) специальная история города, написанная Мухаммедом Наршахи в 332/943-44 г. Это сочинение содержит много ценных сведений и имеет особое значение для исторической топографии города, однако то, что Наршахи сообщает о домусульманской истории, очевидно, опирается на недостоверного передатчика. Так, например, более

чем сомнительно, имел ли Першахи какие-нибудь доказательства, что бухар-худат, который впервые распорядился чеканить в Бухаре монеты, был современником халифа Абу Бекра (11—13/632—634).

Сведения о первых арабских завоеваниях за Оксом также частично легендарны и требуют критического исследования. Первое арабское войско под командованием Убейдаллаха б. Зияда якобы появилось под Бухарой в 54/674 г. Правительницей Бухары в то время была женщина, вдова умершего владетеля, которая в большинстве источников называется просто «хатун» (тюрк. 'госпожа') (у Табари, II, 169, вместо нее упоминается Кабадж-хатун, но не как вдовствующая правительница Бухары, а как супруга царствующего царя тюрков). По Першахи (изд. Шефера, 7), она правила 15 лет вместо своего несовершеннолетнего сына Тугшады (у Табари, II, 1693: Тӯқ Сийāда); однако этот бухар-худат появляется у Табари как юноша еще в 91/710 г., когда Кутейба б. Муслим, устранив его соперников, поставил его правителем Бухары. Господство ислама в Бухаре было впервые утверждено Кутейбой. Даже Тугшада принял ислам, по крайней мере для видимости, и правил Бухарой еще 30 лет; в рамазане 121 г. х. (11 августа—9 сентября 739 г.) он был убит двумя дихканами в лагере Насра б. Сейяра под Самаркандом. Во время его долгого царствования в стране произошло несколько восстаний против арабского владычества и несколько вторжений тюрков; в 110/727 г. арабы потеряли даже город Бухару и осаждали ее, но уже в следующем году вернули ее себе (Табари, II, 1514 и 1529). Как вел себя Тугшада во время этих битв — неизвестно.

Его сын и преемник, названный в честь завоевателя Кутейбой, сначала вел себя как хороший мусульманин и даже имел заслуги перед домом пророка: когда в 133/750-51 г. араб Шерик б. Шейх поднял в Бухаре восстание против новой династии, это восстание было подавлено с помощью бухар-худата Зиядом б. Салихом, посланным туда Абу Муслимом. Несмотря на это, бухар-худат позже был обвинен в отпадении от ислама и убит по приказу Абу Муслима. Позднее, в правление халифа ал-Махди (159—169/775—785), та же судьба постигла его брата и преемника Буната (чтение неясно), которого этот халиф приказал казнить как сторонника еретика Муканна'. С тех пор бухар-худаты, по-видимому, не имели никакого значения как владетели области, однако они сохранили влиятельное положение как богатые землевладельцы. Еще в первые годы правления Саманида Исма'ила, когда еще был жив его брат Наср, упоминается бухар-худат Абу Исхак Ибрахим. Исма'ил отобрал у него земли, но приказал выдавать ему из казны ту же сумму (20 000 дирхемов), которую он раньше получал в качестве дохода с этих земель. Как долго правительство соблюдало это обязательство в отношении бухар-худата или его преемников, не сообщается.

Кроме местного владетеля, бухар-худата, в Бухаре с первых лет завоевания (по крайней мере со времени Кутейбы б. Муслима), естественно,

был арабский эмир или амиль, который подчинялся эмиру Хорасана, сидевшему в Мерве. По географическому положению Бухара находилась в более тесной связи с Мервом, чем Самарканд и другие города Мавераннахра; бухар-худат даже имел свой собственный замок в Мерве (Табари, II, 1888, $_{14}$; 1987, $_{7}$; 1992, $_{16}$). Также и в III/IX в., когда эмиры Хорасана перенесли свою резиденцию в Нишапур, управление Бухарой было отделено от управления остальными частями Мавераннахра; до 260/874 г. Бухара не принадлежала Саманидам, а находилась в управлении особого наместника, непосредственно подчиненного Тахиридам; позже потомки этого наместника также имели зáмки в Мерве (Истахри, 260). После падения Тахиридов узурпатор Я'куб б. Лейс лишь короткое время был признан в Бухаре эмиром Хорасана; духовенство и народ обратились к правившему в Самарканде Саманиду Насру б. Ахмеду, который передал управление Бухарой своему младшему брату Исма'илу. С тех пор Бухара оставалась во власти Исма'ила и его потомков до самого падения государства Саманидов. Исма'ил остался в Бухаре и после смерти своего брата Насра (279/892 г.), когда весь Мавераннахр перешел в его руки, и даже после победы над Амром б. Лейсом (287/900 г.), когда халиф утвердил его эмиром Хорасана. Таким образом, Бухара стала резиденцией могущественной династии и столицей огромного государства (правительственные учреждения также находились в Бухаре), хотя она и в это время уступала по величине и богатству главному городу Мавераннахра — Самарканду. Бухара саманидского времени описана арабскими географами IV/X в.; многими сведениями мы обязаны также Нершахи и позднейшим редакторам его труда. Сравнение этих сведений с описаниями современного города (особенно подробное у Ханыкова, *Описание Бухарского ханства*, стр. 79—80) ясно показывает, что в Бухаре в противоположность Мерву, Самарканду и другим городам в историческое время можно проследить только расширение территории города, но город не перемещался с места на место. Несмотря на то что Бухару, естественно, так же мало щадили при завоеваниях и разрушениях, как и другие среднеазиатские города, город всегда восстанавливался на том же месте и по тому же плану, который сложился уже в III/IX в. Это, естественно, способствует пониманию сведений письменных источников. Редко удается установить с такой отчетливостью топографические условия среднеазиатского города и ход его развития, как здесь.

Как и в большинстве иранских городов, арабские географы различают в Бухаре три главные части: «цитадель» (перс. *кухендиз* 'старая крепость', по-арабски обычно пишется *кухандиз*, позже сократилось в *кундиз* или *кундуз*), первоначальный собственно город (араб. *медина*, перс. *шахристан*) и пригород, расположенный между первоначальным городом и новой, выстроенной в мусульманское время стеной (и в персидских сочинениях он обозначается только арабским словом *рабад*). Цитадель с древнейших времен находилась на том же месте, что и ныне: к востоку

от площади, которая и теперь, как при Саманидах, называется Ригистан. В то время в крепость вели двое ворот (ныне только одни — с Ригистана): ворота Ригистана (на западе) и ворота Гуриян, или «Ворота пятничной мечети» (на востоке); от одних ворот до других шла улица. Так как площадь цитадели несомненно определена почвенными условиями, то и она с древнейших времен не претерпела изменений. Теперь цитадель имеет в окружности примерно 1,5 *км* и занимает пространство примерно в 9,2 *га* [1]. Внутри крепости, возможно на том же самом месте, где теперь стоит дворец бухарского эмира, находился за́мок бухар-худата. Здание будто бы было выстроено в VII в. еще до арабского завоевания, оно опиралось на семь каменных колонн, которые должны были изображать созвездие Большой Медведицы (*банāт ан-на'ш*). На воротах за́мка была прикреплена железная доска с именем строителя. Согласно старому поверью, никогда ни один царь не бежал от врага из этого дворца и никогда никто сам не умирал в нем; смерть постигала их вне дворца. Переводчик *Та'рāх-и Бухāрā* Ахмед ал-Кубави (писал в джумада I 522/мае 1128 г.) утверждает, что за́мок был разрушен только в его время и при этом была уничтожена плита с надписью строителя. Во всяком случае, как свидетельствует Истахри (306 наверху), он еще использовался Саманидами; последние Саманиды в нем не жили; согласно Макдиси (280, $_9$), у них была там только сокровищница и тюрьма. Кроме замка там находилась древнейшая соборная мечеть, построенная Кутейбой; раньше там будто бы находился храм идолов (*бутхāне*). Когда старая мечеть была заменена большей, старое здание использовали под налоговое ведомство (*дīвāн ал-харāдж*). В VI/XII и VII/XIII вв. цитадель неоднократно разрушалась и восстанавливалась; последние остатки старых построек были уничтожены в 560/1164-65 г. и использованы как строительный материал при возобновлении городских стен.

В противоположность большинству других городов цитадель находилась не внутри шахристана, а вне его; между ними обоими, восточнее цитадели, имелось еще свободное пространство, где со второй половины II/VIII до VI/XII в. находилась соборная мечеть. Какой части нынешнего города соответствует шахристан, удается точно установить, так как, по Истахри (307), в цитадели и шахристане не было проточной воды из-за высокого их положения. По плану, который Ханыков приложил к своей книге, эта приподнятая часть города примерно вдвое больше цитадели [2].

---

[1] ‹Площадь цитадели — 3,47 *га*, окружность — около 750 *м* (так по плану Фенина и по плану цитадели в статье Ремпеля *Из истории градостроительства*, рис. 2; ср. также *История народов Узбекистана*, т. I, стр. 207). Но цифра 9,2 *га* по традиции переходит из одной работы в другую и приводится даже в тех работах, где имеется план цитадели, как, например, в указанной статье Ремпеля.›

[2] ‹Площадь шахристана — около 35 *га* (Шишкин, *Архитектурные памятники*, стр. 11); следовательно, шахристан в 10 раз больше цитадели. Ошибка В. В. Бартольда объясняется тем, что он пользовался очень неточным планом Ханыкова и не

Естественно, она уже давно не окружена особой стеной, как это было в древности. В этой стене в то время имелось семь ворот, названия которых приводят Нершахи и арабские географы. Как почти всюду в Средней Азии и Персии, базарная площадь в домусульманское время находилась за городскими стенами, перед воротами, которые и позже назывались «Воротами базара», у Нершахи также — «Воротами продавцов пряностей» (Дар-и ʿаṭṭārān), а у арабов «Железными воротами» (Бāб ал-ḥадӣд); вероятно, их следует искать в восточной части города [3].

Совершенно определенно засвидетельствовано (Нершахи, изд. Шефера, 29), что ко времени завоевания весь город (*шахр*) состоял только из шахристана; вне его находились отдельные зáмки и небольшие селения, но они еще не были объединены в одно целое, как несколько позже. О топографии шахристана нам довольно точно сообщает Нершахи; вероятно, можно было бы установить, каким улицам нынешнего города соответствуют названные им улицы; однако до сих пор такие исследования не проводились. В противоположность большинству других городов шахристан Бухары сохранил свое прежнее значение и позже, после расширения территории города. В шахристане, вероятно в южной его части, там, где доныне находятся главная мечеть и медресе Мир-Араб, выстроенные в X/XVI в., и большой минарет, Арслан-хан Мухаммед б. Сулейман выстроил в 515/1121-22 г. новую пятничную мечеть.

Лишь в мусульманское время шахристан был объединен с пригородами в один город и окружен общей стеной, согласно Нершахи — впервые в 235/849-50 г. В IV/X в. кроме старой стены была уже новая, которая имела бóльшую окружность. Каждая из этих стен, подобно стене нынешнего города, имела 11 ворот; к сожалению, не приводятся расстояния между воротами внутренней и внешней стены, иначе благодаря этому мы могли бы установить, насколько превращение города в столицу способствовало его развитию. Зато с уверенностью можно ответить на вопрос, как относятся названия ворот, сообщаемые арабами, к нынешним названиям [4]. Одни из ворот — расположенные на северной стороне Самар-

---

знал, какую часть Бухары XIX в. занимала территория бывшего шахристана. О Бухаре VIII—X вв. см. Сухарева, *К истории*, стр. 15—44.〉

[3] 〈«Ворота базара», или «Ворота продавцов пряностей», находились в южной стене шахристана. «Железные ворота», располагавшиеся в северо-западном углу шахристана, не идентичны «Воротам базара». О воротах шахристана см. Сухарева, *К истории*, стр. 17—29.〉

[4] 〈В. В. Бартольд исходил из предположения о полном совпадении городской стены XVI—начала XX в. с внешней стеной рабада домонгольской Бухары, отсюда проистекает ряд ошибок в локализации ворот рабада. Так, ворота Ибрахима, около которых в XII в. был построен Намазгах (Нершахи, изд. Шефера, 51), он отождествлял, исходя из этого предположения, с воротами Шейх Джелаль, а не с воротами Намазгах. Выяснение порядка перечисления ворот Бухары X в. позволяет лишь примерно наметить направление магистральных радиальных улиц, но не расположение ворот на них. Границы рабада X—XII вв. до сих пор остаются невыясненными.〉

кандские ворота — до сих пор носят то же название, что и соответствующие ворота внешней и внутренней стены саманидского времени; остальные названия можно легко идентифицировать. Истахри перечисляет ворота обеих стен, точно соблюдая их последовательность: во внешней стене он начинает с расположенных на юго-западе «Ворот площади» (Бāб ал-майдāн), через которые шла дорога, ведущая в Хорасан (ныне Каракульские ворота), и затем переходит к расположенным непосредственно к востоку от них воротам Ибрахима (Дарб Ибрāхим, ныне Шейх Джелаль), благодаря чему выясняется порядок перечисления: южная сторона, восточная, северная и западная. При перечислении внутренних ворот он начинает с Самаркандских ворот (северных), не говоря, в какой стороне от них расположены вторые ворота, так что здесь из арабского текста не удается установить с такой же точностью порядок перечисления. Однако Нершахи (изд. Шефера, 93 и сл.) своим рассказом о пожаре в 325/937 г. дает нам представление о том, какие из упомянутых Истахри ворот внутренней стены находились севернее главного канала и какие южнее. Поскольку этот канал, как явствует из Макдиси (311), совпадает с каналом, протекающим через город ныне (Келлябадские ворота соответствуют нынешним Каршинским в восточной стороне города)[5], то эти данные Нершахи значительно облегчают определение положения этих ворот; выясняется, что Истахри и в этом случае идет от Самаркандских ворот в восточном направлении и перечисляет названия других ворот в следующем порядке: восточная сторона, южная, западная.

Идентификация каждого из этих названий имеет значение также для понимания сведений о ранней истории города. «Наубехар», от которого получили свое название ворота внешней стены (ныне Мазарские)[6], был несомненно буддийским монастырем; примечательно, что теперь через эти же ворота идет дорога к важнейшей мусульманской святыне в окрестностях Бухары, гробнице Беха ад-дина Накшбенда, умершего в VIII/XIV в. Едва ли возможно установить, как относятся к этому монастырю районы, названные «Наубехар», которые, по Истахри (308 и сл.), находились как в шахристане, так и в пригородах. Двое ворот внутренней стены города, расположенные в юго-восточной части города, были названы по «мечети Мах», благодаря чему удается установить также примерное положение этой святыни. Как сообщает Нершахи (изд. Шефера, 19), мечеть была построена на том же месте, которое сначала было посвящено поклонению идолам (вероятно, какому-нибудь буддийскому культу), а затем поклонению огню. Остается спорным, можно ли, как это предпо-

[5] <Келлябадские ворота примерно соответствуют Мазарским воротам, Каршинским воротам скорее соответствуют Мердкушанские ворота.>

[6] <В восточной стороне Бухары в то время было трое ворот: Мердкушан, Келлябад и Наубехар, а не двое, как в XVI—XIX вв., поэтому последним не соответствуют какие-либо известные ныне ворота. Наубехар должен был находиться в северо-восточном углу города, между Самаркандской улицей и улицей Келлябад.>

лагает Кристенсен, слово *māx* рассматривать как диалектную форму для *māh* 'луна' (Christensen, *Die Moschee Māḥ*, S. 49 sq.) и был ли культ первоначально связан с поклонением Луне. Нершахи, родившийся в 286/899 г., утверждал, что здесь еще в его время два определенных дня в году продавали большое количество «идолов». Вероятно, это были небольшие фигурки вроде тех, что часто находятся при раскопках Самарканда; в IV/X в. они, вероятно, рассматривались лишь как игрушки.

Из других ворот внутренней стены особого внимания заслуживают «Ворота улицы магов» (Бāб сикка муғāн), расположенные в северо-западной части города [7]. Вероятно, это была та часть города, которая еще в саманидское время носила название «Зáмок магов» (Кёшк-и Муғāн). Согласно Нершахи (изд. Шефера, 28 и сл.), туда переселились после завоевания богатые купцы, по прозванию кеш-кушаны. По договору, заключенному с Кутейбой, жители должны были уступить арабам половину домов и имений (*дийā'*), но договор, по-видимому, касался только собственно города — шахристана. Кеш-кушаны предпочли полностью уступить свои дома арабам и выстроить себе в окрестностях Бухары 700 зáмков. Перед каждым зáмком находился сад, замок и жилища слуг; при Абу Муслиме это новое селение было многолюднее, чем сам город (Нершахи, изд. Шефера, 62). По преданию, замки потом были разрушены толпой; двери зáмков, на которых их хозяева изобразили «идолов», были использованы при перестройке и расширении пятничной мечети. Упомянутый выше Ахмед ал-Кубави сообщает, что еще в его время (в VI/XII в.) можно было видеть такую дверь (Нершахи, изд. Шефера, 47 и сл.).

Кроме зáмка в цитадели владетели Бухары имели в домусульманское время еще зáмки на Ригистане. Позже Саманид Наср II (301—331/914—943) распорядился построить себе там дворец; в зданиях перед воротами зáмка были расположены десять ведомств (*дīвāнхā*), названия которых приводит Нершахи (изд. Шефера, 24). В первый год правления Мансура б. Нуха (350—365/961—976) этот дворец, как сообщают, был полностью уничтожен пожаром и не восстанавливался; однако Макдиси (280 и сл.) утверждает, что и в его время *дāр ал-мулк* находился на Ригистане, напротив цитадели, и что он нигде в мусульманском мире не видел такого величественного здания. Вплоть до 360/971 г. Ригистан использовался также как *муṣаллā* (перс. *намāзгāх*).

В саманидское время был еще другой царский дворец, на канале Джу-и Мулиян, расположенном, по-видимому, недалеко от цитадели и Ригистана в северном направлении. Дворец был построен Исма'илом б. Ахмедом и пришел в запустение лишь после падения династии.

При Мансуре б. Нухе пришлось позаботиться также о новой *муṣаллā*, так как Ригистан не мог уже в соответствующие дни вместить всю

[7] ⟨Этот район располагался к северо-востоку от шахристана, как это следует из описания пожара 937 г. у Нершахи (изд. Шефера, 93—94).⟩

массу верующих. Новое место молений было устроено в 360/971 г. на расстоянии $^1/_2$ фарсаха (3—4 *км*) от цитадели по дороге в селение Самтин; к сожалению, о местонахождении этого селения мы не имеем никаких других сведений [8]. По старому обычаю население являлось на эти собрания с оружием, поскольку в Мавераннахре при Саманидах вообще был широко распространен обычай ношения оружия (Хилаль ас-Саби, *Бузарā'*, 402).

Между цитаделью и шахристаном, рядом с пятничной мечетью, находилась большая ткацкая мастерская (*кāргāх* или *байт ат-тирāз*), изделия которой (ковры и др.) будто бы вывозились в Сирию, Египет и Рум (Нершахи, изд. Шефера, 18). То, что сообщает Макдиси (324) о товарах, вывозимых из Бухары, также свидетельствует о значительном развитии торговли и ремесла: предметом вывоза служили даже уздечки (*хузм ал-ҳайл*), изготовленные в тюрьмах (*фī-л-махāбис*).

Уже в IV/X в. город считался перенаселенным и нездоровым: с плохой водой, зловонным воздухом и т. д. Улицы были широки, но места было недостаточно для такого числа жителей. Макдиси (281) и некоторые поэты (Са'алиби, *Йатīма*, бейрут. изд., IV, 8 и сл.) порицают недостатки города в очень резких выражениях; для Макдиси Бухара — «отхожее место этого края». Среди недостатков города Макдиси отмечает его подверженность пожарам. В то время в строительстве несомненно применяли больше дерева, чем сейчас; даже у минарета главной мечети верхняя часть была из дерева, из-за чего в 460/1068 г., когда два претендента на престол боролись за обладание цитаделью, загорелся минарет, а от него и мечеть. Лишь после этого события восстановленный минарет был целиком возведен из обожженного кирпича (Нершахи, изд. Шефера, 49).

Подробные сведения о волостях (*рустāк*, мн. ч. *расāтīк*) в окрестностях Бухары нам дают как арабские географы, так и Нершахи. У Истахри (310 и сл.) и Нершахи (изд. Шефера, 30 и сл.) приведены названия каналов, выведенных из Зеравшана для орошения полей; согласно Нершахи, некоторые из этих каналов были прокопаны лишь в мусульманское время. Многие из этих названий, как показал Ситняковский (*Заметки*, стр. 136 и сл.), сохранились до наших дней. Для исследования географических условий Средней Азии и изменений, которые произошли в этом отношении в историческое время, было бы важно установить, текут ли каналы, которые определенно относятся к домусульманскому времени, в более глубоком русле, чем относящиеся к более позднему времени; однако этот вопрос до сих пор еще не исследован.

Тому же Ситняковскому мы обязаны установлением факта, что до наших дней сохранились следы длинных стен, которые в аббасидское время должны были защищать Бухару и ее округу от набегов тюрков.

---

[8] ‹Быть может, тождественно кишлаку Сумитан, где находится известный мавзолей Чор-бакр (6 *км* западнее Бухары).›

Согласно Нершахи (изд. Шефера, 39 и сл.), эта постройка была начата в 166/782-83 г. и окончена лишь в 215/830 г.; остается под вопросом, действительно ли здесь шла речь только о возобновлении старого сооружения, как утверждает Мас'уди (*Танбйх*, 65), хотя, как показывает описание Маргианы (район нынешнего Мерва) у Страбона (516), подобные постройки возводились в Средней Азии в очень раннее время. Сам город был не в центре, а в западной половине окруженной стенами области. Селение Тававис, расположенное в 7 фарсахах от Бухары по дороге в Самарканд, находилось еще внутри стен (Истахри, 313); зато на дороге в Хорасан ворота стены находились в 3 фарсахах от Бухары (Ибн Хордадбех, текст, 25 и Мас'уди, *Танбйх*, 65). Из селений, лежавших севернее Бухары, внутри стен находились селения Зендана (4 фарсаха от города) и Мугкан (5 фарсахов; см. Истахри, 313 и 315). Как далеко простирались стены в южном направлении, не говорится нигде [9]; неясно также, должна ли была область защищаться также и с этой стороны подобными сооружениями. Со времени Исма'ила б. Ахмеда, который будто бы заявил: «Пока я жив, я буду стеной для Бухарской области», стены больше не поддерживали; позднее разрушившиеся стены называли «Каннарак» (очевидно, следует читать *кампйрак* 'старуха'). Остатки этих древних укреплений под названием Кампир-дувал ('Стена старухи') [10] сохранились до сих пор, по крайней мере на северо-востоке, на границе со степью, лежащей между обработанными землями Бухары и Кермине (Ситняковский, *Сообщение в заседании ТКЛА 21 апреля 1898 г.*, стр. 89).

Державе Саманидов положило конец вступление илека Насра б. Али в Бухару (10 зу-л-ка'да 389/23 октября 999 г.), хотя завоевателям пришлось еще в течение нескольких лет (до 395/1004-05 г.) бороться за власть с последним представителем этой династии, Исма'илом ал-Мунтасиром, и они были на короткое время изгнаны даже из бывшей столицы государства. Падение Саманидов было связано для города с потерей его прежнего политического значения; с тех пор им обычно управляли царевичи или наместники, и только в X/XVI в. он снова стал столицей большой державы. Лишь немногие из илек-ханов, или Караханидов, жили в Бухаре и возводили там какие-либо здания. Во второй половине V/XI в. хан Шемс ал-мульк Наср б. Ибрахим приказал построить для себя южнее города зáмок и устроить охотничий заповедник; однако этот «Шемсабад» был заброшен уже после смерти следующего правителя, Хизр-хана; при Арслан-хане Мухаммеде б. Сулеймане в 513/1119-20 г. заповедник был превращен в *мусалла*, которая действует по сей день. Этому правителю приписываются многие другие постройки в Бухаре (см. Нершахи, изд. Шефера, 23 и 28, а также сказанное выше о соборной мечети). Кроме

---

[9] ⟨Стена к югу от Бухары обследована экспедицией В. А. Шишкина; см. Шишкин, *Археологические работы 1937 г.*⟩

[10] ⟨Правильнее 'Стена-старуха'.⟩

того, сообщается еще, что в 560/1165 г. правитель Кылыч-Тамгач-хан Мас'уд приказал возобновить городскую стену.

Даже в период политического упадка город сохранял свою былую славу опоры ислама и покровителя религиозных наук. Из Бухары и ее округи уже в III/IX в. происходили такие известные ученые, как автор *Джāми' ас-сахīх*; в VI/XII в. одной почитаемой семье ученых, позже известной под именем *Āл-и Бурхāн* (см. Barthold, *Burhān*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 515⟩), удалось основать в Бухаре своего рода теократическое государство и сделать область, относящуюся к их городу, по крайней мере на время, независимой от сюзеренов. Когда после Катванской битвы (5 сафара 536/9 сентября 1141 г.) вся страна впервые после мусульманского завоевания вынуждена была признать власть немусульманского народа — кара-китаев, *садру* (мн. ч. *судūр*) Бухары удалось сохранить свой авторитет даже в глазах этого врага. Садр Хусам ад-дин Омар б. Абд ал-Азиз был убит при взятии города; все же советником наместника, назначенного завоевателями, стал садр Ахмед б. Абд ал-Азиз, вероятно брат убитого (Бундари, изд. Хаутсма, 278 и Низами Аруди, *Чахāр макāла*, изд. Казвини, 22). Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XI, 205) заставляет сына убитого, Мухаммеда б. Омара, в 559/1163-64 г. восхвалять умеренность завоевателей. У тех же завоевателей садрам пришлось искать защиты, когда они в первые годы VII/XIII в. были изгнаны народным движением из Бухары, а их поместья были конфискованы (Ауфи, *Лубāб ал-албāб*, II, 385).

Во главе движения, по Джувейни, стоял человек из ремесленного сословия, сын торговца щитами (*маджāнн-фурūши*), который пренебрежительно обращался с «уважаемыми людьми» (*асхāб-и хурмат*) города. Руководитель восстания некоторое время управлял городом как независимый владетель под именем «Санджар-Мелик»; однако вскоре после этого Бухара перешла во власть хорезмшаха Мухаммеда б. Текеша (604/1207 г.), который приказал увести в Хорезм Мелика Санджара, а затем и садра Бурхан ад-дина. Город, который на короткое время завоевывали еще предшественники Мухаммеда, в течение последующих лет, может быть с некоторыми перерывами (во время последних попыток и успехов правителя кара-китаев), оставался под властью хорезмшаха, который приказал обновить цитадель и возвести некоторые другие постройки.

Когда государство, основанное Мухаммедом, было завоевано монголами, Бухара была одним из первых городов, которым пришлось покориться Чингиз-хану, — согласно Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, XII, 239), 4 зу-л-хиджжа 616/10 февраля 1220 г.; цитадель была захвачена лишь 20 дней спустя. Победитель приказал разграбить город, при этом возник пожар, жертвой которого стал весь город, за исключением соборной мечети и некоторых зáмков, построенных из обожженного кирпича. Несмотря на это, уже при преемнике Чингиз-хана, Угэдэе, Бухара упоминается снова как большой и населенный город и как вмести-

лище учености. В 636/1238-39 г. город подвергся новой опасности из-за народного движения, направленного как против монголов, так и против имущих классов. Однако сидевшему в Ходженде наместнику Махмуду Ялавачу удалось после подавления восстания отвести от города месть победителя. По сообщению Джувейни (см. текст: Defrémery, *Fragments*, p. 372 sq., и Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 127 sq.) — единственному, которое мы имеем об этом событии, — движение на этот раз исходило не от класса ремесленников, как несколько десятилетий назад, а от крестьян [11].

Мы не имеем никаких надежных сведений о том, как и кем управлялся город и его округа в первые десятилетия монгольского владычества. В рассказе о карьере уйгура Куркуза (см. об этом d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, p. 107 sq.) Джувейни упоминает в качестве правителя (*мелик*) Бухары Саин-Мелик-шаха, о котором ничего больше неизвестно. У Вассафа (изд. Хаммера, 25; бомбейское изд., 12) в качестве начальника Самарканда и Бухары со времени Угэдэя наряду с монголом Бука-Буша упоминается еще Чинсан-тайфу, очевидно китаец; этим, по-видимому, объясняется тот факт, что в это время в Бухаре чеканили медную монету с китайской легендой. В то же время в управлении Мавераннахром принимали участие мусульмане из Хорезма — Махмуд Ялавач и позже его сын Мас'уд-бек (ср. *Бишбалык* ⟨выше, стр. 376⟩). Хотя мусульманское духовенство приняло выдающееся участие в защите страны против монголов, а частично и позже осталось враждебно настроенным по отношению к завоевателям, сейиды и муллы, подобно служителям других религий, были освобождены в монгольской империи от всех податей. Еще примечательнее сообщаемое Джувейни известие (см. также d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 267), что христианка Сурхуктани, мать великих ханов Мункэ и Хубилая, приказала построить в Бухаре на свои средства медресе под названием Ханийе. Его мударрисом и мутеваллием был назначен известный ученый Сейф ад-дин Бахарзи (ум. в зу-л-ка'да 659/27 сентября—26 октября 1261 г.). Другим медресе, которое получило от него название Мас'удийе, Мас'уд-бек приказал украсить «площадь» Бухары — вероятно Ригистан; в каждом из этих учебных заведений жило до 1000 учащихся.

7 раджаба 671/28 января 1273 г. персидские монголы во главе с Никпей-бахадуром, полководцем ильхана Абаки (см. Barthold, *Abāḳā*), захватили Бухару и затем грабили ее в течение семи дней, вследствие чего почти весь город был разрушен и уничтожен огнем и мечом; три года спустя чагатайские царевичи Чуба и Каян отняли у сохранившихся жителей последнее из того, что они еще имели. Еще никогда город не постигало такое бедствие; как сообщает Вассаф (изд. Хаммера, 148; бомбейское изд., 78), в течение последующих семи лет в Бухаре не было

[11] ⟨Ср. Якубовский, *Восстание Тараби.*⟩

ни души; лишь после этого (следовательно, примерно около 1283 г.) Мас'уд-бек по приказу хана Хайду принял меры по восстановлению города и возвращению жителей [12]. Разрушенное в 671/1273 г. Мас'удийе также было восстановлено, и в нем в шаввале 688/18 октября—15 ноября 1289 г. был похоронен сам строитель (Джемаль Карши у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 139). В раджабе 716/19 сентября—18 октября 1316 г. страна еще раз была опустошена монголами из Персии и их союзником, чагатайским царевичем Ясавуром; из Бухары и других городов было насильственно уведено множество жителей, которых поселили в местности южнее Окса (см. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 567 sq.).

Помимо этого Бухара под властью династии Чагатая (см. Barthold, *Čaghatai-Khān*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 538⟩), как и позже, при Тимуре и Тимуридах, по-видимому, не имела значения для политической жизни Мавераннахра. О по-прежнему богатой политической и религиозной жизни города в этот период имеется много сведений в почти неизвестной в Западной Европе, а в России распространенной во множестве списков *Китāб-и Муллā-зāде* Ахмеда б. Мухаммеда, прозванного Му'ин ал-фукара (писал, вероятно, в IX/XV в.; выдержки см. у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 166 и сл.); о Беха ад-дине Накшбенде (ум. в 791/1389 г.), его учителях и учениках и о дервишском ордене накшбендиев, основанном им, см. особенно *Рашахāт 'айн ал-хайāт* Али б. Хусейна ал-Кашифи (см. Ethé, *Neupersische Litteratur*, S. 365). Известный как покровитель наук государь Улугбек (ум. в 853/1449 г.) приказал построить медресе также и в Бухаре около чарсу (центра города).

В конце 905/летом 1500 г. Бухара была завоевана узбеками во главе с Шейбани-ханом и с тех пор оставалась во власти этого народа, за исключением короткого периода после неудачной для узбеков битвы под Мервом 916/1510 г. Как все государства кочевников, государство узбеков рассматривалось в качестве собственности всей царствующей фамилии и распадалось на множество мелких владений. Столицей государства и резиденцией хана (по большей части старейшего члена правящего рода) по-прежнему оставался Самарканд; однако каждый раз правитель, провозглашенный ханом, сохранял в своих руках наследственный удел, оставаясь обычно в своей прежней столице и, естественно, уделял тогда своей резиденции больше внимания, чем столице государства. Резиденцией самых значительных ханов из Шейбанидского дома — Убейдуллы б. Махмуда (в Бухаре с 918/1512 г., ум. в 946/1539 г.) и Абдуллы б. Искендера (в Бухаре с 964/1557 г., ум. в 1006/1598 г.) — была Бухара. Оба они долгое время предоставляли носить ханский титул старейшим членам своего рода, но фактически и в этот период пользовались всей полнотой власти. Благодаря их личному авторитету и их столица, Бухара, превратилась в подлинное средоточие политической и духовной жизни.

[12] ⟨Подробно об этих событиях см. Петрушевский, *Из истории Бухары*.⟩

Ханы следующей династии — Джанидов, или Аштарханидов — также управляли своим государством из Бухары, в то время как старая столица — Самарканд — потеряла почти всякое значение, особенно в первой половине XII/XVIII в.

Источники по Бухаре этого времени до сих пор доступны лишь в рукописях, и вообще история Средней Азии последних столетий до сих пор еще мало исследована. Многие сведения о постройках X/XVI и XI/XVII вв. сообщаются в хронологическом компендии, известном под названием *Та'рӣх-и Мӣр Сейӣд Шерӣф Рӑким*, написанном в 1113/1701-02 г. (см. Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 115); сведения о духовной жизни при Убейдулле сообщает в особенности его современник Васифи, автор труда *Бада'и' ал-вакӑ'и'*[13] (см. Dorn, *Über die Handschriften*, S. 400)[14]; об источниках для истории Абдуллы б. Искендера см. Barthold, *'Abd Allāh b. Iskandar*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 487⟩; (в *'Абдуллӑнӑме*, между прочим, имеется описание Бухары, которое доказывает, что автор имел перед собой более полную версию *Та'рӣх-и Першахӣ*, чем дошедшая до нас). О Бухаре XI/XVII в. см. в особенности *Бахр ал-асрӑр фӣ манӑкиб ал-ахйӑр* Махмуда б. Эмир Вели (рук. Ind. Off. № 575).

С X/XVI в. существовали оживленные сношения между государством узбеков и московскими царями, поэтому и столица, Бухара, стала известна в России и Западной Европе лучше, чем прежде. В XVII и XVIII вв. русские называли «бухарцами» всех купцов и переселенцев из Средней Азии, поселения которых тянулись до Тобольска; это же название распространялось и на жителей нынешнего Китайского Туркестана, родину которых стали называть «Малой Бухарией».

Туземные историки позже рассматривали царствование хана Абд ал-Азиза (1055—1091/1645—1680) как последнее хорошее время; позднейшие правители не могли больше поддерживать целостность государства; во многих областях вожди (беки) узбецких племен стали независимыми; хан, сидевший в Бухаре, управлял лишь небольшой частью прежнего государства, и даже там фактически правил не сам хан, а от его имени какой-либо бек или аталык.

В 1153/1740 г. Бухара вынуждена была покориться Надир-шаху и только после его смерти снова стала независимой. Примерно в это же время в Бухаре воцарилась новая династия. Аталык Мухаммед-Рахим из рода мангыт в 1170/1756 г. провозгласил себя ханом, но умер уже в 1172/1759 г. (история его жизни написана его современником Мухаммедом-Вефа Керминеги под названием *Тухфат ал-хӑнӣ*); его ближайший преемник Данияр-бек снова удовлетворился титулом аталыка, а ханский титул

---

[13] ⟨В 1961 г. А. Н. Болдыревым издан критический текст этого сочинения.⟩

[14] ⟨В подлиннике ошибочно: Salemann, Mélanges Asiatiques, VII, 400.⟩

предоставил одному из потомков Чингиз-хана; лишь его сын Мурад, или Мир Ма'сум, снова присвоил себе в 1199/1785 г. титул государя; однако он и его преемники титуловали себя уже не ханами, а эмирами.

Мурад и особенно его преемник Хайдер (1215—1245/1800—1826) соблюдали религиозные предписания с еще большей строгостью, чем даже в XVI в. Убейдулла. «Благородная Бухара» (*Бухара-йи шариф*) должна была все более завоевывать славу города ислама и шариата по преимуществу; личное поведение государя также должно было отвечать требованиям строжайшего правоверия. Хайдер сам читал лекции по религиозным дисциплинам и имел 500 слушателей; однако ему ставили в упрек, что он слишком предается гаремным удовольствиям, постоянно меняет законных жен и ежемесячно пополняет свой гарем. Он был последним правителем Бухары, чеканившим монету со своим именем; после его смерти и до нынешнего дня монеты чеканят от имени покойного (*марху́м*) эмира Хайдера.

Следующему эмиру, Насрулле (1242—1277/1827—1860), удалось укрепить мощь своего престола в противовес узбецкой аристократии и расширить свое государство. Как в это же время в Хиве и Коканде, в Бухаре могущество знати, усилившейся после распада государства, было сломлено с кровавой жестокостью; туземные историки и европейские путешественники рисуют Насруллу кровожадным тираном. Вместо ополчения узбецких племен была создана постоянная армия, для управления страной привлечены чиновники низкого происхождения; во главе управления стоит кушбеги, обычно перс по происхождению.

Первоначально государство Мангытов охватывало только долину Зеравшана и область к югу от нее до Окса, на юго-восток примерно до Сурхана, временами отдельные районы южнее Окса, вроде Мерва и Балха. Остальные части прежнего Мавераннахра находились под властью кокандских ханов. Между обоими государствами часто велись войны, по большей части из-за Джизака и Ура-Тюбе, причем счастье обычно было на стороне бухарского эмира; в 1258/1842 г. был завоеван даже Коканд и весь Мавераннахр был объединен под властью эмира, однако эти завоевания не удалось закрепить надолго.

Когда взошел на престол преемник Насруллы Музаффар ад-дин (1860—1885), русские уже твердо стояли на нижнем течении Сыр-Дарьи, откуда постепенно продвигались в другие части древнего Мавераннахра. После ряда поражений пришлось и эмиру подчиниться русским, отказаться от всяких претензий на бассейн Сыр-Дарьи, захваченный русскими, уступить победителям и бóльшую часть своего собственного государства с городами Джизак, Ура-Тюбе, Самарканд и Катта-Курган (1868 г.), однако его столица, в противоположность Хиве и Коканду, до нынешнего дня не подверглась вражеской осаде и завоеванию. Территориальные потери, понесенные в борьбе с Россией, были более чем уравновешены завоеваниями, сделанными в последующие десятилетия, частично с помощью

русских. Такие области, как Шахрисябз или Хисар, которые более века были политически обособлены от Бухары, или как Каратегин и Дарваз, которые по сути дела никогда длительный срок не принадлежали правителям Бухары, теперь вынуждены были покориться эмиру; на западе государство увеличилось за счет Хивы, побежденной русскими в 1873 г. Таким образом, в нынешнем своем виде государство эмира сложилось только под владычеством русских. Граница между Бухарой и Афганистаном была установлена лишь при следующем эмире, Абд ал-Ахаде (1885—1910); по соглашению, заключенному между Россией и Англией (1895 г.), границей между обоими государствами должен был стать Пяндж, вследствие чего эмиру пришлось уступить афганцам часть провинции Дарваз, а взамен он получил провинции Рошан и Шугнан.

Во время этого царствования были также урегулированы отношения с Россией. С 1887 г. государство эмира пересечено русской железной дорогой; важнейшие города, в том числе и сама столица, не были затронуты дорогой. В 15 *км* от «старой Бухары» на железной дороге возник русский поселок под названием «Новая Бухара», железнодорожная станция при котором называется теперь Каган. Лишь позднее этот поселок, резиденция русского «политического агента», был связан с древней столицей железнодорожной веткой, сооруженной на средства эмира. Все ханство относится к русской таможенной зоне; на границе с Афганистаном установлены русские таможни, а местами также русские военные посты, такие, как Керки и Термез на Аму-Дарье и Хорог в Шугнане. Сообщение между Термезом и русским Петро-Александровском [15] на Аму-Дарье поддерживается русскими пароходами; кроме того, Термез связан с Самаркандом почтовым трактом; имеется также телеграфная связь с Бухарой и Самаркандом.

Несмотря на все это, государство эмира до сих пор мало затронуто русской культурой. Система управления и сбора налогов, распространенная также на вновь приобретенные провинции, до сего дня та же самая, что и сто лет назад; как и прежде, население беспощадно грабят эмир, его чиновники и наместники. С тех пор как эмир носит титул «высочество» и сблизился с русским императорским домом, его авторитет несомненно возрос, и он может вести себя как по отношению к ташкентскому генерал-губернатору, так и к «политическому агенту» с большей самостоятельностью, чем прежде. Политика, проводимая в отношении эмира, в последнее время подверглась острой критике со стороны некоторых русских писателей (см. прежде всего статьи Д. Н. Логофета под разными названиями: 1) *На границах Средней Азии*, 2) *Страна бесправия*, 3) *Бухарское ханство*); нельзя не признать, что эта политика может иметь только отрицательные последствия как для благосостояния подданных эмира, так и для авторитета России в Средней Азии.

[15] ⟨Ныне город Турткуль.⟩

С 1910 г. эмиром Бухары является воспитанный в России (в С.-Петербургском кадетском корпусе) Мир Алим, сын своего предшественника Абд ал-Ахада.

Русские успехи в Средней Азии способствовали географическому и отчасти этнографическому исследованию страны. С 1870 г. на русском языке появилось большое число отдельных статей и более значительных исследований, посвященных государству эмира и отдельным его провинциям; см., например: Маев, *Очерки Бухарского ханства*; путеводитель у Л. Костенко, *Туркестанский край*, т. II, стр. 102 и сл.; Кузнецов, *Дарвоз*; Семенов, *Этнографические очерки*; Бобринский, *Горцы верховьев Пянджа*; Серебренников, *Памир*. Зато значительно меньше сделано для исследования прошлого и современного положения страны с точки зрения ориенталистов. Труды туземных историков, в том числе и историков XIX в., за малыми исключениями (см. об этом Teufel, *Quellenstudien*), доступны лишь в рукописях. Ни в самой Бухаре, ни в других городах, таких, как Шахрисябз (с дворцом Ак-сарай, построенным Тимуром), Термез (с древними развалинами укреплений и прекрасным мавзолеем Мухаммеда б. Али Термези, умершего в 255/869 г.; см. об этом Рожевиц, *Поездка*, с иллюстрацией), до сих пор не проведено каких-либо значительных археологических или историко-топографических исследований [16]. Точно так же со времени утверждения русской верховной власти из-под пера ориенталистов не вышло ни одного описания современного положения страны, вследствие чего книгу Ханыкова, напечатанную в 1843 г., еще нельзя считать устаревшей. То, что было напечатано об этой стране и ее прошлом на западноевропейских языках, еще менее удовлетворительно. См. Vámbéry, *Travels* (а также немецкий пер. ⟨Vámbéry, *Reise*⟩); idem, *Geschichte Bochara's*; Howorth, *History of the Mongols*, pt II, p. 686 sq.; Skrine and Ross, *The Heart of Asia* (в ней гл. IX — *Bokhārā, a protected native state*); также крайне ненадежная сводка арабских известий у Г. Ле Стрэнджа, *The Lands*, p. 460 sq.

[16] ⟨За время, прошедшее с момента написания этой статьи, положение заметно изменилось: во всех областях, входивших когда-то в Бухарское ханство, проведены значительные археологические исследования; достаточно сравнить список литературы, приведенный В. В. Бартольдом, с литературой к одноименной статье в новом издании EI. Об археологических работах в Шахрисябзе и Термезе см. примечания к соответствующим статьям в настоящем томе. О самой Бухаре: Шишкин, *Архитектурные памятники*; Сухарева, *К истории*; ее же, *Позднесредневековый город Бухара*; Искандеров, *Восточная Бухара*.⟩

БУШЕНДЖ

Бушандж, Бӯшанг, или Фӯшандж (в домусульманское время, вероятно, произносилось Пӯшандж) — город южнее Герируда, ниже Герата, в 1 дне пути или (согласно Якуту, *Му'джам*, I, 758) в 10 фарсахах от этого большого города. В истории Герата, написанной в 897/1491-92 г. Му'ин ад-дином Исфизари (л. 33а), Бушендж называется древнейшим городом Хорасана и основание его приписывается мифическому Пешенгу б. Афрасиабу (в иранском эпосе Пешенгом называется отец, а не сын Афрасиаба); это сообщение несомненно покоится лишь на сходстве обоих имен. В списке иранских городов [1] (см. об этом GIPh, Bd II, S. 118) основание Бушенджа и постройка там же моста через Герируд приписываются сасанидскому царю Шапуру I (III в. н. э.) (Marquart, *Ērānšahr*, S. 49). Томашек (*Zur historischen Topographie*, I, S. 78) сопоставляет это название также с Πισάγγαι Теофраста. Во всяком случае город существовал еще в домусульманское время и в сообщении о синоде 588 г. н. э. упоминается как резиденция несторианского епископа (Marquart, *Ērānšahr*, S. 64).

Еще в I в. х. Бушендж вместе с остальными частями Хорасана был завоеван арабами. Из Бушенджа происходил Тахир б. Хусейн, основатель династии Тахиридов (III/IX в.). В IV/X в. город был примерно вдвое меньше Герата, окружен стеной и рвом и имел трое ворот: в направлении Герата, Нишапура и Кухистана (Истахри, 268). Через Бушендж обычно шел путь из Нишапура в Герат, подробно описанный Ибн Русте (172); однако Якут (*Му'джам*, I, 758) не проезжал на этом участке через Бушендж, а только видел его издали. Ибн Русте также подчеркивает значение Бушенджа как сильной крепости. Окрестности города считались чрезвычайно плодородными; сам город был центром торговли лесом; лес также вывозился отсюда в разные места.

Подобно остальным городам и селениям по Герируду, Бушендж под властью династии Куртов [2] (643—791/1245—1389), сидевших в Герате, в сравнительно короткое время смог оправиться от монгольского погрома и достичь нового расцвета. Из Бушенджа, по Исфизари (л. 11б), происходил поэт Раби'и, автор поэмы, восхваляющей Куртов (*Курт-*

[1] ⟨Markwart, *A catalogue.*⟩

[2] ⟨Ср. о чтении имени династии наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 55, прим. 135.⟩

нāме). В середине зу-л-хиджжа 782 г. х. (март 1381 г.) Бушендж был осажден Тимуром, через неделю взят и жестоко разгромлен, но вскоре был восстановлен; тогда город также считался сильной крепостью. В IX/XV в. Бушендж также упоминается неоднократно; Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 325а) упоминает также «голову моста» (*сар-и пул*) Бушенджа на дороге между Гератом и Кусуей (ныне Кухсан). По Исфизари (л. 33а), в то время около Бушенджа были мечеть и рабат, основание которых приписывалось Аврааму; углубления в камнях около рабата считались следами ног патриарха. Согласно Томашеку (*Zur historischen Topographie*, I, S. 72), Бушендж соответствовал нынешнему Гурьяну; местность у Гурьяна и сейчас считается одной из плодороднейших на Герируде. Как и многие другие города ниже Герата, Бушендж, по-видимому, был уничтожен лишь набегами узбеков и туркмен.

ГАНЬСУ

Ганьсу — пограничная провинция на северо-западе собственно Китая; на юге и востоке граничит с провинциями Сычуань, Шэньси и Шаньси [1], на западе и севере — с областью Кукунора, Китайским Туркестаном (раньше причислявшимся к Ганьсу, с 1884 г. провинция Синьцзян) и Монголией. В нынешних пределах (325 000 *кв. км*) Ганьсу является третьей по величине провинцией Китая; плотность населения ниже, чем во всех остальных провинциях, за исключением Гуанси. Свое название провинция, основанная впервые императором Хубилаем в 1282 г., по-видимому, получила от двух городов, расположенных на крайнем северо-западе: Ганьчжоу и Сучжоу. Оба города упоминаются уже в *Худӯд ал-'ālам* и у Гардизи (см. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 92): первый — как Ḵāмчӯ (в монгольское время Ḳамчӯ, или Ḳамчӣ), а второй — как Саḵчӯ (позже Шукчӯ, или Шукчӣ).

До XIII в. эта область по большей части находилась под владычеством других народов тюркского (уйгуры) или тибетского (тангуты) происхождения; непосредственно перед монгольским завоеванием здесь существовало тангутское государство под властью династии Ся (или Си-ся, 1032—1227) с резиденцией в Нинся [2]. Рашид ад-дин (изд. Блоше, 484 и сл.) при перечислении 12 провинций (*шӣнк*, кит. *шэн*) две — с главными городами Кинчанфу [3] (ныне Сиань, главный город Шэньси) и Камчу (Ганьчжоу) — причисляет к Тангуту (*тангḳӯт*). На самом деле Ганьчжоу был тогда главным городом Ганьсу; Ганьсу и Шэньси были тогда, как и теперь, объединены в одно наместничество, но только резиденция наместника тогда находилась в главном городе Шэньси, а не в главном городе Ганьсу, как теперь. Границу между Ганьсу и Шэньси образовывала Хуанхэ, так что нынешний главный город Ганьсу, Ланьчжоу, тогда относился к Шэньси. В связи с Кинчанфу Марко Поло (изд. Юла — Кордье, II, 24) называет правителем Тангута третьего сына Хубилая, царевича Мангалая (ум. в 1280 г.; Рашид ад-дин называет его Мингкала), а Рашид ад-дин (изд. Блоше, 495 и сл.) называет Ананду, сына предыдущего; Рашид ад-дин говорит, что Ананда был основателем господства

[1] 〈Возможно, что В. В. Бартольд понимал под Ганьсу более обширную территорию, включая сюда часть провинции Суйюань. Ганьсу в границах XIX—нач. XX в. не соприкасается с Шаньси.〉

[2] 〈На современных картах также Иньчуань.〉

[3] 〈Совр. транскрипция — Циньчжанфу.〉

ислама в этой области. Он родился примерно в 1270 г. (в первых годах VIII/XIV в. ему было 30 лет — Рашид ад-дин, изд. Блоше, 603, 6) и был воспитан приемными родителями — мусульманами (там же, 599 и сл.), однако лишь после обращения султана Газана в Персии (следовательно, около 1295 г., — см. Barthold, *Ghāzān*, S. 158) он открыто принял ислам (Рашид ад-дин, изд. Блоше, 602). Большая часть его войска, состоявшего якобы из 150 тыс. человек, также приняла ислам (там же, 600); тангутское население, за исключением крестьян, также приняло ислам (там же, 599). Будучи привлечен к ответу за обращение своим двоюродным братом, преемником Хубилая, Тэмуром (1294—1307), он остался верен исламу и после некоторого перерыва снова водворен в свое княжество. В 1307 г. одна партия хотела возвести его на престол; поэтому после победы партии другого кандидата на трон, племянника Тэмура — Хайшаня (1307—1311), он был убит (d'Ohsson, *Histoire de Mongols*, t. II, p. 525 sq.). Лишь в 1323 г. сын Ананды, Урук-Тэмур, вновь был провозглашен князем Тангута (по Блоше — Рашид ад-дин, изд. Блоше, 362, прим. *c*). Как свидетельствуют записки Марко Поло (изд. Юла — Кордье, I, 203 и 219), в Ганьсу мусульмане были еще до царствования Ананды; зато относительно распространения ислама к югу от Хуанхэ ничего не говорится (ср. ошибочное замечание в статье *China*, EI, I, S. 887, по *Mission d'Ollone*, p. 435, что Марко Поло упоминает «наличие мусульман только лишь в провинции Юньнань»). Живущие ныне на южном берегу Хуанхэ салары, говорящие по-тюркски (см. Köprülü, *Salur*, S. 128; Hartmann, *China*, S. 885), упоминаются там уже во время Минской династии (1368—1644) и описываются как беспокойные подданные (Rockhill, *The Lands of Lamas*, p. 40), хотя в этот период не упоминается никаких мусульманских восстаний. Известие о том, что основатель Минской династии приказал перебить 100 000 мусульман и полностью искоренил ислам в своем государстве, принесенное около 1398 г. в государство Тимура (Низам ад-дин Шами и Абд ар-Раззак Самарканди у Бартольда, *Улугбек*, стр. 42 и сл., прим. 6; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 68, прим. 47⟩), не подтверждается ни одним китайским источником. При маньчжурах (с 1644 г.) восстания мусульманского населения Ганьсу упоминаются уже в 1646 и 1648 гг. и многократно повторялись как в XVIII, так и в XIX вв.

Теперь в Ганьсу последователи ислама несомненно многочисленнее, чем в других провинциях (цифры приводятся очень различные, см. Hartmann, *China*, S. 883). Важнейшим культурным центром до самого последнего времени был Хэчжоу (юго-западнее главного города Ланьчжоу) — «китайская Мекка». Раньше Хэчжоу считался чисто мусульманским городом (около 30 000 жителей); в 1884 г. путешественнику Г. Потанину (*Тангутско-Тибетская окраина*, т. I, стр. 169) сказали, что там теперь вообще нет мусульман; позднее мусульмане могли жить там только в особом предместье (*Mission d'Ollone*, p. 235). Мусульманская область в Ганьсу распадается на две полосы, отделенные друг от друга: Хэчжоу — Синин

на юго-западе и Нинся — Цзиньцзи на северо-востоке; в области, расположенной между ними, китайцы соорудили горные укрепления (ibid., p. 253). Цзиньцзи, который иногда называют «китайской Мединой», был первоначально основан религиозным реформатором и руководителем повстанцев Ма Хуа-луном (см. Hartmann, *China*, S. 888).

Еще в XVIII в. в Шэньси, по-видимому, было больше мусульман, чем в Ганьсу (Dabry de Thiersant, *Le mahométisme en Chine*, t. I, pp. 41, 56); их язык и одежда также отличались от китайских (ibid., p. 155). Это позволяет предположить, что нынешние дунгане, или тунганы (см. Hartmann, *China*, S. 885), лишь позже приняли китайский язык.

Восстания по большей части были местными движениями, а не всеобщими возмущениями под знаменем ислама. Во время большого восстания в Ганьсу (с 1781 г.) в Шэньси царило полное спокойствие (Dabry de Thiersant, *Le mahométisme en Chine*, t. I, p. 159). Восстание в Шэньси, начавшееся в 1861 или 1862 г., перекинулось на Ганьсу лишь вследствие вытеснения туда восставших. В Ганьсу борьба велась с еще большим ожесточением, чем в Шэньси, и имела самые тяжелые последствия как для мусульманского населения, так и вообще для экономического положения провинции. Как раньше число мусульман в Шэньси значительно сократилось вследствие вытеснения восставших в Ганьсу, так теперь (с 1872 г.) значительная часть мусульманского населения Ганьсу во главе с храбрым Баян-ахуном выселилась на запад. Место рождения Баян-ахуна (по-китайски пишется также Бо-янь-ху или Бай Янь-ху; его мусульманское имя было Мухаммед-Аюб) указывается различно; он долгое время жил в Пекине и лишь незадолго до восстания переселился в Ганьсу. В декабре 1877 г. Баян-ахун с остатками своего войска пересек русскую границу в Семиречье; китайские власти потребовали его выдачи (само собой разумеется, безуспешно). После его смерти (1883 г.) дунгане, поселившиеся в Семиречье, воспевали его в песнях как народного героя; сохранилось ли воспоминание о нем также и в Ганьсу, кажется, не выяснено. Последнее восстание (1895-96 г.) было поднято саларами и было вызвано, будто бы, заявлением их китайского губернатора, что впредь следует рассматривать одного китайца равноценным 10 мусульманам. Против нынешнего республиканского правительства в Ганьсу, кажется, не было ничего предпринято.

Литература. Dabry de Thiersant, *Le mahométisme en Chine*; idem, *De l'insurrection mahométane*. Сообщение современника о восстании 1871 г. в *Mémoires concernants les Chinois*, t. IX, p. 442 sq.; Wassiljew, *Die Erschließung Chinas*, S. 80—110, 220—236; *Mission d'Ollone* и приведенная там литература; кроме того, отдельные статьи в русских журналах, особенно подробно: Поярков, *Последний визирь*, по преимуществу по дунганским источникам, среди которых один письменный (краткий отчет, написанный по просьбе автора дунганским врачом Ликокуем и переведенный М. Сташковым на русский язык). О саларах и их языке (список слов): Потанин, *Тангутско-Тибетская окраина*, т. I, стр. 169 и сл.; т. II, стр. 426—434; Поярков — Лодыгин, *Салары*; ‹Теннишев, *Саларские тексты*›.

ГЕОК-ТЕПЕ

Гёк-Тепе ('Голубой[1] холм') — туркменская крепость, ставшая известной благодаря походу Скобелева (1880—1881 гг.). Название, собственно, относится к крепости, покинутой туркменами уже в 1879 г., позже называвшейся Кёхне Гёк-тепе (старое Геок-Тепе); в более широком смысле тем же названием называют весь оазис, в который туркмены племени теке собрали все свои силы при приближении русских. Важнейшим укреплением было успешно оборонявшееся в 1879 г. Денгиль-тепе (4,5 *км* в окружности), лежащее примерно в 8 *км* южнее старого Геок-Тепе. Незадолго до прибытия Скобелева там были произведены фортификационные работы (как утверждают, под руководством английского офицера Батлера), которые должны были увеличить способность крепости к обороне; однако осажденные имели в своем распоряжении только одну пушку, захваченную в 1868 г. у персов; кроме того, во время осады они отбили у русских два легких орудия, с которыми туркмены не знали, что делать. Русский отряд состоял из 8000 человек и имел свыше 70 орудий. 12 (24) января 1881 г. после двадцатидневной осады Геок-Тепе было взято штурмом и затем отдано солдатам на разграбление на четыре дня; число туркмен, убитых при осаде и взятии крепости, составляло 6000—8000; русским успех достался ценой бóльших жертв, чем при всех остальных завоеваниях в Средней Азии; общие потери убитыми и ранеными составляли более 1000 человек; кроме того, бои под Геок-Тепе были единственными в Туркестане, в которых у русских войск были захвачены знамена и пушки. Последнее и наиболее подробное описание этих боев у М. Терентьева (*История завоевания*, т. III, стр. 157 и сл.).

Ныне название Геок-Тепе носит станция Закаспийской железной дороги, расположенная непосредственно около Денгиль-тепе (45 *км* западнее Ашхабада); там же находится музей, посвященный кампании 1880—1881 гг., который осматривают пассажиры во время стоянки поезда на станции (10—15 минут).

---

[1] ⟨Правильнее — 'Зеленый'.⟩

ГИДЖДУВАН

Гудждӯван ⟨или Гидждӯван, ныне Гиждуван⟩ — большое, «похожее на город селение» (так в *Рашаха̄т*, рук. ун-та № 293, л. 12а) около Бухары, в 6 фарсахах от нее, родина святого Абд ал-Халика Гидждӯвани (VI/XII в.), упоминается уже у Нершахи (изд. Шефера, 66 внизу) в его рассказе о Муканна' (II/VIII в.) и восходит, вероятно, к доисламскому времени. В VI/XII в. здесь была очень многолюдная еженедельная ярмарка (ср. текст Сам'ани у Бартольда, *Туркестан*, ч. II, стр. 123, прим. 6; ⟨наст. изд., т. I, стр. 171, прим. 13⟩). В X/XVI в. Гидждӯван выступает в качестве сильной крепости и ключа к Бухаре (Абдаллах Балхи у Бартольда, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 202); здесь в 918/1512 г. Бабур был разбит узбеками, что положило конец господству Тимуридов в Мавераннахре. Позже Гидждӯван упоминается как один из семи тюменей в окрестностях Бухары (Абд ал-Керим Бухари, I, 77) и до сих пор является резиденцией сборщика налогов (амлякдара).

ГИССАР (ХИСАР)

Хисā́р, на русских картах Гиссар,— область в Бухарском ханстве. Одноименный главный город лежит в плодородной и хорошо обработанной, но влажной и нездоровой местности на берегу реки Ханака, впадающей в Кафирниган. Неподалеку от Хисара Кафирниган покидает широкую долину и течет через узкое ущелье. См. вид Хисара у Ф. Шварца (*Turkestan*, S. 233). По положению город примерно соответствует Шуману арабских географов (см. *Аму-Дарья* <выше, стр. 320>). Название Хисар-и Шадман [1], или же просто Хисар, упоминается в истории Тимура, сначала как резиденция могущественных тюрко-монгольских князей, которые в неспокойное время после смерти эмира Казагана (759/1358 г.) разделили область между собой (Шереф ад-дин Йезди, I, 40), а затем как арсенал (*зарра̄дха̄не*) Тимура (там же, 451). При Тимуридах и при узбеках Хисар сохранял свое значение как сильная крепость и резиденция фактически независимых князей или вождей племен. Область, управляемая из Хисара, имела наибольшие размеры во второй половине IX/XV в. при Махмуд-мирзе (сыне султана Абу Са'ида, см. Beveridge, *Abū Sa'īd*), во владения которого входили все области до Гиндукуша (*Ба̄бурна̄ме*, изд. Беверидж, л. 26б), но и во времена Тимуридов Хисар считался маленькой и бедной областью (там же, л. 56б). О тяжелом бедствии, постигшем Хисар во время последних боев между Тимуридами и узбеками (из жителей города в то время осталось будто бы только 60 человек) см. Мухаммед-Хайдер, 262. Когда государство узбеков в Мавераннахре распалось после падения их первой династии (см. Barthold, *'Abd Allāh b. Iskandar*). Хисар перешел в руки туркменского племени юз [2]. С начала XVII в. до 1869 г. государи, сидевшие в Бухаре, могли добиваться признания их власти беком Хисара лишь силой оружия, и каждый раз только на короткий срок; лишь при русском владычестве эмиру Музаффару удалось окончательно сломить могущество этого наследственного владетеля и надолго присоединить эту область к Бухаре (см. *Бухара* <выше, стр. 391—392>). В середине XVIII в. обработанные земли Хисара, как сообщает Мухаммед-Вефа Керминеги (*Тухфат ал-ха̄нӣ*, л. 196а),

[1] <О местоположении городища Хисар-и Шадман см. М. М. Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда*, стр. 181—183.>

[2] <В действительности это — узбекское племя.>

начинались у селения Мир-Шади в долине Сурхана; к Хисару причисляли также районы, расположенные к западу, как Байсун и Ширабад; на юге к Хисару кроме древнего Чаганиана (см. ⟨ниже, стр. 558⟩) относились еще Кабадиан и часть древнего Хутталя с Курган-Тюбе. Из-за больших размеров (прежних) хисарских владений хребет, разделяющий бассейны Зеравшана и верхней Аму-Дарьи, был назван русскими Гиссарским. Теперь [3] хисарский бек владеет лишь областью между верхним Сурханом и Вахшем; однако эту должность обычно занимает один из сыновей эмира или один из других царевичей из правящей династии; население и теперь часто восстает против правительства. Разведение шафрана, упоминаемое арабскими географами, теперь отсутствует; область в основном производит зерно и лен и имеет для Бухары некоторое экономическое значение, но транспортировка товаров производится лишь посредством вьючных животных; повозки совершенно неизвестны. Для европейской науки область открыта лишь русской Гиссарской экспедицией 1875 г.

---

[3] ⟨Статья написана до революции.⟩

ГУРГАНДЖ

Гургáндж, по-арабски Джурджáнийа, — город в северной части Хорезма; о местоположении города и протекающего мимо рукава Окса см. *Аму-Дарья*; ⟨выше, стр. 321—322⟩. Хотя город впервые упоминается арабами, он, без сомнения, был основан в домусульманское время; к названию Гургандж, вероятно, восходит древнейшее (I в. до н. э.) китайское название Хорезма (Юецзянь). В сообщениях источников об арабском завоевании (93/712 г.) не рассказывается, какую обстановку застали арабы в северной части страны. В IV/X в. Хорезм распался на два независимых друг от друга владения: область хорезмшаха со старой столицей страны Кятом и область эмира Гурганджа. По Бируни (*Āṯār ал-бāḳийа*, изд. Захау, 36), после арабского завоевания у династии, сидевшей в Кяте, остался только шахский титул (*шāхīйа*), а подлинная власть (*вилāйа*) с тех пор находилась то в руках этих владетелей, то в руках других людей, пока династия не была лишена того и другого (*шāхīйа* и *вилāйа*) при последнем своем представителе. Захау (*Zur Geschichte*, I, S. 499) понимает это сообщение в том смысле, что старая династия сидела в Кяте, а арабский вали — в Гургандже и что эта двойственная власть привела к политическому отделению севера от юга. В 385/995 г. эмиру Гурганджа удалось завоевать Кят, свергнуть домусульманскую династию, снова объединить Хорезм в одно целое и перенести титул хорезмшаха на свой род.

Арабские географы IV/X в. (см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 146 и сл.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 201—202⟩; Le Strange, *The Lands*, p. 447 sq.) описывают Гургандж как второй по величине город Хорезма; в противоположность древнему Кяту он был тогда быстро расцветающим торгово-ремесленным городом. После объединения обоих владений в одно государство Кят и Гургандж упоминаются как равнозначные столицы этого государства; при последующих владетелях и наместниках Кят был постепенно полностью оттеснен Гурганджем на задний план. Период расцвета Гурганджа совпадает со временем царствования хорезмшахов VI/XII и VII/XIII вв. Бóльшую часть сведений, к сожалению все-таки очень скудных, о блестящей резиденции этих государей дает Якут (*Му'джам*, II, 54, 486; IV, 260 и сл.); в 3 фарсахах от столицы находился тогда другой город, называвшийся «Малый Гургандж». Много данных по топографии Гурганджа VII/XIII в. содержит рассказ Джувейни об осаде и взятии города монголами в 618/1221 г.; см. текст у Шефера, *Chrestomathie*

persane, t. II, p. 136 sq., и сопоставление с другими источниками у Бартольда, *Туркестан*, ч. II, стр. 467 и сл.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 500 и сл.⟩. Город будто бы был сровнен с землей, плотины разрушены, и вся местность затоплена Аму-Дарьей, однако другие источники (Джузджани, пер. Раверти, I, 281 и II, 1100; ср. также Абд ал-Керим Бухари, I, 78) сообщают, что некоторые здания, в том числе и мавзолей султана Текеша, избежали разрушения. Изданная Катановым арабская строительная надпись 401/1010-11 г. (*Хорезмийская свинцовая плита*, стр. 015—017), найденная в минарете (ср. изображение у Lansdell, *Through Central Asia*, p. 517), действительно показывает, что отдельные остатки домонгольского Гурганджа сохранились до сегодняшнего дня [1]. О новом торговом городе, выстроенном несколько лет спустя на другом месте, см. *Urgenč* ⟨статья не была опубликована⟩.

---

[1] ⟨О городище Ургенча см. Якубовский, *Развалины Ургенча*; об архитектурных памятниках Ургенча см. Бачинский, *Архитектурные памятники Туркмении*.⟩

ГЯНДЖА

Гянджа, араб. Джанза, русское название с 1804 г. — Елисаветполь[1] (туземное население и сегодня еще употребляет только старое название) — город на Кавказе. Основан лишь во времена арабского господства, по словам армянского автора Моисея Каганкатваци (пер. Патканова, 270; ср. Marquart, *Streifzüge*, S. 462) — примерно около 845 г., по словам Хамдаллаха Казвини (Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 227) — в 39 г. (видимо, вместо 239/853-54). Старейшие арабские географы, такие, как Ибн Хордадбех и Я'куби, еще не упоминают его. Название свое он получил, по-видимому, от доисламской столицы Азербайджана (ныне развалины Тахт-и Сулейман). Истахри (187 и 193) упоминает Гянджу только как маленький город на пути из Берда'а в Тифлис; расстояние между Берда'а и Гянджой составляло, по словам Истахри, 9 фарсахов, по сообщению Якута (*Му'джам*, II, 132) — 16 фарсахов. После падения Берда'а (ср. *Арран* и *Берда'а* ‹выше, стр. 335 и 372›) Гянджа стала столицей Аррана; с 340/951-52 г. здесь правила династия Шеддадидов. После устранения этой династии султаном Меликшахом (465—485/1072—1092) Гянджу получил в ленное владение сын султана Мухаммед. В 533/1138-39 г. (правильная дата по Имад ад-дину ал-Исфахани — Бундари, изд. Хаутсма, 190; по Ибн ал-Асиру, изд. Торнберга, XI, 51 — в 534/1139-40 г.) город был разрушен землетрясением, при этом погибло, по словам Имад ад-дина, примерно 300 000, а по Ибн ал-Асиру — около 230 000 человек. В их числе погибли якобы также дети и жена отсутствовавшего Кара-Сонкора, эмира Азербайджана и Аррана. Грузинский царь Димитрий приказал разграбить разрушенный город и увезти его ворота. Имад ад-дин утверждает, что грузины построили в своей стране новый город, дали ему название Джанза и поставили там трофейные ворота. Новый город был вскоре разрушен Кара-Сонкором, а ворота возвращены в Гянджу. Последнее утверждение не соответствует фактам: увезенные ворота и теперь еще находятся в Гелатском монастыре около Кутаиса. Об их увозе рассказывает одна грузинская рукопись; кроме того, на них сохранилась арабская строительная надпись 455/1063 г., расшифрованная Френом (*Erklärung der arabischen Inschrift*, S. 531 sq.).

[1] ‹Ныне город Кировабад Азербайджанской ССР.›

Кара-Сонкор умер в 535/1140-41 г., а его преемник Джаули — в месяце джумада I 541/9 октября—7 ноября 1146 г. После этого в качестве правителя Аррана упоминается Равади (Бундари, изд. Хаутсма, 232); однако несколькими годами позднее, под властью Пехлеванидов, Арран снова оказывается объединенным с Азербайджаном. Город Гянджу будто бы отстроил «во всем ее великолепии» (*ила̄ ах̣сан х̣ала̄тиха̄*) еще Кара-Сонкор; в VII/XIII в. она считалась одним из прекраснейших городов Передней Азии (ср. стихи у Хамдаллаха Казвини — Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 227); в это же время жил и поэт Низами Гянджеви; Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XII, 251) называет Гянджу «матерью городов Аррана» (*умм била̄д Арра̄н*). Когда перед Гянджой в 618/1221 г. появились монголы, они не осмелились напасть на сильно укрепленный город, жители которого доказали свое мужество в частых войнах с грузинами; однако отступление врага пришлось купить деньгами и одеждами. В 622/1225 г. Гянджа, куда бежал из Тебриза последний Пехлеванид, Узбек, была захвачена хорезмшахом Джелаль ад-дином; через несколько лет все хорезмийцы были перебиты во время восстания жителей; несмотря на это, Джелаль ад-дин после подавления восстания запретил своим войскам грабеж и приказал только казнить зачинщиков в количестве 30 человек (628/1231 г.). Четырьмя годами позднее город был взят и сожжен монголами (1235 г.); и на этот раз он скоро был восстановлен, но с того времени не имел, по-видимому, большого значения. После создания монгольской державы в Персии Арран со столицей в Гяндже был превращен в провинцию этой державы; впоследствии город обычно разделял судьбу Азербайджана и со времени Исма'ила Сефеви входил в состав новоперсидского государства; при персидском владычестве наместник Гянджи носил титул хана. В 1583 г. хан Имам-Кули был разбит турками, самый город был захвачен турками в 1588 г., в шавале 1014/9 февраля—9 марта 1606 г. город был окружен шахом Аббасом I и взят после шестимесячной осады. Шах Аббас повелел перенести город в другое место, примерно на 1 фарсах «выше», т. е. в юго-западном направлении. Новая Гянджа должна была покориться туркам в 1723 г., в 1735 г. была отвоевана Надир-шахом, после его смерти была под властью фактически самостоятельных ханов, к концу XVIII в. оказалась под владычеством Каджаров, 3 (15) января 1804 г. была штурмом взята русскими под командованием князя Цицианова и по Гулистанскому миру окончательно уступлена России. 13 (25) сентября 1826 г. Паскевич разбил в окрестностях Гянджи (примерно в $7^1/_2$ *км* от города) персидское войско под начальством Аббас-мирзы. Как русский город Елисаветполь имел, согласно Риттеру (*Lexicon*), всего 13 169 жителей, в 1891 г. — 20 794 и по переписи 1897 г. — уже 33 190 [2].

[2] ‹На 1 января 1959 г. — 116 тыс. жителей.›

Нынешний город (автор был там в 1908 г.) лежит на обоих берегах Гянджа-чая (русское название — Гянджинка), притока Куры, связанных мостом. Западная часть города населена «татарами» (азербайджанцами) и персами, восточная — главным образом армянами и русскими; в последней находятся резиденция властей и гимназия; в западной части со времен шаха Аббаса сохранились остатки укреплений (изображение — Jackson, *Persia Past and Present*, p. 3) и так называемая «татарская мечеть»; «персидская мечеть» относится к позднейшему времени. От мавзолея (*турбат*) поэта Низами, упоминаемого у Искендера Мунши (498 и сл.), сейчас видны лишь развалины (в 4—5 *км* от города в восточном направлении; изображения см. Бартольд, *Могила поэта Низами*, стр. 034 и сл.; ‹ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 784—785›). К югу от города (7—8 *км*) на правом берегу Гянджа-чая расположена цветущая немецкая колония Хеленендорф. Климат Елисаветполя считается нездоровым и вызывающим лихорадку, в то же время климатические условия способствуют развитию растительности, в особенности — садоводству; городской сад (близ старой крепости) — один из лучших в Южной России; помимо этого, существуют виноградарство, табаководство и шелководство.

‹Литература. Альтман, *Исторический очерк*.›

ДАГЕСТАН

Дагестан, собств. Дāғистāн ['Горная страна'; Снук Хургронье (*Mekka*, Bd II, S. 245) обратил в Мекке внимание на то, что там это название даже лицами дагестанского происхождения всегда произносится «Дагустан»] — русская область на западном побережье Каспийского моря между 43°30′ и 41° с. ш., имеющая площадь 29 763,3 *кв. км* и население около 700 тыс. душ. Границы ее образуют: на севере — Сулак, на юге — Самур, на западе — водораздел между этими реками и Алазанью, притоком Куры. Область разделяется на девять округов. Свои нынешние границы и свое устройство как российская область Дагестан получил в 1860 г., после окончания войны с горцами [1]; название — как будто единственное языковое явление такого рода (тюрк. *даг* 'гора' с персидским окончанием, образующим названия мест) — появилось, по-видимому, только в X/XVI в. Главным городом области и местопребыванием русского военного губернатора служит Темир-Хан-Шура [2], значительно уступающая по количеству населения прибрежным городам Дербенту и Петровску [3] (сейчас единственному порту в Дагестане).

До русского завоевания горные районы и прибрежная равнина, вероятно, никогда не были на сколько-нибудь продолжительное время объединены под властью одного народа или одной династии. Да и прибрежная равнина разделяется Дербентским проходом, имеющим всего лишь 2 *км* в ширину, на две части, из которых южная относилась по большей части к культурным государствам Передней Азии, а северная — к кочевым державам Южной России. Ни народы юга, ни северные народы в историческое время не оказали существенного влияния на этнографическую обстановку горных областей. До установления русского господства ни одному иноземному завоевателю не удавалось на длительное время подчинить горные местности своей власти. Время от времени горцам удавалось захватывать отдельные части прибрежной равнины, но это всегда вело через короткое время к прекращению политической связи между этими завоевателями и их соплеменниками, оставшимися в горах.

[1] ‹С 1921 г. — Дагестанская АССР в составе РСФСР. Площадь в современных границах (со включением части Ногайской степи) — 50,3 тыс. *кв. км*, население по переписи 1959 г. — 1063 тыс. человек.›

[2] ‹С 1921 г. Буйнакск.›

[3] ‹С 1921 г. Махачкала, столица Дагестанской АССР.›

Южная часть береговой равнины до Дербента в древности входила в состав Албании. К северу отсюда, видимо в горах, обитали народности, называемые Страбоном (503) Ἄῤῥαι и Γῆλαι. Как римлянам, так, начиная с IV в. н. э., и персам пришлось защищать Дербентский проход от кочевых народов. Условия, которые застали арабские завоеватели, заставляют предположить, что культура сасанидской империи и даже, может быть, маздеизм не остались без влияния на соседние народы. Несколько правителей этих мест обозначаются персидскими титулами, например табарсаран-шах, владетель местности к западу от Дербента, ныне именуемой Табасарань; в этой же области жили *зирихгарāн*, известные как оружейники (от перс. *зирих* 'броня') — нынешние кубачи (тюрк. *кёбечи*), чьи погребальные обряды, описанные Абу Хамидом ал-Андалуси (текст у Бартольда, *Еще о самаркандских оссуариях*, стр. 0104) и другими авторами, по-видимому, сложились под влиянием иранской религии. Из дошедших до нас сообщений нельзя усмотреть, обнаруживались ли уже тогда какие-либо успехи христианства, распространявшегося из Албании, среди горных и степных народов.

Несмотря на отдельные успехи арабского оружия в северной части Дагестана, особенно в правление халифа Хишама (105—125/724—743), брат которого, Маслама, впервые прочно установил арабское владычество также и в Дербенте, последний все же и в арабское время, как и в сасанидскую эпоху, сохранил свое значение пограничной крепости. Торговые связи с соседними народами, по-видимому, и здесь, как повсюду, были после арабского завоевания много оживленнее, чем раньше; однако пользу из этого извлекли сначала христиане и иудеи и только позднее — и мусульмане. Уже при армянском патриархе Сахаке III (677—703) «гунны», т. е. хазары, будто бы приняли христианство; при Харуне ар-Рашиде (170—193/786—809) иудеям удалось обратить в свою веру царя и знать этого народа.

Более подробно об этнографических и политических условиях в Дагестане, как и о распространении всех трех религий, мы узнаём от географов IV/X в. Под властью арабов находились кроме Дербента только соседние за́мки, удаленные от Дербента, по сообщению Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 40), всего лишь на 3 мили (1 фарсах). В Табарсаране во времена Мас'уди (там же, 7) правил мусульманин, сын сестры эмира Дербента Абд ал-Мелика. Правитель соседнего Хайдана (так следует читать по Маркварту: *Streifzüge*, S. 492) исповедовал, по словам Ибн Русте (147 и сл.), все три религии и праздновал пятницу с мусульманами, субботу — с иудеями, а воскресенье — с христианами; у Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 39) он фигурирует как мусульманин и будто бы даже придумал себе арабскую генеалогию; однако, кроме него самого, в его стране не было ни одного приверженца ислама; в политическом отношении это княжество принадлежало уже к царству хазар (там же, 7); правитель носил титул *салīфāн*. Далее к северу правил барзбан, князь гурджей, также мусульма-

нин; к северу от его области жили христиане-гумики, еще севернее находилась недоступная горная страна Зиригеран (или Зирихгеран), где имели приверженцев все три религии, и наконец страна христианского князя Серира, носившего титул *фӣлāншāх* (или *ḳīlāншāх*). По словам Ибн Русте, христианами были только жители княжеского замка, который находился на высокой горе, остальная же часть народа была язычниками; Ибн Русте приписывает правителю титул *авāр*. Согласно Истахри (223), граница Серира была всего в 2 фарсахах от прибрежного города Семендера; христианский правитель Серира имел договор о мире как с иудейским князем Семендера, родственником царя хазар, так и с мусульманами в Дербенте. Семендер отстоял от Дербента, по сообщению Истахри, на 4, по Мас'уди — на 8 дневных переходов; его описывают как цветущий город. Там было 4000 (по другим сообщениям, 40 000) виноградников. Мусульмане имели в нем свои мечети, христиане — свои церкви, иудеи — свои синагоги. На западе страна Серир граничила с областью аланов.

Семендер, очевидно, находился в северной части прибрежной области, в районе позднейшего Тарки, или Тарху, и нынешнего Петровска [4]. Страна Серир, ближе всего лежавшая к этой части побережья, соответствует области, населенной сейчас народностью аварцев (ср. упоминаемый Ибн Русте титул правителя); главным населенным пунктом этой местности, прежде — резиденция аварских ханов, является Хунзах, основанный якобы арабами. Мас'уди как будто неправильно указывает местоположение области Зирихгеран; соответствующее название — Кёбечи (от тюрк. *кёбе* 'броня') — носит сейчас селение, расположенное много южнее, уже в округе Кайтак-Табасарань. Название «гумик» следует, вероятно, связывать с названием аула Кумух, центра народности газикумух, или гази-гумук; носят ли тюрки-кумыки в северной части нынешнего Дагестана только случайно то же название, что эта лезгинская народность, остается невыясненным. Название Хайдан, по мнению Маркварта (*Streifzüge*, S. 285), должно соответствовать названию народности кайтак, а центр этой области — современному селению Маджалис.

Все эти народности объединяются сейчас под названием «лезгины». Арабские авторы как будто обозначали названием «лакз» особый народ, местоположение которого, впрочем, не указывается точнее. По словам Балазури (208), страна лакзов находилась на равнине между Самуром и городом Шаберан, т. е. южнее нынешнего Дагестана; напротив, согласно Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 5), многочисленный народ лакзов жил в самых высоких горах этой местности; среди них были «неверные», неподвластные правителю Ширвана; об их семейной жизни и привычках были распространены «удивительные рассказы». Сопоставление с Ширваном пока-

[4] ⟨Ныне Махачкала. По мнению М. И. Артамонова, Семендер также располагался в районе Махачкалы (*Очерки*, стр. 94—98); см. также Якубовский, *О русско-хазарских отношениях*.⟩

зывает, что Мас'уди представлял себе места обитания лакзов в горном районе на верхнем Самуре. Русские, видимо, также первоначально называли лезгинами только народности южного Дагестана в противоположность горным народам северных районов (*таули* — от тюрк. *тау* 'гора').

И в последующие века ислам в Дагестане делал, по-видимому, только медленные успехи. Могущество хазарской державы было сломлено русами в 354/965 г.; даже самая южная ее часть с Семендером была тогда предана опустошению; выгоду из этого извлекли, как видно, христиане-аланы, область которых ко времени монгольского завоевания простиралась на восток много дальше, чем в IV/X в. При своем первом грабительском походе в эту область монголы, по сообщению Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XII, 252), сначала встретили севернее Дербента народ лакзов, который и тогда еще состоял из «мусульман и неверных», а затем севернее — еще некоторые другие народности, пока не дошли до аланов. Согласно рассказу Рубрука, который посетил эту местность в ноябре 1254 г., в горах жили христиане-аланы, а «между горами и морем» — сарацинские (т. е. мусульмане) лезгины (Lesgi); однако сам Рубрук называет «castellum Alanorum» крепость, находившуюся в прибрежной области, всего в 1-дневном переходе севернее Дербента. Тогда монголам еще не удалось подчинить себе эти народы; проходы, ведущие из гор на равнину, приходилось охранять особыми военными отрядами, чтобы защитить пасущиеся в степи стада от разбойничьих набегов горцев (ср. Schmidt, *Über Rubruk's Reise*, S. 84 sq.).

В XIII и XIV вв. район до Дербентского прохода, а иногда и области, лежавшие к югу от него, принадлежали к владениям Золотой Орды. В истории походов Тимура (797—798/1395—1396 гг.) впервые упоминаются в их нынешней форме названия обоих важнейших народов Дагестана — кайтаков (или кайтагов) и кази-кумуков. Область кайтаков лежала ближе всего к Дербентскому проходу и входила в состав царства Тохтамыша; кайтаков Шереф ад-дин Йезди (I, 742 и сл.) описывает как людей «без религии» (*бӣ дӣн*) или «плохой веры» (*бад кӣш*), следовательно, ислам еще не занял у них господствующего положения. Согласно сообщению Барбаро (Ramusio, *Viaggi*, vol. II, p. 109a), среди кайтаков еще в XV в. были многочисленные христиане греческого, армянского и римско-католического исповеданий; в противоположность этому правитель кайтаков (Халиль-бек), упомянутый в описании путешествия Афанасия Никитина (в 1466 г.), носит уже мусульманское имя [5].

Кази-кумуки были мусульманами и рассматриваются как передовые бойцы ислама против соседних языческих народов; их князя называли *шаукал*. К северу от кази-кумуков жили ашкуджа; этому народу кази-кумуки оказали помощь против Тимура; поэтому Тимур упрекал их за то, что этим союзом с неверными они запятнали свою славу борцов за веру

[5] ⟨Никитин, *Хожение за три моря*, стр. 11.⟩

(Шереф ад-дин Йезди, I, 777 и сл.). Таким образом, ашкуджа еще не приняли ислам. В рассказе об этих походах упоминается и город Тарки. Между кази-кумуками и кайтаками, следовательно в районе нынешнего Кубачи, жили зирихгеран, сохранившие свою старую славу оружейников и преподнесшие в дар завоевателю кольчуги своей работы (там же, 782).

Этническое название «ашкуджа», по-видимому, может быть сопоставлено с названием аула Акуша, центра Даргинского округа; язык этой местности ныне обнаруживает лишь диалектные отклонения от языка кайтаков; однако жители никогда не были подчинены кайтакскому правителю и повиновались только старейшинам своего племени.

Рассказ о походах Тимура неопровержимо доказывает, что те условия, которые османцы нашли в Дагестане во время своего кратковременного господства (986—1015/1578—1606), могли сложиться лишь в IX/XV или X/XVI в. Тем не менее возникшая только около этого времени историческая традиция перенесла обстоятельства тогдашнего времени на первые века хиджры. Как евреи, быть может еще до арабского завоевания, переместили в Дагестан отдельные события из истории и преданий своего народа (ср. Marquart, *Streifzüge*, S. 20), как еще сегодня так наз. горские евреи (даг-чуфут) утверждают, что их предки были приведены сюда ассирийскими и вавилонскими завоевателями, так теперь все мусульманские народности хотели бы быть обращены в ислам уже Абу Муслимом, и все князья — происходить от арабских наместников, которых якобы оставил Абу Муслим. Титул правителя Табасарани, *майсум*, толковался как арабское *ма'сӯм*; для титулов *уцмий* кайтаков ('знатный', от араб. *исм* 'имя') и *шамхал* кази-кумуков (сейчас пишется *ғāзӣ-ғумӯқ*) были также изобретены арабские этимологии. Слово *шамхал* произошло будто бы от *Шām* — «Сирия»; второй слог толковался различно. Существовала и другая этимология (*шāх-ба'л*). Не исключено, что такие этимологии повлияли и на произношение соответствующих титулов. Не случайно, конечно, что титул правителя кази-кумуков в ранних русских источниках появляется в той же форме, что у Шереф ад-дина Йезди («шевкал» или «шавкал»); очевидно, что русские и персы не могли независимо друг от друга исказить «шамхал» в «шавкал»; гораздо вероятнее, что нынешняя форма титула возникла лишь в связи с вышеупомянутой этимологией. Подданные шамхала, кази-кумуки, хотели теперь выделяться в качестве борцов за веру уже во времена Абу Муслима и получить еще от арабов прозвание «гази». Главная мечеть аула Кумух будто бы была построена Абу Муслимом, что подтверждается надписью на внутренней стороне главного входа (сделанной, конечно, позднее). В Хунзахе, центральном селении аварцев, показывают могилу Абу Муслима, а при ней — его саблю и плащ, на котором якобы написана дата — 150 г. х. Ученым, конечно, было известно, что Абу Муслим никогда не бывал в Дагестане; чтобы согласовать предание с исторической традицией, утверждали, что речь здесь идет не об Абу Муслиме Мервези, а о другом Абу Муслиме. Из-за

сходства имен этого Абу Муслима спутали с Масламой, вследствие чего в исторических трудах и даже в надписях порой появляется «Абу Муслим б. Абд ал-Мелик» как завоеватель Дагестана и строитель мечетей. В Хунзахе будто бы похоронен шейх Абу Маслама, живший якобы в V в. х. До сего времени и русская наука была введена в заблуждение вымышленной традицией и произвольными комбинациями местных ученых.

Первым историческим правителем кайтаков, носившим титул уцмия, был как будто султан Ахмед-хан, умерший в 996/1587-88 г. Он будто бы основал аул Маджалис, где собирался народ для обсуждения своих дел (откуда и название); сообщают, что по его повелению были собраны в книгу законов, которой должен был придерживаться судья (казий), установления обычного права, что Мирза Хасан Эфенди, автор сочинения *Āṣār-и Dāġistān* (65), рассматривает как «большую дерзость» (*джасарат-и 'азима*). К нововведениям этого князя относят и постановление, по которому сыновья бека, мать которых была не княжеского рода, должны были исключаться из наследования.

Около середины XI в. (ок. 1640 г.) часть кайтаков отделилась от своих соплеменников и переселилась в районы, расположенные к югу от Дагестана. Вождю выселившихся, Хусейн-хану, удалось основать для себя новое княжество в Салиане и Кубе. Из этой ветви кайтаков вышел в XVIII в. Фатх-Али-хан, правитель Кубы и Дербента. Османский путешественник Эвлия Челеби (*Сийāхат-нāме*, II, 291 и сл.) в 1647 г. встретил этих переселившихся к югу кайтаков между Шекки (ныне Нуха) и Шемахой; список слов, приводимый Эвлией Челеби, доказывает, что кайтаки говорили не по-лезгински, как теперь, а по-монгольски. Если здесь нет никакой непонятной ошибки, то этот факт, конечно, имеет большое значение для решения вопроса о происхождении кайтаков.

Шамхалы кази-кумуков (или гази-гумуков) постепенно распространили свое господство из своей горной страны в северо-восточном направлении до самого побережья; в X/XVI в. эти князья проводили зиму на прибрежной равнине в селении Буйнак, а лето — в Кумухе. В Буйнаке в 986/1578 г. умер шамхал Чобан, после чего его владения были разделены между его сыновьями. Могущество династии, естественно, было этим ослаблено; постепенно кази-кумуки, оставшиеся в горах, сделались совершенно независимыми от своего правящего дома. После смерти шамхала Сурхай-мирзы, последовавшей в 1049/1639-40 г., шамхалы правили только в прибрежной области, в Буйнаке или Тарху (Тарки); в Кумух, где еще сегодня показывают могилы первых правителей из этого дома, ни один из позднейших князей не являлся.

Название Гумук носило еще одно селение в новых владениях шамхала, неподалеку от нынешней столицы Дагестана — Темир-Хан-Шуры; теперь это селение называется Кафир-Кумук. О происхождении этого прозвания рассказывают, что одновременно с османами в Дагестан по приказу султана вступили также и крымские татары; Адиль-Гирей,

брат хана Мухаммед-Гирея, был разбит персами в Ширване и закончил свою жизнь в плену. Его мать хотела освободить сына из плена и потому предприняла путешествие в Персию с богатыми подарками, но прибыла слишком поздно; на обратном пути из-за привезенных для шаха подарков она была ограблена в стране шамхала и умерла в том же селении, жителей которого еще сейчас клеймят «неверными» за эту несправедливость по отношению к женщине.

Вообще жители Дагестана и на османских завоевателей не произвели впечатления благочестивых мусульман. Историк Али Челеби, который участвовал в походе 1578 г. и описал его в своей *Нуṣрат-нāме*, обратил внимание шамхала на варварские обычаи его подданных; часть населения, которую из-за ее непонятного языка называли «ит-тиль» ('с собачьим языком'), он обвиняет в общности жен (ср. Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd II, S. 486).

К этому же времени относятся и первые попытки русских из Астрахани подчинить области Северного Кавказа, в их числе Дагестан. В 1594 г. русскому отряду под начальством князя Хворостинина удалось взять Тарху и заложить крепость на Кой-су или Сулаке. Однако вскоре после этого русские были разбиты сыновьями шамхала и вынуждены отойти за Сулак. Еще менее успешен был поход на Тарху, предпринятый в 1604 г. под командованием Бутурлина и Плещеева.

С этого времени мы видим, как три державы — Персия, Турция и Россия — претендуют на господство над Дагестаном, как и над другими странами по западному побережью Каспийского моря. Местные правители вступали в союз то с одной, то с другой державой; лишь в XIX в. спор был окончательно решен в пользу России. Кроме шамхала и уцмия после 986/1578 г. султану подчинились также правитель Табасарани (это название даже около этого времени еще пишется «Ṭабарсарāн») и князь аварцев. Когда в 1015/1606 г. шах Аббас восстановил здесь персидское владычество, уцмий Рустем-хан примкнул к нему; напротив, шамхал остался верен туркам; к условиям мира, заключенного в 1021/1612 г., относилось, между прочим, и то, чтобы шамхалу и другим преданным Порте владетелям не было причинено персами никакого ущерба. Тот же Рустем-хан в 1048/1638 г. перешел на сторону турок, из-за чего теперь его враг шамхал был обласкан шахом и утвержден в своем звании; такое же утверждение он уже раньше получил от царя Михаила (*Āṣār-и Dāġistān*, 81).

Когда при слабом правлении шаха Хусейна начала распадаться сефевидская держава, в Дагестане также возникло движение, направленное против персидской верховной власти. Во главе его стоял Чулак-Сурхай-хан, незадолго до того основавший новое княжество в области кази-кумуков. В союзе с уцмием и с вождем народного движения мударрисом Хаджи Даудом-эфенди ему удалось захватить в 1124/1712 г. Шемаху, после чего союзники направили посольство в Константинополь,

получили почетные одежды, титулы и грамоты и были приняты в число подданных султана. Вмешательство России дало обстоятельствам новый поворот. При взятии Шемахи было убито 300 русских купцов; поскольку Россия не получила за это никакого удовлетворения, Петр Великий после окончания Северной войны предпринял поход в Персию и в 1722 г. занял Дербент. Вскоре после этого должны были покориться русским и остальные области на западном берегу Каспийского моря. Разграничительным договором 1724 г. притязания России на этот прибрежный район были признаны и Портой.

В тот раз русское правление было непродолжительным; когда Надир-шаху удалось восстановить единство персидской державы, Россия по договору 1732 г. возвратила ей все земли к югу от Куры, а по договору 1735 г. — и все земли между Курой и Сулаком. В 1733 г., после сорванного русскими похода крымских татар в Дагестан, Порта также отказалась от своих притязаний; впоследствии, однако, борьба возобновилась. Местное население тоже оказало упорное сопротивление новому шаху, особенно в горных местностях. Лишь в прибрежном районе Надир-шах смог утвердить свое господство на продолжительное время. Шамхал Адиль-Гирей в 1718 г. принес присягу на верность Петру Великому и содействовал походу 1722 г., но позднее восстал против русских; в 1725 г. он был сослан в Лапландию, а титул шамхала объявлен упраздненным. Тогда это звание было восстановлено Надир-шахом и пожаловано сыну сосланного — Хас-Пулад-хану. Население горных районов, несмотря на упорные войны (особенно в 1742 и 1744 гг.), осталось независимым.

После убийства Надир-шаха (1160/1747 г.) в Персии вновь на протяжении полувека не было сильного правительства, которое смогло бы поддержать персидское владычество в этой пограничной области. Даже внутренние провинции государства не могли быть защищены от разбойничьих набегов дагестанских правителей; так, город Ардебиль был разграблен уцмием Эмир-Хамзой. Напротив, Россия, несмотря на договор 1735 г., делала все более ощутимым свое влияние в Дагестане. Когда путешественник Гмелин был захвачен в плен в стране уцмия и умер там в 1774 г., эта область на следующий год была опустошена русским военным отрядом под командованием Медема. В 1784 г. шамхал Муртаза-Али снова примкнул к России; в 1785 г. русское влияние в этих районах было укреплено учреждением Кавказского наместничества. Религиозное движение шейха Мансура (1199/1784-85), инспирированное турками, лишь поверхностно затронуло Дагестан. Большинство правителей заняло в отношении этого движения отрицательную позицию.

Когда Каджарам удалось еще раз собрать все персидские провинции в единое государство, кавказские земли, вероятно, также должны были бы слиться с этим государством; однако на сей раз Россия не склонна была отказываться от своих притязаний без борьбы, как это было при Надир-шахе. Военные действия начались в последний год царствования

императрицы Екатерины II (1796). Дербент был занят русскими, вскоре после этого оставлен по повелению императора Павла, но уже в 1806 г. завоеван снова, чем был положен конец персидскому владычеству в Дагестане, хотя персидское правительство окончательно отказалось от своих притязаний на эту страну только в 1813 г. по Гюлистанскому миру.

Дольше длилось сопротивление, которое русским оказывали местные правители, а особенно народ. В 1818 г. почти все князья Дагестана, за исключением шамхала, заключили союз против русских; наместник Ермолов не без труда подавил восстание. В 1819 г. был упразднен титул уцмия кайтакского, а в 1828 г. — титул ма'сума табасаранского; к еще оставшимся князьям были с 30-х годов приставлены русские офицеры как соправители. Еще более стойким было сопротивление народных масс, побуждаемых к войне с неверными своими вероучителями. Приверженцы дервишского ордена накшбендиев проникли в Дагестан и там с большим успехом распространяли свое учение; в 1830 г. руководители ордена разожгли в Аварии народное движение, которое было направлено как против местного княжеского дома, так и против господства неверных. Первый вождь повстанцев, Гази-Мухаммед, которого русские называли Кази-Мулла, восхваляется своими учениками как большой знаток арабских наук (*'улūм 'арабīйа*); он будто бы написал книгу, направленную против обычного права, под названием *Икāмат ал-бурхāн 'алā 'ртидāди 'урафā'и Дāғистāн*.

17 (29) октября 1832 г. Гази-Мухаммед был окружен в селении Гимры русским военным отрядом и убит; его преемник Хамза-бек уже в 1834 г. пал под Хунзахом; более счастлив был третий вождь — Шамиль-эфенди, который уступал своим предшественникам в учености, но зато несомненно превосходил их как правитель и военачальник. В своих горах он в течение 25 лет оказывал сопротивление русским; наибольшие свои победы он одержал в 1843—1844 гг., когда русские были ограничены прибрежной областью и южными округами; все русские крепости в горах пали, при этом лезгины захватили много пленных, оружия (в том числе 35 пушек) и боеприпасов. С 1849 г. Шамиль снова был ограничен западной частью горных районов страны, но и там смог продолжать борьбу на протяжении 10 лет.

У своего народа он завоевал высокое уважение своей строгой справедливостью. Но и в этом возглавляемом шейхом государстве не мог удержаться основной тезис, по которому лишь установления шариата имеют силу; налоги, взимавшиеся с пастбищных угодий при аварских ханах, были сохранены и Шамилем, хотя и были основаны не на религиозном законе, а только на обычном праве [6].

---

[6] ‹О движении Шамиля см.: Н. Смирнов, *Мюридизм на Кавказе*; Бартольд, *Шамиль* (наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 873—874); Мухаммед Тахир ал-Карахи, *Хроника.*›

После того как 25 августа (6 сентября) 1859 г. Шамиль сдался князю Барятинскому, русские на короткое время восстановили власть аварских ханов. Князю Барятинскому представлялось разумным укрепить могущество князей и знати, дабы с их помощью сломить влияние духовенства; но вскоре русские власти вновь отказались от этого положения. Аварский княжеский род был отстранен уже в 1862 г.; скоро после этого пришлось отказаться от своей призрачной власти и остальным еще оставшимся правителям, в их числе и шамхалу в 1867 г. Область получила то устройство, которое она сохраняет и по сей день. В 1877 г., во время русско-турецкой войны, население горных районов вновь взялось за оружие. Повстанцам удалось 8 (20) сентября захватить крепость Кумух; в Кайтаке и Табасарани потомки старых княжеских родов снова приняли титулы уцмий и ма'сум; однако, поскольку война против турок приняла в это время благоприятный для России оборот, восстание удалось быстро подавить.

Для изучения лингвистической картины Дагестана до сего времени остаются наиболее авторитетными работы барона П. фон Услара (с 1863 г.). Лезгины и в языковом отношении не представляют единства, как, скажем, черкесы и чеченцы; вслед за Усларом у них различают пять различных, хотя и родственных между собой языков: аварский, кази-кумукский, или лакский, даргинский (распадается на наречия кайтакское и акуша), кюрский и табасаранский; последний язык уже во времена Услара был близок к вымиранию. Пришедшие из Персии таты говорят на иранском диалекте, насыщенном тюркскими словами, так же как и «горские евреи». На прибрежной равнине говорят большей частью по-тюркски, в Дербенте и вокруг него — на азербайджанско-турецком языке, а в северных районах — на западнотюркских (или, с точки зрения автора *Āṣār-i Dāġistān*, на чагатайско-тюркских) диалектах кумыков и ногайцев. Как эту лингвистическую картину следует объяснять в связи с вышеизложенным историческим прошлым страны, — например, какие следы оставило владычество хазар, аланов и монголов, — требует еще особого изучения. Сейчас повсеместно получает перевес азербайджанский язык как письменный. Уровень образования, конечно, исключительно низок [7]. Автор *Āṣār-i Dāġistān* утверждает, видимо с некоторым преувеличением, что ни в одном городе и ни в одном селении он не видел каких бы то ни было следов старых рукописей (232); с 1000 г. х. никто в Дагестане будто бы не собирал себе библиотеку. В противоположность этому благодаря деятельности накшбендиев знание арабского языка сегодня распространено здесь больше, чем в большинстве неарабоязыч-

[7] ⟨Сказанное, естественно, относится к дореволюционному времени, когда в Дагестане было лишь 10% грамотных. Сейчас в республике работает филиал АН СССР, имеется четыре высших учебных заведения, развивается литература на национальных языках.⟩

ных мусульманских стран. Среди ученых, которые зимой 1884/85 г. читали лекции в Ка'бе и упомянуты Снуком Хургронье, некоторые были родом из Дагестана.

Литература. Помимо общих работ о Кавказе (напр., Erckert, *Der Kaukasus*; Вейденбаум, *Путеводитель*), нужно особенно отметить труды недавно умершего Е. Козубского: *Памятная книжка Дагестанской области*; *Дагестанский сборник*, т. I—II; *История города Дербента*. Особенно ценен собранный в этих работах библиографический и статистический материал. Работа Маркварта *Historische Ethnologie des Daghestan*, о выходе которой было объявлено давно (Marquart, *Streifzüge*, S. 285; ср. также еще ранее Marquart, *Ērānšahr*, S. 95), насколько мне известно, до апреля 1912 г. не появилась[8]. В XIX в. из Дагестана вышел также туземный историк — Мирза Хасан-эфенди б. ал-Хадж Абдаллах-эфенди ал-Алкадари, книга которого *Китāб-и Āсāр-и Дāғистāн*, написанная (на азербайджанском наречии) в 1307/1889-90 г., была напечатана в С.-Петербурге на средства миллионера Тагиева в 1312/1894-95 г., но выпущена, вероятно, лишь позднее; разрешение русской цензуры на выпуск датировано 5 августа 1902 г. О себе самом автор сообщает, что он родился 11 джумада II 1250/15 октября 1834 г. в Аварии, затем жил со своими родителями на их родине в Кюринском округе (там находится селение Алкадар); за участие в событиях 1294/1877 г. был «справедливо или несправедливо» (*ҳаққ нā-ҳаққ*) сослан в Спасск Тамбовской губернии и провел там четыре года, после чего получил разрешение вернуться на родину. Сочинение написано не без таланта и содержит некоторые ценные сведения, особенно для поздней истории Дагестана. ‹Русский пер.: Дагестани, *Книга Асари-Дагестан*. См. также: *Очерки истории Дагестана*; Крачковский, *Арабская литература на Северном Кавказе*; Мухаммед Тахир ал-Карахи, *Хроника*; «Народы Дагестана»; Н. Смирнов, *Мюридизм на Кавказе*.›

[8] ‹Работа не была издана и позднее.›

ДЕРБЕНТ

Дербенд, в русском написании обычно Дербент, у арабских авторов: ал-Бāб ('Ворота'), Бāб ал-абвāб ('Ворота ворот') или ал-Бāб ва-л-абвāб ('Ворота и ворота'),— город в русской области Дагестан, на западном берегу Каспийского моря (42° 4′ с. ш.) с примерно 20 тыс. жителей [1]. Особенно известен единственными в своем роде длинными стенами, которые в сасанидскую эпоху и позднее — в мусульманское время — запирали проход между горами и морем, имеющий здесь ширину всего 2—3 *км*, и должны были защищать культурные страны Передней Азии от вторжений кочевых народов Южной России.

Помимо значения военного и торгового пути, ведущего через Дербент, почвенные условия здесь также благоприятнее, чем где бы то ни было в другом месте на Каспийском море. В противоположность пустынным окрестностям Баку плодородная, удобная для виноградарства и огородничества почва доходит здесь почти до самого моря. Поэтому местность, вероятно, была заселена уже в очень раннее время. Совпадение данных о ширине моря у Геродота (I, 203: «восемь дней плавания на веслах в самом широком месте») и у Истахри (226 и сл.: «при благоприятном ветре это море пересекают по ширине от Табаристана до Баб ал-абваб за неделю») заставляет предположить, что еще в дохристианское время, как и в средние века, важнейшее поселение на западном побережье моря находилось поблизости от нынешнего Дербента. Дербентский проход, видимо, служил с севера границей древней Албании, которая стала известна греко-римскому миру лишь после похода Помпея (64 г. до н. э.). Уже тогда области, расположенные к югу от этого прохода, должны были страдать от нападений кочевников (ср. Дион Кассий, 69, 15, 1, о набеге аланов в 134—135 гг. н. э.); но в период римского владычества ничего не сообщается о возведении каких-либо крепостных сооружений.

Только Сасанидами, которые в IV в. н. э. распространили свое влияние вплоть до Дербентского прохода и вытеснили из этих мест римлян, были приняты действенные меры для защиты прохода. По мнению персидских царей, в это дело должно было внести свой вклад и римское правительство, так как отражение кочевых народов было для обеих империй жизненно важным вопросом. В источниках того времени мы не распола-

[1] ‹По переписи 1959 г. — 46,4 тыс. жителей.›

гаем никакими известиями об исполнении этого желания; лишь армянский автор Левонд утверждает, что в 716 г. н. э., в правление халифа Сулеймана, арабы нашли здесь надпись, в которой император Маркиан (450—457) назван в качестве основателя города (Marquart, *Ērānšahr*, S. 105). Во всяком случае уже Йездигердом I здесь была построена сильная крепость. В конце правления того же царя эта крепость была разрушена восставшими албанцами, чем было облегчено вторжение гуннов в 454 г. (Егише у Маркварта: *Ērānšahr*, S. 97). В местной традиции (*Дербенд-наме*, 11) Йездигерд также фигурирует как первый царь, приказавший очистить от песка и восстановить стену, возведенную будто бы еще Александром Великим.

Сообщают, будто более сильную крепость построил здесь Хосрой Ануширван (531—579). Об этом событии мы располагаем лишь явно легендарными сообщениями арабского периода; однако весьма вероятно, что поводом для этого крупного и несомненно дорогостоящего строительства явились те опасности, которые угрожали персидской империи с севера на протяжении последних лет правления этого царя. Все кочевые народы от границ Китая до Черного моря были тогда объединены тюрками в одну державу, которая заключила с ромеями союз против Персии; в 569 г. аланы, ближайшие соседи персов на Каспийском море, были еще независимы, но уже в 576 г. тюркский правитель мог сказать ромейскому послу, что он незадолго до того покорил аланов (ср. FHG, t. IV, 229 sq., 246); таким образом, великая кочевая держава тюрков достигла северной границы Персии. Если укрепление Дербентского прохода действительно было вызвано этими событиями, то эти постройки могут относиться только к последним годам правления Хосроя. Что царь сам прибыл сюда и лично руководил строительством, вероятно, столь же сомнительно, сколь и позднейшее местное мусульманское предание, которое заставляет халифа Харуна ар-Рашида отправиться в Дербент и провести там семь лет — 180—187/796—803 (*Дербенд-наме*, 108 и сл., 140). Даже мусульманская традиция сохранила нам еще другой рассказ о постройке Дербента, согласно которому город и стену будто бы построил не сам царь, а по его поручению его наместник Нарсе б. Джамасп, предок ширваншахов (Захир ад-дин Мар'аши, 38) [2].

Всё, что мы узнаём о внешнем облике стен, о примененных методах строительства и т. п., относится лишь к арабскому времени и потому должно быть рассмотрено далее. Сообщения, которые могли бы быть возведены непосредственно к персидским рассказам доисламского времени, полностью отсутствуют; мы даже не знаем, как Сасаниды назвали город

[2] ‹В Дербенте сохранилась пехлевийская надпись, из которой следует, что стена была сооружена в 567 г. наместником сасанидского царя (Пахомов, *К толкованию*). Вопрос о постройке дербентских стен подробно рассматривается М. И. Артамоновым в *Истории хазар*, стр. 116—127.›

и крепость. На основании греческого Τζοῦρ и армянского *Col* Маркварт (*Ērānšahr*, S. 101) предполагает персидскую форму *Cor*. Название Дарбанд (перс. 'Врата') впервые упоминается в написанной не ранее VII в., быть может (по мнению Маркварта), лишь в VIII в. н. э., армянской географии, приписывавшейся Моисею Хоренскому (изд. Патканова, 38).

Греческие и армянские авторы сообщают только, что, несмотря на свои крепкие стены, крепость была в 627 г. взята хазарами, союзниками Ираклия (ср. Феофан, изд. Бонна, 486; особенно же Моисей Каганкатваци у Манандяна, *Beiträge zur albanischen Geschichte*, S. 41, где упоминаются «большой город Чол и его замечательные стены»). Арабы также несомненно должны были неоднократно воевать с хазарами из-за Дербента. Сообщения арабских источников об этих войнах, как и о большинстве походов I/VII в., частью легендарно приукрашены, частью полностью вымышлены; даже рассказ о геройской смерти в 22/643 г. Сельмана б. Раби'и и 4000 его воинов у ворот Кирклар (Балазури, 203 и сл.; Я'куби, *Ta'rīx*, II, 194) находится в противоречии с сообщаемыми Табари известиями, согласно которым в этой битве якобы пал не Сельман, а его брат Абд ар-Рахман (Табари, I, 2669), Сельман же еще в 34/654-55 г. фигурирует в качестве наместника Дербента (там же, $2928_{,3}$). Во всяком случае предание лишь в позднейшее время было отнесено к Дербенту; в средние века могилу Сельмана показывали в северной части нынешнего Дагестана, возле Баланджера. Даже в 1638 г. Адам Олеарий слышал другое предание о надгробиях у ворот Кирклар (Olearius, 721 sq.).

Подлинным основателем арабского владычества в Дербенте представляется Маслама б. Абд ал-Мелик, который также, по сообщению армянского автора Моисея Каганкатваци (*История Агван*, 261), «от имени тазиков (арабов) заново отстроил» Дербент. По словам Табари, эти постройки были осуществлены в 115/733-34 г.; в первоначальном арабском тексте (Табари, II, 1562) они упомянуты лишь кратко (так же у Ибн ал-Асира, изд. Торнберга, V, 134), в противоположность этому в персидской обработке Бал'ами они описаны подробно (ср. Dorn, *Beiträge*, IV), так же (с некоторыми отличиями) у Балазури (207 и сл.). Маслама будто бы поселил здесь 24 000 сирийских воинов; согласно Бал'ами, эти арабы происходили из Дамаска, Химса, Куфы и ал-Джезиры, поэтому город был разделен на четыре части; это деление сохранилось еще ко времени Бал'ами (или его источников). Для нужд этих войск были устроены три склада (*хурй*): один — для провианта, второй — для ячменя (как корма для лошадей), третий — для оружия.

Несмотря на все эти меры, в 183/799 г., в правление Харуна ар-Рашида, Дербент еще раз на короткое время подпал под власть хазар, которые оттуда опустошили местность до Куры и увели большое число пленных. По сообщениям арабских источников (Я'куби, *Ta'rīx*, II, 518; Табари, III, 648; также *Дербенд-нāме*, 132 и сл.), врага призвал Хайюн

б. Неджм (или ал-Мунаджжим) ас-Сулами, сын наместника Дербента, который был казнен как мятежник[3].

В течение последующих столетий Дербент, по-видимому, имел большое значение и как пограничная крепость мусульманского мира, и как порт на Каспийском море. Город был тогда больше, чем Ардебиль и Тифлис (Истахри, 184 и сл.), имел в длину и ширину две мили и, следовательно, не был ограничен, как позднее (с VII/XIII в.), длинным, но узким пространством между двумя каменными стенами (ширина с севера на юг нигде не достигает 400 *м*). Это же подтверждается сообщением Истахри о том, что помимо каменных стен существовали еще и другие стены из обожженного кирпича и глины; эти стены, очевидно, окружали части города, лежавшие вне каменных стен (конечно, в южном направлении, так как каменные были воздвигнуты против врагов, ожидавшихся с севера). Каменные стены были будто бы 300 локтей (*зира'*) в ширину (так по: Ибн ал-Факих, 288; Кудама, текст, 260; Якут, *Му'джам*, I, 440; Закария Казвини, II, 341; у де Гуе — Кудама, пер., 201 — ошибочный перевод: «trois cents coudées de hauteur»); очевидно, что это сообщение может относиться только к пространству между обеими стенами. Сасаниды приказали возвести эту постройку из каменных глыб и свинца; как сочетался один материал с другим, рассказывает только Макдиси (380): свинец употреблялся в качестве раствора (*милāт*). По словам Хилаля ас-Саби (*Вузарā'*, 217 и сл.), в каждом каменном блоке имелись два отверстия, а в каждом отверстии — залитый свинцом железный стержень (*'амūд*). Это явно был тот же метод строительства, с которым, по сообщению Табари (I, 2492), прежний архитектор царя Хосроя Парвиза познакомил арабов в Куфе: привезенные из гор Ахваза (Хузистан) камни просверливались и заполнялись свинцом и железными стержнями (*сафāдāд*). В самом деле, такие отверстия могут быть обнаружены в отвалившихся от стен Дербента блоках; от железа и свинца уже давно ничего не осталось.

Согласно Макдиси (376), стены были снабжены башнями, в которых были устроены мечети и сторожевые посты (*масāджид ва хуррāс*). В северном направлении, в сторону царства хазар, т. е. в нынешней северной стене, было тогда двое ворот: большие (*ал-бāб ал-кабūр*) и малые (*ал-бāб ас-сагūр*), и, кроме того, еще третьи, закрытые ворота недалеко от моря. Эти же самые ворота у Ибн ал-Факиха (291 и сл.) названы Бāб ал-Джихāд и Бāб ал-Имāра; упоминаемые Ибн ал-Факихом изображения львов еще поныне сохранились на соответствующих воротах, именуемых теперь Кирклар и Таш-Капы; ворота Кирклар еще в XII/XVIII в. обозначаются названием Бāб ал-Джихāд. Сходные изображения видны и на «средних» воротах южной стены (Орта-Капы); там же находится и куфическая над-

[3] ⟨Об арабо-хазарских войнах подробно: Артамонов, *История хазар*, стр. 202—232.⟩

пись, датированная раджабом 435 г. х. (3 февраля—3 марта 1044 г.)[4]. Средневековые географы не упоминают ни эти, ни остальные ворота южной стены; Макдиси лишь отмечает, что в Дербенте есть еще «некоторое число ворот» в направлении к морю и области ислама.

Дома города были, как и теперь, построены из камня. Из отдельных построек у Макдиси вкратце описана лишь главная мечеть; стояла она в середине базарных площадей (*васта-л-асвāк*), рядом находился источник или фонтан (*'айн*). Согласно местному преданию, главная мечеть и поныне находится на том же месте, где она якобы была в 115/733 г. построена Масламой (или Абу Муслимом — об этом смешении см. *Дагестан* ⟨выше, стр. 412⟩). В XII/XVIII в. на главном входе мечети было написано: *'амал устāд Тāдж ад-дīн* ('работа мастера Тадж ад-дина') — и рядом дата — 770/1368-69 г. С того времени имя архитектора исчезло; новая надпись (впервые упоминаемая в 40-х годах XIX в.) выполнена частью на арабском (относительно мнимого основания мечети в 115 г. с благопожеланиями в адрес Мухаммеда и его семьи), частью на персидском языках; эта последняя часть гласит: *Уфтāд масджид дар хафтṣад ва хафтāд 'имāрат кард Афрūрӯз б. Тахмӯз байāрī-йи хаḳḳ тa'āлā* ('Мечеть обрушилась в 770 году, восстановил ее Африруз б. Тахмуз с помощью бога всевышнего'). Названный в этой надписи Африруз (видимо, ошибка вм. Африбарз; вероятно, это был какой-либо князь Дербента или Ширвана) не упоминается в известных до сего времени исторических источниках.

Остается установить, действительно ли в 770/1368-69 г. вся постройка была разрушена (вероятно, землетрясением) и возведена заново. Средний неф (вход находится на северной стороне) с его двумя безвкусными куполами, по-видимому, относится к более позднему времени, чем обе боковые галереи, каждая из которых разделяется на две части рядом каменных колонн. На каждую колонну опирается узкая арка; как и купола, арки эти не каменные, а кирпичные. Внутреннее убранство мечети в его сегодняшнем виде — совсем позднее. Как сообщает англичанин Хэнвей (*British trade*, vol. I, p. 256), Надир-шах приказал использовать постройку, которая еще в первые десятилетия XVIII в. считалась святыней ислама, для светских нужд и поместить в ней склад. Таким образом, прежнее ее назначение как мечети было восстановлено не ранее середины XVIII в.

В противоположность нынешнему городу Дербент X в. не имел цитадели. Видимо, пространство между обеими каменными стенами, которыми позднее оказался ограничен город, было вполне достаточным для гарнизона. На ближайшей к городу горе Зиб ('Волк'), очевидно там, где сейчас находится цитадель, тогда стоял ежегодно возобновлявшийся

[4] ⟨Об архитектурных памятниках Дербента см.: Бакланов, *Архитектурные памятники Дагестана*; Артамонов, *Древний Дербент.*⟩

штабель дров, который поджигали при приближении врага, чтобы предупредить население пограничных провинций об угрожающей опасности.

Стены, построенные Хосроем Ануширваном, должны были запирать не только собственно проход, но и соседние горные ущелья, по которым крепость могла быть обойдена. Поэтому стены были будто бы доведены до «высочайших вершин гор». Расстояние между берегом моря и концом стен приводится различно: по Ибн ал-Факиху (291), оно составляло 7 фарсахов, по Хамзе Исфахани (57) — 20 фарсахов, по Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 2) — 40 фарсахов. Следы этих длинных стен видели и позднейшие путешественники, но никогда не было установлено, насколько далеко к западу могут быть прослежены такие следы. Еще сегодня в Дербенте можно слышать, что построенная Хосроем Ануширваном стена простиралась до Черного моря или даже до Константинополя (!).

Чтобы обезопасить крепость от любого нападения также и со стороны моря, Хосрой будто бы довел стену не до берега моря, а еще на некоторое расстояние дальше. О том, как было осуществлено это строительство, мы располагаем двумя рассказами: Кудамы (текст, 260 и сл.) и Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 196 и сл.); очевидно, что ни тот, ни другой не могут претендовать на какое бы то ни было правдоподобие; оба лишь показывают, как последующие поколения пытались себе объяснить исполнение этого строительства. Даже о том, насколько далеко от берега уходили эти дамбы, у нас есть только противоречивые сведения. Ибн Русте (148) и Кудама говорят о 3 милях; по словам Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 2), их протяженность составляла только 1 милю, по Хамдаллаху Казвини — $^1/_2$ мили, по Хилалю ас-Саби — 600 локтей, согласно персидскому переводчику Истахри (185, прим. 2) — 6 башен. Мы будем, видимо, придерживаться двух последних сообщений; поскольку расстояние между отдельными башнями составляло немногим больше 100 локтей, сообщение персидского Истахри примерно совпадает с рассказом Хилаля ас-Саби.

Во всяком случае мы видим, что тогда Дербент обладал гаванью, равно защищенной как от вражеского нападения, так и от морских бурь, вместо нынешнего открытого и опасного рейда. Для судов был оставлен только узкий вход, который в случае нужды мог быть заперт цепью с замком (*куфл*). Без разрешения хранителя замка (*сāхиб ал-куфл*) ни одно судно не могло ни войти, ни выйти (Ибн Хаукаль, 242). Этим и объясняется то, что Дербент не был затронут грабительскими походами русов в IV/X в.

По этой же причине гавань Дербента тогда имела для торговых связей совсем иное значение, чем сейчас. Из всех мусульманских и немусульманских стран у Каспийского моря доставлялись тогда товары в Дербент. Важнейшими статьями вывоза были льняные ткани (таких тканей не было больше нигде — ни в Арране, ни в Армении, ни в Азербайджане) и марена; важнейшей статьей ввоза — рабы из «стран неверных» (Истахри, 184).

Это почти все, что мы узнаем о Дербенте в пору его расцвета. Еще труднее получить правильное представление о политической обстановке,

особенно об отношениях с Багдадом. Для этих отношений показательно сообщение Балазури (207) о том, что в его время ни один наместник не допускался в Дербент, если он предварительно не распределил между жителями некоторую сумму денег. *Дербенд-наме* (134) даже утверждает, что жителям Дербента было даровано Харуном ар-Рашидом право объявлять смещенным наместника, если он окажется нерадив в джихаде или поведет себя несправедливо по отношению к подчиненным. Потомкам некоего Аглаба ас-Сулами будто бы было предоставлено право в случае смерти или смещения наместника управлять городом до прибытия нового. Вероятно, многое здесь преувеличено, однако история действительно знает большое число князей и наместников Аррана и Дербента из племени сулейм от Усейда б. Зафира, современника халифа Хишама, до Сейф ад-дина Мухаммеда б. Халифы, упоминаемого в VI/XII в. путешественником Абу Хамидом Андалуси (у Дорна, *Auszüge*, S. 702; ср. также приведенные выше сообщения о восстании 183/799 г.).

У Якута, Ибн ал-Асира и в позднейших источниках город часто упоминается как «Дербент Ширвана» и, по-видимому, действительно с IV/X в. входил в состав княжества ширваншахов; но порой в Дербенте бывали и самостоятельные, независимые от ширваншахов правители (ср. *Арран* ⟨выше, стр. 335⟩). Как при халифах, так и при правителе Азербайджана Юсуфе б. Абу-с-Садже (288—315/901—927) жители Дербента, как и вообще население пограничных областей, не должны были платить никаких налогов как борцы за веру, а только подносили подарки; только при марзбане Салларе б. Мухаммеде эти подарки были заменены твердым налогом. Ибн Хаукаль (254) приводит перечень налогов за 344/955-56 г. Само собой разумеется, население не могло быть довольно таким изменением; этим, видимо, должно быть объяснено сообщение Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, VIII, 376) о том, что в том же самом 344 г. марзбану Саллару пришлось подавлять восстание в Дербенте.

И позднее Дербент фигурирует как фактически самостоятельный пограничный город, который лишь в момент опасности обращался за помощью к центральному правительству. Так, по сообщению Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, X, 434), к султану Махмуду б. Мухаммеду обратилось население пограничных областей, в особенности жители Дербента, за помощью против грузин и кипчаков, и потому султан предпринял в 517/1123 г. поход в эти районы.

Важен тот факт (на который до сего времени обращали мало внимания), что в VI/XII в. Дербент был на некоторое время потерян мусульманами, а затем был ими отвоеван с помощью грузин. Об этом ясно свидетельствует касида поэта Хакани, приведенная у Ханыкова (*Lettre*, p. 127 sq.); поэт восхваляет ширваншаха Ахситана б. Менучехра, который уничтожил около Баку русский флот из 70 кораблей, победил хазар и аланов, «обратил Дербент в ад и вызвал плач в Шаберане»; к этому он добавляет: «Шаханшах ныне вызвал такое же смятение в Дербенте и среди

русов, какое эти люди с сердцами собак раньше порождали в Ширване; его мечом с помощью божией завоеваны Дербент и Шаберан».

Эти слова показывают, что не только Дербент, но и находившийся много южнее, около нынешней Кубы, Шаберан несколько раньше были отняты у мусульман. Как указал Куник (цитировано Дорном — *Caspia*, S. 304, и введение, стр. XXXVII), воспетые Хакани победы ширваншаха приходятся, по-видимому, на 1175 г. Грузинские летописи приписывают покорение Шаберана грузинскому царю Георгию III (1156—1184), который будто бы передал город своему союзнику ширваншаху. Вероятно, лишь позднее, в эпоху грузинской царицы Тамары (1184—1212), распространившей свое господство вплоть до Каспийского моря, Дербент перешел во владение ширваншахов.

В рассказе Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XII, 252, 264 и сл.) о первом появлении монголов в 619—620/1222—1223 гг. в качестве правителя Дербента назван ширваншах Рашид; монголы заставили послов ширваншаха показать путь, которым можно было обойти крепость; таким образом, самый город был в этот раз ими пощажен (длинные стены Сасанидов в то время явно уже утратили свое значение). Несколькими годами позднее Дербент фигурирует у Несеви (*Сӣрат Джелāль ад-дӣн*, I, 172 и сл.) как особое, независимое от ширваншаха княжество; в Ширване правил шах Афридун, в Дербенте — несовершеннолетний государь, за которого управлял его опекун ал-Асад. Город тогда еще слыл неприступной крепостью, которая могла быть взята только с помощью измены; однако после ухода монголов, еще при Рашиде, кипчакам удалось напасть на город врасплох и на короткое время овладеть им. Монголам Дербент должен был сдаться в 1239 г. Из рассказа о путешествии Рубрука, который здесь провел один день (17—18 ноября 1254 г.), видно, что монголы разрушили верхние части башен и зубцы стен. Рубрук впервые упоминает цитадель Дербента. Сам город имел в длину более одной мили (французской), а в ширину — лишь расстояние одного броска камня, т. е. уже тогда был ограничен пространством между обеими каменными стенами (ср. Schmidt, *Über Rubruk's Reise*, S. 84). С того времени эта диспропорция между длиной и шириной города отмечается во всех описаниях Дербента; из арабских авторов Закария Казвини (II, 340), в противоположность Якуту и географам IV/X в., первый сообщает, что город имеет в длину $^2/_3$ фарсаха, а в ширину только расстояние полета стрелы.

Во времена монгольского владычества Дербент, видимо, то принадлежал ширваншахам, то имел собственных правителей; сюзеренами города и страны называют то ханов Золотой Орды, то монгольских государей Персии. Противник Тимура Тохтамыш приказал чеканить здесь монету от своего имени; сам Тимур затронул Дербент как при своем походе против Тохтамыша (797/1395 г.), так и при возвращении из этого похода (798/1396 г.); в качестве пограничной крепости основанной Тимуром державы Дербент по-прежнему был передан ширваншаху. В 1428 г. упо-

минается самостоятельный правитель Дербента; итальянский купец Джованни делла Валле построил для этого князя небольшой корабль, на котором тот, как морской разбойник, нападал на суда, шедшие из Астрабада (Ramusio, *Viaggi*, vol. II, p. 92a).

В том же веке город, по-видимому, окончательно потерял свое значение морского порта. Когда здесь был Амброзио Контарини (ноябрь 1475—апрель 1476 г.), заселены были только цитадель и ближайшая часть города — примерно одна шестая заключавшегося между стенами пространства; прочие части города до берега моря совершенно запустели (Ramusio, *Viaggi*, vol. II, p. 120a). Помимо вреда, причиненного грабительскими набегами и пограничными войнами, упадок Дербента должен, видимо, связываться с расцветом Б а к у (ср. ⟨выше, стр. 350⟩). Мелкие местные правители явно не располагали нужными средствами для поддержания описанных географами IV/X в. великолепных дамб; после разрушения этих сооружений торговые суда, естественно, должны были отдать предпочтение безопасной гавани Баку перед открытым рейдом Дербента.

В это время Дербент описывается уже не как арабский, а как тюркский город; анонимный венецианский купец сообщает в начале XVI в., что жители говорили «по-черкесски или по-турецки» (Ramusio, *Viaggi*, vol. II, p. 86b). О том, как и когда арабское население было вытеснено тюркскими пришельцами, мы не имеем никаких сведений. Этот процесс, очевидно, связан с постепенной тюркизацией Азербайджана и остальных северо-западных провинций Персии со времени сельджукской династии, однако имя упомянутого выше Сейф ад-дина ас-Сулами показывает, что в Дербенте VI/XII в. преобладали все еще арабы, а не тюрки. Не только монгольское название прохода (Кахалка; см. об этом слове *Дер-и ахенин* ⟨ниже, стр. 432⟩), но и тюркское (Темир-Капы 'Железные ворота') появилось только в монгольское время. Когда были приурочены к Дербенту тюркские народные предания, упомянутые Олеарием (S. 721 sq.), определить невозможно; помимо него те же самые предания упоминаются лишь современником Олеария Эвлией Челеби (*Сийāхат-нāме*, II, 312). Сказание о «могилах огузов» мог слышать в Дербенте еще Кантемир (ок. 1722 г.); с тех пор тюркские народные предания снова были здесь вытеснены легендами религиозного происхождения. Сейчас никто в Дербенте ничего не может рассказать ни о хане Казане, ни о патриархе и певце Коркуде, ни о племени огузов.

В 892/1487 г. Дербент безуспешно осаждал Шейх Хайдер; сам Шейх Хайдер пал в битве с призванными ширваншахом на помощь белобаранными туркменами (Ак-Коюнлу). Зато в 915/1509 г. сыну убитого — шаху Исма'илу, основателю династии Сефевидов, — удалось покорить как Ширван, так и Дербент. Осада Дербента описывается в источниках персидских (подробнее всего у Хондемира — тегеран. изд., III, 352 и сл.) и венецианских (Ramusio, *Viaggi*, vol. II, p. 73 sq., 90 sq.). Самый город

был оставлен жителями при приближении 40-тысячного персидского войска; цитадель же, башни которой были отремонтированы незадолго до того, удалось занять лишь после упорной обороны.

О Дербенте сефевидского времени известно мало; назначавшийся шахом султан Дербента был подчинен хану Ширвана. В 986/1578 г. Уздемир Осман-паше удалось взять город, после чего Дербент до 1015/1606 г. оставался под турецким владычеством. К этому времени относится, вероятно, описание города, данное Хаджи Халифой в его *Джихан-нума* (394 и сл.). Дербент имел в то время 10 500 локтей в длину, 550 в ширину; стены, снабженные 70 башнями, были столь же высоки, как стены Константинополя со стороны суши.

После восстановления персидского господства шах Аббас приказал исправить стены. Когда оказалось, что мелкое здесь море давало караванам возможность обходить город, важный как таможенный пункт, «посреди моря» была сооружена каменная башня и связана со стенами на суше. При этом, как сообщает Искендер Мунши (516), были будто бы найдены остатки сходных сооружений прежнего времени (большие каменные блоки с железными скобами, *мīлхā-йи āхан*). Возведенная шахом Аббасом постройка лишь недолгое время смогла противостоять волнам Каспийского моря; из всех путешественников как будто только русский купец Федот Котов (в 1623 г.) видел стоявшую в воде башню; даже Олеарий (1638 г.) рассказывает только, что городские стены доходили от гор до моря, так что порой волны ударяли в самые стены. Этот же шах приказал связать обе старые стены поперечными стенами, которые должны были отделить цитадель от собственно города, а город — от местности, лежащей к востоку вплоть до моря. Этот запустевший район тогда назывался Шехр-и Юнан ('Город греков'); некоторыми из путешественников это название было понято в том смысле, что еще турецкие завоеватели обнаружили здесь город, населенный греческими купцами; на самом деле название следует возводить к преданиям об Александре Великом. Поперечные стены только в 1824 г. были убраны русскими.

Занятый Петром Великим 23 августа (3 сентября) 1722 г. и превращенный в русскую крепость (дом, в котором жил Петр, показывают еще сегодня), Дербент уже в 1735 г. был отдан обратно персам. Как и Петр Великий, Надир-шах хотел вернуть городу его прежнее значение морского порта; запустевшая часть города, прилегавшая к морю, должна была быть заселена вновь; чтобы показать народу пример, шах повелел построить здесь для себя дворец; однако эти постройки, по-видимому, не дали никаких результатов, и от них не осталось никаких следов.

После смерти Надир-шаха и распада персидской державы Дербент снова оказывается фактически независимым княжеством. В 1765 г. город перешел под власть кубинского хана Фатх-Али, который перенес в Дербент свою резиденцию и приказал построить для себя дворец в цитадели; от этого дворца, который современники восхваляли как великолепную

постройку, сейчас не осталось даже малейших следов развалин. Фатх-Али правил до 1789 г.; при его сыне Шейх-Али, который завязал сношения с основателем каджарской династии, Дербент был занят русскими под командованием Зубова 10 (21) мая 1796 г., в конце того же года оставлен по приказу императора Павла, а 21 июня (3 июля) 1806 г. вторично был занят генералом Глазенапом, после чего тремя днями позднее население принесло присягу российскому императору.

При русском управлении Дербент полностью утратил свое прежнее военное значение. Хотя крепость и была окончательно упразднена только в 1867 г., намерение построить здесь укрепления, отвечающие требованиям современного военного искусства, было оставлено в первые же годы после завоевания. С того времени древние стены поддерживаются только как памятник старины; отдельными их частями, особенно с южной стороны, пришлось пожертвовать ради развития города. Столь же мало осуществляется неоднократно (последний раз в 1903 г.) принимавшийся проект превращения дербентского рейда снова в безопасную гавань путем строительства дамб. Из промыслов, упоминаемых географами средних веков, при русском правлении достигло нового расцвета только разведение марены; но спрос на эту статью вывоза сильно уменьшился с 1875 г. из-за открытия искусственного ализарина, что имело следствием для населения тяжелый экономический кризис.

Древняя крепость сейчас представляет собой мирный город, населенный мусульманами (ок. 57%), русскими (18%), евреями (16%) и армянами (7%) и живущий преимущественно огородничеством, виноградарством и рыболовством [5]. Старый путь через Дербентский проход был выбран и для оконченной строительством в 1898 г. железной дороги, до сего времени единственной, связывающей области, лежащие по ту сторону Кавказа, с Европейской Россией. Это, конечно, благоприятствует развитию города.

Литература. Написанная около конца XVI в. или в начале XVII в. и восходящая к утраченному персидскому оригиналу турецкая *Дербенд-наме* Мухаммеда Аваби Акташи доходит только до 456/1064 г. Это произведение, ставшее известным со времени похода Петра Великого, сохранилось в нескольких рукописях; критического издания еще нет; подготовленное Казембеком издание текста с английским переводом и примечаниями (*Дербенд-наме*) совершенно не отвечает требованиям современной науки. Автор *Дербенд-наме* использовал хорошие источники, но в то же время, как и вообще его современники в Дагестане (см. эту статью ‹выше, стр. 409›), не задумываясь перенес существовавшие в его время условия на Дербент арабских завоевателей и их ближайших потомков. Большая часть того, что со времен Петра Великого было написано о стенах Дербента и прочих имеющихся там памятниках, испытала влияние этого источника; ср. Cantemir, *Operele*; Bayeri, *Opuscula*; Eichwald, *Reise*, здесь же (во втором томе): Fraehn, *Die Inschriften von Derbend*; Березин, *Путешествие по Дагестану* и др. В публикации сведений восточных источников особенно велики заслуги Дорна (*Bericht*; *Beiträge*; *Auszüge*; *Caspia*) и Ханыкова (*Lettre*; *О перемежаю-*

[5] ‹Сейчас Дербент имеет развитую промышленность.›

щихся изменениях и др.). Сводка сведений арабских авторов у Г. Ле Стрэнджа (*The Lands*, p. 180) весьма неудовлетворительна. По случаю столетнего юбилея русской власти в Дербенте Е. Козубским была опубликована *История города Дербента*; несмотря на все старание автора, которому восточные источники были доступны лишь в переводах, а методы исторического исследования почти совершенно неизвестны, задача оказалась ему не по силам. См. также статьи Бартольда: *К истории Дербента* ‹наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 786—787›; ЗВОРАО, т. XIX, стр. 073—077; *Новое известие о стенах Дербента* ‹наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 788›. ‹Теперь к этому можно добавить: Артамонов, *История хазар*; его же, *Древний Дербент*; Баклановъ, *Архитектурные памятники Дагестана*; Пахомов, *К толкованию*; Minorsky, *Sharvān*.›

ДЕР-И АХЕНИН

Дар-и āханӣн, или Дербенд-и āханӣн, араб. Бāб ал-ḥадӣд, древнетюрк. Темир-капиг ('Железные ворота') — часто встречающееся в мусульманском мире название важных горных перевалов и ущелий. Особенно известно ущелье в горах Байсун-тау длиной около 3 *км* и шириной лишь 12—20 *м*, через которое идет главная дорога из Бухары и Самарканда в Балх. Ущелье упоминается под его персидским названием уже Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 290,5); то, что это название, как утверждает Я'куби, носил «город», не подтверждается другими источниками. Название «Железные ворота» во всяком случае происходит из домусульманского времени и было известно уже китайскому паломнику Сюань Цзану (пер. Жюльена, I, 23). Восточнее этого ущелья начинались горные области в верховьях Окса, объединявшиеся арабами под названием Тохаристан (кит. Тухоло), где, в отличие от области Самарканда и Бухары, еще в VII в. н. э. сохранилось господство буддизма. Да и позднее Железные ворота постоянно рассматривались как естественная граница между собственно Мавераннахром и областями по обоим берегам Окса, зависимыми от Балха. Кроме Железных ворот существовали и другие дороги через Байсун-тау, что было известно уже в VII/XIII в.; одна из этих дорог была описана китайцем Чан-чунем, который был здесь осенью 1223 г. (Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 91); однако это обстоятельство, по-видимому, не повлияло ни на стратегическое значение ущелья, ни на его важность для торговли. В описаниях походов, которые затрагивали эти местности, почти всегда упоминаются и Железные ворота; в IV/X в. у владетеля Чаганиана (см. <ниже, стр. 558>) здесь была крепость, которая в 337/948 г. была сожжена войском Саманида Нуха б. Насра (Гардизи — у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 9). Через Железные ворота проходили все караваны, которые доставляли товары из Индии через Балх в Самарканд и Бухару; в 1 дне пути севернее ущелья, около селения Кендек, дорога на Нахшеб (у арабов Несеф, ныне Карши) и Бухару отделялась от дороги на Кеш (у арабов Кисс, ныне Шахрисябз) и Самарканд. Как свидетельствует Клавихо (изд. Срезневского, 231), здесь еще в 1404 г. находилась таможня, которая давала Тимуру большой сбор. До 1875 г. Клавихо, насколько известно, был единственным европейцем, проехавшим через Железные ворота. Как у Шереф ад-дина Йезди (I, 49 и др.), так и у Бабура (*Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 124) ущелье

иногда называется монгольским словом Ḳахлаға (так в арабском написании, ныне в Монголии произносится *ḵāлға* или *ẋāлға*, отсюда название города Калган) — 'Ворота' (слово не тюркское, как полагает Ле Стрэндж, *The Lands*, p. 441). Название Бузгала-хана ('Дом лани'), которое застали первые русские исследователи (в 1875 г.), упоминается уже у Мухаммеда-Вефа Керминеги (*Туḥфат ал-ẋāнӣ*, *л.* 184б; в описании одного похода Мухаммед-Рахим-хана в 1171/1757 г.).

В настоящее время через Железные ворота идет русский почтовый тракт из Самарканда в Термез (Тирмиз). Теперь дорога не имеет никакого значения ни для стратегических целей, ни для торговых сношений; поэтому современные путешественники описывают Железные ворота лишь как достопримечательную и важную для изучения геологических условий игру природы; следов средневековых построек не сохранилось. Изображение ущелья у Реклю (*Géographie*, p. 503) воспроизводит рисунок, сделанный в 1879 г. русским художником Каразиным; тот же рисунок имеется у Мушкетова, *Туркестан*, т. I, стр. 555.

ИЛИ

Или — большая река в Средней Азии. Оба истока ее, Текес и Кунгес, берут начало на северном склоне Тянь-Шаня; после их соединения река получает название Или и течет еще примерно 930 *км* до впадения в Балхаш (см. ⟨выше, стр. 360⟩). Ширина в некоторых местах достигает 1 *км*. Верхнее течение Текеса и нижнее течение Или принадлежат России, Кунгес, нижнее течение Текеса и верхнее течение Или — Китаю. Река принимает много притоков, из которых важнейшие: на китайской территории — Каш, на русской — Чарын и Чилик. Как и повсюду в Средней Азии, притоки имеют большее значение для орошения, чем главная река; как только река покидает горную долину, выходит на широкую равнину и больше не имеет притоков, так она теряет почти всякое значение для земледелия. Число каналов, отведенных от Или на русской территории, весьма незначительно, однако один из таких каналов (под названием Ак-Чуган) имеется даже в нижнем течении реки, примерно в 25 *км* от устья; земледелием там занимаются киргизы ⟨казахи⟩.

Или впервые упоминается в истории китайской династии Тан (VII—X вв. н. э.); уже тогда по долине Или шел один из важнейших путей из Китая в Туркестан (Chavannes, *Documents*, p. 11 sq.). Древнейшим мусульманским источником, который называет эту реку, является *Ḥудӯд ал-ʿālam* (372/982-83 г.); в этом и большинстве более поздних сочинений название пишется Йлā. Когда и как распространился здесь ислам, неизвестно; в VII/XIII в. долина Или рассматривалась как граница мусульманского мира; области к востоку от нее были завоеваны исламом лишь в монгольское время. О мусульманском владении, которое было там тогда, о культурной жизни в верхней части долины Или в VII—VIII/XIII—XIV вв., об упадке этой культуры и восстановлении ее в последние столетия под властью калмыков и китайцев, о последнем мусульманском движении и его последствиях, о разделе культурной полосы между Россией и Китаем см. *Кульджа* ⟨ниже, стр. 470—471⟩.

Еще более скудны исторические сведения об остальной части долины. Название Кунгес появляется впервые в истории походов Тимура (Шереф ад-дин Йезди, I, 481; здесь пишется Кунгез); Текес упоминается в это же время под названием Теке (в рукописях также Йака). Долины обеих рек всегда ценились кочевниками как превосходные пастбища. Почтовый

тракт, который ныне пересекает Или около деревни Илийский выселок [1] (там находится единственный мост через реку), по-видимому, примерно соответствует пути, описанному Рубруком (1253 г.); согласно Рубруку, севернее Или и южнее гор (очевидно, перевала Алтын-Эмель) находился город, в котором жили сарацины, говорящие по-персидски; город этот он называет Эквиус (Рубрук, изд. Мишеля—Райта, 280 и сл.; Schmidt, *Über Rubruk's Reise*, S. 42). Судя по расположению, это тот же самый город, который в то же время армянский царь Хетум называет Иланбалек (сама река в этом источнике называется Илан-су), а китайцы — Илабали или Илибали, т. е. Илибалык — 'Город на Или' (Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 169) [2]. Это же название употребляется китайцами в XV в. как название области, причем определенно говорится, что там нет городов и население состоит только из кочевников (ibid., vol. II, p. 242). Ниже почтового тракта река прорывается через цепь порфировых скал, на которых сохранились буддийские надписи и рисунки калмыцкого времени (XVII—XVIII вв.), из-за этого киргизы называют их Тамгалы-Тас — 'Письменный камень' (Пантусов, *Тамгалы-тас*, и Позднеев, *Объяснения*, там же две таблицы). Примерно в 130 *км* ниже Илийского выселка от нынешней реки отделяется сухое русло Баканас, которое тремя рукавами доходит до Балхаша. Сообщают, что здесь видны следы старых каналов и развалины старых построек (Берг, *Об исследовании озера Балхаш*, стр. 590). К какому времени и какому народу принадлежит эта культура, остается под вопросом, так как письменные источники, насколько известно, об этом ничего не говорят (однако следует добавить к статье *Балхаш* ⟨выше, стр. 360⟩, что озеро упоминается у Шереф ад-дина Йезди, I, 496, под названием Атрак-куль); до сих пор здесь не найдено также никаких надписей.

Как все среднеазиатские реки, Или малопригодна для судоходства и в этом отношении до сих пор не приобрела никакого значения, хотя такие попытки неоднократно предпринимались; ср., например, поездку Л. Берга (*Об исследовании озера Балхаш*, стр. 588 и сл.) вниз по реке от Илийского выселка до Балхаша в 1903 г.

[1] ⟨Ныне поселок городского типа Или.⟩

[2] ⟨См. Бернштам, *Памятники старины Алма-Атинской области*, стр. 89.⟩

ИРТЫШ

Иртыш — большая река в Сибири, в бассейне Оби. Оба его истока — Голубой и Белый Иртыш — берут начало в Большом Алтае; от их соединения и до озера Зайсан река называется Черный Иртыш; после выхода из озера река течет около 300 *км* по степи под названием Белый или Тихий Иртыш, затем на протяжении 100 *км* проходит через гористую местность и имеет более быстрое течение — это Быстрый Иртыш; около города Усть-Каменогорска он выходит на огромную Сибирскую равнину, понижающуюся к Ледовитому океану, принимает, кроме ряда мелких рек, справа — Омь и Тару, слева — Ишим и Тобол и ниже села Самаровское впадает в Обь. Общая длина реки достигает 3712 *км*, из которых лишь 405 *км* принадлежат Китаю. Железнодорожный мост около Омска имеет длину около 690 *м*; наибольшая ширина реки в нижнем течении составляет около 800 *м*.

Это название упоминается уже в одной из орхонских надписей VIII в. н. э. (Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, S. 19, написано без гласных). Мас'уди говорит в *Китāб ат-танбīх* (62) о «Черном» и «Белом» Иртыше и заставляет оба впадать в Каспийское море. Автор *Худӯд ал-'āлам* (л. 10б) считает Иртыш одним из притоков Волги; название огласовано в рукописи Артуш (или Эртюш), что соответствует народной этимологии (*эртюш* 'человек, спустись'), сообщаемой Гардизи (текст у Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 82). Несмотря на существование торгового пути от Фараба (см. <ниже, стр. 525>) на Иртыш, упоминаемого Гардизи, эта местность в средние века была мало затронута мусульманской культурой; река упоминается очень редко, например в истории походов Тимура (Шереф ад-дин Йезди, I, 475 и 495 — Иртāш).

Мусульманское государство на нижнем течении реки, которое застали русские завоеватели, с главной крепостью около устья Тобола, было, вероятно, основано в монгольское время со стороны Поволжья. Остается под вопросом, соответствуют ли действительности слышанные Радловым (*Aus Sibirien*, Bd I, S. 146) легенды о посылке мусульманских проповедников из Бухары; во всяком случае ислам распространился лишь при русских с севера вверх по Иртышу (см. *Бараба* <выше, стр. 366>). Все города и деревни как на самом Иртыше, так и в его бассейне возникли лишь при русской власти, до XVIII в. не было ни одного города южнее

Тары; Омск и города к югу от него были основаны лишь при Петре Великом.

Иртыш доступен для судов почти до самых истоков. Между Тобольском и Усть-Каменогорском поддерживается регулярное пароходное сообщение; иногда пароходы идут до Зайсана и далее вверх по Черному Иртышу до китайской границы и за нее. Со времени постройки Сибирской железной дороги Иртыш, естественно, приобрел еще бóльшее, чем прежде, значение как путь сообщения.

ИССЫК-КУЛЬ

Иссык-Куль (тюрк. 'Теплое озеро') — самое значительное горное озеро Туркестана и одно из самых больших в мире, лежит на 42°30′ с. ш. и между 76°15′ и 78°30′ в. д., 1574 *м* над уровнем моря; длина достигает около 185 *км*, ширина — до 60 *км*, глубина — до 425 *м*, площадь — 6655,8 *кв. км* [1]. С двух горных цепей Тянь-Шаня — Кунгей-Алатау (на севере) и Терскей-Алатау (на юге) — стекают в Иссык-Куль до 80 больших и малых горных речек, из которых наиболее значительные — Тюп и Джиргалан — впадают в озеро с востока; из остальных можно упомянуть: на южном берегу — Каракол, Кызыл-су, Джука (или Заука), Барскаун и Тон; на северном — две Аксу и три Койсу. Относительно происхождения впадины Кутемалды, которая ныне соединяет Чу (см. ⟨ниже, стр. 567⟩) с Иссык-Кулем, мнения расходятся; утверждают, что Кочкар, нынешнее верхнее течение Чу, прежде впадал в Иссык-Куль и последний имел сток в виде Чу; в настоящее время Кочкар лишь в паводок достигает Иссык-Куля одним рукавом через Кутемалды; в остальное время там имеется только несколько канав, наполненных водой, без определенного течения. Этот вопрос имеет значение только для геологии и физической географии, в историческое же время, как показывают все описания, Иссык-Куль всегда был бессточным соленым озером.

Старейшим из этих описаний мы обязаны китайцу Сюань Цзану (VII в. н. э.); китайское название (Жэхай 'Теплое озеро': озеро никогда не замерзает) полностью соответствует тюркскому названию. Последнее появляется впервые в *Ḥудӯд ал-ʿālам* (372/982-83 г.); у Кудамы (текст, 262) озеро только упоминается, но не называется. В рукописи *Ḥудӯд ал-ʿālam*: Йскӯк (л. 3б) или Искӯл (л. 18а); так же было, вероятно, в *Муджмал ат-таварӣх* (в рукописи С.кӯк, см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 19); Гардизи (у Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 89 и сл.) пишет Йсиг-Кӯл; Джейхани в цитате ал-Хараки (ал-Баттани, 175) — Йскӯл, но с *ташдидом* над *к*. В истории походов Тимура как у Шереф ад-дина (I, 494; II, 634), так и у Ибн Арабшаха (каирск. изд., 156) стоит Иси-Кӯл; в *Та'рӣх-и Рашӣди* (ср. текст у Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 50, прим. 1) — Йсиг-Кӯл.

В старейших китайских известиях (со II в. до н. э.) область оказы-

[1] ⟨По современным данным, высота над уровнем моря — 1609 *м*, площадь — около 6200 *кв. км*, наибольшая глубина — 702 *м*.⟩

вается во владении кочевого народа усунь; зато с VII в. н. э. там упоминаются оседлые поселения и даже города. Один из торговых путей из Китая в Западную Азию шел тогда через перевал Бедель к южному берегу Иссык-Куля, а оттуда в долину Чу; важнейшим торговым пунктом на Иссык-Куле был Барсхан, название которого, возможно, идентично нынешнему названию реки Барскаун. Гардизи сообщает легенду с народной этимологией об Александре Великом и персах, оставленных им на Иссык-Куле; этой народной этимологией подтверждается чтение Барсχа̄н, в противоположность принятому де Гуе, согласно Якуту (*Му'джам*, IV, 823), чтению Нӯшджа̄н. По Гардизи, Барсхан мог выставить 6000 воинов, а, согласно Кудаме, один только главный город, расположенный на берегу озера, — 20 000 (Барсхан, по Кудаме, состоял из девяти городов: четырех больших и пяти малых). В 3 днях пути западнее Барсхана лежал Тунк, название которого, очевидно, соответствует названию реки Тон; между Барсханом и Тунком можно было видеть только палатки кочевого народа чигилей. В 12 фарсахах западнее Тунка находился город Яр, который мог выставить 3000 человек. В *Худӯд ал-'а̄лам* упоминается еще как «зажиточное и посещаемое купцами место» город Сикуль на границе территорий двух кочевых народностей: чигилей и халлухов (карлуков); город, вероятно, носил название озера; город «Yssicol» на северном берегу одноименного озера есть на Каталанской карте 1375 г.; там же будто бы находился армянский монастырь с мощами апостола Матфея (Buchon — Tastu, *Atlas en langue catalane*, p. 132 sq.). От этой культуры, которая, вероятно, была уничтожена в то же время (VIII/XIV в.) и под влиянием тех же причин, что и культура на Чу (см. <ниже, стр. 569>), сохранились лишь отдельные стены и груды кирпичей, да отдельные кладбища, в том числе мусульманское кладбище на Кунгей-Аксу с надписями VI/XII в. (Пантусов, *Кладбище на р. Кунгей-Аксу*, стр. 5 и сл.) и несторианское кладбище на Джуке, открытое в 1907 г., с надписями на сирийском и тюркском языках; одна из этих надписей (1330 г.) опубликована П. Коковцовым (*К сиро-турецкой эпиграфике*, стр. 774 и сл., 788 и сл.).

Берега Иссык-Куля были излюбленным местом зимовок тюркских и монгольских кочевников из-за благоприятных метеорологических условий (снежный покров здесь редко достигает значительной глубины), вследствие чего Иссык-Куль неоднократно упоминается в военной истории Средней Азии. Тимур построил «посреди озера», следовательно на острове, крепость, в которой были поселены среди прочих татары, уведенные им из Малой Азии. Вероятно, это та самая крепость, которую Хайдер-мирза (Мухаммед-Хайдер, 78) называет Койсу; один монгольский эмир будто бы послал туда в IX/XV в. свою семью, чтобы обезопасить ее от набегов калмыков. В настоящее время на озере нет островов; исчезновение упомянутого острова вместе с построенной на нем крепостью, вероятно, было следствием землетрясения. В связи с этим, быть может, находится тот факт, что к берегу Иссык-Куля часто прибивает куски кир-

пича и другие обломки. На Иссык-Куле даже говорят, будто здесь был когда-то затоплен водами озера большой город, стены и здания которого можно видеть в ясную погоду; однако эти рассказы до сих пор не подтверждены [2] и, вероятно, основываются на сказочном сюжете (как известно, засвидетельствованном в разных странах) о затонувших городах. Катастрофа, если таковая была, могла произойти только в последние столетия; Хайдер-мирза, которому мы обязаны последним и самым подробным описанием Иссык-Куля в мусульманской литературе (Мухаммед-Хайдер, 366 и сл.), не рассказывает ничего ни об исчезновении острова, ни об обломках, прибиваемых к берегу, ни о затонувших городах. То, что Хайдер-мирза сообщает об Иссык-Куле, в основном соответствует действительности, хотя там и содержатся некоторые странные утверждения; так, говорится, что вода не годится даже для мытья из-за большого содержания соли; на самом деле содержание соли незначительно.

В XVII—XVIII вв. берега Иссык-Куля находились под властью калмыков-буддистов; об этом времени напоминают и сейчас тибетские надписи в местности юго-восточнее озера. Монгольское название Иссык-Куля было Тэмурту-Нор ('Железное озеро': многие речки, впадающие в Иссык-Куль, несут железистый песок; из этого железа кара-киргизы изготовляют маленькие ножи и др.); тюркские народы в то время называли озеро также Туз-куль ('Соленое озеро'). Еще во времена калмыков здесь были пастбища кара-киргизов (см. Barthold, *Kirgizen*); эта область оставалась во владении того же народа и после завоевания государства калмыков китайцами; китайская власть здесь никогда прочно не устанавливалась, несмотря на несколько попыток. В середине XIX в. русские продвинулись за Или; в 1856 г. полковник Хоментовский достиг Иссык-Куля. Часть кара-киргизов была вынуждена признать русскую власть уже в 1855 г., остальные — в 1860 г. Русскими были основаны несколько деревень и город Каракол, названный в 1888 г. Пржевальском, до сих пор единственный город в окрестностях Иссык-Куля [3] [по переписи населения 1897 г. — 7987 жителей, теперь (1915 г.) — около 15 000] [4]. Все эти населенные пункты находятся в восточной части долины Иссык-Куля; в западной части и поныне обитают лишь кочевники. Поселения и ныне, как в средние века, называются по речкам, на которых они расположены; официальные русские названия редко употребляются даже русскими; русский крестьянин тоже говорит всегда «Тюп» вместо «Преображенская» и «Кизил-су» (из чего было образовано «Козельцы») вместо «Покровская». Благодаря плодородию почвы деревни находятся в цветущем состоянии, несмотря на частые землетрясения.

См. Берг, *Озеро Иссык-Куль*.

---

[2] 〈Существование построек, затопленных при повышении уровня озера, сейчас не вызывает сомнения. См. Иванов, *Материалы*, стр. 70—82.〉

[3] 〈В настоящее время имеется еще один город —Рыбачье (в 1959 г. — 18,6 тыс. жителей).〉 [4] 〈По переписи 1959 г. — 35 тыс. жителей.〉

КАЗАНЬ

Ḳazān (пишется также Ḳāzān); в XV—XVI вв. — столица татарского княжества, в XIX в. — русский университетский город, ныне — столица Татарской Советской Республики. Согласно легендарным сообщениям, город будто бы основал уже Батый. В 1391 г. Казань была разрушена русскими ушкуйниками из Новгорода, а в 1399 г. — князем Юрием Дмитриевичем. Около 1445 г. изгнанный из Золотой Орды Улу-Мухаммед и его сын Махмудек (в русских источниках: Махмутек) создали здесь сильное государство; в том же году (1445), когда Улу-Мухаммед взял в плен русского великого князя Василия, Казань, где правил тогда князь Али-бек, была захвачена Махмудеком. Уже в 1446 г. Махмудек убил Улу-Мухаммеда; другие два сына Улу-Мухаммеда — Касим и Я'куб — должны были бежать от своего брата на Русь, где Касим основал местную династию в городе, названном по нему К а с и м о в о м (см. <ниже, стр. 451 и сл.>). Касим, как позднее многие бежавшие на Русь претенденты на престол, принимал участие в войнах с Казанью на русской стороне. Махмудек умер в 1464 г.; ему наследовали его сыновья — сначала Халиль, потом Ибрахим. В 1468 г. даже Вятке пришлось покориться хану Ибрахиму, однако уже в следующем году война приняла благоприятный для Руси оборот; Ибрахим был вынужден заключить мир и возвратить свободу всем русским пленникам, которые находились в Казани. Преемником Ибрахима был его сын Ильхам; в 1487 г. брат последнего, Мухаммед-Эмин, появился перед Казанью с русским войском; Ильхам должен был сдаться после трехнедельной осады, его с женой сослали в Вологду, а на его место был посажен ханом Мухаммед-Эмин. В 1496 г. хан и вместе с ним «русская партия» были изгнаны вторжением сибирских татар под предводительством Мамука; после победы русских ханом был посажен по просьбе населения Казани не Мухаммед-Эмин, а его брат Абд ал-Лятиф, но уже в 1502 г. Абд ал-Лятиф был отозван в Россию и хану Мухаммед-Эмину вернули его престол. В 1505 г. хан возмутился против верховной русской власти и приказал либо перебить русских купцов, приехавших в Казань на ярмарку, либо разграбить их имущество; татары дошли вплоть до Нижнего Новгорода. В 1506 г. было разбито русское войско; во время подготовки ко второму походу в 1507 г. старые отношения были восстановлены мирным договором. Мухаммед-Эмин умер в 1518 г., а Абд ал-Лятиф — еще в 1517; с ними пресеклась династия, основанная Улу-Мухаммедом.

Последующие десятилетия были временем почти непрерывной борьбы между претендентами, которым покровительствовала Россия, — братьями Шах-Али (так по его надгробной надписи в Касимове, не «Шейх Али») и Джан-Али, выселившимися в Россию из Астрахани, — и национальной партией, поддержанной крымскими татарами и ногайцами. Последняя добилась наибольших побед в 1521 г.; Шах-Али был прогнан прибывшим из Крыма князем Сахиб-Гиреем; братья Мухаммед-Гирей из Крыма и Сахиб-Гирей из Казани дошли до Москвы; великий князь Василий покинул свою столицу; крещеный татарский князь Петр от его имени заключил мир, по условиям которого русское правительство вынуждено было согласиться выплачивать крымскому хану дань. Русские пленники были проданы в рабство: крымскими татарами — в Кафе, а жителями Казани — в Астрахани. В 1524 г. Сахиб-Гирей отправился в Крым, а в Казани оставил своего тринадцатилетнего сына Сафа-Гирея. К краткому правлению Сахиб-Гирея восходит единственный сохранившийся оригинальный документ из времен Казанского царства: датированный 13 сафара 929/1 января 1523 г. указ об утверждении одной семьи в качестве тарханов, т. е. знати, свободной от всех налогов. Налоги эти перечисляются, вследствие чего документ приобретает некоторое значение для внутренней истории царства.

Сафа-Гирей после тщетных попыток прийти к соглашению с Россией был в 1530 г. изгнан прорусской партией; по желанию населения ханом посадили не Шах-Али, а Джан-Али. Но в 1535 г. при восстании национальной партии он был убит. Сафа-Гирея призвали обратно, и его поддержал отец — Сахиб-Гирей, бывший тогда крымским ханом. Поэтому попытки русских восстановить свое господство долгое время не имели никакого успеха. Прогнать Сафа-Гирея и посадить на его место Шах-Али удалось только в 1546 г; однако сразу же после ухода русских Сафа-Гирей возвратился и сохранил престол до своей смерти, последовавшей в 1549 г. Ему наследовал его двухгодовалый сын Утемиш, которого на следующий год доставили в Россию; там он был крещен под именем Александра и прожил до 1566 г. Кратковременное и жестокое правление Шах-Али завершилось его изгнанием; из страны ногаев в Казань был приглашен ханом царевич Ядигар-Мухаммед, родом из Астрахани. Великий князь Иван, уже предпринявший против Казани два безуспешных похода (1548 и 1550 гг.), появился теперь под Казанью с бóльшим войском; после жестоких боев 2 октября 1552 г. Казань была взята приступом; при этом все вооруженные мужчины были перебиты.

Завоеванный город еще долго сохранял под русским владычеством свой прежний облик и свое военное значение. Город имел десять ворот и кремль, отделенный рвом от остальных частей города; в 1555 г. прежняя деревянная стена была заменена каменной. Город тогда имел в длину около 600 сажен ($1^1/_5$ версты = 1,3 *км*) и в ширину — около 500 (1 версту). Еще в 1524 г., чтобы подорвать торговое значение вражеского города,

русское правительство основало ярмарку в Нижнем Новгороде; одновременно русским купцам было запрещено ездить на ярмарку в Казань. Ревностно проводилась пропаганда христианства; с 1555 г. Казань служила местопребыванием архиепископа, а позднее — митрополита. Большее значение имело переселение из собственно России.

От древнего города мало что сохранилось. Одна из башен кремля еще сегодня носит имя княгини Сююмбеки, жены Сафа-Гирея (до того она была замужем за Джан-Али, а позднее — за Шах-Али). Память об этой княгине сохраняется под влиянием татарских национальных устремлений. В 1914 г. вышло в свет ее жизнеописание, под ее именем издавалась также газета для женщин; нельзя, однако, точно установить, когда и как башня получила это название, какие ее части восходят к татарскому периоду, а какие — к русскому. Уже в XVIII в. Казань не имела никакого военного значения и в июле 1774 г., за исключением кремля, была без труда занята Пугачевым; тогда в городе было 2867 домов. Как административный и культурный центр Казань уже тогда имела гораздо большее значение, чем Нижний Новгород. Университет, основанный в 1804 г., особенно прославился своим восточным факультетом (собственно, восточным отделением историко-филологического факультета). В 1855 г. в связи с открытием восточного факультета в Санкт-Петербургском университете преподавание восточных языков в Казани было прекращено, библиотека и прочие учебные средства большей частью переведены в С.-Петербург. С 1861 г. в Казанском университете снова было введено обучение мусульманским языкам. По данным переписи 1897 г., в Казани было 131 508 жителей, в 1911 г. — 182 477[1], в том числе татар — 30 781.

Литература. Howorth, *History of the Mongols*, pt II, pp. 363—429; Фукс, *История Казани* (вновь перепечатана в 1899 г.); Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 1; Кунцевич, *История о Казанском царстве* — здесь обзор литературы; Хади Атласов — преимущественно по русским источникам, на стр. 133 текст указа Сахиб-Гирея (рец.: Бартольд, ЗВОРАО, т. XXIII, стр. 421—422); Заринский, *Очерки древней Казани*; Худяков, *Очерки*. Об университете см. особенно: Загоскин, *История Казанского университета*; Бартольд, *Материалы*; ⟨Калинин, *Казань*⟩.

[1] ⟨По переписи 1959 г. — 643 тыс. жителей.⟩

КАРАКОРУМ

Каракорум — город в Монголии на Орхоне, в XIII в. в течение короткого времени (примерно 1230—1260 гг.) — резиденция монгольского императора, теперь в развалинах. Самые подробные сведения о городе из европейских путешественников дает Рубрук (изд. Мишеля — Райта, 345—346; пер. Рокхилла, в особенности 220, с комментариями переводчика), а из мусульманских авторов Джувейни (изд. Казвини, особенно I, 169 и сл., 192). Подробнейшее описание развалин (участниками Орхонской экспедиции 1891 г.) в *Сборнике трудов Орхонской экспедиции*, 1; у Радлова, *Атлас* — план развалин (табл. XXXVI) и эстампаж большой (сохранившейся неполностью) персидской надписи (табл. XLVIII); о последней Blochet, *Note sur une inscription*. Как правильно замечает Джувейни, несколько ниже Каракорума находились руины древней (VIII—IX вв.) уйгурской столицы Ордубалык ('Город двора'), руины его назывались в то время Мобалык ('Плохой город'), ныне Хара-Балгасун ('Черный город'). Город, основанный монгольским императором Угэдэем (1229—1241), первоначально также официально назывался Ордубалык; название Каракорум было распространено в народе. Лингвистически Каракорум не может быть производным от Кара-кюрен ('Черный лагерь'), как предполагает Рокхилл, а означает 'Черная осыпь' (ср. Радлов, *Словарь*, под словом *корум*); это название еще и сейчас часто встречается в горных местностях. Как ясно отмечает Джувейни, первоначально так назывались горы, в которых находятся истоки Орхона. Сообщение, которое Рокхилл (вслед за д'Оссоном) приписывает Джувейни, будто город имел в длину $^1/_2$ фарсаха, кажется, нельзя найти ни в печатном издании *Та'рӣх-и джахāнгушāй*, ни в рукописях. Рубрук описывает Каракорум как маленький город, не более чем пригород Парижа — Сен-Дени; да и монастырь Сен-Дени значительно превосходил монгольский императорский дворец. Руины монгольского Каракорума и на самом деле имеют небольшую площадь; уйгурский Ордубалык был значительно больше. Зато в Каракоруме в период краткого расцвета этого города очень много строили. Рубрук и Джувейни подробно описывают императорские дворцы в самом городе и его окрестностях, выстроенные частично китайскими, частично мусульманскими мастерами; согласно Рубруку, позже в возведении этих зданий участвовали также русские и западноевропейские мастера. В 2 фарсахах к востоку от Каракорума, по словам Джувейни, нахо-

дился замок Таргубалык ('Город драгоценной ткани, подносимой в качестве подарков').

После переселения монгольских императоров в Китай Каракорум стал лишь резиденцией наместника Монголии; по Марко Поло (изд. Юла — Кордье, I, 226), который сам не был в Каракоруме, дворец наместника находился в цитадели. После изгнания монгольской династии из Китая (1368 г.) императоры вернулись в Каракорум; после прекращения династии (в XV в.) город потерял всякое значение; ныне там находится большой буддийский монастырь Эрдени-цзу.

<Литература. Об истории города и археологических работах на территории Каракорума см.: Киселев, *О древних городах Монголии*, стр. 95; его же, *Древние города Монголии*, стр. 97—101; его же, *Из истории китайской черепицы*, стр. 173—177; Евтюхова, *Керамика из Каракорума*, стр. 179—193; Пэрлээ, *К истории древних городов*, стр. 45. Полный отчет о результатах раскопок Каракорума: *Древнемонгольские города*, стр. 123—322>.

КАРАТЕГИН

Ḳаратегин — местность на Вахше, или Сурхабе (тюрк. Кызыл-су), одном из истоков Аму-Дарьи; у арабских географов Рашт (см. *Аму-Дарья* ‹выше, стр. 320›). Главный город (или крепость, *ал-ḳал'а*: Истахри, 340) Рашта по своему местоположению полностью соответствовал нынешнему Гарму, единственному городу Каратегина. Рашт являлся в то время одной из пограничных областей ислама и был защищен с востока от набегов тюрков стеной, построенной Фазлом Бармаки (см. о нем Barthold, *Barmakiden*, S. 692; Zetterstéen, *al-Faḍl b. Yaḥyā*). В древности через эту область шел описанный Птолемеем путь из Западной в Восточную Азию. Каратегин часто сопоставляют [еще Chavannes, *Documents*, p. 164, со ссылкой на Северцова (*Études*, pp. 420—431)] с «горной областью комедов» (Κομηδῶν ὀρεινή); однако в средние века это название (араб. Кумāз, или Кумāз; кит. Цзюймито) носил район ниже Рашта. В средние века и позже долина Вахша, по-видимому, не имела большого значения для торговых сношений. По известным до сих пор сведениям, только посольство Шахруха в Китай (1419—1422 гг.) использовало на обратном пути описанную Птолемеем дорогу между Ферганой и Балхом.

Как и все горные области в верхнем течении Аму-Дарьи, Каратегин до последнего времени подчинялся собственному правителю. В домонгольское время упоминается только один эмир Рашта, Джа'фар б. Шаманику, (Гардизи у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 9, под 337/948-49 г.). При Тимуре и позже появляется название страны Кайир-тегин (или тигин), в печатном издании *Ẓафар-нāме* (Шереф ад-дин Йезди, I, 189) ошибочно Тиртегин; когда и как возникла нынешняя форма, неизвестно. В рукописях *Бāбур-нāме* (изд. Бевериджа, лл. 33б и 63б — Ḳарāтигин, лл. 69б и 81 — Ḳайир-тигин) и *Та'рīх-и Рашīдī* (особенно 241) встречаются обе формы. Народная этимология объясняет Каратегин как тюркское слово 'Черная колючка' (см. Радлов, *Словарь*, II, 135, османск. *ḳара дикен*) или как имя двух первых киргизских земледельцев (Минаев, *Сведения*, стр. 241, по Арандаренко). Как рассказывается в *Баḥр ал-асрāр* Махмуда б. Вели (л. 277а), в раджабе 1045/декабре 1635 — январе 1636 г. 12 000 семей киргизов, тогда еще язычников, пришли через Каратегин в Хисар. В настоящее время киргизы (кара-киргизы) образуют наряду с таджиками (и небольшим числом узбеков) часть населения Каратегина.

В XIX в. владетели Каратегина утверждали, подобно владетелям Бадахшана (см. <выше, стр. 345>), что они происходят от Александра Великого. Каратегин в то время находился под верховной властью кокандских ханов; подчинение произошло, как сообщают, при Мухаммед-Алихане (1822—1842) в 1250/1834 г. (Наливкин, *История Кокандского ханства*, стр. 134 и сл.), но уже при Алим-хане (нач. XIX в.) каратегинцы составляли значительную часть постоянного войска, созданного этим ханом (Нияз-Мухаммед, *Та'рӣх-и Шāхрухӣ*, 42 и сл.). Еще раз поход из Коканда на Каратегин упоминается в 1275/1858 г. при Малля-хане (1858—1862) (Наливкин, *История Кокандского ханства*, стр. 190); правителем Каратегина в то время был Музаффар-хан (позже называвшийся также Музаффар-шахом). Когда в 1869 г. Хисару пришлось подчиниться бухарскому эмиру, то и Каратегин был занят войсками эмира, а Музаффар-хан увезен в Бухару в качестве пленника; возникший вследствие этого конфликт между Бухарой и Кокандом был разрешен третейским судом русского генерал-губернатора (Кауфмана), и Музаффар-хан снова был возвращен в свое владение[1]; однако после его смерти Каратегин был окончательно присоединен к Бухаре. В последние смуты в Фергане перед окончательным покорением ее русскими (1875—1876 гг.) был втянут и Каратегин; бек Мухаммед-Рахим-шах выступил с оружием в руках против мятежников, хотя им покровительствовал его брат Музаффар-шах (несомненно, не идентичен вышеупомянутому правителю[2]). Граница между Ферганой и Каратегином (по вершинам восточнее долины Кичик-Карамук-су) была определена договором, заключенным между Скобелевым и другим братом бека, Суфи-ханом [28 августа (9 сентября) 1876 г.].

Лишь в 1878 г. Каратегин впервые посетил европеец (В. Ошанин). В следующем десятилетии наместник Худай-Назар-аталык и его преемник Алмас-бек соорудили по правому берегу Вахша горную дорогу через Каратегин, одну из лучших в Средней Азии, что значительно облегчило доступ в Каратегин; однако в зимнее время Каратегин полностью отрезан от соседних областей. Ошанин и позднейшие путешественники описывают Каратегин как плодородную местность с многочисленными деревнями и фруктовыми садами и как одну из самых зажиточных провинций в государстве бухарского эмира. Утверждают (Логофет, *В горах и на равнинах Бухары*, стр. 322 и сл.), что в Каратегине все жители без исключения находят себе пропитание в земледелии (и садоводстве) и что там нет неимущего пролетариата; кто не обрабатывает свой участок в течение трех лет, тот будто бы теряет на него всякое право. Напротив, Рикмерс (*The Duab*, p. 340) рассказывает, что многие крестьяне из Каратегина уходят в Фергану, работают там поденщиками

[1] <Н. А. Кисляков (*Очерки*, стр. 69—70) установил, что это утверждение основано на недоразумении.>

[2] <Это несомненно одно и то же лицо. См. Кисляков, *Очерки*, стр. 83.>

и прислугой и приносят свои сбережения на родину, отчего русские деньги там принимают охотнее, чем бухарские. Единственный город — Гарм; данные о числе жителей, как повсюду на Востоке, чрезвычайно противоречивы: по Ошанину — 2300 домов, по Масальскому — 4000 душ, по Логофету — 15000 душ. Данные об управлении, налогах и т. д. приводит в особенности А. Семенов (путешествие 1898 г.). Жители, измученные произволом сборщиков налогов, часто обращались к Семенову с вопросом: «Когда белый царь (*пāдишāх-и сафīд*) возьмет нас к себе?».

Литература. До 1878 г. прежде всего: Абрамов, *Записка о Каратегинском владении*, стр. 108 и сл.; Арандаренко, *Каратегин*; затем Минаев, *Сведения*, стр. 196 и сл., 233 и сл. Сведения из отчета о поездке Ошанина: Ошанин, *Каратегин и Дарваз*; его же, *На верховьях Мук-су*; Костенко, *Туркестанский край*, т. II, стр. 197 и сл., а также Lumsden, *Countries and tribes*, p. 575, цит. у Geiger, *Ostīrānische Kultur*, S. 22. Позднейшие путешествия: Семенов, *Этнографические очерки*; Логофет, *В горах и на равнинах Бухары*, стр. 322 и сл.; Rickmers, *The Duab*, p. 325 sq. (путешествие 1906 г.). Ср. Масальский, *Туркестанский край*, стр. 735 и сл. ⟨Основная работа по Каратегину теперь: Кисляков, *Очерки*.⟩

КАРС

Карс — город в Армении; у Ибн ал-Асира — Ḳарс, у Якута и Хамдаллаха Казвини — Ḳарс, у Шереф ад-дина Али Йезди и позднее — Ḳāрс. Согласно сомнительной этимологии, название будто бы происходит от грузинского *кари* 'ворота'; «Карис-Калаки» будто бы означает «Город ворот» (из-за расположения на границе между Арменией и Грузией). Город (τὸ Κάρς) впервые упоминает Константин Багрянородный (*De administrando imperio*, сар. 44) как резиденцию главного среди армянских князей (ἄρχωντῶν ἀρχόντων). С 961 г. в Карсе правили Мушег, брат Ашота III, царя Ани (см. <выше, стр. 328>), и его потомки. К последнему из этих государей — Гагику (1028—1064) — восходит найденная в Иерусалиме рукопись Евангелия с важными для истории культуры миниатюрами; царь, царица и их дочь изображены сидящими в восточных одеяниях и на восточный лад; очевидно, хотя Карс тогда и не входил в государство халифов, он находился под влиянием его культуры. Гагик сохранил свое княжество и после того, как Ани был включен в состав Византийской империи (1044 г.). Только грозящая опасность со стороны тюрков побудила его добровольно отказаться от своих прав в пользу императора Константина X Дуки (1059—1067), в награду за что он получил город в Киликийском Тавре. Византийцы тоже не смогли отразить опасность; еще в том же 1064 г. как Ани, так и Карс были взяты тюрками. До 603/1206-07 г. Карс оставался мусульманским городом; в этом году его захватили грузины (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 169). Хорезмшах Джелаль ад-дин (см. *Djalāl al-Dīn*) безуспешно осаждал Карс в 623/1226 г. (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 300), а в 1239 г. его взяли монголы, и позднее он, по словам Хамдаллаха Казвини (*Нузхат ал-ḳулӯб*, изд. Ле Стрэнджа, текст, 93), вместе с Ани входил в состав провинции Грузия (Гурджистāн ва Абḫāз) империи ильханов (см. Barthold, *Ilkhāne*), а затем, вероятно, в государство джалаиров (см. *Djalāir*). В противоположность Ани Карс никогда не был местом чеканки мусульманской монеты. В 1386 г. Карс был взят Тимуром и, как сообщают, сровнен с землей (Шереф ад-дин Йезди, I, 400); город находился тогда во владении князя Пируз-Бахта, который, видимо, нигде в другом месте не упоминается. Лишь в 1579 г. (согласно Хаджи Халифе, *Джихāн-нумā*, 407 — в 988/1580 г.) султан Мурад III (1574—1595) повелел Лала-Мустафа-паше вновь от-

строить Карс как османскую крепость; при этом якобы была найдена мраморная плита с надписью о более ранней постройке, относящаяся ко времени султана Изз ад-дина (вероятно, Клыч-Арслана II, 1156—1188).

При османском владычестве Карс сделался главным городом эйялета, состоявшего из шести санджаков, а также местом паломничества: там показывали гробницу умершего в начале 425/ноябре 1033 г. суфия Абу-л-Хасана ал-Харакани (ср. Сам'ани, изд. Маргулиуса, л. 194б), который никогда не мог бывать в Карсе. Как обычно в таких случаях рассказывают, о могиле будто бы сообщил в сновидении сам святой. Лала-паша построил над могилой святого первую пятничную мечеть.

В 1604 г. Карс был взят шахом Аббасом, а в 1616 г. — снова отнят турками; персы безуспешно нападали на него в 1628 и 1744 гг. 23 июня (5 июля) 1828 г. его впервые заняли русские. 16 (28) ноября 1855 г., после длительной обороны под руководством генерала Уильямса (впоследствии сэр Фенвик Уильямс оф Карс), Карс вынужден был сдаться русским. В войну 1877—1878 гг. Карс был взят штурмом в ночь на 6 (18) ноября 1877 г. и по мирному договору 1878 г. отошел к России, а в 1918 г. по Брест-Литовскому договору он был возвращен туркам; эта уступка осталась в силе и после денонсации Брест-Литовского договора.

Численность населения Карса составляла к 1860 г. около 12 300 человек (Ritter, *Lexicon*, s. v.), а в 1878 г. — только 8672 (по данным «Британской энциклопедии»). При русской власти количество населения сначала, видимо, сильно уменьшилось, а затем быстро поднялось (в 1889 г. — только 3941, по переписи 1897 г. — 20 805, в 1908 г. — 18 397 человек [1], по большей части армян). Из превращенной в мечеть древней армянской церкви (вероятно, упоминаемый Эвлией Челеби монастырь Кызыл-Килиса; как мечеть — Хусейн-кетхуда Джами') теперь сделали греко-православный собор; кроме того, в Карсе были две армянские церкви и три мечети (две суннитские и одна шиитская). О том, какие там существуют условия после восстановления турецкого господства, в России неизвестно никаких подробностей; для армянского населения этот факт должен был быть роковым.

Литература. Вейденбаум, *Путеводитель*; Vivien de St.-Martin, *Mémoires*. О миниатюрах: Тер-Овсепян, *Поездка в Иерусалим*, стр. 38. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, pp. 20, 22, 77; Le Strange, *The Lands*, p. 181; Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, по указателю; Эвлия Челеби, *Сийахат-наме*, II, 329—333.

[1] ‹В 1955 г. — 30,9 тыс. жителей.›

КАРШИ

Карши — уйгурское слово, вероятно заимствованное из одного из местных языков Восточного Туркестана, а позже усвоенное монгольским языком; означает 'замок', 'дворец'. Город Нахшеб, или Несеф (см. Minorsky, *Nakhshab*), получил свое нынешнее название Карши от дворца, выстроенного для хана Кебека (1318—1326; см. Barthold, *Čaghatāi-Khān*) в 2 фарсахах от города, который уже давно бесследно исчез, См. Шереф ад-дин Йезди, I, 111; Le Strange, *The Lands*, p. 470 sq. ⟨Зимин, *Нахшеб, Несеф, Карши.*⟩

КАСИМОВ

Касимов [первоначальное русское название — Городец (или Городок) Мещерский, татарское — Хан-Керман] — некогда резиденция татарского князя, подчиненного московскому царю, ныне уездный город Рязанской губернии. Название свое город получил по Касиму, сыну Улу-Мухаммеда, основателя Казанского царства. В результате войн, возникших между братьями после убийства Улу-Мухаммеда (1446 г.), Касим вынужден был поступить на службу к русскому великому князю; город, носящий его имя, был ему пожалован около 1452 г. (не позднее 1456 г.); он приказал построить здесь мечеть (от которой сохранился только минарет) и каменный дворец (более не существующий, но виденный Палласом еще в 1768 г.). После его смерти (ок. 1469 г.) приблизительно до 1486 г. правил его сын Данияр. Позже Касимов находился под властью князя Нур-Даулета из династии Гиреев и его сыновей Сатылгана и Джаная. Около 1512 г. в качестве касимовского князя упоминается Шейх-Аулияр (внук хана Кучук-Мухаммеда), происходивший из другой линии потомков Джучи; в 1516 г. уже правил (номинально) его несовершеннолетний сын Шах-Али (так он назван в его надгробной надписи, обычно же называется Шейх-Али, русск. Шигалей Шигавлиярович). После жизни, полной превратностей (московский царь несколько раз сажал его на место казанского хана, и, напротив, он неоднократно лишался всех своих званий и приговаривался к строжайшему тюремному заключению, затем был помилован и вновь посажен в свое княжество), Шах-Али умер бездетным в возрасте 61 года в понедельник 10 шавваля 974/21 апреля 1567 г. *Такия*, где находится его надгробный памятник и надгробия некоторых его родственников, построенная им в рамазане 962/июле—августе 1555 г., неоднократно была описана: впервые — Палласом в 1768 г., последний раз — Вельяминовым-Зерновым в 1863 г. Во время его правления в Казани его замещал в Касимове его брат Джан-Али, который позднее также короткое время правил в Казани (1532—1535) и был убит там во время восстания.

«Царю» Шах-Али наследовал в Касимове его отдаленный родственник Саин-Булат, правнук хана Золотой Орды Ахмеда. В 1573 г. он принял христианство, получил имя Симеон, переселился в Москву и получил там от Ивана Грозного титул «царя всея Руси». Он умер в 1616 г. «иноком Стефаном». Преемник ему в Касимов был назначен лишь в 1585 г. — Му-

стафа-Али, чей отец, Абдулла б. Ак-Кубак, умерший и похороненный в Касимове в 1570 г., тоже был правнуком хана Ахмеда. Около 1600 г. касимовским князем называют царевича из рода киргиз-казаков — Ураз-Мухаммеда, который впоследствии принимал участие в гражданской войне в России и был убит в 1610 г. Последними касимовскими князьями были Арслан (внук последнего сибирского хана Кучума) и его сын Сейид-Бурхан. Впервые Сейид-Бурхан упоминается в качестве князя в 1627 г.; между 1653 и 1655 гг. он принял крещение (получив имя Василий) и, несмотря на это, оставался князем в Касимове вплоть до своей смерти, последовавшей вскоре после 1678 г. К этому же времени относится и насильственное обращение в православие части татар Мисаилом, архиепископом Рязанским (1651—1656); при одной из таких попыток обращения архиепископ был убит возмущенным населением. Очевидно, христианскому миссионерскому рвению в Касимове неизменно противопоставлялся приводимый в тамошних надгробных надписях 52-й стих III суры Корана [1].

Уже при Василии управление Касимовым находилось в руках русского воеводы; татарский князь правил только по названию. В этом смысле еще в течение последующих лет княгиней признавалась мать Василия — Фатима-Султан; последний раз ее упоминают в 1681 г. Позднее больше не существовало касимовского «царя» или «царевича» (употребляются то один, то другой титулы). В сегодняшнем уездном городе Касимове татары составляют лишь относительно небольшую часть населения — по переписи 1897 г. 13 545 душ (у Реклю уже ок. 1870 г. — 14 100), из них 1539 татар; в 1909 г. — 17 075 [2], из них 2000 татар. Болгарские промыслы, пришедшие к русским при посредстве татар (дубильный и обувной), особенно развиты и в Касимове.

Литература. Основополагающим и до сегодняшнего дня незаменимым, хотя со времени его выхода в свет и были опубликованы некоторые новые источники, является труд Вельяминова-Зернова (*Исследование о Касимовских царях*). На нем основывается почти все, что было написано о касимовских князьях, в частности Howorth, *History of the Mongols*, pt II, p. 429 sq. Ср. позднее Лилеев, *Симеон Бекбулатович* — рец. Д. К[обеко]: ЗВОРАО, т. VIII, стр. 335—336; Н. Шишкин, *История города Касимова* — рец. Розена: ЗВОРАО, т. V, стр. 122—123.

---

[1] ‹«Поистине, ʿЙса перед Аллахом подобен Адаму. Он создал его из праха, потом сказал ему: „Будь“ — и он стал» (пер. И. Ю. Крачковского, стр. 55).›

[2] ‹По переписи 1959 г. — 30 тыс. жителей.›

КАФА

Кафа, или Каффа, писалась также ал-Кафа — средневековый город на южном побережье Крымского полуострова, в древности — и сейчас вновь — Феодосия (первоначально милетская колония). Название Κάφα, Καφά или Καφᾶ впервые появляется у Константина Багрянородного (*De administrando imperio*, cap. 53); здесь в IV в. будто бы пал в единоборстве с Фарнаком из Херсонеса царь Боспора Савромат V. Высказывали мнение, что название может быть идентично χάβον, упоминаемому Страбоном в гл. 312 (Кеппен, *О древностях*, стр. 107). До XIII в. Кафа нигде более не упоминается. В качестве порта — как для торговых судов, так и для военных флотов — всегда фигурирует Сугдак, нынешний Судак [так еще у Ибн Биби (перс. и тур.), см. указатель]. Лишь во второй половине XIII в. Кафа становится известна благодаря утверждению в Крыму генуэзцев, когда Генуэзская республика откупила этот город у татарского князя. Обычно считают, что этим князем якобы был упоминаемый Абулгази (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 173) Уран-Тимур, сын Тугай-Тимура и внук Джучи, которому хан Менгу-Тимур (1266—1280) пожаловал во владение Кафу и Крым; имя этого же князя пишется у Абулгази на стр. 178 — Уз-Тимур, у Рашид ад-дина (изд. Блоше, 126) — Уранг-Тимур; однако уже в 1263 г. упоминается консул Кафы. Большее значение колониальное владение «Газария», или «Газзария», основанное генуэзцами на Черном море, и Кафа как его столица приобрели лишь в XIV в. Условия жизни регулировались созданием в Генуе «Officium Gazariae» и его статутами (1316 г.); управление оставалось в руках метрополии при ограниченном участии местного населения; чеканка собственной монеты категорически запрещалась статутами 1290 и 1316 гг., однако в XV в. допускалась, по крайней мере фактически; на монетах с латинскими и татарскими надписями помещены как герб Генуи (с 1453 г., когда управление колонией было передано банку Св. Георгия — изображение этого святого), так и печать (тамга) Золотой Орды (позднее тамга Гиреев — ср. Barthold, *Girāy*). С 1318 г. Кафа фигурирует в качестве местопребывания католического архиепископа, чей диоцез охватывал весь район от Варны до Сарая на Волге и от Черного моря до русских княжеств. Ибн Баттута (ок. 1330 г.) описывает Кафу как один из «прославленных портов мира» в его время (Ибн Баттута, II, 358: *мин марāсй ад-дунйā аш-шахӣра*); в гавани находилось около 200 военных

и торговых судов; мусульмане имели там свою мечеть и своего казия. В противоположность этому по договору 1380 г. татары могли жить только за пределами городских стен, в предместьях; позднее эти ограничения были, по-видимому, снова отменены; в статутах 1449 г. устанавливается только, что живущие в Кафе татары не должны быть подчинены titanus seu vicarius, т. е. *тудуну* крымского хана. Сохранившиеся еще поныне укрепления относятся частично ко времени между 1341 и 1348 гг. (победоносные войны против хана Золотой Орды Джанибека), частично к периоду от 1383 по 1386 гг. (сооружение городских стен для защиты не только собственно города — burgus, но и предместий — antiburgi). Население ок. 1470 г. насчитывало, как сообщают, 80 000 душ. Уже в письме банка Св. Георгия папе Калликсту VI (1455—1458) от 1 ноября 1455 г., в котором указывается на турецкую опасность, грозящую колониям на Черном море, Кафа названа как non ambitu quidem moenium, sed populorum multitudine Constantinopoli facile praeferenda.

Латинское христианство не могло надолго задержать турецкое завоевание, неизбежное после падения Константинополя (1453 г.) и Трапезунта (1461 г.), ни собственными силами, ни с часто привлекавшейся помощью Гиреев (от которых Кафа находилась в некоторой зависимости с 1434 г., когда генуэзское войско было разбито Хаджи-Гиреем). В 1475 г. весь полуостров должен был покориться туркам; южный берег с Кафой был включен непосредственно в состав империи султана и разделен на три кадилыка (Кафа, Манкуб и Судак) с пашой в Кафе. При Баязиде II (1481—1512) во время первого русского посольства (1498 г.) этот пост занимал сын султана Мухаммед (в турецких источниках это известие, по-видимому, не встречается, поскольку Хаммер — *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd I, S. 646 — приводит его только со слов Карамзина — *История*, т. VI, стр. 169 и сл. Иногда доходы с Кафы на короткое время передавались Гиреям; в качестве места чеканки монет Гиреев Кафа фигурирует при Менгли-Гирее с 899 по 906/1493—1501 гг., затем снова только при Шахин-Гирее — в 5-й и 6-й годы его правления, т. е. 1195—1196/1781—1782 гг.

Под турецким владычеством Кафа (в турецком произношении Кефе) постепенно приобрела облик мусульманского города, хотя многие христианские церкви сохранились. Наиболее подробное описание принадлежит Дортелли д'Асколи (1634 г.), который в начале XVII в. провел в Крыму более 10 лет (русский пер.: *Описание Черного моря и Татарии*; издание текста: Дашкевич, *Описание Черноморья*). Тогда в Кафе было 70 мечетей, 2 синагоги (одна для раввинистов, другая — караимская), 15 греческих, 28 армянских церквей и лишь одна католическая (по сообщению Боплана[1] 1660 г. — 12 греческих и 32 армянские). Главная мечеть (Бююк Джами'), позднее описанная Палласом (1794 г.), стояла в центре города; купол

[1] ‹*Описание Украины*, стр. 327.›

главного строения, поперечником более 20 *м*, был с трех сторон окружен одиннадцатью меньшими куполами; два минарета имели в высоту 35 *м* (Pallas, *Bemerkungen*, Bd II, S. 262). Падение благосостояния при турецком господстве отмечает уже в 1578 г. Броневский; поскольку мировая торговля пошла другими путями, берега Черного моря больше не могли иметь то же значение, что прежде; однако до конца турецкого владычества Кафа осталась важнейшим портовым городом на северном побережье моря. Шарден (*Voyages*, t. I, p. 46 sq.) утверждает, что за время своего 40-дневного пребывания в Кафе (август—сентябрь 1672 г.) он видел около 400 вошедших и вышедших судов. В городе тогда было около 4000 домов, в том числе 3200 мусульманских и 800 христианских; каменных построек не было вовсе, за исключением 8 развалившихся церквей (очевидно, генуэзского времени). Даже в XVIII в. турки сравнивали Кафу с Константинополем и называли ее «малым Стамбулом» (Кючюк Истамбул).

В 1771 г. русские впервые заняли Кафу, но лишь в 1783 г. она была окончательно включена в состав Российской империи. Согласно старейшему русскому плану города, в ней было тогда 29 мечетей, 13 греческих и 22 армянские церкви, 813 домов, из них 694 турецких. Уже в описании путешествия императрицы Екатерины II (1787 г.) появляется древнее греческое название (по-русски Феодосия); позднее город опять назывался Кафа и только в 1804 г. был окончательно переименован. Уже в первые годы после завоевания началось принудительное выселение турок и добровольное — татар; к 1794 г. (Паллас) Кафа уже «превратилась из прославленного и населенного города почти в груду камней»; к 1802 г. численность населения составляла, как сообщают, всего 290 человек. Русский порт Феодосия, процветание которого начинается только в последнем десятилетии XIX в. (железнодорожное сообщение, учреждение торгового порта в противоположность Севастополю — порту военному), должен, таким образом, рассматриваться как новостройка, возведенная на земле турецкой Кафы. Число жителей составляло, по данным переписи 1897 г., 27 238[2] (еще в 1894 г. только 17 000), из них только 3200 татар. Музей (основан в 1811 г.) содержит много камней с надписями и других древностей, в особенности относящихся к генуэзскому времени.

Литература. Ср. *Бахчисарай* ⟨выше, стр. 369⟩; названные там сочинения Броневского, Палласа и др. необходимы и при изучении истории Кафы, так же как ЗООИД. В ЗООИД (со II по XXIV т.) использован и материал, опубликованный в Италии из генуэзских архивов (*Atti della Societa Ligure die Storia patria* и другие публикации). О монетах: Ретовский, *Генуэзско-татарские монеты*; сверх того, еще: Брун, *Черноморье*, ч. I (гл. II — *О поселениях итальянских в Газарии*) и Кулаковский, *Прошлое Тавриды*. Опыт сводного изложения: Виноградов, *Феодосия*, изд. 2-е. Ср. также: Canale, *Della Crimea;* Heyd, *Histoire* — указатель под словом Caffa. ⟨Гайдукевич, *Боспорское царство*, стр. 192—194; Якобсон, *Средневековый Крым*, по указателю.⟩

[2] ⟨В 1959 г. — 50,1 тыс. жителей.⟩

КАШГАР

Кāшгар — город в Китайском Туркестане, в древнейших китайских источниках называется Сулэ. Это же название поныне употребляется в официальных китайских документах; название Кашгар, в китайской транскрипции Чэши, впервые появляется в *Тан-шу* (см. Chavannes, *Documents*, p. 121 sq.). О домусульманском Кашгаре и развалинах буддийских построек в окрестностях см. Stein, *Ancient Khotan*, vol. I, p. 52 sq.; idem, *Serindia*, vol. I, p. 80 sq. Арабские войска до Кашгара не доходили; сообщение о походе Кутейбы в 96/715 г. является, как показал Х. А. Р. Гибб (*The Arab invasion of Kashghar*), просто легендой. О бегстве царя Ферганы в Кашгар при халифе ал-Мансуре (755—775) см. *Фергана* ‹ниже, стр. 530›. В саманидское время упоминается дихкан Кашгара, по имени (или с титулом) Туган-тегин (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 37), к которому бежал восставший принц Ильяс б. Исхак; ничего не сказано о том, принял ли уже ислам этот дихкан. Позже первым мусульманским ханом Кашгара называется Сатук Богра-хан; в старейшем сохранившемся рассказе о нем (Джемаль Карши, у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 130 и сл.) в качестве года его смерти указывается 344/955 г. Уже этот рассказ содержит несомненно легендарные черты, в рассказе о постройке новой мечети появляется известный легендарный мотив о разрезании бычьей шкуры на ремни. Более поздняя легенда, приведенная Гренаром (*La légende*, p. 1 sq.), не имеет этого сказочного мотива, зато содержит много других легендарных черт и безусловно неверные даты. Дата 344 г. х., вероятно, слишком ранняя, так как известие о принятии ислама многочисленным тюркским народом (200 000 шатров) в 349/960 г., по-видимому, следует относить к тюркам Кашгара; это сообщение имеется не только у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, VIII, 396), но также и у Ибн Мискавейха (изд. Амедроза—Марголиуса, II, 181, текст; V, 196, перевод); первоисточником является, вероятно, Сабит б. Синан ас-Саби, ср. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 476 и 491; Ибн Мискавейх, изд. Амедроза — Марголиуса, указатель. Гробница Сатук Богра-хана находится севернее Кашгара, в Артуче (ныне произносится Артуш), где ее показывают и теперь.

При илек-ханах (см. Barthold, *Ilek-Khāne*; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 519›) Кашгар был в политическом и, вероятно, в культурном отношении важнейшим городом в нынешнем Китайском Туркестане. В V/XI в.

имелось уже арабское сочинение по истории города, написанное Абу-л-Футухом Абд ал-Гафиром (или Абд ал-Гаффаром) б. Хусейном ал-Алма'и ал-Каджгари (sic); отец автора, переживший своего сына (по Сам'ани, на 10 лет), умер в 486/1093 г. Об отце и сыне и о сочинениях последнего см.: Сам'ани, изд. Марголиуса, лл. 470a и 472a; Джемаль Карши — у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 123 и сл. Государей погребали в особом мавзолее (по-арабски *ал-джунбаза ал-ҳāқāнīйа*) на берегу Тумына; первый погребенный там хан умер в мухарреме 424 г. х. (7 декабря 1032—5 января 1033 г.), последний — в раджабе 601 г. х. (22 февраля—23 марта 1205 г.). При монгольском владычестве в Кашгаре Мас'уд-беком (см. *Бухара* ‹выше, стр. 388›) было построено медресе, в его библиотеке находился экземпляр *Çаҳāҳа* ал-Джаухари (Sachau — Ethé, *Catalogue*, col. 983), использованный Джемалем Карши при переводе. Позже Кашгар находился под властью дуглатских эмиров (см. Barthold, *Dūghlāt*), последний из которых, Абу Бекр, правил до 920/1514 г., по свидетельству его родственника Хайдер-мирзы (см. Barthold, *Ḥaidar Mīrzā*) — в течение 48 лет (Мухаммед-Хайдер, 253 и 326); но это свидетельство опровергается словами самого автора, согласно которым Кашгар был завоеван Абу Бекром лишь в 885/1480-81 г. Абу Бекр является основателем нынешнего города; старая крепость была им разрушена и в последние годы его правления заново построена на новом месте на другом берегу Тумына, на мысу между этой рекой и Кызыл-су (там же, 286 и сл., 295).

При «монгольских» ханах (ср. библиографию в статье Barthold, *Čaghatāi-Khān*; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 544›) и позже при калмыках и китайцах столицей области был не Кашгар, а Яркенд; лишь в последнее время, после вторичного завоевания страны китайцами в 1877 г., Кашгар снова приобрел большее значение, будучи резиденцией даодая, которому подчинены западная и южная часть Китайского Туркестана до оазиса Черчен, а также резиденцией русского и английского консулов. О нынешней обстановке см. особенно: Корнилов, *Кашгария* (рецензия: Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 0131 и сл.), там же план Кашгара к стр. 268, и Hartmann, *Chinesisch-Turkestan*, особенно S. 45 sq., S. 89 sq. с планом города по Корнилову. Наиболее значительная постройка в Кашгаре и его окрестностях — Хазрет Апак, гробница известного святого XI/XVII в. Для научной жизни Кашгар имеет теперь также большее значение, чем Яркенд; Яркенд, «который до завоевания Кашгарии китайцами был главным городом и одновременно центром учености и святости, теперь уступил место Кашгару. Его слава померкла» (Hartmann, *Chinesisch-Turkestan*, S. 49). Число жителей, как сообщают, составляет примерно 50 000.

КЕРЧЬ

Керчь — город и крепость на Крымском полуострове; численность жителей по переписи 1897 г. — 28 982[1]. В древности там находилась греческая колония Пантикапей, которая позднее, будучи столицей Боспорского царства, называлась Боспором; с конца VII в. — резиденция хазарского наместника восточной части Крыма, носившего титул *тудун* (западная часть со столицей в Херсонесе как до того, так и позже принадлежала Византийской империи). Название Керчь появляется впервые в мусульманских источниках и пишется различно; к сопоставлению текстов (для написаний Карз и ал-Карш) у Маркварта, *Streifzüge*, S. 506 sq., следует добавить текст Руки ад-дина Байбарса (СМИЗО, I, 89,$_5$ — здесь Кардж). В указанном месте у Маркварта приводится также предложенное русскими учеными (Васильевский, Брун, Куник, Гаркави) возведение названия к греческому Κόριζος или Κόριζος, «как называется монастырь возле Керчи». В древнерусских источниках город называется Корчев; так же и в известной надписи 6576(1068) г., приводимой Карамзиным (*История*, т. II, прим. 120).

После окончательного уничтожения хазарского царства соединенными силами византийцев и русских в 1016 г. восточная часть Крыма с Керчью входила в состав русского княжества Тьмутаракань, столица которого с тем же названием находилась на Таманском полуострове, расположенном против Керчи. Примерно 100 годами позднее владычество над степной областью перешло к кипчакам, или команам, а над портовыми городами — к византийцам. Как полагает Ю. Кулаковский (*Прошлое Тавриды*, стр. 93 — со ссылкой на *Acta et diplomata graeca*, t. III, p. 35), город Ῥωσία, упомянутый в договоре 1169 г. между императором Мануилом Комненом и Генуэзской республикой, следует отождествить с русск. «Корчев». С XIII в. Крымский полуостров принадлежал к татарскому царству Золотой Орды. В 698 г. х. (октябре 1298—сентябре 1299 г.) Керчь вместе с некоторыми другими городами была разрушена Ногаем в виде мести за его внука, убитого в Кафе (СМИЗО, I, 89,$_5$). В XV в. Керчь перешла к османским туркам. После завоевания Азова царь Петр Великий во время своего пребывания в Вене в 1698 г. настаивал, чтобы на предстоявших мирных переговорах от турок потребовали уступки

[1] ⟨В 1959 г. — 99 тыс. жителей.⟩

Керчи России; однако это требование не было исполнено; по заключенному в том же году Карловицкому миру Керчь оставалась во владении турок (Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd III, S. 909; Соловьев, *История России*, кн. III, стр. 1171). Из-за опасности, угрожавшей со стороны русских, султан Мустафа II в 1702 г. приказал построить недалеко от Керчи новую крепость — ныне Ени-Кале (Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd IV, S. 47). В 1771 г. Керчь и Ени-Кале были без сопротивления заняты русскими; Абазапаша, посланный для защиты Ени-Кале, не решился даже высадить свои войска и возвратился обратно в Синоп (ibid., Bd IV, S. 622; Соловьев, *История России*, кн. VI, стр. 738). Во время мирных переговоров в Бухаресте (1773 г.) турки упорно противились требованию русских об уступке Керчи (Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd IV, S. 638), однако по условиям Кючюк-Кайнарджийского договора (1774 г.) вынуждены были на него согласиться. С этого времени Керчь была второразрядной русской крепостью; во время Крымской войны она была в мае 1855 г. занята союзниками.

Город, всемирно прославленный своими памятниками греческого, римского и раннехристианского времени, в мусульманский период не имел более того же значения и потому не располагает выдающимися мусульманскими постройками [2].

---

[2] ‹Об античном городе см.: Блаватский, *Материалы по истории Пантикапея*; Гайдукевич, *Боспорское царство*.›

КЕШ

Каш, называется ныне Шахрисябз ('Зеленый город', из-за плодородия его округи), — город в Бухаре, на прежнем большом торговом пути между Самаркандом и Балхом. Согласно китайским известиям, Кеш (кит. транскрипция Цюйша, или Цзешуанна, а также Цзюйша, сам город — Циши) был основан лишь в начале VII в. н. э.; см. Marquart, *Die Chronologie*, S. 57; idem, *Ērānšahr*, S. 304; Chavannes, *Documents*, p. 146. Очень сомнительно сообщение Якута (*Му'джам*, IV, 274) со ссылкой на Ибн Макула, умершего в 473/1080-81 г., будто в Мавераннахре везде произносили «Кисс»; для более позднего времени произношение «Кеш» засвидетельствовано часто встречающимся выражением «Кеш-и дилькеш». Сведения об арабском завоевании рассматриваются особенно у Маркварта (*Ērānšahr*, см. Index). Кеш саманидского времени был подробно описан арабскими географами (см.: Истахри, 324; Ибн Хаукаль, 375 и сл.; Макдиси, 282). Город имел тогда ширину и длину около $^1/_3$ фарсаха (ок. 2 *км*); старый город (*медина*, перс. *шахристан*) и цитадель (*кухендиз*) были уже покинуты, только пригород (*рабад*) был обитаем; вблизи от более раннего Кеша возникал новый город. Это позволяет предполагать, что нынешний город расположен не в том месте, где был Кеш, который застали арабские завоеватели. Дальнейшее изменение его положения неизвестно; в истории монгольского завоевания город ни разу не упоминается и, следовательно, должно быть, сдался монголам (617/1220 г.) без сопротивления. Название Шахрисябз впервые появляется, также и на монетах, около середины VIII/XIV в. Тимур и его современники, происходившие из области Кеша, воздвигли в Кеше много зданий (об этом см. Бартольд, *О погребении Тимура*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 425—429⟩). Особенно известен дворец Ак-сарай, построенный в конце 782 /начале 1380 г. хорезмийскими мастерами (см. Шереф ад-дин Йезди, I, 301 и сл., а также сообщения Низам ад-дина Шами и Абд ар-Раззака Самарканди у Бартольда, *Улугбек*, стр. 23; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 49⟩). Сейчас от этого дворца мало что сохранилось; о надписях см. Андреев, *Перевод списков*, стр. 114 и сл. Еще в X/XVI в. Хафиз-и Таныш (*'Абдулла-нāме*, л. 87б) рисует Кеш, или Шахрисябз, значительным городом, которым обычно управляет царевич из правящей династии, в то время как управление Несефом, или К а р ш и (см. ⟨выше, стр. 450⟩), могло быть

передано военному чиновнику (*даруга*). Ныне, напротив, Шахрисябз — незначительный в сравнении с Карши город, что явилось следствием политической обстановки XII/XVIII в. Район Шахрисябза с севера, юга и востока окружен горами, поэтому нельзя ожидать, что он будет скоро охвачен железнодорожной сетью [1], в то время как Карши уже теперь имеет железнодорожное сообщение с Бухарой и Термезом; таким образом, городу Шахрисябзу, вероятно, не предстоит новый расцвет.

Литература. Le Strange, *The Lands*, p. 469 sq.; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 134 и сл.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 188 и сл.⟩; его же, *Орошение*, стр. 125—126 и сл.; ⟨выше, стр. 205 и сл. Об истории и топографии города: М. Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз*; Сухарева, *К истории*, стр. 128—139. Об архитектурных памятниках: Гулямов, *К вопросу*; Воронина, *Некоторые данные*; Кабанов, *Руины дворца Ак-Сарай*⟩.

[1] ⟨В 1915 г. до Шахрисябза проведена железнодорожная ветка от Карши.⟩

КОКАНД

Коканд (по-арабски пишется Ḫувāқанд, позднее Ḫӯқанд; отсюда народная этимология: *ҳӯқ*+*канд*='город кабана')—город в Фергане (см. <ниже, стр. 527>; там же и о других написаниях и об основании в XII/XVIII в. независимого узбецкого государства со столицей в Коканде). Восшествие на престол первого хана, Шахруха, было связано с постройкой цитадели; другая цитадель, позже названная Иски-Урда, была построена его сыном Абд ал-Керимом (ум. в 1746 г.). Абд ал-Керим и его племянник и преемник Ирдана-бий часто упоминаются в истории аталыка, а позже бухарского хана Мухаммед-Рахима (ум. в 1759 г., см. *Бухара* <выше, стр. 390>; Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туҳфат ал-ҳāнӣ*, особенно лл. 39 и сл., 145б и сл.). Когда было уничтожено государство калмыков и границы Китайской империи продвинулись до Ферганы (1758 г.), Ирдана был также вынужден признать зависимость от Китая. Китайские известия об этом из *Дай-цин и тун-чжи* приведены Клапротом (*Magasin asiatique*, t. I, p. 81 sq.). Позже Ирдана принял участие в коалиции мусульманских ханов Средней Азии, обратившихся за помощью против Китая к хану Афганистана Ахмед-шаху Дуррани (см.: Dames, *Afghanistān*, S. 179; idem, *Aḥmed Shāh*, S. 214 sq.). Союз не имел никаких результатов, хотя Ахмед-шах появился в 1763 г. в Туркестане с войском и захватил местность между Кокандом и Ташкентом (в то же время из Коканда был сделан набег на область кара-киргизов; Klaproth, *Magasin asiatique*, t. I, p. 83); вскоре ему пришлось уйти ввиду других его предприятий. Номинально верховную китайскую власть признавал также внук Абд ал-Керима Нарбута-бек (правил, вероятно, с 1188/1774-75 до 1213/1798-99 г., см. Зимин, *Первые шаги Алим-хана*, стр. 102, и Валидов, *Некоторые данные*, стр. 112 и сл.). К первым годам его правления относится путешествие русского унтерофицера Филиппа Ефремова, который в 1774 г. был взят в плен киргизами, продан в Бухару и в 1782 г. вернулся в Россию через Индию и Англию. Согласно его путевым запискам (Ефремов, *Десятилетнее странствование*, стр. 59 и сл.), Нарбуту «с китайской стороны» уже признавали ханом, он находился в союзе с Китаем и во враждебных отношениях с Бухарой. Выдающиеся здания в столице не упоминаются (при Нарбуте было выстроено медресе Мир), зато описывается колонна (очевидно, минарет) высотой якобы в 40 сажен (более 85 *м*) в Маргинане на базаре; согласно

Филиппу Назарову (см. ниже), эту «башню» можно было видеть на расстоянии 50 верст (более 50 *км*).

Оба сына Нарбуты, Алим и Омар, являются подлинными основателями государства и города Коканда в том виде, каким мы его знаем позже. Хронология этих двух царствований (1213—1237/1798-99—1821-22) еще недостаточно твердо установлена; даже год, в который был убит Алим и возведен на престол Омар, в источниках указывается различно. Согласно *Та'рӣх-и Шāхрухӣ* (106), Омар умер в 1237/1821-22 г. (по циклическому счету указывается год лошади — 1822 г.); согласно Наливкину (*История Кокандского ханства*, стр. 101),который здесь следует другому источнику (*Мунтахаб ат-таварӣх* Хаким-хана), Алим был убит лишь весной 1232 г. (следовательно, в 1817 г., а не в 1816 г., как у Наливкина); с другой стороны, сам Наливкин в другом месте (*История Кокандского ханства*, стр. 185) относит постройку Омар-ханом соборной мечети Коканда к 1231/1815-16 г. Русский переводчик Филипп Назаров, который был в Коканде зимой 1813/14 г., называет правителя Коканда Амир Валлиами (Назаров, *Записки*, стр. 50 и сл.); вероятно, это *валӣ ан-ни'амӣ*, а не *валӣ мийанӣ*, как у Клапрота (*Magasin asiatique*, t. I, p. 42); правителю было тогда только около 25 лет; это может относиться только к Омару, а не к значительно старшему Алиму, да и по Абд ал-Кериму Бухари (I, 102) это посольство, как и его повод (убийство кокандского посла в Петропавловске русским солдатом), произошло при Омар-хане. Согласно Абд ал-Кериму (I, 99), Алим был убит уже в 1224/1809 г., что не может быть правильным, так как у нас имеется его документ, датированный джумада I 1225 г. (июнь 1810 г. — Маллицкий, *Несколько страниц*, стр. 165 и сл.). Следовательно, смена власти произошла, очевидно, между 1810 и 1813 гг.[1]

В своей самой ранней грамоте 1213/1798-99 г. Алим еще рассматривает себя представителем неназванного хана; позже он выступает как самостоятельный правитель с титулом хан или эмир; после завоевания Ташкента его могущество нисколько не уступало могуществу бухарского эмира. При Омаре в 1814 г. (так по Назарову, а не в 1819 г., как у Наливкина, *История Кокандского ханства*, стр. 110 и сл.) в состав кокандского государства был включен также город Туркестан с относящейся к нему киргизской[2] степью; после этого Омар принял титул *амӣр ал-муслимӣн*. Как при Алиме, так и при Омаре неоднократно велась война с Бухарой за обладание Ура-Тюбе; этот город и позже, до русского завоевания, оставался яблоком раздора между этими двумя государствами; воспоминание об этих раздорах до сих пор продолжает жить в детской игре «Ура-Тюбе — мой» (Дервиш, *Бухарская республика*, стр. 195).

---

[1] ‹О хронологии первых кокандских ханов ср. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 286—287.›

[2] ‹Казахской.›

Внутренняя политика Омара полностью отличалась от политики его предшественников. Как и многие другие среднеазиатские правители, Алим стремился сокрушить могущество узбецких родов и поэтому окружил себя наемным войском из горцев Каратегина, Дарваза и других областей (Нияз-Мухаммед, *Та'рӣх-и Шāхрухӣ*, 42 и сл.). Борьба против знати, как часто и в других случаях, была связана с борьбой против духовенства и особенно против дервишских орденов; поэтому историки рисуют Алима как безбожного тирана (*зāлим*) и восхваляют благочестие и справедливость Омара, возведенного на престол убийцами Алима. Омар является строителем нынешней соборной мечети в Коканде, которая одновременно служит как медресе и поэтому называется Медресе-и джами' (воспроизведение: Schwarz, *Turkestan*, S. 224). Омар был также любителем поэзии и сам сочинял под псевдонимом (*тахаллуṣ*) Эмир; стихи самого хана, его чиновников и любимцев были объединены в особый сборник, который позже был даже напечатан (*Маджмӯ'āт аш-шу'арā'* — Hartmann, *Das Buchwesen*, S. 87 sq.). Вероятно, тем же ханом был основан город Шахр-и Хан (западнее Андижана); большой канал, проведенный к нему из Кара-Дарьи, — Шарихан-сай — ныне длиной 110 верст (почти 120 *км*); орошаемые им поля занимают 70 000 десятин (около 77 700 *га*). Прорытие этого канала полностью изменило ирригационные условия в Фергане.

Сыну и преемнику Омара, Мадали (собств. Мухаммед-Али), при восшествии на престол было 12, по другим данным — 14 лет. В первую половину его царствования кокандское государство стало особенно могущественным и обширным. На юге ему подчинились области Каратегин, Дарваз и Куляб, ныне принадлежащие Бухаре; на северо-востоке собирались налоги с кара-киргизов, с Большой и части Средней орды казак-киргизов [3]; посланцы хана появлялись даже у племен Большой орды, кочевавшей по ту сторону И л и (см. <выше, стр. 433—434>). Поддержанное из Коканда восстание ходжи Джехангира в Кашгаре (1826 г.) не имело успеха; все же китайское правительство разрешило чиновникам хана собирать налоги в «6 городах» (*алты-шехр*): Аксу, Уч-Турфане, Кашгаре, Янгишехре, Яркенде и Хотане. Кроме Коканда, в котором имя Мадали-хана носит одно из крупнейших медресе (воспроизведено у Остроумова, *Исламоведение*, стр. 185), особенного расцвета достиг Ташкент; с 1835 г. беглербеги Ташкента было передано управление всеми северными провинциями государства; памятником этого времени является большое медресе Беглербеги (изображение там же, стр. 188). Прорытие большого канала Хан-арык в районе Ташкента относится к тому же времени (Маллицкий, *Несколько страниц*, стр. 175).

Несмотря на значительное расширение государства, власть хана не имела прочной опоры; его развратный образ жизни и жестокое правление возбуждали всеобщее недовольство; сообщают, будто бухарского эмира

[3] <Т. е. казахов.>

Насруллу (см. Berthels, *Naṣr Allāh*) призвали из Коканда положить конец власти кровожадного и безбожного тирана. Кокандское войско потерпело полное поражение; сама столица (в первый раз со времени основания государства) была разграблена врагом, Мадали был убит во время бегства (1258/1842 г.). Завоеватели были изгнаны в том же году, и на престол был возведен Ширали, один из двоюродных братьев Алима и Омара; но восстановить внутренний мир на длительное время так и не удалось до русского завоевания. Царствование Ширали (1842—1845), его сыновей Худояра (1845—1858 и 1865—1875) и Малля (1858—1862) и нескольких недолговечных правителей было временем постоянных неурядиц и кровавых войн, особенно между узбецким племенем кипчак и «сартами», т. е. местным населением. Малолетний в то время Худояр был возведен на престол Мусульман-Кулом, главой кипчаков; в столице кипчаки изгоняли сартов из их домов; в сельских местностях они захватывали каналы; лишь при уплате определенной суммы сарты могли получить воду, необходимую для их полей. В 1269/1852 г. Мусульман-Кул был свергнут Худояром и казнен; земли снова перешли в руки сартов. Малля снова опирался на кипчаков и приказал возвратить им земли, перешедшие во владение сартов. Изгнанные претенденты на престол обычно искали защиты в Бухаре; в этих условиях Насрулле в 1275/1858 г. удалось продвинуться до Ходженда, а его преемнику Музаффару в 1279/1862 и вторично в 1282/1865 г. даже захватить Коканд. Борьба против внутренних и внешних врагов велась со средневековой жестокостью. По приказу хана Ширали, тестя Мадали — Мухаммед-Шериф-аталыка, наместника Ташкента — привязали к хвосту коня и протащили по степи; после взятия Худояром в 1265/1848 г. Ура-Тюбе из голов убитых врагов была сооружена башня (*келле-минār*).

Несмотря на эти обстоятельства, государство сохраняло прежнюю свою территорию до самого русского завоевания. На северо-западе русские войска вошли в соприкосновение с отрядами кокандского хана с 1850 г. на нижнем течении Сыр-Дарьи, примерно в 300 верстах (более 320 *км*) от устья; на северо-востоке — с 1860 г. между Чу (см. <ниже, стр. 567>) и Или. Как и раньше, все эти области подчинялись наместнику Ташкента, который заботился также и о поддержании земледелия; сообщается, будто наместник Мирза Ахмед (1853—1858) проводил ирригационные работы на территории от города Туркестана до Чуйской долины.

Лишь незадолго до русского завоевания, в 1865 г., Ташкент перешел во власть бухарских эмиров. С 1866 г. кокандское государство ограничивалось Ферганой и в этих границах, даже после договора с Россией (1868 г.), оставалось номинально независимым. К этому времени относится прорытие канала Улугнар (Middendorff, *Einblicke*, Anhang, S. XXI), в это же время были воздвигнуты некоторые постройки (Урда, или дворец хана, часто воспроизводимая, напр.: Schwarz, *Turkestan*, S. 412 и лучше у Масальского, *Туркестанский край*, стр. 701 и 703; медресе Хаким Айин и

Султан-Мурад-бек, построенное матерью и братом хана, воспроизведено у Остроумова, *Исламоведение*, стр. 184).

После свержения хана Худояра, вследствие народного восстания и вызванных этим новых неурядиц, к России были присоединены остатки этого государства в качестве «Ферганской области». И при русской власти Коканд остался крупнейшим городом (по переписи 1911 г. — 113 636 жителей[4]) и значительнейшим торговым центром области. Резиденцией губернатора был вновь основанный город Новый Маргелан, позже названный Скобелев, ныне Фергана. Последний раз некоторую политическую роль Коканд сыграл в 1917 г., когда там было образовано «автономное правительство Туркестана», которому в следующем году положила конец победа Красной Армии.

Литература. Наливкин, *История Кокандского ханства* (рец.: Н. Веселовский, ЗВОРАО, т. I, стр. 227—228; Розен, ЗВОРАО, т. IV, стр. 126—128). Относительно источников также: Smirnow, *Manuscrits turcs*, p. 150 sq.; Бартольд, *Извлечение*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 350—357⟩; его же, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 218 и сл., 272 и сл.; Валидов, *Восточные рукописи*, стр. 303 и сл., 310 и 320. О войне 1875—1876 гг. особенно: Брянов, *На память о Фергане*; Корытов, *Самозванец Пулат-хан*. О войне 1917—1918 гг.: Тюрякулов, *Кокандская автономия*, а также издававшаяся в то время в Коканде газета «Улуг Туркистан». ⟨См. также *Историю Узбекской ССР*, т. II, стр. 52—56, 61—63 и статью *Кокандская автономия* в БСЭ, изд. 1.⟩

[4] ⟨По переписи 1959 г. — 105 тыс. жителей.⟩

КРЫМ

Крым — полуостров на северном берегу Черного моря. Это название (неизвестного происхождения) получил сначала, в XIII в., город Солгат, или Солхад, ныне Старый Крым, тогда резиденция монгольского наместника, находящийся в глубине страны, юго-западнее Кафы (см. <выше, стр. 453—455>) и северо-восточнее Судака. Старое название было вытеснено новым около конца XIV в. или в начале XV в., как доказывают приводимые у Тизенгаузена слова ал-Калькашанди: «*мадīнат Çолғāт. ... ва қад ғалаба ʿалайҳā исму-л-Қирим*» (СМИЗО, I, 401). Старое название, происхождение которого равным образом неизвестно (ср. очень искусственную тюркскую этимологию у Мухаммеда-Риза, изд. Казембека, 78) и существование которого в домонгольское время можно, видимо, предполагать, также не засвидетельствовано ранее XIII в. В греческих агиографических сочинениях и списках епархий упоминается крепость Фулла, или Фуллай, около Сугдайи (Судака), резиденция хазарского наместника восточной части полуострова. Считается, что местоположение этой крепости соответствовало положению Солгата.

У арабских географов встречаются лишь скупые сведения о полуострове; данные Идриси (пер. Жобера, II, 400 и сл.) о приморских городах почерпнуты, по-видимому, из сообщений итальянских мореплавателей, как показывают формы названий. Очевидно, торговые связи итальянских городов уже тогда простирались вплоть до северного побережья Черного моря. Первый мусульманский поход в Крым был предпринят малоазиатскими турками под предводительством султана Ала ад-дина Кайкубада (616—634/1219—1236) лишь незадолго до монгольского завоевания [Ибн Биби (перс.), 328 и сл.]. В правление хана Золотой Орды Беркая города Солхад и Сутак (Судак) около 1265 г. получил в ленное владение Изз ад-дин Кайкавус, изгнанный из Малой Азии и освобожденный Беркаем из византийской тюрьмы [Ибн Биби (тур.), 298; ср. Barthold, *Berke*, S. 738]. После него власть над этими городами наследовал его сын Гияс ад-дин Масʿуд [Ибн Биби (тур.), 335]. Татарские монеты чеканились в Крыме (как постоянно называется город на монетах) с 686/1287-88 г. В арабских источниках монгольского периода это название всегда пишется ал-Қирим, а Ибн Баттута (II, 359) дает огласовку «Қирам». В рассказе о первом египетском посольстве ко двору Беркая (текст у Тизенгаузена, СМИЗО, I, 54) Крым описывается как селение (*қарйа*), населен-

ное различными народами (кипчаками, русскими и аланами). Напротив, Ибн Баттута описывает его как «большой и красивый город». В 686/1287-88 г. из Египта были посланы архитектор и 2000 динаров для постройки в Крыме мечети с именем египетского султана (Макризи; текст у Тизенгаузена, СМИЗО, I, 423); среди развалин Старого Крыма действительно сохранились обломки мечети, выстроенной в египетском стиле. Мечеть, основанная ханом Узбеком в 714/1314-15 г., построена совсем иначе.

Еще первые правители из дома Гираев (так в EI, II, S. 181 ⟨Barthold, *Girāy*⟩; лучше, очевидно, «Гирей») имели в Крыме резиденцию и чеканили там свою монету. Во время внутренних смут в правление Менгли-Гирея во второй половине IX/XV в. город, как сообщают, был полностью разрушен; но монеты чеканились в Крыме еще при Мухаммед-Гирее в 923/1517 г. (Ретовский, *Монеты Гиреев*, стр. 71). Относительно неоднократно обследованных и описанных (но сильно разграбленных) руин Старого Крыма ср. в особенности: Кеппен, *Крымский сборник*, стр. 340 и сл.; В. Смирнов, *Археологическая экскурсия в Крым*, стр. 278 и сл. Раскопки начались там по поручению Ассоциации востоковедов в 1925 г. и были продолжены в 1926 г.

При османском владычестве (с 880/1475 г.) название прежней столицы было распространено на весь полуостров и его население (*кырым халкы*, *кырым татарлары*; ср. Радлов, *Словарь*, II, 745). Полуостров с его населением, сложившимся из различных племен (как известно, только здесь сохранились остатки готов), с его памятниками античной и раннехристианской культур, был в этот период почти полностью исламизован и отуречен. Об истории Крыма в это время см. *Бахчисарай* ⟨выше, стр. 368—370⟩ и Barthold, *Girāy*.

После окончательного присоединения Крыма к России (1783 г.) мусульманскому населению была категорически подтверждена неприкосновенность его религии. Текст изданного тогда указа был впоследствии включен в статьи российских Основных законов, относящиеся к свободе вероисповедания. Для Крыма была учреждена должность особого муфтия, полностью независимого от муфтия Поволжья в Уфе; как и в Уфе, было организовано «духовное управление». В противоположность этому под влиянием греческой идеи, которой правительство тогда покровительствовало, греческой культуре оказывалось предпочтение перед турецкой. Государство прежних татарских ханов называлось теперь Таврической областью (1784 г.; упразднена в 1797 г.), позднее (с 1802 г.) — Таврической губернией. Главным городом губернии стала сожженная русскими в 1736 г. Ак-Мечеть, получившая теперь название Симферополь; помимо этого, возник еще ряд городов с греческими названиями, в частности военный порт Севастополь. Старый Крым тоже тогда должен был именоваться Левкополем, но название это не привилось. Вследствие прибытия русских и греческих переселенцев, так же как и в результате эмиграции

большой части татарского населения в Турцию, в соотношении отдельных групп населения произошел полный переворот. Мусульмане (всего 206 113 человек по оценке 1913 г. — Рыбаков, *Статистика мусульман*, стр. 761) составляли теперь по сравнению с христианами лишь незначительное меньшинство (меньше одной трети всего населения).

После революции 1917 г. мусульманское население (как и повсюду в России) без особого успеха предприняло попытку конституироваться на религиозной основе в качестве самостоятельной общности, выступающей независимо по отношению к правительству. Позже районы к северу от Перекопского перешейка были отделены от прежней Таврической губернии и присоединены к Украинской республике. Полуостров образует ныне Крымскую Автономную Советскую Социалистическую Республику [1].

Еще до революции образованные «крымские татары» отвергали это название, данное им турками (название «татары» встречается и в местных источниках). Они желали себя именовать только «турками», а свой язык (действительно испытавший сильное влияние литературного языка Османской империи) — «турецким». В настоящее время язык литературных произведений, особенно выходящих в Симферополе, официально именуется только «тюркским», в противоположность литературному «татарскому» языку Поволжья.

Литература. Кроме указанной в тексте см.: Кулаковский, *Прошлое Таврида*; Гаркави, *Крымский полуостров*. О позднейшей литературе см. в особенности статью *Крым* в *Географическо-статистическом словаре* ⟨Семенова⟩ (там же подробная библиография). Относительно «националистических иллюзий крымских татар» в 1917—1918 гг. см. Елагин, *Националистические иллюзии*. О раскопках в Старом Крыме см.: Бороздин, *Солхат*; его же, *Новые данные*. ⟨См. также статью *Крымская АССР* в БСЭ, изд. 1; *История и археология средневекового Крыма*; Маслов, *Крым*; Курьянов, *Крым*; Якобсон, *Средневековый Крым*, стр. 105—108.⟩

[1] ⟨Ныне Крымская область Украинской ССР.⟩

КУЛЬДЖА

Кульджа — город в верховьях И л и (см. ‹выше, стр. 433—434›). Мусульманское княжество в этом районе впервые упоминается в VII/XIII в.; основатель этого княжества, который будто бы прежде был разбойником и конокрадом, у Джувейни (изд. Казвини, I, 57) называется Озар, у Джемаля Карши (Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 135 и сл.) — Бузар; согласно последнему, он, будучи государем, носил титул Тогрул-хан. Столицей этого княжества был Алмалык, впервые упомянутый по этому случаю, позже описываемый как большой и богатый торговый город. Более точными сведениями о расположении этого города мы обязаны прежде всего китайцам (Bretschneider, *Researches*, Index); он находился южнее озера Сайрам и перевала Талки, севернее Или, вероятно северо-западнее нынешней Кульджи. Как и прочие князья этих районов, правитель Алмалыка вступил в связь с Чингиз-ханом. Он был убит Кучлуком, завоевателем державы кара-китаев (см. Barthold, *Ḳara Ḫitai*), при неожиданном нападении во время охоты; однако взять город Алмалык Кучлуку не удалось. Сын и преемник Озара, Сукнак(или Сугнак)-тегин, получил в жены внучку Чингиз-хана (дочь Джучи); после его смерти (651/1253-54 г.; см. Джувейни, изд. Казвини, I, 58; у Джемаля Карши — 648/1250-51 г.) ему наследовал его сын, имя которого (Данишменд-тегин), как и имена остальных правителей этой династии, упоминает только Джемаль Карши (Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 140 и сл.). Алмалык находился тогда (начало VIII/XIV в.) еще под властью этой династии, но неизвестно, как долго еще правили ее князья. Им, несомненно, принадлежат серебряные и медные монеты, чеканенные в Алмалыке в VII/XIII в.

Будучи большим торговым городом на главном торговом пути через Среднюю Азию в Китай, Алмалык часто упоминается также и европейскими путешественниками и миссионерами. Подобно городам на Ч у (см. ‹ниже, стр. 567—570›), Таласе и другим, Алмалык полностью пришел в упадок из-за постоянной борьбы за престол и войн VIII/XIV в.; ср. *Бабур-наме*, изд. Беверидж, 1; Мухаммед-Хайдер, 364. Мухаммед-Хайдер упоминает развалины этого города с гробницей Туглук-Тимур-хана (ум. в 764/1362-63 г., см. Barthold, *Dūġlāt*); эти развалины находятся между Хоргосом, пограничной рекой между Россией и Китаем, и селением Мазар и особенно подробно описаны Пантусовым (*Город Алмалык*, стр. 161 и сл.). Там же найдены также надгробные надписи христиан-несториан.

Город, который мусульманское население ныне называет Кульджа, или Гульджа (Радлов — *Aus Sibirien*, Bd II, S. 336 — приводит значение 'лось'; ср. также Кульджа-баши, название горы между Чу и Или — Масальский, *Туркестанский край*, стр. 42), был основан в 1762 г., после завоевания калмыцкого государства китайцами, под названием Нинюаньчэн; остается спорным, существовал ли город Кульджа уже много ранее, как утверждает Радлов (*Aus Sibirien*, Bd II, S. 321). Несколько позже, чем эта «татарская» Кульджа, в 1764 г. был основан город Хуйюаньчэн, называемый также «Китайская Кульджа», «Новая Кульджа» или «Большая Кульджа», — резиденция китайского военачальника (*цзянцзюнь*). Китайцы переселили в местность, почти полностью запустевшую во время войн с калмыками, 6000 семей из Кашгарии; этих переселенцев позже стали называть «таранчи» ('земледельцы'). В 1851 г. в Кульдже был заключен торговый договор между Россией и Китаем, по которому Кульджа была открыта для русской торговли. В 1862 г. Радлов посетил Старую и Новую Кульджу и подробно их описал (ibid., S. 305 sq., 336 sq.); население Кульджи в то время «составляло по меньшей мере 80 000 человек», что, по-видимому, преувеличено.

Вследствие мусульманского восстания 1863—1866 гг. благосостояние города было почти полностью уничтожено; Новая Кульджа была взята в 1865 г. после жестоких боев и полностью разрушена; насколько известно, этот город и сейчас лежит в развалинах. После некоторых раздоров в среде восставших власть перешла к султану из таранчей; обычно этого султана называют А'ла-хан или Абу-л-А'ла (в русских источниках часто в искаженной форме «Абил-Огла»). В 1871 г. султанат был оккупирован русскими, а султан перевезен в город Верный [1], где он до самой смерти ежегодно получал пенсию в 5000 руб. Кульджа в течение 10 лет оставалась в русском управлении и была возвращена Китаю лишь по Петербургскому договору 1881 г. Население Кульджи (т. е. прежней Старой Кульджи) по переписи 1872 г. составляло 7693 души, среди них 4098 мусульман. При китайцах административные органы были переведены в Суйдин (примерно 40 *км* северо-западнее Кульджи), однако Кульджа по-прежнему осталась важнейшим городом Илийской области; в нем же находился русский консул. К началу XX в. Кульджа, как сообщают, имела около 30 000 жителей (Богоявленский, *Западный Застенный Китай*, стр. 105).

Литература. О местоположении Алмалыка особенно: Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 69 sq.; vol. II, p. 33 sq. Сводка сведений христианских источников: Hallberg, *L'Extrême Orient*, p. 17 sq. (Almalech). О христианских надгробных надписях особенно: Коковцов, *Христианско-сирийские надгробные надписи*. О восстании 1860—1862 гг.: Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 394 sq.; Дьяков, *Воспоминания*, там же (стр. 236) указана (В. Котвичем) литература. О времени русского правления: Пантусов, *Сведения о Кульджинском районе*; Костенко, *Туркестанский край*, т. I, стр. 427 и сл. О положении после восстановления китайской власти: Федоров, *Описание Илийского края* — рец. В. Бартольда: ЗВОРАО, т. XV, стр. 0131—0137; Велецкий, *Приилийский Кульджинский край*.

[1] <Ныне Алма-Ата, столица Казахской ССР.>

КУРА

Кур, русск. Кура, у арабских географов Курр — крупнейшая река на Кавказе, имеет в длину более 1000 *км*, по словам Хамдаллаха Казвини — 200 фарсахов (*Нузхат ал-кулӯб*, изд. Ле Стрэиджа, текст, 218). Истахри (189) описывает Куру как реку судоходную и богатую рыбой; и в настоящее время, видимо, потребовались бы лишь небольшие работы для того, чтобы сделать реку доступной для современных пароходов от Мингечаура (несколько ниже устья Алазани) до впадения в Каспийское море. Аракс, рассматривавшийся в древности как самостоятельная река, в мусульманских источниках фигурирует всегда в качестве притока Куры. По словам Хамдаллаха Казвини (*Нузхат ал-кулӯб*, изд. Ле Стрэнджа, текст, 218), от Куры тогда ответвлялся рукав к озеру (*бухайра*) Шамкӯр, независимо от впадения самой Куры в Каспийское море; это сообщение, стоящее особняком, основывается, по-видимому, на недоразумении; у самого Хамдаллаха Казвини не встречается никаких сведений о таком озере; упоминается только город Шамкӯр (русск. Шамхор) в 2 фарсахах от Гянджи, на дороге в Тифлис (там же, 181 и сл.), который уже тогда, как и ныне, был в развалинах. Для политической истории судоходство по Куре имело значение лишь однажды — при разрушении русами города Берда'а в 332/943-44 г. Помимо литературы, указанной в статье *Берда'а* ⟨выше, стр. 373⟩, см. об этом событии еще Margoliouth, *The Russian Seizure of Bardha'ah*, p. 82 sq.; ⟨Якубовский, *Ибн-Мискавейх*⟩.

Литература. Le Strange, *The Lands*, p. 179; Вейденбаум, *Путеводитель*, стр. 41 и сл.

КУЧАН

Кучан — город в Персии, в северной части провинции Хорасан (см. Huart, *Khorāsān*) в верхнем течении Атрека (см. <выше, стр. 338>), возможно древний Ашак или Арсака, у ранних арабских географов Хабушан, позднее Худжан — так у Макдиси (319,$_3$) и Бейхаки (изд. Морлея, 761), а также у Якута в статье *Устува* (*Му'джам*, I, 243,$_{20}$) по Сам'ани (изд. Марголиуса, л. 31а); согласно Якуту (*Му'джам*, II, 487,$_{21}$), местное произношение было в то время Хушан, а у Сам'ани (л. 211а) и здесь — только Худжан (Сам'ани сам был там). Рашид ад-дин (изд. Катрмера, 183) возводит происхождение произношения Кучан к монголам. Развалины старого Хабушана (это название сейчас носит большая деревня в том же месте) находятся в 3 фарсахах западнее позднейшего города, разрушенного в XIX в. неоднократными землетрясениями. В конце VII/XIII в. будущий ильхан Газан (см. Barthold, *Ghāzān*), будучи наместником Хорасана, как сообщают, построил в Кучане буддийский храм (d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 148, по Рашид ад-дину). При шахе Аббасе I (см. Huart, *'Abbās I*) в Кучане было основано курдское княжество (племени зафаранлу), во главе которого стоял наследственный *ильхани*. Как в большинстве крупных городов Ирана, в Кучане тоже есть гробница *имам-заде*, в данном случае Ибрахима б. Али, сына Али б. Мусы, погребенного в Мешхеде. На холме около Кучана, называемом теперь Надир-тепе, в 1160/1747 г. был убит Надир-шах. При Надир-шахе (после его похода на Бухару в 1740 г.) некоторые листы Корана, переписанного рукой Тимурида Байсункара (см. Huart, *Bāisonghor*) и хранившегося в Самарканде (по другим сведениям, в Шахрисябзе, т. е. Кеше, см. <выше, стр. 460>), были будто бы перевезены в Кучан; шах Насир ад-дин в 1883 г. приказал доставить два листа из него в Тегеранский музей. При подавлении Аббас-мирзой (см. Huart, *'Abbās Mīrzā*) в 1883 г. восстания ильхани город сильно пострадал, еще более — при больших землетрясениях 1852, 1871, 1893 и 1895 гг. Во время путешествия Дж. Керзона (1889 г.) число жителей было менее 12 000; однако утверждают, что при землетрясении 1893 г. погибло 12 000 человек и осталось около 10 000. Нынешний Кучан был построен лишь после последнего землетрясения примерно в 12 *км* восточнее разрушенного города.

Литература. Tomaschek, *Zur historischen Topographie*, I, S. 227; Fraser, *Khorasan*, p. 555 sq.; Curzon, *Persia*, vol. I, p. 94 sq.; Yate, *Khurasan and Sistan*, pp. 174 sq., 297 sq.; Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 62—63; Le Strange, *The Lands*, p. 393 sq.; Путешествия шаха Насир ад-дина ‹*Рӯз-нāме*›, персидские литографии без титульного листа: первое путешествие 1283-84 г. (год зайца — 1867), литография 1286 г., стр. 316 и сл.; второе путешествие 1300 г. (год овцы — 1883), литография 1306 г. (год мыши — 1888), стр. 116 и сл., 124.

КЯТ

Кāç — древняя столица Хорезма, нынешней Хивы; согласно Якуту (*Му'джам*, IV, 222), это слово на языке хорезмийцев будто бы означает стену (или вал — *хā'ит̣*) в пустыне, даже если внутри этой ограды нет никаких построек. Самые подробные сведения о древнем городе и о постепенно подмываемой Аму-Дарьей цитадели Фил, или Фир (последние следы ее будто бы исчезли в 384/994 г.), находятся у Бируни — *Āсāр ал-бāқийа*, изд. Захау, особенно стр. 35 (отсюда — Sachau, *Zur Geschichte*, особенно I, S. 489 sq.); об описании города арабскими географами IV/X в. см. Le Strange, *The Lands*, p. 446 sq. и Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 143 и сл.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 199—201⟩; самые подробные сведения дает Макдиси (287 и сл.). Свое политическое значение город потерял после уничтожения династии первых хорезмшахов правителем Гургенджа Абу-л-Аббасом Мамуном б. Мухаммедом в 385/995 г. (см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 275 и сл.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 324⟩). Ибн Баттута упоминает Кят (он называет его ал-Кāт — Ибн Баттута, III, 20) как единственный обитаемый город между Хорезмом (Ургенч, старый Гургендж) и Бухарой. В VIII/XIV в., до возникновения в Хорезме местной династии, Кят вместе с Хивой относился к государству Чагатая (Шереф ад-дин Йезди, I, 232); так же показана граница и на китайской карте 1331 г. (Bretschneider, *Researches*, vol. II). О взятии Кята штурмом Тимуром в 1372 г. см. Шереф ад-дин Йезди, I, 237 и сл.; утверждение Лерха (*Khiva oder Kharezm*, S. 21), что войско пересекло Аму-Дарью между Сепая и Кятом и что, следовательно, Кят уже тогда находился на левом берегу реки, в тексте ничем не подтверждается. В XI/XVII в. Кят находился на берегу высохшего канала; поэтому хивинский хан Ануша (1663—1687) приказал построить новый Кят западнее главного русла, на берегу им же вырытого канала Ярмыш (Бартольд, *Орошение*, стр. 95 ⟨выше, стр. 178⟩— по ⟨Мунису—Агехи⟩, рук. Аз. муз. 590 ob, л. 33a). Руины древнего Кята, расположенного восточнее Аму-Дарьи, называются теперь, по мнимой могиле святого первых лет ислама, Шейх-Аббас-вели [1]; их посетил и описал в 1873 г. А. Кун (*Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи*, стр. 252). Кроме гробницы святого, единственного здания, украшенного поливными изразцами, там названы полуразрушенный минарет и остатки

[1] ⟨Позднее — Шаббаз, ныне — Бируни⟩.

городской стены — все из обожженного кирпича. Нынешнее поселение (200 домов, 15 лавок, 2 мечети со школами) занимает ничтожную часть древнего города, а нынешняя крепость — $^1/_4$ древней цитадели. По Масальскому (*Туркестанский край*, стр. 749), расстояние до руин от Петро-Александровска (после революции Турткуль) составляет 31 версту, от нынешнего правого берега Аму-Дарьи — 7 верст.

МАВЕРАННАХР

Mā варā' ан-нахр, араб. 'то, что [лежит] за рекой' — название земледельческих областей севернее А м у - Д а р ь и (см. ⟨выше, стр. 319—325⟩), завоеванных арабами и подчиненных исламу. Границы Мавераннахра в северном и восточном направлениях находились там, где кончалась власть ислама, и зависели от политических условий; ср. сведения арабских географов о Мавераннахре у Ле Стрэнджа (*The Lands*, p. 433 sq.) и Бартольда (*Turkestan*, p. 64 sq.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 114 и сл.⟩). Из арабской географической литературы название Мавераннахр перешло в персидскую. Еще в IX/XV в. Хафиз-и Абру (см. Barthold, *Ḥāfiẓ-i Abrū*) посвятил Мавераннахру особую главу (последнюю) своего географического сочинения. Под влиянием литературной традиции в самой Средней Азии выражение Мавераннахр употреблялось до последнего времени (*Бабур-наме*, изд. Бевериджа, Index; узбек Мухаммед-Салих ⟨Вяткин, *Самаркандский вилает*⟩, стр. 240 и сл.), хотя для жителей Средней Азии соответствующие области находились по эту сторону реки, а не по ту.

МАЗАРИ-ШАРИФ

Мазā́р-и Шарīф — город в Афганистане, южнее Аму-Дарьи (см. <выше, стр. 319—325>). В средние века здесь находилась, примерно в 14 англ. милях от города Балха, деревня Хайр, позже называвшаяся Ходжа Хайран. Здесь дважды — в VI/XII в., после 530/1135-36 г. при султане Санджаре (см. Zetterstéen, *Sandjar*), и в 885/1480-81 г. при Тимуриде Султан-Хусейне — была «открыта» гробница халифа Али и ее подлинность объявлена доказанной. Около могилы вскоре возникло селение, посещаемое паломниками (*мазā́р*), со значительным базаром; второй мавзолей, существующий и ныне (первый, по-видимому, разрушен Чингиз-ханом), был сооружен в 886/1481-82 г. При узбеках мазар, по-видимому, не имел большого значения и почти не упоминается, хотя там были погребены некоторые узбекские султаны. В первой половине XIX в. путешественники обычно называли это селение просто Мазар; название Мазари-Шариф появилось, по-видимому, в последние сто лет. У Абд ал-Керима Бухари (I, 4) Мазар вообще не упомянут среди городов Афганистана; в 1832 г., когда здесь проезжал А. Бернс, он был маленьким городком (около 500 домов). В 1866 г. афганский наместник — шиит Наиб-Алимхан — избрал Мазари-Шариф в качестве своей резиденции; с тех пор Мазари-Шариф стал главным городом Афганского Туркестана. В 1878 г. русский генерал Матвеев описал Мазари-Шариф как один из лучших городов Северного Афганистана примерно с 30 000 жителей (Костенко, *Туркестанский край*, т. II, стр. 157).

Литература. О первом открытии могилы см. текст Абу Хамида ал-Андалуси ал-Гарнати (Brockelmann, GAL, Bd I, S. 477, имя другое) — изд. Феррана, 145 и сл.; о втором: Хондемир, тегеран. изд., III, 260 и сл.; Yate, *Northern Afghanistan*, p. 279 sq.

МАНГЫШЛАК

Мангышлак — гористый полуостров на восточном берегу Каспийского моря, впервые упоминается (Истахри, 218) под персидским названием Сиях-кух ('Черная гора'); то же самое название носила также возвышенность к западу от Аральского моря (Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 92; см. также *Аму-Дарья* ⟨выше, стр. 321—322⟩). По Истахри (219), полуостров был якобы ранее необитаем; лишь незадолго до его времени (или до времени его предшественника, Балхи) тюрки, поссорившиеся с гузами (см. Barthold, *Ghuzz*), вероятно со своим же племенем, перебрались туда и нашли там источники и пастбища для своих стад. Те же самые тюрки грабили суда, разбивавшиеся о скалы полуострова. Мукаддаси (или Макдиси) указывает в качестве границы области хазар со стороны Джурджана (см. R. Hartmann, *Djurdjān*) город Бинкишлах (Макдиси, 355).

В форме Манкышлāг (Якутом огласовано Маңкашлāг) название впервые появляется в документах VI/XII в. (Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 34, 44, 79) и у Якута (*Му'джам*, IV, 670); согласно Якуту, это название носила сильная крепость недалеко от моря между Хорезмом (см. ⟨ниже, стр. 544 и сл.⟩), Саксином (см. Büchner, *Saksīn*) и страной русов. Несомненно, остров в то время не был уже местом, которого мореплаватели опасались из-за природных условий и населения; через Мангышлак шел теперь, как и позже, почти до новейшего времени, важный торговый путь из Поволжья в Хорезм; товары выгружали в бухте, расположенной около мыса Тюб-Караган, и везли караванами в Хорезм. Мангышлак перед завоеванием его хорезмшахом Атсызом (см. Barthold, *Atsïz*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 495⟩) между 1127-28 и 1138 гг. был особым и фактически независимым владением (естественно, оно считалось относящимся к державе сельджуков — см. *Seldjuken*) на границе мусульманского мира. Как свидетельствует стих, приведенный Якутом, завоевание было связано с разрушением поселения; позже на полуострове, несмотря на его значение для торговли, до занятия русскими больше не упоминается никаких оседлых поселений.

В последние столетия (вероятно, и раньше) полуостров был заселен туркменами. К началу X/XVI в. это были салоры (см. Köprülü, *Salur*); на морском берегу жили «внутренние салоры» (*ичги салур*), на дороге из Хорезма к берегу моря (эту дорогу, ок. 800 *км*, проходили за 20 дней) — «внешние (*ташкы*) салоры» (Бартольд, *Отчет о командировке*

в Туркестан (*1902 г.*), стр. 208]. Абулгази (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 267) называет вместо салоров эрсари; к концу того же столетия это племя было почти полностью вытеснено мангытами (см. Barthold, *Mangît*), т. е. ногайцами; позднее здесь появляются в качестве завоевателей калмыки (см. idem, *Kalmücken*). Об их владычестве на Мангышлаке см. Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 316; название полуострова Абулгази пишет (см. указатель) Мāнқишлāқ, Манқишлāқ и Манқишлāқ. Кроме судоходного сообщения с Астраханью (см. ‹выше, стр. 336›), постоянно упоминаемого в русских документах, имелось также упоминаемое Абулгази (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 257 и 273) и другими источниками сообщение с Ширваном. Калмыки при Аюке (1670—1724), по другим сведениям уже при Пунцук-Мончаке (1667—1670), переселили из Мангышлака на Северный Кавказ три туркменских племени: чоудор, игдыр и соинаджи, однако часть чоудоров по-прежнему осталась жить на Мангышлаке. Когда при русской власти страна туркмен была преобразована в Закаспийскую область, в нее вошел и Мангышлакский уезд; его центром было небольшое селение, основанное в 1839 г. под названием Ново-Петровское укрепление, с 1859 г. называвшееся форт Александровск (ныне форт Урицкого) [1]. В XIX в. туркмены были постепенно вытеснены с Мангышлака казахами (см. Barthold, *Kirgizen*); поэтому после революции Мангышлакский уезд был отделен от Туркмении и теперь относится к республике Казакстан.

После того как западный берег Каспийского моря перешел во власть русских, выяснилось, что Балханская бухта (см. *Балханы* ‹выше, стр. 358›) представляет лучший доступ к культурным областям Средней Азии, чем Мангышлак. В 1819 г. через посла Муравьева хивинскому хану Мухаммед-Рахиму было сделано предложение, чтобы караванная дорога от Каспийского моря к Хиве начиналась бы в дальнейшем не от Мангышлака, а от гавани Красноводск в Балханской бухте. Хан ответил: «Хотя справедливо, что Мангышлакская дорога гораздо долее Красноводской, но народ мангышлакский мне предан и поддан; прибрежные же иомуты, живущие к Астрабаду, по большей части служат Каджарам» (см. Huart, *Ḳādjār*; Муравьев, *Путешествие в Туркмению*, ч. I, стр. 134). Лишь после того как русская власть окончательно утвердилась в Средней Азии, этот вопрос мог быть решен в пользу Балханской бухты. С тех пор как Красноводск стал исходным пунктом Средне-Азиатской ж. д., Мангышлак потерял всякое значение по сравнению с Балханской бухтой. По переписи 1897 г. численность населения Красноводска составляла 6322 чел.[2], форта Александровск — только 895 человек.

Литература. Приведена в самой статье. Описания Мангышлакского уезда имеются во всех трудах о Туркестане, напр., Масальский, *Туркестанский край*, стр. 621 и сл.

[1] ‹С 1939 г. — форт Шевченко›.

[2] ‹По переписи 1939 г.—39 тыс. человек.›

МАРГЕЛАН

Маргелан, первоначально Марғинан, — город в Фергане [см. ⟨ниже, стр. 527—538⟩, там же о малом значении города в IV/X в. (Макдиси, 272,$_{12}$: *ṣaġīra*) и о его подъеме в следующие века (Сам'ани, изд. Марголиуса, л. 522а: *мин машāхир ал-билāд*; Якут, *Му'джам*, IV, 500,$_{8}$: *мин ашхар ал-билāд*)]. Политического значения город, по-видимому, не имел и в то время; однако при династии илек-ханов (см. Barthold, *Ilek-Khāne*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 519⟩) в Маргинане иногда чеканили монеты (Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 260, 265 и 272). Краткое описание Маргинана дает Бабур (*Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 3а и сл.); население в то время состояло из сартов (см. Barthold, *Sart*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 527⟩), т. е., по словоупотреблению того времени, из таджиков (см. Barthold, *Tādjīk*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 469⟩); с тех пор и здесь таджики, как и везде, были вытеснены из долины узбеками. Новая, вероятно узбецкая, форма Марғилāн встречается, между прочим, у Абд ал-Керима Бухари (I, 94), отсюда русское Маргелан; река, на которой лежит город, называется Маргелан-сай. В литературе и теперь часто употребляется старая форма Марғинāн или Марғинан, так, например, в *Та'рīх-и Шāхрухī*, 195.

Маргелан был занят русскими 8 (20) сентября 1875 г. без сопротивления; Новый Маргелан, основанный русскими в качестве главного города Ферганы в 1887 г., примерно в 12 *км* выше Маргелана, с 1907 г. получил название Скобелев (после революции — Фергана). Первоначальный Маргелан приобрел некоторое значение особенно благодаря своей шелковой промышленности; численность населения по переписи 1897 г. составляла 36 490, в 1911 г. — 46 780 человек [1], из них только 144 человека русских. Одно отнюдь не древнее здание называется Искендер-паша и считается гробницей Александра Великого (Масальский, *Туркестанский край*, стр. 705 и сл.).

Литература. Приведена в тексте.

[1] ⟨В 1959 г. — 68 тыс. жителей.⟩

САНДАБИЛЬ

Сандабил — предполагаемая столица Китая; название и описание города заимствованы Якутом (*Му'джам*, III, 451,5) и Закарией Казвини (II, 30 и сл.) из несомненно вымышленного описания путешествия Абу Дулефа Мис'ара б. Мухальхиля (см. Brockelmann, *Mis'ar*), который утверждает, будто он сопровождал посольство китайского царя Кāлūн б. аш-Шаҳ к Саманиду Насру б. Ахмеду (ум. в 331/943 г.) при возвращении из Хорасана в Китай. Маркварт (*Streifzüge*, S. 84 sq., особенно стр. 89) пытается доказать, что Сандабиль идентичен Ганьчжоу (см. *Ганьсу*, ⟨выше, стр. 396⟩) и что в пославшем посольство следует видеть «не правителя из какой-либо из недолговечных династий, существовавших после падения династии Тан, а кагана уйгуров Ганьчжоу»; этот каган будто бы «вследствие непрерывного роста могущества киданей чувствовал над собой угрозу» и пытался найти «в могущественном Саманиде опору и союзника». По вопросу о происхождении названия Сандабиль для Ганьчжоу Маркварт приводит лишь предложенную ему де Гуе гипотезу, согласно которой Абу Дулеф перепутал Ганьчжоу с Чэнду (у Марко Поло Синдафу), известной столицей провинции Сычуань, где тогда действительно правила особая династия. Согласно Маркварту, следовало бы в таком случае «рассматривать последний город как исходный пункт обратного путешествия», что, само собой разумеется, невозможно, так как обратный путь описывается как морской. До тех пор пока сведения Абу Дулефа не подтвердятся ни одним другим источником, вопрос о том, как относится записка о путешествии и мнимом его поводе к действительным историческим фактам, останется нерешенным. Ни о посольстве из Китая в Хорасан и наоборот, ни о якобы состоявшемся в результате этого бракосочетании (Якут, *Му'джам*, III, 451,22) нигде больше ничего не упоминается.

САРАЙ

Сара̄й — столица Золотой Орды (см. Barthold, *Ḳïpčāḳ*). Название является персидским *сара̄й* 'дворец'; несмотря на это, в арабских сочинениях оно часто пишется Çара̄й. О его основании Батыем и обозначении «Сарай-Берке» см.: Barthold, *Bātū-Ḫān*; idem, *Berke*. Географы и историки говорят только об о д н о м городе с этим названием, на монетах упоминается «Новый Сарай» (Сара̄й ал-джадӣд); древнейшая из монет, чеканенных в Новом Сарае, относится к 710 г. х. Единственное известное до сего времени историческое сообщение, в котором упоминается Новый Сарай, — это рассказ о смерти хана Узбека (вероятно, в 742/1341-42 г.) в Новом Сарае, у Шемс ад-дина аш-Шуджа'и ал-Мисри, заимствованный у него Ибн Кади Шухбой (текст у Тизенгаузена, СМИЗО, I, 254 и 445). За развалины города Сарая принимают два городища на ответвляющейся от Волги Ахтубе — ныне Царев и Селитренное (или Селитренный городок). Какое из двух городищ было столицей Золотой Орды и в какое время это было, был ли один Сарай или два (т. е. следует ли рассматривать «Новый Сарай» как новую часть города или как новый город, построенный на другом месте) — все эти спорные вопросы, неоднократно обсуждавшиеся в научной литературе начиная с XVIII в., не решены и сейчас [1]. Сообщения источников часто неясны и противоречивы; так, приводимое Абу-л-Фида (и многими другими) расстояние между устьем Волги и Сараем (2 дневных перехода) говорит в пользу Селитренного; с другой стороны, Абу-л-Фида говорит в этом же месте (*Таḳвӣм*, изд. Рено—де Слэна, 217), что город построен на равнине (*фӣ муставин мин ал-арḍ*), что подходит только для Царева (Селитренное построено на холмах). Это же известие встречается у Ибн Баттуты (IV, 447, *фӣ басӣṭин мин ал-арḍ*); описание Шихаб ад-дина ал-Омари, согласно которому посреди города находился пруд (текст у Тизенгаузена, СМИЗО, I, 220), также подходит к Цареву. Многолетние раскопки А. Терещенко в Цареве и около него (1843—1851 гг.) неопровержимо доказали, что там сохранились остатки крупного города. На результатах этих раскопок основано мнение, высказанное Григорьевым уже в 1845 г. 〈*О местоположении*

[1] 〈Сарай-Берке соответствует городищу около Царева (ныне Ленинск), а Сарай-Бату — городищу около Селитренного, см. Греков — Якубовский, *Золотая Орда*, стр. 68—69.〉

Сарая⟩, о том, что развалины Сарая нужно искать только у Царева; возле Селитренного мог в лучшем случае находиться город, построенный Батыем и позднее замененный Сараем-Берке. Под влиянием работы Григорьева в «Истории России» Соловьева (кн. I, т. III, стлб. 841, прим. 1) Сарай помещен около Царева, а не около Селитренного, как у Карамзина (*История государства Российского*, т. IV, прим. 74). Развалины у Селитренного до сих пор обследованы лишь поверхностно; они занимают почти такое же пространство, что и городище около Царева (оба имеют в длину 12 верст, развалины у Царева — 4, а у Селитренного — 3 версты в ширину), но сделанные там находки гораздо менее значительны. Мнение относительно того, что Селитренное есть Старый Сарай, а Царев — Новый Сарай, высказанное в 1844 г. Г. Саблуковым (*Очерк*, стр. 28), было затем принято Д. Кобеко (*К вопросу о местоположении Сарая*) и недавно — Ф. Баллодом (*Старый и Новый Сарай*); в противоположность этому А. Спицын (*К вопросу о местоположении*, стр. 289) ищет Старый Сарай возле Царева, а Новый — около Селитренного[2]. Согласно рассказу одного купца, приведенному у Абу-л-Фида (*Тақвӣм*, изд. Рено—де Слэна, 36), на Ахтубе ниже Сарая находилось селение, называвшееся Иски-Юрт ('Старое поселение'); это сообщение, очевидно, относится к Селитренному. Монетные находки показывают, что Селитренное было, быть может, населено и раньше Царева, но, во всяком случае, также и много позднее.

Сарай был разрушен Тимуром в 1395 г.; как следы этого разрушения следует, видимо, рассматривать найденные Терещенко скелеты без черепа, без рук и ног и т. п. Возможно, поселение у Селитренного вновь приобрело из-за этого большее значение. В 1472 г. Сарай подвергся нападению русских ушкуйников из Вятки, а в 1480 г., как утверждают, был разрушен русским отрядом совместно с отрядом татар из Крыма. Около 1554 г., ко времени завоевания русскими Астрахани (см. ⟨выше, стр. 336⟩), города́ около Царева и Селитренного уже лежали в развалинах.

Литература. Григорьев, *О местоположении Сарая*, отсюда позднее — его же, *Россия и Азия*, стр. 259—321. О раскопках Терещенко и отчеты о них: ЗВОРАО, т. XIX, стр. III—IV; также Терещенко, *Исследование местности Сарая*; Schmidt, *Über Rubruk's Reise*, S. 74—81. ⟨Якубовский, *Сарай Берке*; Греков — Якубовский, *Золотая Орда*, стр. 141—176.⟩

---

[2] ⟨В этой работе А. А. Спицын действительно отождествляет Старый Сарай с городищем у Царева, ссылаясь на свои впечатления, сложившиеся при посещении приволжских городищ, однако в отчете об этой поездке (*Отчет о поездке*, стр. 82) он утверждал противоположное.⟩

СИБИР ВА ИБИР

Сибир ва Ибир — название Сибири в монгольское время; в этой форме у Шихаб ад-дина ал-Омари (см. Brockelmann, GAL, Bd II, S. 141; текст у Тизенгаузена, СМИЗО, I, 217 вверху); в том же источнике есть еще *билāд Сибир* или *ас-Сибир* (там же, строка 6, и 221 внизу). Чаще встречается форма Ибир-Сибир; так у Рашид ад-дина, изд. Березина, I, текст, 168 (Ибӣр-Сябӣр, упомянут в связи с народом қӣрқӣз и рекой Ангарой) и в китайском *Юань-ши* (И-би-р Си-би-р — приведено у Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 88, см. также ibid., p. 37). Это же слово слышал в начале XV в. Иоганн Шильтбергер, который передаст его в форме Bissibur или Ibissibur (Schiltberger, *Reise*, S. 73 sq., 99, цитировано Катрмером). Сводку текстов, в которых употребляется это выражение, дает Катрмер (Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 413 и сл.), который видит в нем, по-видимому неосновательно, воспоминание о древнем названии народов абар (авары) и сабир (у Мас'уди, *Танбӣх*, 83_{16} — сабӣр; так будто бы называли себя хазары) [1].

[1] ⟨О сабирах см. Артамонов, *История хазар*, стр. 65 и карта на стр. 71.⟩

СИН-И КАЛАН

Çīн-и Калāн (собств. 'Великий Китай') — арабско-персидское название (арабским Çīн передается, как известно, перс. Чīн) китайского портового города Кантона[1] в монгольское время; особенно известно из описания путешествия Ибн Баттуты (см. Brockelmann, *Ibn Baṭṭūṭa;* Ибн Баттута, IV, 271 и сл.), однако употребляется также и другими авторами, как мусульманскими (Рашид ад-дин, Вассаф), так и европейскими (Одорик де Порденон, Мариньолли, также Каталанская карта); ср. цитату у Г. Юла, *Cathay*, vol. I, p. 105, кроме того Рашид ад-дин, изд. Блоше, 493. Для Син-и Калан Ибн Баттута употребляет еще название Син ас-Син; это последнее название, по мнению Юла, заимствовано у Идриси (см. Seybold, *Idrisi*), который описывает большой торговый город под названием Синия ас-Син на крайнем востоке Китайской империи (Идриси, пер. Жобера, I, 193 и сл.).

[1] ⟨В литературном китайском произношении Гуанчжоу.⟩

СОГД

Согд, ас-Согд или ас-Сог̣д, — область в Средней Азии. То же название в древности (древнеперс. Сугуда, новоавестийск, Суγ̊а, греч. Sogdioi, или Sogdianoi — название страны Согдианы) обозначало покоренный персами (по крайней мере со времени Дария I, 522—486) народ иранского происхождения, область которого, по греческим известиям, простиралась от Окса (см. *Аму-Дарья* ‹выше, стр. 319 и сл.›) до Яксарта (см. *Сыр-Дарья* ‹ниже, стр. 491 и сл.›). Подробные сведения о языке и особенно о календарных названиях и праздниках согдийских зороастрийцев приводит в мусульманское время ал-Бируни, *Āṯār ал-бāḳийа*, изд. Захау, особенно 46 и сл., 233 и сл. Благодаря сведениям ал-Бируни о согдийском языке иранистам нашего времени (особенно Ф. К. Андреасу и Ф. В. К. Мюллеру) удалось определить язык многочисленных рукописных фрагментов, найденных в Китайском Туркестане (торговые документы, буддийские, манихейские и христианские тексты) как «согдийский». Как и в древности, согдийцы и у Бируни (см. там же, $45_{,21}$) наряду с хорезмийцами названы как туземный зороастрийский культурный народ в Мавераннахре. Сведения о доисламских согдийских колониях в отдаленных районах содержатся не только в китайских, но и в мусульманских источниках, см. *Ḫудӯд ал-ʿāлам* (единственная рукопись — Туманского, ныне в Азиатском музее в Ленинграде) у В. Бартольда (*Die historische Bedeutung*, S. 4, Anm. 1) — о согдийцах в стране тугузгузов (см. Barthold, *Ghuzz*) — и Махмуд Кашгарский (I, 31, 391 и сл.) — о согдийских поселенцах (*суғдāḳ*, как в орхонских надписях) в Баласагуне (см. ‹выше, стр. 355›), которые приняли «тюркскую одежду и обычаи», и о городском населении, говорящем по-согдийски и по-тюркски от Баласагуна до Исфиджаба, или Сайрама (о названии последнего как ‘белого города’ см. Махмуд Кашгарский, III, 132). Доказанный Р. Готье факт заимствования уйгурами их шрифта у согдийцев также, по-видимому, был известен еще в мусульманское время; см. Фахр ад-дин Мубарекшах (начало VII/XIII в.) у Э. Д. Росса, *The genealogies*, p. 405 внизу. Тюркское *кент* в значении ‘селение’, ‘город’ уже в *Кандии* (текст у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 48) названо как слово, заимствованное из согдийского.

Как название страны слово Согд в мусульманское время употреблялось в значительно более узком смысле, чем в древности. По Истахри (316), собственно Согд охватывал местности восточнее Бухары, от Дабусии

до Самарканда; там же говорится, что другие причисляют к Согду также Бухару, Кишш (К е ш; см. <выше, стр. 460>) и Несеф. Кеш иногда выступает как столица Согда (так Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 299,$_{19}$) [1]; возможно, что древнейшее китайское название района Кеша — Сусе (древнее произношение: Сугит) передает название Согд (так у И. Маркварта, *Die Chronologie*, S. 57). В другом месте Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 293) называет Самарканд столицей Согда; Кеш и Несеф причисляются к Согду, однако Бухара отделена от него. Что́ географически понимал Бируни под словом «Согд», неизвестно; когда у него какой-либо согдийский праздник связывается с определенной местностью, то всегда речь идет о каком-либо селении района Бухары. Нершахи (изд. Шефера, 47) приводит некоторые выражения на бухарском диалекте, которые Розенберг (*Sogdica*, S. 94 sq.) объяснил как согдийские. Также согласно Истахри (314), в Бухаре говорили по-согдийски. Для Махмуда Кашгарского (I, 391 и сл.) Согд — область между Бухарой и Самаркандом. Современная туземная топография называет Согдом только часть Самаркандской области и различает «полу-Согд» (Нāм-Суғуд) на острове между двумя рукавами Зеравшана (Ак-Дарья и Кара-Дарья) и «Большой Согд» (Суғуд-и калāн) к северу от Ак-Дарьи. Язык согдийцев, по-видимому, раньше, чем язык хорезмийцев, как и другие иранские диалекты, был вытеснен частично персидским литературным языком, частично (особенно в колониях) — тюркским. Язык, названный Ф. К. Андреасом «среднесогдийским», ныне продолжает жить лишь в единственном «новосогдийском» диалекте — изолированном *ягноби* (см. GIPh, Bd I, Abt. 2, S. 291).

Литература. Müller, *Die «persischen» Kalenderausdrücke*; Andreas, *Zwei soghdische Exkurse*; Gauthiot, *De l'alphabet sogdien*; idem, *Comptes*; idem, *Essai*; Tedesco, *Ostiranische Nominalflexion*; Розенберг, *О согдийцах*. Вяткин, *Материалы*, стр. 5 и сл. <О новой литературе по согдийскому языку см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 461, прим. 1. По истории и археологии Согда см. ныне: Согд. сб.; Гафуров, *История*; «Труды ТАЭ», т. I—IV; *История таджикского народа*, т. I—III (с библиографией в примечаниях).>

[1] <В VII—VIII вв. Согд как государственное образование представлял собой конфедерацию княжеств долин Зеравшана (исключая Бухарский оазис) и Кашка-Дарьи во главе с ихшидом Согда, сидевшим в Самарканде. Какое-то время во второй половине VII в. резиденцией ихшидов был Кеш, воспоминание об этом и сохранилось у Я'куби.>

СУГДАК

Сугда̄к — некогда крупный портовый город, ныне местечко в Крыму, греч. Σουγδαῖα, или Σουγδαία, также Σωγδία, лат. и итал. Soldaia, или Soldachia, древнерусск. Сурож; к итальянской форме примыкает, вероятно, и араб. Шолта̄тийа у Идриси (пер. Жобера, II, 395). Название сопоставляют с названием страны Согд (см. ‹выше, стр. 487›) в Средней Азии и толкуют как иранское; поэтому основание города приписывают аланам (см. Barthold, *Allān*; ‹наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 866›). Аланы в этом районе (восточнее Херсонеса Таврического) упоминаются еще в XIII и XIV вв. Сугдайя, как и все греческие города, имела собственное летосчисление, в котором в качестве года основания города указывался 212 г. до н. э.; однако ее название не встречается ни у Птолемея, ни у какого бы то ни было географа древности и впервые упоминается в VIII в. Равеннским анонимом (*Ravennatis anonymi cosmographia*, p. 175 sq.: Sugdabon). Город имел тогда греческого епископа, но находился не под греческим, а под хазарским владычеством; лишь после уничтожения как хазарской державы, так и русского Тьмутараканского княжества все южное побережье Крыма перешло к Византии.

В период латинского владычества в Константинополе эта область входила в состав Трапезундской империи. Дважды — в 1223 и 1238 гг. — Сугдак подвергался нападению татар. На промежуток между этими датами приходится, вероятно, нападение турок из Малой Азии, подробно, хотя и без точного указания даты, описанное Ибн Биби [см. Ибн Биби (тур.), 329 и сл.; (перс.), 134 и сл.] [1]. Полководцу Хусам ад-дину Чобану, посланному Ала ад-дином Кайкубадом (616—634/1219—1236), удалось победить как греков в Сугдаке, так и их союзников — русских и кипчаков. В Сугдаке были разбиты колокола, менее чем за две недели построена большая мечеть, назначены муэззин, хатиб и казий, а также оставлен военный отряд [Ибн Биби (тур.), 358; (перс.), 138]; однако, по-видимому, вскоре турки были изгнаны. Татары также вынуждены были в 1249 г. оставить Сугдак, после чего греческий наместник (*себастос*) приказал пересчитать население; итог подсчета составил всего 8300 человек, что, видимо, относится лишь ко взрослому населению мужского пола. Несмотря на незначительное число жителей, Сугдак имел тогда большое

[1] ‹Якубовский, *Рассказ Ибн Биби.*›

значение для морской торговли, в особенности для венецианской, что видно как из венецианских документов, так и из сообщения Марко Поло (изд. Юла—Кордье, I, 2 и сл.).

Тяжелый удар был нанесен Сугдаку в царствование хана Золотой Орды Узбека (712—741/1302—1340); 8 августа 1322 г. посланный Узбеком Кара-Булат без сопротивления занял город; все колокола были сняты, все иконы и кресты — разбиты, все церкви — закрыты. Весной 1327 г. тот же Узбек повелел своему наместнику Толактемиру разрушить цитадель и несколько церквей. Во время путешествия Ибн Баттуты (см. Brockelmann, *Ibn Baṭṭūṭa*) «Сурдāқ» (так, вероятно, вм. Сӯдāқ) имел вид тюркского и мусульманского города; остались лишь немногие греческие ремесленники; Ибн Баттута описывает гавань как одну из «самых больших и лучших»; дома были большей частью деревянными (Ибн Баттута, II, 414 и сл.).

Христианское господство вскоре было восстановлено; особенно важными были завоевание Сугдака генуэзцами в 1365 г. и договор между Генуей и татарами 1380 г. Округ Сугдака доходил тогда на западе до Алушты и включал 18 селений — почти то же число, что и соответствующий турецкий кадилык в 1774 г. (19); это, очевидно, те же самые селения, так как самое западное из этих селений, Алушта (араб. Шāлӯсṭа), в генуэзское время не входило в состав округа Сугдак. С того времени до турецкого завоевания в 1475 г. Сугдак принадлежал к генуэзскому колониальному владению Газарии, или Газзарии, и управлялся особым консулом, подчиненным консулу Кафы. В сообщениях источников о турецком завоевании подробно описываются только бои за Кафу; о падении Сугдака никакие подробности неизвестны. В противоположность Кафе Сугдак не возродился к новой жизни ни под турецким, ни — впоследствии — под русским владычеством. Броневский (1578 г.) описывает Сугдак как развалины. Руины, существующие сейчас, относятся главным образом к генуэзской эпохе (их изображения см., напр.: Марко Поло, изд. Юла—Кордье, I, 3; Кулаковский, *Прошлое Тавриды*, к стр. 120; Колли, *Христофоро Ди-Негро*, к стр. 1).

Литература. Помимо приведенной в статьях *Бахчисарай* и *Кафа* ⟨выше, стр. 369—370 и 455⟩ — Васильевский, *Введение*, стр. CLVI—CCVII; Мелиоранский, *Сельджук-наме*, стр. 613 и сл.; Колли, *Христофоро Ди-Негро*. ⟨Якобсон, *Средневековый Крым*, по указателю.⟩

СЫР-ДАРЬЯ

Сыр-Дарья — большая река в Средней Азии, впадает, как и ее река-сестра Аму-Дарья (см. <выше, стр. 319 и сл.>), в Аральское море (см. <выше, стр. 331 и сл.>). Истоком европейская наука сейчас считает Нарын, текущий через область Джеты-су (ранее Семиречье) и северо-восточную часть Ферганы (см. <ниже, стр. 527 и сл.>); у местного населения верхним течением Сыр-Дарьи всегда (как в средневековье, так и в новое время) считалась Кара-Дарья в юго-восточной части Ферганы. Кара-Дарья после слияния обоих ее истоков, Кара-Кульджи и Тара, протекает мимо города Узгенда (ныне превратившегося в деревню), вследствие чего она иногда называется «Узгендской рекой». Область между Кара-Дарьей и Нарыном по-персидски называется Миян-рудан и по-тюркски — Ики-су-арасы. Длина Сыр-Дарьи от слияния Кара-Дарьи и Нарына до устья составляет более 2800 *км*. Направление течения реки в Фергане — юго-западное, далее большей частью северо-западное. Как с востока, так и с запада (в Фергане с севера и юга) к Сыр-Дарье в ее верхнем и среднем течении стекают с соседних гор многочисленные реки, из которых ныне только три достигают ее (Чирчик, Келес и Арыс). Арабские географы упоминают в Фергане еще несколько притоков, которые теперь частично впадают в большой канал Шарихан, текущий южнее Сыр-Дарьи; этот канал выведен из Кара-Дарьи, как и Янги-арык из Нарына, лишь в XIX в. Невозможно установить, были ли выведены в средние века из самой Сыр-Дарьи какие-нибудь большие каналы, например для орошения так называемой Голодной степи между Чиназом и Джизаком. То, что говорит Макдиси (22, прим. *m* — только в константинопольской рукописи) о рукаве или канале (*халīдж*) между Ходжендом и Усрушаной длиной якобы в 140 фарсахов, не подтверждается никакими другими источниками. Притоки Сыр-Дарьи всегда имели несравненно большее значение для орошения, чем сама река; кроме того, Сыр-Дарья в противоположность Аму-Дарье не имела в нижнем течении сколько-нибудь значительного придельтового оазиса, по крайней мере в историческое время.

В Западной Европе Сыр-Дарью и теперь часто называют древнегреческим названием Яксарт; предполагают пехлевийскую форму Йахшāрт, которую Маркварт (*Die Chronologie*, S. 6) объясняет как *Йахша арта* 'настоящий, чистый жемчуг'. Против этого объяснения говорит тот факт, что в многочисленных составных именах и географических назва-

ниях с *арта* прилагательное *арта* всегда стоит в начале слова. Тем не менее слово *йахша* 'жемчуг', по-видимому, действительно содержится в этом названии; то же значение имеют как китайское (*Чинчухэ*), так и тюркское (*Йинчю-угуз*) названия реки. Китайская транскрипция туземного названия передается как Яоша (Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 75), Яуша (Hirth, *Nachworte*, S. 81) или Йоша (Chavannes, *Documents*). В мусульманское время даже в самой этой области начальный звук *й*, по-видимому, исчез; в арабских (Бируни, *Ḳānūn Mas'ūdī* у А. Шпренгера, *Post- und Reiserouten*, S. 32) и персидских (*Ḥudūd al-'ālam*, л. 24б) рукописях — Ҳашарт; эта же форма была, вероятно, у Ибн Хордадбеха (текст, 178, $_2$), а не Йаҳшарт, как предполагает Маркварт (*Die Chronologie*, S. 5). Со словом Сыр, несмотря на то что это более позднее тюркское название не может быть засвидетельствовано ранее XVI в., сопоставляют упоминаемое Плинием, VI, 16, 18 (ср. Forbiger, *Handbuch*, S. 77) название Silis. Ибн Хордадбех (текст, 178,$_4$) упоминает также название Канкар, встречающееся также в китайской транскрипции Кангит, которое, вероятно, употреблялось только в среднем течении реки; ср. Дарйа-и Ганг по Фирдоуси в GIPh, Bd II, S. 445. Арабы ввели как название Джейхун для Аму-Дарьи, так и Сейхун для Сыр-Дарьи (ср. названия Джейхан и Сейхан на юго-восточной границе Малой Азии). В *Нузхат ал-ḳулūб* Хамдаллаха Казвини (изд. Ле Стрэнджа, текст, 217,$_{16}$; пер. и прим. — там же, II, 210) появляется, по-видимому более нигде не встречающееся, название Гул Зарйūн [1]; Блоше (у Ле Стрэнджа, там же) объясняет это название как монгольское *гул серикūн* 'холодная река', вероятно по ошибке, так как порядок слов должен был бы быть обратным. В арабских и персидских источниках река обычно называется по городам и местностям, лежащим на ее берегах, особенно часто «рекой Ходженда» (сейчас Ходжент — единственный город, лежащий непосредственно на берегу Сыр-Дарьи); Это название было перенято также монголами (Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 75, в китайской транскрипции *Хэшан мулян* для монгольского *мурэн* 'река'). Другие обозначения: река Бенакета, или Фенакета (у Якута, *Mu'джам*, I, 740 — Банāкит), по городу на правом берегу вблизи впадения Ангрена, будто бы разрушенному Чингиз-ханом (современники ничего не сообщают об этом разрушении); река Шахрухии, по городу, построенному Тимуром в 794/1392 г. на месте разрушенного Бенакета (Шереф ад-дин Йезди, II, 636); река Ахсикета (там же, I, 441), или Ахсикеҫа (см. <выше, стр. 342>); река Чача, или Шаша, по большому земледельческому оазису на Чирчике. Последний город на Сыр-Дарье — араб. ал-Карья ал-хадиса, перс. Дих-и нау (Гардизи — у Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 83), тюрк. Янгикент, позднее в исторических сочинениях (Джувейни, изд. Казвини, I, 69 внизу) и на монетах

[1] <Это название Сыр-Дарьи встречается в *Шāх-нāме*; см. Птицин, *К вопросу о географии «Шах-намэ»*, стр. 302—303.>

иногда Шехркент — находился в 1 фарсахе от берега реки и в 2 днях пути от ее устья (ныне развалины Джанкент). Развалины были обследованы в 1867 г. П. Лерхом, найденные там монеты относятся к VIII/XIV в. Около этого времени река, должно быть, переменила здесь свое течение и не достигала больше Аральского моря, а, по одним источникам, — терялась в пустыне, по другим же — якобы соединялась с Аму-Дарьей; об относящихся к этому известиях см. выше ⟨стр. 323 и 332⟩. Напротив, Абулгази в XI/XVII в. называет Аральское море «Морем Сыра» (Сыр-тенгизи) и ничего не знает о том, что река когда-то не достигала моря.

В IV/X в. Сыр-Дарья наряду с Аму-Дарьей упоминается как судоходная река (Макдиси, 323,$_1$); во время «мира или перемирия» по воде доставлялись продукты в Карьят ал-хадиса (Ибн Хаукаль, 393,$_4$). В действительности судоходство прерывают Беговатские стремнины, начинающиеся около деревни Кош-Тегермен, в 25 *км* ниже Ходженда. В мусульманских источниках эти стремнины, по-видимому, нигде не упоминаются; в известном рассказе Джувейни (изд. Казвини, I, 71 и сл.) об осаде Ходженда монголами в 1220 г. и о полном приключений бегстве военачальника Тимур-мелика предполагается непрерывное плавание от Ходженда до городов нижнего течения Сыр-Дарьи (ср., напр., d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 225 sq.). После утверждения русского владычества в нижнем течении Сыр-Дарьи (с 1847 г.) была сделана попытка ввести там пароходное сообщение; пароходы Аральской флотилии поднимались также вверх по Сыр-Дарье, и их важнейшая якорная стоянка находилась около основанного русскими города Казалинска. После упразднения флотилии (1882 г.) подобные попытки, несмотря на отдельные проекты, больше не предпринимались; сообщение на Сыр-Дарье поддерживается теперь лишь лодками туземной конструкции (кайиками).

Литература. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 155 и сл.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 211 и сл.⟩; его же, *Орошение*, стр. 129 и сл.; ⟨выше, стр. 210 и сл.⟩; Le Strange, *The Lands*, p. 476 sq.; Костенко, *Туркестанский край*, т. I, стр. 230 и сл.; Масальский, *Туркестанский край*, стр. 131 и сл., 568 и сл.; Берг, *Аральское море*, стр. 122 и сл., 213 и сл.; Пузыревский, *Сыр-Дарья*, стр. 503 и сл.; Люшин, *От Чиназа до Перовска*. ⟨Кляшторный, *Яксарт*.⟩

ТАЛЫШ

Талыш — область и народность на севере персидской провинции Гилян (см. Huart, *Gīlān*); со времени заключения Гюлистанского мира [12(24) октября 1813 г.] принадлежит России. Согласно Маркварту (*Streifzüge*, S. 278 sq.), название это встречается впервые в форме Т'алиш в армянском переводе романа об Александре (*Scriptores rerum Alexandri Magni*, p. 76=гл. 194). В истории арабского завоевания местность называется аṭ-Ṭайласān (Балазури, 327; Табари, I, 2805); по словам ал-Асма'и (у Якута, *Му'джам*, III, 571,$_{19}$), персидское произношение было Тāлишāн (очевидно, форма мн. числа). По словам Якута (*Му'джам*, I, 812, $_{18}$), Тāлашāн (с такой огласовкой) был округом (*'амал*) провинции Гилян. Географы IV/X в. не упоминают этот округ особо и рассматривают его как часть Гиляна (или Дейлема — см. Huart, *Dailem*). По описанию маршрута от Салуса (пограничное селение между Табаристаном и Гилянoм) до Шемахи (см. *Ширван* <ниже, стр. 571>), приводимому Макдиси (373), последний входивший в состав Гиляна город, Кухен-руд, находился в 4 днях пути южнее К у р ы (см. <выше, стр. 472>). Хамдаллах Казвини (*Нузхат ал-кулūб*, изд. Ле Стрэнджа, текст, 180 внизу) упоминает селение Талыш на дороге между Султанией и Ардебилем, в 6 фарсахах от последнего; соответствующий округ (*вилайет*) назван Ṭавāлиш (там же, 162,$_{12}$). До войн между Россией и Персией Талыш, видимо, не имел большого значения; при персидском господстве областью управлял особый хан; центром, как и сейчас, был город Ленкорань. Полоса земли между горами, или Талышскими «Альпами», и Каспийским морем имеет более влажный климат, чем лежащая к северу от нее равнина (количество осадков в Ленкорани — 1312 *мм*, в Баку — 234 *мм*); географически и этнографически она относится к Гиляну, столь же плодородна и нездорова и имеет еще более богатый животный мир (тигры). Народ, именуемый русскими «талыши» или «талышинцы», называет себя «толыш»; места его обитания простираются к северу до Муганской степи, где талыши ведут кочевую жизнь, к югу — еще примерно километров на пятьдесят южнее русско-персидской границы. Число талышей, живущих на русской территории, по последнему подсчету (1922 г.), составило как будто 75 824 души. Талыши — шииты, как и жители Гиляна; их диалект также мало отличается от гилянского.

Литература. См. GIPh, Bd I, Abt. 2, S. 345; Марр, *Талыши*, стр. 24; Le Strange, *The Lands*, p. 173 sq.; Вейденбаум, *Путеводитель*, по указателю; *Список народностей СССР*, стр. 9.

ТАРАЗ

Ṭarāz — арабское название Таласа, реки в Средней Азии и города, расположенного на этой реке, возможно около нынешнего Аулие-Ата (см. ⟨выше, стр. 340⟩). Город был доисламского, вероятно согдийского, происхождения (см. *Согд* ⟨выше, стр. 487⟩); еще в V/XI в. в Таразе, как и в Баласагуне (см. ⟨выше, стр. 355—357⟩), говорили по-согдийски и по-тюркски (Махмуд Кашгарский, I, 31). Как поселение (*хōрон*) «Талас» впервые упоминается в отчете о посольстве грека Земарха (FHG, IV, 228) в 568 г. Сюань Цзан около 630 г. описывал Талас (кит. Далосе ⟨Далосы⟩) уже как значительный торговый город (Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 14: «les marchands des différents pays y habitent pêle-mêle»). Ислам впервые был принесен туда благодаря походу Саманида Исма'ила б. Ахмеда в мухарреме 280/марте—апреле 893 г.; «эмир и дихканы» вынуждены были покориться, главная церковь (*килисā-йи бузург*) была превращена в мечеть (Наршахи, изд. Шефера, 84). Это сообщение доказывает, что христианство в Таразе утвердилось раньше, чем ислам. В сообщении об этом походе у Табари (III, 2138) название города не приводится; Исма'ил завоевывает город «царя тюрков». У Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, VIII, 97) под 310/922-23 г. упоминается «дихкан» области Тараз. При Саманидах Тараз был важным торговым центром на границе ислама с тюрками (Ибн Хаукаль, 391,$_9$). Монеты в Таразе впервые стали чеканить при илек-ханах (см. Barthold, *Ilek-Khāne*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 519⟩).

В монгольское время наряду с Таразом появляется название Янги, впервые у ал-Омари (извлеч. в пер. Катрмера, 234), где рядом с Таразом, или Таласом, появляется Янги как особый город; при Тимуре и его ближайших преемниках [Шереф ад-дин Йезди, I, 229, где ошибочно Набкī; II, 633, где Тараз ошибочно помещен между Ахсикетом и Кашгаром, а Янги назван отдельно; Хафиз-и Абру (см. ⟨Barthold, *Ḥāfiẓ-i Abrū*⟩), оксфорд. рук. Elliot 422, л. 155б; Абд ар-Раззак, рук., л. 190а] Янги упоминается часто, иногда в составной форме Янги-Тараз (так по Мирхонду — у Бартольда, *Улугбек*, текст, стр. 8; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 182⟩). Согласно Хайдер-мирзе (см. Barthold, *Ḥāidar Mīrzā*), Янги было «монгольским» названием Тараза; в Мавераннахре были люди родом из Янги, которых называли «янгилиг». Города Янги уже не было; в этой местности было много руин, но уже тогда нельзя было определить, какие

именно руины соответствуют городу Янги (или Таразу) (Мухаммед-Хайдер, 364). Ныне неизвестно никаких следов города Тараза [1].

[1] <Как указывалось выше (стр. 340, прим. 4), Тараз точно локализуется на месте города Джамбула (Бернштам, *Памятники старины Таласской долины*, стр. 44—45). Результаты раскопок, производившихся под руководством А. Н. Бернштама, показывают, что наибольшего расцвета город достиг при Караханидах в XI—XII вв. (там же, стр. 50—58).>

ТАРИМ

Тарим, местное (тюркское) произношение Терим, — главная река нынешнего Китайского Туркестана (длина ок. 2000 *км*). Вероятно, это Ойхардēс Птолемея (VI, 16). В I/VII в. эта река фигурирует у китайского автора Сюань Цзана (пер. Жюльена, II, 220) под названием Сито (инд. Сита). В V/XI в. Махмуд Кашгарский (I, 116) упоминает реку Усми-Терим, которая «течет из страны ислама в страну уйгуров и там теряется в песках». Согласно этому же источнику (там же, 332), Усми-Терим называлось селение около Кучи на границе области уйгуров, мимо которого протекала река. Вероятно, название Терим тогда, как и ныне, больше относилось к нижнему течению реки; в верхнем ее течении, а часто и до устья ее называют Яркенд-Дарья, по главному городу Китайского Туркестана. Истоком Яркенд-Дарьи служит Раскем-Дарья, стекающая с гор Каракорум в пограничной с Индией области.

В истории Тимура (Шереф ад-дин Йезди, II, 219) упоминается селение Тарим неподалеку от Бая и Кусана (Кучи). Тарим фигурирует также в *Та'рīх-и Рашīдī* Мухаммед-Хайдера (67) как название местности рядом с Турфаном, Лобом и Катаком; название реки в этих источниках не упоминается. Согласно *Та'рīх-и Рашīдī* (11), город Лоб-Катак (или города Лоб и Катак) будто бы был в VIII/XIV в. разрушен песчаной бурей. Как установил Свен Гедин (*Through Asia*, vol. II, p. 850), легенды о разрушенном городе Катаке («*шахр-и Кёттек* или *шахр-и Катак*») существуют до настоящего времени, хотя развалин этого города как будто никто не видел; кроме того, один из рукавов Тарима в его нижнем течении называется Кетек-Тарим (Корнилов, *Кашгария*, стр. 164). Ко времени Махмуда Кашгарского ислам по нижнему течению Тарима, очевидно, еще не был распространен; зато Марко Поло (гл. 57) называет жителей города и пустыни Лоб мусульманами.

Яркенд-Дарья выходит из гор на равнину возле селения Карчун и принимает слева Кызыл-су (или Кашгар-Дарью), Аксу (или Аксу-Дарью), Музарт (или Шах-яр-Дарью) и Конче-Дарью, а справа — Тизнаб, Хотан-Дарью и Керия-Дарью; правые притоки достигают русла Тарима только в половодье. Ниже впадения Аксу возле Лайлыка Тарим имеет в ширину около 400 *м*; в этой же местности он разделяется на несколько рукавов; главный рукав, Уген-Дарья, имеет около Терека, где его в феврале 1896 г. пересек Свен Гедин, 156 *м* в ширину (170 яр-

дов — Hedin, *Through Asia*, vol. II, p. 847). Отдельные рукава теряются в котловине Лоба, или Лоб-Нора (монг. 'озеро Лоб'), в который впадает и Черчен-Дарья; раньше этого же бассейна достигала с востока и Сулэхэ. По словам Гедина (*Through Asia*, vol. II, p. 871), Лоп (или Лоб) называется сейчас вся область от впадения Уген-Дарьи и Тарима на севере до селения Чархлик (южнее Черчен-Дарьи) на юге; как полагает Пельо (*La colonie sogdienne*, p. 119), это же слово Лоп в начале нашей эры передавалось китайским Лаолань. Как показывают выражения Лоп-Нор и Тарим-гол (*гол* — монг. 'река'; последнее название, между прочим, на карте Ю. Клапрота 1829 г.), самые ранние сведения европейской науки о бассейне озера и нижнем течении Тарима происходят из монгольского (или калмыцкого) источника. В последнее время как географические условия, так и археологические памятники в нижнем течении Тарима были обследованы многочисленными экспедициями и многократно делались попытки сопоставить нынешнее положение с сообщениями письменных источников, в особенности китайских. Согласно последним исследованиям сэра О. Стейна (1914 г.; см. Stein, *A third journey*), в бассейне Лоба, ныне почти совершенно высохшем, в историческую эпоху была, возможно, большая речная дельта, но никогда не было крупного озера.

Из-за континентального климата Тарим, несмотря на свое южное положение, около трех месяцев покрыт льдом. На нижнем течении Тарима местные жители (*лоплык*) занимаются рыболовством с особых лодок; на такой лодке и Свен Гедин исследовал местность около Лоб-Нора; судоходства в собственном смысле слова на Тариме никогда не существовало. Как и во времена Махмуда Кашгарского, реку высасывает пустыня еще до того, как она попадает в бассейн озера; рыбацкую деревушку Кум-чапган Гедин (*Through Asia*, vol. II, p. 884) называет «входом в могилу Тарима» («entrance to the tomb of the Tarim»).

Литература. Особенно полная сводка важнейших сведений: Корнилов, *Кашгария*, стр. 157 и сл. (по собственным исследованиям и по путевым отчетам Пржевальского, Гедина, Певцова, Козлова и др.).

ТАШКЕНТ

Ташкент, в арабских и персидских рукописях обычно пишется Ташкенд, — большой город в Средней Азии в земледельческом оазисе, орошаемом Чирчиком, правым притоком Сыр-Дарьи (см. ⟨выше, стр. 491—493⟩). О происхождении культурной жизни на Чирчике ничего неизвестно. По мнению греческих и римских источников, по ту сторону Яксарта были только кочевники. В древнейших китайских известиях (со II в. до н. э.) коротко упоминается область Юни ⟨Юйни⟩, которая позже совпадает с районом Ташкента; позднее та же область называется Чжеши, или Чеши ⟨Чэши⟩, а также просто Ши; соответствующий знак употребляется в значении 'камень', что Шаванн (*Documents*, p. 140) сопоставляет с более поздним тюркским названием (*таш* 'камень'+*кенд* 'селение', bourg de pierre). Китайская транскрипция несомненно соответствует известному в мусульманское время туземному названию Чач; арабы здесь, как и в других случаях, передали звук *ч* через *ш*; арабское Шаш постепенно вытеснило первоначальное название из литературного и разговорного языка. До сих пор остается под вопросом, связано ли, и как именно, нынешнее тюркское название, впервые упоминаемое в V/XI в. (см. ниже) с Чачем или Шашем. Предложенная Е. Поливановым (*О происхождении названия Ташкента*) этимология (Ташкент='город таджиков', т. е. арабов), вряд ли найдет признание.

Более подробно об области Чач и ее столице, окружность которой составляла примерно 10 ли (меньше 4 *км*), мы узнаем лишь из китайских источников III в. н. э. Во времена Сюань Цзана (пер. Жюльена, I, 16) в Чаче, как и в некоторых других областях, не было правителя, которому подчинялась бы вся область; отдельные города находились под верховной властью тюрков. В истории арабских завоевательных войн II/VIII в. часто упоминается «царь (*малик*) Шаша», резиденцией которого Балазури (421) и Табари (II, 1517 и 1521) называют город Тарбенд, не упоминаемый в арабской географической литературе; что здесь, как предполагает издатель (Д. Г. Мюллер), перед нами «forma contracta» вместо Турарбенд (Макдиси, 61 внизу), более чем сомнительно [1]. Династия была, вероятно, тюркского происхождения; верховная власть тюркских ханов временами

[1] ⟨Есть предположение, что Тарбенд — не Ташкент, а Отрар (Кляшторный, *Кангюйская этно-топонимика*).⟩

сменялась верховной властью китайцев. В 751 г. китайский наместник Гао Сянь-чжи (Chavannes, *Documents*, p. 297; Hirth, *Nachworte*, S. 70) приказал казнить владетеля Шаша; его сын обратился за помощью к арабам. Зияд б. Салих, посланный Абу Муслимом (см. Barthold, *Abū Muslim*), в зу-л-хиджжа 133/июле 751 г. (см. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, V, 344) нанес китайцам около Таласа (см. *Тараз* ⟨выше, стр. 495—496⟩) тяжелое поражение, причем был убит также и Гао Сянь-чжи. Благодаря этой битве утвердилось политическое господство ислама в Средней Азии; китайцы больше не предпринимали никаких попыток оспорить это господство.

При халифах область Шаша считалась пограничной полосой ислама против тюрков; от набегов кочевников обработанные земли были защищены стеной, остатки которой сохранились до сих пор (Barthold, *Turkestan*, p. 172; ⟨наст. изд., т. I, стр. 229—230⟩). Несмотря на это, эта пограничная область была завоевана тюрками, вероятно на короткое время; в 191/806-07 г. в качестве союзника мятежника Рафи' б. Лейса упоминается «правитель (*сāхиб*) Шаша со своими тюрками» (Табари, III, 712). При ал-Мамуне Шаш снова принадлежал державе халифов; когда в 204/819 г. Саманиды получили наместничество над отдельными областями в Мавераннахре, то одному из них, Яхье б. Асаду, был пожалован Шаш [см. Büchner, *Sāmāniden*; в противоположность сказанному там ⟨у Бюхнера⟩ приводится не только год, но и день смерти этого Яхьи: это был четверг, за пять дней до конца раби' II 241 г. х. (12 сентября 855 г.); см. Сам'ани, изд. Марголиуса, л. 286б]. В 225/840 г. старшему из братьев, Нуху б. Асаду, главному наместнику областей, отданных Саманидам, удалось продвинуть границу дальше к северу благодаря завоеванию Исфиджаба (ныне Сайрам). Около того же времени в Шаше был восстановлен канал, засыпанный песком в первое время ислама; на восстановление канала халиф ал-Му'тасим (833—842) пожертвовал два миллиона дирхемов (Табари, III, 1326).

Ко времени Саманидов относятся почти все дошедшие до нас географические описания Шаша (так же как и большинства мусульманских стран). Шаш выступает в них лишь как название области; столица называется Бинкет, на монетах в качестве места чеканки постоянно указывает «Шāш»; в редких случаях рядом стоит «Бинкет». Длина и ширина города составляла по 1 фарсаху (5—7 *км*); нынешний Ташкент имеет значительно бóльшие размеры; однако местоположение Бинкета, как показывают расстояния, приводимые арабскими географами, примерно соответствовало местоположению Ташкента (Barthold, *Turkestan*, p. 171; ⟨наст. изд., т. I, стр. 229⟩), а не Иски-Ташкента, как у Ле Стрэнджа (*The Lands*, p. 480); к тому же в Ташкенте и сейчас показывают гробницу шафиитского ученого Абу Бекра ал-Каффаля аш-Шаши, умершего в 365 или 366/975—977 г.

Остается спорным, употреблялось ли название Ташкент до тюркского завоевания (еще до окончательного падения династии Саманидов все обла-

сти по Сыр-Дарье в 386/996 г. отошли к тюркам). Насколько известно, слово Ташкенд впервые упоминается в *Та'рйх ал-Хинд* Бируни (Индия, изд. Захау. 149; пер. Захау, I, 298); из-за буквального значения слова Бируни ошибочно отождествил Ташкент с λίθινος πύργος Птолемея (Marquart, *Ērānšahr*, S. 155). Махмуд Кашгарский (I, 369) упоминает как «название Шаша» кроме «Ташкенд» еще «Теркен» (помимо этого неизвестное). На монетах название Ташкент появляется лишь в монгольское время. Во второй половине V/XI и в VI/XII в. монеты чеканили в Бенакете (Фенакете, или Бенаките), расположенном непосредственно на правом берегу Сыр-Дарьи (см. *Бенакет* ⟨выше, стр. 371⟩); возможно, что этот город имел тогда большее значение, чем Ташкент. В сообщении о монгольском завоевании у Джувейни (изд. Казвини, I, 70 и сл.) Ташкент не упоминается; сообщается лишь о взятии Бенакета. При монголах Ташкент по неизвестным причинам имел лучшую судьбу, чем Бенакет; Ташкент сохранился как город и временами посещался ханами (см. Barthold, *Burāḳ-Ḫān*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 509⟩); Бенакет же, несмотря на то что не оказал монголам никакого сопротивления, позже лежал в руинах и лишь в 1392 г. был восстановлен Тимуром под новым названием — Шахрухия.

После распада монгольской державы Чагатая (см. Barthold, *Čaghatāi-Ḫān*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 538⟩) Ташкент принадлежал государству Тимура и Тимуридов; в 890/1485 г. город вместе с его округой был уступлен монгольскому хану Юнусу, который там и умер в 892/1487 г. (Мухаммед-Хайдер, 114 и сл.); его гробница находится в мечети местного святого, по имени Шейх Хавенд-и тухур (в народном разговорном языке Шейхантаур); о годах жизни этого святого (VIII/XIV в.) см. Семенов, *Шейх-Антаур*, стр. 29. Преемником хана Юнуса был его сын Махмудхан; с 1503 г. Ташкент принадлежал государству узбеков, которыми он был оставлен лишь на очень короткое время после смерти основателя этого государства Шейбани-хана (см. Bouvat, *Shaibānī-Ḫān* и Barthold, *Shaibāniden*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 545⟩). В последующие столетия Ташкент находился то под властью узбеков, то под властью казаков [2] (см. Barthold, *Kirgizen*) и был завоеван калмыками в 1723 г., но не перешел в их непосредственное владение; город по-прежнему управлялся ханом казакского происхождения, но теперь в качестве вассала повелителя калмыков. Иногда власть переходила к ходжам, потомкам местного святого (см., напр., Teufel, *Quellenstudien*, S. 311).

В течение этих столетий за обладание Ташкентом часто велись кровавые войны; некоторые из рассказов об этих войнах имеют также значение для понимания топографии города того времени. Известия о борьбе за Ташкент при Абдулла-хане б. Искендере (Barthold, *ʿAbd Allāh b. Iskandar*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 487⟩) ясно показывают, что город Ташкент в то время еще не имел нынешнего облика. Лишь в XII/XVIII в. упомн-

[2] ⟨Казахов.⟩

нается деление города на четыре части (Кукча, Шейхантаур, Сибзар и Беш-агач) с одним общим базаром. Иногда в каждой части города был свой особый глава (*хāким*); каждая часть представляла собой замкнутое целое и часто находилась в состоянии войны с другими.

Около 1780 г. главе Шейхантаурской части Юнус-ходже удалось объединить под своей властью весь город. Юнус-ходжа удачно боролся против казаков, но потерпел тяжелое поражение от кокандских узбеков под командованием Алим-хана; после его смерти, при его сыне и преемнике Султан-ходже, незадолго перед 1810 г., Ташкенту пришлось подчиниться власти кокандских ханов. Об обстановке во время их правления см. *Коканд* ⟨выше, стр. 463 и сл.⟩.

15(27) июня 1865 г. Ташкент был завоеван русскими под командованием Черняева. Будучи центром Сыр-Дарьинской области и Туркестанского генерал-губернаторства, Ташкент достиг значительного процветания. Рядом со старым, «арабским» городом был построен новый, русский город в качестве резиденции властей и т. п. Обе части образовали единый город с общими муниципальными учреждениями (с 1877 г.), причем, однако, русский город, хотя и значительно уступал по числу населения «арабскому», пользовался особыми преимуществами; поэтому о старом городе мало заботились. Городская жизнь в европейском смысле имелась лишь в русской части города: там находились правительственные учреждения, школы, научные объединения и общества. По переписи 1897 г. население города (старой и русской части вместе) достигало 155 673.

В результате революции русский Ташкент потерял все свои преимущества перед старым городом. После национального размежевания Средней Азии и образования национальных республик Ташкент не имеет никакого политического значения. Город относится к Узбекистану, а его северные окрестности — уже к Казакстану; правительство Узбекистана находится в Самарканде (см. Schaeder, *Samarkand*). Однако Ташкент, будучи крупнейшим городом Средней Азии, сохранил свое значение как экономический и научный центр. В Ташкенте находятся «Экономический совет» всей Средней Азии, основанный в 1920 г. университет, богатая «среднеазиатская» библиотека, главный музей Средней Азии, Среднеазиатский отдел Русского географического общества и др. Торговля, как и повсюду, сократилась, но количество населения стало больше, чем прежде[3].

Литература. Добросмыслов, *Ташкент*; Schwarz, *Turkestan*, S. 140 sq. (касается Ташкента 1874—1890 гг., следует пользоваться с осторожностью); Масальский, *Туркестанский край*, стр. 607 и сл.; *Ташкент 1877—1912*; Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, стр. 163 и сл.; ⟨наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 338 и сл.⟩; *Среднеазиатский Государственный Университет*. О национальном принципе: Варейкис—Зеленский, *Размежевание Средней Азии*. ⟨М. Массон, *Прошлое Ташкента*; Полупанов — Яралов, *Ташкент*.⟩

[3] ⟨Статья написана между 1927 и 1929 гг. В настоящее время Ташкент — большой современный город (по оценке на 1 января 1964 г. — 1061 тыс. жителей), крупный индустриальный и культурный центр, столица Узбекской ССР.⟩

ТЕРЕК

Терек — большая река на Кавказе (длина ок. 500 *км*, ширина в некоторых местах достигает $^1/_2$ *км*). В верхнем течении Терек — горная река, ниже он также столь быстр, что по нему невозможно никакое судоходство.

В пору расцвета арабской географической науки (IV/X в.) район Терека относился, должно быть, к хазарскому царству (см. Barthold, *Khazar*); эта часть хазарского царства арабскими географами не описывается и Терек не упоминается. Название появляется впервые, по-видимому, в истории войн между Беркаем (см. Barthold, *Berke*) и Хулагу (см. Barthold, *Hūlāgū*) в начале 661/ноябре—декабре 1262 г. у Рашид ад-дина (изд. Катрмера, 394). Хамдаллах Казвини (*Нузхат ал-қулūб*, изд. Ле Стрэнджа, текст, 259) упоминает Терек (в пер. Ле Стрэнджа, 250 — Turk) наряду с Итилем (Волгой) как реку в Дешт-и Кипчаке (см. Barthold, *Қipčaḳ*). Область Терека тогда относилась к царству Золотой Орды и была исламизована, видимо, одновременно с этой державой в VIII/XIV в. Немного лет спустя после завоевания Астрахани (см. <выше, стр. 336>) в 1554 г. русские казаки появились и на Тереке и образовали здесь Терское казачье войско; оно сначала было независимо от Москвы, затем было включено в состав Российского государства. В политической жизни мусульманского мира область Терека не имела большого значения; даже крепость Кизляр на северном берегу Терека, несмотря на свое тюркское название, была построена русскими в 1735 г.

Литература. Помимо указанной в тексте — Вейденбаум, *Путеводитель*.

ТЕРМЕЗ

Тирмиз — город на северном берегу А м у - Д а р ь и (см. ⟨выше, стр. 319—325⟩), вблизи от места впадения Сурхана. Как свидетельствует Сам'ани, который провел там 12 дней, в самом городе название произносилось Тармиз (Сам'ани, изд. Марголиуса, л. 105б), что подтверждается китайским Тами (напр., Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 25); русские офицеры также слышали в 1889 г. произношение Термиз или Тармыз (Галкин, *Маршрутное описание*, стр. 393; Караульщиков, *Маршрут*, стр. 399); официально город называется теперь Термез.

Термез, кажется, не был затронут Александром Македонским и в древности не упоминается; однако позже его основание приписывалось Александру. По Хафиз-и Абру (см. Barthold, *Ḥāfiẓ-i Abrū*; текст у Бартольда, *Хафизи-Абру*, стр. 20), не только сам Термез, но и расположенное недалеко от него на берегу селение Бурдагуй также построено Александром; Бурдагуй будто бы греческое слово и означает «гостиница» (*михмāнхāне*; быть может, греч. παραδοχεῖον?).

Во время арабского завоевания в Термезе господствовал буддизм; там было 12 монастырей и до 1000 монахов (Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 25). Термез находился под властью особого князя, который носил титул термез-шаха (Табари, II, 1147; Ибн Хордадбех, текст, 39); на берегу возвышалась сильная крепость (Табари, II, 1147). В 70/689-90 г. Муса б. Абдаллах б. Хазим, который отложился от мусульманского правительства, завоевал Термез на свой страх и риск и управлял им в течение 15 лет (об этом Балазури, 417 и сл.; Табари, II, 1145 и сл.). Лишь к концу 85/704 г. Осману б. Мас'уду по поручению наместника ал-Муфаддаля б. ал-Мухаллаба удалось возвратить город правительству. Для этих военных действий, как и для позднейших осад и построек мостов, большое значение имел находившийся около Термеза остров, который в арабское время назывался Джезират-Осман; в узбецкое время остров назывался Орта-Арал или Орта-Аралы ('Средний остров'; Senkowski, *Supplément*, texte, p. 20 и цитаты из текстов, приведенные по рукописям у Бартольда, *Орошение*, стр. 75 ⟨выше, стр. 160⟩); туда был перенесен культ пророка Зу-л-кифля, упоминаемый уже в IV/X в. в Келифе (Макдиси, 291); в связи с этим культом остров называется теперь Арал-Пейгамбер ('Остров пророка').

О географических условиях в IV/X в. см. особенно Истахри, 298, и Макдиси, 291. Термез считался важным портовым городом на Аму-

Дарье; оттуда вывозили лодки (Макдиси, 325,,). Термез, как и Балх, славился своим мылом (там же, 324). Для мусульманской литературы особенное значение имели два жителя Термеза: составитель известного сборника хадисов Абу Иса Мухаммед б. Иса ат-Термези (см. Wensinck, *al-Tirmidhī*), умерший в 279/892 г., и знаток предания и мистик Абу Абдаллах Мухаммед б. Али ат-Термези (см. Massignon, *al-Tirmidhī*), умерший в 255/869 г. (Brockelmann, GAL, Bd I, S. 164). Мавзолей последнего (сооруженный, вероятно, в IX/XV в.) — ныне красивейший памятник среди развалин Термеза и один из прекраснейших в Средней Азии (изображение см., напр., Рожевиц, *Поездка*, к стр. 652, там же русский перевод надписей, и Бартольд, *Ислам*, стр. 57) [1]. В надписях сообщается частично то же, что говорится о Мухаммеде б. Али в *Тазкират ал-аулийа'* (93) Ферид ад-дина Аттара (см. *Aṭṭār*) и в *Нафаҳāт ал-унс* Джами (см. Huart, *Djāmī*; калькут. изд., 77); кроме того, говорится, что он слушал тех же учителей, которых слушал ал-Бухари; у Сам'ани (изд. Марголиуса, л. 106a) это относится к Мухаммеду б. Исе.

Позднее Термез разделял политические судьбы Хорасана и Мавераннахра, причем большее значение имела то граница по Оксу (как теперь), то связь с Балхом. При Махмуде и его ближайших преемниках Термез, подобно другим зависимым от Балха областям к северу от Окса, входил в государство Газневидов (см. Dames, *Ghaznawiden*). Когда в результате битвы в Катванской степи, у Самарканда (5 сафара 536/9 сентября 1141 г.), господство над Мавераннахром перешло к кара-китаям (см. Barthold, *Kara Khitai*), Термез остался у Сельджукидов, что доказывается бегством туда султана Санджара (см. Zetterstéen, *Sandjar*) в 551/1156 г. Позже Термез находился во власти кара-китаев, у которых его захватил для Гуридов (см. Dames, *Ghōriden*) в зу-л-ка'да 601/июне—июле 1205 г. Имад ад-дин Омар, наместник Балха (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 135); сын Имад ад-дина, Бехрам-шах (имя имеется у Несеви, *Сāрат Джелāль ад-дāн*, I, 39), был назначен наместником Термеза. Уже в следующем году он был завоеван хорезмшахом Мухаммедом, который тогда находился в союзе с кара-китаями, и передан кара-китаям; согласно Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, XII, 152 и сл.), известие об этом будто бы вызвало во всем мусульманском мире сильное озлобление против хорезмшаха. Согласно Джувейни (изд. Казвини, II, 64), наместник по совету отца передал город хану Самарканда Осману; у Мирхонда (*История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 51 и сл.) вместо хана назван хорезмшах. После падения государства кара-китаев Термез принадлежал государству хорезмшахов; осенью 1220 г. он был завоеван монголами и полностью уничтожен. В рассказе Джувейни (изд. Казвини, II, 102) об этом завоевании говорится, что половина городской стены находилась посередине реки.

[1] <Об этом мавзолее см. также М. Массон, *Городища Старого Термеза*, стр. 56—58.>

За несколько лет перед этим впервые упоминаются термезские сейиды, значение которых не было уничтожено даже монгольским завоеванием. Когда хорезмшах Мухаммед поссорился с халифом Насиром, то приказал ученым своего государства объявить, что Аббасиды незаконным путем присвоили себе власть, которая принадлежит потомкам Али. Халифом был провозглашен Ала ал-мульк, «один из великих сейидов (*аз сādāt-и бузург*) Термеза» (Джувейни, изд. Казвини, II, 97, 122). Провозглашение не имело в дальнейшем никакого результата; о жизни и кончине антихалифа ничего неизвестно. В *Та'рīх-и гузīде* Хамдаллаха Казвини (изд. Брауна, 496) он называется сейидом Имад ад-дином Термези.

В следующем столетии в рассказе Ибн Баттуты (III, 48) о событиях в государстве Чагатая (см. Barthold, *Caghatāi-Khān*; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 538 и сл.›) упоминается Ала ал-мульк Худавенд-заде, потомок Хусейна б. Али, владетель (*сāхиб*) Термеза; сообщается, будто он во главе 4000 мусульман пробился к хану Халилаллаху и был назначен им везиром. Члены этого рода и позже назывались *худавенд-заде* (у Шереф ад-дина Йезди, I, 210 и в других местах и в *Бāбур-нāме*, изд. Беверидж, л. 20б, сокращено в *хан-заде*; полное написание находится в более старых списках *Ẓафар-нāме*, написанных еще при Тимуре, см. Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 131 и 199). В *Ẓафар-нāме* неоднократно упоминаются «хан-заде» Абу-л-Ма'али и его брат Али-Акбар; в 1371 г. Абу-л-Ма'али был изгнан за участие в заговоре против Тимура (Шереф ад-дин Йезди, I, 231), но это изгнание не было длительным; уже в следующем году он принял участие в походе Тимура на Хорезм (там же, 241). Позднее упоминается еще один хан-заде Ала ал-мульк, в его доме останавливался Тимур при своем возвращении из похода на Индию в 1399 г. и из похода на запад в 1404 г. (там же, II, 190 и 593). В 1487 г. Ахмед-мирза взял себе жену из рода сейидов (*Бāбур-нāме*, изд. Беверидж, л. 20б).

Ко времени Ибн Баттуты, когда Балх еще лежал в развалинах, Термез уже оправился от разрушений, причиненных монголами; город был восстановлен не на прежнем месте, а в двух арабских милях от реки [2]; это был большой и красивый город с состоятельными жителями (Ибн Баттута, III, 56 и сл.). В развалинах этого города находится описанный А. А. Семеновым (*Происхождение Термезских сейидов*, с иллюстрациями) мавзолей с могилами сейидов, называющийся ныне Султан-Садат (вероятно, Султан-и Садат) [3]. Потомки сейидов живут теперь в небольшом селении (по новейшим подсчетам, 724 жителя) Салихабад около Термеза; А. Семенов получил от них рукописную генеалогию и историю их рода, законченную 4 зу-л-хиджжа 1046/29 апреля 1637 г. Согласно этой рукописи, сейид Хасан ал-Эмир, сын эмира Хусейна, прибыл в 235/849-50 г. в Са-

[2] ‹Расположение городищ средневекового Термеза указано в статье: Шишкин, *К исторической топографии*, рис. 74.›

[3] ‹Об этом см. также М. Массон, *Городища Старого Термеза*, стр. 63—66.›

марканд и оттуда в 246/860-61 г. в Балх и Термез. Кое-что говорится, с явными анахронизмами, о его отношении к Саманидам [4] (см. Büchner, *Sāmāniden*); в остальном генеалогия содержит только имена (слово «Султан-Садат» выступает там как женское имя) без каких-либо дат или исторических сопоставлений.

В *Ẓафар-нāме* (Шереф ад-дин Йезди, I, 57) наряду с Термезом того времени упоминается также «старый Термез» (Термез-и кухна). Как в письменных источниках (в том числе и упомянутой рукописи), так и на монетах Термез в послемонгольское время часто называется «Город мужей» (Мадīнат ар-риджāл). После смерти Тимура граница по Оксу вновь приобрела на короткое время некоторое значение; Халиль-Султан, который завладел Самаркандом, мог удержать только области к северу от Аму-Дарьи; во время приготовлений к войне между ним и Шахрухом (см. Bouvat, *Shāhrukh Mīrzā*) Халиль-Султан приказал в 810/1407 г. восстановить старый Термез, а Шахрух — укрепления Балха (Ибн Арабшах, каирск. изд., 205 и сл.). Быть может, к этому времени относится памятник Мухаммеда б. Али ат-Термези.

С X/XVI в. Термез, а часто также и Балх принадлежали государству узбеков. Во время борьбы за Балх между узбеками и индийским принцем (позднее императором) Ауренгзебом (см. Irvine, *Awrangzēb*) в 1646 и 1647 гг. Термез был занят индийскими войсками под командованием Сa'адет-хана [Elliot, *The History of India*, vol. VII, p. 79; также Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан* (*1920 г.*), стр. 204].

В первые годы XVIII в. Термез находился во владении Шир-Али из рода кунграт, основателя города Ширабада (Teufel, *Quellenstudien*, S. 276); в то время «большую крепость» (*кала'а-йи калāн*) Термеза отличали от «крепости селения» (?), где обитала основная масса жителей (Термеза?). Вследствие беспокойной обстановки последующих десятилетий Термез, подобно многим другим городам, полностью пришел в запустение; в 1758 г. Мухаммед-Рахим-хан приказал восстановить город (Бартольд, *Орошение*, стр. 74; ⟨выше, стр. 159⟩); позднее он снова был разрушен.

Во второй половине XIX в. около развалин древнего Термеза располагались лишь небольшие селения Патта-Гиссар (ныне 1257 жителей) и Салихабад (см. выше); Патта-Гиссар получил некоторое значение как конечный пункт основанного русскими пароходного сообщения на Аму-Дарье. В 1894 г. в 8 *км* от развалин была выстроена русская крепость Термез, которая постепенно приобрела значение города, однако с преобладающим мужским населением (по последней переписи — 8052 мужчины против 2069 женщин). В 1916 г. была открыта железная дорога Бухара—Карши—Термез; в годы революции железная дорога была

[4] ⟨Ср. Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов.*⟩

разрушена, а затем восстановлена. Раскопки, проведенные по заданию московского Музея восточных культур, дали важные результаты; кроме всего прочего найдены предметы буддийского времени.

Литература. Кроме приведенной в самом тексте см.: Le Strange, *The Lands*, p. 440 sq.; Barthold, *Turkestan*, p. 74 sq. ⟨наст. изд., т. I, стр. 125—126⟩ и по указателю. О раскопках: Денике, *Термез*; его же, *Экспедиция в Среднюю Азию*; его же, *Экспедиция в Термез*. ⟨См. также Денике, *Архитектурный орнамент*. Сведения о топографии средневекового Термеза, раскопках, истории изучения и т. д. см. «Труды ТАКЭ», т. I—II.⟩

ТИБЕТ

Тибет — область на юге Китая. Якут (s. v.) приводит огласовки: Туббат, Туббит и Таббут — и отдает предпочтение первой. Старейшие арабские известия о Тибете и тибетском государстве, вероятно, тюркского происхождения; правитель Тибета называется хакан; выражения Тюпют или Тюпют-каган встречаются уже в орхонских надписях. Путем сопоставления Туббат с именами Сабит и Тубба' возникли легенды о йеменском происхождении тибетского государства; см., напр., Табари, I, 686 вверху; Гардизи — у Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 87 и сл. Да и в остальном в арабских известиях о Тибете содержится много легендарного; легенда о необъяснимой веселости и смешливости, которая овладевает любым иноземцем в Тибете, приводимая уже Ибн Хордадбехом (текст, 170), часто приводится в мусульманской литературе (ср. Низами, *Искендер-нāме*, 226) и даже в самом подробном описании Тибета, какое мы только имеем (в анонимном *Худūд ал-'ālам* — см. текст: Бартольд, *Рукопись Туманского*, стр. 73), единственном, в котором упоминается город Лхасса (Лхāсā). Там будто бы в это время имелась мечеть и мусульманская община, хотя и немногочисленная.

Время арабских завоеваний в Средней Азии было также временем возвышения Тибета и войн тибетцев с китайцами, по большей части победоносных. В китайских известиях арабы часто упоминаются в качестве союзников тибетцев (и наоборот); Шавани (*Documents*, p. 291) выразился об этих отношениях в следующих словах: «Поддержку, которую тибетцы оказали арабам в долине Яксарта, арабы оказали им в Кашгарии». Лишь в период Чжэнь-юань (785—805) арабы начали войну против Тибета; с тех пор тибетцам постоянно приходилось посылать войска на запад, вследствие чего китайские пограничные области страдали от них меньше, чем прежде (Bretschneider, *On the knowledge*, p. 10). В арабских источниках ничего не упоминается ни об этом союзе, ни об этом разрыве. Согласно Табари, арабский мятежник Муса б. Абдаллах б. Хазим во время своего правления в Термезе (пятнадцать лет; Табари, II, 1160 внизу: до 85/704 г.) будто бы подвергся нападению со стороны хайатила, или хабатила (см. Hartmann, *China*, S. 881), тибетцев и тюрков (в параллельном месте у Балазури, 418, тибетцы не упомянуты); нападение было отбито. Согласно Я'куби (*Та'рūх*, II, 362; также *Китāб ал-булдāн*, 301 вверху), при Омаре II (717—720) к наместнику Хорасана Джарраху б. Абдаллаху

явилось посольство из Тибета с просьбой послать в их страну мусульманского вероучителя; с этим поручением туда отправился Салит б. Абдаллах ал-Ханефи. В том же источнике среди многих царей, которые будто бы покорились халифу ал-Махди (158—169/775—785), упоминается также царь Тибета (Я'куби, *Та'рӣх*, II, 479). В последние годы царствования Харуна ар-Рашида (170—193/786—809) мятежник Рафи' б. Лейс в Самарканде был якобы поддержан в его борьбе против правительства тибетскими военными отрядами (*джунӯд*) (там же, 528). При Мамуне (198—218/813—833) царь Тибета будто бы принял ислам и в знак своего обращения послал в Хорасан своего золотого идола, изображенного сидящим на золотом троне. Мамун приказал отправить идола в Мекку (там же, 550); наместник Йезид б. Мухаммед ал-Махзуми во время одного восстания приказал начеканить из этой статуи монет (там же, 544) [1]. У Табари (III, 815) «Хакан, царь Тибета» упоминается под 195/810-11 г. как один из врагов Мамуна, которых ему пришлось умиротворить перед началом борьбы с ал-Амином. В 196/811-12 г. Фазлю б. Сахлю (Zetterstéen, *al-Faḍl b. Sahl*) было передано наместничество над всеми восточными провинциями «от Хамадана до Тибета» (Табари, III, 841).

Арабские географы, по-видимому, понимали под Туббатом преимущественно Малый Тибет, или Балтистан (см. Cotton, *Baltistān*). Дороги туда шли из Хотана (см. ‹ниже, стр. 553—554›) и из Бадахшана (см. ‹выше, стр. 343—347›) через Вахан. К дороге Хотан—Тибет относится рассказ о горной болезни, заимствованный Бируни (*Āṯār ал-бāḳийа*, изд. Захау, 271_{8}, где вместо *байт* следует читать *Туббат*) и Гардизи (Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 88) у Джейхани. О Джирме в Бадахшане как пограничном селении на дороге в Тибет см. Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 288 внизу. Самые подробные известия о дороге через Вахан находятся в *Ḥудӯд ал-'āлам* (л. 25б). Пограничным селением Мавераннахра в этом направлении там названо «большое селение» Самаркандек (вероятно, в значении 'Маленький Самарканд'), в котором жили индийцы, тибетцы, ваханцы (*ваḫийāн*) и мусульмане. По этой дороге доставляли из Тибета в мусульманские страны мускус (Истахри, 280 вверху, 297 внизу) [2]. Я'куби, в противоположность историческим сведениям, а также своим собственным данным о пограничных крепостях между Тибетом и Китаем (*Та'рӣх*, I, 208), утверждает, что никто не ходил войной на Тибет (там же, 204).

Вероятно, первым походом мусульманского правителя против Тибета был поход царя Бенгалии (см. Cotton, *Bengalen*) Мухаммеда Бахтияра Хальджи в конце VI/XII в., описанный в *Ṭабаḳāт-и Нāṣирӣ*

---

[1] ‹О походе против тибетцев см. Михайлова, *Новые эпиграфические данные*, стр. 18.›

[2] ‹Относительно Памира и припамирских областей см. соответствующую главу в книге: Мандельштам, *Материалы*, стр. 152—178.›

Минхадж ад-дина Джузджани (изд. Нассау-Лиса, 153 и сл.; пер. Раверти, I, 560 и сл.; Elliot, *The History of India*, vol. II, p. 310 sq.); дата, приведенная в тексте, — 641/1243-44 г., относится, согласно правильному чтению, не к походу; годом смерти этого правителя в этом же источнике, как и в других, называется 602/1205-06 г.

В Европу название Тибет (Tebet, Thebet, Thabet), по-видимому, принесено, в противоположность утверждению Бретшнейдера (*Researches*, vol. II, p. 21), независимо от арабов европейскими путешественниками монгольского времени, хотя Тибет (Tubbot) упоминается уже в XII в. Вениамином Тудельским (Adler, *Die Reisebeschreibungen*, S. 59); записки Вениамина в Европе в то время, по-видимому, были неизвестны. Вениамин, как теперь считают, дошел только до Багдада (Wright, *The geographical lore*, p. 282); мы находим у него чрезвычайно запутанную передачу (между прочим, говорится, что из Самарканда можно достичь Тибета за 4 дня) того, что слышали в мусульманском мире (вероятно, от евреев).

Большой труд Рашид ад-дина о монгольской империи содержит также некоторые сведения о Тибете. Не встречающееся больше название Бури Туббат (Рашид ад-дин, изд. Березина, II, 237) в XIII в. упоминается также Плано Карпини (Burithabet) и некоторыми китайскими источниками (ср. сведения у Бретшнейдера, *Researches*, vol. II, p. 21). Тибет, уже в VII в. обращенный в буддизм, с монгольского времени имел значение также и для дальнейшего распространения буддизма. Рашид ад-дин (изд. Блоше, 545) определенно говорит, что среди буддийских монахов (*бахши*) тибетские пользовались наибольшим почтением.

После окончательной победы ислама в Средней Азии и северо-западной Индии в IX/XV в. Тибет также стал подвергаться нападениям мусульманских войск под предлогом войны за веру, чаще всего Малый Тибет. К концу этого столетия Мир-Вали, полководец Абу Бекра, правителя Кашгара из династии Дуглат (см. Barthold, *Dūghlāt*), покорил все области Болора (Кафиристан, см. Dames, *Kāfiristān*) и Тибета между Бадахшаном и Кашмиром (см. Dames, *Kashmīr*; Мухаммед-Хайдер, 320 и 403). Когда власть Абу Бекра была свергнута Са'ид-ханом в 1514 г., то крепости, выстроенные в Тибете (в Ладахе), были покинуты гарнизонами и захвачены тибетцами вместе с их сокровищами. При Са'ид-хане (1514—1533) Тибет (Ладах и прилежащие районы) подвергся нападению сначала Мир-Мазида в 1517 г. и в 1532 г. самого хана, которого сопровождал его историк Хайдер-мирза (см. Мухаммед-Хайдер, 417 и сл.; Barthold, *Haidar Mīrzā*). В 1533 г. Хайдер-мирза хотел проникнуть до Лхассы, которую он называл Урсанг, где находились самые большие храмы, но был вынужден повернуть назад из Аскабрака, всего в 8 днях пути от Лхассы (Мухаммед-Хайдер, 454). Урсанг, вероятно, соответствует упомянутому в *Худūд ал-'ālам* Гурсангу, где были большие храмы с идолами. Что Гурсанг упоминается отдельно наряду с Лхассой, не является доводом

против этого сопоставления: *Худуд ал-ʿалам* составлен почти исключительно по письменным источникам, и поэтому одно и то же место часто называется дважды (под различными названиями, несомненно из разных источников). Позже Хайдер-мирза, будучи правителем Кашгара (с 1541 г.), предпринял оттуда в 1548 г. еще один поход против Ладаха и Балтистана.

Все эти известия, по-видимому, доказывают, что Балтистан, относившийся в X в. к Тибету (согласно *Таʾрих-и Рашиди*, 436, он лежал «между Тибетом и Болором»), даже тогда еще не был мусульманской страной. Мнение, принятое Кеннингемом и более поздними авторами, в том числе А. Франке (*A history*, p. 90), будто Балтистан был обращен между 1380 и 1400 гг. правителем Кашмира Сикандером (Zambaur, *Manuel*, p. 293: 788—813/1386—1410-11), следует отвергнуть.

Во второй половине XVI в. ислам в Малом Тибете был уже политической силой. Владетелю Капилу — Али Мир-Шир-хану удалось объединить под своей властью весь Балтистан; область была очищена от идолов и других остатков буддизма. Позже ему удалось завоевать также Ладах, хотя и на короткое время. Этот хан основал столицу Балтистана — Скардо; в *Таʾрих-и Рашиди* (405) Аскарду упоминается лишь как название перевала (ныне не существующего) на дороге из Кашмира в Тибет. Балтистан и позже остался единственной мусульманской областью, заселенной тибетцами, и с 1841 г. находится под верховной властью Кашмира. На языке балти, как сообщают, имеются исторические сочинения; они употребляют также особый алфавит, восходящий, как предполагают, ко времени обращения в ислам; буквы (вероятно, тибетского происхождения, но испытали влияние арабских) пишутся справа налево (Grierson, *Linguistic survey of India*, p. 32 sq.; Francke, *A history*, p. 89 sq.). Будучи мусульманами, балти с самого начала до нынешнего времени исповедуют шиизм; лишь из *Бахр ал-асрар* Махмуда б. Вели [текст у Бартольда, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*] мы знаем, что в первые годы XVII в. господство перешло, по-видимому лишь на короткое время, к сторонникам суннизма. Обращенный в суннизм владетель (имя которого не названо) приказал казнить своего отца и братьев как еретиков; из Кашгара были призваны суннитские ученые. Тридцатью годами позже, в 1044/1634-35 г., эти известия были принесены в Балх представителем этой династии Хасан-ханом.

Около 1682 г., когда Центральный Тибет находился под властью калмыков (см. Barthold, *Kalmücken*), знаменитый ходжа Апак (как известно, его гробница около Кашгара почитается по сей день), который поссорился со своим ханом Исмаʿилом (1670—1682), отправился в Лхассу, которая названа по большой статуе Будды «город Джо» (Джӯ-шахрӣ). По его просьбе далай-лама (в тюркской рукописи в форме множественного числа *далай ламлар*) дал ему рекомендательное письмо к калмыцкому хану Галдан-Бошокту. Во главе войска, в котором находился и ходжа, хан вторгся в Кашгарию; Исмаʿил-хан был уведен в качестве

пленника, а власть была передана ходже [Hartmann, *Der islamische Orient*, Bd I, S. 210, 212, 321, 326; Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан* (*1902 г.*), стр. 250].

В последние столетия Тибет, по-видимому, мало соприкасался с мусульманским миром, хотя и в это время, когда Тибет был закрыт для европейцев, мусульмане приезжали в Лхассу. Через каждые три года туда прибывало из Кашмира посольство с подарками. На плане Лхассы, составленном А. Уэдделом (*Lhassa*), помечены: мечеть и суд для мусульман из Кашмира, гостиница для китайских мусульман.

Литература. Приведена в самой статье; ⟨см. также: Юсов, *Тибет*; Чу Шао-тан, *География нового Китая*.⟩

ТОХАРИСТАН

Ṭоḫāристāн, пишется также Тоḫāристāн и Ṭоḫайристāн — область в верхнем течении Аму-Дарьи (см. ⟨выше, стр. 320⟩). По форме это слово — название страны, образованное от названия народа (как Афганистан, Белуджистан и др.); однако вопрос о национальности и языке тохаров не имеет никакого значения для мусульманского времени; пожалуй, за исключением обозначения Балха как «Мадīнат Ṭоḫāра» у Балазури (408), не имеется никаких указаний на то, что в мусульманское время знали что-либо о тохарах как о народе, хотя еще около 630 г. китайский паломник Сюань Цзан кроме страны Тухоло на Аму-Дарье знал еще страну Тухоло восточнее Хотана, превратившуюся в то время в пустыню (Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 23; II, 247). Страна Тухоло на Аму-Дарье в то время распадалась на 27 маленьких владений; северную ее границу образовывали «Железные ворота», т. е. ущелье Бузгала между бассейнами Кашка-Дарьи и верхнего течения Аму-Дарьи. И в мусульманское время Тохаристан в широком смысле охватывал «все горные области, зависящие от Балха, справа и слева от верхнего течения Аму-Дарьи». Согласно Якуту (*Му'джам*, III, 518), существовало два Тохаристана: верхний (*ал-'улйā*) и нижний (*ас-суфлā*), однако он, по-видимому, не имел точного представления об этом делении. Верхний Тохаристан будто бы находился восточнее Балха и западнее (по современной картографии — южнее) Джейхуна (Аму-Дарьи), нижний — также западнее Джейхуна, только дальше на восток, чем верхний. Верхний Тохаристан упоминается также Ибн Хордадбехом, Ибн Русте и Табари. По Ибн Русте (93), Верхний Тохаристан, судя по его гористому характеру, находился севернее Аму-Дарьи; там же (292,$_8$) к Верхнему Тохаристану причисляются высоко расположенные области по обоим берегам верхнего течения Аму-Дарьи — как Бадахшан, так и Шугнан. Напротив, у Ибн Хордадбеха (текст, 34) предполагается, как и у Якута, что Верхний Тохаристан расположен восточнее Балха и южнее Аму-Дарьи. У Табари (II, 1589 и 1612) выражение «Верхний Тохаристан» встречается дважды без более точного описания расположения этой части страны. В другом месте (II, 1180) говорится, будто области Шуман и Ахарун (севернее Аму-Дарьи, в верховьях Кафирнигана) находятся в Тохаристане, без определения *ал-'улйā*. Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 289—290) называет округ города Бамиана (см. ⟨выше, стр. 364⟩) «первым» (*ал-ӯлā*) или «ближним» (*ад-дунйā*) Тохаристаном; Бамиан был «пер-

вой из областей (*мамāлик*) в ближнем, западном Тохаристане». Ибн Хордадбех (текст, 36) допускает большую протяженность области Тохаристан как к северо-западу, включая Земм, нынешнее Керки, так и на юг, где в качестве пограничных районов (*сугӯр*) Тохаристана указаны Забулистан (35) и Кабул (37). Границы Тохаристана в узком смысле точнее всего указаны у Истахри (270 и сл.); это была страна восточнее Балха, западнее Бадахшана, южнее Аму-Дарьи и севернее главного хребта Гиндукуша; важнейшими городами, кроме столицы Ṭāлеқāн, или Ṭāйеқāн, были Варвализ и Андераба.

В истории Сасанидов у Табари (I, 873,$_4$; пер. Нёльдеке, 119) во время борьбы за персидский престол после смерти царя Йездигерда II (438 г.) впервые появляются хайталы (мн. ч. *хайāṭила*); незадолго до этого они завоевали Тохаристан, но не говорится, у кого. Во время войн арабов с туземными князьями, последними Сасанидами и тюрками за обладание Тохаристаном царем (*малик*) Тохаристана назван джабгӯ (*джабғӯйа* — Табари, II, 1206). Это был глава тюркского народа харлух (карлук); выражения *джабғӯйа аṭ-ṭоҳарī* (Табари, II, 1604 и 1612) и *джабғӯйа ал-ҳарлуҳī* (там же, II, 1612) употребляются у Табари вперемешку, хотя в одном месте (II, 1591) делается различие между Тохаристаном и землей (*арḍ*) джабгуйа. Незадолго до 740 г. эти войны окончательно решились в пользу арабов. Позже Тохаристан фигурирует как часть государства Гуридов (см. Dames, *Ghōriden*), а именно той их ветви, которая имела резиденцию в Бамиане. С VII/XIII в. название страны Тохаристан, по-видимому, вышло из употребления.

Литература. Le Strange, *The Lands*, p. 426 sq.; Marquart, *Ērānšahr*, S. 199 sq., Index; Barthold, *Turkestan*, p. 66 sq., Index; ⟨наст. изд., т. I, стр. 116—118 и по указателю⟩.

ТУРГАЙ

Тургай — название речной системы и небольшого города в степной области Средней Азии. Главная река Тургай образуется Карын-салды-Тургаем, в который впадает Тасты-Тургай, и Кара-Тургаем и впадает в озеро Дурукча; севернее течет Сары-Тургай, который в верхнем течении называется Улкун-тамды-Тургай, он принимает с запада Муилды-Тургай и Сары-буй-Тургай; Сары-Тургай впадает в озеро Сары-копа. По-тюркски слово *тургай*, или *торгай*, означает 'небольшая птица' (Радлов, *Словарь*, III, 1184, 1457); *кара-тургай* называется скворец; укрепления Оренбурга назывались Торгай-кала.

Нынешний город Тургай на одноименной реке был построен в 1845 г. майором Томилиным как крепость и один из опорных пунктов русского владычества над киргизами[1] (см. Barthold, *Kirgizen*) и назван Оренбургским укреплением. В 1865 г. земли оренбургских киргизов были разделены на две области: Уральскую и Тургайскую; когда в 1868 г. Тургайская область была поделена на уезды, то укрепление было превращено в уездный город с названием Тургай. Поскольку в самой области не нашлось подходящего для этого центра, то Тургайской областью управляли из Оренбурга, там было местопребывание губернаторов и издавалась начиная с 1881 г. официальная газета «Тургайские областные ведомости». Среди четырех уездных городов этой области Тургай стоял только на третьем месте и всегда оставался незначительным; число жителей по переписи 1897 г. составляло всего 896 человек, по подсчетам 1911 г. — 1657 человек. Для земледелия и русской колонизации южная часть области с городом Тургай менее пригодна, чем северная, из-за нехватки плодородных земель, хотя уже в 60-х годах по одной только реке Тургай возделывалось около 1300 *га*. Из Тургая идут торговые пути в северном направлении на Орск и Кустанай, в южном — на Иргиз и Перовск (ныне Кзыл-Орда).

До русской власти нынешняя Тургайская область имела значение лишь для кочевничества и в политической истории почти не упоминается; исключение составляет сообщение Несеви (*Сīрат Джелāль ад-дīн*, I, 9 и сл.) о походе хорезмшаха (см. Barthold, *Khʷārizmshāh*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 535 и сл.⟩) Мухаммеда в 612/1215-16 г. против кипчаков

[1] ⟨Т. е. казахами.⟩

и его столкновении с монголами; см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 398 и сл.; Barthold, *Turkestan*, p. 370 sq.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 434⟩; Marquart, *Komanen*, S. 128 sq., где на стр. 133 принята более поздняя дата — середина лета 1219 г.

Теперь Тургай входит в автономную Советскую Республику Казакстан. Вместо прежнего деления на области и уезды страна делится теперь на округа; город Тургай относится теперь к Кустанайскому округу, южная часть прежней Тургайской области — к Кзыл-Ординскому округу[2].

Литература. *Россия*, т. XVIII, особенно стр. 341 и сл. и карта; Полферов — Кауфман, *Тургайская область*; «Азиатская Россия», т. I, стр. 347 и 351; о современном состоянии — по устным сообщениям.

[2] ⟨По современному административному делению село Тургай — центр Джангильдинского района Кустанайской обл. Целинного края Казахской ССР.⟩

ТУРКЕСТАН

Туркистáн, или Туркестан, — персидское слово, имеющее значение 'Страна тюрков'. Само собой разумеется, что для персов имела значение лишь южная граница Туркестана, граница с Ираном; столь же естественно, что эта граница зависела от политической обстановки. Уже при первом своем появлении в Средней Азии в VI в. н. э. тюрки продвинулись до Окса (см. *Аму-Дарья* ⟨выше, стр. 319—325⟩). Поэтому при Сасанидах страна тюрков начиналась непосредственно севернее Окса; согласно легенде, рассказанной Табари (I, 435 и сл.), Окс был определен в качестве границы между тюрками и «областью (*'амал*) персов» выстрелом из лука Ираша. Согласно армянину Себеосу (VII в. н. э.), Вехрот, т. е. Окс, вытекает из страны Т'урк'астан (Себеос, 49; Marquart, *Ērānšahr*, S. 48); в другом месте того же сочинения (Себеос, 43; Marquart, *Ērānšahr*, S.73) Т'урк'астан сопоставляется с Делхастаном, т. е. Дихистаном (около Каспийского моря, севернее Атрека).

Вследствие побед арабов тюрки были оттеснены далеко на север; поэтому для арабских географов III/IX и IV/X вв. Туркестан начинался не непосредственно севернее Окса, а лишь севернее культурных областей, называвшихся «страной по ту сторону реки», Мā варā' ан-нахр (см. *Мавераннахр* ⟨выше, стр. 477⟩). Туркестан, страну тюрков, представляли себе в то время как местности севернее и восточнее Мавераннахра. Город Касан в Фергане (см. ⟨ниже, стр. 527—538⟩) севернее Сыр-Дарьи (см. ⟨выше, стр. 491—493⟩) находился «там, где начинается страна Туркестан» (Якут, *Му'джам*, IV, 227); к Туркестану относились города Дженд и Шехркент в нижнем течении той же реки (там же, II, 127; III, 344); в Туркестане лежал город Хотан (там же, II, 403). Под влиянием этого словоупотребления утверждают (особенно Hartmann, *Chinesisch-Turkestan*, S. 1), будто название Туркестан было произвольно применено к стране Мавераннахр лишь русскими завоевателями Средней Азии. В действительности уже тюркские завоевания давно возвратили слову Туркестан его прежнее значение, может быть, в литературе меньше, чем в разговорном языке. Для населения Персии и Афганистана «тюрки в Туркестане» были их непосредственными соседями; так, в одной колыбельной песне, записанной в 1886 г. в Ширазе, поется: «Пришли два тюрка из Туркестана, перенесли меня в Хиндустан» (Жуковский, *Образцы*, стр. 169 и сл.). Благодаря узбецким завоеваниям XVI в. возник новый

Туркестан южнее Аму-Дарьи. Название Туркестан до сего дня носит соответствующая провинция афганского государства; в качестве южной границы этого Туркестана одни путешественники (Burslem, *A peep into Toorkisthán*, p. 57 sq.) указывают перевал Ак-Рабат, севернее Бамиана (см. ⟨выше, стр. 363⟩), другие (Wood, *Journey*, p. 130) — перевал Хаджикак, лежащий несколько южнее, там, где находится водораздел между бассейнами Хильменда (см. Dames, *Helmand*) и Аму-Дарьи; далее к западу, в районе между Мургабом и Аб-и-Меймене, границей Туркестана считают горный хребет Бенд (или Тирбенд)-и Туркестан. В научную терминологию XIX в. слово Туркестан введено не русскими, а англичанами, вероятно под влиянием персидского и афганского употребления этого слова.

В литературе, особенно в отчетах о путешествиях, большей частью различаются Русский, Китайский и Афганский Туркестан, хотя слово Туркестан (или Туркистан) имело административное значение только в России и Афганистане. Иногда вместо этого употребляются названия Восточный и Западный Туркестан. В 1867 г. русские учредили Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте (см. ⟨выше, стр. 499—502⟩). Границы генерал-губернаторства то сужались, то снова расширялись; с 1882 по 1898 г. Семиреченская область, причислявшаяся ранее к Туркестану, относилась к Степному генерал-губернаторству с центром в Омске; в 1898 г. кроме Семиречья к Туркестану была присоединена Закаспийская область (Туркмения).

В 1886 г. проф. И. Мушкетов сделал попытку придать понятию «Туркестан» твердое географическое значение, независимое от административных изменений. Под влиянием книги А. Петцольда (*Umschau*) он предложил называть Туркестаном, или Туркестанским бассейном, области между центральными горами Средней Азии[1] и бассейном Каспийского моря, Иранским нагорьем и Ледовитым океаном. Эти области примерно соответствовали бы понятиям «Русский» и «Афганский Туркестан»; для Мушкетова не было сомнения в том, что в ближайшем будущем граница между Россией и Англией будет установлена по Гиндукушу (см. Dames, *Hindū-Kush*). Выражение «Китайский Туркестан» Мушкетов предлагает заменить китайским «Ханхай» (которое в европейской науке со времени Рихтхофена толкуют как «Сухое море»). Вообще Мушкетов исходит только из географических фактов и предпосылок, не принимая во внимание ни этимологического значения слова «Туркестан», ни вообще каких бы то ни было этнографических условий.

В Советской России слово «Туркестан» постепенно вытесняется из употребления главным образом по этнографическим причинам. После революции несколько лет существовала «Туркестанская республика» с прежней столицей Ташкентом; по сравнению с прежним генерал-губернаторством территория этой республики была значительно меньше;

[1] ⟨Памиро-Алай.⟩

на севере отдельные части генерал-губернаторства отошли к Киргизской республике (см. Barthold, *Kirgizen*). После окончательного проведения национального принципа в 1924 г. общегеографическое название должно было уступить место названиям, образованным от названий народов: Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан. Лишь немногие, преимущественно хозяйственные, вопросы, касающиеся всех соответствующих областей, по-прежнему решаются в Ташкенте; в таких случаях вместо «Туркестан» употребляется выражение «Средняя Азия».

Туркестан — также название отдельного города в среднем течении Сыр-Дарьи, появляющееся при владычестве узбеков. По сообщениям арабских географов, можно предположить, что в IV/X в. там должен был находиться город Шавгар (в арабском произношении: Šāvaġar; у Ле Стрэнджа, *The Lands*, p. 485: Shâvaghar); к сожалению, не найдено каких-либо остатков этого поселения. В XIV в., вероятно также уже в XII в., будущий Туркестан назывался Ясы и еще в истории Тимура (Шереф ад-дин Йезди, II, 9) назван селением (*карйа*). Значение города было поднято зафиксированным впервые в монгольское время культом святого Ахмеда Ясеви (см. Melioranskij, *Aḥmed Yesewī*; о его времени ср. Barthold, *Zu Islam*, *XIII*, *106*), который, как считали, обратил тюрков в ислам, и, особенно, великолепной гробницей, сооруженной Тимуром; святой слыл покровителем страны тюрков и назывался Хазрет-и Туркестан, чем, вероятно, и можно объяснить новое название города. Ко времени русского завоевания окружность города составляла около 3 *км*, а численность населения — около 5000, в 1908 г. — уже 15 000[1].

Литература. Сверх приведенной в самой статье см.: Мушкетов, *Туркестан*; Barthold, *Stand und Aufgaben*; idem, *Turkestan* ‹*Туркестан*›; Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*; Масальский, *Туркестанский край*, стр. 600 и сл.; Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области*; о гробнице особенно М. Массон, *О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда*, стр. 39 и сл.

[1] ‹По переписи 1959 г.— 38 тыс. человек.›

ТУРФАН

Турфан, обычно пишется Ṭурфа̄н, на месте произносится Турпан, — город в Китайском Туркестане. Этот плодородный, хотя и страдающий от недостатка воды оазис, расположенный между впадиной Лукчуна, лежащей ниже уровня моря, и горными цепями Тянь-Шаня, с давних пор имел значение как в торговых сношениях между Китаем и Западом, так и в политической жизни; однако поселения, упоминаемые в древности и раннем средневековье, находились не на месте нынешнего Турфана, а западнее и восточнее его. Во II в. до н. э. здесь находилось владение Чэши; в 60 г. до н. э. оно было уничтожено китайцами; вместо него образовалось 8 небольших владений, среди них в районе Турфана Переднее Чэши; столицей этого владения был небольшой город, называемый китайцами Цзяохэ, место которого обозначено руинами примерно в 6 *км* западнее Турфана, которые Клеменц называет Ярхото (Klementz, *Turfan*, S. 24 sq.). Большее значение приобрело позднее китайское поселение Гаочан, по-тюркски сначала Хочо (Махмуд Кашгарский, I, 103: Куджу), позже Кара-Ходжа, ныне развалины Идикут-шехри в 30—40 *км* восточнее Турфана. Непосредственно южнее нынешнего Турфана лежат развалины, названные Клеменцем (*Turfan*, S. 28) Старый Турфан; согласно С. Франке (*Tempelinschrift*, S. 36), эти руины «относятся к древности и представляли собой незначительное селение», однако они занимают несколько большую площадь (более 3 *кв. км*), чем Идикут-шехри.

В монгольское время Турфан не упоминается; на китайской карте 1331 г. (Bretschneider, *Researches*, vol. II) этого названия также нет. Единственное указание на то, что город Турфан, быть может, существовал и в древнее время, находится в сакском документе, найденном в Дуньхуане и опубликованном Стен Коновом (*Saka Document*, pp. 137, 143), где упоминается город Ttsurgamni Kaṃtha. Первое китайское известие (в *Мин-ши*) о Турфане (по-китайски Тулуфан) относится к 1377 г.; некоторые иностранные посольства по дороге в Китай были ограблены около Турфана, вследствие чего против владетеля Турфана было тогда послано китайское войско (Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 193). К несколько более позднему времени относится первое мусульманское известие о Турфане; согласно *Та'рӣх-и Рашӣдӣ*, хан Моголистана Хизр-ходжа (примерно 1389—1399) предпринял поход против «Кара-Ходжи и Турфана, двух очень важных городов на границе Китая»; жители были принуждены

принять ислам, и оба города с тех пор рассматривались как часть мусульманского мира (*дār ал-ислām*) (Мухаммед-Хайдер, 52). Все же еще во время проезда знаменитого посольства Тимурида Шахруха (см. Bouvat, *Shāhrukh Mīrzā*) в 823/1420 г. жители были по большей части идолопоклонниками, т. е. буддистами; там находился большой храм и большая статуя будды Шакьямуни (Шākемӯнӣ) и много других идолов, частично старых, частично сделанных недавно [Абд ар-Раззак, пер. Катрмера, 310 и первоначальный текст Хафиз-и Абру (см. Barthold, *Hāfiẓ-i Abrū*) у Бартольда, *Хафизи-Абру*, стр. 27]. Нынешние жители Турфана (*турфанлыҡ*) знают, что раньше здесь жили уйгуры, но теперь эти уйгуры считаются мусульманами; все остатки буддизма приписываются калмыкам (Klementz, *Turfan*, S. 20), а также царю Дакьянусу (см. Wensinck, *Aṣḥāb al-Kahf*).

Турфан в то время страдал от недостатка воды еще больше, чем теперь. При Вейс-хане (1418—1428) земледелие велось там очень примитивным и трудоемким способом; хан приказал вырыть глубокий колодец; оттуда он и его рабы черпали большими кувшинами (*кӯзе*) воду для своих полей (Мухаммед-Хайдер, 67). Позднее условия земледелия, по-видимому, улучшились; к концу XVII в. район Чалыша (ныне Карашар) получал хлеб из Турфана [Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 251; отсюда Hartmann, *Der islamische Orient*, Bd I, S. 302]. Имеющиеся ныне подземные оросительные каналы (кяризы), как говорят, выкопаны лишь в XVIII в. (Stein, *A third journey*, p. 47).

При мнимых потомках Чагатай-хана в нынешнем Китайском Туркестане (XV—XVII вв.) Турфан часто упоминается как резиденция отдельных ханов; позже он, как и вся страна, подчинялся сначала калмыкам, а затем, после уничтожения калмыцкого государства в 1758 г.,— китайцам. В 1765 г. город Уч (западнее Аксу, см. ⟨выше, стр. 316⟩), восставший против китайцев, был разрушен, а его население полностью уничтожено; чтобы восстановить город, в него переселили жителей из других городов, особенно из Турфана. С тех пор Уч назывался Уч-Турфан, или Уш-Турфан; чтобы различать их, настоящий Турфан был назван Старым Турфаном (Кёхне-Турфан). При Я'куб-беке (1866—1877) Турфан был пограничным городом его государства на востоке; в 1876 г. он пострадал от голода, в 1877 г. был без сопротивления занят китайцами. Теперь Турфан относится к области «царя» (*ван*) Лукчуна. Первым европейцем, который посетил Турфан, был доктор А. Регель (см. ниже) в 1879 г. Нынешняя крепость Турфан названа Регелем постройкой Я'куб-бека; восточнее ее находится китайская крепость, которая, по словам Грум-Гржимайло (*Описание путешествия*, т. I, стр. 275), построена будто бы лишь в 1886 г.; однако ее упоминает уже Регель. Еще восточнее находились, по Регелю, «развалины Турфана последних веков» с «многочисленными красивыми мавзолеями и одним красивым минаретом». Минарет и медресе, к которому он относится, были неоднократно воспроизведены (Klementz, *Turfan*,

S. 49; Donner, *Resa i Central-Asien*, s. 120; Le Coq, *Auf Hellas Spuren*, Taf. 2). Минарет не был, как утверждают, христианской колокольней, а был выстроен лишь около 1760 г. ваном Лукчуна. Эти руины, вероятно, идентичны Старому Турфану Клеменца, который в таком случае относится к более позднему времени, чем предполагали Франке (см. выше) и Грюнведель («страшно разрушенный древний город уйгурского времени»); Клеменц (*Turfan*, S. 28) также хочет «отождествить Ту-лу-фан минских географов с нынешним Старым Турфаном, который находится к юго-востоку от современного китайского Турфана». Развалины большинства построек древнего города, по-видимому, разрушены между 1879 и 1898 гг., однако, как установил Ольденбург в 1909 г., от них сохранилось больше, чем можно было предполагать по описанию Клеменца. Нынешний город имеет некоторое значение как торговый центр; число жителей, по самым максимальным данным, составляет примерно 20 000.

Литература. Кроме приведенной в самой статье см.: Regel, *Turfan*; Stein, *Innermost Asia*, p. 566 sq., там же указана литература; Грум-Гржимайло, *Описание путешествия*, т. I, гл. XII—XVI; Grünwedel, *Bericht*, S. 4; Ольденбург, *Русская Туркестанская экспедиция*, стр. 25. ⟨Якубовский, *Турфанское княжество.*⟩

ФАЙЗАБАД

Файзабад, собств. Файдāбāд, — название двух современных городов в Средней Азии; о Файзабаде в Бухаре см. *Аму-Дарья* ⟨выше, стр. 320⟩; о Файзабаде в Бадахшане см. соответствующую статью ⟨выше, стр. 346⟩. Файзабад в Бухаре, лежащий в плодородной долине, с зелеными круглый год лугами, — ныне город примерно с 3000 жителей, резиденция финансового чиновника — *аммякдара*, подчиненного хисарскому беку; цитадель лежит в развалинах. Файзабад в Бадахшане расположен на правом берегу Кокчи, через которую здесь проложен деревянный мост; город имеет несколько километров в длину и только 0,5 *км* в ширину. См.: Костенко, *Туркестанский край*, т. II, стр. 149, 204 и сл.; Логофет, *Бухарское Ханство*, т. I, стр. 186 и 248; Минаев, *Сведения*, по указателю. Файзабадом называется также деревня в окрестностях Бухары, около гробницы ходжи Беха ад-дина Накшбенда.

ФАРАБ

Фāрāб, пишется также Бāрāб (так у Истахри, Макдиси и в большинстве персидских источников) и Пāрāб (так в *Худӯд ал-ʿālam*, л. 9б; последнее, несомненно, первоначальное произношение), — округ (у Истахри и Ибн Хаукаля — *нāḥийа*, у Макдиси — *рустāқ*, у Якута — *вилāйа*) в среднем течении Сыр-Дарьи, по обоим ее берегам, там, где в нее справа впадает Арыс. Согласно Ибн Хаукалю (391), длина и ширина этого округа была меньше дня пути; почва была частично солончаковой и топкой. Согласно Масʿуди (*Танбīх*, 66), в Фарабе и соседних районах Сыр-Дарья ежегодно (якобы в начале января, *кāнӯн ас-сāнī*; на самом деле река в это время года обычно покрыта льдом) заливала полосу шириной более 30 фарсахов; в это время сообщение между селениями и поместьями, которые все были расположены на холмах, будто бы могло поддерживаться только на лодках. Главный город (*қаṣаба*) назывался Кедер и лежал, по Истахри (346), восточнее Сыр-Дарьи, в $^1/_2$ фарсаха от нее, следовательно его следует искать западнее руин позднейшего Отрара; расстояние между руинами и руслом реки составляет, согласно русским картам, около 10 *км*, да и по *Ẓафар-нāме* (II, 668), от Сыр-Дарьи до Отрара нужно было проехать 2 фарсаха. На западном берегу Сыр-Дарьи, в 2 фарсахах ниже Кедера, лежал Весидж, бывший, согласно Ибн Хаукалю, родиной философа Абу Насра ал-Фараби. Согласно Макдиси (273), главный город назывался так же, как и сам округ; этот город Фараб описывается как большой город с населением около 70 000 душ мужского пола, с пятничной мечетью, цитаделью и базаром; лишь немногие его лавки находились внутри городской стены, большая часть — в пригороде (рабад). Макдиси утверждает, что Весидж — небольшой укрепленный город, где живет «сильный эмир», с соборной мечетью на базарной площади, и что Кедер — основанный недавно город с воинственным населением, где преобладают шафииты; лишь после «борьбы» (вероятно, после преодоления сопротивления со стороны столицы) здесь был сооружен минбар. Вероятно, здесь заключена ошибка, и Фараб, не упомянутый у Истахри и Ибн Хаукаля, следует считать новым городом, а Кедер — старым; даже позднейший Отрар постоянно отождествляется с городом Фарабом (упомянутым также у Самʿани, рук., л. 314а), а не с Кедером.

В исторических источниках Фараб упоминается редко, у Табари только один раз (II, 1694 внизу): в 121/739 г. князь Шаша (Ташкента) вынужден

был по желанию наместника Насра б. Сейяра выслать Хариса б. Сурейджа, искавшего убежища при его дворе, и послать в Фараб. Ислам был принесен в Фараб, очевидно, лишь в саманидское время, после покорения Асбиджаба (или Исфиджаба) Нухом б. Асадом в 225/839-40 г. (см.: Балазури, 422; Сам'ани у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 58 внизу). Весидж упоминается еще Сам'ани как крепость (у Бартольда—там же, стр. 69); там, «в стране тюрков», будто бы умер в изгнании в мухарреме 514/апреле 1120 г. Абу Мухаммед Абд ас-Сейид б. Мухаммед Несефи, по прозванию Са'д ал-мульк. О дальнейшей судьбе этого округа см. Kramers, *Otrār*.

Литература. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 177 и сл.; (наст. изд., т. I, стр. 235—236); Le Strange, *The Lands*, p. 484 sq.

ФЕРГАНА

Фарга́на, по-русски Ферганская область, — область в Русском Туркестане, в бассейне Сыр-Дарьи. Название относится собственно только к долине, ограниченной с севера Чаткальским хребтом, с востока — Ферганским хребтом и с юга — Алайским хребтом; на западе граница определяется менее четко приближением к берегам реки горных цепей, которыми течение реки (в Фергане в основном на юго-запад) меняется на западное, а затем северо-западное. Здесь, между горами и рекой, особенно на южном берегу, остается свободное пространство; только с этой стороны Ферганская долина связана естественной дорогой с остальными областями, и поэтому, как подчеркивает уже Бабур, она только отсюда доступна вражеским нападениям в любое время года. Об истоках реки и их соединении в Фергане см. *Сыр-Дарья* ⟨выше, стр. 491⟩. При русской власти Ферганская долина объединена в одну административную область с горными районами к северу, северо-востоку и югу от нее, населенными почти исключительно кочевниками. Точно так же уже арабские географы IV/X в. причисляли долину Чаткала (араб. Джидгиль) к Фергане. Как административная область Фергана занимает площадь 91 802 *кв. км*, из которых только 23 000 *кв. км* относятся собственно к долине, а из них в свою очередь только 9000 *кв. км* приходятся на орошаемые земли. Население в 1897 г. составляло 1 525 136 душ (теперь около 2 миллионов) [1], из которых значительно большая часть приходится на орошаемую полосу долины. Поэтому в отличие от других областей русской Средней Азии Фергана страдает от малоземелья и перенаселенности; на каждого жителя приходится только около $^3/_4$ *га* орошаемой земли, на каждого землевладельца — около 4 *га*.

Древнейшими известиями о Фергане мы обязаны китайскому послу Чжан Цяню (128 г. до н. э.). В этом и других китайских сообщениях область называется Давань; название Фергана (древнейшая китайская транскрипция Полона, позже Паканна, Бохань и Фейхан) появляется только с V в. н. э. Уже китайцы нашли здесь население, занимающееся земледелием; численность его составляла лишь 60 000 семей (около

[1] ⟨В настоящее время Ферганская долина разделена по национальному признаку между Узбекской, Таджикской и Киргизской республиками. Основная часть долины находится в пределах Ферганской и Андижанской областей Узбекской ССР, площадь которых — 17,7 тыс. *кв. км*, население — 2,4 млн. человек.⟩

300 000 душ); было 70 «городов» (несомненно, деревень). Китайцы утверждают, что они принесли в Фергану свою технику изготовления железа и искусство изготовления утвари из золота и серебра [2]; как предполагает Хирт, упоминаемое Плинием *sericum ferrum*, вероятно, вывозили из Ферганы. Зато сами китайцы познакомились в Фергане с виноградной лозой и люцерной (как кормом для лошадей). Многие синологи, в том числе и Хирт, предполагают, что виноградарство было занесено в Среднюю Азию лишь греками и что китайское *пу-тао* можно произвести от греческого βότρυς. Однако это слово могло попасть в Китай лишь через посредство иранских языков, что, кажется, исключено, так как до сих пор нельзя указать ни одного аналогичного иранского слова. К тому же Страбон (73) особо подчеркивает, что во всей Средней Азии, начиная от Гиркании, греки встретились с виноградарством. Фергана была мало затронута греко-бактрийской культурой, что можно усмотреть из того, что во II в. до н. э. употребление монет было там еще неизвестно [3].

Обстояло ли позже дело иначе и чеканили ли вообще в домусульманское время монету, как в Самарканде, Бухаре и Хорезме, не может быть установлено. Средняя Азия кроме несомненного влияния греческого искусства обязана греко-римскому Западу своим стекольным производством, довольно значительным уже в первые века хиджры. Проникновение этого производства с Запада в Китай через Иран и Среднюю Азию можно проследить также лингвистически (греч. βήρυλλος, перс. *биллӯр* и *булӯр*, кит. *би-лу-ли* и *бо-ли*); однако о развитии этого производства в Фергане источники ничего не сообщают. Позже в Фергане была распространена по крайней мере продукция этого производства, что доказали раскопки в Ахсикете в 1885 г. Античные географы не упоминают Ферганы; из того же, что эти географы сообщают о верхнем течении Яксарта, только немногое можно сопоставить с позднейшими, более точными сообщениями арабов; так, название племени аристеев, по-видимому, соответствует названию реки и округа Урест около Ош (см. ниже) — Tomaschek, *Sogdiana*, S. 48.

Уже в 104 и 101 гг. до н. э. китайцы предприняли походы против Ферганы, однако по китайским источникам удается проследить с известной уверенностью только историю последних столетий перед исламом. Согласно *Бэй-ши*, сведения которой в основном восходят к V в. н. э., столица княжества имела окружность лишь 4 ли (1,5 *км*); трон правителя имел форму золотого барана; его войско состояло из нескольких тысяч человек. По *Тан-шу* (сведения до 754 г. н. э.), в стране было 6 больших и до 100 малых «городов»; согласно этому же источнику, династия

[2] <Широкое распространение железа в Фергане начинается задолго до знакомства китайцев с этой областью — с середины I тысячелетия до н. э. (Заднепровский, *Древнеземледельческая культура Ферганы*, стр. 171—173).>

[3] <Вряд ли можно утверждать это столь категорично; точнее говорить об отсутствии собственного чекана.>

правила страной непрерывно с III до VII в. Между 627 и 649 гг. правитель был убит в борьбе против тюрков, после чего власть захватила тюркская династия; только в части страны смог утвердиться брат павшего. В качестве резиденции тюркского князя называется город Касан (кит. Кэсай [4]); туземный правитель жил в городе Хумынь (?). Когда Фергана вскоре после распада великой западно-тюркской империи (658 г.) на короткое время получила устройство китайской провинции, Касан называется столицей всей страны; позже местная династия, по-видимому, была полностью вытеснена тюркской, так как в 739 г. тюркский князь (Арслан-тархан) упоминается в качестве правителя всей Ферганы. Местная династия утратила свое значение, вероятно, еще раньше, так как уже в 630 г. Сюань Цзан нашел в Фергане не единого правителя, а множество князей, которые боролись друг с другом; как сообщает тот же путешественник, в таком состоянии страна находилась уже несколько десятилетий. В более позднем китайском источнике, *Тан-шу*, столицей Ферганы называется уже Ахсикет (кит. Сицзянь), так же у Балазури (420); в противоположность этому в большинстве сообщений об арабских завоевательных походах в качестве таковой считается еще Касан (Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 294; Я'куби, *Та'рūх*, II, 478; Табари, II, 1257$_{11}$). Название Касан носят теперь два населенных пункта, расположенных рядом: Юкары-Касан ('Верхний Касан') примерно с 4700 жителей и Карасу-Касан примерно с 8000 жителей; несколько севернее Юкары-Касана находятся руины старой крепости (площадью всего около 2,5 *га*), которую население называет Муг-курган ('Крепость огнепоклонников', ср. об этих руинах: Брянов, *О следах*, стр. 142 и сл.).

Арабы застали в Фергане примерно такие же условия, как и в остальных частях Мавераннахра. Как и повсюду, землевладельцы, или дворяне (*дихḳāн*, араб. мн. *дахāḳūн*), составляли господствующий класс; владетель был лишь первым дворянином своей страны и, как они, назывался дихканом (*Худūд ал-'āлам*, л. 23б). Кроме того, он носил еще иранский «царский» титул *ихшид* (ср. Табари, II, 2142, прим. *k*).

Владетели Ферганы оказали упорное сопротивление арабским завоевателям; с первого завоевательного похода при Кутейбе б. Муслиме (94/712-13 г.) до окончательного покорения страны прошло более столетия. В 96/715 г. Кутейба б. Муслим восстал в Фергане против халифа Сулеймана и был убит своими собственными воинами; его могила, по словам Нершахи (изд. Шефера, 57), находилась в селении Ках, а по Джемалю Карши (у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 148) — в селении Кулидж (оба названия несомненно идентичны и отличаются друг от друга лишь написанием). Еще поныне в Джелаль-кудукской волости, относившейся ранее к Ошскому, а ныне к Андижанскому уезду, показывают могилу «имама шейха Кутейбы» (ПТКЛА, год III, стр. 4), но она до сих пор, насколько известно, не была еще ни разу ни описана, ни воспроиз-

[4] ‹Ср. наст. изд., т. I, стр. 219, прим. 2.›

ведена. По мнению арабов, эта местность находилась уже «в Китае» (ср. стихи поэта Ибн Джуманы ал-Бахили у Балазури, 204).

Кутейба оставил в Фергане (вероятно, в 94 г. х.) Исама б. Абдаллаха ал-Бахили (Табари, II, 1440,$_{7}$); по этому Исаму названо ущелье, которое, согласно Табари (II, 1276,$_{3}$), находилось по дороге из Ферганы в Кашгар, а по другому месту (II, 1440,$_{13}$) — в рустаке Исфара. После смерти Кутейбы арабы были, очевидно, вытеснены из Ферганы, так как правитель Ферганы в 103/722 г. мог предложить «ущелье Исама» переселенцам из Согда (Табари, II, 1440); однако нигде больше в исторических источниках ничего не говорится о поражении и вытеснении арабов. Согласно более поздней легенде, сообщенной впервые Джемалем Карши (Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 148), еще при халифе Османе около Сефид-Булана, или Испид-Булана, в Фергане (в районе Касана) Мухаммед б. Джерир во главе 2700 «сподвижников и преемников» (*сахāба ва тāби'ūн*) пал в борьбе против неверных; эта же легенда с некоторыми изменениями рассказывается в народной книге, распространенной в Средней Азии, вероятно переведенной с арабского на персидский и с персидского на тюркский язык (Брянов, *Сведения*, стр. 152).

Лишь Наср б. Сейяр смог снова послать наместника в Фергану (121/739 г., ср. Табари, II, 1694,$_{9}$), но и на этот раз установление арабского владычества не было длительным. Согласно Я'куби (*Та'рūх*, II, 465), следовало бы предположить, что правитель Ферганы бежал в Кашгар; но и там при Мансуре (136—158/754—775) на него пошли войной, и он был вынужден просить мира и выплатить большую сумму; его посланец был заточен из-за упорного отказа принять ислам и выпущен лишь при Махди (158—169/775—785). Махди послал против Ферганы войско во главе с Ахмедом б. Асадом; в качестве резиденции владетеля, который, очевидно, отвоевал свою страну, здесь вновь выступает Касан (Я'куби, *Та'рūх*, II, 478). При Харуне ар-Рашиде, во время наместничества Гитрифа б. Ата (175—176/792—793), Амр б. Джемиль получил задание изгнать из Ферганы войско джабгу (вероятно, князя тюрков-карлуков) — Гардизи, у Бартольда, *Туркестан*, ч. II, стр. 207; ⟨наст. изд., т. I, стр. 260⟩. И при Мамуне (198—218/813—833) пришлось посылать войско против отложившихся жителей Ферганы; по желанию этого же халифа управление отдельными областями Мавераннахра, в том числе и Ферганой, было передано наместником Гассаном б. Аббадом (203—205/819—821) дому Саманидов. Саманид Нух б. Асад (ум. в 227/842 г.) был последним наместником, при котором некоторые области Ферганы (Касан и Урест) пришлось завоевывать вновь из-за отпадения жителей от ислама (Балазури, 420). Когда местная династия была устранена окончательно — не сообщается ничего. При Му'тасиме (218—227/833—842) ферганцы (*фарāгина*) находились в гвардии халифа (Балазури, 431). В 224/838-39 г., как сообщают, в Фергане было сильное землетрясение (Гардизи, у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 3).

Фергана саманидского времени подробно описана арабскими географами. В это время центр экономической жизни, по-видимому, переместился в области южнее Сыр-Дарьи. У самых ранних арабских географов, как, например, Ибн Хордадбеха (текст, 30), главный торговый путь из Передней Азии к восточной границе халифата пересекает Сыр-Дарью у Ходженда, оттуда идет до Ахсикета по правому берегу, а от Ахсикета снова через реку к Куба, Ошу и Узгенду. Истахри же (335) считает главным путь, который шел через местности, лежащие к югу от Сыр-Дарьи; на этой дороге лежали: Кенд (*Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 4а — Конд-и Бадам, ныне Канибадам), Сох (ныне Сары-курган; Сохом теперь называется горное селение, расположенное на той же речке, но значительно южнее), Риштан (носит и ныне то же название), Зендерамиш и Куба (ныне Кува). В Ахсикет вело лишь ответвление дороги из Соха через Хоканд (впоследствии главный город области). Ахсикет считался еще главным городом (*касаба*), Куба же — вторым городом (Истахри, 333); но Макдиси (272) говорит, что Куба больше и красивее, чем Ахсикет, и должна по существу считаться столицей. На третьем месте называется пограничный город Ош; там находился большой рабат (укрепленная военная станция), куда устремлялись со всех сторон борцы за веру (Макдиси, 272); с горы, расположенной около Оша, наблюдали за передвижениями тюрков. На $^1/_3$ меньше Оша был Узгенд; Ибн Хордадбех (текст, 30) и Кудама (текст, 208) называют Узгенд «город дихкана Джур-тегина» (следует читать так!), т. е., вероятно, он был резиденцией тюркского князя; Чур-тегином называется ныне местность к востоку от перевала Ясы (Петровский, *Еще заметка*, стр. 357). «Воротами тюрков» считались также города Бискенд и Селат, куда попадали через округ Миян-рудан (между Нарыном и Кара-Дарьей, ныне Ики-су-арасы); местность называлась Хефтдех ('Семь селений') и была, как говорит Ибн Хаукаль (396), совсем недавно отвоевана у тюрков; несомненно, это та самая местность, которая позже называлась Йети-кент, или Джетыкент (Мухаммед-Хайдер, 180).

Страна распадалась на несколько округов (*кура*, мн. ч. *кувар*); из них у Ибн Хаукаля (395 и сл.), кроме Миян-рудана, Бискенда и Селата, названы: Верхняя Несья с Сохом, Хокандом и Риштаном, Нижняя Несья (восточнее первой) с Маргинаном, Зендерамшем и Андуканом (ныне Андижан), Асбара (Исфара) на равнине и в горах, Некад в горах с городом Мискан (7 фарсахов от Куба), Джидгиль (в долине Чаткала, с городом Ардланкет) и Урест (около Оша); кроме того, упоминаются еще некоторые небольшие округа. Макдиси, который употребляет слово *кура* в другом смысле и объединяет всю Фергану в одну *кура* (Макдиси, 262), делит страну на три части: область между Нарыном и Кара-Дарьей, область южнее Сыр-Дарьи и область севернее этой реки; на этом, несомненно, основывается деление городов Ферганы на Миян-рудия, Несайя (от Несья) и Вагизия, хотя некоторые города, расположенные южнее Сыр-Дарьи, ошибочно отнесены Макдиси к Миян-рудия (Зендерамиш) или Вагизия

(как Авал и Мискан). Главным городом Миян-рудана был Хайлам (в *Худӯд ал-ʿālam*, л. 9б — Ҳатлām, у Макдиси — Ҳайралām) на Нарыне (сама река названа в *Худӯд ал-ʿālam* «Рӯз-и Ҳатлām»)—город, в котором родился Саманид Абу-л-Хасан Наср, старший сын Ахмеда б. Асада (Истахри, 334); по Макдиси (271), «один царь», вероятно тот же Ахмед б. Асад, приказал построить в этой местности для своего сына город Насрабад. Из нынешних больших городов описывается только Маргинан (Макдиси, 272) как небольшой городок; о Коканде и Андукане не сообщается ничего, кроме названия. Всего в Фергане, по Макдиси, было 40 селений с пятничными мечетями. Как замечает Истахри (333), нигде в Мавераннахре не было таких больших селений, как в Фергане; случалось, что одно селение растягивалось на целый день пути из-за большого числа жителей и протяженности их полей и пастбищ.

Горы Ферганы поставляли золото, серебро и ртуть (по Макдиси, $326,_{10}$, около Куба), нефть, бирюзу (около Ходженда, ср. Мухаммед Бекран у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 81), железо, медь, свинец, нашатырь (около Узгенда, ср. там же); как особую достопримечательность Ферганы Ибн Хаукаль (398) отмечает эстрагон, семена которого вывозили во все страны, и вещество, называемое *кӯлкāн*, или *кāлкāн* (ср BGA, IV, 344; по словарю Вуллерса, который там цитируется, это было дерево черного цвета, которое считалось средством против различных заболеваний, особенно против глистов). Около Исфары было месторождение каменного угля; цена угля, который уже тогда применялся как топливо, составляла, по Истахри (344), 1 дирхем за три ослиных вьюка (*викр*, мн. ч. *аукāр*); поскольку ослиный вьюк по меньшей мере 60 *кг* — это цена очень низкая; ко времени русского завоевания пуд (16,38 *кг*) продавался за 32 копейки (примерно 1,5 дирхема), и даже сейчас цена угля значительно выше, чем она была во времена Саманидов. Введенная китайцами железоделательная промышленность сохранялась еще в то время [5]; по Макдиси ($325,_{15}$), из Ферганы и Исфиджаба (ср. *Фараб* ‹выше, стр. 525›) вывозили тюркских рабов, белые ткани для одежд, панцири и мечи, медь и железо; четыре последних товара относятся, по-видимому, не к Исфиджабу, а только к Фергане. Под властью Саманидов страна значительно развилась; по Ибн Хордадбеху ($38,_{12}$), налог с Ферганы составлял 280 тыс. дирхемов, а по Ибн Хаукалю ($343,_{5}$) — уже 1 млн. Ислам в это время, по-видимому, уже завоевал неоспоримое господство; о том, были ли тогда здесь, как в Самарканде, христиане, манихеи и огнепоклонники, ничего не сообщается. Как повсюду в Мавераннахре, господствовали ханифиты; кроме того, имелись монастыри (*хавāник*) керрамитов (Макдиси, $323,_{12}$). Уже тогда некоторые библейские легенды были локализированы в Фергане; так, показывали «могилу Иова» (Макдиси, $46,_{14}$); это сообщение несомненно касается целебных источников, которые и

[5] ‹См. выше, стр. 528, прим. 2.›

поныне называются Хазрет-Аюб (примерно в 80 *км* восточнее Андижана).

Из зданий саманидского времени, по-видимому, ничего не сохранилось; в то же время Н. Веселовским в 1885 г. около Оша была обнаружена арабская надпись 329/940-41 г. (ОАК за 1882—1888 гг., стр. LXXIII).

Фергана, как и другие части Мавераннахра, в конце IV/X в. была завоевана тюркскими князьями-илеками, или Караханидами. Правители из этой династии чеканили монеты в Узгенде (особенно часто), Ахсикете, Хефтдехе, Касане и Маргинане. Часто, как и в саманидское время, на монетах указывается не место чекана, а страна (Фергана). В исторических источниках этого времени особенно часто упоминается Узгенд, сначала как резиденция правителей всего Мавераннахра (ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 282 и сл.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 330 и сл.⟩), а затем как резиденция местных владетелей. Как показывают монеты, в то время Фергана, если в ней не было собственного князя, принадлежала то Мавераннахру, то Кашгару. В 482/1089 и 483/1090 гг. султан Меликшах проник до Узгенда. После битвы 536/1141 г. Фергана, как и другие области Мавераннахра, должна была подчиниться гурхану язычников кара-китаев; однако эти завоеватели сохранили здесь, как и повсюду, прежнюю династию и прежние отношения. Во второй половине VI/XII в. один из правителей Узгенда, по-видимому, завоевал Самарканд; монеты князя Ибрахима б. Хусейна чеканились в Узгенде уже с 560/1165 г., а в Самарканде — только с 574/1178-79 г.; после смерти этого князя его сын Осман правил только в Самарканде; Узгенд принадлежал другому правителю — Джелаль ад-дину Кадыр-хану[6]. Вскоре после 609/1212 г. южная часть Ферганы вместе с остальными частями Мавераннахра была завоевана хорезмшахом Мухаммедом; северную часть страны с Касаном и Ахсикетом хорезмшах был вынужден отдать своему сопернику Кучлуку, правителю найманов. В китайских хрониках правитель Ахсикета и Касана назван Хэсымайли—вероятно, Исма'ил, который в 1218 г. подчинился монголам. Во время монгольского владычества Фергана принадлежала к владениям рода Чагатая (см. Barthold, *Čaghatāi-Khān*), но, кроме того, как и многие другие местности Мавераннахра, имела собственную династию, которая, подобно ее предшественникам, имела своей резиденцией Узгенд; этот город был передан великим каганом Мункэ правителю карлуков Арслан-хану (Джувейни — у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 108). Джемаль Карши (там же, стр. 149) называет *вали* Ферганы Ильчи-мелика; могила его сына, князя Кутб ад-дина Сатылмыш Меликшаха, умершего в 665/1266 г., сохранилась в Узгенде до наших дней. Несмотря на существование местной династии, Узгенд имел значение для центральной власти как при кара-китаях, так и при монголах; по Джувейни, там находилась сокро-

[6] ⟨Об этих правителях ср. Давидович, *Нумизматические материалы*, стр. 113.⟩

вищница (*хазанахā*) гурхана; там же, по Вассафу (бомбейское изд., 67 внизу), взошел на престол Борак[7]-хан (ср. Barthold, *Burāk-Khān*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 509⟩) и присвоил себе сокровища (*хазайин*) Алгуя и Эргэнэ[8] (ср. Barthold, *Caghatāi-Khān*, S. 847; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 541⟩).

От периода с VI/XII до VIII/XIV в. в Узгенде кроме значительного числа надгробий сохранились отдельные постройки, среди них портал прекрасной погребальной мечети с надписью, в которой указывается дата смерти — 588/1192 г.; рядом находятся еще другой мавзолей и минарет высотой примерно 20 *м*. О погребальных сооружениях у нынешнего населения сохранились лишь легендарные представления; согласно одним, здесь был похоронен святой Бурхан ад-дин Клыч (упоминаемый также Джемалем Карши — у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 149) со своими родителями, согласно другим — это гробницы «двух братьев», князей Илек-и Мази и Санджар-и Мази; в действительности могила последнего (ум. в 552/1157 г.) находится в Мерве; «Илек-и Мази» — завоеватель Мавераннахра Наср б. Али (ум. в 403/1012-13 г.), который и по историческим сведениям похоронен в Узгенде, однако его могила не сохранилась [9].

Куба после IV/X в. больше не упоминается; почему расцвет этого города был столь непродолжительным, неизвестно; рассказ Даулетшаха (изд. Брауна, 174 и сл.) со ссылкой на Насир ад-дина Туси относительно «пяти братьев из Куба» и борьбы их с Махмудом Газневи несомненно легендарен. Кроме Узгенда к этому времени приобрел особое значение Маргинан; для Якута (*Му'джам*, IV, 500, по Сам'ани) Маргинан — «один из знаменитейших городов»; несравненно более значительный в IV/X в. Риштан оказывается теперь лишь селением в окрестностях Маргинана (там же, II, 781); даже, например, автор *Хидāи* (ум. в 593/1197 г.) называл себя «Маргинани», хотя он, собственно, происходил из Риштана. К концу VII/XIII в. Фергана получила новую столицу — основанный Хайду и Тувой Андижан (ср. Barthold, *Caghatāi-Khān*, S. 848; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 541⟩), который соответствует Андукану арабских географов; новая форма встречается уже у Джемаля Карши (у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 149 и сл.), в то же время старая — еще в *Зафар-нāме* (I, 263 и сл.); в написанном по-уйгурски документе султана Омар-шейха от 873/1469 г. (издан Мелиоранским — *Документ*) город назван Андāган.

---

[7] ⟨Барак.⟩

[8] ⟨Так транскрибировал это имя В. В. Бартольд; правильно — Оркына.⟩

[9] ⟨Северный мавзолей, в котором, согласно надписи, похоронен Хусейн б. Хасан б. Али, построен в 547/1152 г. (см. Якубовский, *Две надписи*); южный мавзолей построен в 1187 г.; средний мавзолей, по-видимому наиболее ранний, не определен. Кон-Винер предполагал, что в нем-то и похоронен Наср б. Али (Cohn Wiener, *Turan*, S. 18); см. также Бартольд, *Археологические работы в Самарканде*; об архитектуре мавзолеев: Засыпкин, *Архитектура Средней Азии*, стр. 45—50.⟩

В южной части Ферганы, в Варухском ущелье (южнее Исфары), сохранилась арабская надпись караханидского времени с датой 29 декабря 1041 г., которая дана по трем летосчислениям: мусульманскому, сасанидо-персидскому и «греческому» (*рӯмӣ*), т. е. христианско-сирийскому (Бартольд, *Текст первой надписи*).

Тимуру и Тимуридам приходилось часто бороться за Фергану с правителями нынешнего Китайского Туркестана; о тесных связях между Ферганой и Китайским Туркестаном свидетельствует, между прочим, тот факт, что в обеих странах самые мелкие податные округа (которые, как сельские общины, примерно соответствовали рустакам прежнего времени) назывались *орчин* (*Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 131б), в то время как в остальных областях Мавераннахра, так же как и в Персии, для этого употреблялось слово *тюмень*. С 873/1469 до 899/1494 г. Ферганой в качестве самостоятельного правителя владел потомок Тимура Омар-шейх. О его преемниках и завоевании Ферганы узбеками см. Huart, *Bāber*.

Во времена Бабура в Фергане имелось 8 городов (помимо Ходженда, который также причислялся Бабуром к Фергане); из них два находились севернее Сыр-Дарьи (Ахси — форма Ахсикет была знакома Бабуру только по книгам — и Касан) и шесть — южнее этой реки; из последних описываются Андижан, Ош, Маргинан и Исфара; Коканд у Бабура нигде не упоминается как город, хотя в нем, по Джемалю Карши (у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 148 и сл.), находилась гробница мусульманского святого, имама Абдаллаха б. Али, одного из братьев имама Мухаммеда ал-Бакира. Само название пишется у Бабура (*Бабур-наме*, изд. Бевериджа, лл. 25а и 103б) как название округа (*орчин*) Ҳуқан; в XVIII в. (см. Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туҳфат ал-ҳани*, л. 50а) появляется форма *Кӯқан*, в ранних русских известиях Кокан; форма *Ҳоқанд*, по-русски Коканд, установилась благодаря литературной традиции лишь в XIX в. В столице, Андижане, уже во времена Бабура господствовал тюркский язык; в городе и на базаре не было никого, кто не знал бы этого языка. Бабур сообщает даже, что диалект Андижана идентичен восточнотюркскому литературному языку, созданному Мир Али-Широм Неваи. В Маргинане, напротив, говорили еще «по-сартски», т. е., по словоупотреблению того времени, — по-ирански. Из произведений Ферганы особенно восхваляются различные сорта фруктов; кроме фруктовых садов было много цветников, которые тянулись выше Андижана по обоим берегам до Оша. Гора Тахт-и Сулейман около Оша упоминается у Джемаля Карши под названием Барака, а у Бабура (*Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 2б) — под названием Беракух; относительно приурочения легенд цикла о царе Соломоне к этой горе у Бабура ничего не сказано (мы узнаем от него только, что о достоинствах Оша имеется много хадисов), но это приурочение должно было иметь место уже тогда, потому что, согласно Джемалю Карши, недалеко от этой горы находилась могила

везира Асафа б. Барахия (см. Wensinck, *Āṣaf*). Сообщается, что на этой же горе в последние годы правления Омар-шейха нашли породу красного и белого цвета, из которой изготовляли рукоятки ножей и другие вещи; кроме того, в горах росло дерево, называемое *тābӯлғӯ* (Spiraea crenata), которое, как считает Бабур (*Бābур-нāме*, изд. Беверидж, л. 5а), больше нигде не встречается (в действительности оно растет также в Южной России); древесина его шла на изготовление клеток для птиц, колчанов и др. Относительно разработки рудников говорится только, что в горах имелись бирюза и железо; об изготовлении оружия ничего больше не упоминается, так же как и о месторождениях каменного угля. Доход с области «при хорошем правлении» был достаточен лишь для содержания войска от 3000 до 4000 человек.

С X/XVI в. Фергана принадлежала государству узбеков; Андижан иногда упоминается как резиденция одного из многих мелких правителей из династии Шейбанидов; в XI/XVII в. эта область по большей части находилась во владении киргизских [10] султанов. Даже как название области «Фергана» была вытеснена тогда названием «Андижан»; в *Бахр ал-асрāр* Махмуда б. Вели (л. 102б) к слову «Фергана» сделано примечание: *ки ал-йаум ба Андиджāн машхӯр аст*. К концу этого столетия, после распадения узбецкого государства, власть над Ферганой, как и над Китайским Туркестаном и позднее Ташкентом, перешла к ходжам, которые сидели в Чадаке, севернее Сыр-Дарьи. Это место упоминается под тем же названием уже в IV/X в. (Макдиси, 262_{18} — вместо Чāрак несомненно следует читать Чāдак). Власть этих ходжей была уничтожена Шахрух-бием, которому удалось основать в Фергане независимое узбецкое государство со столицей в Коканде; согласно мулле Ниязу-Мухаммеду (*Та'рӣх-и Шāхрухӣ*, 21), это случилось в 1121/1709-10 г. Об этом государстве, которому положили конец только русские в 1876 г., ср. *Коканд* ⟨выше, стр. 462 и сл.⟩. Также и в это время, по-видимому, слово «Фергана» было знакомо лишь литературно образованным людям; так, Абд ал-Керим Бухари (I, 93 и сл.) сообщает, что государство «Хоканд» в прежние времена (*дар аввал*) называлось «Фергана». Тем же самым историком седьмым городом государства, после Ходженда, Ташкента, Хоканда, Андижана, Намангана и Маргелана (Маргинана), названа «Фергана и Тахт-и Сулейман», т. е. название Фергана преимущественно относится к городу Ошу.

Со времени утверждения русского господства в Фергане произошел полный экономический переворот, особенно из-за быстрого развития хлопководства. Раньше после покрытия собственных потребностей область могла вывезти лишь небольшое количество малоценного сырца; после введения американских сортов этот товар приобрел значение и для русского рынка; ежегодно вывозится около 115 млн. *кг*, чем удовлетворяется

[10] ⟨Казахских.⟩

$^1/_3$ потребности русских прядилен. Хлопководство приносит теперь этой области ежегодно около 40 млн. руб.; естественно, что этот приток денег должен был вызвать повышение всех цен и тяжелый экономический кризис, который также не мог не иметь отрицательных последствий для морали населения; этот кризис несомненно оказал влияние на восстание 1898 г. [11]. На втором месте стоит шелководство; географами средневековья оно не упоминается и, кажется, развилось в Фергане в XVIII в. под влиянием Китая, как в Самарканде под влиянием Персии. В 1889 г. было вывезено около 245 000 *кг* шелка-сырца на сумму 3 млн. руб., теперь производство составляет около 424 000 *кг*, но цены снизились, из-за чего эта культура приносит области лишь около 2 млн. Зерноводство сократилось в связи с развитием хлопководства, так что эта область может удовлетворить свои потребности только благодаря ввозу из Самаркандской области. Для развития других промыслов, в том числе разработки рудников и залежей каменного угля, до сих пор сделано мало. Средства сообщения еще очень неудовлетворительны, хотя с 1899 г. область пересечена железной дорогой, доведенной до Андижана; в 1912 г., кроме того, открыта ветка от Коканда до Наманган; почти нет хороших больших дорог и, особенно, прочных мостов. Центром экономической жизни, как и прежде, является прежняя столица Коканд, ныне большой город примерно со 113 000 жителей [12]; Наманган, который впервые упоминается в XVII в. как деревня, теперь второй город области с более чем 70 000 жителей [13]. Основанный русскими город Новый Маргелан, ныне Скобелев, резиденция генерал-губернатора, имеет лишь 12 000 человек населения [14]. Для колонизационных целей эта сравнительно плотно населенная область подходит меньше других частей Русского Туркестана; всего в Ферганской области основано 17 русских деревень, из них шесть — в самой Ферганской долине.

Литература. Китайские известия: Бичурин, *Собрание сведений*; Hirth, *Zur Kulturgeschichte*; Chavannes, *Documents*, p. 148 sq.; Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 16 и сл. Арабские известия: Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 155 и *сл.*; ⟨наст. изд., т. I, стр. 211—221⟩; Le Strange, *The Lands*, p. 447 sq. О монетах Караханидов: Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 198 и сл. Руины зданий в Узгенде (с иллюстрацией) и надгробные надписи: ПТКЛА, год II, 1897, Протокол заседания 16 октября 1897 г., стр. 5—7. Нынешнее состояние: публикации Статистического комитета Ферганской области, в том числе три тома «Ежегодника Ферганской области», 1902—1904; в т. I — подробная анонимная статья о шелководстве, об этом же еще Петровский, *Шелководство*; «Материалы для статистического описания Ферганской области» (5 выпусков, 1897—1910); *Список населенных мест Ферганской области* (Скобелев, 1909). Доклад проф. А. Воейкова в Имп. Русском географическом обществе 15(28) ноября и 27 ноября (10 декабря) 1912 г.

[11] ⟨Об андижанском восстании и его причинах см. Гафуров, *Об Андижанском восстании*.⟩

[12] ⟨По переписи 1959 г. — 105 тыс. жителей.⟩

[13] ⟨По переписи 1959 г. — 122 тыс. жителей.⟩

[14] ⟨Ныне город Фергана, областной центр; в 1959 г. — 80 тыс. жителей.⟩

〈Новая литература (кроме указанной в примечаниях): Бернштам, *Древняя Фергана*; его же, *Историко-археологические очерки*, гл. 4—6; *Материалы археологической экспедиции на строительстве БФК*; Давидович, *Из области денежного обращения*; ее же, *Нумизматические материалы*. Описание Ферганской долины: Корженевский, *Ферганская долина*.〉

ХАЛХА

Ḫалḫа — название озера на границе между Маньчжурией и Монголией и реки, вытекающей из него и впадающей в Буир-Нор. Река Халха упоминается уже в XIII в. в «Сокровенной истории монголов» (пер. Кафарова, 90, 91, 102 и 118; обещанное Пельо издание текста еще не появилось [1]); у Рашид ад-дина (изд. Березина, II, текст, 216; III, текст, 3 и сл.) — Ḳалā. С XVI в. это название означает северо-восточную часть Монголии (от западной границы Маньчжурии до восточной границы округа Кобдо и от русской границы до пустыни Гоби) и ее население. Санан Сэцэн (191, 197) говорит о 12 племенах Халхи; различаются пять средних и семь задних племен (там же, 205, а также 191 и 285). Предком всех князей Халхи считался Гэрэсэн (полное имя и титул: Гэрэсэнцэ Джалаир хун-тайчжи), внук последнего повелителя всей Монголии Даян-хана (ум. в 1543 г.); см. о генеалогии: Позднеев, *Монголия и монголы*, т. I, стр. 472. По различным ветвям этой династии названы четыре аймака (см. Barthold, *Aimaḳ*), на которые номинально распалась Халха (маньчжурские императоры давно уже лишили князей всякой власти). Это (с востока на запад) аймаки: Цэцэн-хана, Тушету-хана, Сайин-нойона (с 1725 г.) и Дзасакту-хана. Но упоминается и другое деление (уже при покорении Халхи императором Кан-си в 1691 г.; монгольская надпись в Долон-Норе, сообщенная в тексте и русском переводе Поздиеевым, *Монголия и монголы*, т. II, стр. 291 и сл.): Гэрэсэн будто бы имел семь сыновей, поэтому народ распался на семь военных подразделений (*ḫошун*, по-арабски пишется *ḫошūн*); неизвестно, имелась ли связь между этим разделением и семью «задними племенами». Примерно с 1585 г. в Халхе господствует буддизм; в то время правил один из внуков Гэрэсэна — Абатай-хан, у Санан Сэцэна (253) — Абтай Галсаго-тайчжи.

[1] ‹Вышло в свет в 1949 г. — монгольский текст полностью и французский перевод первых шести глав.›

ХАНБАЛЫК

Ханбалык (обычно пишется Хан Балык или Хан Балик), 'Город хана', — восточнотюркское и монгольское название Пекина как резиденции монгольского императора с 1264 г.; позже оно было воспринято остальным мусульманским миром и даже Западной Европой (Cambaluc, варианты см. Hallberg, *L'Extrême Orient*, p. 105 sq.). По Рашид ад-дину (изд. Березина, III, текст, 34), Пекин (по-китайски в то время Чжунду, т. е. 'Срединная резиденция') и раньше назывался у монголов Ханбалык, очевидно, как одна из столиц династии Цзинь (Barthold, *Čingiz-Khān*, S. 895a). В Ханбалыке, как и во всей монгольской империи, мусульмане пользовались большим уважением; умерший там в раби' I 652 г. х. (21 апреля—20 мая 1254 г.) Махмуд Ялавач б. Мухаммед ал-Хорезми (см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 139) неоднократно назначался наместником Северного Китая (Рашид ад-дин, изд. Блоше, 85, 309). Об убийстве министра Ахмеда Фенакети в 1282 г. и вызванных этим событиях см. там же, 508 и сл., и Марко Поло, изд. Юла—Кордье, I, 415 и сл. О городе и его расположении на императорском канале см. Рашид ад-дин, изд. Блоше, 455 и сл.; о расстоянии между Ханбалыком и другими городами на тракте: Вассаф, изд. Хаммера, 24; бомбейское изд., 12; Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 225 и сл.; Шереф ад-дин Йезди, II, 219 и сл. Название Ханбалык для Пекина сохранилось как в Средней и Западной Азии, так и в Европе и после падения монгольской империи. О пятимесячном (декабрь 1420—май 1421 г.) пребывании посольства султана Шахруха в Ханбалыке см. Абд ар-Раззак, пер. Катрмера, 320 и сл.; сохранившийся только в одной рукописи (оксфорд. рук. Elliot 422 = *Зубдат ат-тавāрūх* Хафиз-и Абру; ср. Barthold, *Ḥāfiẓ-i Abrū*, S. 226) первоисточник — сообщение Хафиз-и Абру (л. 390 и сл.) до сих пор не исследовано[1] (краткие сведения у Бартольда, *Хафизи-Абру*, стр. 27; его же, «Мир ислама», т. I, стр. 107). В Пекине и в то время имелась мечеть. Ханбалык еще упоминается в анонимном сочинении, составленном в Кашгаре в первые годы XVIII в. [Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 251]. В сообщениях русских посольств XVII в. употребляется (под западноевропейским влиянием) форма Камбалык (с ва-

[1] ‹Об издании текста сообщения Хафиз-и Абру см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 119, прим. 152.›

риантами, см. Спафарий, *Путешествие*, указатель); лишь Спафарий (посольство 1675 г.) под влиянием северокитайского произношения пишет Пежин, этим же произношением объясняется название Пекина (Бачӣн или Бāджӣн) в современной литературе Средней Азии (напр., *Та'рӣх-и амнӣйа*, 24; ср. Бартольд, ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0188—0195).

Литература. Кроме указанной в самой статье: Scheler, *Notice*.

ХАНСА

Ханса, или Хинса, — у Рашид ад-дина, изд. Блоше, 489, — Хинксāй, у Вассафа — Хинзāй, в литографированном издании (Вассаф, бомбейское изд., 21 и сл.) — Хитрāй, в *Нузхат ал-кулūб* Хамдаллаха Казвини (изд. Ле Стрэнджа, текст, $10_{,7}$ и $261_{,10}$) — Хинсāй; Ибн Баттута (IV, 284 и сл.) огласовывает Хансā и сопоставляет с именем знаменитой поэтессы (см. Krenkow, *al-Khansā'*), — город в Китае, столица Сунской империи, завоеванной монголами; по-китайски в то время Кинчжу, ныне Ханчжоу (Hartmann, *China*, S. 880). В монгольское время часто упоминается и описывается как один из крупнейших торговых городов тогдашнего мира; как по мусульманским, так и по христианским источникам, там было большое число мусульман, якобы до 40 000.

Литература. Сводка мусульманских известий: Рашид ад-дин, изд. Катрмера, стр. LXXXVII и сл.; Schefer, *Notice*, pp. 19 sq., 23 sq.; христианские известия: Hallberg, *L'Extrême Orient*, p. 425 sq.; в особенности см. подробное описание «Кинсая» у Марко Поло (изд. Юла—Кордье, II, 185—215). Об иностранной колонии в Ханчжоу также: Чжао Жу-гуа, 16.

ХАНФУ

Ханфӯ — в III/IX и IV/X вв. арабское название наиболее значительного портового города Китая, центра морской торговли с западноазиатскими народами. Как теперь всеми признано, этот город следует «несомненно отождествить с Кантоном» (Hartmann, *China*, S. 877). В противоположность этому прежде (от Клапрота — *Renseignement*, p. 40 — до Халльберга — *L'Extrême Orient*, p. 213) пытались доказать, что Ханфу — не Кантон, а упомянутый Марко Поло (изд. Юла—Кордье, II, 189, а также примечание на стр. 199) и расположенный значительно севернее Гампу, или Ганфу, — порт Ханчжоу. Это мнение опровергается тем фактом, что в китайских хрониках того времени Кантон также упоминается как важнейший портовый город и средоточие заморской торговли; в 758 г. Кантон был разграблен арабскими и персидскими пиратами (см., напр., Chavannes, *Documents*, p. 173). Арабы не упоминают этого события. Арабские источники (Абу Зейд ас-Сирафи у Reinaud, *Relation*, t. II, texte, p. 63; Мас'уди, *Мурӯдж*, I, 303; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VII, 221) сообщают о разрушении Ханфу в 264/877-78 г. китайским мятежником Хуан Чао, причем будто бы погибло огромное число (120 000 или 200 000) мусульман, христиан, иудеев и зороастрийцев; согласно китайским хроникам, взятие Кантона Хуан Чао последовало в 879 г.; и в этом случае отмечается значение города для внешней торговли (Pelliot, «T'oung Pao», vol. XXI, p. 410). Сведения Ибн Хордадбеха (текст, 69) о местоположении Ханфу (4 дня пути по морю и 20 дней по суше от самого южного китайского портового города Лӯқӣн, ныне Ханой), как замечают Ф. Хирт и В. В. Рокхилл (Чжао Жу-гуа, 22, там же ссылка на Идриси), также могут относиться только к Кантону. Чтение Ханфӯ (кит. Гуанчжоуфу) считается теперь правильным, хотя в рукописях часто пишется *к* вместо *ф* и еще де Гуе (Ибн Хордадбех, текст, 69) был склонен отдать предпочтение чтению Ханқӯ (т. е. Гонконг). По арабским источникам, город приносил правительству ежедневно 50 000 динаров (примерно 1 миллион франков) (Reinaud, *Relation*, t. II, texte, p. 41). По прибытии иностранного судна император посылал туда евнухов, чтобы выбрать лучшие товары (ibid., p. 73 sq.); путь между Ханфу и столицей Хумдан (Сиань) проделывали за два месяца (ibid., pp. 77, 103). Царь (*малик*), т. е. наместник Ханфу, носил титул *дифу* (ibid., p. 38; по мнению Рено — *Relation*, t. II, p. 27, n. 81 — вместо кит. *чифу*).

ХОРЕЗМ

Х^{в}ārизм, или Хӣва, — область в нижнем течении А м у-Д а р ь и (см. <выше, стр. 319 и сл.>). Будучи плодородной областью дельты, Хорезм уже с древнейших времен должен был иметь значение для культурной жизни Средней Азии. Несмотря на возражения, сделанные Нёльдеке (ZDMG, Bd LVI, S. 434 sq.), многое говорит в пользу мнения Маркварта (*Ērānšahr*, S. 155), что «породившая так много споров Айрьянемваэджо, родина Авесты, идентична Хорезму». По Геродоту (III, 117), долина международного значения, образованная рекой Ак, до утверждения персидского владычества принадлежала хорезмийцам [1], из чего можно заключить, что древний Хорезм имел некоторое значение также и в политической истории Средней Азии. Согласно Гекатею (Fragm., 172, 173), страна «хорасмиев» находилась восточнее Парфии; столица названа Хорасмией (Χορασμίη). Согласно Геродоту (VII, 66), хорезмийцы и парфяне образовывали в войске Ксеркса одну войсковую единицу под начальством одного предводителя. Более чем сомнительно, чтобы, как утверждает Геродот (III, 93), Хорасмия была объединена в одну сатрапию не только с Парфией, но и с Согдианой и Арией.

Ко времени Александра Великого хорезмийцы не были больше подданными персов, а имели собственного царя; когда и как было свергнуто персидское иго, неизвестно. Согласно Арриану (IV, $15_{,4-5}$), Александр принимал в Бактрах весной 328 г. хорезмийского царя Фарасмана, который явился в сопровождении 1500 всадников; Фарасман будто бы утверждал, что его владения простираются на западе до Колхиды на Черном море. Курций (VIII, 1, 8) говорит лишь о посольстве хорезмийского царя, который у него назван Фратаферном.

О политических условиях в Хорезме после этого до VIII в. н. э. точно ничего неизвестно. Географические условия также очень неясны. Согласно Птолемею, хорезмийцы жили на восточном берегу Окса, что соответствует положению позднейшей столицы Kāṣa (см. *Кят* <выше, стр. 475>), или Кята (ныне руины Шейх-Аббас-вели) [2]; напротив,

[1] <С. П. Толстов (*Древний Хорезм*, стр. 43) безоговорочно принимает это предположение; В. М. Массон считает более вероятным видеть в этой реке Теджен (*Маргиана*, стр. 125—126).>

[2] <Позднее Шаббаз, ныне Бируни.>

старейшее (в «Истории старших Ханьˮ) китайское название Хорезма, Юегянь ⟨Юецзянь⟩ указывает на город Гургандж (ныне Куня-Ургенч). Согласно местному преданию, сообщенному Бируни (*Āṯār al-bāḳiya*, изд. Захау, 35). Филь, или Фир, цитадель Кята, будто бы была выстроена лишь в 616 г. селевкидской эры (304 г. н. э.). Как сведения Бируни, так и другие известия приводят к выводу, что позднейшее мусульманское представление (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 267) о древнем Хорезме у Балхан вблизи Каспийского моря не соответствует действительности.

То, что сообщает Бируни о начале хорезмийской культуры за 980 лет до селевкидской эры (т. е. в 1292 г. до н. э.), о прибытии Сиявуша и об утверждении власти его сына Кайхусрау 92 годами позже (следовательно, в 1200 г. до н. э.) и о происхождении туземной династии от этого героя туземного эпоса, — разумеется, легендарно. Данные Бируни о генеалогии этой династии охватывают промежуток времени с 304 до 995 г.; сообщается, какой царь правил во время появления Мухаммеда и какой был поставлен Кутейбой б. Муслимом после завоевания страны в 93/712 г. Сын этого царя назывался Шаушфар; в китайских анналах Танской династии (*Тан-шу*) упоминается посольство от царя Хорезма Шао-шифэня [3], прибывшее в Китай в 751 г. (Chavannes, *Documents*, p. 145); этим совпадением подтверждается достоверность сведений Бируни. Зато весьма маловероятно то, что сообщает Бируни (*Āṯār al-bāḳiya*, изд. Захау, $36_{,2}$ и $48_{,13}$) об уничтожении ученых и жрецов и о сожжении их книг. Сведения Бируни о календаре и праздниках хорезмийцев доказывают, что в Хорезме до VIII в., а у зороастрийцев до XI в. н. э. сохранилась очень архаичная иранская культура; эти зороастрийцы в то время («Хронология» ⟨т. е. *Āṯār al-bāḳiya*⟩, как известно, написана в 1000 г.) не были ревностны в своей вере и имели некоторое представление лишь о внешних обрядах своей религии. Кроме зороастрийцев в Хорезме были еще христиане; последние принадлежали не к несторианской церкви, как вообще большинство христиан в Персии и Средней Азии, а были ортодоксами (мелькитами, см. Бируни, *Āṯār al-bāḳiya*, изд. Захау, 288, $_{16}$). Исповедовавшие другие религии, например иудеи, не упоминаются, хотя Хорезм фигурирует в известном «списке городовˮ (см. об этом West, *Pahlavi Literature*, S. 118 и Marquart, *Ērānšahr*, S. 7) как основанный принцем Нарсе, сыном Йездигерда I (399—420) и его жены еврейки. Предположение Иностранцева (*О домусульманской культуре*, стр. 293 и сл.), что упоминаемые Табари (II, 1237, $_{17}$) *аḫбāр* были раввинами, по меньшей мере сомнительно (ср. выражение *аḫбāр ан-наṣāрā* у Табари, I, 840, $_{14}$). Приводимые Бируни календарные термины, названия праздников и др. дают некоторое представление об иранском диалекте, на котором говорили в Хорезме; отдельные слова приведены в других источниках, например *ǧāw ẋоварa* в значении 'коровья пищаˮ у Истахри (301), *пекенд* в значении 'хлебˮ

[3] ⟨Ср. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 535, прим. 1.⟩

у Якута, *Му'джам*, II, 485,$_{15}$ по Ибн Фадлану. Арабы рассматривали хорезмийский язык как особенно непонятный для жителей других областей (Истахри, 304 внизу; Макдиси, 335,$_{9}$). Еще в V/XI в. существовали письменные документы на этом языке (Бейхаки, изд. Морлея, 842) [4].

В истории завоевания кроме хорошо укрепленной столицы (Табари, как и Бируни, говорит о трех крепостях) упоминается еще город Хазараси и, кроме того, не упоминаемый позже Хамджирд, где правил брат царя [5]. Согласно Бируни, после завоевания у местных правителей в наследственном владении остался лишь царский титул (*шāхāйа*), а подлинная власть (*вилāйа*) находилась то в их руках, то в руках других лиц. В 110/728 г. упоминается (Табари, II, 1525) восстание жителей Курдера (вблизи Аральского моря). В Гургандже (араб. Джуржания) возникло особое владение, независимое от хорезмшаха; о происхождении его владетелей и их власти ничего неизвестно; неправильно понятое в этом случае Якутом (*Му'джам*, II, 484,$_{13}$) сообщение Ибн Фадлана показывает только, что Гургандж уже в 922 г. не принадлежал больше Хорезму. В 385/995 г. правителю Гурганджа Мамуну б. Мухаммеду удалось свергнуть древнюю династию, подчинить ее страну своей власти и тем самым восстановить политическое единство Хорезма. Титул *хорезмшах* перешел к правителям Гурганджа.

Мамун умер уже в 387/997 г.; ему наследовали, один за другим, его сыновья Али и Мамун II; в руинах Гурганджа была найдена арабская строительная надпись последнего (о возведении минарета) от 401/1010-11 г. (опубликована Н. Катановым, *Хорезмийская свинцовая плита*). О восстании войска против этого правителя, когда он по требованию султана Махмуда вставил в хутбу его имя, об убийстве его и вызванном этим завоевании Хорезма Махмудом в сафаре 408/июле 1017 г. подробно сообщает Бейхаки (изд. Морлея, 838 и сл.) по утраченному сочинению Бируни (см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 289 и сл.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 337

---

[4] ⟨В настоящее время известны следующие памятники хорезмийского языка: *1.* Тексты, обнаруженные при раскопках Топрак-калы и Якке-Парсана, которые, насколько можно судить по немногим опубликованным до сих пор образцам (Толстов, *Итоги двадцати лет работы*, стр. 32—34), написаны письмом арамейского происхождения, близким к согдийской и парфянской письменности. Документы из Топрак-калы — хозяйственного содержания, датируются III—IV вв. н. э.; тексты из Якке-Парсана относятся, по-видимому, к VII—VIII вв. н. э. *2.* Тексты XII—XIV вв., написанные арабским шрифтом (приспособленным к особенностям хорезмийского языка). Исследование их показало, что хорезмийский язык занимал промежуточное положение между согдийским и осетинским, с одной стороны, и парфянским — с другой. (Основные работы: Волин, *Новый источник*; Фрейман, *Хорезмийский язык*; Henning, *Über die Sprache*; idem, *Khorezmian glossary*; idem, *The Khwarezmian language*; idem, *Mitteliranisch*, S. 81—84, 109—120.) — *В. Лившиц.*⟩

[5] ⟨С. П. Толстов (*Древний Хорезм*, стр. 323; *По следам*, стр. 221—226) считает, что Хамджерд (Хангири) — имя царя (хотя, по всей вероятности, это — название местности).⟩

и сл.〉). Власть над Хорезмом вместе с титулом хорезмшаха перешла к Алтунташу, назначенному Махмудом; о нем и его сыновьях до падения этой династии в 432/1041 г. см. статью Barthold, *Altūntāsh*; 〈наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 493〉. Победитель — Шах-Мелик, владетель Дженда — был вытеснен через два года сельджукским князем (такое, правильное, произношение у Махмуда Кашгарского, I, 397; арабское написание *салджӯк* не соответствует тюркскому произношению) Чагры-беком (см. *Ča̲ghrī-beg*). Под верховной властью сельджукской династии Хорезм оставался до смерти султана Санджара (см. Zetterstéen, *Sand̲jar*), или Синджара, в 552/1157 г., с некоторыми перерывами во время царствования этого султана.

Новая династия в Хорезме была основана в последние годы XI в. Кутб ад-дином Мухаммедом (см. Barthold, *Ḳuṭb al-Dīn Muḥammed*; 〈наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 524〉), которому было передано управление страной сначала наместником Хорасана, а потом самим султаном Санджаром. О его сыне Атсызе, основателе могущества своей династии, см. соответствующую статью 〈наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 495〉. Атсыз оставался до самой смерти подданным султана Санджара, по крайней мере номинально, и был вынужден, кроме того, платить дань кара-китаям (см. Barthold, *Ḳara Ḵ̲itai*); при следующих правителях, Иль-Арслане (1156—1172), Текеше (1172—1200) и Мухаммеде (1200—1220), Хорезм постепенно достиг значения великой державы. В борьбе против Текеша в 590/1194 г. пал Тогрул, последний государь Персии из сельджукской династии; с тех пор хорезмшах мог рассматривать себя наследником сельджукских правителей в господстве над Западной Азией и выступать с подобными претензиями даже по отношению к халифу. Иго кара-китаев было окончательно свергнуто лишь благодаря победе Мухаммеда над последним гурханом в 607/1210 г. Империя Мухаммеда простиралась от правого берега Сыр-Дарьи до горных перевалов между Ираном и долиной Тигра; на юге его верховная власть была признана даже на Аравийском полуострове (в Омане). Столица Хорезма принадлежала тогда к самым блестящим городам Востока. Страна была тогда, вероятно, уже тюркизирована; упоминаются географические названия на тюркском языке, например канал Су-Кара (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 122), или Кара-су (Джузджани, пер. Раверти, I, 474).

Возвышение Хорезма, в первый и последний раз в истории этой страны, в ранг великой державы зависело, вероятно, от развития широких международных торговых связей, упоминавшихся уже Истахри (304 и сл.) [6]. Попытка Мухаммеда использовать эти торговые связи в своих политических целях привела к войне между ним и Чингиз-ханом (см.

[6] 〈Эта оценка державы хорезмшахов несомненно правильнее, чем проводимый С. П. Толстовым взгляд, будто сложение ее было обусловлено внутренними закономерностями и процесс ее образования напоминает «собирание земель» вокруг естественного исторического и экономического центра (Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 13).〉

Barthold, *Čingiz-Khān*, S. 896) и падению его державы. Гургандж, покинутый всеми членами династии, пал в сафаре 618/апреле 1221 г. после упорной защиты; сообщается, что все население или было вырезано, или погибло в водах Аму-Дарьи.

С тех пор Хорезм более 140 лет принадлежал государству Золотой Орды и только южные районы с Китом и Хивой — чагатайскому государству (см. Barthold, *Čaghatāi-Khān*, S. 847; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 538⟩). Гургандж, называвшийся монголами и тюрками Ургенчем, уже спустя несколько лет после завоевания был отстроен в другом месте (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 323) и был описан в 1333 г. Ибн Баттутой (III, 1 и сл.) и около 1340 г. Бальдуччи Пеголотти (Yule, *Cathay*, vol. II, p. 279 sq.) как населенный и блестящий торговый город; это, по-видимому, был важнейший торговый пункт на пути из Восточной Европы в Восточную Азию. Экономическому расцвету соответствовал также расцвет искусств и наук; в этом отношении Хорезм считался «местом собрания самых выдающихся мужей в мире» (*маджма' а'йāн-и джихāн*, у Абд ар-Раззака, рук., л. 73а). Учение мутазилитов (см. Goldziher, *Aus der Theologie*, S. 220 sq), занесенное в Хорезм в V/XI в., имело там многочисленных последователей даже во второй половине VIII/XIV в., когда в Западной Азии давно уже никаких мутазилитов не было (о мутазилитах в Хорезме см. Ибн Баттута, III, 8. и Ибн Арабшах, каирск. изд., 18; там же относительно высоких достоинств хорезмийских музыкантов). Постройки этого столетия, сохранившиеся среди развалин старого Ургенча, принадлежат к числу прекраснейших в Средней Азии, особенно мавзолей Тюрябек-ханым (супруги наместника Кутлу-Думура), упоминаемой у Ибн Баттуты (III, 4, 9 и 14) [7]. Позднее хорезмийскими мастерами (*устāдāн-и ẋ^{e}āризмī*, см. Абд ар-Раззак, рук., л. 73б) был построен для Тимура дворец Ак-сарай в Кеше.

Вскоре после 1360 г. в Хорезме возникла независимая династия, называвшаяся Суфи, из рода кунграт; эти правители чеканили небольшие золотые монеты без своих имен, с одной лишь надписью *ал-мулк ли-лāхи*. Старейшие из этих монет — 765/1363-64 г., а последние монеты ханов Золотой Орды — 762/1360-61 г. Основатель этой династии, Хусейн Суфи, захватил у чагатаев Кят и Хиву, вследствие чего Тимур объявил ему войну; лишь после нескольких походов Тимуру удалось в 1379 г. завоевать Хорезм. Во время войны Тимура с Тохтамышем хорезмийцы были в союзе с последним; уже в 785/1383-84 г. в Хорезме чеканили монету с именем этого хана. В 1388 г. Тимур снова завоевал Хорезм, в котором Тохтамыш оставил царевича из своего рода и представителя местной династии Сулеймана Суфи; столица Ургенч (который, как прежде Кят, часто называли по стране Хорезмом) была разграблена и сровнена с землей, и на этом месте посеяли ячмень. От этого удара Хорезм уже никогда

[7] ⟨Ср. об этом мавзолее М. Массон, *О датировке*.⟩

не мог оправиться. В 1391 г. Тимур приказал восстановить часть города — «квартал каана» (этот квартал считался собственностью чагатайских ханов), в границах этого квартала город оставался и позднее. В IX/XV в. Хорезм находился то во владении ханов Золотой Орды, то во владении Тимуридов; в 868/1464 г. в качестве подданного хана Мустафы упоминается представитель местной династии Осман б. Мухаммед Суфи. Тем же ханом ниже Ургенча был основан город Везир; но, по-видимому, уже и тогда Хорезм больше не имел значения в культурной жизни Средней Азии. При Тимуриде Султан-Хусейне в качестве наместника Хорезма упоминается Чин Суфи; в 911/1505 г. страна перешла во владение Шейбани, основателя владычества узбеков в Мавераннахре (ср. *Бухара* ⟨выше, стр. 389⟩).

В 916/1510 г., когда Шейбани пал в битве под Мервом, Хорезм на короткое время был объединен с Персией; вскоре после этого персидский наместник был изгнан Шерифом Суфи; однако последний не мог устоять против узбекских завоевателей. В Хорезме утвердилась теперь (по Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 197, уже в год овцы=1511 г.; год хиджры там указан, безусловно, неправильно) особая ветвь потомков Джучи, находившаяся лишь в отдаленном родстве с завоевателями Бухары и Самарканда; господство этой династии длилось до 1106/1694-95 г. Только двум правителям Бухары, Убейдулле б. Махмуду в 1538 г. и Абдулле б. Искендеру (см. Barthold, *ʿAbd Allāh b. Iskandar*, S. 26; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 487⟩) в 1593 и 1595—1598 гг., удалось на короткий срок присоединить Хорезм к своим владениям. В то время культурный уровень узбеков в Хорезме был несравненно ниже, чем в Мавераннахре. Показателен тот факт, что хану Абулгази (1645—1663) пришлось самому писать историю своей страны, так как никто из его подданных не обладал необходимым для этого образованием (Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 2). Даже те, кто занимал важнейшие гражданские посты, — везир (позже называвшийся *мехтер*) и кушбеги — могли присутствовать на торжественных собраниях лишь стоя, в то время как военачальники и шейхи имели определенные места для сидения (*ӯрӯн*). Старая культурная страна стала разбойничьим государством; из-за этого караванный путь через Среднюю Азию утратил почти всякое значение, что подтверждается также рассказом Антония Дженкинсона, единственного европейца, который посетил в это время Хорезм (1558 г.). Раньше название страны часто переносили на столицу (сначала на Кят, потом на Ургенч); теперь страна обычно называется по столице, сначала Ургенч, потом Хива.

Хива (древняя форма Хӯвак; упоминаемое Якутом произношение Хӯва соответствует также написанию географов IV/X в.) была, вероятно, как и Кят, поселением еще домусульманского времени. Во время Якута жители Хивы были шафиитами, тогда как остальные хорезмийцы в большинстве относились к ханифитам. Пехлеван-Ата Махмуд (ум. в 722/1322 г.), гробница которого упомянута у Абулгази (там же, 260), поныне счи-

тается местным святым Хивы. В качестве столицы страны Хива впервые выступает во второй половине правления Араб-Мухаммеда (1603—1623); Ургенч после высыхания левого рукава реки (см. *Аму-Дарья* ‹выше, стр. 325›), должно быть, понемногу запустевал; в 1645 г. возник новый Ургенч, примерно в 33 *км* северо-восточнее Хивы; туда были переселены жители старого торгового города, потомки которых превратили и новый Ургенч в важнейший торговый центр Хивы. Несколько ниже, тоже на левой стороне реки, возник позднее новый Везир. Древнюю столицу Кят, расположенную на правом берегу реки, также пришлось покинуть из-за высыхания соответствующего канала; хан Апуша (1663—1687) приказал выстроить нынешний Кас, или Кят, на левой стороне реки, примерно в 30 *км* ниже нового Ургенча. В 1092/1687 г. по приказу того же хана был прорыт канал Шахабад, один из важнейших каналов нынешней Хивы (после завоевания Мешхеда хан принял титул шаха). В XII/XVIII в. владения хивинского хана часто называли Беш-кала ('Пять крепостей'); названия городов, входивших в это число, указываются различно. От Беш-кала был обычно отделен и политически «Остров», тюрк. Арал, т. е. собственно область дельты у Аральского моря, которое от нее получило свое название (ср. *Аральское море* ‹выше, стр. 332›).

После прекращения династии подлинным правителем был обычно инак (т. е. глава и военачальник) рода кунграт. Трон занимали призванные из степей потомки Чингиз-хана, которые правили лишь номинально и которых после короткого срока (за редким исключением) отсылали на родину и заменяли другими ханами; Абд ал-Керим Бухари (I, 79) называет этот обычай «игрой в ханы» (*ханбази*). Попытка Петра Великого подчинить Хиву своей власти не имела успеха. Надир-шах завоевал Хиву в 1740 г., но поставленный им хан не смог там удержаться. К этому же времени относятся отдельные описания Хивы—как западноевропейские (Дж. Томпсон и др. — см. Hanway, *British trade*, vol. I, p. 240), так и русские (Гладышев и Муравин — см. Гладышев, *Поездка из Орска в Хиву*); в 1740 г. офицер Назимов снял план города Хивы (Назимов, *План города Хивы*). В 1842 г. современный город был снят Т. Фр. Базинером (*Naturwissenschaftliche Reise*, zu S. 120); разница между обоими планами очень значительна и заставляет предполагать, что в 1842 г. город имел совсем другой вид, чем за сто лет до этого, и, быть может, лежал на другом месте. Савельев (*Путешествие г. Базинера*, стр. 167 и сл.) связывал этот факт с предполагаемым разрушением Хивы Надир-шахом; но может быть доказано, что в ближайшие годы после 1740 г. город находился на том же месте, что и прежде: в 1747 г. упоминается медресе Араб-Мухаммед-хана. Зато незадолго до 1770 г. Хива была почти полностью уничтожена постоянными набегами туркмен (из племени йомут); сообщают, что в то время оставалось только 40, по другим сведениям — только 15 семей (Мунис—Агехи, рук. Аз. муз. 590 ob, л. 55). В 1770 г. инаку Мухаммед-Эмину удалось победить туркмен и восстановить благосостояние го-

рода и страны. С этими событиями, вероятно, должно быть связано разрушение старой и основание новой Хивы.

В 1804 г. инак Ильтузер, внук Мухаммед-Эмина, принял титул хана. Когда в 1806 г. он пал в войне с Бухарой, его брат и преемник Мухаммед-Рахим (1806—1825) на короткое время вновь возвел на престол одного из Чингизидов, но в том же году сам присвоил себе титул хана. Подчинением Арала в 1811 г. было восстановлено политическое единство Хорезма, которое впоследствии нарушалось восстаниями лишь на короткое время. В 1822 г. туркмены в Мерве восстали против Бухары и перешли в подданство хивинского хана. При сыне Мухаммед-Рахима, Алла-Кули (1825—1842), хивинское ханство достигло наибольших размеров; оно простиралось от впадения Сыр-Дарьи в Аральское море (примерно 46° с. ш.) до Кала-и Маур на Кушке (35°30′ с. ш.). Во время того же царствования был восстановлен старый Ургенч. Поход русских на Хиву зимой 1839/40 г. был неудачным, все же хану вскоре после этого пришлось выполнить все требования русского правительства, несмотря на то что Хива около этого времени вступила в связь с Англией; в официальной истории Хивы англичане выступают как «часть русского народа, страна которых расположена севернее русского государства» (Агехи, л. 369б). Во время последующих царствований Хиве приходилось бороться как против Бухары (до 1845 г.), так и против туркмен; в борьбе с этим последним противником в 1855 г. пали хан Мухаммед-Эмин (Мелемин, 1846—1855) и его преемник Абдулла. Ко времени Мухаммед-Эмина относится самая выдающаяся постройка нынешней Хивы — голубой минарет высотой более 50 *м* (изображение — Schwarz, *Turkestan*, S. 205). При Сейид Мухаммед-Рахим-хане (1864—1910) произошло завоевание Хивы русскими (1873 г.), вызванное кознями правительства этого хана; хану оставили только часть его прежних владений (западнее Аму-Дарьи), но и там он должен был рассматривать себя «покорным слугой императора всея Руси». Позже хивинский хан получил титул «высочество», но его положение никогда не сравнялось с положением бухарского эмира (см. *Бухара* <выше, стр. 392>). Как Сейид Мухаммед-Рахим, так и его преемник, хан Исфендияр (1910—1918), неоднократно требовали у русских помощи против туркмен. Во время переговоров между русскими и туркменами Мерва со стороны Хивы была предпринята попытка выступить в качестве посредника (1881—1883 гг.) в надежде, что Мерв не будет присоединен непосредственно к России, а будет передан хивинскому хану как русскому вассалу. Во время военных действий революционного времени туркмены также неоднократно совершали набеги на Хиву. После свержения и убийства хана Исфендияра туркмен Джунейд-хан провозгласил ханом Сейид Абдуллу (1918—1920); после свержения этого хана и изгнания Джунейда вместо прежнего ханства была образована «Хорезмская республика», связанная с Россией лишь номинально. В 1924 г. на основании национального принципа область Хорезма

была разделена между республиками Узбекистаном и Туркменистаном.

Хива и в XIX в., как в XVI и XVII, была разбойничьим государством, но, в противоположность предыдущим столетиям, там в это время делалось больше для подъема культуры, чем в Бухаре. Развитию сельского хозяйства способствовало проведение больших каналов; на дорогах было больше мостов, чем где-либо еще в Туркестане; ханом Сейид Мухаммед-Рахимом была основана также богатая библиотека, которую он сделал доступной и русским исследователям; история страны, написанная по заданию правительства еще до русского завоевания, превосходит по подробности и надежности все, что было написано в Бухаре и Коканде. С русской стороны сделано еще мало для исследования страны, ее истории и нынешнего состояния, хотя там сохранилось много своеобразных черт, которые напрасно было бы искать в других частях Туркестана. Вместо обычных в Туркестане деревень с улицей дом землевладельца находится в центре его земельного участка, как у первоначальных обитателей Туркестана, таджиков; кучер (*арбакеш*) сидит на самой повозке, как в Кашгаре, а не на лошади, как в Ташкенте, Коканде и др.; каналы в тюркском диалекте Хивы, как и у туркмен, обозначаются несомненно арийскими словами *арна* и *ял* (большой и малый канал)[8]; постройки, сохранившиеся среди развалин старого Ургенча, относятся к древнейшим и прекраснейшим в Туркестане и до сих пор ни разу не описаны подробно[9].

Литература. Sachau, *Zur Geschichte*; Lerch, *Khiva oder Kharezm*; Веселовский, *Очерк историко-географических сведений*; de Goeje, *Das alte Bett des Oxus*; Кун, *От Хивы до Кунграда* (там описание руин Кята, стр. 251 и сл., и старого Ургенча, стр. 213 и сл.); Иностранцев, *О домусульманской культуре*; Виноградова, *Хорезмская республика*; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, особенно стр. 141 и сл., 289 и сл., 345 и сл.; ⟨паст. изд., т. I, стр. 197 и сл., 337 и сл., 386 и сл.⟩; его же, *Nachrichten* ⟨см. выше, стр. 15—94⟩; его же, *Орошение* ⟨см. выше, стр. 162—184⟩; его же, *События перед хивинским походом* ⟨паст. изд., т. II, ч. 2, стр. 400—413⟩. Об упоминаемом там (особенно по рукописям Aa. муз. 590 ob и 590 od) историческом сочинении, написанном по заданию Ильтузера и его преемников, см. также Salemann, *Das Asiatische Museum*, S. 278, там же и заголовок. Первое сочинение — *Фирдаус ал-икбал* — было начато по заданию Ильтузера Шир-Мухаммедом, по прозванию Мунис, и прервано смертью хана в 1806 г., когда автор не дошел еще до Надир-шаха; позднее сочинение было продолжено по заданию Мухаммед-Рахим-хана до 1812 г., после чего автор получил задание перевести на тюркский язык *Раузат ас-сафа'* Мирхонда, но умер еще до завершения этой работы в 1244/1828-29 г. Продолжение истории Хивы лишь в 1255/1839-40 г. Алла-Кули поручил его племяннику Мухаммед-Ризе, по прозвищу Агехи; тот же Агехи позднее довел историю страны под разными названиями (каждое царствование описывается в особом труде) до 1872 г. ⟨См. также: Толстов, *Древний Хорезм*; его же, *По следам*.⟩

[8] ⟨Оба этих слова восходят к хорезмийскому языку.⟩

[9] ⟨Лучшая публикация архитектурных памятников Куня-Ургенча — Бачинский, *Архитектурные памятники Туркмении*.⟩

ХОТАН

Ҳотан — город в Китайском Туркестане. В древнейших китайских известиях (со II в. до н. э.) город называется Юйтянь, т. е. Йоткан, как по сей день называются развалины домусульманского города, крайняя восточная часть которых находится в пяти английских милях от нынешнего города. Позже это название пишется Готан или Хотан[1] (ср. Chavannes, *Documents*, p. 125). Индийское название Кустана, или Кустанака, — 'Грудь земли', в китайской передаче Цзюсаданна, М. А. Стейн (*Ruins of Khotan*, p. 402 sq.) считает ученой этимологией местного названия. О городище Йоткан и его окрестностях см. особенно Stein, *Ancient Khotan*, p. 190 sq. Как доказывает Стейн, все древние центры буддийского культа ныне почитаются как могилы мусульманских святых. Древнейший датированный буддийский письменный памятник, найденный Стейном, относится к 269 г. н. э. (Stein, *Ruins of Khotan*, p. 405); однако буддизм в Хотане, очевидно, распространился намного раньше. Древнейшие документы и сочинения написаны на индийском диалекте, в котором Стейн видит теперь, в противоположность своему прежнему мнению, не язык местного населения, а письменный язык, возникший под влиянием «индо-скифского владычества» («Indo-Scythian dominion» — Stein, *Ruins*, vol. I, pp. 290 sq., 386 sq.). Позднее вместо него в Хотане и к востоку от него появляется местный арийский язык, названный Э. Лейманом «язык II», который по грамматическому строю иранский, но в отношении словарного запаса находится под сильным индийским влиянием (см. Leumann, *Über die einheimischen Sprachen*, S. 648 sq. и особенно idem, *Zur nordarischen Sprache*, S. 29); язык предстает «почти как индианизированный иранский, примерно как английский — романизированный германский». Был ли этот язык вытеснен тюркским еще в домусульманское время, не удается установить. В противоположность Кашгару и северной части нынешнего Китайского Туркестана Хотан упоминается в *Ҳудӯд ал-'ālам* (л. 14а) не в описании тюркских племен и их земель, а в описании Китая; город находился в пограничной области между Китаем и Тибетом и был под властью особого князя, который называл себя «верховным владыкой тюрков и тибетцев» (*Ғазӣм ат-турк ва-т-тубут*). Согласно же Гардизи (Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 94), даже город Кай (?), расположенный в 15 днях пути от Хотана на дороге

[1] ‹Совр. транскрипция — Хода.›

в Китай, находился под властью (тюрков) тугузгузов. По Гардизи, жители Хотана были буддистами, но, кроме того, он упоминает мусульманское кладбище к северу от Хотана, а в самом городе — две христианские церкви (на городище до сих пор не найдено ни христианских, ни манихейских фрагментов).

Ислам распространился в Хотане намного позже, чем в Кашгаре, и был принесен туда в результате насильственного завоевания. Ибн ал-Асир называет завоевателем Хотана Кадыр-хана Юсуфа, умершего в 423/1032 г.; у нас имеются его монеты, чеканенные в Кашгаре и Яркенде с 404/1013-14 г. (Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 192 и сл.). Позже Хотан, подобно Кашгару, находился под властью илек-ханов (см. Barthold, *Ilek-Khāne*; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 519›) и кара-китаев (Barthold, *Ḳara-Ḵhitai*); о завоевании страны главой найманов Кучлуком и о предпринятом им гонении на ислам см. ibid., S. 791. Согласно Джувейни (изд. Казвини, I, 49, 52 и сл.), он приказал в Хотане пригвоздить имама Ала ад-дина хотанского к дверям его медресе. Уже ко времени Хайдер-мирзы (см. Barthold, *Ḥaidar Mirzā*) в Хотане ничего не знали об этом мученике; даже гробница его была неизвестна (Мухаммед-Хайдер, 298). Следовательно, местной исторической традиции в Хотане не было; сведения же арабской и персидской географической литературы о Хотане также очень скудны; даже его местоположение неправильно указано Сам'ани (изд. Марголиуса, л. 189б) и следующим ему Якутом (*Му'джам*, II, 403).

В XIII в. Хотан, по Марко Поло (изд. Юла—Кордье, I, 188 и сл.), находился под властью императора Китая, а не хана Хайду (Barthold, *Čaghatāi-Khān*, S. 848; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 541›), как Яркенд. Позже Хотан, по-видимому, всегда разделял политические судьбы Кашгара и других городов этой области; в XVIII в. входил, как и Кашгар, в теократическое государство ходжей; вынужден был подчиняться сначала власти калмыков, а потом Китая; после событий 1280/1863-64 г. подчинялся власти вторгшегося туда Я'куб-бека и после его смерти в 1877 г. вернулся в китайское подданство. Об историческом сочинении о событиях 1280/1863-64 г., написанном в Хотане в новейшее время (окончено 18 ша'бана 1311/24 февраля 1894 г.), см. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1920 г.)*, стр. 209—210, а также отрывки о ходжах в Хотане в *Та'рīх-и амнīйа*, 161 и сл.

В современном городе особенно сохранилось шелководство, культивировавшееся здесь с древнейших времен. Численность населения определяется различно: по Корнилову (*Кашгария*, стр. 275) — только 15 000, по Сайксу (*Through deserts*, p. 246) — 50 000 человек.

Литература. Кроме работ, указанных в тексте, особенно: Bretschneider, *Researches*, vol. II, pp. 47 sq., 246 sq.; Hartmann, *Chinesisch-Turkestan*, S. 93 sq. О «священном государстве ислама» и об отношении к нему Хотана: Hartmann, *Der islamische Orient*, Bd I, S. 195 sq., а также по указателю.

ХУТТАЛЬ

Ҳутталь — район в верхнем течении Аму-Дарьи, между реками Пяндж и Вахш, в средние века — Джерьяб и Вахшаб; об их положении см. выше, стр. 319—320. Произношение Хутталь приводится Якутом, *Му'джам*, II, 402; для часто употреблявшейся формы множественного числа засвидетельствовано также произношение Хуттальян в приведенной Табари (II, 1492, 1494 и 1602) насмешливой песенке о поражениях, которые потерпел наместник Асад б. Абдаллах (ум. в 120/738 г.). Зато в более поздних персидских стихах постоянно предполагается произношение Хутлан или Хатлан; то же произношение приводится в персидских словарях (напр., Vullers, *Lexicon*, s. v.).

Резиденцию владетелей Хутталя — Хульбук, согласно расстояниям, приводимым географами, следует искать южнее нынешнего Куляба [1]. Самый большой город Хутталя, Мунк (так у географов; у Шереф ад-дина Йезди, I, 38 — Мӯнк), по всей вероятности, примерно соответствует нынешнему Бальджуану [2], хотя Бальджуан тоже упоминается уже в *Ẓафар-нāме* (I, 83). Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 292) называет «самым большим городом Хутталя» город Вашгирд (ныне Файзабад) [3], лежащий, собственно говоря, вне Хутталя (западнее Вахша). Хутталь как область была особенно знаменита своими лошадьми (Макдиси, 325 внизу, и Ибн Хордадбех, текст, 180).

Домусульманские титулы царей Хутталя, хуттальян-шах и шер-хуттальян (Ибн Хордадбех, текст, 40), в мусульманское время, по-видимому, больше не употреблялись. Последние войны арабских завоевателей в Хуттале, упоминаемые у Табари (III, 74), относятся к 133/750-51 г.; царь (*мелик*) Хутталя был вынужден покинуть свою страну и направиться сначала в Фергану, а потом в Китай; этим и объясняются китайские сведения о титуле, дарованном князю Хутталя в 752 г. (Chavannes, *Documents*, pp. 168, 216). Генеалогия «поздних царей Хутталя» составлена Марквартом (*Ērānšahr*, S. 302), по мнению которого «царство Хутталь позднее

[1] <О городище Хульбука см. Литвинский—Давидович, *Предварительный отчет*, стр. 40 и сл.>

[2] <А. М. Беленицкий [*Отчет (1946 г.)*, стр. 128—129] установил, что Мунку соответствует городище около кишлаков Хонако и Шахр-и минг близ Ховалинга.>

[3] <Соответствует городищу Сари Мазар, см. Беленицкий, *Отчет (1946 г.)*, стр. 135—137.>

было разделено на несколько мелких владений»; однако еще в саманидское время Ахмед б. Джа'фар упоминается в качестве эмира Хутталяна (Гардизи у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 9 — сообщение о годах 336 и 337/947—949); Макдиси (337,$_2$) также упоминает эмира Хутталя среди правителей, с которых Саманиды не получали никаких налогов (*харāдж*), а только подарки (*хадāйā*).

После падения государства Саманидов Хуттал принадлежал государству Газневидов (см. Dames, *Ghaznawiden*, S. 163) и, будучи пограничной областью, подвергался частым нападениям со стороны государства илек-ханов (см. Barthold, *Ilek-Khāne*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 519⟩); при султане Мас'уде (1030—1041) на Хуттал особенно претендовал владетель Али-тегин (см. Barthold, *'Alī-Tegīn*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 491⟩; Бейхаки, изд. Морлея, особенно стр. 348); особый владетель Хутталя в это время не упоминается. Напротив, у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, X, 22) в рассказе о походе султана Алп-Арслана (*Alp-Arslān*, S. 337) в 456/1064 г. упоминается эмир Хутталя, укрывшийся в своей крепости (название которой не приводится); лишь после долгой осады, во время которой был убит сам эмир, крепость была взята штурмом. В другом месте Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XI, 155) рассказывает о походе владетеля (*сāхиб*) Хутталя Абу Шуджа' Фаррух-шаха в раджабе 553/августе 1158 г. против Термеза; этот князь, так же как и ранее Саманиды, утверждал, что он происходит от Бехрама Гура (см. Hillelson, *Bahrām-shāh*). Позже в Хуттале больше не упоминается какая-либо туземная династия; Хуттал, вероятно, принадлежал государству Гуридов (Dames, *Ghōriden*, S. 170), но определенно это говорится лишь о районе Вахша, на нижнем течении одноименной реки (Джузджани, пер. Равертн, I, 426); среди множества мелких княжеств, на которые распалось государство Гуридов, упоминается также княжество Вахш (там же, 436 и 490; Несеви, *Сīрат Джелāль ад-дīн*, I, 39; ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 400; ⟨наст. изд., т. I. стр. 437⟩).

Во второй половине VIII/XIV в. Хуттал относился к числу многих мелких тюрко-монгольских княжеств, на которые распалось чагатайское государство (см. Barthold, *Caghatāi-Khān*, S. 847). В 1372 г. по приказу Тимура за предательские связи с Хорезмом был казнен правитель Хутталя Кайхусрау (Шереф ад-дин Йезди, I, 243). Позже Хуттал относился к числу областей, зависимых от Хисара (см. ⟨выше, стр. 401⟩); когда в 903/1497-98 г. бек Хусрау-шах захватил власть в Хисаре, то пожаловал Хуттал своему брату Вели-беку (*Бāбур-нāме*, изд. Беверидж, л. 57); Вели-бек был убит в 910/1504-05 г. Шейбани, основателем узбецкого государства (там же, л. 125б). Под властью узбеков название Хуттал для области было вытеснено названием Куляб. Еще в *Бахр ал-асрāр* Махмуда б. Вели |начато в раби' II 1044/сентябре—октябре 1634 г.; см. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 233| область называется Хуттале (Махмуд б. Вели, лл. 228а и 238а); название

Куляб упоминается уже в истории хана Убейдуллы (1702—1711) — сочинении, которое было начато еще при жизни хана (Teufel, *Quellenstudien*, S. 243 и особенно текст, стр. 292).

Литература. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 70 и сл.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 119 и сл.⟩; Le Strange, *The Lands*, p. 438 sq.; Marquart, *Ērānšahr*, S. 232 sq., 299 sq.; примечание Н. Элиаса к *Та'рӣх-и Рашӣдӣ*, 21. ⟨Беленицкий, *Историко-географический очерк Хутталя.*⟩

ЧАГАНИАН

Чағāнийāн, в арабском написании Çағāнийāн, — область в верхнем течении Окса; так же назывался главный город этой области, отсюда *нисба* Чаганиани и Чагани; от этого же корня несомненно происходят название реки, протекающей через Чаганиан, — Чаган-руд (ныне Сурхан) и титул местного владетеля — чаган-худат. О географических условиях см. *Аму-Дарья* ‹выше, стр. 320›. Столица Чаганиан находилась в 4 днях пути, или 24 фарсахах, от Термеза и в 3 днях пути от Кувадиана (ныне Кабадиан). Город отождествляется Бартольдом (*Туркестан*, ч. II, стр. 74; ‹наст. изд., т. 1, стр. 123›) с нынешним центром этой местности — Денау (собств. Дих-и нау 'Новая деревня')[1], а Ле Стрэнджем (*The Lands*, p. 440)— с городом Сары-Асия, расположенным несколько севернее; в пользу первой точки зрения можно теперь привести еще слова историка Махмуда б. Вели (XI/XVII в.): *худūд-и Чағāнийāн ки имрūз ба Дих-и нау машхūр аст* (л. 77б).

В Чаганиане, как и в других горных областях слева и справа от верховьев Окса, культурная жизнь находилась более под влиянием Балха, чем Бухары и Самарканда. Как свидетельствует китайский паломник Сюань Цзан (ок. 630 г. н. э.), непосредственно перед арабским завоеванием здесь господствовал буддизм; в то время в Чаганиане было до 500 монастырей, хотя число монахов было невелико. Как большинство владетелей этих мест, царь (*малик*) Чаганиана должен был в 86/705 г. подчиниться наместнику Кутейбе б. Муслиму (Табари, II, 1180$_{3}$ и сл.); в 119/737 г. чаган-худат упоминается в качестве союзника арабов. Местность по нижнему течению Сурхана с Термезом и Чарманганом, расположенным от него в 1 дне пути, или 6 фарсахах, выше, не относилась к Чаганиану, а находилась под властью особого владетеля — термез-шаха (Ибн Хордадбех, текст, 39 внизу). И позже Термез и его область были обычно политически отделены от Чаганиана: напротив, в IV/X в., в эпоху Саманидов, как эта область, так и расположенные к востоку от Чаганиана области Шуман и Харун подчинялись эмирам Чаганиана (Гардизи у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 9 и сл.).

[1] ‹По последним данным, Чаганиану VI—VII вв. соответствует городище Дальверзин-тепе в 30 *км* к югу от Денау (Пугаченкова, *К исторической топографии Чаганиана*, стр. 54), а средневековому Чаганиану — городище Бедрач в 6 *км* к юго-востоку от Денау, при впадении Кызыл-су в Сурхан-Дарью (там же, стр. 61).›

Происходила ли эта династия, названная Ибн Хаукалем (401,12) Āл Мухтâдж, от чаган-худатов или от каких-нибудь арабских эмиров — неизвестно. Самым знаменитым эмиром из этого дома был Ахмед (Абу Али) б. Абу Бекр Мухаммед (см. Barthold, *Ahmed b. Muḥtādj* ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 498›).

Город Чаганиан был в то время больше Термеза, но не мог сравниться с этим торговым городом на Оксе ни по числу жителей, ни по их богатству (Истахри, 298). На базарной площади стояла главная мечеть с колоннами из обожженного кирпича, но без арок (*билā ṭāḳān* — Макдиси, 283,11). Еще в VI/XII в. во времена Сам'ани (см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 62) мечеть Чаганиана была «прекрасным и известным» (*ḥасан машхӯр*) зданием. Число селений Чаганиана, по Макдиси, достигало 16 000; из городов упоминаются на пути в Термез еще Баранги (5 фарсахов от Чаганиана) и Дарзенги (7 фарсахов далее; в нем жили одни ткачи); Чарманган, находившийся в 6 фарсахах от Дарзенги, относился уже к Термезу.

Об истории Чаганиана в позднейшие времена мало что известно. В первой половине V/XI в. правители Чаганиана вынуждены были признать верховную власть Газневидов; о зимнем походе султана Мас'уда см. Barthold, *Būri-Tegīn*, S. 833; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 511›. После того как Балх по мирному договору 451/1059 г. окончательно отошел к сельджукам, области по ту сторону Окса также подчинились новым завоевателям; восстание, поднявшееся в Чаганиане и Хуттале, было подавлено в 456/1064 г. султаном Алп-Арсланом. В VI/XII в. Чаганиан упоминается то как владение ханов Самарканда (Мухаммед ал-Катиб ас-Самарканди у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 72), то как часть государства Гуридов Бамиана (см. ‹выше, стр. 365›). В сообщениях о монгольских завоевательных походах Чаганиан не упоминается; позднее он появляется в качестве владения одного из внуков Чагатая и его потомков (см. Barthold, *Burāḳ-Khān*, S. 828; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 509›). Долина Сурхана очень ценилась не только монголами, но и другими кочевыми народами из-за ее пастбищ; ныне первоначальное иранское население полностью вытеснено узбеками. Домусульманские и средневековые города здесь давно погибли; даже их развалины, по-видимому, не сохранились[2]; в описаниях современных путешественников упоминается только старый мост из обожженного кирпича через Бенд-и Хан (сейчас наполняющийся водой только весной) недалеко от его впадения в Сурхан; вероятно, здесь находился город Дарзенги. Город Чаганиан, вероятно, не существовал уже в VIII/XIV в.; Дих-и пау упоминается уже в *Зафар-нāме* Шереф ад-дина Йезди (I, 124); в то же время Бабур (*Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, см. по указателю) снова называет область и ее столицу Чаганианом — возможно, только под влиянием литературной традиции.

[2] ‹Археологические работы последних лет обнаружили ряд очень интересных памятников. Ср. Альбаум, *Балалык-тепе*; его же, *Письменность из замка Зангтепе*.›

ЧАГАН-РУД

Чаган-рӯд — приток Окса, ныне называется Сурхан-Дарья. Название (несомненно домусульманского происхождения, см. *Чаганиан* <выше, стр. 558>) упоминается в *Ҳудӯд ал-ʿālam* (л. 9а), написанном в 372/982-83 г., и сохранилось еще в VIII/XIV в. (Шереф ад-дин Йезди, I, 196).

ЧАРДЖУЙ

Чāрджӯй [1] — современное название древнего Амуля (см. Streck, *Āmul*) на Оксе. Свое нынешнее название город получил, по-видимому, в тимуридское время; Бабур (*Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 58б) в своем рассказе о событиях 903/1497-98 г. упоминает переправу Чарджу (Чāрджӯ гюзери). В 910/1504 г. крепость Чарджу (Мухаммед-Салих, *Шейбāнӣ-нāме*, изд. Мелиоранского, 197, — Чāрджӯ калʿасӣ; в персидском *Шейбā-нӣ-нāме* Бенаи — сообщено Самойловичем, *Шейбани-намэ*, стр. 0173, — қалʿа-и Чахāрджӯй) вынуждена была сдаться узбекам.

При узбецком владычестве, так же как и в средневековье, здесь находилась важнейшая переправа через Окс; для этой цели здесь постоянно держали наготове лодки; для больших масс войск, как, например, для войска Надир-шаха в 1153/1740 г., иногда наводили плавучие мосты. Однако Чарджуй в это время, насколько известно, ни в одном источнике не упоминается как большой город или как резиденция какого-нибудь царевича или значительного наместника. И в 1832 г., когда здесь был Бернс (*Travels*, vol. III, p. 7 sq.), городом управлял один калмык; число жителей составляло не более 4000—5000 человек, которые в жаркое время года вели по большей части кочевую жизнь на берегу Окса. На холме, господствующем над городом, стояла красивая цитадель. Для торговли город не имел большого значения; на базаре имелись лишь малоценные товары.

Бернс, несомненно, заслуживает больше доверия, чем Иосиф Вольф (*Narrative*, p. 162 sq.), который писал в 1844 г., что Чарджуй 14 лет назад, следовательно в 1830 г., имел население в 20 000 душ и лишь позже из-за разбоя хивинцев превратился в маленькое местечко примерно с 2000 жителей. Пока старая караванная дорога из Персии через Мерв в Бухару оставалась неспокойной из-за хивинцев и туркмен, здесь, конечно, не мог развиться большой город. Еще в 1879 г., когда Мушкетов (*Туркестан*, т. I, стр. 606 и сл.) посетил Чарджуй, обстановка оставалась прежней, хотя в то время бухарский наследник (тюря-джан) жил в Чарджуе. Кроме цитадели и (очевидно, вновь выстроенного) зáмка тюря-джана здесь были только бедные хижины. Туркменские разбойники совершали набеги почти до самого города; зарослями в 50 *км* от Чарджуя, откуда жители

[1] ⟨Современное написание — Чарджоу.⟩

привозили дрова, можно было пользоваться только под защитой войск.

В 1884 г. мервским туркменам пришлось подчиниться русским; старая караванная дорога была заменена железной дорогой, которая уже в 1886 г. достигла Аму-Дарьи. Значение Чарджуя было этим быстро поднято; теперь город, резиденция бухарского бека, имеет около 15 000 жителей. В 17 *км* от старого Чарджуя, около железнодорожной станции Аму-Дарья, на участке, подаренном русскому правительству бухарским эмиром, возник русский Чарджуй, ныне город с 4000—5000 жителей[2], местопребывание русского воинского начальника. Новый железнодорожный мост, открытый в 1901 г., имеет в длину почти 2 *км* и является крупнейшим сооружением подобного рода на русской территории. Город имеет значение также и для судоходства: отсюда идут пароходы вниз до Петро-Александровска [3] и вверх до Термеза. Торговля находится по большей части в руках армян. Своим положением на железной дороге и одновременно на берегу большой судоходной реки Чарджуй отличается от всех других более крупных городов Туркестана; поэтому по одному проекту, разработанному в 1894 г., местопребывание русских властей должно было быть перенесено из Ташкента в Чарджуй; однако потом этот проект был оставлен. Из-за жаркого лета хлеба и фрукты в районе Чарджуя созревают раньше, чем в других частях страны; чарджуйские дыни считаются лучшими в Туркестане.

---

[2] ⟨По переписи 1959 г. в Чарджоу—66 тыс. жителей.⟩

[3] ⟨Ныне город Турткуль.⟩

ЧИМКЕНТ

Чимкент — уездный город в Русском Туркестане, 42°18′ с. ш. и 69°36′ в. д. от Гринвича, 503 *м* над уровнем моря, на правом берегу Бадама, впадающего в Арыс, один из притоков Сыр-Дарьи. Ко времени русского завоевания (1281/1864 г.) город имел окружность около 6 *км* и был окружен невысокой глинобитной стеной; на высоком холме на юго-востоке находилась цитадель. По первой русской переписи (вскоре после завоевания) город состоял из 756 домов, по новейшим переписям число домов в старом городе составляет 1886, в русской части города — 105. Чимкент имеет теперь около 12 500 жителей, из них 800 русских и 150 евреев[1]. Живописно расположенный город отличается от большинства других городов Средней Азии умеренным климатом и превосходной водой и как климатический курорт летом посещается многими русскими семьями из Ташкента. Около Чимкента соединяются почтовые и военные тракты на Ташкент из Европейской России (через Оренбург, Казалинск и Туркестан) и из Сибири (через Верный [2] и Аулие-Ата [3]), вследствие чего город имел раньше некоторое значение для торговли; железной дорогой Оренбург—Ташкент, открытой в 1905 г., Чимкент не затронут. Торговлей, как и повсюду в Туркестане, по большей части занимаются татары (ногайцы).

В Чимкентском уезде с последнего десятилетия XIX в. имеется 17 русских деревень, почти все они довольно зажиточны. Из туземных селений важнейшее Сайрам—Асбиджаб или Асфиджаб арабских географов (теперь произносится Исфиджаб, в персидских рукописях часто Синджаб), со множеством старинных гробниц, теперь имеет значение в основном из-за конской ярмарки.

Из злаков в особенности возделывается пшеница, лучшие сорта в Сайраме и в русских деревнях. С 1897 г. имеются также хлопковые плантации, особенно в непосредственных окрестностях Чимкента; прежде считалось, что в этой части Туркестана вследствие ее северного положения возделывание хлопка невозможно; в первый год урожай составил 320 000 *кг*, впоследствии до 800 000 *кг*. Чимкентский уезд в настоящее

[1] ⟨По переписи 1959 г. — 153 тыс. жителей.⟩

[2] ⟨Ныне Алма-Ата.⟩

[3] ⟨Ныне Джамбул.⟩

время единственное место в мире, где сохранилось лекарственное растение Artemisia cinae, из которого изготовляют сантонин; вся годичная выработка идет в Гамбург; там, а не в России устанавливаются цены для всего мира.

Уже в *Зафар-нāме* Шереф ад-дина Йезди (I, 166) Чимйкент (sic) упоминается как «деревня около Сайрама»; также в более поздних литературных источниках, по крайней мере вплоть до первой половины XVIII в. (в 1723 г. Сайрам был завоеван калмыками), в качестве «города» этого района постоянно выступает Сайрам, а не Чимкент; изменения, вследствие которых Чимкент возвысился до города, а Сайрам превратился в деревню, произошли, по всей вероятности, только за последние два столетия. В 1864 г. Сайрам был полностью разграблен в наказание за предательское нападение на небольшой русский отряд.

Литература. О положении в первое время после завоевания: Пашино, *Туркестанский край*, стр. 76 и сл. О современном положении особенно: Гейер, *Путеводитель*, стр. 185 и сл., 202 и сл., 214 и сл. О хлопковых плантациях также: Barthold, *Russische Arbeiten*, S. 170. О Сайраме и его окрестностях: Бартольд. *Отчет о командировке в Среднюю Азию*, стр. 339 и сл.

ЧОПАН-АТА

Чӯпӑн-Атӑ (тюрк. 'Отец-пастух') — холмистая гряда на южном берегу Зеравшана около Самарканда. Нынешнее название несомненно связано с легендой, сообщаемой в *Китӑб-и ḳандийа*. Сообщается, будто более чем за 1000 лет до Мухаммеда Самарканд был осажден вражеским войском; жители молили бога и его пророков о помощи; когда они проснулись на следующее утро, то никаких следов вражеского войска не было, зато теперь перед городом находилась гора, которую никто прежде не видел; на горе какой-то пастух пас своих овец. Выяснилось, что по божьему повелению гора была перенесена сюда за одну ночь из Сирии и накрыла все войско осаждающих, со всеми лошадьми, оружием и припасами, так что никто не спасся. В других рассказах Чопан-Ата выступает как мусульманский святой. Когда возникла легенда и связанный с ней культ, неизвестно; сооружение купольной гробницы, которая сейчас находится на вершине Чопан-Ата, приписывается Тимуру [1]. Как географическое название слово Чопан-Ата не удается засвидетельствовать до XIX в.; даже в XII/XVIII в. литературный язык знал, по-видимому, только средневековое название этой гряды — Кухек (перс. 'Горка'). Из-за значения Чопан-Ата для течения Зеравшана (сооруженная там плотина, которую ежегодно ремонтируют, регулирует орошение всей долины Зеравшана западнее Самарканда) название Кухек было перенесено даже на саму реку; нынешнее ее название в литературном языке вошло в употребление лишь с XII/XVIII в.

Около Чопан-Ата, недалеко от нынешнего железнодорожного моста длиной 120 *м*, сохранились еще развалины средневекового моста; во время русского завоевания здесь еще стояли две арки, теперь — одна. К какому времени относится эта постройка, невозможно установить с достоверностью [2]; народ приписывает ее, как и все выдающиеся постройки в Туркестане, либо Тимуру, либо Абдулла-хану; однако подобная постройка любого из этих государей непременно была бы упомянута в исторических известиях. Быть может, это мост саманидского времени,

[1] ‹Особенности архитектуры позволяют датировать этот мавзолей XV в. (Гулямов, *Чупан-ата*, стр. 33.›

[2] ‹Скорее всего это вододелитель, относящийся к XV—XVI вв., но точная датировка по-прежнему неясна (см. Бабаханов, *О древних водохозяйственных сооружениях*, стр. 43.›

названный у Ибн Хаукаля (371,$_{13}$) Джирд; однако и это невозможно доказать, ибо арабские географы сообщают о течении Зеравшана лишь чрезвычайно запутанные сведения и явно смешивают главное русло с каналом Сияб (подробнее см. в статье *Самарканд*[3]).

1(13) мая 1868 г. войска бухарского эмира заняли позицию на этих высотах, чтобы отразить наступление русских под командованием К. фон Кауфмана, но были выбиты из их сильных позиций без особого труда и с небольшими потерями (2 убитых и 31 раненый), после чего на следующий день Самарканд сдался победителю.

Литература. См. особенно работы Вяткина в СКСО, вып. VI—VIII ⟨Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина; Вяткин, *Материалы*; Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина⟩, а также Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского; Панкратьев, *Исторические памятники Самарканда*, фото № 31 (изображение купольной гробницы на вершине Чопан-Ата) и № 38 (изображение обеих арок моста).

[3] ⟨По-видимому, В. В. Бартольд ссылался на статью о Самарканде, которую он собирался написать для EI, так как в статье Шедера (*Samarḳand*) об этом ничего не говорится.⟩

ЧУ

Чу — река в Русском Туркестане, вытекает из гор Терскей-Алатау и называется в своем верхнем течении Кочкар, приближается к западной оконечности Иссык-Куля на расстояние около 6 *км* и отделяет к этому озеру проток Кутемалды; сама река прорывается через ущелье Буам (Бӯгӑм), принимает справа Большой и Малый Кебин [1], слева — Аксу и Курагаты с их притоками и, пройдя около 920 *км*, впадает в небольшое озеро Саумал-куль, расположенное в 110 *км* от русла Сыр-Дарьи. Чу образует северную границу Сыр-Дарьинской области, отделяя ее от соседних Семипалатинской и Акмолинской областей, а на востоке — частично также от Семиреченской области.

От впадения Курагаты и до Саумал-куля Чу течет через безотрадную пустыню, которая никогда не имела никакого экономического значения; и сейчас берега реки в этом месте только зимой посещаются кочевниками. Зато пастбища в верхнем течении реки всегда имели большое значение для кочевых народов; ниже Буамского ущелья географические условия способствуют также развитию земледелия, поэтому здесь уже в очень раннее время возникли оседлые поселения; вода для орошения берется, как и в бассейнах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, по большей части не из главной реки, а из ее притоков.

Уже в домусульманское время, в VII в. н. э., здесь были селения и даже торговый город. Как свидетельствуют путевые записки Сюань Цзана эта культура возникла под влиянием культуры Трансоксании; Сюань Цзан рассматривает страну от Чу до берегов Аму-Дарьи как единую культурную область [2]. В то время через Чуйскую долину вели два больших торговых пути из Китая в Западную Азию: один через долину Или и перевал Кастек, другой через Китайский Туркестан до Аксу и оттуда через перевал Бедель и по южному берегу Иссык-Куля. В бассейне Чу до сих пор сохранились с домусульманского времени отдельные географические названия, вроде названия селения Мерке и реки Ашпара [3].

В древнейших арабских дорожниках (Ибн Хордадбех, текст, 29; Кудама, текст, 206) в этой же местности упоминается уже ряд городов,

[1] ⟨На современных картах: Чонкемин и Малый Кемин, ущелье — Боамское.⟩

[2] ⟨О роли согдийцев в процессе возникновения этого единства см. Бернштам, *Согдийская колонизация Семиречья.*⟩

[3] ⟨Городище на этой реке также сохранило название Ашпара.⟩

среди них Невакет [4], упоминаемый также у Табари (II, 1593 и сл.). Арабскими завоевательными походами долина Чу была затронута только на крайнем западе, да и то мимоходом (поход против Кулана, ныне Тарты [5], в 194/810 г., упомянутый у Ибн ал-Асира, изд. Торнберга, VI, 164); ислам нашел сюда дорогу, по-видимому, только во времена Саманидов. Сама Чу (в китайских источниках: Суй-е или Суйше) до монгольского времени не упоминается в мусульманской литературе; однако название города Суяб [6] (*суй*+перс. *аб* 'вода', 'река') несомненно связано с названием реки. Упоминаемое у Гардизи (у Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 89) название Буамского ущелья — Джиль — очевидно, сохранилось в нынешнем Джил-арык (так теперь называется вход в ущелье); слово *джӣль*, по Гардизи, означает 'узкий' (вероятно, в местном диалекте). Название Бӯрӑм впервые встречается у Шереф ад-дина Йезди (I, 274), также и название Кочкар.

В долине Чу, около города Баласагуна (см. ⟨выше, стр. 355⟩), вплоть до монгольского завоевания находилась резиденция большинства кочевых владетелей Туркестана, как мусульманских илек-ханов (или одной из ветвей этой династии), так и с VI/XII в. языческих завоевателей из народа кара-китаев. Почти все завоеватели восточноазиатского происхождения, опустошавшие западную часть Средней Азии, прошли через эту область. Восстание против кара-китаев в 607/1210 г. и разрушение города Баласагуна, вероятно, имело тяжелые, хотя и преходящие, последствия и для остальных поселений. В 1218 г. область без сопротивления подчинилась монголам. Тремя годами позже китаец Чан-чунь переезжал Чу по деревянному мосту; непосредственно южнее перевала Кастек в то время находился небольшой мусульманский город, между Чу и Таласом — ряд селений; кроме хлебопашества здесь занимались также виноградарством и шелководством. Еще в 1259 г. китаец Чан Дэ нашел здесь многочисленное население, но уже и множество развалин, что, по-видимому, указывает на некоторый упадок культуры. Согласно Рашид ад-дину (отрывок, приведенный у Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 38, прим. 2, отсутствует в большинстве рукописей, а также в издании Блоше), еще в его время «Чуй» был областью с множеством селений, которой управляла принцесса Хутулун, дочь хана Хайду, умершего в начале 701/осенью 1301 г.

К тому же времени (VII—VIII/XIII—XIV вв.) относятся, как доказывают датированные надгробные надписи, христианские кладбища, открытые в 1885—1887 гг. около Пишпека и Токмака. Что местность по Чу имела некоторое значение для истории несторианского христианства, до-

---

[4] ⟨А. Н. Бернштам отождествляет его с городищем у с. Орловка (*Чуйская долина*, стр. 19)⟩.

[5] ⟨Ныне с. Луговое⟩.

[6] ⟨Вероятно, городище у с. Новороссийского (*Чуйская долина*, стр. 19 и 21—22).⟩

казывает титул митрополита Кашгара в каталоге Амра: «Metropolita Chasemgarae et Nuachetae» (очевидно, упомянутый выше Невакет). Надгробные надписи составлены частью по-сирийски, частью по-тюркски (сирийским шрифтом); в той же местности найдена также армянская надпись того же времени. Неизвестно, когда и как это христианство было окончательно уничтожено исламом. Католический монах Пасхалис говорит о религиозном гонении в 1338 г.; в следующем году жертвой этого же гонения пало несколько католических миссионеров. Согласно надписям, кроме того, страну в те же годы постигла чума (как предполагают, это была та же самая «черная смерть», которая появилась в Западной Европе девятью годами позже); однако об этом ничего не сообщают ни Пасхалис, который во время своего путешествия из Ургенча в Алмалык должен был пройти и эту область, ни исторические источники.

Во всяком случае для культуры этой области, как мусульманской, так и христианской, роковыми оказались постоянные войны и распри из-за престола VIII/XIV в. (см. Barthold, *Čaghatāi-Khān*, S. 849; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 538⟩). Уже в истории походов Тимура на Чу не упоминается ни городов, ни деревень. Ко времени Мухаммед-Хайдера, автора *Та'рīх-и Рашīдī* (около середины X/XVI в.), в этой местности были лишь руины старых городов; даже их названия не были известны. Мухаммед-Хайдер упоминает надгробную надпись 711/1311-12 г. и несколько зданий, которые все лежали в развалинах, среди них один минарет, одно медресе и несколько купольных построек; руины назывались Манара, очевидно по самой высокой постройке. Сейчас здесь (недалеко от Токмака) из средневековых построек сохранилась лишь высокая башня под названием Бурана. Башня неоднократно описывалась и воспроизводилась (см., напр., у Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, табл. VI), и ее следует рассматривать, по всей вероятности, как минарет пятничной мечети; даже само название, вероятно, возникло, как предполагает Петровский (*Башня «Бурана»*, стр. 352), из арабского *манāра*.

Вплоть до XIX в. в долине Чу сменяли друг друга различные кочевые племена; в течение некоторого времени область находилась под властью язычников-калмыков; да и их преемники, тюрки кара-киргизы, перед русским завоеванием были лишь поверхностно затронуты исламом. После того как кокандским ханам удалось подчинить себе все кочевые народы по нижнему течению Сыр-Дарьи до бассейна Или, на Чу и ее притоках из Мавераннахра вновь были основаны отдельные поселения, среди них также две крепости: Пишпек [7] (у кокандских историков Пишкек) и Токмак. Когда русские проникли через перевал Кастек (Аштек кокандских историков) в Чуйскую долину, обе крепости были завоеваны и уничтожены в 1860 г. При русской власти Пишпек как уездный центр являлся главным городом этого района. Теперь из Пишпека в северном направле-

[7] ⟨Ныне Фрунзе, столица Киргизской ССР.⟩

нии через Чу и удобный перевал Курдай идет почтовый тракт в долину Или; старая дорога через Токмак и перевал Кастек более не используется, поэтому район около нынешнего Токмака, севернее и южнее реки, не имеет уже больше такого значения, как в средние века. В последние десятилетия здесь поселилось большое количество переселенцев из Европейской России; дунганам, бежавшим из Китайского Туркестана, также отведены земли в долине Чу.

Литература. *Жизнеописание Сюань Цзана*, пер. Жюльена; Сюань Цзан, пер. Жюльена; Chavannes, *Documents*; Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*; его же, *Очерк истории Семиречья*; Bretschneider, *Researches*, vol. I—II, особенно vol. I, p. 71 sq., vol. II, p. 129 sq.; Chwolson, *Syrisch-nestorianische Grabinschriften*; Марр, *Надгробный камень*; Коковцов, *К сиро-тюркской эпиграфике*; Мосхейм (особенно прилож. № XCII); Мухаммед-Хайдер, см. особенно 364 и сл., где ошибочно «Jud» вместо «Čū», указанного в качестве возможного чтения только в одном примечании; Бартольд, *Извлечение*. ⟨*Чуйская долина*; Кожемяко, *Раннесредневековые города*; Кыласов, *Работы Чуйского отряда*.⟩

ШИРВАН

Ширва̄н, пишется также Ширва̄н и Шарва̄н (так у Якута, *Му'джам*, III, 282, $_{7}$, вслед за Сам'ани, изд. Марголиуса, л. 333а),— область на западном берегу Каспийского моря, к востоку от Куры, первоначально часть древней Албании или раннесредневекового Аррана (см. ‹выше, стр. 334›). По сообщению Истахри (192=Якут, *Му'джам*, III, 317, $_{19}$), через Ширван шел путь от Берда'а (см. ‹выше, стр. 372—373›) через Шемахию (у Якута: Шама̄хя) на Дербент (см. ‹выше, стр. 419—430›). Расстояние между Шемахией и «Шарва̄ном» составляло, по словам Истахри, 3 дневных перехода; в некоторых рукописях и у Якута вместо «Шарва̄н» стоит «Ша̄бера̄н»; в анонимной *Худӯд ал-'а̄лам* (л. 33б) Шаберан (написано «Ша̄вера̄н») назван в качестве главного города (*каṣаба*) Ширвана. Этот путь, так же как и расположенные на нем города, потерял свое значение лишь после постройки транскавказской железной дороги. Шаберан упоминается как город еще в рассказе о турецких завоеваниях 1578 г. (Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd II, S. 485); в следующем веке в качестве резиденции хана этой области появляется новый город — Куба (или Кӯба), примерно в 25 *км* северо-западнее Шаберана. Уже в 1770 г. Гмелин обнаружил в Шаберане только «печальные» остатки прежнего, тогда совершенно запустевшего города (Gmelin, *Reise*, Bd III, S. 36); однако его значение для торговых сношений перешло к Кубе. Еще в 1851 г. наместник Воронцов ехал из Дербента в Тифлис через Кубу, Шемаху и Гянджу (*Архив князя Воронцова*, XL, стр. 405).

Шемахи,'русск. Шемаха,— позднейшая столица Ширвана — была, как сообщают, основана в мусульманское время и получила свое название по имени Шаммаха б. Шуджа', «царя Ширвана» во время наместничества Са'ида б. Сельма (современника халифа Харуна ар-Рашида; см. Я'куби, *Та'рӣх*, II, 517 и сл., и Табари, III, 648) (Балазури, 210). Как область ширваншаха (см. ‹наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 875—878›) Ширван включал страну от Куры до Дербента; эти же самые границы приводятся для Ширвана и в монгольское время (Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, изд. Ле Стрэнджа, текст, 92, $_{7}$). Столица Шемаха имела тогда, как и позднее, значение в особенности как центр производства шелка и торговли им.

После уничтожения ширваншахов Сефевидами Ширван составлял провинцию новоперсидской державы и обычно управлялся ханом, который часто именовался также беглербегом или *амӣр ал-умара̄'*. Жители

неоднократно поднимались против владычества шиитской династии и как сунниты требовали помощи турецкого султана. В 1578 г. Ширван вместе с другими кавказскими странами также был завоеван турками, удержан ими после военных действий, шедших с переменным успехом, и по условиям мирного договора 1590 г. отошел султану. При турецком господстве Ширван разделялся на 14 санджаков; к нему относились как Шекки на северо-западе, так и Баку на юго-востоке, т. е. почти весь средневековый Ширван (Дербент, давно уже отделенный от Ширвана, образовывал особое наместничество). Персидское владычество было окончательно восстановлено лишь в 1607 г. В том же веке Куба и Салиан были переданы как особое княжество переселившимся к югу кайтакам (ср. *Дагестан* ‹выше стр. 413›). В 1722 г. кубинский хан Хусейн-Али покорился Петру Великому и был утвержден в своем звании. По договору 1724 г. между Россией и Турцией прибрежный район с Баку, занятый русскими, впервые был отделен в политическом отношении от оставленной за турками остальной части Ширвана со столицей Шемахой. Это разделение в управлении сохранилось и после воссоединения обеих частей с Персией. Еще по договорам 1732 г. береговая область севернее устья Куры была оставлена русским, а остальные части Ширвана и Дагестана — туркам; лишь после того как Надир-шах силой отнял у турок их завоевания (взятие Шемахи — 22 октября 1734 г.), русские добровольно уступили ему прибрежный район [Гянджинский договор от 10(21) марта 1735 г.]. После смерти Надир-шаха персидское господство в этих областях больше не могло быть удержано; возникло несколько независимых княжеств; теперь названием Ширван обозначалось только владение шемахинского хана, которое впоследствии, при русском управлении, было разделено на три округа (Шемахинский, Гёкчайский и Джавадский). Кубинскому хану Фатх-Али (1758—1789) удалось подчинить себе как Дербент, так и Шемаху, так что в его лице, как замечает Дорн, «появился настоящий ширваншах». Последние годы своего правления Фатх-Али носился с мыслью подчинить своей власти самую Персию и взойти на престол властелинов Ирана. Когда Каджарам удалось восстановить единство Персии, сыновья хана столь же мало могли отстоять свою независимость, как и прочие кавказские правители, и должны были выбирать между Россией и Персией. Генерал Зубов, посланный Екатериной II, уже продвинулся до Куры ниже Джавада, когда и он, и его армия были отозваны императором Павлом (1796 г.). Хан Ширвана (Шемахи) Мустафа, который вступил в сношения еще с Зубовым, в 1805 г. подчинился русским, которые на следующий год заняли также Дербент и Баку (1806 г.); однако вскоре он попытался вновь сблизиться с персами и получить от них помощь. По Гюлистанскому мирному договору 12(24) октября 1813 г. Персия отказалась от Дербента, Кубы, Ширвана и Баку; невзирая на это, Мустафа поддерживал тайные связи с Персией как до того, так и позднее. Только в 1820 г. его владения были заняты русскими войсками; хан бежал в Персию, и Шемаха была вклю-

чена в состав России. Возобновление войны в 1826 г. было использовано как Мустафой, так и прежним бакинским ханом — Хусейном — для попытки подстрекнуть своих подданных к выступлению против России, но безуспешно. С 1840 г. прежнее владение ширванского хана было снова объединено в одну административную область с Кубой и Баку (сначала Каспийская область, с 1846 г. — Шемахинская губерния, с 1859 г., после разрушения Шемахи одним из частых там землетрясений, — Бакинская губерния). Ныне древний Ширван составляет часть Азербайджанской Советской Республики со столицей Баку; деление на губернии упразднено, окружное — сохранилось. Старая столица Ширвана еще около середины XIX в. имела больше населения, чем Баку; согласно Риттеру (*Lexicon*), в Шемахе было 21 550, в Баку — 10 600 жителей. В 80-е годы соотношение было уже обратным (Вейденбаум, *Путеводитель*, стр. 342 и 396: Баку — 45 679, Шемаха — 28 545); теперь Шемаха в сравнении с Баку — маленький город (в 1917 г.: Баку — 231 100, Шемаха — 27 800 жителей) [1].

Литература. См. в особенности Dorn, *Beiträge*, II. ⟨Minorsky, *Sharvān.*⟩

[1] ⟨По переписи 1959 г. в Шемахе — 13 тыс. жителей; о Баку см. выше, стр. 352, прим. 1.⟩

ПРИЛОЖЕНИЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века

Напечатано: В. Бартольд, *Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших времен до XVII века*, — ИТОРГО, т. IV, Научные результаты Аральской экспедиции, снаряженной ТОИРГО, вып. II, Ташкент, 1902, 2 *нн.*, 120 стр.

Автореферат: MSOS, Jg. VI, Abt. 2, 1903, S. 211—212.

Немецкий перевод: W. Barthold, *Nachrichten über den Aral-See und den unteren Lauf des Amu-darja von den ältesten Zeiten bis zum XVII. Jahrhundert*. Deutsche Ausgabe mit Berichtigungen und Ergänzungen vom Verfasser... übers. von H. von Foth, Leipzig, 1910 («Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturkunde», hrsg. . . . durch R. Stübe, Bd II). XV, 79 S., 1 Karte.

Рец.: A. Herrmann, Pet. Mitt., Bd 59, 1913, H. 11, S. 70—75; J. Weiß, «Mitteilungen der K. K. Geographischen Gesellschaft in Wien», Bd 54, 1911, S. 561—563; M. Friederichsen, «Geographische Zeitschrift», Jg. 17, Leipzig, 1911, S. 420—421.

Печатается по тексту русского издания 1902 г. с учетом поправок и дополнений в немецком переводе. Предисловие к немецкому изданию на русском языке публикуется впервые.

К истории орошения Туркестана

Напечатано: В. В. Бартольд, *К истории орошения Туркестана*, — «Сельское хозяйство и лесоводство», 1914, т. CCXLIV, № 1, стр. 5—33; № 2, стр. 211—226; № 3, стр. 405—429; № 4, стр. 595—626; т. CCXLV, № 5, стр. 5—31; № 6, стр. 189—215. То же: *К истории орошения Туркестана*. Составил В. В. Бартольд, СПб., [1914], 174 стр.

Рец.: Н. С., «Журнал опытной агрономии», т. XVI, 1915, кн. 3, стр. 187—188; В. Милованов, ПТКЛА, год XX, 1916, стр. 53—67.

Узбекский перевод: Turkestanin suwghariliši terichi, Samarqand — Taškent, 1926, перевод Якуба Амана.

Печатается по тексту отдельного издания 1914 г.

Туркестанский край в XIII веке

Напечатано: ТВ, 1894, № 43 (16/28.VI), 44 (19. VI/1. VII).

Рецензия: Известия Туркестанского отдела Императорского Русского Географического общества, т. I, 1899, вып. II

Напечатано: ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 0115—0117.

Отзыв о трудах Николая Федоровича Ситняковского

Напечатано: Отчет ИРГО за 1901 год, СПб., 1902, стр. [42]—[43].

К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море

Напечатано: ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 024—028.
Автореферат: MSOS, Jg. VI, Abt. 2, 1903, S. 201.
Рец.: Возражение А. В. Комарова в ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. XI—XII; [Н. Маллицкий], ТВ, 1902, № 35 (2/15. V).

Мерверрyд

Напечатано: ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 028—032.

К истории Хорезма в XVI в.

Напечатано: ТВ, 1903, № 20 (9/22. III). «Поправка»: ТВ, 1903, № 31 (17/30. IV). Печатается с учетом «Поправки».

Дорожник от Бистама до Куня-Ургенча

Доклад в Восточном отделении РАО, неопубликован.
Реферат: ЗВОРАО, т. XV, 1904; стр. VI—VII.
Печатается по рукописи доклада: Архив АН СССР, ф. 68. оп. 1, № 62.

Рецензия: Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, 1902

Напечатано: ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 050—056.

Джу-н арзиз

Напечатано: ТВ, 1904, № 45 (9/22. IV).

Рецензия: G. Le Strange, The Lands of the Eastern Caliphate, Cambridge, 1905.

Напечатано: ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0102—0107.

По поводу статьи А. Д. Калмыкова

Напечатано: ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0174—0176.

Рецензия: Э. Р. Барц, Орошение в долине реки Мургаба и Мургабское Государево именье, СПб., 1910

Напечатано: ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 087—089.

Рецензия: Справочная книжка Самаркандской области, вып. X, 1912

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 0143—0145.

Рецензия: Л. С. Багров, Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря, СПб., 1912

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 0145—0150.

Рецензия: W. Rickmer Rickmers, The Duab of Turkestan, Cambridge, 1913

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 228—231.

Рецензия: Albert Herrmann, Alte Geographie des unteren Oxusgebiets, Berlin, 1914

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 357—361.

Рецензия: В. Ф. Караваев, Голодная Степь в ее прошлом и настоящем, Пг., 1914

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 413—419.

Будущее Туркестана и следы его прошлого

Напечатано: «Известия Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 66—69.

Азак[1] (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Azaḳ, EI, I, S. 550.

Ак-Мечеть (перевод О. Г. Большакова; опущен абзац об Ак-Мечети — Симферополе)

Напечатано: Aḳ Masdjid, — EI, I, S. 237—238.
Турецкий перевод: Akmescid, — İA, c. 1, ss. 270—271.
Второе издание: EI², I, p. 312 (сокращено до нескольких фраз).

Ак-Сарай (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Aḳ Sarāi, — EI, I, S. 238.
Турецкий перевод: Aksaray, — İA, c. 1, s. 274.
Второе издание: EI², I, p. 322.

Аксу (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Aḳ Ṣu, — EI, 1, S. 239—240.
Турецкий перевод: Aksu, — İA, c. 1, ss. 274—275.

Алтай (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Altai, — EI, I, S. 337—338.
Турецкий перевод: Altai, — İA, c. 1, s. 387.

Алты-шехр (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Alti-Shehr, — EI, I, S. 338.
Турецкий перевод: Alti-şehir, — İA, c. 1, s. 389.
Второе издание: EI², I, p. 435 (с сокращениями).

Аму-Дарья (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Āmū-Daryā, — EI, I, S. 356—359.

[1] Все статьи из «Энциклопедии ислама» на русском языке публикуются впервые; переводы (с немецкого) сделаны по тексту первого издания. Для первого издания «Энциклопедии ислама» страницы указываются везде по немецкому изданию, для второго издания — по английскому.

Андижан (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Andidjān, — EI, I, S. 369.
Турецкий перевод: Endican, — İA, c. 4, ss. 268—269.

Ани (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Ānī, — EI, I, S. 371—373.
Турецкий перевод: Ani, — İA, c. 1, ss. 435—437.
Второе издание: EI², I, pp. 507—508 (с поправками и дополнениями В. Ф. Минорского, с двумя подписями: В. Бартольда и В. Минорского).

Аральское море (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Aral-See, — EI, I, S. 436—437.

Арран (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Arrān, — EI, I, S. 478—479.

Астрахань (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Astrakhan, — EI, I, S. 513—514.

Атек (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Atek, — EI, I, S. 524.
Турецкий перевод: Etek, — İA, c. 4, s. 398.
Второе издание: EI², I, p. 735.

Атрек (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Atrek, — EI, I, S. 533.
Турецкий перевод: Etrek, — İA, c. 4, ss. 398—399.

Аулие-Ата (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Awliyā-Atā, — EI, I, S. 538.
Турецкий перевод: Evliya-Ata, — İA, c. 4, ss. 399—400.
Второе издание: EI², I, p. 767 (с дополнениями Б. Шпулера, с двумя подписями: В. Бартольда и Б. Шпулера).

Ахал-теке (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Akhāl Tekke, — EI, I, S. 242—243.
Турецкий перевод: Ahal Teke, — İA, c. 1, s. 155.
Второе издание: EI², I, p. 320 (в переработке Б. Шпулера, с двумя подписями: В. Бартольда и Б. Шпулера).

Ахсикет (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Akhsīkath, — EI, I, S. 247.
Турецкий перевод: Ahsiket, — İA, c. 1, s. 226.

Бадахшан (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Badakhshān, — EI, I, S. 574—576.

Турецкий перевод: Bedahşan, — İA, c. 2, ss. 435—438.

Второе издание: EI², I, pp. 851—853 [с дополнениями А. Беннигсена и Каррер д'Анкос (добавлен раздел о Горно-Бадахшанской автономной области и пополнена библиография); с тремя подписями: В. Бартольда, Беннигсена и Каррер д'Анкос].

Бадгис (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Bādghīs, — EI, I, S. 577—578.

Турецкий перевод: Bâdgis, — İA, c. 2, s. 192.

Второе издание: EI², I, p. 857 (с незначительными дополнениями Ф. Р. Олчина, с двумя подписями: В. Бартольда и Ф. Р. Олчина).

Байкал (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Baikal, — EI, I, S. 617—618.

Турецкий перевод: Baykal, — İA, c. 2, ss. 400—401.

Баку (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Bākū, — EI, I, S. 633—634.

Балаклава (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Balaklava, — EI, I, S. 637—638.

Турецкий перевод: Balaklava, — İA, c. 2, s. 269.

Баласагун (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Balāsāghūn, — EI, I, S. 639—640.

Второе издание: EI², I, p. 987 (в обработке, с сокращением, Дж. А. Бойля, с двумя подписями: В. Бартольда и Дж. А. Бойля).

Балханы (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Balkhān, — EI, I, S. 649.

Турецкий перевод: Balhan, — İA, c. 2, ss. 274—275.

Второе издание: EI², I, p. 1002 (в обработке, со значительным сокращением, Б. Шпулера, с двумя подписями: В. Бартольда и Б. Шпулера).

Балх-аш (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Balkhash, — EI, I, S. 649—650.

Турецкий перевод: Balhaş, — İA, c. 2, s. 285.

Второе издание: EI², I, p. 1003 (в обработке, с сокращениями и небольшими дополнениями, А. Беннигсена, с двумя подписями: В. Бартольда и А. Беннигсена).

Балык (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Bālik̲, — EI, I, S. 645.

Второе издание: EI², I, p. 993.

Бамиан (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: *Bāmiyān*, — EI, I, S. 669—670.
Турецкий перевод: *Bâmiyân*, — İA, c. 2, ss. 296—298.
Второе издание: EI², I, pp. 1009—1010 (в обработке, с сокращениями и дополнениями, Ф. Р. Олчина, с двумя подписями: В. Бартольда и Ф. Р. Олчина).

Бараба (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: *Baraba*, — EI, I, S. 678—679.
Второе издание: EI², I, p. 1028 (в обработке, с дополнениями, А. Беннигсена, с двумя подписями: В. Бартольда и А. Беннигсена).

Бахр ал-хазар (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: *Baḥr al-Khazar*, — EI, I, S. 604.

Бахчисарай (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: *Baghče Sarāi*, — EI, I, S. 584—585.
Турецкий перевод: *Bahçesaray*, — İA, c. 2, ss. 225—227.

Бенакет (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано:*Banākit*, — EI, I, S. 671.
Турецкий перевод: *Benâkit*, — İA, c. 2, ss. 512—513.

Берда'а (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: *Bardha'a*, — EI, I, S. 683.
Турецкий перевод: *Berza'a*, — İA, c. 2, ss. 565—566.

Бишбалык (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: *Bishbalik*, — EI, I, S. 758—760.
Турецкий перевод: *Bişbalik*, — İA, c. 2, ss. 651—653.

Бухара (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: *Bukhārā*, — EI, I, S. 809—816.
Турецкий перевод: *Buhârâ*, — İA, c. 2, ss. 761—768 (кончается временем Улугбека).
Второе издание: EI², I, pp. 1293—1296 (в обработке, со значительными сокращениями и некоторыми дополнениями, Р. Н. Фрая, с двумя подписями: В. Бартольда и Р. Н. Фрая).

Бушендж (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: *Bushandj*, — EI, I, S. 836—837.
Турецкий перевод: *Bûşenc*, — İA, c. 2, ss. 825—826.
Второе издание: EI², I, pp. 1342—1343 (в обработке, с сокращениями, Б. Шпулера, с двумя подписями: В. Бартольда и Б. Шпулера).

Ганьсу (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Kansu, — EI, II, S. 770—771.
Турецкий перевод: Kansu, — İA, c. 6, ss. 160—161.

Геок-Тепе (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Gök-Tepe, — EI, II, S. 184.
Турецкий перевод: Gök-Tepe, — İA, c. 4, s. 813.

Гиждуван (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Ghudjduwān, — EI, II, S. 175.
Турецкий перевод: Gucduvân, — İA, c. 4, s. 820.

Гиссар (Хисар) (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Ḥiṣār, — EI, II, S. 336.
Турецкий перевод: Hisar, — İA, c. 4, s. 538.

Гургандж (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Gurgāndj, — EI, II, S. 194—195.
Турецкий перевод: Gürgânc, — İA, c. 4, s. 846.

Гянджа (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Gandja, — EI, II, S. 136—137.

Дагестан (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Daghestan, — EI, I, S. 924—929.

Турецкий перевод: Dağıstan. Tarih, — İA, c. 3, ss. 451—456 (опущены начало и конец).

Второе издание: EI², II, pp. 85—89 (с дополнениями А. Беннигсена, с двумя подписями: В. Бартольда и А. Беннигсена).

Дербент (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Derbend, — EI, I, S. 979—985.
Турецкий перевод: Derbend, — İA, c. 3, ss. 532—539.

Дер-и ахенин (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Dar-i Āhanīn, — EI, I, S. 958—959.
Турецкий перевод: Demir-Kapı, — İA, c. 3, ss. 522—523.

Или (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Ili, — EI, II, S. 499.
Турецкий перевод: İli, — İA, c. 5, ss. 971—972.

Иртыш (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Irtish, — EI, II, S. 559.

Иссык-Куль (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Issik-Kul, — EI, II, S. 593—594.

Казань (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Ḳazān, — EI, II, S. 896—897.

Каракорум (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Ḳaraḳorum, — EI, II, S. 792—793.
Турецкий перевод: Kara-korum, — İA, c. 6, ss. 291—292.

Каратегин (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Ḳarategin, — EI, II, S. 813—815.
Турецкий перевод: Karategin, — İA, c. 6, ss. 338—339.

Карс (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Kars, — EI, II, S. 829—830.

Каршы (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Ḳarshī, — EI, II, S. 830.

Касимов (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Kasimow, — EI, II, S. 857—858.

Кафа (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Kafa, — EI, II, S. 660—662.
Турецкий перевод: Kefe, — İA, c. 6, ss. 535—537.

Кашгар (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Kāshghar, — EI, II, S. 844—845.

Керчь (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Kerč, — EI, II, S. 916—917.
Турецкий перевод: Kerç, — İA, c. 6, ss. 582—583.

Кеш (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Kash, — EI, II, S. 842—843.
Турецкий перевод: Keş, — İA, c. 6, s. 600.

Коканд (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Khoḳand, — EI, II, S. 1035—1037.

Крым (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Ḳrîm, — EI, II, S. 1162—1163.

Кульджа (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Ḳuldja, — EI, II, S. 1193—1194.
Турецкий перевод: Kulca, — İA, c. 6, ss. 976—977.

Кура (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Kur, — EI, II, S. 1200.

Кучан (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Ḳuċan, — EI, II, S. 1170—1171.
Турецкий перевод: Kuçan, — İA, c. 6, s. 950.

Кят (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Kāth, — EI, II, S. 877.
Турецкий перевод: Kas, — İA, c. 6, ss. 372—373.

Мавераннахр (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Mā warā' al-Nahr, — EI, III, S. 484.
Турецкий перевод: Mâverâünnehr, — İA, c. 7, ss. 408—409.

Мазари-Шариф (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Mazār-i Sharīf, — EI, III, S. 499.
Турецкий перевод: Mezâr-i Şerîf, — İA, c. 8, s. 201.

Мангышлак (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Mangïshlak, — EI, III, S. 264—265.
Турецкий перевод: Mangışlak, — İA, c. 7, ss. 283—284.

Маргелан (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Marghelan, — EI, III, S. 303.
Турецкий перевод: Merginan, — İA, c. 7, ss. 760—761.

Сандабиль (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Sandābil, — EI, IV, S. 158.

Сарай (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Sarāy, — EI, IV, S. 168—169.

Сибир ва Ибир (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Sibir wa-Ibir, — EI, IV, S. 429.

Син-и Калан (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Sīn-i Kalān, — EI, IV, S. 470.

Согд (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Soghd, — EI, IV, S. 511.

Сугдак (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Sughdāḳ, — EI, IV, S. 543.

Сыр-Дарья (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Sīr-Daryā, — EI, IV, S. 481—483.

Талыш (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Talīsh, — EI, IV, S. 694—695.

Тараз (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Ṭarāz, — EI, IV, S. 720.

Тарим (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Tarim, — EI, IV, S. 728—729.

Ташкент (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Tashkent, — EI, IV, S. 745—746.

Терек (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Ṭerek, — EI, IV, S. 786—787.

Термез (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Tirmidh, — EI, IV, S. 860—862.

Тибет (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Tibet, — EI, IV, S. 803—805.

Тохаристан (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Ṭokhāristān, — EI, IV, S. 874.

Тургай (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Turghai, — EI, IV, S. 969.

Туркестан (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Turkistān, — EI, IV, S. 1048—1049.

Турфан (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Turfan, — EI, IV, S. 967—969.

Файзабад (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Faizābād, — EI, II, S. 44.
Турецкий перевод: Feyzâbâd, — İA, c. 4, s. 592.

Фараб (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Fārāb, — EI, II, S. 55.
Турецкий перевод: Fârâb, — İA, c. 4, ss. 450—451.
Второе издание: EI², II, p. 778 (в обработке Б. Шпулера, с двумя подписями: В. Бартольда и Б. Шпулера).

Фергана (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Farghāna, — EI, II, S. 64—69.
Турецкий перевод: Fergana, — İA, c. 4, ss. 558—565.
Второе издание: EI², II, pp. 790—793 (в обработке, с сокращениями, Б. Шпулера, с двумя подписями: В. Бартольда и Б. Шпулера).

Халха (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Khalkha, — EI, II, S. 958—959.

Ханбалык (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Khānbalïk, — EI, II, S. 964.

Ханса (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Khansa, — EI, II, S. 968.
Турецкий перевод: Hansa, — İA, c. 5, s. 220.

Ханфу (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Khānfū, — EI, II, S. 966.
Турецкий перевод: Hânfû, — İA, c. 5, s. 214.

Хорезм (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Khʷārizm, — EI, II, S. 974—978.

Хотан (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Khotan, — EI, II, S. 1041—1042.
Турецкий перевод: Hoten, — İA, c. 5, ss. 565—567.

Хутталь (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Khuttal, — EI, II, S. 1057.
Турецкий перевод: Huttel, — İA, c. 5, ss. 620—621.

Чаганиан (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Čaghāniyān, — EI, I, S. 845—846.
Турецкий перевод: Çagânîyân, — İA, c. 3, ss. 265—266.

Чаган-руд (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Čaghān-rūd, — EI, I, S. 846.
Турецкий перевод: Çagân-Rûd, — İA, c. 3, s. 266.

Чарджуй (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Čārdjūi, — EI, I, S. 863.
Турецкий перевод: Çârcûy, — İA, c. 3, ss. 359—360.

Чимкент (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Čimkent, — EI, I, S. 891.
Турецкий перевод: Çimkent, — İA, c. 3, s. 399.

Чопан-Ата (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Čūpān-Atā, — EI, I, S. 919.
Турецкий перевод: Çoban-Ata, — İA, c. 3, ss. 439—440.
Второе издание: EI², II, p. 61 (в обработке, с сокращениями, Б. Шпулера, с двумя подписями: В. Бартольда и Б. Шпулера).

Чу (перевод О. Г. Большакова)

Напечатано: Čū, — EI, I, S. 917—919.
Турецкий перевод: Çu, — İA, c. 3, ss. 442—443.

Ширван (перевод Л. Е. Куббеля)

Напечатано: Shīrwān, — EI, IV, S. 412—413.

СОКРАЩЕНИЯ

(периодические издания, серии, сборники, названия учреждений)

АзГНИИ — Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт.
Аз. муз. — Азиатский музей.
АзФАН — Азербайджанский филиал Академии наук СССР.
«В. В. Бартольду» — «عقد الجمان. В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927.
Брит. муз. — British Museum, Лондон.
БСЭ — «Большая Советская Энциклопедия».
ВАН — «Вестник Академии наук СССР».
ВВ — «Византийский временник», Л., М.
ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИ — «Географические известия», СПб.
ГИМ — Государственный Исторический музей, Москва.
ДАН — «Доклады Академии наук».
ДАН ТаджССР — «Доклады Академии наук Таджикской ССР».
ДАН УзССР — «Доклады Академии наук Узбекской ССР», Ташкент.
ЖМВД — «Журнал Министерства внутренних дел», СПб.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЗАН — «Записки Академии наук СССР», М.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
ЗИАН — «Записки Императорской Академии наук», СПб.
ЗИВАН — «Записки Института востоковедения Академии наук СССР», Л.
ЗИРГО — «Записки Имп. Русского географического общества», СПб. (1849—1917).
ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)», Л.
ЗКОИРГО — «Записки Кавказского отдела ИРГО», Тифлис.
ЗООИД — «Записки Одесского общества истории и древностей», Одесса.
ИАК — «Известия (Имп.) Археологической комиссии», СПб.
ИАН — «Известия Императорской Академии наук», СПб.
ИАН АзССР — «Известия Академии наук Азербайджанской ССР», Баку.
ИАН КазССР — «Известия Академии наук Казахской ССР», Алма-Ата.
ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР», М.—Л.
ИАН ТуркмССР — «Известия Академии наук Туркменской ССР», Ашхабад.
ИАН УзССР — «Известия Академии наук Узбекской ССР», Ташкент.
ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», М.—Л.
ИЗ — «Исторические записки», М.
ИИРГО — «Известия Имп. Русского географического общества», СПб.

ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана», Ташкент.
ИНА — Институт народов Азии АН СССР.
ИРАИМК — «Известия Российской Академии истории материальной культуры», Пб., Пг., Л.
ИРАН — «Известия Российской Академии наук», Пг.
ИРГО — Имп. Русское географическое общество.
ИРКСА — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», СПб.
ИСАГО — «Известия Средне-Азиатского географического общества», Ташкент.
«Ал-Искендерийя» — «الاسكندرية». Сборник Туркестанского восточного института в честь профессора А. Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898—1923 гг.)», Ташкент, 1923.
ИТОРГО — «Известия Туркестанского отдела Имп. Русского географического общества», Ташкент.
ИТУАК — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», Симферополь.
«Кауфманский сборник» — «Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I-го», М., 1910.
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция.
КСИА — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР», М.
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.
МАР — Материалы по археологии России.
МАУз — Материалы по археологии Узбекистана.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого при АН СССР.
МГУ — Московский государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИИКК — Материалы и исследования по истории киргиз и Киргизстана.
МИТТ, I—II — «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1939; т. II, XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова, М.—Л., 1938.
МСТ — «Материалы для статистики Туркестанского края», под ред Н. А. Маева, вып. I—V, СПб., 1872—1879.
«Ал-Музаффарийя» — «المظفرية». Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872—1897», СПб., 1897.
НАА — «Народы Азии и Африки», М.
НВ — «Новый Восток», М.
н. с. — новая серия.
ОАК — «Отчеты (Имп.) Археологической комиссии», СПб.
ОИФ — Отделение истории и филологии.
ОНУз — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент.
ООН — Отделение общественных наук.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Имп. Академии наук.
ПКСО — «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области», Верный.
ПКСОСК — «Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета», Верный.

ПЛНВ — Памятники литературы народов Востока.
ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент.
СА — «Советская археология», М.
САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.
СГЭ — «Сообщения Государственного Эрмитажа», Л.
СИФ — Серия истории и философии.
СИЭ — «Советская историческая энциклопедия», М.
СКСО — «Справочная книжка Самаркандской области».
СМА — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», издание Военно-ученого комитета Главного штаба, СПб.
СМАЭ — «Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при АН СССР», Л.
СМИЗО, I — В. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, I, *Извлечения из сочинений арабских*, СПб., 1884.
СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис.
Согд. сб. — «Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР», Л., 1934.
СОН — Серия общественных наук.
Средазкомстарис — Средне-Азиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.
СТАЭ — Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция.
СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
ТашГУ — Ташкентский государственный университет.
ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция.
ТВ — «Туркестанские ведомости», Ташкент.
ТВОРАО — «Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества», СПб.
ТИВАН — Труды Института востоковедения АН СССР.
ТИГАН — «Труды Института географии АН СССР», М.
ТИИ — «Труды Института истории».
ТИИА АН УзССР — «Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР», Ташкент.
ТИИАЭ АН ТаджССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР».
ТОВЭ — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», Л.
ТЧРДМ — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», СПб.
УЗЛГУ — «Ученые записки Ленинградского государственного университета».
УзФАН — Узбекский филиал Академии наук СССР.
ХВ — «Христианский Восток», СПб.
ЭВ — «Эпиграфика Востока», Л.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

«'Ajab-nama» — «عجب نامه. A volume of Oriental studies presented to Edward G. Browne on his 60th birthday (7 February 1922)», ed. by T. W. Arnold and R. A. Nicholson, Cambridge, 1922.
AKGWG — «Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Philologisch-historische Klasse.

AKM — Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, hrsg. von der Deutschen morgenländischen Gesellschaft.

BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje, pars I—VIII, Lugduni Batavorum.

BI — Bibliotheca Indica: a collection of oriental works, published by the Asiatic Society of Bengal.

BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London)».

Coll. orient. — Collection orientale. Manuscrits inédits de la Bibliothèque royale (impériale, nationale), traduits et publiés. . .

Collections scientifiques. — Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères, t. I—VIII, St.-Pbg., 1877—1897.

CRAIBL — «Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des scéances», Paris.

DI — «Der Islām», Strassburg—Berlin.

DLZ — «Deutsche Literatur-Zeitung», Berlin.

EI — «Enzyklopaedie des Islām. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker», Bd I—IV, Leiden—Leipzig, (1908), 1913—1934.

EI² — «The Encyclopaedia of Islam», New ed., vol. I — . . ., Leiden—London, 1960 — . . .

«Festschrift Nöldeke» — «Orientalische Studien Theodor Nöldeke zum siebzigsten Geburtstag (2. März 1906) gewidmet von Freunden und Schülern und in ihrem Auftrag hrsg. von C. Bezold», Bd I—II, Giessen, 1906.

FHG — *Fragmenta historicorum graecorum*. Auxerunt, notis et prolegomenis illustrarunt, indice plenissimo instruxerunt C. et Th. Mülleri, vol. I—V, Parisiis, 1841—1884.

GIPh — «Grundriss der iranischen Philologie». Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn, Strassburg, Bd I, Abt. 1, 1895—1901; Abt. 2, 1898—1901; Bd II, 1896—1904.

GJ — «The Geographical Journal», London.

GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series.

HS — Works issued by the Hakluyt Society.

İA — «İslam ansiklopedisi. İslâm âlemi tarih, coğrafya, etnografya ve biyografya lûgati» c. 1—9. . ., İstanbul, 1950—1962. . .

Ind. Of. — India Office, Лондон.

JA — «Journal asiatique», Paris.

KPAW — Kaiserliche Preussische Akademie der Wissenschaften.

MDAFA — «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan», Paris.

Mél. As. — «Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg».

MSOS — «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen an der (Königlichen) Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin».

N. F. — Neue Folge.

Notices et extraits — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi (impériale, nationale) et autres bibliothèques, Paris.

«Nouveaux mélanges orientaux» — «Nouveaux mélanges orientaux. Mémoires, textes et traductions publiés par les professeurs de l'École spéciale des langues orientales vivantes à l'occasion du Septième Congrès International des Orientalistes réunis à Vienne (septemre 1886)», Paris, 1886.

NS — New Series.

OLZ — «Orientalistische Literaturzeitung», Berlin.

PÉLOV — Publications de l'École des langues orientales vivantes.
Pet. Mitt. — «Dr A. Petermanns Mitteilungen aus Justus Perthes' geographischer Anstalt», Gotha.
PHT — Persian historical texts.
PRGS — «Proceedings of the Royal Geographical Society», London.
RTHS — Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seljoucides, par M. Th. Houtsma, vol. I—IV, Lugduni Batavorum (Leide), 1886—1902.
SBAW Berl. — «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst».
SBAW München — «Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der k[önigl.] b[ayerischen] Akademie der Wissenschaften zu München».
SBAW Wien — «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kais. Akademie der Wissenschaften», Wien.
ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig.
ZII — «Zeitschrift für Indologie und Iranistik», Leipzig.

БИБЛИОГРАФИЯ

(цитированная литература)[1]

Абаева, *Очерки*. — Т. Г. Абаева, *Очерки истории Бадахшана*, Ташкент, 1964.

Абд ал-Керим Бухари. — *Histoire d'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand). Depuis les dernières années du règne de Nadir Châh (1153), jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818)*, par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer, t. I, Texte persan, [Boulaq, 1290/1873-74 (литогр.)]; t. II, Traduction française, Paris, 1876 (PÉLOV, vol. I).

Абд ал-Керим Кашмири. — *The memoirs of Khodjeh Abdulkurreem a Cashmerian of distinction who accompanied Nadir Shah on his return from Hindostan to Persia. . .*, transl. from the original Persian by F. Gladwin, Calcutta, 1788.

Абд ар-Раззак, пер. Катрмера. — *Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre Matla-assaadeïn ou-madjma-albahreïn* مطلع السعدين و مجمع البحرين *et qui contient l'histoire des deux sultans Schah-Rokh et Abou-Said*, par M. Quatremère, Paris, 1843 (Notices et extraits, t. XIV, pt. 1).

Абд ар-Раззак, рук. — Абд ар-Раззак Самарканди, *Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн*, рук. ун-та (ЛГУ) № 157.

Абрамов, *Записка о Каратегинском владении*. — К. А. Абрамов, *Записка о Каратегинском владении, составленная по расспросам*, — ИИРГО, т. VI, 1870, отд. II, стр. 106—109.

Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского. — *Самария*. Сочинение Абу-Тахир-ходжи. Таджицкий текст, приготовленный к печати Н. И. Веселовским. С предисловием и приложением рисунков, СПб., 1904.

Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина. — Абу Тахир Ходжа, *«Самария», описание древностей и мусульманских святынь Самарканда*. Пер. В. Л. Вяткина, — СКСО, вып. VI, 1899, стр. 153—259.

Абу-л-Фида, *Тақвӣм*, изд. Рено — де Слэна. — *Géographie* d'Aboulféda. Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde par M. Reinaud et M. le Bon Mac Guckin de Slane, Paris, 1840.

Абу-л-Фида, *Тақвӣм*, пер. Рено. — *Géographie* d'Aboulféda, traduite de l'arabe en français et accompagné de notes et d'éclaircissements par M. Reinaud, t. I, Introduction générale à la géographie des orientaux, Paris, 1848; t. II, pt. 1, Contenant la première moitié de la traduction du texte arabe, Paris, 1848; t. II, pt. 2, Contenant la fin de la traduction du texte arabe et l'index générale, Paris, 1883.

Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона. — *Histoire des Mogols et des Tatares* par Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan, publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons, t. I, Texte, St.-Pbg., 1871; t. II, Traduction, St.-Pbg., 1874.

Агехи. — Мухаммед-Риза-мираб (Агехи), рук. ИНА Е 6 (590 ob), лл. 269б—522б.

[1] В библиографию включены только работы, упомянутые у В. В. Бартольда (в сносках и тексте) и в примечаниях составителей. Вначале указано сокращенное обозначение, под которым данная работа упоминается в сносках.

Агехи, *Шāхид-и иқбāл.* — Агехи, *Шāхид-и иқбāл*, рук. ИНА С 572 (590 od).

Адыков, *Главные станции.* — К. А. Адыков, *Главные станции на средневековом торговом пути из Серахса в Мерв (По археологическим данным)*, — СА, 1959, № 4, стр. 212—227.

Адыков, *Дорога из Мерва на Мерверрyд.* — К. А. Адыков, *Торгово-почтовая дорога из Мерва на Мерверрyд. (К истории изучения средневековых торговых путей Туркменистана)*, — ИАН ТуркмССР, СОН, 1962, № 3, стр. 50—63.

Адыков — Массон, *Древности.* — К. А. Адыков, В. М. Массон, *Древности Тедженo-Мургабского междуречья (к изучению археологических памятников в зоне 2-й очереди Каракумского канала)*, — ИАН ТуркмССР, СОН, 1960, № 2, стр. 58—66.

«Азиатская Россия». — «Азиатская Россия». Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, т. I, Люди и порядки за Уралом; т. II, Земля и хозяйство; т. III, Приложения, СПб., 1914.

Албания Кавказская. — *Албания Кавказская*, — СИЭ, т. 1, 1961, стр. 354—355.

Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана.* — А. Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв.*, Баку, 1956.

Альбаум, *Балалык-тепе.* — Л. И. Альбаум, *Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана*, Ташкент, 1960.

Альбаум, *Письменность из замка Зангтепе.* — Л. И. Альбаум, *Письменность из замка Зангтепе*, — ОНУз, 1963, № 2, стр. 58—61.

Альтман, *Исторический очерк.* — М. М. Альтман, *Исторический очерк города Ганджи*, ч. I, Баку, 1949.

Аминов, *Джизако-Чиназская Голодная степь.* — Аминов, *Джизако-Чиназская Голодная степь и памятники бывшей в ней оседлости*, — ТВ, 1873, № 27 (10/22. VII).

Андреев, *Местности Туркестана.* — М. С. Андреев, *Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении*, — «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, май, стр. 16—28.

Андреев, *Перевод списков.* — М. С. Андреев, *Перевод списков с надгробных надписей, привезенных членом Кружка Н. Ф. Ситняковским из Шахрисябза и Китаба*, — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 104—105.

Андреев, *Старая киргизская элегия.* — [М. С. Андреев], *Старая киргизская элегия*, — ТВ, 1902, № 1 (28. III/10. IV).

Арандаренко, *Досуги.* — Г. А. Арандаренко, *Досуги в Туркестане. 1874—1889*, СПб., 1889.

Арандаренко, *Каратегин.* — Г. А. Арандаренко, *Каратегин (По расспросным сведениям)*, — «Военный сборник», год XXI, т. CXXI, № 5, СПб., 1878, стр. 116—136.

Артамонов, *Древний Дербент.* — М. И. Артамонов, *Древний Дербент (Предварительное сообщение)*, — СА, т. VIII, 1946, стр. 121—144.

Артамонов, *История хазар.* — М. И. Артамонов, *История хазар*, Л., 1962.

Артамонов, *Очерки.* — М. И. Артамонов, *Очерки древнейшей истории хазар*, Л., 1936.

Археологические исследования на городище Варахша. — *Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг.*, Ташкент, 1956 (ТИИА АН УзССР, вып. VIII).

Архив князя Воронцова, XL. — *Архив князя Воронцова*, кн. XL, *Бумаги фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. Переписка с графами К. В. Нессельроде и А. Ф. Орловым*, М., 1895.

Атлас. — *Атлас к путешествию Б. А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря*, СПб., 1895.

Аттар, *Тазкират ал-аулийā'.* — *The Tadhkiratu 'l-Awliyá* («*Memoirs of the Saints*») of Muḥammad ibn Ibráhím Farídu'ddin 'Aṭṭár ed. in the original Persian, with preface, indices and variants, by R. A. Nicholson, with a critical introduction

by Mírzá Muḥammad b. 'Abdu 'l-Wahháb-i Qazwíní, pt I—II, London—Leide, 1905—1907 (PHT, vol. III, V).

Ауфи, *Лубāб ал-албāб.* — *Lubábu 'l-Albáb* of Muḥammad 'Awfí ed. in the original Persian. Pt I, with indices, Persian and English prefaces, and notes, critical and historical, in Persian, by E. G. Browne and Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu 'l-Wahháb-i-Qazwíní, London—Leide, 1906 (PHT, vol. IV); pt II, with preface, indices and variants, by E. G. Browne, London—Leide, 1903 (PHT, vol. II).

Ахраров, *Археологические исследования.* — И. А. Ахраров, *Археологические исследования городища Ахсыкет в 1960 г.*, — ОНУз, 1962, № 8, стр. 53—58.

Ашурбейли, *Баку XVI—XVII вв.* — С. Б. Ашурбейли, *Баку XVI—XVII вв. по описаниям путешественников*, — ИАН АзССР, 1947, № 1, стр. 63—72.

Ашурбейли, *Очерки.* — С. Б. Ашурбейли, *Очерк истории средневекового Баку (VIII — начало XIX вв.)*, Баку, 1964.

Бабаханов, *О древних водохозяйственных сооружениях.* — А. Бабаханов, *О некоторых древних водохозяйственных сооружениях Узбекистана*, — ИАН УзССР, СОН, 1959, № 4, стр. 42—49.

Бāбур-нāме, извлеч. в пер. Вяткина. — В. Вяткин, *Самарканд и его окрестности в прошлом, по описанию Султана Бабура Мирзы. (Перевод из книги Бабур-намы)*, — СКСО, вып. IV, 1896, отд. IV, стр. 30—37.

Бāбур-нāме, изд. Бевериджа. — *The Bábar-náma, being the autobiography of the Emperor Bábar, the founder of the Moghul dynasty in India*, written in Chaghatáy Turkish; now reproduced in facsimile from a manuscript belonging to the late Sir Sálár Jang of Ḥaydarábád, and ed. with a preface and indices by A. S. Beveridge, Leyden — London, 1905 (GMS, I).

Бāбур-нāме, изд. Ильминского. — *Бабер-намэ или Записки Султана Бабера.* Изданы в подлинном тексте Н. И[льминским], Казань, 1857.

Багров, *Материалы.* — Л. С. Багров, *Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря*, СПб., 1912.

Бакланов, *Архитектурные памятники Дагестана.* — Н. Б. Бакланов, *Архитектурные памятники Дагестана*, вып. 1, Л., 1935.

Бакуви. — كتاب تلخيص الاثار و عجائب الملك القهار *Exposition de ce qu'il y a de plus remarquable (sur la terre) et des merveilles du Roi tout-puissant*, par Abdorraschid, fils de Saleh, fils de Nouri, surnommé Yakouti [Bakoui]; ouvrage de géographie, composé dans le XVe siècle. Manuscrit arabe n° 585. Par M. de Guignes, — Notices et extraits, t. II, 1789, pp. 386—545.

Балазури. — *Liber expugnationis regionum*, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beládsori, quem e codice Leidensi et codice Musei Brittannici ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866.

Баллод, *Старый и Новый Сарай.* — Ф. В. Баллод, *Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года*, Казань, 1923.

Бартольд, *Археологические работы в Самарканде.* — В. В. Бартольд, *Археологические работы в Самарканде летом 1924 г.*, — ИРАИМК, т. IV, 1922, стр. 119—132. [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, *Археология и вопрос об орошении Туркестана.* — В. В. Бартольд, *Археология и вопрос об орошении Туркестана*, — «Туркестан», 1912, № 36 (11/23. XI).

Бартольд, *Еще известие о Коркуде.* — В. Бартольд, *Еще известие о Коркуде*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 073—077. [Наст. изд., т. V.]

Бартольд, *Еще о самаркандских оссуариях.* — В. Бартольд, *Еще о самаркандских оссуариях*, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 099—0104. [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. IX [стр. 313—316]. — В. Бартольд, [рец. на:] Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy. . . suivie

do textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Ch. Chefer. Paris 1892. . ., — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 313—316. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. X [стр. 215—226]. — В. Бартольд, [рец. на:] Mirzá Muhammad Haidar, Dughlát. The Tarikh-i Rashidi. . . An English version. . . by N. Elias. The Translation by E. Denison Ross. London 1895, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 215—226. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XII [стр. 0130—0138]. — В. Б[артольд], [рец. на:] F. H. Skrine and E. D. Ross, The Heart of Asia. . . London 1899, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 0130—0138. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 627—634.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XIII [стр. 0115—0117]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Известия Туркестанского отдела Императорского Русского Географического общества, т. I, 1899, вып. II, Ташкент 1900, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 0115—0117. [Наст. изд., т. III, стр. 244—245.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XIV [стр. 053—060]. — В. Бартольд, [рец. на:] Fr. von Schwarz. Turkestan. Die Wiege der indogermanischen Völker. Freiburg im Breisgau 1900, — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 053—060.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XV [стр. 0131—0137]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Д. Федоров, генерального штаба подполковник. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Под редакцией генерального штаба генерал-майора Тихменева. Часть I. . . Ташкент 1903; Корнилов, генерального штаба подполковник. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Под редакцией начальника штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта Сахарова. Ташкент 1903, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 0131—0137.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XVII [стр. 083—097]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Explorations in Turkestan. . . Expedition of 1903, under the Direction of R. Pumpelly, Washington . . . 1905, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 083—097. [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XVII [стр. 0188—0195]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Таарих-и Эмэние. История владетелей Кашгарии, сочинение Муллы Мусы, бен Мулла Айса, сайрамца, изданная Н. Н. Пантусовым. Казань 1905, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0188—0195. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII [стр. 0181—0191]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. 1906 г. . . Вып. VIII. Самарканд 1906; вып. IX. Самарканд 1907, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0181—0191. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XX [стр. 067—073]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии [Год четырнадцатый]. Ташкент 1910, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 067—073.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXI [стр. 0161—0169]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Chau Ju-Kua: His Work on the Chinese and Arab Trade . . . translated from the Chinese and annotated by Friedrich Hirth and W. W. Rockhill. St. Petersburg 1912, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 0161—0169. [Наст. изд., т. V.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII [стр. 206—208]. — В. Б[артольд], [рец. на:] М. В. Лапров, директор Ташкентской 2-ой женской гимназии, Туркестан. География и история края. Москва 1914, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 206—208.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII [стр. 337—340]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Азиатская Россия. 1914, С.-Петербург, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 337—340. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 643—646.]

Бартольд, [ЗВОРАО, т. XXIII [стр. 421—422]. — В. Б[артольд], [рец. на:] هادی اطلاسی سیبیر تاریخی برنجی جزء Казань 1912; قزان اطلاسف هادی خانلغی Казань 1914, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 421—422.

Бартольд, *Извлечение.* — В. В. Бартольд, *Извлечение из «Тарихи-Шахрохи»* — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 105—114. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 350—358.]

Бартольд, *Ислам.* — В. В. Бартольд, *Ислам*, Пг., 1918. [Наст. изд., т. VI.]

Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана.* — В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, СПб., 1903. [Наст. изд., т. VII.]

Бартольд, *История культурной жизни Туркестана.* — В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 167—433.]

Бартольд, *К вопросу о впадении Аму-дарьи.* — В. Бартольд, *К вопросу о впадении Аму-дарьи в Каспийское море*, — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 024—028. [Наст. изд., т. III, стр. 248—251.]

Бартольд, *К истории Дербента.* — В. Бартольд, *К истории Дербента*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. XI—XII. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 786—787.]

Бартольд, *К истории Мерва.* — В. Бартольд, *К истории Мерва*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 115—138. [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, *Материалы.* — В. В. Бартольд, *Материалы для истории факультета восточных языков*, т. IV. *Обзор деятельности факультета 1855—1905*, СПб., 1909. [Наст. изд., т. IX.]

Бартольд, *Мерверрud.* — В. Бартольд, *Мерверрud*, — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 028—032. [Наст. изд., т. III, стр. 252—256.]

Бартольд, «Мир ислама», т. I [стр. 56—107]. — В. Бартольд, [рец. на:] E. Blochet, Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din, Leyden—London, 1910, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 56—107. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Могила поэта Низами.* — В. Бартольд, *Могила поэта Низами*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 034—036. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 784—785.]

Бартольд, *Мулхакât-ас-Сурâх.* — В. Бартольд, *Мулхакât-ас-Сурâх* ملحقات الصراح, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 283—287. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Надпись на могиле Улуг-Бильгя-Икбал-хана.* — В. В. Бартольд, *Надпись на могиле Улуг-Бильгя-Икбал-хана*, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. V. [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, *Новое известие о стенах Дербента.* — В. В. Бартольд, *Новое известие о стенах Дербента*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. IV—V. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 788.]

Бартольд, *О погребении Тимура.* — В. Бартольд, *О погребении Тимура*, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 1—32. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 423—454.]

Бартольд, *Орошение.* — В. В. Бартольд, *К истории орошения Туркестана*, СПб., [1914]. [Наст. изд., т. III, стр. 97—233.]

Бартольд, *Отчет о командировке в Среднюю Азию.* — В. Бартольд, *Отчет о командировке в Среднюю Азию*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 339—344. [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.).* — В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан* [лето 1902 г.], — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 173—280. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1920 г.).* — В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан. Август—декабрь 1920 г.*, — ИРАН, сер. VI, т. XV, 1921, стр. 188—219. [Наст. изд., т. IX.]

Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию.* — В. В. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.*, СПб., 1897 (ЗИАН, ОИФ, сер. VIII, т. I, № 4). [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, *Отчет об осмотре.* — В. В. Бартольд, *Отчет об осмотре древнего мусульманского кладбища в Баку*, — ИАК, вып. 16, 1905, стр. 116—117. [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, *Очерк истории Семиречья.* — В. В. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, — ПКСОСК за 1898 г., т. II, стр. 74—175; то же: отд. отт., стр. 1—102. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 21—106.]

Бартольд, *По поводу Аму-дарьинского вопроса.* — В. В. Бартольд, *По поводу Аму-дарьинского вопроса*, — «Русский Туркестан», 1901, № 97.

Бартольд, *Поездка в Самарканд.* — В. В. Бартольд, *Поездка в Самарканд с археологической целью* [доклад в заседании РАО 28 октября 1904 г.], — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. XXXIV—XXXV. [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, *Рукопись Туманского.* — В. В. Бартольд, *Рукопись Туманского*, — ДАН-В, 1924, стр. 72—74. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Сведения об Аральском море.* — В. Бартольд, *Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших времен до XVII века*, Ташкент, 1902 (ИТОРГО, т. IV. Научные результаты Аральской экспедиции, снаряженной ТОИРГО, вып. II). [Наст. изд., т. III, стр. 15—94.]

Бартольд, *События перед хивинским походом.* — В. Бартольд, *События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка*, — «Кауфманский сборник», стр. 1—19. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 400—413.]

Бартольд, *Текст первой надписи.* — В. В. Бартольд, *Текст первой надписи в Варухском ущелье*, — ПТКЛА, год IX, 1904, стр. 46—47. [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, *Туркестан.* — В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. I, *Тексты*, СПб., 1898; ч. II, *Исследование*, СПб., 1900. [Наст. изд., т. I.]

Бартольд, *Туркестан (история древняя).* — В. Бартольд, *Туркестан (история древняя)*, — «Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]», т. XXXIV, СПб., 1902, стр. 203—204.

Бартольд, *Улугбек.* — В. В. Бартольд, *Улугбек и его время*, Пг., 1918 (ЗРАН, ОИФ, т. XIII, № 5). [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 25—196.]

Бартольд, *Хафизи-Абру.* — В. В. Бартольд, *Хафизи-Абру и его сочинения*, — «Ал-Музаффарийя», стр. 1—28. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Шамиль.* — В. В. Бартольд, *Шамиль*, — наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 873—874.

Барц, *Орошение в долине р. Мургаба.* — Э. Г. Барц, *Орошение в долине реки Мургаба и Мургабское Государево имение*, СПб., 1910.

ал-Баттани. — Al-Battānī sive Albatenii *opus astronomicum.* Ad fidem codicis Escurialensis Arabice editum, Latine versum, adnotationibus instructum a C. A. Nallino, Mediolani Insubrum, vol. I—III, 1899—1907 (Publicazioni del Reale Osservatorio di Brera in Milano, № XL, parte 1—3).

Бахр ал-асрар — см. Махмуд ибн Вели.

Бачинский, *Архитектурные памятники Туркмении.* — [Н. М. Бачинский], *Архитектурные памятники Туркмении.* Составил Н. М. Бачинский при участии С. А. Ершова. Туркменский перевод О. М. Абдалова и Х. М. Вольмурадова, вып. 1, Москва—Ашхабад, 1939.

Бейхаки, изд. Морлея. — *The Tárikh-i Baihaki* containing the life of Masaúd, son of Sultán Mahmúd of Ghaznín. Being the 7th, 8th, 9th, and part of the 6th and 10th Vols. of the Táríkh-i Ál-i Saboktakeen. By Abu 'l Fazl al-Baihaqi. Ed. by the late W. H. Morley, and printed under the supervision of W. Nassau Lees, Calcutta, 1862 (BI, vol. 32).

Бекран, *Джахан-наме*, изд. Борщевского. — Муҳаммад ибн Наджиб Бакрān, *Джахан-наме* (*Книга о мире*). Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского, М., 1960 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, X).

Бекран, *Джахан-наме*, рук. — Мухаммед ибн Неджиб Бекран, *Джахан-наме*, рук. Нац. б-ки, Ancien fonds persan 384; рук. ИНА С 612 (605а).

Беленицкий, *Из мусульманской эпиграфики.* — А. М. Беленицкий, *Из мусульманской эпиграфики в Таласской долине*, — ЭВ, II, 1948, стр. 16—18.

Беленицкий, *Историко-географический очерк Хутталя.* — А. М. Беленицкий, *Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.*, — «Труды СТАЭ», т. I, 1950 (МИА, № 15), стр. 109—127.

Беленицкий, *О работе в 1959 г.* — А. М. Беленицкий, *О работе Пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г.*, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXXI, 1961, стр. 73—100.

Беленицкий, *Отчет (1946 г.).* — А. М. Беленицкий, *Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г.*, — «Труды СТАЭ», т. I, 1950 (МИА, № 15), стр. 128—139.

Берг, *Аральское море.* — Л. Берг, *Аральское море. Опыт физико-географической монографии*, СПб., 1908 (ИТОРГО, т. V. Научные результаты Аральской экспедиции, вып. 9).

Берг, *Материалы.* — Л. С. Берг, *Материалы для гидрологии Аральского моря (с картой Аральского моря). (Предварительный отчет Туркестанскому отделу Императорского Русского Географического общества по поездке 1900 г.)*, — ИТОРГО, т. III. Научные результаты Аральской экспедиции, снаряженной ТОИРГО, вып. I, 1902, стр. 1—62.

Берг, *Об изменениях климата.* — Л. С. Берг, *Об изменениях климата в историческую эпоху*, — «Землеведение», 1911, кн. III, стр. 23—120.

Берг, *Об исследовании озера Балхаш.* — Л. С. Берг, *Предварительный отчет об исследовании озера Балхаш летом 1903 г.*, — ИИРГО, т. XL, 1904, стр. 584—599.

Берг, *Озеро Иссык-Куль.* — Л. С. Берг, *Озеро Иссык-Куль* (С картою и 7 рисунками и чертежами в тексте), — «Землеведение», 1904, кн. I—II, стр. 1—85.

Берг, *Очерк Аральского моря.* — Л. С. Берг, *Очерк физической географии Аральского моря*, — «Землеведение», 1901, кн. III—IV, стр. 1—28.

Березин, *Библиотека*, т. I — см. *Шейбани-наме*, изд. Березина.

Березин, *Путешествие.* — И. Н. Березин, *Путешествие по Дагестану и Закавказью*, изд. 2-е, ч. I—II, Москва—С.-Петербург—Казань, 1850.

Бернштам, *Археологический очерк.* — А. Н. Бернштам, *Археологический очерк Северной Киргизии*, Фрунзе, 1941 (МИИКК, вып. IV).

Бернштам, *Архитектурные памятники Киргизии.* — А. Н. Бернштам, *Архитектурные памятники Киргизии*, М.—Л., 1950.

Бернштам, *Древняя Фергана.* — А. Н. Бернштам, *Древняя Фергана (Научно-популярный очерк)*, Ташкент, 1951.

Бернштам, *Историко-археологические очерки.* — А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая*, М.—Л., 1952 (МИА, № 26).

Бернштам, *К исторической топографии.* — А. Н. Бернштам, *К исторической топографии Чуйской долины (Из археологических работ 1939 г. в Киргизии)*, — ВДИ, 1940, № 2 (11), стр. 191—198.

Бернштам, *Памятники старины Алма-Атинской области.* — А. Н. Бернштам, *Памятники старины Алма-Атинской области. (По материалам экспедиции 1939 года)*, — ИАН КазССР, № 46, Серия археологическая, вып. 1, 1948, стр. 79—91.

Бернштам, *Памятники старины Таласской долины.* — А. Н. Бернштам, *Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк*, Алма-Ата, 1941.

Бернштам, *Согдийская колонизация.* — А. Н. Бернштам, *Согдийская колонизация Семиречья*, — КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 34—43.

А. Бертельс, *Насир-и Хосров.* — А. Е. Бертельс, *Насир-и Хосров и исмаилизм*, М., 1959.

Бируни, *Āṯār ал-бāқийа*, изд. Захау. — *Chronologie orientalischer Völker* von Albêrûnî. Hrsg. von C. E. Sachau, Leipzig, 1878.

Бирупи, *Āṯār ал-бāқийа*, пер. Захау. — *The Chronology of ancient nations.* An English version of the Arabic text of the Athâr-ul-bâkiya of Albîrûnî, or "Vestiges of the Past", collected and reduced to writing by author in A. H. 390—1, A. D. 1000. Transl. and ed., with notes and index, by C. E. Sachau, London, 1879.

Бируни, *Индия*, изд. Захау. — Alberuni's *India. An account of the religion, philosophy, literature, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1030.* Ed. in the Arabic original by E. Sachau, London, 1887.

Бируни, *Индия*, пер. Захау. — Alberuni's *India. An account of the religion, philosophy, literature, geography, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1030.* An English Edition, with Notes and Indices by E. C. Sachau, vol. I—II, London, 1888 (Trübner's Oriental Series) [new. ed.: London, 1910].

Бичурин, *Собрание сведений.* — *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* Сочинение монаха Иакинфа, ч. I—III, СПб., 1851.

Блаватский, *Материалы по истории Пантикапея.* — В. Д. Блаватский, *Материалы по истории Пантикапея*, — «Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху», вып. I, М., 1951 (МИА, № 19), стр. 9—62.

Бобринский, *Горцы верховьев Пянджа.* — [А. А. Бобринский], *Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам* гр. А. А. Бобринского, М., 1908.

Богоявленский, *Западный Застенный Китай.* — Н. В. Богоявленский, *Западный Застенный Китай, его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных*, СПб., 1906.

Болдырев, *Зайнаддин Васифи.* — А. Н. Болдырев, *Зайнаддин Васифи — таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии).* Под ред. А. М. Мирзоева, Сталинабад, 1957.

Большой чертеж. — *Книга, глаголемая Большой чертеж*, изданная Г. И. Спасским, М., 1846.

Боплан, *Описание Украины.* — *Описание Украины Боплана, 1630—1648*, — в кн.: «Мемуары, относящиеся к истории южной Руси», вып. II (Первая половина XVII ст.), Киев, 1896, стр. 289—388.

Борзенков—Домбровский, *Надписи.* — А. А. Борзенков и Ф. М. Домбровский, *Бахчесарайские арабские и турецкие надписи*, — ЗООИД, т. II, ч. 2—3, Одесса, 1850, стр. 489—528.

Бороздин, *Новые данные.* — И. Н. Бороздин, *Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму. Работы археологической экспедиции 1926 г.*, — НВ, № 16—17, 1927, стр. 256—274.

Бороздин, *Солхат.* — И. Н. Бороздин, *Солхат. (Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР в 1925 г.)*, — НВ, № 13—14, 1926, стр. 270—301.

Броневский, *Описание Крыма.* — *Описание Крыма (Tartariae descriptio)* Мартина Броневского, — ЗООИД, т. VI, 1867, стр. 333—367.

Бруи, *Черноморье.* — Ф. Бруи, *Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России*, ч. I—II, Одесса, 1879—1880.

Брянов, *На память о Фергане.* — А. И. Брянов, *На память о Фергане*, Новый Маргелан, 1901.

Брянов, *О следах.* — А. Брянов, *О следах древнего города Касана в Ферганской области*, — ПТКЛА, год IV, 1899, стр. 142—148.

Брянов, *Сведения.* — А. Брянов, *Сведения о древнем городе Касане Ферганской области*, [перс. текст], — ПТКЛА, год IV, 1899, стр. 149—152.

Будагов. — Л. Будагов, *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий*, т. I—II, СПб., 1869—1871.

Букинич, *История первобытного орошаемого земледелия.* — Д. Д. Букинич, *История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросами происхождения земледелия и скотоводства,* — «Хлопковое дело», 1924, кн. 3—4, стр. 92—135.

Букинич, *Каналы древнего Термеза.* — Д. Д. Букинич, *Каналы древнего Термеза,* — «Термезская археологическая экспедиция», т. II, Ташкент, 1945 («Труды АН УзССР», сер. 1, История, археология), стр. 191—195.

Булатова-Левина, *Буддийский храм.* — В. А. Булатова-Левина, *Буддийский храм в Кубе,* — СА, 1961, № 3, стр. 241—250.

Бундари, изд. Хаутсма. — *Histoire des Seljoucides de l'Irâq* par al-Bondârî d'après Imâd ad-dîn al-Kâtib al-Isfahânî. Texte arabe publié d'après les Mss. d'Oxford et de Paris par M. Th. Houtsma, Leide, 1889 (RTHS, vol. II).

Вакф-нāме. — *Вакф-нāме,* рук. ИНА В 670 (е 574 ag).

Валидов, *Восточные рукописи.* — А. З. Валидов, *Восточные рукописи в Ферганской области,* — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 303—320.

Валидов, *Некоторые данные.* — [А.] З. Валидов, *Некоторые данные по истории Ферганы XVIII-го столетия,* — ПТКЛА, год XX, [вып. 2], 1915, стр. 68—118.

Вамбери, *Путешествие.* — А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии в 1863 году,* СПб., 1865.

Варейкис—Зеленский, *Размежевание Средней Азии.* — И. Варейкис и С. Зеленский, *Национальное и государственное размежевание Средней Азии,* Ташкент, 1924.

Васильевский, *Введение* — В. Г. Васильевский, *Введение в Житие св. Стефана Сурожского,* — в кн.: В. Г. Васильевский, Труды, т. III, СПб., 1915, стр. CXLII—CCLXXXVIII.

Васифи, изд. Болдырева. — Зайн ад-Дин Вāсифи, *Бадāй' ал-вакāй'.* Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, М., 1961 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, V).

Васифи, рук. — Васифи, *Бадāй' ал-вакāй',* рук. ИНА С 401 (568ba).

Вассаф, бомбейское изд. — [= 1852-53] ابن مستطاب وصاف الحضرة ' بمبئی '

Вассаф, изд. Хаммера. — *Geschichte Wassaf's* Persisch hrsg. und Deutsch übers. von Hammer-Purgstall, Bd I, Wien, 1856.

Вейденбаум, *Путеводитель.* — Е. Вейденбаум, *Путеводитель по Кавказу,* Тифлис, 1888.

Велецкий, *Приилийский Кульджинский край.* — С. Н. Велецкий, *Приилийский Кульджинский край,* — ИИРГО, год LI, вып. 3, 1915, стр. 149—176.

Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях.* — В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях и царевичах,* ч. 1—3, СПб., 1863—1866 (ТВОРАО, ч. IX—XI).

Веселовский, *Заметка о курганах.* — Н. Веселовский, *Заметка о курганах Туркестанского края,* — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 221—226.

Веселовский, ЗВОРАО, т. I [стр. 227—228]. — Н. В[еселовский], [рец. на:] Краткая история Кокандского ханства. Составил В. Наливкин, Казань 1886, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 227—228.

Веселовский, *Находка надписи около Оша.* — Н. Веселовский, *Находка надписи около Оша.* Доклад о действиях ИАК за 1885 г., — «Отчеты ИАК за 1882—1888 гг.», СПб., 1891, стр. LXXIII.

Веселовский, *Очерк историко-географических сведений.* — Н. И. Веселовский, *Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего,* СПб., 1877.

Веселовский, *Памятник Ходжи Ахрара.* — Н. И. Веселовский, *Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде,* — «Восточные заметки. Сборник статей и исследований

профессоров и преподавателей факультета восточных языков Имп. С.-Петербургского университета», СПб., 1895, стр. 321—335.

Веселовский, *Подделки древностей.* — Н. И. Веселовский, *Существуют ли в Средней Азии подделки древностей,* — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 110—114.

Веселовский, *Посольство Унковского.* — *Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цеван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы.* Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. И. Веселовского, СПб., 1887 (ЗИРГО по отд. этногр., т. X, вып. 2).

Виноградов, *Феодосия.* — В. К. Виноградов, *Феодосия.* (*Исторический очерк*), изд. 2-е, Екатеринодар, 1902.

Виноградова, *Хорезмская республика.* — А. Виноградова, *Хорезмская Советская Народная Республика,* — «Жизнь национальностей», 1923, кн. I, стр. 181—194.

Вирский, *Очерк Яны-Курганской волости.* — Н. М. Вирский, *Очерк Яны-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области по данным поземельно-податных работ,* с 13 статистическими табл., — СКСО, вып. X, 1912, стр. 1—67.

Воейков, *Орошение.* — А. И. Воейков, *Орошение Закаспийской области с точки зрения географии и климатологии,* — ИИРГО, т. XLIV, вып. 3, 1908, стр. 131—160.

Волин, *К истории древнего Хорезма.* — С. Волин, *К истории древнего Хорезма,* — ВДИ, 1941, № 1, стр. 192—196.

Волин, *Новый источник.* — С. Л. Волин, *Новый источник для изучения хорезмийского языка,* — ЗИВАН, т. VII, 1939, стр. 79—91.

Воробьева-Десятовская, *Находка санскритских текстов.* — М. И. Воробьева-Десятовская, *Находка санскритских текстов в Средней Азии,* — НАА, 1963, № 3, стр. 93—97.

Воронина, *Некоторые данные.* — В. Л. Воронина, *Некоторые данные о памятниках зодчества Узбекистана,* — «Архитектурное наследство», № 3, М., 1953, стр. 119—128.

Вязигин, *Стена Антиоха Сотера.* — С. А. Вязигин, *Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы,* — «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 260—275.

Вяткин, *Где искать Визд?* — В. В[яткин], *Где искать Визд?,* — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 159—164.

Вяткин, *К исторической географии.* — В. В[яткин], *К исторической географии Ташкентского района,* — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 156—159.

Вяткин, *Материалы.* — В. Л. Вяткин, *Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета,* — СКСО, вып. VII, 1902, стр. 1—83.

Вяткин, *Отчет о раскопках в местности Намазгох.* — В. Л. Вяткин, *Отчет о раскопках, произведенных в октябре 1904 г. в местности Намазгох, близ г. Самарканда,* — ИРКСА, № 7, 1907, стр. 12—20.

Вяткин, *Самаркандские легенды.* — В. Л. Вяткин, *Самаркандские легенды* (*Еврейский мудрец. — Чупан-ата. — Дархан. — Шейх Мотырид. — Шахи-зинда*), — СКСО, вып. V, 1897, стр. 224—240.

Вяткин, *Самаркандский вилает.* — В. Л. Вяткин, *Самаркандский вилает,* — СКСО, вып. V, 1897, стр. 240—244.

Гайдукевич, *Боспорское царство.* — В. Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство,* М.—Л., 1949.

Галкин, *Маршрутное описание.* — Галкин, полк., *Маршрутное описание дорог, пролегающих по долине правого берега р. Сурхана,* — СМА, вып. LVII, 1894, стр. 385—393.

Гардизи, изд. Нафиси. — زين الاخبار از ابو سعيد عبد الحي بن ضحاك بن محمود گرديزي (شامل تاريخ ساسانيان و سيرت رسول اكرم و خلفا و اخبار امراي خراسان تا پايان دورهٔ صفاري)، با تصحيح و مقدمه و فهرست و حواشي سعيد نفيسي، طهران، شهريور ماه ۱۳۳۳ [ش] — [= 1954].

Гардизи, рук. — Гардизи, *Зайн ал-ахбар*, кембридж. рук. (King's College Library, 213); оксфорд. рук. (Cod. Bodleian, Ouseley, 240).

Гарегин, *Поездка*. — Гарегин, *Поездка в Иерусалим летом 1911 г.*, — ХВ, т. I, вып. I, 1912, стр. 37—40.

Гаркави, *Крымский полуостров*. — А. Я. Гаркави, *Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе*, — «Труды IV Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г.», т. II, Казань, 1891, стр. 239—248.

Гаркави, *Сказания*. — А. Гаркави, *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских*, СПб., 1870.

Гарнати, изд. Феррана. — *Le Tuḥfat al-albāb* de Abū Ḥāmid al-Andalusī al-Ġarnāṭī édité d'après les Mss. 2167, 2168, 2170 de la Bibliothèque Nationale et le Ms. d'Alger par G. Ferrand, Paris, 1925 (Extrait du JA, t. CCVII, 1925, pp. 1—148, 193—304).

Гафуров, *История*. — Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении*, т. I, *С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.*, изд. 3-е, исправл. и дополн., М., 1955.

Гафуров, *Об Андижанском восстании*. — Б. Г. Гафуров, *Об Андижанском «восстании»*, — ВИ, 1953, № 2, стр. 50—61.

Гейер, *Путеводитель*. — И. И. Гейер, *Путеводитель по Туркестану*, Ташкент, 1901.

Гияс ад-дин Али, изд. Зимина. — *Дневник похода Тимура в Индию* Гияс-ад-дина Али. С приложением соответствующих отрывков из «Зафер-нама» Низам-ад-дина Шами. Изд. Л. А. Зимина под ред В. В. Бартольда, Пг., 1915 (Тексты по истории Средней Азии. Вып. I).

Гладышев, *Поездка из Орска в Хиву*. — *Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным*, — ГИ, 1850, стр. 519—599.

Глуховской, *Пропуск вод Аму-Дарьи*. — [А. И. Глуховской], *Пропуск вод р. Аму-Дарьи по старому ее руслу в Каспийское море и образование непрерывного водного Аму-Дарьинско — Каспийского пути от границ Афганистана по Аму-Дарье, Каспию, Волге и Мариинской системе до Петербурга и Балтийского моря*. Издано начальником экспедиции, генерального штаба генерал-лейтенантом А. И. Глуховским на английском и русском языках, СПб., 1893.

Граве, *Вал «Мерв»*. — М. К. Граве, *Вал «Мерв» — древнее ирригационное сооружение*, — «Природа», 1957, № 5, стр. 86—88.

Греков — Якубовский, *Золотая Орда*. — Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М.—Л., 1950.

Григорьев, *Археологические поиски*. — В. В. Григорьев, *Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая*, — ЖМВД, ч. XIX, 1847, стр. 349—375.

Григорьев, *О местоположении Сарая*. — В. В. Григорьев, *О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды*, — ЖМВД, ч. IX, 1845, стр. 188—219, 440—481; ч. X, стр. 3—31.

Григорьев, *Россия и Азия*. — [В. В. Григорьев], *Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии*, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом, СПб., 1876.

Григорьев, *С.-Петербургский университет*. — В. В. Григорьев, *Императорский С.-Петербургский университет в течение первых 50-ти лет его существования*. Историческая записка, составленная по поручению совета университета, СПб., 1870.

Г. Григорьев, *Тали-Барзу*. — Г. В. Григорьев, *Городище Тали-Барзу*, — ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 87—104.

Гродеков, *Поездка*. — [Гродеков], *Поездка ген.-шт. полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан (в 1878 году)*, — СМА, вып. V, 1883, стр. 58—107.

Грум-Гржимайло, *Описание путешествия.* — Г. Е. Грум-Гржимайло и М. Е. Грум-Гржимайло, *Описание путешествия в Западный Китай*, СПб., т. I, 1896; т. II, 1899; т. III, 1907.

Гулямов, *История орошения Хорезма.* — Я. Г. Гулямов, *История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней*, Ташкент, 1957.

Гулямов, *К вопросу.* — Я. Г. Гулямов, *К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV века*, — «Великий узбекский поэт». Сб. статей под ред. М. Т. Айбека, Ташкент, 1948, стр. 146—157.

Гулямов, *Чупан-ата.* — Я. Г. Гулямов, *Чупан-ата*, — МАУз, т. I, Ташкент, 1948 (ТИИА АН УзССР), стр. 22—34.

Давидович, *Из области денежного обращения.* — Е. А. Давидович, *Из области денежного обращения на территории Ферганы*, — «Труды Музея истории УзССР», вып. II, 1954, стр. 39—52.

Давидович, *Нумизматические материалы.* — Е. А. Давидович, *Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов*, — «Труды ГИМ», вып. XXVI, М., 1957 (Нумизматический сборник, ч. II), стр. 91—119.

Давидович — Литвинский, *Археологический очерк.* — Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский, *Археологический очерк Исфаринского района*, Сталинабад, 1955 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXV).

Дагестани, *Книга Асари-Дагестан.* — *Книга Асари-Дагестан.* (*Исторические сведения о Дагестане*). Составил Мирза Гасан-Эфенди сын Гаджи Абдулла-Эфенди Алкадари Дагестани. Пер. А. Гасанова, — СМОМПК, вып. 46, 1929, стр. 14—193.

Даулетшах, изд. Брауна. — *The Tadhkiratu 'sh-Shu'arâ* (''*Memoirs of the Poets*'') of Dawlatsháh bin 'Alá'u 'd-Dawla Bakhtísháh al-Ghází of Samarqand. Ed. in the original Persian with prefaces and indices by E. G. Browne, London—Leide, 1901 (PHT, vol. I).

Дашкевич, *Описание Черноморья.* — Н. П. Дашкевич, *Описание Черноморья, составленное Эжидием д'Асколи в 1634 г.*, — «Чтения в историческом обществе Нестора летописца», Киев, 1891, отд. II, стр. 172—182.

Денике, *Архитектурный орнамент.* — Б. П. Денике, *Архитектурный орнамент Средней Азии*, М.—Л., 1939.

Денике, *Термез.* — Б. Денике, *Термез.* (*Работы экспедиции Музея Восточных Культур в 1927 г.*), — НВ, № 22, 1928, стр. 208—223.

Денике, *Экспедиция в Среднюю Азию.* — Б. Денике, *Экспедиция Музея Восточных Культур в Среднюю Азию 1927 года*, — «Культура Востока», II, М., 1928, стр. 3—16.

Денике, *Экспедиция в Термез.* — Б. Денике, *Экспедиция Музея Восточных Культур в Термез.* (*Предварительный отчет*), — «Культура Востока», I, М., 1927, стр. 9—18.

Дербенд-нâме. — *Derbend-nâmeh, or the History of Derbend*; transl. from a select Turkish version and published with the texts and with notes, illustrative of the history, geography, antiquities etc. etc. occurring throughout the work, by Mirza A. Kazem-Beg, St.-Pbg., 1851.

Дервиш, *Бухарская Республика.* — Дервиш, *Бухарская Советская Народная Республика*, — «Жизнь национальностей», 1923, кн. 1, стр. 195—200.

Джами, *Нафаҳāт ал-унс*, калькут. изд. — *The Nafahtáal-Ons* [sic!] *min Hadharát al-Qods, or the Lives of the Soofis.* By Mawlana Noor al-Din 'Abd al-Rahmán Jámi. Ed. by Mawlawis Gholám 'Jisa, 'Abd al-Hamíd and Kabír al-Dín Ahmad, with a biographical Sketch of the Author, by W. Nassau Lees, Calcutta, 1859 (Lees' Persian Series).

Джемаль Карши, *Мулҳақāт ас-сурāх.* — Джемаль Карши, *Мулҳақāт ас-сурāх*, рук. ИВА В 514 (430 а). [См. также Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 128—152.]

Джувейни, извлеч. в изд. Дефремери. — *Histoire des khans Mongols du Turkistan et de la Transoxiane*, extraite du Habib essiier de Khondémir, trad. du persan et accompagnée de notes, par M. C. Defremery. — JA, ser. 4, t. XX, 1852, pp. 370—406.

Джувейни, изд. Казвини. — *The Ta'rikh-i-Jahán-gushá* of 'Alá'u 'd-Dín 'Aṭá Malik-i-Juwayní (composed in A. H. 658=A. D. 1260). Ed. with an introduction, notes and indices from several old MSS. by Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu'l-Wahháb-i-Qazwíní, pt I, containing the history of Chingíz Khán and his succesors, Leyden—London, 1912; pt II, containing the history of the Khwárazmsháh dynasty, Leyden — London, 1916; pt III, containing the history of Mangú Qá'án, Húlágú and the Ismá'ílís, Leyden — London, 1937 (GMS, XVI, 1—3).

Джувейни, рук. — Джувейни, *Та'рāх-и джахāнгушāй*, рук. ун-та (ЛГУ) № 172.

Джузджани, изд. Нассау-Лиса. — *The Tabaqát-i Násiri* of Aboo 'Omar Minháj al-dín 'Othmán, ibn Siráj al-dín al-Jawzjani. Ed. by W. Nassau Lees and Mawlawis Khadim Hosain and 'Abd al-Hai, Calcutta, 1864.

Джузджани, пер. Раверти. — *Ṭabaḳāt-i-Nāṣirī. A General History of the Muḥammadan Dynasties of Asia, including Hindūstān, from A. H. 194 [810 A. D] to A. H. 658 [1260 A. D.], and the Irruption of the Infidel Mughals into Islām.* By the Maulānā, Minhāj-ud-Dīn, Abū-'Umar-i-'Uṣman. Transl. from Original Persian Manuscripts. By H. G. Raverty, vol. I—II, London, 1881 (BI, NS, vol. 272—273); Index, Calcutta, 1897.

Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области.* — А. И. Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-ата и Чимкент*, Ташкент, 1912.

Добросмыслов, *Ташкент.* — А. И. Добросмыслов, *Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк*, Ташкент, 1911.

Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. — *Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве.* Вып. 1. *Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв.* Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович, под ред. А. К. Арендса, Ташкент, 1954.

Долбежев, *В поисках развалин Бишбалыка.* — Б. В. Долбежев, *В поисках развалин Бишбалыка*, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 77—121.

Долбежев, *Поездка к развалинам Бишбалыка.* — *Поездка секретаря консульства в Урумчи Б. В. Долбежева к развалинам Бишбалыка. (Из письма к В. Л. Котвичу)*, — ИРКСА, № 9, 1909, стр. 66—70.

Дорн, *Каспий.* — Б. Дорн, *Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежье Каспийского моря*, СПб., 1875 (Прилож. к ЗИАН, т. XXVI, № 1). [См. также Dorn, *Caspia.*]

Древнемонгольские города. — С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова и др., *Древнемонгольские города*, М., 1965.

Дунин-Барковский, *Древний канал Иски-Ангар.* — Л. В. Дунин-Барковский, *Древний канал Иски-Ангар и его современное использование*, — «Гидротехника и мелиорация», 1950, № 1, стр. 38—40.

Дьяков, *Воспоминания.* — А. Дьяков, *Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864—1871 годах в Илийском крае*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 233—282.

Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда.* — М. М. Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда*, — «Труды СТАЭ», т. I, 1950 (МИА, № 15), стр. 147—186.

Евтюхова, *Керамика из Каракорума.* — Л. А. Евтюхова, *Древнекитайская керамика из Каракорума*, — СА, 1959, № 3, стр. 179—193.

Елагин, *Националистические иллюзии.* — В. Елагин, *Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы*, — НВ, № 5, 1924, стр. 190—216; № 6, 1924, стр. 205—225.

Ефремов, *Десятилетнее странствование.* — *Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Персии и Индии, возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим*, СПб., 1876.

Жизнеописание Сюань Цзана, пер. Жюльена. — *Histoire de la vie de Hiouen-thsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu'en 645*, par Hoeï-li et Yen-thsong; suivie de documents et d'éclaircissements géographiques tirés de la relation originale de Hiouen-thsang; traduite de chinois par S. Julien, Paris, 1853.

Жуков, *Обследование.* — В. Д. Жуков, *Обследование городища Старая Кува в 1956 г.*, — КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 80—84.

Жуковский, *Образцы.* — *Образцы персидского народного творчества (песни певцов-музыкантов, песни свадебные, песни колыбельные, загадки, образцы разного содержания)*. Собрал и перевел В. А. Жуковский, СПб., 1902.

Жуковский, *Развалины Старого Мерва.* — В. А. Жуковский, *Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва*, СПб., 1894 (МАР, вып. 16).

Загоскин, *История Казанского Университета.* — Н. П. Загоскин, *История Императ. Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804—1904 гг.*, Казань, т. I—IV, 1902—1906.

Заднепровский, *Археологические работы в 1954 г.* — Ю. А. Заднепровский, *Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г.*, — «Труды КАЭЭ», вып. IV, М., 1960, стр. 214—246.

Заднепровский, *Древнеземледельческая культура Ферганы.* — Ю. А. Заднепровский, *Древнеземледельческая культура Ферганы*, М.—Л., 1962 (МИА, № 118).

Зайл джāми' ат-тавāрūх. — *Зайл джāми' ат-тавāрūх*, — в рук.: Рашид ад-дин, *Джāми' ат-тавāрūх*, рук. ИНА D 66 (а 566) [лл. 424а—509а, вост. паг. 442а—529б].

Закария Казвини. — Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's *Kosmographie.* I. Th. كتاب عجائب المخلوقات *Die Wunder der Schöpfung.* Aus den Handschriften der Bibliotheken zu Berlin, Gotha, Dresden und Hamburg hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1849; II. Th. كتاب آثار البلاد *Die Denkmäler der Länder.* Aus den Handschriften des Hn. Dr. Lee und der Bibliotheken zu Berlin, Gotha und Leyden hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1848.

Залеман, *Легенда про Хаким-Атà.* — К. Г. Залеман, *Легенда про Хаким-Атà*, — ИАН, сер. V, т. IX, 1898, стр. 105—150.

Заринский, *Очерки древней Казани.* — П. Заринский, *Очерки древней Казани, преимущественно XVI века*, Казань, 1877.

Засыпкин, *Архитектура Средней Азии.* — Б. Н. Засыпкин, *Архитектура Средней Азии*, М., 1948.

Зафар-нāме — см. Шереф ад-дин Йезди.

Захир ад-дин Мар'аши. — Sehir-eddin's *Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan.* Persischer Text, hrsg. von B. Dorn, St.-Pbg., 1850 (Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres, hrsg., übers. und erläutert von B. Dorn, I. Theil).

Зевакин — Пенчко, *Из истории социальных отношений.* — Б. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, *Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в.*, — ИЗ, т. 7, 1940, стр. 3—33.

Зелинский, *Древний мир и мы.* — *Древний мир и мы.* Лекции, читанные ученикам выпускных классов С.-Петербургских гимназий и реальных училищ 1903 г. проф. С.-Петербургского университета Ф. Ф. Зелинским, — ЖМНП, ч. CCCXXXVIII, 1903, отд. 3, № 8, стр. 1—45; ч. CCCXXXIX, № 9, стр. 17—47; № 10, стр. 65—114.

Зимин, *Нахшеб, Несеф, Карши.* — Л. Зимин, *Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности,* — «В. В. Бартольду», стр. 197—214.

Зимин, *Развалины старого Пейкенда.* — Л. Зимин, *Развалины старого Пейкенда,* — ПТКЛА, год XVIII [на обложке — XVII], вып. 2, 1913, стр. 59—89.

Зимин, *Первые шаги Алим-хана.* — Л. Зимин, *Первые шаги Алим-хана на государственном поприще,* — ПТКЛА, год XVIII, вып. 2, 1913, стр. 101—108.

Зяблин, *Второй буддийский храм.* — Л. П. Зяблин, *Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища,* Фрунзе, 1961.

Ибн Арабшах, изд. Мангера. — Ahmedis Arabsidae *Vitae et rerum gestarum Timuri, qui vulgo Tamerlanes dicitur, historia.* Latine vertit, et adnotationes adjecit S. H. Manger, t. I—II, Leovardiae, 1767—1772.

Ибн Арабшах, каирск. изд. — كتاب عجائب المقدور فى اخبار تيمور تأليف شهاب الدين احمد بن محمد بن عبد الله الدمشقى الانصارى المعروف بابن عرب شاه ' القاهرة ' ١٢٨٥ [=1868-69].

Ибн ал-Асир, изд. Торнберга. — Ibn-el-Athiri *Chronicon quod perfectissimum inscribitur,* ed. C. J. Tornberg, vol. I—XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876.

Ибн Баттута. — *Voyages d'Ibn Batoutah,* texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et B. R. Sanguinetty, t. I—IV, Paris, 1853—1858.

Ибн Биби (перс.). — *Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjouknâmeh d'Ibn-Bîbî.* Texte persan publié d'après le Ms. de Paris par M. Th. Houtsma, Leide, 1902 (RTHS, vol. IV).

Ибн Биби (тур.). — *Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bîbî.* Texte turc publié d'après les Mss. de Leide et de Paris par M. Th. Houtsma, Leide, 1902 (RTHS, vol. III).

Ибн Мискавейх, изд. Амедроза—Марголиуса. — *The concluding portion of the Experiences of the Nations* by Miskawaihi, Office-holder at the Courts of the Buwaihid Sultans, Mu'izz al-daulah, Rukn al-daulah, and 'Adud al-daulah. Arabic text, ed. by H. F. Amedroz, vol. I. *Reigns of Muqtadir, Qahir and Radi,* Oxford, 1920 (*Eclipse,* vol. I); vol. II. *Reigns of Muttaqi, Mustakfi, Muti' and Ta'i',* Oxford, 1921 (*Eclipse,* vol. II). Translation from the Arabic by D. S. Margoliouth, vol. I. *Reigns of Muqtadir, Qahir and Radi,* Oxford, 1921 (*Eclipse,* vol. IV); vol. II. *Reigns of Muttaqi, Mustakfi, Muti' and Ta'i',* Oxford, 1921 (*Eclipse,* vol. V).

Ибн ал-Мунаввар, *Асрār ат-тауḥīд.* — В. А. Жуковский, *Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Са'ида.* Персидский текст, СПб., 1899.

Ибн Русте. — *Kitâb al-a'lâk an-nafisa VII* auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitâb al-boldân* auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbî, [ed. M. J. de Goeje], edit. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII) [Ибн Русте — стр. 1—229].

Ибн ал-Факих. — *Compendium libri Kitâb al-Boldân* auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhâni quod edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1885 (BGA, V).

Ибн Халликан, пер. де Слэна. — كتاب وفيات الاعيان Ibn Khallikan's *Biographical Dictionary,* transl. from the Arabic by B^{n}. Mac Guckin de Slane, vol. I—IV, Paris, 1842—1871.

Ибн Хаукаль. — *Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu'l-Kásim Ibn Haukal. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1873 (BGA, II).

Ибн Хордадбех. — *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik* (*Liber viarum et regnorum*) auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh et *Excerpta e Kitâb al-Kharâdj* auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (BGA, VI) [Ибн Хордадбех: текст — стр. 2—183; перевод — стр. 1—144].

Иванов, *Архив хивинских ханов.* — П. П. Иванов, *Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии*, Л., 1940.

Иванов, *К вопросу об исторической топографии.* — П. П. Иванов, *К вопросу об исторической топографии Старого Сайрама*, — «В. В. Бартольду», стр. 151—164.

Иванов, *Материалы.* — П. П. Иванов, *Материалы по археологии котловины Иссык-Куля*, — ТИИ АН КиргССР, вып. 3, Фрунзе, 1957, стр. 65—107.

Иванов, *Сайрам.* — П. П. Иванов, *Сайрам. Историко-археологический очерк*, — «Ал-Искендерийя», стр. 49—56.

Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов.* — П. П. Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв.*, М.—Л., 1954.

Идриси, пер. Жобера. — *Géographie* d'Édrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagnée de notes, par A. Jaubert, t. I—II, Paris, 1836—1840.

Из архива шейхов Джуйбари. — *Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI в.*, т. I, тексты, М.—Л., 1938.

Иловайский, *Разыскания.* — Д. Иловайский, *Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю*, изд. 2-е, исправл. и дополн. С присоединением вопроса о гуннах, М., 1882.

Иностранцев, *К толкованию.* — К. А. Иностранцев, *К толкованию нижней надписи в Варухском ущелье*, — СМАЭ, т. V, вып. 2, Л., 1925, стр. 551—556.

Иностранцев, *О до-мусульманской культуре.* — К. А. Иностранцев, *О до-мусульманской культуре Хивинского оазиса*, — ЖМНП, н. с., ч. XXXI, 1911, февраль, отд. 2, стр. 284—318.

Иностранцев, *Соображения.* — К. А. Иностранцев, *Соображения по двум вопросам мусульманской археологии, относящимся к России*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. XVI—XVIII.

Искандаров, *Восточная Бухара.* — Б. И. Искандаров, *Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.*, ч. I—II, Душанбе, 1962—1963 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXXII, XXXIX).

Искендер Мунши. — كتاب مستطاب تاريخ عالم آراى عباسى كه بنام نامى سلطان ماضى شاه عباس صفوى ... پرداخته شده است اخبارت سليس و دلپذير كه روان خواننده‌را نشاط افزايد و مطالعت كنندگانرا انبساط بخشد كه بى تملقات مورّخانه و تكلّفات نيشانه نوشته از تأليفات مرحوم اسكندر بيك تركمان دبير مخصوص سلطان مغفور مذكور است، جلد ۱—۳، طهران، ۱۳۱۴—۱۳۱۳ [= 1895—1897].

Истахри. — *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1870 (BGA, I).

История и археология средневекового Крыма. — *История и археология средневекового Крыма*, под ред. А. П. Смирнова, Киев, 1958 (Труды по истории и археологии Крыма, вып. 2).

История народов Узбекистана, т. 1. — К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец, *История народов Узбекистана*, т. 1, *С древнейших времен до начала XVI в.*, Ташкент, 1950.

История таджикского народа. — *История таджикского народа*, т. I—III, М., 1963—1965.

История Узбекской ССР. — *История Узбекской ССР*, т. I, кн. 1—2; т. II, Ташкент, 1955—1957.

Исфизари. — Му'ин ад-дин Исфизари, *Китāб раузāт ал-джаннāт фй ауṣāф мадīнат Харāт*, рук. ун-та (ЛГУ) № 558.

К вопросу об улучшении. — *К вопросу об улучшении существующих в Туркестанском крае оросительных каналов*, — «Туркестан», 1912, № 42.

Кабанов, *Археологические данные.* — С. К. Кабанов, *Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв.*, — ВДИ, 1956, № 2, стр. 163—174.

Кабанов, *Археологические наблюдения.* — С. К. Кабанов, *Археологические наблюдения на строительстве Иски-ангарского канала*, — ИМКУ, вып. I, 1953, стр. 154—175.

Кабанов, *Археологические работы 1948 г.* — С. К. Кабанов, *Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе*, — ТИИА АН УзССР, т. II, Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, 1950, стр. 86—133.

Кабанов, *К вопросу о столице кидаритов.* — С. К. Кабанов, *К вопросу о столице кидаритов*, — ВДИ, 1953, № 2, стр. 201—207.

Кабанов, *Руины дворца Ак-сарай.* — С. К. Кабанов, *Руины дворца Ак-сарай в Шахрисябзе*, — МАУз, т. I, Ташкент, 1948 (ТИИА АН УзССР), стр. 35—46.

Калинин, *Казань.* — Н. Ф. Калинин, *Казань. (Исторический очерк)*, Казань, 1952.

Каллаур, *Древние города и селения.* — В. Каллаур, *Древние города и селения (развалины) в Перовском уезде в долине рр. Сыр-Дарьи и Яны-Дарьи*, — ПТКЛА, год VIII, 1903, стр. 59—69.

Каллаур, *Древние города, крепости и курганы.* — В. Каллаур, *Древние города, крепости и курганы по реке Сыр-Дарье в восточной части Перовского уезда*, — ПТКЛА, год VI, 1901, стр. 69—78.

Каллаур, *Древние города Саганак, Ашнас и другие.* — В. Каллаур, *Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 году*, — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 6—16.

Каллаур, *Древние местности.* — В. А. Каллаур, *Древние местности Аулиаатинского уезда на старом караванном пути из Тараза (Таласа) в Восточный Туркестан*, — ПТКЛА, год II, 1897, прилож. к прот. засед. от 5 мая 1897 г., стр. 1—9.

Каллаур, *Новая археологическая находка.* — В. Каллаур, *Новая археологическая находка в Аулиеатинском уезде*, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 265—271.

Каллаур, *О следах древнего города «Дженд».* — В. А. Каллаур, *О следах древнего города «Дженд» в низовьях р. Сыр-Дарьи*, — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 78—89.

Калмыков, *Хива.* — А. Д. Калмыков, *Хива*, — ПТКЛА, год XII, 1908, стр. 49—71.

Кара-тепе. — Т. В. Грек, Е. Г. Пчелина, Б. Я. Ставиский, *Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в старом Термезе. Основные итоги работ 1937, 1961—1962 гг. и индийские надписи на керамике*, М., 1964.

Карамзин, *История.* — Н. М. Карамзин, *История государства Российского.* Печатано под набл. проф. П. Н. Полевого, изд. Е. Евдокимова, т. I—XII, СПб., 1892.

Караульщиков, *Маршрут.* — Караульщиков, поручик, *Маршрут от г. Денау до Патта-Гиссара*, — СМА, вып. LVII, 1894, стр. 394—398.

Карк, *Заметки.* — И. Карк, *Заметки о долине Мургаба*, — ИИРГО, т. XLVI, 1910, стр. 261—321.

Кастанье, *Древности.* — И. Кастанье, *Древности Ура-тюбе и Шахристана*, — ПТКЛА, год XX, [вып. 1], 1915, стр. 32—52.

Кастанье, *Историко-этнографическая поездка.* — И. А. Кастанье, *Историко-этнографическая поездка в Наманганский уезд Ферганской области*, — ИТОРГО, т. X, вып. I, 1914, стр. 125—154.

Кастанье, *Отчет.* — И. Кастанье, *Отчет о поездке в Шахрохию и местность «Канка»*, — ПТКЛА, год XVIII, вып. 2, 1913, стр. 112—123.

Катанов, *Хорезмийская свинцовая плита.* — Н. Катанов, *Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куня Ургенча*, — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 015—017.

Кеппен, *О древностях.* — П. Кеппен, *О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических*, СПб., 1837 («Крымский сборник»).

Кесати, *Раскопки на Пайкенде.* — Р. Кесати, *Раскопки на Пайкенде в 1940 году*, — СГЭ, вып. IV, 1947, стр. 26—29.

Кесь, *Русло Узбой.* — Л. С. Кесь, *Русло Узбой и его генезис*, М.—Л., 1939 (ТИГАН, вып. XXX).

Киселев, *Древние города.* — С. В. Киселев, *Древние города Монголии*, — СА, 1957, № 2, стр. 97—101.

Киселев, *Из истории китайской черепицы.* — С. В. Киселев, *Из истории китайской черепицы*, — СА, 1959, № 3, стр. 173—177.

Киселев, *О древних городах Монголии.* — [С. В. Киселев], *Доклад о древних городах Монголии С. В. Киселева на отделении исторических наук*, — ВАН, 1956, № 10, стр. 95—96.

Кисляков, *Очерки.* — Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана.* Изд. 2-е, испр. и дополн., Сталинабад, 1954.

Клавихо, изд. Срезневского. — Рюи Гонзалес де Клавихо, *Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.* Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под ред. И. И. Срезневского, СПб., 1881 (Сб. ОРЯС, т. XXVIII, № 1).

Кляшторный, *Кангюйская этно-топонимика.* — С. Г. Кляшторный, *Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах*, — СЭ, 1951, № 3, стр. 54—63.

Кляшторный, *Яксарт.* — С. Кляшторный, *Яксарт — Сыр-Дарья*, — СЭ, 1953, № 3, стр. 189—190.

Книга Большому Чертежу. — *Книга Большому Чертежу.* Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной, Л., 1950.

Кобеко. ЗВОРАО, т. VII [стр. 335—338]. — Д. К[обеко], [рец. на:] Симеон Бекбулатович хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской, 1567—1616 гг. Исторический очерк, составил Н. В. Лилеев, Тверь, 1891, — ЗВОРАО, т. VII, 1893, стр. 335—338.

Кобеко, *К вопросу о местоположении Сарая.* — Д. Кобеко, *К вопросу о местоположении города Сарая, столицы Золотой Орды*, — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 267—277.

Ковалевский, *К ранней истории Азова.* — М. М. Ковалевский, *К ранней истории Азова*, — «Труды XII археологического съезда в Харькове, 1902», т. II, М., 1905, стр. 109—174.

Ковальская — Гаджи-заде, *Баку.* — Н. Я. Ковальская и А. М. Гаджи-заде, *Баку. (Экономико-географический очерк)*, М., 1955.

Кожемяко, *Раннесредневековые города.* — П. Н. Кожемяко, *Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины*, Фрунзе, 1959.

Козубский, *Дагестанский сборник.* — *Дагестанский сборник*, составил действительный член-секретарь комитета Е. И. Козубский, вып. II, Темир-Хан-Шура, 1904.

Козубский, *История города Дербента.* — Е. И. Козубский, *История города Дербента*, Темир-Хан-Шура, 1906.

Козубский, *Памятная книжка Дагестанской области.* — *Памятная книжка Дагестанской области.* Составил Е. И. Козубский, Темир-Хан-Шура, 1895.

Кокандская автономия. — *Кокандская автономия*, — БСЭ, изд. 1-е, т. 33, 1938, стр. 267—269.

Коковцов, *К сиро-турецкой эпиграфике.* — П. К. Коковцов, *К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья*, — ИАН, сер. VI, т. III, 1909, стр. 773—796.

Коковцов, *Христианско-сирийские надгробные надписи.* — П. Коковцов, *Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка*, — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. 0190—0200.

Колли, *Христофоро Ди-Негро.* — Л. Колли, *Христофоро Ди-Негро, последний консул Сольдаи*, — ИТУАК, год XIX, № 38, Симферополь, 1905, стр. 1—28.

Комаров, *Возражения.* — А. В. Комаров, [*Возражения на сообщение В. В. Бартольда «К вопросу о впадении Аму-дарьи в Каспийское море»*], — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. XI—XII.

Кононов, *О семантике.* — А. Н. Кононов, *О семантике слов қара и аҡ в тюркской географической терминологии*, — ИАН ТаджССР, ООН, вып. 5, 1954, стр. 83—85.

Коншин, *Разъяснение.* — А. М. Коншин, *Разъяснение вопроса о древнем течении Аму-Дарьи по современным геологическим и физико-географическим данным*, СПб., 1897 (ЗИРГО по общ. геогр., т. XXXIII, № 1).

Коран, пер. Крачковского. — *Коран*, перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, М., 1963.

Корженевский, *Ферганская долина.* — Н. Л. Корженевский, *Ферганская долина*, — «Природа», 1953, № 5, стр. 73—81.

Корнилов, *Кашгария.* — Корнилов, ген. шт. полк., *Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания.* Под ред. начальника штаба Туркестанского военного округа ген.-лейт. Сахарова, Ташкент, 1903.

Корытов, *Самозванец Пулат-хан.* — Н. П. Корытов, *Самозванец Пулат-хан. (Историческая заметка)*, — «Ежегодник Ферганской области», № 1, Новый Маргелан, 1902, стр. 19—40.

Костенко, *Туркестанский край.* — Л. Ф. Костенко, *Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа*, т. I—III, СПб., 1880 (Материалы для географии и статистики России).

Крачковский, *Арабская литература на Северном Кавказе.* — И. Ю. Крачковский, *Арабская литература на Северном Кавказе*, — Избранные сочинения, т. VI, стр. 606—622.

Крестовский, *В гостях у эмира Бухарского.* — В. В. Крестовский, *В гостях у эмира Бухарского*, СПб., 1887.

Крымская АССР. — *Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика (Крым)*, — БСЭ, изд. 1-е, т. 35, 1938, стр. 279—324.

Кудама. — *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum)* auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah ibn Khordâdhbeh et *Excerpta e Kitâb al-Kharâdj* auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (BGA, VI). [Кудама: текст — стр. 184—266; пер. — стр. 144—208.]

Кузнецов, *Дарвоз.* — *Дарвоз. Рекогносцировка* Ген. Штаба капитана Кузнецова в 1892 г., Новый Маргелан, 1893.

Кузьмин-Короваев, *Российско-Персидская граница.* — *Российско-Персидская граница между Закаспийскою областью и Хорасаном.* Составлено г. ш. полк. Кузьминым-Короваевым, — СМА, вып. XL, 1889, стр. 1—134.

Кулаковский, *Прошлое Тавриды.* — Ю. Кулаковский, *Прошлое Тавриды. (Краткий исторический очерк)*, Киев, 1914.

Кун, *Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи.* — А. Кун, *Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи*, — МСТ, вып. IV, 1876, стр. 223—259.

Кун, *От Хивы до Кунграда.* — А. Кун, *От Хивы до Кунграда*, — МСТ, вып. IV, 1876, стр. 203—222.

Куник—Розен, *Известия ал-Бекри.* — А. Куник и В. Р. Розен, *Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах*, ч. 1. (Статьи и разыскания А. Куника и В. Розена), СПб., 1878 (прилож. к ЗИАН, т. XXXII, № 2); ч. 2 (Разыскания А. Куника), СПб., 1903.

Кунцевич, *История о Казанском царстве.* — Г. З. Кунцевич, *История о Казанском царстве (ее списки)*, — Сб. ОРЯС, т. LXIX, № 2, 1901, стр. 1—126.

Курьянов, *Крым.* — М. С. Курьянов, *Крым*, Киев, 1955.

Кутадгу билик, изд. Радлова. — *Das Kudatku Bilik* des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, hrsg. von W. Radloff, T. I. *Der Text in Transscription*, St.-Pbg., 1891; T. II. *Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo*, St.-Pbg., 1900—1910.

Кушакевич, *Сведения.* — А. А. Кушакевич, *Сведения о Ходжентском уезде*, — ЗИРГО по общ. географии (отд. геогр., матем. и физ.), т. IV, 1871, стр. 173—265.

Кушкеки, *Каттаган и Бадахшан.* — Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки, *Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения.* С 34 картами. Пер. с персидского П. П. Введенского, Б. И. Долгополова и Е. В. Левкиевского, под ред., с предисловием и примечаниями А. А. Семенова, Ташкент, 1926.

Кызласов, *Работы Чуйского отряда.* — Л. Р. Кызласов, *Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг.*, — КСИЭ, вып. XXVI, 1957, стр. 88—96.

Кызласов, *Раскопки древнего Баласагуна.* — Л. Р. Кызласов, *Раскопки древнего Баласагуна*, — «Вестник МГУ», 1953, № 11, СОН, вып. 14, стр. 159—160.

Лерх, *Археологическая поездка.* — П. Лерх, *Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году*, СПб., 1870.

Ливанов, *Бахчисарай.* — Ф. В. Ливанов, *Бахчисарай и его достопримечательности в Крыму. Историческое описание*, М., 1874.

Лилеев, *Симеон Бекбулатович.* — Н. В. Лилеев, *Симеон Бекбулатович хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской, 1567—1616 г. (Исторический очерк)*, Тверь, 1891.

Литвинский—Давидович, *Предварительный отчет.* — Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович, *Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г.*, — ДАН ТаджССР, вып. II, Сталинабад, 1954, стр. 39—52.

Литвинский—Мошкова, *Изучение Така-Языра, Дуруна.* — Б. А. Литвинский, В. Г. Мошкова, *Изучение Така-Языра, Дуруна (Итоги работ V отряда ЮТАКЭ за 1946 г.)*, — «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 276—325.

Логофет, *Бухарское Ханство.* — Д. Н. Логофет, *Бухарское Ханство под русским протекторатом*, т. I—II, СПб., 1911.

Логофет, *В горах и на равнинах Бухары.* — Д. Н. Логофет, *В горах и на равнинах Бухары. (Очерки Средней Азии)*, СПб., 1913.

Логофет, *На границах Средней Азии.* — Д. Н. Логофет, *На границах Средней Азии*, кн. I—III, СПб., 1909.

Логофет, *Страна бесправия.* — Д. Н. Логофет, *Страна бесправия. Бухарское ханство в его современном состоянии*, СПб., 1909.

Ломакин, *Обычное право туркмен.* — А. Ломакин, *Обычное право туркмен (адат)*, Асхабад, 1897.

Лыкошин, *Очерк археологических изысканий.* — Н. Лыкошин, *Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае, до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии*, — «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, июль, стр. 1—33; сентябрь, стр. 1—26; то же: ПТКЛА, год I, 1896, стр. 1—58.

Люшин, *От Чиназа до Перовска.* — Д. Люшин, *От Чиназа до Перовска по Сыр-Дарье*, — ИТОРГО, т. IX, 1913, стр. 84—105.

Маверди. — Maverdii *Constitutiones politicae.* Ex recensione Maximiliani Engeri Accedunt adnotationes et glossarium, Bownae, 1853.

Маджи, *К истории.* — А. Е. Маджи, *К истории феодального Ходжента,* — «Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сборник I-й», Сталинабад, 1945, стр. 114—145.

Маев, *Очерки Бухарского ханства.* — Н. А. Маев, *Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края. Очерки горных бекств Бухарского ханства,* — МСТ, вып. V, 1879, стр. 77—332.

Макдиси. — *Descriptio imperii moslemici* auctore Schamso'd-dîn Abû Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn abî Bekr al-Bannâ al-Basschârî al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1877; ed. 2: 1906 (BGA, III).

Маллицкий, *К истории Ташкента.* — Н. Маллицкий, *К истории Ташкента под кокандским владычеством,* — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 126—137.

Маллицкий, *Несколько страниц.* — Н. Маллицкий, *Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие,* — ПТКЛА, год III, 1897—1898, стр. 158—187.

Малов, *Памятники.* — С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования,* М.—Л., 1951.

Мандельштам, *Материалы,* — А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э.,* Сталинабад, 1957 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. LIII).

Марко Поло, изд. Потье. — *Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise, conseiller privé et commissaire impérial le Khoubilaï-Khaân;* rédigé en français sous la dictée en 1298 par Rusticien de Pise; poublié pour la première fois d'après trois manuscrits inédits de la Bibliothèque impériale de Paris, présentant la rédaction primitive du Livre, . . .accompagnée de variantes, de l'explication des mots hors d'usage et de Commentaires géographiques et historiques, tirés des écrivains orientaux, principalement chinois par M. G. Pauthier, pt. I—II, Paris, 1865.

Марко Поло, изд. Юла—Кордье. — *The Book of Ser Marco Polo, the Venetian, concerning the kingdoms and marvels of the East.* Newly transl. and ed. with notes by H. Yule, 3d ed., revised throughout in the light of recent discoveries by H. Cordier (of Paris). With a memoir of H. Yule by his daughter A. F. Yule, vol. I—II, London, 1903.

Марко Поло, пер. Минаева. — И. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло.* Перевод старофранцузского текста. Изд. ИРГО под ред. действит. члена В. В. Бартольда, СПб., 1902 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXVI).

Марко Поло, пер. Минаева, изд. 2-е. — *Книга Марко Поло.* Перевод старофранцузского текста И. П. Минаева. Редакция и вступительная статья И. П. Магидовича, М., 1955.

Марков, *Инвентарный каталог.* — А. Марков, *Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа,* СПб., 1896.

Марр, *Ани.* — Н. Я. Марр, *Ани,* Ереван, 1939.

Марр, *Ани, столица древней Армении.* — Н. Я. Марр, *Ани, столица древней Армении. Историко-географический набросок,* — сб. «Братская помощь армянам, пострадавшим в Турции», изд. 2-е, М., 1898, стр. 196—222.

Марр, *Барон В. Р. Розен.* — Н. Марр, *Барон В. Р. Розен и христианский Восток,* — «Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании Отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов барона В. Р. Розена», СПб., 1909 (Прилож. к XVIII тому ЗВОРАО), стр. 8—30.

Марр, *Надгробный камень.* — Н. Я. Марр, *Надгробный камень из Семиречья с армяно-сирийской надписью 1323 года,* — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 344—349.

Марр, *О раскопках и работах в Ани летом 1906 г.* — Н. Я. Марр, *О раскопках и работах в Ани летом 1906 г. (Предварительный отчет),* СПб., 1907 (Издания Фак-та восточных языков Имп. С.-Петерб. ун-та, № 5. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. X).

Марр, *Раскопки в Ани в 1904 г.* — Н. Я. Марр, *Раскопки в Ани в 1904 г.*, — ИАК, вып. 18, 1906, стр. 73—94.

Марр, *Талыши.* — Н. Я. Марр, *Талыши*, Пг., 1922 (Труды комиссии по изучению племенного состава населения России, вып. IV).

Масальский, *Туркестанский край.* — В. И. Масальский, *Туркестанский край*, СПб., 1913 (Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX).

Маслов, *Крым.* — Е. П. Маслов, *Крым. Экономико-географическая характеристика*, М., 1954.

В. Массон, *Археологические работы на Мисрианской равнине.* — В. М. Массон, *Археологические работы на Мисрианской равнине*, — КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 66—71.

В. Массон, *Маргиана.* — В. М. Массон, *Древнеземледельческая культура Маргианы*, М.—Л., 1959 (МИА, № 73).

М. Массон, *Ахангеран.* — М. Е. Массон, *Ахангеран. Археолого-топографический очерк*, Ташкент, 1953.

М. Массон, *Городища Нисы.* — М. Е. Массон, *Городища Нисы в селении Багир и их изучение*, — «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 16—105.

М. Массон, *Городища Старого Термеза.* — М. Е. Массон, *Городища Старого Термеза и их изучение*, — «Труды УзФАН», сер. 1, вып. 2, 1936, стр. 5—122.

М. Массон, *Из работ ЮТАКЭ в 1962 г.* — М. Е. Массон, *Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г.*, — ИАН ТуркмССР, СОН, 1963, № 3, стр. 45—58.

М. Массон, *К периодизации.* — М. Е. Массон, *К периодизации древней истории Самарканда*, — ВДИ, 1950, № 4, стр. 155—166.

М. Массон, *Новые данные о надписях.* — М. Е. Массон, *Новые данные о надписях одного Мешхед-и Мисрианского минарета*, — ЭВ, VII, 1958, стр. 7—16.

М. Массон, *О датировке.* — М. Е. Массон, *О датировке так называемого мавзолея Тюрябек-ханым в Куня-Ургенче*, — ИАН ТуркмССР, 1952, № 4, стр. 86—87.

М. Массон, *О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда.* — М. Е. Массон, *О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в городе Туркестане*, — ИСАГО, т. XIX, 1929, стр. 39—45.

М. Массон, *Прошлое Ташкента.* — М. Е. Массон, *Прошлое Ташкента (археолого-топографический и историко-архитектурный очерк)*, — ИАН УзССР, 1954, № 2, стр. 105—132.

М. Массон, *Силуэты Сумбарского района.* — М. Е. Массон, *Силуэты Сумбарского района. Историко-археологический очерк*, — «Туркменоведение», 1931, № 3—4, стр. 53—56.

М. Массон, *Старый Сайрам.* — М. Е. Массон, *Старый Сайрам*, — «Изв. Средазкомстариса», вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 23—42.

М. Массон, *Южно-Туркменистанская экспедиция 1947 г.* — М. Е. Массон, *Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ). 1947*, — «Труды ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1951, стр. 7—72.

Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз.* — М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, *Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке*, — «Труды САГУ», н. с., вып. LXI, Гуманитарные науки, кн. 6, Археология Средней Азии, Ташкент, 1953, стр. 17—97.

Мас'уди, *Мурӯдж.* — Maçoudi, *Les Prairies d'or.* Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t. I—IX, Paris, 1861—1877 (Collection d'ouvrages orientaux publiée par la Société asiatique).

Мас'уди, *Танбйх.* — *Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf* auctore al-Masûdî. . ., [ed. M. J. de Goeje], Lugduni-Batavorum, 1894 (BGA, VIII).

Матвеев, *Поездка.* — [Матвеев], *Поездка генерального штаба полковника Матвеева по Бухарским и Авганским владениям в феврале 1877 г.*, — СМА, вып. V, 1883, стр. 1—57.

Материалы археологической экспедиции на строительстве БФК. — *Материалы археологической экспедиции на строительстве БФК*, Ташкент, 1951 (ТИИА АН УзССР, т. IV).

Материалы по земле-водопользованию. — «Материалы по земле-водопользованию в Закаспийской области, собранные и изданные по приказанию Начальника Закаспийской области, генерал-лейтенанта Д. И. Суботича», Асхабад, 1903.

Махди-хан. — تاريخ نادرى تأليف محمد مهدى خان ابن محمد نصير استرابادى ' [литогр.] ١٢٦٢ ' [تهران].

Махмуд ибн Вели. — Махмуд ибн Вели, *Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар*, рук. Ind. Off. № 1496 (№ 575 по новому каталогу).

Махмуд Кашгарский. — كتاب ديوان لغات الترك مؤلفى: محمود بن الحسين بن محمد الكاشغرى. تاريخ تأليفى ٤٦٦ سنهٔ هجريه ' [مصحح كليسلى معلم رفعت] ' جلد ١—٣ ' استانبول ' ١٣٣٣—١٣٣٥ [=1915—1917].

Мелиоранский, *Документ.* — П. Мелиоранский, *Документ уйгурского письма султана Омар-шейха*, — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. 01—012.

Мелиоранский, *По поводу новой находки.* — П. Мелиоранский, *По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде*, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 271—272.

Мелиоранский, *Сельджук-намэ.* — П. Мелиоранский, *Сельджук-намэ, как источник для истории Византии в XII и XIII веках*, — ВВ, т. I, 1894, стр. 613—640.

Миклухо-Маклай, *Описание.* — Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения*, [вып. 1, *Географические и космографические сочинения*], М.—Л., 1955.

Минаев, *Сведения.* — И. Минаев, *Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи*, [СПб., 1879.

Минорский, *Луристанские бронзы.* — В. Ф. Минорский, *Луристанские бронзы и кисситы*, — ВДИ, 1959, № 1, стр. 220—222.

Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери. — *Histoire des sultans du Kharezm*, par Mirkhond; texte persan, accompagné de notes historiques, géographiques et philologiques [par Defrémery], à l'usage des élèves de d'École royale et spéciale des langues orientales vivantes, Paris, 1842 (Chrestomathies orientales, [II]).

Мирхонд, *История Чингиз-хана*, изд. Жобера. — *Vie de Djenghiz-Khan*, par Mirkhond; (Texte persan [publ. par A. Jaubert]). A l'usage des élèves de l'École royale et spéciale des langues orientales vivantes, Paris, 1841 (Chrestomathies orientales, [I]).

Мирхонд, лакнауское изд. — تاريخ روضة الصفا كه مشتمل است بر بدائع اخبار و غرائب آثار تأليف مولانا خاوند شاه هروى... ' جلد ١—٧ و خاتمه ' لكهنو ' ١٨٩١ م/١٣٠٨ هـ.

Мирхонд, рук. — Мирхонд, *Раузат ас-сафа'*, рук. ун-та (ЛГУ) № 292.

Михайлова, *Новые эпиграфические данные.* — А. И. Михайлова, *Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в.*, — ЭВ, V, 1951, стр. 10—20.

Модестов, *Лекции.* — В. Модестов, *Лекции по истории римской литературы*, СПб., 1888.

Моисей Каганкатваци, *История Агван.* — *История Агван* Моисея Каганкатваци, писателя X века. Пер. с армянского [и предисл. К. Патканьяна], СПб., 1861.

Моисей Хоренский, изд. Патканова. — *Армянская география VII века по Р. Х.* (*приписывавшаяся Моисею Хоренскому*). Текст и перевод с присовокуплением карт и объяснительных примечаний издал К. П. Патканов, СПб., 1877.

Мосхейм. — Lavrentii Moshemii *Historia Tartarorum ecclesiastica. Adjecta est Tartariae Asiaticae secundum recentiores geographos in mappa delineatio*, Helmstadt, 1741.

Мунис — Агехи. — Шир-Мухаммед Мунис и Мухаммед-Риза Агехи, *Фирдаус ал-икбал*, рук. ИНА С 571 (590 oa); рук. ИНА Е 6 (590 ob), лл. 1б—263а.

Муравьев, *Грузия и Армения*. — А. Н. Муравьев, *Грузия и Армения*, ч. I—III, СПб., 1848.

Муравьев, *Путешествие*. — *Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах* гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров, ч. I—II, М., 1822.

Мусеви. — Мусеви, *Та'рӣх-и хайрӓт*, рук. Брит. муз. Or. 4898 (Rieu, *Suppl. Pers.*, № 423).

Мухамедов, *Стена Каннирак*. — Х. Мухамедов, *Из истории древних оборонительных стен вокруг оазисов Узбекистана. «Стена Каннирак» Древне-Бухарского оазиса*. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1961.

Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туҳфат ал-ҳӓнӣ*. — Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туҳфат ал-ҳӓнӣ*, рук. ИНА С 523 (с 581b).

Мухаммед Мир Алим. — Мухаммед Мир Алим, *Та'рӣх-и султӓн сайӣд амӣр Наср-уллӓ*, рук. ГПБ Ханыков 81a.

Мухаммед-Риза, изд. Казембека. — *Ассеб о-Ссейяр или Семь планет содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т. е. с 871/1466 по 1151/1737 г.* Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы, издано под наблюдением Мирзы Казембека, Казань, 1832.

Мухаммед-Салих, *Шейбӓнӣ-нӓме*, изд. Вамбери. — *Die Scheibaniade. Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesangen*, von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Übersetzung und Noten von H. Vámbéry, Budapest, 1885.

Мухаммед-Салих, *Шейбӓнӣ-нӓме*, изд. Мелиоранского. — Мухаммед Салих, *Шейбанинамэ*. Джагатайский текст. Посмертное изд. П. М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием А. Н. Самойловича, СПб., 1908 (Издания факультета восточных языков имп. С.-Петербургского ун-та, № 27).

Мухаммед Тахир ал-Карахи, *Хроника*. — *Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля*, т. 1, перевод с арабского А. М. Барабанова, М.—Л., 1941; т. 2, арабский текст, подготовленный А. М. Барабановым, М.—Л., 1946.

Мухаммед-Хайдер. — *The Tarikh-i-Rashidi* of Mirza Muhammad Haidar, Dughlát. *A History of the Moghuls of Central Asia*. An English version ed. with commentary, notes and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross, London, 1895.

Мухаммед-Юсуф Мунши, изд. Сенковского — см. Senkowski, *Supplément*.

Мухаммед-Юсуф Мунши, рук. — Мухаммед-Юсуф Мунши, *Та'рӣх-и Мукӣм-хӓнӣ*, рук. ГПБ Ханыков 81b; рук. у-та (ЛГУ) № 849.

Мушкетов, *Туркестан*. — И. В. Мушкетов, *Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 г.*, т. I—II, СПб., 1886—1906; изд. 2-е: Пг., 1915.

Назаров, *Записки*. — [Ф. Назаров], *Записки о некоторых народах и землях средней части Азии* Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах, СПб., 1821.

Назимов, *План города Хивы*. — *План города Хивы, снятый в 1740 г. инженером Назимовым*, — ГИ, 1849, стр. 200.

Наливкин, *История Кокандского ханства*. — В. П. Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства*, Казань, 1886.

«Народы Дагестана». — «Народы Дагестана». Сб. статей под ред. М. О. Косвена и Х. М. О. Хашаева, М., 1955.

Насир-и Хусрау, *Сафар-нāме. — Sefer Nameh. Relation du voyage de Nassiri Khosrau en Syrie, en Palestine, en Égypte, en Arabie et en Perse, pendant les années de l'Hégire 437—444 (1035—1042)*. Publié, traduit et annoté par Ch. Schefer, Paris, 1881 (PÉLOV, IIe sér., vol. I).

Наши соседи. — Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. (Издание журнала «Всемирный путешественник»), СПб., 1873.

Негматов, *Историко-географический очерк Усрушаны.* — Н. Н. Негматов, *Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э.*, — «Труды ТАЭ», т. II, М.—Л., 1953 (МИА, № 37), стр. 231—252.

Негматов, *Усрушана.* — Н. Н. Негматов, *Усрушана в древности и раннем средневековье*, Сталинабад, 1957 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. LV).

Нершахи, изд. Шефера. — *Description topographique et historique de Boukhara* par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Ch. Schefer, Paris, 1892 (PÉLOV, IIIe sér., vol. XIII).

Несеви, *Сīрат Джелāль ад-дīн. — Histoire du sultan Djelal ed-Din Mankobirti prince du Kharezm* par Mohammed en-Nesawi. [I], Texte arabe publié d'après le manuscrit de la Bibliothèque Nationale par O. Houdas, Paris, 1891; [II], Traduit de l'arabe par O. Houdas, Paris, 1891 (PÉLOV, IIIe sér., vol. IX—X).

Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина. — *Кандия Малая*, [пер. Вяткина], — СКСО, вып. VIII, 1906, стр. 235—290.

Несефи, *Кандийа*, рук. — Омар б. Мухаммед ан-Несефи ас-Самарканди, *Китāб альканд фī та'рīх Самарканд*, рук. ун-та (ЛГУ) № 859.

Низам ад-дин Шами, рук. — Низам ад-дин Шами, *Зафар-нāме*, рук. Брит. муз. Add. 23980.

Низам ал-мульк, изд. Шефера. — *Siasset Namèh. Traité de Gouvernement.* Composé pour le sultan Melik-Châh par le vezir Nizam oul-Moulk. *Texte persan* édité par Ch. Schefer, Paris, 1891; *Supplement*, Paris, 1897; *Traduit* par Ch. Schefer, Paris, 1893 (PÉLOV, IIIe sér., vol. VII, pt. 1—2; vol. VIII).

Низами, *Искендер-нāме. — The Secander Náma* of Nizami. With a selection from the works of the most celebrated commentators by Bedr Ali and Mir Hosain Ali, Calcutta, 1812.

Низами Арузи, *Чахāр маḳāла*, изд. Казвини. — *Chahár Maqála* («*The Four Discourses*») of Aḥmad ibn 'Umar ibn 'Alí an-Niẓámí al-'Arúdí as-Samarqandí, ed. with introduction, notes and indices, by Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu 'l-Wahháb of Qazwín, Leyden — London, 1910 (GMS, XI, 1).

Низовья Аму-Дарьи. — Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения, М., 1960 (Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3).

Никитин, *Хожение за три моря. — Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг.* Под редакцией академика Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1948 (Литературные памятники).

Нияз-Мухаммед, *Та'рīх-и Шāхруḫī. — Таарих Шахрохи. История владетелей Ферганы.* Сочинение Моллы Нияза Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1885.

Нуṣрат-нāме — см. *Тавāрīх-и гузīде-йи нуṣрат-нāме.*

Обручев, *Закаспийская низменность.* — В. А. Обручев, *Закаспийская низменность*, СПб., 1890 (ЗИРГО по общ. геогр., т. XX, вып. 3).

Ольденбург, *Русская Туркестанская экспедиция.* — С. Ф. Ольденбург, *Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 г., снаряженная по высочайшему повелению состоящим под высочайшим Его Императорского Величества покровитель-*

ством Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет. С 53 таблицами, 1 планом вне текста и 73 рисунками и планами в тексте по фотографиям и рисункам художника С. М. Дудина и планам инженера Д. А. Смирнова, СПб., 1914.

Омари, извлеч. в пер. Катрмера. — [E.] Quatremère, *Notice de l'ouvrage qui a pour titre: Mesalek alabsar fi memalek alamsar* مسالك الابصار في ممالك الامصار *Voyages des yeux dans les royaumes des différentes contrées. (Manuscrit arabe de la Bibliothèque du Roi, n° 583)*, — Notices et extraits, t. XIII, pt. 1, 1838, pp. 151—384.

Описание Черного моря и Татарии. — Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч., 1634. Перев. с итал. Н. Н. Пименов. Издано с примеч. А. Л. Бертье-Делагарда, — ЗООИД, т. XXIV, 1902, отд. II, стр. 89—180 [примеч.: стр. 135—180].

Орбели, *Краткий путеводитель.* — И. А. Орбели, *Краткий путеводитель по городищу Ани,* — Избранные труды, т. I, Ереван, 1963, стр. 103—132.

Орбели, *Развалины Ани.* — И. А. Орбели, *Развалины Ани,* — Избранные труды, т. I, Ереван, 1963, стр. 1—23.

Остроумов, *Исламоведение.* — Н. П. Остроумов, *Исламоведение. Введение в курс исламоведения,* Ташкент, 1914.

Очерки истории Дагестана. — Очерки истории Дагестана, т. I—II, Махачкала, 1957.

Ошанин, *Каратегин и Дарваз.* — В. Ошанин, *Каратегин и Дарваз,* — ИИРГО, т. XVII, 1882, стр. 21—58.

Ошанин, *На верховьях Мук-су.* — В. Ошанин, *На верховьях Мук-су,* — ИИРГО, т. XVI, 1881, стр. 34—59.

Панкратьев, *Исторические памятники Самарканда.* — Г. Панкратьев, *Исторические памятники города Самарканда. Альбом,* Самарканд, 1910.

Пантусов, *Город Алмалык.* — Н. Пантусов, *Город Алмалык и Мазар Туглук-Тимур-хана,* — «Кауфманский сборник», стр. 161—188.

Пантусов, *Кладбище на р. Кунгей-Аксу.* — Н. Н. Пантусов, *Кладбище на р. Кунгей-Аксу (Пржевальского уезда, Семиреченской области), близ сел. Сазановки,* — ПТКЛА, год XI, 1907, стр. 5—26.

Пантусов, *Сведения о Кульджинском районе.* — [Н. Н. Пантусов], *Сведения о Кульджинском районе за 1871—1877 годы,* собранные Н. Н. Пантусовым, Казань, 1881.

Пантусов, *Тамгалы-тас.* — Н. Пантусов, *Тамгалы-тас. (Урочище Капчагай Копальского уезда, Балгалинской волости),* — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 273—276.

Пахомов, *Башни-мавзолеи в Барде.* — Е. А. Пахомов, *Башни-мавзолеи в Барде и их надписи,* — «Труды АзФАН», вып. XXV, Баку, 1936, стр. 81—98.

Пахомов, *К толкованию.* — Е. А. Пахомов, *К толкованию пехлевийских надписей Дербента,* — «Изв. АзГНИИ», историко-этнографическое и археологическое отд., т. I, вып. 2, Баку, 1930, стр. 13—16.

Пахомов, *Монеты Берда'а.* — Е. А. Пахомов, *Монеты Берда'а,* — «Изв. АзФАН», Баку, 1944, № 4, стр. 67—72.

Пахомов, *Пайтакаран—Байлакан.* — Е. А. Пахомов, *Пайтакаран — Байлакан — Орен-Кала,* — «Труды Азербайджанской археологической экспедиции», т. I, М.—Л., 1959 (МИА, № 67), стр. 15—32.

Пашино, *Туркестанский край.* — П. И. Пашино, *Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки,* СПб., 1868.

Перебатов, *Об орошении.* — В. Перебатов, *Об орошении Самаркандской области,* — «Русский Туркестан», 1902, № 237 (30. X), 243 (6. XI), 260 (27. XI), 268 (6. XII), 277 (17. XII).

Петровский, *Башня «Бурана»*. — Н. Петровский, *Башня «Бурана» близ Токмака*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 351—354. [Перепечатано из ТВ № 25 за 1894 г., прим. к стр. 351 — В. Розена.]

Петровский, *Еще заметка*. — Н. Петровский, *Еще заметка к статье В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в до-монгольский период»*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 354—358.

Петровский, *Заметка*. — Н. Петровский, *Заметка по гидрографии Туркестанского края*, — ИИРГО, т. XXXIV, вып. IV, 1898, стр. 490—494.

Петровский, *Шелководство*. — [Н. Ф. Петровский], *Шелководство и шелкомотание в Средней Азии*. Отчет Министерству Финансов Агента в Туркестанском Генерал-Губернаторстве Н. Ф. Петровского, СПб., 1874.

Петрушевский, *Из истории Бухары*. — И. П. Петрушевский, *Из истории Бухары в XIII в.*, — «Уч. зап. ЛГУ», № 98, серия востоковедческих наук, вып. 1, Л., 1949, стр. 103—118.

Плано Карпини, изд. Языкова. — *Собрание путешествий к татарам и другим восточным* [sic] *народам в XIII, XIV и XV столетиях*. I. *Плано Карпини*; II. *Асцелин*, [изд. текста и пер. Д. Языкова], СПб., 1825.

Плано Карпини, пер. Малеина. — Иоанн де Плано Карпини, *История Монгалов*. Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны*. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1911 [Плано Карпини, стр. 1—62].

Позднеев, *Монголия и монголы*. — [А. Позднеев], *Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг.* А. Позднеевым, т. I, *Дневник и маршрут 1892 года*, СПб., 1896; т. II, *Дневник и маршрут 1893 года*, СПб., 1898.

Позднеев, *Объяснения*. — А. Позднеев, *Объяснения надписей и изображений Тамгалы-Таса*, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 276—282.

Позднеев, *Очерки быта*. — А. Н. Позднеев, *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу*, СПб., 1887 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XVI).

Поливанов, *О происхождении названия Ташкента*. — Е. Д. Поливанов, *О происхождении названия Ташкента*, — «В. В. Бартольду», стр. 395—400.

Полупанов — Яралов, *Ташкент*. — С. Полупанов, Ю. Яралов, *Ташкент*, М., 1949 (Архитектура городов СССР).

Полферов — Кауфман, *Тургайская область*. — Я. Полферов и А. Кауфман, *Тургайская область*, — «Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]», т. XXXIV, СПб., 1902, стр. 88—95.

Пославский, *Бухара*. — Пославский, подполк., *Бухара. Описание города и ханства*, — СМА, вып. XLVII, 1891, стр. 1—102.

Потанин, *Тангутско-Тибетская окраина*. — [Г. Н. Потанин], *Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголия*. Путешествие Г. Н. Потанина, 1884—1886, т. I—II, СПб., 1893.

Поярков, *Последний эпизод*. — Ф. Поярков, *Последний эпизод дунганского восстания. (Маленькая страница из прошлой жизни Семиречья)*, — ПКСО, 1901, стр. 1—76 (разд. паг.).

Поярков — Ладыгин, *Салары*. — Ф. Поярков и В. Ладыгин, *Салары. (Этнографический очерк)*, — «Этнографическое обозрение», кн. XVI, М., 1893, № 1, стр. 1—43.

Птицын, *К вопросу о географии Шах-намэ*. — Г. В. Птицын, *К вопросу о географии Шах-намэ*, — ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 293—311.

Пугаченкова, *Архитектурные памятники Дахистана*. — Г. А. Пугаченкова, *Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса*, — «Труды ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1951, стр. 192—252.

Пугаченкова, *К исторической топографии Чаганиана*. — Г. А. Пугаченкова, *К исторической топографии Чаганиана*, — «Научные труды ТашГУ», н. с., вып. 200,

Исторические науки, кн. 41. Археология Средней Азии, VI, Ташкент, 1963, стр. 49—64.

Пугаченкова, *Ниса.* — Г. А. Пугаченкова, *Ниса. (Краткий путеводитель)*, Ашхабад, 1958.

Пугаченкова, *Пути развития.* — Г. А. Пугаченкова, *Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*, М., 1958 (Труды ЮТАКЭ, т. VI).

Пузыревский, *Сыр-Дарья.* — Н. П. Пузыревский, *Сыр-Дарья, ее физические свойства и судоходность*, — ИИРГО, т. XXXVIII, 1905, стр. 503—545.

Пэрлээ, *К истории древних городов.* — Х. Пэрлээ, *К истории древних городов и поселений в Монголии*, — СА, 1957, № 3, стр. 43—53.

Радлов, *Атлас.* — *Атлас древностей Монголии*, изд. по поручению императорской Академии наук В. В. Радловым, вып. 1—4, СПб., 1892—1899 (Труды Орхонской экспедиции).

Радлов, *Словарь.* — В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. I—IV, СПб., 1893—1911.

Рафаэль дю Ман, изд. Шефера. — P. Raphaël du Mans, *Estat de la Perse en 1660*, publié avec notes et appendice par Ch. Schefer, Paris, 1890 (PÉLOV, IIe sér., vol. XX).

Рашаҳāт. — Фахр ад-дин Али Сафи, *Рашаҳāт ʿайн ал-ҳайāт*, рук. ИНА С 515 (а 581); рук. ун-та (ЛГУ) № 293.

Р. В., *Об устье Аму-Дарьи.* — Р. В., *Об устье реки Аму-Дарьи*, — ТВ, 1873, № 27 (10/22. VII).

Рашид ад-дин, изд. Березина, I—III. — *Сборник летописей. История монголов*, сочинение Рашид-Эддина. [I]. *Введение: о турецких и монгольских племенах. Перевод* с персидского, с введением и примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1858 (ТВОРАО, ч. V); [то же], *персидский текст*, с предисловием и примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1861 (ТВОРАО, ч. VII); [II]. *История Чингиз-хана до восшествия его на престол.* Персидский текст, с предисловием И. Н. Березина; русский перевод с предисловием и примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1868 (ТВОРАО, ч. XIII); [III]. *История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины.* Персидский текст в издании И. Н. Березина; русский перевод с примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1888 (ТВОРАО, ч. XV).

Рашид ад-дин, изд. Блоше. — *Djami el-tévarikh. Histoire générale du monde* par Fadl Allah Rashid ed-Din. *Tarikh-i moubarek-i Ghazani. Histoire des Mongols* éditée par E. Blochet. T. II. Contenant l'histoire des empereurs mongols successeurs de Tchinkkiz Khaghan, Leyden — London, 1911 (GMS, XVIII, 2).

Рашид ад-дин, изд. Катрмера. — *Histoire des Mongols de la Perse* écrite en persan par Raschid-eldin. Publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère, t. I, Paris, 1836 (Coll. orient.).

Ремпель, *Из истории градостроительства.* — Л. И. Ремпель, *Из истории градостроительства на Востоке (Материалы по планировке старой Бухары)*, — сб. «Искусство зодчих Узбекистана», [вып. I], Ташкент, 1962, стр. 211—266.

Ренат, *Карта.* — *Carte de la Dzoungarie dressée par le Suédois Renat pendant sa captivité chez les Kalmouks de 1716—1733.* Édition de la Société Impériale Russe de Géographie, St.-Pbg., 1881.

Ретовский, *Генуэзско-татарские монеты.* — О. Ф. Ретовский, *Генуэзско-татарские монеты города Каффы* (с 4 таблицами), — ИТУАК, № 27, 1897, стр. 49—104; № 29, 1899, стр. 1—52.

Ретовский, *Монеты Гиреев.* — О. Ретовский, *Монеты Гази-Герая Хана II, бен Девлет*, — ИТУАК, № 8, 1889, стр. 90—98.

Риттер, *Иран.* — К. Риттер, *Иран*, ч. 1, перевел и дополнил Н. В. Ханыков, СПб., 1874.

Риттер — Григорьев, *Восточный Туркестан.* — К. Риттер, *Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан.* Перевел, с присовокуплением критических примечаний, и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет, В. В. Григорьев, вып. I. Перевод и примечания; вып. II. Дополнения. Отдел I — историко-географический, СПб., 1869—1873.

Рожевиц, *Поездка.* — Р. Ю. Рожевиц, *Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г.*, — ИИРГО, т. XLIV, 1909, стр. 593—652.

Розен, ЗВОРАО, т. IV [стр. 126—128]. — В. Р[озен], [рец. на:] V. P. Nalivkine. Histoire du Khanat de Khokand. Traduit du russe par Aug. Dozon. Paris. E. Leroux 1889, — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 126—128.

Розен, ЗВОРАО, т. V [стр. 122—123]. — В. Р[озен], [рец. на:] История города Касимова с древнейших времен. Сочинение Николая Ивановича Шишкина. Касимов. . . 1889, — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 122—123.

Розенберг, *О согдийцах.* — Ф. Розенберг, *О согдийцах*, — ЗКВ, т. I, 1925, стр. 81—90.

Россия, т. XVIII. — *Россия, Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей*, под ред. В. П. Семенова, т. XVIII, *Киргизский край*, сост. А. Н. Седельников, А. П. Осипова (и др.), СПб., 1903.

Рубрук, изд. Мишеля — Райта. — *Itinerarium Willelmi de Rubruk*, — «Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de géographie», t. IV, Paris, 1839, pp. 213—396.

Рубрук, пер. Рокхилла. — *The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253—55, as narrated by himself, with two accounts of the earlier journey of John of Plan de Carpine.* Transl. from the Latin, and ed., with an Introductory Notice, by W. W. Rockhill, London, 1900 (HS, 2d series, IV), pp. 40—282.

Руднев, *Заброшенный уголок.* — Н. Руднев, *Заброшенный уголок*, — ТВ, 1900, № 15 (20. II/4. III), 16 (24. II/8.III), 17 (27. II/11. III), 20 (9/22. III), 23 (19. III/1. IV); то же: *Следы древних городов по Сыр-Дарье*, — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 57—62.

Руз-нāме. — ناصر : [1869] ١٢٨٦ روزنامهٔ حکیم المماليك تاليف ساذج الدوله 'طهران' الدين شاه قاجر 'سفر نامه' ١٣٠٦ [=1888].

Рыбаков, *Статистика мусульман.* — С. Рыбаков, *Статистика мусульман в России*, — «Мир ислама», т. II, 1913, стр. 757—763.

С. В., *Деятельность научной ассоциации Востоковедения.* — С. В., *Деятельность научной ассоциации Востоковедения*, — НВ, № 15, 1926, стр. 360—369.

Са'алиби, *Йатīма*, бейрут. изд. — يتيمة الدهر فى شعراء اهل العصر تأليف من جلت فضائله من التعدادى الحصر ابى منصور عبد الملك بن محمد بن اسمعيل النيسابورى الثعالبى' الجزء ١—٤' [بيروت' ١٨٨٣ (؟)].

Саблуков, *Очерк.* — Г. Саблуков, *Очерк внутреннего состояния кипчакского царства*, перепечатка Н. Катанова, Казань, 1895.

Савельев, *Археологические поиски.* — П. С. Савельев, *Археологические поиски в развалинах Сарая*, — «Записки СПб. археолого-нумизматического о-ва», т. II, СПб., 1850, стр. 364—410.

Савельев, *Путешествие г. Базинера.* — П. Савельев, *Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву*, — ГИ, 1849, стр. 157—171, 206—212.

Сам'ани, изд. Марголиуса. — *The Kitāb al-Ansāb* of 'Abd al-Karīm ibn Muḥammad al-Sam'ānī reproduced in facsimile from the manuscript in the British Museum

Add. 23,355 with an introduction by D. S. Margoliouth, Leyden — London, 1912 (GMS, XX).

Сам'ани, рук. — Абу Са'д Абд ал-Керим Мухаммед ас-Сам'ани, *Китāб ал-ансāб*, рук. ИНА С 361 (543а).

Самойлович, *Из туркменской старины*. — А. Н. Самойлович, *Из туркменской старины*, — «Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина», СПб., 1909 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXXIV), стр. 559—564.

Самойлович, *Шейбани-намэ*. — А. Н. Самойлович, *Шейбани-намэ. Персидский unicum библиотеки Хивинского хана*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 0164—0176.

Санан Сэцэн. — *Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus*; aus dem Mongolischen übers., und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken hrsg. von I. J. Schmidt, St.-Pbg., 1829.

Сборник трудов Орхонской экспедиции, I. — *Сборник трудов Орхонской экспедиции*, I. В. В. Радлов, *Предварительный отчет о результатах снаряженной с Высочайшего соизволения Императорскою Академиею Наук экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона*. С приложениями, СПб., 1892.

Себеос. — *Histoire d'Héraclius par l'évêque Sebèos*. Traduite de l'arménien et annotée par F. Macler, Paris, 1904.

Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов*. — А. А. Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов*, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXVII, Сборник статей, посвященных истории и культуре периода формирования таджикского народа и его государственности (IX—X вв. н. э.), Сталинабад, 1954, стр. 3—11.

Семенов, *Мусульманский мистик*. — А. А. Семенов, *Мусульманский мистик и искатель Бога X—XI в. по Р. Х. (Страничка из великого прошлого Закаспийского Края)*, Асхабад, 1905.

Семенов, *Надписи на портале*. — А. А. Семенов, *Надписи на портале мечети в Мешед-и-Мисриан*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0154—0157.

Семенов, *Происхождение Термезских сейидов*. — А. А. Семенов, *Происхождение Термезских сейидов и их древняя усыпальница «Султан-Садат»*, — ПТКЛА, год XIX, [вып. 1], 1915, стр. 3—20.

Семенов, *Развалины Абиверда*. — А. А. Семенов, *Развалины г. Абиверда и памятники старины вблизи его*, — «Труды САГУ», сер. II, Orientalia, вып. 3, Ташкент, 1931, стр. 7—27.

Семенов, *Шейх-Антаур*. — А. А. Семенов, *Ташкентский шейх Хаванд-Тахур («Шейх-Антаур») и приписываемый ему «кулях»*, — ПТКЛА, год XX, [вып. 1], 1915, стр. 25—31.

Семенов, *Этнографические очерки*. — А. А. Семенов, *Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза*, М., 1903.

П. Семенов, *Географическо-статистический словарь*. — [П. Семенов], *Географическо-статистический словарь Российской империи*, составил по поручению ИРГО П. Семенов, т. I—V, СПб., 1863—1885.

Серебренников, *Памир*. — А. Г. Серебренников, *Памир. (Краткий очерк)*, — «Ежегодник Ферганской области», т. I, Новый Маргелан, 1902, стр. 90—158.

Ситняковский, *Заметки*. — Н. Ф. Ситняковский, *Заметки о Бухарской части долины Зеравшана*, — ИТОРГО, т. I, вып. II, 1900, стр. 121—314 [стр. 179—314: Список арыков и населенных пунктов].

Ситняковский, *Сообщение в заседании ТКЛА 21 апреля 1898 г.* — Н. Ф. Ситняковский, [*Сообщение в заседании ТКЛА 21 апреля 1898 г.*], — ПТКЛА, год III, 1898, стр. 89—94.

В. Смирнов, *Археологическая экскурсия в Крым*. — В. Смирнов, *Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г.*, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 273—302.

В. Смирнов, *Крымское ханство до XVIII в.* — В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века*, СПб., 1887.

В. Смирнов, *Крымское ханство в XVIII столетии.* — В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII столетии*, Одесса, 1889.

Е. Смирнов, *Древности.* — Е. Т. Смирнов, *Древности в окрестностях г. Ташкента*, — «Средняя Азия. Научно-литературный сборник статей по Средней Азии», под ред. Е. Т. Смирнова, Ташкент, 1896, стр. 111—136.

Е. Смирнов, *Развалины города Канки.* — Е. Смирнов, *Развалины города Канки*, — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 164—184.

Н. Смирнов, *Мюридизм.* — Н. А. Смирнов, *Мюридизм на Кавказе*, М., 1963.

Смирнова, *Археологические разведки.* — О. И. Смирнова, *Археологические разведки в верховьях Зарафшана в 1948 г.*, — «Труды СТАЭ», т. II, М.—Л., 1953 (МИА, № 37), стр. 168—188.

Смирнова, *Вопросы исторической топографии.* — О. И. Смирнова, *Вопросы исторической топографии и топонимики Верхнего Зарафшана*, — «Труды СТАЭ», т. I, М.—Л., 1950 (МИА, № 15), стр. 56—66.

Сокровенное сказание, пер. Кафарова. — *Старинное монгольское сказание о Чингис-хане.* [Перевел с китайского, с примечаниями, архим. Палладий], — ТЧРДМ, т. IV, СПб., 1866, стр. 3—258.

Соловьев, *История России.* — С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. I—VI (т. I—XXX), изд. тов. «Обществ. польза», СПб., [б. г.].

Спафарий, *Путешествие.* — *Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году.* Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева, [СПб., 1882 (ЗИРГО по отд. этногр., т. X, вып. 1).

Список народностей СССР. — *Список народностей СССР*, под ред. И. И. Ярулина, Л., 1927.

Спицин, *К вопросу о местоположении.* — А. Спицин, *К вопросу о местоположении Старого Сарая Золотой Орды*, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 287—290.

Спицин, *Отчет.* — [А. А. Спицин], *Отчет о поездке члена Археологической комиссии А. А. Спицина летом 1893 г. на Жареный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города*, — ОАК, 1893, стр. 76—97.

Средне-азиатский государственный Университет. — *Средне-азиатский государственный Университет. К десятилетнему юбилею Октябрьской Революции*, Ташкент, 1927.

Степанос Таронский (Асолик). — *Всеобщая история* Степ'аноса Таронского, Асох'ика по прозванию, писателя XI столетия, переведена с армянского и объяснена Н. Эминым, М., 1864.

Сухарева, *К истории.* — О. А. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки)*, Ташкент, 1958.

Сухарева, *Позднефеодальный город Бухара.* — О. А. Сухарева, *Позднефеодальный город Бухара конца XIX—начала XX века*, Ташкент, 1962.

Сюань Цзан, пер. Жюльена. — *Mémoires sur les contrées occidentales*, traduits du sanscrit en chinois, [en l'an 648, par Hiouen-thsang, et du [chinois en français, par S. Julien, t. I—II, Paris, 1857—1858 (Voyages de pèlerins bouddhistes, II—III).

Табари. — *Annales* quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, series I, t. I—VI, 1879—1890; series II, t. I—III, 1881—1889; series III, t. I—IV, 1879—1890; *Introductio, glossarium, addenda et emendanda*, 1901; *Indices*, 1901.

Табари, пер. Нёльдеке. — *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden.* Aus der arabischen Chronik des Tabari übers. und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehn von Th. Nöldeke, Leyden, 1879.

Тавāрӣх-и гузӣде-йи нусрат-нāме. — *Тавāрӣх-и гузӣде-йи нусрат-нāме*, рук. ИНА В 475 (590).

Та'рӣх-и Абӯлхайр-хāнӣ. — Мас'уд ибн Осман ал-Кухистани, *Та'рӣх-и Абӯлхайр-хāнӣ*, рук. ун-та (ЛГУ) № 852.

Та'рӣх-и амнāйа. — *Таарих-и Эмвие. История владетелей Кашгарии*, сочинение Муллы Мусы, бен Мулла Айса, сайрамца, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1905.

Та'рӣх-и Бадахшāн. — *Та'рӣх-и Бадахшāн. «История Бадахшана»* (Санг-Мухаммеда и Фазл-бек-хаджи Сурхафсара). Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию А. Н. Болдырев, Л., 1959 (ЛГУ, Восточный факультет, Иранская филология, вып. 1). [Издание рук. ИНА В 2311.]

Та'рӣх-и Рāкимӣ. — *Та'рӣх-и Рāкимӣ*, рук. ун-та (ЛГУ) № 949.

Та'рӣх-и Шāхрухӣ — см. Ниязь-Мухаммед.

Тартуси. — Тартуси, *Кисса-йи Абӯ Муслим*, рук. ГПБ Ханыков 43; рук. ИНА С 128 (280 ае).

Ташкент 1877—1912. — *Ташкент 1877—1912. К 35-летию городского общественного управления*, [Ташкент, 1912].

Ташчьян, *Средневековая Барда.* — Л. П. Ташчьян, *Средневековая Барда в период расцвета*, — ИАН АзССР, 1946, № 9, стр. 52—61.

Тенишев, *Саларские тексты.* — Э. Р. Тенишев, *Саларские тексты*, М., 1964.

Тереножкин, *Согд и Чач.* — А. И. Тереножкин, *Согд и Чач*. Автореф. канд. дисс., — КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 152—169.

Терентьев, *История завоевания.* — М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. I—III, СПб., 1906.

Терещенко, *Исследование местности Сарая.* — А. Терещенко, *Окончательное исследование местности Сарая, с очерком следов дешт-кипчакского царства*, — «Ученые записки Императ. АН по первому и третьему отделениям», т. II, СПб., 1854, стр. 89—105.

Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. XI [стр. 327—333]. — Отзыв почетного члена барона В. Г. Тизенгаузена о сочинении проф. В. А. Жуковского «Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва», — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 327—333.

Толстов, *Древний Хорезм.* — С. П. Толстов, *Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования*, М., 1948.]

Толстов, *Итоги двадцати лет работы.* — С. П. Толстов, *Итоги двадцати лет работы Хорезмской экспедиции*, — СЭ, 1957, № 4, стр. 31—59.

Толстов, *О землях древнего орошения.* — С. П. Толстов, *О землях древнего орошения в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и возможностях их освоения в современных условиях*, — ОНУз, 1961, № 8, стр. 3—10.

Толстов, *По древним дельтам.* — С. П. Толстов, *По древним дельтам Окса и Яксарта*, М., 1962.

Толстов, *По следам.* — С. П. Толстов, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, М.—Л., 1948.

Толстов — Андрианов, *Новые материалы.* — С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, *Новые материалы по истории ирригации Хорезма*, — КСИЭ, вып. XXVI, 1957, стр. 5—11.

Тревер, *Кавказская Албания.* — К. В. Тревер, *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.—III в. н. э.*, М.—Л., 1959.

Туманский, ЗВОРАО, т. IX [стр. 300—303]. — А. Туманский, [рец. на:] Древности

Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. В. А. Жуковского. . . СПб. 1894, — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 300—303.

Туманский, *Новооткрытый персидский географ.* — А. Г. Туманский, *Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах*, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 121—137.

Тюрякулов, *Кокандская автономия.* — Н. Тюрякулов, *Кокандская автономия*, — «Сборник статей в 4-ю годовщину советской власти в Туркестане», Ташкент, 1922.

Федоров, *Описание Илийского края.* — Д. Федоров, *Опыт военно-статистического описания Илийского края*, ч. I, Ташкент, 1903.

Феофан. — Theophanis Chronographia, ediderunt J. Classen et I. Bekkerus, vol. I—II, Bonnae, 1839—1841 (Corpus script. hist. Byz.).

Фрейман, *Хорезмийский язык.* — А. А. Фрейман, *Хорезмийский язык. Материалы и исследования*, т. I, М.—Л., 1951.

Фукс, *История Казани.* — К. Ф. Фукс, *Краткая история города Казани*, Казань, 1817; изд. 2-е: Казань, 1899 (прилож. к журн. «Деятель»).

Хаджи Халифа, *Джихан-нума.* — [= 1732] ١١٤٥ ' قسطنطنية ' جهان نما ' كتاب.

Хади Атласов. — ١٩١٤ ' قزان ' اذچى جلد ' قزان خانلغى ' هادى اطلاسف

Хайдер Рази, *Та'рӣх-и Ҳайдарӣ.* — Хайдер Рази, *Та'рӣх-и Ҳайдарӣ (Маджма' ат-тавӣрӣх)*, рук. Берлинской б-ки № 418; рук. Брит. муз. Or. 4508.

Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, изд. Ле Стрэнджа. — *The geographical part of the Nuzhat-al-Qulūb* composed by Ḥamd-Allāh Mustawfī of Qazwīn in 740 (1340). Ed. by Le Strange, Leyden — London, 1915; transl. by G. Le Strange, Leyden — London, 1919 (GMS, XXIII, 1—2).

Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, рук. — Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, рук. ун-та (ЛГУ) № 60, 153 и 171.

Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, изд. Брауна. — *The Ta'rīkh-i-Guzīda or «Select History»* of Ḥamdu'lláh Mustawfí-i-Qazwíní compiled in A. H. 730 (A. D. 1330), and now reproduced in fac-simile from a manuscript dated A. H. 857 (A. D. 1453), with an introduction by E. G. Browne. Vol. I, containing the text, Leyden — London, 1910 (GMS, XIV, 1).

Хамза Исфахани. — Hamsae Ispahanensis *Annalium libri X.* Ed. J. M. E. Gottwaldt, t. I. Textus arabicus, Petropoli, 1844; t. II. Translatio latina, Lipsiae, 1848 [t. I переизд.: Berlin, «Kaviani», 1340/1921-22].

Ханыков, *О перемежающихся изменениях.* — Н. Х[аныков], *О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря*, — ЗКОИРГО, кн. II, 1853, стр. 66—152.

Ханыков, *Описание Бухарского ханства.* — Н. В. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, СПб., 1843.

Ханыков, *Пояснительная записка.* — Н. Ханыков, *Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями*, — ЗИРГО, кн. V, 1851, стр. 268—358.

Хасан Таки. — Хасан Таки [Румлу], *Ахсан ат-таварӣх*, рук. ГПБ Дорн 287.

Хафиз-и Абру, рук. — Хафиз-и Абру, рук. ГПБ Дорн 290; оксфорд. рук. Elliot 422.

Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме.* — Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, рук. ИНА D 88 (574 age).

Хилаль ас-Саби, *Вузара'.* — *The historical remains of Hilâl al-Sâbi. First part of his Kitab al-Wuzara (Gotha Ms. 1756) and fragment of his History 389—393 A. H. (B. M. Ms, add. 19360).* Ed. with notes and glossary by H. F. Amedroz, Leyden, 1904.

Хондемир, рук. — Хондемир, *Ҳабӣб ас-сийар*, рук. ун-та (ЛГУ) № 292.

Хондемир, тегеран. изд. — كتاب مستطاب حبيب السيّر مرقوم رقم. . . غياث الدين بن همام الدين الشهير بخواند امير. . .' جلد ۱—۳' طهران' ۱۲۷۱—۱۲۷۰ [=1853 — 1855; литогр.]

Хорезми, *Мафӑтӣх*. — *Liber Mafâtîh al-olûm explicans vocabula technica scientiarum tam arabum tam peregrinorum* auctore Abû Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jûsof al-Kâtib al-Khowarezmi. Ed., indices adjecit G. van Vloten, Lugduni-Batavorum, 1895.

Хорошхин, *Очерки Ташкента*. — А. Хорошхин, *Очерки Ташкента*, — ТВ, 1873, № 27 (10/22. VII).

Ҳудӯд ал-ʿӑлам. — *Ҳудӯд ал-ʿӑлам*, рук. ИНА С 612 (605 а); факс. изд.: *Ҳудӯд ал-ʿӑлем. Рукопись Туманского*. С введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.

Худяков, *Очерки*. — М. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Казань, 1923.

Чабров, *Из истории изучения*. — Р. Н. Чабров, *Из истории изучения развалин древнего города Джанкента*, — «Труды САГУ», н. с., вып. CXI, Исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 187—192.

Чайковский, *Далекое прошлое*. — [А. Чайковский], *Далекое прошлое Туркестана*, СПб., 1896.

Чайковский, *Туркестан*. — [А. Чайковский], *Туркестан и его река по Библии и Геродоту. (По поводу Аму-Дарьинского вопроса)*, Владимир, 1884.

Чан-чунь, пер. Кафарова. — *Си ю цзи, или описание путешествия на Запад*. [Перевел с китайского, с примечаниями, архимандрит Палладий], — ТЧРДМ, т. IV, СПб., 1866, стр. 259—436.

Чертов, *Древние курганы*. — В. И. Чертов, *Древние курганы в Катта-Курганском уезде*, — СКСО, вып. V, 1897, стр. 245—251.

Чехович, *Из документа XIV в.* — О. Д. Чехович, *Из документа XIV в. об окрестностях Самарканда и их орошении*, — ДАН УзССР, 1948, № 6, стр. 38—42.

Чехович, *Крестьянские обязательства*. — О. Д. Чехович, *Крестьянские обязательства в связи с грамотой Исмаила Самани*, — ИЗ, т. 33, 1950, стр. 259—270.

Чжао Жу-гуа. — *Chau Ju-Kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the twelfth and thirteenth Centuries, entitled Chu-fan-chi*, transl. from the Chinese and annotated by F. Hirth and W. W. Rockhill, St.-Pbg., 1911.

Чу Шао-тан, *География нового Китая*. — Чу Шао-тан, *География нового Китая*, пер. с китайского, М., 1953.

Чуйская долина. — *Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина», 1938—1941*. Сост. под руков. А. Н. Бернштама, М.—Л., 1950 (МИА, № 14).

Чуланов, *Городище Ахсыкет*. — Ю. Г. Чуланов, *Городище Ахсыкет*, — СА, 1963, № 3, стр. 197—206.

Шахматов — Киреев, *Из неопубликованных писем*. — В. Шахматов, Ф. Киреев, *Из неопубликованных писем русских востоковедов*, — «Вестник АН КазССР», Алма-Ата, 1954, № 10, стр. 93—105.

Шейбӑнӣ-нӑме, под. Березина. — *Шейбаниада. История монголо-тюрков* на джагатайском диалекте, с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И. Березиным, Казань, 1849 (Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным, т. I).

Шереф ад-дин Йезди. — *The Ẓafarnámah* by Maulánáh Sharfuddín [sic] 'Alí of Yazd. Ed. by Maulawí Muḥammad Iláhdád, vol. I—II, Calcutta, 1887—1888.

Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа. — *Histoire de Timur-Bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan, Empereur des Mogols et Tartares.* Ecrite en persan par Cherefeddin Ali, natif d'Jezd, Auteur contemporain. Traduite en François par feu M. Petis de la Croix. . . Avec des Notes Historiques & des Cartes Geographiques t. I—IV, Delf, 1723.

Шишкин, *Археологические работы 1937 г.* — В. А. Шишкин, *Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса*, Ташкент, 1940.

Шишкин, *Архитектурные памятники.* — В. А. Шишкин, *Архитектурные памятники Бухары*, Ташкент, 1936.

Шишкин, *Варахша.* — В. А. Шишкин, *Варахша*, М., 1963.

Шишкин, *Варахша. (Предварительное сообщение).* — В. А. Шишкин, *Варахша (Предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.)*, — СА, т. XXIII, 1955 стр. 101—130.

Шишкин, *К исторической топографии.* — В. А. Шишкин, *К исторической топографии Старого Термеза*, — «Труды УзФАН», сер. I, вып. 2, 1940 (Термезская археологическая комплексная экспедиция. 1936 г.), Ташкент, стр. 123—153.

Шишкин, *Некоторые итоги.* — В. А. Шишкин, *Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша [1947—1953 гг.]*, — ТИИА АН УзССР, вып. VIII, Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг., Ташкент, 1956, стр. 3—42.

Н. Шишкин, *История города Касимова.* — Н. И. Шишкин, *История города Касимова с древнейших времен*, Касимов, 1889.

Шкапский, *Земледелие и землевладение в Шураханском участке.* — О. А. Шкапский, *Земледелие и землевладение в Шураханском участке Аму-Дарьинского отдела*, — «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. VIII, Ташкент, 1900, стр. 1—213.

Эвлия Челеби. *Сийāхат-нāме.* — اولیا چلبی محمد ظلمی ابن درویش، اولیا چلبی سیاحتنامهسی، استانبول، جلد ۱—۱۳۱۴؛ جلد ۲—۱۳۱۴؛ جلد ۳—۱۳۱۴؛ جلد ۴—۱۳۱۵؛ جلد ۵—۱۳۱۵؛ جلد ۶—۱۳۱۸؛ جلد 7—1928؛ جلد 8—1928

Юсов, *Тибет.* — Б. В. Юсов, *Тибет. (Географический обзор)*, М., 1952.

Якобсон, *Средневековый Крым.* — А. Л. Якобсон, *Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры*, М.—Л., 1964.

Я'куби, *Китāб ал-булдāн.* — *Kitâb al-a'lâk an-nafîsa VII* auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitâb al-boldân* auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbî [ed. M. J. de Goeje], edit. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA. VII) [Я'куби — стр. 231—373].

Я'куби, *Ta'rīẖ.* — Ibn Wâdhih qui dicitur al-Ja'qubi, *Historiae.* Ed. M. Th. Houtsma, pars 1, historiam ante-islamicam continens; pars 2, historiam islamicam continens Lugduni Batavorum, 1883.

Якубовский, *Археологическая экспедиция.* — А. Ю. Якубовский, *Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции)*, — ТОВЭ, т. II, 1940, стр.113—164.

Якубовский, *Восстание Тараби.* — А. Ю. Якубовский, *Восстание Тараби в 1238 г. (К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии)*, — «Доклады группы востоковедов на сессии Академии наук СССР 20 марта 1935 г.», М.—Л., 1936 (ТИВАН, XVII), стр. 101—135.

Якубовский, *Городище Миздахкан.* — А. Ю. Якубовский, *Городище Миздахкан*, — ЗКВ, т. V, 1930, стр. 551—581.

Якубовский, *Две надписи.* — А. Ю. Якубовский, *Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде*, — ЭВ, I, 1947, стр. 27—32.

Якубовский, *Ибн-Мискавейх.* — А. Якубовский, *Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. = 943/4 г.*, — ВВ, т. XXIV, 1926, стр. 63—92.

Якубовский, *Краткий отчет.* — А. Ю. Якубовский, *Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г.*, — ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 51—70.

Якубовский, *О русско-хазарских отношениях.* — А. Ю. Якубовский, *О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.*, — ИАН СССР, СИФ, т. III, 1946, № 5, стр. 461—472.

Якубовский, *Развалины Сыгнака.* — А. Якубовский, *Развалины Сыгнака (Сугнака)*, — «Сообщения ГАИМК», т. II, Л., 1929, стр. 123—159.

Якубовский, *Развалины Ургенча.* — А. Ю. Якубовский, *Развалины Ургенча*, Л., 1930 (ИГАИМК, т. VI, вып. 2).

Якубовский, *Рассказ Ибн Биби.* — А. Ю. Якубовский, *Рассказ Ибн ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей)*, — ВВ, т. XXV, 1927, стр. 53—76.

Якубовский, *Сарай Берке.* — А. Якубовский, *Феодализм на Востоке. Столица Золотой Орды—Сарай Берке*, Л., 1932.

Якубовский, *Турфанское княжество.* — А. Ю. Якубовский, *Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве в IX—X вв.*, — ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 423—443.

Якут, *Му'джам.* — *Yacut's geographisches Wörterbuch*, aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London, und Oxford. . . hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd I—VI, Leipzig, 1866—1873.

Abbott, *Narrative.* — J. Abbott, *Narrative of a journey from Heraut to Khiva, Moscow and St.-Petersburg during the late Russian invasion of Khiva; with some account of the court of Khiva and the Kingdom of Khaurism*, 3d ed., London, 1884.

Adler, *Die Reisebeschreibungen.* — *Die Reisebeschreibungen des R. Benjamin von Tudela* nach drei Handschriften, aus dem 13. und 14. Jahrhundert stammend, aus älteren Druckwerken ediert und übersetzt, mit Anmerkungen und Einleitung versehen von Dr. L. Grünhut und M. N. Adler, Jerusalem, 1903.

Alp-Arslan. — *Alp-Arslan*, — EI, I, S. 336—337.

Ammian Marcellin, ed. Gardthausen. — Ammiani Marcellini *Rerum gestarum libri* qui supersunt. Recensuit, notisque [selectis instruxit V. Gardthausen, vol. I—II, Lipsiae, 1874—1875.

Andreas, *Zwei soghdische Exkurse.* — F. C. Andreas, *Zwei soghdische Exkurse zu Vilhelm Thomsens: Ein Blatt in türkischer Runenschrift*, — SBAW Berl., 1910, H. XV, S. 307—314.

Arriani *Anabasis et Indica*, ed. Dübner. — Arriani *Anabasis et Indica.* Ex optimo codice Parisino emendavit et varietatem ejus libri retulit Fr. Dübner. *Reliqua Arriani, et scriptorum de rebus Alexandri M. fragmenta* collegit *Pseudo-Callisthenis historiam fabulosam* ex tribus codicibus nunc primum edidit, *Itinerarium Alexandri* et indices adject, C. Müller, Parisiis 1877

Aṭṭār. — *'Aṭṭār, Farīd al-Dīn*, — EI, I, S. 534.

Barthold, *Abāḳā.* — W. Barthold, *Abāḳā*, — EI, I, S. 4. [Наст. изд., т. VII.]

Barthold, *'Abd Allāh b. Iskandar.* — W. Barthold, *'Abd Allāh b. Iskandar* — EI, I, S. 26—27. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 487—488.]

Barthold, *'Abd al-Razzāḳ.* — W. Barthold, *'Abd al-Razzāḳ,* — EI, I, S. 67—68.
Barthold, *Abū Muslim.* — W. Barthold, *Abū Muslim,* — EI, I, S. 107—108. [Наст. изд., т. VII.]
Barthold, *Aḥmed b. Muḥtādj.* — W. Barthold, *Aḥmed (Abū 'Alī)... b. Muḥtādj,* — EI, I, S. 198. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 498.]
Barthold, *Aimāḳ.* — W. Barthold, *Aimāḳ,* — EI, I, S. 223. [Наст. изд., т. V.]
Barthold, *Allān.* — W. Barthold, *Allān,* — EI, I, S. 327—328. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 866—867.]
Barthold, *Alp-Tegīn.* — W. Barthold, *Alp-Tegīn,* — EI, I, S. 337. [Наст. изд., т. VII.]
Barthold, *Die alttürkischen Inschriften.* — W. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen,* — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei,* Zweite Folge, St.-Pbg., 1899, S. 1—29 (разд. паг.). [Наст. изд., т. V.]
Barthold, *Altūntāsh.* — W. Barthold, *Altūntāsh,* — EI, I, S. 339. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 493.]
Barthold, *Aral-See.* — W. Barthold, *Aral-See,* — EI, I, S. 436—437. [Наст. изд., т. III, стр. 331—333.]
Barthold, *Ashḳabad.* — W. Barthold, *Ashḳabad,* — EI, I, S. 502.
Barthold, *Atsïz.* — W. Barthold, *Atsïz,* — EI, I, S. 533—534.
Barthold, *Barmakiden.* — W. Barthold, *Barmakiden,* EI, I, S. 691—693. [Наст. изд., т. VI.]
Barthold, *Bātū-Khān.* — W. Barthold, *Bātū-Khān,* — EI, I, S. 709—712. [Наст. изд., т. V.]
Barthold, *Berke.* — W. Barthold, *Berke,* — EI, I, S. 737—739. [Наст. изд., т. V.]
Barthold, *Burāḳ-Khān.* — W. Barthold, *Burāḳ-Khān,* — EI, I, S. 828—830. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 515—518].
Barthold, *Burhān.* — W. Barthold, *Burhān,* — EI, I, S. 831—832. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 515—518.]
Barthold, *Būrī-Tegīn.* — W. Barthold, *Būrī-Tegīn,* — EI, I, S. 833—834. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 513—514.]
Barthold, *Čaghatāi-Khān.* — W. Barthold, *Čaghatāi-Khān,* — EI, I, S. 846—849. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 538—544.]
Barthold, *Čingiz-Khān.* — W. Barthold, *Čingiz-Khān,* — EI, I, S. 892—898. [Наст. изд., т. V.]
Barthold, *Dāghlāt.* — W. Barthold, *Dāghlāt,* — EI, I, S. 1127—1129. [Наст. изд., т. V.]
Barthold, *Ghāzān.* — W. Barthold, *Ghāzān,* — EI, II, S. 158. [Наст. изд., т. VII.]
Barthold, *Ghuzz.* — W. Barthold, *Ghuzz,* — EI, II, S. 178—179. [Наст. изд., т. V.]
Barthold, *Girāy.* — W. Barthold, *Girāy,* — EI, II, S. 181—182. [Наст. изд., т. V.]
Barthold, *Ḥāfiẓ-i Abrū.* — W. Barthold, *Ḥāfiẓ-i Abrū,* — EI, II, S. 225—226. [Наст. изд., т. VIII.]
Barthold, *Ḥaidar Mīrzā.* — W. Barthold, *Ḥaidar Mīrzā,* — EI, II, S. 232—233. [Наст. изд., т. VIII.]
Barthold, *Die historische Bedeutung.* — W. Barthold, *Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften,* — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei,* Neue Folge, St.-Pbg., 1897, S. 1—36 (разд. паг.).
Barthold, *Hūlāgū.* — W. Barthold, *Hūlāgū,* — EI, II, S. 353. [Наст. изд., т. VII.]
Barthold, *Ilek-Khāne.* — W. Barthold, *Ilek-Khāne,* — EI, II, S. 496. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 519—520.]
Barthold, *Ilkhāne.* — W. Barthold, *Ilkhāne,* — EI, II, S. 499—500. [Наст. изд., т. VII.]
Barthold, *Kalmücken.* — W. Barthold, *Kalmücken,* — EI, II, S. 750—751. [Наст. изд., т. V.]

Barthold, *Ḳara Ḫitai*. — W. Barthold, *Ḳara Ḫitai*, — EI, II, S. 789—791. [Наст. изд., т. V.]

Barthold, *Khʷārizmshāh*. — W. Barthold, *Khʷārizmshāh*, — EI, II, S. 980—981. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 535—537.]

Barthold, *Ḫazar*. — W. Barthold, *Ḫazar*, — EI, II, S. 1003—1005. [Наст. изд., т. V.]

Barthold, *Ḳipčaḳ*. — W. Barthold, *Ḳipčaḳ*, — EI, II, S. 1099. [Наст. изд., т. V.]

Barthold, *Kirgizen*. — W. Barthold, *Kirgizen*, — EI, II, S. 1101—1103. [Наст. изд., т. V.]

Barthold, *Ḳuṭb al-Dīn Muḥammed*. — W. Barthold, *Ḳuṭb al-Dīn Muḥammed*, — EI, II, S. 1251—1253. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 524.]

Barthold, *Mangĭt*. — W. Barthold, *Mangĭt*, — EI, III, S. 265. [Наст. изд., т. V.]

Barthold, *Nachrichten*. — W. Barthold, *Nachrichten über den Aral-See und den unteren Lauf des Amu-darja von den ältesten Zeiten bis zum XVII. Jahrhundert*. Deutsche Ausgabe mit Berichtigungen und Ergänzungen vom Verfasser... übers. von H. v. Foth, Leipzig, 1910 («Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturkunde», hrsg. ... durch R. Stübe, Bd II).

Barthold, *Russische Arbeiten*. — W. Barthold, *Russische Arbeiten über Westasien*, — MSOS, Jg. I, Abt. 2, 1898, S. 150—171.

Barthold, *Russische Arbeiten [1898]*. — W. Barthold, *Russische Arbeiten über Westasien. Jahresbericht für 1898*, — MSOS, Jg. II, Abt. 2, 1899, S. 83—104.

Barthold, *Russische Arbeiten [1901]*. — W. Barthold, *Russische Arbeiten über Westasien. Jahresbericht für 1901*, — MSOS, Jg. V, Abt. 2, 1902, S. 25—47.

Barthold, *Russische Arbeiten [1902]*. — W. Barthold, *Russische Arbeiten über Westasien. Jahresbericht für 1902*, — MSOS, Jg. VI, Abt. 3, 1903, S. 194—216.

Barthold, *Sart*. — W. Barthold, *Sart*, — EI, IV, S. 187—188. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 527—529.]

Barthold, *Shaibāniden*. — W. Barthold, *Shaibāniden*, — EI, IV, S. 294—295. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 545—548.]

Barthold, *Shāmil*. — W. Barthold, *Shāmil*, — EI, IV, S. 329—330. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 873—874.]

Barthold, *Stand und Aufgaben*. — W. Barthold, *Stand und Aufgaben der Geschichtsforschung in Turkestan*, — «Die Geisteswissenschaften», Jg. I, Leipzig, 1913/1914, H. 39, S. 1075—1080.

Barthold, *Tādjīk*. — W. Barthold, *Tādjīk*, — EI, IV, S. 647—648. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 469—470.]

Barthold, *Turkestan*. — W. Barthold, *Turkestan down to the Mongol invasion*, 2d ed., transl. from the original Russian and revised by the author with the assistance of H. A. R. Gibb, London, 1928 (GMS NS, V); 2d ed.: London, 1958.

Barthold, *Zu Islam XIII, 106*. — W. Barthold, *Zu Islam, XIII, 106*, — DI, Bd XIV, 1924, S. 112.

Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden*. — W. Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden*, — «Festschrift Nöldeke», Bd I, S. 171—191. [Наст. изд., т. VII.]

Bartholomae, *Die Gatha's*. — Chr. Bartholomae, *Die Gatha's des Awesta*, Strassburg, 1905.

Basiner, *Reise*. — T. F. J. Basiner, *Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa*, St.-Pbg., 1848 (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens... hrsg. von K. E. v. Baer und G. v. Helmersen, Folge I, Bd XV).

Bayer, *Opuscula*. — Theophili Sigefridi Bayeri, *Opuscula ad historiam antiquam, chronologiam, geographiam, et rem numariam spectantia*. Edidit Christ. Adolphus Klotzius, Halae, 1770.

Bellew, *Kashmir and Kashghar*. — H. W. Bellew, *Kashmir and Kashghar. A narrative of the Journey of the Embassy to Kashghar in 1873—74*, London, 1875.

van Berchem, *La propriété.* — M. van Berchem, *La propriété territoriale et l'impôt foncier sous les premiers califes. Étude sur l'impôt du kharâg*, Genève, 1886.

Berger, *Geschichte.* — H. Berger, *Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen*, Bd I—IV, Leipzig, 1887—1893.

Berthels, *Naṣr Allāh.* — E. Berthels, *Naṣr Allāh b. Muḥammad*, — EI, III, S. 945.

Beveridge, *Abū Sa'īd.* — A. S. Beveridge, *Abū Sa'īd*, — EI, I, S. 111—112.

Blaramberg, *Die Ruinen.* — *Die Ruinen der Stadt Mestorjân in der Turkomanen-Steppe.* Ins Deutsche übersetzt von General-Lieutenant v. Blaramberg, — Pet. Mitt., Bd 22, Januar-Heft, 1876, S. 16—18.

Blochet, *Introduction.* — E. Blochet, *Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din*, Leyden—London, 1910 (GMS, XII).

Blochet, *Note sur une inscription.* — E. Blochet, *Note sur une inscription Persane trouvée sur les bords du fleuve Orkhon en Mongolie*, — «T'oung Pao», vol. VIII, 1897, pp. 309—321.

Bolchert, *Aristoteles' Erdkunde.* — P. Bolchert, *Aristoteles' Erdkunde von Asien und Libyen*, Berlin, 1908 (Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie, H. 15).

Bouvat, *Shāhrukh Mīrzā.* — L. Bouvat, *Shāhrukh Mīrzā*, — EI, IV, S. 285—286.

Bouvat, *Shaibānī Khān.* — L. Bouvat, *Shaibānī Khān*, — EI, IV, S. 292—294.

Bretschneider, *On the knowledge.* — E. Bretschneider, *On the knowledge possessed by the ancient Chinese of the Arabs and Arabian colonies, and other western countries, mentioned in Chinese books*, London, 1871.

Bretschneider, *Researches.* — E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*, vol. I—II, London, 1888; 2d ed.: 1910.

Brockelmann, GAL. — C. Brockelmann, *Geschichte der arabischen Litteratur*, Bd I—II, Weimar—Berlin, 1898—1902; Supplementbände I—III, Leiden, 1937—1942; Zweite den Supplementbänden angepasste Aufl., Bd I—II, Leiden, 1943—1949.

Brockelmann, *Ibn Baṭṭūṭa.* — C. Brockelmann, *Ibn Baṭṭūṭa*, — EI, II, S. 391.

Brockelmann, *Mis'ar b. Muhalhil.* — C. Brockelmann, *Mis'ar b. Muhalhil*, — EI, III, S. 597.

Broniewski, *Tartaria.* — Martini Broniovii, de Biezdzfedea, bis in Tartariam nomine Stephani Primi Poloniae Regis Legati, *Tartariae descriptio*, ante hac in lucem nunquam edita, Coloniae Agrippinae, 1595, — в кн.: Antonii Possevini, Societatis Iesu, *Moscowia, et alia opera*; изд. 2: *Russia seu Moscovia itemque Tartaria*, Lugduni Batavorum, 1630.

Brosset, *Examen critique.* — M. Brosset, *Examen critique de quelques passages de la Description de la grande Arménie du P. L. Alichan, relatifs à la topographie d'Ani*, — Mél. As., t. IV, 1862, pp. 392—412.

Brosset, *Rapports.* — M. F. Brosset, *Rapports sur un voyage archéologique dans le Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848 sous les auspices du prince Vorontzof*, St.-Pbg., 1851.

Brosset, *Relation.* — M. Brosset, *Relation du pays Tauan.* Traduite du chinois par M. Brosset jeune, — JA, sér. 2, t. II, 1828, pp. 418—450.

Brosset, *Les ruines d'Ani.* — M. F. Brosset, *Les ruines d'Ani, capitale de l'Arménie sous les rois Bagratides, aux X-e et XI-e siècles. Histoire et description*, t. I, St.-Pbg., 1860.

Browne, *A Literary History.* — E. G. Browne, *A Literary History of Persia*, vol. I. *From the Earliest Times until Firdawsí*, Cambridge, 1902; vol. II. *From Firdawsí*

to Sa'dī, Cambridge, 1906; [vol. III]. *A History of Persian Literature under Tartar dominion (A. D. 1265—1502)*, Cambridge, 1920; [vol. IV]. *A History of Persian Literature in modern times (A. D. 1500—1924)*, Cambridge, 1924.

Büchner, *Saksīn*. — V. F. Büchner, *Saksīn*, — EI, IV, S. 88—89.

Büchner, *Sāmāniden*. — V. F. Büchner, *Sāmāniden*, — EI, IV, S. 130—132.

Buchon — Tastu, *Atlas en langue catalane*. — J. A. S. Buchon et J. Tastu, *Notice d'un Atlas en langue catalane, manuscrit de l'an 1375, conservé parmi les manuscrits de la Bibliothèque royale sous le № 6816, fonds ancien, in-folio maximo*, — Notices et extraits, t. XIV, pt. 2, 1841, pp. 1—152.

Burnes, *Travels*. — A. Burnes, *Travels into Bokhara; containing the narrative of a voyage on the Indus from the sea to Lahore, with presents from the King of Great Britain; and an account of a journey from India to Cabool, Tartary, and Persia*. New ed., vol. I—III, London, 1839.

Burslem, *A peep into Toorkisthán*. — R. Burslem, *A peep into Toorkisthán*, London, 1846.

Caghrī-beg. — *Caghrī-beg*, — EI, I, S. 849—850.

Canale, *Della Crimea*. — [M. G. Canale], *Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori, dalle origini fino ai dì nostri*. Commentari storici dell'avvocato M. G. Canale, vol. I—III, Genova, 1855—1856.

Cantemir, *Operele*. — *Operele* principelui Demetriu Cantemiru publicate de Academia Romana, t. VII, Collectanea Orientalia, Bucuresti, 1883.

Chardin, *Voyages*. — [J. Chardin], *Voyages du chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l'Orient, enrichis d'un grand nombre de belles figures en taille-douce, représentant les antiquités et les choses remarquables du pays*. Nouvelle éd., coigneusement conférée sur les trois éditions originales, augm. d'une notice de la Perse, depuis les temps les plus reculés jusqu'à ce jour, de notes, etc.; par L. Langlès, t. I—X et Atlas, Paris, 1811.

Chavannes, *Documents*. — *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux*. Recueillis et commentés par Ed. Chavannes, St.-Pbg., 1903 (Сб. трудов Орхонской экспедиции. VI).

Christensen, *Die Moschee Māḫ*. — A. Christensen, *Die Moschee* [illegible] *in Buḫārā*, — OLZ, 7. Jg., 1904, Sp. 49—52.

Chwolson, *Grabinschriften*. — *Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie*, hrsg. und erklärt von D. Chwolson..., St.-Pbg., 1890 (Mémoires de l'Académie imp. des sciences de St.-Pétersbourg, VIIe sér., t. XXXVII, № 8).

Chwolson, *Grabinschriften*, N. F. — *Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie*. Hrsg. und erklärt von D. Chwolson. Neue Folge, St.-Pbg., 1897.

Cohn Wiener, *Turan*. — E. Cohn Wiener, *Turan. Islamische Baukunst in Mittelasien*, Berlin, 1930.

Collection de tous les voyages. — *Collection de tous les voyages faits autour du Monde, par les differentes Nations de L'Europe*, redigée par M. Berenger, vol. II, Lausanne et Geneve, 1787.

Conolly, *Journey*. — A. Conolly, *Journey to the North of India*, London, 1838

Constantinus Porphyrogenetius, *De administrando imperio*. — Constantinus Porphyrogenetius, *De Thematibus et de administrando imperio*. Accedit Hieroclis Synecdemus cum Bandurii et Wesselingii commentariis. Recognovit Immanuel Bekkerus, Bonnae, 1840 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae).

Corpus script. hist. Byz., pars I. — Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii instituta, opera eiusdem Niebuhrii, Imm. Bekkeri, L. Schopeni, G. et L. Dindorfiorum aliorumque philologorum parata. Pars I. Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri historiarum,

quae supersunt. E recensione Imm. Bekkeri et B. G. Niebuhrii cum versione latina per io. classenum emendata. . ., Bonnae, 1829.

Cotton, *Baltistān.* — J. S. Cotton, *Baltistān*, — EI, I, S. 666.

Cotton, *Bengalen.* — J. S. Cotton, *Bengalen*, — EI, I, S. 724—726.

Curzon, *Persia.* — G. N. Curzon, *Persia and the Persian question*, vol. I, London, 1892.

Dabry de Thiersant, *De l'insurrection mahométane.* — [P.] Dabry de Thiersant, *De l'insurrection mahométane dans la Chine occidentale*, — JA, sér. 7, t. III, 1874, pp. 17—45.

Dabry de Thiersant, *Le mahométisme en Chine.* — P. Dabry de Thiersant, *Le mahométisme en Chine et dans le Turkestan Oriental*, t. I—II, Paris, 1878.

Dames, *Afghānistān.* — M. L. Dames, *Afghānistān*, — EI, I, S. 155—183.

Dames, *Aḥmed Shāh.* — M. L. Dames, *Aḥmed Shāh Durrānī*, — EI, I, S. 214—216.

Dames, *Ghaznawiden.* — M. L. Dames, *Ghaznawiden*, — EI, II, S. 163—167.

Dames, *Ghōriden.* — M. L. Dames, *Ghōriden*, — EI, II, S. 170—173.

Dames, *Helmand.* — M. L. Dames, *Helmand*, — EI, II, S. 316—317.

Dames, *Hindū-Kush.* — M. L. Dames, *Hindū-Kush*, — EI, II, S. 332—333.

Dames, *Kāfiristān.* — M. L. Dames, *Kāfiristān*, — EI, II, S. 664—665.

Dames, *Kashmīr.* — M. L. Dames, *Kashmīr*, — EI, II, S. 847—852.

Defrémery, *Fragments.* — *Fragments de géographes et d'historiens arabes et persans inédits relatifs aux anciens peuples de Caucase et de la Russie méridionale*, traduits et accompagnés de notes critiques par C. Defrémery, Paris, 1849.

Djalāir. — *Djalāir*, — EI, I, S. 1046.

Djalāl al-Dīn. — *Djalāl al-Dīn Mangubertī*, — EI, I, S. 1047—1048.

Donner, *Resa i Central-Asien.* — O. Donner, *Resa i Central-Asien 1898*, Helsingfors, 1901.

Dorn, *Auszüge.* — B. Dorn, *Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzende Länder*, — Mél. As., t. VI, 1873, pp. 627—669, 685—716; t. VII, 1876, pp. 19—44, 53—92.

Dorn, *Beiträge.* — B. Dorn, *Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker, aus morgenländischen Quellen. I. Versuch einer Geschichte der Schirwanschache. II. Geschichte Schirwans unter den Statthaltern und Chanen von 1538—1820, vorzüglich nach persischen Quellen. IV. Tabary's Nachrichten über die Chazaren nebst Auszügen aus Hafiz Abru, Ibn Aasem-El-Kufy, u. a.*, — «Mémoires de l'Acad. imp. des sciences de St.-Pétersbourg», VIe sér., sciences politiques, histoire, philologie, t. IV, 1841, pp. 523—602; t. V, 1845, pp. 317—434; t. VI, 1844, pp. 445—601.

Dorn, *Bericht.* — B. Dorn, *Bericht über eine wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres*, — «Bull. de l'Acad. imp. des sciences de St.-Pétersbourg», t. IV, 1862, pp. 344—393; то же: Mél. As., t. IV, 1863, pp. 429—500.

Dorn, *Caspia.* — B. Dorn, *Caspia. Über die Einfälle der alten Russen in Tabaristan nebst Zugaben über andere von ihnen auf dem Kaspischen Meere und in den anliegenden Ländern ausgeführte Unternehmungen*, St.-Pbg., 1875 («Mémoires de l'Acad. imp. des sciences de St.-Pétersbourg», VIIe sér, t. XXIII, № 1).

Dorn, *Chronologisches Verzeichniss.* — B. Dorn, *Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten arabischen, türkischen, tatarischen und persischen Werke, als Katalog der in dem asiatischen Museum befindlichen Schriften der Art*, — Mél. As., t. V, 1868, pp. 533—649.

Dorn, *Über die Handschriften.* — B. Dorn, *Über die vom General-Adjutanten von Kaufmann dem Asiatischen Museum verehrten morgenländischen Handschriften*, — Mél. As., t. VII, 1876, pp. 395—415.

Dozy, *Supplément.* — R. Dozy, *Supplément aux dictionnaires arabes*, vol. I—II, Leyde, 1881.

Early voyages, vol. I. — *Early voyages and travels to Russia and Persia by Antony Jenkinson and other Englishmen*, ed. by E. Delmar Morgan and C. H. Coot, vol. I, London, 1886 (HS, vol. XXII).

Eichwald, *Reise.* — E. Eichwald, *Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus. Unternommen in den Jahren 1825—1826*, Bd I, Abt. 1, Stuttgart und Tübingen, 1834; Abt. 2, Stuttgart, 1837; Bd II, Berlin, 1838.

Elliot, *The History of India.* — H. M. Elliot, *The History of India, as told by its own historians. The Muhammadan period*, vol. I—VIII, London, 1867—1877.

Erckert, *Der Kaukasus.* — R. von Erckert, *Der Kaukasus und seine Völker*, Leipzig, 1887.

Ethé, *Neupersische Litteratur.* — H. Ethé, *Neupersische Litteratur*, — GIPh, Bd II, S. 212—370.

Ferrier, *Voyages.* — J. P. Ferrier, *Voyages et Aventures en Perse, dans l'Afghanistan, le Beloutshistan et le Turkestan*, Nouvelle édition avec les notes, trad. de l'anglais par B. Revoil, t. I—II, Paris, 1870.

Forbiger, *Handbuch.* — A. Forbiger, *Handbuch der alten Geographie*, aus den Quellen bearbeitet, 2. Ausg., Bd II, Hamburg, 1877.

Fraehn, *Erklärung der arabischen Inschrift.* — Ch.-H. Fraehn, *Erklärung der arabischen Inschrift des eisernen Thorflügels zu Gelathi in Imerethi*, — «Mémoires de l'Acad. imp. des sciences de St.-Pétersbourg», t. III, 1836, S. 531—546.

Fraehn, *Die Inschriften von Derbend.* — Fraehn's *Erklärung einiger Arabischen Inschriften von Derbend und Gelathi*, — в кн.: E. Eichwald, *Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus*, Bd II, Berlin, 1838, S. 203—238.

Francke, *A history.* — A.-M. Francke, *A history of Western Tibet. One of the Unknown Empires*, London, [1907].

Franke, *Tempelinschrift.* — *Eine chinesische Tempelinschrift aus Idikutšahri bei Turfan (Turkistan)*. Übers. und erklärt von Dr. O. Franke, Berlin, 1907 (Anhang zu den Abhandlungen KPAW).

Fraser, *Khorasan.* — J. B. Fraser, *Narrative of a journey into Khorasān, in the years 1821 and 1822. Including some account of the countries to the North-East of Persia; with remarks upon the national character, gouvernement, and resources of that Kingdom*, London, 1825.

Fraser, *Travels and adventures.* — J. B. Fraser, *Travels and adventures in the Persian provinces on the southern banks of the Caspian sea*, London, 1826.

Gardthausen, *Die Parther.* — V. Gardthausen, *Die Parther in griechisch-römischen Inschriften*, — «Festschrift Nöldeke», Bd II, S. 839—859.

Gauthiot, *De l'alphabet sogdien.* — R. Gauthiot, *De l'alphabet sogdien*, — JA, sér. 10, t. XVII, 1911, pp. 81—95.

Gauthiot, *Compte.* — [R.] Gauthiot, [*Compte de la-mission au Turkestan russe* (résumé de communication)], — CRAIBL, 1913, pp. 671—680.

Gauthiot, *Essai.* — R. Gauthiot, *Essai de Grammaire Sogdienne*, avec préface de A. Meillet. Première partie. *Phonétique*, Paris, 1914—1923 (Mission Pelliot en Asie Centrale. Série petit in-octavo, t. I).

Geiger, *Ostīrānische Kultur.* — W. Geiger, *Ostīrānische Kultur im Altertum*, Erlangen, 1882.

Gibb, *The Arab invasion of Kashgar.* — H. A. R. Gibb, *The Arab invasion of Kashgar in A. D. 715*, — BSOS, vol. II, pt 3, 1922, pp. 467—474.

Gmelin, *Reise.* — I. G. Gmelin, *Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743*, T. 1—4, Göttingen, 1751—1752.

Godard — Hackin, *Les Antiquités.* — A. Godard, Y. Godard, J. Hackin, *Les Antiquités Bouddhiques de Bamiyan*, Paris et Bruxelles, 1928 (MDAFA, t. II).

de Goeje, *Das alte Bett des Oxus.* — M. J. de Goeje, *Das alte Bett des Oxus Amû-Darja*, Leyden, 1875.

de Goeje, DLZ, 1905, № 45 [Sp. 2798—2800]. — De Goeje, [рец. на.:] G. Le Strange, The Lands of the Eastern Caliphate: Mesopotamia, Persia, and Central Asia. . ., Cambridge, 1905, — DLZ, 1905, № 45, Sp. 2798—2800.

Goldziher, *Aus der Theologie.* — I. Goldziher, *Aus der Theologie des Fachr al-dīn al-Rāzī*, — DI, Bd III, 1912, S. 213—247.

Grenard, *La légende.* — F. Grenard, *La légende de Satok Boghra Khân et l'histoire*, — JA, sér. 9, t. XV, 1900, pp. 5—79.

Grierson, *Linguistic survey of India.* — G. A. Grierson, *Linguistic survey of India*, vol. III, pt 1, *Tibeto-Burman languages of Tibet and North Assam*, Calcutta, 1909.

Grünwedel, *Alt-Kutscha.* — A. Grünwedel, *Alt-Kutscha. Archäologische und religionsgeschichtliche Forschungen an Tempera-Gemälden aus Buddhistischen Höhlen der ersten acht Jahrhunderte nach Christi Geburt.* (Veröffentlichung der Preußischen Turfan-Expeditionen mit Unterstützung des Bässler-Instituts), Bd I (Textband), T. 1—2, Berlin, 1920.

Grünwedel, *Bericht.* — A. Grünwedel, *Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903*, München, 1906 (Abhandlungen der Philosophisch-philologischen Klasse der K. Bayrischen Akademie der Wissenschaften, Bd XXIV, Abt. 1).

Gutschmid, *Geschichte Irans.* — A. von Gutschmid, *Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. . .* Mit einem Vorwort von Th. Nöldeke, Tübingen, 1888.

Hackin, *Nouvelles recherches.* — J. Hackin, avec la collaboration de J. Carl, *Nouvelles recherches archéologiques à Bāmiyān*, Paris, 1933 (MDAFA, t. III).

Hallberg, *L'Extrême Orient.* — I. Hallberg, *L'Extrême Orient dans la littérature et la cartographie de l'Occident des XIIIe, XIVe et XV siècles. Étude sur l'histoire de la géographie*, Göteborg, 1906.

Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches.* — J. v. Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches, grossentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven*, 2. verb. Ausg., Bd I—IV, Pesth, 1834—1836.

Hammer-Purgstall, *Geschichte der Ilchane.* — J. Hammer-Purgstall, *Geschichte der Ilchane, das ist der Mongolen in Persien*, Bd I—II, Darmstadt, 1842—1843.

Hanway, *British trade.* — J. Hanway, *An historical account of the British trade over the Caspian sea: with the authors journal of travels from England through Russia into Persia; and back through Russia, Germany and Holland. To which are added, The revolutions of Persia during the present century, with the particular history of the great usurper Nadir Kouli*, 2d ed., revised and corrected, vol. I—II, London, 1754.

Hartmann, *Archaeologisches aus Russisch-Turkestan.* — M. Hartmann, *Archaeologisches aus Russisch-Turkestan*, — OLZ, 1905, № 12, Sp. 557—559; 1906, № 1, Sp. 28—34; № 2, Sp. 70—77; № 3, Sp. 117—123.

Hartmann, *Das Buchwesen.* — M. Hartmann, *Das Buchwesen in Turkestan und die türkischen Drucke der Sammlung Hartmann*, — MSOS, Jg. III, Abt. 2, 1904, S. 69—103.

Hartmann, *China.* — M. Hartmann, *China*, — EI, I, S. 875—890.

Hartmann, *Chinesisch-Turkestan.* — M. Hartmann, *Chinesisch-Turkestan*, Halle, 1908.

Hartmann, *Der islamische Orient.* — M. Hartmann, *Der islamische Orient. Berichte und*

Forschungen, Bd I—III, Berlin — Leipzig, 1905—1910.

B. Hartmann, *Djurdjān*.— B. Hartmann, *Djurdjān*,— EI, I, S. 1112—1113.

Hedin, *Through Asia*. — S. Hedin, *Through Asia*, vol. I—II, London, 1898.

Henning, *Khorezmian glossary*. — W. B. Henning, *Khorezmian glossary of Muqaddimat al-adab*, İstanbul, 1951.

Henning, *Khwarezmian language*. — W. B. Henning, *The Khwarezmian language*, — «Zeki Velidi Togan'a armağan», İstanbul, 1955, ss. 422—435.

Henning, *Mitteliranisch*. — W. B. Henning, *Mitteliranisch*, — HOr, Abt. I, Bd IV. Iranistik, Abschnitt 1. Linguistik, Leiden—Köln, 1958, S. 20—130.

Henning, *Über die Sprache*. — W. B. Henning, *Über die Sprache der Chvarezmier*, — ZDMG, Bd 90 (N. F., Bd 15), 1936, S. 30—34.

Herrmann, *Alte Geographie*. — A. Herrmann, *Alte Geographie des unteren Oxusgebiets*, Berlin, 1914 (AKGWG, N. F., Bd XV, № 4).

Herrmann, *Die alte Verbindung*. — A. Herrmann, *Die alte Verbindung zwischen den Oxus und dem Kaspischen Meer*, — Pet. Mitt., 1913, Jg. 59, Halbband II, August-Heft, S. 70—75.

Heyd, *Geschichte des Levantehandels*. — W. Heyd, *Geschichte des Levantehandels im Mittelalter*, Bd I—II, Stuttgart, 1879.

Heyd, *Histoire*. — W. Heyd, *Histoire du commerce du Levant au Moyen-Âge*. Édition française refondue et considérablement augmentée par l'auteur, t. I—II, Leipzig, 1885—1886.

Hillelson, *Bahrām-Shāh*. — S. Hillelson, *Bahrām-Shāh*, — EI, I, S. 609.

Hirth, *China and the Roman Orient*. — F. Hirth, *China and the Roman Orient: researches into their ancient and mediaeval relations as respected in old Chinese records*, Leipsic and Munich, Shanghai and Hongkong, 1885.

Hirth, *Nachworte*. — F. Hirth, *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen*, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*. Zweite Folge, St.-Pbg., 1899, S. 1—140 (разд. пат.).

Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen*. — F. Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu*, — SBAW. München, Bd II, 1899, S. 245—278.

Hirth, *Zur Kulturgeschichte*. — [F. Hirth], *Zur Kulturgeschichte der Chinesen*. Nach einem Vortrag von F. Hirth, München, 1898 (Sonderabdr. aus der Beilage zur «Allgemeinen Zeitung», Nr. 147 u. 148 vom 6. u. 7. Juli 1898).

Historici Graeci minores, ed. Dindorfius. — *Historici Graeci minores*, ed. L. Dindorfius, vol. 1—2, Lipsiae, 1871 [vol. 2 — Menander Protector et Agathias].

Holdich, *Afghan Boundary Commission*.—T. H. Holdich, *Afghan Boundary Commission; Geographical Notes*,—PRGS, NS, vol. VII, 1885, pp. 274—292 [стр. 287—288 — выступление Ролинсона].

Hommaire de Hell, *Les steppes*. — *Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie Méridionale; voyage pittoresque, historique et scientifique*, par X. Hommaire de Hell, t. 1—3, Paris, 1844—1845.

Howorth, *History of the Mongols*. — H. H. Howorth, *History of the Mongols from the 9th to the 19th century*, pt I. *The Mongols proper and the Kalmuks*, London, 1876; pt II. *The so-called Tartars of Russia and Central Asia*. Division I—II, London, 1880; pt III. *The Mongols of Persia*, London, 1888; pt IV, *Supplement*, London, 1927.

Huart, *'Abbās I*, — Cl. Huart, *'Abbās I*,—EI, I, S. 7—8.

Huart, *'Abbās Mīrzā*. — Cl. Huart, *'Abbās Mīrzā*, — EI, I, S. 13.

Huart, *Bāisonghor*. — Cl. Huart, *Bāisonghor, Ghiyāth al-Dīn*, — EI, I, S. 620—621.

Huart, *Dailem*. — Cl. Huart, *Dailem*, — EI, I, S. 934.

Huart, *Djāmī*. — Cl. Huart, *Djāmī*, — EI, I, S. 1055.

Huart, *Gīlān*. — Cl. Huart, *Gīlān*, — EI, II, S. 180.

Huart, *Ḳādjār*. — Cl. Huart, *Ḳādjār*, — EI, II, S. 656—658.
Huart, *Khorāsān*. — Cl. Huart, *Khorāsān*, — EI, II, S. 1037 — 1039.
Humboldt, *Asie Centrale*. — A. Humboldt, *Asie Centrale. Recherches sur les chaines de montanges et la climatologie comparée*, t. 1—3, Paris, 1843.

Irvine, *Awrangzēb*. — W. Irvine, *Awrangzēb*, — EI, I, S. 539—540.

Jackson, *Persia Past and Present*. — A. V. W. Jackson, *Persia Past and Present. A book of travel and research*, New York, 1906.
Julien, *Documents*. — S. Julien, *Documents sur l'art d'imprimer à l'aide de planches en bois, de planches en pierre et de types mobiles, inventé en Chine bien longtemps avant que l'Europe en fit usage; extract des livres chinois*, — JA, sér. 4, t. IX, 1847, pp. 505—534.
Julien, *Notices*. — S. Julien, *Notices sur les pays et les peuples étrangers, tirées des géographies et des annales chinoises*, — JA, sér. 4, t. VIII, 1846, pp. 228—252, 385—445 (I—II); t. IX, 1847, pp. 50—66, 189—210 (III—IV).
Justi, *Geschichte*. — F. Justi, *Geschichte der orientalischen Völker im Altertum*, Berlin, 1884 (Allgemeine Weltgeschichte, Bd I: Das Altertum, I. Teil).
Justi, *Geschichte Irans*. — F. Justi, *Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sāsāniden*, — GIPh, Bd II, S. 395—551.

Kaerst, *Geschichte*. — J. Kaerst, *Geschichte des hellenistischen Zeitalters*, Bd I, Leipzig, 1901.
Ker Porter, *Travels*. — R. Ker Porter, *Travels in Georgia, Persia, Armenia and ancient Babylonia etc. during the years 1817, 1818, 1819 and 1820*, vol. 1—2, London, 1821—1822.
Khanykof, *Quelques inscriptions*. — *Quelqus inscriptions musulmanes, d'Ani et des environs de Bakou*; extrait d'une lettre de M. Khanykof, — Mél. As., t. I, 1852, pp. 70—78.
Khanykov, *Lettre*. — Khanykov, *Lettre de M. Khanykov à M. Dorn*, — Mél. As., t. III, 1859, pp. 114—137.
Klaproth, *Magasin asiatique*. — *Magasin asiatique ou Revue géographique et historique de l'Asie centrale et septentrionale*; publiée par J. Klaproth, t. I—II, Paris, 1825—1826.
Klaproth, *Renseignemens*. — [J.] Klaproth, *Renseignemens sur les ports de Gampou et de Zaithoum par Marco Polo*, — JA, sér. 1, t. V, 1824, pp. 35—44.
Kleemann, *Reisen*. — Nikolaus Ernst Kleemanns *Reisen von Wien über Belgrad bis Ktlianova, durch Butschiak-Tartarey über Kavschan, Bender, durch die Nogew-Tartarey in die Crimm, dann von Kaffa. . . nach Triest und Wien, in den Jahren 1768, 1769 und 1770*. Nebst einem Anhange von den besonderen Merkwürdigkeiten der crimmischen Tartarey, in Briefen an einen Freund, Neue Auflage, Wien, 1773.
Klementz, *Turfan*. — D. Klementz, *Turfan und seine Alterthümer*, — «Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1892 ausgerüstete Expedition nach Turfan», H. I, St.-Pbg., 1899, S.1—53.
Konow, *Saka Document*. — S. Konow, *Saka Document*, Oslo, 1929 (Royal Frederik University. Publications of the Indian Institute, I, 3).
Köprülü, *Salur*.—F. Köprülü Zāde, *Salur*,— EI, IV, S. 127—128.
Kramers, *Otrār*.— J. H. Kramers, *Otrār*,— EI, III, S. 1095.
Krenkow, *al-Khansā'*. — F. Krenkow, *al-Khansā'*, — EI, II, S. 966—968.

Laessoe, *Caves and ruins*. — *Caves and ruins at Penjdeh*. By Captain F. de Laessoe, communicated by H. C. Rawlinson, — PRGS, NS, vol. VII, 1885, pp. 583—591.

Lane, *Lexicon.* — E. W. Lane, *Arabic-English Lexicon*, pt I—VIII, London, 1863—1893.

Lansdell, *Through Central Asia.* — H. Lansdell, *Through Central Asia*, with a map and appendix on the *Diplomacy and delimitation of the Russo-Afghan frontier*, London, 1887.

Le Coq, *Auf Hellas Spuren.* — A. von Le Coq, *Auf Hellas Spuren in Ostturkistan. Berichte und Abenteuer der II. und III. Deutschen Turfan-Expedition*, Leipzig, 1926.

Le Strange, *The Lands.* — G. Le Strange, *The Lands of the Eastern Caliphate. Mesopotamia, Persia, and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur*, Cambridge, 1905 (Cambridge Geographical Series).

Legrand, *Voyages de Basile Vatace.* — E. Legrand, *Voyages de Basile Vatace en Europe et en Asie*, —«Nouveaux mélanges orientaux», pp. 185—295.

Leitner, *Dardistan in 1866.* — G. L. Leitner, *Dardistan in 1866, 1886 and 1893 being an Account of the History, Religions, Customs, Legends, Fables and Songs of Gilgit, Chilas, Kandia (Gabrial), Yasin, Chitral, Hunza, Nagir and other parts of the Hindukush, as also a Supplement to the second edition of the Hunza and Nagir Handbook. . . and an epitome of the part III of the authors «The languages and Races of Dardistan»*, Woking, [s. a.].

Leitner, *Dardistan in 1895.* — G. L. Leitner, *Dardistan in 1895.* I. *The Future of Chitral and neighbouring countries. . .* II. *New Dangers and Fresh Wrongs. . .* III. A supplement, with a map of Pamirs. Material regarding Bokhara, Badakhshan, Wakhan, Zebak, Shignan, Raushan, Derwaz. . . in connection with the Anglo-Russian agreements, Woking, 1896.

Lerch, *Khiva oder Kharezm.* — P. Lerch, *Khiva oder Kharezm. Seine historischen und geographischen Verhältnisse*, St.-Pbg., 1873.

Leumann, *Über die einheimischen Sprachen.* — E. Leumann, *Über die einheimischen Sprachen von Ostturkestan im frühern Mittelalter*, — ZDMG, Bd LXI, 1907, S. 648—658.

Leumann, *Zur nordarischen Sprache.* — E. Leumann, *Zur nordarischen Sprache und Literatur. Vorbemerkungen und vier Aufsätze mit Glossar*, — «Schriften der Wissenschaftlichen Gesellschaft in Strassburg», 1912, H. 10.

Lumdsden, *Countries and tribes.* — P. Lumdsden, *Countries and tribes bordering on the Koh-i-Bala Range*, — PRGS, NS, vol. VII, 1885, pp. 561—583 [стр. 577—578 — выступление Ролинсона].

Mailla, *Histoire.*— *Histoire générale de la Chine, ou Annales de cet empire*; traduites du Tong-kien-kang-mou, par le feu Père Joseph-Anne-Marie de Moyriac de Mailla. Publiées par M. l'Abbé Grosier, et dirigées par M. le Roux des Hautesrayes. Ouvrage enrichi de figures et de nouvelles cartes géographiques de la Chine ancienne et moderne, levées par ordre du feu Empereur Kang-Hi, et gravées pour la première fois, t. I—XII, Paris, 1777—1783 [t. I—IV, 1777; t. V—VIII, 1778; t. IX—X, 1779; t. XI, 1780; t. XII, 1783].

Manandian, *Beiträge.* — *Beiträge zur albanischen Geschichte.* Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Philosophischen Doctorwürde bei der Hoher philosophischen Fakultät der Universität Jena, eingereicht von Agop Manandian (aus Achalzich), Leipzig, 1897.

Manstein, *Mémoires.* — *Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie depuis l'année MDCCXXVII, jusqu'à MDCCXLIV* par le général de Manstein. Nouvelle édition, collationnée sur le manuscrit original corrigé par le main de Voltaire, Paris, 1860 (Bibliothèque russe, Nouvelle série, vol. I).

Margoliouth, *The Russian Seizure of Bardha'ah.* — D. S. Margoliouth, *The Russian Seizure of Bardha'ah in 943 A. D.*, — BSOS, vol. I, pt 2, 1918, pp. 82—95.

Markwart, *A catalogue.* — J. Markwart, *A catalogue of the provincial capitals of Ērānšahr* (Pahlavi text, version and commentary), ed. by G. Messina, Roma, 1931 (Analecta Orientalia, 3).

Markwart, *Wehrot und Arang.* — J. Markwart, *Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran*, Leiden, 1938.

Marquart, *Die Chronologie.* — J. Marquart, *Die Chronologie der alttürkischen Inschriften*, Leipzig, 1898.

Marquart, *Ērānšahr.* — J. Marquart, *Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*, Berlin, 1901 (AKGWG, N. F., Bd III, № 2).

Marquart, *Komanen.* — J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, — в кн.: W. Bang und J. Marquart, *Osttürkische Dialektstudien*, Berlin, 1914 (AKGWG, N. F., Bd XIII, № 1), S. 25—238.

Marquart, *Streifzüge.* — J. Marquart, *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840—940)*, Leipzig, 1903.

Marquart, *Untersuchungen.* — J. Marquart, *Untersuchungen zur Geschichte von Eran*, H. I—II, Göttingen — Leipzig, 1896—1905 (Sonderabdr. aus dem «Philologus», Bd 54, S. 489—527; Bd 55, S. 212—240; Supplementband, X, H. 1).

Massignon, *al-Tirmidhī.* — L. Massignon, *al-Tirmidhī*, — EI, IV, S. 863.

Melioranskij, *Aḥmed Yesewī.* — P. Melioranskij, *Aḥmed Yesewī*, — EI, I, S. 217.

Mémoires concernant les Chinois. — Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages etc. des Chinois. Par les Missionaires de Pekin, t. 1—16, Paris, 1776—1814.

Ménant, *Les Achémenides.*—J. Ménant, *Les Achémenides et les inscriptions de la Perse*, Paris, 1872.

Middendorff, *Die Baraba.* — A. v. Middendorff, *Die Baraba*, St.-Pbg., 1870 (Mémoires de l'Académie imp. des sciences de St.-Pétersbourg, VIIe sér., t. XIV, № 9).

Middendorff, *Einblicke.* — A. v. Middendorff, *Einblicke in das Ferghana-Thal* St.-Pbg., 1881.

Miklosich — Müller, *Acta et diplomata graeca. — Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana.* Collecta ediderunt F. Miklosich et I. Müller, Vindobonae, vol. 1—4, 1863—1866 [vol. 3. *Acta et diplomata graeca res graecas italasque illustrantia. . .*, Vindobonae, 1865].

Minorsky, *Caucasica IV.* — V. Minorsky, *Caucasica IV*, — BSOAS, vol. XV, pt 3, 1953, pp. 504—529.

Minorsky, *Ibn Farighun.* — V. Minorsky, *Ibn Farighun and the Ḥudūd al-'Ālam*, — «A Locust's Leg: Studies in Honour of S. H. Taqizadeh», London, 1962, pp. 189—196.

Minorsky, *Nakhshab.*— V. Minorsky, *Nakhshab*,—EI, III, S. 908.

Minorsky, *Sharvān.* — V. Minorsky, *A history of Sharvān and Darband in the 10th—11th centuries*, Cambridge, 1958.

Mission d'Ollone. — Écritures des peuples non chinois de la Chine. Quatre Dictionnaires Lolo et Miao Tseu, dressés par Le Commandant d'Ollone avec le concours de Monseigneur de Guébriant, Paris, 1912 (Mission d'Ollone. 1906—1909, [VII]).

Mohan Lal, *Journal.* — Mohan Lal, *Journal of a tour through the Panjab*, Calcutta, 1834.

Moorcroft, *Travels.*— W. Moorcroft and G. Trebeck, *Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara*; from 1819 to 1825. Prepared for the Press, from Original Journals and Correspondence, by H. H. Wilson, vol. I—II, London, 1841.

Müller, *Die «persischen» Kalenderausdrücke.* — F. W. K. Müller, *Die «persischen» Kalenderausdrücke im chinesischen Tripitaka*, — SBAW Berl., Jg. 1907, Bd XXV, Halbbd I, S. 458—465.

Nalivkine, *Histoire.* — V. P. Nalivkine, *Histoire du Khanat de Khokand*, trad. par A. Dozon, Paris, 1889.

Neumann, *Die Fahrt des Patrocles.* — K. I. Neumann, *Die Fahrt des Patrocles auf dem Kaspischen Meer und der alte Lauf des Oxus*, — «Hermes», 1884, S. 165—185.

Nöldeke, ZDMG, Bd LVI [S. 427—436]. — Th. Nöldeke, [рец. на:] Eränšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i von Dr. J. Marquart, Berlin, 1901, — ZDMG, Bd LVI, 1902, S. 427—436.

Obrutschew, *Zur Geschichte.* — W. Obrutschew, *Zur Geschichte des Oxusproblem*, — Pet. Mitt., 1914, Jg. 60, Halbband I, Februar-Heft, S. 87—88.

Odoric de Pordenone, *Voyages. — Les voyages en Asie au XIVe siècle* du bienheureux frère Odoric de Pordenone Religieux de Saint-François, publiés avec une introduction et des notes par H. Cordier, Paris, 1891 (Recueil de voyages et de documents pour servir à l'histoire de la géographie. Depuis le XIIIe jusqu'à la fin du XVIe siècle. Publié sous la direction de MM. Ch. Schefer et H. Cordier. X).

d'Ohsson, *Histoire des Mongols.* — C. d'Ohsson, *Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan*, t. I—IV, La Haye et Amsterdam, 1834—1835; éd. 2: 1852.

Olearius. — Adam Olearii *Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reyses nach Muscow und Persien*, Schleswig, 1646.

Pallas, *Bemerkungen.* — P. S. Pallas, *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, Bd 2, Leipzig, 1801.

Pelliot, *La colonie sogdienne.* — P. Pelliot, *Le «Cha tcheou tou [tou] fou t'ou king» et la colonie sogdienne de la région de Lob Nor*, — JA, sér. 11, t. VII, 1916, pp. 111—123.

Pelliot, *Les influences iraniennes.* — P. Pelliot, *Les influences iraniennes en Asie Centrale et en Extrême Orient*, — «Revue d'histoire et de la litterature religieuse», Paris, 1911, pp. 3—25.

Pelliot, «T'oung Pao», vol. XXI [pp. 399—413]. — P. Pelliot, [рец. на:] Voyage du marchand arabe Sulaymân en Inde et en Chine rédigé en 851 suivi de remarques par Abû Zayd Ḥasan (vers 916), traduit par G. Ferrand, bois de M-lle A. Karpelès [Collection «Les classiques de l'Orient», t. VII], Paris, 1922, — «T'oung Pao», vol. XXI, 1922, pp. 399—413.

Pertsch, *Verzeichniss.* — W. Pertsch, *Verzeichniss der persischen Handschriften*, Berlin, 1888 (Die Handschriftenverzeichnisse der königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd IV).

Peschel, *Geschichte der Erdkunde.* — O. Peschel, *Geschichte der Erdkunde bis auf A. v. Humboldt und Carl Ritter*, München, 1865 (Geschichte der Wissenschaften in Deutschland, Neuere Zeit. Bd IV).

Petzholdt, *Umschau.* — A. Petzholdt, *Umschau im Russischen Turkestan (im Jahre 1871) nebst einer allgemeinen Schilderung des «Turkestanischen Beckens»*, Leipzig, 1877.

Pumpelly, *Explorations.* — R. Pumpelly, *Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilisations of Anau*, vol. I—II, Washington, 1908.

Radloff, *Die alttürkischen Inschriften.* — W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Lief. I—III, St.-Pbg., 1894—1895; Neue Folge, St.-Pbg., 1897; Zweite Folge, St.-Pbg., 1899.

Radloff, *Aus Sibirien.* — W. Radloff, *Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche*, 2. Ausg., Bd I—II, Leipzig, 1893.

Radloff, *Proben.* — *Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens*, gesammelt und übersetzt von W. Radloff, T. I—IV, St.-Pbg., 1866—1872 (W. Ra-

dloff, Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen Steppe. I. Abth.: Proben der Volkslitteratur. Übersetzung). [T. IV: *Die Mundarten der Barabiner, Taraer, Toboler und tümenischen Tataren*].

Ramusio, *Viaggi.* — [G. B. Ramusio], *Delle navigationi et viaggi*, raccolto gia da M. Gio. Battista Ramusio, et con molti et vaghi discorsi da lui in molti luoghi dichiarato et illustrato, vol. I—III, Venetia, 1559—1564 [I — 1563; II — 1559; III — 1564].

Ravennatis anonymi cosmographia. — *Ravennatis anonymi cosmographia et Guidonis geographica.* Ex libris manu scriptis ediderunt M. Pinder et G. Parthey, Berolini, 1860.

Reclus, *Géographie.* — É. Reclus, *Nouvelle géographie universelle, la terre et les hommes.* T. VI. *L'Asie russe*, Paris, 1881.

Regel, *Turfan.* — A. Regel, *Turfan*, — Pet. Mitt., Bd 26, H. VI, 1880, S. 205—210.

Reinaud, *Relation.* — *Relation des voyages faits par les arabes et les persans dans l'Inde et à la Chine dans le IXe siècle de l'ère chrétienne.* Texte arabe imprimé en 1811 par les soins de feu Langlès, publié avec des corrections et additions et accompagné d'une traduction française et d'éclaircissements par M. Reinaud, t. I. Introduction et traduction; t. II. Texte, Paris, 1845.

Rickmers, *The Duab.* — W. R. Rickmers, *The Duab of Turkestan. A Physiographic sketch and account of some travels*, Cambridge, 1913.

Rickmers, *The Fan mountains.* — W. R. Rickmers, *The Fan mountains in the Duab of Turkestan*, — GJ, vol. XXX, 1907, № 4, pp. 357—371; № 5, pp. 488—502.

Rieu, *Pers. MSS.* — Ch. Rieu, *Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum*, vol. I—III, London, 1879—1883.

Ritter, *Die Erdkunde.* — C. Ritter, *Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine, vergleichende Geographie als sichere Grundlage des Studiums und Unterrichts in physikalischen und historischen Wissenschaften*, Bd I—IX, Berlin, 1822—1859.

Ritter, *Lexicon.* — Ritter's *Geographisch-statistisches Lexicon über die Erdtheile, Länder, Meere, Buchten, Häfen, Seen, Flüsse, Inseln, Gebirge, Staaten, Städte, Flecken, Dörfer, Weiler, Bäder, Bergwerke, Kanäle etc.*, 5. gänzlich umgearbeitete, stark vermehrte und verbesserte Auflage. Unter Redaction von A. Stark, Bd I, Leipzig, 1864.

Rockhill, *The Land of Lamas*, — W. W. Rockhill, *The Land of Lamas*, London, 1819.

Rosen, *Les manuscrits persans.* — [V. Rosen], *Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales. . .* décrits par V. Rosen, St.-Pbg., 1886 (Collections scientifiques, t. III).

Rosenberg, *Sogdica.* — F. Rosenberg, *Sogdica*, — «Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay dla uczczenia jego działalności naukowej 1868—1921», Kraków, 1921, str. 94—96.

Roesler, *Die Aralseefrage.* — R. Roesler, *Die Aralseefrage. Noch einmal geprüft*, Wien, 1873 [Separatabdr. aus SBAW Wien, Bd LXXIV].

Ross, *The genealogies.* — E. D. Ross. *The genealogies of Fakhr-ud-Dín, Mubárak Sháh*, — «'Ajab-nama», pp. 392—413.

Sachau, *Zur Geschichte.* — E. Sachau, *Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm*, [Teil] I—II, Wien, 1873 (Sonderabdr. aus SBAW Wien, Bd LXXIII, S. 471—506; Bd LXXIV, S. 285—330).

Sachau — Ethé, *Catalogue.* — [E. Sachau and H. Ethé], *Catalogue of the Persian, Turkish, Hindûstânî, and Pushtu manuscripts in the Bodleian Library*, begun by Ed. Sachau, continued, completed and ed. by H. Ethé, pt I. *The Persian manuscripts*, Oxford, 1899.

Salemann, *Das Asiatische Museum.* — C. Salemann, *Das Asiatische Museum im Jahre 1890. Nebst Nachträgen,* — Mél. As., t. X, 1894, pp. 271—292.

Schaeder, *Samarḳand.* — H. H. Schaeder, *Samarḳand,* — EI, IV, S. 138—140.

Schaefer, *Abriss der Quellenkunde.* — A. Schaefer, *Abriss der Quellenkunde der griechischen und römischen Geschichte,* Bd II, Leipzig, 1855.

Schanz, *Geschichte der römischen Literatur.* — M. Schanz, *Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justintan,* München, Bd I—III, 1890—1904 [I — 1890, II — 1892, III — 1904].

Schefer, *Chrestomathie persane.* — *Chrestomathie persane à l'usage des élèves de l'École spéciale des langues orientales vivantes,* publiée par Ch. Schefer, t. I—II, Paris, 1883—1885 (PÉLOV, IIe sér., vol. VI—VII).

Schefer, *Notice.* — Ch. Schefer, *Notice sur les relations des peuples musulmanes avec les Chinois, depuis l'extension de l'islamisme jusqu'à la fin du XVe siècle,* — «Centenaire de l'École des langues orientales vivantes. 1795—1895. Recueil de mémoires publié par les professeurs de l'École», Paris, 1895, pp. 1—43.

Schiltberger, *Reise.* — Schiltberger's aus München von den Türken in der Schlacht von Nicopolis 1395 gefangen, in das Heidenthum geführt, und 1427 wieder heimgekommen, *Reise in den Orient und wunderbare Begebenheiten. Von ihm selbst beschrieben.* Aus einer alten Handschrift übersetzt und hrsg. von A. J. Penzel, München, 1814.

Schmidt, *Über Rubruk's Reise.* — F. M. Schmidt, *Über Rubruk's Reise von 1253—55,* Berlin, 1885.

Schwarz, *Turkestan.* — F. v. Schwarz, *Turkestan, die Wiege der indo-germanischen Völker. Nach fünfzehnjährigem Aufenthalt in Turkestan dargestellt,* Freiburg im Breisgau, 1900.

Scriptores rerum Alexandri Magni. — *Scriptores rerum Alexandri Magni. . .* Fragmenta collegit, disposuit, vertit, annotatione instruxit, de vitis scriptisque auctorum disseruit, indicem plenissimum adjecit C. Mullerus,—прилож. к кн.: *Arriani Anabasis et Indica,* ed. Dübner, pp. I—VI, 1—180 (разд. паг.).

Sédillot, *Prolégomènes.* — *Prolégomènes des Tables astronomiques d'Oulug-Beg.* Publiés avec notes et variantes, et précédés d'une introduction; par L. P. E. A. Sédillot, Paris, 1847; Traduction et commentaire, par L. P. E. A. Sédillot, Paris, 1853 (Chrestomathie persane, publiée sous les auspices de M. le Ministre des l'instruction publique, t. I—II).

Seldjuken. — *Seldjuken,* — EI, IV, S. 222—228.

Senkowski, *Supplément.* — J. Senkowski, *Supplément à l'Histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols, contenant un abrégé de l'histoire de la domination des Uzbèks dans la Grande Bukharie, depuis leur établissement dans ce pays jusqu'à l'an 1709, et une continuation de l'histoire de Kharèzm, depuis la mort d'Aboul-ghazi-khan jusqu'à la même époque,* St.-Pbg., 1824.

Severtzow, *Études.* — N. Severtzow, *Études de géographie historique sur les anciens itinéraires à travers le Pamir. Ptolémée, Hiouen-Thsang, Song-Juen, Marco-Polo,* — «Bulletin de la Société de géographie», sér. 7, t. XI, Paris, 1890, pp. 417—467, 553—610.

Seybold, *Idrīsī.* — C. F. Seybold, *al-Idrīsī,* — EI, II, S. 480—481.

Skrine and Ross, *The Heart of Asia.* — F. H. Skrine and E. D. Ross, *The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times,* London, 1899.

Smirnow, *Manuscrits turcs.* — [W. D. Smirnow], *Manuscrits turcs de l'Institut des langues orientales* décrits par W. D. Smirnow, St.-Pbg., 1897 (Collections scientifiques, t. VIII).

Snouck Hurgronje, *Mekka.* — G. Snouck Hurgronje, *Mekka,* Bd I. *Die Stadt und ihre Herren;* Bd II. *Aus dem heutigen Leben,* Haag, 1888—1889.

Sprenger, *Post- und Reiserouten.* — A. Sprenger, *Die Post- und Reiserouten des Orients.*

Mit 16 Karten nach einheimischen Quellen, Leipzig, 1864 (Abhandlungen der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Bd III, № 3).

Stein, *Ancient Khotan.* — A. Stein, *Ancient Khotan. Detailed report of archaeological explorations in Chinese Turkestan*, vol. I, Text; vol. II, Plates, Oxford, 1907.

Stein, *Innermost Asia.* — A. Stein, *Innermost Asia. Detailed report of explorations in Central Asia, Kan-Su and Eastern Iran.* Carried out and described under the orders of H. M. Indian Government by Sir A. Stein, vol. I—IV, Oxford, 1928 [vol. I—II — Text; vol. III — Plates and plans; vol. IV — Maps].

Stein, *Ruins.* — A. Stein, *Ruins of Desert Cathay. Personal narrative of explorations in Central Asia and westernmost China*, vol. I—II, London, 1912.

Stein, *Ruins of Khotan.* — A. Stein, *Sand-buried ruins of Khotan. Personal narrative of a journey of archaeological and geographical exploration in Chinese Turkestan*, London, 1903.

Stein, *Serindia.* — A. Stein, *Serindia. Detailed report of Explorations in Central Asia and westernmost China*, vol. I—III — Text; vol. IV — Plates; vol. V — Maps, Oxford, 1921.

Stein, *A third journey.* — A. Stein, *A third journey of exploration in Central Asia, 1913—16*, — GJ, vol. XLVIII, 1916, pp. 97—130, 193—225 [Discussion: pp. 225—229].

Streck, *Abīward.* — Streck, *Abīward*, — EI, I, S. 74.

Streck, *Āmul.* — Streck, *Āmul*, — EI, I, S. 359—360.

Sykes, *Through deserts.* — E. Sykes and P. Sykes, *Through deserts and oasis of Central Asia*, London, 1910.

Tedesco, *Ostiranische Nominalflexion.* — P. Tedesco, *Ostiranische Nominalflexion*, — ZII, Bd 4, 1926, S. 94—166.

Teufel, *Quellenstudien.* — F. Teufel, *Quellenstudien zur neueren Geschichte der Châhate*, — ZDMG, Bd XXXVIII, 1884, S. 235—381.

Texier, *Description.* — *Description de l'Arménie la Perse et la Mésopotamie* publiée sous les auspieces des ministres de l'intérieur et de l'instruction publique. Première partie. *Geographie, Geologie, Monuments Anciens et Modernes, Mœurs et Coutumes*, par Ch. Texier, Paris, 1842.

Tomaschek, *Sogdiana.* — W. Tomaschek, *Centralasiatische Studien. I. Sogdiana*, — SBAW Wien, Bd LXXXVII, 1877, S. 67—184.

Tomaschek, *Über das arimaspische Gedicht.* — W. Tomaschek, *Über die ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. I. Über das arimaspische Gedicht des Aristeas*, — SBAW Wien, Bd CXVI, 1888, S. 715—780.

Tomaschek, *Zur historischen Topographie* [I—II]. — W. Tomaschek, *Zur historischen Topographie von Persien.* [I]. *Strassenzüge der Tabula Peutingerana*, — SBAW Wien, Bd CII, 1883, S. 145—231; [II]. *Die Wege durch die persische Wüste*, — SBAW Wien, Bd CVIII, 1885, S. 561—666.

Vámbéry, *Geschichte Bochara's.* — H. Vámbéry, *Geschichte Bochara's oder Transoxaniens von den frühesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Nach orientalischen benützten und unbenützten handschriftlichen Geschichtsquellen.* Zum erstenmal bearbeitet. Deutsche Originalausgabe, Bd I—II, Stuttgart, 1872.

Vámbéry, *History of Bokhara.* — A. Vámbéry, *History of Bokhara from the earliest period down to the present.* Composed for the first time after oriental known and unknown historical manuscripts, London, 1873.

Vámbéry, *Reise.* — H. Vámbéry, *Reise in Mittelasien von Teheran durch die Turkmanische Wüste an der Ostküste des Kaspischen Meeres nach Chiwa, Bochara und Samarkand, ausgeführt im Jahre 1863*, Deutsche Originalausgabe, Leipzig, 1865.

Vámbéry, *Travels.* — A. Vámbéry, *Travels in Central Asia being the account of a journey from Teheran across the Turkoman desert on the eastern shore of the Caspian to Khiva, Bokhara and Samarkand, performed in the year 1863*, London, 1864.

Vivien de St.-Martin, *Mémoires.* — J. Saint-Martin, *Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie*, suivis du texte Arménien de l'Histoire des Princes Orpélians par Etienne Orpélian, archevêque de Siounie, et de celui des Géographies attribuées à Moyse de Khoren et au docteur Vartan, avec plusieurs autres pièces relatives à l'histoire d'Arménie; le tout accompagné d'une traduction Françoise et de notes explicatives, t. I—II, Paris, 1818—1819.

Vullers, *Lexicon.* — J. A. Vullers, *Lexicon Persico-Latinum etymologicum cum linguis maxime cognatis Sanscrita et Zendica et Pehlevica comparatum. . .*, t. I—II, Bonnae, 1855—1864.

Waddell, *Lhassa.* — L. A. Waddell, *Lhassa and its misteries with a record of the expedition of 1903—1904*, London, 1905.

Walther, *Das Oxusproblem.* — J. Walther, *Das Oxusproblem in historischer und geologischer Beleuchtung*, — Pet. Mitt., Bd 44, H. 9, 1898, S. 204—214.

Wassiljew, *Die Erschließung Chinas.* — W. P. Wassiljew, *Die Erschließung Chinas. Kulturhistorische und wirtschaftspolitische Aufsätze zur Geschichte Ostasiens.* Deutsche Bearbeitung von Dr. R. Stübe. Mit Beiträgen von Prof. Dr. A. Conrady, Leipzig, 1909.

Wellhausen, *Das Arabische Reich.* — J. Wellhausen, *Das Arabische Reich und sein Sturz*, Berlin, 1902.

Wensinck, *Āṣaf.* — A. J. Wensinck, *Āṣaf b. Barak̲hya*, — EI, I, S. 495.

Wensinck, *Aṣḥāb al-Kahf.* — A. Wensinck, *Aṣḥāb al-Kahf*, — EI, I, S. 497—498.

Wensinck, *al-Tirmiḏ̲hī.* — A. J. Wensinck, *al-Tirmiḏ̲hī*, — EI, IV, S. 862—863.

West, *Pahlavi Literature.* — E. W. West, *Pahlavi Literature*, — GIPh, Bd II, S. 75—129.

Winckler, *Das alte Westasien.* — H. Winckler, *Das alte Westasien*, — в кн.: *Weltgeschichte*, hrsg. von H. F. Helmolt, Bd III, *Westasien und Afrika*, Leipzig und Wien, 1901, S. 1—248.

Winckler, *Untersuchungen.* — H. Winckler, *Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte*, Leipzig, 1889.

Witsen, *Noord en oost Tartarye.* — *Noord en oost Tartarye, ofte bondigh ontwerp van eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekent zyn geweest...* Met der zelver Lant-Kaerten. Zedert nauwkeurigh onderzoek van veele jaren, en eigen ondervindinge beschreven, getekent, en in't licht gegeven, door Nicolaes Witsen, Amsterdam, 1692.

Wolff, *Narrative.* — J. Wolff, *Narrative of a Mission to Bokhara in the years 1843—1845*, 5th ed., Edinburgh and London, 1848.

Wood, *Journey.* — J. Wood, *A Journey to the source of the river Oxus.* New edition, with an essay on the geography of the valley of the Oxus, by H. Jule, London, 1872.

Wright, *The geographical lore.* — J. K. Wright, *The geographical lore of the time of the crusades; a study in the history of medieval science and tradition in western Europe*, New York, 1925.

Yate, *Khurasan and Sistan.* — C. E. Yate, *Khurasan and Sistan*, Edinburgh and London, 1900.

Yate, *Northern Afghanistan.* — C. E. Yate, *Northern Afghanistan, or letters from the Afghan Boundary Commission*, Edinburgh and London, 1888.

Yule, *Cathay.* — H. Yule, *Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China*, transl. and ed. by H. Yule. With a preliminary essay on the intercourse between China and the western nations previous to the descovery of the Cape route, vol. I—II, London, 1866 (HS, [№ XXXVI—XXXVII]).

Zambaur, *Manuel.* — E. Zambaur, ***Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam***, Hanovre, 1927.
Zetterstéen, *al-Faḍl b. Sahl.* — K. V. Zetterstéen, *al-Faḍl b. Sahl*, — EI, II, S. 37—38.
Zetterstéen, *al-Faḍl b. Yaḥyā.* — K. V. Zetterstéen, *al-Faḍl b. Yaḥyā*, — EI, II, S. 38.
Zetterstéen, *Sandjar.* — K. V. Zetterstéen, *Sandjar*, — EI, IV, S. 162.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН [1]

Абаза-паша 459
Абака 388
Абатай-хан (Абтай Галсаго-тайчжи) 539
Аббас I, шах 91, 133, 177, 338, 351, 406, 407, 414, 428, 449, 473
Аббас-бахадур 187
Аббас-мирза 406, 473, 506
Аббасиды 364, 372
Абботт Дж. (Abbott J.) 155, 156, 182
Абд ал-Азиз, Аштарханид 80, 111, 390
Абд ал-Ахад 392
Абд ал-Керим, кокандский хан 462
Абд ал-Керим Бухари 87*, 154, 178, 204, 364, 365, 463, 478, 481, 536, 550
Абд ал-Керим Кашмири 154, 179
Абд ал-Латиф 440
Абд ал-Мелик, правитель Дербента 335, 409
Абд ал-Мелик, халиф 372
Абд ал-Мумин 153, 258
Абд ар-Раззак Самарканди 65*, 66, 70*, 221*, 249, 397, 460
Абд ар-Рахман б. Раби'а 421
Абд ар-Рашид ал-Бакуви — см. Бакуви
Абд ал-Халик — см. Насир ад-дин Абд ал-Халик Фирузшах
Абд ал-Халик Гиждувани 400
Абдаллах б. Али 535
Абдаллах б. Тахир 107, 116, 124, 129, 131, 139
Абдаллах б. Хишам (также Абд ал-Мелик) 335
Абдаллах Балхи — см. Балхи, Абдаллах
Абдулла б. Абд ар-Рахим 257
Абдулла б. Ак-Кубак 452
Абдулла б. Искендер 87*, 98, 111, 113, 133, 153, 161, 177, 190, 196, 202, 204, 206, 208, 217, 219, 220, 222, 225, 226, 258, 259, 286, 346, 389, 390, 501, 549, 565
Абдулла-хан хивинский 551
Абиль-Огла — см. А'ла-хан
Абих 330
Абтай Галсаго-тайчжи — см. Абатай-хан
Абу-л-Аббас Йездади 201
Абу-л-Аббас Мамун б. Мухаммед — см. Мамун I б. Мухаммед
Абу Абдаллах Мухаммед б. Али ат-Термези 505, 507
Абу Абдаллах Хорезми 109, 117, 142, 224
Абу-л-А'ла — см. А'ла-хан
Абу Бекр, халиф 379
Абу Бекр б. Абу Са'ид 345
Абу Бекр Дуглат 457, 511
Абу Бекр ал-Каффаль аш-Шаши 220
Абу Бекр Са'ди 202
Абу Дулеф Мис'ар б. Мухальхиль 482
Абу Закария Варагсери 186
Абу Зейд Ахмед Балхи — см. Балхи, Абу Зейд
Абу Зейд ас-Сирафи 543
Абу Иса Мухаммед б. Иса ат-Термези 505
Абу Исхак Ибрахим 379
Абу-л-Касим Бабур — см. Бабур, Абу-л-Касим
Абу-л-Касим Микали 130
Абу-л-Ма'али 506
Абу-л-Мансур Матуриди — см. Матуриди, Абу-л-Мансур

[1] Во всех указателях звездочкой отмечены номера страниц, на которых данное слово встречается только в сносках.

Абу Муслим 113, 138, 139, 146—149, 188, 189, 203, 379, 384, 412, 414, 500
Абу Муслим б. Абд ал-Медик, легендарный персонаж 414
Абу Мухаммед Абд ас-Сейид б. Мухаммед Несефи (Са'д ал-мульк) 526
Абу Наср б. Абу-л-Фатх ал-Яфтали 344
Абу Наср ал-Фараби 525
Абу Са'ид, Тимурид 67, 68, 250, 345
Абу Са'ид, шейх 129, 131, 132, 134
Абу Тахир-ходжа 196
Абу-л-Фазл [Аллами] 161
Абу-л-Фатх ал-Яфтали 344
Абу-л-Фида 70, 278*, 355, 368, 483, 484
Абу-л-Футух Абд ал-Гафир (Абд ал-Гаффар) б. Хусейн ал-Алма' и ал-Каджгари 457
Абу Хамид ал-Андалуси ал-Гарнати — см. Гарнати
Абу-л-Хасан Наср — см. Наср [I] б. Ахмед б. Асад
Абу-л-Хасан ал-Харакани 449
Абу Шуджа' Фаррух-шах 556
Абулгази 17—21, 54, 67, 68, 70, 75—83, 85—90, 94*, 114, 126*, 167, 175—179, 230, 251, 258, 259, 320, 324, 325, 332, 338, 341, 356, 453, 480, 493, 549
Абулхайр-хан 66, 67, 228
Аваз-инак 180
Аванеш 77, 79, 88
Авраам 395
Ага-Мухаммед 155*
Агехи, Мухаммед-Риза 114, 117*, 118, 130*, 180, 552
Аглаб ас-Сулами 425
Агыш-султан б. Суфьян-хан 77*
Адам 452*
Адиль-Гирей (брат Мухаммед-Гирея) 414
Адиль-Гирей (шамхал) 415
Адуд ад-дауля 109
Акбар 161
Акбуга 151
Ал-и Бурхан 387
Ал Мухтадж 559
Ала ад-дин, инак 151
Ала ад-дин Кайкубад 467, 489
Ала ад-дин ал-Хотани 554
Ала ал-мульк [Термези] 506
Ала ал-мульк Худавенд-заде (XIV в.) 506
Ала ал-мульк Худавенд-заде (XV в.) 506
А'ла-хан 471
Алгуй 534
«Алей Хан» 133
Александр — см. Утемиш
Александр, географ 15
Александр Македонский, Александр Великий, Зу-л-карнейн 15, 17, 23, 26—29, 99—102, 104, 105, 127, 137, 158, 160, 185, 186, 197, 282, 283, 290, 292, 293*, 297, 298, 345, 346, 378, 420, 428, 438, 446, 481, 494, 504, 544
Али, халиф 285, 321, 506
Али-Акбар 506
Али б. Мамун 546
Али б. Муса 473
Али б. Хейсам 335
Али б. Хусейн ал-Кашифи 112, 389
Али-бек 440
Али Мир-Шир-хан 512
Али-султан 82, 177, 258, 259
Али-тегин 356, 556
Али Челеби 414
Алим-хан 446, 463—465, 502
Алишан 330
Алла-Кул, Алла-Кули 163, 181, 182, 551, 552
Алла-Назар-бий 287
Алмас-бек 446
Алп-Арслан 328, 559
Алтунташ 547
Аман-Кул 181
Амин, халиф 510
Аминов 302
Аминта 28
Аммиан Марцеллин 31, 331
Амр (автор каталога христианских епархий) 569
Амр б. Джемиль 530
Амр б. Лейс 380
Ананда 396, 397
Анахита 319
Андреас Ф. (Andreas F. C.) 487, 488
Андреев М. С. 66*
Андроник II, Палеолог 57*
Антиох I, Сотер 102, 137
Ануша 178, 179, 475, 550
Апак 512
Аполлодор 103
Араб-Мухаммед (Араб-хан) 90, 91, 177, 181, 258, 550
Арандаренко Г. А. 97*, 445

«Араш», царь 91; см. Араб-Мухаммед
Аргун-ага 150, 376
Аристобул 17, 27, 101, 103, 134, 293*, 298
Аристотель 26*, 27
Арон, катепан 328
Арриан 27, 28, 101, 282, 283, 544
Арслан, касимовский князь 452
Арслан-Джазиб 358
Арслан-тархан 529
Арслан-хан карлукский 533
Арслан-хан Мухаммед б. Сулейман 203, 245, 382, 386
Артабаз 28
Артаикт 99
Артаксеркс (Бесс) — см. Бесс
Артаксеркс I 25, 100
Артамонов М. И. 410*, 420*
Аршакиды 103, 123, 127, 138
ал-Асад, опекун правителя Дербента 426
Асад б. Абдаллах 144*, 187, 555
Асаф б. Барахия 536
Асма'и 452
Атсыз 479, 547
Аурепгзеб 507
Ауфи 107*, 344
Афрамович К. М. 268
Афрасиаб 138, 186
Африбарз — см. Африруз б. Тахмуз
Афридун 426
Африруз б. Тахмуз 423
Афшин 335
Ахемениды 99, 100, 185
Ахмед, кашгарский хан 258
Ахмед [б. Кучук-Мухаммед] золотоордынский 451, 452
Ахмед-Али-аталык 204
Ахмед (Абу-Али) б. Абу Бекр Мухаммед 559
Ахмед б. Абд ал-Азиз 387
Ахмед б. Асад, военачальник Махди 530
Ахмед б. Асад, Саманид 532
Ахмед б. Джа'фар 556
Ахмед б. Мухаммед (Му'ин ал-фукара) 389
Ахмед ал-Кубави 245*, 381, 384
Ахмед-мирза 506
Ахмед Фенакети 540
Ахмед-хан, султан кайтаков 414
Ахмед-шах Дуррани 462
Ахмед Ясеви 225, 520
Ахрар, ходжа 98*, 219, 222, 271, 272
Ахситан б. Менучехр 425
Ашот I, Багратид 327
Ашот II, Железный 327
Ашот III 448
Ашот Мсакер 328
Ашот сын Шапуха 327
Аштарханиды 257, 273, 390
Аюка 480

Баба-Огул 54*
Баба-султан 258
Бабек 335
Бабур, Абу-л-Касим 21, 126
Бабур, Захир ад-дин 66, 113, 132, 190, 196, 197, 204, 207, 210*, 211—216, 222, 230, 271, 288, 342, 345, 346, 400, 430, 481, 535, 536, 559, 561
Багратиды 327, 328, 330
Багров Л. С. 290—292
Базинер Т. Ф. 550
Байбарс 75, 88
Байрам-Али-хан 154
Байсункар б. Шахрух 126, 473
Баки-Мухаммед-хан 161
Бакуви, Абд ар-Рашид 53, 73, 350, 351
Балазури 219*, 410, 421, 499, 509, 514, 529
Бал'ами 421
Баллод Ф. 484
Балхи, Абдаллах 400
Балхи, Абу Зейд Ахмед 41, 291
Бальдуччи Пеголотти — см. Пеголотти, Бальдуччи
Бань Гу 197
Бань Чао 34
Барбье де Менар Ш. (Barbier de Meynard Ch. A. C.) 39
Барди 59
Бартольд В. В. 93*, 94*, 165*, 175*, 202*, 215*, 244*, 245*, 250*, 254*, 255*, 259*, 285*, 300*, 325, 360*, 381*, 382*, 393*, 396*, 534*, 558, 566*
Барц Е. Г. 285
Барятинский 417
Батир-баси (Батыр-баши?) 314
Батлер 399
Батый 440, 483, 484
Баязид II 454
Баян-ахун (Мухаммед-Аюб) 398
Беди' аз-заман б. Шахрух 346
Бедр ад-дин Хасан ар-Руми 55, 332

Бедр ад-дин Хорезми 56
Бейхаки, [Абу-л-Фазл] 131*, 320, 473, 546
Бекран, Мухаммед б. Неджиб 52, 73*
ал-Бекри 48
Беленицкий А. М. 555*
Бену Шеддад — см. Шеддадиды
Берг Л. С. 20, 231, 264, 295, 307, 333, 360, 434
Бергер Г. (Berger H.) 29*
Березин И. Н. 68*
Беркай (Берке) 467, 503
Бернс А. (Burnes A.) 364, 478, 561
Бернштам А. Н. 355*, 496*, 568*
Бесс 101
Беха ад-дин Накшбенд 389
Бехрам Гур 556
Бехрам-шах 505
Бируни 26, 47, 48, 157, 319, 403, 475, 487, 488, 501, 510, 545, 546
Бичурин Н. Я. (Иакинф) 33—35
Бларамберг И. Ф. 121*, 313*
Блоше Э. (Blochet E.) 374, 492
Блумберг Е. Н. 160
Бо Янь-ху — см. Баян-ахун
Богданович К. 18*
Богра-хан Харун [Абу Али ал-Хасан (Харун) б. Сулейман] 356
Богра-хан Харун б. Муса [Абу Муса ал-Хасан (Харун) б. Сулейман] 356
Болдырев А. Н. 390*
Боплан (Beauplan) 454
Борак(Барак)-хан 229, 534
Борзенков А. 370
Бретшнейдер Э. В. (Bretschneider E. V.) 511
Бржезицкий И. А. 268
Брянов А. И. 212*
Будагов Л. 118*
Будда 212*, 512
Буджуга-хан 76, 77, 79
Бузар (Озар) 470
Буиды 109, 124
Бука-Буша 388
Булгаков А. И. 351
Буниат 379
Бурхан, род — см. Ал-и Бурхан
Бурхан ад-дин Клыч 534
Бутаков 333
Бутурлин 414
ал-Бухари 505
Бухаров Алексей 90, 133
Бэр К. М. 163
делла Валле, Джованни (della Valle, Giovanni) 427

Вальдземюллер 291
Вальтер И. (Walther J.) 18, 20
Вамбери 254*
Ван Янь-дэ 374, 375
Вараз-Трдат 335
Варрон 31, 298
Василий II, вел. князь 440
Василий III, вел. князь 441
Васильевский В. Г. 458
Васифи 226*, 390
Вассаф 376, 388, 486, 534
Ватаци, Василий 16, 17, 333
Вейс-мирза — см. Султан-Вейс-мирза
Вейс-хан 522
Вели-бек 556
Вельяминов-Зернов В. В. 68*, 233*, 451
Веселовский Н. И. 65*, 75*, 245, 307, 342, 533
Вирский Н. М. 97*, 268, 286
Витсен Н. (Witsen N.) 332
Воейков А. И. 295, 307, 308
Вольф И. (Wolff J.) 561
Воронцов М. С. 571
Вудруф И. С. 64, 73*
Вюстенфельд Ф. (Wüstenfeld F.) 48
Вяткин В. Л. 112, 114, 117, 189, 190, 193—196, 198, 219*, 268, 269, 271, 273, 275, 287, 288, 309, 566

Гагик I 328, 329
Гагик, владетель Карса 448
Газан 397, 473
Гази-Мухаммед (Кази-Мулла) 416
Газневиды 365, 505, 556, 559
Гаиб (Каип) 179
Галдан-Бошокту 512
Гань Ин 34
Гао Сянь-чжи 500
Гардизи 44, 117*, 310, 375, 396, 435, 437, 510, 553, 554, 568
Гардтхаузен В. (Gardthausen V.) 31*
Гаркави А. Я. 458
Гарнати, Абу Хамид ал-Андалуси 409, 425
Гассан б. Аббад 530
Гедин С. (Hedin S.) 497, 498
Гедройц 19
Гекатей 23, 297, 298, 544
Георгий III 426

Геродот 23—26, 29, 100, 101, 282, 283, 292, 297, 419, 544
Гибб Х. А. Р. (Gibb H. A. R.) 456
Гиреи, династия 353, 373, 451, 453, 454, 468
Гистасп 128
Гитриф б. Ата 530
Гияс ад-дин Мас'уд 467
Гладышев 89*, 550
Глазенап 429
Глуховской А. И. 24*, 40, 41*, 66, 264
Гмелин И. Г. 351, 415, 571
Готье М. Р. (Gauthiot M. R.) 487
Гренар Ф. (Grenard F.) 456
Григорьев В. В. 483
Григорьев Г. В. 187*, 287*
Гродеков 254*
де Грот И. Я. М. (de Groot J. J. M.) 363
Грум-Гржимайло Г. Е. 374, 522
Грюнведель А. (Grünwedel A.) 523
де Гуе М. Я. (de Goeje M. J.) 18—22, 39, 40, 48, 58, 70, 71, 73, 76, 78—83, 85—89, 92*, 93, 108*, 122, 142, 217*, 248, 252, 270, 277, 278, 281*, 323, 325, 438, 543
Гулямов Я. Г. 165*, 167*, 169*
Гумбольдт А. (Humboldt A.) 17, 19, 37
Гуриды 345, 365, 505, 515, 556, 559
Гутшмид А. (Gutschmid A.) 28*, 30, 32—34, 36
Гэрэсэн (Гэрэсэнцэ Джалаир хунтайчжи) 539

Давид II 328
Дакьянус 522
Данишменд-тегин 470
Данияр, касимовский князь 451
Данияр-бек [Даниял-бек] 390
Дарий I 23—25, 28, 99*, 102, 283*, 487
Даулетшах 212, 534
Даулетшах-бахши 151
Дегинь Ж. (Deguignes J.) 316
Делиль 16, 333
Дельмар Морган Э. (Delmar Morgan E.) 325
Демезон 79
Демодам 102
Дервиш-Али 336
Джаланриды 329
Джалалянц С. 330
Джанай 451
Джан-Али 441, 442, 451
Джанибек 454
Джаниды — см. Аштарханиды
Джаррах б. Абдаллах 509
Джаули 406
Джаухари 457
Джа'фар б. Шаманику 445
Джейхани 437, 510
Джелаль ад-дин б. Мухаммед, хорезмшах 329, 365, 406, 448
Джелаль ад-дин Кадыр-хан 533
Джемаль ад-дин ал-Карши — см. Джемаль Карши
Джемаль Карши 230, 357, 457, 470, 529, 530, 533—535
Джемелли-Каррери (Gemelli-Carreri) 330
Дженкинсон А. (Jenkinson A.) 67, 80—87, 90, 93, 176, 261, 325, 332, 549
Джехангир б. Тимур 62
Джованни делла Валле — см. делла Валле
Джувейни 139, 150*, 255, 365, 371, 375, 376, 387, 388, 403, 443, 444, 470, 493, 501, 505, 533, 554
Джузджани, Минхадж ад-дин 511
Джуйбари, шейхи 202
Джунейд-хан 551
Джур-тегин (Чур-тегин) 531
Джура-бек 257
Джурджани 52, 53, 70, 73, 74, 323, 332
Джучи 229, 257, 453, 470
Джучиды 55, 56, 61, 65, 451, 549
Джэбэ-нойон 357
Дзасакту-хан 539
Димашки 70
Димитрий, грузинский царь 405
Дин-Мухаммед 77*, 79, 80, 88
Дин-Насир-бек 155
Диодор 282, 283
Дионисий 15
Добросмыслов А. И. 220
Дози Р. (Dozy R. P. A.) 109
Долбежев Б. В. 374, 375
Домбровский Ф. 373
Дорн Б. (Dorn B.) 71*, 287*, 289*, 373, 429, 572
Дортелли д'Асколи (Dortelli d'Ascolli) 454

Ду Хуань 35
Дуглат, род 457, 511

Евдокс 29, 323
Егише 420
Едигей 65
Екатерина II 369, 416, 455, 572
Елизавета, королева Англии 81
Ермолов А. П. 416
Ефремов Ф. 462

Жобер А. (Jaubert A.) 47, 277
Жуковский В. А. 130, 131, 137, 138, 141, 142*, 144, 150*, 152, 153, 261, 285, 308
Жюльен С. (Julien S.) 374

Закария Варрак 186, 275*
Закария Казвини — см. Казвини, Закария
Залеман К. Г. 51*, 222*, 283*, 287*
Захариды 329
Захария, пророк 160
Захау К. Э. (Sachau C. E.) 26, 403
Захир ад-дин ал-Мар'аши 64, 70, 79, 249, 251, 324
Зейбольд К. Ф. (Seybold C. F.) 47*
Зейнабди 279
Зелинский Ф. Ф. 105*
Земарх 37, 38, 331, 495
Зияд б. Салих 379, 500
Зороастр 26, 123, 188
Зубейр Раги 345
Зубов В. А. 429, 572
Зу-л-карнейн — см. Александр Македонский
Зу-л-кифль 160, 504

Иакинф — см. Бичурин
Ибн Арабшах 74, 195, 221, 272, 437
Ибн ал-Асир 45, 50, 139, 223, 270*, 322, 328, 330, 335, 350, 353, 372, 387, 405, 406, 411, 421, 425, 426, 456, 495, 505, 556
Ибн Баттута 57—59, 61, 84, 158, 174, 263, 280, 281, 291, 336, 453, 467, 475, 483, 486, 490, 506, 542, 548
Ибн Биби 489
Ибн Джумана ал-Бахили 530
Ибн Кади Шухба 483
Ибн Макула 205*, 460
Ибн Мискавейх 456
Ибн Русте 37, 40, 41, 44, 50, 134, 135, 166, 168, 169, 321, 322, 331, 394, 409, 410, 514
Ибн Фадлаллах ал-Омари — см. Омари
Ибн Фадлан 44, 546
Ибн ал-Факих 39, 40, 49, 279, 282*, 422, 424
Ибн Халдун 70
Ибн Хаукаль 41, 42, 44, 46, 47, 124, 190, 214*, 217, 219*, 232, 270*, 272, 275, 276*, 322, 327, 338, 525, 531, 532, 559, 566
Ибн Хордадбех 35, 39, 217*, 331, 364, 367, 405, 492, 509, 514, 515, 531, 532, 543
Ибрахим б. Али 473
Ибрахим б. Махмудек 440
Ибрахим б. Хусейн 533
Иван IV Грозный 81, 451
Ивашинцев 289
Идриси 47, 48, 277, 467, 486, 489
Изз ад-дин Кайкавус 467
Изз ад-дин Клыч-Арслан II 449
«Илек-и Мазн» — см. Наср б. Али
Иль-Арслан 150, 547
Иль-ыгмыш-оглан 63
Ильбарс 75, 88
Ильтузер 184, 551, 552
Ильхам б. Ибрахим 440
Ильчи-Мелик 533
Илья, пророк 150
Ильяс б. Исхак 456
Имад ад-дин ал-Исфахани 405
Имад ад-дин Омар 505
Имам-Кули, ганджинский 406
Имам-Кули-хан 114, 257
Иностранцев К. А. 545
Ираклий 421
Ираш 518
Ирдана-бий 462
'Иса 452*
Исам б. Абдаллах ал-Бахили 530
Исидор Харакский 104, 127, 137
Искендер Мунши 113, 153, 407, 428
Ислам-Гирей III 372
Исма'ил (Хасымайли), князь Ахсикета и Касана 533
Исма'ил б. Ахмед 198, 203, 379, 384, 386, 495
Исма'ил-мирза Гаспринский 369

Исма'ил ал-Мунтасир 386
Исма'ил Сефеви 75, 132, 153, 351, 380, 405, 427
Исма'ил-хан 560
Истахри 24*, 41, 43, 44, 46, 59, 122, 127, 130, 141, 145—147, 160, 162, 164, 166, 168—170, 198, 199, 201, 202, 232, 253, 275, 276, 278, 319, 322, 338, 344, 364, 372, 381, 383, 385, 405, 409, 419, 422, 424, 472, 479, 487, 488, 515, 525, 531, 532, 545, 547, 571
Исфендияр-хан 89, 90, 551
Исфизари, Му'ин ад-дин 67*, 112, 152, 250*, 255, 394, 395

Йездигерд I 420, 545
Йездигерд II 515
Йездигерд III 141
Йезид III 115*
Йезид б. Мухаммед ал-Махзуми 510

Кабадж-хатун 379
Кабанов С. К. 37*, 194*, 206*
Кавад I 372
Кавам ад-дин ал-Мар'аши 249
Каганкатваци Моисей 335, 372, 405, 421
Каджары 406, 415, 480, 572
Кадыр-хан Юсуф 554
Казаган 401
Казан, лег. 427
Казан-хан 207
Казвини, Закария 426, 482
Казвини, Хамдаллах 21, 46, 51—54, 55*, 70, 112, 122, 123, 125, 130, 132, 171, 173, 191, 249, 260—263, 277, 320, 321, 323, 324, 330, 338, 350, 351, 405, 424, 448, 472, 492, 494, 503
Казембек 287*, 429
Кази-Мулла — см. Гази-Мухаммед.
Казимирский А. (Biberstein Kazimirski A.) 143
Кайхусрау, правитель Хутталя 556
Кайхусрау, сын Сиявуша 545
Калин б. аш-Шахи 482
Каллаур В. А. 228, 229
Калликст VI 454
Калмыков А. Д. 283
Калькашанди 467
Камсараканы, род 327, 328
Кан-си 539
Кантемир Д. 427
Кара-Булат 490
Кара-Коюнлу, династия 329
Кара-Сонкор 405, 406
Кара-тегин 344
Караваев В. Ф. 301—304, 306
Каразин Н. Н. 432
Карамзин Н. М. 454, 458, 484
Карахан, святой 233
Караханиды 109, 386, 496*, 533
Карло Ломеллино — см. Ломеллино, Карло
Карпини, Плано 51, 162*
Касим б. Улу-Мухаммед 440, 451
Касим-бек 314
Касим-султан 86*
Кастанье И. А. 212*
Катанов Н. Ф. 404
Катрмер Э. (Quatremère E.) 56*, 485
Кауфман К. П. фон 303, 446, 566
Кашифи — см. Али б. Хусейн ал-Кашифи
Каян 388
Кебек 207, 450
Кебекчи-юртчи 151
Кемаль ад-дин ал-Мар'аши 249
Кеннингэм 512
Кер Портер Р. (Ker Porter R.) 278 329
Керзон Дж. (Curzon J.) 256, 473
Кестнер 330
Кидар (Ци-до-ло) 36
Кир 23, 24, 101, 298
Кирилов 292
Клавихо Р. Г. (Clavijo R. J. de) 74, 110*, 248*, 295*, 430
Клапрот Ю. М. (Klaproth J. M.) 37, 374, 462, 463, 498, 543
Клееман Н. Э. (Kleemann N. E.) 369
Клеменц Д. (Klementz D.) 521, 523
Клыч-Нияз-бай 180
Клыч-Тамгач-хан Мас'уд 384
Кобеко Д. 484
Козлов П. К. 498
Козубский Е. 418, 430
Коковцов П. К. 438
Кокташ 358
Колодкин 292
Комаров А. 18*
Кон Винер Э. (Cohn Wiener E.) 534*
Кононов А. Н. 118*
Константин Багрянородный 448, 453
Константин X Дука 448
Контарини, Амброзио 427

Коншин А. М. 18—20, 24*, 44, 77*, 78*, 83, 92*, 261, 300*
Коркуд 427
Костенко А. Ф. 223*
Котов, Федот 428
Кристенсен А. (Christensen A.) 384
Кропоткин П. А. 295
Ксенофонт 26, 282
Ксеркс 25, 99, 102, 544
Ктесий 26, 100
Кудама 253—255, 367, 424, 437, 438, 531
Кулаковский Ю. А. 458
Кун А. Л. 287, 475
Куняк А. А. 426, 458
Куркуа 388
Курсин А. 302
Курты, династия 394
Курций 28*, 544
Кусам б. Аббас (Шах-и Зинде) 190, 281
Кут Ч. Г. (Coote C. H.) 325
Кутб ад-дин Мухаммед 547
Кутб ад-дин Сатылмыш Меликшах 533
Кутб ад-дин Ширази 51, 248*
Кутейба, бухар-худат 379
Кутейба б. Муслим 190, 379, 381, 384, 455, 529, 530, 545, 558
Кутлу-Думур 548
Кутлуг-Мурад 148, 155
Кутлуг-Туркан(Теркен)-ага 151
Кучлук 223, 357, 533, 554
Кучук-Мухаммед 451
Кучум 452
Кушакевич А. А. 304
Куюк 91
Кыласов Л. Р. 355*
Кызыл-Бука 358
Кырк Мухаммед-Салих 75*, 112, 195, 196, 286*

Лала-Мустафа-паша 448
Лали — см. Султан-Мухаммед Бадахши
Лао-цзы 237
Ле Стрэндж Г. (Le Strange G.) 21, 225*, 278, 279, 281, 365, 430, 475, 500, 520, 558
Левонд (Гевонд) 420
Левшин А. 228
Лейман Э. (Leumann E.) 553
Ленц 17, 81*, 83, 325
Лерх П. И. 17, 37, 38, 56, 61, 62*, 63*, 226*, 228, 230, 493
Ликокуй 398*
Логофет Д. Н. 114*, 392, 447
Ломакин А. 120
Ломеллино, Карло (Lomellino, Carlo) 353
Лыкошин Н. 244, 246
Лэн Э. В. (Lane E. W.) 143

Ма Хуа-лун 398
Маверди 143*
Мадали — см. Мухаммед-Али-хан
Макдиси 43—46, 73, 85, 109, 119, 124, 125, 128—131, 135, 141, 142, 145—147, 149, 160, 161, 166, 168—171, 199, 201, 212, 214*, 217, 224, 233, 255, 276, 278, 280, 299, 320, 322, 331, 334, 338, 350, 355, 358, 364, 365, 371, 372, 378, 381, 383—385, 422, 423, 473, 475, 478, 491, 494, 525, 531, 532, 555, 559
Малля-хан 446, 465
Малов С. Е. 317*
Мамук 440
Мамун, халиф 129, 131, 138, 149, 500, 510, 530
Мамун I б. Мухаммед 475, 546
Мамун II б. Мамун 546
Мангалай (Мингкала) 396
Мангыты, династия 111, 114, 195, 208, 270, 286, 391
Мансур, халиф 144*, 364, 372, 456, 530
Мансур, шейх 415
Мансур б. Нух 384
Мануил Комнен 458
Манштейн (Mannstein) 370
Мар Джасия (Агафий?) 351
Мар'аши, Захир ад-дин — см. Захир ад-дин ал-Мар'аши
Мар'аши, Кавам ад-дин — см. Кавам ад-дин ал-Мар'аши
Мар'аши, Кемаль ад-дин — см. Кемаль ад-дин ал-Мар'аши
Марзбан б. Мухаммед 335
Марино Санудо 52, 290
Мариньолли 376, 486
Маркварт И. (Marquart J.) 25*, 36, 37*, 39*, 210*, 270, 277, 282, 283, 321, 322
Маркиан 420
Марр Н. Я. 330
Масальский В. И. 190*, 447, 475

Маслама б. Абд ал-Мелик 409, 413, 421, 423
Массон В. М. 544*
Массон М. Е. 218*, 221*
Мас'уд, Газневид 131, 358, 556, 559
Мас'уд б. Осман Кухистани 67, 228
Мас'уд-бек б. Махмуд Ялавач 376, 388, 389, 457
Мас'уди 36, 45, 73*, 335, 350, 367, 386, 409, 410, 424, 435, 485, 525
Матвеев 478
Матуриди, Абу-л-Мансур 190
Матфей, апостол 438
Матюшкин М. А. 351
Махди, халиф 124, 144, 279, 364, 379 510, 530
Махди-хан 153, 154
Махмуд, Газневид 213, 358, 505, 534, 546, 547
Махмуд I, турецкий султан 369
Махмуд б. Вели 87*, 257, 259*, 273, 342, 558
Махмуд б. Мухаммед, Сельджукид 425
Махмуд б. Юнус 501
Махмуд Кашгарский 487, 488, 497, 498, 500, 547
Махмуд-мирза б. Абу Са'ид — см. Султан-Махмуд
Махмуд-шах 346
Махмуд Ялавач 388, 540
Махмудек (Махмутек) 439
Медем И. Ф. 415
Мейендорф 155
Мелик-Санджар — см. Санджар-Мелик
Меликшах 139, 405, 533
Менандр Протектор 37*
Менгли-Гирей 368, 454, 468
Менгли-ходжа, Менглик-ходжа 151, 208
Менгу-Тимур 453
Миддендорф А. фон 366
Мин, династия 397
Минаев И. П. 347, 365
Миних 369
Мипорский В. Ф. 42*, 282*
Минхадж ад-дин Джузджани — см. Джузджани
Мир Али-Шир (Неваи) 70, 152, 535
Мир Алим 393
Мир Араб 225, 226
Мир Вали 511
Мир Мазид 511
Мир Ма'сум — см. Мурад
Мир Мухаммед-шах 346
Мир Шади 250
Мир Шах Низам ад-дин 346
Мираншах 151
Мирза Ахмед 233, 465
Мирза Калан 346
Мирза Хайдер — см. Мухаммед Хайдер
Мирза-хан — см. Вейс Мирза
Мирза Хасан-эфенди б. ал-Хадж Абдаллах-эфенди ал-Алкадари 413, 418
Мирхонд 70, 113, 174*, 210, 263, 324, 357, 505
Мисаил, архиепископ 452
Михаил Федорович, царь 414
Михраканы, род 334, 335
Мохан Лал 365
Мочжо 374
Мубарек-шах 345
Музаффар, эмир бухарский 391, 401, 465
Музаффар-хан (Музаффар-шах), каратегинский 446
Му'ин ад-дин Исфизари — см. Исфизари, Му'ин ад-дин
Муканна' 379, 400
ал-Мунаджжим — см. Хайюн б. Неджм ас-Сулами
Мунис, Шир-Мухаммед 114, 118, 130*, 178—180, 552
Мункэ 376, 388, 533
Муравин 89*, 550
Муравьев Н. Н. 330, 480
Мурад III, турецкий султан 448
Мурад (Мир Ма'сум, Шах-Мурад), эмир бухарский 154, 155, 391
Мурад-бек 346
Муркрофт У. (Moorcroft W.) 364
Муртаза-Али 415
Муса б. Абдаллах б. Хазим 504, 509
Мусаке 63, 65
Мусеви 271
Мустафа, Джучид 67, 175, 250, 251, 549
Мустафа, хан Ширвана 572, 573
Мустафа II, турецкий султан 459
Мустафа-Али 452
Мусульман-Кул 465
Му'тасим 107, 219, 335, 500, 530
Мутугэн 365
ал-Муфаддаль б. ал-Мухаллаб 504
Мухаммед, паша Кафы 454
Мухаммед, пророк 128, 423, 545, 565
Мухаммед Аваби Акташи 429
Мухаммед-Али (Мухаммед-Вали, Абду-Вали) 314

Мухаммед-Али-хан (Мадали) 446, 462, 465
Мухаммед-Аюб — см. Баян-ахун
Мухаммед б. Али — см. Абу Абдаллах ат-Термези
Мухаммед б. Ахмед ал-Азди 335
Мухаммед б. Джерир 530
Мухаммед б. Иса — см. Абу Иса ат-Термези
Мухаммед б. Йезид 335
Мухаммед б. Меликшах 405
Мухаммед б. Неджиб Бекран 48, 52, 70
Мухаммед б. Омар 387
Мухаммед б. Текеш 46*, 48, 121, 223, 338, 345, 356, 375, 387, 505, 506, 516, 547
Мухаммед ал-Бакир 535
Мухаммед Бахтияр Хальджи 510
Мухаммед Вефа Керминеги 206*, 212*, 215*, 390, 401, 432
Мухаммед-Гази 80, 88
Мухаммед-Гирей 414, 441, 468
Мухаммед Кази 269*
Мухаммед-Казим 154*
Мухаммед ал-Катиб ас-Самарканди 559
Мухаммед Мир-Алим 154
Мухаммед-Рахим-хан, бухарский 159, 197, 208, 209, 286*, 390, 432, 462, 507
Мухаммед-Рахим-хан [I], хивинский 180, 332, 480, 551, 552
Мухаммед-Рахим-шах, каратегинский бек 446
Мухаммед-Риза Агехи — см. Агехи
Мухаммед Суфи 250
Мухаммед-Салих — см. Кырк Мухаммед-Салих
Мухаммед-факих Баласагуни 357
Мухаммед-Хайдер 233, 271, 345, 357, 360, 376, 439, 457, 470, 495, 511, 512, 554, 569
Мухаммед-Шериф-аталык 465
Мухаммед-Эмин, инак 550, 551
Мухаммед-Эмин, казанский хан 440
Мухаммед-Эмин (Мадамин), хивинский хан 111, 180, 182, 551
Мухаммед-Эмин, юзбаши 182
Мушег 448
Мушкетов И. В. 19*, 294*, 296, 432, 519, 561
Мюллер Д. Г. (Müller D. H.) 270*, 499
Мюллер Ф. В. К. (Müller F. W. K.) 487
Надир-Мухаммед 258
Надир-шах 133, 153, 154, 178, 179, 303*, 351, 373, 390, 406, 415, 423, 428, 473, 550, 561, 572
Назаров И. Л. 268
Назаров, Филипп 220*, 463
Наиб-Алим-хан 478
Наливкин В. П. 114, 211, 463
Нарбута-бек 462, 463
Нарсе, родственник Вараз-Трдата 335
Нарсе, Сасанид 545
Нарсе б. Джамасп 420
Насир, халиф 506
Насир ад-дин, шах 474
Насир ад-дин Абд ал-Халик Фирузшах 68, 69
Насир ад-дин Ибрахим 66
Насир ад-дин Туси 213*, 534
Насир-мирза 345
Насир-и Хусрау 255*, 344
Наср б. Али 386, 534
Наср [I] б. Ахмед б. Асад 379, 380, 482, 532
Наср II б. Ахмед б. Исма'ил 384
Наср б. Сейяр 379, 526, 530
Насрулла-хан 286, 391, 465
Наурув-Ахмед 197
Неджм ад-дин ал-Кубра 58
Неймани К. (Neumann K.) 28, 29*
Нёльдеке Т. (Nöldeke Th.) 36, 37, 105*, 544,
Нершахи, Мухаммед 112, 199, 203, 244, 246, 280, 378—380, 382—385, 400, 488, 529
Несеви 128, 426, 516
Низам ад-дин Шами 61*, 397, 460
Низам ал-мульк 356
Низами Гянджеви 406, 407
Никитин, Афанасий 411
Николай Константинович, вел. князь 304, 305
Никпей-бахадур 388
Нияз-Мухаммед 536
Ногай 458
Нур-Даулет 451
Нух б. Асад 222, 500, 526, 530
Нух б. Наср 431

Обручев В. А. 54, 262, 300
Одорик де Порденон 486
Озар — см. Бузар
Олеарий, Адам 15, 421, 427, 428

Омар, кокандский хан («Эмир») 212, 463—465
Омар, сын Табана 151
Омар II 509
Омар [б. Мираншах] 126
Омар Багистани 220*
Омар-шейх [б. Абу Са'ид] 214, 536
Омари, Шихаб ад-дин б. Фадлаллах 50, 55, 56, 61, 70, 248*, 264, 332, 483, 485, 495
Омейяды 372
Онесикрит 99*
Оронт 100
Осия, пророк 160
Осман, халиф 334, 372, 530
Осман б. Ибрахим, Караханид 505, 533
Осман б. Мас'уд 504
Осман б. Мухаммед [Суфи] 67, 250, 251, 325
Осман-паша 351
д'Оссон К. (d'Ohsson C.) 54*, 443
Остроумов Н. П. 296, 466
Ошанин В. Ф. 446, 447

Павел I 416, 429, 572
Палак, сын Скилура 353
Палван-Ата 178
Палладий, архим. 61, 238*
Паллас П. С. 369, 451, 454, 455
Пампелли Р. (Pumpelly R.) 284, 285, 308
Пантусов Н. Н. 318, 470
Пархат-аталык 287
Паскевич И. Ф. 406
Пасхалис 60, 569
Патрокл 27—29, 260, 298
Пахомова Е. И. 268
Певзнер С. Б. 215*
Певцов М. В. 498
Пеголотти, Бальдуччи (Pegolotti, Balducci) 59, 376, 548
Пельо П. (Pelliot P.) 106*, 498
Перовский В. А. 314
Пети де ля Круа Ф. (Petis de la Croix F.) 254
Петр, татарский князь 441
Петр [I] Великий 16, 17, 313, 358, 366, 415, 428, 429, 436, 458, 550, 572
Петровский Н. П. 188, 569
Петцольдт А. (Petzoldt A.) 519
Пехлеван-Ата Махмуд 549
Пехлеваниды 406
Пешель О. (Peschel O.) 291
Пешенг б. Афрасиаб 394
Пир-Будаг-султан 250
Пируз-Бахт 448
Пицигани, братья 291
Плано Карпини — см. Карпини, Плано
Плещеев 414
Плиний 17, 31, 137, 298, 334, 492, 528
Плутарх 28
Позднеев А. М. 539
Позняков П. В. 268
Полибий 29, 100, 323
Поливанов Е. Д. 499
Поло, Марко 60, 291, 343, 345, 396, 397, 444, 482, 490, 497, 543, 554
Помпей 30, 31, 298, 416
Помпели — см. Пампелли
Попов 374
Пославский И. Т. 201, 309
Поспелов Ф. Ф. 268, 287, 333
Потанин Г. Н. 397
Потемкин Г. А. 369
Пржевальский Н. М. 498
Приск 36, 322
Птолемей 15, 29, 30, 60, 101, 104, 289, 290, 292, 316, 334, 445, 489, 497, 501, 544
Пугачев Е. И. 442
Пунцук-Мончак 480
Пушкин А. С. 369

Раби'и 397
Равади 406
Радлов В. В. 118, 307, 366, 435, 471
Рафи' б. Лейс 500, 510
Рахим-Кул 182
Рахман-Берды-бий 184
Рахман-Кули 148
ар-Рашид — см. Харун ар-Рашид
Рашид, ширваншах 426
Рашид ад-дин 349, 365, 396, 421, 473, 485, 486, 511, 539, 540, 542, 568
Регель А. (Regel A.) 522
Реклю Э. (Reclus E.) 432, 452
Ремезов 16
Ренат И. Г. (Renat I. G.) 360, 377
Ризенкампф Г. К. 301
Рикмерс В. Р. (Rickmers W. R.) 295*, 296*, 446
Риттер К. (Ritter K.) 351, 406, 573
Рихтхофен Ф. 519
Рожер II 47

Розен В. Р. 200
Розенберг Ф. 488
Рокхилл В. В. (Rockhill W. W.) 443, 543
Ролинсон (Rawlinson) 17, 26, 66*, 252, 254, 255
Роман Диоген 328
Росс Э. Д. (Ross E. D.) 295
Рубрук В. (Rubruk W. de) 291, 411, 426, 434, 443
Рукн ад-дин Байбарс 458
Руми, Бедр ад-дин Хасан — см. Бедр ад-дин Хасан ар-Руми
Рустем-хан 414

Са'адет-хан 507
Сабит 509
Сабит б. Синан ас-Саби 456
Саблуков Г. 484
Сабук 327
Савельев П. 550
Савромат V 453
Са'д ал-мулук — см. Абу Мухаммед Абд ас-Сейид
Са'ид б. Абд ал-Азиз 196
Са'ид б. Сельм 571
Са'ид-хан 346, 511
Саин-Булат 451
Саин Мелик-шах 388
Сайин-нойон 539
Саламат-Гирей II 369
Салит б. Абдаллах ал-Ханефи 510
Саллар б. Мухаммед 425
Сам'ани 48, 112, 144—147, 149, 158, 171, 193*, 203, 207, 270*, 272, 344, 355, 473, 526, 556
Саманиды 43, 48, 107, 108—110, 112, 117, 124, 142, 211, 215, 221, 222, 344, 356, 380, 381, 385, 386, 495, 500, 507, 530, 532, 554, 556, 558, 559, 568
Самойлович А. Н. 561
Самсон, отшельник 168
Санан Сэцэн 539
Санбат б. Ашут — см. Смбат
Санджар, мирза 152
Санджар, Сельджукид 139, 140, 145, 149, 150, 152, 154, 285, 478, 505, 534, 547
«Санджар-и Мази» — см. Санджар, Сельджукид
Санджар-Мелик 387
Саркисян, Нерсес 330
Сасаниды 34, 36, 104, 105, 123, 138, 140, 419, 420, 422, 426, 515, 518
Сатук Богра-хан Абд ал-Керим 356, 456
Сатылган 451
Сафа-Гирей 441, 442
Сахак III, арм. патриарх 409
Сахиб-Гирей 353, 441, 442
Сахль б. Сумбат 335
Себеос 518
Северцов Н. А. 445
Сейид Абдулла 551
Сейид-Бурхан (христианское имя — Василий) 452
Сейид-Мухаммед-Бахадур 184
Сейид Мухаммед-Рахим-хан 551, 552
Сейид-Раким 113—115, 259*
Сейф ад-дин, заместитель Мас'уд-бека 376
Сейф ад-дин Бахарзи 388
Сейф ад-дин Мухаммед б. Халифа 425, 427
Сейфи 87
Селевк I 28, 102
Селевкиды 29, 137
Селим-Гирей I 369
Сельджукиды 109, 146, 505
Сельман б. Раби'а 334, 421
Семенов А. А. 121*, 130*, 338, 447, 506
Сен-Мартен (Saint-Martin) 17
Сефевиды 152, 427, 571
Сикандер, правитель Кашмира 512
Симеон — см. Саин-Булат
Симон-Петр, апостол 168
Си-ся — см. Ся
Ситняковский Н. Ф. 198, 200, 244, 246, 385
Сиявуш 26, 545
Скилур 353
Скобелев М. Д. 399, 446
Скорняков Е. Е. 303, 305
Скрайн Ф. Г. (Skrine F. H.) 295
Смбат II 328
Смбат (Санбат б. Ашут) 327
Смирнов В. Д. 368, 369
Смирнов Е. Т. 102*, 222*
Снук-Хургронье Х. (Snouck Hurgronje Chr.) 408, 418
Соловьев С. М. 484
Соломон 535
Спасский Г. И. 91, 92*
Спафарий 540
Спицин А. А. 484

Ставиский Б. Я. 159*
Сташков 398
Стейн О. (Stein A.) 106*, 498, 553
Стен Конов (Sten Konow) 521, 522
Степанос Таронский (Асогик) 329
Стефан, инок — см. Саин-Булат
Страбон 15, 17, 24*, 27, 29, 30, 103, 137, 138, 297—299, 323, 386, 409, 453, 528
Страленберг Ф. И. (Stralenberg F. J.) 292
Сукнак(Сугнак)-тегин 470
Сулейман, ильхан 329
Сулейман, халиф 420, 529
Сулейман б. Султан-Вейс-мирза 346
Сулейман Суфи 63, 548
Султан-Али 250
Султан-Вейс-мирза (Мирза-хан, Хан-мирза) 345
Султан-Гази 88
Султан-Махмуд, монгольский хан 68
Султан-Махмуд б. Абу Са'ид 345, 401
Султан-Мухаммед [б. Байсункар] 126
Султан-Мухаммед Бадахши 345
Султан-ходжа 502
Султан-Хусейн Байкара 67—70, 75, 79, 110, 152, 173, 175, 176, 250, 251, 263, 293, 478, 549
Султан-шах 150
Сун, династия 374
Сунджек 151
Сурхай-мирза 413
Сурхуктани 388
Суфи, династия 61, 548
Суфи Аллаяр 287
Суфьян-хан 76—79
Суюнич-хан 67
Сыма Цянь 32
Сюань Цзан 106, 217, 232, 344, 363, 364, 378, 430, 437, 495, 499, 514, 529, 558, 567
Сююмбеки 442
Ся (Си-ся), династия 396

Табан 151
Табари 46, 107*, 122, 123, 147, 149, 167, 270*, 344, 350, 364, 379, 421, 499, 509, 510, 514, 515, 518, 525, 530, 546, 555, 568
Тагиев 418
Тадж ад-дин 423
Тамара, царица 426
Тамерлан — см. Тимур
Тан, династия 431, 482
Тармаширин 57*
Тахир б. Хусейн 394
Тахириды 107, 380, 394
Тахмасп 76, 77
Текеш 547
Тексье Ш. (Texier Ch.) 330
Теофраст 394
Тереножкин А. И. 194*
Терентьев М. А. 303, 399
Терещенко А. 483, 484
Термези — см. Абу Абдаллах Мухаммед б. Али
Тизенгаузен В. Г. 57*, 253*, 467
Тимур, Тамерлан 51, 61—65, 67, 84, 85, 93*, 98, 110, 111, 113, 125, 126, 129, 130, 132, 148, 150, 151, 158, 172—174, 187, 190, 193—197, 205, 206, 213, 218, 220, 221, 223—226, 229, 230, 249, 254, 255, 261, 272, 286*, 295, 303, 313, 315, 316, 320, 323, 324, 336, 345, 357, 371, 389, 393, 395, 397, 401, 411, 412, 426, 430, 433, 437, 445, 448, 460, 475, 484, 492, 495, 501, 506, 507, 520, 535, 548, 549, 556, 565, 569
Тимур-Мелик 493
Тимур-султан 81, 82
Тимуриды 67, 68, 110, 111, 131, 132, 152, 187, 190, 193—195, 197, 211, 215, 225, 226, 229, 268, 326, 345, 346, 371, 389, 400, 401, 403, 501, 535, 549
Тихонов, Михаил 90, 133
Тогрул, Сельджукид 547
Тогрул-хан 470; см. также Бузар
Тогрул-хан, Караханид 356
Толактемир 490
Толстов С. П. 163*—165*, 167*, 175*, 544*, 546*, 547*
Томашек В. (Tomaschek W.) 16, 129*, 252, 277, 322, 394, 395
Томплин 516
Томпсон Дж. 179*, 550
Торнберг К. И. (Tornberg C. J.) 270*
Тохтамыш 63, 207, 411, 426, 548
Тубба' 509
Тува 213, 320, 534
Тугай-Тимур 257, 453
Туган-тегин 456
Туган-хан 356
Туглук-Тимур-хан 470
Тугшада 379

Тудельский, Вениамин 511
Туманский А. Г. 275*, 276
Туркен 62
Тушету-хан 539
Тэмур 397
Тюрябек-ханым 548

Убейдаллах б. Зияд 379
Убейдулла, Аштарханид 160, 557
Убейдулла б. Махмуд, Шейбанид 76, 77*, 79, 80, 153, 389—391, 549
Угэдэй 387, 388, 443
Уз-Тимур — см. Уран-Тимур
Узбек, Пехлеванид 406
Узбек, хан 57*, 59, 61, 62, 196, 483, 490
Уздемир Осман-паша 428
Уильямс, сэр Фенвик оф Карс 449
Улджэйту 54, 263
Улу-Мухаммед 440, 451
Улуг-Бильгя Икбал-хан Дауд-бек б. Ильяс 340
Улугбек 229, 389
Ураз-Мухаммед 452
Уран-Тимур (Ураиг-Тимур или Уз-Тимур) 453
Урук-Тимур 397
Урус 229
Усейд б. Зафир 425
Услар А. 417
Утби 198
Утемиш (христианское имя — Александр) 441
Уэддел А. (Waddell L. A.) 513

Фазл б. Сахль ал-Бармаки 445, 510
ал-Фараби — см. Абу Наср ал-Фараби
Фарасман 27, 28, 544
Фарнак 453
Фаррухан 279
Фархад 304
Фатима-Султан 452
Фатх-Али-хан, правитель Дербента 413, 428, 429, 572
Фахр ад-дин Мубарекшах Мерверруди 487
Феофан Митиленский 298
Феррье Ж. (Ferrier J. P.) 256, 348
Филимонов А. И. 288
Флотен Г. ван (van Vloten G.) 109
Фра Мауро 291
Франке А. (Francke A.) 512, 521, 523
Фратаферн 28*, 544
Фрезер Дж. (Fraser J.) 256
Френ Х. 405

Хаджи-Гирей 368, 454
Хаджи Дауд-эфенди 414
Хаджи Халифа 428
Хаджим-хан (Хаджи-Мухаммед, «Хаджчим») 80—83, 87—90, 180, 258
Хайдер, эмир 155, 161, 272, 391
Хайдер-мирза — см. Мухаммед-Хайдер
Хайдер Рази 75*, 76
Хайду 213, 326, 388, 554, 568
Хайям 397
Хайюн б. Неджм (ал-Мунаджжим) ас-Сулами 421, 422
Хакани 425, 426
Халилаллах 506
Халиль б. Ахмед 142
Халиль б. Махмудек 440
Халиль-бек 411
Халиль-Султан 159, 507
Халльберг Ж. (Hallberg J.) 543
Хамдаллах Казвини 21, 46, 51—54, 55*, 70, 112, 122, 123, 125, 130, 132, 171, 173, 191, 249, 260—263, 277, 320, 321, 323, 324, 330, 338, 350, 351, 405, 424, 448, 472, 494, 503
Хаммер-Пургшталь И. (Hammer-Purgstall J. von) 54*, 454
Хамза-бек 416
Хамза Исфахани 424
Ханзаде 62
Ханса 542
Ханыков Н. В. 74*, 155, 198, 199, 274, 330, 373, 381, 393, 425, 429
Хань, младшие (династия) 374
ал-Хараки 437
Харис б. Сурейдж 526
Хартманн М. (Hartmann M.) 287*, 374
Харун ар-Рашид 279, 420, 425, 510, 530, 571
Хас-Пулад-хан 415
Хасан б. Кахтаба
Хасан-бек Румлу — см. Хасан Таки
Хасан Булгари 220*
Хасан-джандар 151
Хасан Таки (Хасан-бек Румлу) 77*, 80*, 250*
Хасан-хан 512
Хасан ал-Эмир б. Хусейн 506
Хафиз-и Абру 21, 65, 66, 70, 73, 112,

113, 134, 135, 140, 145, 148—152, 158, 173, 195, 204, 230, 244, 249, 255, 323, 324, 332, 395, 504
Хафиз-и Таныш 113, 161, 196, 199, 226, 258, 259*, 271, 273, 460
Хворостинин А. 414
Хейд У. (Heyd W.) 61
Хейсам б. Мухаммед 335
Херман А. (Herrmann A.) 299, 300*
Хетум 338, 434
Хизр-хан 386
Хизр-ходжа 521
Хилаль ас-Саби 422, 424
Хирт Ф. (Hirth F.) 32—35, 349, 528, 543
Хишам 409, 425
Ходжа Апак — см. Апак
Ходжа Ахрар — см. Ахрар, ходжа
Ходжа Нефес 17
Ходжа Джехангир — см. Джехангир, ходжа
Хоментовский 439
Хондемир 20, 67—70, 79, 113, 250, 251, 263, 324, 427
Хосрой, лег. 304
Хосрой [I] Ануширван 37, 123, 348, 420, 424
Хосрой [II] Парвиз 422
Хуан Чао 543
Хубилай 388, 396, 397
Худабенде — см. Улджэйту
Худай-Назар-аталык 446
Худояр, кокандский хан 465, 466
Хулагу 503
Хумар-бек 344
Хумаюн 346
Хусам ад-дин Омар б. Абд ал-Азиз 387
Хусам ад-дин Чобан 489
Хусейн, бакинский хан 573
Хусейн, сейид 506
Хусейн, Сефевид 414
Хусейн-Али 572
Хусейн б. Хасан б. Али 534*
Хусейн Байкара — см. Султан-Хусейн Байкара
Хусейн-Кули-хан 351
Хусейн Суфи 61, 62, 548
Хусейн-хан 413
Хусрау-шах 556
Хутулун 568
Хэнвей Дж. (Hanway J.) 423
Хэсымайли — см. Исма'ил
Цзинь, династия 540
Цицианов П. Д. 351, 406
Цэцзн-хан 539

Чагатаиды 61
Чагатай 257, 376, 475, 506, 533
Чагры-бек 547
Чайковский А. 23*
Чан Дэ 568
Чан-чунь 191, 217, 223, 237—243, 376, 430, 568
Черняев М. 502
Чертов В. И. 268
Чжан Цянь 32, 33, 527
«Чимшит Салтан» 133
Чин Суфи 75*
Чингиз-хан 61, 110, 112, 150, 158, 181, 207, 221, 224, 225, 237, 239, 240, 242, 257, 357, 365, 371, 375, 376, 387, 394, 470, 478, 492, 547, 550
Чингизиды 551
Чинсан-тайфу 388
Чобан 413
Чопан-Ата 565
Чуба 388
Чулак-Сурхай-хан 414

Шаванн Э. (Chavannes E.) 374, 499, 509
Шакьямуни 522
Шамиль 416, 417
Шаммах б. Шуджа' 571
Шао-ши-фэнь — см. Шаушфар
Шапур, сасанидский царевич 199
Шапур I 394
Шарден Ж. (Chardin J.) 455
Шаушфар (Шао-ши-фэнь) 545
Шах-Али (Шейх-Али, Шигалей Шигавлиярович) 441, 442, 451
Шах-Мелик 65, 66, 547
Шах-Мурад — см. Мурад (Мир Ма'сум)
Шах Рази ад-дин 345
Шах Султан-Мухаммед Бадахши — см. Султан-Мухаммед Бадахши
Шахин-Гирей 454
Шахрух, внук Тимурида Сулеймана 346
Шахрух б. Тимур 65, 66, 110, 126, 150—152, 229, 323, 371, 445, 507, 522, 540
Шахрух-бий 536
Шварц Ф. (Schwarz F.) 295, 307, 308, 401
Шеддадиды (Бену Шеддад) 328, 329, 335, 405

Шейбани-хан 66, 68, 69, 75, 87, 153, 175, 293, 389, 501, 549
Шейбаниды 191*, 208, 219, 257, 258, 270, 536
Шейх Али, правитель Дербента 429
Шейх Аулияр 451
Шейх Хайдер 427
Шейхантаур (Шейх Хавенд-и тухур) 220*, 501
Шемс ал-мульк Наср б. Ибрахим 386
Шереф ад-дин Йезди 61, 63, 249, 255, 316, 360*, 411, 412, 430, 437, 568
Шерик б. Шейх 379
Шериф-Мухаммед 89
Шериф Суфи 75*, 549
Шефер Ш. (Schefer Ch.) 87*
Шигалей Шигавлиярович — см. Шах-Али
Шильтбергер И. (Schiltberger J.) 485
Шир-Али, кокандский хан 465
Шир-Али, наместник Термеза 160, 507
Шир-Мухаммед — см. Мунис
Ширин 304
Шихаб ад-дин б. Фадлаллах ал-Омари — см. Омари
Шишкин В. А. 198*, 200*, 386*
Шкапский О. А. 108*
Шлегель 344, 363
Шуджа' ад-дин Абд ар-Рахман ал-Хорезми 55

Эвлия Челеби 413, 427, 449
Эйхвальд Э. (Eichwald E.) 73
Элиас Н. (Elias N.) 295
Эмир — см. Омар-хан
Эмир-Хамза 415
Эпикур 237
Эратосфен 27, 29, 283*
Эргэнэ (Оркына) 534

Юл Г. (Yule H.) 61*, 486
Юнус-хан 501
Юнус-ходжа 502
Юрий Дмитриевич, князь 440
Юсуф б. Абу-с-Садж 327, 425
Юсуф Суфи 62
Юсуф хас-хаджиб 356

Ядигар-Мухаммед 441
Я'куб б. Лейс 364, 380
Я'куб б. Улу-Мухаммед 440
Я'куб-бек 314, 316, 522, 554
Я'куб-оглан 250
Я'куби 39, 135, 142, 362, 364, 405, 431, 488, 509, 510, 514, 530
Якубовский А. Ю. 198*
Якут 48—50, 112, 119*, 122*, 124, 125, 128, 129, 131, 132, 135, 137, 141, 144—149, 164, 170—172, 174, 193, 205*, 207, 223, 270*, 272, 276*, 278*, 279, 281, 282*, 330, 335, 343, 344, 348, 350, 355, 364, 371, 372, 394, 403, 405, 425, 438, 460, 473, 475, 478, 482, 494, 509, 525, 534, 546, 549, 554, 555, 571
Яр-бек 346
Ясавур 389
ал-Яфтали — см. Абу Наср б. Абу-л-Фатх ал-Яфтали; Абу-л-Фатх ал-Яфтали
Яхья б. Асад 500

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аббас кан. — см. Янги-арык (Джу-и нау)
Абгар (поздн. Чашмаобская вол.) 109, 187, 188
Абдулла-ханы (или Абдулла-хан-кала) 151, 153
Абескун 46, 51, 52, 71, 72, 73*, 123
Абескунское море 51, 71, 72, 367; см. Каспийское море.
Аб-и Амуе 74; см. также Аму-Дарья
Абиверд (Баверд, Баворт) 45, 76*, 130—134, 147, 293, 337, 358
Аб-и Кавун кан. 62
Аб-и Кухек 185; см. Зеравшан
Аб-и Меймене р. 62, 519
Аб-и Мешхед кан. 190
Аб-и Рахмат кан. 190, 195
Аблык 218
Абу-л-Аббаса рабат — см. рабат Абу-л-Аббаса
Абу Тахира рабат — см. рабат Абу Тахира
Абу-л-Хан 358; см. Балханские горы
Абшир р. 212
Авал 532
Авария 416, 418*
Аввакия 316
Агалык-тау горы 274
Агачлы ст. 303
Агбат монастырь 328
Агрыча 64, 65, 67, 77, 173, 175, 290*, 324, 358; см. также Огурча
Агус 92*; см. Огус
Адак 67—69, 78, 87, 175, 176, 250, 251, 324; ср. Ак-кала
Адарус 89*; ср. Хазарасп
Адина-Хасан водоем 134
Азак (Азақ) — см. Азов
Азербайджан 334, 335, 405, 406, 424, 425, 427
Азербайджанская ССР 573
Азия 25, 27, 28, 54, 59, 100, 101*, 188, 260, 348
Азия Внутренняя 26*
Азия Восточная 189, 445, 548
Азия Западная 438, 445, 542, 547, 548, 567
Азия Малая — см. Малая Азия
Азия Передняя — см. Передняя Азия
Азия Средняя — см. Средняя Азия
Азия Центральная — см. Центральная Азия
Азов (Азак) 59, 313, 458
Азовское море 52, 100, 313, 331
Азрак 254*
Айбугир (Ай-бугур) 19, 44, 82*, 83, 86* 181, 182, 261, 264, 322, 325, 331
Айган 144
Ак (Akes) р. 25, 100
Ак-Балкан г. 56
Акбашль оз. 92
Ак-Бешим (Ақ-Пешин) городище 355*
Акбука кан. 151
Ак-Бура р. 212—214
Ак-Дарья р. 117, 193, 194, 488
Ак-Девиз 367; см. Каспийское море
Ак-кала 175*; ср. Адак
Ак-Куль 117, 178
Ак-Курган кр. 228, 229
Ак-Мечеть (Ақ-Масджид, совр. Кзыл-Орда) 314
Ак-Мечеть (совр. Симферополь) 468
Акмолинская обл. 567
Ак-Рабат перевал 363, 519
Ак-сарай (в Хорезме) 63*, 89*, 315
Ак-сарай (Ақ-сарай; дворец в Шахрисябзе) 63, 315, 393, 460, 548
Ак-сарай р. 161, 319
Ак-Сумбе (Ак-Сюме) башня 226
Аксу (Ақ-сӯ; в Восточном Туркестане) 316, 318, 464, 522
Аксу р. (в Голодной степи) 304

Аксу р. (исток Аму-Дарьи) 117, 319
Аксу р. (приток Иссык-Куля) 437
Аксу р. (приток Тарима) 316, 497
Аксу р. (приток Чу) 567
Аксу-Дарья р. 497
Аксы (Ахси) — см. Ахсикет
Ак-таг — см. Алтай
Ак-тенгиз оз. 361; см. Балхаш
Ак-Уйрак (рукав Сыр-Дарьи) 231
Акуша 412
Акчаб (Акчап) дол. 204
Акча-Дарья р. 93*
Ак-Чуган кан. 433
Ала ад-дин инак кан. 151
Аладжа возв. 327, 328
Алазань р. 408, 472
Алайская дол. 104, 320
Алайский хр. 527
Аланья 33; см. также Яньцай
Албания (Кавказская) 27, 298, 334, 335, 372, 409, 419, 571
Алванк — см. Албания
Александр-Бай зал. 292
Александрия 104
Александровск форт (поздн. форт Урицкого, форт Шевченко) 480; см. также Ново-Петровское укр.
Александровский хр. (ныне Киргизский) 233
Александрополь 127
Алин 147
Алиябад 195
Алиябадский тюмень 193, 195
Алкадар 418*
Аллахабад 296*
Алма-Ата 471*, 563*
Алмалык (Алмалыг) 54, 357, 376, 470, 471*, 569
Алтай горы 317
Алтай Большой горы 317
Алты-ай — см. Алтай
Алтын-Йыш — см. Алтай
Алтын-Эмель перевал 434
Алты-шехр, Алта-шехр 318; см. также Джеты-шехр
Алушта (Шалуста) 490
Амбар-Манак 178
Амедария — см. Аму-Дарья
Америка 104, 284
Амин-Дарья — см. Аму-Дарья
Амра замок — см. Замок Амра
Аму-Дарья (Джейхун, Окс) р. 16, 22, 26, 27, 29, 31, 32, 34—36, 38, 40—45, 47—53, 56, 58, 59*, 61, 63—67, 69, 70, 73, 74, 76—78, 83—87, 89, 91—93, 94*, 97*, 99—103, 105—108, 114, 115, 132, 142, 148, 152, 153, 157—161, 162*, 163—165, 167—175, 179—182, 184, 185, 204, 205*, 230, 231, 239, 240, 242, 244, 248—251, 254, 255, 260—263, 281, 284, 290—292, 296—299, 300*, 302*, 308—310, 319, 320, 322—324, 331, 332, 343, 344, 363, 364, 392, 402—404, 445, 475—478, 491—493, 504, 507, 514, 515, 519, 544, 548, 551, 555, 562, 567; см. также: Вехрот, Вуху, Гюйшуй, Джейхун, Окс, Фоцзу
Амун-Дарья ст. 562
Амуль (Амуе, Аму; поздн. Чарджуй) 319, 561
Амуль (в Табаристане) 319
Аму-Дарья — см. Аму-Дарья
Анау 132
Ангара р. 485
Англия 81, 252, 295*, 392, 462, 519, 551
Ангрен (Ахенгеран) р. 72, 73, 218, 221, 222, 296, 371, 492
Андаган 534; см. Андижан
Андарман 129
Андераб (Андераба) 149, 515
Андерастан 41, 166
Андиджараг (Андишараг, Андичараг) — см. Таир-су
Андижан (Андиджан, Андукан) 212—215, 326, 359, 464, 531, 532, 534—537
Андижанская обл. 527*
Андукан — см. Андижан
Андхуд 254*
Ани (Ани) 327—330, 448
Ани сел. 329
Анкала плотина 142
Антиохия 34, 102
Анхарский (Анхар-и джедид) тюмень 113, 117, 193, 194, 269
Аньду 34; см. Антиохия
Аньси 34; см. Парфия
Араб-Мухаммед-хана медресе — см. медресе Араб-Мухаммед-хана
Араб-хана 199
Араван р. 212
Аравийский п-ов 547
Аракс р. 24, 100, 297, 298, 327, 334, 472
Араксат р. 31; ср. Аму-Дарья
Аракум — см. Каракум

Арал 33, 38, 41, 44, 45, 59, 71*, 84, 86, 87, 89, 90, 93, 168, 169, 176, 178, 181, 290, 325, 360, 550, 551
Арало-Сарыкамышское море (озеро) 44—46, 93
Арал-Пейгамбер о-в 160, 504; см. также Орта-Аралы
Арал-тенгизи 332; см. Аральское море
Аральское море 15—20, 22, 29—35, 37—44, 47, 48, 52, 53, 56, 59, 65, 70, 74, 83, 87, 89, 91—93, 94*, 157*, 166, 174, 176, 177, 180—182, 227, 230, 231, 248, 258, 260, 261, 263, 264, 290, 296, 321, 323, 324, 331—333, 360, 367, 479, 491, 493, 546, 550, 551; см. также: Арал-тенгизи, Восточное море, Джеидское оз., Курдерское оз., Сыр-тенгизи, Хорезмийское оз.
Араскон 253
Арашка — см. Каракум
Арбинджан (Ребинджан) 197, 272
Аргын 253, 255
Ардакува 171
Ардахушмитан — см. Артахушмитан
Ардебиль 415, 422, 494
Ардланкет 531
Ардок (Артык) проток 82—84, 86, 87, 93, 176, 325
Арзас (Аргас, Азар, Арзан, Арзар) р. 92, 93
Ариана обл. 25, 544
Ариания — см. Арран
Арий — см. Герируд
Ариамйсан — см. Рамитан
«Арк», холм в Катта-Кургане 287
Армелек (Армалык) 376; см. Алмалык
Армения (Армйнийа) 327, 328, 334, 372, 424, 448
Арпачай (Ахурьян) р. 327—330
Арран (Аррăн, ар-Рăн) 71, 334, 335, 372, 405, 406, 424, 425, 571
Арсак — см. Ашак
Арсланлык (Арыстанды) р. 226
Арсубаникет 223
Артакоана 35*
Артаксата 35*
Артахушмитан (Ардахушмитан) 170, 171
Артук-Ата разв. 224
Артуш (Артуч) 456
Артуш (Эртюш) р. 435; см. Иртыш
Арык базара — см. Шаар-арык
Арыс [Арысь] р. 223, 224, 355, 491, 525, 563
Арыстанды — см. Арсланлык
Асадабад (в Хорасане) 129
Асадабад (на Мургабе) 144, 253
Ас'ади ал-Хорасани кан. 138
Асанас разв. 228; см. Ашнас
Асанас-Узек лог 228
Асафа проток (Асаф-угузу) 67, 84*, 175, 251, 324
Асбара — см. Исфара
Асбиджаб — см. Исфиджаб
Асенгин кан. 189
Аскабрак 511
Аскарду перевал 512
Аспара р. 567
ал-Асраб 253
Асруд проток 205
Ассирия 23
Астабена (Аставена) — см. Устува
Астрабад 37, 46, 54, 67, 68, 70*, 76, 79, 125, 250, 262, 293, 324, 427, 480
Астрабадская обл. 69, 250, 293
Астраханская губ. 336
Астраханская обл. 336
Астрахань 59, 61, 74, 81, 90, 91, 336, 414, 441, 480, 484, 503
Асуанская плотина 310
Ата-арыгы кан. 222
Атек (Этек, Ăтек), 76, 127, 132, 133, 337, 341
Атек приставство 338
Атрак-куль оз. 362*, 434; см. Балхаш
Атрек р. 46, 47, 79, 103, 121—123, 125, 126, 132, 133, 262, 309, 324, 338, 473, 518
Аттила р. 37; см. Итиль
Аулие-Ата (совр. Джамбул) 232, 233, 340, 355, 495, 563
Аулиеатинский уезд 338
Афаринкентский (Нимсугудский, Сугудихурдский тюмень) 193, 194*, 196, 269
Афганистан 22, 26, 110, 137, 252, 346, 348, 365, 392, 462, 477, 478, 514, 518, 519
Афзава 53*
Афрава — см. Ферава
Афрасиаб городище 105, 186*, 188, 190, 192, 271, 272, 275
Афрахша — см. Варахша
Африка 18, 291
Ахал 125, 127, 132, 133, 341

Ахал-теке (Ăχăл-теке) 341
Ахалтекинский оазис 99*, 103
Ахарун 320, 514, 525
Ахваз 40
Ахенгеран — см. Ангрен
Ахнафа замок — см. замок Ахнафа
Ахсикет (Аχсăкаç, Ахси) 72, 73*, 211—214, 342, 371, 492, 495, 528, 529, 531, 533, 535
Ахсисек 160
Ахсы сел. 342*
Ахсы-сай р. 342*
Ахтуба проток 483, 484
Ахур 46, 124, 125, 338
Ахурьян — см. Арпачай
Ахшу (Барбан, Балбан) р. 319; ср. Куляб-Дарья
Ахыр-Таш 238
Ачик 217
Ашак (Арсак) 473
Ашнас (Ашанас) 227—229
Ашпара 233, 567
Аштек — см. Кастек
Ашхабад 76*, 103, 127, 130, 282*, 341, 399

Бăб ал-абвăб 71, 419; см. также Дербент
Бăб ал-Джихăд — см. ворота Бăб ал-Джихăд
Бăб ал-Имăра — см. ворота Бăб ал-Имăра
Бăб ал-ҳадăд 431; см. Железные ворота
Баверд (Баворт) — см. Абиверд
Багабад 132, 133
Багдад 142, 188, 277, 364, 372, 425, 511
Багдад Малый — см. Бугайдид
Багдад (самаркандский) 195, 272
Багдадек — см. Бугайдид
Багдадек проток 63
Багир 127, 128, 341
Бăғче-Сарăй — см. Бахчисарай
Багшур 109, 137, 150
Бадай тугай 184
Бадам р. 222, 223, 563
Бадахшан (Бадаҳшăн, Бəдəҳшăн, Бадаҳшăнат) 36, 72, 320, 343—347, 446, 510, 511, 514, 515, 524
Бадгис (Бăдғăс, Бăдғăс) 153, 348
Бăджăн 541; см. Пекин
Бадкубе 350; см. Баку
Бадошань 344; см. Бадахшан
Бай 490
Байкал оз. 349, 376
Байрам-Али 285
Байрам-Али-хан городище 156
Байсун сел. 402
Байсун перевал 432
Байсун-тау горы 431
Баканас русло 434
Бакинская губ. 573
Бакинское море 60; см. Каспийское море
Бактрия 23, 25, 28, 99*, 102, 103, 136, 138, 298
Бактры 27, 28, 104, 544
Баку (Бăкӳ, Бăкух, Бăкӳх, Бăкӳйа) 53, 71, 73, 290, 350—352, 419, 425, 427, 494, 572, 573
Бакырган 51, 86*, 177
Балаам (Βαλαάμ) 36, 299, 322; ср. Боло
Бала-Ишем 54, 262, 320
Бала-Ишемская ниам. 66
Балакан проток 149
Балаклава (Бăлықлава) 353, 354
Бала-Мургаб 137, 252—255
Баланджер 421
Баласағун (Балăсăғӳн, Балăсакӳн) 355—357
Баласиан 343*; см. Бадахшан
Балаҳшăн 343; см. Бадахшан
Балканский п-ов 99, 359
Балтистан (Малый Тибет) 510, 512
Балуз (Фаруз; поздн. Фирюза) 129
Балх 29*, 32, 36, 72, 74, 83, 104, 159, 206, 253, 254, 256, 257, 320, 344, 346, 364, 378, 392, 431, 445, 460, 478, 505—507, 512, 514, 515, 558, 559
Балхан (Балҳăн) горы — см. Балханские горы
Балханская бухта — см. Балханский зал.
Балханские горы 36, 37, 45, 46, 56, 71, 76, 77, 79, 126, 170, 175, 251, 292, 298, 299, 322, 341, 358, 359; см. также: Балханы Большие, Балханы Малые
Балханский зал. 17, 18, 46, 52, 66, 76, 79, 260, 292, 324, 358, 359, 480
Балханы Большие горы 358
Балханы Малые горы 36, 358
Балхас — см. Балхаш
Балхаш оз. 233, 360, 361, 376, 433, 434; см. также Кокча-тенгиз

Балхская обл. 72
Бальджуан 158, 295, 555
Бамиан (Бāмийāн) 345, 363—365, 443, 514, 515, 519, 559
Бамианские ворота — см. ворота Бамианские
Бāмйкāн 363; см. Бамиан
Бамйанна 363; см. Бамиан
Бāмир — см. Памир
Банāкит — см. Бенакет
Банчуль — см. Аксу (в Восточном Туркестане)
Бараб — см. Фараб
Бараба степь 366
Барабинская вол. 366
Барака — см. Беракух
Баранги 559
Барбан (Балбан, Талбар?; поздн. Куляб-Дарья) р. 319
Баргин-и ферах оз. 204; см. также Кара-куль
Баргузин р. 349
Барāʾа — см. Берда'а
Баркан (Биркан) 171
Баркдиз 144—146
Баркет (Абаркет) 192, 193
Барқӯджӣн (Барқӯджӣн-тӯкӯм) — см. Баргузин
Баркуль — см. Барс-куль
Барскаун р. 277*, 437, 438
Барс-куль (поздн. Баркуль) оз. 376
Барсук-кум пески 92
Барсхан 277, 438
Барчынлыгкенд (Барчин, Барчкенд) 227—230
Баршин-Дарья р. 229
Басра 105, 272
Басу кан. 182
Батум 294*, 351
Бахарден ст. 262, 341
Бахвана 144
Бахджерниян 149
Бахирабад 145
Бахр ал-Кульзум, Бахр ал-ḫазар, Бахр-и гуза — см. Каспийское море
Бахчисарай (Бāғче-Сарāй) 368—370
Бачйн 541; см. Пекин
Баят 152*
Баят-кыры возв. 67
Беглербеги медресе — см. медресе Беглербеги
Беговатские стремнины 493
Бедель перевал 438, 567
Беджвар квартал — см. квартал Беджвар
Бедрач городище 558*; ср. Чаганиан
Беада 207
Безмеин 127*
Бектурли-Ишан зал. (оз.) 292
Беладжирд 147
Белуджистан 514
Бенакет (Банāкит, Бинāкаҫ, Финāкат, Финāкант; поздн. Шахрухия) 210, 217, 218, 221, 371, 492, 501
Бенгалия 510
Бенд кр. 86
Бендамир р. 109
Бенд-и Кильректа мост 254
Бенд-и Хан сухое русло 559
Бенд-и Кайсар плотина 105
Бенд-и Надира плотина 154
Бенд(Тирбенд)-и Туркестан хр. 519
Берабид 40
Беракух (Барака) г. 535; см. Тахт-и Сулейман
Берарджан квартал — см. квартал Берарджан
Бератегин (Паратегин, Фератегин) 42—44, 169, 331
Бербенсин 377
Берда'а (Барāʾа) 327, 334, 335, 372, 405, 472, 571
Бер-Казан 228
Бетняк 89*; см. Питняк
Беш-агач (часть Ташкента) 502
Беш-кала 178, 550
Биби-ханым мечеть — см. мечеть Биби-ханым
Бий-базар 44
Бинāкаҫ — см. Бенакет
Бинкет (Бинкаҫ) 219, 221, 371; ср. Ташкент
Бинқишлах 479; см. Мангышлак
Биркан — см. Баркан
Биркет 500
Бируни 39*, 321*, 544*; см. также Шейх-Аббас-вели
Бискем — см. Пскем
Бискенд (Бискет, Пскент) 222, 531
Бистам 53, 260—262, 266
Бисутун скала 304
Биш-Арык 196; см. также Кебуд
Бишбалык (Бӣшбāлиқ, Бӣшбāлиғ) 362, 374—377
Боамское ущ. — см. Буам
Бовод 91

Бодочуанна 344; см. Бадахшан
Боз-куль оз. 183, 184
Боз-су кан. 102*
Боли 35; см. Хорезм
Боло 36, 37, 299, 322; ср. Балаам и Ер-Курган
Болор 511, 512
Большой Памир горы 319
Большой Согд — см. Сугуд-и Калан
Боспор 453, 458
Боспорское царство 458
Босы 34; см. Персия
Бохань 527; см. Фергана
Буам (Бӯгӑм), Буамское (Боамское) ущ. 567, 568; см. также Джиль
Бувве кан. 41, 48, 166, 167
Бугайдид (Багдадек) 48, 171
Бугунь — см. Бюгень
Буджнурд 338
Будошань 344; см. Бадахшан
Бузачи п-ов 81*
Бузгала ущ. 514; см. также Железные ворота
Бузгала-хана 432; см. Железные ворота
Бузмаджен 192, 193
Бузмаджен кан. 192
Бунр-Нор оз. 539
Буйнак 413
Буйнакск (ранее Темир-Хан-Шура) 408*
Булунгур кан. 193
Булунгурская степь 192
Бунджикет — см. Пянджикет
Бура р. 48
Бурана башня 233, 569
Бургар — см. Фальгар
Бурдагуй переправа и сел. 159, 504
Бурдалык 159
Бури Туббат 511
Бурлу-кыры 86*
Бурнемед 192
Бут-и Бамиан 364; см. Бамиан
Буҳайрат ал-Ҳ^{в}аризм 332; см. Аральское море
Бухара (Буҳӑра) 58, 61, 62, 68, 69, 73, 83—85, 88, 89, 92, 93, 98*, 107, 108, 111, 118, 139, 146, 150, 153—155, 159—161, 164*, 176, 182, 185, 197—200, 202—204, 206—208, 225, 229, 245, 246, 272, 273*, 276, 278, 280, 294*, 303, 314, 343, 346, 378—380, 382—393, 400—402, 431, 435, 446, 460—465, 473, 488, 507, 527, 528, 549, 551, 552, 558, 561
Бухарест 459
Бухарская обл. 204, 386
Бухарский оазис 488*
Бухарский округ 198, 204
Бухарское владение 208; см. Бухарское ханство
Бухарское ханство 102, 109, 110, 114, 159, 194, 205, 246, 268, 287 288, 294, 393*, 398
Бухейра 47, 122; ср. Дихистанан-Сур
Бухо 378; см. Бухара
Бушендж (Бӯшанг, Бушандж, Пӯшандж, Фӯшандж) 137*, 394, 395
«Бык» 92; см. Огуз кан. и проток
Бэйтин 374, 375; см. Бишбалык
Бюгень (Бугунь) р. 226
Бююк Джами' мечеть — см. мечеть Бююк Джами'

Вабкенд (Вафкенд) 58, 204
Вабкенд-Дарья кан. 199
Вавилон 24
Вавилония 116, 214*, 282, 283
Вагизия 531
Вадак 41*; см. Ведак
Валӑсакӯн 355; см. Баласагун
Валь ущ. 217
Варагдех 40, 44, 168
Варагсер (поздн. Рабат-и Ходжа) 186, 187, 192, 193, 275
Варахчин кол. 200
Варахша (Афрахша, Барахша, Фарахша) 54*, 199, 200
Варвализ 515
Вардана (поздн. Варданзи) 199
Варна 453
Варух 215
Варухское ущ. 215, 535
Вас (Уаз) 182
Вафкенд — см. Вабкенд
Вахан 72, 320, 344, 510
Вахш 157, 158, 320, 556
Вахш р. 26, 72, 161, 319, 320, 402, 445, 446, 555, 556
Вахшаб р. 319
Вашгирд (Вашджирд; поздн. Файзабад) 158, 320, 555; ср. Сари Мазар
Ведак кан. 41, 165—167, 172
Ведар 192, 193
Везаве (Везаре) 53, 54*, 262
Везир 63, 67—69, 75, 76, 80—89, 175—177, 178*, 182, 250, 251, 258, 259, 324, 325, 549, 550

Велико-Алексеевский 305
Вена 458
Венеция 330
Верава, Вераве (?) 54*, 132; ср. Ферава
Верамин 263, 266*
Верный (совр. Алма-Ата) 471, 563
Верхний Мерв — см. Мерверруд
Весидж 224, 525, 526
Вехрот р. 35, 319, 518; см. Аму-Дарья
Виадме р. 74
Византийская империя, Византия 37, 328, 353, 448, 458, 489
Винкерд 218, 219, 302
Волга р. 37, 54, 60, 74, 260, 336, 355, 360, 367, 435, 483, 503; см. также Итиль
Вологда 440
Вор р. 92
Ворота Бāб ал-Джихāд — см. ворота Кирклар
— Бāб ал-Имāра (в Дербенте) 422
— базара («Ворота парфюмеров») (в Бухаре) 382
— Бамианские (в Газне) 364
— головы Маджана (в Мерве) 139
— Гуриян («Ворота пятничной мечети») (в Бухаре) 381
— Дерваздже (Дарвазаче) (в Бухаре) 202*
— Железные (в Бухаре) 382
— Железные (в Самарканде) 191
— Знаменосца (в Мерве) 139
— Ибрахима (в Бухаре) 382*, 383
— Каракульские (в Бухаре) 383
— Каршинские — см. ворота Келлябадские
— Келлябадские (в Бухаре) 201, 202, 383
— Кешские (в Самарканде) 275, 276
— Кирклар (Бāб ал-Джихāд) (в Дербенте) 421, 422
— Кукчинские (в Ташкенте) 220
— Курдские (в Берда'а) 372
— Кушмейхенские (Султан-кала) 139
— Кяризгах (поздн. Ходжа Ахрар) (в Самарканде) 191
— Мазарские (в Бухаре) 202, 203, 383
— Мердкушанские (в Бухаре) 202, 383*
— мечети Мах (в Бухаре) 383
— Мешхед (в Самарканде) 191
— Намазгах (в Бухаре) 191, 382*
— Намазгах (в Самарканде) 191
— Наубехарские (в Бухаре) 202, 383
— Орта-Капы (в Дербенте) 422
— Пайкабакские (в Самарканде) 191
— Паркетские (Паркентские) (в Ташкенте) 220
— парфюмеров — см. ворота базара
— площади (в Бухаре) 383
— Ригистанские (в Бухаре) 381
— Ригистанские (в Ташкенте) 220
— Салляхане (в Бухаре) 202
— Самаркандские (в Бухаре) 202, 220, 382, 383
— Самаркандские (в Ташкенте) 220
— Сузангеран (в Самарканде) 191
— Таш-Капы (Бāб ал-Имāра) (в Дербенте) 422
— Угланские (в Бухаре) 202
— улицы магов (в Бухаре) 384
— устья Маджана (в Мерве) 139
— Хаканские (в Андижане) 213
— Ходжа Ахрар (в Самарканде) 191; см. также ворота Кяризгах
— Шейх Джелаль (в Бухаре) 382*, 383
— Шейхзаде (в Самарканде) 191
Восточная Азия — см. Азия Восточная
Восточное море 52; см. Аральское море
Вуху (Уху) р. 34, 35, 319; см. Аму-Дарья
Вэньсу 316; см. Аксу
Вятка 440, 484

Гавхорэ кан. 72*, 164*, 165, 171, 309
Газават — см. Газиабад
Газария (или Газзария) 453, 490
Газиабад (Хазават) 89*, 179, 183
Газиабад кан. 165*
Газна 363—365
Галгала разв. 365
Гамбург 564
Гампу (Ганфу) 543; см. также Ханчжоу
Ганг р. 296*
Ганугирд (Генугирд, Джануджирд) 148
Ганьсу 396—398
Ганьчжоу 396, 479
Гаочан 521; см. также Хочо, Идикут-шехри
Гарабхашна (Гарамхашна) 165, 321
Гарбин (?) 54*
Гарм 445, 447
Гармхане 338,
Гарчистан 255

Гассан-Кули п-ов 123
Гатфер квартал — см. квартал Гатфер
Гаухитфар кан. 199
Гёкчайский округ 572
Гелатский монастырь 405
Гем р. 92
Генугирд — см. Ганугирд
Генуэзская республика 453, 458
Генуя 453, 490
Геок-Тепе (Гёк-Тепе) 76*, 399
Герат 67*, 70, 104, 112, 131*, 134, 137, 152, 153, 256, 261, 345, 348, 394, 395
Гератская обл. 137*
Герируд (Арий) р. 101, 103, 134—137, 152, 292, 293*, 348, 394, 395
Гёрледи теснина 51, 65, 66, 173
Гидждуван (Ғудждӯван) 200, 400
Гидждуванский тюмень 200, 204
Гижиген р. 222*
Гилякин-Чильбурч вал 138, 139
Гилян 71, 494
Гиляна море 367; см. Каспийское море
Гималаи горы 28*
Гимры 416
Гинд р. 24
Гиндукуш горы 37, 299, 363—365, 401, 515, 519
Гиренг (Джирендж) 140, 145, 146
Гири ключ 130
Гиркания 30, 31, 36, 37, 123*, 127, 298, 528
Гирканский зал. 27, 298
Гирканское море 24, 27—29, 290, 367; см. Каспийское море
Гирье кан. 165
Гиссар (Хисар) 158, 159, 320, 392, 401, 402, 556
Гиссарский хр. 216, 402
Гит (Джит) 41, 43, 44, 169
Гихон р. (лег.) 157
Гобалык 357; см. Баласагун
Гоби пустыня 539
«Голова моста» (Сар-и пул) (в Бушендже) 395
«Голова моста» (в Нахшебе) 206
«Голова свода [арки]» (в Самарканде) 275, 280
Голодная степь 98*, 102*, 216, 217, 239, 268, 301, 303, 304, 309
Голодная степь ст. 85*, 305
Голодностепский кан. 305
Гонконг (Ҳа̄нкӯ) 543
«Город ворот» — см. Карс
Городец (Городок) Мещерский 451; см. также Касимов
«Городской арык» в Ташкенте 219
Гробница Абдаллаха б. Али (в Коканде) 535
— Абу Бекра ал-Каффаля аш-Шаши (в Ташкенте) 500
— Абу-л-Хасана ал-Харакани 449
— Беха ад-дина Накшбенда (около Бухары) 383, 524
— Ибрахима б. Али (в Кучане) 473
— «Искендер-паша» (в Маргелане) 481
— Кусама б. Аббаса (Шах-и зинде) (в Самарканде) 191
— Неджм ад-дина [Кубра] (в Ургенче) 181
— Санджара (в Мерве) 285
— Туглук-Тимур-хана (в Алмалыке) 470
— Тюрябек-ханым — см. мавзолей Тюрябек-ханым
— Улуг-Бильгя Икбал-хана (в Аулие-Ата) 340
— Хазрет Апак (в Кашгаре) 457
— Хаким-Ата (около Кунграда) 172, 173*, 177
— халифа Али (в Мазари-Шарифе) 478
— Шейха Хавенд-и Тухур (Шейхантаур) (в Ташкенте) 501
Грузия 327, 448
Гуанси 396
Гуанчжоу (Ханфу) 543
Губар 192
Гудждӯван — см. Гидждуван
Гудри 338
Гудфар (Гаухитфар) кан. 199
Гузар 206, 273*; см. также Хузар
Гуйшуй (Гюйшуй) 32, 319; см. Аму-Дарья
Гул Зарйӯн р. 492; см. Сыр-Дарья
Гульдурсун-кала 309
Гумбез-и дуляб 145
Гумбез-и Кабус 46, 123
Гумук 413; см. Кумух
Гурган — см. Джурджан
Гургандж (Гурга̄ндж) 35, 39, 43—45, 49, 50, 53*, 165—172, 281, 321—322, 331, 332, 403, 404, 475, 545, 546, 548
Гургандж Малый 171, 403
Гургандж Новый 53*
Гурзиван 62
Гуриян ворота — см. ворота Гуриян

Гурлен 61, 89*, 178, 180
Гурленский проток 61, 261
Гурлянь 89*; см. Гурлен
Гурсанг — см. Урсанг
Гурьян 395
Гуфтан 320
Гучэн (Кушанг) 374, 375, 377
Гыш-кала — см. Хишт-кала
Гюйшуанна (Цзюйшуанна) — см. Кеш
Гюйшуй — см. Гуйшуй
Гюрген р. 24, 37, 46, 79, 123, 124, 126, 262, 324, 367
Гянджа (Джанза) 328, 335, 405, 406, 472, 571
Гянджа Новая 406
Гянджинка (Гянджа-чай) р. 407
Гяур-кала 106, 138—140
Гяурс ст. 337, 341

Дабӣл — см. Двин
Дабусия 488
Давань 527; см. Фергана
Дагестан (Дағистӑн, Дагустан) 408, 419, 421, 429*, 572
Дагестанская АССР 408*
Даих р. 37; см. Яик
Дай 33, 36
Дальверзинская степь 301, 305*
Дальверзин-тепе 558*
Дӑман-и кӯх 337; см. Атек
Дамаск 195, 272, 415, 421
Дамган 263, 266*
Дарваз 320, 346, 392, 463
Дарвазе-и Кеш — см. квартал Рас ат-Так
Даргам (Даргом) кан. 98*, 187—189, 194, 197, 275
Дарган (Даруган) 59, 61, 73, 163, 164, 170, 171, 176, 320
Дарган-Ата 164, 320; см. также Дарган
Даргинский округ 412
Даргом — см. Даргам
Дарданеллы прол. 99
Дарзенги 559
Дарйӑ-и ҳазарӑн, 367; см. Каспийское море
Даруган — см. Дарган
Дарья-и Амуе 319; см. Аму-Дарья
Дарья-и Ганг 492; см. Сыр-Дарья
Даудан русло 41*, 84*, 165*, 263
Даукара (Тау-Кара) оз. 180, 184
Даулетшах-баши кан. 151
Дацинь 34; см. Римская империя
Даши 316; см. Аксу
Двин (Дабӣл) 327, 328
Дворец Зенджир-сарай 207
Дейлем 71, 494
Дейлемское море 39, 367; см. Каспийское море
Делос о-в 100
Делхастан — см. Дихистан
Демавенд г. 23
Денау 158, 558; см. также Дих-и нау
Депгиль-тепе возв. 399
Денданкан 124, 146, 148
Дербенд-и ӑханӣн — см. Железные ворота
Дербент (Дербенд) 24*. 71, 102*, 334, 335, 350, 408—411, 413, 415—417, 419—430, 571, 572; см. также Бӑб ал-абвӑб
Дербентский проход 408, 409, 411, 419, 420, 429
Дерваздже ворота — см. ворота Дерваздже
Дервазе-и Кеш квартал — см. квартал Дервазе-и Кеш
Дергаш (Дерджаш) квартал в Кяте (?) 47, 48*
Дер-и ахенин (Дар-и ӑханӣн) 431; см. Железные ворота
Дерхас 42
Дехан-и Шир теснина 164, 321; см. также Дульдуль-атлаган
Дештек 190
Дешт-и Кипчак 503
Джавад 572
Джавадский округ 572
Джаган-руд — см. Чаган-руд
Джадж-руд (Китаб-Дарья) р. 206
Джакердиза кан. 189
Джамболдум (Джамболи) — см. Балаклава
Джамбул 340*, 355*, 496*, 563*
Джамна р. 296*
Джан оз. 186
Джангильдинский р-н 517*
Джанза — см. Гянджа
Джан-кала кр. 41*, 228
Джанкент разв. 41*, 56, 228, 230, 231, 331, 493
Джанкети 231
Джануджирд — см. Ганугирд
Джаны-Дарья (Яны-Дарья, Янги-Дарья) р. 231

ал-Джезира 327, 421
Джезират-Осман — см. Арал-Пейгамбер
Джейхан р. 210, 492
Джейхун р. 41—43, 45, 50—52, 55, 56, 58, 61, 64—66, 70, 72, 74, 87, 157, 169, 210, 249, 258, 319, 324, 492, 514; см. также Аму-Дарья
Джелаль-кудукская волость 529
Джемаль ад-дин Му'айти 140
Дженд 49, 55, 66, 71, 171, 226—230, 332, 518, 547
Джендское озеро 48, 71, 72, 227, 332; см. Аральское море
Джерьяб — см. Пяндж
Джетыкент (Йетикент, Хефтдех) 531, 533
Джеты-су — см. Семиречье
Джеты-шехр (Йеты-шехр) 318; см. также Алты-шехр
Джигербенд 164
Джигербенд-Ата — См. Джигербенд
Джидгиль 531
Джидгиль р. — см. Чаткал
Джизак (Дизак) 98, 102*, 216—218, 391, 491
Джизакский уезд 286
Джизакское ущ. 303*
Джил-арык 568
Джиль 568
Джилан-Уты р. 303
Джиргалан р. 437
Джирд мост 566
Джирендж — см. Гиренг
Джирм 343, 344, 510
Джит — см. Гит
Джиты-тепе 238
Джо (Джӯ-шахрӣ) 512
Джувара (Хувара) 226, 230
Джувикат 232
Джу-и арзиз кан. 274
Джу-и Гурлен кан. 61
Джу-и Зар (Малый Зар) кан. 200
Джу-и Мулиян кан. 384
Джу-и нау — см. Янги-арык (Джу-и нау)
Джу-и Чедрис проток 63
Джука (Заука) р. 437, 438
Джумушлагу 223
Джурджан (Гурган) 46, 71, 123—126, 262, 266, 338, 479
Джурджания (Джурджа̄нӣйа) — см. Гургандж
Джурджанское оз. 39, 45, 71, 367; см. Каспийское море
Дзасакту-хана аймак 539
Дивар-и Кыямат стена 189; см. также Кампир-дивар
Дизак (Дизе) (на Мургабе) 144, 254, 255
Дизак (в Осрушане) — см. Джизак
Дима р. 31
Димишк 195
Динар кол. 79
Дирахт-и педе 140
Дириздех 207
Дих-и нау — см. Янгикент
Дих-и нау (Денау) 558, 559; см. также Денау
Дихистан 46, 47, 53, 60, 71, 76, 122—126, 262, 266, 267, 309, 339, 518
Дихистанан-Сур 47*, 122, 123; ср. Бухейра
Дихистан-Чилаун 125
Дияла р. 24, 188
Долон-Нор 539
Дон р. 27, 29*, 55, 59, 60, 100, 313, 331
Дрюнь — см. Дурун
Дуаб 296
Дульдуль-атлаган теснина 164, 165*, 321; см. также Дехан-и Шир
Дуляб 145
Думо р. 31, 205
Дунай р. 55, 355
Дуньхуан 35, 521
Дурукча оз. 516
Дурун 76, 80, 91, 125, 130, 132, 133, 262, 341
Душак ст. 337
Дэв-Кескен городище 67*, 175*; ср. Везир
Дюшамбе 320

Евразия 295
Европа 15—17, 27, 54, 59, 174, 224, 260, 333, 349, 359, 389, 390, 491, 511, 540, 548, 569
Европейская Россия — см. Россия Европейская
Египет 55, 272, 385, 468
Елисаветполь — см. Гянджа
Енба — см. Эмба
Ени-Кале кр. 459
Енисей р. 349
Ер-Курган городище 37*, 206*

Железные ворота (в Бухаре, Самарканде) — см. ворота Железные
Железные ворота (в Шаше) 218, 222
Железные ворота (Дер-и ахенин; поздн. Бузгала) ущ. 240—242, 431, 432
Жемчужная река — см. Йинчу-угуз
Жэхай оз. 437; см. Иссык-Куль

Заалайский хр. 319*
Забулистан 515
Завех 292
Зайсан оз. 85, 435, 436
Закаспийская обл. 107, 112, 127, 308, 337, 341, 480, 519
Замахшар 54*
Замин 192, 216, 217
Замок Амра 253, 254
— Ахнафа 253, 254
— магов (Кёшк-и Муған) 384
— Таргубалык 444
Замч проток 148
Занг-тепе городище 104*
Западная Азия — см. Азия Западная
Западное море 32—35, 331; ср. Аральское море
Запорожский 305
Зарк 141*
Заука — см. Джука
Зейнабди, цитадель Мухаммедии 279
Земм 72, 160, 320, 515
Зендана 199, 386
Зендана тюмень 204
Зендерамиш (Зендерамш) 531
Зенджир-сарай дворец — см. дворец Зенджир-сарай
Зеравшан р. 30, 85, 93*, 97*, 99*, 101, 102, 104—106, 108, 109, 113, 114, 117, 120, 155, 164*, 185—190, 192—194, 196—200, 203—205, 216, 217, 223, 239, 244, 246, 270, 274, 286, 290, 294, 296, 308, 309, 378, 385, 391, 402, 488, 565, 566; см. также Кухек, Политимет
Зеравшанская дол. 244
Зерендж 25*, 101*
Зерман 197
Зернук 224
Зех-арык кан. 177
Зиб г. 423
Зирихгеран (Зиригеран) 410
Зиядин ст. 194
Золотая Орда, Золотоордынское ханство 110, 336, 369, 411, 426, 440, 451, 453, 454, 458, 467, 471, 490, 503, 548, 549
Зубейдия — см. Зейнабди
Зугаркенде кан. 202
Зу-л-карнейна рабат — см. рабат Зу-л-карнейна
Зу-л-кифля рабат — см. рабат Зу-л-кифля

Ибир-Сибир — см. Сибир ва Ибир
Ибрахима ворота — см. ворота Ибрахима
Иверия 298
Игды 54, 79, 262, 298
Идикут-шехри разв. 521; см. также Хочо, Гаочан
Иерусалим 448
Ики-су-арасы — см. Миян-рудан
Илабали — см. Илибалык
Илак 218, 221, 371
Иланбалек — см. Илибалык
Илан-бозган холм 243
Илан-су р. 434
Или (Йлā) р. 233, 356, 357, 360, 362, 433, 434, 439, 464, 465, 470, 471, 569, 570
Илибалык 362, 434
Илийск 362; см. также Илийский выселок
Илийская дол. 567
Илийская обл. 471
Илийский д выселок (поздн. Илийск. совр. Или) 362*, 434
Ильялы — см. Хилялы
Имам-Баба ст. 144, 146, 253
Имлак городище 221*; см. Тункет
Инд р. 24*, 35, 57*, 100, 363, 364
Индийский океан 34, 36, 55*
Индийское море 35
Индия 16, 17, 27, 28, 31, 32, 34, 37, 58, 82, 104, 110, 157, 158, 198, 239, 296, 299, 344—346, 358, 431, 462, 497, 506, 511
Инкерман 353
Иньчуань — см. Нинся
Ирак 16, 214*, 308, 372
Иран 104, 109, 110, 119, 127, 144*, 158, 473, 518, 528, 547, 572
Иранское нагорье 519
Иргиз р. 92, 516
Иртыш р. 85, 93, 110, 317, 366, 435, 436
Иртыш Белый (или Тихий) р. 435
Иртыш Быстрый р. 435

Иртыш Голубой р. 435
Иртыш Черный р. 435, 436
Исама б. Абдаллаха ущ. 530
Йсй-Кӯл (Йсйг-Кӯл) — см. Иссык-Куль
Искандер-куль оз. 186
Искендера зал. 52
Искендергам кан. 189, 190
Иски-Ангар сух. русло 194*
Иски-Ахси разв. 340
Искиджкет 200
Иски-Крым 353
Иски-Ташкент 500
Иски-Урда 462
Искифаган 206
Иски-Юрт 484
Йскӯк (Йскӯл) — см. Иссык-Куль
Испания 48
Испид-Булан — см. Сефид-Булан
Иссык-Куль оз. 232, 233, 277, 360, 437—439, 567
Исфайрам р. 212
Исфара (Асбара) 215, 530—532, 535
Исфара р. 214
Исфахан 279*, 372
Исфиджаб (Асбиджаб) 222—224, 355, 487, 500, 526, 532, 563
Исфиджаб сел. 563
Италия 105, 455*
Итиль 336, 367
Итиль р. 37, 55, 58, 59*, 71, 74, 360, 503; см. также Волга
Их р. 37; ср. Эмба
Ишим р. 435
Ишим-аксакская вол. 195
Ишки-Узгент разв. 228
Иштихан 192, 194, 197, 270*

Йака р. 433; см. Текес
Йемен 364
Йетикент — см. Джетыкент
Йеты-Гумбез 178
Йеты-шехр — см. Джеты-шехр
Йинчю-угуз р. 210, 492; см. Сыр-Дарья
Йолотан 154, 156
Йоткан 553; см. Хотан

Каахка (Кахкаха) 130*, 132
Ка'ба 418
Кабадиан (Кувадиан) 72, 158, 320, 402, 558
Кабала — см. Кавалака
Кабул 344, 363—365, 515
Кабулистан 363
Кавалака (Кабала) 334, 372
Кавган 229
Кавган-Ата разв. 224
Кавказ 17, 24, 334, 350, 351, 359, 372, 405, 418*, 472, 480
Кавказ Северный 414
Кавказские горы 28, 30
Кавказское наместничество 415
Каган 92, 93; ср. Кят
Каган ст. 392
Каган-Ступа 374; см. Бишбалык
Каджиген — см. Гижиген
Казабат 89*; см. Газават
Казалинск 41*, 98, 228, 331, 493, 563
Кааан-арык кан. 187, 275; см. также Караунас
Казань (Казан, Каазан) 81, 318, 440—442, 451
Казахская ССР 314*, 517
Казахстан 480, 502
Каир 272
Кай 553
Ка'ир-Тегйн (Кайир-тйгйн) — см. Каратегин
Кайкаус кан. 219
Кайкауса сад — см. сад Кайкауса
Кайсарийский базар 57
Кайтак 417
Кайтак-Табасарань 410
Кала — см. Халха
Кала-Вели кр. 254, 565
Кала-Вели р. 255
Каладжик городище 165*; ср. Кердеран-хас
Кала-и Зафар 345
Кала-и кухна 272; см. Афрасиаб
Кала-и Маур 137, 151, 156, 551
Кала-и нау 348
Калан минарет — см. минарет Калан
Калас [Келес] степь 218, 222
Калган 432
Калкан-руд — см. Харкан-руд
Каляндар-хана 184
Камбалек — см. Ханбалык
Кам-и Абу Муслим кан. 203
Кам-и Зар (Большой Зар) кан. 201
Кам-и Феравиз кан. 202*
Кампир-дивар стена 189, 198*, 386
Камчу 396; см. также Гуаньчжоу
Кангюй [Канцзюй] 32
Кандагар 25*, 104

Кандум-кала (Хандум-кала) 182
Канибадам (Кенд, Кенд-и Бадам) 216, 531
Канкар р. 492; см. Сыр-Дарья
Кансаджаб — см. Касхан
Кантон 35, 486, 543
Капилу 512
Карабаг 335
Карабайли проток 231
Кара-Балгасун — см. Ордубалык
Кара-Бугаз зал. 28
Каравангах 53, 54
Караган 292
Кара-Дарья р. (исток Сыр-Дарьи) 211, 213, 214, 464, 491
Кара-Дарья р. (рукав Зеравшана) 194, 197, 198, 488
Кара-Джангал р. 255
Каракалпакская авт. обл. 309
Кара-Кемер р. 161
Кара-кичу зал. 81*
Каракол — см. Пржевальск
Каракол р. 437
Каракорум 443, 444
Каракуль 205
Кара-куль оз. (при устье Зеравшана) 91, 117, 204; см. также Баргин-и ферах, Самджен
Кара-куль оз. (у Сыр-Дарьи) 69, 224
Каракуль-Дарья р. 244
Кара-Кульджа р. 491
Каракульские ворота — см. ворота Каракульские
Кара-кюрен 443
Карамазарский р-н 218*
Каранд кан. 195
Кара-су 49, 172, 547
Кара-су р. (в Фергане) 212
Карасу-Касан 529
Каратаг 288
Каратаг-Дарья р. 206, 531
Каратал 184
Каратау горы 225, 226, 228
Каратегин (Каратегия) 320, 392, 445, 446, 447*, 464
Кара-тенгиз оз. 69*, 175
Кара-Тургай р. 516
Кара-Уйгур тугай 85
Караул-хане 254—256
Караунас (поздн. Казан-арык) кан. 187, 275
Кара-Ходжа 521; см. также Хочо, Гаочан, Идикут-шехри
Карачук горы 226
Карашар (поздн. Чалыш) 522
Каргалинский зал. 292
Карз (Кардж) — см. Керчь
Каринейн 144, 146, 253
Карис-Калаки 448; см. Карс
Карран 320
Карс (Қарс, Қарс, Қарс) 448, 449
Карун р. 105, 142
Карчун 497
ал-Карш — см. Керчь
Карши (Қаршӣ) 37*, 97*, 161, 205—209, 431, 450, 460, 461, 507
Каршинские ворота — см. ворота Келлябадские
Каршинский оазис 37*, 205
Каршинское бекство 287
Карын-салды-Тургай р. 516
Кары-кичит 77, 78
Кары-Сайрам 223; см. Сайрам
ал-Карьят ал-хадиса — см. Новое селение
Кāç — см. Кят
Касан 211, 518, 529, 530, 533, 535
Касан-сай р. 211, 342
Касимов 440, 441, 451, 452
Каспийская обл. 573
Каспийское море (Каспий) 15—24, 27—31, 34, 37, 39, 40, 42, 45—47, 49, 52, 53, 55, 60, 61, 64, 66, 70, 71*, 73, 74, 78*, 81—84, 86, 87, 93, 101, 103, 115, 122, 123, 134, 157, 170, 173, 174, 176, 248—251, 260—264, 281, 289—292, 297—299, 308, 321, 323—325, 332, 338, 350, 358, 359, 367, 408, 414, 415, 419, 420, 422, 424, 426, 428, 435, 472, 479, 480, 494, 518, 519, 545, 571; см. также: Абескунское море, Ак-Дениз, Бакинское море, Гиляна море, Гирканское море, Дейлемское море, Джурджанское оз., Кульзумское море, Мазандеранское море, Табаристанское море, Хазарское море, Ширванское море
Кастек (Аштек) перевал 567—570
Касхан (Кансаджаб) 253, 255
Катак 497
Катван степь 192, 505
Катта-Курган 186, 197, 198, 287, 391
Катта-Курганский уезд 194, 197
Катты-уру-Дарья р. 206; см. также Хузар-руд
Каук 129

Кауфмановский кан. 303
Кафа (Каффа; позд. Феодосия) 441, 453—455, 458, 467, 490
Кафа кадилык 454
Кафиристан 511
Кафирниган р. 158, 319, 320, 401, 514
Ках — см. Кулидж
Кахалка (Қахлаға) 427, 432; см. Железные ворота ущ.
Каххаха — см. Каахха
Қахлаға — см. Кахалка
Каш — см. Кеш
Каш р. 433
Кашгар (Қашғар) 104, 213, 313, 316, 318, 345, 346, 355—357, 365, 456, 457, 464, 495, 511, 512, 530, 533, 540, 552—554, 569; см. также Кашгария
Кашгар сел. 213
Кашгария 257, 258, 457, 471, 509, 512; см. также Кашгар
Кашка-Дарья р. 31, 102*, 120, 194*, 205, 207*, 246, 272, 488, 497, 514
Кашмир 511—513
Квартал Беджвар (в Мерве) 146
— Бераржан (в Мерве) 145
— Гатфер (в Самарканде) 191
— Дервазе-и Кеш (в Самарканде) 276
— за крепостью (в Неса) 132*
— за протоком (в Неса) 132*
— Каана (в Ургенче) 549
— Мираншаха (в Неса) 132*
— Рас ат-Так (Сер-и Так) (в Самарканде) 275
Кебекчи-юртчи кан. 151
Кёбечи — см. Кубачи
Кебин (Чонкемин) Большой р. 567
Кебин (Кемин) Малый р. 567
Кебуд (совр. Биш-Арык) 196
Кебудский тюмень 196, 269
Кеваль проток 149
Кегейли 167*
Кегейли кан. 167*; ср. Курдер (?)
Кёгменские горы (Саяны) 375
Кедер 223—225, 525
Кейф 137
Келат 132, 337
Келес р. 222, 491
Келиф 72, 160, 161, 207, 320, 504
Келифский Узбой 97*, 284, 308, 309*
Келлябад 201
Қелляб ад ул. — см. улица Келлябад
Келлябадские ворота — см. ворота Келлябадские
Кенд — см. Канибадам
Кендек 431
Кенджабад 253
Кенджида 223
Кендж-Рустак 137
Кенд-и Бадам — см. Канибадам
Кердеран-хас 165
Кердеран-хас кан. 165*
Кереучи 221
Керия-Дарья р. 497
Керки (Керкух) 160, 320, 392, 515
Керман 36
Кермарун (?) 54*
Кермин рабат — см. рабат Кермин
Кермине 85, 114, 198—200, 386
Керчь (Кара, Кардж, ал-Карш) 458—459
Кесба 207
Кескен-Джар перевал 194*
Кетек-Тарим р. 497
Кёхне Гёк-тепе 399
Кеш (Каш, Кисс) 63, 205, 206, 240, 241, 286*, 431, 460, 473, 488, 548
Кешефруд р. 292*
Кёшк-и Муған — см. Замок магов
Кёшк-и сагырчи 145
Кешк-руд р. 205, 206
Кешские ворота — см. ворота Кешские
Кешский вилайет 208
Кешский округ 206
Кзыл-Орда — см. Перовск
Кзылординская обл. 314*
Кзылординский округ 517
Кизилсу — см. Покровская
Кизляр кр. 503
Кизыл-Арват (Кизыл-Рабат) — см. Кызыл-Арват
Кизылбашская земля 90; см. Персия
Киик кан. 184
Киликийский Тавр хр. 448
Кинчанфу (совр. Сиань) 396
Кинчжу (совр. Ханчжоу) 542
Кипчак 86, 182
Кирам — см. Крым
Киргизская ССР 520, 527*, 569*
Киргизский хр. 233*
ал-Кирим — см. Крым
Кирк-йер 368, 422
Кирклар ворота — см. ворота Кирклар
Киркри 368
Кировабад (ранее Гянджа) 357*, 403*
Кирополь 23*, 101

Кисс (Кишш) 460; см. Кеш
Китаб 208
Китаб-Дарья — см. Джадж-руд
Китай 16, 32, 34*, 35, 40, 58, 81—83, 104, 157, 174, 224, 237, 243, 257, 375, 376, 396, 420, 433, 435, 438, 444, 445, 462, 470, 471, 482, 509, 510, 521, 528, 530, 537, 540—543, 545, 553—555, 567; см. также Китайская империя
Китай оз. 83, 84
Китайская империя 106, 462, 486
Кичик-Карашуксу дол. 446
Кичи-Сурхаб р. — см. Фаргар
Кишм 343, 344
Кишман — см. Кушмейхен
Княжеский пос. 305
Кобдо 539
Койсу кр. 414, 438
Койсу р. 437
Коканд (Ҳувāканд, Ҳӯканд, Кокан) 214, 215, 303*, 314, 391, 446, 462—466, 531, 532, 535—537, 552
Кокандское ханство 110, 114
Кок-Узяк проток 174, 180, 184, 217*; см. также Куванш-Джарма
Кокча (Хирнаб) р. 319, 343—345, 524
Кокча-тенгиз оз. 360; см. также Балхаш
Колхида 28, 544
Константинополь 36, 57*, 102*, 369, 414, 424, 454, 455, 489
Конче-Дарья р. 497
Копет-Даг горы 69, 76*, 102*, 130, 262, 292, 324, 341, 428
Корога — см. Караган
Корчев 458; см. Керчь
Кочак 81*
Кочкар р. 437, 567, 568
Кош-Курган 114, 225
Кош-Тегермен 493
Красноводск 18, 36, 359, 480
Красное море 55*, 367
Красное море (Персидский зал.) 27
Крым (Қирим) 59, 354, 368, 369, 441, 453, 454, 458, 467, 468, 484, 489
Крымская АССР 469
Крымская обл. 469*
Крымский п-ов 353, 367, 368, 453, 458, 467
Ктенус бухта 353
Куба (в Азербайджанской ССР) 212
Куба (Кува) (в Фергане) 212, 334, 413, 426, 531, 534, 571—573
Кубачи (Кёбечи) 410, 412
Кува — см. Куба (в Фергане)
Кувадиан— см. Кабадиан
Куван-Дарья (Куван, Куванг) сухое русло 231
Куван-Джерме — см. Куванш-Джарма
Куванш-Джарма (Куванч-Ярма) проток 86, 167*, 174, 180, 184
Кудажаг (?) 41*
Куйгу, Куйгун 86, 91, 177
Куйгун р. 91, 177
Куйлюк 221
Кукунор оз. 396
Кукча кол. 309
Кукча (часть Ташкента) 502
Кукчинские ворота — см. ворота Кукчинские
Кулан 232, 568
Кулидж (Ках) 529
Кульджа 357, 376, 470, 471
Кульджа-баши 471
Кульджа Большая 471
Кульджа китайская (Хуйюаньчэн) 471
Кульджа Новая 471
Кульзумское море 55; см. Каспийское море
Куляб 346, 464, 555—557
Куляб-Дарья р. 319; ср. Ахшу
Кумед (Кумāз, Кумāз) 320, 445
Кумкент 63, 67, 88
Кумух (Гумук) 410, 412, 413, 417
Кум-чапган 498
Кунгей-Аксу р. 438
Кунгей-Алатау горы 437
Кунгес р. 433
Кунград 172, 173*, 178, 180, 183, 332
Кундалянг стена 189; см. также Кампир-дивар
Кундуз 346, 363
Куня-Дарья р. 41*, 58, 76, 84*, 183, 261
Куня-Ургенч 39, 50, 54, 86, 165, 172, 182, 183, 251, 258, 260—263, 321, 322, 325, 331, 545, 552*
Кура (Кур, Курр) р. 27, 31, 101, 298, 334, 335, 372, 407, 408, 415, 421, 472, 494, 571, 572
Курагаты р. 567
Курган-Тюбе 320, 402
Курдай перевал 570
Курдер 40*, 41—44, 84—86, 166—169, 172, 321, 322, 325, 331, 546
Курдерское оз. 39, 331; см. Аральское море

Курдские ворота — см. ворота Курдские
Курр — см. Кура
Куртыш (Курдыш) кол. 54, 78, 80, 88, 262, 264, 324
Куршаб — см. Хуршаб
Кусан — см. Куча
Кустанай 516
Кустанайская обл. 517*
Кустанайский окр. 517
Кустанака 553; см. Хотан
Кусуя — см. Кухсан
Кутаиси 405
Кутемалды впадина 437
Кутемалды проток 567
Кутлуг-хатун кан. 151
Кутлукент 55
Куфа 272, 421, 422
Куфен 131
Кухек — см. Чопан-Ата
Кухен-руд р. 494
Кухистан 70*, 345, 394
Кухсан 395
Куча (Кусан) 421, 497
Куча Куми 152
Кучан (Қучан, Хабушан, Худжан, Хушан) 473
Кучан княжество 338
Кушанг 377; см. Гучэн
Кушания 197, 198, 270*
Кушк р. 113, 137, 150—154, 156, 551
Кушмейхен 139, 146, 149
Кушмейхенские ворота — см. ворота Кушмейхенские
Кушчи 208
Кызыл-Арват (Кызыл-Рабат) 53, 54, 69, 76*, 130, 262, 293*, 341, 359
Кызыл-Дарья р. 66*, 231
Кызыл-Килиса монастырь 449
Кызыл-Кум пустыня 66*
Кызыл-су р. (в Кашгаре) 457
Кызыл-су р. (верхнее течение Вахша) — см. Сурхаб
Кызыл-су р. (Кичи-сурхаб; ранее Паргар, Фаргар) 319
Кызыл-су р. (приток Иссык-Куля) 319, 437, 457, 497
Кызыл-су р. (приток Сурхан-Дарьи) 558*
Кыр 63, 167
Кыргы-Узгент разв. 228
Кыс-кала — см. Хишт-кала
Кышлык 184
Кыят 180
Кыят-Ярган (Кият-Джарган) проток 183
Кэсай 529; ср. Касан
Кэти 61; см. Кят
Кюрен-Даг горы 76*, 324, 341, 358
Кюринский округ 418*
Кючюк Истамбул — см. Кафа
Кяризгах ворота — см. ворота Кяризгах
Кят (Кāс) 39—45, 47, 51, 54*, 56, 58, 59, 61—63, 66, 72, 73, 75*, 83—86, 89*, 93, 165*, 166—168, 170, 171, 174, 178, 184, 281, 321, 403, 475, 544, 545, 548, 549, 552*
Кят-хоре кан. 72

Ладах 511, 512
Лайлык 497
Ланьчжоу 397
Лаолань 498
Лапландия 415
Ласгирд 279*
Латинская империя 353
Лаудан (Лаузан) кан. 86, 181—183
Левкер 144
Левкополь — см. Старый Крым
Ледовитый океан 435, 519
Ленинград 487
Ленинск 483*
Ленкорань 494
Лин горы 35; см. Тянь-Шань
Лоб 497, 498
Лоб-Катак 497
Лоб-Нор оз. 106, 498
Лондон 16, 257, 333
Луговое 568*
Лукин — см. Ханой
Лукчун 523
Лукчун впадина 521
Лхасса 509, 511—513
Лякляка тюмень 204

Мавераннахр (Мā варā' ан-нахр) 55, 56, 63—65, 68, 104*, 107, 108, 111, 117, 119, 142, 195, 206, 211, 214, 219, 225, 226, 232, 249, 250, 272—274, 276*, 310, 356, 358, 380, 385, 388, 389, 391, 400, 401, 431, 460, 477, 487, 495, 505, 510, 518, 529, 530, 532—535, 549, 569
Мавзолей Абу Исы Мухаммеда б. Исы ат-Термези 505

— Мухаммеда б. Али Термези 393, 505
— Низами (около Гянджи) 407
— Саманидов (в Бухаре) 245*
— Северный в Узгенде 534*
— Средний в Узгенде 534*
— Султан-Садат (Сулатан-и Садат) (в Термезе) 506
— Текеша (в Ургенче) 404
— Тюрябек-ханым (в Ургенче) 548
— ходжи Ахрара (в Самарканде) 287
— Южный в Узгенде 534*
— Чор-бакр 385*
Магиан-Дарья р. 186
Магоки Аттори мечеть — см. мечеть Магоки Аттори
Мадали-хана медресе — см. медресе Мадали-хана
Маджалис 410, 413
Маджан кан. 138, 139, 145
Маджен оз. 181
Мазандеран 24*, 37, 64, 71, 79, 123, 125, 173, 249, 324
Мазандеранское море 77, 179, 367; см. Каспийское море
Мазар 470, 478
Мазари-Шариф (Мазāр-и Шарйф) 478
Мазарские ворота — см. ворота Мазарские
Мазар ходжи Ахрара — см. мавзолей ходжи Ахрара
Маздахин (Наубахчиян) кан. 189, 195
Маймург (около Несефа) 207
Маймург (самаркандский) 187
Малая Азия 100, 277, 438, 467, 489, 492
Малая Армения 376
Малая Бухария 390; см. Туркестан Восточный
Малек 98*
Малосогдийский тюмень — см. Сугудихурдский тюмень
Малый Кемин — см. Кемин Малый
Манара разв. 182
Мангыр кан. 182
Мангыт 182
Мангышлак (Манқышлāқ, Манқашлāқ) п-ов 49, 52, 56, 68, 69, 71, 73, 81, 88, 126, 168, 250, 261, 358, 479, 480
Мангышлакский уезд 480
Манкуб кадилык 454
Маньчжурия 539
Мараканды 27, 101, 102, 197, 378; см. также Самарканд
Марг (Маргаб) р. 101, 136; см. также Мургаб
Маргелан (Маргелан, Маргинāн) 214, 463, 481, 531—536
Маргелан-сай р. 481
Маргиана 136, 386
Маргинан — см. Маргелан
Маргуш 136; см. также Маргиана
Марабан б. Тюргеш рустак 192
Мас'удийе медресе — см. медресе Мас'удийе
Масча (Матча) р. 186
Матиенские горы 24
Матчинская вол. 186
Мах мечеть — см. мечеть Мах
Махазперт кр. 329
Махан (Махуван) 148
Махан кан. 148, 150—152
Махачкала 408*, 410*; см. также Петровск
Махдиабад 144, 145, 253
Махмудабад 153
Махмудова река (главное русло Мургаба?) 153
Махуван — см. Махан
Меана — см. Мейхене
Медемин-кала 41*
Медина 398
Медкаминия — см. Медминия
Медминия 41—44, 169
Медра кан. 165
Медресе Араб-Мухаммед-хана (в Хиве) 550
— Беглербеги (в Ташкенте) 464
— Мадали-хана (в Коканде) 464
— Мир-Араб (в Бухаре) 225, 382
— Мас'удийе (в Бухаре) 388, 389
— Мир (в Коканде) 462
— Султан-Мурад-бек (в Коканде) 466
— Тилля-кари (в Самарканде) 272, 287
— Хаким Айин (в Коканде) 465
— Ханийе (в Бухаре) 388
— Шейбани-хана 208, 287
— Шир-дар (в Самарканде) 272, 287
Медресе-и джами' (в Коканде) 464
Мейхене (Мехене, Меана) 131—133
Мекка 57*, 105, 336, 340, 397, 408, 510
Менгли-ходжа кан. 151, 208
Меотида 30, 100, 313, 331, 367; см. Азовское море.
Меотийское болото 29
Мерв (Мерв-Шахиджан) 54, 59*, 62*, 70*, 97*, 104, 106, 108, 109, 127,

131, 135—142, 144—155, 164, 166, 188, 191, 192, 202, 252, 253, 255, 256, 261, 278, 285, 308, 310, 380, 386—389, 391, 549, 551, 561
Мерв Верхний 137, 144, 145, 150, 252, 253; см. также Мерверруд
Мерв Нижний 138, 144
Мерверруд (Мерв ар-руд, Мерв-и руд) 137, 144, 147, 252—256; см. также Мерв Верхний
Мервский оазис 136*, 146—148, 150, 155, 156, 284, 308
Мервский округ 149
Мерв-Шахиджан 255; см. Мерв
Мердкушанские ворота — см. ворота Мердкушанские
Мерке 232, 233, 567
Мертвый Култук 60, 81
Меручак 151, 154, 252—256
Меручакский оазис 150—152
Месопотамия 34, 110, 139*, 171, 308, 327
Местриан — см. Мешхед-и Мисриян
Мехене — см. Мейхене
Мехран 35
Мешхед 473, 550
Мечеть Биби-ханым (в Самарканде) 295
— Бююк Джами' (в Кафе) 454
— Магоки Аттори (в Бухаре) 245*
— Мах (в Бухаре) 383
«Мечеть Персидская» (в Гяндже) 407
«Мечеть Татарская» (в Гяндже) 407
Мечеть Хусейн-кетхуда (в Карсе) 449
Мешхед 178, 292
Мешхед ворота — см. ворота Мешхед
Мешхед-и Мисриян 46, 53, 121—123, 262, 309, 339
Мидия 282
Миздахкан 40—43, 166—168, 331
Минаргах 53
Минарет Калан 245*
Мингечаур 472
Мир медресе — см. медресе Мир
Мир-Араб медресе — см. медресе Мир-Араб
Мирза-арык кан. 196
Мир-Шади (Мур-шадэ) 159, 402
Мискан 531, 532
Миср (Каир) 195, 272
Миср (самаркандский) 187, 195, 272
Михайловская гавань 359
Михайловское 359
Миянгах кол. 73
Миянкаль 194, 259
Миян-руд (Миянрудия, Ики-су-арасы) 491, 531, 532
Мобалык 365; см. Бамиан
Могила «имама шейха Кутейбы» 529
«Могила Иова» (в Фергане) 532; ср. Хазрет-Аюб
Могила Кутб ад-дина Сатылмыш Меликшаха (в Узгенде) 533
— Хаким-Ата — см. гробница Хаким-Ата
— шейха Аббаса (в Кяте) 475
Моголистан 360, 376, 521
Мо-курган 365; см. Бамиан
Монас кан. 97*
Монголия 357, 375, 376, 396, 432, 443, 444, 539
Мори-сую р. 151; см. также Кушк
Мори-Шабурган кр. 150
Москва 81, 83, 90, 250*, 254*, 441, 451, 503
Московия 81
Московская Русь 91
Муг г. 104*
Муган 351; см. также Мукан
Муганская степь 494
Мугкан 386
Муг-курган городище 529
Мугоджарские горы 92
Музарт (Шах-Яр-Дарья) р. 497
Муилды-Тургай р. 516
Мукан 71; см. также Муган
Мунк 555
Мургаб р. 97*, 99*, 101, 102*, 103, 105, 108, 109, 113, 124*, 133, 136—140, 143—156, 252—256, 284, 285, 292, 308, 309, 348, 519
Мургабский оазис 102, 142
Мургабское Государево имение 284
Мурзарабатский кан. 302
Мур-шадэ — см. Мир-Шади
Мусфара — см. Хурмуэферра
Мухаммедабад 125, 279
Мухаммедия 279
Мушк-и бини караван-сарай 53

Навадан кан. 191
Надир-тепе холм 473
Найман 184
Намазгах (в Бухаре) 245*
Намазгах ворота — см. ворота Намазгах

Наманган 212*, 296, 342, 536, 537
Наманганский вилайет 212
Намик р. 185; см. Зеравшан
Нарпай кан. 117, 197, 198, 270, 275*
Нарын р. 211, 277, 491, 531, 532
Насрабад 532
Наубахчиян кан. — см. Маздахин
Наубехар (в Бухаре) 202
Наубехарские ворота — см. ворота Наубехарские
Науганды 218
Наукад-Курейш 206
Наукенде кан. 202
Нахр аш-Шаш р. 72; см. Сыр-Дарья
Нахшеб — см. Несеф
Нашебо 205; см. Несеф
Неаполь 47
Небесные горы — см. Тянь-Шань
Невакет 568, 569
Неджакет 219
Нейсабур — см. Нишапур
Некад 531
Неса 45, 53*, 73, 76, 103, 125*, 126—133, 171, 282*, 341, 358
Несайя (в Фергане) 531
Несеф (Нахшеб) 161, 205—207, 431, 450, 460, 488
Несефский вилайет 208
Несья Верхняя 214, 531
Несья Нижняя 214, 531
Нижний Новгород 440—442
Николая I кан. 304
Нил р. 18
Ним-Сугуд 438
Нимсугудский тюмень — см. Афаринкентский тюмень
Нинся (совр. Иньчуань) 396, 398
Нинюаньчэн 471
Нисая 282, 283; ср. Неса
Нисея 127; ср. Неса
Нисибин 171
Нишапур (Нейсабур) 107, 108, 129, 130, 134, 139, 142, 148, 279, 380, 394
Новая Бухара (Каган) 392
Новое селение (Новое поселение, Янгикент, Яныкент) 41, 42, 168, 226—228, 230, 331; см. также Шехркент
Ново-Петровское укр. (форт Александровск, форт Урицкого, форт Шевченко) 480
Новороссийское 568*
Новый город 45*; см. также Новое селение
Новый Маргелан (позди. Скобелев, совр. Фергана) 466, 481, 537
Новый Ургенч 550
Ногайская степь 408*
Нукус 177
Нумиджкет 378; см. Бухара
Нур (Нур-Ата) 204
Нушджан — см. Барсхан
Нуха 334, 413
Нюми 378; см. Бухара

Оббурдан р. 186
Обь р. 84, 93, 317, 366, 435
Огуз кан. 302, 304
Огуз проток 183, 302; см. также Угус (Угуз) и Ougus
Огурча 64, 66, 249, 250; см. также Агрыча
Огурчинский о-в 64
Оих 37, 38
Ойхардес р. 497; ср. Тарим
Окс р. 15—21, 27—31, 36, 82—84, 99*, 101, 103, 157, 285, 297, 319, 325, 347*, 358, 364, 365, 379, 389, 391, 403, 431, 487, 505, 507, 518, 544, 558—561; см. также Аму-Дарья
Оксийское болото 30, 31, 331
Оман 540
Оманское море 55; см. Черное море
Омара кан. 151
Омск 435, 436, 519
Омь р. 435
Опис 282
Ордакент кан. 229
Ордубалык 443
Оренбург 89, 314, 359, 516, 563
Орловка 568*
Орск 516
Орта-Аралы, Орта-Арал о-в 160, 504; см. также Арал-Пейгамбер
Орта-Капы ворота — см. ворота Орта-Капы
Орта-кудук (Орта-кую) кол. 88
Орхон р. 443
Орь р. 92
Османская империя 354, 469
«Остров» — см. Арал
Отрар 42, 54, 59, 62, 68, 219*, 223, 224, 227, 355, 499, 525
Ох р. 103

Ош 212—214, 528, 531, 532, 535, 536
Ошская вол. 529

Пайкабакские ворота — см. ворота Пайкабакские
Паканна 527; см. Фергана
Палакион — см. Балаклава
Палван-Ата кан. 178
Палестина 277
Памир 294, 320
Памир Большой 319
Памир Малый 319
Памиро-Алай 519*
Панджйкас 375; см. Бишбалык
Пантикапей 458
Параб 223, 525; см. Фараб (на Сыр-Дарье)
Парава 54*, 130; см. также Ферава
Парак — см. Парк
Паратегии — см. Бератегии
Парау 54*
Парау горы 130, 293*
Паргар (Фаргар) — см. Кызыл-су (Кичи-Сурхаб)
Париж 16, 443
Парк (Парак) р. 218; см. Чирчик
Паркент 220
Паркетские (Паркентские) ворота — см. ворота Паркетские
Парнас 100
Паропамисские горы 82
Партав 334, 372; см. Берда'а
Парфия 24, 25, 99*, 127, 544
Патта-Гиссар 507
Пат-ток-тсон-на 344; см. Бадахшан
Пашан 146
Паяб 152
Пежин 541; см. Пекин
Пейкенд 162*, 199—203
Пекин 362, 376, 398, 541
Пенджаб (около Мерва) 140, 145
Пенджаб р. 72, 319
Пенджде 144, 145, 151, 156
Пенджикент — см. Пянджикет
Пендинский оазис 137, 138, 144, 149—152, 208
Пеней р. 101
Перван 362
Пергам 100
Передняя Азия 27, 99, 104—107, 406, 408, 419, 531
Перекопский перешеек 469
Пермь 84
Перовск (совр. Кзыл-Орда) 229, 314, 516
Перовский форт 314; см. также Перовск и Ак-Мечеть
Персидский зал. 27
Персия 15, 16, 34, 53, 54, 63, 83, 88, 90, 99, 100, 106—109, 112, 119, 120, 126, 127, 136, 139*, 146, 150, 154, 155, 157, 174, 185, 252, 256, 257, 263, 278, 285, 304, 328—330, 333, 337, 338, 351, 376, 382, 389, 397, 406, 414, 415, 417, 420, 426, 427, 473, 494, 518, 535, 537, 545, 547, 549, 561, 572
Персия Западная 112, 185
Петро-Александровск (совр. Турткуль) 309, 392, 476, 562
Петровск (совр. Махачкала) 408, 410
Петропавловск (в Казахстане) 463
Пештак 130, 568
Пиренеи горы 16
Пирсагатский зал. 292
Питняк 179, 321
Питнякская лука — см. Тиве-буюни
Пишгах 77, 78, 80, 89
Пишпек (Пишкек; совр. Фрунзе) 569
Поволжье 435, 468, 469, 479
Покровская (Кизил-су) 439
Политимет р. 101, 290; см. Зеравшан
Полона 527; см. Фергана
Полу-Согд — см. Ним-Сугуд
Понт Евксинский 27; см. Черное море
Порсу 184
Поти — см. Фасис
Порцзу р. 319; см. Аму-Дарья
Почэнцзы разв. 374, 375
Преображенская (Тюп) 439
Пржевальск (ранее Каракол) 439
Пскем р. 218
Пскент 222
Пул-и хишти (Таш-Кепри) мост 151*, ср. Табана мост
Пуль-Джой городище 169*; ср. Гит
Пур-файз кан. 178; см. Шахабад кан.
Пута зал. 292
Пяндж р. 161, 319, 320, 343, 346, 392, 555
Пянджикет (Бунджикет, Пенджикент) в Усрушане 216
Пянджикет (Бунджикет, Пенджикент) на Зеравшане 159*, 186, 187

Рабат Абу-л-Аббаса 53
— Абу Тахира 53
— Зу-л-карнейна 160
— Зу-л-кифля 160
— Кермин 53
Рабат-и Марьям 53
Рабат-и Серхенг 53, 213
— Тамгач 53
Рабат-и хишт-и пухте 53
Рабат-и Ходжа 186, 193, 197, 275
Радан (Райян) 129
Разик (Разикабад) 141, 142, 145, 149, 150
Разик кан. 138, 140, 145, 146
ар-Рай стена 138
Райян — см. Радан
Рамджан (Рамиджан, Раминджан) 197
Рамӣз р. 320; ср. Кафирниган
Рамӣсан — см. Рамитан
Рамитан (Рамисан, Риямитан) 138, 280, 378
ар-Ран — см. Арран
Рас ал-Вараг 201
Рас ат-Так квартал — см. квартал Рас ат-Так
Раскем-Дарья р. 497
Рашт 320, 441
Ребинджан — см. Арбинджан
Рей 278, 279, 372
Ривдад 187
Ригистан (в Бухаре) 280, 381, 384, 388
Ригистанские ворота — см. ворота Ригистанские
Рийамӣсан — см. Рамитан
Рим 31
Римская империя 34, 104, 353
Рион р. 101, 298
Риштан 214, 531, 534
Романовский кан. 304
Российская империя 330, 351, 455, 503; см. также Россия
Россия 16, 17, 44, 59, 83, 86*, 90, 121, 177, 252, 284, 285, 287, 307, 330, 336, 338, 343, 346, 351, 354, 366, 369, 389, 393, 406—408, 414, 415, 417, 419, 433, 440—442, 449, 452, 459, 462, 465, 466, 468—471, 494, 519, 536, 562—564, 570, 572, 573; см. также Российская империя
Россия Европейская 22, 28, 366
Ростов 313
Рошан 320, 346, 392
Рудбар 145
Рудек р. (каршинский) 208
Рудек р. (шашский) 219
Руд-и Зер проток 185, 200
Рӯз-и Ҳатлӑм р. 532; см. Нарын
Рум 277, 385
Русь 440, 551
Рыбачье 435*
Рязанская губ. 451

Сабат 216, 217
Сабран — см. Сауран
Саганак (Сыгнак, Сугнак, Суганак) 227—230
Саганиан (Ṣаḡӑнийӑн) — см. Чаганиан
Сагардж 196, 259*, 272, 273
Сагсабад 283
Садвар 164
Сад Кайкауса (в Ташкенте) 219
Сайин-нойона аймак 539
Сай-Кичу переправа 181
Сайрам 222, 223, 232, 238, 242, 243, 355, 487, 500
Сайрам оз. 470
Сайрам сел. 563, 564
Сак-мань-гинь 105*, см. Самарканд
Саксин 473
Салар кан. 219
Салачик 368
Салачик ущ. 368
Салиан 410, 572
Салихабад 506, 507
Салляхане ворота — см. ворота Салляхане
Салус 494
Сам (Шам) 65*, 90, 91
Сам оз. 65*
Самара 90
Самарканд 61—63, 67*, 69*, 74, 98*, 101, 105, 106, 108, 110—113, 117, 150, 157, 159, 185—188, 189*, 190—200, 202—204, 207, 224, 239—242, 269—272, 273*, 274, 275, 276*, 280, 281, 287, 288, 296*, 303*, 347, 359, 378—382, 384—386, 388—392, 431, 432, 460, 473, 488, 502, 505—507, 510, 511, 528, 532, 533, 537, 549, 558, 559, 565, 566
Самаркандек 510
Самаркандская обл. 74, 111, 186, 196, 268, 286, 305, 306, 488, 537
Самаркандская ул. — см. улица Самаркандская

Самаркандские ворота — см. ворота Самаркандские
Самаркандский округ 194, 204
Самаркандский тюмень 193
Самаровское 435
Самджен кан. — см. Харамкам
Самджен оз. 200; см. также Баргин-и Ферах, Кара-куль (при устье Зеравшана)
Самсирек 222
Самсоново 305
Самтин 385
Самур 410
Самур р. 408, 411
Санг-гардак р. 206
Сандабиль (Сандабил) 482
Санджарфеган 187
Санзар р. 286, 303
С.-Петербург 342, 343, 418*, 442
Сарай (Сарай) 55, 57, 59, 60, 74, 260 336, 453, 483, 484
Сарай Бату 483*
Сарай Берке 483, 484
Сарай Новый 483, 484
Сарай Старый 484
Сарайское море (Каспийское) 60, 367
Сарайчик 54, 57, 59, 60, 74, 260, 261
Сарджайляк 221*
Сари 46, 64, 249
Сари Мазар городище 555*; см. Ваш-гирд
Сарсӯр — см. Тертер
Сары-Асия 558
Сары-буй-Тургай р. 516
Сарыкамыш оз. 19, 20, 22, 44, 45, 50—52, 59, 69*, 76, 83, 84, 93*, 94*, 175, 261, 263, 264, 321—325, 331
Сарыкамышская котловина 44, 69, 84, 173, 175, 180, 260, 261, 299, 308, 323
Сары-Копа оз. 516
Сары-курган 214, 531; см. также Сох
Сары-Тургай р. 516
Сары-Язы ст. 154
Саумал-куль оз. 567
Саумичан кан. 200*
Сауран (Сабран) 225—227
Саусакан — см. Шавешкан
Саҳчӯ (Шукчӯ, Шукчй) — см. Сучжоу
Саяны — см. Кёгменские горы
Севастополь 353, 354, 455, 468
Северное море 32—35, 331
Северный Кавказ — см. Кавказ Северный
Северный океан 29
Сеистан 25*, 101*, 105
Сейхан р. 210, 492
Сейхун р. 51, 55, 66*, 70, 210, 355, 492; см. также Сыр-Дарья
Селат 531
Селенга р. 349
Селитренное (Селитренный городок) 483, 484; ср. Сарай
Семендер 71, 410, 411
Семипалатинская обл. 567
Семиречье 232, 233, 355, 356, 398, 491, 519
Семиреченская обл. 519, 567
Семнан 279*
Сенгресан кан. 189
Сенгресан кладб. 190
Сенгфуруш кр. 208, 209
Сен-Дени монастырь 443
Сен-Дени предместье 443
Сепая 58, 59, 61, 62*, 475
Серави ханака 128
Серахс 127, 129, 131, 134, 135, 141*, 142*, 146, 147, 152, 293, 308, 348
Сер-и пуль 198
Серир 410
Сер-и Так квартал — см. квартал Рас ат-Так
Сест 99
Сефид-Булан (Испид-Булан) 530
Сиань 396
Сибзар (часть Ташкента) 502
Сибир ва Ибир (Ибир-Сибир) 485
Сибирская равнина 435
Сибирь 17, 349, 366, 435, 485, 563
Сибирь город 85
Сивалик горы 296*
Си-вань-гинь 105*; см. Самарканд
Сикаендж 147
Сикиджкет (Искиджкет) 200
Сикуль 438
Симбар — см. Сумбар
Симферополь 368, 369, 468, 469
Син 40
Ҫйн-и Калан (Син ас-Син) 486; см. Кантон
Синаваб кан. 192
Синдафу — см. Чэнду
Синдж 147
Синджаб 563; см. Исфиджаб
Синджар 193
Синее море 92, 93, 332; см. Аральское море

Синин 397
Синия ас-Син — см. Ṣӣн-и Калӑн
Синоп 459
Синьцзян 377*, 396
Сипай-яб (Сипахи-ябы) кан. 182
Сирия 55, 210, 385, 412, 565
Сирия Малая 129
Сито (Сита) 497; см. Тарим
Сихай 35
Сицзянь 529; см. Ахсикет
Сицилия о. 47
Сияб кан. 117, 189*, 190, 566
Сиях-кух горы 168, 322, 479; см. также Чинк
Сиях-кух [«остров»] 40, 71, 479; см. Мангышлак
Скардо 512
Скобелев — см. Фергана город
Согд (Соғд, ас-Соғд, ас-Ṣоғд) 99*, 185—189, 192, 196, 198, 270, 487, 489, 530; см. также Согдиана
Согдиана 25, 102, 410, 378, 487, 544; см. также Согд
Согдийские горы 31
Солгат (Солхад) 467—469
Сохский веер 214
Сох (совр. Сары-курган) 215, 531
Сох р. 214
Сох сел. 531
Спасск 418
Средиземное море 34*, 110, 367
Средняя Азия 16, 21—23, 26, 28, 32, 40, 48, 57*, 81, 90, 99—104, 110, 111, 136, 139*, 185, 188, 189, 205*, 224, 233, 237, 238, 256—257, 270, 273, 276, 278, 285, 286, 291, 297, 298, 304, 307, 314, 331, 343, 346, 355, 359, 360, 371, 375—377, 382, 385, 386, 390, 392, 393, 399, 433, 438, 446, 462, 470, 477, 480, 487, 489, 491, 495, 499, 500, 502, 505, 509, 511, 516, 518—520, 527, 528, 530, 541, 544, 545, 548, 549, 563, 568; см. также Туркестан, Туркестан Западный
Сретенский 301
Степное генерал-губернаторство 519
Старый Крым 467—469; см. также Крым, Солгат
Старый Термез 500
Старый Турфан 521—523
Субаникет 223
Субах 206
Су-бою 76, 83, 341
Субурна 171
Суганак (Сугнак) — см. Саганак
Сугдайя 467, 489; см. Судак
Сугдак (Сугдӑқ) — см. Судак
Сугудикалянский тюмень 193, 195, 196, 269
Суғуд-и калӑн 488
Сугудихурдский тюмень — см. Афаринкентский тюмень
Судак (Сӯдӑқ, Сугдабон, Сугдайя, Сугдак, Сутак) 59, 453, 467, 489, 490
Судак кадилык 454
Сузак кр. 226, 228
Сузангеран ворота — см. ворота Сузангеран
Суйдин 467
Суй-е (Суйшэ) р. 568; см. Чу
Суйюань 396*
Сулак р. 408, 414, 415
Су-Кара — см. Кара-су кан.
Сулихэ р. 498
Султан-бенд плотина 140, 141, 144, 148, 150, 151, 154—156, 285*
Султан-кала городище 139, 140, 145, 151
Султани кан. 196
Султания; (в Иране) 263, 266*, 272, 494
Султания (Увейс-таги) (самаркандская) 195
Султан-Мурад-бек медресе — см. медресе Султан-Мурад-бек
Султан-Уиз[-даг] горы 184
Суль гавань 73
Сулэ — см. Кашгар
Сумбар (Симбар) р. 121, 338
Сумитан 385*
Сунак-курган (Сунак) кр. 227, 230; см. Саганак
Суниджек кан. 151
Сураханы 290
Сурож — см. Судак
Сурхаб (Кызыл-су) р. 319, 445
Сурхан (Сурхан-Дарья, Чаган-руд) р. 158, 290, 320, 340, 400, 402, 558—560
Сусе (Сугит) — см. Кеш
Сутак 467; см. Судак
Сутрушана — см. Усрушана
Сучжоу 396
Суяб 568

Сыгнак — см. Саганак
Сыр р. 17, 84, 87, 92, 93*, 210*, 332, 342, 492; см. также Сыр-Дарья
Сыр-Дарьинская обл. 314, 340, 398, 567
Сыр-Дарьинская ст. 305
Сыр-Дарья 16, 23, 24, 27, 29, 30, 33, 34, 38, 42, 43, 45*, 47, 48, 51, 55, 56, 65, 66, 69, 70, 72*, 73*, 85, 87, 88, 92, 99*, 100—103, 108, 168, 171, 172, 179, 210—212, 214, 215, 217—219, 221, 222, 224, 226, 227, 229—232, 238, 242, 260, 296, 302, 304, 309, 314, 323, 331, 332, 342, 355, 357, 371, 391, 465, 491—493, 499, 501, 518, 520, 525, 527, 531, 535, 536, 547, 551, 563, 567, 569; см. также: Гул Зарйун, Йинчю-угуз, Канкар, Нахр аш-Шаш, Сейхун, Сыр, Ферганская река, Хашарт, Хэшан мулян, Шашская река, Яксарт
Сырт р. 16; см. Сыр-Дарья
Сыр-тенгизи 332, 493; см. Аральское море
Сычуань 396, 482
Сюткенд 224

Табана мост 151; ср. Пул-и хишти (Таш-Кепри)
Табаристан 24*, 37, 71, 73*, 123, 319, 419, 494
Табаристанское море 367; см. Каспийское море
Табасарань (Табарсарань) 409, 412, 414, 417
Таббут — см. Тибет
Тававис 386
Тавалиш 494
Таврическая губ. 353, 368, 468, 469
Таврическая обл. 468
Таг-бою 76, 83
Таджикистан 520
Таджикская ССР 527*
Танр-су (Андиджараг, Андишараг, Андичараг) р. 319
ат-Тайласан — см. Талыш
Так 41
Талайхан-Ата 40, 175*, 264
Талас — см. Тараз
Талас р. 35, 37, 212, 340, 355, 470, 495, 568
Таласская дол. 232*
Талбар р. 319
Талекан (Тайлекан) 253, 255, 515
Тали-Барзу городище 187*; ср. Ривдад
Талиш — см. Талыш
Талишан — см. Талыш
Талки перевал 470
Таллык (Талдык) 174*
Талхатан 153
Талхатан-Баба 153
Талыш 494
Талыш сел. 494
Талышские Альпы горы 494
Таманский п-ов 458
Тамар-уткуль — см. Тумар-уткуль
Тамач 183
Тамбовская губ. 418*
Тамгалы-Тас скалы 434
Тамгач рабат — см. рабат Тамгач
Тами 504; см. Термез
Тамис 125
Тана 59, 60, 61, 313; см. также Азов
Танаис р. 27, 29, 30, 100, 313, 331
Тангут 393, 394
Танжер 57
Таны море — см. Азовское море
Тара 366
Тара р. 435, 436, 491
Тараз (Тараз; Талас, Далосе) 232, 233, 238, 355, 357, 495, 496, 500
Тараз р. — см. Талас
Тарбенд 219, 499; ср. Отрар
Таргубалык замок — см. замок Таргубалык
Тарим (Терим) 497
Тарим р. 33, 316, 497, 498
Тарки (Тарху) 410, 412—414
Тармиз — см. Термез
Тарты — см. Кулан и Луговое
Тарху — см. Тарки
Тасты-Тургай р. 516
Татарская Советская республика 440
Тау-Кара — см. Даукара
Тафкан горы 375; см. Тянь-Шань
Тафтазан 129
Тахирия 56, 163, 165*, 320
Тахта-Карача перевал 195
Тахт-и Сулейман г. 213, 405, 535, 536
Таш-Капы ворота — см. ворота Таш-Капы
Ташкент (Ташкенд) 21, 85, 87, 107, 219—222, 233, 257, 287, 297, 303*,

355, 359, 462—465, 499—502, 519, 520, 525, 536, 552, 562, 563
Ташкентский туман [тюмень] 287
Ташкентский уезд 102
Таш-Кепри мост — см. Пул-и хишти
Ташлы-ярмыш кан. 177
Таш-хауз (Ташауз) 183
Тебриз 349, 403
Тегеран 263
Теджен (Тежен) р. 133—135, 152, 285, 292, 544*
Теджепский оазис 284
Теджепский уезд 337
Тежес — см. Теджен
Теке — см. Текес
Текес р. 433; см. также Яка
Темир-кабук 204
Темир-капиғ 431; см. Железные ворота
Темир-Хан-Шура (совр. Буйнакск) 408, 413
Теодоро 353
Терек (в Кашгаре) 497
Терек р. (на Кавказе) 503
Термез (Тармйз, Тирмиз) 58, 72, 104*, 158—160, 254*, 392, 393, 432, 461, 504—507, 508*, 509, 556—559, 562
Терс-Акар проток 181
Терсек (Дирсек) 68, 69, 88, 176
Терскей-Алатау горы 437, 567
Тертер р. 334, 372
Тибет 344, 509—513, 553
Тибет Малый — см. Балтистан
Тибетские горы 72
Тиве-буюни (Питнякская лука) 179
Тигр р. 24, 282, 547
Тизнаб р. 497
Тилля-кари медресе — см. медресе Тилля-кари
Тирбенд-и Туркестан — см. Бенд (Тирбенд)-и Туркестан 519
Тирмиз — см. Термез
Тифлис 334, 352, 405, 422, 472, 571
Тобол р. 435
Тобольск 390, 436
Токмак 233, 355*, 568—570
Томск 366
Тон р. 437, 438
Топрак-кала городище 47*, 546*
Торгай-кала 516; см. Оренбург
Торкун 253
Торлу р. 55
Тохаристан (Тоҳаристан, Тоҳаристан, Тоҳайристан, Тухоло) 320, 344, 363—365, 431, 514, 515
Тохаристан Верхний 514
Тохаристан Нижний 514
Трансоксания 567; см. Мавераннахр
Трапезунд 328, 454
Трапезундская империя 489
Туббат, Туббит — см. Тибет
Туджен р. — см. Теджен
Туз-куль оз. 439; см. Иссык-Куль
Тук 85, 86, 177
Тулуфан 521; см. Турфан
Тум р. 205
Тумар-уткуль (Тамар-уткуль) 229
Тумын р. 457
Тунк 438
Тункет (Тӯнкас) 221, 371
Тургай 516, 517
Тургай р. 509
Тургайская обл. 516, 517
Туркек 140
Туркестан (Туркистан) 20, 32, 37, 72, 97, 99, 103, 107—114, 116, 117, 119, 136, 150, 157, 158, 185, 205, 210, 211, 216, 225, 230, 232, 237, 268, 269*, 274, 294, 295, 301, 303—310, 319, 326, 331, 333, 338—341, 378, 399, 433, 437, 462, 465, 466, 480*, 518—520, 527, 537, 551, 562, 563, 567, 568; см. также Средняя Азия
Туркестан Афганский 346, 363, 478, 519
Туркестан Восточный (Китайский) 34, 106, 119, 162*, 316, 318, 326, 362, 363, 374, 390, 396, 450, 456, 457, 487, 497, 519, 521, 522, 535, 536, 553, 567, 570
Туркестан Западный 32, 237, 519; см. также Туркестан Русский
Туркестан Китайский — см. Туркестан Восточный
Туркестан Русский 326; см. также Туркестан Западный
Туркестан (Ясы) город 66, 463, 520
Туркестанский край 97, 237, 238
Туркестанская республика 519
Туркестанский хр. 186, 519
Туркменистан, Туркмения 308, 309, 480, 519, 520, 552
Туркмен-кала 141
Турткуль 309, 392*, 476, 562*; см. также Петро-Александровск
Турткульская вол. 195

Турфан (Турфа́н, Турпан) 316, 375, 497, 521—523
Турция 330, 354, 414, 469, 572
Тухоло 344, 363, 431, 514; см. Тохаристан
Тухоло (в Восточном Туркестане) 514
Тушету-хана аймак 539
Тэмурту-Нор оз. 439; см. Иссык-Куль
Тюб-Караган мыс 479
Тюмень-арык кан. 227
Тюп — см. Преображенская
Тюп р. 437
Тюя-муюнская теснина 165*
Тюятартар кан. 98*, 196, 309
Тюятартарская вол. 196
Тюятартарский сай 286
Тьмутараканское княжество 458, 489
Тьмутаракань 458
Тянь-Шань горы 35, 317, 357, 374, 375, 433, 437, 521
Тяочжи (Западная Персия и Месопотамия) 34

Уаз — см. Вас
Уазир — см. Везир
Увейс-таги — см. Султан-Уиз[-даг]
Уген-Дарья р. 497, 498
Угланские ворота — см. ворота Угланские
Угус (Угуз) оз. 92, 93; см. также Огуз
Уджук-Зернук 224
Узбекистан 360, 502, 520, 552
Узбекская ССР 502*, 527*
Узбой 18—20, 22, 30, 45, 46, 51—54, 63, 64, 66, 68—70, 76, 78, 80, 88, 93*, 94*, 170, 173, 175, 177, 248, 251, 260—264, 293, 297—299, 300*, 308, 321—324, 358
Узбой Келифский — см. Келифский Узбой
Узгенд (на Кара-Дарье) 213, 214, 491
Узгенд (Узгент, Узкенд) (на Сыр-Дарье) 72, 210, 227—229, 531—534, 537*
Узгендская река — см. Кара-Дарья
Узун-Ада 359
Уйэель 206
Украинская республика 469
Улаш (Улач) 209
Улица Келлябад (в Бухаре) 383
— Самаркандская (в Бухаре) 383*
Улкун-тамды-Тургай р. 516
Улугнар кан. 117, 465
Улу-су р. 57; см. Яик
Унджакет 219
Урал р. 37, 260; см. также Яик
Уральская обл. 516
Ура-Тюбе 101, 216, 218, 273*, 391, 463, 465
Ургенч 35, 50, 51, 53, 54, 58—61, 63, 65—67, 69, 75, 77—80, 82—91, 173—178, 181—183, 251, 258, 259, 267, 315, 322, 324, 325, 404*, 475, 548—552, 569
Ургенч Новый — см. Новый Ургенч
Ургенча река 60
Урда (дворец в Коканде) 465
Урест 528, 530, 531
Урест р. 212, 528
Урицкого форт — см. Ново-Петровское укр.
Урсанг (Гурсанг) 511
Урсатьевская ст. 85*, 305*
Урук (Урок, Урак) г. 92
Урумбай 302
Урумбай-мирза кан. 302
Урумчи 374
Урун-Дарья р. 261
Усмат-Катар-Тальская вол. 196
Усми-Терим 497
Усми-Терим р. 497
Усрушана (Сутрушана) 186, 192, 216, 217, 491
Устува (Астабена) 338
Усть-Каменогорск 435, 436
Устюрт плато 15, 65*, 67, 168, 169*, 172, 177, 258, 260, 322, 324
Уштуркет (Шутуркет) 220
Уфа 465
Уху — см. Вуху
Уч 522; см. также Уч-Турфан
Уч-Курган 346
Уч-Турфан (Уш-Турфан) 318, 464, 522

Фаз 145, 253
Фай кан. 198; см. Нарпай
Файзабад (Файда́ба́д) (в Бадахшане) 346, 524
Файзабад (в окрестностях Бухары) 524
Файзабад (каршинский) 208
Файзабад (на Вахше) 158, 320, 555; см. также Вашгирд
Фальгар (Бургар) 186
Фальгарская вол. 186

Фальхар 144
Фа́мир — см. Памир
Фан-Дарья р. 186
Фанйанна 363; см. Бамиан
Фараб (Фа́раб) (на Аму-Дарье) 72, 161, 162, 164*, 203, 244, 321
Фараб (Фа́раб, Ба́раб, Па́раб) (на Сыр-Дарье) 42, 72, 223, 224, 226, 355, 435, 525, 526
Фарахша — см. Варахша
Фаргар — см. Кызыл-су (Кичи-Сурхаб)
Фаргуль 125
Фарс 109, 277, 372
Фаруз — см. Балуа
Фарьяб 253, 255*
Фасис (совр. Поти) 31
Фашун 201
Фезава 53*; см. Ферава
Фейхан 527; см. Фергана
Фенакет 492, 501; см. Бенакет
Феодосия 353, 453, 455; см. также Кафа
Ферава (Афрава, Фезава, Афзава) 53, 54*, 73, 125*, 129, 130, 132, 171, 293, 341; ср. Парау
Ферава, Феравские горы 69, 130, 293
Ферави — см. Фирюза
Феравиз верхний кан. 202*
Феравиз нижний кан. 202*
Фератегин — см. Бератегин
Фергана (Фарга́на) 32, 36, 45*, 98*, 103, 104, 110, 111, 113, 117, 119, 157, 211—216, 223, 296, 304, 309, 326, 342, 346, 445, 456, 462, 464—466, 481, 491, 518, 527—537, 555
Фергана город (ранее Новый Маргелан, Скобелев) 481
Фергана-и Тахт-и Сулейман — см. Ош
Ферганская дол. 210, 527, 537
Ферганская обл. 114, 326, 527, 537
Ферганская река 51; см. Сыр-Дарья
Ферганский хр. 527
Веребр — см. Фараб (на Аму-Дарье)
Фессалия 101
Филь (Фир) 475, 545
Финакет (Финакен) — см. Бенакет
Фир — см. Филь
Фирузабад 341
Фирюза (Балуа, Фаруз) 129, 292, 293*
Фонзу р. 319; см. Аму-Дарья
Франкское море — см. Черное море
Фрунзе 559*
Фудиша 36; см. Бадахшан
Фулла (Фуллай) 467
Фуму (Фумо) 197; см. Кушания
Фушандж (Пушандж) — см. Бушендж

Хаберан (Хаверан) 131, 132
Хабратан 125
Хабушан 473; см. также Кучан
Хабушан сел. 473
Хавас (Хаваст) 85*, 217
Ха-дервиш степь 216
Хаджикак перевал 519
Хаджи-Тархан — см. Астрахань
Хазават — см. Газнабад
Хазара-джуш 204
Хазарасп 39, 54, 80, 164, 165, 171, 172, 174, 178, 179, 231, 322, 546
Хазараспский кан. 43, 165
Хазар-Земин 54*
Хазарское море 42, 45, 46, 51, 52, 65, 66, 71, 173; см. Каспийское море
Хазрет Апак гробница — см. гробница Хазрет Апак
Хазрет-Аюб источник 533; ср. «могила Иова»
Хазрет-Имам степь 161
Хайван-кала городище 167*; ср. Курдер
Хайдан 409, 410
Хайканек кан. 177, 179
Хайлам (Хайралам, Хатлам) 532
Хайр 478
Хайрабад 204
Хайралам — см. Хайлам
Хакан 213, 509
Хаканские ворота — см. ворота Хаканские
Хаканский кан. 213
Халдея 34*
Халиджан зал. 40, 42—44, 51, 52, 168, 169, 322
Халха (Ха̄лха̄) 539
Халха оз. 539
Халха р. 539
Хальваинская вол. 195
Хамадан (Экбатаны) 282, 283, 510
Хамджирд 546
Ха̄мчӯ (Камчӯ, Камчй) — см. Ганьчжоу
Хан 229
Ханабад кан. 182
Ханака р. 401
Хан-арык кан. 464
Ханбалык (Ха̄н Ба̄лы̆к, Ха̄н Ба̄лы̆к) 362, 376, 540; см. также Пекин

Хандум-кала — см. Кандум-кала
Ханийе медресе — см. медресе Ханийе
Ханикин 188
Ханках (Ханки) 89*, 178, 179
Хан-Керман 451; см. также Касимов
Ханкӯ — см. Гонконг
Ханой 543
Ханса (Ханса, Хинса) 542; см. Ханчжоу
Ханфу (Ханфӯ) 543
Ханхай 519
Ханчжоу (Ханса, Кинчжу, Гампу, Ганфу) 542, 543
Хара-Балгасун 443
Харак (Хара) 147
Харакан 147, 148
Хараки 338
Харамкам (Самджен) кан. 200, 203
Харашар 34
Харашкет 220
Харгуш 204
Харкана Верхняя 200
Харкана Нижняя 200
Харкан-руд (Калкан-руд) кан. 200
Харканрудский тюмень 200
Харратир 125
Харуп — см. Ахаруп
Хас — см. Хаваст
Хас (в Хорезме) 62
Хасан-джандар кан. 151
Хаст-минаре 85
Хатай 180
Хатлам — см. Хайлам
Хауз-и Хан 113, 153
Хашарт 210, 492; см. также Яксарт
Хашка — см. Кошк-руд
Хезар-Месджид горы 338
Хеленендорф 407
Хемус горы 359
Херваз 40, 168
Херсонес 453, 458, 489
Хефтдех — см. Джетыкент
Хива (Хӣва) 18, 55, 61—63, 66, 69, 75, 80, 89*, 90, 111, 133, 154, 155, 164, 165, 174, 177—181, 229, 231, 302, 325, 332, 358, 391, 392, 475, 480, 544, 548—552
Хива-Абад 133
Хивак 540; см. Хива
Хивинский зал. 292
Хивинский кан. 165
Хивинский оазис 108
Хивинское царство (ханство) 99*, 110, 111, 114, 133, 174*, 178—180, 296
Хильменд р. 105, 519
Хиляли (Ильялы) 183, 203
Химс 421
Хинзай (Хинсай) — см. Ханса
Хиндустан 518
Хирнаб р. 343; см. Кокча
Хисар (Хисар) — см. Гиссар
Хисар-и кухна 271; см. Афрасиаб
Хисар-и Шадман (Шодмон) 401
Хитрай — см. Ханса
Хишт-кала (Кыс-кала, Гыш-кала) разв. 229
Ховалинг 555*
Ходжа Ахрар ворота — см. ворота Ходжа Ахрар
Ходжа-Бакырган р. 216
Ходжа-Исик-булан ключ 255
Ходжа-Хайран — см. Хайр
Ходжейли (Ходжа-или) 166, 167, 181, 182
Ходженд (Ходжент) 29*, 72, 73*, 77*, 210, 214—217, 388, 465, 491—493, 531, 532, 535, 536
Ходжендский округ 216
Хоканд — см. Коканд
Хонако 555*
Холисими (Хосюнь) 35; см. Хорезм
Хорасан 24, 44, 54, 56, 65, 68—70, 73, 76, 77*, 99*, 107—110, 116, 127, 129, 132, 133, 138—140, 142, 144, 150—153, 171, 175, 177, 203, 263, 319, 323, 337, 338, 341, 358, 372, 380, 383, 386, 394, 473, 482, 505, 509, 510, 547
Хорасанское (Каспийское?) море 40
Хорасмия 24, 544; см. Хорезм
Хоргос р. 470
Хорезм (Хᵛāризм) 25—28, 35—37, 39—43, 45, 47*, 49—59, 61—69, 70*, 72—76, 79—81, 83, 87—91, 93*, 99*, 109, 110, 121, 124, 129, 146, 153, 157, 162—168, 170—177, 179, 180, 199, 203, 226, 249, 251, 257, 258, 261, 263, 281, 297—299, 309, 310, 315, 320—325, 331, 337, 341, 358, 367, 387, 388, 403, 475, 479, 528, 544—549, 551, 556
Хорезмийская степь 66
Хорезмийские горы 45, 48
Хорезмийское оз. 42, 44, 45, 51, 55, 65, 70—72, 169, 179, 332; см. Аральское море
Хорезм-и Нау(ду) 53, 263

Хорезмская республика 551
Хорог 392
Хорремабад 282*
Хорхут-Ата кладб. 228
Хосюнь — см. Холисими
Хотан (Ҳотан) 32, 277, 318, 356, 464, 510, 514, 518, 553, 554
Хотан-Дарья р. 497
Хочо (поздн. Кара-Ходжа) 521; см. также Гаочан, Идикут-шехри
Хуалацзыму 61; см. Хорезм
Хуанхэ р. 396, 397
Ҳувāқанд — см. Коканд
Хувара — см. Джувара
Худайсер 216
Худжан — см. Кучан
Хузан 144, 145, 253
Хузар 206, 208, 209; см. также Гузар
Хузар-руд (поздн. Хузар-Дарья, Каттыуру-Дарья) р. 206
Хузистан 372, 422
Хуйюаньчэн — см. Кульджа китайская
Ҳӯқанд — см. Коканд
Хульбук 319, 355
Хульван 282
Хульм 363
Хульм перевал 51, 173
Хульм-и Нау(ду) 53, 263
Хумдан 543
Хумынь 529
Хунзах (Хунзак) 410, 412, 413, 416
Хупуцзы 374
Хурмуэферра (Мусфара) 146
Хурмуэферра кан. 138
Хуршаб (Куршаб) р. 212
Хусейн-кетхуда Джами' мечеть — см. мечеть Хусейн-кетхуда
Хут 253
Хутталь (Ҳутталь, Хутталян, Хутлан, Хатлан) 72, 320, 346, 364, 402, 555, 556, 559
Хушабдан 53
Хушан — см. Кучан
Хушк-руд р. (рукав Герируда) 134
Хушк-руд р. (рукав Кашка-Дарьи) 206
Хушуфаган 192
Хушьяр 215
Хэчжоу 397
Хэшан мулян 492; см. Сыр-Дарья

Цагкоцадзор ущ. 327
Царев (совр. Ленинск) 483, 484
Центральная Азия 540
Цзешуанна — см. Цзюйши
Цзимуса 374
Цзиньман 374; см. Бишбалык
Цзиньцзи 398
Цзинь-Шань горы 317; см. Алтай
Цзюймито 445; см. также Кумед
Цзюйши (Цзюйша, Цюйша, Цзешуанна, Циши) 205, 460; см. Кеш
Цзюсаданна 553; см. Хотан
Цзяохэ 521; ср. Ярхото
Цэцэн-хана аймак 539

Чаача 133
Чаганиан (Чағāнийāн; Çағāниан) 158, 320, 402, 431, 558, 559
Чаган-руд (Чағāн-рӯд) 558; см. Сурхан
Чагатай кр. 178
Чагыр (Чагра) г. 55, 72
Чадак (Чарак) 215, 536
Чакыр-огуз горы 42
Чалыш 522; см. также Карашар
Чалыш проток 181
Чанглы-Басу проток 180, 181
Чаны оз. 366
Чарак — см. Чадак
Чарг — см. Шарг
Чарджу переправа 561
Чарджуй (Чāрджӯй; совр. Чарджоу) 48, 154, 160, 162, 164*, 179, 319—321, 561, 562
Чардуляб 148
Чарманган 558, 559
Чарсу (в Бухаре) 389
Чархлик 498
Чаршамбе-и Рамитан 378; см. также Рамитан
Чарын [Шарын] р. 433
Чат (Чатли) 121, 338
Чаткал р. 218, 527, 531
Чаткальский хр. 527
Чахаршамбе 255
Чач — см. Шаш
Чачская река — см. Шашская река
Чашмаобская вол. 187
Чаян р. 226
Чедрис проток (Джу-и Чедрис) 63
Чекдалик тугай 79
Челек 195
Челекская вол. 195
Чембало (Чембаро) — см. Балаклава
Черное море 28, 31, 34, 52, 55*, 101,

298, 351, 367, 420, 424, 453—455, 467, 544
Черные горы 40
Черняево ст. (совр. Урсатьевская) 85*, 305*
Черчен оазис 457
Черчен-Дарья р. 498
Чешме-и Хальджан 133*
Чжеши 218*; см. Шаш
Чжунду 540; см. также Пекин
Чилаун 125
Чилик р. 433
Чимбай 167*, 183, 184
Чимбальди — см. Балаклава
Чимкент (Чимикент) 223, 355, 563, 564
Чимкентский уезд 563
Чиназ (Чинас) 98, 217, 220, 302, 491
Чинк 169*, 322, 326, 331
Чинчухэ 492; см. Сыр-Дарья
Чир. р. — см. Чирчик
Чиракчи 208
Чирик-су руч. 368
Чирчик (Чир; ранее Парк, Парак) р. 210*, 218—223, 271, 296, 491, 492, 500
Чихиль-кёшк 145
Чол 421; см. Дербент
Чонкемин 567*; см. Кебин Большой
Чопан-Ата (Чупан-Ата) возв. 185, 190, 192, 565
Чу р. 106, 233, 238, 243, 355—357, 437, 438, 465, 470, 471, 567—570
Чуйская дол. 232, 233, 465, 567, 569
Чуйская обл. 568
Чулак-курган кр. 226
Чуманай (Шуманай) проток 180, 181
Чурнак кан. 225
Чур-тегин 531
Чутак 78
Чуфут-кала 368
Чэнду (Сиидафу) 482
Чэши 456; см. Кашгар
Чэши княжество 521
Чэши Переднее 521

Шаар-арык кан. 189, 195
Шабас 89*; см. Шахабад
Шаббаз (совр. Бируни) 39*, 321*, 544*
Шаберан — см. Ширван
Шавгар 225, 520
Шавдар 188, 193
Шавдар-арык кан. 189, 190
Шавдарский (Шаударский) тюмень 193, 194, 197, 269
Шавешкан (Саусакан) 147
Шавкан (Савкан) 54*
Шал-Тугай 302
Шам 412; см. Сирия
Шам сел — см. Сам
Шамаха (Шимакы) 182
Шамкур оз. 472
Шамхор (Шамкур) 472
Шаньси 33, 396
Шапуркам (Шафиркам) кан. 199
Шарапхана 222
Шарг (Чарг) 200
Шарихан-сай кан. 111, 212, 464, 491
Шаркия кан. 222*
Шаркыр-Ок (Шаркраук), старое русло Аму-Дарьи 180—182
Шаударский туман — см. Шавдарский тюмень
Шаукан 132
Шаур 57
Шафурком — см. Шапуркам
Шахабад 89*, 178
Шахабад, Шахабадский кан. 165*, 178, 550
Шаханд 342
Шах-и зинде — см. гробница Кусама б. Аббаса
Шахимардан р. 214
Шахр-и миниг городище 555*; ср. Мунк
Шахри-руд — см. Шахруд
Шахристан (в Усрушане) 101, 216
Шахристан (около Неса) 129, 171, 341
Шахристан-сай р. 216
Шахрисябз 63, 195, 205, 207—209, 240, 273*, 286*, 315, 392, 393, 431, 460, 461, 473
Шахрисябзский округ 205, 208
Шахр-и Хан 464
Шахрихан-сай — см. Шахрихан-сай
Шахруд (Шахр-руд, Шахри-руд) кан. 198*, 200, 202*
Шахрухия 371; см. также Бенакет
Шаш (Чач), 45*, 72, 210, 218—220, 222, 223, 355, 492, 499—501, 525
Шашская река — см. Сыр-Дарья
Шебриндж 149
Шевченко форт — см. Ново-Петровское укр.

Шейбани-хана медресе — см. медресе Шейбани-хана
Шейх-Аббас-вели (поздн. Шаббаз, совр. Бируни) 39, 221, 544
Шейх-Аббас-велийская вол. 184
Шейхантаур, Шейхантаурская часть (Ташкента) 220, 502
Шейх Джелаль ворота — см. ворота Шейх Джелаль
Шейх-Джеди горы 48
Шейхзаде ворота см. — ворота Шейхзаде
Шейх-Али-бахадур кан. 151
Шекки 334, 413, 572
Шемаха (Шемахи) 350, 413—415, 494, 571—573
Шемахия 571; см. Шемаха
Шемахинская губ. 573
Шемахинский округ 572
Шемсабад 386
Шехр ал-джедид 230; см. Новое селение
Шехр-и Юнан (часть Дербента) 428
Шехркент 230, 493, 518; см. также Новое селение
Шимамкент 184
Ширабад 160, 320, 402, 507
Шираз 192, 195, 196, 272, 279, 518
Шираз самаркандский 195
Ширазский тюмень 193, 196, 269
Ширван (Ширвāн, Ширвāн, Шарвāн) 71, 334, 335, 351, 410, 411, 422, 425—428, 480, 571—573
Ширванское море 367; см. Каспийское море
Шир-дар медресе — см. медресе Шир-дар
Ширза 221
Ширнахджир 149
Ш-л-к (Ш-л-дук) 206*
Шолтāтийа — см. Судак
Шугнан (Шуḳнāн, Шикинāн, Шиḳāна) 320, 343, 346, 347, 392, 514
Шуллук городище 206*
Шуман 320, 401, 514, 558
Шуманай — см. Чуманай
Шурахан 166
Шураханский кан. 164*, 165*
Шур-качу проток 183
Шутуркет — см. Уштуркет
Шэньси 396, 398

Эгейское море 354
Эгри-гузер переправа 155
Эгри-яр 63
Экбатаны 282; см. также Хамадан
Эквиус 434
Эктаг горы 317; см. Алтай
Эмба р. 37, 65, 81, 90—92
Эрдени-цзу монастырь 444
Эриванская обл. 330
Эртюш р. 435; см. Иртыш
Эски-угуз проток 62
Эски-юрт 368
Этек — см. Атек

Юбилек 222*
Юегянь (Юецзянь) 35, 403, 545; ср. Гургандж
Южно-Казахстанский край 314*
Юйтянь 32, 553; см. Хотан
Юйчжи 316; см. Аксу
Юкары-Касан 529
Юньнань 397
Юни (Юйни) 499; см. Ташкент
Юргенч 90, 91; см. Ургенч

Языр 125, 130, 262
Яик р. 37, 55, 57, 60, 81, 90—92; см. также Урал
Яилма 217
Яккабаг-Дарья р. 206
Якке-парсан 546*
Яксарт (Яхшарт) р. 15—17, 24—29, 31, 34, 101, 102, 210, 323, 487, 491, 500, 509, 528; см. также Сыр-Дарья
Янги 233, 495, 496; см. Тараз
Янги-арык (Джу-и нау, ранее Аббас) кан. 187, 275
Янги-арык (в Фергане) 111, 114, 212, 491
Янги-арык (в Хорезме) 177
Янги-кала 180
Янгикент (на Сыр-Дарье) 228, 331, 492; см. Новое селение
Янгикент (на Яны-Дарье) (?) 228
Янги-Хисар 318
Янги-шехр 176, 230, 464; см. также Новое селение
Яны-Дарья, Янги-Дарья — см. Джаны-Дарья
Яныкент 41*, 56; см. также Новое селение
Яны-Курган 196
Яны-Курганская вол. 286

Яны-шехр 88
Яньцай 33, 34; ср. Аральское море
Яоша р. 34, 492; см. Сыр-Дарья
Яр оз. 434
Яркенд 316, 318, 457, 460, 545
Яркенд-Дарья — см. Тарим
Яркет 192
Ярмыш кан. 178, 475
Ярхото 521; ср. Цзяохэ
Яр-Яйлакский тюмень 193, 196, 269
Ясы 225, 520; см. также Туркестан
Ясы перевал 531
Яхшарт — см. Яксарт
Яхьябад 253

Abessinien 291*
Akes 100; см. Ак
Amo 60
Amow 85; ср. Аму-Дарья
Araxates 31*; см. Аракеат
Ardock 84; см. Ардок
Ardoh 85; см. Иртыш
Armalec 376; см. Алмалык
Asia 294*; см. Азия

Bactrum 31*; см. Бактры
Bala Murghab (Bala-Maraghab) 252*, 256
Baruca 290
Bissibur (Ibissibur) 485; см. Сибирва Ибир
Boghar 85; см. Бухара
Burithabet 511; см. Бури Туббат

Cabalaca 334; см. Кавалака
Cambaluc 540; см. Ханбалык
Caspium 30*, 31*, см. Каспийское море
Castellum Alanorum 411
Cavo (cauo) d'Oschi 60, 292
Cavo de Stayra 60
Cavo Yancho 60
Chabala 334; см. Кавалака
Chaschart 210*; см. Хашарт
Chocinacho 60
Ćol (Ćor) 421; см. Чол
Constantinopolis 454; см. Константинополь
Ću 570; см. Чу
Cyrus 31*

Daldozen 60
Dehastan (Delhastan) 122*; см. Дихистан
Demus (Dymus) 31
Deystam 60; см. Дихистан
Dscheihun 62*; см. Джейхун
Dschuruk Su 368; см. Чирик-су

Europe 294*; см. Европа

Flum Amo 60, 61; ср. Аму-Дарья
Flum d'Organçi 60, 61
Flum Layech 60

Getara (Gangara) 290
Golf de Dayo 60
Golf de Monimentis 60

Ibissibur — см. Bissibur
India 31*

Jaxart 30*

Kat 58*, 63; см. Кят
Kitaia 84
Kharizm 63*; см. Хорезм
Khiva (Khivaq) 63*; см. Хива
Kyrmina 85; см. Кермине

Lacus Teschen 134, 292; ср. Теджен
Lybien

Mangoslaue 81*; см. Мангышлак
Mawra Flum 292*; см. Мургаб
Mebnemeselach 60; ср. Мангышлак
Mesched 292*; ср. Герируд
Morghab 255*; см. Мургаб

Oba 84; см. Обь
Ogus 60
Ougus 84, 325; см. Огуз
Oxianē limnē 331; см. Оксийское болото
Oxus 30*, 31*, 58*; см. Окс

Palus Oxia (Palus Oxiana) 31, 331; см. Оксийское болото
Pontus Indica 31*
Punta de Sabium 60

Sabae Arae 290
Sellizure (Shaysure) 82, 84; см. Везир
Se-paje 62*; см. Сепая
Shaysure — см. Sellizure
Siber 85
Sikajahuwatiš 282, 283*; ср. Сагсабад
Sugdabon 489; см. Судак
Sur 84, 85; ср. Сыр-Дарья
Symbolōn limēn 353

Tarim 498; см. Тарим
Taskent 85; см. Ташкент
Tebet (Thebet, Thabet) 511; см. Тибет
Treftargo 60
Tturpaṃni Kaṃtha 521; ср. Турфан

Urgence 84; см. Ургенч
Urgendj 58*

Yssicol 438

Ακης 25; см. Ак (Akes)

Βαγιστάνη 282; см. Бисутун
Βαλαάμ 36, 299, 322; см. Балаам

Ἐκβάτανα 282; см. Экбатаны

Ἴιχ 37; ср. Эмба

Καφά (Κάφα, Καφᾶ) 453; см. Кафа
Καλλιάκρα 368
Κομηδῶν ὀρεινή 320, 445; см. Кумед
Κύριζος (Κοριζος) 458; ср. Керчь

Μηδία 282; см. Мидия

Νυσαῖα (Νησαῖα) 282

Πισάγγαι 394
Πεδίον Νησαῖον 282

Ῥωσία 458; ср. Корчев

Σογδ 270*; см. Согд
Συμβόλων λιμήν 353
Σουγδαία (Σουγδαία, Σουγδία) 489

Τξούρ 421; см. Чол

Χάβον 453
Χορασμίη 24, 544

Ὠξιανὴ λίμνη 30
Ὦξος 319; см. Окс
Ὠήχ 37; см. Оих

آب کرم 255*
اربنجان 265; см. Арбинджан
ارکنج 265, 267; см. Ургенч
آغریچه (اغریجه واغرچه وآغریچه) 249, 250; см. Агрыча

بسطام 265; см. Бистам

پار 265, 266
پرك (فرك) 271; см. Парк (Парак)

جرجان 265; см. Джурджан
جهاریك 256*
جوی ارزیز 276*; см. Джу-и аразз
جیحون 251, 254*; см. Джейхун

حلم نو (حلم نودو) 263, 265, 267; см. Хульм-и Нау

خبوشان 46*; см. Хабушан
خراسان 46*, 254*; см. Хорасан
خوارزم 250*, 265; см. Хорезм
خوارزم نو (خوارزم نودو) 263, 267; см. Хорезм-и Нау
خوشاب (خوشاب‌دان) 265, 267; см. Хушабдан

دامغان 265*; см. Дамган

در ریگستان 280 *; см. ворота Ригистанские (в Бухаре)
در غوریان 280 *; см. ворота Гуриян
دروازهٔ معبد 280 *
ده تخخ 265, 266
ده جرجان (شهر جرجان) 265, 266
دهستان 265, 266; см. Дихистан
ده محمداباد 265, 266; см. Мухаммедабад
ده موسی‌اباد 265, 266
ده میلاد (سلاباد) 265, 266

راس الطاق 280
رباط ابو طاهر 265, 267; см. рабат Абу-Тахира
رباط ابوالعباس — 265, 267; см. рабат Абу-л-Аббаса
رباط خشت پخته — 265, 267; см. Рабат-и хишт-и пухте
رباط سرهنك — 265, 267; см. Рабат-и Серхенг
رباط طمغاج (طغماج) — 265, 267; см. рабат Тамгач
رباط کز (کرمین) — 265, 266; см. рабат Кермин
رباط مریم — 265, 267; см. рабат-и Марьям
زاوه 265, 267

سان 256 *
سلطانیه 265; см. Султания

ف 270; см. Фай
الفیل 281; см. Филь

قاغان اوکوزی 62 *
قیصار 256 *

کاروان کاه 262, 265, 267; см. Каравангах

مبارز کاه (منار کاه) 265, 267
محمد اباد ده см. محمد اباد
مرج القلعة 282, 283
مشك بینی 265, 267; см. Мушк-и бини
میمنه 256 *; см. Меймене

نسا 282, 283; см. Неса
نهر ف 270; см. Нарпай
نو کورکانج 53 *
ورامین 265 *; см. Верамин

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

аварцы 410, 412, 414, 416, 417, 485
адаклы (адак) 68, 75*, 78, 251
адаклы-хызыр 77, 80
азербайджанцы 407
ак-коюнлу 427
аланы (асы) 33, 35, 368, 410, 411, 417, 420, 425, 468, 489; см. также аорсы
албанцы кавказские 334, 420
али-эли (али) 77, 78, 80*, 133
алтайцы 366
амарды 319
англичане 81, 345, 354, 423, 519, 540
андиджани 326
аорсы 33, 299; см. также аланы
арабы 15, 16, 35, 37, 39, 40*, 105—107, 122, 123, 127, 137, 138, 144, 145, 147, 158*, 162, 167, 169, 187, 190, 191, 193, 203, 206, 218, 222, 223*, 232, 272, 280, 285, 334, 335, 344, 348, 363, 367, 378, 379, 382, 384, 394, 403, 409, 410, 412, 420, 421, 427, 431, 460, 477, 492,-499, 509, 511, 515, 518, 528—530, 543, 546, 555, 558
арахосцы 25*; ср. фаманейцы
арийцы 25
аристеи 528
армяне 299*, 327, 328, 330, 407, 429, 449, 562
аспасиаки 29, 30
ассирийцы 23
асы — см. аланы
афганцы 392
ашкуджа 411, 412

байирку 349
бактрийцы 26, 32, 33, 100
барабинцы («барабинские татары») 366
барқут 349
«бисермины» 162*; см. хорезмийцы
болгары волжские 44*, 355
болгары дунайские 355
бухарцы 77*, 91, 133, 154, 155, 201

ваханцы (*вахийан*) 510
византийцы 116, 458

генуэзцы 59, 60, 264*, 291, 353, 453, 490
гирканцы 26, 31
гоклены 133
готы 468
греки 15, 26—30, 36, 101, 103, 136, 137, 209, 297, 333, 353, 354, 369, 428, 489, 490, 495, 528
грузины 328, 329, 405, 406, 425, 448
гузы 35, 42, 43, 47, 73, 124, 131, 132, 146, 147, 149, 226, 293*, 367, 479; см. также огузы
гумики 410; ср. кази-кумуки
«гунны» (хазары) 409, 420
гунны кидаритские — см. кидариты
гурджи 409
гэса 35; см. также гузы

даг-чуфут — см. евреи горские
дан 30, 122*, 338
джемшиды 348
дунгане (тунганы) 398, 570

евреи 56, 412, 429, 511, 545
евреи горские (даг-чуфут) 412, 417
европейцы 16, 115, 513
египтяне 121

зафаранлу 473
зирихгарани 409, 412; см. также кубачи
зранка 25*; см. также саранги

игдыр 480
индийцы 510
индо-скифы 33
иранцы 26, 120, 378

йомуты 54, 175, 179, 180, 182, 183, 338, 358

казаки (казахи) 89, 110, 180, 225, 314, 361, 480, 501, 502; см. также киргизы (ошибочное название казахов)
казак-киргизы 464; см. также казаки (казахи)
казахи 314, 332*, 361*, 433, 501*; см. также казаки (казахи)
кази-кумуки (гази-кумух, гази-гумук) 410—414
кайтаки 410—413, 572
калмыки 223, 360, 361, 366, 377, 433, 434, 438, 439, 457, 462, 471, 480, 501, 512, 522, 554, 561, 564, 569
канглы 356
караимы 368
каракалпаки 180—182, 231
кара-киргизы (киргизы) 212, 439, 445, 462, 464, 569
кара-китаи 197, 233, 356, 387, 470, 505, 533, 547, 554, 568; см. также кидани
каратегинцы 446
карлуки (халлух, харлух) 356, 374, 530, 533
каспии 24
кенегесы 208
кидани 482; см. также кара-китаи
кидариты, кидаритские гунны 36, 37
кипчаки 227, 425, 426, 458, 465, 468, 489, 516
киргизы (ошибочное название казахов) 66*, 89, 110, 180, 225—227, 229, 332, 361, 433, 434, 445; см. также казаки (казахи)
киргиз-казаки 452, 516; см. казаки (казахи)
китайцы 32—34, 36, 103, 104, 106, 107, 115, 157, 205, 209, 217, 232, 239, 241, 316, 321, 363, 374, 376, 377, 388, 398, 433, 434, 437, 439, 443, 457, 470, 471, 500, 509, 521, 522, 527, 528, 568
кубачи 409; см. также *ширихгарāн*
кумыки 410, 417
кунграт 507, 548, 550
кушаны 198

лакзы 410, 411; ср. лезгины
лезгины 410, 411, 416, 417; ср. лакзы
лоплык 498

Маджудж 52
мангыты (ногайцы) 88, 89, 480
мангыты (узбеки) 208, 272
маньчжуры 397
массагеты 24, 33*, 297, 298
матиены 24
монголы 50—52, 74, 110, 119, 125, 139, 140, 150, 172, 174, 188, 191, 224, 226, 227, 229, 233, 237, 239, 242, 249, 255, 279, 322, 329, 336, 348, 351, 357, 360, 365, 375, 376, 387, 388, 389, 403, 406, 411, 417, 426, 438, 448, 460, 473, 492, 501, 505, 516, 533, 548, 559, 568
мидяне 299*

найманы 357, 533, 554
ногайцы 89, 417, 441, 480, 563; см. также мангыты
норманны 47

огузы 302, 427; см. также гузы
османцы 325, 367; см. турки (османы)

парфяне 25, 26, 34, 99—101, 103, 341, 544
персы 25, 28, 36, 37, 77*, 100, 105, 116, 123, 132, 133, 137, 179, 285, 294, 350, 351, 367, 407, 409, 414, 420, 428, 438, 449, 487, 518, 544, 572
печенеги 45, 48

ромеи 420; см. византийцы
римляне 30, 31, 105, 276, 409, 419
русские 16, 17, 90, 115, 210, 270, 271, 295, 313, 314, 336, 337, 340, 341, 354, 366, 369, 398, 399, 406, 407, 414—417, 428, 429, 435, 439—442, 446, 449, 452, 455, 458, 459, 468, 471, 480, 481, 484, 489, 492, 494,

502—504, 507, 519, 537, 540, 551, 563, 566, 572
русы 325, 335, 350, 372, 411, 424, 426, 472, 479

сабиры 485
салары 397, 398
салоры внутренние (*ичеи̇ сала̇р*) 479
салоры внешние (*ташы̇ки сала̇р*) 155, 480
саранги 25, 100, 101*; см. также зранка
сарацины 434
сарты 88, 295, 465, 481
сарыки 155
сельджуки 479
семиты 472
скифы таврийские 353
согдийцы 25, 26, 99—101, 106, 187, 487, 488
сойнаджи 480
сулейм 425

таджики 445, 481, 552
таджики (арабы) 499
тазики (арабы) 421
талыши 494
таранчи 471
татары казанские 440, 452
татары крымские 353, 354, 413, 415, 441, 454, 469, 484, 489, 490
татары малоазийские 438, 455
татары (монголы) 279
татары северокавказские 313
татары сибирские 440
таты 417
тезики (таджики, персы) 90
теке 341, 399
тибетцы 374, 509—512, 553
тиведжи 78
тохары 320, 344, 514
тугузгуаы 375, 487, 554
турки (османы) 313, 329, 336, 351, 353, 367, 406, 412—415, 417, 428, 448, 449, 454, 455, 458, 459, 467, 469, 479, 572
турки (тюрки) 37, 40*, 104, 106, 109, 117, 120, 123, 124, 167, 209, 222, 225, 232, 299; см. также тюрки
туркмены 17, 54*, 77—81, 91, 104, 109, 120, 124—126, 132, 133, 154—156, 176, 203, 226, 230, 258, 324, 337, 358, 367, 395, 399, 479, 481, 550—552, 561, 562
тюрки 35, 45, 355, 356, 374, 379, 385, 420, 427, 438, 445, 457, 479, 495, 499—501, 509, 515, 518, 520, 526, 529, 531, 548, 553; см. также турки (тюрки)
узбеки 66, 68, 70, 75, 76, 88, 89, 110, 132, 133, 152, 153, 159, 177, 194, 196, 208, 223, 225, 226, 246, 270, 345, 346, 360, 371, 389—391, 395, 400, 401, 445, 463, 477, 501, 502, 507, 535, 536, 549, 556, 559, 561
уйгуры 293, 374, 375, 388, 396, 482, 487, 497, 522
усуни 438
уч-иль 78

фаманейцы 25, 100; ср. арахосцы
ферганцы (*фарāғина*) 530

хазары 44, 73, 74, 334, 367, 372, 409, 410, 417, 421, 422, 425, 479, 481
хайталы (*хайāтила*) 344, 509, 515; см. также эфталиты, кидариты
халлух 468; см. карлуки
харлух 515; см. карлуки
хезарейцы 348, 365
хивинцы 17, 132, 133, 148, 155, 162, 179, 183, 203, 561
хоппаты 37
хорасмии 24, 25, 297, 298, 544; см. также хорезмийцы
хорезмийцы 23—26, 38, 45, 57, 75*, 99—101, 127, 128, 157, 162, 163, 297, 406, 475, 487, 488, 544, 545, 548; см. также хорасмии
хунны 32

черкесы 417
чеченцы 417
чигили 438
чоудоры 184, 480

шведы 17, 360

ярсари 77, 88, 89, 480
эфталиты 36, 344; см. также хайталы, кидариты

юечжи 36
юз 401
«юргенцы» 91; см. хорезмийцы

Яджудж 52
языр 130
якуты 349

Albanoi 334; см. также албанцы (кавказские)

Am-tsai 33 *; ср. аорсы, массагеты (?)
Arianoi 334
Lesgi 411; см. также лезгины
Scythen 30 *
Sogdianoi, Sogdioi 487; см. согдийцы

Βακτριανοί 26 *; см. бактрийцы
Δάαι 30; см. даи
Γῆλαι 409
Λῆγαι 409
Σογδιανοί 26 *; см. согдийцы

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ [1]

ʿабид 168
аб-шинасан 105
авар 410
агач 67, 197, 212, 258
аджма (*аджма'*) 134
азала (*азала*) 143
аймак 539
ак-дарья, ак-су 117*, 118*, 316
ʿамал 364, 494
амиль (*ʿамил*) 380
амир ал-муслимин 463
амир ал-умара' 571
амлякдар (*амлякдар*) 400, 524
арал 332
арбаб ал-миях (*арбаб ал-мийах*) 142
арк (*арк*) 208
аркаиц аркаи 328
аркан-и даулат 151
арна (*арна*) 118, 552
арык 118
асари (*ʿасари*) 143
аталык 286*, 390, 462
аул 77, 79, 175, 324, 412, 413

байрам (*байрам*) 238
байт ат-тирáз 385
балахш 343
балгасун 355
балык (*балык, балык, балыг*) 362
ба'ль (*ба'л*) 143
барабан 409
батрак 335
бахшаб (*бахшаб*) 140
бахс, бахси (*бахс, бахси*) 143
беглербег, беглербеги 464, 571
бек 110, 209, 215, 390, 401, 402, 413, 446, 556, 562
берид (*барид*) 119, 331
бест (*баст*) 142
биллур (*буллур*, би-лу-ли, бо-ли) 528
бирка (*бирка*) 131
бо-ли — см. *биллур*
буджур (*буджур*) 146
бузург-и кашишан 351
бут-хане 381
бухайра 331
бухар (*вихара*) 378
бухар-худат (*бухара-худа, бухар-худат*) 199, 378—381
бюлюк 134, 135, 215

вади (*вади*) 18
вакф (*вакф*) 130, 350
вали (*вали*) 533
вали ан-ни'ами 463
ван 515
везир (*вазир*) 70, 149, 150*, 506, 549
викр, мн. ч. *авкар* 532
вилайет (*вилайат, вилайа*) 182, 196, 208, 215, 268, 269, 271, 494, 525
вилайа 403, 546
вихара — см. *бухар*

гази (*гази*) 412
гальва (*галва*) 41, 166
гарб (*гарб*) 143
гаррафа (*гаррафа*) 143
гебры, габры 253*
гиль (*гил*) 143
гурхан (*гурхан*) 197, 233, 356, 357, 375, 533, 534, 547
гяз (*газ*) 119, 140*, 181, 209, 226

далай-лама 512
далия (*далийа*) 143

[1] Курсивом показана точная транскрипция (транслитерация), преимущественно терминов арабского и персидского происхождения (в том числе и тех, которые в тексте приведены только в арабской графике); когда в тексте такой транскрипции нет, она дается в скобках после транскрипции Бартольда.

данишманд (*дāнишманд*) 241
даодай 457
дāр ал-ислāм 522
дāр ал-мулк 384
дарака (*дараḳа*) 142
дарб 278
даруга (*дāруға*) 460
дарья (*дарйā*) 118, 200
дарьяча (*дарйāче*) 200
дастӯр ал-ʿамал 345
дашима, дашиман — см. данишменд, данишманд
дейми (*даймӣ*) 117
дервиш (*дарвēш*) 184, 216, 464
дех (*дих*) 120; см. также *ḳарйа*
дех-нишин (*дих-нишӣн*) 120
джабгу (*джабғӯ*), джабгуя (*джабғӯйа*) 344, 515, 530
джабғӯйа ал-ẋарлуẋӣ 515
джабғӯйа ат-тоẋарӣ 515
джезира (*джазāйра*) 47
джейхун (*джайẋӯн*) 72, 73
джӣр 211
джуй (*джӯй*) 72, 117, 118, 201, 218, 275*
джу-и арзиз (*джӯ-и арзӣз*) 276*
джуйбар (*джӯйбāр*) 114, 117, 135, 199
джунбаза ал-ẋāḳāнӣйа 457
диван (*дīвāн*) 142, 143, 369, 384
дīвāн ал-ẋарāдж 381
дīвāнӣ 140*
дирхем (*дирхам*) 107
дифу 543
дихкан (*дихḳāн*, мн. ч. *дахāḳӣн*) 221, 452, 456, 495, 529
дуаб 296
дуляб (*дӯлāб*) 117, 118, 143

ẓāлим 464
зекат (*закāт*) 314
зирāʿ 422
зирихгарāн 409
зурнук (*гурнӯḳ*) 143, 224

идикут 375, 376
иза (*ʿизӣ*) 143
илек, илек-хан 356, 386, 456, 481, 495, 533, 554, 568
ильхан (*ӣлẋāн*) 329, 388, 473
ильхани (*ӣлẋāнӣ*) 473
имам (*имāм*) 125, 357, 529, 554
имам-задо (*имāм-зāде*) 473
инак (*ӣнāḳ*) 111, 148, 155, 180, 550, 551
ӣрāншāх 335
ислам (*ислāм*) 16, 105, 107, 117, 119, 121—123, 127, 128, 134, 135, 138, 140, 157, 185, 190, 202*, 204, 206, 221, 226, 227, 272, 329, 330, 334, 355, 356, 364, 366, 375, 377—379, 391, 397, 409, 411, 412, 433, 456, 475, 477, 495—498, 510—512, 520, 522, 526, 528, 530, 554, 569
исмаилиты 344, 345
ихшид (*иẋшӣд, иẋшӣз*) 105, 187*, 488, 529

каган 482, 533; см. также хакан
кади, казий (*ḳāдӣ*) 58*, 281, 413, 454, 489
кадилык 454, 490
казаим — см. кизама
кайик, каюк 54, 493
кама (*ḳāма*) 165
кам (*кам*) 118, 201
канат (*ḳанāт*, мн. ч. *ḳунāй*) 117, 276
караван-сарай (*каравāн-сарāй*) 119, 170* 232, 262
кара-су 118*, 316
ḳарйа 120, 467; см. также дех
кāрвāх 385
кары 181
кāç 475
ḳаṣаба 531
касида (*ḳаṣīда*) 425
каст-афзуд (*кāст-афзӯд*) [диван] 142
катепан 328
католикос 328
каюк — см. кайик
кент 120, 487
керрамиты 532
кибла (*ḳибла*) 40
кизама (*киẓāма*, мн. ч. *каẓā'им*) 143
кīлкан, кӯлкāн 532
кувалиджа (*кувāлиджа*) 143
куй (*кӯй*) 140
кундуз — см. кухендиз
кура (*кӯра*) 214, 531
курган 288
курганча 244
курук (*ḳурӯḳ*) 120
кухендиз, кундиз, кундуз (*кухандӣз*) 380, 460
кушбеги (*ḳӯшбēкӣ*) 391, 549

кыр 167
кышлак 120, 304*
кышлакнишин (*кишлāқ-нишīн*) 120
кюнг 118
кяриз (*карīз*) 117, 118, 120, 131, 138, 143, 225, 522

ла'л 343
ли 32, 217, 240, 528
лье 81
ляльми (*лалмā*) 117

мабхас (*мабḥас*, мн. ч. *мабāḥис*) 117
маджус (*маджӯс*) 188, 275
мазар (*мазāр*) 202, 220, 478
маздеизм 409
мазрака (*мазрақа*) 142
маймӯн сиккеси 329
майсум (*ма'ṣӯм?*) 412
малак 319
манāра — см. минарет
манджанун (*манджанӯн*) 143
марзбан (*марзбāн*) 138, 425
ма'ṣӯм 412
мāх 383, 384
махалле (*маḥалла*) 213
медина (*мадīна*) 119, 202, 380, 460 — см. также шахристан
медресе (*мадраса*) 111, 208, 225, 272, 287, 388, 389, 457, 462, 464, 465, 522, 550, 554, 569
мелик (*малик*) 388, 499, 515, 543, 555, 558
мелькиты 545
мехтер (*михтар*) 540
мечеть (*масджид*, мн. ч. *масāджид*) 115, 121, 122, 124, 125, 129, 131, 132, 138, 139, 146—148, 164, 191, 199, 211, 225, 245, 280, 295*, 328, 329, 338, 368—372, 381, 382, 384, 385, 387, 400, 412, 413, 423, 449, 451, 454—456, 463, 464, 468, 476, 489, 495, 509, 513, 525, 532, 534, 540, 559, 569
миля (*мīла*) 47, 164, 165, 172, 409, 422, 423, 569
ми'мар 170*
минарет (*манāра*) 121, 122, 124, 132, 144, 241, 245, 382, 385, 451, 455, 462, 475, 522, 534, 546, 551, 569
минбар (*минбар*) 525
мингбаши 314
мīр 344; см. также эмир
мираб (*мīрāб*) 115
мирза (*мīрзā*) 152, 173, 175, 196, 218, 250
миср 272
миср ал-джāниб 108*
миср ал-иқлīм 108*
мифтāх 201
михмāнхāне 159, 504
мударрис (*мударрис*) 388, 414
мулла (*муллā*) 40, 388
муṣаллā 384, 386; см. также намазгах
мусаннат (*мусаннāт*) 143, 275
мутазилиты 548
мутеваллий (*мутавалли*) 287, 388
муфрига (*муфриға*) 143
муфтий (*муфтī*) 468
мухтасиб (*мухтасиб*) 201*
муэззин (*му'аззин*) 489

надиха, мн. ч. навадих (*надиха*, мн. ч. *навāдих*) 143
накшбендии (*нақшбандīйа*) 389
намазгах (*намāзгāх*) 191, 382*, 384; см. также мусалла
на'ура (*нā'ӯра*) 143
науруз (*наурӯз*) 163
нахия, мн. ч. невахи (*нāḥия*, мн. ч. *навāḥи*) 144, 525
нахр (*нахр*, мн. ч. *анхāр*) 117, 171, 198, 200, 208, 275
несториане 470
нисба 558
нукер 78

орчин 119, 213—215, 535

падишах (*пāдишāх*) 447
парсанг 260
парсы 350
паша 354
паяб (*пāйāб*) 152
пейкал (*пайкāл*) 109, 142, 143
пир (*пīр*) 129
пу-тао 103, 528

рабад (*рāбад*) 119, 188, 189, 202, 211, 219, 220, 380, 382*, 460, 525
рабат (*рабāт, рибāт*) 119, 121—125, 129—131, 146, 171, 216, 232, 262, 395, 531
ра'ийат (*ра'īйат*) 85

руд (*рӯд*) 72
рудбар, руд-хана (*рӯдбӑр*, *рӯд-ханэ*) 117, 206
рӯмӣ 535
рустак (*рустӑқ*, мн. ч. *расӑтӯқ*) 41, 43, 46, 119, 124, 128, 135, 138, 165, 170, 186—188, 192, 193, 198, 204, 205, 207, 208, 214, 225*, 385, 525, 530

садр (*ṣадр*) 387
сака (*сақа*) 117
саки (*сақӣ*) 143
салифан 409
санджак (*санджӑқ*) 449, 572
санджари (*санджарӣ*) 190
сания, мн. ч. савани (*санийа*, *мн. ч. савӑнӣ*) 143
сарай (*сарӑй*) 483
сарафа (*сарафа*) 142
ṣӑхиб 500, 506, 556
ṣӑхиб ал-куфл 424
ṣахр 335
себастос 489
сейид (*сайӣд*) 64, 79, 249, 263, 324, 350, 388, 506
сейх (*сайх*) 143
сенгир 184
«сепоя» (*сепӑйе*) 58*
сихридж (*сихридж*) 131
сом [рубль] 59*
сом [слиток серебра] 59
стадий 28, 29, 102, 103
суфий (*ṣӯфӣ*) 129, 449
сюмэ 226*
султан (*сулṭӑн*) 54, 75, 80, 110, 131, 133, 139, 140, 149, 152, 154, 213, 215, 239, 263, 285, 293, 323, 324, 400, 405, 413—415, 425, 428, 449, 454, 459, 467, 468, 471, 478, 533, 536, 540, 546, 547, 556, 559, 572
сунниты 152, 280, 512, 572

табарсаран-шах 409
тӑбӯлғӯ 536
такия (*такӣйа*) 451
тамга (*тамғӑ*) 453
тарих (*та'рӣх*) 114, 200
тарнау 213
тархан (*та'ҳӑн*) 441
таҳаллӯç 464
тандид (*ташдӣд*) 437
термез-шах (*тармэз-шӑх*) 504
тираз (*ṭирӑз*) 142
тугай 79
тудун 454, 458
тюмень (*тӯмӑн*) 113, 117, 119, 193—196, 199, 204, 222, 269, 287, 400, 535
тюря-джан 561

ʿулӯм ʿарабӣйа 416
ӯрӯн 549
уцмий 412—417

факих (*фаḳӣх*) 116, 117, 125
фарсах (*фарсаҳ*) 43, 47, 119*, 129, 256, 262, 372, 385, 500; см. также парсанг
фейкал — см. пейкал
фенджан (*фанджӑн*) 109
фенкал (*фенкӑл*) — см. пейкал
фикх (*фиқх*) 116
филаншах, киланшах (*филӑншӑх*) 410
фурӯа 350

хаддӣй 555
ҳабр, мн. ч. *аҳбӑр* 545
хадисы (*ҳадӣç*, мн. ч. *аҳӑдӣç*) 505, 535
хакан (*хӑқӑн*) 509; см. также каган
хаким (*хӑким*) 176, 180, 208, 214, 502
халидж (*ҳалӣдж*) 217*, 491
халиф (*ҳалӣфа*) 107, 115, 129, 131, 138, 149, 158, 196, 219, 279, 282, 321, 327, 335, 372, 379, 380, 409, 420, 425, 448, 456, 478, 500, 506, 510, 529, 530, 547, 571
хан (*ҳӑн*) 37, 54, 61, 66—68, 75, 76, 78, 79, 82, 90, 98, 111, 113, 114, 133, 148, 153, 155, 156, 160, 163, 168, 172*, 175, 177, 178, 180, 182—184, 197, 202, 207, 208, 211, 213, 215, 217, 220, 221, 225, 228, 229, 231, 233, 237, 238, 240, 242, 250, 257—259, 303, 324, 337, 376, 388—391, 406, 410, 413, 416, 417, 426—428, 440, 441, 446, 451—453, 457, 462, 466, 468, 475, 480, 483, 490, 494, 502, 505, 506, 511, 512, 521, 548—552, 568, 571—573
хан (*ҳӑн*) [караван-сарай] 369
ханака (*ҳӑнқӑх*, *ҳӑнегӑх*) 128, 368
ханбалиты 279, 280
ҳандақ 211
хан-заде — см. худавенд-заде

ханифиты 124, 280, 532, 549
харадж (*ḫарāдж*) 187, 556
харим (*ḫарӣм*) 120
ḫāççā-ӣнджӯ 329
хатиб (*ḫaṭӣб*) 489
хатун (*ḫāтӯн*) 379
хауз (*ḫауд*) 138, 141, 201, 206, 211
ḫāфиз 375, 529, 571
хиджра (*хиджра*) 75, 85, 134, 325, 378, 528
ходжа (*ḫ^{o}āджа*) 186, 215, 219, 271, 272, 287, 464, 501, 506, 512, 524, 536, 554
хорезмшах (*ḫ^{o}āризмшāх*) 39, 110, 121, 139, 150, 223, 227, 323, 329, 338, 372, 375, 387, 403, 406, 448, 505, 533, 546, 547
хорон 495
хошун (*ḫошун, ḳошӯн*) 539
худавенд-заде (*ḫудāванд-зāде*) 506
хун-тайчжи 539
хурӣ 421
хутба (*ḫуṭба*) 546
хутталян-шах (*ḫутталāн-шāх*) 555
ḫшаєрийа 364

цзян-цзюнь 469

чаган-худат (*чағāн-ḫудāт*) 558, 559
чайрикер 306
чарсу (*чахāрсӯ, чāрсӯ*) 389
чирик — см. чайрикер
чигир 118, 143, 145, 148, 224, 226
чиль 85
чифу 543
чункуль 134

шавкал, шевкал 412; см. также шамхал
шадурван (*шāдӯрвāн*) 142
ша'ира (*ша'ира*) 141, 142
шамхал 411—417
шариат (*шарӣ'ат*) 116, 120, 391, 416
шар'и (*шар'и*) 211
шаукал — см. шамхал
шафииты 124, 279, 525, 549
шах (*шāх*) 75, 77, 132, 133, 138, 153, 177, 345, 351, 406, 407, 414, 415, 428, 455
шах-ба'л — см. шамхал
шахāншāх 327, 328, 425
шахджӯй (*шāхджӯй*) 213
шāхӣйа 403, 546
шахр (*шахр*) 382
шахрах (*шāхрāх*) 213
шахристан (*шахристāн*) 119, 138, 188, 189, 191, 201, 202, 211, 219, 276, 278, 342*, 380—384, 460
шейх (*шайх*) 128, 129, 131, 132, 134, 201, 202, 415, 416, 529
шер, шир, шар (*шӣр*) 364
шер-хутталян (*шӣр-ḫутталāн*) 555
шииты 280, 478, 494, 512
шинк (кит. шэнь) 396
ширваншах (*шӣрвāншāх*) 335, 350, 351, 420, 425—427, 571, 572
шу'ба 200
шур (*шӯр*) 57*

эйалет (*айāлат*) 449
эмир (*амӣр*) 39, 45, 58*, 64, 151, 154, 155, 161, 167, 190, 196, 224, 249, 272, 287, 380, 381, 390—393, 400, 401, 403, 405, 425, 438, 445, 457, 463, 465, 473, 506, 525, 556—559, 562
эраншахик 334; см. *ӣрāншāх*

юзбаши 182
юрт 83

ябгу (*йабғӯ*) 344, 364
ягноби (*йағноби*) 488
яп, яб 118, 457, 552

antiburgus 454

balais, balas 343
botrys 193
burgus 454

ἀρχων τῶν αρχόντον 448
βότρυς 193
βηρύλλος 528
παραθαλεῖον 504

ايل 78 *
خلق 78 *
درب 272, 279 *
ركن 257
قصر 244
كاخ 244
كوشك 244
گبروں 253 *
ولايت 255 *

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

'Абдулла-наме Хафиз-и Таныша 207, 218, 222, 226, 229, 259*, 271, 390
Авеста 544
Ас̣ар ал-баḳийа — см. *Китаб ас̣ар ал-баḳийа*
Ас̣ар-и Дағистан Мирзы Хасана-эфенди ал-Алкадари 413, 417

Бабур-наме Захир ад-дина Бабура 332, 445, 506
Бада'и' ал-ваḳа'и' Васифи 390
Бах̣р ал-асрар фи манаḳиб ал-ах̣йар («Море тайн относительно достоинств праведников») Махмуда б. Вели 257, 273*, 340, 342, 390, 445, 512, 536, 556
Бундехеш 35
Бэй-ши («История Северных дворов») 34*, 36, 528

Дай-цин и тун-чжи 462
Дербенд-наме Мухаммеда Аваби Акташи 350, 425, 429
Джавами' ал-'улум 43*
Джами' ас̣-сах̣их̣ ал-Бухари 387
Джахан-наме Мухаммеда Бекрана 48, 70, 72*, 73*, 323, 332
Джихан-нума Хаджи Халифы 428

Зафар-наме Шереф ад-дина Йезди 61, 320, 445, 506, 507, 525, 534, 555, 559, 564
Зубдат ат-таварих̣ Хафиз-и Абру 540

Икамат ал-бурхан 'ала-'ртидади 'урафа'и Дағистан Гази Мухаммеда 416
«История Бухары» Нершахи — см. *Та'рих̣-и Бух̣ара*
«История династии Вэй» 33
«История династии Тан» — см. *Тан-шу*
«История младшего дома Хань» 33, 34*
«История Северных дворов» — см. *Бэй-ши*
«История старших Хань» («История старшего дома Хань») Бань Гу 32, 35, 197, 545
«Исторические записки Сыма Цяня» 32

Ḳанун Мас'уди Бируни 492
Ḳандийа (*Китаб-и Ḳандийа*) Несефи 112, 275*, 487, 565
Китаб ал-'айн Халиля б. Ахмеда 142
Китаб ал-ансаб Сам'ани 355
Китаб ас̣ар ал-баḳийа Бируни 487, 545
Китаб ал-ḳунай Абдаллаха б. Тахира 117
Китаб-и Молла-заде Ахмеда б. Мухаммеда 389
Китаб ат-танбих̣ Мас'уди 435
«Книга о государствах и путях» ал-Бекри 48
Кутадгу билик Юсуфа хас-хаджиба Баласагунского 356
Курт-наме Раби'и 395

Маджму'ат аш-шу'ара' Омар-хана 464
Мактубат-и 'Аллами Абу-л-Фазла 161
Мафатих̣ ал-'улум Абу Абдаллаха ал-Хорезми 109
«Море тайн относительно достоинств праведников» — см. *Бах̣р ал-асрар*
Муджмал ат-таварих̣ 437
Мулх̣ах̣ат ас̣-сурах̣ Джемаль ад-дина ал-Карши 357
Мунтах̣аб ат-таварих̣ Хаким-хана 460
Мух̣ит 201*
Мэнгу юму цаи 374

Нафаҳāт ал-'унс Джами 505
Нузҳат ал-кулӯб Хамдаллаха Казвини 51, 260, 265, 492, 542
Нусрат-нāме (аноним) 68
Нусрат-нāме Али Челеби 414

«Отрада сердец» Хамдаллаха Казвини — см. *Нузҳат ал-кулӯб*
«Описание Самаркандского вилайета» Кырк Мухаммед-Салиха 112

Раузат ас-сафā' Мирхонда 70, 263, 324, 552
Рашаҳāт 'айн ал-ҳайāт («Капли источника жизни») Али б. Хусейна Кашифи 112, 389
«Родословная тюрков» Абулгази 17

Сабат ал-'āджавāн Суфи Аллаяра 287*
Самарийа Абу Тахир-ходжи 112, 196
Саҳāҳ ал-Джаухари 357, 457
Силсилат ал-'āрифāн Мухаммеда Кази 269*
«Сокровенная история монголов» 539
Сиюй шуйдао цзи 374

Табақāт-и Нāсирӣ Джузджани 510
Тавāрӯх-и гузӣде-йи нусрат-нāме — см. *Нусрат-нāме* (аноним)
Тазкират ал-аулийā' Аттара 505
Тан-шу («История династии Тан») 35, 344, 456, 528, 529, 545
Та'рӯх-и Абу-л-ҳайр-ҳāнӣ Мас'уда б. Османа 228
Та'рӯх-и амнӣйа Муллы Мусы 318
Та'рӯх-и Бухāрā Наршахи 112, 244, 246, 278, 381, 390
Та'рӯх-и гузӣде Хамдаллаха Казвини 277, 506
Та'рӯх-и джахāнгушāй Джувейни 443
Та'рӯх-и Мӯр Сейīд Шерīф Рāким 390
Та'рӯх-и Наршахӣ — см. *Та'рӯх-и Бухāрā*
Та'рӯх-и Рашīдӣ Мухаммед-Хайдера 271, 316, 376, 437, 445, 497, 512, 521
Та'рӯх ал-Хинд Бируни 501
Та'рӯх-и Шāхруҳӣ Нияз-Мухаммеда 314, 463, 481
Туҳфат ал-ҳāнӣ Мухаммед-Вефа Керминеги 390, 462

Фатҳ-нāме 69*
Фирдаус ал-икбāл Муниса 552

Ҳабīб ас-сийар Хондемира 68, 324
Хидāйа Бурхан ад-дина Маргинани 214, 534
Ҳудӯд ал-'āлам 42*, 233, 343, 360, 375, 396, 433, 437, 438, 487, 492, 509—512, 532, 560, 571

Цэ-фу юань-гуй 344

Шейбāнӣ-нāме (аноним) 68*
Шейбāнӣ-нāме Бенаи 561
Шейбāнӣ-нāме Мухаммед-Салиха 315

Юань-ши 485

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 5

Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века

Предисловие к немецкому изданию 15
⟨Предисловие⟩ 22
I. 23
II. 39
III. 50
IV. 65
V. 75

К истории орошения Туркестана

⟨Предисловие⟩ 97
I. Общие сведения. Источники. Терминология 99
II. Атрек 121
III. Ахал и Атек 127
IV. Теджен 134
V. Мургаб 136
VI. Аму-Дарья 157
VII. Зеравшан 185
VIII. Кашка-Дарья 205
IX. Сыр-Дарья 210
X. Области к востоку от бассейна Сыр-Дарьи 232

Статьи и рецензии

Туркестанский край в XIII веке 237
Рецензия на книгу: ИТОРГО, т. I, 1899, вып. II 244
Отзыв о трудах Николая Федоровича Ситняковского 246
К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море 248
Мерверруд 252
К истории Хорезма в XVI в. 257
Дорожник от Бистама до Куня-Ургенча 260
Рецензия на книгу: Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, 1902 268
Джу-и арзиз 274
Рецензия на книгу: G. Le Strange, The Lands of the Eastern Caliphate (1905) 277
По поводу статьи А. Д. Калмыкова 282
Рецензия на книгу: Э. Р. Барц, Орошение в долине реки Мургаба и Мургабское Государево имение (1910) 284

Рецензия на книгу: Справочная книжка Самаркандской области, вып. X, 1912 286
Рецензия на книгу: Л. С. Багров, Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря (1912) 289
Рецензия на книгу: W. Rickmer Rickmers, The Duab of Turkestan (1913) . . 294
Рецензия на книгу: A. Herrmann, Alte Geographie des unteren Oxusgebiets (1914) 297
Рецензия на книгу: В. Ф. Караваев, Голодная Степь в ее прошлом и настоящем (1914) 301
Будущее Туркестана и следы его прошлого 307

Статьи из «Энциклопедии ислама»

Азак 313
Ак-Мечеть 314
Ак-сарай 315
Аксу 316
Алтай 317
Алты-шехр 318
Аму-Дарья 319
Андижан 326
Ани 327
Аральское море 331
Арран 334
Астрахань 336
Атек 337
Атрек 338
Аулие-Ата 340
Ахал-теке 341
Ахсикет 342
Бадахшан 343
Бадгис 348
Байкал 349
Баку 350
Балаклава 353
Баласагун 355
Балханы 358
Балхаш 360
Балык 362
Бамиан 363
Бараба 366
Бахр ал-хазар 367
Бахчисарай 368
Бенакет 371
Берда'а 372
Бишбалык 374
Бухара 378
Бушендж 394
Ганьсу 396
Геок-Тепе 399
Гиджduван 400
Гиссар (Хисар) 401
Гургандж 403

Гянджа . . . 405
Дагестан . . . 408
Дербент . . . 419
Дер-и ахенин . . . 431
Или . . . 433
Иртыш . . . 435
Иссык-Куль . . . 437
Казань . . . 440
Каракорум . . . 443
Каратегин . . . 445
Карс . . . 448
Карши . . . 450
Касимов . . . 451
Кафа . . . 453
Кашгар . . . 456
Керчь . . . 458
Кеш . . . 460
Коканд . . . 462
Крым . . . 467
Кульджа . . . 470
Кура . . . 472
Кучан . . . 473
Кят . . . 475
Мавераннахр . . . 477
Мазари-Шариф . . . 478
Мангышлак . . . 479
Маргелан . . . 481
Сандабиль . . . 482
Сарай . . . 483
Сибир ва Ибир . . . 485
Син-и Калан . . . 486
Согд . . . 487
Сугдак . . . 489
Сыр-Дарья . . . 491
Талыш . . . 494
Тараз . . . 495
Тарим . . . 497
Ташкент . . . 499
Терек . . . 503
Термез . . . 504
Тибет . . . 509
Тохаристан . . . 514
Тургай . . . 516
Туркестан . . . 518
Турфан . . . 521
Файзабад . . . 524
Фараб . . . 525
Фергана . . . 527
Халха . . . 539
Ханбалык . . . 540
Ханса . . . 542
Ханфу . . . 543
Хорезм . . . 544

Хотан 553
Хутталь 555
Чаганиан 558
Чаган-руд 560
Чарджуй 561
Чимкент 563
Чопан-Ата 565
Чу 567
Ширван 571

Приложения

Библиографическая справка 577
Сокращения 589
Библиография (цитированная литература) 594
Указатель имен 647
Указатель географических и топографических названий 663
Указатель этнических названий 697
Указатель терминов 701
Указатель названий сочинений 706

Василий Владимирович Бартольд

СОЧИНЕНИЯ

Том III

РАБОТЫ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР

*

Художник *Б. В. Шварц*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Э. Ш. Ялоевская*
Корректоры *Н. П. Губина* и *А. А. Толкушкин*

*

Сдано в набор 7/XII 1964 г.
Подписано к печати 28/X 1965 г.
А-12611. Формат 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 44,5. Усл. печ. л. 62,3.
Уч.-изд. л. 49,3. Тираж 4600 экз.
Изд. № 1243. Зак. № 1061.
Индекс $\frac{1\text{-}6\text{-}2}{\text{Подписное}}$. Цена 3 р. 50 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
17	13 св.	шведские пленные привезли	шведский пленный привез
17	14 св.	написанный	написанной
143	22—23 св.	*жан джанун*	*манджанун*
251	4 св.	Асафугузу	Асаф-угузу
259	4 св.	بقلب	بقلت
265	9 св.	بپار	بپار
352	3 сн.	*Очерки;*	*Очерк;*
357	10—9 сн.	Самани	Сам'ани
459	8 св.	Абазапаша	Абаза-паша
462	4 св.	стр. 527	стр. 535
596	12 св.	*Очерки.*—	*Очерк.*—
602	23 сн.	بتاب	كتاب

Зак. 1081